МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Кирпичников Иван Алексеевич

Рязанская служилая элита в конце XV – первой трети XVII века

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук
Флоря Борис Николаевич

Москва – 2021

Оглавление

Введение ... 5
Обзор источников ... 21
Обзор историографии ... 49
Глава 1. Рязанская элита на завершающем этапе самостоятельности княжества ... 60
1.1. Место элиты в устройстве Великого княжества Рязанского ... 61
1.2. Формирование рязанского боярства и его состав ... 71
1.3. Смена лиц на рязанском престоле: преемственность или конфликт? ... 93
1.4. Рязанское боярство накануне ликвидации самостоятельности княжества ... 98
1.5. Службы рязанской элиты и проблема отъездов в Москву ... 103
1.6. Присоединение княжества к Москве ... 114
Глава 2. Рязанская элита в Московском государстве XVI – начала XVII в. ... 125
2.1. Рязанцы в иерархии «государева двора» ... 125
2.1.1. Рязанская элита в середине XVI в.: состав и структура ... 125
2.1.2. Служба по другим уездам ... 135
2.1.3. Рязанцы в структуре «государева двора» третьей четверти XVI в. ... 141
2.1.4. Опричнина и «Двор» ... 149
2.1.5. Рязанские княжата ... 169
2.1.6. Рязанцы в «боярских списках» ... 178
2.1.7. Местнические конфликты с участием рязанцев ... 200
2.2. Службы представителей рязанской элиты в XVI – начале XVII в. ... 208
2.2.1. География служб элиты и управление Рязанью в 1520–1550-е гг. ... 210
2.2.2. Службы периода 1560–1604 гг.: общая характеристика ... 230
2.2.3. Южная «украина» ... 233
2.2.4. «Поле» ... 241
2.2.5. Другие службы: юг и восток ... 257
2.2.6. Дальние службы: западный театр военных действий, государев полк ... 262
2.3. Землевладение и социальные связи ... 281
2.3.1. Землевладение Рязанского уезда: общая характеристика ... 282
2.3.2. «Боярская» элита ... 289
2.3.3. Переселенцы из других уездов ... 299
2.3.4. «Дворовые» выдвиженцы ... 305
2.3.5. Землевладение столичной знати в уезде ... 309
2.3.6. Социальные связи ... 315

2.3.7. Поминальные практики 331
2.4. Интеграция рязанской элиты: сравнительные контексты 344
2.4.1. Характер присоединения и судьба традиционных институтов 344
2.4.2. Трансформация локальной элиты 350
2.4.3. Локальная элита в структуре «государева двора» 355
2.4.4. Местное управление 363
2.4.5. Модели интеграции 371
Глава 3. Рязанские служилые люди в первой трети XVII в.: Смутное время и его последствия 377
3.1. Рязанский служилый «город» в концепциях Смутного времени 378
3.2. Рязанский служилый «город» в событиях Смутного времени 392
3.2.1. От Кром к Туле (1605–1607 гг.) 392
3.2.2. Центр против пригородов: противостояние в Рязанском уезде (1607–1609). 415
3.2.3. «Сведéние» Шуйского и начало междуцарствия (1610) 432
3.2.4. Поход на Москву: Первое ополчение (1611) 444
3.2.5. Вельяминов против Заруцкого: замирение края (1612–1613) 461
3.3. Социальный статус представителей рязанской элиты: взлеты и падения эпохи Смуты 474
3.3.1. Рязанский «выбор» и верстание Лжедмитрия I 474
3.3.2. Путь в «московские» чины: пожалования Лжедмитрия I и Василия Шуйского 484
3.3.3. Москва и Тушино, Калуга и Смоленск: рязанские дворяне между лагерями (1608–1612) 507
3.3.4. Рязанцы в «московских» чинах после Смуты 534
3.3.5. Рязанский «выбор» в 1607–1627 гг. 561
3.4. Землевладение и социальные связи 598
3.4.1. Смута как локальный конфликт 598
3.4.2. Землевладение Рязанского уезда после Смуты: общие тенденции 623
3.4.3. Рязанские дворяне после Смуты: столичная элита? 635
3.5. Рязанские служилые люди и Смута: сравнительные контексты 655
3.5.1. Идентичность, солидарность, конфликт 655
3.5.2. Смутное время как опыт самоорганизации служилого «города» 664
3.5.3. Местная элита и «государев двор» 674
Заключение 687
Список источников и литературы 692

Список сокращений 772
Приложение 1. Генеалогические схемы 774
Приложение 2. Рязанские придворные чины в 1483–1521 гг.: персональный состав 785
Приложение 3. Роды рязанской элиты в середине XVI – начале XVII в. 786
Приложение 4. Рязанский «выбор» по боярским спискам конца 1580-х – начала 1590-х гг.: иерархия 788
Приложение 5. Рязанцы в составе «государева полка» (1572–1583) 789
Приложение 6. Выборные дворяне и дети боярские по росписи войска 1604 г. 790
Приложение 7. Рязанская элита в 1577–1627 гг. 791
Приложение 8. Смутное время и земельные конфликты в Рязанском уезде 800

Введение

Актуальность темы исследования. Диссертационное исследование посвящено ключевому явлению европейской истории раннего Нового времени – формированию суверенных территориальных государств. Важным аспектом этого процесса являлась интеграция региональных элит в единое политическое пространство. В предлагаемой работе данная проблема рассматривается на примере Рязанской земли, которая сравнительно поздно вошла в состав Московского государства. Особенности интеграции местной элиты до сих пор не становились предметом специального изучения в историографии.

Объектом исследования является **рязанская служилая элита**[1] – группа родов рязанских землевладельцев, члены которых имели привилегированный статус в чиновных иерархиях конца XV – первой трети XVII в. Такое определение акцентирует два ключевых элемента, определявших социальное положение служилого человека: принадлежность к родовой общности[2] и место в системе государственной службы[3]. В Великом княжестве Рязанском высокая служебная

---

[1] В целях удобства изложения нами используется также термин «дворяне». Такое словоупотребление является условным и не в полной мере соответствует понятийному аппарату изучаемой эпохи. Об истории понятия см.: *Киселев М.А.* Развитие самосознания «дворянского сословия» в первой трети XVIII в. и междуцарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильные и шляхетство»? // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750). М., 2013. С. 284–319; *Назаров В.Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII-XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123; *Он же.* Между Москвой и Вильно: «дворяне» на листах посольских документов (конец XV– первая треть XVI в.) // Государство и общество в России XV – начала XVI в. СПб., 2007. С. 82–93; *Он же.* «Дворянин» в актах и грамотах Северо-Восточной Руси и Новгорода XIV-XV вв. // Russian history. 2007. Vol. 34. № 1/4. P. 131–147; *Петрухинцев Н.Н.* Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Там же. М., 2013. С. 256–283; *Лаптева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010. С. 4–5; *Павлов А.П.* Проблема «боярство и дворянство» XVI-XVII вв. и генеалогия // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 12–14.

[2] Обсуждение рода как базовой социальной общности служилых людей Московской Руси см.: *Кошелева О.Е.* Родственные связи в высших кругах знати XVII столетия и землевладение // Cahiers du monde russe. 2016. Vol. 57. № 2-3. P. 545–570; *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983; *Kollman N.S.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford University press, 1987.

[3] О «служилом» характере правящего слоя Московского государства см., напр.: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992;

позиция обеспечивалась включением в круг княжеских советников, в Московском государстве – в структуру «государева двора»[1]. Другие стратификационные характеристики – экономическое благосостояние и власть – являются при предложенном подходе исследуемыми аспектами, но не детерминируют принадлежности к служилой элите. **Предмет** изучения – процессы трансформации данной социальной группы на протяжении конца XV – первой трети XVII в.

Целью работы является исследование **интеграции рязанской элиты в пространство (культурное, социальное, политическое) Московского государства**. Интеграция определяется нами как процесс формирования единства, установления более регулярных и интенсивных связей, обменов и взаимообусловленностей между группой и обществом, частью которого она становится[2]. Интеграция предполагает трансформацию группы, в том числе в направлении унификации, но не синонимична ассимиляции (полной утрате группой отличительных черт)[3]. Интеграция связана с переориентацией

Он же. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. Спб., 2018. Т. 1–2; *Torke H.-J.* Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613–1689. Leiden, 1974. Термин «служилая элита» широко используется применительно к различным периодам истории России, см., напр.: *Бенционов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М., 2021; *Захаров А.В.* Московская служилая элита и последние пожалования в думные чины при Петре I // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 34. С. 45–55; *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick; New Jersey, 1982.

[1] Предисловие // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 5–7; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 27.

[2] В понимании интеграции как регулярных связей и «взаимного обмена практиками» (reciprocity of practices, т.е. отношений автономии-зависимости коллективов-участников взаимодействия) мы следуем логике Э. Гидденса (*Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley, 1979. P. 76–81). О проблемах, связанных с использованием термина историками см., напр., полезную дискуссию: Fragen der politischen Integration im mittelalterlichen Europa. Ostfildern, 2005 (особенно s. 12–13, 543, 555–562). Теоретический экскурс в связи с историей Московской Руси: *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С. 271–288.

[3] Об этом важном различении в языке социальной теории, описывающей интеграцию групп в современных обществах, см.: *Pfeffer D.* Group Integration and Multiculturalism: Theory, Policy and Practice. 2015. P. 45–49.

представителей группы на новый центр и сопровождается переосмыслением самой идеи локальности: «Партикуляризм, связанный с локализацией в социальном или географическом пространстве, уничтожается, превращаясь из автономного элемента, который может мыслиться в себе и для себя, в часть, соотносимую с центральной нормой»[1]. Развитие интеграции может являться результатом как целенаправленной политики центральной власти, так и действий других акторов, руководствующихся собственными интересами.

Мы выделяем четыре взаимосвязанных **аспекта** (критерия) процесса интеграции рязанской элиты, которые являются сквозными сюжетами исследования[2]. Применительно к каждому из критериев анализируется соотношение «локальных» (внутри своего региона / своей группы) и «общегосударственных» (за пределами своего региона / группы) тенденций и практик на протяжении исследуемого периода:

- **Статус в иерархии «государева двора»** – пространстве чиновных позиций, посредством которых была организована служилая элита Московского государства[3];

[1] *Бурдье П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016. С. 419.

[2] При выделении предложенных критериев мы опираемся на опыты исследований процессов интеграции в государствах раннего Нового времени, среди которых: *Гусарова Т.П.* Проблемы интеграции в композитных монархиях раннего Нового времени (на примере монархии австрийских Габсбургов) // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 146–173; *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 5–12; *Dumolyn J.* Nobles, Patricians and Officers. The Making of a Regional Political Elite in Late Medieval Flanders // Journal of Social History. 2006. № 40. P. 431–452; *Gustafsson H.* Conglomerates or Unitary States? Integration Processes in early modern Denmark-Norway and Sweden // Föderationsmodelle Und Unionsstrukturen: über Staatenverbindungen in der Frühen Neuzeit vom 15. Zum 18. Jahrhundert. Wien, 1994. S. 45–62.

[3] Термин «государев двор» является научным конструктом, почерпнутым из лексики изучаемой эпохи. Вслед за В.Д. Назаровым подчеркнём, что «государев двор» – «не субъект и не форма политической борьбы» (*Назаров В.Д.* Россия на распутье // Родина. 2005. № 11. С. 8; *Он же.* Государев двор // Большая российская энциклопедия (далее: БРЭ). Электронная версия (2018). URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3816418 (дата обращения: 01.04.2021); *Bogatyrev S.* Gosudarev Dvor // Encyclopedia of Russian History. 2003. Vol. 2. P. 591–592). Убедительную критику запрограммированного языком историков представления о «государевом дворе» как единой корпорации, а также исследование аутентичных значений этого словосочетания см. в работе: *Захаров А.В.* «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских

- **Служебная мобильность** – география, уровень и продолжительность назначений;
- **Землевладение** – характер, размеры и география размещения земельных владений (вотчин и поместий, а также городских дворов);
- **Социальные связи** – матримониальные стратегии, отношения свойства и родства, а также поминальные практики.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XV по конец первой трети XVII в. Нижняя хронологическая граница обусловлена необходимостью всестороннего изучения истории рязанской элиты накануне присоединения княжества к Москве. Выбор верхней хронологической границы определяется, прежде всего, состоянием источниковой базы. Большое значение имеет возможность полноценного привлечения «послепожарных» материалов (созданных или восстановленных после московского пожара 1626 г., уничтожившего значительные документальные комплексы приказных архивов), которые содержат систематические сведения относительно изучаемой социальной группы. В отдельных случаях выполнение поставленных задач требовало обращения как к более раннему, так и к более позднему периодам.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**, в соответствии с которыми организованы главы работы:

– исследование процессов формирования рязанской элиты и анализ положения данной социальной группы на завершающем этапе самостоятельности Великого княжества Рязанского (**глава 1**);

– изучение положения рязанской элиты и процессов трансформации данной социальной группы в период между присоединением Великого княжества Рязанского к Москве и началом Смутного времени (1521–1605) (**глава 2**);

реформ (1682–1750). М., 2013. С. 10–44. Аналогичным образом нами используется также словосочетание «московские чины» (дворяне московские, стольники, стряпчие, жильцы) – в качестве terminus technicus, обозначающего пространство чиновных позиций и не предполагающего (по умолчанию) общности интересов (и тем более – субъектности) данных групп.

– реконструкция участия рязанской элиты в событиях Смутного времени, а также изучение положения и процессов трансформации данной социальной группы на протяжении первой трети XVII в. (**глава 3**).

Степень разработанности темы. Предложенная постановка проблемы делает необходимым обращение к более широкому кругу вопросов о роли региональных сообществ в России раннего Нового времени. Кратко рассмотрим ключевые концептуальные подходы, которые были предложены предшественниками.

В историографии Московской Руси на протяжении длительного периода господствовала «парадигма глубокого конфликта между центром и регионами»[1]. Местные сообщества рассматривались лишь как «реликты удельной эпохи» – вре́менные препятствия на пути формирования «централизованного государства»[2]. Процесс «централизации» в логике этого нарратива приводил к постепенному исчезновению региональной перспективы из общей схемы русской истории. Как отмечал В.Б. Кобрин, «историю княжеств в нашей литературе завершают тогда, когда они стали частью единого государства»[3]. Что, однако,

---

[1] Удачное выражение С.Н. Богатырева: *Богатырев С.* Регионализм в Московской Руси // Studia slavica finlandensia. Helsinki, 2003. T. 20. P. 36.

[2] История формирования концепции «централизованного государства» обстоятельно проанализирована А.Л. Юрга́новым: *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

[3] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М., 1985. С. 49. Исследователи, подчеркивавшие «незавершенность процессов централизации» в XVI в. (М.Н. Тихомиров, А.А. Зимин, А.Л. Хорошкевич), также исходили из представления о конфликте между государственной властью и регионами, рассматривая последние, главным образом, в свете темы «пережитков феодальной раздробленности». В связи с этим было актуализировано ленинское выражение о «живых следах прежней автономии» (*Зимин А.А.* В.И. Ленин о «Московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 270–294; *Кобрин В.Б.* Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 256–269; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 64–65; *Хорошкевич А.Л.* Государство всея Руси // Родина. 1994. № 5. С. 21–26; *Черепнин Л.В., Пашуто В.Т.* Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 41). Об эволюции взглядов А.А. Зимина, в позднем творчестве которого эти идеи играли значительную роль см., напр., последние по времени работы: *Базанов М.А.* От «москвоцентризма» к «полицентризму»: эволюция взглядов А.А. Зимина // Вестник ЧелГУ. 2009. № 4 (142). С. 140–147; *Ерусалимский К.Ю.* Публицист и централизованное государство: И.С. Пересветов в творчестве А.А. Зимина // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 100–128.

происходило с локальными сообществами после «окончательной ликвидации остатков феодальной раздробленности»?[1] Ни влиятельная «государственная школа», ни советская историография, исходившие из обозначенной оппозиции центра и регионов, не создали концептуальной рамки, которая позволила бы описывать развитие местных объединений в условиях самодержавной монархии XVI–XVII вв.[2].

Альтернативная концептуализация роли регионов в истории России – «земско-областная» – имела значимые политические последствия и вдохновила несколько поколений исследователей Сибири, но не оказала большого влияния на изучение Московской Руси[3]. Остроумная критика, направленная классиком областничества А.П. Щаповым против «этатистского» подхода, и последовательное акцентирование в его текстах регионального разнообразия не потеряли своей актуальности. Однако предложенное прочтение русской истории

[1] Один из вариантов ответа на этот вопрос – ничего не происходило, так как «локальные сообщества» перестали существовать. Идеи историков XIX – начала XX в. доведены до логического предела в яркой программной статье, автор которой полностью отрицает существование «регионализма» в Московской Руси: *Gerhard D.* Regionalismus und ständisches Wesen als ein Grundthema europäischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. Bd. 174. S. 312–313, 329–333. По поводу парадоксального отсутствия проблемы локальных служилых сообществ в историографии на протяжении XIX и большей части XX в. см., напр.: *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996. P. 58–59.

[2] Постановку данной проблемы можно найти в заключении к работе В.Б. Кобрина: «В этой связи возникает еще один вопрос, требующий ответа. Каковы были судьбы уездных служило-землевладельческих корпораций, о которых речь шла в книге? Формально они сохранялись и в XVII в. Но прежней ли была их социальная роль? В XVI в. они во многом были реликтами удельного времени, тормозом на пути консолидации феодалов разных земель в общерусский класс. Но ведь в XVII в. эта консолидация как будто завершилась» (*Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 140–141, 221).

[3] Общий обзор направления: *Боярченков В.В.* Историки-федералисты. Концепция местной истории в русской мысли 20-70-х годов XIX века. СПб., 2005. С. 107–154; *Малинов А.В., Пешперова И.Ю.* Областничество в исторической ретроспективе // Новое литературное обозрение. 2015. № 133. С. 101–111; *Mohrenschildt D.* Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // The Russian Review. Vol. 37. № 4. P. 387–404. Идеи А.П. Щапова анализируются в работах: *Смищенко Р.С.* Историческая концепция А.П. Щапова: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000; *Hanson G.A.* Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker. PhD dissertation. University of Wisconsin, 1971; *Wachendorf J.* Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A. P. Ščapov. Cologne, 1964. Политический контекст: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 302–336; *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.

как эволюции ассоциаций «областей» (от «особно-областного» – к «соединённо-областному» союзу) оказывается не менее проблематичным при обращении к конкретному материалу. По мнению А.П. Щапова, «централизация» являлась для регионов исключительно внешним фактором (механическим «собиранием земель», справленным административным принуждением) и не порождала «внутренней органической связи областей с Москвой». В Смутное время – излюбленный исторический период «областников» – эта непрочная «федерация» распалась, чтобы после периода «розни» заново соединиться на более твёрдых основаниях[1].

Концепция А.П. Щапова не предполагает существования момента, в котором разнообразие «земель» парадоксальным образом превращается в «централизованное государство». Цена отказа от традиционной схемы повествования – гипостазирование «областности» в качестве одного из вневременных «начал» (наряду с «государственным» и «земским») русской истории. Постулируя континуитет, данный подход оказывается недостаточно чувствительным к качественным трансформациям региональных структур и не дает возможности охарактеризовать роль центральной власти в таких изменениях[2]. В то же время, именно «областническая» логика проблематизирует сюжеты, которые слишком поспешно оставляет в стороне «этатистская» традиция: каким образом происходила адаптация территорий к общерусским порядкам? благодаря чему достигалось единство Московского государства в условиях регионального разнообразия? как в долгосрочной перспективе обеспечивалась лояльность местных сообществ? Необходима новая теоретическая рамка, которая позволила бы описывать как преемственность, так и

[1] *Щапов А.П.* Великорусские области в Смутное время // Собрание сочинений: в 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 648–709 (здесь: с. 674, 677, 682–683, 686, 695, 703). Один из редких отзывов в профессиональной литературе, посвященной Смутному времени: *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. С. 8–10.

[2] Иными словами: что происходило с «областью», когда, например, московские правители подвергали её население «выводу»? Сама постановка этого вопроса предполагает пересмотр ключевых позиций рассмотренной концепции.

дисконтинуитет в истории регионов, а также их роль в самодержавном государстве.

Такая концепция постепенно складывается в историографии Московской Руси на протяжении последних десятилетий XX – начала XXI в. Базовую предпосылку составляет тезис, согласно которому «централизация» (внутренний аспект государственного строительства) не тождественна механическому «собиранию земель» (внешнему расширению подвластных территорий), хотя эти процессы совпадали по времени и переплетались. Новое качество политического объединения конца XV – XVII в. было обеспечено структурными переменами – формированием институтов модерного государства[1]. В возникших институциональных условиях великие князья прилагали целенаправленные усилия для интеграции присоединённых территорий. Традиционно преимущественное внимание уделялось «выводам» (принудительным переселениям) землевладельцев как главному способу решения данной проблемы. Однако благодаря региональным исследованиям последних десятилетий ясно, что присоединение земель далеко не всегда сопровождалось одномоментным разрушением местных сообществ. Следовательно, в специальном изучении нуждается их последующая судьба в составе единого государства. Стратегии интеграции, которые использовались московскими правителями – центральный сюжет таких работ[2].

---

[1] *Кром М.М.* Рождение государства. М., 2018 (здесь: с. 9–14, 20–21, 38–39, 80–87). О концепции модерного государства (подчёркивая важнейшие функции, в рамках одной из традиций его именуют «фискально-военным») применительно к Московской Руси см.: *Он же.* Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15; *Dunning C.S.L., Smith N.S.* Moving beyond Absolutism: Was Early Modern Russia a «Fiscal-Military» State? // Russian History. 2006. Vol. 33. № 1. P. 19–43; *Halperin C.* The Early Modern Muscovite state reconsidered // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2018. № 2. C. 181–196; *Stökl G.* Die Wurzeln des modernen Staates in Osteuropa // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1953. Bd. 1. H. 3. S. 255–269.

[2] *Беляков А.В.* Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV – XVII в.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2017; *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019; *Он же.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв.; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995; *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты; *Он же.* О путях политической централизации

В современных исследованиях преодолена оппозиция центра и регионов, характерная для предшествующей историографической традиции. Важную роль в этом переосмыслении сыграло влиятельное «ревизионистское» направление, представители которого подвергли критике образ «деспотического самодержавия»[1]. Как и другие монархи раннего Нового времени, московские правители сталкивались со значительными ограничениями ввиду нехватки административных, политических и экономических ресурсов, и могли достичь своих целей, только последовательно опираясь на местные сообщества. Граница между «государством» и «обществом» оказывалась размытой; по заключению С.Н. Богатырёва, в самодержавном государстве интеграция и локализм были не противоположными явлениями, но взаимодополняющими элементами[2].

Исследования уездных служилых сообществ («городов») после длительного перерыва стали несомненным трендом в современном изучении Московского

Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. 281–290; *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998; *Чеченков П.В.* Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV – середине XVI в. // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46. № 1–2. P. 133–145. Удачное выражение «стратегии интеграции» предложено Н.Ш. Коллманн: *Коллман Н.Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. С. 272.

[1] Исследования в русле «ревизионистской» традиции с региональным фокусом: *Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012; *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего нового времени. М., 2016; *Davies B.L.* State Power and Community in Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635–1649. New York, 2004; *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Общие обзоры этого историографического направления см., напр.: *Кром М.М.* Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 90–106; *Kivelson V.* On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. № 3. P. 488–499.

[2] *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy // Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present. Helsinki, 2004. P. 59–127. Схожих взглядов придерживаются авторы, творчество которых принадлежит к иным историографическим традициям: *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014; *Дворниченко А.Ю.* Центр и регионы в России при «Старом режиме»: диалектика развития взаимоотношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 8–61.

государства[1]. Несколько меньшее внимание уделяется пока теме региональной администрации[2]. Важный историографический контекст предлагаемой работы составляют, кроме того, исследования «государева двора»[3]. С введением в научный оборот «боярских списков» появилась возможность систематического анализа чиновной иерархии общегосударственной правящей элиты. Особое значение в свете нашего исследования имеют поуездные перечни выборных дворян, которые одновременно являлись высшим чином служилого «города» и низшим – «государева двора». После классической работы А.А. Новосельского за «выбором» закрепилось название «правящей группы», которому мы вслед за рядом специалистов предпочитаем нейтральный термин «служилая элита»[4].

---

[1] Недавний обзор новейшей литературы в этой области см.: *Козляков В.Н.* «Обычные» люди Московского государства // Служилые люди России XVI-XVII веков. М., 2018. Историография служилых «городов» систематически рассмотрена в работе: *Лаптева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. С. 23–94. О схожих тенденциях в исследованиях, посвященных российской истории XVIII в. см.: *Глаголева О.Е.* Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века: подходы и методы изучения // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 9–48.

[2] *Аракчеев В.А.* Наместники в России XVI века // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 3–19; *Бовыкин В.В.* Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: очерки по истории местного самоуправления в XVI веке. СПб., 2014; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998; *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001; *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. СПб., 2000; *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982; *Козляков В.Н.* Получали ли жалование городовые воеводы? // Памяти Лукичева. М., 2006. С. 96–113; *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000; *Синелобов А.П.* Персональный состав городовых приказчиков и губных старост Московского государства XVI-XVII вв. М., 2016; *Davies B.* The Town Governors in the Reign of Ivan IV // Russian History. 1987. № 1. P. 77–143; *Dewey H.W.* The Decline of the Muscovite Namestnik // Oxford Slavonic Papers. 1965. № 12. P. 21–39.

[3] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в.: дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; *Корзинин А.Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). СПб., 2016 (работа далее цитируется по диссертации: *Он же.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. : дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2016); *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.); *Он же.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование; Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв.; *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

[4] *Новосельский А.А.* Правящие группы в «служилом городе» XVII в. // Институт истории РАНИОН. Учёные записки. 1928. М., 1929. Т. 5. С. 315–335. См. не столь многочисленные

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые на основе широкого круга источников изучен процесс интеграции рязанской элиты в состав Московского государства. В отличие от целого ряда других регионов, в Рязани не произошло «вывода» землевладельцев, и этот случай позволяет проанализировать постепенную трансформацию верхушки локального служилого сообщества в длительной временной перспективе. Кроме того, в диссертации впервые подробно рассматриваются сюжеты, каждый из которых составляет необходимый контекст исследования: история ключевых рязанских родов, система управления и землевладельческая структура региона в конце XV – первой трети XVII в., а также деятельность местного «города» в период Смутного времени.

Методы исследования. Работа основана на использовании **просопографического метода**, который в последние десятилетия получил широкое применение в изучении элит Московской Руси[1]. Начальным этапом просопографического исследования является максимальный учёт сохранившихся в разрозненном виде биографических сведений (чиновный статус, служба,

современные исследования этой социальной группы: *Кирпичников И.А.* Выборные дворяне в начальный период Смуты (опыт сравнительного анализа боярских списков 1602–03 и 1606–07 гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М, 2019. Вып. 6. С. 589–593; *Лисейцев Д.В.* Костромские выборные дворяне рубежа XVI–XVII веков // Российская история. 2013. № 6. С. 111–128; *Он же.* Костромские «выборные дети боярские» в 1612–1618 гг.: провинциальное дворянство на исходе Смуты // Canadian-American Slavic studies. Vol. 47. № 3. 2013. P. 333–346; *Павлов А.П.* Выборное нижегородское дворянство в первой половине XVII в. // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2010. С. 417–428; *Чеченков П.В.* Формирование нижегородской служилой элиты в XV – начала XVII века // Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. Москва, 2012. С. 407–421; *Он же.* Состав региональной элиты конца XVI – первой половины XVII в. Случай Нижнего Новгорода // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV – XVII в. Калуга, 2019. С. 438–445.

[1] *Рыбалко Н.В.* Метод просопографии в изучении средневековой России // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49. № 2–3. С. 264–278; *Селин А.А.* Новгородское общество начала XVII века. Смутное время на Северо-Западе Московского государства. Saarbrucken, 2011. С. 2–11; *Он же.* Обзор просопографических исследований 2000–2013 гг. // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы: материалы Международного научного семинара. СПб., 2013. С. 4–12; *Crummey R.O.* The Latest from Muscovy // The Russian Review. 2001. № 60. P. 475–477. Классический текст с обоснованием просопографического метода принадлежит Л. Стоуну: *Stone L.* Prosopography // Daedalus. 1971. Vol. 100. № 1. P. 46–79. Базовым современным пособием по просопографии является сборник: Prosopography approaches and applications: a handbook. Oxford, 2007.

землевладение, социальные связи) о каждом представителе изучаемой социальной группы. Собранная нами база данных насчитывает более трёхсот служилых людей (представителей верхушки и их родственников), происходивших из примерно сорока рязанских родов. Объём биографической информации для отдельных членов этой совокупности широко варьируется – от единственного случайного упоминания до значительного массива сведений, с относительной полнотой представляющего жизненный путь. Создание «коллективной биографии» позволяет выявить типичные и особенные черты в индивидуальных траекториях конкретных лиц, а также общие закономерности в развитии изучаемой группы. Динамический аспект является ключевым для настоящего исследования: мы фокусируемся на изменениях и трансформациях, которыми сопровождалась интеграция рязанской элиты в состав Московского государства.

Сравнительный метод представлен в диссертации, главным образом, **ассиметричным сравнением**. Термин был предложен Ю. Коккой для обозначения «редуцированных» компаративных исследований, построенных вокруг одного объекта[1]. Сравнительные данные при таком подходе используются инструментально: они привлекаются для выявления специфических черт и «высвечивания» новых аспектов изучаемого явления[2]. Современная историография находится на этапе накопления знаний о развитии областей Московского государства, многим из которых уделено пока недостаточное внимание. Кроме того, значительные ограничения накладывает состояние источниковой базы «допожарной» эпохи. По справедливому утверждению С.Н. Богатырёва, «мы должны признать, что наше представление о регионах Московии неизбежно будет фрагментарным и неполным. Какими бы ни были охват и количество региональных исследований, их сумма не обязательно сложится в целостную картину Московского государства»[3]. В этих условиях

[1] *Kocka J.* Asymmetrical Historical Comparison: the Case of the German Sonderweg // History and Theory. 1999. Vol. 38. № 1. P. 40–51; *Idem.* Comparison and Beyond // History and Theory. 2003. Vol. 42. № 1. P. 39–44.
[2] *Кром М.М.* Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015. С. 151–152.
[3] *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy. P. 61.

ассиметричное сравнение позволяет, не прибегая к неосновательным генерализациям относительно всех локальных сообществ, контекстуализировать полученные результаты и поставить проблемы, значение которых выходит за рамки исследуемого случая. Такие задачи в настоящей работе выполняют два специальных параграфа, в которых подводятся итоги второй (**2.4**) и третьей (**3.5**) глав.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В начале XVI в. рязанский великокняжеский двор оказался в состоянии кризиса, который был вызван отъездами выходцев из боярских фамилий на московскую службу. Ко времени присоединения княжества рязанская династия практически полностью утратила поддержку первостепенных местных родов. Моментом окончательной ликвидации рязанской самостоятельности следует считать присягу оставшихся бояр и детей боярских на имя Василия III, которая произошла в ходе татарского набега летом 1521 г.
2. Рязанский случай представляет собой яркий пример мягкой (без применения «вывода») интеграции. Главными особенностями этой модели являлись преемственность традиционной иерархии и старинного землевладения, а также систематическое привлечение представителей местных родов к службам в своем регионе. При этом рязанская элита имела относительно низкий статус в иерархии «государева двора». На протяжении XVI – начала XVII в. ни одна из местных фамилий не смогла прочно закрепиться в составе придворной знати. Карьерное выдвижение рязанцев в эпоху особого «Двора» Ивана IV произошло в нарушение местнических норм и закончилось возвращением большинства из них в чин выборных дворян. Как следствие, на протяжении досмутного периода члены первостепенных рязанских родов сохраняли устойчивые связи с локальным сообществом.
3. Представления о замкнутом и обособленном характере рязанской элиты, сложившиеся в историографии, нуждаются в коррективах. После присоединения княжества выходцы из ключевых местных фамилий были включены в состав общегосударственного правящего слоя, систематически

привлекались к дальним службам и постепенно приобретали связи и интересы за пределами традиционного социального круга. Рязанская элита (как и все местное сообщество) трансформировалась под воздействием служилой системы Московского государства. Особенно значительные перемены произошли в результате опричных мероприятий, когда рязанская верхушка лишилась части своих вотчин и пополнилась представителями переселенных семейств. Новым явлением было также появление в регионе крупных владений столичной знати в конце XVI в.

4. В эпоху Смутного времени рязанский «город» систематически объединялся вокруг представителей местной служилой элиты. Выборные дворяне возглавляли локальное сообщество как в ходе антиправительственных выступлений, так и при действиях на стороне Москвы. В период царствования Василия Шуйского в Рязани сформировалась особая модель управления: вся полнота власти была сосредоточена в руках воеводы и думного дворянина П.П. Ляпунова, опиравшегося на консолидированное ядро местных дворян и детей боярских. Характерной чертой Смуты в Рязанском уезде было противостояние между центром и пригородами, которое свидетельствует о столкновении интересов служилого «города» и других социальных групп.
5. Смутное время открыло новую эпоху в истории рязанских родов. Служилые люди, которые ранее состояли в «выборе», были пожалованы в «московские» чины. Следствием перехода на столичную службу стала постепенная переориентация возвысившихся рязанских семейств на придворную среду, в то время как уездные дела отходили для них на второй план. Родовой состав рязанского выборного дворянства претерпел значительное обновление, которое сопровождалось понижением статуса данной чиновной группы.

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом, который диссертация вносит в разработку проблемы интеграции региональных элит в государствах раннего Нового времени. Предложенный подход может быть использован при изучении других локальных сообществ Московской Руси, а полученные результаты – для сравнительно-исторических исследований.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут использоваться при подготовке учебно-методических пособий, общих и специальных учебных курсов по истории России XVI–XVII вв. Основные положения и выводы диссертации были включены в программы курсов, прочитанных автором в 2017–2021 гг. на занятиях по подготовке команды Москвы к Всероссийской олимпиаде школьников по истории, а также в методическое пособие, посвящённое истории Смутного времени[1]. Мы рассчитываем, кроме того, что материалы работы окажутся полезными для краеведческих и генеалогических исследований.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования представлены на 16 международных и всероссийских научных форумах и конференциях[2], а также в 11 публикациях (общим объёмом 5,9 п.л.), из которых 4 статьи (объёмом 2,1 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и

[1] В настоящее время находится на стадии допечатной подготовки.

[2] XXIV Международная научная конференция «Ломоносов – 2017» (Москва, 2017), III Всероссийская научная конференция «Некрасовские чтения» (Вологда, 2018), XXV Международная научная конференция «Ломоносов – 2018» (Москва, 2018), VII Всероссийская научная конференция «Ноябрьские чтения» (Санкт-Петербург, 2018), VI Международная научно-практическая школа-конференция молодых учёных «История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2018), Всероссийская научная конференция «Ключевские чтения» (Москва, 2018), VI Всероссийская с международным участием конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (Ижевск, 2018), I Студенческая научная конференция Школы исторических наук НИУ ВШЭ «Микросюжеты: малые истории о больших процессах» (Москва, 2019), Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2019), The 13th Annual Graduate Conference in European History (Будапешт, 2019), International Conference of Young Philologists (Тарту, 2019), VII Международная научно-практическая школа-конференция молодых учёных «История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2019); Международная научная конференция «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова» (Москва, 2019), X Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 2019), Всероссийский общественно-научный форум «Дихотомия войны и мира: приграничные регионы России в переломные исторические эпохи» (Псков, 2020); The 67th Annual Meeting of the Renaissance Society of America (онлайн, 2021).

археология[1]. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

[1] Статьи в изданиях из перечня: *Кирпичников И.А.* «Воевода и властель Резанские страны»: Рязань под управлением Прокопия Ляпунова // Человеческий капитал. 2020. № 1. С. 11–16; *Он же.* Боярство Великого княжества Рязанского в начале XVI века // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. 2020. № 4. С. 47–50; *Он же.* Дьяческий аппарат Великого княжества Рязанского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 184. С. 114–120; *Он же.* Рязанский служилый «город» в историографических концепциях Смутного времени // Клио. 2021. № 3. С. 39–45. Другие публикации: *Он же.* «А Прокофей, государи, был мне недруг»: локальные конфликты в Рязанском уезде в период смуты // Европа в Средние века и Новое время: власть, общество, культура. Ижевск, 2019. С. 234–241; *Он же.* «Был за воеводы место»: центральная власть и элиты служилых городов в начале правления Василия Шуйского // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2019. С. 94–104; *Он же.* Выборные дворяне в начальный период Смуты (опыт сравнительного анализа боярских списков 1602–03 и 1606–07 гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М, 2019. Вып. 6. С. 589–593; *Он же.* Персональные связи в Московском государстве XVI века: случай «дела о вымученной купчей» // Материалы III Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения». Вологда, 2017. С. 128–132; *Он же.* Россия XVI–XVII вв. как конгломерат «государств»: к постановке проблемы // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2018. С. 29–37; *Он же.* Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605–1606 гг.) // Рязанская старина. 2009–2018. Рязань, 2019. Вып. 7–10. С. 22–42; *Он же.* Элита рязанского служилого «города» в начальный период Смуты: путь в «московские» чины // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции. М., 2019. С. 95–96.

Обзор источников

Просопографическое исследование предполагает мобилизацию обширного массива разнообразных материалов, содержащих сведения о происхождении, статусе, службе, землевладении и социальных связях представителей рязанской элиты. На этапе сбора данных нет свидетельств, которыми можно было бы пренебречь как маловажными: каждое из них потенциально содержит новую значимую информацию[1]. При выбранном исследовательском подходе основным источником служит делопроизводственная документация, а не нарративные памятники. В Московском государстве сформировалась модель управления, в рамках которой бюрократическими методами регулировался чрезвычайно широкий круг социальных отношений. В. Кивельсон описывает этот феномен при помощи удачного термина *documentary state*[2]. Наибольший объем сведений о

[1] «Всё должно быть отмечено, малейшая черта из жизни того или другого лица, той или другой семьи, должна быть сохранена, даже если бы нам она казалась теперь и не нужною, – весьма возможно, что, теперь ещё единичный, факт в сцеплении с другими, нам пока еще неизвестными, может помочь в будущем объяснить такие акты и события прошлого, которые нам казались непонятными. <…> Как бисером вышивают мелкий узор, так он [исследователь, в данном случае генеалог – *И.К.*] из мелких, единичных фактов старается воспроизвести картину прошлой жизни наших предков» (*Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем Института Л.М. Савеловым. М., 1908. Т. 1. Первое полугодие. С. 16, 20).

[2] *Kivelson V.* Merciful Father, Impersonal State: Russian Autocracy in Comparative Perspective // Modern Asian Studies. 1997. Vol. № 31. №. 3. P. 640. О приказной системе: *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964. С. 206–242; *Она же.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009; *Brown P.* Muscovite Government Bureaus // Russian History. 1983. Vol. 10. № 3. P. 269–330; *Idem.* How Muscovy Governed: Seventeenth-Century Russian Central Administration // Russian History. 2009. Vol. 36. № 4. P. 459–529.

О делопроизводстве Московской Руси см.: *Глазьев В.Н.* Приказное делопроизводство XVI–XVII вв.: современные подходы к изучению // Воронежский вестник архивиста. 2004. Вып. 1. С. 19–23; *Милов Л.В.* Делопроизводственные материалы XVI-XVII вв. // Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 106–120; *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. М., 1985; *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV-XVII веков М., 1973; *Poe M.* Elite Service Registry in Muscovy, 1500-1700 // Russian History. 1994. Vol. 21. № 3. P. 251–288; *Idem.* Muscovite Personnel Records, 1475-1550: New Light on the Early Evolution of Russian Bureaucracy // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Vol. 45. № 3. P. 361–378.

представителях рязанской элиты содержится в архивных фондах Разрядного[1] и Поместного[2] приказов, в ве́дении которых находились соответственно служба и землевладение. Важнейшим рубежом, разделившим историю приказных архивов на две эпохи, является московский пожар 1626 г. Если исследователь допожарного периода сталкивается со значительными источниковыми лакунами, то для послепожарного времени доступны систематические данные. Нами широко используется документация первых послепожарных лет, а также ретроспективная информация из памятников, созданных на протяжении второй четверти – середины XVII в.

Ключевую категорию источников настоящего исследования образует **учётно-служебная документация** Разрядного приказа. Прежде всего, это именные чиновные перечни представителей служилой элиты Московского государства. В современной историографии продолжается изучение уникальных памятников середины XVI в. – «Тысячной книги» (ТК) и «Дворовой тетради» (ДТ)[3]. Систематические сведения о членах «государева двора» последней четверти XVI – первой трети XVII в. содержат боярские списки (БС). Данный источниковый комплекс был обстоятельно изучен А.Л. Станиславским, опубликовавшим материалы за 1577–1604 гг.[4]. Ко времени Смуты относятся БС

[1] РГАДА. Ф. 210. См.: *Богоявленский С.К.* К вопросу о столах Разрядного приказа // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 6. С. 401–413; Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001; *Brown P.* With All Deliberate Speed: The Officialdom and Departments of the Seventeenth-Century Muscovite Military Chancellery (Razriad) // Russian history. 2001. Vol. 28. № 1. P. 137–152.

[2] РГАДА. Ф. 1209. См.: *Зенченко М.Ю.* Опись «подлинной архивы» Поместного приказа: миф или реальность // Отечественные архивы. 2015. № 1. С. 3–9; *Чернов А.В.* К истории Поместного приказа (внутреннее устройство приказа в XVII в.) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М, 1957. Т. 9. С. 194–251; *Шумаков С.А.* Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910.

[3] Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950 (далее: ТКДТ). См. один из последних по времени обзоров: *Корзинин А.Л.* Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI века как источники по изучению Государева двора в России середины XVI в. // Canadian-American Slavic Studies. 2013. Vol. 47. № 4. P. 408–419.

[4] *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Боярские списки конца XVI – начала XVII века как исторический источник // Советские архивы. 1973. № 2. С. 90–95; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. В целях удобства навигации нами даются сокращенные ссылки на конкретные боярские списки, опубликованные в последнем издании (например: БС 1588/89). Список сокращений можно найти в конце работы.

1606/07, черновик которого в полном виде введён в научный оборот относительно недавно[1], и БС 1610/11, имеющееся издание которого небезупречно[2]. В настоящее время Е.Н. Горбатов успешно продолжает публикацию серии списков середины – второй половины 1620-х гг.[3].

Текст боярского списка представляет собой совокупность именных перечней служилых людей, разделённых чиновными подзаголовками (думные и высшие дворцовые чины, дьяки, стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские). В последнюю и наиболее объёмную рубрику входили (до 1626 г.) выборные дворяне, расписанные по «городам» с указанием поместных окладов. Порядок упоминания представителей одной фамилии, соотношение чинов и окладов в большинстве случаев свидетельствуют о старшинстве. Особое значение имеют пометы, в которых фиксировались местонахождение, текущие служебные посылки и физическое состояние членов «государева двора», а также отмечались случаи перевода в другой чин. Пометы дают более богатую информацию о службах, чем другие источники (прежде всего, разрядные книги, речь о которых пойдёт далее), поскольку назначения указывались независимо от их местнического статуса[4]. Боярские списки, таким образом, представляют собой ценный источник генеалогических и биографических сведений[5].

---

[1] Боярский список 1606–07 гг. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003. С. 132–155 (далее: БС 1606/07).

[2] Используется издание В.Н. Сторожева: Боярский список 1610–1611 г. // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских (далее: ЧОИДР). 1909. № 3. Отд. 3. С. 73–103 (далее: БС 1610/11). Первая публикация, подготовленная Н.П. Лихачевым: Боярский список 1611 года. СПб., 1895. См.: *Булычев А.А.* О боярском списке 7119 (1610/11) г. // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 69–74; *Лисейцев Д.В.* К вопросу о времени и обстоятельствах составления боярского списка 1611 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2012. С. 50–59.

[3] *Горбатов Е.Н.* «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов. М., 2015 (далее: БС 1626–1633); Он же. Подлинный боярский список 1626 г. // Единорогъ. М., 2014. Вып. 3. С. 350–447; *Он же.* «Наличный» боярский список 1624 года // Российская генеалогия. М., 2018. Вып. 3. С. 71–103 (далее: БС 1624).

[4] *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 68–75.

[5] *Горбатов Е.Н.* «Подлинные» боярские списки второй четверти XVII в. как источник для биографических сведений о московских чинах // Российская генеалогия. М., 2016. Вып 1. С. 81–

Боярские списки составлялись погодно, причём каждый последующий документ основывался на предыдущем. Списки конца XVI – начала XVII в. могли создаваться для учёта как полного состава «государева двора» (1588/89, 1602/03, 1606/07, с оговорками – 1610/11), так и его частей (1577, 1598/99). В некоторых случаях список составлялся в связи с конкретной специальной целью (так, в 1585 г. «дворяне» были расписаны для участия «в неметцком в зимнем походе»)[1]. В послесмутный период оформилось последовательное разделение на «подлинные» (весь «государев двор») и «наличные» (служилые люди, присутствовавшие в столице) списки. К боярским спискам примыкает ряд типологически близких памятников: так называемая «боярская книга» 1555/56 г.[2], список разных чинов последней четверти XVI в. (составленный, видимо, в связи с посольским приёмом 1583 г.)[3], перечень полка кн. Д.Т. Трубецкого 1611 г.[4], «осадный список» 1618 г.[5], сыскные и разборные списки жильцов и других «московских» чинов[6], а также боярские книги (БК) 1615[1] и 1627/28[2] гг. В отличие

108; *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 135–155, 425–438.

[1] Опубликован подлинник списка, не учтённый А.Л. Станиславским: *Анхимюк Ю.В.* Список членов двора царя Федора Ивановича, оставшихся в Москве на время поездки его в Троице-Сергиев монастырь в августе 1585 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.,1990. С. 55–67 (далее: БС 1585).

[2] *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 8–79.

[3] Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века // Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 55–63. См.: *Корзинин А.Л.* Динамика изменения состава Особого двора в 1573–1584 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 57.

[4] Список разных чинов людей, которые были на земской службе с воеводою кн. Д.Т. Трубецким // Акты Московского государства. М., 1890. Т. 1. С. 78–82.

[5] Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009 (далее: ОС).

[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 900. Столпик 1, 2, 3; № 17. Столпик 6; № 897. Столпик 1; № 888. Столпик 2; *Горбатов Е.Н.* Документы разбора стольников патриарха Филарета (1633–1634 гг.) // Российская генеалогия. 2017. Вып. 2. С. 21–68; *Он же.* Жилецкие сказки 1632 года // Российская генеалогия. М., 2020. Вып. 7. С. 53–189; *Он же.* Жилецкий список 7133 г. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2016. Вып. 19. С. 300−363; *Он же.* «Земляной» жилецкий список 1628/29 г. // Российская генеалогия. М., 2019. Вып. 6. С. 105–161; *Седов П.В.* Реконструкция жилецкого списка первого подмосковного ополчения // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. СПб., Киев, 1993. С. 57–77. См. также: *Изюмов А.Ф.* Жилецкое землевладение в 1632 году. М., 1913; *Лукичев М.П.* Окладные и «земляные» жилецкие списки первой четверти XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 53–64; *Павлов А.П.* Ценный источник по истории русского дворянства XVII в.

от боярских списков, боярские книги составлялись несистематически, а главным предметом их ведения являлась не служба, а денежные оклады[3].

Списки представителей служилой элиты Московского государства можно найти не только в архиве Разрядного приказа, но и в составе других фондов. Упомянем в этой связи делопроизводство четвертей, в первую очередь – кормленые и приходно-расходные книги конца XVI – первых десятилетий XVII в.[4]. Большой интерес представляют указания на службы, за которые производились пожалования новыми денежными окладами[5]. В Поместном приказе был составлен т.н. «земляной» боярский список 1613 г., исследованный М.П. Лукичевым[6]. В.Д. Назаров обнаружил в коллекции Древлехранилища выписки из подлинных боярских списков второй половины 1540-х гг.[7]. В исследовании используются также перечни участников земских соборов 1566[8], 1598[1] и 1613 гг.[2], а также поручные записи второй-третьей четверти XVI в.[3].

(Материалы жилецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 308–406.

[1] Книга, а в ней писаны бояре, и окольничие и думные люди с денежными оклады, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и диаки, и жильцы и из городов дворяне … 124 году // АМГ. М., 1890. Т. 1. С. 138–147 (далее: БК 1615). См.: *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. С. 51–54.

[2] Боярская книга 1627 г. М., 1986 (далее: БК 1627).

[3] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 37–38. О боярских книгах см.: *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. Для XVII в. существует указатель (впрочем, неполный): *Иванов П.И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства Юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853. Думные чины: *Poe M.* The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vammala, 2004. Vol. 1, 2.

[4] *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени (1604–1617). М., 1912; Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983; РИБ. М., 1894. Т. 15; М., 1912. Т. 28. Эти материалы активно использовались разрядными дьяками для восстановления сведений о денежных окладах после пожара 1626 г. (*Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. С. 77).

[5] *Смирнов Н.В.* Награды Смутного времени: пожалования дворян и детей боярских за службу «в четь» // Грани русского Средневековья. М., 2016. С. 239–251.

[6] *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях. М., 1895. См.: *Лукичев М.П.* О «земляном» боярском списке 1613 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей. М., 1983. С. 103–111.

[7] *Назаров В.Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 40–54.

[8] *Антонов А.В.* Приговорная грамота 1566 г. // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 171–182. См.: *Назаров В.Д.* К истории Земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность,

В огне пожара 1626 г. погиб важнейший источниковый комплекс по истории рязанского «города» – десятни. Всего годом ранее при рассмотрении очередного местнического дела из архива извлекали «резанскую десятню *89-го году*»[4]. В дальнейшем дьяки могли только сообщать в ответ на поступавшие запросы, что «резанские старые десятни в московский пожар 134-м году в Розряде згорели»[5]. За весь исследуемый период сохранился лишь фрагмент разборной десятни 1621/22 г. (вероятно, копия с черновика, взятого у разборщика кн. Я.И. Сулешева)[6]. Несколько источников позволяют восполнить, хотя бы в небольшой степени, эти утраты: ряжские десятни конца XVI в.[7], десятни новиков всех городов 1596[8] и 1627/28[9] гг., а также пять списков рязанских дворян и детей боярских 1610–20-х гг., поданных вместе с родословными росписями в конце XVII в.[10]. В целом, совокупность учётно-служебных материалов позволяет с достаточной полнотой реконструировать персональный состав и чиновные

литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 296–303*; Корзинин А.Л.* Земский собор 1566 г. в отечественной историографии // Вестник СПбГУ. История. 2011. № 3. С. 11–23.

[1] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. СПб., 1836. Т. 2. С. 41–53. Другой список (с новыми именами участников собора): *Мордовина С.П.* К истории утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М. 1970. С. 127–141. См.: *Она же.* Земский собор 1598 года. Источники. Характер представительства: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; *Она же.* Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 55–63.

[2] *Белокуров С.А.* Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. См.: *Павлов А.П.* К истории утвержденной грамоты 1613 г. // Вестник СПбГУ. История. 2015. № 3. С. 11–20.

[3] *Антонов А.В.* Поручные записи 1527–1571 годов // РД. 2004. Вып. 10. С. 8–79.

[4] Книги разрядныя, по оффициальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 1053 (далее: КР).

[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 602.

[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6.

[7] *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. М. 1891. Кн. 8.

[8] *Лихачев Н.П.* Десятни новиков, поверстанных в 1596 году // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 113–209.

[9] *Зерцалов А.Н.* О верстании новиков всех городов 7136 года // ЧОИДР. 1895. Кн. 4. С. 1–73. См.: *Козляков В.Н.* Источники о новичном верстании в первой половине XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991. С. 89–104.

[10] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. 1) № 82. Л. 10–13, 25, 37; 2) № 48. Л. 14–16; 3) № 82. Л. 16–20, 35; 4) Оп. 18. № 82. Л. 24, 26; 5) № 133. Л. 12–15. Эти документы подготовлены нами к публикации и будут изданы в очередном томе сборника «Рязанская старина».

траектории представителей рязанской элиты, а также даёт значительный объём генеалогической и биографической информации.

Данные о назначениях членов «государева двора» содержатся в **разрядных книгах** (РК) – сводах ежегодных росписей, в которых учитывалось прохождение службы. Основной массив разрядных книг с записями за конец XV – первые десятилетия XVII в. был введён в научный оборот В.И. Бугановым[1]. Как установил Ю.В. Анхимюк, все они имеют частное происхождение и представляют собой компиляции (за исключением «Государева разряда» – в РК 1475–1598 почти без изменений сохранился текст исходной «официальной» версии)[2]. Группа списков за период Смуты опубликована С.А. Белокуровым[3]. Назначения после 1612 г. отражены в двух изданиях середины XIX в.: – «Книгах разрядных по официальным оных спискам» (главным образом, военно-административные посылки на пограничье)[4] и «Дворцовых разрядах» (придворная служба)[5]. Как

[1] *Анхимюк Ю.В.* Разрядная книга 1598–1602 гг. // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 361–413; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966 (далее: РК 1598); Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977–2003. Т. 1–4 (далее: РК 1605); Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975–1976. Т. 1–2 (далее: РК 1550–1636). См.: *Анхимюк Ю.В.* В.И. Буганов и источниковедческие проблемы исследования разрядных книг // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 37–48; *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962; *Морозова Л.Е.* В.И. Буганов – исследователь и публикатор разрядных книг XV-XVII вв. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 25–36.

[2] *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005; *Петров К.В.* Разрядные книги древней традиции: К изданию исследования Ю.В. Анхимюка // Очерки феодальной России. М., 2007. Вып. 11. С. 462–483.

[3] *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время: 7113–7121 гг. М., 1907 (далее: РЗ). В настоящее время известен ещё ряд списков, в том числе содержащихся в родословных сборниках рязанских родов. Публикация этих ценных материалов пока не состоялась (*Петров К.В.* К изучению текста разрядных записей за Смутное время // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 127–147).

[4] Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшим соизволением II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1853. Т. 1 (далее: КР). Указатель: Указатель собственных имен и предметов к I и II тому книг разрядных, по официальным оных спискам. Спб., 1856. Дополнительные сведения о пограничной службе содержатся в публикации К.В. Петрова: Книга «украинных воевод» 7132–7160 // Петров К.В. Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях. М., 2018. С. 273–286.

[5] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1 (далее: ДР). В приложении к первому тому опубликован комплекс грамот, освещающих события, происходившие на территории Рязанского края в 1613 г. Указатель: *Голицын Н.Н.* Указатель имен личных, упоминаемых в дворцовых разрядах.

показал К.В. Петров, последняя публикация является сложной по характеру сводной реконструкцией[1]. Изданы, кроме того, разрядные «подлинники» за 1613–1614 гг., содержащие ценные сведения об организации служб в начальный период правления Михаила Фёдоровича[2].

Рязанские города систематически включались в разрядные росписи, поскольку являлись важными центрами пограничной обороны[3]. На материалах данного источника возможны как исследование системы управления крепостями южной «украины», так и реконструкция служебных биографий конкретных лиц. Необходимо, однако, учитывать, что в разрядных книгах систематически фиксировались только службы, значимые с местнической точки зрения (в дальнейшем обозначаются нами как «именные» или «разрядные»). Широкий круг административных должностей оказывался, как следствие, вне поля внимания составителей разрядов – они могут быть выявлены только благодаря упоминаниям (как правило, случайным) в других источниках.

В разрядном делопроизводстве второй половины XVI – начала XVII в. выделяются пространные полковые росписи нескольких крупных походов[4]. В

СПб., 1912. Дополнительные сведения о придворных службах содержатся в публикации К.В. Петрова: Книга «царских столов» 7131–7137 гг. // Петров К.В. Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях. С. 164–272.

[1] *Петров К.В.* Что такое «Дворцовые разряды»? // Петров К.В. Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях. С. 32–51; *Он же.* Разрядные книги XVII в. Источниковедческое исследование: дис. … канд. ист. наук. СПб., 1996.

[2] Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974 (далее: РК 1638) (помимо «подлинников» за 1613–14 гг., опубликована также разрядная книга 1598–1604 гг.). См.: *Буганов В.И.* «Книги разрядные» («подлинники») 1613-1636 гг. // Исторические записки. 1976. Т. 97. С. 290–303; *Петров К.В.* Частная рукописная традиция разрядных книг «Подлинников» в XVII в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1996. С. 84–87.

[3] *Буганов В.И.* Разрядные книги как источник истории пограничной обороны Русского государства в конце XV – первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. М., 1980. С. 206–218.

[4] В отдельных изданиях: *Анхимюк Ю.В.* Росписи Казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ, Q.IV.53 // Государство и общество в России XV — начала XX в.СПб., 2008. С. 180–188; *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 119–154 (далее: ЗКПП); *Буганов В.И.* Документы о Ливонской войне. // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 264–272; *Он же.* Документы о сражении при Молодях в 1572 году // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–183; *Жуков А.Е.* Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1. С. 405–428; Книга Полоцкого похода 1563 г.: исследование и текст. СПб., 2004; Разряды похода великого князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей //

этих материалах содержатся гораздо более подробные, чем в стандартных записях досмутной эпохи, данные о городовых контингентах, а также о командном составе ратей. Перечни дворян и детей боярских сохранились, кроме того, в документальных комплексах, связанных с организацией станичной и сторожевой службы[1], а также строительством городов на «Поле»[2]. Наконец, важную группу источников составляют разряды царских свадеб, которые позволяют очертить круг приближённых монарха и уточнить чиновные статусы конкретных лиц[3].

Среди **текущей документации** Разрядного приказа особого упоминания заслуживают местнические дела. Хронологический реестр местнических споров составлен Ю.М. Эскиным, выполнившим также подробное описание «подлинных» дел и показавшим информационный потенциал этих документов[4]. В настоящем исследовании используются несколько таких источников, в которых фигурируют рязанские служилые люди[5]. Также в составе разрядных столбцов (после 1626 г.) сохранились разнообразные материалы, связанные со службой.

Сборник Московского Архива Министерства Юстиции. Т. 6. М. 1914. С. 1–13. По поводу публикации книги Полоцкого похода см.: *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 155–170; *Воробьев В.М.* Рукопись разрядной книги Полоцкого похода 1563 г. и ее публикации // Исследования по Русской истории и культуре. М., 2006. С. 373–386.

[1] АМГ. Т. 1. С. 1–62; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 34. Л. 764–775.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 35. Л. 1–73; Оп. 10. № 1. Л. 43–106; Российская крепость на южных рубежах: документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 годах. Елец, 2001. См. об этих источниковых комплексах: *Анхимюк Ю.В.* Документы об основании Царева-Борисова и Валуек в РГАДА и ОПИ ГИМ (обзор) // Белгородская черта. Белгород, 2018. Вып. 3. С. 3–8; *Глазьев В.Н.* Комплексы документов по управлению городами Центрального Черноземья в конце XVI в.: источниковедческий анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 84–87.

[3] *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 104–143; Древняя российская вивлиофика (далее: ДРВ). Ч. 13. М., 1790; *Назаров В.Д.* Свадебные дела XVI века // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110–123; Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковых (7083/1575 г.) // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 3. С. 8–10.

[4] *Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков. М., 2020; *Он же.* Местничество в России XVI-XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994; *Он же.* Описание подлинных местнических дел. М., 2017; *Он же.* Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв. М., 2009.

[5] Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских (далее: РИС). М., 1838. Т. 2. С. 157–213 (А.В. Измайлов); РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 12. Л. 1–15 и Ф. 141. Оп. 1. 1627. № 73. Л. 14–28 (С.Г. Коробьин и А.В. Измайлов); Ф. 210. Оп. 9. Стб. 20. Л. 252–257, 293–298, 308–311 (В.П. и У.С. Ляпуновы).

Уникальные биографические и генеалогические сведения о представителях рязанских родов содержатся в отпускных челобитных «московских» чинов, недавно опубликованных Е.Н. Горбатовым[1], а также в челобитных о пожалованиях «по родству». Последние составляют обширный делопроизводственный комплекс, который до сих пор не введён в научный оборот (существуют только неполные алфавитные указатели)[2].

Важное дополнение к разрядному делопроизводству составляет **документация Посольского приказа**. В контексте настоящего исследования особенно важны посольские книги по связям с южными соседями Московского государства. Со времени независимости Рязанского княжества и на всём протяжении XVI–XVII вв. сопровождением миссий в Ногайскую орду, Крым и Османскую империю занимались местные служилые люди. Статейные списки показывают организацию этих экспедиций, устройство региональной власти и характеризуют взаимодействие рязанцев с сообществами «Дикого поля». Посольские материалы, сохранившиеся от периода Смутного времени, проливают дополнительный свет на противостояние в Рязанском уезде. В отдельных случаях выходцы из рязанских родов использовались в качестве дипломатических агентов на различных направлениях, о чём также известно из делопроизводства Посольского приказа[3]. Кроме того, в описаниях приёмов содержатся перечни

---

[1] *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // Очерки феодальной России. М., 2013. Вып. 17. С. 213–396; *Он же.* Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования. Алексея Михайловича (1645 г.) // Российская генеалогия. М., 2018. Вып. 4. С. 19–96.

[2] *Белоусов М.Р.* Челобитные представителей московских чинов Государева двора 40-х годов XVII столетия как источник по истории взаимодействия верховной власти и служилых людей // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 55–65; *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. С. 428–438; *Шабаев Л.Е.* Челобитные «по родству» как исторический источник первой половины XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции. М., 2019. С. 229–231.

[3] *Белокуров С.А.* Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Федоровичу в 1625 г. // Сборник московского главного архива министерства иностранных дел. М., 1893. Вып. 5. С. 1–48; *Он же.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1; *Дунаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. Приложение. С. 34–93; *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1903. Вып. 11. Отд. 1. С. 136–180; Отд. 3. С. 3–231; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1–2; Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990.

служилых людей – ценный источник сведений о рязанцах, вошедших в круг столичной элиты. Так, исключительно в посольских делах сохранилось важное упоминание о думном чине Ш.В. Кобякова[1].

Недавно опубликован каталог материалов, отложившихся в архиве Поместного приказа по результатам **писцовых описаний** Рязанского края[2]. На фоне других областей Московского государства изучаемый регион отличает высокая степень сохранности источников конца XVI в.: платёжных книг всех девяти станов уезда (опубликованы В.Н. Сторожевым)[3] и приправочных книг пяти станов (две изданы В.Н. Сторожевым[4], три – Г.Н. Анпилоговым[5]). От послесмутных дозоров дошли материалы по четырём станам (из них три дозорные

Ч. 1–2; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 151–252; Продолжение Древней Российской вивлиофики. СПб., 1801. Ч. 11; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 1-2; Ф. 127. Оп. 1. № 2; Сборник Русского исторического общества (далее: СРИО). М., 1887. Т. 59; М., 1892. Т. 71; М., 1912. Т. 137; М., 1913. Т. 142; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. М., 2006. Дипломатические материалы эпохи Смуты включены в сборники актов, которые рассматриваются ниже. См. о посольских документах: *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М,, 2007; *Лисейцев Д.В.* Делопроизводство Посольского приказа в начале XVII в. // Открытый текст (Электронный ресурс). URL: http://www.opentextnn.ru/history/deloproizvodstvo/?id=1088 (дата обращения: 01.04.2021); *Рогожин Н.М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990 (Электронный ресурс). URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html (дата обращения: 01.04.2021).

[1] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. № 10. Л. 369об. –370; СРИО. Т. 71. С. 287–288.

[2] Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. М., 2018. А.В. Азовцевым составлен перечень писцовых описаний края в XVI в., по поводу которых сохранились лишь упоминания: *Азовцев А.В.* Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в. // Рязанская старина. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 315–330. О работе с писцовыми книгами: *Фролов А.А.* Историография исследовательских подходов в источниковедении средневековых государственных поземельных описаний стран Европы. Часть 1. Писцовые книги Московского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 8 (31). (Электронный ресурс). URL: https://history.jes.su/s207987840000934-6-1/ (дата обращения: 01.04.2021).

[3] Основная публикация материалов писцовых описаний Рязанского уезда: Писцовые книги Рязанского края. XVI в. Рязань, 1898–1904. Т. 1. Вып. 1–3 (далее: ПКРК).

[4] Окологородный, Каменский станы: ПКРК. Вып. 1. С. 255–416.

[5] Перевитский, Ростиславский, Моржевский станы: *Анпилогов Г.Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI в. М., 1982 (далее: РППК). О дефектах и утратах сохранившихся текстов см.: *Сметанина С.И.* Писцовые книги Рязанского уезда // Советские архивы. 1979. № 5. С. 54.

книги опубликованы в середине XIX в.)[1]. Наконец, с незначительными утратами сохранились памятники «первого валового письма», начавшегося во второй половине 1620-х гг. Из них В.Н. Сторожевым опубликованы писцовые книги Окологородного, Каменского и Моржевского станов[2].

Рязанские писцовые материалы представлены как книгами «оптимального» (Л.В. Милов)[3] или «шелонско-рязанского» (А.Л. Шапиро)[4] типа, так и вариантом «с неразделённой пашней», где данные по господской и крестьянской запашке суммировались. «Валовое письмо» на территории уезда осуществлялось двумя писцовыми группами: первая описывала Каменский, Кобыльский, Моржевский и Ростиславский, вторая – Окологородный, Перевитский, Пониский и Старорязанский станы. Описание второй «половины» в силу ряда обстоятельств растянулось до начала 1640-х гг. Упоминания о поместьях и вотчинах служилого человека в других станах, как правило, ограничены территорией, в которых работала конкретная писцовая группа. Систематически указывалась документация, предъявленная в качестве основания для владения, хотя писали и «по сказкам»[5]. Рязанские писцовые книги конца XVI – первой трети XVII в. дают богатые сведения для ретроспективного анализа, методика которого предложена в

---

[1] Моржевский, Перевитский, Кобыльский: Книги приправочные // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1852. Кн. 13. Отд. 2. С. 1–114. Критику издания со списком допущенных при издании неточностей см.: *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика: дис. … канд. ист. наук. М., 1982. С. 56–57. Дозорная книга по Каменскому стану (содержащая, кроме того, роспись «приписанных» к Пронску сел) (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 397, 398), а также перечневая роспись, платежная и дозорная книги Кобыльского стана (№ 398) не опубликованы.

[2] ПКРК. Вып. 2–3. В настоящей работе использовались книги: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 402 (Кобыльский стан), № 405 (Перевитский), № 408 (Старорязанский), № 1070 (Пониский), № 1071 (Ростиславский). Наиболее значительной утратой являются материалы по Пехлецкому стану Ряжского уезда, в ходе «первого валового письма» впервые описанному отдельно от Рязанского. Частично сохранился список выслуженных вотчин в № 13228, а также старинных в № 13329 (л. 678–709).

[3] См.: *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII ст.: Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986 (о рязанских книгах см.: с. 95, 102, 104, 125, 143, 151).

[4] *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 27. Л., 1987. С. 94–116.

[5] Некоторые подсчёты см.: *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. М., 2002. С. 4; *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII ст.: Историография. Компьютер. Методы исследования. С. 32.

работах С.И. Сметаниной[1]. Высокая сохранность материалов позволяет произвести сравнительное изучение состояние землевладения в период накануне Смуты и спустя полтора десятилетия после кризиса. Всестороннее исследование этих памятников на современном уровне знаний о писцовом делопроизводстве является актуальной исследовательской задачей. Нуждается во введении в научный оборот также комплекс рязанских отказных книг[2].

Столбцы Поместного приказа по Рязани[3] представляют собой чрезвычайно обширный документальный массив (сохранившийся только для «послепожарной» эпохи), к настоящему моменту практически не изученный[4]. Основное содержание столбцов составляет текущее делопроизводство, связанное с обустройством поземельных отношений. Исследователи обращались к ним, главным образом, в поиске «уникальных» актов XV – начала XVII вв. – такой подход обоснован В.И. Корецким[5]. Однако значение этого источникового массива гораздо шире: столбцы не только могут служить важным дополнением к писцовым книгам при изучении мобилизации землевладения, но содержат уникальные подробности уездной жизни и биографий служилых людей[6]. Кроме того, они дают ценный материал для исследования административной и судебной практики Московского государства[7]. В современной историографии

---

[1] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 49–57; *Она же.* Писцовые книги Рязанского уезда.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 609в–612.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1269–1278.

[4] Помимо недостаточной обеспеченности научно-справочным аппаратом, проблемой является также недоступность части столбцов для исследователей ввиду ветхого состояния. Мы благодарим сотрудников РГАДА за возможность ознакомиться с текстами необходимых документов в случаях, когда столбцы оказывались для нас недоступны.

[5] *Корецкий В.И.* Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. М., 1983. С. 155–161.

[6] См. замечания В.Н. Сторожева: ПКРК. С. 9 (1-я паг.).

[7] *Князьков С.Е.* К определению границ понятия «судебно-следственное дело» (по материалам приказного делопроизводства) // Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 67–71; *Он же.* Приемы использования и изучения судебно–следственных материалов XVI–XVII вв. в отечественной историографии // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 99–113; *Он же.* Судебно-следственные дела конца XVI – начала XVII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1989; *Шумаков С.А.* Столбцы Поместного приказа // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 4. С. 330–376.

подчёркивается необходимость целостного анализа (и публикации) «дела» как «естественной совокупности» (Л.А. Тимошина) – единого документального комплекса с собственными внутренними связями, логикой и структурой[1]. Подход, при котором материалы судебно-следственного дела выступают как самоценный основной источник, использован нами при рассмотрении земельных конфликтов первых десятилетий XVII в. (приложение 8).

Недавно составлены описания записных вотчинных книг Поместного приказа (за 1626–57 гг.), в которых систематически регистрировались земельные сделки[2]. В этой части документацию Поместного приказа дополняют столбцы, а также пошлинные и беспошлинные книги **Печатного приказа**, опубликованные за 1613–15 гг.[3].

Исследование основано на значительном комплексе **актов**, которые восходят к архивам рязанских родов. Дворяне целенаправленно сохраняли и передавали из поколения в поколение документы, подтверждавшие их землевладельческие права и служебно-местнический статус. В частных собраниях служилых людей находились десятки тысяч актов, которые тщательно оберегались на протяжении допетровской эпохи[4]. Однако впоследствии такие

[1] *Тимошина Л.А.* О месте столбцов XVII в. в современной археографии // Вестник «Альянс-Архео». 2015. № 9. С. 16–72; *Она же.* Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // Очерки феодальной России. М., 2012. Вып. 15. С. 238–299.

[2] Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010 (далее: ЗВК).

[3] *Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994; *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Фёдоровича. (Столбцы Печатного приказа). М., 1915. См.: *Иванова Е.В.* Делопроизводство Печатного приказа в первой половине XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2012. С. 68–77; *Она же.* Книги Печатного приказа 1613-1649 гг. как исторический источник: дис. … канд. ист. наук. М., 2004.

[4] Такие документы избежали уничтожения в огне московского пожара 1626 г., но подвергались другим угрозам. Подробный рассказ об обстоятельствах практически полной утраты фамильного архива к концу XVII в. содержится в родословной росписи рязанских детей боярских Бузовлевых («грамоты в тотарское разоренье пропали, а каким поведением пропали, и про то известица в сей родовой росписи»). Древнейшие документы исчезли в царствование Фёдора Ивановича – их не смогли найти после татарского набега, во время которого пропал без вести С.Т. Бузовлев. Часть фамильного архива уцелела, поскольку грамоты были «зарублены в липе» – это примечательное упоминание показывает тщательность, с которой сохранялись такие материалы. В конце XVII в. представители рода помнили также о посольском наказе Василия Шуйского, который сгорел «в доме» у Я.И. Бузовлева (*Шабаев Л.Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дворянские фамилии Рязани //

материалы потеряли практическую ценность и со временем были практически полностью утрачены. В силу этого обстоятельства исследователь получает доступ к частным актам не напрямую, но главным образом через посредство государственных или церковных учреждений, где такие документы сохранялись, копировались или регистрировались. Особенно большое количество упоминаний и копий актов дошло в составе делопроизводства Поместного приказа (после 1626 г.), а также Палаты родословных дел (о ней речь пойдёт ниже). Колоссальная работа по выявлению и публикации этих материалов в хронологических рамках до 1613 г. выполнена А.В. Антоновым[1]. С.И. Сметанина произвела реконструкцию архивов рязанских духовных учреждений[2]; важным дополнением служит описание грамот (в том числе и рязанских) фонда Коллегии экономии[3]. Большинство этих документов за досмутный период опубликовано[4]. Серию актов

Российская генеалогия. М., 2018. Вып. 3. С. 171–173). Один из редких рязанских примеров сохранения документов в родовом архиве вплоть до начала XX в. – местная ветвь кн. Волконских (*Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900).

О частных архивах см.: *Корецкий В.И.* Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства; *Морозов Б.Н.* Частные архивы XVII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Он же.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 70–98; *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии... С. 16–19; *Тимошина Л.А.* Частные архивы XVII в.: еще раз о составе документов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 5 (59) (Электронный ресурс). URL: https://history.jes.su/s207987840001866-1-1 (дата обращения: 01.04.2021); *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 62–74.

[1] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997–2008. Т. 1–4 (далее: АСЗ); *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века.

[2] *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. // Русский дипломатарий (далее: РД). М., 2000. Вып. 6. С. 247–290.

[3] Описание Грамот Коллегии экономии. М., 2018. Т. 2. С. 867–920; *Шумаков С.* Материалы для истории Рязанского края // Труды Рязанской ученой архивной комиссии (далее: ТРУАК). Рязань, 1897. Т. 12. Вып. 1. С. 74-106.

[4] Важнейшие публикации рязанских актов (помимо АСЗ): Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. С. 339–409 (далее: АСЭИ без указания тома); *Антонов А.В.* Вновь открытые рязанские акты XVI – начала XVII века // Там же. М., 2003. Вып. 9. С. 235–257; *Он же.* Две кормленные грамоты Денисьевых // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 246–250; *Он же.* Из частной жизни служилых людей рубежа XVI – XVII веков // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 160–174; *Он же.* Из истории нагодчины в Рязанской земле // Там же. М., 1998. Вып. 4. С. 152–158; *Он же.* Новый источник по истории нагодчины // Там же. М., 2000. Вып. 6. С. 5–8; *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей // Там же. М., 1998. Вып. 3. С. 3–44; *Анхимюк Ю.В.* Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 года // Там же. М., 2001. Вып. 7. С. 286–292. *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского

из архива рязанского Депутатского собрания издал А.В. Азовцев[1]. Период после 1613 г. пока не охвачен исследователями, имеются лишь отдельные публикации частных актов, связанных с рязанскими фамилиями[2].

По заключению А.В. Антонова, в нашем распоряжении находится «менее десятой доли процента от былого документального массива частных архивов XV – начала XVII в.»[3]. Сохранившийся комплекс актов представляет собой специфическую по характеру выборку, состав которой во многом определялся предпочтениями (критериями ценности документов) самих дворян, а также перипетиями судеб конкретных служилых фамилий (например, мала вероятность сохранения документов частного архива ветви, которая рано пресеклась)[4]. Эти обстоятельства, однако, не снижают ценности актовых источников для настоящего исследования. Они дают значительный биографический и генеалогический материал, а также сведения о социальных связях, землевладении

XV в. // Советские архивы. 1991. № 5. С. 92–94; *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 74–89; *Зимин А.А.* Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей Государственный библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1956. Вып. 18. С. 210–219; Жалованная грамота Олега рязанского. Древнейший документ Московского архива Министерства юстиции. М., 1913; *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X-XVI вв. М., 1996. С. 226–227; *Кузьмин А.Г.* Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Советские архивы. № 1. 1967. С. 112; *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского // Советские архивы. 1987. № 1. С. 66–69; *Морозов Б.Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 298–309; Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край. М., 1978 (далее: ПРП РК); *Сметанина С.И.* Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 14–16; *Филиппова И.С.* Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв. М., 1982. С. 238–286.

[1] *Азовцев А.В.* Грамоты 1571–1612 годов из архива рязанского Депутатского собрания // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 348–358. См. также: *Он же.* Источники по истории России XIV-XVII вв. в составе дел фонда Рязанского дворянского собрания ГАРО // Первые Яхонтовские чтения. Рязань, 2001. С. 180–182; *Он же.* Подлинные документы XVI-XVII веков в составе дел фонда Дворянского депутатского собрания ГАРО // Рязанская старина. 2006–2008. Рязань, 2013. Вып. 4–6. С. 331–357.

[2] *Арсеньев Ю.В.* Новые данные о роде Масловых. М., 1912; *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских; Родословная роспись рода Кикиных. Грамоты и наказы воеводе И.Ф. и стольнику Б.П. Кикиным. М., 1845; *Селиванов А.В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых, ведущих свое начало от Кичибея. Рязань, 1912–1916. Ч. 1–3; *Чернопятов В.И.* Род Крюковых. М., 1915.

[3] *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. С. 7.

[4] АСЗ. Т. 1. С. 8; *Морозов Б.Н.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. С. 76.

и служебных назначениях представителей рязанской элиты. Только благодаря относительно большому массиву (около сотни) документов, сохранившихся (в разрозненном виде) от эпохи Великого княжества Рязанского, становится возможной реконструкция состава и чиновной иерархии местного боярства[1]. В серии кормлёных грамот первой половины – середины XVI в. содержится уникальная информация о назначениях членов местных родов на позиции волостелей московских великих князей. Указные и ввозные грамоты из архива Ляпуновых проливают свет на положение представителей этого семейства в царствование Василия Шуйского. Наконец, именно в составе частных архивов сохранились ценные списки рязанских дворян и детей боярских первых послесмутных лет, упоминавшиеся нами ранее в категории служебно-учётной документации.

Актовые и делопроизводственные источники играют особенно важную роль при исследовании событий Смутного времени. Значительный массив материалов, относящихся к этому периоду, был опубликован в хорошо известных дореволюционных сборниках[2]. В середине – второй половине XX в.

[1] Б.Н. Морозов предположил, что рязанские грамоты «сохранялись в конце XVII в. не в архивах названных [Вердеревских, Измайловых, Кобяковых, Сунбуловых – *И.К.*] родов, а были взяты ими из одного общего источника», однако не привёл никаких аргументов в пользу этой точки зрения (*Морозов Б.Н.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. С. 74). С данным утверждением трудно согласиться хотя бы потому, что родословные росписи рязанских фамилий содержат целый ряд упоминаний об обстоятельствах хранения документов. О рязанских актах см.: *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 52–68; *Зимин А.А.* Холопы на Руси, М., 1973. С. 274–276; *Романов Б.А.* Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Вып. 3. С. 205–224; *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X-XVI вв. С. 96–108; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV – XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 124–130.

[2] Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.). М., 1918; Акты времени Междуцарствия (1610 г., 17 июля – 1613 г.). М., 1915; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г., 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1918; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1841. Т. 2. (далее: АИ); Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. СПб., 1890. Т. 1 (далее: АМГ); Акты подмосковного ополчения и Земского собора (1611–1613 гг.). М., 1911; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. 2 (далее: ААЭ); Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4 (далее: АЗР); Дополнения к Актам историческим (далее: ДАИ). СПб., 1846. Т. 2; СПб., 1848. Т. 3; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных

исследователи возобновили систематические архивные поиски, в результате которых в научный оборот были введены обширные комплексы новых документов[1]. Один из важных итогов проделанной работы – сборник, посвящённый событиям 1606–07 гг.[2]. Отличительной чертой данного издания является учёт текстов, содержащих ретроспективные свидетельства о начальном периоде кризисной эпохи. Недавно А.А. Селиным описана серия грамот так называемого «Смоленского архива», содержащих уникальные сведения о судьбе рязанцев Ржевских[3]. По справедливому заключению В.Д. Назарова,

дел. М., 1819. Ч. 2 (далее: СГГиД). Отдельные публикации: Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвинённого в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. 1850. Кн. 8. Смесь. С. 1–40.

[1] *Александров В.А.* Памфлет на род Сухотиных (XVII в.) // История СССР. 1971. № 5. С. 119–121; *Антонов А.В*. К биографии А. П. Клешнина // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 367–380; *Анхимюк Ю.В., Павлов А.П.* Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр» // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 212–244; *Зимин А.А., Королева Р.Г.* Новые материалы по истории восстания И.И. Болотникова // Исторический архив. М.; Л., 1953. Т. 8. С. 24–61; *Корецкий В.И.* Новые документы по истории восстания И.И. Болотникова // Советские архивы. № 6. 1968. С. 66–83; *Он же.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. (историография и источники) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2009. С. 85–97; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Лжебасманов // Вопросы истории. № 10. 1974. С. 135–141; *Станиславский А.Л.* Брянский край и восстание Болотникова // Феодальный город. Брянск. 1989. Вып. 1. С. 18–23; *Он же.* Новые документы о восстании Болотникова // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 76–83; *Он же.* Челобитная Вельяминовых – источник по истории России начала XVII в. // Советские архивы. 1983. № 2. С. 34–40; *Тюменцев И.О.* Русский архив Яна Сапеги 1608-1611 годов. Тексты, переводы, комментарии. Волгоград, 2012; *Он же.* Список сторонников царя Василия Шуйского. (Новая находка в Шведском государственном архиве) // Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994. С. 317–320; *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А., Тюменцева Н.Е*. Документы русского архива Яна Сапеги: находки 2013-2018 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 2. С. 44–54; *Опарина Т.А.* Судьба рядового участника свадебных торжеств Марины Мнишек и Лжедмитрия I (челобитья Станислава Сандецкого царю Михаилу Романову) // Средние века. 2011. № 72 (3–4). С. 223–231.

[2] Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003 (далее: НД). Критический взгляд на такой подход к изданию актов в свете археографических стандартов: *Тимошина Л.А.* О месте столбцов XVII в. в современной археографии. С. 51–53.

[3] *Селин А.А.* «Смоленский архив» и королевские пожалования под Смоленском 1610-1611 гг. // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2018. Т. 15. № 1. С. 7–22; *Он же.* Королевские пожалования под Смоленском: случай Ржевских // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 122–123.

применительно к истории Смуты можно утверждать, что источниковая база была в целом ряде аспектов «заново сформирована» за минувшие десятилетия[1].

Большое значение для исследования имеют **родословные материалы** – прежде всего, росписи, представленные представителями служилых фамилий в Палату родословных дел Разрядного приказа после отмены местничества в конце XVII в. История и состав этого источникового комплекса обстоятельно изучены в работе А.В. Антонова[2]. Отдельные памятники (например, родословие Ляпуновых) утрачены, но данные из них можно восстановить благодаря публикации Н.И. Новикова[3]. Часть рязанских росписей была издана исследователями конца XIX – начала XX в.[4], а недавно систематическую публикацию выполнил Л.Е. Шабаев[5]. Кроме того, статьи нескольких рязанских фамилий можно найти в «приписных» главах различных редакций родословных книг. Наиболее важные из этих текстов опубликованы А.В. Кузьминым[6]. Особняком стоит «родовое

---

[1] *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты // Смутное время в России. Конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 213.

[2] *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996; *Он же.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века.

[3] *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1. С. 231–235. Воспроизведение с комментарием: *Козляков В.Н.* Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 375–376.

[4] *Арсеньев Ю.В.* Новые данные о роде Масловых. С. 44–67; *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 777–782; Жалованная грамота Олега Рязанского, древнейший документ Московского архива Министерства юстиции. С. 60–61 (Апраксины-Вердеревские); *Левонтьев Д.Н.* Материалы для родословия дворян Левонтьевых и Петрово-Соловых. Казань, 1881. С. 22–26; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 354–355 (Измайловы); *Селиванов А.В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых… Ч. 1. С. 2–3.

[5] *Шабаев Л.Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дворянские фамилии Рязани // Российская генеалогия. Вып. 3. М., 2018. С. 119–207 (далее: РРР). Публикация рязанской копии родословной росписи Сунбуловых: *Никитин А.О.* Сунбуловы – рязанские предки А.С. Пушкина // Есенинский вестник. 2001. Вып. 5. С. 20–23. Весьма примечательный поздний памятник обнаружен А.В. Азовцевым: *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века // Рязанская вивлиофика. Рязань, 2001. Вып. 3. С. 72–81.

[6] *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3. С. 48–59. Другие издания: *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011; Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2 (далее: РИИР). Систематическое изучение этих памятников, начатое работой М.Е. Бычковой, в современной историографии продолжается: *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975; *Хоруженко О.И.* Вопросы текстологии Румянцевской редакции родословных книг // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 185–203; *Он же.* Румянцевская редакция

письмо» Шиловских, составленное во второй четверти XVI в.; документ содержит уникальную информацию о древнейшей истории фамилии[1].

Рязанские родословцы значительно различаются по степени полноты и достоверности генеалогических сведений. Отчасти это определялось успешностью представителей конкретного клана на службе московским государям. Наиболее видные фамилии местной элиты, сохранившие свои позиции (Вердеревские, Коробьины, Сунбуловы), располагали значительными семейными архивами и имели возможность произвести качественные генеалогические реконструкции. Впрочем, и такие подробные родословцы нуждаются в критическом анализе на предмет искажений. Представители новых поколений могли, например, воспользоваться пресечением или захуданием другой ветви и скорректировать порядок старшинства в своих интересах[2]. Что касается абсолютного большинства провинциальных дворян, для них задача составления полноценной генеалогии оказывалась непосильной[3]. К концу XVII в. память о дальних предках была утрачена, и в родословиях заметны лакуны и сомнительные построения. Скорректировать их отчасти позволяют делопроизводственные и актовые источники, которые были созданы при жизни упомянутых в родословцах служилых людей.

Помимо информации о происхождении и родстве, росписи могут содержать и другие ценные для исследователя сведения. Представители служилых фамилий целенаправленно включали в родословцы упоминания о «честных» службах и пожалованиях. Иногда такие материалы формируют отдельный документ –

родословных книг: итоги и перспективы изучения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). 2017. С. 153.

[1] АСЭИ. С. 376–378 (№ 352); РРР. С. 204–206. Обоснование датировки части «родового письма», в которой обсуждается генеалогия Шиловских: *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 68–70. См. также: *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. С. 162–163; *Юшков А.* Акты XIII–XVII вв., предоставленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1 (1257–1613 гг.). М., 1898. С. 12, 14 (прим.).

[2] См., напр.: *Селиванов А.В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых… Ч. 1. С. 16.

[3] Обсуждение этой проблемы на нижегородском материале см.: *Чеченков П.В.* Межпоколенная коммуникация: родовая память нижегородского дворянства XVII века // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Нижний Новгород, 2011. С. 374–377.

например, Коробьины составили подробную «роспись служб», которая свидетельствует о целенаправленных архивных разысканиях, предпринятых представителями рода для документирования наиболее важных назначений предков[1]. Большинство сведений черпалось из разрядных книг, доступных и сегодня, а также из частных актов, многие из которых сохранились в приложениях к росписям. Однако в родословцах отразились и отдельные факты, которые не известны по другим источникам. Так, в упомянутом послужном списке Коробьиных сообщается о том, что один из представителей рода ездил «сватать» Марию Черкасскую за Ивана IV, а его внук «при государе … Владиславе Жигимонтовиче» получил назначение на сибирское воеводство[2]. Иных данных об этих служебных посылках пока не найдено.

В некоторых случаях родословцы содержат информацию об обстоятельствах смерти конкретного лица, и такие сведения основаны скорее на живой семейной памяти, чем документации. В «приписную» главу Сунбуловых одного из родословных сборников попало указание на события, точная датировка которых пока не ясна (речь идёт о середине XVI в.): «А Иван Бровка да Микита Чюра побиты, как князь Великий ходил молитца на поле к Ивану Безслову, и в те поры на него приходили татарове, и они побиты нежонаты»[3]. Ляпуновы сохранили воспоминание о том, что старший брат знаменитого Прокопия, Григорий, был «замучен на Москве от Ростриги»[4]. Роспись Вердеревских сообщает о гибели и захоронении одного из представителей рода «на Ельце» во время восстания против Василия Шуйского[5]. Выявление и анализ таких уникальных свидетельств – важная задача при исследовании родословных материалов.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 134. Л. 18–22. Материалы «росписи служб» и родословцев использованы К.М. Секретевым при составлении интернет-страницы: Родословные росписи Коробьиных (Электронный ресурс). URL: www.domarchive.ru/archive/fonds/1_rod/1029 (дата обращения: 01.04.2021). О подобных послужных списках см.: *Морозов Б.Н.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. С. 80–81.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 155. Л. 20, 21.

[3] РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 468. Л. 208об.

[4] *Козляков В.Н.* Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках. С. 375.

[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 160. Л. 3.

Ценную информацию о служилых людях содержат **синодики, а также вкладные и кормовые книги**. Значительные документальные комплексы, относящиеся к крупнейшим церковным и монастырским учреждениям (прежде всего – Троице-Сергиеву монастырю), давно введены в научный оборот и хорошо известны[1]. Меньше внимания уделено памятникам, сохранившимся от рязанских обителей[2]. Данные по истории XV–XVII вв. можно найти во вкладной книге (1691 г.)[3] и синодике (ранее 1691 г.)[4] Солотчинского монастыря, трёх синодиках Спасо-Преображенского монастыря (древнейший начат между 1604 и 1607 гг.)[5], а также синодике Успенского собора Переяславля-Рязанского (начат во второй четверти XVII в., добавления XVIII в.)[6]. Синодик Зарайского Никольского собора дошёл только в списке последней трети XVII в.[7]. Эти памятники дают

[1] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987; *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация). М., 2008; *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009. Характеристику этой группы источников и перечни важнейших памятников см.: *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. : дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2016. С. 73–78; *Кузьмин А.В., Стрельников С.В.* Вкладные книги // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 28. С. 613–617.

[2] См.: *Вдовина Л.Н., Кузьмин А.Г., Севастьянова А.А.* Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 177–183; *Головина Н.В.* Источники по истории Рязанско-Муромской епископии XIV – XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2012; *Губин Д.В.* Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII-XVII вв.: дис. … канд. ист. наук. М., 2004; *Севастьянова А.А.* Редкие рукописные книги XVII–XIX веков в Государственном архиве Рязанской области // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2018. № 3 (60). С. 7–12. В работе используется научное описание рукописей Рязанского историко-архитектурного музея заповедника, составленное в конце 1980-х гг. (Б.Н. Морозов, А.А. Турилов и А.А. Паскаль) и существующее в машинописном варианте.

[3] РИАМЗ. № 8835/1. Публикация фрагмента с древнейшими вкладами: АСЭИ. С. 367–368 (№ 341а).

[4] РИАМЗ. № 8835/2. Описание памятников содержится в папке № 14 научных описаний рукописных книг собрания РИАМЗ. Там же указаны некоторые исправления к публикации вкладной книги в АСЭИ (со с. 10).

[5] РИАМЗ. № 8609 (издано описание: *Морозов Б.Н., Турилов А.А.* Роспись главам Синодика Спасо-Преображенского монастыря в г. Рязани // Историческая генеалогия. Екатеринбург. 1993. № 1. С. 93–95); № 8613 (изданы как описание, так и сам синодик: *Плешакова В.В., Порубай П.Н.* Синодик Спасо-Преображенского монастыря г. Рязани // Вышенский паломник. 1997. № 4. С. 80–85; 1998. № 1. С. 84–89); № 8659 (находится на экспозиции, см. фото разворота в альбоме: Альбом «Музей-заповедник Рязанский Кремль». Рязань, 2005).

[6] РИАМЗ. № 8931. Выражаем глубокую признательность Е.В. Шапиловой и коллективу РИАМЗ за возможность ознакомиться с этими памятниками в непростой для музея период.

[7] ОР РГБ. Ф. 310. № 153. Отсканированная версия доступна онлайн. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-153/ (дата обращения: 01.04.2021).

представление о круге вкладчиков церковных и монастырских учреждений. Кроме того, они позволяют анализировать мемориальные практики служилых людей: содержание и размеры вкладов, их распределение по различным обителям Рязанского края и Московского государства в целом. Поминальные статьи содержат более широкий набор лиц, чем любой другой источник, поскольку включают умерших в малолетстве детей, а также тех представителей родов, которые не были примечательны в служебном отношении, принадлежали к младшим или пересекшимся ветвям. Важной особенностью синодиков является специальное указание на насильственный характер смерти («убиенный») конкретного служилого человека.

В исследовании используются **эпиграфические** памятники – надписи на надгробных плитах рязанских служилых людей[1]. В XVII в. был составлен список надгробий Троице-Сергиева монастыря, многие из которых к настоящему времени утрачены[2]. К.Ф. Калайдович в 1823 г. описал некрополь рязанского Ольгова монастыря, где находились родовые захоронения рязанцев Кобяковых и кн. Щетининых[3]. В 1920-е гг. А.Ф. Фёдоров обнаружил и описал в с. Исады Старорязанского стана группу надгробий Ляпуновых (конца XVI – XVII в.), в том числе – плиты отца и жены П.П. Ляпунова[4]. В конце 1930-х гг. эти уникальные памятники были «перемолоты на известь»[5]. В 1978 г. опубликована фотография

[1] Различные надписи на старинных рязанских памятниках собраны в издании: *Пискарев А.И.* Собрание надписей с памятников Рязанской старины // Записки Русского археологического общества. 1856. Т. 8. С. 271–384.

[2] Список надгробий Троицкого Сергиева монастыря, составленный в половине XVII века // Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. М., 1841. Ч. 2. Приложения. С. 96–120.

[3] *Калайдович К.Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823. С. 33–35.

[4] *Федоров А.Ф.* Материалы к истории с. Исад, Спасского уезда, Рязанской губернии. Бывшей вотчины бояр Ляпуновых // Труды Спасского отделения Общества исследователей Рязанского края. Спасск, 1927. Вып. 1. С. 4–11. Аккуратность передачи надписей вызывает сомнение, поскольку в публикации они содержат нетипичные для формуляра таких памятников элементы.

[5] Об этом известно из недавно опубликованного письма А.Ф. Фёдорова (1940 г.): «Затем, толстоумы хотели прорубить стену в Ляпуновской церкви, соединив её с пекарней. По моему доносу, центр телеграммой приостановил все эти безобразия. Однако, надгробные памятники: отца Прокопия, его жены и других родственников, успели уничтожить, перемолов на известь. Заявил об этом прокурору и РИКу; виновных не нашли и дело замяли» (URL:

надгробной плиты другой жены П.П. Ляпунова – Фетиньи (ум. 1588)[1]. Дискуссионной остаётся датировка примечательного надгробия легендарного родоначальника Вердеревских Солохмира (Схоросмира), найденного в начале XXI в.[2]. К сожалению, систематического изучения рязанских погостов пока не проведено. Редкими примерами таких исследований являются археологические разведки, предпринятые А.О. Никитиным, в том числе совместно с В.Д. Коновым[3]. Информационный потенциал памятников лапидарной эпиграфики показан в новейшем исследовании А.Г. Авдеева[4].

Нарративные источники играют важную, но вспомогательную роль на протяжении большей части настоящей работы. Рязанские **летописи** не сохранились, однако, как показал А.Г. Кузьмин, местные известия присутствуют в общерусских сводах, прежде всего – в Никоновской летописи[5]. В этом источнике

---

https://isadi.ru/people/zemlevladeltsi/lyapunovy/ob-unichtozhenii-mogilnyh-pamyatnikov-lyapunovyh/ [дата обращения: 01.04.2021]).

[1] *Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф.* Русская мемориальная скульптура. М., 1978. С. 36. Насколько нам известно, надгробие хранится в РИАМЗ, но в настоящее время для исследователей недоступно. Датировка этого памятника неясна. По палеографии и орнаментальному оформлению надпись может действительно соответствовать концу XVI в., когда появляется плетеный орнамент (благодарим за консультацию по вопросу датировки А.Г. Авдеева).

[2] *Нагорнов В.П., Гераськин Ю.В.* Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хоросмира) в рязанском Солотчинском монастыре // Российская археология. 2008. № 2. С. 84–89; *Они же.* Салахмир или Хоросмир? (К истории формирования рязанского боярства) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2007. Т. 14. С. 55–64; *Хоруженко О.И.* Плита Схоросмира: поминальный обычай в конструировании родовой памяти // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 219–240; *Авдеев А.Г.* Заготовка эпитафии иноку Протасию Языкову из Иосифо-Волоколамского монастыря: методы датировки старорусских надписей с неполными датами // Поволжский вестник науки. 2020. № 1 (15). С. 15. Памятник был обнаружен на территории Солотчинского монастыря и в настоящее время вмонтирована в западную стену внутри основного четверика собора Рождества Богородицы.

[3] *Конов В.Д., Никитин А.О.* Белокаменные надгробия XVI-XVII вв. с некрополя Ильинского погоста. Исторический контекст, атрибуция и трёхмерное моделирование // Древности Поочья. Рязань, 2016. С. 275–303; *Никитин А.О.* Эпиграфические памятники XVII века в Старожиловском районе Рязанской области // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 82–89; *Он же.* Рязанские погосты: неизвестный архипелаг // Древности Поочья. Рязань, 2016. С. 143–223.

[4] *Авдеев А.Г.* Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси: дис. ... докт. ист. наук. М., 2018 (о рязанском сюжете см.: с. 481–482).

[5] Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). М., 1965. Т. 12. См.: *Денисова И.В.* Рязанский текст в древнерусском летописании XIII-XVI веков: дис. … канд. филол. наук. М., 2018; *Решетова А.А., Денисова И.В.* Рязанский летописный текст // Рязанский край в контексте русской литературы: очерки регионального литературоведения. Рязань, 2017. С. 6–25;

представлены, кроме того, важные упоминания об участии рязанских служилых людей в военных кампаниях второй четверти – середины XVI в. Большое значение повествовательные памятники приобретают при изучении Смутного времени[1]. Особое внимание рязанским служилым людям (в первую очередь, П.П. Ляпунову) уделено в знаменитом «Новом летописце». В исследовании В Г. Вовиной-Лебедевой продемонстрировано, что составитель мог опираться на устные свидетельства участников событий, в том числе – рязанцев и близких к ним лиц[2]. Важные сведения содержатся в так называемом «Карамзинском хронографе». После исследования С.Ф. Платонова считается установленным, что его автором являлся арзамасский помещики Б. Болтин. Арзамасские служилые люди активно участвовали в боевых действиях на территории Рязанского края, поэтому неудивительно, что в источнике присутствует целый ряд уникальных

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980; *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965.

[1] Опыты систематического исследования: *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913; *Солодкин Я.Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI – первой трети XVII веков. Нижневартовск, 2008; *Черепнин Л.В.* «Смута» и историография XVII века // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 81–128.

[2] ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 22–154 (далее: НЛ); *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 117–130; *Она же.* Новый летописец. История текста. СПб, 2004. По заключению В.Г. Вовиной-Лебедевой, в «Новом летописце» нет единой линии по отношению к Ляпуновым. В таких эпизодах, как выступление 1584 г., поражение рязанской рати от А.Ю. Лисовского и восстание против Василия Шуйского, «Новый летописец» даёт Ляпуновым однозначно отрицательную оценку. Роль П.П. Ляпунова в Первом ополчении и его гибель описываются, напротив, в сочувственных тонах. Остаётся неясным, почему представители рода не упоминаются ни в рядах кромских повстанцев (в 1605 г.), ни в ситуации перехода рязанцев на сторону Василия Шуйского в 1606 г. Фактически «Новый летописец» умалчивает об участии П.П. Ляпунова в болотниковском движении. Подобное умолчание о его роли «должно иметь какое-то объяснение – особенно если учесть то, что в других местах упоминается обо всех неблаговидных поступках как его собственных, так и его родственников». В.Г. Вовина-Лебедева полагает, что составитель «Нового летописца» пользовался сведениями из источников, отношение которых к рязанцам было различным (с. 227). Противоречивость в оценках П.П. Ляпунова весьма характерна.

Заметим, что проблема образа рязанского воеводы в нарративах минувших столетий ещё ждёт своего исследователя. Представление о якобы убитом Сигизмундом «защитнике Христовой веры», сохранившееся в исторических песнях, соседствует со столь же давно сложившимся образом властолюбивого «изменника», которому была чужда «любовь к отечеству» (см., напр.: *Козляков В.Н.* Первое ополчение в истории Смутного времени // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 3. Об образе Ляпунова в посланиях воевод Второго ополчения см.: *Он же.* Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 384–385).

свидетельств о местных событиях[1]. Отдельные известия, существенные в свете нашего исследования, можно найти в «Бельском летописце»[2], компилятивных «Ином сказании»[3] и «Казанском сказании»[4], «Пискаревском летописце»[5], «Рукописи Филарета»[1], «Сказании о Гришке Отрепьеве»[2] и других памятниках.

---

[1] Из хронографа, принадлежавшего историографу Карамзину // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 321–379 (далее: Карамзинский хронограф). Для известий «Карамзинского хронографа» о рязанцах характерно отсутствие выраженных оценок: даже «измена» под Кромами описана в сравнительно сдержанных выражениях. См.: *Платонов С.Ф.* Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. Ч. 1. С. 18–28; *Зиборов В.К.* Болтин Баим Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 147–148.

[2] ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 238–271 (далее: Бельский летописец). Исследователи сходятся в том, что этот «крупнейший памятник провинциального русского летописания» может быть датирован началом 1630-х гг. и возник в среде западнорусских служилых людей. Рязанцы появляются в летописце нечасто (переход на сторону Лжедмитрия I описан как явное клятвопреступление), однако именно из него можно узнать, что какие-то «рязанские люди» пришли из калужского лагеря вместе с И.М. Заруцким в начале формирования Первого ополчения. См.: *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 99–100; *Он же.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова // Вопросы истории. 1971. № 5. С. 130–152; *Он же.* Новая летопись о «смутном времени» // Знание – сила. 1972. № 1. С. 46–48; *Солодкин Я.Г.* Очерки по истории общерусского летописания... С. 200–208; *Он же.* О происхождении Бельского летописца // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 19. С. 117–125.

[3] Так называемое «Иное сказание» // РИБ. Т. 13. СПб., 1891. С. 1–144 (далее: Иное сказание). В современной историографии возобладал скептический взгляд на памятник, согласно которому «на долю компилятора приходятся почти исключительно переходы от одного сочинения к другому» (*Солодкин Я.Г.* «Иное сказание» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 50). Отказавшись от использования «Иного сказания» в качестве базового источника, исследователи продолжают опираться на его известия в тех случаях, когда они содержат проверяемые сведения, альтернативные другим версиям (см., напр.: *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. М., 2008. С. 30).

[4] *Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторические архивы. 1951. № 6. С. 81–130.

[5] ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 31–220 (далее: Пискаревский летописец). С.И. Хазанова отнесла создание памятника ко времени между 1611 и 1613 гг., что объясняет отсутствие в нём следов идеологии романовского царствования. «Пискаревский летописец» в повествовании о Смутном времени близок к разрядам, но, как и в случае с «Новым летописцем», текстуальных заимствований обнаружить не удаётся. Возможно, составитель также использовал устные рассказы участников (*Хазанова С.И.* Пискаревский летописец. М., 2016; *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. С. 235). И.О. Тюменцев подчёркивает плохое знание автором (по версии С.И. Хазановой, им был дьяк Н. Перфильев) событий Смуты, получение сведений «из вторых рук» (*Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 55). Памятник немногое добавляет к известной информации о рязанских служилых людях, однако его риторика рассказа об убийстве П.П. Ляпунова заслуживает пристального внимания. Летописец открыто осуждает «воровское

Классическим источником по истории Московского государства являются **записки иностранцев**[3]. В произведении С. Герберштейна содержится рассказ о присоединении Рязанского княжества, достоверность которого, впрочем, вызывает сомнения[4]. Ряд текстов иностранных авторов проливает дополнительный свет на события Смутного времени, происходившие на южных окраинах[5]. В записках гетмана С. Жолкевского имеются ценные сведения об отношениях П.П. Ляпунова и польской администрации[6]. Известия, важные в свете настоящего исследования, приведены в «Дневнике похода Сигизмунда III». В.Н. Козляков обратил внимание на уникальное свидетельство о начальном

насильство» казаков против «бояр, дворян и детей боярских» и встаёт на позицию рязанского воеводы, который попытался «унять» казаков.

[1] Рукопись Филарета. М., 1837; *Савельев Н.* О месте погребения Ляпунова // Сын Отечества. Журнал истории, политики, словесности, наук и художеств. М., 1842. Ч. 1. Отд. 1. С. 7–8 (другой список). Памятник представляет собой переделку «Повести Катырёва-Ростовского» и датируется 1630–33 гг., но изучен недостаточно. Единственным специальным исследованием остаётся работа: *Кондратьев А.* О так называемой рукописи патриарха Филарета // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1878. Сентябрь. Отд. 2. С. 22–83. Содержит ценное известие об убийстве П.П. Ляпунова и И.Н. Ржевского (*Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. С. 237).

[2] Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве, и о растриге, Гришке Отрепьеве, и о похождении его. М., 1847. И.П. Кулаковой обнаружен список с уникальным известием о рязанцах: *Кулакова И.П.* Московское восстание 1606 г. и воцарение Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1986. С. 35–50. См. о памятнике: *Енин Г.П.* Сказание и повесть... о разстриге Гришке Отрепьеве // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. 41. С. 119–122.

[3] Об этой группе источников см.: *Poe M.* Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus, 1995; *Idem.* “A People Born to Slavery”: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Cornell University Press, 2000; Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. Wisconsin, 1972.

[4] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 305, 307, 419, 421.

[5] *Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (Historya Dmitra falszywego) // РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 81–365; *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 9–159; *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000; *Геркман Э.* Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 211–233; Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). М., 2012; *Елассонский А.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 163–205; Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2006; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. М., 2007; *Масса И.* Краткое известие о Московии. М., 1937; *Мархоцкий Н.* История московской войны. М., 2000; *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 151–464.

[6] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Переписка гетмана с королём издана В.Д. Цветаевым: *Цветаев Д.В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. М., 1916. Вып. 1.

моменте формирования Первого ополчения в Рязанском крае, которое содержится в недавно обнаруженном продолжении этого памятника[1].

В заключение обозначим два ограничения для исследования, обусловленных особенностями архивов Московской Руси. Во-первых, как ясно из представленного обзора, большинство источников, которые используются для изучения *региональной* социальной группы, происходит из *центральных* учреждений. Такое положение дел, которое было бы необычным для исследований западноевропейских локальных сообществ, связано как с особенностями организации государственного управления (решение всех значимых вопросов замыкала на себе столичная администрация), так и с условиями сохранности источников. Полностью утрачено, например, делопроизводство местных органов власти Рязанского уезда (воеводская, губная избы).

Во-вторых, в силу аналогичных обстоятельств *государственные* материалы полностью преобладают над *частными*. Как уже отмечалось, даже документы фамильных архивов сохранились только в случаях, когда прошли через специфический фильтр правительственных учреждений. От героев нашего исследования не осталось личных писем или мемуаров, которые проливали бы свет на их личные переживания, повседневные заботы и мировоззрение. На жизнь служилых людей XVI – первых десятилетий XVII в. мы вынуждены смотреть сквозь искажающую призму приказного делопроизводства. Несколько

[1] Svenska Riksarkivet, Skoklostersamlingen, Polska Manuskript. Sygn. E 8597. № 335A. Л. 360; Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // РИБ. СПб. 1872. Т. 1. Стб. 427–721. См.: *Козляков В.Н.* О начальной истории первого ополчения: П. П. Ляпунов, И.Н. Сунбулов и бои под Пронском // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 7–16; *Тюменцев И.О., Туликова Н.А., Мирский С.В.* Неизвестный фрагмент дневника похода короля Сигизмунда III в Россию 1609-1611 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 4. С. 91–108. Эти свидетельства дополняет публикация материалов из Государственного архива: *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. Качество данного издания вызвало замечания исследователей: *Селин А.А.* Рец.: Н.В. Эйльбарт, Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ, wydawnictwo: СО РАН, Nowosybirsk 2013, ss. 400 // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2014. Т. 10. С. 595–601.

разнообразить эту «официальную, маложизненную картину прошлого»[1] позволяют отдельные памятники, в которых слышится авторский голос – прежде всего, некоторые частные акты, судебные очные ставки и челобитные, но и они подчинены строгим формулярным требованиям[2].

Несмотря на эти ограничения, сформированная источниковая база позволяет уверенно решать поставленные задачи. Высокий уровень делопроизводственной культуры Московского государства дает значительные возможности для исследования: сохранившиеся материалы содержат обширный массив сведений о статусе, службе и землевладении, а также происхождении и социальных связях рязанской элиты. Предложенный подход направлен на максимальную реализацию этого потенциала.

Обзор историографии

История Рязанской земли XVI – начала XVII в. сравнительно редко становится предметом специального исследовательского интереса. Момент присоединения княжества зачастую упоминается в качестве точки отсчёта для нового этапа развития российской государственности («централизованное государство»), после чего Рязанский край на продолжительный период исчезает со страниц исторических сочинений и упоминается разве что в качестве объекта очередного татарского набега. Следующее появление рязанских сюжетов на страницах общих работ приходится на период Смуты: широко признано, что местные служилые люди оказали большое влияние на события кризисной эпохи. В отдельном параграфе мы специально анализируем ключевые объяснения деятельности рязанского «города» в годы Смутного времени, предложенные исследователями (**3.1**). В настоящем разделе наше внимание сосредоточено, главным образом, на работах, которые *специально* посвящены различным аспектам рязанской истории. Поскольку количество таких текстов невелико, а

[1] *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии… С. 17–18.

[2] См., напр.: *Кошелева О.Е.* «Отходя от света сего...». Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 339–386.

затронутые в них сюжеты весьма разнообразны, мы предпочли проблемно-тематическую организацию обзора – хронологической.

Классическим исследованием **Великого княжества Рязанского** является магистерская диссертация Д.И. Иловайского, защищённая в 1858 г. и благоприятно встреченная рецензентами[1]. Для изучения рязанской истории впервые были использованы не только летописи, но также обширный комплекс «памятников старины», выявленных предшественниками автора (прежде всего, А.Н. Пискаревым и Т. Воздвиженским)[2]. Д.И. Иловайский поставил своей целью, «во-первых, привести в известность и дать единство фактам, до сих пор разрозненным и отрывочным; во-вторых, указать на самые важные эпохи, которые переживало княжество, и, в-третьих, по возможности, проникнуть в его внутренний быт»[3]. Работа оказала значительное влияние на всю последующую историографию средневековых русских земель[4].

---

[1] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 2008. См.: *Белякова Е.В.* Сочинение Д.И. Иловайского «История Рязанского княжества» – основополагающий труд по истории Рязанского края // Там же. С. 210–218; *Боярченков В.В.* Историки-федералисты. Концепция местной истории... С. 90–107; *Он же.* Проблема местной истории в научном наследии Д.И. Иловайского // Третьи Яхонтовские чтения. Рязань, 2005. С. 117–123.

[2] *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел сия епархии от учреждения её и до нынешних времён с присовокуплением исторического обозрения о бывших в ней и ныне существующих монастырях. М., 1820; Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н. Пискаревым. СПб., 1854. Отметим в этом контексте также более поздние работы, оказавшие влияние на изучение истории Рязанской земли: *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Рязанской епархии. 1884–1891. Т. 1–4; Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом. Рязань, 1889.

[3] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 10.

[4] Важнейшие работы, в которых рассматривается история Рязанского княжества: *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996; *Кривошеев М.В.* Муромская и Рязанская земля в XI – начале XIII вв. М., 2000; *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003; *Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984; *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации. М., 1996; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951; *Петров С.А.* Рязанская земля во второй половине XIII – начале XV в.: отношения с Ордой и Москвой: дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2011; *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. М., 1993; *Он же.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960; *Krökel U.* “Zwischen Hammer und Amboß”: Das Fürstentum Rjazan', Moskau und die Tataren (1237-1402) // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Stuttgart, 1998. S. 269–291.

Особенно важны в свете настоящего исследования последние главы, в которых рассматриваются заключительный этап самостоятельности княжества и его внутреннее устройство. Д.И. Иловайский убедительно показал, что в конце XV – начале XVI в. рязанские князья находились в полной зависимости от Москвы. По мнению автора, Иван III не пошёл на присоединение Рязани только потому, что местное население «еще не отвыкло от собственных князей и живо помнило прежние времена независимости и славы»[1]. В работе предложена концепция соперничества двух партий придворной элиты – сторонников и противников московского влияния[2]. Следуя известию С. Герберштейна, Д.И. Иловайский полагал, что после присоединения княжества местная верхушка подверглась насильственному переселению. В целом же рязанское боярство, как считал автор, «в главных чертах своих не много чем отличалось от московского или тверского»[3].

Дальнейшее изучение Рязанского княжества было связано, прежде всего, с введением в научный оборот новых актовых источников. Исследование этих материалов позволило выявить целый ряд особенностей местной социально-политической организации. С.Н. Валк и Е.И. Колычева обратили внимание на роль института доклада в рязанских документах[4], С.М. Каштанов – на феномен «посредников» и характерные особенности начального протокола рязанских грамот[5]. В монографии С.Б. Веселовского рассмотрена тема иммунитета, которая получила развитие у Ю.Г. Алексеева и Б.Н. Флори[6]. В.Д. Назаров, используя

---

[1] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 114.
[2] Там же. С. 119–121.
[3] Там же. С. 142.
[4] *Валк С.Н.* Грамоты полные // Сборник статей, посвященный С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 124–129; *Колычева Е.И.* Полные и докладные грамоты XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 58–63; *Она же.* Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). М., 1971. С. 23–29.
[5] *Каштанов С.М.* Роль посредников в выдаче жалованных грамот // Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 289–302; *Он же.* Из истории русского средневекового источника: Акты X-XVI вв. С. 96–108.
[6] *Алексеев Ю.Г.* К вопросу о судебном иммунитете в княжеских грамотах XII-XIV вв. // Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8. С. 13–21, 28; *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. С. 52–58; *Он же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 118–121; *Флоря Б.Н.* Особенности отношений

рязанский актовый материал, проанализировал статус привилегированных княжеских «слуг», а также стольников в средневековых русских землях[1]. С.И. Сметанина и А.В. Антонов обратились к церковному землевладению – в частности, специфическому институту нагодчины[2].

В новейших работах Б.Н. Флори представлено обобщение данных по истории и внутреннему устройству Великого княжества Рязанского[3]. Исследователь предложил оригинальный взгляд на особенности развития этого политического образования. Для Рязанской земли были характерны низкая степень земледельческого освоения территории и значительный удельный вес промыслового хозяйства, подконтрольного правителям. В XIV–XV вв. большу́ю роль здесь продолжали играть «служебная организация» и централизованное распределение доходов, как это было в русских землях домонгольского периода. Как следствие, светские и церковные землевладельцы находились в сильной зависимости от княжеской власти. Одним из важных показателей этой зависимости является отсутствие у них значимых налоговых и судебных привилегий, сопоставимых с иммунитетами в Северо-Восточной Руси.

великокняжеской власти с церковными и светскими землевладельцами на территории Рязанской земли (конец XIV – начало XVI века) // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 5–13.

[1] *Назаров В.Д.* О статусе «слуг» в средневековой Руси // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 49–53; *Он же.* Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси XIV–XV веков // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и Раннее новое время (XI–XVIII вв.). М., 2001. С. 33–47; *Он же.* Стольники средневековой Руси (XIII–XV вв.) // Хорошие дни… памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 358–367.

[2] *Антонов А.В.* Из истории нагодчины в рязанской; *Он же.* Новый источник по истории нагодчины; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 235–286.

[3] *Флоря Б.Н.* Власть, землевладельцы и «служилое» население в Рязанской земле конца XIV – начала XVI в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». М., 2014. С. 229–234; *Он же.* Особенности отношений великокняжеской власти с церковными и светскими землевладельцами на территории Рязанской земли (конец XIV – начало XVI века); *Он же.* Лекции по русской истории. М., 2021 (в печати); *Он же.* Жалованные грамоты рязанских князей как исторический источник (доклад на X Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси»; материалы в печати).

Большой вклад в изучение историографической географии Великого княжества Рязанского внес А.В. Лаврентьев[1]. Новейшее исследование А.В. Дедука посвящено истории московско-рязанского порубежья XIV – начала XVI в. В работе произведена реконструкция границ «купли» 50-60-х гг. XV в., а также «трети» Фёдора Васильевича, отошедшей к Москве[2]. В статье А.В. Белякова рассмотрена историческая география Мещеры[3].

Целостная характеристика развития Рязанской земли («края поместного и вотчинного дворянства») **в XVI – начале XVII в.** представлена в классической монографии М.Н. Тихомирова[4]. Исследователь в нескольких фразах остановился на вопросе о положении местного служилого населения после перехода под власть Москвы. Вотчинники из старых рязанских родов «сохранили свои владения, перейдя бескровно под власть московских князей. … В число влиятельных боярских родов они так и не вошли, но в Рязанском крае пользовались большой силой и значением». Влияние на последующую историографию оказал тезис о том, что «рязанские служилые люди жили своими провинциальными интересами», сохраняли «обособленный характер» и не играли «большой роли в государственном аппарате и при дворе»[5].

К истории **рязанского боярства** как особой социальной группы впервые обратился (в статье 1973 г.) А.А. Зимин[6]. Местная верхушка охарактеризована им

---

[1] *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле М.; Тула. 2005; *Он же.* Московско-рязанские отношения после Куликовской битвы: 1380–1402 гг. // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2008. Вып. 3. С. 202–226; *Он же.* Московско-рязанское соперничество за Коломны в 1385 г. // Коломна и Коломенская земля: История и культура. Коломна, 2009. С. 44–57; *Он же.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2018; *Он же.* «Задонщина», Рязань и московская великокняжеская семья // Slověne. 2015. Т. 4. № 2. С. 180–213.

[2] *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. : методика локализации : дис. … канд. ист. наук. М., 2018. Т. 1–2.

[3] *Беляков А.В.* Историческая география Мещеры в XVI—XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85.

[4] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. С. 395–404.

[5] Там же. С. 396.

[6] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI века // История СССР. 1973. № 3. С. 124–142; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988

как разнородная по происхождению, «замкнутая и небольшая по численности корпорация», не связанная с боярством Северо-Восточной Руси. А.А. Зимин рассмотрел историю ключевых боярских фамилий Великого княжества Рязанского. Специальное внимание в статье уделено князьям Пронским – по справедливому заключению исследователя, ко времени присоединения княжества представители этого рода влились в состав московской элиты и не имели отношения к Рязанской земле. Вслед за М.Н. Тихомировым он отметил, что рязанские бояре, «оставившие на произвол судьбы своего сюзерена, вошли без какого-либо особенного “перебора” в состав московского великокняжеского двора» и сохранили свои вотчины[1].

Наиболее значительный вклад в исследование рязанской элиты внесла С.И. Сметанина. В работе «Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Московскому государству» (1995)[2] на обширном источниковом материале обоснован высказанный предшественниками тезис о том, что утрата княжеством самостоятельности не сопровождалась существенными переменами в персональном и родовом составе местного служилого населения. По заключению С.И. Сметаниной, в рязанской рубрике ДТ середины XVI в. «мы обнаруживаем потомков практически всех известных по актовому материалу членов думы великих князей рязанских последних ста лет самостоятельности княжества». В работе представлен систематический обзор истории этих фамилий с использованием родословных и актовых источников. Преемственным со временем независимости княжества являлся не только состав, но и иерархия служилых людей – «распределение родов на верхушку и слой рядовых фамилий», отразившееся в ДТ. Исследовательница кратко заметила, кроме того, что представители двора рязанских князей на московской службе получали

[1] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI века. С. 142.

[2] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 49–80.

административные, судебные и военные должности преимущественно на территории своей земли[1].

Тезисы о «замкнутости» и «обособленности» рязанского сообщества во второй четверти – середине XVI в. получили некоторое развитие у М.М. Бенцианова. Исследователь отметил, что потомки местных бояр продолжали «нести службу на южных рубежах, неподалеку от своих вотчин». Такая политика московских властей объясняется, по заключению автора, необходимостью эффективно противостоять татарским набегам. Кроме того, М.М. Бенциановым был сделан ряд важных наблюдений относительно представителей рязанских родов, которые к середине XVI в. перешли на службу по другим уездам[2].

Рязанскому дворянству XVI–XVII вв. посвящена серия статей А.М. Клеймолы[3]. По заключению исследовательницы, к моменту присоединения Рязанского княжества «окно возможностей» при московском дворе было уже закрыто, поэтому местные служилые люди не включились в борьбу за позиции в столице, но остались в традиционных рамках рязанского «микрокосма»[4]. На протяжении всего рассматриваемого периода «для большинства рязанских землевладельцев, далёких от столичных интриг, провинциальная жизнь текла так же, как и прежде»[5]. Такой подход оказывается уязвимым, тем более что не предложено последовательного различения местной элиты и рядовых служилых людей. Постулируя континуитет, А.М. Клеймола не уделила внимания ни

[1] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 79–80.

[2] *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 58–59, 179–202; *Он же.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 85–86, 125–127; *Он же.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. С. 12–13.

[3] *Kleimola A.M.* From Here in Obscurity: The Riazan' Provincial Elite and the Moscowite State in the 16th–17th Centuries // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. М., 1994. Ч. 2. С. 287–301; *Idem.* Genealogy and Identity among the Riazan' Elite // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 284–300; *Idem.* Holding On in the «Stamped-Over District» – the Survival of a Political Elite: Riazan' Landholders in the Sixteenth Century // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1. P. 129–142.

[4] *Kleimola A.M.* From Here in Obscurity... P. 289, 297.

[5] *Idem.* Holding On in the «Stamped-Over District»… P. 140.

опричным событиям, ни возвышению рязанцев в особом «Дворе». Некоторые наблюдения сделаны только относительно чиновного успеха отдельных местных кланов в течение XVII в. Впрочем, и для них, как утверждается, приоритетными оставались локальные интересы и региональные назначения[1]. В специальной статье А.М. Клеймола проанализировала «легенды о выезде», представленные в родословцах рязанских фамилий, и пришла к выводу об их позднем возникновении. Изобретение таких легенд было обусловлено тем, что рязанские роды начали вступать в местническую конкуренцию на общегосударственном уровне, где это было частью стандартных правил игры[2].

В последние десятилетия появляются исследования, посвященные отдельным представителям и семействам рязанской верхушки. В работах Я.Н. Рабиновича рассмотрена история семейств кн. Гагариных[3] и Коробьиных[4]; А.В. Лаврентьева – отдельные моменты судьбы Измайловых[5]; В.Н. Козлякова, А.О. Никитина и П.О. Горбачева – Ляпуновых (особенно значительное внимание, естественно, уделено фигуре знаменитого Прокопия)[6]. Выделим статью

---

[1] *Kleimola A.M.* From Here in Obscurity…. P. 293–294.

[2] *Idem.* Genealogy and Identity among the Riazan' Elite. P. 301.

[3] *Рабинович Я.Н.* Братья Семен и Никита Гагарины: Страницы биографии (1610–1640). Саратов, 2015.

[4] *Рабинович Я.Н.* Братья Коробьины на службе России (1603–1639). Саратов, 2014; *Он же.* Василий Гаврилович Коробьин: воевода и дипломат первой трети XVII века // История и историческая память. Саратов, 2011. Вып. 3. С. 154–179; *Он же.* Личности Смутного времени: Семен Гаврилович Коробьин // Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. 2011. Т. 11. № 2. С. 11–18; *Он же.* Рязанские помещики Коробьины в Смутное время // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 150–157. Главным недостатком этих работ, справедливо отмеченным рецензентом А.В. Беляковым, является невнимание к архивным источникам (*Беляков А.В.* История семьи на фоне эпохи: рецензия на книгу Я.Н. Рабиновича «Братья Коробьины на службе России (1603-1639)» // Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. 2014. №3. С. 123–125).

[5] *Лаврентьев А.В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 60–77.

[6] *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 1999; *Козляков В.Н.* Герои Смуты. М., 2012; *Он же.* Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках; *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения (О землевладении Ляпуновых в канун Смутного времени) // Шестые Яхонтовские чтения. Рязань, 2012. С. 187–205. Полемика в связи с работами В.Н. Козлякова: *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты // Смутное время в России. Конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 212–224; *Козляков В.Н.*

А.О. Никитина, в которой анализируются судьбы рязанских служилых людей конца XVI – начала XVII в. В этой работе намечены широкие перспективы изучения местного «города». Характерная для историографии мифологизация фигур рязанцев, проявивших себя в Смутное время, является, по мнению автора, следствием недостаточной разработанности предшествующего периода[1]. А.О. Никитин призвал «внимательно изучить служебные карьеры рязанских дворян, их родственные связи и структуру землевладения», что позволило бы «дифференцировать заслоняющуюся монументальной фигурой Прокопия Ляпунова массовку рязанских дворян и детей боярских на отдельные фигуры, выстроить, насколько источники позволяют, их протобиографии, а может быть – почему и не помечтать – попытаться разглядеть за цифрами поместных окладов и перечислением мест службы человеческие индивидуальности»[2]. Исследовательская повестка, намеченная А.О. Никитиным, оказала значительное влияние на нашу работу, а целый ряд сделанных им конкретных наблюдений используются в дальнейшем.

Исследования **землевладения** Рязанского уезда получили важный импульс с введением в научный оборот писцовых материалов. Первые попытки разработки этих источников предприняли дореволюционные исследователи М. Шиманский[3] и П.П. Некрасов[4]. В их работах, среди прочего, рассмотрен процесс колонизации края и отмечены наиболее характерные черты местного землевладения – дробность и чересполосность. Единственной попыткой систематического сопоставления данных писцовых описаний 1590-х и 1620-х гг. остаётся работа О.А. Шватченко[5]. На материалах шести станов исследователь проанализировал

Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова // Российская история. 2013. № 6. С. 129–140.

[1] *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 172.

[2] Там же. С. 170.

[3] *Шиманский М.* Рязанский уезд в конце XVI и в начале XVII веков по писцовым книгам. Рязань, 1911.

[4] *Некрасов П.П.* Очерки по истории Рязанского края в XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. № 50 (4). С. 272–313.

[5] *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 348–365.

структуру рязанского землевладения и показал значительную экономическую дифференциацию внутри местного служилого «города». По заключению исследователя, представители боярских фамилий[1] продолжали контролировать основной фонд вотчинных земель. Из текста не вполне ясно, впрочем, какое влияние оказали перипетии Смутного времени на благосостояние этих родов. Исследователь подчеркнул важность процесса массового перевода поместий в вотчины «за осадное сидение», а также обозначил проблему появления представителей московской знати в уезде.

Диссертация С.И. Сметаниной (1982), остающаяся неопубликованной, посвящена опричной земельной политике на территории Рязанского уезда[2]. Как показала исследовательница, вплоть до конца 1560-х гг. в регионе сохранялась структура землевладения, восходившая к временам независимости княжества. Характерной чертой традиционного землеустройства было господство крупной собственности, сосредоточенной в руках узкого круга семейств. Московские правители почти полвека не вмешивались в эту систему отношений, поскольку были заинтересованы в оборонительном потенциале южного рубежа[3]. Однако в конце 1560-х гг. была реализована масштабная земельная «реформа», вызванная опричными преобразованиями. Рязанские церковные и светские вотчинники подверглись массовым конфискациям, причем местные боярские роды пострадали сильнее, чем рядовые служилые люди. На землях, полученных в результате этих мероприятий, произошло «массовое, организованное правительством испомещение лиц, лишившихся в результате опричных мероприятий земельного обеспечения своей службы»[4]. За короткий период радикальные изменения претерпела не только структура рязанского землевладения, но значительно изменился сам состав местного служилого сообщества.

---

[1] К их числу ошибочно отнесены Ляпуновы; не учтены Дмитриевы и Булгаковы-Денисьевы.
[2] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика: дис. … канд. ист. наук. М., 1982.
[3] Там же. С. 189.
[4] Там же. С. 191.

Таким образом, история рязанской служилой элиты относится к числу недостаточно изученных тем. Отдельные аспекты заявленной проблематики разработаны в историографии, однако создание специального исследования остаётся актуальной задачей. Такая работа могла бы стать шагом к созданию обобщающего труда по истории Рязанской земли. Уже в рецензии А.А. Григорьева на работу Д.И. Иловайского прозвучала идея о необходимости «писать историю Рязани как одного из элементов, из которых сложилась Русская земля»[1]. Сегодня, спустя полтора столетия, эта задача остаётся невыполненной, несмотря на значительный массив накопленных источниковых материалов. Успех такого предприятия возможен только при тесном сотрудничестве историков, археологов и краеведов, чьи занятия связаны с рязанскими сюжетами, при взаимодействии со специалистами по другим регионам и активном использовании сравнительных данных[2]. Мы надеемся, что исследование, предлагаемое вниманию читателей, станет посильным вкладом в создание будущей академической истории Рязанского края.

[1] *Григорьев А.А.* Библиография // Русское слово. 1859. № 1. С. 133. См.: *Боярченков В.В.* «История Рязанского княжества» Д.И. Иловайского в оценке А.А. Григорьева // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2001. Т. 2. С. 165–170.

[2] См. важный обзор С. Смит-Питер, в котором рассматриваются тенденции региональных исследований на российском материале: *Smith-Peter S.* How to Write a Region: Local and Regional Historiography // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. № 5. P. 527–542. Критический взгляд на состояние рязанского краеведения: *Никитин А.О.* Несвоевременные мысли // Рязанская старина. 2002. № 1. С. 6–12. Схожие проблемы констатированы в рецензии, посвященной нижегородскому краеведению: *Чеченков П.В.* Бесславное настоящее Нижегородского исторического краеведения // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2014. № 4. С. 78–84.

Глава 1. Рязанская элита на завершающем этапе самостоятельности княжества

В данной части работы рассматривается история боярской элиты Великого княжества Рязанского. Глава начинается с анализа особенностей социально-политической структуры этого государственного образования (**1.1**). Второй параграф выполняет две задачи: он одновременно служит экскурсом в раннюю историю родов, которые являются ключевыми для всего дальнейшего исследования, и описывает процесс формирования рязанского правящего слоя (**1.2**). Следующие части главы фокусируются на завершающем периоде самостоятельности княжества (с конца XV в. по 1521 г.). Центральная проблема третьего параграфа – организация службы рязанской верхушки в условиях частой смены правителей (**1.3**). Далее рассматривается конфигурация власти, которая сложилась накануне падения самостоятельности княжества (**1.4**). Ключевые сюжеты пятого параграфа – служба представителей рязанской элиты и вопрос об отъездах в Москву (**1.5**). Наконец, завершающий параграф главы посвящён обстоятельством присоединения княжества (**1.6**). В приложении 2 можно найти полный список рязанских придворных чинов в 1483–1521 гг.

Помимо летописных известий, а также посольского и разрядного делопроизводства Московского государства, настоящая глава в весьма значительной степени основывается на двух взаимосвязанных группах источников. Родословия содержат богатые сведения по генеалогии рязанских фамилий и в ряде случаев дают ценную информацию о судьбе конкретных представителей рязанской элиты. Как уже отмечалось, данные этого источника нуждаются в критическом подходе. Сохранилось, кроме того, более сотни рязанских актов, половина из которых содержит упоминания о представителях местной верхушки. В параграфе **1.4** мы специально останавливаемся на проблеме репрезентативности дошедшего актового материала и констатируем ограничения, которые необходимо принимать во внимание.

1.1. Место элиты в устройстве Великого княжества Рязанского

Согласно известному замечанию Д.И. Иловайского, история Рязани в последнее столетие самостоятельности «представляет только постепенный переход к окончательному соединению с Москвой; отклонения от этого пути были очень незначительны»[1]. Вопрос о том, почему московские князья долгое время не принимали решения о ликвидации Великого княжества Рязанского, остаётся открытым[2]. Особенности статуса этого политического образования исследованы В.Д. Назаровым. Будучи равными по титульному рангу («великие»), московский и рязанский князья уже по договору 1402 г. оказались в отношениях «брата старейшего» и «брата молодшего». В течение XV в. наблюдается тенденция к сокращению фактических прерогатив рязанского князя во внешнеполитической сфере. В свете настоящей работы важно, что «при всех ограничениях суверенитета самостоятельных князей (“молодшей братьи”) в его внешнеполитическом измерении, в договорах никак не лимитировалась полнота их прав и прерогатив на территории и население своих княжеств, в них не было юридических оснований для вмешательств московских государей в земельно-государственные структуры этих княжеств»[3]. Иными словами, во «внутриполитической» сфере – судебных, административных, земельных делах на территории своего княжества – рязанские правители оставались наследственными суверенами, не испытывая ограничений со стороны старшего союзника.

Как и в других русских землях, ключевым институтом Великого княжества Рязанского являлся двор – военно-служилое объединение, верхушку которого составляли бояре. Д.И. Иловайский полагал, что положение рязанского боярства как социальной группы мало отличалось от картины, известной по другим

---

[1] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 109.

[2] Некоторые гипотезы: *Ивина Л.И.* Правящая элита Русского государства конца XVI – первой половины XVI в. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 190–191; *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 114; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 816–817.

[3] *Назаров В.Д.* Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. М., 2010. С. 393–396.

княжествам[1]. А.А. Зимин, располагавший бóльшим объёмом источниковых данных, лаконично отметил, что боярство имело «значительный вес» в Рязанской земле[2]. Основания для такой точки зрения можно найти в актовом материале. Его изучение показывает, что представители рязанской верхушки выполняли весьма широкий круг судебно-административных функций. Они весьма часто фигурируют в сохранившейся документации – причём иногда в случаях, которые не предполагала современная «московская» делопроизводственная практика[3]. С.М. Каштанов обратил внимание на одну из таких особенностей – перечни княжеских людей (фигурирующих в ablativus instrumenti) в конце основного текста рязанских жалованных грамот. По заключению исследователя, эти лица являлись «посредниками»: они ходатайствовали о пожалованиях другим служилым людям и «получали от князя разрешение передать приказ о составлении грамоты». Аналогичные клаузулы были обнаружены в ярославских грамотах XV в. В отличие от московских пожалований, носивших выраженный «княжеский» характер, «рязанско-ярославская» практика предполагала «официальную фиксацию посреднической роли» представителей элиты[4]. По

[1] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 142–143.

[2] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI века. С. 136.

[3] *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV-XV вв. СПб., 1998. С. 77; *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI века. С. 77.

[4] *Каштанов С.М.* Роль посредников в выдаче жалованных грамот. С. 289–302. Такие лица иногда именуются в историографии «свидетелями». В.Д. Назаров видит в них также «инициаторов» пожалования: «В удостоверяющем разделе акта названы лица, по инициативе которых, скорее всего, произошло само пожалование и которые были как бы его гарантами» (*Назаров В.Д.* Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси. С. 36; *Он же.* О статусе «слуг» в средневековой Руси. С. 52). Попытка В.О. Ключевского объяснить участие представителей элиты в том или ином пожаловании исходя из их должностных функций не выглядит убедительной (*Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. М., 1902. С. 128, 135, 140–142). Помимо «посредничества», документировалось присутствие служилых людей при процедуре доклада, на суде, на отводе земли («а тут были», «а на суде были», «а тогда были у великого князя бояре», «а у доклада был», «а на отводе земли был») и т.д. (АСЭИ. С. 372 [№ 346], 381 [№ 357], 386 [№ 364], 387 [№ 365], 388 [№ 367]). В рязанских грамотах, кроме того, присутствуют необычные формулы княжеского совета: «поговоря с зятем / дядею своим», «сгадав с своим отцем … и своими бояры» (АСЭИ. С. 350 [№ 322], 353–354 [№ 324]; 355–356 [№ 328]). Некоторые сравнительные контексты для этих особенностей формуляра были предложены И.А. Малиновским на материале Великого княжества Литовского (*Малиновский И.А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России. Томск, 1903. Ч. 1. Боярская дума Древней России. С. 117–122).

заключению Ю.Г. Алексеева, в Рязанском княжестве в наиболее выраженной форме сохранялась традиция княжеского «совета» с элитой, восходившая к домонгольской практике[1].

Обращает на себя внимание тот факт, что к третьей четверти XV в. произошло сужение круга «посредников» до лиц исключительно боярского статуса. Ранее, в актах последней трети XIV – первой половины XV в., рязанский двор предстаёт перед исследователем в обширном многообразии должностных (чиновных) позиций. В этот период упоминаются (помимо бояр) окольничие[2], дворецкий[3], казначеи[4], чашники[5], стольники[6] и сокольничий[7] великого и

[1] *Алексеев Ю.Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства (XIV–XV вв.). СПб., 2019. С. 393–395 (предложено сравнение с тверской практикой).

[2] *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 30–31 (№ 21, 22); АСЭИ. С. 350–351 (№ 322), С. 379 (№ 354). По поводу окольничества Григория Давыдовича см. также «родовое письмо» Шиловских: АСЭИ. С. 376 (№ 352). О возможной связи наименования чина с распространённым в рязанских актах термином «околица» см.: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 19.

[3] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67 (№ 2). Эта грамота осталась, по-видимому, неизвестной А.В. Лаврентьеву, который предполагал, что в Рязанском княжестве функции дворецких выполняли чашники (*Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 24–25).

[4] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67–68 (№ 1, 3).

[5] АСЭИ. С. 350–351 (№ 322), 354 (№ 324), 356 (№ 328), 378 (№ 353) (дважды), 379 (№ 354); *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. С. 93 (№ 1) (вероятно, акт в этой части скопирован неверно); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68 (№ 3). Предположение В.О. Ключевского о наследственности этой должности в Рязани (*Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. С. 151) не кажется в свете известных сегодня грамот убедительным. См. также наблюдения А.В. Лаврентьева относительно рязанских чашников как лиц, «принадлежавших к аристократической элите»: *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 16–24.

[6] АСЭИ. С. 346 (№ 315); 353–354 (№ 324), 356 (№ 328), 378 (№ 353); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67 (№ 1); *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. С. 88 (№ 15). Также у пронского князя: АСЭИ. С. 380 (№ 356). В.Д. Назаров, проанализировавший упоминания о стольниках в источниках XIII–XV вв., пришёл к выводу о том, что это были «лица княжеской администрации высокого ранга, тесно связанные с промысловыми занятиями по ловле рыб на князя» (*Назаров В.Д.* Стольники средневековой Руси (XIII–XV вв.). С. 367).

[7] АСЭИ. С. 378 (№ 353).

удельных князей[1]. Некоторые из этих чинов, как заметил У. Хальбах, появляются в рязанских источниках существенно раньше, чем становятся известны в Московском княжестве[2]. Все их носители могли выступать в роли «посредников» при пожалованиях. От последующего же времени (второй половины XV – начала XVI в.) известны только казначеи[3] и дворецкий (удельный, одновременно являвшийся боярином)[4], а также конюшие[5] – и лишь в одном случае казначей (удельного двора княгини Анны) выступает «посредником»[6]. Не вполне ясно, с чем связано исчезновение части должностей из источников – с падением их значимости или ликвидацией вследствие трансформации дворцовых служб. Так, В.Д. Назаровым было высказано предположение, что во второй половине XV в. происходило «отмирание» института стольников, поскольку их функции взяло на себя ведомство дворецких[7].

Между носителями разных придворных чинов (мы будем использовать это словосочетание как terminus technicus для всех служебных рангов, включая бояр) в Рязани не было непреодолимых функциональных барьеров. Их объединяла, прежде всего, возможность участия в княжеском совете. Уже в известной жалованной грамоте Олега Ивановича в качестве его советников («сгадав … с

---

[1] Из родословцев Крюковых известно, кроме того, о существовании конюшего пути в Ростиславле. Ранняя версия и обработки этого известия: *Гамаюнов А.И.* К вопросу о достоверности первого упоминания Венева // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 325–333; РРР. С. 141.

[2] *Halbach U.* Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Rus. Stuttgart, 1985. S. 253, 256, 286, 300–301, 309, 339.

[3] АСЭИ. С. 360 (№ 333), С. 382 (№ 359); *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 31 (№ 22).

[4] АСЭИ. С. 353 (№ 323а); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68 (№ 5). Также в первом документе упоминается удельный ключник. Статус этого чина не вполне ясен, а выполняемые функции близки к дьяческим.

[5] АСЭИ. С. 382 (№ 359), 388 (№ 367). Последние работы об этом чине в Средневековой Руси (без упоминаний о рязанской практике): *Михайлова И.Б.* Конюший на Руси в X–XVI вв. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 142–164; *Пономарева И.Г.* Конюшие XV в. // Грани русского Средневековья. М., 2016. С. 281–285.

[6] АСЭИ. С. 382 (№ 359).

[7] *Назаров В.Д.* Стольники средневековой Руси (XIII–XV вв.). С. 368.

своими бояры»)[1] упомянуты четверо бояр, «дядька»[2], окольничий, чашник и двое лиц, статус которых не обозначен (один из них «с братьею»)[3]. «Посредническая» практика носителей придворных чинов также подразумевала, вероятно, их присутствие в княжеской думе[4]. Не вполне оформился, кроме того, порядок упоминания должностных позиций, который мог бы свидетельствовать об их устоявшейся иерархии[5].

---

[1] Скептическая оценка этого совета как однократно собранного ad hoc (Жалованная грамота Олега рязанского. Древнейший документ Московского архива Министерства юстиции. С. 44–47; *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. С. 128–129) представляется малообоснованной.

Использованная формула («сгадав»), как отметил уже С.М. Соловьев, не встречается в московских памятниках (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времён. М., 1993. Т. 3–4. Гл. 3. (Электронный ресурс) URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/04_03.html [дата обращения: 01.04.2021]). Однако она находит важные аналогии в текстах домонгольского времени (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2004. Вып. 23. С. 229; *Алексеев Ю.Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства. С. 394).

О разных значениях термина «боярин» (в т.ч. «участник совета») см.: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 283, 287, 307; *Сергеевич В.И.* Древности русского права. М., 2007. Т. 2. С. 337, 419–420; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С 28–29. Отметим, что современные исследователи отказываются от крайностей институционального взгляда на природу княжеского совета, унаследованного от историографии XIX века (об этом см.: *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1340s-1570s. Tuusula, 2000).

[2] «Дядька» прочитано А.И. Голубцовым как прозвище, однако более вероятно, что указывало на статус (Жалованная грамота Олега рязанского. Древнейший документ Московского архива Министерства юстиции. С. 44; *Halbach U.* Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert… S. 339).

[3] АСЭИ. С. 350–351 (№ 322). По поводу этой грамоты существует обширная литература: *Дворниченко А.Ю.* О жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 296–306; *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. : методика локализации. Т. 1. С. 154–178; Жалованная грамота Олега рязанского. Древнейший документ Московского архива Министерства юстиции; *Романов Б.А.* Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю; *Семина М.В.* Грамота великого князя Олега Рязанского XIV века; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. 2. С. 125–130; *Каштанов С.М.* Жалованные акты на Руси XII-XIV вв. // Средневековая Русь. 1999. №2. С. 35, 38.

[4] *Каштанов С.М.* Роль посредников в выдаче жалованных грамот. Как заключил В.Д. Назаров, исследовавший стольников, «по своему рангу они были равны или близки к боярам, членам княжеского совета» (*Назаров В.Д.* Стольники средневековой Руси (XIII–XV вв.). С. 369).

[5] Первыми (при наличии) писались всегда бояре, однако, к примеру, стольники и чашники упоминаются в разном порядке (ср.: АСЭИ. С. 354 [№ 324] и С. 378 [№ 353]).

Рязанские придворные должности не предполагали и существенных социальных градаций[1]. Носители разных чинов рекрутировались из одного круга семей. Так, если в Московском княжестве (несколько более позднего времени) сокольничие происходили «из дворянской мелкоты, часто вышедшей из состава несвободных слуг»[2], то единственный известный рязанский сокольничий – Шабан Измайлович – был братом дворецкого Ивана Измайловича[3]. Источники позволяют зафиксировать и целый ряд переходов в боярство из других чинов: чашников (Фёдор Юрьевич)[4], конюших (Фёдор Васильевич)[5], стольников (Яков Иванович)[6] и казначеев (Прокофий Давыдович[7], Яков Назарьевич[8]); известен случай, когда чашник стал окольничим (Семён Глебович)[9]. Можно предполагать, что эти должности рассматривались в качестве начального этапа карьеры для представителей родов рязанской элиты.

Специального внимания заслуживают рязанские казначеи. Как известно, в Московском княжестве, где эта должность начинает упоминаться с конца XV в., она закрепилась за представителями рода Ховриных-Головиных. По заключению М.М. Крома, их позиция не была объектом притязаний со стороны

[1] В жалованной грамоте Олега Ивановича у окольничего и чашника указаны только имена («Юрьи окольничий, Юрьи чашник»), в то время как бояре пишутся «двумя именами» (АСЭИ. С. 350–351 [№ 322]). Впоследствии, однако, это различие (которое может свидетельствовать о разном социальном статусе этих чиновных групп в ранний период) исчезнет.

[2] *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 182. Об иерархии и социальном составе дворцовых должностей в Московском княжестве конца XV в. см. также: *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 93–98; *Корзинин А.Л.* Состав думных и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. 2. Дворцовые чины // Палеоросия. 2018. №1 (9). С. 291.

[3] АСЭИ. С. 378 (№ 353).

[4] АСЭИ. С. 355–356 (№ 328), 379 (№ 354), 386 (№ 364); *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. С. 93 (№ 1).

[5] АСЭИ. С. 383 (№ 361). Также был конюшим у княгини Анны (АСЭИ. С. 382 [№ 359]).

[6] АСЭИ. С. 355–356 (№ 328), 386 (№ 364), 387 (№ 365); *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. С. 88 (№ 14).

[7] АСЭИ. С. 355–356 (№ 328), 357 (№ 329); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68 (№ 3).

[8] АСЭИ. С. 382 (№ 360) (боярин); *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 31 (№ 22) (казначей).

[9] *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 31 (№ 22); АСЭИ. С. 355–356 (№ 328).

аристократических семейств, поскольку имела невысокий статус[1]. В рязанской практике великокняжеские казначеи появляются уже в первые десятилетия XV в. В перечнях придворных чинов они фигурируют на относительно значимой позиции: после бояр, но до чашников и стольников[2]. В конце столетия в качестве казначея Ивана Васильевича упоминается Яков Назарьевич – сын боярина. Вскоре он также получил боярский чин и возглавлял рязанское войско в походах. Можно заключить, что рязанские придворные должности, номенклатура которых совпадала с московской (и, следовательно, имела «общерусское» происхождение)[3], эволюционировали по своей собственной траектории. Всех носителей придворных чинов Великого княжества Рязанского правомерно рассматривать как единую группу – верхний слой местного двора, комплектовавшийся из одного социального круга. Вслед за Б.Н. Флорей отметим также важную роль в управлении должностных лиц, заведовавших различными отраслями дворцового хозяйства. Такое положение дел логично объяснить большим значением промыслов для экономики княжества[4].

Характерной чертой рязанских актов является широкое распространение института доклада, который обычно обсуждается в связи с судебной процедурой[5] или феноменом т.н. «докладного холопства». Однако рязанским князьям (в присутствии бояр) и их боярам в XV – начале XVI в. докладывались также

---

[1] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 271–273; *Он же.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. С. 182; *Кром М.М.* Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 473–476; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. С. 44–46, 59.

[2] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67–68 (№ 1, 3).

[3] Об этом писал ещё С.И. Сергеевич: *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 2. С. 486.

[4] *Флоря Б.Н.* Лекции по русской истории (в печати).

[5] См. последние по времени работы: *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV-XV вв. С. 115–126; *Он же.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства; *Калашникова А.А.* Институт доклада в судебном процессе княжеств Северо-Восточной Руси и Московском государстве в XV – первой половине XVI вв. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции. М., 2019. С. 93–95; *Петров К.В.* Процедура судебного «доклада» в русском праве XV – первой половины XVI вв.: К истории формирования судебных органов в России // Государство и общество в России XV – начала XX в. СПб., 2008. С. 106–115.

купчие, заёмные и служилые кабалы[1]. Этот факт не получил должного осмысления в историографии, хотя на него ещё в начале 1920-х гг. обратил внимание С.Н. Валк[2] и впоследствии – Е.И. Колычева[3]. Они констатировали, что доклад не был новшеством эпохи формирования Московского государства (как считалось ранее), но сохранялся как «пережиток» предшествующего времени. Главной тенденцией эволюции этого института, как предположила Е.И. Колычева, было сужение круга докладываемых актов, и Рязанское княжество стадиально отставало от соседей в этом отношении[4]. Представляется, что институт доклада нуждается в дальнейшем изучении с привлечением сравнительных данных по разным землям[5], что позволило бы по-новому взглянуть на его происхождение и функции. В свете нашей темы существенно, что местное боярство и в начале XVI в. продолжало контролировать широкий круг сделок (и, вероятно, извлекать из этого контроля доход).

Частые упоминания бояр в грамотах и их активное участие в управлении княжеством – только одна сторона проблемы. Другая – землевладельческие права рязанской элиты. С.Б. Веселовский пришёл к выводу о принципиальном сходстве «первобытных форм» рязанского иммунитета с нормами, характерными для других княжеств[6]. Как показал недавно Б.Н. Флоря, за внешним соответствием

---

[1] АСЭИ. С. 374–375 (№ 348–350), 381 (№ 358), 388 (№ 367), 389–391 (№ 368, 370, 371), 393 (№ 376), 394–400 (№ 378–384, 386, 387). Одна из грамот рассматривается исследователями как изложение самой процедуры доклада (С. 387 [№ 365]). Обращает внимание факт сохранения таких документов в частных архивах бояр, которые являлись лишь третьими лицами при заключении сделок.

[2] *Валк С.И.* Грамоты полные. С. 124–129.

[3] *Колычева Е.И.* Полные и докладные грамоты XV–XVI вв. С. 58–63; *Она же*. Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). С. 23–29. См. также: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 120–121

[4] *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). С. 25, 27. Полагаем, что предложенное разделение на этапы нуждается в уточнениях, поскольку доклад боярам по земельным сделкам весьма продолжительное время сохранялся и в Москве (*Кром М.М.* Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 431–432).

[5] Ценный сравнительный материал могут дать белозерские материалы: доклад известен здесь для разнообразных актов, причем даже в более ранний период (*Грязнов А.Л.* Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда, 2019. С. 40–42, 66; *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). С. 25).

[6] *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. С. 52–58; *Он же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 118–121.

скрываются сущностные различия. Рязанские землевладельцы не освобождались от налогов и повинностей в пользу великого князя, а их судебные привилегии значительно уступали таковым у московской верхушки[1]. Только к концу самостоятельности княжества у них фиксируются отдельные исключительные привилегии (например, право великокняжеского суда), которые могут свидетельствовать о стремлении «придать особый статус владениям рязанского боярства». Исследователь пришёл к выводу, что местная элита находилась в сильной зависимости от княжеской власти[2]. В пользу такого заключения говорит уникальная особенность рязанских актов: все землевладельцы должны были получать разрешение не только на приобретение земли («пожаловал … дали есме ему сести *на его купли*»)[3], но и на владение старинными вотчинами («пожаловал … *его же отчиною ему ж в вотчину его же селы*»)[4]. Рязанские князья могли распоряжаться и церковными землями, передавая их в «нагодчину» служилым людям и по собственному усмотрению меняя держателей[5].

Завершая краткий обзор институционального устройства княжества, коснёмся одного из дискуссионных моментов его истории в XV веке. Большой интерес представляет замечание В.Н. Татищева, сделанное в связи с обзором памятников древнерусского права: «Сверх сих [ранее речь о «Русской правде» и Судебнике 1550 г. – *И.К.*] были *законы по княжениям*. Как князь великий

---

[1] Формулы судебного иммунитета в рязанских грамотах исследованы Ю.Г. Алексеевым. По заключению исследователя, наблюдалась эволюция от «формальной неограниченности и бесконтрольности судебного иммунитета» к усилению роли великокняжеской власти. Рязанские иммунитетные грамоты восходили к домонгольской традиции, а изменения начала XVI в. могут объясняться, среди прочего, московским влиянием (*Алексеев Ю.Г.* К вопросу о судебном иммунитете в княжеских грамотах XII-XIV вв. С. 13–21, 28).

[2] *Флоря Б.Н.* Власть, землевладельцы и «служилое» население в Рязанской земле конца XIV – начала XVI в.; *Он же.* Особенности отношений великокняжеской власти с церковными и светскими землевладельцами на территории Рязанской земли (конец XIV – начало XVI века); *Он же.* Лекции по русской истории (в печати); *Он же.* Жалованные грамоты рязанских князей как исторический источник (в печати).

[3] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67–68 (№ 2–3).

[4] *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. С. 93 (№ 1–2); *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. С. 88–89 (№ 15–16).

[5] *Антонов А.В.* Из истории нагодчины в рязанской земле; *Он же.* Новый источник по истории нагодчины.

Василий Темный ростовским боярам велел судить по их старым законам, так Иоан *Великий по просьбе рязанских бояр позволил судить по их законам*. Таковых я у оного ж князя Голицына видел собрано книга немалая, и оные где либо неизвестном ныне доме хранятся, которое собрать и любопытным открыть не бесполезно»[1]. «Ростовская» часть этого известия проанализирована К.В. Барановым, который предположил, что речь идёт об общей жалованной грамоте, утверждавшей право ростовских бояр «судить местное население вне территории принадлежавших им вотчин» в соответствии с «обычаями, принятыми в данной местности»[2]. По поводу рязанского сюжета высказывался А.В. Лаврентьев: подобная грамота могла быть выдана в период малолетства рязанского великого князя Ивана Васильевича, после вступления Ивана III на престол (т.е. в 1462–64 гг.)[3].

Как сообщает Никоновская летопись, после смерти Ивана Фёдоровича (1456 г.) Василий II по предварительной договорённости «взял» к себе его детей, «а на Рязань посла наместники свои на соблюдение, и на проча грады его и на власти»[4]. Это известие указывает на установление прямого московского управления над Рязанью[5]. Между тем, присутствие московских войск не упоминается при нападении Ахмата в 1460 г., отбитом силами «гражан»[6]. М.Г. Кротов и С.И. Сметанина опубликовали важнейший акт, относящийся к

---

[1] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений в восьми томах. М, 1996. Т. 7. С. 278.

[2] *Баранов К.В.* Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. 9. С. 31–44. Ср.: *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. С. 202–203; *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае. М.; СПб., 2009. С. 160–162.

[3] *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. С. 147.

[4] ПСРЛ. Т. 12. С. 111–112.

[5] *Кучкин В.А.* Василий Иванович // БРЭ. М., 2006. Т. 4. С. 635. Полемику по поводу прецедентов прямого московского управления Рязанью см.: *Зайцев А.К.* О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 2. С. 43 (прим. 54); *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. С. 43–45; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. С. 420.

[6] *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. С. 261–263.

этому периоду – правую грамоту рязанских наместников «по слову» великого князя Василия Васильевича. В тексте фигурируют четыре судьи, и трое из них (названы «наместниками») уверенно отождествляются с выходцами из рязанских родов. Происхождение четвёртого (дворецкого Юрия Зиновьевича, упомянутого последним) не установлено, но он также мог являться представителем местной элиты[1]. Таким образом, в период пребывания Василия Ивановича в Москве рязанские бояре сохраняли власть в своём княжестве (и, возможно, получили специальную жалованную грамоту), но при этом формальным адресатом их службы являлся московский правитель[2]. Вернувшись, рязанский князь снова стал признанным местным сувереном; в следующий раз подобные изменения произошли только спустя шесть десятилетий и были связаны с окончательной ликвидацией самостоятельности княжества.

1.2. Формирование рязанского боярства и его состав

Исследования состава рязанской боярской элиты предпринимались А.А. Зиминым[3] и С.И. Сметаниной[4]. Если в первой из этих работ рассматривались только шесть родов, то во втором круг фамилий был значительно расширен благодаря привлечению новых источников. Наблюдения С.И. Сметаниной в полной мере сохраняют свою актуальность, однако главной её целью являлся анализ перечня «Дворовой тетради». В настоящем разделе будет предложен иной ракурс: мы рассмотрим процесс формирования рязанской элиты. При этом задачей является не исчерпывающее исследование генеалогических традиций местных фамилий (что потребовало бы критического изучения всего массива сохранившихся родословцев), а анализ родового состава и особенностей этой

[1] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68–69 (№ 5).

[2] См. также: *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 27–35; *Он же.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. С. 146.

[3] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в.

[4] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству.

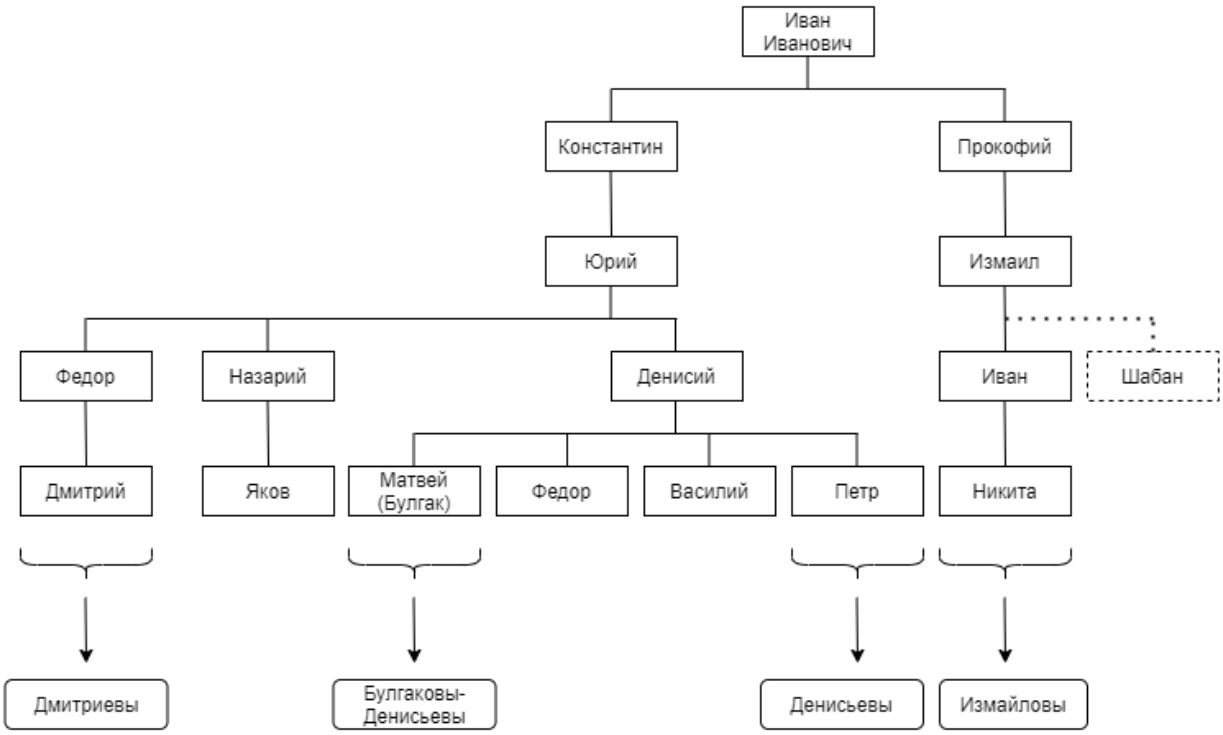
социальной группы. Наше внимание сосредоточено, главным образом, на лицах, которые фигурируют в актовом материале в качестве носителей рязанских придворных чинов. Кроме того, данный раздел выполняет важную вспомогательную функцию: он служит кратким введением в историю родов, выходцы из которых являются ключевыми героями всего дальнейшего повествования.

Обратимся к рязанскому боярскому роду, от которого впоследствии вели своё происхождение Булгаковы, Денисьевы, Дмитриевы и Измайловы[1] (рисунок 1.1). В ранних вариантах родословцев их общим предком показан **Иван Иванович**, у которого были сыновья Константин Шаин (Шален) и Прокофий. После исследования А.В. Дедука может считаться окончательно доказанным, что легенда о «выезде» Ивана Шаи (якобы отца Ивана Ивановича), приведённая в родословных росписях конца XVII в. – поздняя конструкция, а «адресованные» ему грамоты являются фальсификатами[2].

[1] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 137–138; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 267–268; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 53–57.

[2] *Дедук А.В.* Грамоты «Великого» князя рязанского Олега Ингваревича Ивану Шае // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 9 (152). С. 55–62. Ср.: АСЭИ. С. 510 (прим. 347).

Рисунок 1.1 – Родословное древо Измайловых, Денисьевых и Дмитриевых (фрагмент)[1]

Первый представитель рода, имя которого появляется (дважды) в актах – Юрий Константинович, чашник Ивана Фёдоровича[2]. Его старший сын Фёдор тоже был чашником этого великого князя[3]. В годы правления Василия Ивановича как Фёдор, так и двое его младших братьев – Назарий[4] и Денисий Юрьевичи –

[1] Схема основана на родословцах, которые одинаково передают набор и генеалогический порядок фигур, упоминаемых в настоящем параграфе (*Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 132–133; *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 55–57; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 354–355; РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173/278. Л. 333; РИИР. С. 181; РРР. С. 166–168). О том, что данные неполны, говорит отсутствие Шабана Измайловича (см. о нём далее в тексте; включен в схему предположительно) и Ивана (Стрекайло) Васильевича Измайлова с отцом – эта часть рода не включалась в родословные материалы.

[2] АСЭИ. С. 357 (№ 329), 378 (№ 353). Возможно, в дальнейшем он стал боярином (*Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 53).

[3] АСЭИ. С. 356 (№ 328), 379 (№ 354).

[4] Впервые упоминается в период малолетства Василия Ивановича, статус не указан (*Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68–69 [№ 5]).

фигурируют в качестве бояр[1]. Фёдор Юрьевич не появляется в актах, составленных после смерти князя Василия Ивановича (ум. 1483); имя Назария Юрьевича в последний раз встречается спустя полвека после первого упоминания в источниках, в жалованной грамоте 1502 г.[2]; Денисий Юрьевич упоминается при Иване Васильевиче (ум. 1500)[3].

Старший представитель следующего поколения – Дмитрий Фёдорович – единожды появляется в источниках, однако придворный чин неизвестен[4]. Его двоюродный брат Яков Назарьевич был сначала казначеем Ивана Васильевича, а затем (ранее 1497 г.) стал боярином[5]. На момент пожалования чином в думе ещё находился его отец Назарий Юрьевич. После 1502 г. они не упоминаются в источниках. Наконец, из четырёх сыновей Денисия Юрьевича в период независимого существования княжества упоминаются двое старших: Матвей (Булгак) и Фёдор. Матвей (Булгак) Денисьевич начал карьеру в качестве боярина и дворецкого удельного князя Фёдора Васильевича. Затем, вероятно, он стал великокняжеским боярином. Фёдор Денисьевич впервые появляется в источниках в 1514 г.; достоверно известно, что он был боярином Ивана Ивановича[6].

Итак, актовый материал позволяет проследить участие в думе представителей старшей (от Константина Ивановича) ветви рода начиная со второй четверти XV в. Все известные потомки чашника Юрия Константиновича (кроме Дмитрия Фёдоровича, о статусе которого нет данных) систематически получали боярские чины. На протяжении второй половины XV – начала XVI в. от

---

[1] Правая грамота, в которой фигурирует все трое: АСЭИ. С. 386 (№ 364). См. также: АСЭИ. С. 387 (№ 365); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67 (№ 2).

[2] АСЭИ. С. 389 (№ 369).

[3] АСЭИ. С. 387 (№ 366).

[4] *Морозов Б.Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома. С. 300–301 (№ 2). Упоминание жены: АСЭИ. С. 390 (№ 370).

[5] *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 31 (№ 22); АСЭИ. С. 382 (№ 360). Возможно, это связано с тем, что следующие по старшинству представители рода – Денисий Юрьевич и Дмитрий Фёдорович – скончались, а младший (Матвей Денисьевич) находился на службе в уделе.

[6] АСЭИ. С. 393 (№ 376).

одного до трёх представителей этой ветви рода одновременно находились в великокняжеском совете.

Из ветви Прокофия Ивановича первыми в актах появляются его внуки Иван и Шабан (отсутствует в родословцах) Измайловичи. Они упоминаются в одном документе со своим двоюродным дядей Юрием Константиновичем: чин Ивана в тексте утрачен, Шабан (перечислен последним) – сокольничий[1]. В жалованной грамоте Ивана Фёдоровича, где Иван Измайлович фигурирует в качестве «посредника», он назван дворецким[2]. Его сын Иван (Инка) Иванович был боярином и воеводой Ивана Васильевича[3], внук Никита Иванович – конюшим великой княгини Анны[4]. Как видно из этих данных, младшая ветвь рода также закрепилась в придворных чинах как минимум со второй четверти XV в.

Со значительными трудностями сопряжена реконструкция ранней истории родового гнезда, от которого впоследствии вели своё происхождение многие фамилии: Апраксины, Базаровы, Вердеревские, Дувановы, Кончеевы, Крюковы, Параватовы, Ратаевы, Шишкины[5] (рисунок 1.2). Дискуссионной остаётся историчность фигуры родоначальника – **Ивана Мирославича** (Солохмира), который упоминается в одном из копийных актов в качестве «зятя» князя Олега

[1] АСЭИ. С. 378 (№ 353).

[2] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67 (№ 2). См. также позднейшее упоминание о разъезде им земель Ольгова монастыря: ПРП РК. С. 88–95 (№ 61).

[3] АСЭИ. С. 374–375 (№ 348, 349, 350), 380–381 (№ 357), 387 (№ 366). Представители рода не упоминаются при великом князе Василии Ивановиче, но это обусловлено состоянием источниковой базы. Вероятно, в этот период происходила смена поколений: Иван и Шабан Измайловичи завершали службу, Иван Иванович – находился в начале карьерного пути.

[4] АСЭИ. С. 388 (№ 367). Представители следующего поколения Измайловых известны только в связи с московской службой (**1.5**).

[5] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 137; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 267; *Рыков Д.Ю.* Малоизвестный список синодика новгородского Николо-Вяжищского монастыря конца XVII века с позднейшими дополнениями // Вышел Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2019. Вып. 18 (28). С. 97–98; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 61–63. О редакциях и списках родословий потомков Солохмира см.: *Гамаюнов А.И.* К вопросу о достоверности первого упоминания Венева; *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 50–51. Отметим, что их статья отсутствует в некоторых редакциях, где в то же время представлены Денисьевы и Сидоровы (*Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 35).

Ивановича[1]. В родословной росписи Вердеревских, представленной в Разрядный приказ в конце XVII в., заметно избыточное нагромождение поколений, приходящихся на предыдущее столетие. Присутствуют и другие несоответствия, указывающие на искажение истории этой части рода[2]. Как можно предполагать, к

[1] Иван Мирославич (Солохмир) фигурирует в двух актах, которые Вердеревские представили вместе с родословной росписью в конце XVII в. 1) Он упоминается в копии документа, согласно которому князь Олег Иванович сделал пожалование Солотчинскому монастырю, «поговоря» со своим «зятем» Иваном Мирославичем (АСЭИ. С. 353–354 [№ 324], ср. другие акты этого времени и комментарий: с. 347 [№ 317], 354 [№ 325], с. 508–509 [прим. 328]). Аналогичную формулу можно найти также в списке грамоты, в которой действуют князь Иван Фёдорович со своим «дядей» Григорием Ивановичем (согласно родословцам, сын Ивана Мирославича) (АСЭИ. С. 355–356 [№ 328]). Обе грамоты являются «списками с списков» («подлинными списками»), т.е. копиями утраченных документов, заверенными монастырскими властями. И.О. Хоруженко весьма скептически отозвался об этих упоминаниях, считая их позднейшими интерполяциями, сделанными в интересах Вердеревских, а Солохмира – вымышленной фигурой (*Хоруженко О.И.* Плита Схоросмира: поминальный обычай в конструировании родовой памяти). Аргументы в пользу этой версии, однако, не слишком убедительны, потому что имеется еще один документ: 2) Солохмир фигурирует в списке жалованной грамоты, датированной 1522 г., Здесь он назван «прародителем» Вердеревских, которому князь Олег пожаловал вотчину. Об этом пожаловании были «сысканы» жалованная грамота самого Олега Ивановича и «книги великих князей Рязанских» (АСЭИ. С. 384–385 [№ 363]). В отличие от первого акта, документ 1522 г. сохранился у членов рода в подлиннике «с печатью», и интерполяции крайне маловероятны. Упоминание грамоты Олега Ивановича (по-видимому, сгорела вместе с другими родовыми материалами в 1666 г., когда один из представителей рода погиб в Переславле Южном: РРР. С. 129) в документе 1522 г. приводит к предположению, что Солохмир являлся исторической фигурой. Не позднее конца XVI в. (а вероятно – ранее) в традиции родословцев появилась легенда о «выезде» Солохмира (из «великой» или «большой» Орды, которой в то время ещё не существовало) и его женитьбе на сестре Олега Ивановича Анастасии (*Гамаюнов А.И.* К вопросу о достоверности первого упоминания Венева*; Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 56).

Большой интерес представляет белокаменная плита, обнаруженная на территории Солотчинского монастыря, согласно которой 23 апреля 1543 г. «как почета строити каменная церковь … и стого места перенесено тело зятя великого князя Олега Ивановича Ивана Смирославовича Схоросмира, во иноцех схимника Иосифа, по упрошению родственников ево». И.О. Хоруженко датировал плиту весьма поздним временем – концом XVII в., однако его методика подвергнута критике как нерелевантная, и решения этой проблемы пока нет (*Хоруженко О.И.* Плита Схоросмира: поминальный обычай в конструировании родовой памяти. С. 233–234; *Авдеев А.Г.* Заготовка эпитафии иноку Протасию Языкову из Иосифо-Волоколамского монастыря: методы датировки старорусских надписей с неполными датами. С. 15).

[2] От Солохмира (вторая половина XIV века) до Василия и Семёна Фёдоровичей (были во взрослом возрасте уже в 1510-е гг.) – восемь поколений. При этом ничего не известно ни о внуке Солохмира Григории Григорьевиче, ни о правнуке Василии Григорьевиче. У Апраксиных и Крюковых на тот же период приходятся не более 6 поколений (РРР. С. 127–144). В жалованной грамоте «дяде» Федора Ивановича – Григорию Ивановичу в качестве «посредника» назван стольник Григорий Васильевич (АСЭИ. С. 380 [№ 356]). Логично отождествить его с представителем того же рода, указанным в родословцах, сыном Василия Григорьевича – но в

моменту составления генеалогии своей ветви Вердеревские утратили представление о последовательности предков. Основываясь на общей концепции начала родовой истории и наборе сохранившихся фамильных документов, они произвели реконструкцию, и эту попытку трудно признать в полной мере удавшейся.

Рисунок 1.2 – Родословное древо потомков Солохмира (фрагмент)[1]

Сын Солохмира – Григорий Иванович фигурирует в списке грамоты второй четверти XV в. как «дядя» князя Ивана Фёдоровича[2]. Росписи конца XVII в. сообщают о том, что «боярами» якобы являлись все его сыновья – Григорий, Михаил Обумайло[3], Иван Кончей, Константин Дивной – однако эта информация сомнительна[4]. Само старшинство братьев по-разному передаётся родословцами[5]. Согласно родословной традиции Крюковых (по-видимому, более древней, чем представлена в росписях Вердеревских)[6], сын Михаила Обумайло – Григорий

таком случае он оказывается современником своего прадеда (!) Григория Ивановича, фигурирующего в том же документе. Очевидно, порядок представителей этой ветви фамилии был иным, нежели показано в родословцах.

[1] Старшинство представителей младшего поколения передаётся родословцами различно.

[2] АСЭИ. С. 355–356 [№ 328].

[3] В некоторых версия читается как «Обутало».

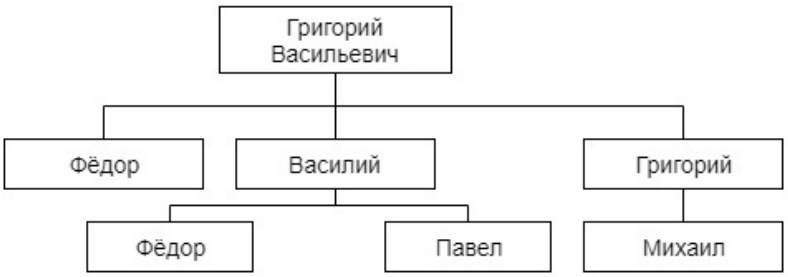
[4] РРР. С. 128, 132, 134, 135, 136, 137, 140, 144; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 468. Л. 209об. Не указано даже, в правление каких князей они могли получить боярский чин; в части родословцев эти данные отсутствуют.

[5] Крюковы и Вердеревские стремились в дальнейшем возвысить соответственно Михаила Обумайло и Григория Григорьевича за счёт предка другой ветви.

[6] Как заключил А.И. Гамаюнов, «статья рода Солохмира Разрядной редакции [родословных книг – *И.К.*] есть ни что иное как родословная роспись Крюковых конца XVI в. (Вердеревские

Михайлович Шишка – также был боярином, а внук – Тимофей Григорьевич Крюк – являлся конюшим и погиб в бою с татарами. Сын Тимофея Крюка Михаил отъехал на службу к Ивану III, «покиня» свои вотчины[1].

Рисунок 1.3 – Родословное древо Вердеревских (фрагмент)[2]

Первые указания на чиновное положение представителей рода, подтверждённые актами, появляются во второй половине XV в. Такие свидетельства относятся исключительно к потомкам Григория Григорьевича – будущим Вердеревским (рисунок 1.3). Василий Григорьевич фигурирует в качестве боярина при Василии Ивановиче (начиная с 1460-х гг.)[3]; его брат Фёдор Григорьевич был боярином Ивана Васильевича[4]. Службы и статус са́мого младшего из братьев – Григория Григорьевича – неизвестны[5]. Согласно родословной росписи, их отцом являлся Григорий Васильевич, внук Григория Григорьевича. В сохранившейся грамоте можно найти стольника пронского князя с таким именем[6].

представлены без “служб” в конце статьи)» (*Гамаюнов А.И.* К вопросу о достоверности первого упоминания Венева).

[1] РГАДА. Ф 181. № 184. Л. 230–231 об.; РРР. С. 141; *Чернопятов В.И.* Род Крюковых. С. 2. Известно, что Степан Остафьевич Крюков являлся приближённым последнего рязанского князя и последовал за ним в Литву, но родословцами эта фигура забыта (присутствует Остафий Тимофеевич, у которого в некоторых версиях показан сын Дмитрий) (Lietuvos Metrika (1533–1535). 8-oji Teismų bylų knyga. Vilnius, 1999. P. 105–107 (№ 212-215); РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 468. Л. 212)

[2] Эта часть генеалогии Вердеревских освещена только росписями конца XVII в.: РРР. С. 127–133.

[3] АСЭИ. С. 379 (№ 355), 385–386 (№ 364). Отметим, что в обоих случаях Василий Григорьевич занимает позицию ниже Назария Юрьевича, но во второй грамоте он при этом старше Денисия Юрьевича.

[4] АСЭИ. С. 380–381 (№ 357, 358), 387 (№ 366); *Морозов Б.Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома. С. 300–301 (№ 2).

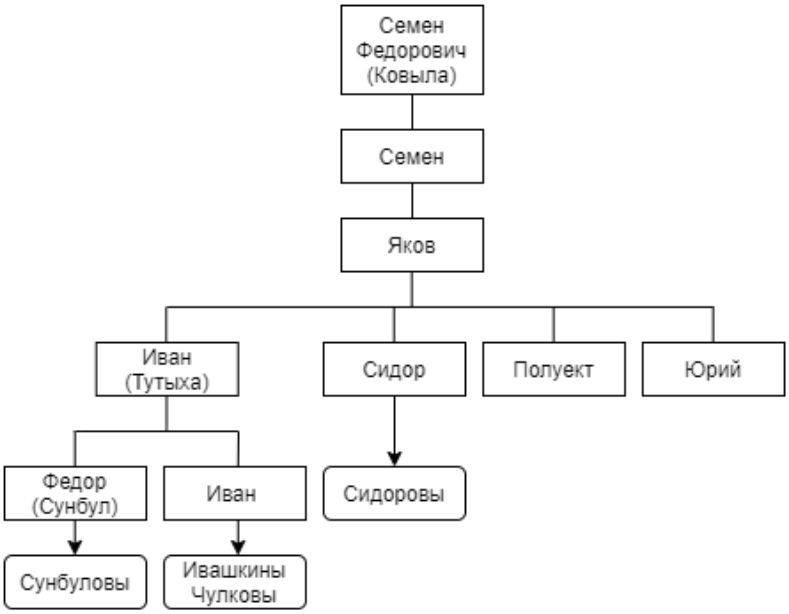
[5] В качестве боярина родословной росписью не упоминается (РРР. С. 132)

[6] АСЭИ. С. 380 (№ 356). О возникающих в связи с этим затруднениях сказано ранее.

Из представителей следующего поколения известен сын Василий Григорьевича – Фёдор Васильевич, который был сначала конюшим Анны (фигурирует в грамоте 1491 г.), а затем стал великокняжеским боярином (1497, 1501)[1]. Боярство получил и его брат Павел Васильевич, упомянутый единожды в 1504 г.[2].

Принимая во внимание родство с династией, не приходится удивляться прочным позициям потомков Солохмира в окружении рязанских князей на протяжении конца XIV – начала XVI в. Необходимо подчеркнуть, что в качестве носителей придворных чинов достоверно упоминаются только представители двух старших (вероятно) ветвей – потомки братьев Григория и Михаила Обумайло (причём последние – исключительно в родословцах).

Рисунок 1.4 – Родословное древо потомков Семёна Ковылы (фрагмент)

От **Семёна Фёдоровича Ковылы** вели своё происхождение Сидоровы, Сунбуловы и Тутыхины (рисунок 1.4)[3]. Родоначальника можно отождествить с боярином Семёном Фёдоровичем, упомянутым в грамоте Олега Ивановича, хотя

[1] АСЭИ. С. 382–383 (№ 359, 360, 361).
[2] АСЭИ. С. 384 (№ 362).
[3] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 138; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 268; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 58–59.

такая интерпретация вступает в противоречие с информацией родословцев по поводу времени его «выезда» к рязанскому князю[1]. Хронологические несоответствия обнаруживаются и при попытке проверить данные о «челночных» переездах между Москвой и Рязанью его сына (Семён Семёнович) и внука (Яков Семёнович)[2]. Последний отождествляется с Яковом Ковылиным, чашником Ивана Фёдоровича[3]. Из четверых сыновей Якова Семёновича – Ивана Тутыхи, Сидора, Юрия, Полуекта – трое старших, согласно родословцам, были боярами Ивана Фёдоровича[4]. Сыновья Ивана Тутыхи – Фёдор Сунбул, влиятельный боярин в 1501–1519 гг., и Иван, статус которого на службе рязанским князьям неизвестен. На завершающем этапе самостоятельного существования княжества в круг приближённых Ивана Ивановича входили Фёдор Фёдорович Сунбулов и его брат Дмитрий (старший и младший из многочисленных сыновей Ф.И. Сунбула). Констатируем, что потомки Семёна Ковылы систематически попадали в княжеский совет. Как и в случае Вердеревских, наиболее успешные траектории имели представители старшей ветви рода – Сунбуловы.

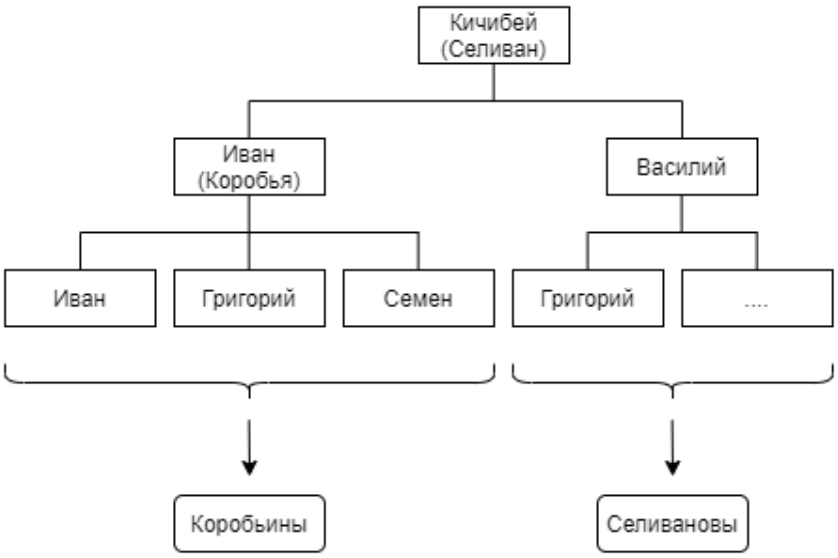
[1] АСЭИ. С. 350 (№ 322). Наиболее распространённая версия родословной легенды сообщает о выезде С.Ф. Ковылы из Литвы к Василию I и затем – к Олегу Ивановичу. Как заметил А.В. Кузьмин, информация о литовском происхождении может являться позднейшей вставкой (*Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 52). Выезд от Василия I к Олегу Ивановичу мог состояться только между 1389 и 1402 гг. Однако жалованная грамота Олега Ивановича с боярином «Семёном Фёдоровичем» датируется 1355/56–1387/88 гг. (исключая 1371–1372 гг.) (*Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. Т. 1. С. 159). В таком случае Семён Фёдорович уже находился на рязанской службе до того, как оказаться при дворе Василия I (*Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 280 [прим. 126]).

[2] По данным родословцев, Семён Семёнович отъехал в Москву при Василии II, т.е. после 1425 г., и якобы был боярином в Москве, Яков Семёнович вернулся ко двору Фёдора Олеговича (ум. 1427).

[3] АСЭИ. С. 378 (№ 354).

[4] Иной порядок старшинства в одном из родословцев: РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 468. Л. 207об.

Рисунок 1.5 – Родословное древо потомков Кичибея (фрагмент)

В историографии уже обсуждались проблемы, связанные с реконструкцией ранней истории Коробьиных[1] и Селивановых[2] (рисунок 1.5). Маловероятно, что родоначальник **Кичибей** (Селиван) являлся боярином князя Фёдора Ольговича, как то указывают родословцы, поскольку его сыновья фигурируют в документах значительно более позднего времени. Иван (Коробья) Кичибеевич (Селиванович) упомянут в купчей периода правления Василия Ивановича, а его вдова упоминается и вовсе при Иване Васильевиче[3]. Второй сын Кичибея, Василий Селиванович, единственный раз появляется в акте 1506 г., причём в качестве боярина[4]. Иван Иванович Коробьин не позднее 1508/09 г. отъехал к московскому князю. Семён упоминается С. Герберштейном как «советник» Ивана Ивановича. По данным родословной росписи Селивановых, Григорий, старший сын Василия

[1] Не путать с ростовским родом: *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. С. 133–134.

[2] Вероятно, в росписи, представленной в конце XVII в. в Палату родословных дел, Коробьины в местнических целях исказили информацию о ранней истории рода. Более достоверная версия представлено в родословце Селивановых (*Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 64–67; *Селиванов А.В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых… Ч. 1. С. 15–19).

[3] АСЭИ. С. 387 (№ 365, 366). Во втором акте упоминается, что Иван Кичибеевич успел послужить также и Ивану Васильевичу.

[4] АСЭИ. С. 372 (№ 346). Возможно, это означает, что, вопреки родословцам, старшим братом являлся не Василий, а Иван.

Селивановича, являлся боярином последнего рязанского князя[1]. Таким образом, сохранившиеся источники позволяют проследить историю рода не далее второй половины XV в. Несмотря на относительно непродолжительную службу потомков Кичибея рязанским князьям, из их числа систематически рекрутировались великокняжеские бояре.

Первые известия о **Кобяковых** относятся лишь к началу XVI в.[2]. За короткий период с 1501 г. до конца самостоятельности княжества упоминаются Иван (боярин)[3], Григорий[4], Василий[5], Михаил (боярин)[6] Дмитриевичи[7], а также Яков Кобяков с сыном Клементием и внуком Григорием (последний, возможно, конюший; все трое отсутствуют в родословцах)[8]. Члены этой фамилии, таким образом, могли претендовать на боярский чин. Такое положение дел должно было иметь предпосылки в более ранней истории рода, но никаких сведений о ней пока не обнаружено.

---

[1] РРР. С. 151. В этом поколении родословцы неполны, поскольку не упоминают Ивана Васильевича Селиванова с сыном. В источнике Иван Васильевич назван внуком Селивана, т.е. являлся сыном Василия Селивановича (ПРП РК. С. 22–23 [№ 16]).

[2] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 138; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 269; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 59–60. Родословная роспись сохранилась в дефектном состоянии: РРР. С. 180–181. Кроме того, она неполна за интересующий нас период: в ней отсутствуют Яков Кобяков, его сын Клементий и внук Григорий (АСЭИ. С. 388 [№ 367]).

[3] На то, что старшим был именно Иван, а не Михаил, как сообщает родословная роспись (РРР. С. 180), указывает порядок их упоминания в указных грамотах (АСЭИ. С. 393 [№ 375], 394 [№ 377]), а также старшинство потомков в ДТ (ТКДТ. С. 166). Другие известия об И.Д. Кобякове: АСЭИ. С. 395–396 (№ 380), 397–398 (№ 382–384).

[4] АСЭИ. С. 395 (№ 379), 400 (№ 388).

[5] На его старшинство перед Михаилом может указывать разрядная запись, однако в правильности приведённого в ней порядка нет уверенности (РК 1605. Т. 1. С. 175, 180–182).

[6] АСЭИ. С. 388 (№ 367), 393 (№ 375), 394 (№ 377), 375 (№ 379), 396 (№ 381), 398–400 (№ 384–386, 387), 406–409 (№ 391); РК 1605. С. 175, 180–182.

[7] В родословной росписи старшинство: Григорий, Михаил, Василий, Иван (РРР. С. 180). Во всех вариантах младший из братьев является боярином.

[8] АСЭИ. С. 388 (№ 367), 406–409 (№ 391); РК 1605. С. 175, 180–182. Старшинство является проблематичным. Если следовать разрядной записи, Клементий был генеалогически старше Дмитриевичей (поскольку указан первым), однако в следственном деле Михаил упоминается перед Клементием. В первом случае отец Клементия Яков мог относиться к предыдущему поколению и быть старше Дмитрия.

Родословная роспись **Таптыковых** конца XVII в., недавно введенная в научный оборот, не была известна С.И. Сметаниной[1]. Составители росписи возводили свой род к Таптыку (Данилу), выехавшему из Орды к Олегу Ивановичу и затем постригшемуся в монахи под именем Дионисия. Сыновья Таптыка Давыд и Фёдор были, согласно родословцу, боярами Фёдора Олеговича[2]. Имя боярина Фёдора Даниловича Таптыкова сохранилось, кроме того, в вольном пересказе жалованной грамоты П.И. Пискаревым[3]. Согласно родословцу, у Давыда был единственный сын Михайло, оставшийся бездетным. Однако в жалованной грамоте Ивана Фёдоровича можно найти также Григория Давыдовича Таптыкова, а в жалованной грамоте Василия Ивановича (1472/73 г.) – его сына Фёдора Григорьевича Таптыкова[4]. Совместно они упомянуты в грамоте, датированной А.В. Антоновым 1449–56 гг.[5]; чиновный статус этих лиц неизвестен. Относительно других представителей фамилии сведения родословной росписи значительно расходятся с данной грамотой 1575/76 г., которая представляется более достоверной. В ней Булгак Андреевич Каркадымов обстоятельно перечислил родственников, в том числе прадеда Григория (вероятно, Григория Давыдовича) и деда Фёдора Григорьевича[6]. Рязанский актовый материал не сохранил никаких сведений об этих лицах, и Таптыковы вновь появляются в источниках лишь после ликвидации самостоятельности княжества. Получение

---

[1] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 67–68; РРР. С. 196–199.

[2] Примечательно, что в подтверждение этого факта приводилась ссылка на упоминание в «большом старом синодике» рязанского Успенского собора (РРР. С. 198).

[3] АСЭИ. С. 375 (№ 351).

[4] *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. С. 93–94 (№ 1, 2) (по поводу родственной связи см. прим. 8).

[5] *Антонов А.В.* Новый источник по истории нагодчины. С. 7 (№ 1).

[6] ПРП РК. С. 53 (№ 41). Дедами Булгака Каркадымова в данной названы Фёдор (в росписи с отчеством «Фёдорович», но имеется в виду, вероятно, Фёдор Григорьевич), Иван и Яков Григорьевичи (показаны в родословце сыновьями Фёдора), а также Иван Шестак (отсутствует в росписи). Кроме того, в росписи отсутствуют дядя Булгака Андрей Фёдорович и братья – два Михаила, представленные в данной грамоте. Версия родословной росписи неубедительна также и потому, что Фёдор Данилович (вторая четверть XV в.) приходился Булгаку Каркадымову (третья четверть XVI в.) лишь прадедом. Этот пример показывает, к каким искажениям могли привести позднейшие усилия рода по воссозданию своего прошлого. Реконструкция генеалогии по монастырской данной грамоте представлена у С.И. Сметаниной (*Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 68).

ими кормлений и позиция в ДТ (между Коробьиными и Селивановыми) свидетельствуют о том, что род продолжал сохранять достаточно высокий статус.

О происхождении **Шиловских**, история которых уходит в XIII в., повествует «родовое письмо», сложившееся уже во второй четверти XVI столетия[1]. По жалованной грамоте Олега Ивановича известен боярин Тимош Александрович[2]. Его сын Ананья назван в «родовом письме» «зрителем пути полком» Ивана Фёдоровича[3]. Известий о младшем брате Тимоша – Давыде Александровиче не сохранилось. Зато упоминаются его сыновья, служившие при Иване Фёдоровиче: окольничий Григорий[4], боярин Прокофий и чашник Епифан (последний отсутствует в родословцах)[5]. Таким образом, все четыре представителя одного поколения имели придворные чины. Наиболее обширен актовый материал, связанный с деятельностью Прокофия – казначея, а затем боярина Ивана Фёдоровича и Василия Ивановича. Вдова Прокофия в 1482/83 г. (очевидно, накануне смерти) передала Солотчинскому монастырю село[6]. Так же, как и в случае Таптыковых, представители следующих поколений рода не фигурируют в актах времени самостоятельности княжества[7]. Низкая позиция

[1] АСЭИ. С. 376–378 (№ 352); *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 336; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 68–70.

[2] АСЭИ. С. 350 (№ 322).

[3] См. интерпретацию этого изестия как раннего свидетельства «вассального договора»: *Пономарева И.Г.* Инвеститура в древней Руси // Историк и источник. СПб., 2018. С. 32.

[4] АСЭИ. С. 378–379 (№ 354).

[5] АСЭИ. С. 356–357 (№ 329); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68 (№ 3) (младше Прокофия).

[6] АСЭИ. С. 355–356 (№ 328) (чтение обосновано в работе: *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 69 [прим. 107]), 356–357 (№ 329), 359 (№ 331), 385–386 (№ 364); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68–69 (№ 3, 5).

[7] В правой грамоте, выданной Василием Ивановичем, ответчиком выступает Остафей, которого Шиловские считали своим однородцем. Родословная роспись предполагает, что он относился к поколению внуков Прокофия Давыдовича, также присутствовавшего на суде. Количество поколений, приходящихся в росписи на XV – первую половину XVI в., выглядит маловероятным (РРР. С. 204–205)

Шиловских в ДТ, как справедливо отметила С.И. Сметанина, свидетельствует об их захудании[1].

Родословные росписи Петровых, Леонтьевых и Петровых-Соловых приводят легенду о происхождении от мурзы **Абатура** (Мефодия), выехавшего в Рязань при Фёдоре Олеговиче[2]. Сохранились три грамоты эпохи правления Ивана Фёдоровича, в которых фигурирует Глеб Батурнич, причём в одной из них он назван «пестуном» великого князя[3]. Согласно родословцам, Глеб Батурнич оставил сыновей Семёна, чашника и окольничего князя Ивана Фёдоровича[4], и Александра – стольника князя Олега Ивановича, который впоследствии фигурирует в качестве «посредника» при пожаловании от имени пронского князя[5]. При Василии Ивановиче упоминается Василий Александрович, племянник Семёна Глебовича – возможно, речь идёт о сыне Александра Глебовича[6]. Дальнейшая история фамилии в родословцах представлена со значительными расхождениями, а в актах времён самостоятельности княжества не отражена. В ДТ по Рязани члены младшей ветви рода (Петровы) занимали относительно невысокую позицию, среди «небоярских» фамилий.

---

[1] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 69.

[2] *Левонтьев Д.Н.* Материалы для родословия дворян Левонтьевых и Петрово-Соловых; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 70–71.

[3] *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. С. 88 (№ 14); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67–68 (№ 2, 3); *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 279. Родословцы называют его боярином, но в актах чин не фигурирует.

[4] АСЭИ. С. 355–356 (№ 328); *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 31 (№ 22); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68 (№ 4).

[5] АСЭИ. С. 353–354 (№ 324), 380 (№ 356) (чин не указан). Впервые он упомянут, таким образом, на два-три десятилетия раньше отца. Прямое указание на то, что Александр Глебович был служилым человеком пронского князя, отсутствует (в отличие от упоминаемого в той же грамоте Григория Васильевича). Возможно, он являлся великокняжеским боярином, как в случае грамоты княгини Анны 1491 г. (ср.: АСЭИ. С. 392 [№ 359]).

[6] АСЭИ. С. 348 (№ 319). В родословной росписи показан бездетным.

Родоначальником Карандеевых считался Кичибей («Павел, а писался **Карандеевич**»), выехавший к Олегу Ивановичу[1]. Павел Карандеевич известен в качестве боярина Фёдора Олеговича, был «посредником» при одном из пожалований[2]. Его внуком в родословной росписи записан Яков Иванович, упомянутый в целом ряде актов: как стольник Ивана Фёдоровича, рязанский наместник и затем боярин Василия Ивановича[3]. В ДТ Карандеевы не включены в ряд первостепенных фамилий.

Порядка двух десятков носителей придворных чинов, упоминаемых в источниках конца XIV – конца XV в., остаются не идентифицированными: их происхождение, родовая принадлежность и связи не установлены[4]. Можно

[1] РРР. С. 178–180; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 72–73.

[2] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67 (№ 1).

[3] АСЭИ. С. 355–356 (№ 328), 385–387 (№ 364, 365); *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. С. 88 (№ 15); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68–69 (№ 3, 5). Отождествление с представителем рода Сунбуловых (АСЭИ. С. 511 [прим. 365]; *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 138) неверно. По предположению С.И. Сметаниной, один из Карандеевых записан в ДТ, но это лишь гипотеза, поскольку в родословце лица с таким именем нет (*Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 72).

[4] В грамоте 1371 г. упоминаются княжеские «мужи» Федор Борисович, Климент и Еремей Великий с Глебом, некогда дававшие вклады в Ольгов монастырь. Из числа приближённых **Олега Ивановича** не идентифицированы также: бояре Софоний Алтыкулачевич и Никита Андреевич, «дядька» Манасей, окольничий Юрий, чашник Юрий, Семен Никитич и Павел Соробич (АСЭИ. С. 350–351 (№ 322)), стольник Глеб Васильевич Логвин (АСЭИ. С. 346 [№ 315]), чашник Григорий Яковлевич (АСЭИ. С. 354 [№ 324]); **Фёдора Олеговича**: боярин Семён Романович, казначей Василий Созонович, стольник Иван Анторович (*Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67 [№ 1]), окольничий Андрей Романович (*Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 30 [№ 21]) (боярин Семён Романович и окольничий Андрей Романович – очевидно, братья); **Ивана Фёдоровича**: чашник Семён Юрьевич («боярин чашник князь», *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. С. 93 [№ 1]), стольник Глеб Рудской (С. 378 [№ 353]); **Ивана Васильевича**: боярин Иван Яковлевич Барл (С. 382 [№ 359]; *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. С. 89 [№ 16]), боярин Яков Бурмин и стольник Иван Башмаков (*Морозов Б.Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома. С. 301–302 [№ 3]; подлинность акта сомнительна; Бурмины были рязанскими землевладельцами в конце XVI в.); дворецкий эпохи малолетства **Василия Ивановича** Юрий Зиновьевич (*Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68–69 [№ 5]); казначеи княгини **Анны** Семён Глебович и Вельямин Васильевич (АСЭИ. С. 360 [№ 333], 382 [№ 359]).

предполагать, что они были представителями родов, которые захудали или пресеклись на протяжении XV в. Вместе с тем, перечисленными фамилиями, как показано далее (**2.1**), исчерпывается начальная часть рязанского раздела ДТ[1]. Следовательно, сохранившиеся акты достаточно полно информируют исследователя о родовом составе рязанской верхушки (по крайней мере, на завершающем этапе самостоятельности княжества). Исключения – Глебовы и Чевкины, которые занимают в списке ДТ высокие позиции наряду с «боярскими» родами. По вероятному предположению С.И. Сметаниной, **Глебовы** происходили от казначея княгини Анны Семёна Глебовича[2]. Назарий Семёнович Глебов «с

Софоний Алтыкулачевич рассматривается некоторыми исследователями как возможный создатель «Задонщины»: *Лаврентьев А.В.* «Задонщина», Рязань и московская великокняжеская семья. С. 183; *Никитин А.Л.* Что написал «Софроний Рязанец»? // Основания русской истории. Мифологемы и факты. М., 2001. С. 531–541; *Седельников А.Д.* Где была написана «Задонщина»? // Slavia. Praha, 1930. Roč. 9. Seš. 3. S. 525–526; *Ржига В.Ф.* О Софонии рязанце // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 401–405.

Помимо актового материала, неустановленных рязанских бояр можно найти и в других источниках. О боярине Епифане Кореeве упоминает летописная повесть о Куликовской битве (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 456). А.В. Лаврентьев посчитал эту фигуру вымышленной (*Лаврентьев А. В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 26–27). А.К. Зайцев осторожно предположил тверское происхождение Кореева (*Зайцев А.К.* О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи. С. 41 [прим. 48]). По гипотезе А.В. Кузьмина, речь идёт о рязанском вотчиннике, который после участия в переговорах с Мамаем выбыл из рядов боярства, после чего род захудал (*Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. С. 320–321).

В «Хожении Игнатия Смолянина» упомянут боярин Олега Ивановича Станислав (Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М, 1984. С. 108–109; см.: *Решетова А.А., Тополова О.С.* О рязанских реалиях в «Хожении Игнатия Смольнянина» // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2012. № 35. С. 77–95). У В.Н. Татищева в связи с событиями, которые произошли десятилетием раньше, фигурирует рязанский воевода ушкуйников Иван Станиславович (*Татищев В.Н.* Собрание сочинений в восьми томах. М., 1996. Т. 5. С. 138, 165). В синодике в связи с набегом на Рязань в 1443 г. упоминается погибший «Илья Прокофьевич резанский» (ДРВ. Ч. 6. С. 457) – вероятно, представитель местной верхушки.

Казначеевы указали в качестве родоначальника «ближнего человека» князей Олега Ивановича и Фёдора Ольговича по имени Фёдор Семёнович, но эти сведения не имеют документального подтверждения (РРР. С. 177). Михайловы в родословной росписи пересказывали жалованную грамоту на куплю своего предка Ивана Юрьевича, якобы боярина Ивана Фёдоровича, и Игната Ивановича, а также изложение кормлёной грамоты Игнату Ивановичу. Во втором пересказе фигурирует «ималничий» (sic, окольничий?) Павел Яковлевич, также не известный по другим источникам (РРР. С. 191; АСЗ. Т. 1. С. 145 [№ 175]).

[1] За исключением О.С. Лашинского, фигура которого обсуждается далее: **2.1.1**.

[2] АСЭИ. С. 382 (№ 359); *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 61.

братьею» фигурирует в связи с побегом рязанского князя в качестве его приближённого (наряду с Кобяковыми и Сунбуловыми)[1]. Что касается **Чевкиных** (впоследствии приписались к Редегиным)[2], во времена самостоятельности княжества известен воевода удельного князя Фёдора Чевка Васильев, но его происхождение неясно[3].

Как справедливо отметил С.Б. Веселовский, для рязанского боярства характерны тенденции к обособлению, «оседанию» на земле и потомственной службе в княжестве[4]. Остаются актуальными и выводы А.А. Зимина: рязанская верхушка XV – начала XVI в. была замкнутой и небольшой по численности группой, почти не связанной своим происхождением с Северо-Восточной Русью[5]. На протяжении всего этого периода элита княжества комплектовалась по наследственному принципу из стабильного круга семейств. При этом рязанские роды за единственным исключением (Шиловские) не обладали памятью о происхождении, которая уходила бы глубже конца XIV – первых десятилетий XV в. (потомки легендарных и полулегендарных Абатура, Карандея, Кичибея, Солохмира, Таптыка, Шаина). В отдельных случаях рязанские боярские роды вовсе утратили воспоминание о своей ранней истории (Кобяковы) или значительно исказили её ex post (Таптыковы). Несколько родов пресеклись ещё до утраты княжеством независимости, и их прошлое остаётся неизвестным.

Родословные росписи полностью игнорируют факт существования Великого княжества Пронского, которое на протяжении XIV – начала XV в.

---

[1] АСЭИ. С. 409 (№ 391).

[2] *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. М., 1963. С. 249.

[3] К И.А. Чевкину-Дурному, якобы сопровождавшим княгиню Елену в Литву, возводили своё происхождение Колтовские. С.Н. Автократов убедительно показал вымышленность этой связи, однако предположил, что в основе предания о посылке Чевкина в Литву лежат реальные факты (*Автократов С.Н.* «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л., 1955 . Т. 9. С. 264–266). Исследователь, кажется, не обратил внимания на фигуру некоего Ивашки «владычень Рязанского», который в действительности находился с княгиней (СРИО. Т. 35. С. 164). Высокий статус Чевкиных, зафиксированный в ДТ, делает маловероятным их службу в архиепископском дворе – скорее фигура «Ивашки» стала лишь прототипом для творчества Колтовских (**3.3.5**).

[4] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 467, 500.

[5] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 139.

являлось самостоятельным политическим игроком и соперничало с Рязанью[1]. Сохранилась единственная грамота пронского князя Фёдора Ивановича (в родословии Вердеревских он искажённо именуется «великим князем Фёдором Ивановичем *Рязанским*»)[2]. Она относится, по-видимому, ко времени, когда пронский князь уже перестал титуловаться «великим», а его владения вошли в рязанскую «отчину» Ивана Фёдоровича (период между ок. 1430 и 1448 г.)[3]. На службе у Фёдора Ивановича находился тогда стольник Григорий Васильевич (возможно, из рода Солохмира). Вскоре (ранее 1448 г.) пронский князь бежал в Великое княжество Литовское[4]. Несомненно, в Пронске должен был существовать самостоятельный двор, члены которого впоследствии влились в состав рязанского служилого населения. Имеющиеся источники, к сожалению, не позволяют обозначить даже контуры этих процессов. При составлении родословных росписей представители рязанских родов едва ли были заинтересованы в том, чтобы вспоминать о службе своих предков пронским князьям.

---

[1] *Аксёнов Н.С.* Чеканка монет князем Иваном Владимировичем Пронским // Нумизматика. 2009. № 4 (23). С. 28–32; *Гомзин А.А., Мальцев М.С.* К вопросу о монетах Ивана Владимировича Пронского // Звучат лишь Письмена. М., 2019. С. 125–141; *Кузьмин А.В.* Пронское княжество // БРЭ. 2015. Т. 27. С. 599–600; *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. С. 184–246; *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. С. 248–250; *Флоря Б.Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 182–189; *Ивина Л.И.* Правящая элита Русского государства конца XVI – первой половины XVI в. С. 190–191; *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. С. 193–197.

[2] РРР. С. 127.

[3] АСЭИ. С. 380 (№ 356); Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 84 (№ 33) (далее: ДДГ); РРР. С. 127. См.: *Флоря Б.Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. С. 183–184. Возможно, один из посредников при пожаловании (Александр Глебович) был великокняжеским боярином (ср.: АСЭИ. С. 353–354 [№ 324]). В таком случае имело место пожалования под контролем рязанского князя – такое же, как в грамоте 1491 г. великой княгини Анны (ср.: АСЭИ. С. 382 [№ 359]). Возможно, само пожалование пронских земель Григорию Ивановичу (советнику Ивана Фёдоровича) и предоставление ему привилегий было произведено под давлением. Вслед за А.И. Голубцовым обратим внимание также на разрешение призывать людей «с обеих сторон» (вероятно, пронской и рязанской).

[4] *Флоря Б.Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. Ср. замечания А.А. Зимина по поводу упоминаний пронских князей в докончаниях: *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 139.

«Кандидатами» на происхождение из боярства Великого княжества Пронского могут являться кланы, землевладение которых располагалось на предположительно реконструируемой территории этого политического образования. Помимо Вердеревских (основной массив их вотчин располагался в Пехлецком и Каменском станах)[1], к числу таких родов относятся Кобяковы, вотчины которых концентрировались в Каменском стане[2], и Чевкины, владевшие землями в Пехлецком стане[3]. Связь Кобяковых и Чевкиных с Пронским княжеством могла бы объяснить их позднее появление среди рязанских бояр и утрату памяти о происхождении.

Изменения в составе рязанской элиты были связаны не только с естественным угасанием и пресечением, но также с захуданием отдельных родов. К концу XV в., насколько можно судить по сохранившимся источникам, представители некоторых кланов более не зачислялись в придворные чины, и в силу неизвестных причин могли вовсе выбыть из «боярского» круга (Карандеевы, Таптыковы, Петровы, Шиловские). Наиболее разросшиеся из рязанских фамилий к концу самостоятельности княжества начали разделяться на ветви, различные по своему статусу. Результаты этого процесса отражает структура рязанской рубрики ДТ середины XVI в. (**2.1**). Данные по потомству Юрия Константиновича и Измаила Прокофьевича показывают, что вплоть до начала XVI в. представители обеих ветвей могли претендовать на попадание в княжеский совет. Иной была ситуация с разросшимся гнездом Солохмира. Если Вердеревские и Крюковы получали придворные чины, относительно Апраксиных такой информации нет. Во второй половине XV в. представители младших ветвей – Крюковы и часть семейства Апраксиных – отъехали на московскую службу. В иерархии ДТ Апраксины, оставшиеся в Рязани, занимали позицию существенно ниже Вердеревских[4].

[1] ПКРК. Вып. 1. С. 86–87, 153–155, 268, 275, 296, 297; АСЗ. Т. 4. С. 63–64 (№ 81).
[2] ПКРК. Вып. 1. С. 87.
[3] ПКРК. Вып. 1. С. 154.
[4] ТКДТ. С. 166–167.

Последовательность записи представителей рязанской элиты в актах не является случайной: она отражает иерархические отношения. Как была организована эта система старшинства? По заключению Н.Ш. Коллманн, очерёдность записи московских бояр в грамотах второй половины XIV в. не была фиксированной, однако последовательно выдерживалось разделение на привилегированный круг кланов (в начале перечней всегда писались Вельяминовы и Волынские) и все остальные семейства[1]. В Рязанском княжестве не наблюдается такого жёсткого распределения родов по замкнутым иерархическим «уровням». Рассмотрим серию актов документов второй – третьей четверти XV в., в каждом из которых фигурируют несколько представителей элиты (таблица 1.1). На протяжении продолжительного периода (в конце правления Ивана Фёдоровича, при формальном московском наместничестве и после вокняжения Василия Ивановича) первенствовал боярин Прокофий Давыдович (предок Шиловских). Однако прежде он писался ниже Юрия Константиновича (предок Дмитриевых и Денисьевых). В свою очередь, Юрий Константинович в одном из актов (по-видимому, ещё более раннем) занимал вторую позицию после Якова Ковылина (предок Сунбуловых и Тутыхиных).

Таблица 1.1 – Порядок записи представителей рязанской элиты в правление Ивана Фёдоровича

Иван Фёдорович (1427–1456)[2]		
Яков Ковылин (Сунбуловы / Тутыхины) Юрий Константинович (Дмитриевы / Денисьевы) Глеб Рудской (?) Иван Измайлович (Измайловы) Шабан Измайлович (Измайловы)	Юрий Константинович (Дмитриевы / Денисьевы) Прокофий Давыдович (Шиловские) Епифан Давыдович (Шиловские)	Прокофий Давыдович (Шиловские) Яков Иванович (Карандеевы) Семен Глебович (Петровы / Леонтьевы) Федор Юрьевич (Дмитриевы / Денисьевы)

Представители нового поколения, зачисленные в княжеский совет, не замещали позиций отцов, но оказывались в нижней части перечней и затем

[1] *Kollmann N.S.* The boyar clan and court politics: The founding of the Muscovite political system // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. Vol. 23. № 1. P. 16–18.

[2] АСЭИ. С. 355–356 (№ 328, 329), 378 (№ 353) (ср.: *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68–69 [№ 5]).

поднимались наверх. Как видно из таблицы 1.2, сыновья Юрия Константиновича Фёдор, Назарий и Денисий были записаны после Прокофия Давыдовича, хотя их отец занимал ранее более высокую позицию. В результате такой естественной ротации главенство в княжеском совете не закреплялось внутри одной фамилии, а переходило между несколькими кланами. Например, потомки Ковылы первенствовали в думе во второй четверти XV в. (Яков Ковылин)[1] и в начале XVI в. (Ф.И. Сунбул). Таким образом, иерархия рязанской верхушки находилась в состоянии постоянного динамического изменения.

Таблица 1.2 – Порядок записи рязанской элиты третьей четверти XV в.

Василий Васильевич (1457–1462)[2]	**Василий Иванович (1464–1482)**[3]
Прокофий Давыдович (Шиловские) Яков Иванович (Карандеевы) Юрий Зиновьевич (?) Назарий Юрьевич (Дмитриевы, Денисьевы)	Прокофий Давыдович (Шиловские) Яков Иванович (Карандеевы) Федор Юрьевич (Дмитриевы, Денисьевы) Назарий Юрьевич (Дмитриевы, Денисьевы) Василий Григорьевич (Вердеревские) Денисий Юрьевич (Дмитриевы, Денисьевы)

В Рязанском княжестве действовали сложные «местнические» принципы старшинства, которые определяли относительную позицию каждого из членов боярской элиты. По-видимому, в таких условиях не все кланы могли претендовать на первенство в думе. Например, Вердеревские систематически писались ниже потомков Юрия Константиновича (В.Г. Вердеревский был старше Денисия Юрьевича, но младше обоих его братьев: таблица 1.2) и могли соперничать только с младшей ветвью рода – Измайловыми. Ещё Н.П. Лихачёв обратил внимание на случай, который подтверждает существование в Рязани местнической практики. Сохранилось упоминание о некоей «правой грамоте»,

[1] АСЭИ. С. 378 (№ 353).
[2] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68–69 (№ 5).
[3] АСЭИ. С. 385–386 (№ 364).

которая была дана Ф.Г. Вердеревскому на И.И. Измайлова[1]. В таком порядке они и перечисляются в актах последней четверти XV в.[2]. Возможно, именно местническими интересами было обусловлено составление рязанской разрядной документации[3] и сохранение большого количества служебных грамот в частных архивах рязанских боярских фамилий. В целом материалы времён независимости княжества позволяют выявить очертания той внутри- и межродовой[4] иерархии, которая впоследствии в кристаллизованном виде отразилась в ДТ.

1.3. Смена лиц на рязанском престоле: преемственность или конфликт?

На рубеже веков известны служилые люди трёх рязанских дворов: великого князя Ивана Васильевича, удельного князя Фёдора Васильевича и их матери великой княгини Анны[5]. Каждый из этих правителей выдавал собственные грамоты, однако суверенные права Анны были, возможно, несколько ограничены[6]. 29 мая 1500 г. скончался Иван Васильевич (его единственному сыну

---

[1] РК 1605. Т. 1. С. 222–223. См.: *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. С. 217; *Зимин А.А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 114; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 300; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 96–100; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 41.

[2] АСЭИ. С. 380–381 (№ 357), 387–388 (№ 366).

[3] См. упоминание: РИС. Т. 2. С. 177. О «рязанских разрядах» см.: *Вернер И.И.* О времени и причинах образования Московских приказов. М., 1907. С. 67.

[4] Ср.: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 304–305; *Kollman N.S.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345-1547. Скептический взгляд на принятую в историографии концепцию «боярского рода» применительно к периоду XIV–XV вв.: *Бенцианов М.М.* Родовая общность в среде московского боярства в конце XV – первой половине XVI в. // Грани русского Средневековья. М., 2016. С. 31–44.

[5] Возможно, собственным двором располагала также великая княгиня Аграфена, но грамоты, выданные от её имени в этот период, неизвестны. О дворах великих княгинь в Московском княжестве см. работы, написанные в рамках проекта «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)», напр.: *Корзинин А.Л.* Двор великой княгини Марии Ярославны // Вестник СПбГУ. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 19–48; *Он же.* О реконструкции корпуса источников по истории двора русских великих княгинь во второй половине XV в. – начале XVI в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции. М., 2019. С. 100–101.

[6] К такому выводу пришёл С.М. Каштанов (*Каштанов С.М.* Роль посредников в выдаче жалованных грамот. С. 298–299), обративший внимание на пожалование Ф.В. Вердеревского (боярина кн. Анны). Посредниками в этом акте выступал не только казначей Анны, но и

Ивану в этот момент было четыре с половиной года)[1], 7 апреля 1501 г.[2] – Анна[3], в 1503 г. (или ранее)[4] – князь Фёдор, причём его удел отошёл к Москве. Во главе оставшейся части Великого княжества Рязанского оказалась Аграфена, вдова Ивана Васильевича. Как эти перемены отражались на судьбе местной элиты?

Прежде всего, обратим внимание на преемственность системы великокняжеской службы. Смена правителей не приводила к изменению персонального состава верхушки местного двора. Характерна карьера Якова Назарьевича – боярина и казначея Ивана Васильевича[5]. Спустя год после смерти великого князя, в жалованной грамоте апреля 1501 г., он назван боярином Анны[6], а после её кончины неоднократно фигурирует в качестве боярина и воеводы Аграфены[7]. Другой пример – Ф.И. Сунбул, впервые упомянутый как боярин Анны. Он сохранял боярство и в дальнейшем – при Аграфене и Иване Ивановиче[8].

Итак, после смерти Ивана Васильевича его место как адресата службы рязанских бояр заняли великие княгини: сначала Анна, затем – Аграфена. При этом перестало существовать разделение на служилых людей великого князя и великой княгини Анны, которое мы находим в грамоте 1491 г.[9]. В жалованной грамоте 1 апреля 1501 г. боярами Анны названы как Яков Назарьевич (ранее – боярин Ивана Васильевича)[10], так и Ф.В. Вердеревский (ранее – конюший Анны)[1].

великокняжеский боярин И.А. Орёл – «это двустороннее посредничество показывает известную ограниченность суверенных прав великой княгини» (АСЭИ. С. 382 [№ 359]; ср., возможно, такую же схему пожалования пронским князем: С. 380 [№ 356]). Тот же боярин был пожалован великим князем в 1497 г. без участия служилых людей Анны (АСЭИ. С. 382 [№ 360]).

[1] ПСРЛ. Т. 12. С. 251.

[2] *Каштанов С.М.* Роль посредников в выдаче жалованных грамот. С. 299.

[3] Об этой фигуре см.: *Вайнсберг Л.Б.* Личность Анны Васильевны, великой княгини Рязанской // ТРУАК. Рязань, 1890. Т. 4. Вып. 8. С. 167–169.

[4] ДДГ. С. 357–358 (№ 89); *Зимин А.А.* Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Т. 27. С. 268–273; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 605 (прим. 1989).

[5] АСЭИ. С. 382–383 (№ 359, 360); *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 31 (№ 22).

[6] АСЭИ. С. 383 (№ 361).

[7] АСЭИ. С. 372 (№ 346), 384 (№ 362); РК 1605. С. 64, 76, 79; СРИО. Т. 95. С. 18.

[8] АСЭИ. С. 388 (№ 367), С. 370 (№ 345) и др.; С. 391 (№ 372) и др.

[9] АСЭИ. С. 382 (№ 359).

[10] АСЭИ. С. 382 (№ 360).

Более сложен вопрос о судьбе приближённых Фёдора Васильевича, удел которого был присоединён Иваном III[2]. Прослеживается судьба только одного члена думы. Боярином и дворецким «третного» князя являлся Матвей (Булгак) Денисьевич[3]. Осенью 1508 г. он фигурирует в качестве воеводы Агафены наряду с упомянутым Яковом Назарьевичем[4] – следовательно, после присоединения удела к Москве остался на службе у рязанского княжеского дома.

Приведённые наблюдения значимы в свете проблемы более общего характера – конфигурации власти, сложившейся в Рязанском княжестве в начале XVI в. Проанализировав рязанские жалованные грамоты, С.М. Каштанов не пришёл к окончательному выводу, были ли Анна (после смерти Ивана Васильевича) и Аграфена (после смерти Анны) полновластными правительницами или располагали правами только на территории гипотетически

---

[1] АСЭИ. С. 383 (№ 361).

[2] Известно, что там появился назначаемый из Москвы «перевитский» (или «рязанский») наместник (об этом речь пойдет далее в **1.6**, см. также: *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 157) и было введено разделение на «дворовых» и «городовых» детей боярских, принятое на московской службе (РК 1605. Т. 1. С. 118 [1512]; СРИО. Т. 95. С. 52 [1509], 93, 94 [1514], ср. там же: «бояре и дети боярские» княгини Аграфены). См. о прерогативах наместника: Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. Т. 1. С. 190–191; Опись архива посольского приказа 1626 года. С. 58; *Филиппова И.С.* Московские грамоты XVI в. из ГАРО. С. 272–274 (№ 1). Грамоты по местным делам выдавались с «доклада» дворецким (*Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 255 [№ 16], С. 268–269 [№ 109, 112]). В 1510/11 г. в Перевитске было проведено писцовое описание (*Азовцев А.В.* Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 316, 323).

[3] АСЭИ. С. 348 (№ 320), 353 (№ 323а) (назван в этой грамоте дворецким); *Морозов Б.Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома. С. 304–305 (№ 4). Его отец находился на службе великого князя Ивана Васильевича как минимум до 1472 г.

[4] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. С. 81; СРИО. Т. 95. С. 18. Предшествующее по времени упоминание о Булгаке Денисьеве приходится на осень 1507 г., когда он фигурирует в числе трёх воевод «из удела от князя Семена Ивановича», посланных на Белев (РК 1605. Т. 1. С. 92; см. об этом известии разрядов уделе князя Семёна Ивановича: *Жохов А.Ф.* Калуга XVI века и князь Симеон. Калуга, 2008. С. 51–52; *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 137–138; *Кистерев С.Н.* К истории калужско-бежецкого удела в начале XVI века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990. С. 16–20). Эта запись не позволяет утверждать с уверенностью, служил ли тогда Булгак Денисьев калужскому князю или был лишь на время придан его войску.

реконструируемых «вдовьих уделов». Следуя второму предположению, исследователь называет Якова Назарьевича «майордомом» Аграфены[1].

На наш взгляд, для таких построений нет оснований. Оказавшись на престоле, великие княгини становились адресатами службы не только великокняжеских бояр, но и дьяков рязанской канцелярии[2]; от их имени выдавались грамоты внутреннего управления; с ними вели переписку Иван III и Василий III. В московских разрядных книгах рязанские военачальники обозначались как воеводы «великие княгини резанской» (речь об этом пойдёт далее). Можно с уверенностью утверждать, что сначала Анна (с 29 мая 1500 по 7 апреля 1501 г.), а затем Аграфена (с 7 апреля 1501 по 1514/15 г.) являлись признанными полновластными правительницами Рязанского княжества. На протяжении полутора десятилетий, когда великокняжеский стол занимали бабушка и мать Ивана Ивановича, имя самогó молодого князя возникает в источниках лишь случайно[3]. Рязанский способ оформления «регентства», таким образом, существенно отличается от политической конфигурации, сложившейся в Московском княжестве при малолетстве Ивана IV[4].

---

[1] *Каштанов С.М.* Роль посредников в выдаче жалованных грамот. С. 299–300. Не присутствует ясности и у Д.И. Иловайского, который рассматривает рязанских княгинь только как управительниц своих волостей (*Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 148–149).

[2] Тимофей Осеев был сыном дьяка великого князя Василия Ивановича (АСЭИ. С. 385–386 [№ 364]) и, видимо, начал при нём дьяческую карьеру (см. акт 1472/73 г.: *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. С. 93 [№ 2]), дьяком Ивана Васильевича (АСЭИ. С. 374–375 [№ 349, 350], 380–381 [357, 358]) и Анны (С. 388 [№ 367]). Михайло Язвец Мелентьев известен как дьяк Анны (С. 383 [№ 361]), Аграфены (С. 384 [№ 362], С. 389 [№ 368]) и Ивана Ивановича (С. 394–395 [№ 378], 400 [№ 387]). Андрей Федоров сын Слюнин также подписывал сначала документы Аграфены (С. 395 [№ 379]), а затем Ивана Ивановича (С. 395–398 [№ 380, 382, 383]). Подробнее об аппарате рязанской канцелярии см.: *Кирпичников И.А.* Дьяческий аппарат Великого княжества Рязанского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 184. С. 114–120.

[3] В договоре Василия III с Сигизмундом I (1508 г.) речь шла о «земле Ивана Ивановича Рязанского» (ДДГ. С. 55 [№ 43]). Крымский хан в том же году упомянул о том, что «у рязанской великой княгини сын есть» (СРИО. Т. 95. С. 28)

[4] Ср.: *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 120–167.

Иван Иванович достиг совершеннолетнего возраста в 1511/12 г.[1], однако власть перешла к нему значительно позже: между мартом 1514 («речь» Василия III к Аграфене по поводу сопровождения послов)[2] и июлем 1515 г. (приветственная грамота Мухаммед-Гирея к Ивану)[3]. Исследователи нередко воспроизводят рассказ С. Герберштейна, согласно которому Иван Иванович якобы «заключил союз с татарами и силой овладел княжеством, которым [до тех пор] владела его мать»[4]. В изложении Д.И. Иловайского свидетельство имперского дипломата оказывается вписанным в общую линию повествования о борьбе двух «партий» внутри рязанской элиты: сторонников (во главе с Аграфеной) и противников (во главе с Иваном Ивановичем) московского влияния. Соперничество придворных группировок традиционно считается лейтмотивом последнего десятилетия рязанской самостоятельности[5].

Утверждение, что средневековая элита разделялась на фракции, основанные на различных «идеологических» (например, внешнеполитических) установках – распространённый в историографии логический ход. Однако, как напоминает Н.Ш. Коллманн, подобные интерпретации рискуют оказаться анахронистичными[6]. В рязанском случае изложенная концепция не позволяет объяснить преемственность ключевых фигур местного двора. Уже упомянутый боярин Ф.И. Сунбул сохранял свою высокую позицию как при обеих великих княгинях, так и при Иване Ивановиче. М.Д. Кобяков, ещё один ближайший

---

[1] С.И. Сметанина предположила, что Иван Иванович получил власть по достижении шестнадцатилетнего возраста (*Сметанина С.И.* Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве. С. 15), однако такое утверждение противоречит прямому указанию летописи. На момент смерти отца Ивану Ивановичу было 4,5 («полупята») года (ПСРЛ. Т. 12. С. 251), следовательно, совершеннолетия он достиг в 1512 г.

[2] СРИО. Т. 95. С. 92–94.

[3] АСЭИ. Т. 95. С. 162. Самая поздняя возможная датировка кабалы, в которой впервые фигурирует имя Ивана Ивановича – август 1515 г. (АСЭИ. С. 395–396 [№ 380]); *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 136 (прим. 156).

[4] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 307.

[5] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 119–120. См. развитие этих идей: *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. С. 34–43.

[6] *Kollmann N.S.* The boyar clan and court politics: The founding of the Muscovite political system. P. 13–14.

советник последнего рязанского князя, впервые упоминается в 1513/14 г. в качестве боярина Аграфены[1]. Кроме того, отсутствуют данные, которые могли бы подтвердить сомнительное сообщение С. Герберштейна о насильственном свержении великой княгини с использованием татарской помощи. Таким образом, версия о конфликте «партий» внутри рязанского двора представляется неосновательной.

1.4. Рязанское боярство накануне ликвидации самостоятельности княжества

От первых двух десятилетий XVI в. сохранились 27 рязанских грамот, в которых фигурируют великокняжеские бояре. Возможно ли, основываясь на этих источниках, реконструировать историю рязанской элиты последнего периода самостоятельности княжества? Прежде всего, нуждается в комментарии принцип формирования выборки актов. 25 из них были поданы в конце XVII в. представителями служилых фамилий: Ворыпаевых (1), Вердеревских (2), Кобяковых (10), Сунбуловых (12), и две имеют иное происхождение. Из всего обширного комплекса грамот Сунбуловых и Кобяковых можно извлечь имена лишь двух бояр, не относящихся к данным родам (Фёдор Денисьевич, Яков Назарьевич) – и то лишь благодаря случайным обстоятельствам[2]. Единичные грамоты, не принадлежащие к этим двум частным архивам, сразу дают расширение круга упоминаемых представителей элиты. Например, только из одной отводной грамоты известно о боярине Василии Селивановиче[3]. Про боярство П.В. Вердеревского можно узнать исключительно из жалованной грамоты, сохранившейся в архиве Вердеревских[4].

Констатируем, что имеющаяся выборка грамот нерепрезентативна и не позволяет получить всестороннюю картину развития рязанского боярства в

[1] АСЭИ. С. 395 (№ 380), 396 (№ 381).
[2] На ограниченность выборки накладывается и тот факт, что к концу существования княжества в конце жалованных грамот стал указываться только один посредник (*Каштанов С.М.* Роль посредников в выдаче жалованных грамот. С. 301). Для предшествующих периодов перечисление этих лиц даёт наиболее подробную информацию о составе местного боярства.
[3] АСЭИ. С. 372 (№ 346).
[4] АСЭИ. С. 384 (№ 362).

первые десятилетия XVI в. Невозможно утверждать, что известен полный состав придворных чинов этого времени. Многие из представителей боярских родов, как будет показано в дальнейшем, переходили на службу к Василию III, и до момента отъезда о них зачастую нет упоминаний. Булгак Денисьевич упоминается в качестве воеводы Аграфены лишь в московских посольских документах[1]. Неясным остаётся статус С.И. Коробьина, которого С. Герберштейн называет ближайшим «советником» Ивана Ивановича на завершающем этапе самостоятельности княжества[2]. Отсутствует информация о сыне Василия Селивановича Григории – по данным родословной росписи, он был боярином Ивана Ивановича[3].

Попытки исследователей на основе сохранившихся грамот сделать выводы о расстановке сил внутри княжеского совета трудно признать убедительными. И.А. Голубцов предложил разделить период «личного княжения» Ивана Ивановича на два этапа: первый связан с доминированием в думе Ф.И. Сунбула, а на втором его «потеснили» И.Д. и М.Д. Кобяковы. Исходя из этой логики была предложена датировка нескольких грамот: одна группа была отнесена к 1510–16, другая – к 1514–19 гг.[4]. Такое хронологическое решение неудачно: как уже отмечалось, переход власти от Аграфены к Ивану Ивановичу относится к значительно более позднему времени (1514/15 г.). Однако и сами грамоты оказались разнесёнными по двум этапам на основе признаков, которые являются лишь случайными особенностями их формуляра[5].

---

[1] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. С. 81; СРИО. Т. 95. С. 18, 93.
[2] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 305, 307.
[3] РРР. С. 151.
[4] АСЭИ. С. 392 (прим. К № 372), 511 (прим. 375).
[5] Ср. два типа грамот: «бояром нашим Федору Ивановичь Сунбулу с таварищи» (АСЭИ. С. 392–393 [№ 372–374], отнесены А.И. Голубцовым к первому периоду) и «бояром нашим Федору Ивановичь Сунбулу, да Ивану Дмитриевичь, да Михаилу Дмитриевичь» (С. 393–394 [№ 375, 377], отнесены ко второму периоду). На обороте подлинной грамоты второго типа, опубликованной под № 375, была помета «Федору Ивановичь Сунбулу с товарыщи», которая делает эту грамоту аналогичной первому типу. Отличие состоит лишь в том, что имена «товарищей» в одном случае раскрывались, а в другом – нет.

Перечисленные обстоятельства позволяют лишь с большой осторожностью делать предположения относительно внутренней структуры рязанской элиты первых десятилетий XVI в. Можно определённо утверждать, что первенствующее положение в думе на протяжении всего это периода (или его большей части) принадлежало боярину Ф.И. Сунбулу. Как уже упоминалось, он был «доверенным советником» (по выражению Д.И. Иловайского)[1] не только у Ивана Ивановича, но и ранее у великих княгинь. В январе 1501 г. Ф.И. Сунбул был свидетелем на докладе княгине Анне по купчей[2], а в конце года участвовал в походе в качестве первого воеводы рязанского отряда[3]. В марте 1502 г. боярин получил от Аграфены пожалование – село в Ростиславльском уезде[4]. В 1505 и 1507 гг. он упоминается на отводе земель в грамотах, независимых от архива Сунбуловых по своему происхождению – причём во второй из них он указан перед старым рязанским боярином Яковом Назарьевичем[5]. В 1514 г. Ф.И. Сунбул был отправлен с рязанским отрядом для сопровождения послов[6].

К периоду после 1513/14 г. относятся грамоты из архива Кобяковых, в которых фигурируют бояре из этого рода. Мы уже отмечали, что их появление в княжеском совете не было связано с приходом к власти Ивана Ивановича: М.Д. Кобяков впервые упоминается как боярин Аграфены[7]. Едва ли корректно утверждение, что Кобяковы отодвинули Ф.И. Сунбула на второй план[8]. Он продолжал занимать позицию первого боярина и упоминался при пожалованиях вплоть до последней по времени грамоты, известной от периода независимости

[1] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 120.
[2] АСЭИ. С. 388 (№ 367). Используя термин «свидетель», следуем традиционной трактовке роли лиц, указанных «у доклада» (или «на докладе») (см., напр.: *Кром М.М.* Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 432).
[3] РК 1605. Т. 1. С. 32.
[4] АСЭИ. С. 389 (№ 369).
[5] АСЭИ. С. 370–372 (№ 345, 346).
[6] СРИО. Т. 95. С. 93.
[7] АСЭИ. С. 395 (№ 379). Ср. построения Д.И. Иловайского, который рассуждает об «освобождении от опеки» Аграфены: она со своими советниками «связывала руки своему двадцатилетнему сыну» (*Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 119–120)
[8] Ср.: АСЭИ. С. 392 (прим. к № 372), С. 511 (прим. к № 375).

княжества[1]. Вместе с Ф.И. Сунбулом и ранее действовали другие лица – следовательно, перемен в его положении не произошло. По-видимому, во второй половине 1519 или 1520 г. он скончался[2]. После этого иерархию рязанского двора возглавили Кобяковы, а сыновья Ф.И. Сунбула писались в нижней части перечней местных бояр[3].

Почти половину (13) из 27 грамот с упоминаниями рязанских бояр в начале XVI в. составляют докладные кабалы (заёмные и служилые). Адресатом доклада в 1501, 1509/10 (дважды), 1516/17, 1518/19 гг. выступал Ф.И. Сунбул; в 1513/14, 1515/16, 1516/17, 1518/19 гг. (дважды) – М.Д. Кобяков; в 1514/15 г. и неизвестные годы (дважды) – И.Д. Кобяков. Как видно из этого перечисления, хронологические периоды пересекаются – следовательно, принятие доклада не было исключительной прерогативой только одного из представителей двора. Грамоты заверялись великокняжескими дьяками, которые действовали, вероятно, параллельно при каждом из бояр[4]. Лишь в одном случае (в 1516/17 г.) известно о принятии доклада двумя лицами – Ф.И. Сунбулом и Федором Денисьевичем (дело, очевидно, в том, что в сделке заимодавцем выступал сын одного из них – М.Ф. Сунбулов)[5]. По аналогии с другими регионами можно предполагать, что принимавшие доклад лица имели наместнический статус[6], однако на это нет прямых указаний в текстах грамот. В 1517/18 г. М.Д. Кобяков был пожалован ростиславским наместничеством, а в 1518/19 г. принимал доклад[7], но неясно, следует ли связывать эти факты.

---

[1] АСЭИ. С. 400–401 (№ 388, 389).
[2] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 120.
[3] РК 1605. Т. 1. С. 175.
[4] Какой-либо закономерности в сочетании бояр и дьяков нами не выявлено. Вероятно, здесь не устанавливалось прочной служебной связи (ср. аналогичный вывод применительно к московской практике конца XV в.: *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV-XV вв. С. 121).
[5] АСЭИ. С. 393 (№ 376).
[6] Ср. предположение И.А. Голубцова по поводу И.И. Измайлова (АСЭИ. С. 374 [прим. к № 348]).
[7] АСЭИ. С. 398–399 (№ 385–386).

По-видимому, около 1517 г.[1] действовала «коллегия», состоявшая из бояр Ф.И. Сунбула «с товарищи» – М.Д. и И.Д. Кобяковыми (упомянуты в двух грамотах). «Коллегии» адресованы пять сохранившихся грамот Ивана Ивановича; за более ранний период такого рода документы не известны. Указы касались са́мого широкого круга дел: организации поимки разбойника, судебных процедур, отвода земель, отсрочки взыскания пошлин. По-видимому, «коллегия» по умолчанию самостоятельно принимала решения, обращаясь в сложных случаях за указом великого князя[2]. В распоряжении «коллегии» находились недельщики, приставы и дети боярские. Великий князь временами выносил приговоры по рассматриваемым вопросам[3], требовал отчитаться о спорных делах, принимал челобитья с жалобами на действия «коллегии» и мог отменять её приговоры[4]. Только один сохранившийся княжеский указ вызван обращением бояр, зато сразу три даны в ответ на апелляции челобитчиков. В одной из грамот предписывается отсрочить взыскания и оставить дело «до зимы, доколе, даст бог, *сами у меня будете*, и яз с вами обговорю»[5]. Таким образом, «коллегия» действовала в территориальном отдалении от князя и составляла, помимо него, второй центр принятия решений. Вероятно, параллельно каждый из бояр мог самостоятельно принимать доклады.

Уникальность материалов по действиям «коллегии» не даёт возможности судить о том, насколько типичной была подобная практика для предшествующей истории княжества. Как будет ясно из дальнейшего анализа, «коллегия» действовала в необычных обстоятельствах. На протяжении 1510-х гг. круг представителей элиты, сохранявших лояльность Ивану Ивановичу, стремительно сужался; Сунбуловы и Кобяковы оставались последней опорой его власти. Можно предположить, что масштабный отток рязанской элиты на московскую службу

[1] См. датировку одной из грамот: АСЭИ. С. 394 (прим. к № 377).
[2] АСЭИ. С. 391 (№ 372).
[3] АСЭИ. С. 392 (№ 374).
[4] АСЭИ. С. 392 (№ 373), 393 (№ 375), 394 (№ 377).
[5] АСЭИ. С. 394 (№ 377).

привёл к кризису управления княжеством и вызвал к жизни необычную «комиссию» из местных бояр.

1.5. Службы рязанской элиты и проблема отъездов в Москву

Помимо широкого круга судебно-административных дел, бояре сосредотачивали в своих руках также руководство военными силами Рязанского княжества. Об этой стороне их деятельности за интересующий нас период дошли только те фрагментарные сведения, которые сохранило московское делопроизводство. В конце XV – начале XVI в. рязанские отряды неоднократно привлекались к ***военным и посольским операциям*** северного соседа[1]. В 1491 г. Иван III сообщал крымскому хану, что послал ему на помощь казанскую и русскую рати, к которым примкнули «сестричев моих резанских обеих воеводы»[2]. В начале 1493 г. московский великий князь «послал» на литовские земли «сестрича своево князя Федора Васильевича резанского», которому были приданы московские силы, «а с ним великого князя Ивана Васильевича резанскова воевода Инька Измайлов со многими людьми»[3]. Характерно, что поход возглавил младший из рязанских князей, в то время как старший ограничился посылкой воеводы[4]. В 1501 г. от Аграфены было «велено» послать Сунбула Тутыхина (Ф.И. Сунбула) и Никиту Измайлова, от Фёдора – Матвея Денисьевича[5]. Зимой 1502 г. удельный князь сам возглавил полк левой руки рати, отправлявшейся на литовские земли; походом руководил сын Ивана III[6]. Наконец, в литовских походах 1501 и 1502 гг. «великие княгини резанской воевода» Яков

[1] См. также о некоторых из упоминаемых нами походах: *Володихин Д.М.* Военная деятельность князя Александра Владимировича ростовского, наместника псковского и новгородского // Историческое обозрение. 2016. № 17. С. 8–32; *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. С. 178–181; *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017. С. 25–33.

[2] СРИО. Т. 41. С. 116.

[3] ПСРЛ. Т. 12. С. 234; М., 2007. Т. 18. С. 277; М., 1994. Т. 39. С. 66; РК 1605. Т. 1. С. 33.

[4] *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. С. 264. Это соответствует договору 1483 г., согласно которому рязанский великий князь должен был сам пойти в поход только в случае участия в нём Ивана III: ДДГ. С. 284, 287 (№76). В то же время, рязанский великий князь имел право послать в поход своего младшего брата (ДДГ. С. 333 [№ 84]).

[5] РК 1605. Т. 1. С. 68.

[6] РК 1598. С. 34; РК 1605. Т. 1. С. 70.

Назарьевич был вторым воеводой полка правой руки; в 1502 г. в качестве второго воеводы полка левой руки упоминается также Чевка Васильев от кн. Фёдора[1]. В следующий раз воеводы рязанского происхождения фигурируют в разрядах под 1514/15 г.[2] (на этом известии мы остановимся ниже).

Как видно из приведённых данных, только в двух походах принимал участие представитель рязанского княжеского дома – удельный князь Фёдор. В первом он возглавлял всю рать, во втором – один из полков в составе войска сына Ивана III. В остальных случаях рязанские князья ограничивались посылкой своих воевод. Порядок таких назначений может быть прояснен благодаря посольским материалам. Рязанские служилые люди неоднократно привлекались не только для военных операций, но также для встречи и сопровождения послов[3]. Весной 1514 г. «на Резань» был направлен кн. С.Ф. Курбский, целью которого была организация встречи турецкого посла Камала. Посольская книга сохранила «речи» кн. Курбского как к перевитскому наместнику кн. Ф.Д. Пронскому, так и к кн. Аграфене. Хотя эти тексты несколько различаются по своей форме (в послании княгине присутствует традиционный «поклон»), оба представляют прямое и безапелляционное распоряжение («приказ») Василия III об отправке служилых людей. Кн. Аграфена должна была послать «всех детей боярских» под начальством бояр Ф.И. Сунбула и Федора Денисьевича. Они переходили в полное подчинение кн. Ф.Д. Пронского[4]. Таким образом, московский князь своим

[1] РК 1598. С. 35; РК 1605. Т. 1. С. 64, 76–77, 79.
[2] РК 1605. Т. 1. С. 144–145.
[3] См.: СРИО. Т. 31. С. 411–413 (1501); СРИО. Т. 95. С. 18 (1508), 92–95 (1514).
[4] СРИО. Т. 95. С. 92–95. Ср. ситуацию с сопровождением турецкого посла в 1501 г., при жизни князя Фёдора (СРИО. Т. 31. С. 411–413; обычно приводится по весьма вольному пересказу из статьи: *Макаров М.Н.* Заметки о землях рязанских // ЧОИДР. 1846. № 1. Смесь. С. 14, 24). Московский князь через своего человека передавал детальные указания отдельно кн. Аграфене и кн. Фёдору, которые должны были выделить соответственно 130 (и две трети необходимых коней и телег) и 70 служилых людей (и треть коней и телег) для выполнения поставленной задачи (в 1508 г. 200 человек отправлялось от одной Аграфены, ср.: СРИО. Т. 95. С. 18; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. С. 81). Интерес представляют распоряжения кн. Аграфене о казни родственников тех лиц, которые пойдут на Дон. Если княгиня не выполнила бы это указание, казнь осуществил бы сам Василий III. Как неоднократно отмечалось, этот текст демонстрирует сильную зависимость рязанских правителей от Москвы (*Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 135; *Иловайский Д.И.* История

указанием определял как размер рязанского войска, так и его воевод[1]. Рязанские бояре возглавляли отряды местных служилых людей, но полностью подчинялись вышестоящим лицам, назначенным Москвой.

Нет ясности в вопросе о том, присутствовали ли московские войска на территории Рязанского княжества в последние десятилетия его существования. Такая практика, связанная с операциями против татар, имела длительную историю (наиболее яркий пример – битва на Листани 1443/44 г., когда воеводы Василия II разгромили «под градом» зимовавшего в Переяславле-Рязанском царевича Мустафу)[2]. Под 1512 г. летописи сообщают сразу о двух татарских набегах, первый из которых произошёл в июле, второй – в октябре[3]. Летом татары быстро отступили, преследуемые воеводами Василия III. Осенью же Бурнаш-Гирей «приходил на Рязань ратию и острог взял и ко граду приступал, да граду не успе ничтоже и отъиде» – это известие с небольшими вариациями содержится в целом ряде летописцев[4]. Вологодско-Пермская летопись вносит в этот рассказ существенную деталь – из города вышли «воины *великого князя*»[5], а Устюжский летописный свод (под неверным годом) сообщает о присутствии «на Рязани городе» «*московской силы*»[6]. В посольских книгах упоминается о том, что некоторые татары из отряда Бурнаша-Гирея под Рязанью попали в плен к «людям» Василия III[7]. Следовательно, можно предполагать нахождение московского войска на территории княжества. Разряды сообщают о посылке наместника и воевод «на Рязань», однако эти известия относятся к московской

Рязанского княжества. С. 117, 119; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. С. 606).

[1] В другом случае рязанская княгиня могла выбрать для сопровождения послов одного из двух бояр, указанных Василием III (1508) (СРИО. Т. 95. С. 18).

[2] ПСРЛ. Т. 12. С. 61–62. См.: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. С. 257–260.

[3] Разряды сообщают об этих набегах как об одном: РК 1605. Т. 1. С. 120.

[4] ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Стб. 395; М., 2001. Т. 8. С. 252–253; М., 1965. Т. 13. С. 15; Т. 24. С. 217; *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. М., 1981. С. 234.

[5] ПСРЛ. М., 2004. Т. 26. С. 302.

[6] Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 103. См. об этом также: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. С. 268–269; *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. С. 36–37.

[7] СРИО. Т. 95. С. 160, 164, 173. Ср.: Там же. С. 309.

территории – Перевитску[1]. Что касается последующего периода, вплоть до времени разрядной записи 1519/20 г. отсутствует информация об участии рязанских войск в московских военных акциях. Нет данных и о том, что в Переяславле-Рязанском могли находиться войска Василия III.

Исследователи не раз отмечали, что некоторые представители рязанской верхушки ***перешли на московскую службу*** ещё до окончательной ликвидации самостоятельности княжества. Представляется, что из-за разрозненности сведений недооценёнными остаются масштаб и динамика этого явления. Наиболее ранние из таких свидетельств приходятся на вторую половину XV в. и относятся к потомкам Солохмира. Родословные росписи Апраксиных сообщают, что в годы правления Ивана III клан разделился: старший брат Матвей Апраксин с тремя сыновьями «приехали служить к Москве» и получили вотчины в Муроме и других регионах, младший Андрей – остался в Рязани «на вотчинах своих»[2]. Апраксиным принадлежали Безпуцкий стан и Михайлово поле[3]. Двоюродный племянник Матвея Апраксина, Михаил Тимофеевич Крюков, сын конюшего и внук боярина, «отъехал к великому князю Ивану Васильевичу на Москву, покиня свою Веневу, да Веркошу и Ростовец. И князь великий противу того дал ему

---

[1] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 135; *Он же.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 286. Ср.: «на Резани в Перевитцкой десятне» (*Филиппова И.С.* Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской. С. 272 [№ 1]). Об управлении Перевитском см.: **1.6**.

[2] См. разные версии этого рассказа: РРР. С. 134, 136, 137. Уже в 1490-е гг. Ерофей (Ярец) Матвеевич Апраксин упоминается во Владимирском уезде (см.: *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 63 [прим. 80]). Перешедшие на московскую службу Апраксины полностью утратили связь с Рязанью (*Бычкова М.Е.* Зарождение чиновничьего аппарата Русского государства. Генеалогические заметки // Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2013. С. 181–182; *Рыкова О.В.* Н.П. Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. Екатеринбург. 1993. № 1. С. 90–91). Принятое в литературе отождествление Ярца Апраксина с рязанским дьяком Андреем (Ярцом) Никитиным (*Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 434–435 [прим. 35]) основано на недоразумении. «Ярец» – распространённое прозвище (*Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 381).

[3] РРР. С. 136–137.

Звенигород, да в Олексине поместье великое, и в Торусе, да на Коломне»[1]. Как следует из этих известий, в обоих случаях смена адресата службы сопровождалась утратой родовых вотчин. Все эти владения (по родовой легенде, пожалованные Олегом Ивановичем Солохмиру) располагались на территории «купли» Василия Тёмного[2], которая локализована А.В. Дедуком[3]. Недостаточно данных, чтобы прояснить взаимосвязь отъездов и «купли». Упоминания московских князей, содержащиеся в источниках, позволяют заключить, что сначала была произведена покупка части территории Рязанского княжества, а затем местные бояре «оставили» свои вотчины.

Таблица 1.3 – Рязанские служилые люди, отъехавшие в Москву до 1521 г.

Имя	**Время перехода**
Михаил Тимофеевич Крюков	1462 – 1505[4]
Матвей Апраксин; Ерофей, Прокопий, Иван Матвеевичи Апраксины	1462 – 1494/95[5]
Иван Иванович Коробьин	до 1509[6]
Иван (Ивашка) Тутыхин	до 1514/15[7]
Фёдор Денисьевич	1516/17 – 1520[8]
Василий Фёдорович Вердеревский	до 1515/16[9]
Михаил Никитич Измайлов	до 1515/16[10]
Яков Никитич Измайлов	до 1519[11]
Иван Васильевич (Стрекало) Измайлов	1515/16 – 1519[12]
Матвей (Булгак) Денисьевич	1508 – 1519/20[13]
Семён Иванович Коробьин	1519/20 (?)[14]

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 184. Л. 230–231 об. (цит. по: *Гамаюнов А.И.* К вопросу о достоверности первого упоминания Венева); Ф. 188. Оп. 1. № 468. Л. 224об.
[2] ДДГ. С. 285–290.
[3] *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. Т. 2. С. 345–372. См. также оригинальную концепцию А.В. Лаврентьева: *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 134–162.
[4] РГАДА. Ф 181. № 184. Л. 230–231 об. (см.: *Гамаюнов А.И.* К вопросу о достоверности первого упоминания Венева); Ф. 188. Оп. 1. № 468. Л. 224об.
[5] РРР. С. 134, 136, 137; АСЭИ. С. 141 (№ 104).
[6] АСЗ. Т. 4. С. 170–172 (№ 227, 228); *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 269 (№ 112).
[7] РК 1605. Т. 1. С. 146.
[8] АСЭИ. С. 393 (№ 376); СРИО. Т. 35. С. 552; РИС. Т. 2. С. 177.
[9] СРИО. Т. 95. С. 141, 231.
[10] СРИО. Т. 95. С. 141, 231.
[11] СРИО. Т. 95. С. 619, 622, 629, 668, 671.
[12] СРИО. Т. 95. С. 619, 622, 629, 668, 671; РИС. Т. 2. С. 177.
[13] СРИО. Т. 95. С. 18; РК 1605. С. 181–182.
[14] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 305, 307; РК 1605. Т. 1. С. 180.

Значительно большее количество свидетельств об отъездах приходится на завершающий период самостоятельности княжества (таблица 1.3). Так, с уверенностью можно говорить о переходе на московскую службу Ивана Ивановича Коробьина. Сохранилось упоминание о том, что в 1508/09 г. он выступал судьёй в тяжбе по поводу земельных владений Солотчинского монастыря. Разбираемое дело относилось к московской юрисдикции: судный список был заверен печатью дворецкого кн. Семёна Дмитриевича (вероятно, Щепина-Оболенского)[1]. Это упоминание представляет большой интерес – оно показывает, что после отъезда к московскому князю представители рязанских родов продолжали выполнять судебные функции на территории «трети». Уже в 1509 г. московский князь пожаловал И.И. Коробьину в кормление волость Ростовец, а в 1515–17 гг. – Инобож, Вольгу и Залипенье[2]. Судя по разрядным известиям, разбираемым в следующем разделе, в 1519/20 г. на стороне Василия III оказался и Семён Иванович Коробьин, до этого момента бывший «советником» рязанского князя.

В некоторых разрядных записях воеводы рязанского происхождения фигурируют без особых помет об их принадлежности к рязанскому великокняжескому двору. Так, в разряде 7023 г. на Долгом мосту в войске Василия III третьим воеводой большого полка указан Иван Тутыхин, вторым воеводой сторожевого полка – Фёдор Денисьевич[3]. Иван Тутыхин неоднократно упоминается в последующие годы среди начальников московских ратей без какой-либо связи с Рязанью – в частности, в Туле[4]. Очевидно, до 1514/15 г. он перешёл на московскую службу. Иной была ситуация с Федором Денисьевичем, который занимал традиционное для рязанцев место второго воеводы. В 1516/17 г.

---

[1] *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 269 (№ 112). Ср.: с. 268 (№ 109).

[2] АСЗ. Т. 4. С. 170–172 (№ 227, 228, 229). В кормление И.И. Коробьину была, по-видимому, пожалована территория купли, где ранее находились вотчины Вердеревских (*Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. Т. 2. С. 351–353).

[3] РК 1605. Т. 1. С. 144–145.

[4] РК 1605. Т. 1. С. 146 (7023 г.), 159 (7027), 163 (7027), 176 (7028). Ср.: *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. С. 208.

он фигурирует на докладе вместе с Ф.И. Сунбулом – следовательно, адресатом его службы остался рязанский великий князь[1]. Однако к марту 1520 г. Федор Денисьевич также отъехал в Москву и присутствовал на столичном посольском приёме[2]. К 1520 г. на московской службе оказался и брат Фёдора, Булгак Денисьевич, о чём свидетельствует его упоминание в разрядной записи вместе с перевитским наместником[3].

Сведения о рязанцах на московской службе связаны также с посольскими назначениями. В 1515–16 гг. В.Ф. Вердеревский и М.Н. Измайлов сначала сопровождали послов в Азов, а затем доставляли ответную грамоту к Василию III. В одном из посланий московский князь именует их «своими людьми», в переводном тексте В.Ф. Вердеревский и М.Н. Измайлов фигурируют в качестве «бояр» (в данном случае – почётное прозвание) Василия III[4]. Следовательно, к этому моменту они сменили адресата службы. Напомним, что отец и дед Василия Федоровича Вердеревского являлись рязанскими боярами, а отец Михаила Никитича Измайлова был конюшим княгини Анны. В.Ф. Вердеревский занимался сопровождением московских послов и впоследствии – в июне-сентябре 1521 («с Рязани до Азова») и апреле 1523 г.[5].

Из Измайловых на московскую службу перешёл не только Михаил Никитич, но также его младший брат Яков и ещё один представитель рода – Иван Васильевич (Стрекало)[6]. В 1519 г. Я.Н. и И.В. Измайловы сопровождали посла до Азова, после чего должны были возвратиться «к себе»; в одной из грамот

[1] АСЭИ. С. 393 (№ 376). Значит, можно предположить, что в походе 7023 г. он возглавлял рязанский отряд. См. также: РИС. Т. 2. С. 177.
[2] СРИО. Т. 35. С. 552.
[3] РК 1605. Т. 1. С. 181–182.
[4] СРИО. Т. 95. С. 141–142, 230–233.
[5] СРИО. Т. 95. С. 682; *Дунаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Приложение. С. 45, 54, 55, 56. Использована информация из БД «Правящая элита Русского государства» (URL: https://russian-court.spbu.ru/ [дата обращения: 01.04.2021]).
[6] В родословцах нет ни человека с таким именем, ни Василия Измайлова, который мог бы быть его отцом. Согласно позднейшему местническому делу, Стрекало являлся прадедом Артемия Измайлова (РИС. Т. 2. С. 163; в другом деле именуется «дедом», что маловероятно: Тамбовская губернская ученая архивная комиссия. 1885. Тамбов, 1886. Вып. 7. С. 23 [местническая приказная ссора тамбовских воевод 1659 г. Лихарева и Полева]), т.е. был представителем одного поколения с Никитой Ивановичем. Возможно, это была ветвь, идущая от сокольничего Шабана Измайловича.

московский князь именует их «своими детьми боярскими»[1]. В местническом деле 1600 г. один из Измайловых ссылался на «рязанские разряды», согласно которым ещё в 7024 (1515/16) г. Стрекало Измайлов и Фёдор Денисьевич находились на службе Ивана Ивановича[2]. Следовательно, переход к Василию III мог произойти между 1515/16 и 1519 гг.

Приведённый перечень едва ли является исчерпывающим, и расширить его помогает ретроспективный анализ данных ДТ (**2.1.2**). Так, можно предполагать, что ещё до утраты княжеством независимости на московскую службу перешёл Леонтий Фёдорович Степанов (потомок Абатура). Кроме того, Г.С. Зеленина из рязанского раздела ДТ можно отождествить с «Гридей Зелениным», который уже в 1520 г. ездил с грамотами от смоленского наместника[3]. Это означало бы, что и он перешёл на московскую службу до присоединения княжества.

Итак, целый ряд представителей ключевых рязанских родов – Вердеревские, Денисьевы, Измайловы, Коробьины, Тутыхины – в течение двух первых десятилетий XVI в. перешли на московскую службу. Если на протяжении предшествующего периода отъезды из Рязани были единичными (известно только, что в Москве оказались Апраксины и Крюковы), то теперь они приняли массовый характер. Значительная часть боярства, многие поколения служившего рязанским князьям, чрезвычайно быстро покинула местный двор. Рассмотрим гипотезы, которые могут объяснять такое изменение стратегий поведения рязанской верхушки.

Прежде всего, можно с уверенностью утверждать, что отъезды не были связаны с политическими конфликтами внутри Рязани. Чтобы прийти к такому выводу, достаточно принять во внимание хронологический аспект. Отъезды не были синхронны и происходили на протяжении всего рассматриваемого периода (возможно, их количество увеличилось в последнее десятилетие самостоятельности княжества). Даже ближайшие родственники не оказывались в

[1] СРИО. Т. 95. С. 619, 622, 629, 668, 671.
[2] РИС. Т. 2. С. 177.
[3] СРИО. Т. 35. С. 373.

Москве одновременно: возникали ситуации, когда один из братьев служил Василию III, другой – сохранял лояльность рязанской династии[1]. Следовательно, кризис рязанского двора не может быть в полной мере объяснён ни якобы имевшей место борьбой «партий», ни сменой правителей.

Увеличение привлекательности московской службы могло быть в некоторой степени обусловлено ростом общего неблагополучия внутри княжества. Исследователи неоднократно отмечали, что разрастание служилой прослойки (и, прежде всего, боярских кланов) при отсутствии экспансии приводило к усилению конкуренции за материальную базу (кормления, земельные пожалования)[2]. Для обсуждения этих тенденций применительно к рязанскому случаю нет достаточных источниковых данных. Сами по себе эти общие явления социально-экономического свойства не могут, однако, объяснить стремительного распада рязанского правящего слоя.

Представляется, что главной причиной массовых отъездов на московскую службу было изменение внешних условий – присоединение удела Фёдора Васильевича к Москве. Если во второй половине XV в. при отъезде представители рязанской верхушки навсегда покидали свои земли и получали вотчины и поместья в отдалённых уездах Московского государства, то после присоединения «трети» ситуация изменилась. Важнейшая черта, отличающая отъезды первых десятилетий XVI в. – сохранение служебной и землевладельческой связи с родным регионом. Занимаясь сопровождением посольств, рязанские служилые люди выполняли, в сущности, свои традиционные функции. Не изменился и состав отрядов, которыми они руководили: это были «рязанские» казаки и дети боярские (теперь состоявшие на московской службе). И.И. Коробьин, как и прежде, выступал в качестве судьи по земельному спору рязанского монастыря.

[1] Ср. с тезисом о службе разным князьям как «стратегии выживания» московского боярства в кризисные эпохи: *Бенцианов М.М.* Родовая общность в среде московского боярства в конце XV – первой половине XVI в. С. 36.

[2] *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 358, 370. Это предположение применительно к Твери выдвинуто Э. Клюгом исходя из наблюдений, сделанных на материале московского боярства (*Alef G.*The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power // Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth- Century Muscovy. London, 1983. P. 15–58).

Разрядные известия 1519/20 г., к которым мы обратимся в следующем разделе, показывают, что «московские» рязанцы находились при перевитском наместнике. Таким образом, после смены адресата службы они оставались в рязанской «трети» и сохраняли привычные занятия.

Можно предполагать, что переход «трети» к Москве и отъезды не сказывались на картине родового землевладения рязанских бояр[1]. В договоре между Иваном и Фёдором Васильевичами были провозглашены традиционные принципы экстерриториальности службы и неприкосновенности владений («вольного отъезда»)[2]. Московские правители к началу XVI в. научились умело манипулировать этими нормами в собственных целях[3]. Очевидно, что в рязанском случае именно Москва была заинтересована в сохранении свободного отъезда и, вероятно, настаивала на незыблемости такого порядка. Благодаря действию этого принципа местный двор стремительно уменьшался в размерах, а на территории княжества появлялись значительные вотчинные анклавы, хозяева которых несли службу московским князьям.

География землевладения рязанской элиты заслуживает особого внимания в связи с проблемой отъездов. Следует отвергнуть одну из возможных гипотез: нет

[1] В качестве возможного контраргумента обратим внимание на грамоту 15 марта 1522 г., выданную С.Ф. и В.Ф. Вердеревским на вотчину, располагавшуюся на южной окраине рязанских земель (АСЗ. Т. 4. С. 63–64 [№ 81]). По специальному челобитью московский князь «пожаловал» братьев «старою их … вотчиною», произведя соответствующий «сыск». Документы аналогичного характера, которые относились бы к Рязани, неизвестны. В зависимости от того, как характеризуется главный предмет грамоты – реальное пожалование, формальное подтверждение прав или размежевание – этот источник может быть интерпретирован различно. Рассмотрим первый из перечисленных вариантов: реальное пожалование. На руках у братьев уже находилась грамота Олега Ивановича, зачем в таком случае потребовалось быстро получать подтверждающий документ от Василия III (ср.: *Кром М.М.* Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 370–372)? Возможная трактовка состоит в том, что после перехода на московскую службу Вердеревские лишились вотчины, и с присоединением княжества у них появилась возможность подать челобитье для восстановления прав. Такая интерпретация, однако, остаётся лишь гипотезой.

[2] ДДГ. С. 336 (№ 84).

[3] *Бенционов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 24–28; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 466–467; *Пономарева И.Г.* О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник за 2012 год. М., 2016. С. 72; *Rüss H.* Так называемый вольный отъезд // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34. № 1–2. P. 59–71.

оснований предполагать, что наличие вотчин на территории «трети» являлось значимым фактором при решении о переходе на сторону московского князя[1]. Основной массив родовых земель рязанских боярских фамилий находился в станах, которые оставались частью территории Великого княжества Рязанского (**2.3.2**). Из первостепенных рязанских кланов, достоверно сменивших адресата службы, значительным вотчинным комплексом на территории «трети» располагали, по-видимому, только Коробьины, однако у них были и владения и в «двутретной» области[2]. Как можно узнать из грамоты 1523 г., у «советника» последнего рязанского князя С.И. Коробьина одновременно имелись крупные вотчины «в Перевицском уезде да в Переславли Резанском»[3]. Следовательно, представители верхушки отъезжали к Василию III независимо от географического размещения собственности.

Подведём итоги. Кризис рязанского двора не являлся следствием внутренних противоречий: к нему привело изменение общей линии московской политики в регионе. Неравенство сил и ресурсов соседей было очевидным и значительно ранее, но до рубежа XV–XVI вв. потомки Ивана Калиты обеспечивали как целостность ядра рязанских земель, так и внутриполитическую самостоятельность княжества. Присоединение «трети» и поощрение отъездов означало, что Москва более не заинтересована в сохранении обособленного и боеспособного рязанского двора – и, следовательно, в существовании княжества в качестве самостоятельного образования. Рязанская элита должна была воспринять такие перемены как однозначный сигнал. Прежние издержки, связанные со сменой суверена, исчезли: теперь рязанцы сохраняли своё вотчинное землевладение, социальные связи и служебные функции. Менялся только адресат службы, но не её базовые условия – зато перед переехавшими боярами

[1] Такая гипотеза высказана в дипломной работе А.М. Супруна, в которой рассматривался состав рязанского боярства (защищена на кафедре истории России до начала XIX века Исторического факультета МГУ в 2008 г.). Однако даже члены двора Фёдора не становились автоматически служилыми людьми московских князей. Это показывает уже рассмотренная траектория Булгака Денисьевича, который после смерти Фёдора Васильевича остался на службе рязанской династии, и лишь затем (между 1508 и 1519/20 гг.) всё-таки отъехал к Василию III.
[2] ПКРК. Вып. 1. С. 37, 38, 159, 179, 180, 182, 224; РППК. С. 35, 36, 45, 53.
[3] АСЗ. Т. 4. С. 172 (№ 230).

открывались новые перспективы. Преимущества отъезда показывает пример И.И. Коробьина, который неоднократно получал доходные кормления от правительства Василия III[1]. На территории рязанской «трети» была опробована стратегия интеграции, которая после ликвидации княжества стала главной линией московской политики во всём регионе (**2.4**). Чрезвычайно быстрый и бесконфликтный переход ключевых рязанских родов на службу к Василию III – наглядное свидетельство результативности данного подхода.

Рязанский великокняжеский двор стремительно распался, как только московское правительство начало последовательно стимулировать отъезды. Добавим, что они происходили на фоне смены поколений и поколенческих установок в рязанском боярстве начала XVI в. Представители предыдущей генерации – те, кто составлял верхушку рязанского сообщества на рубеже веков (Ф.В. Вердеревский, Н.И. Измайлов, Я. Назарьевич) – постепенно сходили со сцены, а их дети и младшие родственники всё чаще выбирали сторону Москвы. Необходимо в полной мере оценить парадоксальную ситуацию, сложившуюся во втором десятилетии XVI в. Боярство Великого княжества Рязанского стремительно уменьшалось в размерах и к моменту присоединения княжества сузилось до нескольких семейств. Одновременно при перевитском наместнике складывалась весьма представительная группа служилых людей, фактически составлявших альтернативный рязанский двор. Баланс сил в регионе оказался необратимо нарушен, и ликвидация княжества Ивана Ивановича стала лишь делом времени.

1.6. Присоединение княжества к Москве

Обстоятельства, при которых Великое княжество Рязанское окончательно утратило самостоятельный политический статус – одна из наименее ясных проблем его истории. Сохранившиеся источники – известие Устюжского

[1] Ср.: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 357.

летописца о якобы случившемся «поимании» рязанского князя (под 1515/16 г.)[1], отрывок московского следственного дела[2], рассказы Сигизмунда Герберштейна[3], упоминания летописей[4] и несколько разрядных записей по поводу событий 1520/21 г.[5] – давно введены в научный оборот. Исследователями отмечено, что последняя грамота, пожалованная от имени Ивана Ивановича, датируется 4 июня 1519 г.[6]. Между этой датой и татарским набегом лета 1521 г. произошёл описанный имперским дипломатом «арест» рязанского князя. Силы Мухаммеда-Гирея были отбиты «гражанами» под руководством находившегося в Переяславле-Рязанском «воеводы и наместника» (по выражению С. Герберштейна – «начальника крепости») И.В. Хабара[7]. Ключевые вопросы, которые встают в этой связи: как происходил переход власти? какой была линия поведения представителей рязанской элиты?

Исследователи по умолчанию приняли идею, согласно которой ***«поимание» рязанского князя*** и появление московского окольничего в качестве «наместника на Резани» означало ликвидацию княжества как политического образования[8].

---

[1] Устюжский летописный свод. С. 108. См. замечание А.А. Зимина о возможности позднейшей приписки *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 135 (прим. 154).

[2] АСЭИ. С. 406–409 (№ 391).

[3] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 305, 307, 419, 421.

[4] ПСРЛ. Т. 26. С. 311; Т. 30. С. 145.

[5] РК 1598. С. 66, 67 (дважды); РК 1605. Т. 1. С. 175, 180–182 (трижды).

[6] АСЭИ. С. 400–401 (№ 388). Все даты в диссертации приведены по старому стилю.

[7] Летописное указание на «гражан», очевидно, не следует понимать буквально. Неясно, находились ли под руководством московских воевод дополнительные силы, кроме рязанских детей боярских, но известно, что в городе, по крайней мере, имелась артиллерия Василия III с немецким начальником (*Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 421).

[8] «…на рязанские города были разосланы московские наместники. Главный пост, т.е. Переяславль-Рязанский, был поручен знаменитому Ивану Васильевичу Хабару, который до того времени держал наместничество в Перевитске» (*Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 121, также с. 183 [прим. № 219]). На основании упоминания И.В. Хабара как перевитского наместника в мае 1520 г. предлагалось также сузить возможную датировку «поимания» рязанского князя. Этот аргумент основателен только в том случае, если далее он перестал занимать данную должность (*Зимин А.А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. С. 286; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 208–209 [прим. 1]; *Он же.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 135–136). См. также: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. С. 269; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 157.

Такая точка зрения представляется, однако, не вполне убедительной. Прежде всего, нет достаточных оснований для утверждения, что И.В. Хабар был назначен наместником владений рязанского князя. Уже Д.И. Иловайский заметил, что в мае 1520 г. он упоминается в качестве перевитского наместника[1]. В разряде 7028 (1519/20) г. И.В. Хабар числится «на Резани». Перевитские наместники (фигурируют в источниках в 1509, 1512, 1514–15 гг.) и ранее систематически именовались «рязанскими»[2]. Будучи правопреемниками кн. Фёдора Васильевича, они «жили» и «судили наместничь суд» в само́м Переяславле-Рязанском[3]. Следовательно, наместнический статус И.В. Хабара мог относиться к Перевитску, и этот статус давал ему возможность находиться в столице княжества и возглавить её оборону. Обратим внимание, что в разрядах присутствует существенное различие: если «наместник» И.В. Хабар и московские воеводы числились «на Резани», то представители местных родов должны были находиться «в городе».

Материалы розыскного дела показывают, что крестоцелование рязанских служилых людей на имя Василия III состоялось только после появления Мухаммеда-Гирея. За короткий период татарского набега рязанские служилые люди, как рассказывал впоследствии Ф.Ф. Сунбулов, принесли две присяги «перед владыкою да перед Хабаром». Формулировка первой предписывала «бесхитростную» оборону города против крымского «царя» («служити государю великому князю [Василию III – *И.К.*] вправду … и с города нам со царем битись

[1] АСЭИ. С. 402–404 (№ 390). В судебном деле нет указаний, что И.В. Хабар присутствовал на судебном разбирательстве лично, указываются лишь подчинённые ему служилые люди.

[2] СРИО. Т. 95. С. 93, 129; РК 1598. С. 46; РК 1605. Т. 1. С. 118. Титул «рязанский» появился у московского князя уже в 1514 г. (*Каштанов С.М.* Роль посредников в выдаче жалованных грамот. С. 269). См. также: *Зимин А.А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. С. 286.

[3] В описи архива Посольского приказа сохранилось упоминанием о «тетрадке» с наказом перевитскому наместнику кн. Ф.Д. Пронскому Переяславле-Рязанском «как пожаловал его князь … Перевицком и в Переславле Резанском третью князь Федоровскою и как ему *в Переславле Резанском жить* и наместничь суд судить» (Опись архива посольского приказа 1626 года. С. 58). В жалованной грамоте 1514 г. фигурируют московские «наместницы Переславля Резанского» (АСЗ. Т. 1. С. 141 [№ 170]), в 1520 г. наряду с старорязанскими упоминаются «переславские» наместники (*Антонов А.В.* Вновь открытые рязанские акты XVI – начала XVII века. С. 249 [№ 11]). О деятельности Фёдора Васильевича в Переяславле-Рязанском см., напр.: ПКРК. Вып. 2. С. 419–420.

безхитростно»). Однако вскоре ситуация изменилась: в Рязани узнали о побеге из Москвы Ивана Ивановича. Тогда по инициативе И.В. Хабара произошло второе крестоцелование, уже с иной формулировкой: «государем вам князя Ивана не назвати, а *государь вам князь великий Василий Иванович*». Именно на эту присягу ссылались в ходе допросов рязанцы («как есмя целовали крест *государю своему великому князю Василию*»)[1]. Следовательно, формальная смена адресата службы произошла у местных служилых людей только в ходе татарского набега, а не сразу после «поимания» Ивана Ивановича.

Таблица 1.4 – Разрядные записи 1520/21 г.

7028[2]	**7029 (первый)**[3]	**7029 (второй)**[4]
А на Резани были окольничей и намесник Иван Васильевич Хобар Симской; **а в городе** были Булгак да Федор Денисьевы да Семен Карабьин, да Стрекайло Измайлов, *да князь Ивановы* Клементей, да Василей, да Михайло Кобяковы, да Федор Сунбулов.	На Резани были **воеводы** окольничей и намесник Иван Васильевич Хобар Симской *да Ондрей Чоботов, да Ондрей Бутурлин Никитич;* *а в городе на Резани были* Булгак да Федор Денисьевы, да Семен Коробьин, да Стрекайло Измайлов, **да** *князь Ивановы* Клементей да Василей, да Михайло Кобяковы, да Федор Сунбулов.	А на Резани в ту пору были *воеводы* намесник и окольничей Иван Васильевич Хобар Симской, да Булгак да Федор Денисьевы, **да** *Иван* да Семен Корабьины, да Стрекайло Измайлов, *да князь Ивановы* Клементей да Василей да Михайло Кобяковы, да Федор Сунбулов.

Большой интерес в свете рассматриваемой проблемы представляют разрядные записи (таблица 1.4; наиболее полная из них – первый разряд под 7029 г.). Список представителей рязанских родов, присутствовавших в «городе», разделён на две части. После первых четырёх (или, в другой записи, пяти) имён перечисляются «*князь Ивановы*» служилые люди. Подобное обозначение встречается не впервые: московские разряды специально выделяли таким способом лиц, принадлежавших ко дворам иных правителей[5]. Следовательно,

[1] АСЭИ. С. 406–407 (№ 391). Как показал П.С. Стефанович, в этот период крестоцелование начинает выполнять функцию «государственной присяги на верность верховному правителю» (*Stefanovič P.S.* Отношения правителя и знати в Северо-Восточной Руси в XIV – начале XVI в.: крестоцелование как клятва верности? // Cahiers du Mond Russe. 2005. Vol. 46. № 1-2. С. 277–284).
[2] РК 1605. Т. 1. С. 175.
[3] РК 1605. Т. 1. С. 180.
[4] РК 1605. Т. 1. С. 181–182.
[5] Ср.: «великого князя Ивана Васильевича резанскова воевода Инька Измайлов» (РК 1605. Т. 1. С. 33).

рязанский двор продолжал существовать и после задержания Ивана Ивановича в Москве. Появление И.В. Хабара в Переяславле-Рязанском и «поимание» Ивана Ивановича – события, которые сами по себе не подразумевали утраты последним суверенных прав на территорию своего великого княжества.

Второй круг проблем связан с ***лояльностями конкретных представителей*** рязанских родов. Помимо разрядной записи, значительный объём сведений можно получить из сохранившегося отрывка розыскного дела[1]. Главное, чем интересовалось следствие – существовал ли в рязанской верхушке заговор в пользу бежавшего из Москвы Ивана Ивановича? Ключевым здесь оказывался вопрос о том, смогли ли посланцы рязанского князя вступить в контакт с гарнизоном Переяславля-Рязанского. Судя по материалам розыска, отправленные дети боярские не имели успеха, и эта цель не была достигнута. Зато один из гонцов, Д.Ф. Сунбулов, назвал на следствии имена адресатов «речей» и грамот Ивана Ивановича – то есть лиц, на помощь которых рассчитывал рязанский князь (таблица 1.5).

Таблица 1.5 – Сравнение разрядов и розыскного дела

«Князь Ивановы» служилые люди	**Розыскное дело**
М.Д. Кобяков	М.Д. Кобяков: адресат «речей» и грамоты
В.Д. Кобяков	–
К.Я. Кобяков	К.Я. Кобяков: адресат «речей» и грамоты
Ф.Ф. Сунбулов	Ф.Ф. Сунбулов: адресат «речей»
	Н.С. Глебов: адресат «речей»
	И.С. Глебов: адресат «речей»
	Д. и А. Олтуфьевы («с братьею»): адресаты «речей»
	Г.К. Кобяков: написание грамоты
	Д.Ф. Сунбулов: доставка грамоты
	Г. Колемин: подозрение в соучастии
	Т. Колемин: подозрение в соучастии
	Наська (?): подозрение в соучастии

Прежде всего, заметим, что в списке потенциальных сторонников Ивана Ивановича не фигурирует никто из служилых людей, перечисленных в разрядах

[1] АСЭИ. С. 406–409 (№ 391).

вместе с И.В. Хабаром и московскими воеводами. Вероятно, все они – Булгак и Фёдор Денисьевичи, Семён и Иван[1] Коробьины и Иван (Стрекало) Измайлов – к моменту татарского набега перешли на московскую службу. С полной уверенностью это можно утверждать про Ф. Денисьевича, И. Коробьина и И. Измайлова, судьбы которых рассматривались нами ранее. С. Коробьин (Crubin) фигурирует у Герберштейна как «советник» (uno ex consiliariis) Ивана Ивановича, который уговорил его отправиться в Москву[2]. Булгак Денисьевич, некогда боярин и дворецкий Фёдора, появляется в источниках впервые после 1508 г., когда он был воеводой Аграфены. Все эти лица состояли при наместнике и воеводах Василия III отдельно от «князь Ивановых» служилых людей. Данный перечень ещё раз подтверждает, что после отъездов к московскому князю представители рязанских фамилий не утрачивали связей с родным регионом и даже получали здесь «разрядные» назначения. После присоединения княжества такая практика привлечения рязанской элиты к службам в своем крае стала традиционной (**2.2.1**).

Среди возможных сторонников Ивана Ивановича в розыскном деле были указаны трое из четырёх «князь Ивановых» служилых людей, упомянутых в разрядах: М.Д. Кобяков, К.Я. Кобяков, Ф.Ф. Сунбулов (нет лишь В.Д. Кобякова). М.Д. Кобяков – боярин, активно участвовавший в управлении княжеством в 1514–19 гг. Клементий Яковлевич Кобяков (судя по порядку перечисления в разрядной записи, старший представитель рода) ранее упоминался только в купчей 1501 г., по которой он продал села М.Д. Кобякову[3]. Согласно материалам розыска, К.Я. Кобякову «приказаны были … кони и конюхи» – возможно, он имел статус конюшего в составе двора Иван Ивановича[4].

---

[1] Упомянут только в одном из вариантов записи (РК 1605. Т. 1. С. 181–182; РК 1598. С. 66).
[2] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 305–307.
[3] АСЭИ. С. 388 (№ 367).
[4] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 60. И.В. Добролюбов обратил внимание, что рязанский князь планировал укрыться в сёлах Шумашь или Дубровицы, которые, как он считал, относились к родовым владениям Кобяковых (*Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Рязанской епархии. Т. 1. С. 58). В конце XVI в. это были дворцовые владения, в 1624/25 г. они были пожалованы И.И. Можарову (ПКРК. Вып. 2. С. 498–499; *Селиванов А.В.* Опись дел Рязанского Исторического архива // ТРУАК. 1892. Т. 6. Вып. 4–5. С. 64), и лишь

Сын К.Я. Кобякова Григорий находился при рязанском князе в момент бегства из Москвы и писал грамоты с его распоряжениями к своему отцу и М.Д. Кобякову. Доставить эти грамоты должен был сын Ф.И. Сунбула – Дмитрий, также находившийся при Иване Ивановиче[1]. Как уже отмечалось, к 1520 г. Ф.И. Сунбул, наиболее влиятельный приближённый рязанского князя, скончался, и его место заняли сыновья. Второй из них, Федор Федорович, допрашивался как вероятный адресат «речей» Ивана Ивановича. Среди потенциальных сторонников рязанского князя он назвал детей боярских Глебовых и Олтуфьевых. В ходе розыска в качестве возможных соучастников допрашивались также Колемины. Как показывает перечень ДТ (**2.1.1**), эти фамилии занимали относительно высокие позиции в рязанской иерархии.

Материалы следственного дела наглядно демонстрируют крайнюю узость круга лиц, на поддержку которых мог рассчитывать (хотя бы потенциально) последний рязанский князь. Хотя Иван Иванович и надеялся, что его сторонники приведут с собой некоторое количество детей боярских, вариант, при котором удалось бы без крымского хана вернуть престол, даже не рассматривался[2]. В сложившихся обстоятельствах, однако, рязанский правитель не получил совершенно никакой помощи от своих приближённых. Известно только о трёх рязанских служилых людях, отправившихся за ним в Великое княжество Литовское. В материалах Литовской метрики фигурируют Степан Остафьевич Крюков, Иван Огафонович Ташлык и Фёдор Ефидович Толкачев, которые находились при Иване Ивановиче вплоть до его смерти (ок. 1534 г.)[3]. Насколько известно, из них только С.О. Крюков (однородец Вердеревских) принадлежал к рязанской верхушке. Ключевые члены местного двора не последовали за своим

впоследствии перешли к Кобяковым. Свидетельств, что Кобяковы были их владельцами уже в начале XVI в., нами не обнаружено.

[1] Отметим как характерное явление присутствие при рязанском князе (даже находившемся под арестом) молодых представителей видных местных фамилий.

[2] АСЭИ. С. 409 (№ 391).

[3] Упоминаются в документации 1534 г., связанной с устроением их земельных дел: Lietuvos Metrika (1533–1535). 8-oji Teismų bylų knyga. P. 105–107 (№ 212–215). О жизни рязанского князя в Великом княжестве Литовском: *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 124–125; *Сметанина С.И.* Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве.

сувереном и, оставшись в Рязани, оказались фигурантами розыскного дела. Нет оснований считать, что эти лица подверглись в дальнейшем каким-либо репрессиям или конфискациям. Потомков большинства из них можно найти в ДТ, а Н.С. и И.С. Глебовы постоянно упоминаются на московской службе начиная с 1530-х гг.[1]. Таким образом, рязанцы легко расстались с последним представителем своей династии и смогли доказать лояльность новой власти.

***

Элиту Великого княжества Рязанского составляли несколько родов, представители которых из поколения в поколение получали придворные чины. Стабильный круг этих фамилий сформировался на протяжении второй половины XIV – первых десятилетий XV в. Изменения, происходившие в дальнейшем, объясняются, с одной стороны, пресечением или захуданием кланов, с другой – разрастанием отдельных семейств и выделением самостоятельных ветвей. Обстоятельства истории Рязанского княжества определили важную особенность структуры местной верхушки в «московский» период – отсутствие прослойки титулованной знати. Единственным представителем само́й рязанской династии к 1521 г. оставался бежавший в Литву Иван Иванович. Пронские князья в XV в. были вытеснены из края и впоследствии добились успехов при дворе Василия III, но связи с Рязанью больше не имели[2]. Елецкие князья, которые «служили великем князем резанским», также оказались на московской службе после присоединения их земель к Москве[3].

Социально-политические институты Рязанского княжества нуждаются в дальнейшем сравнительном исследовании. Значительным своеобразием отличались местная административная и делопроизводственная традиция (фиксация «посредничества» при пожалованиях, широкое распространение процедуры доклада, боярские «коллегии»), система придворных рангов и

[1] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 60, 61.

[2] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 139–140.

[3] ДДГ. С. 285 (№ 76). См.: *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. Т. 2. С. 379–381; Бенцианов. Новгородская земля. С. 246.

отношений внутри элиты (отсутствие жёстких социальных градаций в иерархии чинов, местнические принципы старшинства), иммунитетные привилегии землевладельцев. Специального внимания заслуживают и особенности рязанской политической практики. «Женское правление» в Рязани остаётся недооценённым феноменом в дискуссии о традициях регентства на Руси[1].

В течение XV в. отношения Москвы и Рязани стабилизировались в форме неравноправного союзничества. Позиция «брата молодшего» предполагала значительное ограничение внешнеполитической самостоятельности рязанских князей, однако при этом они располагали всей полнотой властных прерогатив в своих землях. В княжестве сохранялась традиционная система отношений, а местный двор оставался стабильным и боеспособным объединением служилых людей во главе с боярской элитой. Такое положение сохранялось вплоть до начала XVI в., когда московская администрация пошла на радикальное изменение своей политической линии. Всего за пару десятилетий обе части Рязанского княжества прекратили своё существование. Задержание рязанского князя в Москве, а затем и полная ликвидация местных политических институтов не вызвали сопротивления у рязанской элиты. Чем объясняется такое развитие событий?

Рассматривая в качестве лейтмотива истории XV–XVI вв. борьбу «централизаторских» и «децентрализаторских» тенденций, исследователи нередко наделяли соответствующими осознанными мотивациями героев своих работ. В случае Рязани такой логический ход был сделан особенно легко благодаря рассказу С. Герберштейна. История последних десятилетий существования княжества была прочитана как противостояние двух придворных группировок – сторонников самостоятельности и приверженцев Москвы, в котором вторая «партия» одержала верх. В рязанской документации, между тем, не обнаруживается признаков конфликта внутри династии или элиты. Смена лиц на престоле не отразилась на судьбе ключевых членов великокняжеского совета.

[1] Ср.: *Кром М.М.* Институт регентства на западе и востоке Европы // Образы прошлого. СПб., 2011. С. 411–426.

Среди рязанских бояр не оказалось и лиц, которые были бы готовы до последнего отстаивать независимость княжества; лишь единицы отправились в эмиграцию вместе с Иваном Ивановичем.

Проведённое исследование показало, что в первые два десятилетия XVI в. рязанское боярство не раскололось на «идеологические» лагеря – оно просто практически исчезло как социальная группа. Присоединение Иваном III удела Фёдора Васильевича, прямо противоречившее междукняжескому договору 1496 г., необратимо нарушило равновесие в регионе. Династическое единство рязанских земель было разорвано: сувереном «трети» стал значительно более сильный правитель. Московские князья поощряли отъезды рязанских служилых людей, которым теперь не требовалось порывать связи со своим краем, землевладением и привычными занятиями. Продемонстрировав политический оппортунизм, значительная часть рязанской элиты прагматично сделала выбор в пользу более привлекательной и перспективной московской службы. Аналогичный процесс – вероятно, сопоставимый по масштабам – имел место в последние годы тверской самостоятельности[1]. За чрезвычайно короткий промежуток времени рязанские князья лишились поддержки ключевой социальной группы – первостепенных родов, история которых была неразрывно связана с местной династией. Какой бы оборот ни приняли дальнейшие события, к концу второго десятилетия XVI в. глубокий кризис рязанского двора уже являлся свершившимся фактом.

На завершающем этапе своего правления последний рязанский князь мог рассчитывать лишь на узкий круг приближённых. Среди них оставались представители только двух значимых боярских семейств – Сунбуловы и Кобяковы. Задержание Ивана Ивановича в Москве не стало моментом окончательной ликвидации княжества как политического образования. Остатки

[1] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 261–266; *Зинько М.А.* Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв.: на примере рода князей Микулинских: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 91–95; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 356–360; *Попов С.Н.* Тверская знать на московской государевой службе в конце XV – первой половине XVI в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 23–29.

великокняжеского двора – «князь Ивановы» служилые люди – продолжали существовать и после этого события. Возможно, поначалу в Москве не было ясного представления о том, что делать с этими служилыми людьми, которые по-прежнему считали рязанского князя своим «государем»[1]. Кризисные обстоятельства татарского набега ускорили решение этого вопроса: рязанские бояре и дети боярские, не оказав никакого сопротивления, были приведены к крестоцелованию окольничим И.В. Хабаром. Символическим эпилогом рязанской самостоятельности стало обещание Д.Ф. Сунбулова «прямо служить» Василию III и «накрепко поотведать» Ивана Ивановича, если тот ещё жив[2].

[1] Цитата из розыскных речей рязанца Наськи, который передаёт слова, произнесённые после побега Ивана Ивановича из Москвы: АСЭИ. С. 406 (№ 391).
[2] АСЭИ. С. 409 (№ 391).

Глава 2. Рязанская элита в Московском государстве XVI – начала XVII в.

В данной главе рассматривается история рязанской элиты в период между присоединением княжества и началом Смутного времени. Глава открывается обращением к рязанской рубрике «Дворовой тетради» середины XVI в. – наиболее раннему из сохранившихся перечней местных служилых людей на московской службе. В первом параграфе анализируются состав рязанской верхушки после ликвидации самостоятельности княжества, а также статус рязанцев в иерархии «государева двора» досмутной эпохи (**2.1**). Прослеживая трансформацию рязанской элиты, мы последовательно вводим в повествование новые фамилии. Систематически эти сведения представлены в виде таблицы в приложении 3. Мы стремимся показать, что концу изучаемого периода рязанская элита состояла из нескольких групп служилых людей, различных по своему происхождению. Второй параграф посвящён службам рязанской верхушки во второй четверти XVI – начале XVII в. (**2.2**). Главным организующим принципом параграфа является география назначений рязанцев. В третьем параграфе исследуются землевладение различных категорий рязанской элиты, а также социальные связи и поминальные практики (**2.3**). В заключительной части главы полученные результаты проблематизируются в свете темы интеграции региональных сообществ Московского государства и рассматриваются в сравнительных контекстах (**2.5**).

2.1. Рязанцы в иерархии «государева двора»

2.1.1. Рязанская элита в середине XVI в.: состав и структура

На первую половину – середину XVI в. приходится процесс формирования новой структуры служилой элиты Московского государства. Основой её организации постепенно становились территориальные объединения, устроенные в соответствии с поземельными связями детей боярских[1]. Данная система службы

[1] *Бенционов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 75–88; *Он же.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. С. 10; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 86.

быстро вводилась на присоединённых землях: так, уже в 1514 г. на территории «рязанской трети» упоминаются «дети боярские рязанцы *дворовые* и городовые»[1]. Впервые рязанская территориальная рубрика встречается в обнаруженном В.Д. Назаровым фрагменте боярского списка 1547 г. В дальнейшем информация о составе верхушки местного служилого объединения появляется в важнейших памятниках 1550-х гг. – «Тысячной книге», «Дворовой тетради» и «Боярской книге» 1556/57 г. Наиболее подробные сведения о составе и внутренней структуре рязанской служилой элиты содержит ДТ, которая станет отправным моментом нашего анализа.

Вопросы о времени и целях составления ДТ остаются спорными, им посвящена обширная литература[2]. Вероятно, источник появился в 1553/54 г. и использовался до начала 1560-х гг.[3]. Продолжается дискуссия о том, содержит ли ДТ полный состав «государева двора» (М.М. Бенцианов)[4] или значительно более

[1] СРИО. Т. 95. С. 94 (отмечено М.М. Бенциановым: *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 43).

[2] ТКДТ. С. 16–18; *Баранов К.В.* Проблемы изучения Дворовой тетради // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Владимир, 2006. С. 164–167; *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в.; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960. С. 372–375; *Корзинин А.Л.* Дворовые дети боярские в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в.: сравнительный анализ // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2. С. 63–75; *Он же.* Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.: дискуссионные вопросы изучения // Университетский историк. 2010. Вып. 7. С. 82–89; *Он же.* Дискуссионные вопросы изучения государева двора в Русском государстве середины XVI в. // Смутное время в России. Конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 127–133; *Он же.* Проблемные аспекты в изучении источников по составу Государева двора середины XVI века // Вестник СПбГУ. История. 2013. № 1. С. 13–15; *Он же.* Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI века как источники по изучению Государева двора в России середины XVI в. // Canadian-American Slavic Studies. 2013. Vol. 47. № 4. P. 408–419; *Назаров В.Д.* К источниковедению Дворовой тетради // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 166–175; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 86–107; *Он же.* К изучению Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 21–35; *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 43–57.

[3] *Корзинин А.Л.* К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Ч. 1 // Вестник СПбГУ. История. 2009. № 1. С. 12–29; *Он же.* К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Ч. 2 // Там же. № 2. С. 98–118.

[4] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 115–117. См. также: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины

широкий круг служилых людей (А.Л. Корзинин, А.П. Павлов)[1]. Сторонники второй точки зрения полагают, что ДТ была создана для организации дальнейшего пополнения двора.

В рязанской рубрике ДТ приведены имена 112 служилых людей, три из которых встречаются дважды – такое региональное представительство по меркам памятника является весьма значительным[2]. Состав этой группы обстоятельно изучен С.И. Сметаниной. Исследовательница убедительно продемонстрировала, что для абсолютного большинства рязанцев в ДТ может быть «документально засвидетельствовано» происхождение из местных родов времён самостоятельности княжества. Вывод об устойчивости состава землевладельцев позволяет уверенно отвергнуть свидетельство С. Герберштейна, согласно которому после присоединения Рязанской земли произошло их массовое переселение в другие уезды[3].

XVI века. С. 371, 375. Из этого представления исходила и С.И. Сметанина: *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 52.

[1] *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 175–183; *Он же.* Проблемные аспекты в изучении источников по составу Государева двора середины XVI века С. 9–10; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 89. А.Л. Корзинин высказывает сомнение и в том, что перед составителями ДТ стояла цель учесть непременно *всех* представителей двора.

[2] Примечательно, что именно такое количество рязанцев «дворовых» (80) и «с вотчин» (32) принимало участие в Полоцком походе 1563 г. (ЗКПП. С. 126). Столь точное соответствие является, несомненно, случайным совпадением (часть рязанцев к этому моменту оказалась в «выборе», некоторые оставили службу), однако близость чисел обращает на себя внимание. Служилые люди, зачисленные в ДТ, составляли 25% от общей численности рязанцев в Полоцком походе (455 чел.), что аналогично соотношению каширской десятни и перечня ДТ (Каширская десятня 1556 г. // «Heraldica»: Исторический сборник. СПб., 1900. Т. 1. Отд. 4. С. 28–44; ТКДТ. С. 161–164). В целом по количеству представленных в ДТ служилых людей Рязань сопоставима с Коломной; столько же насчитывается в тульской, тарусской и серпуховской рубриках вместе взятых.

[3] *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 49–50; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 80.

Таблица 2.1 – Родовой состав и иерархия рязанских землевладельцев в рубрике ДТ [1]

1. Дмитриевы (Фёдоровы) (2)	16. Зеленины (1)	31. Кошелевы (2+2)
2. Денисьевы (Булгаковы) (2)	17. Пороватые (Кончеевы) (1)	32. Ромодановы (1)
3. Денисьевы (1+1)	18. Карандеевы[2] (1)	33. Власьевы (3)
4. Измайловы (4+2)	19. Дувановы (Казначеев)[3] (1)	34. Дауровы (1)
5. Измайловы (Сумниковы) (2)	20. Ряские (1)	35. Биркины (2)
6. Чевкины (7)	21. Лысцовы (2)	36. Ляпуновы (Ильины) (2)
7. Сунбуловы (4+1)	22. Петровы (6)	37. Батурины (1)
8. Ивашкины (1)	23. Колемины (3+3)	38. Трубниковы (1)
9. Лашинские (1)	24. Апраксины (Вердеревские) (2)	39. Войниковы (4)
10. Кобяковы (6)	25. Попцовы (5)	40. Павловы (1)
11. Глебовы (4)	26. Сонцовы (2+1)	41. Коноплины (1)
12. Вердеревские (4+1)	27. Шиловские (4)	42. Язвецовы (1)
13. Коробьины (3+2)	28. Мокринские (1)	
14. Таптыковы (Каркадымовы) (2+1)	29. Спашские (Аргамаковы) (2)	*Всего: 112*
15. Селивановы (3)	30. Дашковы (1)	

Исследователями отмечено, что рубрики ДТ систематически отражают иерархию родов в рамках территориальных групп служилых людей, а внутри родов – порядок старшинства линий и семейств[4]. Логично предположение, что в

[1] Цветом выделены представители боярских родов Великого княжества Рязанского. Знаком «+» добавлены лица, внесенные в конец рязанской рубрики вместо выбывших (об этой практике см.: *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 52–53). Булгаковы-Денисьевы, записанные по Москве, не учитываются.

[2] Предположительное прочтение С.И. Сметаниной (*Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 72).

[3] В ДТ «Дуванов-Кандеев», в БК 1556/57 г. – «Дуванов-Казначеев».

[4] Для нескольких наиболее видных фамилий возможно сопоставление перечня ДТ (Дмитриевы, Денисьевы, Измайловы, Сунбуловы, Кобяковы, Вердеревские, Коробьины, Таптыковы, Селивановы) с разрядными записями и родословными росписями. Такое сравнение показывает, что рязанский раздел ДТ включил максимально широкий круг лиц из представленных родов. Выходцы из этих фамилий, которые могли нести службу в это время, но по каким-то причинам не попали в перечень ДТ, единичны. К их числу относятся: Иван Меньшой Булгаков-Денисьев (есть в ТК, а в ДТ не попал, вероятно, в силу возраста); Никита Фёдорович (Чура) Сунбулов (по данным одного из родословцев, погиб вместе с Иваном [Бровкой] Фёдоровичем Сунбуловым, который присутствует в ДТ: РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 468. С. 222); Пётр Матвеевич Таптыков (вместе с дядьями получил поместье в 1547 г., дальнейшая судьба неизвестна: АСЗ. Т. 1. С. 249–263 [№ 276–277]; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 68).

Кроме того, в ДТ не представлены: Василий (Большой) Иванович Коробьин; ветвь Исака Михайловича Вердеревского; потомство Михаила (Кудаша) Григорьевича Вердеревского (хотя его младший брат Василий [Кушник] включён в ДТ); Михаил Петров и его сын Тимофей; Артемий Семёнович Таптыков; потомство Я.Ф. Сунбулова. М.М. Бенцианов предполагает, что в таких случаях могла иметь место служба по разным спискам (*Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 234; *Он же.* «Лишние люди»: ротация состава Государева двора в Русском государстве в конце XV – середине XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 35–48).

Лица, упомянутые в ДТ, но отсутствующие в родословцах: Василий Васильевич Дмитриев-Фёдоров; Тимофей и Иван Сумниковы-Измайловы (родословие этой ветви неизвестно);

рязанском перечне воспроизведена иерархия, сложившаяся во времена самостоятельности княжества[1]. Действительно, если разделить (с долей условности) представленных служилых людей на 42 фамильные группы, оказывается, что начало списка (№ 1–15) практически полностью занято потомками рязанских бояр (таблица 2.1). Здесь есть несколько случаев, которые не могут быть объяснены из-за недостатка данных по истории Великого княжества Рязанского. Во-первых, это высокие позиции Чевкиных и Глебовых, о которых имеются лишь единичные упоминания. Во-вторых, относительно низкий статус Пороватых, Дувановых и Шиловских – С.И. Сметанина связывает его с захуданием некогда видных боярских родов[2]. Добавим, что в ДТ оказались записаны представители разных поколений, и это повлияло на иерархической порядок. Возможно, именно по этой причине сравнительно невысокую позицию занимают Вердеревские.

Только об одном лице из перечня ДТ можно с уверенностью утверждать, что он является представителем нового для Рязани рода. Онофрей Степанович **Лашинский**, по предположению Н.П. Лихачёва, мог быть связан с новгородскими боярами Лошинскими, переселёнными при Иване III[3]. В писцовых материалах он именуется «литвином» – выходцем из Великого княжества

Тимофей Подъюсов сын Кобяков; Никита Петрович Коробьин (С.И. Сметаниной предложено прочтение «Никита Григорьевич», но в таком случае неясно, почему он записан внизу списка, где писались в основном новики. Отец Н.Г. Коробьина погиб в 1530 г., а старший брат находился на службе с 1530-х гг.).

[1] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 88; *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 87; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 52–53, 80.

[2] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 70. Петровы, как и Апраксины-Вердеревские, оказались в средней части списка, поскольку были представителями младших ветвей.

[3] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). С. 110; *Он же.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 192; *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 49–50; *Лихачев Н.П.* Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 72.

Литовского[1]. Обращает на себя внимание высокий статус О.С. Лашинского в иерархии рязанского раздела ДТ. Впоследствии он получил наибольший рязанский оклад за всю вторую половину XVI в. (700 ч.). На «разрядных» службах О.С. Лашинский упоминается с 1550-х гг., а умер, вероятно, в начале 1590-х гг.[2]. Можно предполагать, следовательно, что он оказался в Рязани в молодом возрасте, примерно в одно время с составлением ДТ[3]. О другом переселенце, также появившемся в составе местной верхушки в 1550-е гг., но не включённом в ДТ (по неясным причинам) – Н.Г. Ржевском – речь пойдёт далее.

Итак, спустя несколько десятилетий после присоединения княжества устойчивым остался не только родовой состав рязанских землевладельцев, но и внутренняя иерархия служилого сообщества[4]. Боярские роды бывшего княжества занимали первые позиции в местной системе старшинства. Можно заметить, что именно из этих фамилий происходит более половины лиц, представленных в рубрике ДТ. Была ли иерархия, представленная в ДТ, формальной инерцией предшествующей эпохи, или отражала привилегированную (относительно других рязанцев) позицию представителей боярских родов на московской службе? Ответ на данный вопрос затруднен тем, что для середины XVI в. остаётся размытым понятие «государева двора»[5]. В этот период происходила общая трансформация принципов службы, которая лишь фрагментарно прослеживается по сохранившимся источникам: оседание дворовых детей боярских в уездах, реализация «тысячной реформы», выделение чина выборных дворян и

[1] РППК. С. 27, 66, 101–102. См.: *Бенцианов М.М.* «Литвины» и «паны». Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях // Studia Historica Europae Orientalis. 2019. № 12. С. 86–126 (здесь: с. 117).

[2] Судя по помете «стар, болен» в БС 1590/91 и упоминаниям некогда принадлежавших ему поместий (РППК. С. 27, 66, 101), Лашинский не дожил до писцового описания. Известно, что в 1574 г. он купил вотчину в Коломенском уезде (ПРПРК. С. 50 [№ 38], 79 [№ 49]).

[3] Отсутствует в двух списках ДТ (ТКДТ. С. 166).

[4] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 80.

[5] См. обоснование одного из способов выделения «дворовых»: *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 45; *Корзинин А.Л.* Проблема устройства Государева двора середины XVI в. в новейшей историографии // Вестник СПбГУ. История. 2009. № 4. С. 3–7. См. также: *Он же.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 60, 182, 184–186.

формирование чиновной структуры общегосударственной элиты. Несколько важных свидетельств позволяют, однако, показать статусные различия внутри группы рязанских землевладельцев, представленной в ДТ. Сведения, которые рассматриваются далее, в виде таблицы можно найти в приложении 3.

Во-первых, о привилегированном статусе свидетельствует включение в ***государев полк***. Важнейшим источником о составе этого объединения является так называемая «Боярская книга» 1556/57 г., цель создания которой остаётся дискуссионной[1]. Источник сохранился не полностью: дошли сведения о служилых людях, расписанных с 11 по 25 статьи в соответствии с денежными окладами (таблица 2.2). Утрачена часть, в которой были представлены лица с наиболее крупным жалованьем. Вероятно, все зачисленные в перечень дворяне имели право на получение кормлений[2].

Таблица 2.2 – Рязанцы в «Боярской книге» 1556/57 г.

Статья	Оклад (руб.)	Служилый человек
16	25	П.Г.Кобяков
18	17	И.П. Кончеев К.Г. Вердеревский И.Ф. Дуванов-Казначеев М.Ю. Чевкин
19	15	Н.С. Вердеревский
20	12	С.Ю. Чевкин И.Ю. Чевкин И.Ф. Сунбулов С.С. Сунбулов М.Н. Глебов
22	9	Т.П. Кобяков И.Г. Кобяков

[1] *Абрамович Г.В.* Дворянское войско в царствование Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 186–192; *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года; *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 72–73; *Кротов М.Г.* Провинциальное дворянство и «государев двор» в середине XVI в. // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения Л. В. Черепнина. М, 1985. С. 97–99; *Курбатов О.А.* «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг // История военного дела: исследования и источники. 2013. № S-I. С. 236–295; *Мятлев Н.В.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. С. 61; *Носов Н.Е.* Боярская книга 1556 г. (Из истории происхождения четвертчиков) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 191–227; *Он же.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 367–420.

[2] Там же. С. 396.

В перечне представлены 13 рязанских служилых людей. Все они происходят из родов, занимающих высокие позиции в рубрике ДТ (№ 6, 7, 10, 11, 12, 17, 19). При этом отсутствуют наиболее видные рязанские фамилии – Денисьевы и Измайловы. Можно предполагать, что они имели более высокие оклады и были записаны в утраченные статьи. Заметим, впрочем, что нет устойчивой корреляции между размером оклада в «Боярской книге» и положением конкретного лица в иерархии ДТ. Например, П.Г. и И.Г. Кобяковы оказались в различных статьях (16 и 22). В.Г. Вердеревский, представитель младшей ветви своего рода, получил достаточно высокий оклад (18 статья). Иерархия, однако, строго выдерживается в рамках одной статьи памятника. Например, в статье 20 порядок упоминания рязанцев полностью соответствует порядку ДТ независимо от физического возраста упоминаемых лиц (И.Ю. и С.Ю. Чевкины были молодыми людьми, приписанными в ДТ к отцам – но занимали верхние позиции).

Попадание в государев полк – один из важных отличительных признаков привилегированного круга лиц, выделявшихся из общей массы рязанских землевладельцев середины XVI в. Второй, не менее значимый критерий – ***кормления***. Сама возможность назначения наместниками и волостелями означала принадлежность к особому слою «детей боярских, за которыми кормления» (как они именуются в Судебнике 1550 г.)[1]. Известны назначения на кормления рязанцев М.М. Булгакова-Денисьева, М.В., В.Ф. и В.Г. Вердеревских, Н.С. Глебова, Г.Д., П.Г. и А.М. Кобяковых, И.И. и И.Г. Коробьиных, С.Ф. Таптыкова, М.Ю. и И.Ю. Чевкиных (**2.2.1**). Эти данные, безусловно, неполны, но весьма показательны. Получение кормлений также являлось прерогативой выходцев из тех родов, которые находились в верхней части рязанской рубрики ДТ (№ 2, 6, 10, 11, 12, 13, 14).

[1] *Бенцианов М.М.* Ямские дьяки и кормления. К постановке вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2017. Вып. 7. С. 160–161; *Флоря Б.Н.* Оценки возмещения за оскорбление дворянской «чести» и «чести» представителей других сословий в памятниках русского законодательства XVI-XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4. С. 6–7; *Он же.* Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси // История СССР. 1983. № 1. С. 71–73.

Третье основание, по которому можно дифференцировать рязанских служилых людей – ***«именные» назначения*** на позиции воевод и голов. За период с 1521 по 1570 г. в разрядных книгах зафиксированы службы более сорока представителей местных родов[1]. Характер этих служебных посылок проанализирован в **2.2.1**. В свете рассматриваемой здесь проблемы необходимо подчеркнуть, что абсолютное большинство «разрядных» посылок получали выходцы из того же привилегированного круга родов (№ 1–16). Помимо них, известны единичные «именные» службы Г.(С.) Зеленина (1537)[2], Т. и М. Петровых (1544 и 1549), И.А. Лысцова (1557, 1563)[3], Г.А. Батурина (1558)[4], Т.Д. Колемина (1563, 1565, 1566)[5]. Представители других рязанских фамилий, зачисленных в ДТ, в разрядных записях за указанный период вовсе не фигурируют.

Наконец, о статусном отличии определённо свидетельствует включение в ***особые перечни*** элиты Московского государства середины – третьей четверти XVI в. Рязанские служилые люди из боярского списка 1547 г. и «Тысячной книги», а также участники Земского собора 1566 г. рассматриваются нами далее (**2.1.3**) – здесь же необходимо отметить, что и они принадлежали к верхушке родов в иерархии ДТ. Кроме того, к началу 1550-х гг. относятся первые упоминания о выборных дворянах – новой чиновной группе, оттеснившей дворовых детей боярских на второй план[6]. Персональный состав выборного

---

[1] По данным РК 1598 и РК 1605: Г.А. Батурин; В.Ф. Вердеревский, С.Ф. Вердеревский, Н.С. Вердеревский, К.Г. Вердеревский; Н.С. Глебов, М.Н. Глебов; В. Дмитриев-Федоров; Ф. Денисьевич, П. Денисьев, Г.П. Денисьев; И.М. Булгаков-Денисьев, Ф.М. Булгаков-Денисьев (Большой; Меньшой), М.М. Булгаков-Денисьев; Г.С. Зеленин, Я.Н. Измайлов, П.Н. Измайлов; И.Я. Измайлов, В.Я. Измайлов; Б.А. Каркадымов-Таптыков; А.М. Кобяков, Г.(Д.?) Кобяков, П.И. Кобяков, Т.В. Кобяков, Ш.В. Кобяков; Т.Д. Колемин, И.Г. Коробьин, В.И. Коробьин (Большой; Меньшой); И.А. Лысцов; О.С. Лашинский; М. Петров-Степанов, Т. Петров-Степанов, И.Т. Петров-Соловой; Г.В. Селиванов; Т. Сумников-Измайлов; М.Ф. Сунбулов, С.Ф. Сунбулов, Ю.М. Сунбулов; Ю.А. Чевкин.

[2] РК 1605. Т. 1. С. 264.

[3] РК 1605. Т. 2. С. 14, 140.

[4] РК 1605. Т. 2. С. 23, 37.

[5] РК 1605. Т. 2. С. 140, 179, 202.

[6] *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 283–292; *Назаров В.Д.* Дворяне выборные // БРЭ. М., 2007. Т. 8. С. 382; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 98.

дворянства за 1550–70-е гг. остаётся практически неизвестным из-за отсутствия источниковых данных[1]. Предполагать, кто из рязанцев мог попасть в «выбор», вплоть до 1577 г. (времени первого сохранившегося БС) можно лишь по косвенным признакам. Так, в 1554 г. после похода на «арские места» целый ряд представителей рязанской верхушки (И. [Большой], М. и Ф. [Меньшой] Булгаковы-Денисьевы, М.Ф.[?] Сунбулов[2], Ю.А. Чевкин и Б. Каркадымов-Таптыков) получили особые награды, выделявшие их из массы рядовых служилых людей – «по денге по золотой»[3]. Вероятно, к числу выборных этого времени могли относиться и другие рязанцы, входившие в состав царского сопровождения в казанском походе (Н.С. Глебов, И.Г. Коробьин, В.И. [Меньшой] Коробьин, Ш.В. и Т.В. Кобяковы)[4]. Как бы то ни было, в последней четверти XVI – начале XVII в. выборные дворяне рекрутировались из того же привилегированного круга родов.

Таким образом, в обширной рязанской рубрике ДТ отчётливо выделяется более узкий круг служилых фамилий – около полутора десятков кланов, положение которых на московской службе было особым. В отличие от других местных землевладельцев, представители этих родов зачислялись в государев полк, систематически получали «разрядные» назначения, могли претендовать на кормления, а впоследствии именно из них формировалась чиновная группа выборных дворян[5]. В эту привилегированную прослойку вошли фамилии,

---

[1] См. некоторые наблюдения над материалах каширской десятни: *Бенционов М.М.* Каширская десятня 1556 г. и проблема формирования «служилого города» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2013. Вып. 10. Исторический источник и исторический контекст. С. 203; *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 291–292.

[2] В сохранившихся источниках никак не разделены два Михаила Фёдоровича – сын и внук Фёдора (Сунбула).

[3] РК 1605. Т. 1. С. 463–466.

[4] *Жуков А.Е.* Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. С. 417–418. Эти службы рязанцев обсуждаются в **2.1.1**.

[5] Приведённые наблюдения не позволяют поддержать мнение о том, что целью составления ДТ являлся полный учёт актуального состава «государева двора». Рязанский раздел содержит куда более обширный круг служилых людей, и едва ли случайно, что большинство лиц из нижней части рубрики ДТ не фигурирует в других источниках: вероятно, они имели другой статус.

Ещё один важный вопрос, далеко выходящий за рамки настоящей работы, касается соотношения «выбора» и «избранной тысячи». Отметим, что рязанский материал не подтверждает и идеи идентичности состава выборных дворян и тысячников. Можно

занимавшие верхние позиции в иерархии ДТ – которая, в свою очередь, основывалась на традиционной организации старшинства местных родов. Следовательно, московское правительство признало и санкционировало порядок, сложившийся в местном сообществе в эпоху его независимого существования.

2.1.2. Служба по другим уездам

Подчёркивая выдающуюся преемственность родового состава рязанских землевладельцев на второй четверти – середины XVI в., необходимо отметить, что некоторые изменения всё же имели место. Поскольку первые систематические данные о служилом землевладении имеются только для последних десятилетий XVI в., есть опасность ошибочно предпожить принадлежность к рязанскому сообществу лиц, которые к этому моменту давно перешли на службу по другим уездам. Решить эту проблему позволяет анализ ДТ, рубрики которой, как показано исследователями, последовательно отражают поземельные связи служилых людей[1]. Рассмотрим семейства рязанского происхождения, к середине XVI в. переместившиеся в другие регионы.

Записанными по другим городам оказались однородцы Сунбуловых – Сидоровы, Ивашкины и Чулковы, которые также вели своё происхождение от Семёна Ковылы. Обратимся сначала к потомству Ивана (Ивашки) Ивановича **Тутыхина**. Как отмечалось ранее, ещё до ликвидации самостоятельности Рязанского княжества он перешёл на московскую службу (**1.5**). Последующие назначения И.И. Тутыхина были связаны, в основном, с Тулой[2] – вероятно, именно там он получил земельные пожалования. В ДТ записаны двое его младших сыновей (Константин, Пётр) и все представители поколения внуков, известные по родословцам – Даниил, Григорий и Иван Григорьевичи (Чулковы), Денис и Посол Фёдоровичи, Степан и Михаил Петровичи, а также не занесённый в росписи Андрей Константинович. Большинство из них числятся по Туле.

предполагать, что местный «выбор» уже на раннем этапе включал более широкий круг лиц и фамилий, чем входили в число «лучших слуг».

[1] *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике. С. 44.

[2] РК 1605. Т. 1. С 146 (7023 г.), 159 (7027), 163 (7027), 176 (7028), 211 (7037), 225 (7039), 232 (7040), 233 (7041).

Исключение составляют Константин Ивашкин с сыном Андреем, записанные по Боровску. Кроме того, старший представитель поколения внуков, Даниил Чулков сын Ивашкина Тутыхин, фигурирует в тексте ДТ дважды – по Коломне и по Рязани (в обоих случаях «почернён»)[1]. Неизвестно, имелись ли у него к этому моменту рязанские вотчины (в писцовых материалах 1590-х гг. отсутствуют, но могли быть утрачены и в годы опричнины)[2]. Его назначения, однако, не были связаны с Рязанью, а сыновья впоследствии несли службу в тульском «выборе»[3]. Таким образом, отъезд Ивана Ивановича Тутыхина на московскую службу в долгосрочной перспективе привёл к утрате связи этой фамилии с Рязанским уездом[4].

В коломенской рубрике ДТ можно найти также Степана Григорьевича **Сидорова** с детьми. Жизненный путь этого видного военачальника исследован В.В. Пенским[5]. Так же, как и рязанские однородцы, он на протяжении длительного времени занимал должности второго плана на южной «украине» (в том числе – на территории Рязанского края). К началу 1550-х гг. карьера С.Г. Сидорова, по-видимому, пошла вверх. Он был назначен первым воеводой сторожевого полка в астраханском походе 1554 г.[6], но уже в следующем году получил смертельное ранение под Судбищами. В Коломенском уезде Сидоровы к концу 1570-х гг. располагали довольно скромными владениями, среди которых была лишь одна небольшая вотчина[7]. Состояние источниковой базы не позволяет

[1] ТКДТ. С. 161, 165–166, 175.
[2] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 98–99.
[3] БС 1588/89. С. 237.
[4] В конце XVI века землями в Рязанском уезде владели Петр Иванович Чулков и вдова Василия Чулкова (о нём как о «рязанце» см.: АМГ. Т. 1. С. 51 [№ 28]) Марья с сыном Исаем и сестрой (ПКРК. Вып. 1. С. 51). Эти лица не включены в родословную роспись Чулковых и не входили в состав «государева двора».
[5] *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в.
[6] РК 1605. С. 468.
[7] *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. С. 44.

установить, сохранили ли они рязанские земли после смены служебной приписки[1]. К концу XVI в. пострадавший от опричнины род пресёкся.

По Коломне записан также П.Ф. Гаврилов-**Кобяков**[2]. В одном из разрядов он соседствует с рязанскими Кобяковыми, причём написан раньше их[3]. В родословцах его ветвь отсутствует. Кобяковы служили также по Москве, но, вероятно, это однофамильцы[4].

В каширской рубрике ДТ можно найти **Таптыковых**: Андрея Дмитриевича (с детьми) и Петра Игнатьевича. В десятне 1556 г. записан также Тимофей Дмитриевич Таптыков, сын которого нёс службу по Серпухову[5]. Старший из Таптыковых – Андрей Дмитриевич – был каширским дворовым сыном боярским с наибольшим местным окладом (600 ч.)[6]. Все они являлись представителями одной ветви рода (общим предком был Дмитрий Иванович Таптыков, двоюродный брат рязанца Андрея Каркадыма)[7]. Родословцы сообщают, что Дмитрий и Василий Ивановичи «*ведены* [так в источнике – *И.К.*] с Резани к Москве и служили по Кашире»[8]. Во второй половине XVI в. каширские Таптыковы ещё раз сменили служебную приписку и оказались в «выборе» по Мещовску и Алексину[9]. История этой ветви рода наглядно демонстрирует мобильность служилых людей в изучаемый период. Кроме того, «каширянами» писались в 1560-е гг. и

---

[1] В рязанских писцовых материалах конца XVI в. сохранились упоминания о вотчинниках Сидоровых, однако неясно, идет ли речь о представителях того же рода или однофамильцах. См. об этом: *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 98.

[2] *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 42; ТКДТ. С. 158–161.

[3] *Жуков А.Е.* Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. С. 418.

[4] Алексей Кобяков в списке 1546 г. с пометой «умре» (*Назаров В.Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. С. 52); Юрий Алексеевич в ДТ (ТКДТ. С. 127); Иван Юрьевич и Павлин Юрьевич в БС по Боровску (БС 1588/89. С. 242). Поземельной связи этих лиц с Рязанью не обнаружено.

[5] ТКДТ. С. 163–164.

[6] Каширская десятня 1556 г. С. 28, 30, 44.

[7] РРР. С. 196–199.

[8] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. № 163. Л. 5. Сын Андрея Булгак Каркадымов-Таптыков в данной 1575/76 г. обстоятельно перечислил своих родственников, но для представителей «каширской» ветви в этом списке места не нашлось (ПРП РК. С. 53 [№ 41]).

[9] БС 1577. С. 197.

представители самой младшей ветви рода – Афанасий и Иван, сыновья Ивана Травки[1]. В дальнейшем они вернулись на службу по Рязани (**3.3.5**).

По разным городам в середине XVI в. служили потомки Абатура (Мефодия). В Рязани остались представители младшей ветви (Петровы), в то время как все члены старшей (Леонтьевы) теперь числились по Кашире[2]. Можно предполагать, что там оказался уже Леонтий Фёдорович, основатель ветви **Леонтьевых**. Вероятно, он жил в конце XV – начале XVI в. (прямые данные об этом отсутствуют). Следовательно, его «отъезд» мог прийтись на времена самостоятельности княжества. В дальнейшем Леонтьевы несли службу в каширском «выборе»[3].

В ДТ не были записаны некоторые потомки Солохмира, также сменившие к середине XVI в. регион службы. В XV в. в Москву отъехали представители старшей ветви **Апраксиных** (получили вотчины в Муроме, Стародубе и Владимире)[4] и **Крюковы** (получили «поместья великие» в Звенигороде и Алексине, а также Тарусе и Коломне; впоследствии известны в «выборе» по Туле и Переславлю-Залесскому)[5] (**1.5**). В каширской десятне можно найти также Воина и Никиту Кутлуковых **Кончеевых**. Никита Кончеев позднее числился в козельском «выборе»[6]. Согласно одному из родословцев, «Кончеевы пересеклись в царство … Феодора Ивановича»[7]. По-видимому, имеется в виду именно ветвь (старшая?), представители которой служили по другим городам. Рязанские Кончеевы известны и впоследствии.

---

[1] *Антонов А.В.* Поручные записи 1527–1571 годов. С. 49.

[2] ТКДТ. С. 162. В родословцах из представителей рода Леонтьевых, зачисленных в ДТ, отсутствует только Роман Ильич (брат Григория Ильича, с которым записан и в каширской десятне).

[3] БС 1588/89. С. 235; БС 1602/03. С. 277.

[4] В ДТ не включены, в «выборе» во второй половине XVI в. не известны. О судьбе рода см.: *Рыков Д.Ю.* Малоизвестный список синодика новгородского Николо-Вяжищского монастыря конца XVII века с позднейшими дополнениями. С. 97–98.

[5] БС. С. 237, 256, 271, 333. О Крюковых см.: *Рыков Ю.Д.* Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г. по данным Синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Памяти Лукичева. М., 2006. С. 649–651; *Чернопятов В.И.* Род Крюковых.

[6] БС 1588/89. С. 238.

[7] РРР. С. 133.

Итак, целый ряд представителей рязанских «боярских» родов к середине XVI в. несли службу по другим городам[1]. Подтверждают ли эти данные свидетельство С. Герберштейна, согласно которому произошёл «вывод» рязанских землевладельцев? Такой точки зрения придерживается, например, В.В. Пенской, который предположил, что появление Сидоровых в Коломне – результат переселения, произошедшего после присоединения княжества[2].

На наш взгляд, для подобных заключений нет достаточных оснований. Во-первых, отсутствуют указания на то, что интересующие нас фамилии стали жертвами «вывода». Лишь родословец Таптыковых допускает подобную интерпретацию, однако глагол «[с]вести» не обязательно подразумевает насильственное перемещение после присоединения новой земли. В ряде случаев можно с уверенностью утверждать, что смена региона службы произошла ещё до утраты Рязанским княжеством самостоятельности (Апраксины, Крюковы, Тутыхины). По поводу Леонтьевых можно выдвинуть аналогичные предположения; относительно Сидоровых нет информации, на основе которой можно было бы строить сколь-нибудь обоснованные версии. Заметим, что рязанцы, которые рано «отъехали» к Москве (младшие Апраксины, Крюковы; возможно – Леонтьевы и Тутыхины), утрачивали поземельные связи с Рязанью, в то время как лица, перешедшие на службу в правление Василия III (Вердеревские, Денисьевы, Измайловы, Коробьины), сохранили прежнюю «городовую» принадлежность (**1.5**).

---

[1] В некоторых случаях информация о службе рязанским князьям является вымыслом. Так, в конце XVII в. Колтовские рассказывали о выезде своего прародителя Михаила Ивановича к рязанским князьям от Василия Шемячича и пожаловании ему вотчины, а также «изобрели» фигуру его отца И.А. Чевкина. С.Н. Автократовым показана сомнительность этих построений (*Автократов С.Н.* «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII в. С. 264–266; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 80). В рязанских актах Колтовские не известны, в 1492 г. Ф. Колтовский упоминается в качестве московского воеводы, действовавшего на юге (ПСРЛ. Т. 12. С. 233). В ДТ Колтовские, в том числе Михаил Иванович, записаны по Коломне, а также Кашире и Тарусе. См.: *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 134–137; *Рыков Ю.Д.* Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г… С. 609–611.

[2] *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. С. 43–44.

Во-вторых, даже если принять предположение, что некоторые выходцы из рязанских родов появились в других уездах уже после присоединения княжества, гипотеза о «выводе» была бы избыточной для объяснения таких случаев. Следует учитывать, что на вторую четверть XVI в. приходится активное развитие поместной системы на всём пространстве южного пограничья. «Старые» сообщества выступали донорами населения для новых служилых объединений. Например, в Кашире, как показал М.М. Бенцианов, элита служилого «города» была сформирована из представителей первостепенных родов соседних регионов. Утрата поземельной связи со своим уездом приводила к записи дворовых по новому «городу», где они получили пожалования[1]. «Переходный» служебный статус Д. Чулкова в ДТ в этом отношении весьма показателен[2]. Писцовые книги, отразившие итоги произошедшей трансформации, показывают взаимопроникновение населения Коломенского, Тульского, Каширского и Рязанского уездов[3]. Закономерности этих процессов нуждаются в дальнейшем специальном изучении.

Потомки рязанских бояр, служившие по разным уездам, встречались на совместных службах в разных регионах Московского государства на всём протяжении XVI столетия. Сохранившиеся источники не дают возможности исследовать отношения, которые могли существовать внутри таких родов, разделённых уездными границами. Отметим лишь, что память о рязанском происхождении оставалась основой идентичности фамилий, сменивших регион службы. Они сохраняли в своих архивах документы, полученные от рязанских князей[4]. Об устойчивости родовой традиции свидетельствуют как родословцы,

[1] ТКДТ. С. 14.
[2] См. о таких случаях: *Корзинин А.Л.* Региональная элита в Дворовой тетради 50-х гг. XVI века: анализ делопроизводственной практики. С. 217.
[3] *Бенцианов М.М.* Каширская десятня 1556 г. и проблема формирования «служилого города»; *Он же.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 184–185, 198–199; *Фомин Н.К.* К вопросу заселения Тульского края в XVI веке // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Тула. 1997. С. 40–43.
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 222–223.

восходящие к XVI в., так и росписи конца следующего столетия[1]. Кн. А.М. Курбский вспомнил в своём сочинении о том, что Сидоровы и Чулковы являлись, наряду с Булгаковыми-Денисьевыми, выходцами из «рода великих сингклитов резанских»[2].

2.1.3. Рязанцы в структуре «государева двора» третьей четверти XVI в.

Источники, рассмотренные нами в первой части данного параграфа (**2.1.1**), позволили установить, что представители рязанских боярских родов, оставшиеся в своём регионе, сохранили лидирующие позиции в локальной иерархии. Каким, однако, был их статус в рамках общегосударственной правящей элиты? Вплоть до последней четверти XVI в., когда появляются систематические списки чинов «государева двора», возможности исследователя в этом вопросе весьма ограничены. Для решения данной проблемы необходимо рассмотреть комплекс сохранившихся материалов, которые организованы по иерархическому принципу: боярский список 1547 г., «Тысячную книгу» 1550 г., разрядную запись о награждении служилых людей 1554 г. и список участников Земского собора 1566 г.

Выпись из ***боярского списка***, обнаруженная В.Д. Назаровым, была сделана осенью 1547 г. в связи со свадьбой князя Юрия Васильевича. Под заголовком «Рязань» числятся «Иван да Фёдор Булгаковы дети Денисьева» и «Михайло Васильев сын Вердеревский»[3]. Все они присутствуют и в ДТ (таблица 2.3). Существенно, что выходцы из наиболее видного рязанского рода Булгаковых-Денисьевых (в том числе самый старший его представитель – И.М. [Большой] Булгаков-Денисьев) оказались лишь в «городовом» перечне. Данный факт делает маловероятным чиновное возвышение других рязанцев в рассматриваемый период, поскольку это нарушало бы иерархию, сложившуюся внутри рязанского сообщества. Неудивительно, что среди других чинов (стольники, стряпчие) в

[1] *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв.
[2] Кн. А.М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. СПб., 1902. С. 96.
[3] *Назаров В.Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. С. 54. См. комментарий в данной публикации, а также в работе: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. С. 127–129.

списках 1540-х гг. лиц рязанского происхождения не обнаруживается. Местные служилые люди, кроме того, не принимали участия царской свадьбе 1547 г.[1].

Таблица 2.3 – Рязанцы в списках середины XVI века

БС 1547 г.	ТК	ДТ
Рязань Иван (Большой) Булгаков-Денисьев Фёдор (Большой?) Булгаков-Денисьев	**Рязань** Иван (Большой) Булгаков-Денисьев Михаил Булгаков-Денисьев Фёдор (Меньшой) Булгаков-Денисьев Юрий Булгаков-Денисьев Иван (Меньшой) Булгаков-Денисьев	**Москва** Михаил Булгаков-Денисьев Фёдор (Меньшой) Булгаков-Денисьев Юрий Булгаков-Денисьев **Рязань** Иван (Большой)[2] Булгаков-Денисьев Фёдор (Большой)[3] Булгаков-Денисьев
Михаил Васильевич Вердеревский	—	Михаил Васильевич Вердеревский
—	Иван Яковлевич Измайлов	Яков Никитович Измайлов Иван Яковлевич Измайлов Василия Яковлевич Измайлов
—	Никита Григорьевич Ржевский	—

Вторым источником, которому следует уделить особое внимание в данном контексте, является ***«Тысячная книга»***. Появление этого памятника было связано с «тысячной реформой», предполагавшей испомещение тысячи «лучших слуг» поблизости от Москвы для постоянной готовности к служебным посылкам. Исследователи склоняются к мнению, что реформа была в основном реализована[4]. Не вызывает сомнений факт принадлежности «тысячников» ко двору, а их персональный состав обнаруживает преемственность с выборным дворянством[5].

Отличительной чертой ТК является разделение «лучших слуг» на три категории. Б.Н. Флорей отмечено, что трёхчленная структура неслучайна и отражает статусную иерархию тысячников. Так, многие лица, зачисленные в

[1] См. разряд и комментарии: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. С. 121–127, 139–143.
[2] Старшинство устанавливается по порядку упоминания с братом Федором.
[3] Т.к. записанный по Москве назван «Меньшим».
[4] ТКДТ. С. 5–6.
[5] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 90.

первые две статьи, в дальнейшем получали думные чины[1]. Рязанский раздел можно обнаружить только в третьей, самой многочисленной статье с окладом 100 ч. (в то время как, например, заголовок «Коломна» встречается во всех трёх статьях)[2]. По заключению А.П. Павлова, это означает, что «здесь не было практически лиц, отличавшихся родовитостью и активной службой при дворе, т.е. не находилось таких людей, которые бы “пригодились” для занесения в первые статьи»[3]. При этом в третью статью ТК попали Булгаковы-Денисьевы и Измайловы – представители родов, которые возглавляли рязанский раздел ДТ. Старшие Булгаковы-Денисьевы известны на службе с 1520–30-х гг., но всё равно оказались в одной статье с массой совсем молодых детей боярских[4].

Рисунок 2.1 – Сыновья Матвея (Булгака) Денисьева в ТК и ДТ

В ДТ двое старших сыновей Матвея (Булгака) Денисьева (Иван Большой и Фёдор Большой) записаны по Рязани, трое младших (Михаил, Фёдор Меньшой и Юрий) – по Москве[5] (рисунок 2.1). При этом в число рязанских тысячников включён самый младший из сыновей, не учтённый в ДТ – Иван Меньшой, но отсутствует Фёдор Большой. Возможно, последний уже имел подмосковное землевладение и поэтому не был внесён в ТК. При наличии этих частных разночтений необходимо подчеркнуть несомненную связь Булгаковых-Денисьевых со столичной службой. Отметим, что и в «московской» рубрике ДТ они занимают позицию ближе к концу перечня вместе с представителями

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 96–97; *Floria B.N.* Sklad spoleczny soborow ziemskich w panstwe Moskiewskim w XVI wieku // Czasopismo prawrno-historyczne. 1974. T. 26. Z. 1. S. 35–58.
[2] ТКДТ. С. 72–73.
[3] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 97.
[4] О составе третьей статьи ТК: *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 188, 201.
[5] ТКДТ. С. 127.

малоизвестных фамилий (в то время как в начале можно найти выходцев из боярских кланов).

Едва ли случаен тот факт, что в ТК попал ещё один представитель того же родового гнезда (потомков легендарного Ивана Шаи) – Иван Яковлевич Измайлов. В ДТ он записан вместе с отцом и братом Василием. Первые упоминания о его службе относятся к концу 1540-х гг.

Кроме того, в рязанском разделе ТК фигурирует представитель нового рода, отобранный в число «лучших слуг» наряду с лицами из наиболее видных рязанских фамилий. Остаётся не вполне ясным, при каких обстоятельствах Никита Григорьевич **Ржевский** оказался на территории Рязани. Он принадлежал к старшей ветви весьма многочисленного рода Ржевских – потомков князей Фоминских (Рюриковичей, рано утративших княжеский титул)[1]. Как показал С.З. Чернов, основой землевладения рода являлись обширные вотчины на Волоке Ламском[2]. Целый ряд Ржевских попали в ДТ и ТК, большинство несли службу по западным городам[3]. Самое раннее упоминание о службе Н.Г. Ржевского встречается в связи с посольством в Кабарду в конце 1550-х гг., наиболее позднее относится к началу 1590-х гг.[4]. Можно предполагать, что он оказался в Рязани незадолго до составления ТК, будучи молодым человеком.

Обращает на себя внимание не только низкий статус наиболее родовитых рязанцев в иерархии ТК, но и их относительная малочисленность. В состав тысячников вошли лишь семь человек, что составляет 6% от количества местных

---

[1] *Квашнин-Самарин Н.Д.* Исследование об истории княжества Ржевского и Фоминского. СПб., 1887; *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв.

[2] *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. С. 140–150, 160–172. См. также историю со «старыми отчизнами» Ржевских (приложение 8).

[3] Во второй половине XVI – начале XVII в. несколько Ржевских входили в «выбор» по своим городам, а Матвей (Дьяк) Иванович и Елизарий Левонтьевич дослужились до «московских» чинов. Последний в 1589 г. получил думное дворянство – это наибольший успех, которого достигли выходцы из рода в XVI в. (*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 40; *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в.; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 682).

[4] *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 60 (1-я паг.); РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627 г. № 73. Л. 14–28.

служилых людей в рубрике ДТ[1]. Причины такого положения, как справедливо отметил М.М. Бенцианов, следует искать в некоторой обособленности рязанского «города»[2]. Реформа предполагала отрыв тысячников от своих сообществ, однако рязанская элита, как будет показано далее (**2.2.1**), на протяжении всего этого периода сохраняла устойчивые связи с регионом происхождения.

Служебные назначения рязанских «лучших слуг» за 1550-е гг. известны лишь фрагментарно. Судя по имеющимся разрядным записям, для них характерны более частые и интенсивные, чем у других рязанцев, дальние посылки. Об этом свидетельствует, среди прочего, получение Булгаковыми-Денисьевыми и И.Я.Измайловым поместий в западных уездах в связи с необходимостью нести там годовую службу (**2.2.6**). Такое же поместье получил и М.В. Вердеревский, числившийся в боярском списке 1547 г. Известно, кроме того, что И.Я. Измайлову удалось установить особые отношения с кн. И.Д. Бельским: за участие в подготовке его побега И.Я. Измайлов был в 1562 г. отправлен в галичскую ссылку (**2.3.6**). В то же время, рязанские тысячники продолжали получать назначения и на территории своего края. Например, М.М. Булгаков-Денисьев провёл вторую половину 1550-х гг. в Михайлове и Пронске, И.Я. Измайлов – в Михайлове[3].

Обратимся к третьему источнику, который показывает статус рязанцев – ***разрядной записи о награждении*** в связи с успешным походом царской рати, предпринятом в конце 1553 – начале 1554 г.[4]. Логика распределения наградных

---

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 93.

[2] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 125–127; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 92–93.

[3] РК 1605. Т. 2. Ч. 1. С. 3, 5, 70, 71, 75.

[4] РК 1605. Т. 1. С. 463–466. Данное награждение заслуживает дальнейшего исследования. Обращения к этой разрядной записи в историографии см.: *Курбатов О.А.* Отклик на статью А.Н. Лобина «к вопросу о численности вооруженных сил российского государства в XVI в.» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 115–116; *Подчасов Н.А.* Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства (вторая половина XVI – начало XVII века): дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 66. О наградных монетах: *Спасский И.Г.* Золотые – воинские награды в допетровской Руси // Труды Государственного Эрмитажа. 1961. Т. 4. С. 92–134.

монет отражает иерархию служилых людей. Наиболее знатные воеводы жаловались золотыми кораблеными (2 чел.) и угорскими (5 чел.). За ними находились головы, часть из которых получила золотые угорские (6 чел.), другая – полузолотые угорские (11 чел.). Это были, главным образом, представители старомосковских и княжеских родов, которые входили в первые статьи ТК и известны в придворных чинах[1]. Рязанцы (И., М. и Ф.М. Булгаковы-Денисьевы, Б.А. Каркадымов-Таптыков, М.Ф. Сунбулов, Ю.А. Чевкин) оказались на следующей ступени среди 26 служилых людей, получивших «по денге по золотой». Большинство в данной группе представлено неродословными тысячниками третьей статьи «Московских городов» (аналогичную награду получали стрелецкие головы). Следующая категория – 30 служилых людей, награжденных новгородками, очевидно, включала ещё менее родовитых лиц. Часть из них составляли «тысячники» Северо-Запада, другие вовсе не были включены в ТК. Согласно указу, остальным «княжатом и дворяном болшим» предписывалось выдать менее престижные награды («по ноугородке и по денге, а иным детем боярским двум денга, а иным двум и трем денга»).

Итак, перечень награжденных показывает относительно невысокий, промежуточный иерархический статус рязанских служилых людей. Получив персональные пожалования, они оставались при этом среди провинциальных служилых родов и не могли претендовать на более престижные награды наряду с представителями аристократических фамилий.

Наконец, четвертый памятник, содержащий сведения о структуре «государева двора» – ***список участников земского собора 1566 г.*** Перечень разделён на две статьи («дворяне первая статья», «дворяне и дети боярские другие статьи»), в каждой из которых присутствуют представители рязанских родов (таблица 2.4)[2]:

[1] Об этой группе родов см.: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 15–16.
[2] *Антонов А.В.* Приговорная грамота 1566 г. С. 175–177, 181.

Таблица 2.4 – Рязанские служилые люди в соборном приговоре 1566 г.

Первая статья	Фёдор (Меньшой) Булгаков-Денисьев
Вторая статья	Тирон Васильевич Кобяков Булгак Каркадымов-Таптыков Михаил Назарьевич Глебов

По заключению исследователей, дворяне первой статьи составляли элитарную группу по отношению к лицам, включённым во вторую[1]. В привилегированной категории оказался только Ф.М. (Меньшой) Булгаков-Денисьев – мы вновь встречаем этого тысячника, числившегося в ДТ по Москве[2]. Остальные рязанцы попали во вторую статью: Т.В. Кобяков – в верхнюю часть рубрики, а Б. Каркадымов-Таптыков и М.Н. Глебов совместно записаны ближе к концу перечня. Среди подписантов грамоты находим также рязанца В. Дмитриева-Фёдорова.

Рассмотренные источники позволяют сделать вывод об относительно низком статусе рязанцев в иерархии «государева двора». Войдя в состав общегосударственной правящей элиты, рязанцы оказались в низшей её страте с минимальными возможностями дальнейшего продвижения. Связь со столичной

[1] О проблемах, связанных с изучением состава участников собора, см.: *Зимин А.А.* Земский собор 1566 г. // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 196–236; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 101–141; *Корзинин А.Л.* Земский собор 1566 г. в отечественной историографии // Вестник СПбГУ. История. 2011. № 3. С. 11–23; *Он же.* Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Часть 1-я // Вестник СПбГУ. История. 2012. № 1. С. 3–23; *Он же.* Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Часть 2-я // Там же. № 2. 14–35; *Назаров В.Д.* К истории Земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 296–303; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 100–101; *Floria B.N.* Sklad spoleczny soborow ziemskich w panstwe Moskiewskim w XVI wieku.

[2] Попадание Ф.М. (Меньшого) Булгакова-Денисьева из третьей статьи ТК в первую статью соборного приговора соответствует общей закономерности, выявленной исследователями: большинство дворян первой статьи соборного перечня – бывшие «тысячники» третьей статьи (обратное неверно). Основания, по которым происходило подобное возвышение, неизвестны. По предположению А.П. Павлова, «существовало общее правило, по которому дворяне попадали в ту или иную высшую статью лишь после … прохождения по более низшему разряду» (*Зимин А.А.* Земский собор 1566 г. С. 111; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 97, 100–101). Остаются не вполне ясными и критерии деления участников собора на статьи. По заключению А.Л. Корзинина, проверившего и отвергнувшего целый ряд гипотез предшественников, оно было «условным и просто соответствовало их местническому положению» (*Корзинин А.Л.* Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Часть 2-я. С. 34).

службой сумели установить только Булгаковы-Денисьевы – наиболее видный местный клан. Однако и они оказались лишь в третьей статье «лучших слуг». Позиции рязанских родов были дополнительно ослаблены тем, что ни один из них не попал (как иногда считается, в силу случайных обстоятельств)[1] в «Государев родословец» 1555 г. (**2.1.7**).

За весь исследуемый период известен единственный случай выдвижения представителя рязанского рода в верхние слои столичной элиты – попадание в думу Ширяя Васильевича Кобякова. К анализу его служебной биографии мы обратимся впоследствии (**2.2.1**). Здесь отметим, что уже в первой половине 1550-х гг. Ш.В. Кобяков получал назначения, которые выделяют его среди других потомков рязанских бояр. В частности, он был вторым воеводой передового полка в победоносном Астраханском походе, отличился в сражении под Судбищами и являлся одним из ключевых военачальников крымских кампаний конца 1550-х гг. Вслед за С.Н. Богатырёвым можно предполагать, что именно крымские операции сыграли ключевую роль в дальнейшей карьере Ш.В. Кобякова. В Полоцком походе 1562/63 г. он числился среди одиннадцати приближённых, в обязанности которых входило «ездити за государем» и выполнять его личные распоряжения[2]. Попадание Ш.В. Кобякова в узкий круг таких «флигель-адъютантов» вовсе не было случайным эпизодом. В конце 1563 г. он находился «с бояры» в Кремле во время визита литовских послов[3]. В марте 1564 г. Ш.В. Кобяков упомянут в числе пяти «дворян, которые в Думе у государя з бояры» (кроме него – кн. А.П. Телятевский, кн. П.И. Горенский, П.В. Зайцев, И.С. Черемсинов)[4].

---

[1] *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 50.

[2] Состав этой группы был весьма разнообразен: кн. П. Горбатов, кн. И. Шуйский, Ф. Басманов, кн. Т. Телятевский, А. Ершов, П. Зайцев, Ш. Кобяков, И. Блудов, П. Тимофеев, Ф. Вокшерин, И. Черемсинов (ЗКПП. С. 130; РК 1605. Т. 2. С. 115).

[3] СРИО. Т. 71. С. 287–288.

[4] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. № 10. Л. 369об.–370. Впервые обратил внимание Н.П. Лихачев: *Лихачев Н.П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия. СПб., 1896. С. 10, 16. См. также: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 225, 383; *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 267; *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI веке. Харьков, 1917. С. 201; *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1340s-1570s. P. 157, 159.

Итак, в начале 1560-х гг. Ш.В. Кобяков стал думным дворянином, т.е. вошёл в число доверенных лиц государя. В перечне 1564 г. он упомянут последним и без отчества – так же, как и суздалец И.С. Черемсинов, записанный на одну позицию выше. Их пути с Ш.В. Кобяковым во многих отношениях схожи. Оба были недостаточно родовитыми для высоких воеводских должностей, но зарекомендовали себя в качестве успешных военных руководителей и почти одновременно появились среди царских приближённых[1]. Неизвестно, как развивалась бы карьера Ш.В. Кобякова дальше: уже в 1564/65 г. он скончался, не оставив потомства[2]. Ясно, однако, что его появление в думе было исключительным явлением для рязанцев доопричного времени. Нет оснований считать, что стремительное возвышение Ш.В. Кобякова каким-либо образом отразилось на судьбе его родственников.

Успех Ш.В. Кобякова – исключение, которое подтверждает общую закономерность. Его возвышение произошло не в силу родового статуса, но благодаря личным заслугам и воле Ивана IV. Представитель рязанского боярского рода оказался в конце перечня думных дворян – то есть в чине, созданном для незнатных лиц, облеченных царским доверием. За четыре десятилетия, произошедших с момента присоединения Рязанского княжества, только один рязанец смог выдвинуться в высший круг столичной элиты – но это было лишь стечение благоприятных обстоятельств, «случай».

2.1.4. Опричнина и «Двор»

Вторая половина царствования Ивана IV стала для рязанского сообщества временем значительных перемен. Как показала С.И. Сметанина, на территории уезда произошла масштабная «земельная реформа» 1567/68 г., главным элементом которой являлись масштабные конфискации у местных вотчинников (**2.3.1**). Изъятые земли были использованы для испомещения выселенцев из других уездов, которые теперь были включены в состав рязанской служилой

[1] Об И.С. Черемсинове см.: *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. С. 113–155.
[2] *Антонов А.В.* Вновь открытые рязанские акты XVI – начала XVII века. С. 253–254 (№ 18).

организации[1]. Об этих изменениях можно судить в основном ретроспективно, и они будут более обстоятельно рассмотрены нами в следующих частях работы (**2.1.5**, **2.3.1**). В настоящем разделе мы сосредоточимся на судьбах и чиновных траекториях представителей рязанской элиты во второй половине 1560-х – первой половине 1580-х гг.

Упоминания о рязанских служилых людях за период опричнины редки и касаются, в основном, выполнения ими обычных служебных обязанностей на южном пограничье. Несмотря на масштабные конфискации (затронувшие, по предположению С.И. Сметаниной, всех вотчинников уезда, и прежде всего – представителей верхушки) можно утверждать, что местная элита не являлась объектом систематических репрессий. Под удар опричного террора попали только несколько рязанских семейств. Два из них давно несли службу по другим городам, поэтому их судьба не является предметом нашего специального внимания – Сидоровы и Чулковы. Среди рязанцев, оставшихся в уезде, пострадали Булгаковы-Денисьевы, Измайловы и Селивановы.

По-видимому, репрессии против отдельных представителей рязанских родов были связаны с «делом» конюшего И.П. Фёдорова 1568 г.[2]. Именно в этом разделе синодика можно найти имена Сидоровых, а также И.(И.) **Селиванова** и И.(Я.) Измайлова[3]. Заметим, что их казни примерно совпадают по времени и с конфискациями на территориями Рязанского уезда (1567/68 г.)[4] – однако нет сведений, которые позволили бы связать эти события. Тысячник И.Я. **Измайлов** ранее (вероятно, в 1559/60 г.) фигурировал в деле о неких «кореньях», отложившемся в царском архиве, в 1562 г. был бит кнутом и сослан в Галич за участие в попытке кн. И.Д. Бельского бежать в Литву (**2.3.6**), после этого в

[1] К тем из них, кто вошёл в состав рязанского «выбора», мы обратимся в **2.1.5**.
[2] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 302–347.
[3] Там же. С. 530–532.
[4] Обоснование датировки см.: *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 87.

разрядах не упоминался[1]. К моменту гибели он, вероятно, являлся старшим представителем своего рода; мужского потомства не оставил.

Наиболее значительные потери в результате опричных репрессий и конфискаций понесли **Булгаковы-Денисьевы**. В «Истории о великом князе Московском» кн. А.М. Курбский рассказывает об убийстве «рязанския шляхты благородных мужей, зацных в родех, мужественных и храбрых, и славными заслугами украшенных, Данила Чулкова, и других … искусных поляниц и воеводителей … пагубников бусурманских,а оборонителей крайн христианских, и ротмистра, нарочитова в мужестве, *Феодора Булгакова с братиями их и со многими другими единоплеменными*, всеродне … в новопоставленном граде на … Танаисе». Там же погибли (от рук опричников во главе с Ф.А. Басмановым и при обороне города от татар) двое Сидоровых и двое кн. Мещерских[2]. Как показал Р.Г. Скрынников, датировать это известие позволяют разрядные записи: весной 1568 г. пронские воеводы кн. В.К. Курлятев и Г.С. Сидоров отправлялись из Пронска «*в Донков* города ставить» и там «умерли»[3].

«Нарочитый в мужестве ротмистр Феодор Булгаков» из сообщения А.М. Курбского справедливо отождествлён исследователями с Фёдором (Большим) Матвеевичем Булгаковым-Денисьевым[4]. Реконструкция служебной биографии этого лица связана с некоторыми затруднениями: в разрядах они не всегда разделены с младшим братом Фёдором (Меньшим). Можно предполагать, что у них были разные служебные траектории. Для Фёдора (Большого), который не попал в ТК и был записан «по Рязани» (а не «по Москве») в ДТ, более

[1] Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. Т. 1. С. 98, 539.
[2] Кн. А.М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. С. 95–97. См. об этом: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 105–106.
[3] РК 1605. Т. 2. С. 229, 233–234, 235. Д. Чулков мог погибнуть и ранее, если отождествить с ним «Данилу Gilkj» из послания Таубе и Крузе (*Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 258, 333).
[4] *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 39; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 94. В.Б. Кобрин смешивает в своих построениях Фёдора Денисьева и Фёдора (Большого), не уделяя биографии второго достаточного внимания. Реконструкция С.И. Сметаниной, которой мы следуем, представляется более обоснованной.

характерны южные назначения. Он начал службу в конце 1520-х гг.[1], а в 1547 г. числился среди лиц, назначенных «в поезд» на свадьбе кн. Юрия Васильевича. В 1555 г. Фёдор (Большой?) присутствовал также на свадьбе кн. Владимира Андреевича – ещё одно свидетельство особого положения Булгаковых-Денисьевых по сравнению с другими представителями рязанской элиты[2]. В конце 1550-х гг. разрядами упоминаются его службы на пограничье[3]. Вероятно, именно Фёдор (Большой) выступал поручителем за знатных вельмож в первой половине 1560-х гг. (**2.3.6**)[4]. Как показала С.И. Сметанина, в ходе опричных конфискаций он лишился весьма значительных по размеру рязанских вотчин[5]; мужского потомства Фёдор (Большой) не оставил.

Возможно, вместе с Фёдором (Большим) погиб и его старший брат Иван (Большой) (по родословцам бездетен)[6], вотчины которого также подверглись конфискации[7]. После 1563 г. не упоминается и Михаил Булгаков-Денисьев (оставил только дочерей)[8], судьба которого остаётся неизвестной. Таким образом,

---

[1] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. С. 91; РК 1605. Т. 1. С. 211, 255, 274.

[2] ДРВ. Ч. 13. С. 84. В данном случае нет уверенности, что это именно старший из братьев. Следующим упоминается, кроме того, «Рык Дмитриев сын Денисьев», который также мог принадлежать к рязанскому роду (имя может быть искажено при публикации; в подлиннике эта часть безвозвратно утрачена: РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отд. IV. Рубр. IV. № 9).

[3] РК 1605. Т. 2. С. 23, 50. С.И. Сметаниной убедительно продемонстрировано, что именно эти разряды позволяют разделить траектории братьев: в то время как старший находился в Михайлове (конец 1557) и Серпухове (март 1559), младший ходил под Ригу (декабрь 1558 – март 1559) и участвовал во взятии Феллина (январь 1560; специально обозначен как «Меньшой») (*Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 95).

[4] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 96

[5] Там же. С. 111, 214.

[6] Так же, как и в случае с двумя другими братьями, здесь возникают трудности с отнесением служб к Ивану (Большому) или Ивану (Меньшому). Уточнения на этот счёт в разрядах отсутствуют, и судить можно лишь предположительно (прежде всего, по порядку братьев при их совместном назначении). Иван (Меньшой) не попал в ДТ, по-видимому, по причине молодого возраста. Иван (Большой), самый старший из братьев Булгаковых-Денисьевых, впервые упоминается в 1538 г. (РК 1605. Т. 1. С. 95), затем в БС 1547 г. (*Назаров В.Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. С. 54); в 1552 г. он награждён за поход на «арские места» (РК 1605. Т. 1. С. 464). Неясно, к кому относятся назначения 1551 г. в Михайлов (Т. 1. С. 401), 1559–60 гг. в Свияжск (Т. 2. С. 43, 85), 1561–1563 гг. в Смоленск (Т. 2. С. 140; ЗКПП. С. 153–154).

[7] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 214.

[8] АСЗ. Т. 3. С. 98–99 (№ 114).

опричный период пережили только младшие братья – Фёдор (Меньшой), Юрий и Иван (Меньшой). Примечательно, что Юрий Булгаков-Денисьев, по-видимому, тоже находился в Данкове в момент расправы над братом, но не пострадал[1]. В опричнину он включён не был[2]; в источниках неоднократно упоминается как казачий голова (**2.2.4**)[3].

После систематической реконструкции опричного двора, предпринятой В.Б. Кобриным, присутствие в его составе выходцев из рязанской верхушки можно считать крайне маловероятным[4]. Единственный представитель местного рода, который, по имеющимся данным, был включён в опричное войско – Ф.М. (Меньшой) Булгаков-Денисьев. Данное утверждение основывается на его появлении в качестве головы государева полка в «опричном» разряде 1570 г.[5]. Напомним, что Ф.М. (Меньшой) Булгаков-Денисьев был тысячником, в ДТ записан по Москве, а в 1566 г. присутствовал на земском соборе в числе дворян первой статьи. В отличие от Фёдора (Большого), в конце 1550-х гг. он участвовал в ливонских походах – на Ригу (1558) и на Феллин (1560)[6]. В Полоцком походе Фёдор (Меньшой) состоял стрелецким головой[7]. Как будет показано далее, в 1570-е гг. он сделал успешную карьеру в составе особого «Двора».

---

[1] РК 1605. Т. 2. С. 229, 233, 235, 236, 238.

[2] В одном из разрядов отдельно от «опришнинских» воевод: РК 1605. Т. 2. С. 235.

[3] *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 175; ПСРЛ. Т. 13. С. 275–276; Т. 29. С. 280; РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 80; *Татищев Ю.В.* Местнический справочник XVII века. Вильно, 1910. С. 12.

[4] *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика; *Корзинин А.Л.* О персональном составе Опричного двора Ивана Грозного // Исторический формат. 2016. № 4. С. 9–34.

[5] РК 1605. Т. 2. С. 269. С.Б. Веселовский писал, что Ф.М. Булгаков-Денисьев «в 1570 г. служил в опричнине и был, кажется, дмитровским дворецким» (в комментарии к вкладной грамоте: АСПбИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. № 1707. Л. 2606; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 208). Данное утверждение повторил В.Б. Кобрин (*Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 39), однако остаётся неясным, на чём оно основывается: в отличие от других мест, здесь С.Б. Веселовский не оставил ссылки на соответствующий документ. Опричный Дмитровский дворец неизвестен ни специально занимавшемуся этой проблемой А.А. Зимину (*Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XVI и XVII вв.), ни современным исследователям (*Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.; Спб., 2015. С. 100).

[6] РК 1605. Т. 2. С. 41, 80.

[7] РК 1605. Т. 2. С. 119, 127.

Таким образом, от опричных событий серьёзно пострадали два ключевых рязанских клана, которые за предшествующий период добились наиболее значительного возвышения – Булгаковы-Денисьевы и Измайловы. Вероятно, именно они успели обзавестись наибольшим количеством связей, которые могли оказаться подозрительными для Ивана IV и его опричного окружения.

Совершенно новый этап, в ходе которого открылись возможности для успешных столичных карьер, наступил для целого ряда представителей рязанской верхушки с появлением особого «Двора». В последние десятилетия исследователями выявлен круг материалов, на основе которых можно составить представление о персональном составе этого учреждения. Считается, что «дворовый» характер имеет калужский разряд 1576 г.[1], аналогичные предположения выдвинуты относительно серпуховского разряда 1574 г.[2]. Важными источниками по составу и структуре особого «Двора» служат также «смешанный» дворово-земский разряд Ливонского похода 1577 г.[3], дело о приезде А. Поссевино в 1581 г.[4] и список служилых людей разных чинов, опубликованный В.Н. Сторожевым[5] (недавно датирован А.Л. Корзининым октябрем-ноябрем 1583 г.)[6]. Что касается земского двора этого периода, судить о нём позволяет частично сохранившийся БС 1577 г.[7].

Как будет показано в дальнейшем, 1570-е гг. стали временем чрезвычайно активного привлечения рязанских служилых людей в состав государева полка

---

[1] РК 1605. Т. 2. С. 402–404; РК 1598. С. 259–261 (под 7082 г.); РК 1550–1636. Т. 1. С. 242–244.
[2] РК 1605. Т. 2. С. 363; РК 1550–1636. С. 225.
[3] РК 1605. Т. 2. С. 442–445; РК 1598. С. 273–277; РК 1550–1636. С. 254–258.
[4] *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 3. С. 44–46.
[5] Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века. С. 55–63.
[6] *Корзинин А.Л.* Динамика изменения состава Особого двора в 1573–1584 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 57. Об особом «Дворе» см. также: *Корецкий В.И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» // Исторический архив. 1959. № 2. С. 148–155; *Корзинин А.Л.* К изучению Особого двора Ивана Грозного в 1573–1575 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 1–12; *Он же.* Динамика изменения состава Особого двора в 1573–1584 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 57; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав Особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича.
[7] БС 1577. См.: *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 39–48.

(**2.2.6**). Более двух десятков местных дворян упоминаются в качестве сторожей, рынд и голов, выполнявших различные службы в царском сопровождении. В данном разделе мы сосредоточимся на чиновных траекториях тех из них, кто, по достоверным сведениям, вошёл в особый «Двор» (таблица 2.5).

Прежде всего, отметим, что попадание в состав царского сопровождения в 1570-е гг. было не только социальным лифтом, но и по-прежнему влекло за собой серьёзные риски. В серпуховском разряде 1574 г., который предположительно имеет «дворовый» характер, сторожами числятся Фёдор и Семён Михайловичи **Сунбуловы**[1]. Это первое и последнее их «разрядное» назначение: братьев казнили 2 августа 1575 г. Как показал Р.Г. Скрынников, казнь была связана с делом бывшего царского фаворита, окольничего кн. Б.Д. Тулупова. Рязанцы записаны в синодик вместе с видными приближёнными Ивана IV, многие из которых ранее присутствовали на царской свадьбе[2]. Репрессии нанесли серьёзный удар по роду: Ф.М. и С.М. Сунбуловы были к тому времени единственными представителями старшей ветви[3], и только у Фёдора остался сын Григорий. К моменту гибели отца он был совсем молод и появился в рязанском «выборе» только в начале XVII в.[4]. Сам факт казни рязанцев в связи с делом царского фаворита – важное свидетельство их особого положения. Можно предполагать, что они если и не были активными участниками придворных интриг, то, по крайней мере, установили связи в столичной элите, которые привели к такому финалу.

[1] *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 450.
[2] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 62–63; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 14, 21–22; *Скрынников Р.Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 13; *Он же.* Царство террора. С. 479–480, 544.
[3] Двоюродные братья Фёдора и Семёна Михайловичей – Семен и Иван Степанович – к тому времени, вероятно, скончались, не оставив, согласно родословцам, мужского потомства.
[4] АСЗ. Т. 3. С. 341–342 (№ 417); БС 1602/03. С. 268.

Таблица 2.5 – Рязанцы в составе особого «Двора» Ивана IV[1]

Член «Двора»	«Дворовый» чин	Первый чин после 1584 г.
Петров Михаил Тимофеевич	окольничий[2]	–
Петров Иван (Соловой) Тимофеевич	дворянин[3]	–
Петров Алексей Тимофеевич *(предположит.)*	дворянин	выбор[4]
Петров Андрей (Иванович?) *(предположит.)*	стряпчий	выбор[5]
Петров Дмитрий Михайлович *(предположит.)*	(дворянин?)[6]	–
Дмитриев Иван Васильевич	стольник	выбор[7]
Булгаков Фёдор (Меньшой?) Матвеевич	(дворянин?)	дворянин[8]
Булгаков Юрий Матвеевич	дворянин	дворянин[9]
Булгаков Пётр Фёдорович	дворянин[10]	–
Булгаков Дмитрий Фёдорович	(стольник?)	выбор[11]
Булгаков Иван Юрьевич	?[12]	–
Измайлов Василий Петрович *(предположит.)*	дворянин	дворянин[13]
Измайлов Иван Васильевич	стряпчий / стольник	выбор[14]
Сунбулов Фёдор Михайлович *(предположит.)*	?[15]	–
Сунбулов Семён Михайлович *(предположит.)*	?[16]	–
Биркин Пётр Григорьевич	?[17]	–
Биркин Родион Петрович	(жилец?)	выбор[18]
Биркин Иван Петрович	жилец	выбор[19]
Вердеревский Роман Яковлевич *(предположит.)*	?[20]	–

[1] Несомненным доказательством включения в «Двор» считается прямое наименование «дворовым», а также присутствие в разряде калужского похода 1576 г. Все прочие случаи обозначены как предположительные.

[2] РК 1605. Т. 2. С. 453; ААЭ. Т. 1. С. 368. «Михайло Солового сын Петров» из БС 1588/89 (С. 228), вероятно, является сыном Ивана Тимофеевича.

[3] РК 1605. Т. 2. С. 363, 453; РРР. С. 162.

[4] РК 1605. Т. 2. С. 451; БС 1588/89. С. 228.

[5] РК 1605. Т. 2. С. 455; БС 1588/89. С. 228. «Андрей Солового сын Петров» – вероятно, является сыном Ивана Тимофеевича.

[6] РК 1605. Т. 2. С. 439; Т. 3. Ч. 1. С. 186.

[7] РК 1605. Т. 2. С. 363, 402–403, 450, 456; БС 1588/89. С. 228; *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 3. С. 45; Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века. С. 59.

[8] РК 1598. С. 261; РК 1605. Т. 2. С. 442; БС 1585. С. 64.

[9] РК 1598. С. 261; РК 1605. Т. 2. С. 443, 451; БС 1585. С. 64.

[10] РК 1598. С. 261; РК 1605. Т. 2. С. 443, 451.

[11] *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 157; РК 1605. Т. 2. С. 403; БС 1588/89. С. 228.

[12] РК 1605. Т. 2. С. 363, 403.

[13] РК 1605. Т. 2. С. 363, 451; БС 1588/89. С. 218.

[14] РК 1605. Т. 2. С. 450, 455; БС 1588/89. С. 228.

[15] РК 1605. Т. 2. С. 363, 403.

[16] РК 1605. Т. 2. С. 363.

[17] РК 1605. Т. 2. С. 363.

[18] РК 1605. Т. 2. С. 404, 443; *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 3. С. 43; Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века. С. 61; БС 1585. С. 65.

[19] *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 3. С. 46; Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века. С. 61; БС 1588/89. С. 228.

[20] РК 1605. Т. 2. С. 363, 444.

Трагическая судьба Ф.М. и С.М. Сунбуловых стоит особняком в ряду траекторий других представителей рязанской верхушки. Для значительной части тех, кто входил в государев полк, 1570-е гг. были временем приобретений, а не потерь. Остановимся сначала на двух рязанских кланах, возвышение было наиболее стремительным и значительным – Петровых и Биркиных.

Напомним, что **Петровы**[1] являлись представителями младшей ветви рязанского боярского рода и занимали относительно невысокую позицию в иерархии ДТ (№ 22). Тимофей Петров, известный по разрядам, в 1550-е гг. был уже в пожилом возрасте. В ДТ он записан с сыновьями – Михаилом, Иваном (Соловым), Леонтием и Алексеем, а также внуком Дмитрием Михайловичем[2]. Леонтий, по-видимому, был казнён в 1564/65 г.[3]. Главным событием в истории рода стала женитьба царевича Ивана Ивановича на Пелагее (Феодосии в замужестве, Прасковье в иночестве) Соловой, дочери Михаила[4]. По заключению А.А. Зимина, это произошло вскоре после свадьбы самого Ивана IV, которую исследователь датировал январём 1575 г.[5]. Признаки возвышения Петровых заметны и ранее. Михаил уже 29 июля 1574 г. был пожалован поместьем в Шелонской пятине[6], что не типично для рязанцев. Иван (Соловой) уже в серпуховском походе 1574 г. выполнял особую роль – «дозирал сторожей», а в

[1] *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 426–427; *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 215–216.
[2] ТКДТ. С. 167.
[3] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 544. В родословцах не упоминается.
[4] См. об этом: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 14, 47, 91, 248, 254, 256, 284; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 165; *Martin R.E.* A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. Northern Illinois University Press, 2012. P. 55, 86, 89, 90, 148, 160. В источниках: Пискаревский летописец. С. 194 (л. 582) («Михайлова дочь Тимофеева, резанца»); НЛ. С. 150 (Михаил Соловой назван «каширяниным»); РРР. С. 161; *Левонтьев Д.Н.* Материалы для родословия дворян Левонтьевых и Петрово-Соловых. С. 23, 28.
[5] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 13, 248.
[6] *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М., 1950. С. 177–178; *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV-XVII столетий. М., 1905. Т. 1. Отд. 2. С. 65.

1574/75 г. получил целую серию крупных новгородских поместий, ранее принадлежавших опальным[1].

После вхождения в круг царских свойственников Петровы получили чины, которые были недостижимы для них в предшествующий период. О новых рангах представителей рода можно узнать из разряда Ливонского похода 1577 г. Отец Феодосии Михаил стал окольничим; брат Дмитрий, дяди Иван (Соловой) и Алексей – дворянами московскими[2], племянник[3] Андрей – стряпчим. В мае 1579 г. окольничий Михаил Тимофеевич Петров появляется в источниках как глава «дворового» Разряда[4]; в последний раз он упоминается на этой должности в ноябре[5]. В сентябре того же года его сын Дмитрий был рындой Ивана Ивановича (в дальнейшем среди придворных не фигурирует)[6]. К концу 1579 – началу 1580 г. исследователи относят пострижение Феодосии (прожила в монастырях до начала 1620-х гг.)[7] и новую женитьбу царевича[1]. После этого её родственники уже не

---

[1] АСЗ. Т. 4. С. 23–24 (№ 28); *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал… Т. 1. Отд. 2. С. 59, 66, 68, 79. Возможно, землевладельческая связь с Новгородом у Петровых-Соловых установилась ранее (**2.3.4**).

[2] Точное время появления этого чина, как и состав «дворовых» московских дворян из-за состояния источниковой базы остаются непрояснёнными (см.: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 101–102, 107).

[3] «Андрей Солового сын Петров» отсутствует в родословцах, предположительно – сын Ивана (*Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 158).

[4] ААЭ. Т. 1. С. 368 (№ 302).

[5] Н.П. Лихачёв обратил внимание на грамоту 13 ноября 1579 г. (сохранилось в составе посольских дел), адресованную Иваном IV «воеводе нашему Ондрею Петровичу Куракину да *околничему нашему Михаилу Тимофеевичу Петрову* да диаком нашим Ондрею да Василью Щелкаловым да Стахею Иванову» (*Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 1. С. 181). Как заметил А.П. Садиков, грамота была направлена обоим Разрядам (дворовому и земскому), и лица в ней перечисляются в порядке местнического старшинства (*Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. С. 79–80). Это были люди, оставшиеся «в осаде» в Москве (М.Т. Петрова в соответствующей разрядной записи нет: РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 62–63). Остаётся неясным, как происходило взаимодействие М.Т. Петрова и дьяка С. Иванова с А.В. Шерефединовым, который также фигурирует в качестве разрядного дьяка в этот период (*Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. С. 159).

[6] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 92.

[7] В 1587 г. (не позднее мая) её (по-видимому, неоднократно) посещал кн. И.П. Шуйский, что вызвало расследование и закончилось его гибелью (*Катаев И.М., Кабанов А.К., Довнар-Запольский М.В.* Описание актов собрания графа А.С. Уварова. М., 1905. С. 76–77 [№ 68]; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 137). Для утверждения В.И. Корецкого о попытке кн. И.П. Шуйского через Прасковью

появлялись в окружении государя, но продолжали выполнять некоторые важные службы. Андрей в 1580 г. находился в Смоленске[2], Алексей в 1581 г. – в Новгороде вместе с воеводами[3], в 1583 г. он «собирал» мещерян перед казанским походом[4]. Дмитрий в 1581 г. погиб в сражении под Шкловом (назван «дворянином»)[5]. Таким образом, после удаления Феодосии из дворца представители рода, пусть и утратив прежние позиции близ государя, сохраняли полученные «дворовые» чины.

О дальнейшей чиновной траектории Петровых позволяет судить упоминание А.Т. Петрова в БС 1588/89: он не остался в столичных чинах, но попал в «выбор» со средним окладом. На момент составления списка он и трое сыновей И.Т. Петрова (Солового): Андрей (бывший «дворовый» стряпчий), Михаил, Павел и Даниил, также числившиеся в «выборе» – несли службу в далёком Царёвококшайске[6]. Впоследствии их службы ничем не отличались от посылок других рязанских выборных дворян[7]. Кратковременный взлёт семейства, таким образом, закончился с исчезновением особого «Двора». Возможно, именно с эпохой беспрецедентного возвышения Петровых связано возникновение примечательного «генеалогического пасквиля», в котором иронично обыгрывалась «лошадиная фамилия»: происхождение рода возводилось к «конскому мастеру» рязанских князей, некоему Жуку[8].

«наладить связи с верхушкой рязанских служилых людей, оппозиционной Б. Годунову» нет достаточных оснований (*Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 87 [прим. 42]).

[1] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 95; *Яковлева О.А.* К истории возвышения Бориса Годунова // Ученые записки НИИ при Совмине Чувашской АССР. Чебоксары, 1970. Вып. 52. С. 278.

[2] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 141.

[3] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 194.

[4] *Анхимюк Ю.В.* Росписи Казанского зимнего похода... С. 187.

[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 186.

[6] БС 1588/89. С. 228.

[7] Ср. с траекторией Колтовских: *Бенцианов М.М.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей // Вспомогательные исторические дисциплины. 2019. Т. 38. С. 211; *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. С. 134–137.

[8] «Род Леонтьевых и Соловых, и Петровых. В княжение великого князя Олега Рязанского были конские мастеры у него … два брата родные: … Бык и Жук … а жильцы они были Солотъчинского монастыря села Хламова. И Жук наперед учал слыть Степанов, а после

Биркины (рисунок 2.2) – ещё один рязанский род, представители которого добились возвышения в рамках «Двора»[1]. В конце XVII в. они конструировали историю своего происхождения по стандартному образцу, называя основателем рода Ивана Бирку, выехавшего из Орды. Другой вариант родословия возводит Биркиных к Ивану Михайловичу (служившему рязанскому князю Фёдору Ольговичу) и его сыну Ивану Ивановичу Бирке[2]. Ни одна из этих версий не имеет документального подтверждения: впервые Биркины появляются в источниках только в середине XVI в.. Пётр и Василий Григорьевичи были записаны в нижнюю часть (№ 35) рубрики ДТ[3], что указывает на низкий статус рода в рязанской иерархии. Между тем, уже в 1555 г. Родион Петрович Биркин, тогда ещё совсем молодой человек, оказался в узком кругу служилых людей, присутствовавших на свадьбе кн. Владимира Андреевича[4]. В конце 1550-х гг. П.Г. и В.Г. Биркины участвовали в посольстве В.И. (Меньшого) Коробьина в Кабарду: они приезжали в Москву с известиями о ходе переговоров[5]. В 1566 г. братья поручились по кн. М.И. Воротынском в сумме более крупной, чем многие другие рязанцы (100 р.)[6]. «Разрядные» назначения членов рода неизвестны до 1574 г., когда П.Г. и Р.П. Биркины впервые появляются в составе государева полка.

Степановы учали слыть Тимофеевы, а после Тимофеевы учали слыть Соловые, Петровы и Леонтьевы – а повелись оне все от Жука. А от Быка в поведении роду не описано. А в детях боярских при великом князе оне … не бывали, а были совершенно в конских мастерах… А сей початок рода их … написан на Рязани у Пречистой Богородицы в Солотчинском монастыре за дьячьею приписью. А окроме того монастыря в родословцах нигде того роду их не написано» (*Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 145; *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 54). Эта легенда появляется в некоторых списках редакции в 43 главы с приписными, а также в редакции в 81 главу (*Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 63–64, 184, 187). Возможным прообразом для одного из героев легенды мог стать рязанец Дмитрий (Бык) Степанов, который в 1517 г. отправлялся от московского князя к султану (СРИО. Т. 95. С. 426). См. также: *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 84, 87, 92.

[1] *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 165–166.

[2] *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 296–297; *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 2. С. 288; *Kleimola A.M.* Genealogy and Identity among the Riazan' Elite. P. 291–292.

[3] ТКДТ. С. 168.

[4] ДРВ. Т. 13. С. 84.

[5] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627 г. № 73. Л. 14–28.

[6] *Антонов А.В.* Поручные записи 1527-1571 годов. С. 59–60.

П.Г. Биркин в калужском походе 1576 г. находился «у знамени», в 1579 г. – среди сторожей[1]. На следующий год он скончался и был захоронен в Троице-Сергиевом монастыре[2]. В отличие от старшего брата и племянников, В.Г. Биркин на придворных позициях не упоминается: в начале 1580-х гг. он служил в Рязанском крае[3].

Рисунок 2.2 – Родословное древо Биркиных (фрагмент, реконструкция)[4]

Наиболее выдающейся была карьера Р.П. Биркина, который числился сторожем во всех царских походах эпохи существования «Двора» (1574, 1576, 1577, 1579, 1581, 1583). Он неоднократно упоминается в посылках особого характера: в 1577 г. – к королю Магнусу[5] и в Раненбург (в составе отряда детей боярских)[6]. В 1580 г. он присутствовал «в поезду» на свадьбе Ивана IV[7], в 1581 г. – был послан к А. Поссевино[8]. В том же году в росписи посольского приема впервые появляется также имя И.П. Биркина, который был дворовым жильцом[9]. В 1583 г. они вместе участвовали в ещё одном посольском приёме («в сенях»)[10].

---

[1] РК 1605. Т. 2. С. 402–404; Т. 3. Ч. 1. С. 93.
[2] Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 19. Ещё в 1577 г. Биркин сделал вклад в обитель в размере 50 р. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 129).
[3] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 211. См.: **2.2.3**.
[4] Родословная роспись не сохранилась, реконструкция основана на данных актовых и делопроизводственных источников.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 8.
[6] РК 1605. Т. 2. С. 544.
[7] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 174.
[8] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 212; *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 3. С. 43.
[9] *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 3. С. 45.
[10] Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века. С. 61.

Итак, на всём протяжении существования особого «Двора» Р.П. Биркин постоянно находился в составе сопровождения государя. Объяснение этому факту находим в записках Д. Горсея, который называет Родиона Биркина (Rodovone Boerken) «любимцем» Ивана IV, сыгравшим последнюю шахматную партию с царём[1]. Известно также, что Р.П. Биркин был женат на дочери «дворового» дьяка А.В. Шерефединова **(2.3.7)**. Вероятно, именно попадание Родиона в число царских приближённых (напомним, ещё в 1558 г. он появлялся на свадьбе Владимира Старицкого, что выделяет его среди остальных рязанцев) привело к выдвижению ближайших родственников – отца и младшего брата. Несмотря на то, что Родион Биркин был царским фаворитом, в силу родового статуса он едва ли мог претендовать на получение значимого чина даже в составе «Двора». В разряде 1577 г. он назван «сыном боярским»[2]. Возможно, Родион являлся жильцом[3] – так же, как и его младший брат Иван.

После смерти Ивана IV Р.П. Биркин оказался в рязанском «выборе» (присутствует в списке членов двора, оставленных в Москве в 1585 г.)[4] и был отправлен головой в Пронск[5], а затем в 1587–88 гг. – посланником в Грузию[6]. Такое посольство, исключавшее участие Р.П. Биркина в московских делах, могло быть «почётной ссылкой» бывшего фаворита Ивана IV. Вскоре после возвращения из Грузии он скончался (вероятно, это произошло в 1589 г.)[7]. И.П. Биркин также был зачислен в «выбор», и на придворных должностях более не упоминался. В.Г. Биркин получал ответственные назначения на юге, один раз в 1590 г. попал в состав сторожей государева полка, но очень скоро вернулся на пограничье[8].

---

[1] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI – начало XVII в. С. 86.
[2] РК 1605. Т. 2. С. 543–544.
[3] В.Б. Кобрин посчитал Р.П. Биркина спальником, но данное утверждение является лишь предположением (*Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). С. 22).
[4] БС 1585. С. 65.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 54.
[6] *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. С. 33–45.
[7] БС 1588/89. С. 228.
[8] РК 1598. С. 416.

Петровы и Биркины – рязанские кланы, которые имели чрезвычайно низкие стартовые позиции и добились значительных успехов в составе «Двора». Если возвышение первого из них было традиционным для новых царских свойственников, то траектория Биркиных не может быть в полной мере объяснена исходя из имеющихся данных. Несомненна роль личного благоволения Ивана IV, однако предпосылки этого выдвижения (на наличие таковых указывает появление Р.П. Биркина на свадьбе старицкого князя) туманны. Отметим, что в долгосрочной перспективе Биркины получили значительные дивиденды от своего возвышения. Именно «дворовая» карьера привела к их попаданию в «выбор» и включению в круг лиц, которые могли претендовать на «разрядные» назначения. Несомненно, основа успешных карьер этой фамилии в следующем столетии была заложена во второй половине правления Ивана IV. Важным отличием клана Биркиных от других рязанских семейств стало приобретение родовой усыпальницы в Троице-Сергиевом монастыре (**2.3.7**).

Значительных успехов в составе особого «Двора» добились не только худородные выдвиженцы, но и представители наиболее видного рязанского боярского гнезда – Дмитриевы, Булгаковы-Денисьевы и Измайловы. Объяснить причины возвышения этих семейств значительно проще, поскольку в ряду других представителей рязанской элиты именно они установили наиболее прочные связи со столичной службой. Как показано ранее, Булгаковы-Денисьевы и Измайловы входили в состав тысячников, причём Ф.М. (Меньшой) Булгаков-Денисьев был включён затем и в опричнину. Попадание в «Двор» стало важным новым толчком для карьер тех, кто пережил период репрессий.

Об особом отношении Ивана IV к Ф.М. (Меньшому) и Ю.М. **Булгаковым-Денисьевым**[1] наиболее ярко свидетельствует их присутствие на царской свадьбе с Анной Васильчиковой 1574/75 г. Она была сыграна в узком кругу «дворовых»

[1] *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 207–208; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 167.

приближённых[1]. В ходе празднования рязанцы находились «за столом» вместе с родственниками царицы и ключевыми фаворитами Ивана IV (Колычевыми, окольничим кн. Б.Д. Тулуповым). В числе «боярынь» на свадьбе были жёны не только Фёдора и Юрия, но и Михаила (который, вероятно, давно скончался). Важные церемониальные службы выполняли представители младшего поколения – Иван Юрьевич, а также Дмитрий[2] и Пётр Фёдоровичи Булгаковы-Денисьевы[3]. На протяжении 1570-х гг. все представители рода систематически получали назначения в состав государева полка: старшие – «дозирать сторожей», младшие – рындами и сторожами различных статей (приложение 3). Можно предполагать, что к началу 1580-х гг. позиции Булгаковых-Денисьевых несколько ослабли: на новой царской свадьбе присутствовал только Фёдор (Меньшой), и находился он лишь «в поезду»[4]. До этого он получил назначение воеводой в Себеж, а в 1582/83 г. отправился в отдалённую Кинешму, т.е. утратил доступ в круг царских приближённых[5]. Добавим, что в 1579/80 г. у вдовы и дочерей Михаила по неизвестным причинам была отписана в дворцовые сёла вотчина, а через некоторое время – возвращена[6].

Известны «дворовые» чины Ю.М. и П.Ф. Булгаковых-Денисьевых – оба в 1577 г. были дворянами московскими. Скорее всего, такой же чин имел и Фёдор (Меньшой). После ликвидации особого «Двора» старшие братья сохранили этот чиновный статус[7]; П.Ф. и И.Ю. Булгаковы-Денисьевы (последний умер около

---

[1] О датировке и участниках свадьбы см.: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. С. 131–134; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 13–15.

[2] В публикации неверно передано как «Мишка». В сохранившемся списке ясно читается «Митька» (РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II. № 11. Л. 27).

[3] Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковых (7083/1575 г.). С. 9, 11.

[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 174. «Юрий Дмитриев сын Денисьев» – вероятно, Ю.В. Дмитриев. Об участниках свадьбы см.: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. С. 134; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 86–87; *Скрынников Р.Г.* Россия после опричнины. С. 104–105.

[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 145, 163, 190; Ч. 2. С. 10, 17.

[6] АСЗ. Т. 3. С. 98–99 (№ 114).

[7] БС 1585. С. 64.

1578 г.)[1] более не встречаются в разрядах, а Д.Ф. Булгаков-Денисьев оказался в рязанском «выборе» с относительно небольшим окладом. Туда же был зачислен Ф.Ю. Булгаков-Денисьев, младший сын Юрия[2]. Таким образом, «дворовый» успех клана не привёл к окончательному закреплению в столичной элите. Несмотря на длительную службу Булгаковых-Денисьевых «по Москве», младшие представители рода должны были снова начинать карьеру в низшем чине «государева двора».

Столичные чины в составе особого «Двора» получили также **Измайловы**[3]. В разрядных записях 1577 г. Василий Петрович – дворянин московский, а его старший сын Иван – стольник (или стряпчий)[4]. В земском «выборе» того же года фигурируют представители другой ветви рода – Василий и Андрей Яковлевичи (напомним, что старший из братьев, Иван Яковлевич, погиб в опричнину). Случай Измайловых даёт примечательную возможность для сравнения карьерных траекторий. «Земская» ветвь являлась, вероятно, старшей (приложение 1), но её представители имели более низкий чиновный статус, чем выходцы из младшей «дворовой» ветви.

В.П. Измайлов впервые оказался в государевом полку уже в серпуховском походе 1574 г. Он регулярно назначался в состав царского сопровождения вплоть до 1580 г., когда попал в литовский плен[5]. Его сын И.В. Измайлов известен в 1577 г. среди сторожей государева полка, а в 1582 и 1584 гг. – в различных «посылках» на юге[6]. Примечательно, что среди сторожей в царских походах фигурирует и представитель земской ветви рода – В.Я. Измайлов. После серии южных служб он в 1578 и 1579 гг. также служил в государевом полку. А.Я. Измайлов в 1577–78 гг.

[1] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108.
[2] БС 1588/89. С. 228.
[3] *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 167.
[4] РК 1605. Т. 2. С. 450–451.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 142, 160–161, 166–167; *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 204.
[6] АСЗ. Т. 1. С. 75 (№ 98); РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 40

отправился гонцом в Крым[1], в 1580–82 гг. участвовал в боевых действиях на западе в качестве второго воеводы[2]. В июне 1582 г. А.Я. Измайлов был назначен первым приставом литовских послов, и на этой почве произошло его местническое столкновение с А.Т. Крюковым. Позиция А.Т. Крюкова (однородца Вердеревских) была более уверенной, поэтому, как сообщают разряды, «*берегучи* Ондрея Измайлова, бояре и дьяки послали [его] в Казань в воеводах»[3]. Такое особое отношение комиссии земских бояр и «дворовых» дьяков к А.Я. Измайлову обращает на себя внимание, тем более что после короткой казанской посылки он в 1583 г. вновь оказался в Москве и участвовал в посольском приёме[4]. Причина, возможно, состоит в том, что уже тогда он породнился с Годуновыми (**2.1.7**). В 1584 г. А.Я. Измайлов отправился посланником в Польшу[5].

Дальнейшая служебная биография Измайловых станет предметом рассмотрения в следующем разделе. Здесь отметим, что дворянин В.П. Измайлов сохранил свой чин и впоследствии, однако его сыновья (в том числе – «дворовый» стольник Иван) попали в рязанский «выбор». А.Я. Измайлов из «земской» ветви был пожалован в дворяне московские, его старший брат Василий – остался в «выборе»[6]. Следовательно, и для Измайловых «дворовое» возвышение не привело к уверенному закреплению в столичной элите.

Стольником особого «Двора» стал Иван Васильевич **Дмитриев**[7] – представитель самой старшей ветви родового гнезда. Впервые он появился среди сторожей государева полка уже в серпуховском походе, в калужском – был рындой и головой у ночных сторожей, в ливонском – головой у ночных сторожей.

---

[1] *Рогожин Н.М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.).
[2] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 179, 183, 185–187, 205, 207, 210.
[3] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 222–223; Ч. 2. С. 5 (в Казани); *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. С. 119.
[4] Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века. С. 61.
[5] *Рогожин Н.М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.).
[6] БС 1588/89. С. 216, 218, 227, 228.
[7] *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 172. Ю.В. и И.В. Дмитриевы были представителями того же поколения, что и младшие Булгаковы-Денисьевы.

Участвовал в посольском приёме 1583 г. «в сенях»[1]. На свадьбе Ивана IV 1580 г. «в поезду» находился его старший брат Юрий[2] – в этот период он более не упоминается разрядами. В одной из позднейших челобитных указывается, что Юрий был «при … Иване Васильевиче … *во времени*» (т.е. в фаворе, во власти)[3]. Впоследствии оба Дмитриевых оказались в рязанском «выборе» с окладами (по старшинству) 550 и 400 ч.[4].

Таким образом, чиновные траектории Дмитриевых, Булгаковых-Денисьевых и Измайловых во многом схожи. В составе особого «Двора» представители старшего поколения становились московскими дворянами (Ф.М. и Ю.М. Булгаковы-Денисьевы, В.П. Измайлов), младшего – стольниками (И.В. Дмитриев, И.В. Измайлов; исключение – московский дворянин П.Ф. Булгаков). После смерти Ивана IV первые сохранили свои позиции, а вторые – попали в «выбор».

Московские дворяне Ф.М. и Ю.М. Булгаковы-Денисьевы, а также В.П. Измайлов оказались в более благоприятном положении, чем Петровы, которые выбыли из всех столичных чинов. Вероятно, такое различие траекторий объясняется сочетанием ряда факторов. В отличие от Петровых, Булгаковы-Денисьевы и Измайловы занимали более высокую позицию в рязанской иерархии, давно установили связи со столичной элитой и, кроме того, имели богатый служебный опыт. Не менее важную роль могло сыграть свойство с Годуновыми (такие отношения установили не только Измайловы, но и Булгаковы-Денисьевы: **2.1.7**). Наконец, в отличие от стольников – чина, который в новых условиях оказался недостижимым даже для первостепенных рязанских родов – дворянами

[1] Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века. С. 59.
[2] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 174. «Юрий Дмитреев Денисьев» мог быть назван так из-за ассоциации всего рязанского боярского рода с Денисьевыми, закреплённой заголовками родословцев.
[3] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 24. Обратил внимание А.О. Никитин: *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 176. Об этом выражении и связанном с ним понятии «веременник» см.: *Кирпичников И.А.* К истории понятия «временщик» // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. Tartu Ülikool, 2020. Т. 31. С. 31–41.
[4] БС 1588/89. С. 228.

московскими могли становиться не только представители старомосковской и княжеской знати[1].

Важное измерение пребывания рязанцев в особом «Дворе» – их вовлечённость в сложную сеть родственных и неформальных связей, консолидировавших окружение Ивана IV. Свояческие Измайловых и Булгаковых-Денисьевых с Годуновыми могло быть частью данной системы отношений – если верно допущение о том, что эти браки были заключены в период существования «Двора». Р.П. Биркин не только был зятем влиятельного «дворового» дьяка А.В. Шерефединова, но и находился в центре рязанского «дворового» клана. В число его друзей, свояков и родственников входили, среди прочих, Ю.В. и И.В. Дмитриевы, а также М.Т. и А.Т. Петровы «с племянники»[2]. Такой клан мог быть мобилизован в интересах одного из входивших в него лиц (**2.1.7**). Несомненно, кроме того, что более успешные «дворовые» тянули за собой в Москву родственников[3] – эта практика ясно прослеживается и на примере рязанских фамилий.

Траектории представителей рязанской элиты в середине 1580-х гг. – важный показатель их статуса. С.П. Мордовина и А.Л. Станиславский убедительно продемонстрировали, что после ликвидации особого «Двора» «чиновное положение бывших “дворовых” Ивана IV было приведено *в соответствие с их происхождением*». Лица, служебно-местническое положение и родовой статус которых были недостаточно высокими, лишались столичных чинов и отправлялись в ряды выборного дворянства[4]. Именно такой была судьба рязанцев, возвысившихся в составе «Двора» – безотносительно к тому, насколько высоким

[1] Около 20% носителей этого чина конца XVI века происходили из менее родословных фамилий (*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 114).
[2] АСЗ. Т. 4. С. 365–383 (№ 497).
[3] *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 159.
[4] *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 160; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 103; *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1980. С. 44–45.

было их положение в окружении Ивана IV. Это особенно ясно в случаях Биркиных и Петровых, но не менее справедливо и в отношении Дмитриевых, Булгаковых-Денисьевых и Измайловых. «Аристократизация» состава стольников и стряпчих[1] привела к тому, что представители младшего поколения этих наиболее видных рязанских родов утратили приобретённые «дворовые» чины.

Итак, возвышение рязанцев пришлось на эпоху перемен, перевернувших традиционные социальные устои. Успешная столичная карьера стала возможна для них лишь в период, когда консервативные местнические нормы отошли на второй план по сравнению с волей монарха. Кратковременный взлёт закончился возвращением в «выбор», что ещё раз подчеркнуло слабость позиций рязанской верхушки в общерусской правящей элите. «Земский» БС 1577 наглядно показывает, что чиновным максимумом рязанских служилых людей в нормальных условиях (вне особого «Двора») являлся «выбор». Именно в этом ранге мы находим представителей старшей ветви Измайловых, тысячника Ржевского, а также Глебовых и Кобяковых – всё это были фамилии из верхней части рубрики ДТ[2]. Объединённый двор второй половины 1580-х гг. оказался, по заключению А.П. Павлова, «более аристократичным, по сравнению не только с особым, но и с земским двором»[3], и в рамках этой иерархии рязанцам было отведено весьма скромное место.

2.1.5. Рязанские княжата

За годы опричнины рязанское служилое сообщество пополнилось значительным количеством лиц, переселённых из других регионов. В начале 1570-х гг. в источниках на короткий период возникали «резанцы старые и новые и помещики», впоследствии такое разделение исчезло[4]. Хронология этих изменений остаётся неясной, поскольку прямые упоминания о переселениях отсутствуют, а

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 109.
[2] БС 1577. С. 196.
[3] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 103.
[4] *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 210; *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 176–177.

состав испомещённых лиц устанавливается ретроспективно (по данным писцовых материалов конца XVI в.). Многие переселенцы происходили из ростовских, стародубских и ярославских княжеских фамилий. Р.Г. Скрынников (в работе 1966 г.) предположил, что уже в 1565 г. имела место «рязанская ссылка» княжат по аналогии с «казанской»[1]. Данный вывод в 1982 г. оспорила С.И. Сметанина, которая показала, что переселенцы испомещались в том числе на землях, конфискованных в 1567/68 г. По заключению исследовательницы, княжата получали рязанские поместья уже после возвращения из казанской ссылки в качестве компенсации за утраченные родовые вотчины[2]. В поддержку этого мнения можно заметить, что в реконструированном списке лиц, сосланных в Казань, присутствует целый ряд будущих рязанских помещиков[3]. Благодаря находке Ю.В. Анхимюка (публикация 1992 г.) стало известно, что Ростов и Ярославль были взяты в опричнину 21 января 1569 г.[4]. Можно предположительно связать массовое появление княжат в Рязани с этим событием. Как показал А.П. Павлов, вхождение в состав опричнины родовых уездов княжат нанесло, за редкими исключениями, решающий удар по их фамильным вотчинам. Они утрачивали как прочное экономическое обеспечение, так и связь с родовыми гнездами[5]. Перемещение в другие регионы, как отмечает А.В. Сергеев, вело к «разрушению территориальных княжеских объединений, переходу на службу с поместий, стиранию различий между князьями и представителями нетитулованных фамилий, служивших вместе с ними»[6].

---

[1] *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 417.

[2] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 134, 154, 159.

[3] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 247–250.

[4] *Анхимюк Ю.В.* Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. 1992. Вып. 2. С. 128; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 351.

[5] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 149–160*; Он же.* Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5. С. 89–103.

[6] *Сергеев А.В.* Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI – начале XVII в.: князья Ростовские и Ярославские: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 260–261.

Новые рязанские помещики имели различное служебно-местническое положение и родовой статус, которые определяли их дальнейшие траектории. В свете рассматриваемой темы нас интересуют только те из них, кто вошёл в состав «государева двора» (прежде всего, получившие чин выборного дворянина по Рязани) (таблица 2.6). Необходимо учитывать, что возможности для выявления таких лиц ограничены ввиду недостаточности источниковой базы. Первый БС, отразивший полный состав рязанского «выбора», относится только к концу 1580-х гг., т.е. отстоит на два десятилетия от времени переселений. Полные данные о землевладении доступны и вовсе только для са́мого конца XVI в. За это время испомещённые лица могли выбыть по естественным причинам, в очередной раз сменить регион службы или оказаться в «московских» чинах.

Рассмотрим последний из обозначенных сценариев – быстрое чиновное возвышение. БС 1588/89 позволяет проследить стремительную карьеру представителя стародубской ветви кн. Андрея Ивановича **Гундорова** (в ДТ по Вязьме)[1]. Он внесён в список трижды: в качестве выборного по Рязани с окладом 550 ч. (вычеркнут, помета «с Москвы»), московского дворянина (помета «выше, на Земском») и главы Земского приказа (помета «с государем»), сменившего в этом качестве А.Я. Измайлова[2]. Его брат кн. Иван Гундоров, также рязанский землевладелец, в БС 1588/89 числится среди жильцов[3]. Как ясно из этого примера, если бы кн. А.И. Гундоров не попал в рязанский «выбор» БС 1588/89, его присутствие в составе местного «города» осталось бы бесследным.

Благодаря БС 1577 можно узнать, что в «выборе» по Рязани первоначально были записаны кн. Фёдор, Василий и Семён Михайловичи **Лобановы-Ростовские**[4]**,** а также кн. Владимир Романович **Приимков-Ростовский** (в ДТ по

[1] *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 171; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 117–118; ТКДТ. С. 188.
[2] БС 1588/89. С. 204, 218, 227.
[3] БС 1588/89. С. 211; ПКРК. Вып. 1. С. 62; РППК. С. 133, 138.
[4] *Сергеев А.В.* Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI – начале XVII в… С. 205; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 123–124.

Кашину)[1]. Уже в 1588/89 г. они были включены в особый список «князей Ростовских»[2]. Такие «реставрированные» княжеские списки просуществовали недолго, и, как полагают исследователи, имели лишь «парадное» значение. По наблюдениям А.П. Павлова, они включали только тех княжат, чей ранг соответствовал чину московских дворян[3]. Действительно, двое младших Лобановых-Ростовских в дальнейшем известны в этом чиновном статусе. Они сохраняли рязанские владения и в конце XVI в., но отношения к местному «городу» не имели[4].

Можно с осторожностью предполагать, что аналогичная траектория (опричное переселение, служба в рязанском «выборе» и попадание через него в «княжеский» список и чин дворян московских) была характерна для целого ряда испомещённых в Рязанском уезде княжат, которые по сохранившимся источникам известны только в «московских» чинах. Рассмотрим, например, судьбы представителей ярославской ветви. Кн. Василий, Александр и Иван Фёдоровичи **Жировые-Засекины**[5] получили земли, конфискованные у И.М. и Ф.М. Булгаковых-Денисьевых[6]. В БС 1588/89 все трое (как и кн. Лобановы-Ростовские) числились в особом «княжеском» списке, а затем кн. Александр и Иван оказались в рубрике дворян московских[7]. Рязанским землевладельцем являлся также кн. Борис Петрович **Засекин** (располагавший и коломенским поместьем). Известно, что в 1584 г. он был пожалован окольничеством, а спустя несколько лет скончался[8]. Его сыновья Пётр и Лаврентий в БС 1588/89 записаны

---

[1] ТКДТ. С. 134.
[2] БС 1588/89. С. 213.
[3] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 54; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 107 (прим. 57); *Сергеев А.В.* Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI – начале XVII в…
[4] ПКРК. Вып. 1. С. 159; РППК. С. 9.
[5] *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 132–135.
[6] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 121.
[7] ААЭ. Т. 2. С. 43 (№ 7); БС 1588/89. С. 215; БС 1606/07. С. 297.
[8] АСЗ. Т. 4. С. 72 (№ 96); *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 303 (выписка из боярского списка); Писцовые книги Московского государства XVI в. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 1. С. 41, 487–488 (далее: ПКМГ). См. также поместье вдовы в Пониском стане: ПКРК. Вып. 1. С. 227.

как жильцы и впоследствии получили чины московских дворян. Они сохраняли рязанские владения[1]. Список таких лиц можно расширять и далее – учитывая, однако, что утверждение об их службе в рязанском «выборе» остаётся только гипотезой. Княжата испомещались и в других южных уездах, по спискам которых также могли начинать службу.

Итак, целая группа выходцев из княжеских фамилий, получивших поместья в Рязанском крае, быстро продвинулась в «московские» чины. В пяти случаях факт первоначальной службы в местном «выборе» устанавливается достоверно, относительно некоторых других княжат можно сделать аналогичные предположения. В дальнейшем представители этих семейств среди рязанских выборных дворян не фигурируют. Однако попадание в столичные чины не означало полной утраты связи с уездом. Во-первых, большинство перечисленных княжат сохраняли рязанские дворы и поместья. Во-вторых, несмотря на активную службу в других регионах, они нередко получали воеводские назначения в города Рязанского края[2].

Таблица 2.6 – Рязанские княжата (1577–1605)[3]

	Исходный статус	Изменение статуса до 1605 г.
Лобанов-Ростовский Фёдор Михайлович	выбор (1577)	князья Ростовские (1588/89)
Лобанов-Ростовский Василий Михайлович	выбор (1577)	князья Ростовские (1588/89) дворянин (1598/99)
Лобанов-Ростовский Семён Михайлович	выбор (1577)	князья Ростовские (1588/89) дворянин (1589/90)
Гундоров Андрей Иванович	выбор (550) (1588/89)	дворянин, Земский приказ (1588/89)

[1] ААЭ. Т. 2. С. 44; АСЗ. Т. 3. С. 110 (№ 130); БС 1588/89. С. 211; ПКРК. Вып. 1. С. 93, 122–123.

[2] *Сергеев А.В.* Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI – начале XVII в… С. 218, 222–225.

[3] Учитываются только семьи, представители которых хотя бы один раз появлялись в рязанском «выборе». В таблицу не включён «литвин» кн. И.Д. Велицкий, записанный в рязанский выбор единожды (в 1590/91 г., между строк, с пометой «на Михайлов») и тогда же вычеркнутый (БС 1590/91. С. 249). В БС 1588/89 он числится по Бежецкому верху (С. 230), в списке следующего года вычеркнут с пометой «не быть» (БС 1589/90. С. 328). Его появление в рязанском «выборе» не является, однако, совершенно случайным. Он располагал поместьем в Каменском стане (см. также владения его дворовых людей в Переяславле-Рязанском: ПКРК. Вып. 1. С. 4, 6, 56, 301); кроме того, род кн. Велицких записан в синодике рязанского Спасо-Преображенского монастыря (*Плешакова В.В., Порубай П.Н.* Синодик Спасо-Преображенского монастыря г. Рязани // Вышенский паломник. 1998. № 1. С. 84). Вопрос об их связи с Рязанской землей нуждается в дополнительном изучении.

Приимков-Ростовский Владимир Романович	выбор (1577)	князья Ростовские (1588/89)
Волконский Михаил Петрович (Жмурка)	выбор (550) (1588/89; нач.1600-х; 1602/03)	–
Волконский Фёдор Иванович (Митенин)	выбор (550) (1588/89, нач. 1590-х)	–
Мещерский Юрий Григорьевич	выбор (550) (1588/89)	дворянин (не позднее 1592/93) выбор (нач. 1600-х) (?) дворянин (1604)
Мещерский Дмитрий Юрьевич	жилец, отставлен (1588/89)	выбор (400) (1602/03)
Мещерский Иван Юрьевич (?)[1]	жилец (1588/89)	выбор по Коломне (350) (1602/03, 1604)
Гагарин Фёдор Семёнович	выбор, отставлен (550) (1588/89)	–
Гагарин Семён Фёдорович	выбор, «новик 98-го» (550) (1588/89; 1585; нач. 1590-х)	–
Гагарин Афанасий Фёдорович	жилец (вт. пол. 1590-х – ок. 1604)	выбор, вписан (400) (1602/03)
Гагарин Семён Семёнович (Ветчина)	выбор (550) (1588/89; нач.1600-х; 1602/03)	–
Щетинин Василий Григорьевич	выбор (550) (1588/89; 1589/90; нач. 1590-х; 1602/03)	–
Дашков Андрей Иванович	выбор (1585)	–

Перейдём ко второй группе княжат – отдельным лицам или целым семействам, которые в последней четверти XVI – начале XVII в. сохраняли связь со службой в рязанском «выборе». К их числу относится, во-первых, дальний однородец кн. Засекиных кн. Василий Григорьевич **Щетинин**[2], который оставался в этом чине (с окладом 550 ч.) на протяжении всего рассматриваемого периода. Вероятно, вместе с ним был переселён и брат, кн. Иван Григорьевич (по рязанским платёжным книгам известны его сын Иван и внук Василий).

Стародубские кн. **Гагарины**[3], попавшие в рязанский «выбор», ранее служили по Дмитрову[4]. В БС 1588/89 числились братья кн. Фёдор и Семён (Ветчина) Семёновичи (550 ч.). Первый из них был, вероятно, дворянином

[1] В писцовых материалах 1590-х гг. рязанское землевладение не упоминается.

[2] *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 1. С. 159–160; *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 124–127; *Сергеев А.В.* Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI – начале XVII в… С. 79–80, 164, 215–216. Не путать с полным тёзкой, служившим по Коломне. Рязанец обозначается в разрядах как «Ярославский» (доказывается сопоставлением РК и помет в БС напротив его имени, а также данными надгробных надписей: *Калайдович К.Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. С. 34).

[3] *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 1. С. 240; *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 71–72; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 165. Л. 39об.–46об.

[4] ТКДТ. С. 128. *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 115–116.

московским в составе особого «Двора»[1], но затем, как и представители рязанских родов, вернулся в «выбор». В 1589/90 г. он был отставлен от службы, и одновременно в рубрику с тем же окладом был вписан его старший сын, новик Семён Фёдорович[2]. Младший сын, кн. Афанасий, со второй половины 1590-х гг. числился жильцом, а накануне Смуты был включён в рязанский «выбор» (с окладом 400 ч.)[3]. Что касается кн. Семёна Семёновича, у него за досмутный период не изменился ни чин, ни оклад.

Некоторые княжеские фамилии могли приобрести землевладение в Рязанском уезде, по-видимому, ещё до опричных переселений. Кн. **Волконские**, выходцы из черниговской ветви, несли в середине XVI в. службу по южным уездам (Тула, Козельск). В поручной записи марта 1565 г. двое представителей рода – братья кн. С.М. и И.М. Волконские записаны как «рязанцы»[4]. Впоследствии кн. Волконские были представлены в рязанском «выборе» кн. Фёдором Ивановичем Митениным и кн. Михаилом Петровичем по прозвищу Жмурка (оба по БС 1588/89 с окладом 550 ч.). Момент их появления в крае неясен. Первый скончался, вероятно, в начале 1590-х гг.[5], второй в последний раз упоминается в 1604 г., оба оставили сыновей. В досмутный период в источниках фигурируют кн. И.Ф. и В.Ф. Волконские, которые в 1596 г. были новиками по дворовому списку[6].

В рязанском «выборе» досмутного периода единственный раз (в 1585 г.) появляется кн. Андрей Иванович **Дашков**, происходивший из смоленских

---

[1] РК 1605. Т. 2. Ч. 3. С. 451.
[2] БС 1588/89. С. 227–228.
[3] ПКРК. Вып. 1. С. 187; РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 32; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 37. В 1603/04 г. получил четверное жалованье как жилец, в БС 1602/03 вписан уже после составления списка. Кн. А.Ф. Гагарин упоминается в разряде свадьбы Магнуса (ДРВ. Ч. 13. С. 102), но вероятно, это другое лицо.
[4] *Антонов А.В.* Поручные записи 1527-1571 годов. С. 48–49. См. упоминание о землевладении кн. С.М. Волконского: РППК. С. 231.
[5] В писцовых материалах упоминаются его вдова и дети. В книге о роде кн. Волконских приводится биография другого представителя фамилии (*Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 25–26, 728, 779), который пережил Смуту. Найти в родословце рязанского землевладельца можно по именам детей, которые известны по писцовым книгам: Иван, Василий, Фёдор, Семён.
[6] *Лихачев Н.П.* Десятни новиков, поверстанных в 1596 году. С. 201.

княжат[1]. Отличие кн. Дашковых от других рязанских княжат заключается в наличии у них вотчинного землевладения на территории уезда, которое могло появиться ещё до опричнины (**2.3.3**). Возможно, на территорию Рязанского уезда кн. А.И. Дашков попал вместе с отцом И.Д. Дашковым, который в ТК числится по Клину, а в ДТ – среди «помещиков из Ярославля». В 1565–68 гг. И.Д. Дашков находился на южных службах (Шацк, Михайлов, Новосиль), после чего, как и ряд рязанцев, был казнён в связи с «делом» конюшего И.П. Фёдорова[2]. К моменту составления БС 1588/89 кн. А.И. Дашков, вероятно, скончался[3], оставив двух сыновей – Ивана и Петра. Они известны на службе уже в годы Смутного времени.

В Рязани оказались кн. **Мещерские** – выходцы из обширного рода, разбросанного к середине XVI в. по разным уездам[4]. Обстоятельства их появления в крае также остаются неясными. Выборным дворянином (550 ч.) в БС 1588/89 числился кн. Юрий Григорьевич – представитель ветви Боровитиновых-Мещерских из Боровска[5]. Согласно выписке из Поместного приказа, в

---

[1] БС 1585. С. 65; *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 108–109; *Плешакова В.В., Порубай П.Н.* Синодик Спасо-Преображенского монастыря г. Рязани // Вышенский паломник. 1998. № 1. С. 85.

[2] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 333, 532; ТКДТ. С. 75, 123. РК 1605. Т. 2. Ч. 2. С. 179, 191, 211, 212, 230 (в Михайлове находился вместе с Г.С. Сидоровым) .

[3] Последний раз упоминается осенью 1588 г. (РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 121).

[4] По актам последних десятилетий независимости княжества известен кн. И.И. Мещерский, который, вероятно, являлся местным землевладельцем и в 1530-е гг. (АСЭИ. Т. 3. С. 389 [№ 368], 395 [№ 379]; ПРП РК. С. 30 [№ 19]). Возможно, к нему относится назначение головой на Рязань в 1537 г. (РК 1605. Т. 1. С. 267). Неясно, связан ли он как-то с кн. Мещерскими, которые появились в Рязанском уезде во второй половине XVI в. Родословцы кн. Мещерских содержат много несообразностей и явно неполны. См. о кн. Мещерских: *Дедук А.В.* К вопросу о политической принадлежности и статусе Мещеры в XIV – первой половине XV вв. // Studia historica europae orientalis. Вып. 6. Минск, 2014. С. 163–178; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 2. С. 15–26; *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 239–253; РРР. С. 187–190; *Сахаров И.В.* Мещерские // БРЭ. Электронная версия (2016). URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3350218 (дата обращения: 1.04.2021); *Смирнов М.И.* К родословной князей Мещерских // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1906. Вып. 4. С. 5–12; *Он же.* О князьях Мещерских XIII-XV вв. Рязань, 1904.

[5] В разрядах кн. Юрий Григорьевич не отделяется от своего тёзки из другой ветви, который находился на службе в 1530–60-х гг. (записан в ДТ по Можайску: ТКДТ. С. 184). Иван Григорьевич Боровитинов (старший брат рязанского переселенца?) числится в ТК и ДТ по Боровску, впервые получил разрядное назначение в 1549/50 г. (ТКДТ. С. 74, 173; РК 1605. Т. 1. С. 375). Вероятно, в это время кн. Юрий Григорьевич был ещё слишком молод. Его первая служба относится к 1578 г. (РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 46). Существет опасность спутать его также с Юрием Ивановичем Плишкой, поскольку отчество указывается далеко не во всех случаях.

несохранившемся «боярском списке» 1592/93 г. он был записан уже «с Москвы»[1]. В чине дворянинам московского кн. Ю.Г. Мещерский присутствует также в росписи войска 1604 г.[2]. Старший сын кн. Дмитрий в 1586/87 «не записан ни по какому городу», в БС 1588/89 – жилец, отставленный от службы, после чего оказался в рязанском «выборе» с окладом 400 ч.[3]. Младшего сына можно отождествить с Иваном Юрьевичем, который в БС 1588/89 был жильцом, а затем числился выборным по Коломне[4].

Таким образом, появление переселенцев стало не просто количественным пополнением рязанского «города» – оно привело к существенному обновлению родового состава местной служилой элиты. До 1560-х гг. рязанская верхушка за всего двумя исключениями (Г.Н. Ржевский и О.С. Лашинский) состояла из лиц, которые принадлежали к родам времён самостоятельности княжества. Теперь в рязанский «выбор» вошел целый ряд княжеских фамилий, представители которых получили высокие оклады. Различные стартовые позиции княжат определяли их дальнейшую карьеру. Если кн. *Гундоров*, *Приимков-* и *Лобановы-Ростовские* (и, вероятно, ещё ряд семейств) переходили в «московские» чины, то кн. *Дашков*, *Щетинин*, *Гагарины* и *Волконские* появляются в досмутный период только в составе «выбора». Связь со службой по Рязани сохранили также кн. *Мещерские*. Несмотря на переход кн. Ю.Г. Мещерского в «московский» список, его старший сын после пребывания в жильцах оказался среди выборных дворян. В рамках нашего исследования внимание будет сосредоточено на второй категории княжат – фамилиях, которые входили в состав рязанского служилого сообщества.

---

[1] АСЗ. Т. 4. С. 407 (№ 508). С этим не согласуется упоминание кн. Ю.Г. Мещерского в «выборе» списка, который датирован А.Л. Станиславским самым началом XVII в. (*Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 110, 358). Можно предполагать ошибку, поскольку его нет в рязанском «выборе» БС 1602/03, сохранившемся полностью.

[2] Роспись 1604. С. 369.

[3] АСЗ. Т. 4. С. 407 (№ 508); БС 1602/03. С. 268.

[4] БС 1588/89. С. 210; БС 1602/03. С. 276; Роспись 1604. С. 372. В БС 1610/11 он обозначен как «Боровитинов». По неясной причине он при этом не упомянут в выписках Поместного приказа 1590-х гг. вместе с отцом и братом. В конце XVI в. у него не было рязанского землевладения. Мог являться также сыном кн. Ю.М. Мещерского или кн. Ю.И. Мещерского (БС 1589/90. С. 331–332).

2.1.6. Рязанцы в «боярских списках»

К 80-м годам XVI в. окончательно сформировалась чиновно-статусная структура правящей элиты Московского государства. «Государев двор», состав которого систематически фиксировался в «боярских списках», подразделялся на «думные» и «московские» чины, а также выборное дворянство[1]. «Выбор» – наиболее многочисленная категория «государева двора» – являлся, по удачному выражению В.О. Ключевского, «связующим звеном между дворянством столичным и провинциальным»[2] (**2.4.3**). Появление этого чина институциализировало неравенство как внутри местных служилых объединений (только узкая прослойка лиц могла попасть в этот чин, в то время как остальные – нет), так и между ними (практика «выбора» была распространена на ограниченный круг городов)[3]. Выборные дворяне, с одной стороны, сохраняли связь со своими уездными сообществами и составляли в их рамках высшую и наиболее престижную чиновную страту, с другой – несли систематическую общегосударственную службу и могли продвигаться в «московские» чины. В настоящем разделе будут рассмотрены оба аспекта. Нас интересуют, во-первых, персональный и родовой состав рязанского «выбора», а также его структура в контексте локальных иерархий; во-вторых, возможности вхождения рязанцев в верхние слои правящей элиты в царствования Фёдора Ивановича и Бориса Годунова.

В распоряжении исследователя находятся два моментальных среза полного состава рязанского выборного дворянства. А.Л. Станиславским доказано, что БС 1588/89 и 1602/03 создавались с целью учёта всех членов «государева двора»[4];

---

[1] *Назаров В.Д.* Государев двор // БРЭ. Электронная версия (2018); URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3816418 (дата обращения: 1.04.2021); *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.).

[2] *Ключевский В.О.* Состав представительства на земских соборах древней Руси // Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. М., 1959. Т. 8. С. 325–326.

[3] См. об этой стороне проблемы: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 125–130; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 32–33.

[4] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 54, 58–59.

рязанский «выбор» сохранился в обоих списках без утрат. Большое значение имеют также самые ранние перечни, содержащие только частичный состав выборных – «земский» БС 1577 и БС 1585. Только они, среди прочего, дают информацию о том, что в рязанский «выбор» поначалу входили княжата, которые больше в этой чиновной группе не фигурировали. Меньше новой информации относительно персонального состава выборных дворян содержат перечни, относящиеся к промежутку между 1588/89 и 1602/03 гг. В них не обнаруживается представителей рязанских родов, которые не встречались бы в одном из двух полных БС[1]. Такие перечни позволяют более точно установить время зачисления в «выбор» новых лиц и, кроме того, показывают, что от списка к списку практически неизменным оставался порядок упоминания (иерархия) выборных дворян (приложение 4).

Таблица 2.7 – Сохранность разделов в БС 1588/89 и 1602/03

	1588/89	**1602/03**
Стольники	+	–
Стряпчие	+	–
Жильцы	+	+*
Дворяне	+	–
«Выбор» по Рязани	+	+

** – имеются утраты*

Несколько сложнее обстоит дело с «московскими» чинами (таблица 2.7). Первые систематические сведения об их составе содержат БС 1577 и список членов двора Фёдора Ивановича, оставшихся в Москве в 1585 г. Благодаря подлиннику БС 1585, введённому в научный оборот Ю.В. Анхимюком, известно, что Ф.М. и Ю.М. Булгаковы-Денисьевы сохранили чины московских дворян после ликвидации особого «Двора». Полный состав «московских» чинов досмутной эпохи зафиксирован только в одном источнике – БС 1588/89. В БС 1602/03 эта часть практически не сохранилась – кроме перечня невёрстанных жильцов, среди которых нет лиц рязанского происхождения. Восполнить

[1] Исключением является кн. И.Д. Велицкий, который вычеркнут в БС 1590/91 (с. 249) – вероятно, внесён по ошибке.

возникающий пробел отчасти позволяют, во-первых, «Утверждённая грамота» 1598 г. и близкий к ней БС 1598/99, во-вторых – «роспись войска» 1604 г.

Рязанский служилый «город» представлял собой совокупность восьми становых объединений, в рамках которых существовали чины дворовых и городовых детей боярских, но отсутствовал «выбор»[1]. Наиболее ранние сохранившиеся списки рязанских служилых людей (конец XVI – начало XVII в.) имеют единообразную структуру. Сначала под заголовками «Рязань» и «выбор» приводился список выборных дворян, затем – отдельные перечни детей боярских по станам[2]. Рязанский «выбор», таким образом, находился над системой становой службы. Наиболее тесно выборные дворяне были связаны с Окологородным станом, где концентрировалось поместное и вотчинное землевладение большинства представителей рязанской элиты (**2.4.1-4**)[3].

---

[1] На данную особенность рязанского служилого «города» обращал внимание ещё В.Н. Сторожев (*Сторожев В.Н.* Состав рязанского дворянства по десятням XVII века. Рязань, 1891. С. 8–9; *Он же.* Десятни XVI в. С. 306). Как заметил М.М. Бенцианов, становое деление было характерно для некоторых служилых «городов» на начальном этапе существования. Такая рубрикация обнаруживается, в частности, в Каширской десятне 1556 г., причём на дворовых детей боярских (как и на рязанский «выбор») она не распространялась (*Бенцианов М.М.* Каширская десятня 1556 г. и проблема формирования «служилого города». С. 106–107; *Он же.* Каширская десятня 1556 г.: к вопросу о становлении «служилого города» в Русском государстве // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. №1. С. 201–214; *Он же.* «Как бы службу нам устроити»: военно-организационные преобразования середины XVI в. // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 84). На аналогичную структуру указывает и заголовок нижегородской десятни 1569 г.: «Десятня, а в ней написаны дети боярские, *хто в котором стану живет*» (цит. по: *Он же.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 197–198). Впоследствии подобная организация службы сохранялась, помимо Рязани, только в Новгороде, где продолжали существовать «пятинные» объединения (*Петрухинцев Н.Н.* Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // Cahiers du monde russe. № 56/1. 2015. P. 152; *Смирнов Н.В.* Служилые города Русского государства в середине XVII века. Рязанский уезд // Novogardia. 2020. № 3 (7). С. 134). Происхождение и внутренняя логика организации «становой» службы нуждаются в специальном исследовании на материалах XVII в.

[2] См., напр., распоряжение 1586 г. отправить «голову з детьми боярскими Каменсково стану» (РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 93) и росписи рязанцев по шести станам при назначении в Царёв-Борисов (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1. Л. 85–86, 90–91). Список станов со своими служебными организациями: Каменский, Кобыльский, Окологородный, Перевитский, Пехлецкий, Пониский, Ростиславский, Старорязанский. Среди них не был представлен наименьший по площади Моржевский стан.

[3] Рязанские выборные могли быть связаны с Окологородным станом отчасти и в служебном отношении, однако для определённых суждений здесь недостаточно данных. Например, С.М. Чевкин в ряжской десятне 1597 г. указан как служилый человек Окологородного стана (*Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 394), а по БС конца 1580-х гг. он являлся выборным

Рассмотрим ***структуру*** и состав «выбора». Сопоставление БС 1588/89 и 1602/03 позволяет установить, что численность рязанского выборного дворянства оставалась стабильной: в перечнях приведены имена 37 и 36 человек соответственно. Рязань относилась к группе городов с относительно крупным «выбором», однако его удельный вес в масштабах всего рязанского сообщества являлся при этом небольшим. На протяжении XVI–XVII вв. рязанский служилый «город» был одним из наиболее многочисленных во всём Московском государстве. По росписи войска 1604 г. рязанцев (считая владычных детей боярских) было 1399 чел.[1] – следовательно, «выбор» составлял менее 2,6% общего количества местных служилых «по отечеству».

Для рязанского «выбора» в БС 1588/89 характерно преобладание высоких окладов: более половины служилых людей находится в рубриках 550–700 ч. Основываясь на том, что порядок записи в БС, как правило, выдерживался без изменений, можно предполагать, что 1577 г. количество лиц с высокими окладами было ещё более значительным (таблица 2.8). «Выбор» в 1570–80-е гг. возглавляли рязанцы, которые начали службу в середине века: М.Н. Глебов, В.Я. и А.Я. Измайловы, И.А. Кобяков, О.С. Лашинский, Н.Г. Ржевский, а также княжата Лобановы- и Приимковы-Ростовские (последние вскоре пожалованы в «московские» чины).

дворянином (до времени составления БС 1602/03 не дожил или был отставлен от службы). П.П. Ляпунов, выборный дворянин по БС 1602/03, в 1597 г. был окладчиком Окологородного стана (Там же. С. 368, 393).

[1] В росписи учтено большинство дворян и детей боярских рязанского «города», но не все: часть служилых людей осталась в составе гарнизонов своего края и не вошла в состав царского войска.

Таблица 2.8 – Выборные дворяне в БС 1577 и БС 1588/89 (фрагмент)

БС 1577	БС 1588/89
	[700] О.С. Лашинский
М.Н. Глебов Кн. Ф., В., С. М. Лобановы-Ростовские И.А. Кобяков **Н.Г. Ржевский**	*[600]* **Н.Г. Ржевский** И.Т. Кобяков Ю.И. Кобяков
В., А. **Я. Измайловы** кн. В.Р. Приимков-Ростовский	*[550]* **В.Я. Измайлов** **<…>**

Сопоставление БС 1588/89 и 1602/03 позволяет проанализировать динамику рязанского «выбора» (таблица 2.9). При практически неизменной численности персональный состав за это время обновился почти на две трети (только 13 чел. присутствуют в обоих перечнях). Из 24 новых выборных дворян семь происходили из фамилий, представители которых не были известны в этом чине в 1570–90-х гг. (Г.П., З.П. и П.П. Ляпуновы, Г.В. и С.Г. Коробьины, И.В. Сергеев-Левашов, Г.Ф. Сунбулов), остальные имели родственников в БС 1588/89. Шестеро ранее упоминаются среди жильцов (кн. А.Ф. Гагарин, кн. Д.Ю. Мещерский, Игн. А. Измайлов, Ф.И. Измайлов, Ф.В. Измайлов, Г.Н. Ржевский).

Таблица 2.9 – Оклады рязанского «выбора» по БС 1588/89 и 1602/03

	1588/89	**1602/03**
700	1	(1)[1]
600	3	2
550	18	6
500	–	5
450	5	2
400	9	11
350	–	3
300	–	3
250	1	3
всего	**37**	**36**

[1] В БС 1602/03 по составу вписан «Иван Иванов сын Дмитреев» с пометой «с 794-х чети». Подобным образом в список включались не вёрстанные землёй и жалованьем служилые люди, продолжавшие служить с отцовских владений. В 1590-е гг. И.И. Дмитриев располагал в Рязанском уезде только вотчинной землёй (**2.3.2**).

Только в четырёх случаях у служилых людей, остававшихся в «выборе» на всём протяжении данного периода, были повышены оклады (Ф.Ю. Булгаков – с 400 до 500 ч., П.И. Петров – с 400 до 550 ч., А.Н. и И.Н. Ржевский – с 450 до 500 ч.)[1]. Трансформация структуры окладов в сторону их более равномерного распределения обусловлена тем, что большинство новых лиц зачислялось в рубрики 250–450 ч. Заметное исключение составляют братья Г.П., З.П. и П.П. Ляпуновы, а также И.В. Биркин, которые впервые упоминаются в «выборе» начала XVII в. сразу с окладами 500–600 ч.

Материалов, сохранившихся от XVI в., недостаточно для систематического исследования ***практики зачисления*** в «выбор» и назначения окладов. По заключению А.П. Павлова, основная часть выборных дворян попадала в этот чин, минуя службу в дворовом, и тем более – в городовом списке[2]. В отдельных случаях при отставке отца молодой наследник сразу получал не только его чиновный статус, но и высокий оклад[3]. Изучение траекторий рязанских служилых людей конца XVI – начала XVII в. позволяет в то же время выявить ряд ситуаций, когда такого автоматического замещения в «выборе» не происходило, и новое поколение начинало службу по дворовому списку[4]. При определении величины оклада в стандартном случае учитывались позиции родственников. В «выборе» нередко оказывались целые семейные группы (отец и сыновья, родные братья), в рамках которых иерархия окладов соответствовала логике старшинства. Такой

[1] Отметим также случай И.Т. Кобякова, умершего в 1600 г.: его оклад был повышен на 50 ч. относительно 1590 г. (АСЗ. Т. 2. С. 188 [№ 201]). Только у П.И. Петрова момент увеличения оклада удаётся установить с относительно высокой точностью (до трёх лет).

[2] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 124–125.

[3] Например, сразу после отставки кн. Ф.С. Гагарина в ту же рубрику (550 ч.) был зачислен его сын, «новик» кн. С.Ф. Гагарин. Вероятно, молодыми людьми были Ю.И. Кобяков (БС 1588/89) и И.В. Биркин (БС 1602/03), получившие высокие оклады вскоре после отставки отцов.

[4] Кн. И.Ф. и В.Ф. Волконские в 1596 г. были зачислены в дворовые дети боярские (*Лихачев Н.П.* Десятни новиков, поверстанных в 1596 году. С. 201). Г.В. Коробьин известен на службе уже в 1570-е гг. (РК 1605. Т. 2. С. 369), но появился только в БС 1602/03. В.К. Вердеревский в 1598 г. находился в числе елецких станичных голов, абсолютное большинство которых не входили в «выбор» (РГАДА. Ф. 188. № 34. Л. 774–776; **2.2.4**), но в 1602/03 также числился в БС. Г.И. Кобяков к моменту смерти отца в 1600 г. находился на службе, но в «выбор» зачислен не был и получил оклад лишь 300 ч. (АСЗ. Т. 2. С. 188 [№ 201]).

порядок, однако, с течением времени мог нарушаться даже между двоюродными родственниками[1].

Если о поместных окладах рязанских выборных дворян досмутного периода полную информацию содержат БС, то относительно денежного жалованья сохранились лишь фрагментарные сведения. В 1603/04 деньги из Галицкой четверти получали П.(И.) Петров (20 р.), И.П. Биркин (15 р.), А.(И.) Петров (15 р.), С.М. Чевкин (12 р.)[2], Г.Н. Ржевский (12 р.), В.А. Измайлов (10 р.), кн. Д.Ю. Мещерский (10 р.), кн. А.Ф. Гагарин (жилец, 10 р.), Ю.В. Вердеревский (8 р.)[3]. Обратим внимание, что в четь были «пущены» Петровы и Биркины, возвысившиеся в период существования особого «Двора».

Таблица 2.10 – Состав рязанской элиты в последней четверти XVI – начале XVII в.

Рязанские роды из верхушки ДТ	Новые роды к середине XVI в.	Рязанские роды из ДТ: «дворовое» возвышение	Княжата	Нетитулованные переселенцы
Булгаковы-Денисьевы Вердеревские Глебовы Дмитриевы Измайловы Кобяковы Коробьины Сунбуловы Чевкины	Ржевские Лашинский	Биркины Ляпуновы[4] Петровы	Волконские Гагарины Гундоров Дашков Лобановы-Рост. Мещерские Приимков-Рост. Щетинины	Кикины[5] Сергеев-Левашов
9	**2**	**3**	**8**	**2** (или 1)

Проанализируем ***фамильный состав*** рязанского выборного дворянства (таблица 2.10). Всего на протяжении последней четверти XVI – начала XVII в. в рязанском «выборе» известны 69 служилых людей из **23** родов. Из них **14** фамилий числились на службе по Рязани ещё в середине века, т.е. присутствуют в соответствующих разделах ДТ и (или) ТК (Биркины, Булгаковы-Денисьевы, Вердеревские, Глебовы, Дмитриевы, Измайловы, Кобяковы, Коробьины, Лашинские, Ляпуновы, Сунбуловы, Петровы, Ржевские [только ТК], Чевкины) и **8**

[1] Например, в БС 1602/03 И.В. Биркин имел больший оклад, чем старший двоюродный брат И.П. Биркин (соответственно 500 и 400 ч.). Такое различие обусловлено логикой службы их отцов.
[2] В БС 1602/03 отсутствует.
[3] *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 15, 19, 20, 24, 28, 31, 37.
[4] Момент попадания в «выбор» неясен.
[5] Принадлежность к «выбору» предположительна.

относятся к княжеским (кн. Волконские, Гагарины, Гундоров, Дашков, Лобановы-Ростовские, Мещерские, Приимков-Ростовский, Щетинины). Один рязанский выборный принадлежал к нетитулованному роду, ранее не известному в Рязани (И.В. Сергеев-Левашов). По поводу присутствия в «выборе» Кикиных нет полной уверенности.

Обратимся к первой из обозначенных категорий – ***фамилиям, которые присутствуют в рязанском разделе ДТ и (или) ТК***. Используем условное разделение ДТ на родовые группы, которое было предложено ранее (таблица 2.1). Сопоставление показывает, что в «выбор» включались, прежде всего, представители тех родов, которые находились в верхней части рязанской рубрики ДТ (№ 1, 2, 4, 6, 7, 9–13). Мы уже отмечали, что именно эти семейства в предшествующий период занимали привилегированное (по сравнению с другими рязанцами) положение на московской службе. Большинство из них вели свое происхождение от боярской элиты Великого княжества Рязанского. Выходцами из других регионов были только О.С. Лашинский (занимал высокую позицию в ДТ) и Н.Г. Ржевский с сыновьями (включён в ТК наряду с наиболее видными представителями рязанской верхушки).

Два рязанских семейства имели относительно низкий статус в иерархии ДТ, но возвысились благодаря исключительному продвижению в особом «Дворе» – приближённые Ивана IV Петровы (№ 22) и Биркины (№ 35). Мы рассматривали каждую из этих фамилий ранее (**2.1.4**). В рязанском «выборе» оказались лица, которые сделали успешную столичную карьеру, но были возвращены в уезд после ликвидации «Двора». На протяжении последней четверти XVI – начала XVII в. в чин выборных дворян продолжали зачисляться и новые представители данных фамилий. Отметим, что старшие однородцы Петровых – Леонтьевы – также служили по «выбору» в Кашире. Что касается Биркиных, исключительной была как их «дворовая» карьера, так и попадание в круг рязанской верхушки вместе с наиболее видными местными кланами.

Следующими после Биркиных в ДТ записаны **Ляпуновы**[1] (№ 36), загадка возвышения которых остаётся неразрешённой. Роль, которую Ляпуновы играли в последующей судьбе рязанского сообщества, делает необходимым подробное рассмотрение раннего этапа истории этой фамилии. Относительно происхождения Ляпуновых существуют несколько версий, ни одна из которых не может считаться вполне доказанной[2]. В ДТ по Рязани записаны «Иев да Петрок Ляпуновы дети Ильина», причём такое старшинство удостоверяется и актом 1560/61 г., где они выступают в качестве послухов[3]. Иев Ляпунов в 1556/57 г. был рязанским губным старостой и на иных службах не фигурирует[4]. Пётр (ум. 1587)[5] известен по разрядам в 1570-х и первой половине 1580-х гг.: он был станичным головой на «Поле», осадным головой в Чебоксарах, Данкове и затем, по некоторым данным, казачьим головой в Ряжске[6]. В 1575 г. в источниках впервые

[1] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 418; *Он же.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. С. 419; *Лихачев Н.П.* Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900. С. 11–12; *Назаров В.Д.* Ляпунов // БРЭ. Электронная версия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2163536 (дата обращения: 01.04.2021); *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 232; *Kleimola A.M*. Genealogy and Identity among the Riazan' Elite. P. 290–291.

[2] Как неоднократно отмечено в историографии, попытка приписать род Ляпуновых к галицким Рюриковичам, сделанная в конце XVII в., была плодом наивного творчества и не выдерживает критики. Не менее сомнителен рассказ «Бархатной книги» об отъезде одного из Ляпуновых в Рязань при последнем великом князе Иване Ивановиче (*Лихачев Н.П.* Государев родословец и Бархатная книга. С. 11–12). В «местническом справочнике» XVII в. фигурирует идея о происхождении Ляпуновых-Ильиных от послужильца «Ляпунки Дементьева сына Ильина» (*Татищев Ю.В.* Местнический справочник XVII в. С. 65). Наиболее правдоподобную версию предложил В.Д. Назаров, который обратил внимание на боярина рязанского владыки Михаила Ильина как возможного предка Ляпуновых (*Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 218).

[3] АСЗ. Т. 3. С. 410 (№ 493). На старшинство обратил внимание В.Н. Козляков: *Козляков В.Н.* Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова. С. 134. Старшинство ветвей ещё в 30-е гг. XVII в. было спорным (см. местническое дело, в котором Ульян Семёнович утверждал, что он «от большего брата пошёл» относительно Василия Григорьевича: ДР. Т. 2. С. 196–197).

[4] ДР. Т. 1. Стб. 986–988.

[5] *Федоров А.Ф.* Материалы к истории с. Исад, Спасского уезда, Рязанской губернии. Бывшей вотчины бояр Ляпуновых. С. 5, 11. Поскольку П.С. Ляпунов скончался до до времени составления «полного» БС 1588/89, невозможно узнать, включался ли он в «выбор».

[6] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 15, 32, 63; АМГ. Т. 1. С. 31 (№ 19) (1576); ДР. Т. 2. Стб. 821–822. Логично заключение В.Д. Назарова, что П.С. Ляпунов едва ли принимал участие в московских событиях весны 1584 г., т.к. находился на юге (*Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 219). Отметим, что первое упоминание о его службе относится к 1572 г., когда он был определён «беречи до государева

упоминается его старший сын Александр, который на тот момент уже некоторое время находился на службе (с окладом 350 ч.). Ему по распоряжению разрядного дьяка А.В. Шерефединова, свояка Биркиных, прибавили небольшой участок поместной земли[1]. Второе (и последнее по времени) упоминание об Александре встречается в «деле о вымученной купчей» 1584 г., в котором он выступил проводником махинаций А.В. Шерефединова[2]. Из тех же материалов известно, что Пётр Ляпунов «с детьми и племянники» имел связи в «рязанском клане» особого «Двора» (**2.3.6**). Второй сын, Григорий, в январе 1582 г. упоминается в составе сопровождения литовских послов[3]. Существенно, что все остальные лица, которым адресована соответствующая «память», являлись по БС 1588/89 выборными дворянами (причём Г.П. Ляпунов указан третьим по старшинству из шести). П.П. Ляпунов в 1583 г. был одним из голов при сборе рязанцев для казанского похода[4]. Весной 1584 г. Ляпуновы – вероятно, Александр и кто-то из его братьев – приняли участие в московских волнениях (**2.3.6**). В БС 1588/89 Ляпуновы отсутствуют и начинают упоминаться в разрядах только в начале 1590-х гг.[5]. Такое положение дел может быть обусловлено ссылкой членов рода, о которой прямо сообщает «Новый летописец»[6]. На наш взгляд, уже в 1580-е гг. по крайней мере старшие из братьев могли иметь чины выборных дворян.

В БС 1602/03 г. сразу трое Ляпуновых появляются в рязанском «выборе» с весьма высокими окладами (которые также косвенно указывают на то, что братья могли попасть в эту чиновную группу значительно раньше) в соответствии с семейным старшинством: 600 (Григорий), 550 (Прокопий) и 500 (Захарий) ч. По

указу» «деревни и починки» кн. И.Ф. Мстиславского в Епифани (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1587). Считать Петра Ляпунова фигурой «не регионального, а российского масштаба» (*Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 50) – необоснованно.

[1] АСЗ. Т. 1. С. 111–112 (№ 144).

[2] АСЗ. Т. 4. С. 365–383 (№ 497).

[3] АСЗ. Т. 4. С. 66 (№ 85); *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 3. С. 107.

[4] *Анхимюк Ю.В.* Росписи Казанского зимнего похода... С. 188. Другими головами были «рязанцы» кн. С.С. Гагарин (выборный дворянин по БС 1588/89) и Д.Г. Колтовский (в «выборе» не известен).

[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 85, 112; РК 1559–1605. С. 301–302, 349, 351; РК 1550–1636. Т. 2. С. 83; РК 1598–1638. С. 124–125; *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 368, 393.

[6] НЛ. С. 35–36.

предположению В.Д. Назарова, Григорий мог начать службу по «московскому» списку: в сентябре 1602 г. он был прислан в Тверь «к [датскому – *И.К.*] королевичу с малой государевой конюшни с государевыми лошадьми с оргамаки»[1]. На наш взгляд, оснований для такого заключения недостаточно. Перемены должны были найти отражение в действовавшем в тот момент БС, а подобную службу могли выполнять и выборные дворяне. Отметим, кроме того, что в конце 1590-х гг. Прокопий Ляпунов упоминается как окладчик рязанского «центрального» Окологородного стана, что показывает его авторитет в местном сообществе[2].

Рассмотренные отрывочные известия о служебных путях Ляпуновых позволяют лишь высказать предположение, что их выдвижение в ряды «выбора» могло быть связано, как и у Биркиных, с особым «Двором» второй половины 1570-х – начала 1580-х гг. Возвышение имело узкосемейный характер: потомки Иева Ляпунова (вероятно, старшего из братьев) не включались в рязанский «выбор»[3].

Итак, состав старых (числившихся в ДТ и ТК) рязанских фамилий, представленных в «выборе» конца XVI – начала XVII в., оказался, за редкими исключениями, преемственным с элитой предшествующей эпохи. К девяти местным родам, которые занимали верхние позиции в иерархии ДТ и большей частью имели «боярское» происхождение, добавилось два видных клана из других регионов, появившихся в Рязани не позднее 1550-х гг. (Ржевские, Лашинские), а также три семейства из нижней части ДТ, возвышение которых могло быть связано с особым «Двором» (Петровы, Биркины, Ляпуновы).

Рассмотрим более подробно соотношение «выбора» и рязанской рубрики ДТ. Практически все рязанские выборные дворяне из старых местных родов либо

---

[1] *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 219; РК 1605. Т. 4. Ч. 2. С. 15.

[2] *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 368, 393.

[3] Семён Иевлевич был «голова в Андреевской вотчине Клешнина в Печерниках, переменяясь [с] Спиридоном Колеминым» (ДР. Т. 2. Стб. 822; РК 1598–1638. С. 173). Меньшой Иевлевич упоминается в одной разрядной записи с Григорием, но на менее значимой службе (станичный голова) – вероятно, среди дворовых детей боярских (РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 85). В одном из актов он перечислен среди «детей боярских» (АСЗ. Т. 3. С. 294 [№ 359]).

сами ранее числились в ДТ, либо являлись прямыми потомками служилых людей из этого документа (за четырьмя исключениями)[1]. Поскольку ДТ включала максимально широкий круг лиц из избранных родов, пригодных к службе на 1550-е гг., такое наблюдение само по себе тривиально. Однако обратим внимание на ситуации, когда выходцы из родов рязанской элиты по каким-то причинам не попали в ДТ. Несколько таких случаев позволяют с осторожностью предполагать, что невключение в ДТ в дальнейшем становилось препятствием и для попадания в «выбор»[2]. Например, из Коробьиных в БС досмутного времени были зачислены только потомки Василия (Меньшого) – Гавриил с сыновьями, в то время как другие представители рода остались вне «выбора». В частности, ни в чине выборного дворянина, ни по разрядам не известен сын Василия (Большого) (по каким-то причинам не попавшего в ДТ) Фёдор Васильевич, который приходился Гавриилу старшим двоюродным братом[3].

При обратном сравнении выясняется, что не все лица, представленные в верхней части ДТ, имели потомков в «выборе»[4]. В ряде случаев это объясняется

---

[1] Г.Ф. Сунбулов, В.М. Вердеревский – двоюродный и родной племянники лиц из ДТ; Г.Г. Вердеревский – брат; И.Ф. Измайлов – генеалогическое положение неясно.

[2] Как в ДТ, так и в БС отсутствуют Исак Михайлович Вердеревский и его потомки. Согласно родословцам, эта ветвь являлась средней (Исак старше Григория, сыновья которого включены в ДТ и БС). Возможно, однако, что на самом деле ветвь была младшей, а искажение связано с тем, что линия Григория Михайловича пресеклась, и в конце XVII в. потомки Исака решили при составлении родословия повысить свой статус.

В БС не вошли потомки Я.Ф. Сунбулова, который не включён в ДТ (подробнее см. далее в тексте). Ещё три случая предположительны из-за расхождений или неточностей родословцев. Если принять один из вариантов родословия Петровых-Соловых, в ДТ и «выбор» не попали самые младшие члены рода – Михаил Петров и его сын Тимофей Михайлович (был рязанским губным старостой начале XVII в.). Родословие Таптыковых также изобилует ошибками. Согласно этому документу, вне ДТ оказалась линия Семена Фёдоровича Таптыкова, старшего брата включённого в ДТ Андрея (Каркадыма). У Кобяковых в «выбор» не попали потомки И. Подъюсова (отсутствует в ДТ), брат которого числился в ДТ и умер бездетным. Такие случаи могут быть обусловлены как случайным стечением обстоятельств (отсутствием лиц, пригодных к службе), так и исходным невключением в ДТ.

[3] РППК. С. 146. Василий (Большой) нёс «разрядные» службы, но погиб до составления первого сохранившегося БС (РРР. С. 156). См. также: А.Г. Коробьин среди дворовых детей боярских (*Лихачев Н.П.* Десятни новиков, поверстанных в 1596 году. С. 241).

[4] Присутствуют в ДТ, но не представлены в БС по причине выбытия со службы и отсутствия потомков: В.В. Дмитриев-Фёдоров, старшие Булгаковы-Денисьевы, С.С. Сунбулов, Т. Подъюсов-Кобяков (есть племянник, который не попал в «выбор»), И.Г. Кобяков, Ш.В. Кобяков, Б.С. Глебов, К.Г. Вердеревский (есть племянник, который зачислен в «выбор»), Б.С. Коробьин, Б. Каркадымов-Таптыков. Оставили сыновей, которые по каким-то причинам не

общей тенденцией к понижению статуса младших ветвей. Уже в ДТ некоторые из них записывались обособленно от старших линий и на более низких позициях (например, Апраксины-Вердеревские). С дальнейшим разветвлением рязанских родов такая иерархизация охватывала все более широкий круг фамилий. Отсутствие возможности попасть в «выбор» для некоторых представителей старых местных кланов, среди которых были потомки бояр бывшего княжества – один из важных показателей этого процесса. В чине выборных дворян не появляются потомки Г.П. Денисьева, записанного в ДТ сразу после Булгаковых-Денисьевых (№ 3)[1]. В «выбор» не попадали Сумниковы-Измайловы (№ 5), один из которых значится в ДТ вслед за Измайловыми, а также Селивановы (№ 15) – младшие (согласно ДТ) однородцы Коробьиных.

Приоритет принципа старшинства при зачислении в «выбор» ясно прослеживается на примере Сунбуловых. После казни Ф.М. и С.М. Сунбуловых в 1576 г. единственным представителем старшей ветви (потомков Ф.Ф. Сунбулова) остался Григорий Фёдорович. В то время он был совсем молод и не вошёл в БС 1588/89 г. Впервые он упоминается в качестве выборного дворянина только в 1602/03 с небольшим окладом (350 ч.). За весь этот период в «выбор» не были зачислены представители младших ветвей рода – вероятно, они служили по дворовому списку[2].

Можно предполагать, что аналогичная логика стоит за отсутствием в рязанском «выборе» конца XVI – начала XVII в. Таптыковых. В ДТ числятся представители ветви Каркадымовых – Анисим (Булгак) и Иван (Темеш) (с сыном Афанасием)[3]. Судя по характеру служб, старший из братьев был выборным

попали в БС: Т. Сумников-Измайлов, Ю.А. Чевкин, М.Ф. (и его сын А.М.) Сунбуловы, И.Ф. Сунбулов, Г.И. Коробьин, И.Г. Коробьин, И. Каркадымов-Таптыков, И.С. Ляпунов.

[1] По разрядам известен осадный голова А.Г. Денисьев (РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 58, 67–68). Он мог быть сыном Григория Петровича Денисьева, однако в одном из местнических дел назван братом Фёдора Матвеевича Булгакова-Денисьева и племянником Булгака Денисьева (РИС. Т. 2. С. 164). Эти свидетельства не позволяют уверенно указать его место в генеалогии рода.

[2] Например, в конце XVI в. по ПКРК известен Павел Андреевич Сунбулов, внук включённого в ДТ М.Ф. Сунбулова. См. также: «В Пронску осадная голова Петр Санбулов [sic – *И.К.*]. И Петр отпущон, а велено *быть з городом на службе*; а на его место Михайло Казначеев» (РК 1638. С. 149).

[3] Не путать с Афанасием, сыном Ивана (Травки) (РРР. С. 198).

дворянином, однако он скончался в 1575/76 г. Ни один из их сыновей не дожил до взрослого возраста: «От Анисима и от Ивана род не пошёл»[1]. Младшая ветвь рязанских Таптыковых (потомки Ивана Травки) в «выбор» до Смуты также не включалась (**3.3.5**). При этом Таптыковы, служившие по другим уездам, были выборными дворянами[2].

Итак, в некоторых случаях представительство старых рязанских родов в БС было по сравнению с ДТ ограниченным. Такое сужение круга лиц, которые могли претендовать на получение чина выборных дворян, характерно не для всех фамилий. Весьма разросшийся род Вердеревских был представлен в ДТ тремя представителями старшей ветви (Н.С., М.В., Я.И. Вердеревские) и одним – младшей (К.Г. Вердеревский)[3]. Все выходцы из старшей ветви в дальнейшем попали в «выбор»: сначала сыновья (Г.М., В.Н., Р.Я. Вердеревские), затем – внуки (П.Г., Р.Я., Ю. и Г.В. Вердеревские) служилых людей из ДТ. Из младшей ветви в БС вошли брат (Г.Г. Вердеревский в 1580-е гг.) и племянник (В.М. Вередеревский в 1602/03 г.) К.Г. Вердеревского, записанного в ДТ новиком[4]. Несколько менее широким было представительство в «выборе» Кобяковых, из которых в этот чин по каким-то причинам не включались Подъюсовы-Кобяковы[5]. В то же время, в БС попадали представители сразу трёх семейств, которые находились уже в троюродном (и более дальнем) родстве: Г.П., И.А. (с сыном Ю.И.) и И.Ф. Кобяковы. Следовательно, члены нескольких ветвей одновременно могли

[1] ПРП РК. С. 53 (№ 41); РРР. С. 197.
[2] БС 1588/89. С. 197.
[3] Возможно, эта ветвь была средней (см. комментарий ранее).
[4] Сын самого Василия (Кушника) Григорьевича Вердеревского Михаил к началу XVII в. был, вероятно, ещё слишком молод для службы. Племянник Василия (Кушника) Василий Михайлович (Кудашев) (в БС 1602/03 оклад 400 ч.) не упоминается в родословцах. У него было два брата: Семён (в 1599. Оклад 300 ч.) и Григорий (ум. ранее 1599 г.) (АСЗ. Т. 3. С. 51–52 [№ 66]). Исходя из логики наследования земли можно предполагать, что именно Семён являлся старшим. Возможно, он также зачислялся в «выбор» и умер до 1602/03 г. У Гура Григорьевича Вердеревского, зачисленного в БС брата Василия (Кушника), мужского потомства не было.
[5] Тимофей Васильевич (Подъюсов), числящийся в ДТ раньше других представителей рода, не известен по родословцам и, по-видимому, потомства не оставил. Его брат Иван и племянник по каким-то причинам в «выбор» не вошли.

претендовать на зачисление в «выбор» – вероятно, это обусловлено активностью рода на службе[1].

Ввиду недостатка источниковых данных (в частности, неполноты родословцев и отсутствия информации о возрасте и готовности к службе) не всегда возможно с уверенностью объяснить различие чиновных и служебных траекторий конкретных фамилий или ветвей внутри одной фамилии. Не вызывает сомнений, однако, ключевой тезис: динамика «выбора» определялась логикой семейного наследования и внутриродового старшинства. Для выборных дворян из старых рязанских фамилий характерна высокая степень семейной преемственности с лицами, представленными в ДТ. Однако круг семейств, которые имели возможность попасть в «выбор», относительно ДТ сужался. Разрастание рязанских родов (в том числе боярских) приводило к захуданию некоторых ветвей (прежде всего, младших). Невозможность попадания в «выбор» закрепляла и формализовывала это неравенство. Здесь действовал сложный комплекс взаимообусловленных факторов. Кроме внутриродового старшинства, при формировании круга выборных дворян имела значение и выслуга. Как известно по материалам XVII в., в «выбор» писали «сыскивая по родству и *которые государеву службу служат давно*»[2].

Необходимым условием служебного успеха являлась благоприятная демографическая ситуация внутри конкретной семьи. За последнюю четверть XVI в. два рода рязанской элиты пресеклись. В «выборе» 1577 г. числится М.Н. Глебов, напротив имени которого стоит помета «на Сосне взят в полон 85-го»[3]. Он больше не упоминается в разрядах и, по-видимому, не оставил мужского

[1] В следующем поколении, однако, Кобяковы начинали службу в дворовом списке. См., напр., случай Григория Ивановича Кобякова, не попавшего в БС: АСЗ. Т. 2. С. 187–188 (№ 201).
[2] Цит. по: *Козляков В.Н.* Источники о новичном верстании в первой половине XVII века. С. 95. См.: *Маркевич А.Л.* История местничества в московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888. С. 165.
[3] БС 1577. С. 196; РК 1605. Т. 2. Ч. 2. С. 413; АМГ. Т. 1. С. 38 (№ 55).

потомства[1]. О.С. Лашинский в последний раз упоминается в БС 1590/91 с пометой «стар, болен»; его сыновья также не известны[2].

Вторую группу рязанских выборных дворян составляют ***выходцы из родов, которые не фигурируют в ДТ и ТК по Рязани***. Прежде всего, это представители восьми княжеских фамилий, траектории которых подробно рассмотрены нами в предыдущем разделе **(2.1.5**). Удельный вес выходцев из княжеских фамилий в рязанском «выборе» был особенно велик в первые послеопричные десятилетия. В дальнейшем он неуклонно снижался: в БС 1588/89 «княжат» семеро, в БС 1602/03 – пятеро. За годы опричнины на территории Рязанского уезда появилось множество других титулованных и нетитулованных землевладельцев, но подавляющее большинство из них оказались недостаточно родовитыми для вхождения в «выбор». Единственным известным исключением стал Иван Васильевич **Сергеев-Левашов**, который впервые упоминается в БС 1602/03 с окладом 450 ч. Он происходил из старшей ветви рода тверских бояр, попавших в годы опричнины в опалу; в ДТ был записан по Твери вместе с братьями[3]. Следовательно, к началу XVII в. он находился уже в преклонном возрасте, при этом имел средний оклад (450 ч.). Поскольку И.В. Сергеев-Левашов не упоминается в БС 1588/89, можно предполагать, что тогда он нёс службу ещё по дворовому списку. Среди рязанских помещиков появились и другие представители Левашовых, но они происходили из младших ветвей рода и в «выбор» не попадали.

Приведённым набором фамилий исчерпывается состав рязанского «выбора», известный по БС последней четверти XVI – начала XVII в.

---

[1] В конце 1590-х гг. упоминается только его вдова: ПКРК. Вып. 1. С. 39.

[2] БС 1590/91. С. 249. В писцовых материалах упоминается «Ортюшка» Лашинский – вероятно, он же (РППК. С. 16).

[3] ТКДТ. С. 196; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 406–407; *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. С. 134; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 266; *Кузьмин А.В., Пятнов А.П.* Левашовы // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2018); URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3841328 (дата обращения: 1.04.2021); *Он же.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Ч. 1. С. 270–304.

Дополнительные сведения позволяет получить родословная роспись **Кикиных**, в которой указывается, что «Иван Андреевич … из Вязьмы переведен на Рязань, *и служил на Рязани по выбору* и был в Данкове товарищем Ивану Васильевичу Шереметеву»[1]. И.А. Кикин записан среди «лучших слуг» по Вязьме, но в сохранившихся разрядах не упоминается[2]. Его старший сын Фёдор в 1564/65 участвовал в крымском посольстве, в 1594/95 г. с ним неудачно местничал З.П. Ляпунов. Затем он был назначен головой в Шацк – обычная служба для рязанского выборного дворянина[3]. Можно предполагать, что к моменту составления БС 1602/03 Фёдор уже скончался. Младший сын И.А. Кикина Семён в 1590-е гг. фигурирует среди станичных голов на Ельце – вероятно, он был дворовым сыном боярским[4]. Оклады каждого из братьев составляли 500 ч. Известно, что у Фёдора имелись поместья в Каширском уезде[5]. «Кикины», обозначаемые «Новым летописцем» как «рязанцы», упоминаются в связи с выступлением 1584 г. (**2.1.6**)[6]. Возможно, именно по причине последовавшей опалы никто из них, как и в случае Ляпуновых, не попал в БС 1588/89 г.

Итак, рязанский «выбор» последней четверти XVI – начала XVII в. объединял лиц различного происхождения и родового статуса. Внутри рязанской верхушки сохранялась значительная дифференциация, которую можно выявить по косвенным признакам. Прежде всего, как уже отмечалось, некоторые фамилии выборных сохраняли связи со службой по менее престижному дворовому списку. Дети одних дворян сразу зачислялись в «выбор» (напр., кн. А.Ф. Гагарин) или жильцы (об этом речь пойдёт ниже), других – сначала становились дворовыми и только со временем переходили в выборный чин (напр., кн. И.Ф. и

[1] Родословная роспись рода Кикиных. С. 3.
[2] ТКДТ. С. 78. Служба с И.В.(?) Шереметевым в Данкове имеющимися разрядами не отмечена, но может быть датирована периодом между 1568 и 1577 гг. Возможно, к моменту составления БС 1602/03 Иван уже скончался.
[3] Родословная роспись рода Кикиных. С. 4; РК 1559–1605. С. 301–302; РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 118.
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 85.
[5] РППК. С. 12–14.
[6] НЛ. С. 35–36.

Ф.Ф. Волконские, Г.И. Кобяков)[1]. Как показывает случай Ляпуновых, по разным спискам могли служить и двоюродные братья.

Кроме того, для рязанских выборных дворян характерны различные уровни и частота «разрядных» служб (**2.2**). Особняком стоят полковые и городовые воеводства, на которые назначался лишь узкий круг лиц: из старой рязанской элиты – Измайловы, Булгаковы-Денисьевы и И.А. Кобяков, из княжат – кн. М.П. Волконский, С.С. Гагарин, А.И. Дашков. Однако и среди рязанцев, занимавших позиции второго плана, заметны значимые градации. Целый ряд выборных дворян получали ежегодные «именные» назначения (прежде всего, головами при воеводах) на протяжении многих лет, в то время как некоторые лишь эпизодически появлялись в разрядах и оказывались при этом на менее значимых должностях. Например, Чевкины на протяжении последней четверти XVI – начала XVII в. известны лишь как осадные, стрелецкие или засечные головы, а также губные старосты. Станичным головой (эту должность обычно занимали дворовые дети боярские: **2.2.4**) назначался З.П. Ляпунов. Столь же низкие по статусу службы выполнял выборный дворянин Г.В. Коробьин, который впоследствии характеризовался как «человек неродословный, *бывал в засечных головах и в станишных*»[2].

Каким было положение представителей рязанской элиты ***в иерархии «государева двора»*** последней четверти XVI – начала XVII в.? Подавляющее большинство из них на протяжении всей службы находились среди выборных дворян и не могли претендовать на получение «московских» чинов (таблица 2.11). Исключение из этой закономерности составляют, во-первых, некоторые княжата. Мы уже указывали на то, что часть из них уже в 1580-е гг. навсегда покинула местный «выбор» и в дальнейшем, оставив за собой рязанское землевладение, обосновались в столице. Однако некоторые фамилии сохраняли устойчивую связь со службой «по Рязани». Кн. Д.Ю. Мещерский был зачислен в московские дворяне (не позднее 1592/93 г.), но его сын после пребывания в жильцах оказался

[1] *Лихачев Н.П.* Десятни новиков, поверстанных в 1596 году. С. 241.
[2] ДР. Т. 1. Стб. 991.

рязанским выборным дворянином. Такой же была траектория кн. А.Ф. Гагарина, сына рязанского выборного Ф.С. Гагарина (**2.1.5**).

Таблица 2.11 – Чиновные траектории рязанской элиты в 1588–1604 гг.

Только в «выборе»		**Появляются вне «выбора»**[1]
Биркины	Лашинский	Булгаковы-Денисьевы
Вердеревские	Ляпуновы	Измайловы
кн. Волконские	Петровы	Ржевские
Глебов	Сергеев-Левашов	кн. Гагарины
кн. Дашков	Сунбулов	кн. Мещерские
Дмитриевы	Чевкины	
Кобяковы	кн. Щетинины	
Коробьины		

Во-вторых, в «московские» чины попадали представители отдельных нетитулованных родов рязанской верхушки. В 1585 г. в качестве московских дворян упоминаются Ф.М. и Ю.М. Булгаковы-Денисьевы – при этом их сыновья, как упоминалось, провели весь досмутный период в рязанском «выборе». В БС 1588/89 среди жильцов фигурирует Г.Н. Ржевский – младший сын Н.Г. Ржевского[2]; впоследствии он был зачислен в выборные дворяне.

Таблица 2.12 – Измайловы в БС 1577–1604

Представитель рода	Раздел и датировка БС
Василий Яковлевич Измайлов	выбор (1577) выбор, 550 (1588/89, 1590/91, нач. 1590-х)
Григорий Васильевич Измайлов	жилец (1588/89, 1598/99) выбор, 400 (1602/03)
Фёдор Васильевич Измайлов	жилец (1588/89, 1598/99) выбор, служит от отца (1598/99, 1604)
Андрей Яковлевич Измайлов	выбор (1577) на Земском дворе (вычеркнут) (1588/89)[3] дворянин (1588/89, 1598, 1598/99)
Игнатий Андреевич Измайлов	жилец (1588/89) выбор (1598/99) выбор, 400 (1602/03)
Василий Андреевич Измайлов	жилец (1588/89, 1598)
Фёдор Иванович Измайлов[4]	жилец (1588/89) выбор, 350 (1602/03, 1604)
Иван Фёдорович Измайлов[5]	жилец (1588/89)

[1] Учтены только те фамилии, представители которых появлялись также и в «выборе» по Рязани в 1588–1604 гг.

[2] См. также: Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 1105–1115; РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 143.

[3] См. также: РИС. Т. 2. С. 161.

[4] Отсутствует в родословных росписях.

[5] Отсутствует в родословных росписях и рязанском «выборе», а также в писцовых материалах 1590-х гг.

Прокофий Хрисанфович Булгаков-Измайлов[1]	жилец (1602/03)
Василий Петрович Измайлов	дворянин (особый «Двор») дворянин (1588/89, 1589/90)
Иван Васильевич Измайлов	стольник / стряпчий (особый «Двор») выбор, 550 (1588/89, нач. 1590-х)
Артемий Васильевич Измайлов	выбор, 400 (1588/89, 1589/90, нач. 1590-х, 1598/99, нач. 1600-х, 1602/03)
Семен Васильевич Измайлов	выбор, 400 (1588/89, 1589/90, нач. 1590-х)
Тимофей Васильевич Измайлов	жилец (1598) жилец (1604)
Никита Васильевич Измайлов	жилец (1598) жилец, 400; в стряпчих на Москве (1604)
Иван Васильевич Измайлов	жилец, 400 (1604)

Наиболее выдающимися были служебные достижения Измайловых (таблица 2.12). Напомним, что в предшествующий период представители этого рода состояли как в особом «Дворе» (московский дворянин В.П. Измайлов и его сын стольник / стряпчий Иван из младшей ветви), так и в земщине (выборные дворяне В.Я. и А.Я. Измайловы из старшей ветви), причём «земская» часть фамилии породнилась с Годуновыми. В объединённом «государевом дворе» второй половины 1580-х гг. В.П. Измайлов сохранил чин московского дворянина, а его старшие сыновья И.В., А.В. и С.В. Измайловы оказались в «выборе». Карьеры представителей земской ветви сложились различно: А.Я. Измайлов был пожалован в московские дворяне и некоторое время состоял судьёй Земского приказа[2], в то время как его старший брат В.Я. Измайлов продолжал находиться в чине в выборного дворянина.

Сыновья Измайловых из старшей ветви в конце 1580-х гг. начинали службу в жильцах и впоследствии вернулись в рязанский «выбор» (Г.В. и Ф.В., И.А. и В.А. Яковлевы-Измайловы). В чин жильцов зачислялись в дальнейшем и младшие сыновья В.П. Измайлова (Т.В., Н.В. и И.В. Измайловы). Один из них – Н.В. Измайлов – в 1604 г. был пожалован в стряпчие[3]. В отличие от стольников, стряпчие рекрутировались из представителей второстепенных родов[4].

[1] Отсутствует в родословных росписях.
[2] *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 187–227.
[3] Роспись 1604. С. 373.
[4] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 112.

Необходимо отметить, кроме того, присутствие в «московском» списке Ф.И. и И.Ф. Измайловых (1588/89) и П.Х. Булгакова-Измайлова (1602/03). Генеалогическое положение этих лиц не вполне ясно.

Едва ли случайно, что из всех рязанских кланов именно Измайловы и Ржевские зачислялись в жильцы. Получение этого чина предполагало продолжительное пребывание при дворе в отрыве от своего сообщества. По материалам последующей эпохи известно, что связь рода со столичной службой являлась важным фактором комплектования данной чиновной группы[1]. Измайловы, как неоднократно подчёркивалось, имели давнюю традицию московской службы. Н.Г. Ржевский также выделялся среди других рязанцев тем, что зачислялся в состав тысячников (**2.1.3**). Известно, кроме того, что в 1584 г. он выступал в качестве одного из судей Владимирского судного приказа по делу, в котором участвовали многие рязанцы (**2.1.6**)[2].

Итак, представители лишь нескольких рязанских фамилий могли рассчитывать на службу «по Москве» в период после 1584 г. В отношении этой дифференциации местной верхушки показательна «Утверждённая грамота» 1598 г.[3] По заключению С.П. Мордовиной, на Земском соборе присутствовала «преимущественно самая привилегированная часть столичного дворянства»: поголовно мобилизованные дворяне московские, «наиболее видные» жильцы и «лучшая часть выборных дворян, находившихся в период собора на службе в столице»[4]. Рязанское представительство полностью подтверждает этот вывод. Шестеро рязанцев, принимавших участие в соборе, происходили из рода Измайловых, один – из Ржевских (таблица 2.13).

---

[1] *Назаров В.Д.* О структуре Государева двора в середине XVI в. (жильцы в 1550-е гг.) // Зубовские чтения. М., 2008. С. 21; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 117–119; *Он же.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. СПб., 2006. С. 342–343; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 125–128.

[2] АСЗ. Т. 4. С. 365–370 (№ 497).

[3] По списку, опубликованному в статье: *Мордовина С.П.* К истории утвержденной грамоты 1598 г.

[4] *Мордовина С.П.* Характер дворянского представительства на Земском соборе. 1598 г. С. 62.

Таблица 2.13 – Рязанцы в «Утверждённой грамоте» 1598 г.

Дворяне	Жильцы	Выбор
А.Я. Измайлов	В.А. Измайлов Т.В. Измайлов Н.В. Измайлов	А.В. Измайлов И.А. Измайлов Г.Н. Ржевский

Для конца XVI – начала XVII в. отсутствует полный список «московских» чинов. Попытаемся реконструировать рязанское «представительство» в верхней прослойке «государева двора» последних лет царствования Бориса Годунова. К этому моменту сошли со сцены представители старшего поколения ключевых рязанских фамилий – Булгаковых-Денисьевых[1], Дмитриевых[2] и Измайловых[3]. Из Измайловых в «московских» чинах к началу Смуты оставались лишь жильцы В.А., П.Х., Т.В. и И.В. Измайловы, а также стряпчий Н.В. Измайлов; все остальные числились среди выборных дворян. Такой же статус имели Ржевские и Ф.Ю. Булгаков-Денисьев – выходцы из других двух родов, которые могли потенциально оказаться в столичной части «государева двора». Таким образом, количество рязанцев вне «выбора» в этот момент было небольшим, и только дальнейшая служба представителей нового поколения могла обеспечить выдвижение в круг столичной элиты. Как показывает опыт предшествующего

[1] Последние упоминания о службе Ф.М. и Ю.М. Булгаковых-Денисьевых, а также представителей следующего поколения Петра, Дмитрия и Ивана (ум. 1578) относятся к концу 1570 – началу 1590-х гг. Из членов рода мужского пола среди рязанских землевладельцев во второй половине 1590-х гг. оставался только Ю.М. Булгаков (см., напр.: ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 36).

[2] Ю.В. и И.В. Дмитриевы перестают упоминаться в 1590-е гг., причём Ю.В. Дмитриев фигурирует среди рязанских землевладельцев во второй половине 1590-х гг. В синодике указано, что он погиб насильственной смертью («убиеннаго Георгиа»: *Плешакова В.В., Порубай П.Н.* Синодик Спасо-Преображенского монастыря г. Рязани // Вышенский паломник. 1997. № 4. С. 83), но прямых данных об этом нет; после него остались только дочери. В писцовых материалах числятся И.И. и Ф.И. Дмитриевы. Старший сын был к 1602/03 г. зачислен в «выбор», а младший, вероятно, вскоре умер.

[3] В.П., В.Я. и А.Я. Измайловы упоминаются разрядами последний раз в 1598 г. (РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 50, 55; РК 1598. С. 541; РК 1598–1638. С. 65), причём относительно В.Я. Измайлова достоверно известно, что он вскоре скончался (РИС. Т. 2. С. 174), а В.П. Измайлов отсутствует уже в перечне земского собора 1598 г., в котором участвовало большинство московских дворян. А.Я. Измайлов участвовал в соборе и поставил подпись под «Утверждённой грамотой» (ААЭ. Т. 2. С. 44, 50), затем был включён в БС 1598/99 (С. 253), но более на службах не фигурировал. Старший сын В.П. Измайлова Иван погиб в 1594 г., третий сын Семён не упоминается после начала 1590-х гг. (РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 81; Роспись 1604. С. 413).

периода, пределом такого возвышения для членов рязанской верхушки мог быть, в наиболее удачном случае, чин дворянина московского.

Подведём итоги. Родовой состав высшей чиновной группы рязанского «города» – выборного дворянства – в последней четверти XVI – начала XVII в. сохранял значительную преемственность с предшествующей эпохой. В «выборе» преобладали представители традиционной местной верхушки – боярских фамилий бывшего княжества. Выходцы из этих родов и ранее систематически привлекались к «разрядным» службам, занимая верхние позиции в иерархии ДТ. Однако былая гомогенность и замкнутость рязанской элиты ушла в прошлое. Во-первых, успешные «дворовые» карьеры позволили войти в «выбор» нескольким кланам, которые имели относительно низкий родовой статус. Во-вторых, значительный вклад в размывание рязанской верхушки внесли переселённые в годы опричнины «княжата». К началу XVII в. рязанский «выбор» представлял собой смешанную группу служилых людей, различных по своему происхождению – при этом сохранялось устойчивое ядро представителей боярских фамилий бывшего княжества.

Чиновные траектории рязанцев в царствования Фёдора Ивановича и Бориса Годунова составляют значительный контраст с ситуацией, имевшей место в конце правления Ивана IV. В объединённом «государевом дворе» абсолютное большинство рязанских выборных дворян не могли претендовать на продвижение в «московские» чины. Наиболее тесные связи со столичной службой установили Измайловы, систематически начинавшие службу в жильцах. Однако только один представитель нового поколения этого рода был произведён в стряпчие, в то время как остальные после пребывания в Москве были зачислены в рязанский «выбор». За единичными исключениями, представители рязанской элиты встретили начало Смуты в низшем чине «государева двора».

2.1.7. Местнические конфликты с участием рязанцев

Представители рязанских фамилий относительно поздно выступили на местнической арене Московского государства: первые споры с их участием

фиксируются только в 1580-е гг.[1]. Практика местничества не была новой для местной верхушки, поскольку существовала и во времена независимости княжества (**1.2**). Позднее включение рязанцев в пространство местнических отношений обусловлено не отсутствием такого опыта, но представлениями об их исходно низком родовом статусе.

Ни одна из рязанских боярских фамилий не была включена в «Государев родословец» – «основополагающий документ, к которому апеллировали стороны в местнических тяжбах»[2]. Н.П. Лихачёв считал, что такое положение вещей «случайно» и обусловлено субъективными обстоятельствами реформ 1550-х гг.[3]. Однако очевидная тенденция составителей «Государева родословца» к игнорированию региональной знати может объясняться и общей приниженностью статуса этой группы на московской службе[4]. Потомки рязанских бояр вошли лишь в «приписные» («по своему изволу») главы различных редакций, история которых остаётся на сегодняшний момент недостаточно исследованной[5].

Какими бы ни были причины отсутствия рязанских фамилий в главной родословной книге Московского государства, такая дискриминация имела однозначные практические последствия. Представителям даже самых видных местных семейств могли указать в местническом споре, что «родства в Государевых родословцах *не сыскали*»[6]. Рязанцы считались «неродословными» людьми, уделом которых была тяжба «по случаям» – служебному, а не родовому счёту. Как утверждал А.В. Измайлов в ходе одного из споров, «того он не ведает, родство их в государевых родословцах есть или нет, да только они по своему

---

[1] *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 124; *Kleimola A.M.* Genealogy and Identity among the Riazan' Elite. P. 300–301.

[2] *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 76. Как отмечал один из местников, «рязанские роды *все в государеве родословце не написаны*» (цит. по: Там же. С. 149).

[3] *Лихачев Н П.* «Государев родословец» и Бархатная книга. С. 14.

[4] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 11–12.

[5] *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 9–12;. *Лихачёв Н.П.* Государев родословец и Бархатная книга; *Хоруженко О.И.* Вопросы текстологии Румянцевской редакции родословных книг.

[6] РИС. Т. 2. С. 175, 212–213.

отечеству *больши розрядом*»[1]. При этом, как уже отмечалось, лишь немногие рязанские фамилии могли сослаться на значимые служебные назначения. Зато в распоряжении их оппонентов имелся обширный перечень «нечестных» служб (осадные, станичные и стоялые головы, губные старосты), которыми можно было «утягивать» рязанцев. Служба некоторых представителей родов местной элиты в «городовых» чинах ещё более осложняла ситуацию для их родственников. Так, Коробьиных, несмотря на их происхождение из рязанского боярства, на рубеже веков называли «детьми боярскими *городовыми*»[2]. Пространство для манёвра здесь оказывалось небольшим, и неудивительно, что рязанские служилые люди крайне редко выступали инициаторами местнических разбирательств против выходцев из других сообществ. Известны только шесть таких ситуаций (таблица 2.14) – совсем немного, если учитывать, что представители местных родов постоянно находились на подчинённых должностях.

Таблица 2.14 – Местнические конфликты с участием рязанцев в конце XVI – начале XVII в.[3]

Год	Стороны
1582[4]	А.Т. Крюков – **А.Я. Измайлов**
1582[5]	**А.Я. Измайлов** – кн. И.М. Елецкий
1586[6]	И.С. Мясной* – **В.Г. Биркин**
1588[7]	Ф.Г. Савин – **А.Я. Измайлов***
1589[8]	кн. И.А. Долгорукий – **кн. В.Г. Щетинин**
1590[9]	С.О. Безобразов – **А.Я. Измайлов**
1594/95[10]	**З.П. Ляпунов** – **Ф.И. Кикин***
1597/98[11]	С.Р. Алферьев* – **А.Я. Измайлов**
1598[12]	**В.Я. Измайлов** – И.О. Полев*
1599/1600[1]	**А.В. Измайлов** – И.О. Полев

[1] Цитирование и комментарий: *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 151.
[2] РИС. Т. 2. С. 176.
[3] По данным: *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр.
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 222–223.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 5–6.
[6] РК 1598. С. 368.
[7] РК 1598. С. 394.
[8] РК 1598. С. 402.
[9] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 167.
[10] РК 1559-1605. С. 301–302. Характеризуется как местническое предположительно.
[11] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 153. РИС. Т. 2. С. 169, 173–174, 209.
[12] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 48–49.

1600[2]	**кн. С.С. Гагарин*** – А.Р. Плещеев
1601[3]	кн. Ф.П. Барятинский* – **кн. С.С. Гагарин**
1602[4]	**И.Н. Ржевский** – С.В. Кузьмин*
1604[5]	**Г.Ф. Сунбулов*** – **А.В. Измайлов**
1604[6]	**кн. В.Г. Щетинин** – кн. Г.К. Волконский

** Звездочкой отмечен победитель; первым указывается истец; выделены рязанцы.*

Из 15 известных местнических случаев, в которых фигурируют рязанские служилые люди, восемь связано с Измайловыми. Такие статистические показатели не вызывают удивления, учитывая карьерные успехи этой фамилии в последней четверти XVI в. Особенно активно местничал А.Я. Измайлов, который, по выражению одного из оппонентов, «в разрядах переменился»[7]. Данная фраза, как предполагает А.П. Павлов, подразумевала служебно-местническое возвышение в результате породнения с Годуновыми[8]. Представители рода стали назначаться на полковые и городовые воеводства, а также на важные церемониальные службы, чего не происходило в предшествующий период (**2.2.6**). Такие назначения неизбежно провоцировали спорные и конфликтные ситуации.

Два наиболее ранних местнических столкновения с участием А.Я. Измайлова, произошедших в 1582 г., дают примечательные примеры аргументации. В первом споре истец А.Т. Крюков (однородец Вердеревских) использовал «правую грамоту» времён Великого княжества Рязанского. Инициатором второго разбирательства стал сам А.Я. Измайлов, который «бил челом, что велено быти в Казанском походе в большом полку князю Ивану Елецкому, Ондрею в передовом полку; и ему, Ондрею, меньши князь Ивана Елецково быть невмесно, потому что *преж сево Елецкие князи служили резанским*

[1] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 83–84; РК 1638. С. 70; РИС. Т. 2. С. 157–213.
[2] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 90; РК 1550–1636 гг. Т. 2. С. 177.
[3] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 125; РК 1638. С. 108–109.
[4] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 136.
[5] РК 1605. Т. 4. Ч. 2. С. 68.
[6] РК 1638. С. 163–164.
[7] РИС. Т. 2. С. 159.
[8] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 134 (прим. 69). Ср. иную интерпретацию: *Валуев Д.* Начала славянофильства. М., 2019. С. 169.

князем великим и бывали с прадедом ево и з дедом и с ыными резанскими бояры»[1]. А.М. Клеймола справедливо обращает внимание на «рязанскую ментальность», стоящую за таким стилем аргументации. За отсутствием в недавнем прошлом достаточного количества значимых «именных» служб представители местных фамилий апеллировали к истории Великого княжества Рязанского и былому статусу своих предков в этом локальном контексте[2].

Оппонентами А.Я. Измайлова становились столь же «неродословные» (с точки зрения московской знати) служилые люди, которые не были готовы занимать подчинённое по отношению к рязанцу положение. Так, в 1597 г. А.Я. Измайлов был направлен вторым воеводой в Чернигов. Согласно тому же разряду, в «черниговском пригороде» Монастырёвском находился С.Р. Алферьев, которому предписывалось «обсылаться» с обоими черниговскими воеводами. Этот род также отсутствовал в «Государевом родословце», и его представители не слишком ярко проявили себя на служебном поприще[3], однако такое назначение вызвало местнический протест С.Р. Алферьева. После разбирательства он был «разведён» с А.Я. Измайловым и подчинён только первому воеводе[4]. Мы уже обращали внимание на известие разрядов, согласно которому А.Я. Измайлова стремились «уберечь» от поражения в одном из местнических конфликтов[5]. Как видно из этого примера, даже самая продуманная «политика назначений» не могла спасти рязанца от претензий челобитчиков.

Весьма примечательный спор затеял выборный дворянин В.Я. Измайлов, в 1598 г. назначенный в Переяславль-Рязанский «в товарищи» к И.О. Полеву. Такая служба была типичной для рязанцев (**2.2.3**) и никогда ранее не вызывала у них местнических претензий – однако на этот раз В.Я. Измайлов отказался

---

[1] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 5–6. Дело «не сыскано» в 1630-е гг. (*Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 55).
[2] *Kleimola A.M.* Genealogy and Identity among the Riazan' Elite. P. 301.
[3] *Корзинин А.Л.* «Яз грамот не прочитаю, потому что яз грамот не умею» – к биографии опричника Романа Васильева сына Алферьева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №4 (46). С. 134–141; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 150.
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 153; РИС. Т. 2. С. 169, 173–174, 209.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 222–223.

присутствовать на «съезде» с воеводой. Полевы, происходившие из рода смоленских князей, на протяжении второй половины XVI в. занимали на служебной лестнице более высокую позицию. Незадолго до спора с В.Я. Измайловым И.О. Полев даже пытался местничать с окольничим М.Г. Салтыковым, но потерпел сокрушительное поражение[1]. В споре с В.Я. Измайловым он одержал победу, рязанец был вызван в Москву и через некоторое время там скончался[2]. Уже на следующий год И.О. Полев получил назначение в Михайлов, а в головы к нему определили А.В. Измайлова (представителя следующего поколения рода, сына В.П. Измайлова). А.В. Измайлов отказался признать старшинство И.О. Полева и инициировал новое разбирательство. Спор осталось «не вершен», сохранилось подлинное дело[3].

Такие местнические столкновения демонстрируют растущие претензии клана Измайловых в борьбе за более высокую, чем прежде, позицию. После служб на значимых воеводских местах обычные назначения на второстепенные должности в городах южной «украины» оказывались для них неприемлемыми. Отметим, кроме того, что Измайловы активно утверждали своё лидерство в рамках местной иерархии, настаивая на первенстве перед Денисьевыми («Денисьевым больши Измайловых быть не доведётся, Денисьевы меньши их родства Измайловых»)[4] и Сунбуловыми («Измайловы по … государевым грамотам и по своему отечеству больши … Сунбуловых»)[5]. Незадолго до Смуты, однако, Г.Ф. Сунбулов сумел получить на А.В. Измайлова невместную грамоту при назначении в рамках «рязанского разряда»[6].

Как показал Ю.М. Эскин, в досмутный период немногие провинциальные семейства смогли выдвинуться настолько, чтобы войти в консервативное

[1] РК 1638. С. 19.
[2] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 48–49.
[3] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 83–84; РК 1598–1604. С. 70; РИС. Т. 2. С. 157–213; РК 1598–1638. С. 73; Тамбовская губернская ученая архивная комиссия. С. 23. См. описание: *Эскин Ю.М.* Описание подлинных местнических дел. С. 34–35.
[4] РИС. Т. 2. С. 171.
[5] РИС. Т. 2. С. 176, 177
[6] РК 1605. Т. 4. Ч. 2. С. 68.

пространство местнических отношений[1]. Только наиболее видные выходцы из рязанских фамилий – прежде всего, Измайловы – в конце XVI – начале XVII в. вступили на этот путь, и в большинстве случаев не могли рассчитывать на успех.

***

Тезис С.И. Сметаниной, согласно которому ликвидация независимости княжества не сопровождалось значимыми переменами в составе и структуре верхнего слоя рязанских землевладельцев, нуждается сегодня лишь в незначительных коррективах. Во-первых, некоторые представители ключевых местных фамилий оказались к середине XVI в. приписаны к соседним уездам и постепенно утратили связь с регионом происхождения. Во-вторых, не оставалось полностью закрытым и само рязанское сообщество, в верхушку которого были включены новые фигуры – О.С. Лашинский и Н.Г. Ржевский. На протяжении почти полувека после присоединения Рязани местную элиту, за этими двумя исключениями, составляли выходцы из первостепенных фамилий бывшего княжества. В отличие от остальных служилых людей рязанского «города», представители данных семейств получали систематические «разрядные» назначения; зачислялись в государев полк; могли претендовать на кормления. Именно эти фамилии занимали верхние позиции в рязанской рубрике ДТ; в последней четверти XVI – начале XVII в. из них комплектовалась основная часть местного выборного дворянства. Московское правительство, таким образом, последовательно сохраняло иерархию, сложившуюся в локальном сообществе в эпоху его независимого существования.

Гомогенность рязанской верхушки была нарушена во второй половине царствования Ивана IV. В ходе опричных переселений поместья в крае получили служилые люди из других уездов, и некоторые переселенцы в силу своего родового статуса могли претендовать на включение в состав «государева двора». Как следствие, местное выборное дворянство пополнилось целым рядом выходцев из княжеских фамилий. Кроме того, успешные «дворовые» карьеры

[1] О выдвижении новых родов см.: *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 124.

привели к включению в «выбор» семейств, которые находились в нижней части иерархии ДТ (Биркины, Петровы, и, возможно, Ляпуновы). К концу XVI – началу XVII в. рязанская элита являлась разнородной по своему составу, однако внутри этого объединения сохранилось прежнее ядро – восемь кланов, возводивших своё происхождение к боярству бывшего княжества.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод об относительно низком статусе рязанцев в иерархии правящей элиты Московского государства. К середине XVI в. устойчивую связь со столичной службой сумели установить только Булгаковы-Денисьевы – наиболее видный местный род. Однако и они, как показывает ТК, оставались лишь в низшей страте «государева двора». В последующие десятилетия представители рязанских фамилий выдвигались в столичные чины не в силу родового статуса, но только благодаря исключительным обстоятельствам. Так, Ш.В. Кобяков был обязан своим думным дворянством личным заслугам и царской воле. Стремительное возвышение рязанцев в особом «Дворе», где местнические нормы отошли на второй план, закончилось для большинства из них возвращением в «выбор». На рубеже веков в «московские» чины зачислялись некоторые рязанские княжата, а также Измайловы и Ржевские – однако ни один из этих родов не сумел в полной мере закрепиться в столице. К началу Смутного времени рязанское дворянство оставалось провинциальным, поскольку так и не получило регулярных возможностей для вхождения в верхние слои московской элиты.

2.2. Службы представителей рязанской элиты в XVI – начале XVII в.

Данный параграф посвящён служебным назначениям рязанской элиты период между присоединением княжества к Москве (1521) и началом Смутного времени (1605). Карьера типичного представителя служилой верхушки XVI в. представляла собой, по удачному выражению Т.И. Пашковой, «мозаику, сложенную из самых разных видов занятий» на всей территории Московского государства[1]. Центральное значение имеют две характеристики служб: география и иерархический статус. Изучение первого аспекта позволяет ответить на вопрос о том, в какой степени рязанская элита была вовлечена в общегосударственную систему назначений. В историографии, как отмечалось, сложился образ обособленной рязанской верхушки, замкнутой в территориальных рамках своей земли. Мы стремимся показать, что такой взгляд, основанный на выборочном использовании источниковых данных, нуждается в коррективах. Не менее важен второй аспект – уровень должностей, на которые могли претендовать рязанцы в условиях господства местнической системы. Исследование этого вопроса позволяет развить предположения относительно статуса рязанцев в иерархии общерусской правящей элиты, высказанные нами в предыдущем параграфе (**2.1**).

Предложенное здесь разделение на два хронологических промежутка (примерно равных) является условным. Оно подчинено целям удобства изложения и во многом определяется состоянием источниковой базы. При рассмотрении первого временно́го отрезка (1521–1560 гг.) ключевым является вопрос об изменениях, которые произошли в положении местной элиты после ликвидации самостоятельности княжества (**2.2.1**). Данные о назначениях за этот период являются фрагментарными. Главный источник – разрядные записи – не имели ещё в полной мере систематического характера[2]. Мы стремимся ввести в повествование все известные упоминания о службах, каждое из которых

[1] *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 26.

[2] *Буганов В.И.* Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце XV – первой половине XVII в. С. 7. См также: *Подчасов Н.А.* Система обороны южных границ России второй половины XVI в. в зеркале разрядных источников // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6 (51). С. 191–201.

представляет большу́ю ценность для характеристики положения рязанцев. Второй период (1560–1604 гг.) значительно лучше обеспечен источниковыми данными. Мы начинаем с обсуждения основных закономерностей и тенденций, характерных для назначений рязанских выборных дворян (**2.2.2**) и затем рассматриваем каждое из направлений их служб.

На середину – третью четверть XVI в. приходится целый ряд перемен, существенных в свете настоящего исследования. Произошла постепенная трансформация структуры управления Рязанским краем. В прошлое ушли наместники и «годующие» воеводы, и рязанские города (Переяславль-Рязанский, Михайлов, Пронск, Ряжск) стали элементами обширной системы «украинных» воеводств (**2.2.3**)[1]. Началось продвижение на территорию Дикого поля (далее – «Поле») – процесс, который напрямую затрагивал рязанское сообщество (**2.2.4**). На географии служб местной элиты отразились активизация на южном направлении внешней политики и освоение Сибири (**2.2.5**). Наконец, продолжительные военные кампании на западном и северо-западном пограничьях требовали мобилизации массы служилого населения. Логика привлечения рязанской элиты к дальним походам эпохи Ливонской войны составляет особый предмет нашего внимания (**2.2.6**).

Использование разрядных книг в качестве основного источника предполагает некоторые ограничения. Целью этих документов, как уже отмечалось, не являлась фиксация всех без исключения назначений: составителей интересовали главным образом службы, которые могли пригодиться в последующих местнических спорах. Привлечение других источников (боярские списки, летописи, актовый материал, посольская документация) позволяет получить новую информацию о местонахождении служилых людей, но эти данные не носят систематического характера. Следовательно, при анализе общих

[1] Одно из возможных обоснований выделения особого региона «южного фронтира» см. в работе: *Скобелкин О.В.* Южный фронтир России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. // Вестник ТГУ. 2013. №10 (126). С. 121–123.

тенденций необходим учёт искажений, которые могут быть внесены из-за характера источниковой базы (эта проблема обсуждается в **2.2.2**).

2.2.1. География служб элиты и управление Рязанью в 1520–1550-е гг.

Уже на следующий год после набега Мухаммеда-Гирея отмечена присылка нескольких воевод с Коломны «на Рязань»[1]. Со второй половины 1520-х гг. ***рязанские назначения*** начинают ежегодно (за редким исключением) фиксироваться в разрядах. Первая из таких записей относится к июлю 1526 г. и является показательной для логики дальнейших рязанских служб: «На Резани были воеводы князь Олександра Ондреевич Ростовской да Федор Юрьевич Щука Кутузов, да князь Осип Тимофеевич Тростенской, да Федор Денисьев. А каково будет дело – ино намеснику князю Александру Ростовскому быть в городе, а Щуке Кутузову и князю Осипу Тростенскому быть за городом, да с ними же быть за городом Федору Денисьеву»[2].

Ключевыми фигурами рязанской администрации второй четверти XVI в. являлись присланные из Москвы наместники. Переяславль-Рязанский относился к числу городов, которые управлялись представителями высшей знати (среди них были и члены Боярской думы)[3]. Кроме того, наместники продолжали назначаться в «рязанскую треть» – Перевитск. Не сохранилось источников, которые позволяли

---

[1] РК 1605. Т. 1. С. 184.

[2] РК 1605. Т. 1. С. 201–202; РК 1598. С. 70. Рязанские разряды за 1520–1550-е гг.: РК 1605. Т. 1. С. 201, 202, 205, 211, 216, 221, 222–223, 225, 228, 230 (только Зарайск), 231–232, 233, 240, 243, 245, 248, 259 (только Пронск), 264, 267 (также Пронск), 275, 277 (только Зарайск), 284, 290, 296-298 (также Зарайск), 315–316 (также Пронск, Зарайск), 319 (также Зарайск), 333–334**,** 336, 350, 353 (также Зарайск), 361–362 (также Зарайск и Пронск), 383, 386 (также Пронск, Зарайск), 388, 393–394 (также Пронск), 395–397, 401 (только Михайлов), 402 (также Зарайск), 404 (только Пронск), 406 (только Михайлов, Пронск, Зарайск), 407, 413 (также Михайлов, Пронск), 444 (только Михайлов, Пронск), 451 (только Зарайск), 454 (также Михайлов, Пронск), 456, 472 (только Михайлов, Пронск), 474 (только Зарайск), 484 (только Михайлов, Пронск), 495–496 (только Зарайск), 507 (только Михайлов, Пронск), 516 (только Михайлов, Пронск).
Разряд 7055 г. (РК 1605. Т. 1. С. 333–334) сомнителен и впоследствии оспаривался в ходе местничества (РИС. Т. 2. С. 192).

[3] *Назаров В.Д.* Кормление // БРЭ. М., 2010. Т. 15. С. 321–322; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 35. См. список рязанских наместников: Там же. С. 357–358. Разряды иногда игнорируют наместнический статус упоминаемых лиц, поэтому некоторые из «воевод» на Рязани могли являться также и наместниками (ср., напр., упоминания о кн. М.А. Трубецком как о воеводе и «наместнике рязанской трети»: РК 1605. Т. 1. С. 296; РИБ. Т. 2. С. 973 [№ 214]).

бы проанализировать их деятельность в качестве кормленщиков и администраторов[1]. Важнейшей функцией наместников, нашедшей отражение в разрядных книгах, являлась организация обороны края. В таком качестве наместник играл роль одного из военачальников (чаще всего – старшего) наряду с несколькими воеводами, не имевшими наместнического статуса. Как и в ряде других регионов, в Рязани существовала «гибкая система распределения воевод, в том числе и наместников, “за городом и в городе”»[2]. В частности, приведённый выше разряд предусматривает, что данное разделение становилось актуальным в случае начала активных боевых действий («а каково будет дело»). Кроме того, при угрозе набега на территории края великий князь «прибавлял воевод на Рязань», и здесь разворачивалась рать из нескольких полков (так было в 1531, 1540 и 1550 гг.)[3].

Итак, главные позиции в рязанской администрации получили представители старомосковской и княжеской знати. Какое место в сложившейся системе управления заняли выходцы из рязанских родов? Вместе с наместниками и воеводами «за городом» и «в городе» разряды часто упоминают имена от одного до четырёх служилых людей, которым предшествуют обороты «да с ним(и) же быть» или «с воеводами же»[4]. Иногда эти лица именуются в разрядных записях «товарищами» (воевод)[5] или «головами»[6]. Именно в таком качестве на

---

[1] Ср. наблюдения, сделанные Т.И. Пашковой при изучении других регионов: *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели.

[2] *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 90–91. См. также: *Зимин А.А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. С. 286. Воеводы «за городом» остаются неизученным феноменом. См. некоторые предположения: *Кирьянов И.А.* Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 17–19; *Чеченков П.В.* Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004. С. 56. О «гибкости» и условности этого распределения свидетельствует ряд случаев перехода лиц между группами «за городом» и «в городе» (см., напр., случай кн. Д.Д. Щепина: РК 1605. Т. 1. С. 308, 315).

[3] РК 1605. Т. 1. С. 221–222, 290, 297, 308,

[4] РК 1605. Т. 1. С. 201, 216, 221, 231, 264, 267.

[5] РК 1605. Т. 1. С. 225.

[6] РК 1605. Т. 1. С. 233, 239, 267, 275, 308. В одном случае они названы «осадными воеводами» (РК 1605. Т. 1. С. 361). Ср.: *Зимин А.А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. С. 286–287.

протяжении второй четверти XVI в. активно несли службу представители видных рязанских родов: В.Ф. Вердеревский (1530)[1], С.Ф. Вердеревский (1536)[2], Н.С. Глебов (1530, 1531, 1540)[3], В. Дмитриев-Федоров (1537, 1538, 1548, 1549)[4], Ф. Денисьевич (1526/27, 1534)[5], П. Денисьев (1531, 1532, 1536, 1537, 1540)[6], Ф. Булгаков-Денисьев (1529), Г.С. Зеленин (1536)[7], Я.Н. Измайлов (1540, 1544, 1549) [8], Г. Кобяков (1531, 1532)[9], П.И. Кобяков (1531, 1536, 1540)[10], И.Г. Коробьин (1531)[11], Г.В. Селиванов (1531)[12], Ю. Сунбулов (1537)[13], Ю.А. Чевкин (1537, 1538, 1541, 1544)[14]. Можно с уверенностью утверждать, что этот список неполон, поскольку многие разядные записи имеют краткую форму и содержат имена только наместников и воевод.

Занятие позиций рязанских голов не являлось прерогативой исключительно местных фамилий. На протяжении второй четверти XVI в. головами были также лица из других регионов, причём и в их назначениях ясно прослеживается семейно-родовой принцип[15]. Особенно часто в уезде появлялись Слизневы (в ДТ числятся по Дмитрову и Переславлю) и Жулебины (в ДТ по Ржеве, Ростову и Дмитрову)[16]. В свете нашей темы существенно, что представители рязанских родов всегда оказывались в конце перечня назначенных, т. е. имели наиболее низкий статус. Такая иерархия особенно хорошо заметна в случае развёртывания

[1] РК 1605. Т. 1. С. 216.
[2] РК 1605. Т. 1. С. 264.
[3] РК 1605. Т. 1. С. 216, 223, 225, 290.
[4] РК 1605. Т. 1. С. 267, 275, 353, 362.
[5] РК 1605. Т. 1. С 201-202, 245.
[6] РК 1605. Т. 1. С. 225, 231, 264, 267, 290.
[7] РК 1605. Т. 1. С. 264.
[8] РК 1605. Т. 1. С. 290, 315, 352.
[9] РК 1605. Т. 1. С. 225, 231. Вероятно, Григорий Дмитриевич Кобяков.
[10] РК 1605. Т. 1. С. 222–223, 225, 264, 290.
[11] РК 1605. Т. 1. С. 225. Вероятно, Иван Григорьевич Коробьин.
[12] РК 1605. Т. 1. С. 222–223, 225.
[13] РК 1605. Т. 1. С. 267. Вероятно, Юрий Фёдорович Сунбулов, упоминаемый только в родословном сборнике Шетневых (РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 468. Л. 208).
[14] РК 1605. Т. 1. С. 267, 275, 297, 315.
[15] С.И. Жулебин (7040, 7041), И.И. Жулебин (7045), В.И. Жулебин (7057), Я. Коверин (7045), М. Коверин (7045), И. Колтовский (7045), кн. И. Мещерский (7045) И.Б. Слизнев (7039, 7040, 7041, 7045, 7048, 7052, 7055, 7056, 7057), Л.Б. Слизнев (7040, 7041, 7042, 7045, 7048, 7052), Т.Б. Слизнев (7040, 7041, 7056), Т.И. Слизнев (7050, 7051), Г.А. Слизнев (7050, 7051).
[16] ТКДТ. С. 114, 128, 138, 142, 179.

рязанских ратей. Так, в 1531 г. воеводами трёх полков (сторожевого, левой и правой и руки) стали братья Т.Б., И.Б. и Л.Б. Слизневы, и рязанцам Г.В. Селиванову, Н.С. Глебову и П.И. Кобякову достались лишь позиции их «товарищей»[1]. В 1540 г. на Рязанщине стояли три полка, и в передовом Н.С. Глебов занимал второе место после С.И. Жулебина[2].

В сферу активной деятельности рязанских служилых людей входили также ***новопостроенные крепости*** на территории бывшего княжества – Зарайск (1531), Пронск (1536), Михайлов (1551), Ряжск (1557?). Их возведение связано с начавшимся продвижением к кромке «Поля»[3]. Эти центры постепенно включались в систему воеводских служб на южном пограничье, хотя во второй четверти – середине XVI в. назначения в них отмечались ещё не вполне регулярно. Как и в Переяславль-Рязанский, в эти небольшие крепости систематически посылались московские воеводы, однако в ряде случаев источники фиксируют присутствие там и представителей рязанской верхушки. Рассмотрим такие ситуации.

В 1541 г. Н.С. Глебов, которого летописи называют «воеводой градским», вместе с горожанами сражался «о посадех» Зарайска с татарами и разбил их[4]. Н.С. Глебов не упоминается в разрядах за этот год, но в 1540 г. он числился вторым в передовом полку развёрнутого «на Рязани» войска[5]. В сообщении летописца рязанец выступает по своим функциям как начальник гарнизона Зарайска[6]. В 1543 г. Н.С. Глебов назван среди голов войска, стоявшего «у Николы

---

[1] РК 1605. Т. 1. С. 221–223, 225.
[2] РК 1605. Т. 1. С. 290. Летом следующего года Н.С. Глебов пребывал в Зарайске.
[3] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 93–95.
[4] ПСРЛ. Т. 29. С. 40; Т. 13. С. 102, 138.
[5] РК 1605. Т. 1. С. 290.
[6] *Водарский Я.Е.* Зарайск: тайна рождения // Зарайск. Исторические реалии и легенды. Тула, 2002. Т. 1. С. 221; *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 82–83. Примечательно, что там существовала принадлежавшая Глебову «Назарьевская слободка» (ПКРК. Вып. 1. С. 158). См. также: *Максимова Л.И.* Формирование городской территории Зарайска в XVI-XVIII вв. // Зарайск. Исторические реалии и легенды. Т. 1. С. 17, 20–21.

Заразского»[1]. На протяжении рассматриваемого периода здесь нередко располагался передовой полк «украинной» рати.

В Пронске на следующий год после возведения городских укреплений, в 1537 г., находились Т.И. Слизнев и С.Ф. Вердеревский[2]. В 1541 г. случился татарский набег, и крепость отстояли «не с многими людьми» воеводы В.И. Жулебин и А.М. Кобяков[3]. В 1544 г. «в городе» пребывали годовщики Т. Сумников-Измайлов и М. Петров, а «за городом» – Т.И. Слизнев[4]; в 1549 г. «в городе» был Т. Петров, «за городом» – воеводы кн. Д.П. Охлябинин и А.М. Кобяков[5].

От 1550 г., когда Иван IV посещал Рязанский край, сохранилась указная грамота, адресованная в Пронск. До царского визита воеводами там были кн. М.В. Глинский и кн. П.Ф. Палецкий[6]. Затем они вошли в состав царского сопровождения[7], и вместо них в городе оказались Я.Н. Измайлов и М.Ф.(?) Сунбулов, которым и предназначалась грамота. Рязанцам полагалось передать «списки детей боярских рязанских» воеводе кн. А.М. Курбскому. С его появлением полномочия Я.Н. Измайлова прекращались, а М.Ф.(?) Сунбулову предписывалось отправиться «за город»[8]. Из этих распоряжений видно, что рязанские служилые люди действовали самостоятельно в промежутке между отъездом старых воевод и прибытием нового. В 1551 г., как следует из посольских книг, в Пронске находились Н.С. и Б.С. Глебовы[9], однако в разрядах отмечены

[1] РК 1605. Т. 1. С. 308, 316. Известия о зарайских воеводах и в дальнейшем вводятся (в отличие от других городов) предлогом «у». Здесь находилась единственная в Рязанской земле каменная крепость (*Акульшин П.В.* Города Рязанского края в XVI-XVIII веках: от крепостей к административным центрам // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV-XVIII веков. Тверь, 1999. С. 125).
[2] РК 1605. Т. 1. С. 267.
[3] ПСРЛ. Т. 13. С. 112; Т. 29. С. 139. Первого летопись называет «правнуком Остеевым», по поводу второго отмечает, что он рода «Рязанских бояр». По разрядам это назначение неизвестно. О набеге см.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 63.
[4] РК 1605. Т. 1. С. 315–316.
[5] РК 1605. Т. 1. С. 362.
[6] РК 1605. Т. 1. С. 386.
[7] РК 1605. Т. 1. С. 390.
[8] АСЗ. Т. 1. С. 74 (№ 95); РК 1605. Т. 1. С. 394.
[9] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. С. 51–52.

только московские воеводы[1]. В 1556 г. вторым после Ф.В. Шереметева указан Ш.В. Кобяков. Когда опасность крымского набега миновала, основные силы были распущены, и «*для малых людей*» в Пронске остался М.Ф.(?) Сунбулов. В 1557 г. при воеводе годовал Г.П. Денисьев. На следующий год на второй позиции в Пронске числится М.М. Булгаков-Денисьев, в 1560 г. – В.И. Коробьин[2].

В 1551 г. был основан Михайлов, и здесь также годовали рязанцы – И.М. Булгаков-Денисьев и С.Ф. Сунбулов[3]. В 1556 г. вторую позицию занимал М.М. Булгаков-Денисьев[4]. В 1557 г. при воеводе годовали С.Ф. Сунбулов (повторно) и И.А. Лысцов. На следующий год их сменили Ф.(?) Булгаков-Денисьев и Т. Сумников-Измайлов, причём в то же время в городе находились двое воевод[5]. В 1559 г. головой в Пронске был И.Г. Коробьин, в 1560 г. – М.Ф. Сунбулов, затем – И.Я. Измайлов[6].

Назначения в Ряжск фиксируются разрядами с 1558 г. Первую позицию тогда занимал Ю.А. Чевкин (не обозначен как воевода), при нём годовали рязанцы Н.С. Вердеревский и Г.А. Батурин[7]. В 1560 г. в Ряжск был назначен И.Г. Коробьин[8].

---

[1] РК 1605. Т. 1. С. 404.
[2] РК 1605. Т. 1. С. 515; Т. 2. С. 2, 5, 14, 23, 70, 75–76.
[3] РК 1605. Т. 1. С. 397. См.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 95.
[4] РК 1605. Т. 1. С. 516; Т. 2. С. 3, 5.
[5] РК 1605. Т. 2. С. 14, 23. С.Ф. Сунбулов, появившийся здесь повторно, был, согласно ДТ, «отставлен от дальней службы» (ТКДТ. С. 168).
[6] РК 1605. Т. 2. С. 44, 49, 67, 70, 75.
[7] РК 1605. Т. 2. С. 23, 37.
[8] РК 1605. Т. 2. С. 70. Соотношение Ряжска и на короткое время появляющегося в источниках «нового города на Пехлеце» остаётся не вполне ясным. Главные проблемы связаны с известиями 7065 и 7066 гг. В разряде 7065 г. указано: «В Новом же городе на Пехлеце *Брянском* Михайла Иванов сын Колычов … На Пехлице Ватман город делает Михайла Иванов сын Колычов» (РК 1598. С. 165). В другой редакции РК «Брянский» читается как «*Ряский* новый город на Пехлеце» (РК 1605. Т. 2. С. 13). В 7066 г. «в *Ряском* городе» указаны воеводы из числа рязанцев, их список приведён сразу после Пронска и Михайлова и перед Дедиловым (С. 23). Но уже следующее известие приводит «Ряский город» и «новый город на Пехлеце» как два *различных* объекта с воеводами в каждом из них (С. 37). Это противоречие снимается тем, что в другой редакции вместо «Пехлеца» читается «новый город *на Псле*» (РК 1598. С. 169). В упоминании этого города нет ничего удивительного, поскольку в дальнейшем он некоторое время включался в разрядную роспись укреплённых центров южного пограничья (см., напр.: с. 180). На наш взгляд, отождествление «нового города на Пехлеце» из разряда 7065 г. с Ряжском является убедительным.

Итак, рязанские служилые люди систематически получали назначения не только в Переяславль-Рязанский, но и в новопостроенные крепости на территории края. Такая служба иногда именуется в разрядах «годовой», т.е. временной посылкой в другой город для выполнения различных (не только военных) поручений[1]. В этих небольших центрах представители рязанской верхушки могли играть самостоятельную роль – в отличие от Переяславля-Рязанского, где на протяжении второй четверти XVI в. находились воеводы, присланные из Москвы. Однако повсеместно рязанцы имели возможность руководить лишь малыми силами местных детей боярских. Любое увеличение воинского контингента сопровождалось назначением более знатного воеводы, по отношению к которому выходцы из рязанских родов занимали второстепенную позицию.

Будучи в статусе голов, рязанцы выполняли в основном вспомогательные задачи. Такие служилые люди отправлялись с различными известиями и посылками от воевод[2]. Боевые подразделения, поручавшиеся самостоятельному руководству рязанцев, были немногочисленны. Например, 1535 г. наместник и

Такое решение, однако, не снимает вопроса о времени появления ряжского «города» (как коллектива детей боярских) и о том, был ли Ряжск поставлен впервые. Важные сведения по данному вопросу содержит челобитная ряшан 1648 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 30. Л. 261–264), на которую обратил внимание А.О. Никитин. Из данного источника следует, во-первых, что местное сообщество служилых людей существовало задолго до первого упоминания города: как минимум, во времена казанского взятия 1552 г. Во-вторых, упоминается, что местные дети боярские дважды «ставили» Ряжск (*Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 97–98; *Горбунов Б.В.* К вопросу о времени основания города Ряжска // Труды Рязанского исторического общества. Рязань, 1998. Вып. 2. С. 160–161; *Он же.* Еще раз к вопросу о том, когда основан Ряжск, и об уровне грамотности одного «краеведа» // Рязанские ведомости. 1999. 14 октября. С. 3; *Никитин А.О.* Когда основан Ряжск? Дискуссионная заметка об основании Ряжска // Рязанские ведомости. 1999. 26 августа. С. 3; *Он же*. О честности в полемике // Рязанские ведомости. 1999. 22 декабря. С.16, 21). Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 239; *Солодкин Я.Г.* «Годовая служба» в России XVI – начала XVII в.: происхождение и основные разновидности // Военно-юридический журнал. М., 2011. № 5. С. 24–26.

[2] См., напр.: ПСРЛ. Т. 29. С. 84 (Б.С. Глебов, находившийся ранее в Пронске, отправлен к царю в Коломну с отчётом о действиях местных воевод); Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. С. 242 (И.Я. Измайлов на встрече ногайских послов).

воеводы отправили И.В. Селиванова с отрядом из восьмидесяти детей боярских против ногаев[1].

Разраставшаяся сеть городов на ***южном пограничье*** постепенно обретала внутреннюю структуру. Логика службы теперь связывала рязанцев также с ключевыми центрами сосредоточения войск при татарских набегах – Коломной, Тулой и Серпуховом. Летом 1534 г. рязанский воевода кн. С.И. Пунков и находившийся при нём Ф.М. (Большой?) Булгаков-Денисьев сопровождали до Коломны ногайских послов[2]. В следующем году Ф.М. (Большой?) Булгаков-Денисьев упоминается в составе находившегося там войска[3]. В 1538 г. сразу несколько рязанцев (И. [Большой?] и Ф.М. [Большой?] Булгаковы-Денисьевы, Н.С. Глебов) состояли в передовом полку коломенской рати, находившемся у Ростиславля. Все они, в том числе Н.С. Глебов (который был уже немолодым человеком, но тем не менее получил такое назначение) являлись «головами для посылок»[4]. Летом 1556 г. значительная группа представителей рязанской элиты приняла участие в Серпуховском смотре «государева полка» (**2.1.1**)[5]. В росписи похода под Серпухов 1559 г. головами числились Ф.М. (Большой?) Булгаков-Денисьев и И.Т. Петров[6]. В 1560 г. «по крымским вестям» была собрана пятиполковая тульская рать, головами в которой числились В.И. Коробьин (из Пронска), И.Я.Измайлов (из Михайлова), И.Г. Коробьин (из Ряжска), также М.Н. Глебов, М.Ф.(?) Сунбулов и Т.В. Кобяков. После роспуска рати «во всяких делах» при воеводах остался Ш.В. Кобяков, остальные вернулись в места прежней службы[7].

---

[1] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. С. 119. По поводу численности контингентов под начальством голов см.: *Лобин А.Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 69–70; *Курбатов О.А.* Отклик на статью Лобина А.Н. «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.». С. 107–108, 115–117.
[2] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. С. 92.
[3] РК 1605. Т. 1. С. 255.
[4] РК 1605. Т. 1. С. 274.
[5] *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года. О смотре см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 270–271.
[6] РК 1598. С. 180; РК 1605. Т. 2. С. 50.
[7] РК 1605. Т. 2. С. 70–75.

Появление рязанцев в других городах южного пограничья фиксируется значительно реже. Так, Я.Н. Измайлов единожды упомянут при тульском наместнике в 1543 г., но уже на следующий год вернулся в Рязань[1]. Н.С. Вердеревский в 1544 г. годовал в новопоставленном Дедилове[2]. В 1556 г. там же был головой Н.С. Глебов, а в следующем году – П.Н. Измайлов[3]. Последнее назначение весьма примечательно, потому что в ДТ Пётр Измайлов числится отставленным от «дальней» службы. По-видимому, отправка в Дедилов, отстоящий от Переяславля-Рязанского на две сотни километров, таковой не считалось[4]. Назначение в наиболее отдалённый южный город получил М.Ф.(?) Сунбулов, который в 1557 г. числился наместником в Почепе[5].

Итак, представители рязанской элиты были включены в систему военно-административных служб на южном пограничье, причём получали назначения в основном на территории своего края. Сохранились также некоторые сведения о выполнении ими судебных функций – участии в разборе спорных земельных дел в Рязанском уезде. В 1524 г. правую грамоту Ольгову монастырю выдали Я.Н. Измайлов и Михайло Язвец Мелентьев, который в 1501–18/19 гг. являлся великокняжеским дьяком[6]. Подобные «комиссии» из представителя рязанской элиты и дьяка существовали и во времена независимого существования княжества (**1.5**). В другом спорном деле того же монастыря (1530 г.) судьёй выступал ещё один выходец из рязанской верхушки, Г.(Д.?) Кобяков[7].

---

[1] РК 1605. Т. 1. С. 308, 315.

[2] О городе см.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 96.

[3] РК 1598. С. 145; РК 1605. Т. 2. С. 3, 14.

[4] ТКДТ. С. 168.

[5] РК 1605. Т. 2. С. 15.

[6] ПРП РК. С. 88–95 (№ 61). «Разъезд» тех же земель когда-то осуществлял прадед Я.Н. Измайлова Иван Измайлович. О датировке см.: *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 274 (№ 143). О дьяке см.: *Кирпичников И.А.* Дьяческий аппарат Великого княжества Рязанского. Статус Михаила Язвеца Мелентьева в 1524 г. неизвестен.

[7] ПРП РК. С. 23–28 (№ 17). Это мог быть как Григорий Клементьевич, так и Григорий Дмитриевич (вероятнее) Кобяков. Второй судья – Верига Негодяев – в 1524 г. выступал в качестве судьи в Московском уезде (Акты русского государства: 1505-1526 гг. М., 1975. С. 232 [№ 229]).

Случаи, когда разбор подобных конфликтов («став на земле») поручался судьям из числа местных землевладельцев, известны и по другим регионам. Компетенция таких судей, как правило, не была достаточной для вынесения окончательного приговора, поэтому использовалась процедура «доклада» вышестоящему лицу[1]. Рязанская ситуация не является исключением: решение по первому из упомянутых дел принимал дворецкий кн. И.Ф. Палецкий[2], по второму – сам Василий III. В том, что практика привлечения представителей местной элиты к судопроизводству на территории своего края была систематической, убеждает также указная грамота 1532 г. по поводу расследования очередной тяжбы, адресованная Я.В. Селиванову и В. Коноплину[3].

Рязанские служилые люди теперь не являлись, однако, единственными агентами судебной власти в своём крае[4]. На протяжении 1520–30-х гг. на территории Рязанского уезда действовали несколько присланных из Москвы

[1] *Головачева У.Е.* Судьи по земельным делам в Русском государстве XV – середины XVI в.: персональный состав, должностное и социальное положение: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. С. 88–97.

[2] Данное упоминание важно также в свете дискуссии о времени появления Рязанского дворца. А.А. Зимин полагал, что он был образован «после окончательного присоединения Рязани (в 1522 г.)» (*Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. С. 190). Аргументом в пользу этой точки зрения была грамота, выданная кн. И.Ф. Палецким на владения в Вологодском уезде в 1525 г. (впоследствии Вологда находилась в ведении Рязанского дворца). Это мнение оспорил М.М. Кром, отметивший, что «нет никаких документальных подтверждений» деятельности кн. И.Ф. Палецкого на территории Рязани (*Кром М.М.* Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 442–443). Рассматриваемая грамота даёт такое подтверждение (см. также в рязанском судебном деле 1557 г.: «…грамота залегла в суде у дворедцкого у князя Ивана Федоровича Палецкого» [АСЗ. Т. 1. С. 257 (№ 277)]). Как и другие дворецкие, рязанский назначался великим князем и находился в Москве (*Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI-XVII вв. С. 100, 102, 105). Рязанский дворец просуществовал как минимум до конца 1550-х гг. (*Черкасова М.С.* Северная Русь. История сурового края XIII-XVII. М., 2017. С. 57–61).

[3] *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 256 (№ 21). Василий Коноплин в 1539 г. упоминается в качестве рязанского городового приказчика и также, очевидно, являлся местным землевладельцем (его сын включён в рязанский раздел ДТ) (*Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. С. 224–225 [№ 1]; ТКДТ. С. 168).

[4] Несомненны широкие судебные полномочия рязанских наместников, но здесь можно основываться лишь на наблюдениях исследователей относительно других регионов (*Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 103–124).

писцовых комиссий[1]. Важнейшими были описания Ф.И. Волынского (ранее 1530 г.), а также И.Д. Боброва и А.Я. Нармацкого (1533/34 – 1536/37 гг.)[2]. Писцы не только выдавали межевые и разъезжие грамоты, но и активно осуществляли суд по земельным делам[3], как это было на всей территории Московского государства. Следовательно, на Рязань были распространены общегосударственные нормы и процедуры судопроизводства. Данное наблюдение позволяет исключить пожалование локальной верхушке каких-либо особых привилегий в части суда над местным населением (наподобие тех, о которых в связи с Иваном III упоминается в татищевском известии: **1.1**).

Как видно из приведённых данных, рязанская элита во второй четверти XVI в. сохраняла прочные служебные связи со своим уездом. По справедливому заключению М.М. Бенцианова, рязанские служилые люди после присоединения княжества «продолжали нести службу … неподалёку от своих вотчин»[4]. Действительно, подавляющее большинство «разрядных» назначений бывших местных бояр и их потомков связано во второй четверти XVI в. с Рязанью или близлежащими центрами на южном пограничье. В разрядах совсем немного исключений из этого правила. Однако расширение круга источников показывает, что представленная картина далеко не является окончательной. Прежде всего, обратим внимание на наличие в рязанской части ДТ особого заголовка «резанцы же от *дальные службы* оставлены»[5]. Такой раздел не встречается в других случаях и показывает, что «дальная служба» была для рязанцев не только возможной, но и вполне обычной. Благодаря синодику московского Успенского собора можно узнать, что один из ключевых представителей рязанской элиты –

---

[1] По наблюдениям М.М. Бенцианова, «представители местных корпорацией не привлекались к проведению писцовых описаний в своих уездах» вплоть до 1550-х гг. (*Бенцианов М.М.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей. С. 204).

[2] *Азовцев А.В.* Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в.

[3] *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 256–258 (№ 18, 22–33), 270 (№ 118, 120), 277 (№ 164), 284 (№ 202). См. также правую грамоту, выданную Андреем Поливановым (С. 270 [№ 117]).

[4] *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 59.

[5] ТКДТ. С. 168.

бывший боярин Федор Денисьевич – оказался в августе 1535 г. в Стародубе и погиб при взятии города литовцами[1]. На тот момент он являлся старейшим представителем наиболее видного рязанского рода. Судя по характеру упоминания (указан третьим после кн. П.С. Ромодановского и Н.И. Колычева), он находился там в качестве одного из воевод (или голов), однако это назначение не зафиксировано в разрядах.

Рязанские служилые люди, далее, были активными участниками ***операций против Казанского ханства***. В синодике приведены 29 имён лиц, погибших в кампании 1524 г. («на Свияге» и «под градом»), и шестеро из них отмечены как «рязанцы». Первым упомянут представитель видного рода Ф.В. Селиванов, остальные принадлежали к менее известным фамилиям[2]. В разряде казанского похода 1526 г. вторым воеводой сторожевого полка указан Ф. Денисьевич; в 1530 г. он же был вторым воеводой полка левой руки пятиполковой конной рати[3]. Обе кампании возглавлял кн. М.Л. Глинский, а в качестве первых воевод фигурировали представители княжеской и старомосковской знати. Относительно них Ф. Денисьевич, несмотря на свою принадлежность к верхушке рязанского боярства, мог занимать только второстепенную позицию. При осаде города в последнем из перечисленных походов погиб Г.И. Коробьин[4]. Благодаря упоминанию в актовом материале известно, что под Казанью тогда же находился и И.В. Селиванов[5]. Вероятно, в каждой из этих кампаний принимали участие рязанские отряды. Они могли состоять и под начальством местных воевод, но прямые указания на это отсутствуют.

---

[1] *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 177. В списке пленных можно найти ещё одну фигуру рязанского происхождения: «Павел Федоров сын – з Резани сын боярский».См.: *Кром М.М.* Стародубская война. 1534-1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008 (прил. 2).

[2] *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 176–177. См. об этом походе: *Михайлова И.Б.* Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 2. С. 35–44.

[3] РК 1598. С. 75; РК 1605. Т. 1. С. 198, 215. О спорной датировке первого похода см.: *Свечников С.К.* Участие марийцев в битвах за Казань. 1505–1552 гг. // Гасырлар авазы. Казань, 2003. № 3–4. С. 115–121.

[4] *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 177.

[5] ПРП РК. С. 22 (№ 16), 96 (№ 62).

Из разрядных записей «казанского взятия» 1552 г., недавно опубликованных А.В. Жуковым, можно получить ценную информацию о рязанцах-участниках похода. Они входили в состав царской свиты, обеспечивавшей путь («назирали у царя и великого князя … шатра, идучи х Казани, и по дорогам сторожи ставили»)[1]. Отметим, что список таких лиц приводится после росписей дежурных по станам, служба которых являлась более почётной[2]. В перечне указаны Н.С. Глебов, И.Г. Коробьин, В.И. (Меньшой) Коробьин, М.Ф.(?) Сунбулов, Б. Каркадымов-Таптыков[3], Ш.В. и Т.В. Кобяковы[4]. По сообщению разрядной записи, после отъезда Иван IV оставил в Казани «многих людей боярских двора своего», в том числе – рязанцев[5]. Впоследствии представители рязанской верхушки получили «по золотой денге» за успешный поход на «арские места» за «ясаком» в декабре 1553 г. (**2.1.1**). Согласно разрядам, награждены были И.М. (Большой), М.М. и Ф.М. (Меньшой) Булгаковы-Денисьевы, М.Ф.(?) Сунбулов, Ю.А. Чевкин и Б. Каркадымов-Таптыков[6]. Вероятно, рязанцы командовали отрядами детей боярских, которые направлялись от главной рати для выполнения локальных

[1] *Жуков А.Е.* Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. С. 417–418.

[2] Об этом можно судить по родовому статусу лиц, перечисленных среди сторожей. Многие из них, как видно из списка, являлись носителями дворовых чинов («головы, а с ними князи и боярские дети, дворовые столники, и стряпчие, и жилцы по статьям»).

[3] Передано неверно как «Пантыков»

[4] Передано как «Ширяев Иванов сын Кобяков и братья его Тирон Григорьев сын Кобяков». Отчества неверны, речь идёт о братьях Ширяе и Тироне Васильевичах Кобяковых.

[5] *Жуков А.Е.* Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. С. 426. Из позднейшей челобитной известно также об участии в казанском походе ряшан (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 30. Л. 261). При этом в опубликованной А.О. Курбатовым росписи второго Казанского похода Ивана Грозного (1549/50 г.) рязанцы отсутствуют (см.: *Курбатов О.А.* Роспись «городам» детей боярских по воеводским полкам накануне Второго Казанского похода Ивана Грозного // Единорогъ. М., 2009. Вып. 1. С. 226–228). В литературе также приводится свидетельство о том, что в 1551 г. гарнизон рязанского Перевитска полностью перевели в Свияжск, после чего город запустел (*Аверьянов К.В.* Из истории Подмосковного Заочья XII – начала XVI века // Подмосковный летописец. № 4 (46). 2015. С. 8), первоисточник остался нам неизвестен. См. об участии в походе не только Булгака Каркадымова-Таптыкова, но также его брата и племянника: АСЗ. Т. 1. С. 255 (№ 277).

[6] РК 1605. Т. 1. С. 464. Старшинство Булгаковых-Денисьевых устанавливается по порядку их упоминания.

военных задач[1]. Осенью 1554 г. в Казань вторым головой передового полка в составе трёхполковой рати отправлялся М.Ф.(?) Сунбулов[2].

В казанских кампаниях особенно выделяется роль Н.С. Глебова. Ещё в 1550 г. он был послан «на Укрень козанских мест воевати и кормов добывати» вместе с М.И. Волынским[3]. Летом следующего года он вернулся в Пронск[4]. При отправлении первых ратей из Мурома к Свияжску в 1552 г. Н.С. Глебов указан вторым воеводой передового полка[5], а затем наряду с другими рязанцами вошёл в состав царского сопровождения. Согласно «Казанскому летописцу», после взятия города Глебову было поручено посчитать потери сторон и доложить об этом государю. «Рязанской земли воевода» был «мудр» и «хитр ко счетному числу – таков, яко единем часом, не долго мысля или рати число не доведовыя, по хожению их и по пути, в мегновении ока познавше»[6]. В конце 1552 г. он собирал ясак «на Арской и на Побережной стороне» – в этой успешной операции принял участие также рязанец Ш.В. Кобяков[7]. Наконец, Н.С. Глебов фигурирует и в уже упомянутом в походе на «арские места»: ему досталась почётная миссия сеунщика к Ивану IV[8].

С ***восточным и юго-восточным*** направлениями была связана служба В. Дмитриева-Фёдорова. В 1544 г. он годовал в далёком от Рязани Васильгороде (указан третьим из местных начальников)[9], а в 1552 г., как следует из посольской книги, занимал административную должность (не обозначена) в Темникове[10]. В 1559–60 гг. в Свияжске вместе с целым рядом других воевод годовал И.М.(?) Булгаков-Денисьев[11].

---

[1] ПСРЛ. Т. 13. С. 234, 238–239.
[2] РК 1605. Т. 1. С. 477; РК 1598. С. 148 (указан первым головой).
[3] РК 1605. Т. 1. С. 375.
[4] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. С. 51.
[5] РК 1605. Т. 1. С. 410.
[6] Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 10. С. 478.
[7] ПСРЛ. Т. 13. С. 229.
[8] РК 1605. Т. 1. С. 463; ПСРЛ. Т. 13. С. 238–239, 527.
[9] РК 1605. Т. 1. С. 317.
[10] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. С. 82, 89.
[11] РК 1605. Т. 2. С. 43.

На фоне назначений остальных рязанцев заслуживает особого внимания фигура Ш.В. Кобякова. В победоносном походе на Астрахань 1554 г. он был вторым воеводой передового полка (первым – постельничий И.М. Вешняков), от него отправлялся специальный сеунщик о победе[1]. Уже на следующий год он принял активное участие в знаменитом сражении под Судбищами. В ходе первоначального преследования крымских отрядов Ш.В. Кобяков и Г. Желобов с «детьми боярскими многими» захватили богатый ханский обоз[2].

В 1556 г. Ш.В. Кобяков получил обычное для рязанцев назначение в Пронск, а уже в 1558 г. был послан на Днепр для участия в операциях кн. Д. Вишневецкого против крымских татар[3]. Рязанец был головой второго по значимости отряда московской подмоги, в составе которого находились дети боярские (И. Заболоцкий был начальником отряда жильцов, остальные – казаков и стрельцов). Отдельными подразделениями командовали головы О.С. Лашинский и Ю.М. Булгаков-Денисьев (последний уже отметился «на Поле» двумя годами ранее, когда во главе отряда казаков разгромил татар на р. Айдар взял языков)[4], а также ещё двое выходцев из рязанских родов, сменивших регион службы – Д. Чулков и П. Таптыков. После успешной демонстрации у Перекопа О.С. Лашинский с «потомившимися» детьми боярскими отправился в Москву, а затем царь отозвал и кн. Д. Вишневецкого с И. Заболоцким. Командование оставшимися силами приняли на себя Ш.В. Кобяков, Д. Ржевский и А. Щепотев (дети боярские и стрельцы), а также Д. Чулкова и Ю. Булгакова-Денисьев

[1] ПСРЛ. Т. 13. С. 236, 242; Т. 29. С. 226, 230; РК 1605. Т. 1. С. 467, 468.

[2] ПСРЛ. Т. 13. С. 257; Т. 29. С. 238-239. См.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 115–121; *Пенской В.В.* Сражение при Судбищах 3-4 июня 1555 г. – эпизод русско-крымского противостояния // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Белгород, 2009. № 7 (62). С. 87–95. Ю.Д. Рыков обстоятельно проанализировал синодик Архангельского собора с именами погибших на Судьбищах. Отметим, что в нём не обнаруживается лиц, которые бы к середине XVI в. несли службу по Рязани (*Рыков Ю.Д.* Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах…).

[3] Об этих военных акциях см.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 122–143.

[4] ПСРЛ. Т. 13. С. 275–276; Т. 20. С. 577. РК 1598. С. 160–161.

(казаки)[1]. Начальной точкой следующего похода был новопостроенный Псельский город, в котором в 1558–59 гг. годовали сначала М.Ф.(?) Сунбулов (возможно, участвовал в строительстве), а затем – М. Булгаков-Денисьев (оба указаны вторыми)[2]. Поход состоялся в 1559 г. под начальством Д.Ф. Адашева. Ш.В. Кобяков участвовал и в нём, причём на весьма значимой позиции – в качестве второго воеводы большого полка[3]. Крымские операции, как упоминалось ранее, стали отправной точкой его беспрецедентного карьерного возвышения (**2.1.3**). В 1559 г. в боевых действиях на южном направлении принимал участие также Б. Каркадымов-Таптыков, направленный на Дон с постельничим И.М. Вешняковым. В 1560 г. туда же ещё раз отправлялись Д. Чулков и Ю.М. Булгаков-Денисьев[4].

Таким образом, представители рязанской элиты активно участвовали в кампаниях против крымских, казанских и астраханских татар. За единственным исключением (гибель Ф. Юрьева-Денисьева в Стародубе) нет информации об их участии в боевых действиях на литовском театре 1530-х гг. В казанском походе представители рязанской верхушки выполняли службы, не связанные с командованием воинскими формированиями (находились в царском сопровождении) или руководили небольшими вспомогательными отрядами (в походе на «арские места»). В качестве воевод и голов относительно крупных сил, действовавших в отдалении от Рязанского края, за весь изученный период выступали только Ф. Денисьевич, Ш.В. Кобяков, О.С. Лашинский, Ю.М. Булгаков-Денисьев, Б. Каркадымов-Таптыков. Рязанцы привлекались,

[1] *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. С. 88–91; РК 1605. Т. 2. С. 16; ДРК. С. 194; ПСРЛ. Т. 13. С. 288, 296

[2] РК 1598. С. 169 (в РК 1605. С. 37 «на Пехлеце»); РК 1605. Т. 2. С. 46. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 98, 131, 142.

[3] ПСРЛ. Т. 13. С. 315, 316; *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. С. 91–94. Об иерархии воевод см.: *Корзинин А.Л.* Порядок иерархии полковых воевод в последней четверти XV – конце XVI в. // Вестник СПбГУ. История. 2006. № 4. С. 11–23.

[4] РК 1605. Т. 2. С. 48; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. С. 317.

насколько можно судить, в первую очередь к кампаниям, где не требовался высокий местнический статус, но были необходимы военные умения и опыт[1].

Приведённые сведения охватывают главным образом военно-административные службы на южном и восточном пограничьях. Куда меньше данных сохранилось относительно ***внутренних уездов*** страны, назначения в которые не фиксировались в разрядных книгах. Большой интерес в этой связи представляет информация о получении рязанцами кормлений (таблица 2.15). Несмотря на неполноту источниковой базы по этому вопросу (в частности, жалованные кормлёные грамоты сохранились лишь фрагментарно), учёт известий о кормлениях позволяет существенно скорректировать представление об уездной «замкнутости» рязанской элиты.

Таблица 2.15 – Кормления рязанских служилых людей

Служилый человек	Объект и статус кормления	Время упоминания
Коробьин Иван Иванович (1)	вол. Растовец Каширского у.	1509[2]
Коробьин Иван Иванович (2)	волл. Инебож, Вольга и Залипенье Владимирского у.	ок. 1515; 1516–18[3]
Вердеревский Василий Фёдорович	вол. Гусь Владимирского у.	между 1520 и 1525; 1526–27[4]
Таптыков Семён Фёдорович	Вологодский и белозерский мех	1527[5]
Кобяков Григорий Дмитриевич	вол. Соль Малая Костромского у.	1528–30[6]
Вердеревский Михаил Васильевич	волл. Шепково и Войничи Рузского у.	между 1533 и 1538[7]
Кобяков Александр Михайлович	Большая половина Задубровской слободы Кашинского у.	между 1533 и 1547[8]

[1] См. о проблеме выделения «командного состава» в таких случаях: *Курбатов О.А.* Отзыв на статью Д.М. Володихина «Высший командный состав русской полевой армии при Иване IV» // История военного дела: исследования и источники. 2013. №S-I. С. 6.

[2] АСЗ. Т. 4. С. 170–172 (№ 227, 228); *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в. Т. 2. С. 351–353; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 174; *Флоря Б.Н.* Кормленые грамоты XV-XVI вв. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 123.

[3] АСЗ. Т. 4. С. 172 (№ 229); *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 174.

[4] АСЗ. Т. 4. С. 62-63 (№ 80); *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 168.

[5] АСЗ. Т. 1. С. 248 (№ 274).

[6] АСЗ. Т. 4. С. 157–158 (№ 211, 212); *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 452; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 173;

[7] АСЗ. Т. 4. С. 64 (№ 82); *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 168.

[8] АСЗ. Т. 4. С. 158–159 (№ 213); *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 465; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 173.

Булгаков-Денисьев Михаил Матвеевич (1)	вол. Янгасарь Вологодского у.	между 1538 и 1547[1]
Коробьин Иван Григорьевич	волл. Шепково и Войничи Рузского у.	между 1547 и 1552[2]
Глебов Назар Семенович	Тотьма	1548[3]
Булгаков-Денисьев Михаил Матвеевич (2)	вол. Лес Клинский Бежецкого Верха	1553[4]
Чевкин Матвей Юрьевич	Костромской суд	1554–1555[5]
Чевкин Иван Юрьевич	Костромской суд	1555–1556[6]
Кобяков Пётр Григорьевич	Коломенский мех, *не взял*	ок. 1555[7]
Вердеревский Василий (Кушник) Григор.	Коломенский мех, *не взял*	ок. 1555[8]

Как видно из представленных данных, выходцы из рязанских родов систематически получали кормления далеко за пределами своего уезда. Они с са́мого момента попадания на московскую службу были включены в прослойку дворовых, занимавших позиции администраторов на всей территории страны. На такое «жалованье» зачастую приходилось ехать за сотни вёрст, и занимать должность по несколько лет[9]. При этом исключено получение местными служилыми людьми собственно рязанского наместничества: его, как упомянуто ранее, занимали лица более высокого статуса, происходившие из других регионов. Среди других кормленщиков на территории Рязанской земли представителей местных родов также не встречается[10].

[1] *Антонов А.В.* Две кормленные грамоты Денисьевых; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 170.
[2] АСЗ. Т. 4. С. 173 (№ 231).
[3] АСЗ. Т. 4. С. 75 (№ 100); *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 520; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 161.
[4] *Антонов А.В.* Две кормленные грамоты Денисьевых; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 170.
[5] *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года. С. 117 (л. 174) (в ркп. «Мамлей»); *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 447.
[6] *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года. С. 96 (л. 72). *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 448.
[7] *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года. С. 82 (л. 5). *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 428.
[8] *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года. С. 114 (л. 158). *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 428–429.
[9] *Антонов А.В.* Из истории великокняжеской канцелярии: Кормленные грамоты XV – середины XVI века // РД. М., 1998. Вып. 3. С. 100–101.
[10] Рязанцев нет среди кормленщиков на местном «ключе» (*Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года. С. 100, 109, 112, 116) в отличие от нижегородского случая (*Чеченков П.В.* Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV – середине XVI в. С. 142–143). Персоналии волостелей на территории Рязанского уезда по источникам не известны.

Информация о кормлениях позволяет сделать дополнительные наблюдения относительно положения рязанцев в иерархии правящей элиты. Как отмечалось ранее, сама возможность получения таких должностей означала принадлежность служилого человека к привилегированному кругу «детей боярских, за которыми кормления». Неудивительно, что все известные кормленщики рязанского происхождения являлись выходцами из ключевых родов бывшего княжества, занимавших наиболее высокие позиции в иерархии рязанского раздела ДТ (**2.1.1**). Тем более существенно, что только единожды представитель рязанской верхушки получил наместничество (Н.С. Глебов в Тотьме), а во всех остальных случаях рязанцы становились лишь волостелями. Т.И. Пашкова убедительно продемонстрировала, что статус волостельной администрации был значительно ниже, чем у наместников – это были фактически два разных социальных слоя внутри элиты[1]. Причину этого следует, по-видимому, искать в том, что при раздаче кормлений во внимание принималось «отечество» служилого человека[2], и рязанцы оказывались недостаточно родовитыми для получения наместничеств. Два примечательных случая отказа от «коломенского меха» (В.Г. Вердеревский и П.Г. Кобяков) связаны, как предположил Н.Е. Носов, именно с несоответствием предлагаемого кормления статусным ожиданиям служилых людей[3].

На служебные траектории рязанцев в 1520–50-е гг. необходимо взглянуть, прежде всего, с точки зрения изменений, которые произошли в положении локальной элиты по сравнению со временами самостоятельности Рязанского княжества. Местное боярство утратило монопольное положение в собственном крае. Ключевые позиции в управлении заняли теперь не местные бояре, а присланные из Москвы наместники и воеводы. Наиболее видные представители рязанской верхушки – Вердеревские, Глебовы, Денисьевы, Дмитриевы,

---

[1] *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 37–43, 55–56.

[2] *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 50, 128; *Флоря Б.Н.* Кормленые грамоты XV–XVI вв. как исторический источник. С. 120; *Он же.* Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси. С. 73.

[3] *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 428–429.

Измайловы, Кобяковы, Коробьины, Селивановы, Сунбуловы и Чевкины – оказались в своём регионе на вторых ролях. Основной круг их обязанностей был связан с вспомогательными посылками, которые предполагала позиция «голов», приданных воеводам. Рязанцы лишь изредка выступали в самостоятельной роли (как, например, Н.С. Глебов в Зарайске). Кроме того, они больше не являлись единственными агентами судебной власти в своём уезде; рассмотренные ими дела проходили через процедуру «доклада» вышестоящим лицам.

Разрядные назначения представителей рязанской элиты в рассмотренный период связаны прежде всего с территорией бывшего княжества (Переяславль-Рязанский, Пронск, Михайлов, Ряжск). Известны также их эпизодические появления в других городах южного (Коломна, Тула, Дедилов, Почеп, Псельский город) и восточного (Васильгород, Свияжск, Темников) пограничья, однако после кратковременного пребывания там рязанцы возвращались в свой регион.

Такое географическое распределение «разрядных» служб не должно, однако, привести к выводу о «замкнутом» и «обособленном» характере рязанской элиты. Во-первых, рязанцы принимали активное участие в дальних военных кампаниях – прежде всего, казанских. Имеющиеся данные не позволяют согласиться с мнением, согласно которому рязанские служилые люди стали привлекаться к общерусским службам лишь в конце 1530-х гг.[1]. Наиболее ранние известия о пребывании рязанцев под Казанью относятся уже к 1524 г. Можно допустить (прямые свидетельства в пользу этой гипотезы отсутствуют), что в первых походах отряды рязанских детей боярских состояли под начальством своих воевод. В 1552 г. представители рязанской верхушки выполняли в основном вспомогательные службы, будучи в составе царского сопровождения, а затем возглавляли небольшие отряды в операциях вокруг Казани. Рязанские воеводы и головы известны также на театре Стародубской войны в 1535 г. (Ф. Денисьевич), в сражении под Судбищами, походах на Астрахань 1556 г.

[1] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 125–127; *Корзинин А.Л.* Государев двор в период боярского правления: практическая реализация поместного верстания 1530–1540-х гг. // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 20.

(Ш.В. Кобяков) и Крым 1558–59 гг. (Ш.В. Кобяков, О.С. Лашинский, Ю.М. Булгаков-Денисьев). Во-вторых, существенные коррективы в представления об «обособленности» рязанской верхушки вносит сохранившийся массив информации о кормлениях. На всём протяжении рассмотренного периода рязанцы получали назначения далеко за пределами родного уезда.

2.2.2. Службы периода 1560–1604 гг.: общая характеристика

Во второй половине XVI в. представители видных рязанских родов стали по наследственному принципу зачисляться в чин выборных дворян, а некоторые выдвигались в «московский» список (главным образом – в период существования особого «Двора») (**2.1**). Назначения выборных дворян были чрезвычайно разнообразны, однако сохранившиеся источники позволяют получить лишь фрагментарную картину. Практически отсутствуют сведения о призывах в столицу, которые носили регулярный характер, а также службах «с городом»[1]. В силу этих ограничений типичная биография выборного дворянина второй половины XVI в. представляет собой дискретный набор «именных» общегосударственных посылок, известных по разрядным книгам. Составители разрядов учитывали, главным образом, «честные» службы и игнорировали множество других назначений.

В то же время, «именные» общегосударственные посылки, заносившиеся в разряды, составляют особую группу назначений, которые особенно ценились дворянами. Во второй половине XVI в. данные об этих службах приобретают систематический характер. В поле зрения составителей разрядов постоянно находилась администрация «украинных» городов – воеводы и головы на южном, юго-западном, западном и восточном пограничьях. Не являясь репрезентативной для всего круга служб интересующей нас социальной группы, эта «естественная выборка» может быть проанализирована как самостоятельная совокупность. По материалам РК 1475–1605 для 42 представителей фамилий рязанской элиты за

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 119–121; *Станиславский А.Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. С. 137.

1560–1604 гг. выявлены 160 назначений в различные города Московского государства[1]. Обобщение полученных данных, несмотря на неизбежную условность таких калькуляций (по справедливому замечанию В.Б. Кобрина, при исследовании служилых землевладельцев XVI в. «всякие подсчёты неизбежно будут похожи на уравнение с несколькими неизвестными»)[2], позволяет сделать два важных наблюдения.

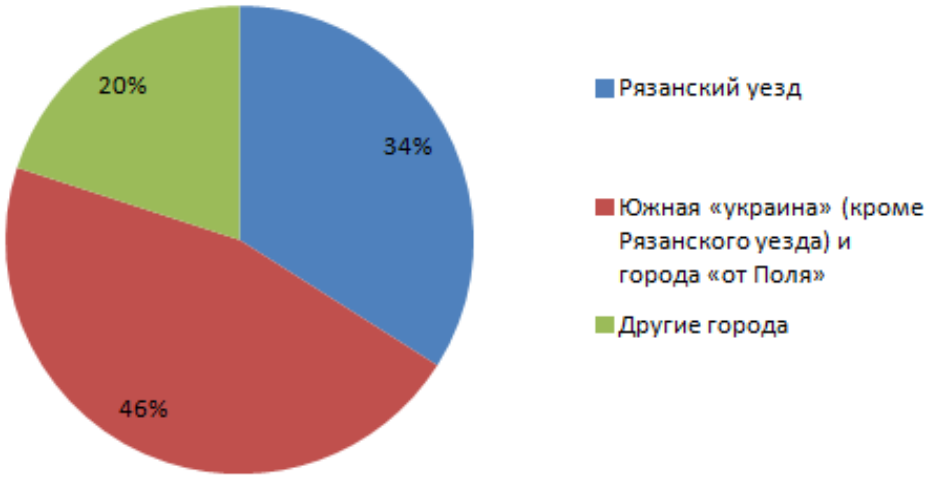
Во-первых, несомненную тенденцию обнаруживает география «разрядных» назначений рязанцев (рисунок 2.3). Абсолютное большинство их именных «посылок» приходится на южное пограничье Московского государства (80 %). Весьма интенсивными (34 %) были службы в городах Рязанского края (Переяславле-Рязанском, Пронске, Михайлове, Ряжске; о границах уезда см. **2.3.1**). Представители рязанской элиты получали много назначений (46 %) в другие города южной «украины» и новопостроенные крепости на «Поле»[3]. Они неоднократно отправлялись на «разрядную» службу в восточные города (Поволжье, Сибирь) и только в исключительных случаях назначались на западное пограничье («от литовские и от немецкие украины»). Описанная логика служб характерна как для представителей старых рязанских фамилий, так и для переселённых княжат, которые вошли в «выбор». Традиционные «южные» назначения продолжали получать в конце XVI – начале XVII в. и Измайловы, выдвинувшиеся в «московский» список.

[1] Учитывались только службы городовыми воеводами и головами (без осадных голов). Непрерывная многолетняя служба рассматривалась в качестве единичного назначения.

[2] *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 117.

[3] М.Ю. Зенченко считал, что в 1570-е гг. рязанские служилые люди были впервые систематически включены в «управленческую структуру “украинных” городов» (*Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. С. 46). Наши наблюдения не позволяют согласиться с этим выводом: такая практика уже имела к тому моменту длительную предысторию.

Рисунок 2.3 – «Разрядные» назначения рязанской элиты в регионы Московского государства (1560–1604)

Второе общее наблюдение – низкий иерархический уровень назначений представителей рязанской элиты. Как и в предшествующий период, абсолютное большинство их служб связано с позициями второго плана при более знатных лицах. Терминология «разрядных» назначений в «украинные» города остаётся во второй половине XVI в. непоследовательной. Такие «помощники» воевод фигурируют без указания должности, могут именоваться «головами» или (реже) – «товарищами» (воевод)[1]. В двух случаях рязанцы известны в качестве наместников южных городов[2], но и они писались лишь после воевод. Исключения из этой закономерности редки. К их числу относятся, во-первых, полковые и

[1] См. совместное употребление этих слов: «…в головах с Иваном с Полевым в товарыщех», «…да головы с ним в товарищех» (РК 1638. С. 70; РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 193).
В отдельных разрядах рязанские служилые люди указываются в одиночку или на первой позиции из двух – но даже в таких случаях они чрезвычайно редко именуются «воеводами». В ряде ситуаций следующая роспись позволяет уточнить, что такие дворяне в действительности имеют обычный статус «голов», а второе лицо является осадным головой (см., напр.: РК 1605. Т. 2. С. 70–71, 383; Т. 3. Ч. 1. С. 123–124, 199; Т. 3. Ч. 2. С. 103–104, 106; Ч. 3. С. 69–70; РК 1598. С. 430, 432, 439). Общую непоследовательность терминологии показывают сравнение наказной памяти *воевод* С.В. Сабурова и кн. С.С. Гагарина и разрядной записи, в которой кн. С.С. Гагарин назван «головой» (АСЗ. Т. 4. С. 72 [№ 96]; РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 193). См. об этих сложностях: *Глазьев В.Н.* Структура власти в городах – крепостях «на Поле» в конце XVI века // Исторические записки. Воронеж. 1997. Вып. 2. С. 7–8; *Солодкин Я.Г.* Письменные головы в административной структуре России второй половины XVI – начала XVII в. // История государства и права. 2010. № 21. С. 37–39. Чувствительность служилых людей к порядку записи даже между «вторыми» лицами показывает местническое дело В.Г. Биркина и И.С. Мясного в Воронеже: РК 1598. С. 368.

[2] О.С. Лашинский (1581–1582, Болхов), А.Я. Измайлов (1584, Шацк) (РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 199, 211; Ч. 2. С. 32, 43, 63).

городовые воеводства рязанцев из наиболее видных фамилий, члены которых имели возможности продвижения в «московские» чины (Ф.М. [Меньшой] и Ю.М. Булгаковы-Денисьевы, А.Я. и В.Я., В.П. Измайловы; на завершающем этапе Ливонской войны полковым воеводой был также выборный дворянин И.А. Кобяков). Во-вторых, первыми городовыми воеводами назначались некоторые из княжат, числившихся в рязанском «выборе» (кн. М.П. Волконский, С.С. Гагарин, А.И. Дашков[1]). Исключительность таких назначений подчёркивается тем, что они в ряде случаев вызывали местнические конфликты.

Итак, ключевые характеристики «разрядных» служб представителей рязанской элиты оставались неизменными на протяжении всего досмутного периода. Находясь в составе «государева двора», рязанцы занимали должности второго плана и сохраняли служебную связь со своим краем. С другой стороны, по сравнению со второй четвертью – серединой XVI в. произошло заметное расширение географии назначений рязанцев. В следующих разделах мы рассмотрим каждый из выделенных регионов.

2.2.3. Южная «украина»

Как видно из приведённых общих данных, основным регионом «разрядной» службы представителей рязанской верхушки во второй половине XVI – начале XVII в. оставался Рязанский край и шире – южное пограничье. С точки зрения организации пограничной службы, города Рязанского уезда являлись теперь составными элементами обширной сети «украинных» центров. Общие контуры развития этой оборонительной системы намечены в работах В.И. Буганова и М.Ю. Зенченко[2]. Переяславль-Рязанский, Пронск, Михайлов и Ряжск включались в росписи воевод «от поля» («от крымской украины»). Опорным пунктом так называемого «украинного разряда» являлась, как правило, Тула, воевода которой

[1] Также отец кн. А.И. Дашкова – кн. И.А. Дашков (в рязанском «выборе» не упоминается), см., напр.: РК 1605. Т. 2. С. 212.

[2] *Буганов В.И.* Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце XV – первой половине XVII в. С. 208–215; *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. С. 38–55. См. также: *Баранов К.В.* Проблемы изучения Дворовой тетради. С. 167; *Глазьев В.Н.* Структура власти в городах – крепостях «на Поле» в конце XVI века. С. 10–11.

с конца 1560-х гг. руководил «сходом» украинных воевод и голов (из Данкова, Дедилова, Крапивны, Мценска, Новосили, Орла, Рязани, Михайлова, Пронска и других городов в зависимости от конкретного случая)[1]. «Сходные» воеводы возглавляли отдельные формирования местных дворян и детей боярских («а людям с ними быть *по их спискам*»)[2]. В конце XVI в. оформился разряд отдельной группы «рязанских» городов. Теперь служилые люди из Михайлова, Пронска, Ряжска и Шацка иногда «сходились» (во главе со своими начальниками) к воеводе и голове Переяславля-Рязанского[3]. Эти центры воспринимались как рязанские «пригороды»[4].

Режимом управления «украинные» города «напоминали скорее военные гарнизоны»[5]. Наместническая администрация трансформировалась здесь в воеводскую, а временами назначавшиеся наместники имели мало общего со своими предшественниками из минувшей эпохи[6]. Кроме того, в недавно построенных южных крепостях практически перестали упоминаться «годующие» воеводы, которые характерны для середины столетия. Как и ранее, ключевые позиции на «украине» – и, в частности, в городах Рязанского уезда – занимали знатные обладатели «московских» чинов. Отметим, что в последние десятилетия XVI в. среди воевод рязанских городов иногда появлялись княжата, которые в

---

[1] РК 1605. Т. 2. С. 235–236. Кроме того, на Тулу иногда посылалась трёхполковая рать, и сторожевой полк в таком случае мог находиться в Михайлове (см., напр.: Т. 3. Ч. 2. С. 27)

[2] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 215. Передача таких «списков» при смене воевод и голов: АСЗ. Т. 1. С. 74. См. также указание на ряжских детей боярских в «полку» местного головы (*Сторожев В.Н.* Десятни XVI в. С. 314).

[3] Данная практика вполне определилась в 1593 г. (см.: РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 58–59), установившаяся иерархия «мест» стала поводом для столкновений воевод и голов «рязанских» городов (РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 89–90; Ч. 2. С. 67–68). Вслед за В.И. Бугановым (*Буганов В.И.* Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце XV – первой половине XVII в. С. 214) отметим, что «сход» в Переяславле-Рязанском эпизодически происходил и в предшествующий период (см. примеры 1569 и 1585 гг.: РК 1605. Т. 2. С. 239; Т. 3. Ч. 2. С. 53).

[4] РК 1638. С. 164.

[5] *Бовыкин В.В.* Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: очерки по истории местного самоуправления в XVI веке. С. 259.

[6] *Аракчеев В.А.* Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. С. 383–397; *Он же.* Наместники в России XVI в.; *Davies B.* The Town Governors in the Reign of Ivan IV; *Dewey H.W.* The Decline of the Muscovite Namestnik; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 239–247.

годы опричнины получили поместья в уезде и выдвинулись в столичную элиту (например, кн. Жировые-Засекины и кн. Лобановы-Ростовские)[1].

Второй уровень администрации (головы или «товарищи» воевод) формировался из состава выборного дворянства южных городов. Представители местных элит систематически привлекались к управлению «украинными» центрами, причём могли получать назначения и в те уезды, где располагалось их землевладение. Отметим, что группа «выбора» существовала не во всех южных центрах (в частности, она очень медленно оформлялась в новопостроенных северских крепостях)[2], а где-то была совсем небольшой в силу отсутствия «добрых» родов. Поэтому среди голов доминировали представители старых сообществ, в которых «выбор» был наиболее представительным и многочисленным (Калуга, Каширa, Коломна, Тула). К числу таких городов относилась и Рязань: местное дворянство стало важнейшим источником комплектования среднего звена администрации «украинных» центров.

Южные города представляли собой единую систему ротации начальствующего состава. Как правило, воеводы и головы ежегодно сменялись согласно новой росписи. Наблюдение за траекториями представителей рязанской элиты даёт целый ряд примеров постоянных перемещений голов между различными крепостными центрами «украины». Ярким примером являются службы М.Н. Глебова, который за десятилетие с середины 1560-х гг. последовательно побывал в Михайлове, Пронске, Новосили, Орле, Дедилове, Орле (повторно), Пронске (повторно) и Дедилове (повторно)[3], почти каждый год получая новое назначение. В ходе этих чередований головы вступали в контакты с большим количеством воевод, и впоследствии могли пересекаться с ними вновь – уже в другом пункте южного пограничья. Отметим, что нередко одновременную

[1] *Сергеев А.В.* Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI – начале XVII в... С. 218, 222–225.

[2] О распространении этой практики см.: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 127–129.

[3] РК 1605. Т. 2. С. 153, 179, 198, 212, 252, 259, 276, 306, 338, 366, 370, 375, 413. Возможно, назначался также в Данков: *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 178.

службу в соседних городах несли ближайшие родственники, а иногда «семейную» логику можно усмотреть и в замещении постов. Так, в 1584 г. на место раненого Г.Г. Вердеревского в сторожевой полк «на Михайлов» был назначен В.Н. Вердеревский. В 1586 г. он отправился в Пронск, а в Михайлове его сменил Г.М. Вердеревский[1].

Рязанские выборные дворяне за пределами своего уезда наиболее часто получали назначения в близлежащие центры к юго-западу (Дедилов, Мценск, Новосиль), югу (Данков) и юго-востоку (Шацк). Менее регулярные посылки охватывали значительно более широкий круг южных городов: Белев, Брянск, Болхов, Епифань[2], Каширу[3], Курск, Орёл, Тулу. Только в одном случае рязанские служилые люди были направлены в наиболее отдалённую юго-западную крепость – Чернигов[4]. К этому перечню следует добавить города на «Поле»[5], назначения в которые будут рассмотрены нами отдельно (**2.2.4**): Белгород, Воронеж, Елец, Ливны, Старый Оскол и Царёв-Борисов.

Абсолютное большинство «разрядных» назначений рязанских выборных дворян связано с родным уездом: чаще всего они служили на позициях ***голов*** Переяславля-Рязанского, Пронска, Михайлова и (несколько менее регулярно) Ряжска. В некоторых случаях ежегодные перемещения рязанцев представляются лишь данью формальной практике ротации, поскольку происходили между этими городами. Например, из Пронска служилый человек назначался в Ряжск, затем – в Михайлов, Переяславль-Рязанский или обратно в Ряжск[6]. Такой режим службы позволял сохранять связи с местным сообществом и возвращаться в свои

[1] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 27, 85.

[2] В 1572 г. П.С. Ляпунов назначен временным управляющим владениями кн. И.Ф. Мстиславского (ПКМГ. Вып. 2. С. 1587); в 1592 г. головой там был И.В. Измайлов (РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 47; РК 1598. С. 464, 465, 470). Для его именования «осадным головой» (*Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 110) нет достаточных оснований.

[3] Н.Г. Ржевский стал в 1583 г. одним из руководителей строительства Каширы (РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 19).

[4] В 1597–98 гг.: РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 153. РИС. Т. 2. С. 169, 173–174, 209; РК 1638. С. 62–63. См.: **2.1.7**.

[5] Об содержании этого термина см.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 6–10.

[6] См., напр.: РК 1638. С. 50.

владения, даже получив очередное разрядное назначение. Так, в 1598 г. воевода Переяславль-Рязанского И.О. Полев «к государю писал, что велено быть на государеве службе ему, Ивану Полеву, да Василью Измайлову; и Василей Измайлов *живёт в деревне*, а на съезд к нему не ездит, а говорит, что ему меньши Ивана Полева быть невместно»[1]. Этот местнический спор, закончившийся вызовом В.Я. Измайлова в столицу, отражает ключевую особенность положения рязанской верхушки. В отличие от «московских» воевод, вотчины и поместья которых находились в других регионах страны, рязанские головы служили в родном уезде и имели возможность быстро оказаться в собственной «деревне». Такой режим службы, распространявшийся на всех местных дворян и детей боярских, рассматривался ими как привилегия. Эта идея ярко звучит в позднейшей челобитной: «И та нам твоя государева служба *была во льготу*: меж смотров домишка свои *навещивали за близостью* … и хлеб пахали и твоей государевой службы не отбывали»[2].

В отдельных случаях головы переназначались на более продолжительные сроки, чем стандартный год. Например, В.Г. Биркин был направлен в Ряжск в июле 1590 г. и оставался там на протяжении пяти лет (с перерывами во второй половине 1591 г. и осенью 1594 г.). За весь этот период успели смениться несколько воевод; в промежутках В.Г. Биркин исполнял обязанности местного начальника самостоятельно[3]. Летом 1591 г. он вместе с И.О. Полевым (тогда ряжским воеводой) во главе «полка» местных детей боярских нанёс поражение отряду крымских татар «меж Михайлова и Пронска»[4]. Именно на В.Г. Биркина ряшане ссылались в ходе верстания в ноябре того же года, подавая челобитья о компенсациях вдовам убитых[5]. Затем он «прибирал» новиков и «ряжских

[1] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 48–49; РК 1638. С. 50, 71, 73.

[2] Цит. по: *Новосельский А.А.* Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 183 (1640-е гг.).

[3] РК 1598. С. 430, 432, 438, 439, 449, 450, 461, 464, 470, 472, 475, 476, 479; РК 1605. Т. 3. Ч. 3. 95–96; *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 253.

[4] РК 1598. С. 450.

[5] «…в прошлом в 99 году в приход крымского царя был он в полку с Васильем з Биркиным, и убили его под Михайловым крымские люди … А Василей Биркин дал Матвеевы жены Домны с

атаманов» на службу[1]. Весной 1594 г. В.Г. Биркин вместе с ряжскими окладчиками давал показания о службах ряшан[2]. Осенью того же года он отбыл на юг для сопровождения посольства в Стамбул (см. **2.2.4**).

Обратимся к другим категориям должностей, на которые назначались выходцы из рязанской верхушки в границах своего края. В 1586 г. в Рязань, Пронск и Михайлов были посланы ***«судьи»*** – соответственно московский дворянин В.П. Измайлов и служившие по «выбору» В.Н. и Г.М. Вердеревские[3]. Примечательно, что другой вариант разрядов игнорирует существование «судей» и упоминает обоих Вердеревских на обычных позициях после воевод[4]. Этот пример показывает, какое разнообразие служебных функций может ссылаться за внешней однотипностью разрядных записей. По заключению А.П. Павлова, «судьи» «выступали прежде всего как “администраторы”, они наделялись широкими судебно-административными полномочиями»[5]. Так, в указной грамоте, адресованной Г.М. Вердеревскому в августе того же 1586 г., содержится указание вернуть беглого крестьянина, «выбежавшего» «за донского атамана». По данному делу рязанец «обыскивал» городового приказчика и сына боярского[6].

Должности ***осадных голов*** в городах Рязанского края, как правило, занимали местные землевладельцы[7]. Такой порядок закрепился в сознании служилых людей в качестве традиционного: В.Н. Глазьев обратил внимание на примечательную жалобу курских дворян середины XVII в., в которой они апеллировали к временам правления Фёдора Ивановича и заявляли, что «в Курске

детьми за своею рукою челобитную, а сказал, что Матвей Свиридов с ним в полку был, и убили его под Михайловым крымские люди» (*Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 314).

[1] Там же. С. 344, 346.

[2] Там же. С. 345, 346, 360.

[3] РК 1598. С. 378.

[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 85.

[5] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 241.

[6] АСЗ. Т. 4. С. 66 (№ 85). См. также: С. 67 (№ 87).

[7] Ср.: *Клочков М.В.* Дворянское представительство на земском соборе 1566 г. // Вестник права. 1904. Ноябрь. С. 221.

наезжих осадных голов не бывало»[1]. Однако лишь изредка среди осадных голов встречаются представители родов локальной элиты. Так, в 1557 и 1558 гг. «для осадного времени» в Переяславле-Рязанском числился Я.Н. Измайлов[2]. В последующие годы разряды не указывают эту службу, но Я.Н. Измайлов оставался на ней как минимум до середины 1560 г., когда его помощником был назначен Г.П. Денисьев. От этого времени сохранились две грамоты, освещающие функции рязанских осадных голов: «Жити в Переславле … и стенной приказ, и наряд городовой, и пушки, и пищали, зелья и ядра, и всякой городовой наряд, и пушкорей и писщалников ведать». Я.Н. Измайлову и Г.П. Денисьеву предписывалось держать в готовности детей боярских, «сбирать в город в осаду» окрестное население в случае «вестей» и связываться с осадными головами Пронска, Михайлова и Зарайска[3]. По-видимому, для Я.Н. Измайлова, как и его брата Петра (в 1553 г. назначен «для осадного дела» в Михайлов)[4], такая служба являлась многолетним «пенсионным» времяпрепровождением на завершающем этапе жизненного пути. В то же время, с вхождением рязанских родов в систему местнических отношений она таила в себе потенциальную опасность «потерьки». Под 1593 г., когда на позиции рязанского осадного головы был А.Г. Денисьев (вероятно, сын Г.П. Денисьева; в «выбор» не входил), в разрядах содержится пространное пояснение по поводу подчинённости осадного головы воеводе и его товарищу[5].

Как правило, осадными головами становились лица, служившие по дворовому списку; возможно, были среди них и «лучшие» городовые дети боярские[6]. Аналогичная тенденция обнаруживается и при анализе персонального

---

[1] Цит. по: *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. С. 60–61.

[2] РК 1605. Т. 2. С. 15. В 1549 г. был одним из «осадных воевод» (РК 1605. Т. 1. С. 361–362).

[3] АСЗ. Т. 1. С. 74-75 (№ 95, 96). О функциях осадных голов см. также: АСЗ. Т. 1. С. 192–193 (№ 222), С. 67 (№ 88).

[4] РК 1605. Т. 2. С. 140.

[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 58. См. использование в местническом споре: РИС. Т. 2. С. 196.

[6] Ср. не вполне обоснованное мнение, согласно которому все осадные головы должны считаться членами «государева двора»: *Корзинин А.Л.* Дискуссионные вопросы изучения государева двора в Русском государстве середины XVI в. С. 6; *Он же.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 60, 185.

состава ***губных старост*** (также находились уровнем ниже голов / товарищей воевод)[1]. На обеих должностях нередко встречаются родственники выборных, которые сами не попадали в этот чин и не получали «разрядных» назначений[2]. Впрочем, бывали и исключения. Так, в 1596 г. осадным головой являлся Г.В. Коробьин, вскоре зачисленный в «выбор»[3]. Случай Ю.М. Чевкина показывает, что в отдельных случаях служба в осадных головах или губных старостах не противоречила статусу выборного дворянина[4]. В 1580-е гг. он был осадным головой Переяславля-Рязанского[5], а на протяжении 1591–1604 гг. – губным старостой, но всё это время продолжал числиться в «выборе» (в БС 1588/89 и 1602/03).

Рязанские выборные дворяне известны также в различных ***вспомогательных посылках*** на территории своего края. В 1584 г. от воеводы и головы Переяславля-Рязанского к Старой Рязани был отправлен кн. А.И. Дашков[6]. В 1598 г. кн. Г.П. Шаховской, будущий активный участник Смуты, и И.П. Биркин «сбирали казаков» в Ряжске[7]. В 1604 году в качестве засечных голов у «рязанской Красносельской засеки» вместе с воеводой кн. К.И. Щербатым фигурируют уже упомянутые Ю.М. Чевкин (отставленный к тому времени от должности губного старосты) и Г.В. Коробьин[8].

---

[1] *Синелобов А.П.* Персональный состав городовых приказчиков и губных старост Московского государства XVI-XVII вв. М., 2016; *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy.

[2] Осадные головы, которые были представителями родов рязанской элиты: А.Г. Денисьев, Ф.В. (Большой) Коробьин, П. Сунбулов, Т.В. Сумников-Измайлов. Характерен пример последующего назначения одного из них «с городом»: «В Пронску осадная голова Петр Санбулов [sic – *И.К.*]. И Петр отпущон, а велено быть з городом на службе; а на его место Михайло Казначеев» (РК 1638. С. 149). Среди губных старост также присутствовали представители видных рязанских фамилий: Б.С. Глебов, С. Сунбулов, И.С. Ляпунов, А.И. Таптыков, Т.М. Петров. Состав рязанских городовых приказчиков куда менее представителен (наиболее полные списки см.: *Синелобов А.П.* Персональный состав городовых приказчиков и губных старост Московского государства XVI–XVII вв. С. 111–112).

[3] Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 225 (№ 210/2).

[4] Ср.: Станиславский. С. 133, *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 125.

[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 32. См. соответствующую помету: БС 1588/89. С. 227.

[6] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 34.

[7] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 38.

[8] РК 1638. С. 165. В 1599 г. был стоялым головой у Веневской засеки: РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 64.

Таким образом, на протяжении XVI – начала XVII в. в городах южной «украины» сложилась модель управления, в рамках которой первые позиции занимали московские воеводы, а на вторые назначались выходцы из местных элит. Несомненно, такая система была значительно более гибкой, чем если бы в ней были задействованы только внешние агенты. Местные выборные дворяне могли быстрее оказываться в назначенных местах службы, а при отзыве воевод – оставаться и руководить «малыми» силами. Вовлечение локальных элит придавало системе администрации устойчивость, необходимую в условиях постоянной угрозы татарских набегов. Как следствие, представители рязанской верхушки оказывались значительно более востребованными на южном пограничье, чем в иных местах. В то же время, сложившийся порядок предполагал постоянную ротацию администрации внутри региона. Рязанские служилые люди последовательно перемещались по разным южным центрам, часто возвращаясь на территорию своего края. Здесь они попадали не только на должности «товарищей» воевод, но и на целый ряд других позиций наряду с дворовыми и городовыми детьми боярскими.

2.2.4. «Поле»

Вторая половина XVI в. – период интенсивного взаимодействия рязанского служилого населения с казачьими сообществами «Поля». Тесные связи регионов неоднократно отмечены в историографии[1]. Рязанские служилые люди ещё в начале столетия активно привлекались к сопровождению московских посольских экспедиций, отправлявшихся на юг. Уже тогда они действовали совместно с отрядами казаков, хорошо знавших Дон. Некоторые казачьи отряды переходили

[1] См. обзоры: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке; *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства; Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 11–24. Классические исследования темы: *Пронштейн А.П.* К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. М, 1967. С. 158–172; *Проторчина В.М.* Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI – первой половине XVII веков: дис… канд. ист. наук. Л., 1948.

на службу к рязанским князьям[1]. Источники, сохранившиеся от второй четверти – середины XVI в., содержат примечательные свидетельства особых отношений между рязанцами и казаками. Так, некий Михалко Трошов, «кое живет у Якова у Измайлова», рассказывал русскому послу про путивльских казаков, которых нужно остерегаться в пути[2]. Мы уже обращали внимание на интенсивную вовлечённость рязанцев в «полевые» военные операции на протяжении второй половины 1550-х гг. Вынужденная активизация московской южной политики ***в конце 1560-х – начале 1570-х гг.*** вновь потребовала их деятельного участия.

Рязанцы в этот период являлись ключевыми агентами правительства на обширных пространствах «Поля». В 1568 г. служилые люди, пришедшие из Пронска и Михайлова, «ставили» город Данков под руководством кн. В.К. Курлятева и Г.С. Сидорова (из Пронска), а также кн. Б.В. Серебряного и Ю.М. Булгакова-Денисьева (из Михайлова). По свидетельству кн. А.М. Курбского, тогда же в Данкове («новопоставленном граде на Танаисе») был убит опричниками Ф.М. (Большой) Булгаков-Денисьев[3]. Следовательно, как рядовые дети боярские из рязанских пригородов, так и представители местной верхушки принимали участие в строительстве города. В дальнейшем рязанские

[1] СРИО. Т. 95. С. 18, 93–94, 141, 231, 619, 622, 629, 640, 668–669, 682; Т. 41. С. 411–413; *Дунаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. С. 45, 54, 55, 56. См.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 86–87; *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 39–42. См. также характеристику служб пронских казаков в позднейшей челобитной: «провожаем твоих, государевых и турских послов до Озова и на моря» (*Васильев И.И.* Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным в 1630 г. // ТРУАК. Рязань, 1888. Вып. 8. С. 155).

[2] Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. // Исторический архив. 2004. № 2. С. 203–204. См. также упоминание о службе рязанского вотчинника Х. Зиновьева «на поле» и смерти в крымском плену, причём перед уходом на службу он оставил завещание (АСЗ. Т. 3. С. 408–409 [№ 490]). Пример похода «за азовскими людьми» рязанских воевод и голов: РК 1605. Т. 1. С. 284.

[3] РК 1605. Т. 2. Ч. 2. С. 233; Кн. А.М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб., 1902. С. 95–97. См.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 105–107; *Он же.* Формирование и заселение Данковского уезда в XVII веке // Труды Воронежского государственного университета. Воронеж, 1975. Вып. 5. С. 52–66; *Ракитин А.С.* Казаки Данкова на государевой службе во второй половине XVI-XVII вв. Воронеж, 2018.

дети боярские постоянно находились на службе в Данкове и окрестностях[1], а на административные должности в город практически ежегодно назначались представители рязанской элиты. Рязанцы служили здесь не только «товарищами» воевод, но и были осадными головами – на этой позиции они известны, помимо Данкова, только в городах своего края.

Обратим внимание на длительную связь одного из основателей Данкова Ю.М. Булгакова-Денисьева с донцами. Он известен как активный участник операций против татар с 1556 г., причём уже тогда под его начальством находился отряд казаков[2]. В дальнейшем источники неоднократно называют Ю.М. Булгакова-Денисьева казачьим головой – в частности, при Молодях он командовал наёмными «польскими» казаками[3]. В конце 1570-х гг. рязанец находился на западном пограничье, но руководил по-прежнему казаками (в разрядах уточнено их происхождение – «донские»)[4]. Примечательно, что в 1585 г., после длительного пребывания в составе окружения Ивана IV, Ю.М. Булгаков-Денисьев вернулся на юг и вновь принимал участие в операциях в донском регионе.

Рязанские служилые люди издавна были включены в систему сторожевой и разведывательной службы на «Поле», которая теперь опиралась на Данков[5]. В

---

[1] АМГ. Т. 1. С. 5 (№ 3). См. в челобитной рязанцев 1577 г.: «…дети боярские служат с головами в Пронску и в Донкове и в Переславле рядовую службу … с большими и с середними статьями в ряде» (АМГ. Т. 1. С. 38 [№ 24]). Опубликован также примечательный документ с изложением истории «полевой» службы домовых детей боярских, переведённых на службу «по Рязани»: Челобитная архиепископа Рязанского Моисея царю Михаилу Федоровичу о сторожевой службе домовых епископских детей боярских рязанцев 1638 г. // ТРУАК. Рязань, 1899. Вып. 3. С. 406–407.

[2] ПСРЛ. Т. 13. С. 275–276; Т. 20. С. 577; РК 1598. С. 160–161. См.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 126.

[3] *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 170, 175; *Татищев Ю.В.* Местнический справочник XVII века. С. 12; ПСРЛ. Т. 29. С. 280. См.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 173.

[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 80. Вероятно, именно этот отряд в сентябре 1579 г. самовольно покинул театр военных действий: «Государю донские казаки изменили, пошли ис Сокола без отпуску на Дон, не дожидаяся литовских людей» (Там же. С. 86). См.: *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 27–28.

[5] См. рассказ о службе рязанцев «с малых статей», имевшей место до 1571 г: АМГ. Т. 1. С. 1 (№ 1), 35 (№ 23), 38 (№ 24) и приговор об освобождении от этой службы (Там же. С. 5 [№ 3]). Об истории южных пограничных служб см.: *Готье Ю.В.* Заметки по истории защиты южных

1570 г. местные воеводы прислали в Москву станичного голову Г.(И.) Коробьина, который сообщил, что «не доехал он до Донца Сиверсково верст за дватцать и увидел пыль великую от Донца, и гоняли ево крымские люди вверх Уразова сентября в 3 день, а по сакме он, Григорей, сметил тысечь с тритцать»[1]. Уже упомянутый Ю.М. Булгаков-Денисьев участвовал в «дозоре» 1571 г., который должен был определить места будущих «сторóж» на «Поле»[2]. В 1571 и 1576 гг. проводились совещания по поводу преобразования сторожевой службы, для чего в Москву вызывались лица с соответствующим опытом – «головы, которые наперед того на поле по местом стояли и дети боярские розных городов», а также станичные головы. От совещания 1576 г. сохранился список участников. В первой категории (стоялые головы) числятся несколько представителей рязанских родов: А.(Я.) Измайлов, Г.(М.) Вердеревский, В.(Н.). Вердеревский, П.(С.) Ляпунов, В.(Г.) Биркин, И.Ф. Дуванов-Казначеев. Отметим, что они составляли большинство приглашённых в столицу стоялых голов (6 из 11). Такое соотношение показывает, что именно из рязанцев формировалась основа командного состава сторожевой службы на «Поле». Станичные головы расписаны по городам: Путивлю (7), Туле (4), Рязани (4) и Мещере (1)[3].

По приговору 1576 г. «на Сосне усть Ливен» была создана новая сторóжа под командованием воеводы[4]. Вместе с воеводой кн. И.П. Охлябининым головой туда назначили рязанского выборного дворянина М.Н. Глебова. Той же осенью

границ Московского государства // Исторические известия. 1913. № 2. С. 47–57; *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 179–181; *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. С. 49–55; *Скобелкин О.В.* Южный фронтир России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. С. 46–47; *Марголин С.Л.* Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Военно-исторический сборник. М., 1948. С. 3–28; *Савельев А.И.* О сторожевых засечных линиях на юге в древней России. СПб., 1876; *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С. 4–46.

[1] РК 1605. Т. 2. С. 263–264.

[2] АМГ. Т. 1. С. 3 (№ 1), 17 (№ 14).

[3] АМГ. Т. 1. С. 1 (№ 1), 31 (№ 18).

[4] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 179–181.

русский отряд был разбит, а М.Н. Глебов – попал в плен (или, по другим данным, погиб) и больше не упоминается в источниках[1].

В реорганизованной системе полевых сторóжей 1570-х гг. важное место отводилось рядовым детям боярским из Рязани и Ряжска, а также служилым людям рязанского владыки[2]. В частности, рязанские, ряжские и мещерские дети боярские и казаки (в общей сложности 50–90 чел.) должны были дежурить «на Дону усть Богатово Затону» – на наиболее отдалённом посту, располагавшемся у р. Тихая Сосна. Голов туда предписывалось выбирать из Коломны и из Рязани; служилые люди сменялись каждые два месяца. Наиболее полные данные относительно состава голов сохранились за 1577 и 1578 гг. Стоялыми головами были: в 1577 г. – И.Ф. Дуванов-Казначеев, Г.М. Вердеревский, В.Н. Вердеревский; в 1578 г. – В.А. Кобяков, Д.(В.) Колтовский, В.Н. Вердеревский (повторно)[3]. Из родословной росписи известно, что у Богатого затона был убит А.И. Рахманинов – он упомянут на этой службе в 1580 г.[4].

Практика ***сопровождения*** рязанцами посольских экспедиций сохранялась на всём протяжении XVI в. Например, в 1571 г. посланника А.И. Ищеина-Кузьминского, отправленного в Турцию, провожал И.(А.) Кобяков с несколькими казачьими атаманами[5]. Весной 1585 г. в низовья Дона был послан В.Г. Биркин, задачей которого была организация встречи Б.П. Благого (он возвращался из Стамбула через Азов вместе с турецким посланником). Отряд В.Г. Биркина состоял из ряжских и данковских детей боярских и казаков, а также донцев во

[1] РК 1605. Т. 2. Ч. 2. С. 413. БС 1577. С. 196 («полон»); АМГ. Т. 1. С. 38 (№ 55) («побит»).
[2] АМГ. Т. 1. С. 5 (№ 3), 9 (№ 8), 12 (№ 10), 15 (№ 17), 22–23 (№ 18), 33–34 (№ 20), 35–36 (№ 23), 37–38 (№ 24), 48–49 (№ 27), 51–52 (№ 29). О системе сторожевой службы см.: *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украйне Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846; *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке; *Марголин С.Л.* Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века.
[3] АМГ. Т. 1. С. 33–34 (№ 20), 48–50 (№ 27), 51 (№ 28).
[4] АМГ. Т. 1. С. 52 (№ 28); АСЗ. Т. 4. С. 293 (№ 397); РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 648.
[5] *Балуев П.С.* Исторические и статистические описания станиц и городов посещаемых г. военным министром при объезде его превосходительством Области Войска Донского в 1900 году. Новочеркасск, 1900. С. 126; *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. С. 23–24.

главе с атаманом И. Кишкиным[1]. Сохранившийся статейный список, значительная часть которого посвящена пребыванию русских отрядов на Дону, изучен В.П. Загоровским[2]. Помимо организации сопровождения, на В.Г. Биркина возлагался целый ряд важных функций: разведывание сведений об обстановке у крымских татар; набор казаков на царскую службу; переговоры с донцами о пропуске посланников; наказание ослушников[3]. Летом 1585 г. ситуация осложнилась: во-первых, началась очередная фаза борьбы за власть в Крыму; во-вторых, появились сведения о том, что казаки готовят нападение на посольство; в-третьих, находившийся на Богатом затоне стоялый голова Р.Я. Вердеревский сообщил, что его «громили» «черкесы»[4]. В связи с этим на Дон были посланы значительные силы из нескольких «украинных» городов. Среди начальников войска были рязанцы Ю.М. Булгаков-Денисьев (из Орла), В.Н. Вердеревский (из Михайлова) и Г.Г. Вердеревский (из Данкова)[5]. Ю.М. Булгаков-Денисьев и Г.Г. Вердеревский возглавили судовую рать, отправленную вниз по Дону в помощь В.Г. Биркину[6]. Только в сентябре Б.П. Благой смог выступить из Азова и

[1] Представление о том, как набирались подобные отряды в самих «украинных» городах, дают источники последующих лет. В 1587 г. И.В. Измайлову, направленному в Пронск, предписывалось «прибрать на службу данских и волских атаманов и казаков и охочих волных людей» (АСЗ. Т. 4. С. 67 [№ 87]). В ряжской десятне 1591 г. присутствуют лица с пометами «сшел з вольные казаки с Васильем з Биркиным» и «пошел с Иваном с Кобяковым в охочих казакех» (*Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 312, 316, 324; см. недоумение С.Ф. Платонова по поводу таких формулировок: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. М., 1995. С. 68). В.Г. Биркин в этот момент был, вероятно, отправлен из Ряжска на юг с неким поручением, а относительно И.(А.) Кобякова достоверно известно, что он находился в Данкове (РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 195). Такие «добровольцы», следовательно, набирались для выполнения южных служб.

[2] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 2. См.: *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. С. 90–91 (1-я паг.); *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 191–197; *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. С. 63–64; *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 96; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI-XVII вв. М., 1946. Т. 1. С. 135–137; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 2001. Т. 7–8. С. 357–359.

[3] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 2. Л. 321.

[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 66.

[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 65.

[6] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 2. Л. 334об. –335.

успешно добрался до рязанской «украины»[1]. В.Г. Биркина ещё по пути отозвали в Москву, остальные воеводы вскоре также вернулись в места постоянной службы. Г.Г. Вердеревский был оставлен с тремястами «лучшими людьми» зимовать на Дону; ему предписывалось, среди прочего, удерживать казаков от конфликта с Крымом[2].

Зимой 1585–86 гг. под руководством С.Ф. Сабурова, И.С. Мясного и В.Г. Биркина был возведён Воронеж[3]. Несомненно, рязанец получил это назначение, поскольку к тому моменту был видным экспертом по донским делам и имел богатый опыт службы на «Поле»[4]. После отъезда воеводы и второго головы В.Г. Биркин некоторое время самостоятельно руководил городом[5]. Детали воронежского строительства неизвестны, но по аналогии с возведением Ельца (1592 г.) можно предполагать, что в нём участвовали и рязанские служилые люди[6]. Одновременно на «Поле» начали активно испомещаться рязанские и ряжские казаки[7].

В 1588 г. в Данкове были в очередной раз собраны крупные силы для «донской посылки», которая, однако, на этот раз не состоялась. Вторым воеводой конной рати предполагался А.Я. Измайлов, судовую должен был возглавить уже хорошо известный нам В.Г. Биркин совместно с рязанцем (в «выборе» не числился) И. Язвецовым[8]. В последующие годы В.Г. Биркин принял участие в шведском походе, а затем (мы останавливались на этом моменте его биографии ранее: **2.2.3**) на протяжении нескольких лет находился в Ряжске (причём был

---

[1] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 198.

[2] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 2. Л. 340–344.

[3] *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы и их окружение в XVI-XVII веках. Воронеж, 2006. С. 5–9. О первых воронежских воеводах см.: *Солодкин Я.Г.* Первые воеводы и головы Воронежа // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 5–13.

[4] РК 1598. С. 368, РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 88. См.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 197–202.

[5] РК 1598. С. 376.

[6] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 215–216; Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. В челобитной 1648 г. ряшане упоминали, что «Воронеж ставили» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 30. Л. 262).

[7] См., напр.: АСЗ. Т. 2. С. 267 (№ 297).

[8] РК 1598. С. 394.

назначен туда вновь вместе с И. Язвецовым). В июле 1594 г. он был снова отправлен на Дон: на этот раз необходимо было сопроводить до Азова посланников Д.И. Ислентьева и Резван-чеуша. Под начальством В.Г. Биркина и казачьего головы М. Кошелева находилась тысяча стрельцов и казаков. Из Ряжска отряд отправился в Воронеж, после чего должен был пересесть на суда. В.Г. Биркин и М. Кошелев везли, кроме того, грамоту и жалованье для донских казаков. В октябре посланник благополучно добрался до Азова[1]. В.Г. Биркин, вероятно, после возвращения побывал в Москве, а затем в апреле 1595 г. вновь числится головой в Ряжске. Вскоре он принял постриг и, вероятно, скончался[2]. История службы В.Г. Биркина представляет собой яркий пример «специализации» представителя рязанской элиты на «донском» направлении. Добавим, что спустя четыре десятилетия его сын Иван стал строителем Козлова, а внук Самойло – воеводой этого города[3].

Новопостроенные города на «Поле» включались в ***систему ротации*** руководящего состава на южной «украине», и туда (как и в другие южные центры, на должности голов) регулярно получали именные назначения рязанские выборные дворяне[4]. В 1588 г. в Воронеж был направлен Ю.(В.) Дмитриев, затем его сменил кн. В.Г. Щетинин[5]. После нападения «черкесов» в 1590 г.[6] город заново возводился под руководством кн. Г.И. Долгорукова и Г.Г. Вердеревского. На следующий год головой стал рязанский выборный из того же рода, В.(Н.) Вердеревский. В 1594–1596 гг. в Воронеже находился И.Т. Кобяков[7]. Некоторое время он руководил городом самостоятельно, затем туда были

[1] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 1. Л. 282об. –361. Наказ Биркину и Кошелеву: л. 350–356.
[2] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 129.
[3] *Davies B.L.* State Power and Community in Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635–1649. P. 45–48.
[4] См. о структуре власти в городах на «поле»: *Глазьев В.Н.* Структура власти в городах – крепостях «на Поле» в конце XVI века.
[5] БС 1588/89. С. 228; БС 1589/90. С. 327; РК 1598. С. 402.
[6] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 207–208.
[7] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 116, 164, 194; Т. 3. Ч. 3. С. 31, 74, 85, 101. Нет оснований называть его воеводой, ср. адресатов грамот: *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 381, 391–392.

назначены воеводы – кн. В.Г. Щетинин и кн. С.М. Лобанов-Ростовский[1]. Строительные работы в этот период продолжались, и сохранившиеся материалы доносят отголоски острых конфликтов между И.Т. Кобяковым и казачьим головой Б.Л. Хрущёвым. На И.Т. Кобякова поступали жалобы, что дети боярские, находившиеся под его руководством, не выполняли свои обязанности и чинили «обиды» стрельцам и казакам[2].

После возведения Воронежа рязанские сторóжи у Богатого Затона были сняты[3]. Практику ***сторожевых служб***, сложившуюся после возведения новых городов, позволяют проанализировать разрядные материалы середины – второй половины 1590-х гг. Сферой ответственности рязанских служилых людей теперь являлся район Ельца. В 1594/95–1595/96 гг. при елецком воеводе кн. И.Ф. Жировом-Засекине состояли «головы для полевые посылки» – рязанские выборные дворяне А.Н. Ржевский, Ю.И. Кобяков, М.И. Петров-Соловой и Г.П. Ляпунов[4]. Они должны были попеременно назначаться стоялыми головами: так, в апреле 1595 г. на «Поле» был отправлен Ю.И. Кобяков[5]. Согласно грамоте того же года, сохранившейся в пересказе, Г.П. Ляпунову предписывалось «с Ельца быти на поле на Тихой Сосне на Колмиюсской дороге у Каменево Броду в стоялых головах». На этой позиции он должен был сменить рязанского дворянина А.Н. Ржевского. При стоялом голове находились трое станичных голов (все – рязанцы), «а с ними дети боярские рязанцы и епифанцы»[6]. Сохранилась полная

[1] *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. С. 381–383, 385. РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 85; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 1. Л. 351об.
[2] *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. С. 375–380, 387, 390–401; *Глазьев В.Н.* Комплексы документов по управлению городами Центрального Черноземья в конце XVI в.: источниковедческий анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. №1. С. 84–87.
[3] АМГ. Т. 1. С. 59 (№ 31).
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 112.
[5] АСЗ. Т. 1. С. 194 (№ 233).
[6] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 85.

роспись елецких станиц 1598 г., которая показывает, что рязанцы составляли в них как командный, так и рядовой состав[1].

Суммируя имеющиеся данные о рязанских «полевых» головах за последнюю четверть XVI в. (таблица 2.16), отметим, что подавляющее большинство *стоялых* голов служили по «выбору». *Станичные* головы, в свою очередь, рекрутировались из числа дворовых детей боярских. Главными критериями отбора на станичную службу, согласно приговору 1580 г., являлись экономическое благосостояние и надёжность: «Дети боярские добрые с больши́х статей с четырехсот и с пятисот чети, которым бы людем в таком великом деле в станичных доездах верити»[2]. Из станичных голов в «выборе» (на начало XVII в.) известны только В.К. Вердеревский и З.П. Ляпунов; возможно, в этом чине служил также Ф.И. Кикин. С двумя последними фигурами связано примечательное дело конца 1594 г.: З.П. Ляпунов отказался быть в станичных головах с Ф.И. Кикиным и, «сбежав» из Ельца, скрылся в своём поместье. По специальному указу его доставили в Переяславль-Рязанский, «перед всеми людьми» били батогами и, взыскав расходы на гонцов, отправили обратно в Елец[3]. Вполне логична версия, согласно которой это столкновение имело местнический характер[4]. Можно предполагать, что недовольство З.П. Ляпунова вызвал низкий статус станичной службы (его старший брат в следующем году являлся стоялым головой). Такое назначение было несомненной «потерькой» для местнической чести рода[5].

---

[1] РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 34. Л. 774–776. Вероятно, именно этим источником по «станичным» службам пользовался составитель так называемого «Местнического справочника XVII в.» (*Татищев Ю.В.* Местнический справочник XVII века).

[2] АМГ. Т. 1. С. 52 (№ 29).

[3] РК 1559–1605. С. 301–302.

[4] *Назаров В.Д.* Ляпунов // БРЭ. Электронная версия (2017). URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2163518 (дата обращения: 01.04.2021).

[5] Об этом свидетельствует, в частности, целая коллекция таких служб в «местническом справочнике: *Татищев Ю.В.* Местнический справочник XVII века. С. 24, 29, 32, 34, 37. См. также: ДР. Т. 1. Стб. 991.

Таблица 2.16 – Стоялые (1) и станичные (2) головы последней четверти XVI в.

	1576[1]	**1577** и **1578**[2]	**1594-1596**[3]	**1598**[4]	**Другие годы**
1	И.Ф. Дуванов-Казначеев **А.Я. Измайлов** **Г.М. Вердеревский** **В.Н. Вердеревский** П.С. Ляпунов **В.Г. Биркин**	И.Ф. Дуванов-Казначеев В.А. Кобяков **Г.М. Вердеревский** **В.Н. Вердеревский** Д. Колтовский	**Г.П. Ляпунов** **А.Н. Ржевский** **Ю.И. Кобяков** **М. Петров-Соловой**		**Р.Я. Вердеревский** (1585)[5]
2	Ф.Л. Маслов А.И. Таптыков И.Ф. Язвецов Н. А. Чеботаев		М.И. Ляпунов И.А. Сатин С.И. Кикин **З.П. Ляпунов** Ф.И. Кикин	С.И. Кикин М.П. Войников **В.К. Вердеревский** Ф. Коростелёв К.С. Беклемишев А.И. Филитов И.А. Сатин Б.И. Есипов Н.И. Власьев М.И. Ляпунов	Г.И. Коробьин (1570)[6] В. Чулков (1579)[7] Н. Чеботаев (1579)[8] А.И. Рахманинов (1580)[9] И. Язвецов (1580)[10]

** Выделены выборные дворяне*

С ростом сети южных центров расширялась и география служб рязанских выборных дворян. По наблюдениям В.Н. Глазьева, по частоте назначений на «Поле» с рязанцами могли соперничать только представители тульской верхушки[11]. Рязанские княжата известны в качестве воевод: кн. А.И. Дашков – ливенского (1587)[12], кн. С.С. Гагарин – курского (1598)[13]. В 1599–1601 гг. в Старом Осколе служили кн. И.Ф. Жировой-Засекин и Ю.И. Кобяков. Несколькими годами ранее они, как упоминалось, совместно находились в Ельце. В июне 1601 г. кн. И.Ф. Жировой-Засекин отправился с хлебными запасами в Валуйки во главе конной рати, Ю.И. Кобяков – во главе судовой; в Старом

[1] АМГ. Т. 1. С. 31 (№ 18).
[2] АМГ. Т. 1. С. 48–50 (№ 27).
[3] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 85.
[4] РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 34. Л. 774–776.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 66.
[6] РК 1605. Т. 2. С. 263.
[7] АМГ. Т. 1. С. 51 (№ 28).
[8] АМГ. Т. 1. С. 51 (№ 28).
[9] АМГ. Т. 1. С. 52 (№ 28); АСЗ. Т. 4. С. 293 (№ 397); РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 648.
[10] АМГ. Т. 1. С. 52 (№ 28).
[11] *Глазьев В.Н.* Структура власти в городах – крепостях «на Поле» в конце XVI века. С. 8.
[12] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 96.
[13] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 20. *Анпилогов Г.Н.* О городе Курске X–XVI вв. // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 1979. № 5. С. 43–53; *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 218–220.

Осколе их сменили другие дворяне[1]. Во всех этих центрах, как можно предполагать, регулярно проходили службу дети боярские, стрельцы и казаки из Рязани и Ряжска.

Самым масштабным государственным проектом рубежа веков являлось возведение ***Царёва-Борисова*** на Донце. Сохранившийся документальный комплекс позволяет получить детальное представление об управлении и составе гарнизонов этой крепости в досмутный период[2]. С самого начала строительства в 1599 г. в Царёве-Борисове появился контингент «украинных» служилых людей, среди которых были рязанцы и ряшане[3]. Впоследствии рязанские дети боярские сообщали: «А в прошлом сто осмом году, *как ставили Борисов город, а мы были с Богданом Бельским да с Семеном с Олферьевым*»[4]. Каждую следующую весну в Царёв-Борисов посылались значительные силы – две-три тысячи человек. В 1599/1600 г. главный контингент детей боярских составляли рязанцы разных

[1] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 64, 91, 104, 125; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1. Л. 102.

[2] Воеводский наказ: *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1886. Т. 1. С. 5–14. Характеристика комплекса источников об основании города: *Анхимюк Ю.В.* Документы об основании Царева-Борисова и Валуек в РГАДА и ОПИ ГИМ (обзор). Важнейшие работы, посвящённые истории Царёва-Борисова: *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 42–51; *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 224–226; *Он же.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 53; *Солодкин Я.Г.* К ранней истории Оскола и Царева-Борисова // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: сборник статей. Тула, 2002. Т. 2. С. 97–102; *Он же.* Из ранней истории Царева-Борисова // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья. Воронеж, 2000. С. 81–93; *Фоминов А.В.* Нерешённые вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валуек и гибель Царёва-Борисова // Очерки феодальной России. М., 2013. Вып. 16. С. 202–230; *Чепухин А.Г.* Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилецких людей XVII века) // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. 5. С. 156–416; *Ісаєв Т.О.* Цареборисів: від заснування до утворення Ізюмського слобідського полку // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2010. № 906. Вип. 13. С. 91–102.

[3] С Оскола в Царёв-Борисов были отправлены 50 «лучших» детей боярских Каменского стана (подчеркнем, что они несли регулярную службу в Старом Осколе на момент этой посылки – это свидетельствует о присутствии рязанских гарнизонов в городах региона). Кроме того, при строительстве в крепости присутствовали 150 полковых ряшан, а также ряжские, пронские и михайловские «лучшие» казаки и стрельцы (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 35. Л. 1, 7, 8, 34, 35). Общие подсчёты см.: *Чепухин А.Г.* Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилецких людей XVII века). С. 179; *Ісаєв Т.О.* Цареборисів: від заснування до утворення Ізюмського слобідського полку. С. 94.

[4] РК 1559–1605. С. 350.

станов[1]. Кроме того, в гарнизоне постоянно находились рязанские, зарайские, михайловские, пронские и ряжские стрельцы и казаки. По осенней росписи количество служилых людей сокращалось: зимовать в крепости оставался небольшой отряд, обычно состоявший из приборных[2].

В отличие от других крепостей на «Поле», в Царёв-Борисов назначались не воевода и голова, а двое воевод, при каждом из которых состояли головы в чине выборных дворян. В 1600 г. воеводами в крепость были посланы кн. А.И. Хворостинин и рязанец кн. С.С. Гагарин (из Михайлова). Одним из трёх голов при первом воеводе был рязанский выборный Г.Ф. Сунбулов. В апреле 1601 г. «в прибавку» к воеводам прибыл кн. Ф.П. Барятинский, затеявший местнический спор с кн. С.С. Гагариным и одержавший победу. В 1601 г. кн. С.С. Гагарин встречал на Валуйке хлебные запасы, направленные из Старого Оскола в Царёв-Борисов, в следующем году был сменён[3]. Эти материалы показывают типичную для южных городов ситуацию. Рязанские выборные дворяне возглавляли военные отряды, в которых совместно служило множество «украинных» служилых людей, в том числе и их товарищи по «городу».

В первые годы XVII в. составе гарнизона Царёва-Борисова одновременно находились от 32 до 94 выборных дворян[4], что свидетельствует о большом значении, которое правительство придавало новому городу[5]. В рязанском разделе БС 1602/03 после имени первого выборного вписано «все в Борисове»[6]. Такая помета позволяет предполагать, что большинство членов местного «выбора» в этот момент несли службу в этой крепости[7]. Проверить данную гипотезу можно, обратившись к росписи «рати», направленной весной 1602 г. из Валуек в Царёв-Борисов с «хлебными запасами»[8]. В состав первой, конной части экспедиции

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1. Л. 85–86, 90–91.
[2] См., напр., осеннюю роспись 1602 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 35. Ч. 1. Л. 55–58.
[3] РК 1638. С. 92, 105, 108–110, 124; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 35. Ч. 1. Л. 48.
[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1. Л. 85, 90, 96; Оп. 9. № 35. Ч. 1. Л. 42, 48.
[5] *Солодкин Я.Г.* Из ранней истории Царева-Борисова. С. 84.
[6] БС 1602/03. С. 267–268.
[7] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 74.
[8] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 35. Л. 52–55; РК 1638. С. 124 (данная разрядная запись была составлена на основе подробной росписи).

входил 1021 человек: 29 «дворян выборных *рязанцов* да серпьян»[1], 350 «лучших» рязанских детей боярских, 142 серпьянина и мощинца, 500 казаков и стрельцов. Головами являлись рязанец Г.Ф. Сунбулов и серпьянин М.О. Беклемишев, находившиеся ранее при воеводе Царёва-Борисова.

Вторую рать, «судовую», составляли 950 стрельцов и казаков «украинных городов», руководимые своими сотниками и атаманами. Однако главными начальниками этой части экспедиции были пятнадцать дворянских голов, по меньшей мере восемь из которых служили по Рязани: четверо – в выборе (Г.В. Коробьин, П.П. и З.П. Ляпуновы, В.К. Вердеревский), пятеро – по дворовому списку (И.И. Гагин, М.И. Казначеев, А. и П. Масловы). Перед нами – редкий случай, когда можно с уверенностью судить о местопребывании абсолютного большинства рязанских выборных. Простой подсчёт позволяет с уверенностью утверждать, что практически все они, в соответствии с пометой «боярского списка», в 1602 г. находились на юге и занимались сопровождением «хлебных запасов»[2].

Рассмотренная роспись проливает свет на характер деятельности выборных дворян в южных регионах. Прежде всего, они несли службу совместно с детьми боярскими из своих уездов и получали возможность непосредственно руководить отрядами, составленными из товарищей по «городу». При этом, как представляется, все головы данной экспедиции были именно назначены, а не избраны самими служилыми людьми. Г.Ф. Сунбулов и М.О. Беклемишев занимали официальные должности в Царёве-Борисове при местных воеводах; что

[1] Городовая принадлежность выборных дворян («олексинцов, коломнич, козлич, коширян») указывается в ещё одном случае: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 35. Л. 42.

[2] В серпейском разделе помета «в Борисове» стоит напротив только четырёх человек (БС 1602/03. С. 284). Однако даже если предположить, что все 14 серпейских дворян отправились на южную службу, большинство выборных в составе экспедиции всё равно должны были составлять рязанцы. Поскольку трое серпьян, служивших по «выбору», упоминаются среди голов (М.О. Беклемишев, К.В. Челюскин, З.В. Быков), а общее количество выборных в «конной рати» составляло 29, рязанцев в ней было не менее 18. Кроме них, четверо рязанских выборных возглавляли «судовую рать». Таким образом, минимальная численность рязанцев в составе экспедиции – 22 человека из 36 в БС 1602/03. Представляется, однако, что сведения «боярского списка» верны, и все рязанские выборные, кроме нескольких человек, были привлечены к южной службе.

касается «судовой рати», она состояла из приборных людей, которые в любом случае не располагали правом выбирать дворянских руководителей. Тем примечательнее, что при таких назначениях принималась во внимание городовая принадлежность голов. Необходимо отметить, наконец, что во всех росписях войск, сосредоточенных в Царёве-Борисове, «выбор» учитывался специальной рубрикой – так же, как это происходило при военных походах (**2.2.6**). Хотя кроме Г.Ф. Сунбулова никто из рязанских выборных не упоминается в других разрядных записях этого года[1], это не означает, что они служили «с городом вместе». Находясь в Царёве-Борисове, члены «выбора» не смешивались с рядовыми детьми боярскими: они служили по особому перечню и формировали командный состав местных отрядов, зачастую весьма многочисленных. Возможно, при необходимости они могли составлять особое войсковое подразделение для решения специальных задач, но прямых свидетельств этому нет[2].

Интенсивные службы рязанцев в городах на «Поле» приводили к установлению ***неформальных связей*** с местными сообществами. Одно из важных свидетельств этого явления – результаты «розыска» февраля 1604 г., проведённого воеводами Царёва-Борисова. Они допрашивали рязанских детей боярских (обратим внимание на то, что рязанцы и в этот момент несли службу в городе) по поводу нелегальной торговли «заповедными товарами» с донскими казаками. Выяснилось, что в ней был замешан З.П. Ляпунов, в 1602/03 г. продавший приехавшим в Царёв-Борисов казакам вино, «пансырь и шапку железную». За это рязанец «с товарищи» был бит кнутом[3].

Сведения, касающиеся служб рязанцев в городах «на Поле» в начале XVII в., имеют особую важность в свете последующих событий, когда местное население стало одной из движущих сил антиправительственного движения. Как

---

[1] См. также, напр., известие о смерти в Царёве-Борисове в 1599/1600 г. И.Т. Кобякова, который не упоминается в разрядах этого периода (АСЗ. Т. 2. С. 188 [№ 202]).

[2] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 121–122.

[3] РК 1556. С. 350–351.

и ранее, в 1604 г. (последний год, от которого сохранились систематические разряды «украинных» назначений) многие представители рязанской элиты находились на службе в южных городах. Будущий активный участник Смутного времени А.В. Измайлов был головой в Белгороде в 1601–02 гг., в январе 1603 г. «отпущен», побывал в Москве и в марте 1604 г. оказался в Переяславле-Рязанском. Уже в мае его вновь направили в Белгород «для польские посылки»[1]. В одной из разрядных книг упоминается о назначении А.В. Измайлова вторым воеводой в Царёв-Борисов. Там в тот момент находился кн. Б.П. Татев, а при нём – рязанский голова И.Н. Ржевский[2]. Головой к А.В. Измайлову был определён ещё один представитель рязанского «выбора», А.В. Сергеев-Левашов[3]. Можно предполагать, что в дальнейшем А.В. Измайлов вновь вернулся в Белгород, и, скорее всего, именно там его застигло вторжение Лжедмитрия I (**3.3.2**)[4]. Наконец, рязанский выборный дворянин кн. М.П. Волконский в 1603–04 гг. упоминается в Ливнах[5].

Таким образом, на протяжении всей второй половины XVI в. рязанцы принимали активное участие в освоении «Поля». Рязань и Ряжск, будучи ближайшими к этой территории уездами, выступили естественными источниками ресурсов для колонизации. При этом рязанское сообщество не просто являлось пассивным донором необходимой военной и рабочей силы. Оно выдвигало из своих рядов специалистов по региону, которые имели длительный опыт взаимодействия с населением «Поля» и знали местную специфику. Ещё во

[1] В другом варианте – «посольские посылки». См. назначения А.В. Измайлова: РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 124, 131, 139; Ч. 2. С. 68; РК 1638. С. 148, 158, 163, 164, 169, 171; РЗ. С. 131; БС 1602/03. С. 268.

[2] Ранее также находился в Москве (БС 1602/03. С. 268).

[3] «В Борисове городе воеводы князь Борис Петрович Татев да Василей Тимофеев сын Плещеев. И Василей Плещеев от воеводства отставлен, а на его место в Борисов город послан из Белагорода воевода Артемей Васильев сын Измайлов. А с воеводами головы: с воеводою со князем Борисом Татевым головы князь Григорей княж Петров сын Шеховской да Иван Никитин сын Ржевской, да из Белагорода голова Борис Хрущов; с воеводою са Артемьем Измайловым головы Иван Васильев сын Сергеев Левашов да Михайло Богданов сын Зыбин» (РК 1638. С. 169).

[4] Последнее по времени упоминание в РК до перехода на сторону Лжедмитрия I: РК 1638. С. 171.

[5] РК 1605. Т. 4. Ч. 2. С. 56, 68; РК 1638. С. 169; БС 1602/03. С. 270.

времена самостоятельности княжества местные служилые люди возглавляли отряды, сопровождавшие посольские экспедиции в Азов. Представители рязанской элиты составляли основу командного состава сторожевой службы, и именно к ним правительство обратилось за консультациями при реорганизации этой системы в 1570-е гг. Находясь на «Поле», выборные дворяне из Рязани выступали начальниками смешанных отрядов южных детей боярских, в которых были и их сослуживцы по «городу». Логическим продолжением такой практики стало интенсивное привлечение рязанцев к строительству новых опорных пунктов на юге, а в дальнейшем – к управлению этими центрами. Накануне вторжения Лжедмитрия I именно «полевые» города являлись, наряду с родным краем, основным регионом службы рязанских дворян и детей боярских, они были активно вовлечены в местные дела. Связи, установившиеся между служилыми сообществами рязанской «украины» и «Поля», необходимо учитывать при рассмотрении событий Смутного времени.

2.2.5. Другие службы: юг и восток

Роль рязанских служилых людей как экспертов по южным делам, отмеченная при рассмотрении служб на «Поле», прослеживается и при более дальних военных и дипломатических назначениях. Рязанцы не только руководили сопровождением посольств, но и сами отправлялись к южным соседям в качестве ***дипломатических агентов***. Сохранилось уникальное известие о том, как Иван IV «сватал за себя в Черкасех царицу Марью Черкаскую, и в ту пору Василей Иванов сын Меншой Коробьин в Черкасех от царя Ивана был». С информацией о ходе дел В.И. (Меньшой) Коробьин присылал к царю Н.Г. Ржевского, а также П.(Г.) и В.(Г.) Биркиных[1]. Примечательно, что столь ответственное поручение, связанное

[1] Коробьины хранили память об этой престижной службе, однако при обращении в 1627 г. в Посольский приказ (в связи с местническим делом С.Г. Коробьина и А.В. Измайлова) подтверждающих документов обнаружено не было (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627 г. № 73. Л. 14–28). Дипломатическая посылка упомянута также в росписи служб членов рода, представленной в Разрядной приказ в конце XVII в.: «Да он же Василий Иванович Коробин Ямска посылан был в Черкасы при Государе Царе и Великом князе Иване Васильевиче всеа Русии для Марьи Темрюковской и была она за Государем, а в котором году был посылан и то явно в Розряде и в

со сватовством царя, было поручено именно рязанцам. В 1565 г. в Ногайскую орду был отправлен «добрый сын боярский» М.Ф.(?) Сунбулов[1]. В сентябре 1578 г. в Крым выехал А.Я. Измайлов (впоследствии, уже будучи в чине дворянина московского, отправлялся также в Речь Посполитую)[2]. Во второй половине 1580-х гг. посланником в Грузии был Р.П. Биркин[3].

Другое важное направление служб представителей рязанской элиты – ***Предкавказье***. В 1588 г. головой в новоставленный Терский городок был назначен Г.М. Вердеревский[4]. В 1593 г. на Терек «воевать черкасы и шевкалы» с кн. А.И. Хворостиным отправили голову И.В. (Большого) Измайлова. Согласно известию разрядов, под его руководством находился отряд казаков. Поскольку И.В. Измайлов в предшествующем году был головой в Епифани, логично предположение А.В. Лаврентьева, что казачий отряд был набран именно там[5]. Русское войско потерпело тяжёлое поражение с больши́ми потерями. И.В. Измайлов погиб в бою на Сунше[6]. С 1599 по 1602/03 гг. в Терском городке головой служил рязанский выборный дворянин кн. В.Г. Щетинин[7]. Наконец, И.Н. Ржевский был в марте 1604 г. назначен письменным головой в армию окольничего И.М. Бутурлина, посланную «воевать Шевкалы». Как известно, этот поход закончился в следующем году катастрофическим разгромом русской рати.

Посолском Приказе» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 155. Л. 21). Единственное упоминание в литературе см.: *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. С. 55 (1-я паг.).

[1] ПСРЛ. Т. 13. С. 396; ДРВ. Продолжение. СПб., 1811. Ч. 11. С. 138, 140, 144, 147, 169.

[2] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. № 15. Л. 452, 456об.; *Рогожин Н.М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.); *Филюшкин А.И.* Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // «В кратких словесах многой разум замыкающе…». СПб., 2008. С. 329.

[3] *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. С. 33–45 (1-я паг.).

[4] БС 1588/89. С. 227; РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 113; РК 1598. С. 399; СГГиД. Ч. 2. С. 125, 126 (№ 62).

[5] См.: *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 111–112.

[6] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 65, 81; НЛ. С. 45–46. См.: *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. С. 105–106 (1-я паг.); *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVIII века). М., 1963. С. 282–283.

[7] БС 1602/03. С. 267; РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 77, 95–96, 107; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в. М., 1997. С. 41–44.

По-видимому, И.Н. Ржевский так и не принял участия в данной экспедиции, оставшись служить на «Поле»[1].

Как и в предшествующий период, рязанцы эпизодически назначались в регион ***Понизовья***. В 1571 г. головой в Астрахани был М.Ф.(?) Сунбулов[2]. «Под Казанью» погиб В.И. (Большой) Коробьин – точный год не известен, так как назначение не отразилось в разрядах[3]. Вероятно, это случилось в начале 1580-х гг., когда в крае произошло мощное восстание[4]. Для его подавления в Казань на протяжении нескольких посылались войска, в том числе – «украинные» воеводы с местными отрядами[5]. Весной 1583 г. вторым воеводой сторожевого полка «в казанском в конном походе» состоял Р.Я. Вердеревский, который перед этим назначением занимал должность брянского головы[6]. Годом ранее «в Казань луговые черемисы воевать» отправился полковым воеводой московский дворянин А.Я. Измайлов[7]. Мы уже отмечали, что эта посылка прокомментирована в одной из редакций разрядов как вынужденная – для спасения от поражения в местническом споре (**2.1.4**). А.Я. Измайлов вскоре вернулся, служил на юге и в столице (начальником Земского двора), а в конце 1580-х гг. вновь оказался в Казани вместе с сыном Василием. Летом 1589 г. он был отправлен к Астрахани «с

[1] РК 1605. Т. 4. Ч. 2. С. 69. Ср.: РК 1638. С. 169. Среди погибших и попавших в плен НЛ указывает всех воевод большого и передового полков, а также троих письменных голов. Два имени совпадают, но вместо И. Ржевского указан И. Исупов (НЛ. С. 57–58). Не упоминает об участии Ржевского в походе и Карамзинский хронограф (Карамзинский хронограф. С. 321–323). О походе см.: *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVIII века). С. 287–288.

[2] РК 1605. Т. 2. С. 275.

[3] РРР. С. 156. Это произошло после 1572/73 г.

[4] *Бахтин А.Г.* Третья черемисская война. 1581–1585 гг. // Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. С. 539–555; *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв: управление Казанским краем. С. 33–36.

[5] См., напр.: РК 1550–1636. С. 344–347. Упоминание об участии в «казанском походе» 1582/83 г. можно найти в челобитной рязанца Т.Д. Шиловского: АСЗ. Т. 4. С. 367 (№ 497, л. 1111). Сохранилась подробная роспись казанского зимнего похода 1583/84 г., в которой фигурируют рязанцы (**2.2.6**) (*Анхимюк Ю.В.* Росписи Казанского зимнего похода...).

[6] РК 1550–1636. С. 349; РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 45–46.

[7] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 5–6.

царевичами»[1]. За два года до этого в астраханской «плавной рати» состоял воеводой В.П. Измайлов[2].

Напротив имени Р.Я. Вердеревского, а также сразу пяти Петровых-Соловых в БС 1588/89 стоят пометы «в Цареве городе»[3]. Под этим наименованием скрывается «казанский пригородок» Царёво-Санчурск, в котором Р.Я. Вердеревский служил вторым воеводой на протяжении трёх лет[4]. К этим назначениям можно добавить ещё несколько появлений рязанских выборных в регионе Поволжья. В 1583 г. в Чебоксарах находился П.С. Ляпунов (указан третьим в перечне назначенных), на следующий год он переместился в Данков[5]. В 1600 г. кн. М.П. Волконский был воеводой в Алатыре[6]. Во всех названных случаях это были кратковременные назначения, после которых следовало возвращение на обычные южные должности.

Таблица 2.17 – Рязанцы в сибирских городах

Рязанский дворянин	**Год первого упоминания о назначении и город**
В.Н. Вердеревский	1587, Тобольск[7]
Ю.В. Дмитриев	1592, Тюмень[8]
кн. М.П. Волконский	1594, Тобольск / Берёзов[9]
И.Н. Ржевский	1597, Сургут[10]
А.Т. Петров	1597, Тюмень[11]
И.П. Биркин	1599, Берёзов[12]
П.Г. Вердеревский	1599, Пелым[1]

[1] БС 1588/89. С. 211, 216; РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 167.
[2] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 108.
[3] БС 1588/89. С. 228.
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 148. Службы Петровых-Соловых в разрядах не отмечены. См. о городе: *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв: управление Казанским краем. С. 36; *Низов В.В.* Царево-Санчурск в конце XVI – начале XVII века // Герценка. Киров, 2000. № 1. С. 90–98.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 16.
[6] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 97.
[7] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 116; БС 1588/89. С. 277.
[8] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 41.
[9] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 84; *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. С. 409; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 385, 387; 1941. Т. 2. С. 154–155; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. М., 1951. С. 51–54.
[10] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 115.
[11] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 115.
[12] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 65, 97.

Ю.И. Кобяков	1603, Берёзов[2]
Ф.Ю. Булгаков	1603, Мангазея[3]

В конце XVI в. появилось новое направление служб рязанцев – ***сибирские города*** (таблица 2.17)[4]. Заметим, что некоторые из местных гарнизонов «прибирались» на южном пограничье, в том числе и в Рязанском уезде[5]. За полтора десятилетия в Сибири побывали как минимум девять рязанских выборных дворян. Кроме того, сибирский летописный свод содержит уникальное известие, согласно которому Тюмень была «ставлена» в 1592/93 г. «при воеводах при *Юрье Булгакове* да при Богдане Воейкове»[6]. Я.Г. Солодкин полагает, что в Сибирь был отправлен Ю.М. Булгаков-Денисьев, к тому времени уже пожилой[7]. Однако более вероятно, что возникла путаница с другим рязанцем, Ю.В. Дмитриевым[8]. Он действительно получил назначение в Тюмень вместе с воеводой А.И. Вельяминовым. Впоследствии А.И. Вельяминов был отпущен, «а на ево место велел государь быти в Тюмени городе Юрью Васильеву сыну Дмитрееву резанцу да с ним в товарищах Федору Суворову сыну Наумову»[9]. Вероятно, при этом Ю.В. Дмитриев сохранял формальный статус головы (в

[1] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 65, 97; БС 1602/03. С. 268.
[2] РК 1605. Т. 4. Ч. 2. С. 54; БС 1602/03. С. 267.
[3] РК 1605. Т. 4. Ч. 2. С. 54; БС 1602/03. С. 267.
[4] О сибирских воеводах и головах см.: *Симачкова Н.Н.* Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI — начало XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002; *Солодкин Я.Г.* Первые государевы воеводы в Сибири // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 48–51; *Он же.* Воеводы и головы Березова с первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность. Тюмень, 2001. Вып. 4. С. 10–16; *Он же.* Письменные головы в административной структуре России второй половины XVI – начала XVII в.; *Он же.* Письменные головы в Сибири конца XVI – начала XVII вв.(к истории формирования воеводской системы управления) // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 131–135; *Davies B.* The Town Governors under Ivan IV. P. 139.
[5] *Солодкин Я.Г.* Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018. С. 11, 14, 19, 24, 40.
[6] ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 139, 369.
[7] *Солодкин Я.Г.* Первые воеводы и письменные головы Тюмени (к истории складывания административной системы «Русской Сибири») // Водные ресурсы и ландшафтно-усадебная урбанизация территорий России в XXI веке. Тюмень, 2015. Т. 2. С. 120.
[8] Напомним, что Дмитриевы и Булгаковы-Денисьевы являлись однородцами; иногда в разрядах возникали схожие ошибки (см., напр.: РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 174).
[9] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 41.

качестве воеводы не отмечен)[1]. Пребывание в сибирских городах длилось по несколько лет, после чего рязанские выборные возвращались к обычным южным службам.

Разнообразие «посылок» во второй половине XVI в. – наглядное свидетельство включённости рязанцев в систему общегосударственных служб. Наряду с множеством других дворян они в качестве правительственных агентов выполняли поручения в различных регионах Московского государства вдали от своих поместий и вотчин, и даже отправлялись с дипломатическими поручениями.

2.2.6. Дальние службы: западный театр военных действий, государев полк

Как известно, во второй половине 1550-х гг. происходила переориентация внешнеполитического вектора Московского государства. Параллельно с активными операциями на южном пограничье, крупные силы направлялись на северо-западное и западное направления. Данные относительно участия служилых «городов» в боевых действиях на этом театре отрывочны. Рязанские отряды могли появляться в составе войск, действовавших против Швеции и Ливонии, уже на са́мом раннем этапе конфликта[2]. Куда больше сведений о членах «государева двора», выполнявших различные службы на этих военных пограничьях. В поле внимания составителей разрядов систематически попадали города «от литовские и от немецкие украины», а также русские рати, действовавшие на ливонском, литовском и шведском театрах. В данном разделе мы сосредоточим своё внимание также на пребывании рязанских дворян в составе государева полка – особого формирования, в котором состояли «избранные»

[1] *Солодкин Я.Г.* Первые воеводы и письменные головы Тюмени (к истории складывания административной системы «Русской Сибири»). С. 119.

[2] Из позднейшей челобитной ряшан известно об участии этого «города» в походе на Выборг зимой 1555–56 гг. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 30. Л. 261). О походе см.: РК 1605. Т. 1. С. 504; *Некрасов О.Б.* Зимнее наступление русских войск 1556 г. и осада Выборга // Вестник СПбГУ. История. 2012. Вып. 1. С. 119–126.

служилые люди[1]. Рассматриваются характер, интенсивность и динамика назначений рязанской элиты на такие службы.

Прежде всего, обратимся к анализу материалов Разрядного приказа, в которых фигурируют ***дети боярские рязанского служилого «города»***. Составляли ли они единые отряды, когда находились на отдалённых театрах военных действий, и возглавляли ли их представители местной элиты? Эти принципиальные вопросы – о составе сотен и «земляческой» связи воевод и голов с подчинёнными им военными формированиями – поставил ещё М.В. Клочков в отклике на классическую работу В.О. Ключевского о земских соборах[2]. Для предшествующего периода отсутствуют источники, на основе которых можно было бы сделать уверенные заключения по данной проблеме. Что касается военных кампаний второй половины XVI в., здесь сохранились несколько подробных разрядных росписей, изучение которых позволяет выдвинуть более определённые предположения.

Первые сведения о пребывании рязанцев на западном пограничье содержит записная книга Полоцкого похода 1563 г. Вероятно, в этой военной акции местные служилые люди участвовали практически в полном составе[3]. Вместе с детьми боярскими из Серпухова, Тарусы и Ряжска их «собирал» в Ярославце кн. В.С. Серебряный (в дальнейшем – один из воевод большого полка). В разряде числится в общей сложности 455 рязанцев: 80 дворовых, 32 – «с вотчин»[4], 21 – «малых статей» и 322 – городовых. Из других городов края в походе участвовало ещё 322 чел., которые не делятся на чиновные категории: 171 – из Ряжска, 85 – из Михайлова, 66 – из Пронска. Существенно, что они были распределены по разным полкам и воеводам русской рати вперемежку с детьми боярскими из других регионов. Так, собственно «рязанцы» оказались приписаны к воеводам большого полка тремя группами, каждая из которых включала в себя дворовых и городовых детей боярских. При этом около четырёхсот выборных дворян,

[1] АИ. Т. 2. С. 425 (№ 355).
[2] *Клочков М.В.* Дворянское представительство на земском соборе 1566 г.
[3] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 89.
[4] Об этой категории см. **3.2.2**.

участвовавших в Полоцком походе, не смешивались с основной массой рядовых детей боярских. Они состояли в особых отрядах государева полка, выполнявших специальные поручения[1].

Дополняют картину разрядные росписи, сохранившиеся от времени отражения набега Девлет-Гирея. Хотя этот случай относится к «южному» театру, он оказывается полезным для прояснения логики назначений воевод и голов. В войске кн. М.И. Воротынского в 1572 г. «старые и новые рязанцы» находились в передовом (200 чел.) и сторожевом (300 чел. «которые получше») полках. Дополнительная роспись позволяет установить, что головами у рязанских отрядов были И.М. (Большой) Головин и кн. Ф.И. Кривоборский. Следовательно, и на уровне младшего командного состава рязанские отряды могли возглавлять представители «государева двора», не являвшиеся выходцами из местной верхушки. Разделение на дворовых и городовых в составе полков не проводилось, а выборные дворяне («дети боярские выборные») теперь распределялись по воеводам группами от 10 до 40 чел.[2].

В Ливонском походе 1577 г. рязанские дети боярские не упоминаются отдельно. Известно, что в одной из смешанных сотен государева полка («детей боярских разных городов») под начальством Ф.А. Бутурлина отличился рязанец В.А. Кобяков[3]. Как будет показано далее, многие представители рязанской элиты находилась в этом походе в составе царского сопровождения. Ещё два разряда, содержащие подробные сведения о городовом составе войсковых контингентов, относятся к 1580 и 1581 гг. В первом случае в войсках, собранных для похода в Ливонию, числились 500 рязанцев из Ржевы. Ранее они «всем городом» состояли под начальством воеводы кн. С.Д. Пронского, а теперь разделялись между ним и

[1] ЗКПП. С. 121, 122, 126, 128. См.: *Клочков М.В.* Дворянское представительство на земском соборе 1566 г. С. 232–233; *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 284, 290.

[2] *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях. С. 176, 177; РК 1605. Т. 2. С. 314–316.

[3] РК 1605. Т. 2. С. 449, 469, 493, 517, 543, 550; Т. 3. Ч. 1. С. 12. В родословной росписи Кобяковых отсутствует, в «выборе» и ДТ не фигурирует. См. упоминание о нём как о рязанце в 1578 г. на «полевой» службе: АМГ. Т. 1. С. 49 (№ 50).

Р.Д. Бутурлиным[1]. В ржевской росписи 1581 г. 150 «лутчих рязанцев» находились в большом полку с первым воеводой кн. М.П. Катыревым-Ростовским. Этот случай особенно важен, поскольку в большом полку и полку правой руки были вторые воеводы рязанского происхождения (А.Я. Измайлов и И.А. Кобяков). Ничто не указывает на их связь с рязанскими детьми боярскими, находившимися в составе той же рати. Под началом А.Я. Измайлова состояли 20 выборных дворян и 256 костромичей; И.А. Кобякова – 10 выборных дворян, а также 164 помещика из Белева и Алексина[2].

Сохранившиеся росписи Казанского зимнего похода 1583/84 г. показывают механизмы организации войска. Сбором отрядов руководили присланные из Москвы лица, которым были приданы выходцы из местных «городов». Так, в Рязани при кн. И.М. Щербатом состояли «рязанцы» кн. С.С. Гагарин, Д.Г. Колтовский и П.П. Ляпунов[3]. Одновременно наиболее видные представители рязанской элиты выступали сборщиками в других регионах: В.Я. Измайлов – в Коломне, А.Т. Петров – в Мещере. Такая практика привлечения сторонних администраторов являлась систематической, о чём свидетельствует целый ряд других примеров[4]. Примечательно, что городовые отряды в процессе движения к Казани переходили между воеводами, которые передавали друг другу списки служилых людей. Как справедливо заключил Ю.В. Анхимюк, такое постоянное смешение обеспечивало взаимный контроль[5]. В росписи «дворяне выборные и дети боярские» не разделяются.

Наиболее полной является роспись русского войска, посланного против Лжедмитрия I в 1604 г. В отличие от рассмотренных ранее документов, в ней

---

[1] Разряды похода великого князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей. С. 127–128.

[2] *Буганов В.И.* Документы о Ливонской войне. С. 269.

[3] *Анхимюк Ю.В.* Росписи Казанского зимнего похода... С. 188.

[4] Примеры сбора рязанских ратей: РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 118 (кн. В.М. Лобанов-Ростовский собирает рязанцев и отправляется в Ржев); БС 1589/90. С. 321 (кн. С.М. Лобанов-Ростовский в Ряжске, кн. М.С. Туренин – в Рязани), 329 (П.П. Стромилов собирает рязанскую «посоху»); ЗКПП. С. 122. Сохранилась также указная грамота по поводу сбора ряшан В.И. Загряжским для отправления на службу в декабре 1580 г. (АСЗ. Т. 4. С. 100–101 [№ 136]). Сбор рязанцами войск в других регионах: БС 1589/90. С. 327.

[5] *Анхимюк Ю.В.* Росписи Казанского зимнего похода... С. 182.

приведены *поимённые* перечни московских и выборных дворян, которые числились при полковых воеводах. Такие списки утрачены для большого полка, полка правой руки и первого воеводы передового полка, но полностью сохранились росписи второго воеводы передового полка, сторожевого полка и полка левой руки. Как показал А.Л. Станиславский, одним из источников росписи являлся не сохранившийся «боярский список». Из него был взят перечень выборных дворян, механически разделённый на части и распределённый в росписи по полкам и воеводам[1]. Сравнение состава «выбора» и рядовых детей боярских сохранившихся показывает наличие устойчивой закономерности. Выборные дворяне в ряде случаев назначались к воеводе, под руководством которого служили дети боярские из того же «города» (приложение 6). Учитывая это наблюдение, можно предполагать, что рязанский «выбор» (его нижняя часть уцелела на оторванном фрагменте листа)[2] относился к первому воеводе передового полка. Именно в передовом полку находились группы из 1000 (с первым воеводой) и 399 (с вторым) рязанцев[3].

Итак, если в 1563 г. выборные дворяне составляли особую часть войска, в 1604 г. они находились в полках вместе с «городовыми» отрядами (но при этом продолжали учитываться отдельными перечнями). По заключению А.О. Курбатова, приданные воеводам выборные дворяне замещали младшие командные должности, прежде всего – сотенных голов[4]. Наблюдения А.П. Павлова показывают, что выборные дворяне могли руководить, в том числе, сотнями своих земляков[5]. Трудно предполагать, однако, что этот принцип соблюдался сколь-нибудь последовательно.

---

[1] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 111–114.

[2] Роспись 1604. С. 366; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 421 (прим. о состоянии рукописи).

[3] Роспись 1604. С. 396, 400.

[4] *Курбатов О.А.* Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. 2009. Вып. 1. С. 224.

[5] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 125, 139 (прим. 168).

Таким образом, рязанские дворяне и дети боярские были включены в московскую служилую систему, главным принципом которой являлось смешение служилых людей разных сообществ. На дальних службах рязанцы зачастую не составляли единого отряда и распределялись отдельными группами между воеводами. Земляческие связи воевод и подчинённых им отрядов были практически исключены; уже на этапе сбора сил старший начальник являлся сторонней фигурой. На уровне сотен, которыми руководили выборные дворяне, такие связи были возможны, но не выдерживались систематически. Как справедливо подчеркнул М.В. Клочков, «очень часты были случаи, когда во главе уездных сотен стояли лица, совершенно не связанные с сотней местными узами»[1]. Пока неизвестны случаи, когда выходцы из видных рязанских родов руководили на западном порубежье отрядами «своих» детей боярских. Такое положение составляет значительной контраст с организацией службы на южном пограничье, где рязанские выборные дворяне находились в постоянном взаимодействии с рядовыми членами своего служилого сообщества.

Обратимся теперь к «разрядным» службам ***представителей рязанской элиты*** на западном пограничье во второй половине XVI – начале XVII в.

Среди массы служилых людей, упоминаемых лишь количественно, в Полоцком походе выделяются несколько рязанцев, получавших «именные» назначения. «За государем» ездил Ш.В. Кобяков – думный дворянин, судьбу которого мы подробно рассмотрели в **2.1.3** и **2.2.1**. «Дозорщиками» в составе государева полка числились М.М. Булгаков-Денисьев и М.Ф.(?) Сунбулов, причём первый был «прибран в ясаулы»[2]. В.Я. Измайлов выступил в роли посыльного при принятии капитуляции полоцкого гарнизона. Как видно из этого перечня, все они выполняли различные поручения, не связанные с руководством воинскими подразделениями. Единственным исключением является

[1] *Клочков М.В.* Дворянское представительство на земском соборе 1566 г. С. 237.
[2] ЗКПП. С. 130, 131, 132.

Ф.М. (Меньшой?) Булгаков-Денисьев, активно участвовавший в боевых действиях в качестве стрелецкого головы[1].

Некоторые служилые люди из этой группы не первый год находились на западном пограничье. В разряде Рижского похода 1558 г. встречается имя Ф.М. (Меньшого?) Булгакова-Денисьева, который был одним из голов передового полка[2]. В 1560 г. он принимал участие в походе на Ливонию армии кн. И.Ф. Мстиславского, будучи одним из голов полка правой руки[3]. М.М. Булгаков-Денисьев в 1562 г. был назначен годовщиком в Велиж (крепость на литовском пограничье). В том же году он участвовал в походе «в Литовскую землю» в качестве второго воеводы большого полка трёхполковой рати[4]. Именно с велижской службы М.М. Булгаков-Денисьев отправился под Полоцк. Весьма примечательно, что после взятия города, в марте 1563 г., назначение в Велиж «на Михайлово место Булгакова» получил рязанец М.Ф.(?) Сунбулов. Здесь под его руководством находились 150 ржевских и велижских помещиков. Следующим пунктом службы М.Ф.(?) Сунбулова стал Смоленск, где он упоминается в 1566–67 гг. как посланный «в прибавку» к местным воеводам. Ранее, на протяжении 1561–63 гг., городничим в Смоленске был И.М.(?) Булгаков-Денисьев, при котором состояли 10 детей боярских из Можайска[5].

Благодаря разысканиям М.М. Бенцианова известно, что в 1540–50-е гг. Ф.М. (Меньшой?) и Ю.М. Булгаковы-Денисьевы «с братьей», а также Г.(С.) Зеленин владели можайскими поместьями; И.М. (Меньшой?) Булгаков-Денисьев, И.(Я.) Измайлов и М.В. Вердеревский – вяземскими[6]. Сопоставление данных о землевладении и назначениях позволяет заключить, что появление родовитых рязанцев на западном пограничье было связано с их включением в систему «годовых» служб на этой территории. Весьма вероятно, что

[1] *Анхимюк Ю. В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. С. 164, 167, 169; ПСРЛ. Т. 29. С. 312.
[2] РК 1605. Т. 2. С. 41.
[3] РК 1605. Т. 2. С. 80 (в разряде указано: «Меньшой»).
[4] РК 1605. Т. 2. С. 107.
[5] РК 1605. Т. 2. С. 139, 208, 213; ЗКПП. С. 123, 151, 153, 154.
[6] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 246, 269.

М.Ф.(?) Сунбулов также получил поместья в одном из западных уездов. Годовщики могли на протяжении многих лет служить вдали от своих владений, и такие пожалования становились необходимой формой их материального обеспечения[1]. Таким образом, «именные» назначения в Полоцком походе получали представители особой группы рязанцев, которые продолжительное время находились на западном пограничье.

Сведения об участии представителей рязанской верхушки в военных кампаниях опричного периода отсутствуют; не упоминаются они и в городах западного пограничья. Рязанцы не числятся в разрядах государева полка несостоявшихся литовского (1567)[2] и серпуховского (весна 1571)[3] походов. Лишь серпуховском походе (сентябрь 1570 г.) одним из голов в государевом полку был Ф.М. (Меньшой?) Булгаков-Денисьев[4] – вероятно, включённый в опричнину (**2.1.4**). Весной 1572 г. Иван IV отправился в Новгород, и в составе его сопровождения рязанцы вновь отсутствуют[5]. Однако начиная с ливонского похода 1572–73 гг. ситуация решительным образом меняется: в государевом полку появляется всё больше представителей рязанской элиты (приложение 5). Большинство из них числится среди сторожей различных статей.

Такое положение может быть отчасти обусловлено особенностями формуляра разрядных записей. Дело в том, что именно начиная с похода 1572–73 гг. в разрядах появляются подробные списки голов сторожей (обозначаются фразой «сторожей ставить», для краткости в дальнейшем будем говорить о них как о «сторожах») государева полка. Такие перечни не приводились в опричный период, но сохранились для ливонского (1572), серпуховского (1574)[6], калужского

[1] См. об этом феномене: *Бенцианов М.М.* Смоленский «город»: проблемы формирования и службы в XVI в. // История военного дела: исследования и источники. 2015. S-4. С. 109–117; *Солодкин Я.Г.* «Годовая служба» в России XVI – начала XVII в.: происхождение и основные разновидности // Военно-юридический журнал. М., 2011, № 5. С. 24–26. Если верно отождествление рязанца Г.С. Зеленина с можайским землевладельцем и посыльным 1520 г. от смоленского наместника (СРИО. Т. 35. С. 373), такая практика началась значительно раньше.
[2] РК 1605. Т. 2. С. 222–226.
[3] РК 1605. Т. 2. С. 277–280.
[4] РК 1605. С. 269; РК 1598. С. 236; РК 1550–1636. Т. 1. С. 181 («головы у государя в стану»).
[5] РК 1605. С. 302–306.
[6] Без разделения на статьи.

(1576), состоявшегося (1577)[1] и несостоявшегося (1579) ливонских походов, а также в росписях государева полка за 1579, 1581 и 1583 гг.

Однако можно предполагать, что рязанцы не назначались сторожами раньше. Во-первых, этого не происходило в доопричный период: в казанском[2] и полоцком[3] походах сторожами состояли в основном представители знати, имевшие придворные чины (стольники, стряпчие, жильцы). В обоих случаях рязанцы выполняли иные службы (вероятно, с более низким статусом)[4]. Во-вторых, маловероятно присутствие рязанцев среди царского окружения в опричный период (**2.1.4**). Наконец, особенность ситуации 1570-х гг. состоит в том, что рязанцы оказались не только на второстепенных позициях в царской свите, но и на важнейших придворных и военных должностях (рынды[5], «у знамени», воеводы государева полка). Назначения на эти посты регулярно фиксировались разрядами и ранее, но там ни разу оказывались представители рязанской элиты. Всё это позволяет рассматривать массовое попадание в государев полк в 1570-е гг. как уникальное явление в истории рязанских родов, прямо связанное с их возвышением в рамках «Двора» Ивана IV (**2.1.4**). Как и производство в «московские» «дворовые» чины, поручение охранять царя было, несомненно, весьма престижным и свидетельствовало о возвышении[6].

Важно отметить, однако, что рязанцы впервые появились среди сторожей за некоторое время до возникновения особого «Двора» – в походе 1572–73 гг. Кроме того, в состав государева полка входили не только «дворовые», но и земские служилые люди рязанского происхождения: В.Я. Измайлов, И.А. Кобяков и

[1] В этом походе есть только список ночных сторожей.
[2] *Жуков А.Е.* Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. С. 417–418.
[3] ЗКПП. С. 130–131.
[4] Об этом можно судить исходя из сравнения персонального состава «дозорщиков» и сторожей в походах 1552 и 1563 гг.
[5] См. об этих должностях: *Kampfer Fr.* Die Leibwache (rynda) Ivan IV. gemass den Angaben des Ranglistenbuch // Geschichte Russlands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Stuttgart, 1986. S. 142–151.
[6] См., напр., указание в «Повести о победах Московского государства», что подобная миссия – свидетельство особого расположения государя (*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 103).

Н.Г. Ржевский[1]. Эти факты позволяют предполагать, что за появлением рязанцев в царском сопровождении стоял более широкий контекст, чем их «дворовая» служба. Возможно, объяснение следует искать в возросшем значении южных дел в начале 1570-х гг., следствием чего стали участившиеся контакты царя с местными дворянами и детьми боярскими. В частности, в этот период наметились масштабные антиосманские планы[2], и эксперты по южной «украине» стали востребованы. Едва ли случайно, что среди сторожей появились не только рязанцы, но и представители других южных уездов (некоторые из них были однородцами рязанских дворян) – Ивашкины, Кончеевы, Крюковы, Леонтьевы, Таптыковы, Уваровы, Фустовы и др. Наконец, как известно, после событий 1571 г., показавших слабость опричного войска, начался очередной цикл обновления царского окружения[3]. Очевидно, одним из источников его пополнения на этот раз стали служилые люди из южных регионов.

Рязанцы появлялись в составе царского сопровождения не одновременно и, как правило, не находились в нем постоянно. Например, для Н.Г. Ржевского сторожевая служба (в ливонском походе 1577 г.) проходила в промежутке между обычными южными назначениями. В 1576 и 1578 гг. он занимал позицию головы соответственно в Пронске и Рязани[4]. Р.Я. Вердеревский был среди сторожей в 1574, 1577 и 1579 гг., после чего в 1580 г. направился головой в Пронск[5]. В.Я. Измайлов в 1577 г. был в Дедилове, в 1579 г. появился в составе «государева полка», после чего был назначен в Новосиль[6]. С другой стороны, целый ряд выходцев из рязанских родов фигурируют в составе царского сопровождения в течение многих лет (Р.П. Биркин, В.П. Измайлов, Булгаковы-Денисьевы, Петровы-Соловые).

Мы уже останавливались подробно на траекториях тех представителей рязанской элиты, которые входили в состав особого «Двора» (**2.1.4**). Далеко не

[1] БС 1577. С. 196.
[2] *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 330–337.
[3] Там же. С. 269.
[4] РК 1605. Т. 2. С. 412; Т. 3. Ч. 1. С. 35.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 118.
[6] РК 1605. Т. 2. С. 434; Т. 3. Ч. 1. С. 118.

все они известны на «именных» службах этого периода вне царского сопровождения. Среди рязанцев, появлявшихся в составе государева полка – как земских, так и «дворовых» – отчётливо выделяются своими назначениями несколько лиц.

Наиболее насыщенная разрядная биография принадлежит Игнатию Александровичу **Кобякову**. Первое известие о его военной службе относится к битве при Молодях, где он был первым головой у «пищальных казаков»[1]. На протяжении 1573 – конца 1577 гг. И.А. Кобяков выполнял обязанности головы в Данкове, Пронске, Рязани и Дедилове. Уже в январе 1578 г. он оказался в Кокенгаузене вместе с Н.И. Плещеевым и принимал активное участие в боевых действиях[2]. В начале июня 1579 г. рязанец был назначен вторым воеводой большого полка трёхполковой рати, отправленной из Новгорода на Двину для разведки будущего маршрута царского похода. Такое назначение было весьма престижным, а операция оказалась успешной. В качестве наград первые воеводы большого и передового полков получили «золотые кораблены», остальные (первым из них в соответствии с полковой иерархией назван И.А. Кобяков) – «золотые червонные». Весной он вернулся в Кокенгаузен, откуда ходил на помощь Леневардену и Тарвасту, затем (снова вторым воеводой большого полка) – к Нарве. В сентябре И.А. Кобяков снова был включён в роспись сторожей государева полка (лишь в пятую статью), а мае 1580 г. вернулся в Пронск. Пребывание в родном крае продлилось не больше года: не позже апреля 1581 г. И.А. Кобяков вновь оказался на западном театре. На протяжении лета-осени 1581 г. он принимал самое активное участие в действиях против литовских сил в качестве воеводы. Последнее упоминание об И.А. Кобякове относится к зиме 1581/82 г., когда он был оставлен одним из осадных воевод в Новгороде[3].

Служебный путь И.А. Кобякова оказался тесно переплетённым с назначениями ещё одного представителем рязанской элиты, который в этот

[1] *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 175.
[2] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 31, 75.
[3] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 25, 57, 75–76, 78, 84, 93, 123, 179, 182, 186, 187, 205, 207, 230; Ч. 2. С. 3, 4, 11.

период также проявил себя в качестве воеводы – Андрея Яковлевича **Измайлова**. Согласно разрядам, ещё осенью 1577 г. они должны были «сходиться» в рамках «украинных» полков: И.А. Кобяков – из Дедилова (в качестве головы), А.Я. Измайлов – из Пронска[1]. Затем А.Я. Измайлов отправился посланником в Крым, а в конце 1580 г. появился в Ржеве в качестве второго воеводы одного из пяти полков русской рати. Воеводой в ней был также И.А. Кобяков. Конфигурация этого войска на протяжении года несколько раз менялась по мере перемещений, о чём свидетельствуют сохранившиеся подробные разряды[2]. Мы уже упоминали, что весной-летом 1581 г. А.Я. Измайлов (тогда второй воевода большого полка) и И.А. Кобяков (второй воевода полка правой руки) руководили смешанными отрядами детей боярских, в то время как рязанцы находились при первом воеводе большого полка кн. М.П. Катыреве-Ростовском[3]. Однако земляческие связи, по-видимому, могли приниматься в расчёт при совместных службах командного состава. После прибытия рати в Новгород в ноябре 1581 г. А.Я. Измайлов и И.А. Кобяков вновь получили совместное назначение – головами для встречи литовских послов[4]. В 1582 г. после неудачного местнического спора с А.Г. Крюковым А.Я. Измайлов отправился на службу в Казань, где был воеводой передового полка в походе на черемисов[5].

Как видно из представленных данных, И.А. Кобяков и А.Я. Измайлов на заключительном этапе Ливонской войны проявили себя в качестве воевод, которые командовали крупными войсковыми силами. Известен, кроме того, целый ряд назначений других рязанцев в города западного порубежья на протяжении конца 1570-х – начала 1580-х гг. Г.В. Коробьин в 1574 г. был головой у стрельцов в Великих Луках[6]. Московский дворянин Ю.М. Булгаков-Денисьев в

[1] БС 1577. С. 196; РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 25. Отчество «Васильевич» у Кобякова является ошибкой (ср.: РК 1598. С. 282–284).
[2] *Рогожин Н.М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.); РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 179, 180, 183, 185–186, 187, 205.
[3] *Буганов В.И.* Документы о Ливонской войне. С. 269.
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 207; *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 3. С. 109, 112, 118, 119, 156.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 222–223; Ч. 2. С. 3, 5.
[6] РК 1605. Т. 2. С. 369.

1579 г. посылался на помощь Полоцку во главе донских казаков[1]. В.П. Измайлов, неоднократно появлявшийся в составе царского сопровождения, в 1577 г. «в Новой Курланской земле был голова писменая у тотар в передовом полку»[2]. В 1580 г. он попал в плен, будучи пятым воеводой Великих Лук[3]. Г.Г. Вердеревский (сторож в походе 1577 г.) в 1579–1581 гг. был письменным головой в Смоленске, причём в 1580 г. он кратковременно посылался для сбора детей боярских в Ярославль[4]. В.Я. Измайлов также был в 1581 г. назначен письменным головой в Смоленск (из Новосиля) – ещё один пример совместной службы представителей рязанской верхушки. Вместе с кн. С.М. Лобановым-Ростовским (также входил в рязанский «выбор») он стал сеунщиком по случаю достигнутых мирных договорённостей с Речью Посполитой[5]. Ф.М. (Меньшой) Булгаков-Денисьев с 1580 г. являлся первым воеводой в Себеже, а в 1582/83 г. был назначен в далёкую Кинешму[6]. В 1584 г. назначение воеводой в Себеж получил Ю.В. Дмитриев[7].

Итак, многие из служилых людей, состоявших в государевом полку, получали также важные военно-административные назначения на западном пограничье. В одной из грамот архива Вердеревских содержится дополнительная информация о представителях рязанской верхушки, которые находились в тот период на западном пограничье. В январе 1582 г. для сопровождения литовских послов были направлены Г.М. Вердеревский, кн. М.П. Волконский, Г.П. Ляпунов, Т.Г. Кондырев и Ф.Д. Чулков[8]. Такая посылка не считалась именной службой и в разрядах не отразилась. Данный случай примечателен как пример совместного назначения выходцев из южных уездов вдали от своих регионов. Все перечисленные лица, кроме Г.П. Ляпунова (**2.1.5**), известны по БС 1588/89 как

[1] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 80.
[2] *Анхимюк Ю.В., Павлов А.П.* Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр». С. 243.
[3] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. 142, 160, 167; *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 204.
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 78, 141, 159, 192; Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод). С. 207.
[5] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 192, 202, 231.
[6] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 145, 163, 190, 231; Ч. 2. С. 10, 17.
[7] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 31.
[8] АСЗ. Т. 4. С. 66 (№ 85); *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина. Отд. 3. С. 107.

выборные дворяне: Г.М. Вердеревский и кн. М.П. Волконский служили по Рязани, Т.Г. Кондырев – по Кашире, Ф.Д. Чулков – по Туле. Впоследствии Ляпуновы вместе с «рязанцами» Кикиными и другими детьми боярскими приняли участие в московских волнениях весной 1584 г., т.е. находились в столице (**2.3.6**)[1].

Таким образом, на протяжении второй половины 1570-х – начала 1580-х гг. на театре Ливонской войны был представлен очень широкий круг выходцев из рязанской элиты. Рязанцы находились в составе государева полка, направлялись в различные «посылки» на театре военных действий, а также несли активную воеводскую службу (как полковую, так и городовую) на западном пограничье. Такое интенсивное привлечение местных дворян к важнейшим военным, административным и церемониальным обязанностям составляет значительный контраст как с предшествующим, так и с последующим периодами. Напомним, что ***после ликвидации особого «Двора»*** большинство выдвиженцев Ивана IV выбыли из «московских» чинов. Как следствие, география «разрядных» назначений представителей рязанской верхушки сузилась и вновь в основном свелась к южным службам. Рязанцы теперь не фигурировали в качестве полковых воевод и лишь в исключительных случаях появлялись в составе государева полка[2].

Рассмотрим участие рязанских выборных дворян в масштабном шведском походе 1589–90 гг. Как показал А.Л. Станиславский, перечень лиц, намеченных на эту кампанию, содержит БС 1589/90 г. (приложение 4)[3]. В рязанском разделе утрачена начальная часть списка, однако из сохранившегося фрагмента ясно, что к походу была привлечена бóльшая часть местного «выбора». В состав войска не попали те, кто пребывал на далёких службах (так, Р.Я. Вердеревский находился в Санчурске)[4]. Рязанские служилые люди были вызваны из южных городов для участия в шведской кампании. Часть из них была задействована в сборе войск

[1] НЛ. С. 35–36.
[2] Ср. росписи государева полка за период после 1584 г.: РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 75–76, 148–151, 156–158, 161, 176–181; РК 1598. С. 414–418.
[3] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 103–107.
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 149.

(Ю.В. Дмитриев – в Суздале, И.В. Дмитриев – в Верее и Волоке, И.Н. Ржевский – в Коломне), некоторые – «наперёд» (заранее) отправлены в Новгород. Между тем, в состав государева полка были включены только жилец И.А. Измайлов (поддатень у рынды), И.В. (Большой) Измайлов (дворянин для посылок, затем – голова у литовских людей) и В.Г. Биркин («головы ставити сторожи»). По разрядам известны назначения И.Т. Кобякова (был приставом у казанского царевича) и московского дворянина В.П. Измайлова (голова у наряда)[1]. Уже на следующий год после похода целый ряд рязанцев вернулись к обычным южным службам[2].

На «осадной» воеводской службе в Москве в 1591 г. оставались В.Я. и В.П. Измайловы[3]. В следующем году В.П. Измайлов принимал участие в походе на Выборг – в качестве одного из сотенных голов при втором воеводе передового полка[4]. В серпуховском походе Бориса Годунова 1598 г. в составе государева полка поддатнями у рынд были кн. А.Ф. Гагарин, В.А. и Т.В. Измайловы[5]. Как видно из этих данных, после 1584 г. уровень «разрядных» служб рязанцев в западных походах был понижен по сравнению со временем Ивана IV, а на попадание в состав царского сопровождения могли рассчитывать только представители наиболее видных местных родов. Рязанцы, кроме того, практически не фигурировали на «именных» службах в городах «от литовские и немецкие украины». Только А.В. Измайлов в 1600 г. был назначен головой в Смоленск[6].

Боярские списки, фиксировавшие присутствие членов «государева двора» в Москве, проливают некоторый свет на регулярную ***столичную службу*** представителей рязанской верхушки[7]. Как полагает А.П. Павлов, выборные

[1] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 161, 184, 230; РК 1598. С. 415, 416, 419–421.
[2] См., напр.: В.Г. Биркин в Ряжске, И.Т. Кобяков «на Михайлов» и в Данкове (1591), И.В. Измайлов в Епифани (1592): РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 193–195; Ч. 3. С. 47; БС 1590/91. С. 249.
[3] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 215.
[4] РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 13.
[5] РК 1598. С. 522, 528; РК 1638. С. 23–24, 33.
[6] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 32.
[7] БС 1585; БС 1590/91. С. 249; БС 1598/99. С. 255. 27; РК 1638. С. 46. См. об этих списках и столичной службе: *Мордовина С.П.* Характер дворянского представительства на Земском

дворяне сменялись в Москве каждую треть года, характер их обязанностей остаётся не вполне ясным[1]. Лишь в единичных случаях рязанцы получали здесь значимые «именные» назначения. Так, объезжими головами были дворянин московский кн. Ю.Г. Мещерский (1600) и выборный кн. В.Г. Щетинин (1603, затем отослан «в письмо»)[2]. В 1602/03 г. (когда большинство рязанских выборных дворян несли службу в Царёве-Борисове) в Москве находились А.В. Измайлов (прибывший из Белгорода: **2.2.5**), И.Н. и А.Н. Ржевские[3]. И.Н. Ржевский в апреле 1602 г. был назначен приставом датского посланника, а затем послан для раздачи хлеба в Новгород; А.Н. Ржевский – отправлен в Ярославль[4]. В организации приема датского принца осенью 1602 г. участвовал Г.П. Ляпунов, который был «прислан х королевичю с малой государевы конюшни з государевыми лошедми с оргамаки»[5].

Подведём итоги. Эпоха войн на западном пограничье составляет особый этап в истории рязанского служилого сообщества, когда местные дворяне и дети боярские подолгу несли службы вдали от своего региона. В таких посылках представители рязанской элиты оказывались обычными представителями общерусского «офицерского корпуса», оторванными от своих «городовых» корней. На протяжении 1570-х – 1580-х гг. рязанцы систематически включались в состав царского сопровождения и получали «разрядные» назначения на западном театре военных действий, в том числе – в качестве полковых воевод. Однако с ликвидацией особого «Двора» большинство выходцев из рязанской верхушки лишились «московских» чинов и вернулись к обычным южным службам. За весь последующий период вплоть до Смуты подобные именные назначения единичны

соборе 1598 г.; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Боярские списки конца XVI – начала XVII века как исторический источник; *Они же.* Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 39.

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 120.

[2] РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 100, 137; Ч. 2. С. 58.

[3] БС 1602/03. С. 268.

[4] БС 1602/03. С. 268; РК 1605. Т. 4. Ч. 1. С. 136; *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. С. 335.

[5] РК 1605. Т. 4. Ч. 2. С. 15.

– они характерны, главным образом, для Измайловых, сохранивших связи со столицей.

***

Общегосударственные «разрядные» службы второго плана со значительным преобладанием южных назначений – такова формула, лаконично характеризующая коллективную «служебную биографию» рязанской элиты на всём протяжении второй четверти XVI – начала XVII в. Главные черты «политики назначений», которая реализовывалась московским правительством в рязанском случае, определились ещё до окончательного падения независимости княжества. Выходцы из местных боярских кланов, отъезжавшие к Василию III, получали доступ к общегосударственным должностям, но при этом продолжали выполнять привычные функции на юге (**1.5**). С ликвидацией великокняжеского двора остальные представители наиболее видных рязанских родов были также включены в состав общерусской правящей элиты, и этот порядок служб стал общим для всей локальной верхушки.

Вопреки сложившимся в историографии представлениям, административные и военные назначения за пределы своего края были вполне обычными для рязанских служилых людей уже во второй четверти – середине XVI в.: они систематически получали кормления в других регионах и участвовали в дальних походах. С началом военных кампаний на западном и северо-западном пограничьях география назначений рязанцев ещё более расширилась. Особенно интенсивные дальние именные посылки пришлись на период особого «Двора», когда многие представители местной верхушки оказались в составе царского сопровождения. В конце XVI – начале XVII в. рязанские выборные дворяне регулярно отправлялись в Сибирь для управления новыми центрами.

Логика «московской» служилой системы приводила к размыванию земляческих отношений. При дальних назначениях дворяне не руководили подразделениями детей боярских своих «городов» (во всяком случае, это не являлось принятой нормой)[1]. Однако на всём протяжении рассматриваемого

[1] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 29.

периода представители рязанской элиты сохраняли устойчивые локальные связи, поскольку бóльшая часть их «разрядных» служб протекала на юге, и в особенности – на территории Рязанского края. Уже В.О. Ключевский отметил как характерную особенность рязанского случая «стремление правительства сообразоваться с местными отношениями назначаемых»[1]. Вероятно, такая организация служб местной верхушки, придававшая стабильность локальной администрации, была обусловлена в том числе и военной необходимостью[2]. Рязанская элита стала источником кадров для формировавшейся системы управления «украинными» центрами. Особенно значительную роль местные выборные дворяне играли при освоении «Поля» – региона, имевшего давние связи с Рязанским краем.

Как в южных уездах, так и на дальних службах представители наиболее видных рязанских родов занимали, за редкими исключениями, должности второго плана. Такое положение определялось устройством служилой системы, в рамках которой на ключевые позиции назначались более знатные обладатели «московских» чинов. Потомки рязанских бояр утратили господствующее служебное положение в своём крае: бóльшую часть времени местные силы находились под руководством присланных из столицы наместников и воевод. Рязанские головы были, как правило, приданы этим администраторам в качестве подчинённых «товарищей»; самостоятельную роль они могли играть лишь на менее значимых службах.

Служебные «посылки» в разные регионы Русского царства, несомненно, приводили к расширению горизонта и преодолению уездной замкнутости рязанской элиты. Необходимо также принять во внимание фактор, действие которого в источниках рассматриваемого периода остаётся трудноуловимым: интенсивные контакты рязанского сообщества (и особенно – местной верхушки) с множеством других служилых людей Московского государства. Такие

[1] *Ключевский В.О.* Состав представительства на земских соборах древней Руси. С. 306.
[2] *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. С. 46.

взаимодействия происходили как на территории края, где часто оказывались отряды дворян и детей боярских во главе с воеводами из столичной знати, так и в отдалённых регионах, с которыми была связана служба рязанской элиты. Эта проблема станет одним из предметов нашего рассмотрения в следующей части работы.

2.3. Землевладение и социальные связи

Несмотря на относительно благоприятную источниковую ситуацию, история землевладения Рязанского уезда по-прежнему не изучена систематически. На этом пути ещё предстоит выполнить целый ряд промежуточных задач: прежде всего, ввести в широкий научный оборот и представить в машиночитаемой форме писцовые материалы, а также произвести локализацию упоминаемых в них населённых пунктов[1]. Попытки упорядочения информации о поместьях и вотчинах важнейших рязанских родов уже предпринимались, однако их трудно признать вполне удавшимися[2]. Мы опираемся на несколько работ, в которых на основе выборочных «замеров» исследовалось состояние рязанского землевладения в 1590-е и 1620-е гг.[3]. Имея в виду объективные ограничения, в настоящем разделе мы стремимся наметить общие тенденции в развитии землевладения исследуемой нами социальной группы. Можно рассчитывать, что дальнейшее изучение этого аспекта истории рязанского «города» позволит уточнить и контекстуализировать сделанные наблюдения.

Первый параграф содержит вводное описание административного устройства Рязанской земли и общую характеристику состояния уездного землевладения XVI в. (**2.3.1**). Далее рязанская служилая элита рассматривается по группам, выделение которых обосновано в предыдущей части исследования: старые «боярские» роды (**2.3.2**), переселенцы из других регионов (в эту категорию объединены как лица нерязанского происхождения из ДТ, так и опричные «новые помещики», зачисленные в «выбор») (**2.3.3**) и «дворовые» выдвиженцы (**2.3.4**). Центральными проблемами являются динамика развития и география размещения

---

[1] *Русаков П.Е.* Локализация границ населенных пунктов Моржевского стана в Рязанской земле // Археология Подмосковья: мат-лы науч. семинара. М., 2010. Вып. 6. С. 371–392.

[2] *Цепков А.И.* Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV-XVII вв. Рязань, 2005. Т. 1–4; *Он же.* Рязанские землевладельцы XIV-XVI веков. Рязань, 1995.

[3] *Некрасов П.П.* Очерки по истории Рязанского края в XVI в.; *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв.; *Шиманский М.* Рязанский уезд в конце XVI и в начале XVII веков по писцовым книгам. Рязань, 1911; *Kleimola A.M.* Holding On in the «Stamped-Over District»…

землевладения, соотношение поместий и вотчин, а также благосостояние родов рязанской элиты. Логика исследования делает необходимым, кроме того, обращение к теме рязанских земель московской знати. Столичные думцы не входили в местное сообщество, но, как мы стремимся показать, их обширные владения постепенно становились значимым фактором уездной жизни (**2.3.5**).

Исследование социальных связей (**2.3.6**) и поминальных практик (**2.3.7**) рязанской элиты – попытка преодолеть односторонность картины, которая складывается при изучении приказного делопроизводства. Служебные траектории и земельное благосостояние – важные, но далеко не единственные характеристики интересующей нас социальной группы. В отдельных случаях документация XVI в. позволяет выявлять также связи, выходившие за рамки сформированной государством системы отношений. При рассмотрении этих сюжетов особое внимание уделяется соотношению локальных и общерусских интересов рязанских дворян.

2.3.1. Землевладение Рязанского уезда: общая характеристика

Предварим анализ землевладения кратким экскурсом в проблематику административного устройства Рязанской земли в XVI – начале XVII в. Последнее по времени обращение к этой теме можно найти в работах А.В. Азовцева[1]. Как показал исследователь, на всём протяжении изучаемого периода сосуществовали различные представления по поводу территориальной организации края. С одной стороны, оставалось актуальным представление о «большом» Рязанском уезде, включавшем в себя 9 станов (Старорязанский, Пониский, Перевитский, Ростиславский или Заосетринский, Кобыльский, Моржевский, Каменский и Пехлецкий). С другой, отдельные станы начинали тяготеть к построенным на их территории укреплённым центрам (Перевитский и Ростиславский – к Зарайску, Моржевский и Кобыльский – к Михайлову[2],

[1] *Азовцев А.В.* Рязанская земля. Предисловие // Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. С. 17–20; *Он же.* Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в.
[2] Ср.: «Кобыльский уезд» в 1548 г. (АСЗ. Т. 4. С. 331 [№ 449]).

Пехлецкий – к Ряжску, Каменский – к Пронску[1]) и могли рассматриваться как отдельные уезды[2]. По заключению А.В. Азовцева, раньше всех – к началу XVII в. – обособился Ряжский уезд[3]. В таком случае «Рязанский уезд» становился «малым» и включал в себя только Окологородный, Старорязанский и Пониский станы[4].

В служебном отношении, как уже отмечалось (**2.1.6**), рязанский служилый «город» представлял собой совокупность из восьми становых корпораций в границах «большого» Рязанского уезда. В их рамках существовали самостоятельные иерархии дворовых и городовых детей боярских, а также окладчики. Отдельной группой являлся «выбор» «по Рязани», выведенный за рамки становой системы. Самостоятельное сообщество – возможно, уже со времени основания этого центра – составляли только ряжские дети боярские[5]. По своему родовому составу пехлецкие помещики значительно отличались от населения других станов. При этом, судя по ряжским десятням, между рязанским и ряжским «городами» нередко происходила смена приписки отдельных лиц.

---

[1] Есть единичные упоминания «Пронского уезда»: АСЗ. Т. 2. С. 389 (№ 459) (1567). Ср.: «в Каменском стану в Пронском уезде» и в том же году «в Резанском уезде в Каменском стану» (1547) (АСЗ. Т. 4. С. 46 [№ 61], 292 [№ 396]); «в Старорязанском уезде» (ПРП РК. С. 39 [№ 27]).

[2] Ср. «уезды» эпохи самостоятельности княжества: АСЭИ. Т. 3. С. 389 (№ 369).

[3] Ряжский уезд (или Пехлецкий стан Ряжского уезда) всё чаще упоминался с начала XVII в.: АСЗ. Т. 3. С. 93 (№ 107), 123 (№ 143), 315 (№ 390), 367 (№ 444), 405 (№ 486), 418 (№ 503); Т. 4. С. 129 (№ 168); ПКРК. Вып. 1. С. 302. Ср.: «на Резани в Пехлецком стану» (1567, 1587) (АСЗ. Т. 2. С. 389 [№ 458], Т. 3. С. 314 [№ 389]), «в Резанском уезде в Пехлецком стану» (1593, 1605) (АСЗ. Т. 4. С. 182 [№ 243], 310 [№ 358]), «на Резани в Рязском уезде (в Пехлецком стану)» (1567/68, 1599, 1607) (АСЗ. Т. 2. С. 391 [№ 460], Т. 4. С. 183 [№ 245], 184 [№ 247]). См.: *Азовцев А.В.* Рязанская земля. Предисловие. С. 18; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 90.

[4] *Азовцев А.В.* Рязанская земля. Предисловие. С. 17–19.

[5] Там же. С. 17. При этом служба по Пехлецкому стану связывается то с Рязанью, то с Ряжском, ср. пометы в десятнях: *Сторожев В.Н.* Десятни XVI в. С. 276, 306, 315–316. В перечнях служилых людей в Царёве-Борисове служилые люди Пехлецкого стана также числятся под заголовком «Рязань» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 1. Л. 85), и такой порядок сохранялся после Смуты. Вероятно, существовали отдельные объединения помещиков Пехлецкого стана Ряжского уезда (чаще фигурируют как «ряшане») и Пехлецкого стана Рязанского уезда.

Служилые люди двух уездов (Рязанского и Ряжского) были тесно связаны друг с другом – в частности, отношениями поручительства[1].

Помимо уездной и становой структур, существовало ещё несколько административных конфигураций рязанского пространства. Во-первых, длительное время сохранялось деление на трети, восходившее к докончанию рязанских князей 1496 г. Как минимум до середины XVI в. писцы раздельно описывали «двутретную» (Окологородный, Пониский, Кобыльский, Моржевский, Каменский и Пехлецкий станы) и «третную» (Перевитский и Старорязанский станы) части[2]. «Ключи» дворцовых владений, отдававшиеся в кормления, также разделялись по этому принципу ещё в 1550-е гг.[3]. Во-вторых, как уже упоминалось, во второй половине XVI – начале XVII в. постепенно формировалось представление о «рязанской украине», как особой территории с центром (Переяславль-Рязанский) и «пригородами» (Михайлов, Пронск, Ряжск; иногда Зарайск и Шацк)[4]. В-третьих, «Великое княжество Рязанское» духовной грамоты Ивана IV включало в себя «город Переславль Резанский, город Старая Рязань, город Ряской, город Данков, и треть всю, со всеми пошлинами, и с волостми, и с селы, и с путми, и со всеми полскими отхожими вотчинами»[5]. В этом фрагменте примечательно сочетание архаичного деления Рязанской земли с новыми центрами – Ряжском и Данковым. Наконец, за рамками нашего внимания

[1] *Сторожев В.Н.* Десятни XVI в. С. 247, 302, 305–306, 315–317, 351, 355, 366, 368, 385, 392–393, 402. В 1591 г. верстание ряшан производилось в Переяславле-Рязанском; в нескольких десятнях поручителями по ним выступали, среди прочих лиц, рязанцы разных станов.

[2] *Азовцев А.В.* Рязанская земля. Предисловие. С. 22–23; *Он же.* Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в. Пример использования «третного» деления в делопроизводственной практике см. в грамоте 1544 г.: «на Рязани ж в *дву третех* в Понизском стану» (*Филиппова И.С.* Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области. С. 277 [№ 3]). В этом документе можно найти примечательное воспоминание о временах, когда «города Перевитцка не было» и население местной волости «прибегало в осаду» в Переяславль-Рязанский (Там же. С. 275–276).

[3] *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года. С. 100, 109, 112, 116.

[4] См., напр.: РК 1638. С. 164; РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 58–59; Т. 4. Ч. 1. С. 89–90; Ч. 2. С. 67–68; Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 24 (№ 18).

[5] ДДГ. С. 435 (№ 104).

остаётся ещё один вид административной организации – Рязанская епархия, которая охватывала значительно более широкий круг территорий[1].

Базовой административной единицей при дальнейшем анализе землевладения вслед за сохранившимися писцовыми описаниями будет являться стан. Становое деление, как предполагают исследователи, восходило к удельной структуре Рязанского княжества[2]. «Центральным» станом, располагавшимся вокруг Переяславля-Рязанского, был Окологородный; наибольшими по площади являлись Каменский, Моржевский и Пехлецкий станы. Различия в структуре частного землевладения по данным платёжных книг 1590-х гг. показаны в таблице 2.18.

Таблица 2.18 – Земельная собственность в Рязанском крае по платёжным книгам 1590-х гг. (в четв. доброй земли в поле)[3]

Стан	***Поместья***	***Вотчины*** *(светские)*	***Вотчины*** *(церковные)*	***Всего***	***%***
Окологородный	22,733	7,867	8,686	39,286	14,6
Каменский	41,375	6,919	5,666	53,960	20,1
Пехлецкий	34,650	6,338	3,047	44,035	16,4
Перевитский	26,214	5,243	7,401	38,858	14,5
Ростиславский	11,054	2,392	855	14,301	5,3
Моржевский	23,552	1,716	1,105	26,373	10
Кобыльский	10,849	5,626	238	16,713	6,2
Пониский	11,178	1,984	1,346	14,508	5,4
Старорязанский	10,889	3,987	5,369	20,245	7,5
Всего (четв)	192,494	42,072	33,713	268,279	x
%	71,75	15,68	12,57	x	100

«Землей мелкого поместного землевладения» назвал Рязанский край конца XVI в. М.Н. Тихомиров[4]. Подсчёты показывают, что к этому времени поместья доминировали на территории уезда, составляя 72% всех частных владений; светских служилых вотчин насчитывалось лишь 16%. Характерными чертами организации рязанского землевладения были чрезвычайная дробность и

[1] *Папков А.И.* Складывание церковной структуры в южных уездах Российского царства в конце XVI – начале XVII века // Сословия, институты и государственная власть в России. М., 2010. С. 772–780.
[2] *Азовцев А.В.* Рязанская земля. Предисловие. С. 11–12.
[3] По данным С.И. Сметаниной (*Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 69)
[4] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. С. 395.

чересполосность, широкое распространение совладения по жеребьям – уезд был, по выражению А.М. Клеймолы, «перештамованным». Некоторые вычисления, демонстрирующие эти тенденции, сделаны также Н.Н. Некрасовым, М. Шиманским и О.А. Шватченко[1].

После диссертации С.И. Сметаниной ясно, что эти характеристики представляют собой результат масштабных опричных конфискаций, затронувших всех местных вотчинников. Убыль наследственной земельной собственности составила, вероятно, более половины от её первоначального объёма[2]. До 1567/68 г. соотношение разрядов земель было иным: на светские вотчины приходилось не менее 31%, на владычные и монастырские – не менее 19%, на поместья – не более 50% частновладельческого фонда[3]. По заключению исследовательницы, сначала были конфискованы светские вотчины, необходимые для испомещения переселенцев из других уездов. Вскоре (или практически одновременно) стала очевидной недостаточность этой меры для обеспечения рязанского «города» в его новом составе, и в поместную раздачу были пущены также церковные владения[4]. Конфискации владычных и монастырских земель

---

[1] *Шиманский М.* Рязанский уезд в конце XVI и в начале XVII веков по писцовым книгам. С. 52; *Некрасов П.П.* Очерки по истории Рязанского края в XVI в.; *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв.; *Kleimola A.M.* Holding On in the «Stamped-Over District»… P. 135–136. О феномене совладений см: *Хитров Д.А., Черненко Д.А.* Земельные кадастры XVII-XVIII вв. как источник для изучения процесса дробления дворянского землевладения // Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков. М., 2008. С. 336–345.

[2] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 87.

[3] Там же. С. 193.

[4] А.С. Усачев показал, что для утверждения о масштабном конфликте Ивана IV с рязанской кафедрой нет достаточных оснований (*Усачев А.С.* Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 66–81). Менее убедительной представляется критика выводов С.И. Сметаниной в части, касающейся конфискации владычных земель. Не обратившись к диссертационному исследованию, А.С. Усачев не принял во внимание необходимый контекст: массовое изъятие земель у рязанских светских вотчинников (которое произошло невзирая на «исключительно сложную ситуацию на южных рубежах России»: с. 81). Маловероятно, что конфискации владычных земель происходили отдельно «в результате более длительного процесса как в эпоху опричнины, так и в последующие годы правления Ивана IV, а также в царствование Фёдора Ивановича» (с. 67). На наш взгляд, предложенная С.И. Сметаниной датировка (между ноябрем 1568 и августом 1569 г.) вполне доказана и сохраняет свою актуальность (*Сметанина С.И.* К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины // История СССР. 1978. № 3. С. 162–164).

являлись, помимо прочего, компенсацией утрат для рязанских служилых людей. Ранее они неоднократно посягали на превращение «нагодчин» в поместные держания, и по итогам опричных мероприятий в ряде случаев эти земли были записаны за ними[1].

Ретроспективные данные приправочных книг конца 1590-х гг. демонстрируют интенсивный процесс мобилизации[2] рязанских поместий[3]. Некоторые земли, конфискованные в 1567/68 г., успели к моменту описания несколько раз сменить владельцев[4]. Бурная история рязанского поместного фонда не обеспечена источниками, которые позволили бы интерпретировать весьма примечательные случаи перераспределения земель между местными служилыми людьми[5]. Как и на всей территории Московского государства, в Рязани постепенно складывались практики «наследования» поместий и появлялись поместные «родовые гнёзда»[6]. А.М. Клеймола продемонстрировала, впрочем, что ещё в последние десятилетия XVI в. данная тенденция не была преобладающей: в большинстве случаев поместья передавались чужеродцам[7]. Такие переходы земли – по-видимому, довольно часто – могли происходить и при жизни прежнего помещика, продолжавшего нести службу.

---

[1] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 181, 187, 252, 253.

[2] Термин используется в принятом значении «движение земли, то есть её переход земли от одного собственника к другому» (*Зинько М.А.* Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв… С. 5).

[3] Общее обсуждение этой классической проблемы см.: *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 284; *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI веке. СПб., 1897; *Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 445–455.

[4] См, напр.: АСЗ. Т. 2. С. 31 (№ 13). См. также примечательный случай перехода земель, когда на Рязани «устраивали» казаков за счёт владений детей боярских: АСЗ. Т. 2. С. 434 (№ 509).

[5] См. примеры: *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 176.

[6] *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения. С. 191. См., примеры разнообразных ситуаций «наследования» поместий в рязанскм актовом материале: *Азовцев А.В.* Грамоты 1571–1612 годов из архива рязанского Депутатского собрания. С. 352 (№ 4); АСЗ. Т. 2. С. 82 (№ 73), 116–117 (№ 113), 121 (№ 118), 140-141 (№ 143), 160–161 (№ 167), 184–185 (№ 196), 187–188 (№ 201), 244 (№ 274), 259–260 (№ 287), 324–326 (№ 378–379), 332 (№ 366), 353–355 (№ 412–413), 360–361 (№ 423); Т. 3. С. 51–52 (№ 66), 305 (№ 376); Т. 4. С. 346–347 (№ 471),

[7] См. подсчёты по трём станам: *Kleimola A.M.* Holding On in the «Stamped-Over District»… P. 135–136.

Земельные владения рязанских служилых людей нередко располагались в разных станах на существенном отдалении друг от друга. Территориальная разнесённость препятствовала нормальной хозяйственной деятельности. Естественное и постоянное стремление получать новые земли в пределах физической досягаемости приводило к возникновению феномена, который назван А.О. Никитиным «родовыми землевладельческими кластерами» – «географически локализованными скоплениями землевладений [как поместий, так и вотчин – *И.К.*] одного рода»[1].

Общее благосостояние рязанских дворян и детей боярских накануне Смутного времени – тема, которая ещё ждёт всестороннего и систематического изучения. Как полагают исследователи, в конце XVI в. местное сельское хозяйство находилось в состоянии упадка. По подсчётам Г.Н. Анпилогова, в трёх рязанских станах обрабатываемая земля составляла 37% поместного фонда, остальные земли запустели (перелог, лесом поросло, дикое поле)[2]. Рязанский служилый «город» характеризовался сильным экономическим неравенством. О.А. Шватченко показал, что преобладавшую по численности группу (57%) составляли мелкие помещики. Размеры недодач по окладам составляли у них порядка 67%[3]. Проанализировав приправочные книги Окологородного и Каменского станов конца XVI в., Н.Н. Некрасов пришёл к выводу о том, что большинство помещиков из-за нехватки рабочих рук и чрезвычайной дробности своих участков вынуждены были вести полукрестьянское существование[4]. Как сообщал присланный в Рязань администратор спустя несколько десятилетий, «в Каменском ... стану дети боярские многие *однадворцы*, а крестьян за ними нет»[5].

---

[1] *Никитин А.О.* Таврелиада. С. 444.

[2] Перевитский, Ростиславский, Моржевский. См.: РППК. С. 7.

[3] *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. С. 351. См. аналогичные наблюдения: *Шиманский М.* Рязанский уезд в конце XVI и в начале XVII веков по писцовым книгам. С. 52; *Kleimola A.M.* Holding On in the «Stamped-Over District»… P. 137.

[4] *Некрасов П.П.* Очерки по истории Рязанского края в XVI в. С. 301–303; *Никитин А.О.* Таврелиада // Рязанская старина. 2009–2018. Рязань, 2019. Вып. 7–10. С. 430.

[5] *Васильев И.И.* Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным в 1630 г. С. 138. Об истории понятия «однодворец», которое в этот период не был определенным и наследственным социальным статусом (чином), а указывало на ситуативное материальное

На противоположном полюсе находилась узкая прослойка богатейших родов, основную часть которых составляли потомки бояр бывшего Великого княжества Рязанского. Они концентрировали в своих руках преобладающую часть как вотчинной, так и поместной земли[1]. Рассмотрим эту группу землевладельцев подробнее.

2.3.2. «Боярская» элита

На современном уровне знаний нет оснований считать, что присоединение удела Фёдора Васильевича, а затем – основной территории Рязанского княжества каким-либо образом сказалось на вотчинном землевладении местных служилых фамилий[2]. Две грамоты, выданные вскоре после присоединения Рязани, проливают свет на первые шаги новой власти в регионе. 15 марта 1522 г. С.Ф. и В.Ф. Вердеревские получили жалованную подтвердительную данную и межевую грамоту на свою «старую» вотчину на южной окраине рязанских земель. Документ был выдан по челобитью братьев, которые в качестве обоснования своих прав представили грамоту Олега Ивановича. В Москве произвели проверку «по грамоте и по книгам великих князей Рязанских» и удовлетворили челобитье: «Князь великий … пожаловал есми Семена да Василья *старою их тою отчиною*»[3]. 16 июня 1523 г. несудимую грамоту получил С.И. Коробьин – советник Ивана Ивановича, который (согласно рассказу С. Герберштейна) уговорил князя отправиться в Москву. Исследователи нередко связывают предоставление ему привилегий с оказанной Василию III услугой[4]. Действие грамоты распространялось на две вотчины, которые располагались «в

положение лица, см.: *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974; *Лазарев Я.* Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. // Cahiers du Monde russe. 2014. Vol. 55. № 3-4. С. 218; *Ляпин Д.А.* Дети боярские Елецкого уезда в конце XVI – XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 103–104.

[1] *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. С. 351.

[2] Аналогичное заключение сделано также по поводу церковных и монастырских земель: *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 136–137, 171–174, 183–184, 189.

[3] АСЗ. Т. 4. С. 63–64 (№ 81). См. по поводу этого пожалования: **1.5**.

[4] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. С. 183.

Перевицком уезде да в Переславли Резанском»: в одном пожаловании фигурируют территории, которые совсем недавно принадлежали разным суверенам[1]. Известно, что несудимую грамоту от рязанских наместников на свои владения получил также С.Ф. Сунбулов[2].

Московское правительство, таким образом, признало традиционные права рязанских вотчинников. Сложившуюся землевладельческую структуру должны были зафиксировать проведённые писцовые описания. «Треть» была описана уже в 1510/11 г., а «двутретная» часть – в 1520-е гг.[3]. Предположить характер подтвердительной документации, которую могли предоставлять рязанские землевладельцы, позволяет аналогия с тверским случаем. Как показал М.М. Кром на материалах тверских дозорных книг 1551–54 гг., местные служилые люди ссылались для обоснования своих прав, прежде всего, на частные акты. Что касается менее многочисленных жалованных грамот, эти документы «представляли целое столетие» предшествующей истории Твери[4].

Какую картину рязанского землевладения застали московские власти после присоединения княжества? При попытке ответить на этот вопрос исследователь сталкивается со значительными ограничениями. Методика реконструкции родовых вотчин, предложенная В.Л. Яниным на новгородском материале, не может быть в полной мере реализована в рязанском случае. В писцовых книгах конца XVI в. мы наблюдаем не только «результат длительного процесса семейных разделов, адекватного физическому развитию самих семей»[5], но и следствие одномоментного опричного шока. Из-за этого внешнего вмешательства естественная «генеалогия» рязанских вотчин была нарушена и в значительной степени утратила «тождество»[6] с родословием местных фамилий. Вернуться на

[1] АСЗ. Т. 4. С. 172 (№ 230).
[2] АСЗ. Т. 4. С. 331 (№ 449). См. также упоминание несудимой грамоты «от наместников» С. Лачинову (АСЗ. Т. 3. С. 169–170 [№ 206]).
[3] *Азовцев А.В.* Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в.
[4] *Зинько М.А.* Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв… С. 319–325; *Кром М.М.* Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 370–372.
[5] *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 5.
[6] Там же. С. 5.

шаг назад и в полной мере восстановить состав доопричного землевладения не представляется возможным по трём причинам. Во-первых, относительно подробными писцовыми данными, позволяющими ретроспективно установить прежних хозяев, обеспечены не все рязанские станы (по Пехлецкому, Кобыльскому и Понискому от описания 1590-х гг. сохранились только платежные книги, не дающие информации о предшествующий истории населённых пунктов; в приправочных книгах не представлены вотчины)[1]. Во-вторых, часть конфискованных земель могла перейти в дворцовый фонд, материалов по учёту которого не сохранилось[2]. В-третьих, комплекса дошедших актов недостаточно для полноценного анализа процессов мобилизации рязанских вотчин между родами (купли, наследование, приданое).

С.И. Сметанина пришла к выводу, что для доопричной Рязани была характерна «концентрация половины всей вотчинной земли … в руках узкого круга потомков фамилий рязанского боярства». Такая структура землевладения восходила ко времени самостоятельности княжества[3]. Заключение исследовательницы основано на оценке суммарного объёма конфискованных земель и сохранённых вотчинных комплексов. Наиболее значительным вотчинным землевладением располагали выходцы из гнезда Дмитриевых, Назарьевых (пресеклись), Денисьевых и Измайловых. К числу крупнейших вотчинных родов относились также Вердеревские, Кобяковы, Коробьины, и Сунбуловы. Для других фамилий из верхней части перечня ДТ – Глебовых (род пресёкся к концу XVI в.), Таптыковых (пресеклась старшая ветвь) и Чевкиных (в конце XVI в. располагали относительно небольшим комплексом вотчинных земель; генеалогия неясна) подобная реконструкция затруднена, но они также относились к группе «вотчинных» кланов. В общей сложности эти фамилии могли располагать несколькими десятками тысяч четвертей вотчинной земли – колоссальным по размерам земельным фондом[4].

---

[1] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 104.
[2] Там же. С. 86–87, 110–111.
[3] Там же. С. 112, 184.
[4] Там же. С. 104.

В отдельных случаях можно предположительно определить вотчинные комплексы, которые являлись основой землевладения рязанских фамилий в период самостоятельности княжества. Важный отличительный признак подобных «гнёзд» – соседства и совладения представителей разных ветвей одного рода в поздний период[1]. У Сунбуловых такие владения могли располагаться неподалёку от Переяславля-Рязанского в «центральном» Окологородном стане[2]; у Кобяковых – в Окологородном и Каменском[3]; Коробьиных – в Окологородном, Кобыльском и Перевитском[4]; Таптыковых – в Перевитском и Пониском станах[5]. Вердеревские считали своим родовым гнездом вотчину Вердерево в Пехлецком стане, что подтверждается всеми имеющимися данными[6]; значительными владениями они располагали также в Каменском стане[7]. Родовое гнездо Чевкиных, вероятно, располагалось в Пехлецком стане[8]. В первой главе высказано предположение, что география родовых вотчин может отражать особенности истории конкретных рязанских фамилий – в частности, первоначальную службу некоторых из них пронским князьям (**1.2**).

Конец XV – первая половина XVI в. – эпоха интенсивного развития поместной системы в Московском государстве[9]. Ранняя история этой формы

---

[1] *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 112. См. пример такой реконструкции: *Никитин А.О.* Таврелиада. С. 431–432.

[2] АСЗ. Т. 3. С. 341–342 (№ 417–418), Т. 4. С. 331 (№ 449); *Антонов А.В.* Вновь открытые рязанские акты XVI – начала XVII века. С. 254–256 (№ 19–21); ПКРК. Вып. 1. С. 36, 39. Речь об этих землях пойдёт далее.

[3] ПКРК. Вып. 1. С. 40, 87; ПРП РК. С. 101–102 (№ 65).

[4] ПКРК. Вып. 1. С. 37, 38, 179, 180, 182, 224; АСЗ. Т. 4. С. 172 (№ 230).

[5] ПКРК. Вып. 1. С. 179–180, 239; АСЗ. Т. 1. С. 249–263 (№ 277); ПРП РК. С. 53–54 (№ 41), С. 115–116 (№ 82); РППК. С. 54, 79; *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 289 (№ 230).

[6] ПКРК. Вып. 1. С. 153–155; АСЗ. Т. 4. С. 63–64 (№ 81).

[7] ПКРК. Вып. 1. С. 86–87, 268, 275, 296, 297.

[8] ПКРК. Вып. 1. С. 154; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 13328. Л. 649–651об. («старинная» вотчина Чевкиных с. Истус); *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 108.

[9] О ранней истории поместной системы см.: *Абрамович Г.В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: дис. … докт. ист. наук. Л., 1975; *Зинько М.А.* Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв… С. 278–318; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). С. 90–135; *Назаров В.Д.* К истории светского землевладения в России XV – начала XVI в.:

землевладения в Рязанской земле прослеживается плохо. Вероятно, пожалования поместий (или аналогичных земельных держаний) практиковались ещё рязанскими князьями[1]. В грамоте, выданной Вердеревским спустя год после присоединения княжества, сказано, что их вотчина «с ыными отчинами и с *помесными землями* смежна»[2]. Первые поместные грамоты, относящиеся к территории Рязанской земли, сохранились от второй половины 1540-х гг. В них фигурируют не только новые пожалования, но и «старые» поместья, а также земли, которые уже успели к тому времени сменить владельцев[3].

К середине XVI в. поместья получили широкое распространение и играли важную роль в материальном обеспечении рязанских служилых людей. К такому выводу позволяет прийти изучение «Боярской книги» 1556/57 г. – наиболее раннего источника, содержащего систематические сведения о землевладении представителей локальной верхушки (таблица 2.19). Обратим внимание на унифицированные размеры поместных окладов, которые показывают, что в Рязани произошло верстание[4].

коллективный снимок 1504 г. с пояснениями и дополнениями // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. С. 20–26.

[1] См. обсуждение рязанского условного землевладения: *Антонов А.В.* Из истории нагодчины в Рязанской земле; *Он же*. Новый источник по истории нагодчины; *Назаров В.Д.* Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 166–171, 174.

[2] АСЗ. Т. 4. С. 63 (№ 81).

[3] АСЗ. Т. 1. С. 249 (№ 276); Т. 4. С. 64–65 (№ 83), 292–293 (№ 396), 345 (№ 470).

[4] *Бенцианов М.М.* «Поверстати по достоинству безгрешно...»: система окладов в Русском государстве XV–XVI вв. С. 31; *Он же.* «Как бы службу нам устроити»: военно-организационные преобразования середины XVI в. С. 86.

Таблица 2.19 – Землевладение рязанцев по «Боярской книге» 1556/57 г.

Землевладелец	Поместий (четв.)	Вотчин (четв.)[1]	Землевладелец	Поместий (четв.)	Вотчин (четв.)[2]
Вердеревский Н.С.	500	66	Кобяков И.Г.	400	75[3]
Вердеревский К.Г.	250	-	Кобяков П.Г.	500	75[4]
Глебов М.Н.	400	307[5]	Кончеев И.П.	400	291[6]
Сунбулов И.Ф.	400	200[7]	Чевкин М.Ю.	500	-
Сунбулов С.С.	400	200[8]	Чевкин И.Ю.	500	-
Казначеев И.Ф.	250	100	Чевкин С.Ю.	400	-
Кобяков Т.П.	-	483[9]			

Выборка представителей рязанской элиты, содержащаяся в «Боярской книге», позволяет выделить различные варианты земельного обеспечения служилых людей. К первому типу относились лица, которые вовсе «не сказали» за собой вотчин (кроме того, Н.С. Вердеревский на одном из смотров сообщил, что «не ведает» сошного письма своей вотчины)[10]: основу их материального достатка составляли поместные дачи[11]. Ко второму – дворяне, располагавшие как поместьями, так и вотчинами (с преобладанием поместий)[12]. Третий тип представлен только Т.П. Кобяковым, который унаследовал весьма значительный комплекс вотчинных земель (почти 500 ч.). За ним не числилось поместий, и людей он выставлял только с вотчин.

В «Боярской книге» утрачены начальные статьи, и можно предполагать, что в них преобладали служилые люди с третьим типом земельного обеспечения. Книга Полоцкого похода позволяет приблизительно оценить количество таких крупных вотчинников. Рязанские служилые люди представлены в данном

[1] Пересчитаны из сошного письма по нормам «доброй» земли.
[2] Пересчитаны из сошного письма по нормам «доброй» земли.
[3] С братом Петром.
[4] С братом Иваном.
[5] 66 ч. приданая; 200 ч. общая с Сумниковыми-Измайловыми; 41 ч. общая с Измайловыми.
[6] С матерью и с братом Тюменем.
[7] С братьями и племянниками (6 чел.).
[8] С братьями и племянниками (6 чел.).
[9] С матерью.
[10] *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года. С. 90.
[11] О вотчине М.Ю. Чевкина, приобретённой до опричнины, см.: АСЗ. Т. 2. С. 31 (№ 13).
[12] Примечательно, что богатые вотчинники Сунбуловы относились к этой категории. Известно, что они в тот же период вместе с городовыми детьми боярскими пользовались нагодчиной (ПКРК. Вып. 2. С. 421).

источнике не только дворовыми и городовыми – присутствуют также дети боярские «с малых статей» и 32 «рязанца с вотчин»[1]. Последняя категория особенно примечательна: почти треть от количества рязанцев в ДТ не нуждалась в поместном обеспечении и служила с вотчин (как упомянутый Т.П. Кобяков). Если допустить, что некоторые представители местной элиты были включены в состав «выбора» (**2.2.6**) и не учитывались в категории «рязанцев с вотчин», количество крупных вотчинников могло быть ещё более значительным.

Р.Г. Скрынников справедливо отметил, что наличие категории «рязанцев с вотчин» отражает «архаические черты» организации местного «города»[2]. Действительно, Рязанский край не превратился в территорию чистого поместного землевладения, как это произошло с другими «украинными» областями (**2.4**). В уезде сохранился значительный фонд вотчинных земель, который продолжал играть существенную роль в обеспечении местной элиты.

Трансформация традиционной структуры рязанского землевладения в результате опричных мероприятий обстоятельно изучена С.И. Сметаниной. В одной из родословных росписей сохранилось упоминание о том, «как *половинили* на Резани поместья и вотчины и отдавали иных горав [городов – *И.К.*] *веденцам* всяким чинов людем»[3]. Исследовательница показала, что данное описание вполне соответствует действительности. Рязанские вотчинники действительно лишились в среднем половины своих наследственных земель, а в отдельных случаях (при опале) конфискация могла быть полной. Изъятая земля была пущена в поместную раздачу. Именно «боярские» роды понесли наиболее значительные потери в результате опричных конфискаций[4].

Как и многие другие явления опричного времени, «реформа» в Рязанском уезде остаётся парадоксальным для исследователя мероприятием. За цифрами конфискованных четвертей вотчинной земли стоит грандиозная трансформация уездной жизни, принятая местными землевладельцами как данность.

---

[1] ЗКПП. С. 126.
[2] *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 19.
[3] РРР. С. 172.
[4] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 112.

Представители рязанских родов утратили часть своих старых владений, но (в отличие от служилых людей ряда других регионов) не были переселены. Логика «половинной» конфискации предполагала, что новые помещики и прежние хозяева оказывались соседями и могли делить один населённый пункт, который ранее являлся частью единого вотчинного комплекса. Такие совместные владения стали характерной чертой послеопричной Рязани[1]. Естественная циркуляция поместной земли в рамках «города» приводила к тому, что испомещаться на бывших вотчинах стали не только переселенцы, но и представители тех старых рязанских родов, которые сами ранее подверглись конфискации.

Несмотря на значительные экономические и некоторые демографические потери, группа «боярских» родов сохраняла после опричнины землевладельческое доминирование в Рязанском крае. В конце XVI в. восемь ключевых кланов контролировали в общей сложности 38% светской вотчинной и 4% поместной земли уезда (таблица 2.20). Отметим, что почти четверть вотчинных и четверть поместных владений «боярских» кланов приходились на «центральный» Окологородный стан (их вотчины составляли половину совокупной светской вотчинной земли стана). Вторым и третьим по значимости районами концентрации вотчинной земли старых рязанских фамилий были соседние с Окологородным Кобыльский и Каменский станы, причём последний являлся одновременно и основным районом их испомещения.

[1] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 79.

Таблица 2.20 – Землевладение рязанской «боярской» элиты в 1590-е гг. (в тыс. четв. доброй земли в поле)[1]

Род	***Поместья***	***Вотчины***
Булгаковы	0	2
Вердеревские	2, 4	3, 6
Дмитриевы	0	1, 4
Измайловы	1, 2	4, 1
Кобяковы	1, 5	1, 3
Коробьины	0, 4	1, 1
Сунбуловы	1, 4	1, 5
Чевкины	0, 8	0, 9
Всего	7, 5	16, 1

Суммарные данные, приведённые в таблице, показывают, что в конце XVI в. поместья играли подчинённую роль в совокупном земельном обеспечении рязанских «боярских» кланов. Этот вывод нуждается в уточнении. Наряду со статусной дифференциацией (**2.1.1**) внутри рязанской элиты продолжала развиваться тенденция к неравному распределению вотчинной земли, которая ясно прослеживается уже по «Боярской книге» 1556/57 г. Землевладение каждого рода развивалось в зависимости от совокупности факторов: стартовых условий (обеспеченности старинной родовой землей); интенсивности наследственного дробления (т.е. демографических параметров конкретной семьи); успешности брачной политики; возможностей для покупки новых вотчин; влияния опричных конфискаций или опал. К концу XVI в. младшие ветви некоторых разросшихся «боярских» кланов (Сунбуловых и Вердеревских) практически полностью утратили вотчинные земли. С другой стороны, внутри рязанского «выбора» всё ещё сохранялась прослойка крупнейших землевладельцев, которые по-прежнему не испытывали необходимости в поместном обеспечении и могли нести службу исключительно с вотчин (таблица 2.21).

[1] Учитываются все представители перечисленных кланов вне зависимости от чиновного статуса; выделившиеся родственные ветви (Апраксины-Вердеревские, Денисьевы, Селивановы, Сумниковы-Измайловы) исключены.

Таблица 2.21 – Вотчинные владения выборных дворян из «боярских» родов в 1590-е гг.

100-250 ч.	250-700 ч.	700-1300 ч.
В.К. Вердеревский Ю.И. Кобяков Г.П. Кобяков Ю.М. Чевкин П.М. Чевкин	**Ю.В. Дмитриев** **И.И. Дмитриев** **И.,А.,Т.,Н.В. Измайловы** И.Т. Кобяков	**П.Г. Вердеревский** В.Н. Вердеревский **Ю.М. Булгаков-Денисьев** **А.Я. Измайлов** В.Я. Измайлов **Г.В. Коробьин** Г.Ф. Сунбулов

* ***выделены*** *лица, имевшие только вотчины*

О землевладении рязанских служилых людей за пределами своего уезда имеются лишь редкие сведения. Отчасти это объясняется состоянием источниковой базы. Как показал А.П. Павлов, указы 1550 и 1586/87 гг. об испомещении членов «государева двора» под Москвой были в основном реализованы[1], однако данных о поместьях рязанцев в центральном уезде практически не сохранилось. Известно, что Г.Ф. Сунбулов владел небольшой (42 ч.) подмосковной вотчиной, которую в 1594/95 г. продал А.П. Клешнину[2]. Значительная по размерам подмосковная вотчина принадлежала Д.Ф. Булгакову-Денисьеву и была передана в Троице-Сергиев монастырь[3]. Можно предполагать, что у отдельных представителей рязанской элиты имелись столичные дворы. Так, В.Я. Измайлов, «приехав к Москве», жил там «с год» перед своей кончиной[4].

По предположению А.А. Новосельского, уже до Смуты могла возникнуть норма, разрешавшая выборным дворянам (в отличие от дворовых и городовых детей боярских) дополнительно «приискивать» земли вне своих основных уездов[5]. Рязанцы не стремились воспользоваться таким правом. В сохранившихся писцовых книгах соседних с Рязанью уездов последних десятилетий XVI в. мы

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 140–146.
[2] *Антонов А.В.* К биографии А. П. Клешнина. С. 377.
[3] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108.
[4] РИС. Т. 2. С. 175.
[5] *Новосельский А.А.* Распад землевладения служилого «города» по десятням XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 248–249.

практически не находим представителей рязанских фамилий[1]. Единственный известный случай целенаправленного испомещения местных служилых людей за пределами своего региона относится ко второй четверти XVI в. Тогда нескольким дворянам были пожалованы небольшие поместья в Вяземском и Можайском уездах для обеспечения «годовых» служб (**2.2.6**). Впрочем, в дальнейшем все эти земли перешли к другим владельцам.

Отсутствие у рязанских фамилий стремления к приобретению земли в других частях Московского государства прослеживается и применительно к вотчинному землевладению. И.Я. Измайлов получил в качестве приданого вотчины в Тверском и Старицком уездах, но в 1557/58 г. (по-видимому, спустя короткое время после заключения брака) продал их[2]. В 1573/74 г. Ф.М. (Меньшой) Булгаков-Денисьев купил у А. Ищеина-Кузьминского вотчину в Боровском уезде, которую очень скоро (до 1578 г.) передал Троице-Сергиеву монастырю[3]. Вероятно, пожертвование в обитель и являлось изначальной целью покупки: данный способ позволял обойти законодательные ограничения. Таким образом, рязанские дворяне не пытались закрепиться в других регионах: вплоть до Смуты их землевладение – как поместное, так и вотчинное – оставалось локализовано в родном уезде.

2.3.3. Переселенцы из других уездов

На протяжении первой половины XVI в. московское правительство активно использовало для поместной колонизации пограничных территорий служилых

[1] ПКМГ. Отд. 1, 2; Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. Ульяновск, 2014. Редкие исключения из этой закономерности будут названы ниже. Дальнейшие ретроспективные исследования писцовых книг «валового» описания 1620-х гг. могут добавить некоторые случаи нерязанского землевладения местных дворян, но едва ли приведут к пересмотру этого главного вывода.

[2] *Маштафаров А.В.* Старицкие монастыри в документах XVI века // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 131–134. Послухом в сделке выступал В.Я. Измайлов.

[3] РГАДА. Ф. 281. № 7/605. По копии: АСПбИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. № 1534. Л. 2209–2210 (использована информация из БД «Правящая элита Русского государства»); *Шумаков С.А.* Сотницы (1537–1597 гг.). Грамоты и записи (1561–1696 гг.). М., 1902. С. 154–155; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108. Эта сделка могла быть заключена в 1571 г., когда Ищеин-Кузьминский отправлялся в качестве посла в Стамбул через Рязанщину. На момент отдачи вотчины в монастырь у Ф.М. Булгакова-Денисьева было двое взрослых сыновей.

людей из других уездов. Рязанское сообщество также не оставалось в этот период совершенно замкнутым: в уезде получали поместья пришлые дети боярские. Обратим внимание на грамоту 1547 г., по которой Иван и Андрей Васильевичи Рахманиновы приобрели дмитровские поместья вместо «старых» рязанских в Каменском и Окологородном станах (передавались местным служилым людям – М.Т. и И.Т. Петровым)[1]. В конце XV – первой половине XVI в. землевладение Рахманиновых располагалось в уездах к западу и северу от Москвы. Грамота 1547 г. свидетельствует о попытке преодолеть сложившуюся разбросанность землевладения. Андрею удалось сохранить связь с западным регионом (в ДТ он числится по Можайску)[2]; Иван и его сыновья сменили уездную приписку и в 1570-е гг. упоминаются на службе по Рязани[3]. В семейной традиции сохранилось представление о том, что окончательное переселение этой ветви Рахманиновых в Рязанский уезд произошло уже в годы опричнины, когда А.И. и И.И. Рахманиновы были «из Ржевы сведены на Резань» и «испомещены … из Юрьевых вотчин Булгакова»[4].

Источники позволяют выявить ещё нескольких служилых людей из других регионов, получивших рязанские поместья вскоре после ликвидации самостоятельности княжества[5]. Сохранившихся данных недостаточно, чтобы

---

[1] АСЗ. Т. 4. С. 292 (№ 396). Писцовое описание 1590-х гг. застало эти поместья за новыми владельцами: ПКРК. Вып. 1. С. 352–353.

[2] ТКДТ. С. 185.

[3] И.В. Рахманинов упоминается в рязанском акте 1571/72 г: АСЗ. Т. 2. С. 333 (№ 387).

[4] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 645об.; ПКРК. Вып. 2. С. 733 (изложение грамоты конца 1620-х гг.). Ср.: *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 130–131. После Смуты представители этого рода вошли в рязанский «выбор» **(3.3.5)**.

[5] В.Б. Кобрин обратил внимание на упоминание помещика Т. Катернина, который мог иметь новгородское происхождение (АСЗ. Т. 4. С. 364–365 [№ 496]; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). С. 110). С.Н. Богатырёв предположил, что из Дмитриева происходили Кишкиндеевы (Кишкилдеевы). Григорий Кишкиндеев в 1550-е гг. был рязанским губным старостой (*Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy. P. 125, см.: АСЗ. Т. 1. С. 207 [№ 230], 262 [№ 277]; ср. также данные топонимики Московского уезда: *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI века. С. 82). Вывод о нерязанском происхождении может быть, однако, преждевременным. Ещё двое представителей рода упоминаются в Рязанском уезде уже в первое десятилетие после присоединения княжества: АСЗ. Т. 1. С. 257 (№ 277) (хронология устанавливается по упоминанию кн. И.Ф. Палецкого [ум. в 1532/33 г.]); *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII –

оценить количество таких землевладельцев. Необходимо подчеркнуть, однако, что приток новых помещиков не приводил в рязанском случае к трансформации традиционной социальной структуры. Как показал М.М. Бенцианов, в других пограничных уездах московское правительство целенаправленно конструировало новые служилые объединения при помощи поместной колонизации[1]. В Рязани, напротив, существовало давно сложившееся сообщество, и пришлые помещики встраивались в уже сформировавшуюся систему отношений. Из новых землевладельцев не сформировалось обособленной социальной группы, противопоставленной представителям местных родов, как это произошло в некоторых центральных уездах (об этом свидетельствуют подзаголовки «литва дворовая», «помещики» в ряде рубрик ДТ)[2].

Новые помещики пополняли, главным образом, рядовой состав служилого «города». Только двое из них к середине XVI в. вошли в круг местной элиты: «литвин» О.С. Лашинский и Н.Г. Ржевский (из Фоминских Рюриковичей, остальные представители фамилии служили по западным уездам: **2.1.3**). О.С. **Лашинский** к моменту писцового описания скончался, не оставив мужского потомства, и сохранилось упоминание только о двух принадлежавших ему рязанских поместьях. Одно из них ранее было владычной вотчиной и оказалось у О.С. Лашинского уже после опричных конфискаций[3]. Упоминаются также поместье в Московском уезде и вотчина в Коломенском уезде, происхождение которой неизвестно[4]. В 1574 г. О.С. Лашинский купил у кн. Ф.И. Волконского ещё одну коломенскую вотчину. В 1584/85 г. она была заложена у дьяка

начала XVII вв. С. 270 (№ 119). В уезде существовала речка Кишкелдеевка (Кишкалдеевка) (напр.: ПКРК. Вып. 2. С. 496). Располагали вотчиной (АСЗ. Т. 2. С. 134–135 [№ 137]).

[1] *Бенцианов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв.

[2] ТКДТ. С. 123, 141, 143, 144, 146, 150, 155–156, 158, 161, 187, 206. См. об этой практике *Бенцианов М.М.* «Поверстати по достоинству безгрешно...»: система окладов в Русском государстве XV–XVI вв. С. 20; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). С. 97–101; *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике С. 46.

[3] РППК. С. 16, 27, 66, 101–102.

[4] ПКМГ. Отд. 1. С. 52, 495.

В.М. Тараканова, в 1596/97 г. выкуплена у него вдовой и зятем О.С. Лашинского – Аграфеной (дочерью Михаила Дрозжина) и подьячим П.Г. Тимофеевым[1].

Ржевские в конце XVI в. относились к числу наиболее обеспеченных рязанских помещиков. Высокие оклады, которыми располагали представители семьи, были наполнены реальными дачами (Н.Г. Ржевский – около 550 ч. из 600 ч. оклада; А.Н. Ржевский – 508 из 500; И.Н. Ржевский – 375 из 500; Г.Н. Ржевский в писцовых материалах не фигурирует). Поместные комплексы Ржевских в Пониском и Окологородном станах отличались компактностью размещения и крупными размерами[2].

В Рязанском уезде Н.Г. Ржевский, а затем и его сыновья должны были обустраиваться заново. Так же, как и в случае О.С. Лашинского, заметно их стремление к приобретению вотчинного землевладения. Для достижения этой цели использовались несколько стратегий. Во-первых, принятие вотчин в заклад. Очевидно, Ржевские располагали достаточными финансовыми ресурсами для совершения кредитных сделок. В 1587 г. рязанцы Костенковы заложили у них за 150 р. сц. Ильинское Пониского стана. Спустя полтора десятилетия за дополнительные 200 р. (формально вновь как заклад) вотчина окончательно перешла в руки Н.Г. и Г.Н. Ржевских. В писцовом описании 1620-х гг. данное владение названо уже их «старинной вотчиной»[3]. Заметим, что в 1617/18 г. Г.Н. Ржевский принял в качестве заклада и соседнюю д. Кобелево[4]. Аналогичным образом расстались со своей вотчиной рязанцы Шехмановы, заложившие в 1602–04 гг. Г.Н. Ржевскому родовые владения в Окологородном стане[5].

Известен лишь один случай прямой покупки вотчины: в 1602/03 г. А.Н. Ржевский приобрёл в том же Окологородном стане пуст. Ерандучи[6]. Более значительные приобретения были сделаны третьим способом – с помощью

[1] ПРП РК. С. 50–51 (№ 38), С. 75 (№ 45), 79 (№ 49); ПКМГ. Ч. 1. С. 375; РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 20/6330.
[2] ПКРК. Вып. 1. С. 11, 227; АСЗ. Т. 3. С. 295 (№ 361); АСЗ. Т. 3. С. 296 (№ 363).
[3] АСЗ. Т. 3. С. 294 (№ 359), 296 (№ 362); ПКРК. Т. 1. С. 238.
[4] ПКРК. Вып. 1. С. 238; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 181об.
[5] ПКРК. Вып. 2. С. 685; *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. С. 345–346.
[6] ПКРК. Вып. 2. С. 662. Возможно, куплено у Обловых.

брачных комбинаций. Благодаря женитьбе на дочери Б. Каркадымова-Таптыкова к А.Н. Ржевскому перешёл ряд вотчинных жеребьёв в Перевитском и Пониском станах (**2.3.6**). И.Н. Ржевский, вероятно, породнился с Любавскими и получил в качестве приданого жеребей их родовой вотчины[1].

Как отмечалось ранее, из группы рязанских княжат выделяется фигура кн. А.И. **Дашкова** (**2.1.5**). Его появление в Рязанском уезде, по-видимому, не было связано с опричными событиями. Одна из вотчин кн. А.И. Дашкова в Окологородном стане была «половинена» и частично обращена в поместья[2] – следовательно, он приобрёл её до конфискаций. Помимо остатков данного владения, кн. И.А. и П.А. Дашковы (сыновья) в 1590-е гг. располагали вотчинами в Пехлецком[3] и Каменском станах[4]. Происхождение и способ приобретения этих земельных комплексов пока не установлены.

В источниках начала 1570-х гг. появляется разделение на «старых» и «новых» «помещиков» (или «рязанцев»)[5]. Ко второй категории относились **опричные переселенцы** – напомним, что в состав рязанской элиты из них вошли, главным образом, княжата. Кроме того, в рязанском «выборе» оказались И.В. Сергеев-Левашов и, возможно, И.А. Кикин (**2.1.5-6**). Многие из них были испомещены из «половиненных» вотчин старой рязанской элиты (этот аспект изучен С.И. Сметаниной)[6]. В отличие от видных переселенцев середины века, никто из опричных «новых помещиков», попавших в «выбор», до начала Смуты не сумел обзавестись собственным вотчинным землевладением в уезде.

Переселенцы нередко получали поместья фамильными «гнёздами»: родственникам доставались совместные владения, которые продолжали дробиться

---

[1] ПКРК. Вып. 1. С. 179, 183; РППК. С. 95.
[2] ПКРК. Вып. 1. С. 30, 40, 397, 398.
[3] ПКРК. Вып. 1. С. 154.
[4] ПКРК. Вып. 1. С. 87.
[5] *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 210; *Буганов В.И.* Документы о Ливонской войне. С. 176–177. Ср. реконструированную М.Г. Кротовым каширскую десятню 1570 г., где присутствовали рубрики «дети боярские из разных городов дворовые» и «дети боярские новые помещики, преж того служили из разных городов» (*Бенцианов М.М.* «Как бы службу нам устроити»: военно-организационные преобразования середины XVI в. С. 93).
[6] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 113–125.

в следующем поколении. Чтобы наполнить оклады, новым рязанским дворянам предстояло вступить в конкуренцию за ограниченный фонд земель. Некоторые из переселенцев (например, И.В. Левашов-Сергеев)[1] добивались в этом соперничестве успеха – однако полученные дачи, как правило, оказывались разбросанными по разным станам. У Ф.И. Кикина поместья располагались одновременно в Рязанском и Каширском уездах[2]. В наименее благоприятном положении находились кн. Щетинины. Их единственным владением в конце XVI в. оставалось конфискованное у рязанского владыки с. Остромир, поделенное между тремя представителями рода и С.И. Ляпуновым. В оклад выборного дворянина кн. В.Г. Щетинина (550 ч.) «не дошло» целых 400 ч. земли[3].

О землевладении пришлых рязанских помещиков в других регионах нет данных. Как показал А.П. Павлов, опричные переселенцы, за редкими исключениями, полностью утрачивали родовые вотчины[4]. Кроме рязанских поместий, выборные дворяне располагали подмосковными и московскими владениями, но свидетельства о них, как уже отмечалось, редки. Сохранились упоминания о подмосковных поместьях кн. А.И. Дашкова и кн. Ю.Г. и Д.Ю. Мещерских[5], кн. М.П. Волконского[6], В.Г. Биркина[7]. О своём «купленном» (по-видимому, до Смуты) московском «дворе» рассказывал впоследствии И.Н. Ржевский[8]; есть данные также об «огороде на Москве» А.Н. Ржевского[9].

Итак, главным отличием переселенцев от выходцев из старых «боярских» кланов было исходное отсутствие вотчинного землевладения на территории уезда. Новые помещики были вынуждены с чистого листа обустраиваться в регионе и

---

[1] ПКРК. Вып. 1. С. 35, 187, 228, 268.
[2] РППК. С. 12–13; АСЗ. Т. 4. С. 140 (№ 184).
[3] ПКРК. Вып. 1. С. 30, 399–400.
[4] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 149–160; *Он же.* Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.).
[5] АСЗ. Т. 4. С. 406–408 (№ 508–509).
[6] *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 97.
[7] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. 2. С. 419.
[8] АСПбИИ. Ф. 124. Оп. 1. № 520.
[9] АЗР. Т. 3. С. 350 (№ 183).

заводить новые связи[1]. Дворянам, переместившимся в Рязань в доопричный период (О.С. Лашинский, Ржевские, кн. Дашковы), удалось включиться в местное сообщество, наполнить оклады и даже приобрести целый ряд вотчин. Такое примечательное стремление обзавестись наследственной землёй показывает, что она ценилась больше, чем поместья. Куда менее успешны были переселенцы опричной волны. Спустя четверть века, в 1590-е гг., они по-прежнему не располагали рязанскими вотчинами, а их поместное обеспечение было весьма скромным.

Включение переселенцев в «выбор» не было связано с их землевладельческим благосостоянием: они занимали высокое положение в новом сообществе в силу статуса, санкционированного центральной властью. Несоответствие между социальной позицией и размером вотчинных владений (явление, не характерное для традиционной рязанской социальной иерархии) ещё более заметно при обращении к следующей группе – «дворовым» выдвиженцам.

2.3.4. «Дворовые» выдвиженцы

Особую группу рязанской элиты составляют фамилии, выдвинувшиеся в последней четверти XVI в. – Биркины, Ляпуновы и Петровы. Напомним, что представители этих родов занимали в ДТ относительно низкие позиции, но благодаря особому «Двору» оказались в рязанском «выборе». Из них только Петровы достоверно имели предков среди элиты Великого княжества Рязанского; история Биркиных и Ляпуновых туманна (**2.1.4).**

У **Петровых**, несмотря на происхождение, в 1590-е гг. не имелось ни одной вотчины на территории Рязанского уезда. Такое положение можно связать с перипетиями судьбы рода в периоды опричнины и особого «Двора», однако упоминания о конфискованных владениях в рязанских писцовых материалах также отсутствуют. Возможно, отсутствие вотчин отчасти объясняется обстоятельствами более ранней истории фамилии. В актах XV в. упоминаются

[1] См. об этом на материале Коломенского уезда: *Бенцианов М.М.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей. С. 224.

вотчины Глеба Батурнича и его сына Семёна, переданные в качестве вкладов Солотчинскому монастырю[1]. Обратим внимание, что представители старшей ветви (Леонтьевы) сменили регион службы и оказались в Каширском уезде (**2.1.2**).

В период «дворового» возвышения Петровы делали земельные приобретения, которые не характерны для других рязанских фамилий. Так, И.Т. Петров получил несколько крупных новгородских поместий, конфискованных у опальных[2]. Связь этого представителя рода с Новгородом могла установиться и ранее. В разрядной записи 1559 г. он перечислен (впрочем, возможна и ошибка) среди «голов из новгородских помещиков»[3]. Вероятно, после смерти Ивана IV новгородские поместья были утрачены. Кроме того, до 1576/77 г. А.И. Тимофеев-Соловой (Петров) купил у рязанских детей боярских Запольских вотчину в Старорязанском стане[4]. В дальнейшем вотчина перешла к М.И. Петрову, который, в свою очередь, продал её Р.П. Биркину. По результатам судебного разбирательства, речь о котором пойдёт далее (**2.3.6**), владение вернули Запольским[5]. Со временем возвышения рода можно связать также необычное пожалование А.Т. Петрову дворцового села в Окологородном стане в поместье[6].

В конце XVI в. Петровы относились к числу рязанских помещиков со средним уровнем материальной обеспеченности, а их главным отличием от других старых рязанских кланов было полное отсутствие вотчинного землевладения. Часть поместий, которые принадлежали представителям рода, перешли к ним относительно недавно[7], в то время как земли, пожалованные в

---

[1] *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 31 (№ 22); АСЭИ. С. 368 (№ 341); *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 67–68 (№ 2, 3). Датировка вклада 7020 г. неверна (*Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 175).

[2] *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал… С. 59, 66, 68, 79; АСЗ. Т. 4. С. 23–24 (№ 28).

[3] РК 1605. Т. 2. С. 51.

[4] АСЗ. Т. 4. С. 376 (№ 497).

[5] ПКРК. Вып. 1. С. 249.

[6] ПКРК. Вып. 1. С. 35.

[7] ПКРК. Вып. 1. С. 321; РППК. С. 19; АСЗ. Т. 2. С. 373 (№ 439).

1547 г.[1], были утрачены. Примечательно, что один из представителей рода получил в поместное владение бывшую вотчину Ю.М. Булгакова-Денисьева[2].

Землевладение **Ляпуновых**, относительно которых в историографии на протяжении продолжительного времени господствовал миф «боярского происхождения»[3], обстоятельно проанализировано А.О. Никитиным[4]. Исследователь констатировал, что ни одно из вотчинных владений Ляпуновых конца XVI в. не может быть отнесено к родовым. Небольшие вотчины, которыми владели Г.П. и З.П. Ляпуновы, были получены в качестве приданого или куплены незадолго до писцового описания. Большой интерес представляет попытка реконструировать поместное родовое гнездо Ляпуновых на основе ретроспективного анализа приправочных книг. На роль такого владения претендует с. Микулич Окологородного стана, которое ранее полностью принадлежало Ляпуновым. Это было «старинное» поместье, восходившее, возможно, к единоличному владению Саввы Семёновича Ильина. Аналогичную историю могло иметь с. Выкопань Каменского стана[5].

К концу XVI в. Петровичи утратили свои жеребьи в «родовых гнёздах», в то время как Иевлевичи их сохранили. По писцовым материалам можно выявить ещё целый ряд поместий Петровичей, которые также перешли к другим служилым людям. А.О. Никитин предположительно связывает эти изменения с опалами в

---

[1] АСЗ. Т. 4. С. 292 (№ 396).

[2] РППК. С. 173.

[3] В частности, включение О.А. Шватченко Ляпуновых в один ряд с Измайловыми и Сунбуловыми отражает совершенно не обоснованную, но распространённую в историографии ассоциацию этого рода с рязанскими боярами. Отсутствие у представителей рода крупных вотчинных владений исследователь объясняет «конфискациями, связанными с их участием в событиях 1584 г.», но не приводит никаких доказательств (*Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. С. 351, 353). Опровергая версию об их «боярском» происхождении, один из авторов отмечает: «Пожалуй, главное отличие Ляпуновых от всех без исключения боярских рязанских родов заключается в отсутствии у первых родовых вотчин. <…> Небольшой частью села, вероятно, купленной, владел Захарий Ляпунов. Чуть большей территорией обладал Григорий Ляпунов. Но это владение было получено им в приданное за женой, принадлежавшей к роду Каркадымовых. У остальных Ляпуновых таких земель не было» (*Азаков С.* О боярстве Ляпуновых // Рязанские ведомости. 1988. 30 октября. С. 4).

[4] *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения.

[5] Там же. С. 188–193.

царствование Фёдора Иоанновича[1]. В результате к концу XVI в. Петровичи располагали относительно небольшим поместным фондом, который далеко не соответствовал их высоким окладам. Так, у З.П. Ляпунова в оклад 500 ч. «не дошло» 400 ч.[2]. «Усада» П.П. Ляпунова оказалась на совершенно новом месте, в с. Добрый сот Каменского стана. Это относительно крупное поместье (374 ч.) было пожаловано ему незадолго до писцового описания, а ранее принадлежало кн. В.И. Бахтеярову-Ростовскому[3]. Основным владением Г.П. Ляпунова было поместье в Шацком уезде[4].

В отличие от Петровых и Ляпуновых, **Биркины** в 1590-е гг. располагали как минимум одной старинной вотчиной. Село Столпово в Перевитском стане находилось в совладении И.П. и И.В. Биркиных, а также наследников Ю.В. Биркина – следовательно, ранее эти земли составляли единый комплекс[5]. В конце XVI – первые годы XVII в. И.В. Биркин весьма активно приобретал близлежащие вотчины, стремясь расширить наследственные владения (известны пять таких сделок)[6]. За пределами Перевитского стана (в Кобыльском) находилась только вотчина К.Ю. Биркина, вероятно, купленная у Измайловых (или полученная от них в качестве приданого)[7]. Накануне Смуты Биркины владели почти тысячью четвертями вотчинной земли.

Старшие представители рода были хорошо обеспечены поместной землёй: оклад у И.В. Биркина был наполнен целиком, у И.П. Биркина – даже несколько превышен[8]. Поместья активно переходили внутри рода. Так, д. Долгая в Каменском стане принадлежала ещё В.Г. Биркину, а в конце XVI в. была записана

---

[1] Там же. С. 192–193.
[2] ПКРК. Вып. 1. С. 406.
[3] ПКРК. Вып. 1. С. 286; *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения. С. 191–192.
[4] Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. С. 33, 242 (писцовая книга Шацкого уезда 1617 г.).
[5] ПКРК. Вып. 1. С. 179; *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. С. 46.
[6] *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. С. 46–47; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 405. Л. 697–706.
[7] ПКРК. Вып. 1. С. 224, 227.
[8] РППК. С. 12, 22. Ср.: АСЗ. Т. 2. С. 373 (№ 439).

за И.В. и К.Ю. Биркиными[1]. Крупное поместье в Пехлецком стане перешло от Р.П. Биркина к его младшему брату Ивану[2]. Ещё одно владение в том же стане ранее принадлежало Ю.В. Биркину и было унаследовано его женой и детьми[3]. Известно о поместье в Московском уезде, которое в 1595/96 г. получил И.В. Биркин – возможно, после смерти отца[4]. В отличие от других родов рязанской элиты, Биркины не располагали ни поместным, ни вотчинным землевладением в «центральном» Окологородном стане[5].

Итак, по характеру землевладения группа «дворовых» выдвиженцев из рязанских родов стояла ближе к переселенцам, чем к местным боярским кланам. Из приведённых данных ясно, что экономическое благосостояние не могло являться основанием успеха этих родов в особом «Дворе» и закрепления в рязанском «выборе». Старинные вотчины у этих семейств либо отсутствовали (Ляпуновы, Петровы), либо были сравнительно невелики по размерам (Биркины). В конце XVI в. наиболее твёрдыми были позиции Биркиных, которые уверенно наращивали объём вотчинного и поместного землевладения в уезде. Представители одной из ветвей Ляпуновых и Петровы, по-видимому, пострадали от репрессий в последней трети XVI в. и вынуждены были начинать соперничество за землю практически заново, с очень низких стартовых позиций.

2.3.5. Землевладение столичной знати в уезде

Законодательные акты третьей четверти XVI в. со ссылками на «старину» и предшествующее законодательство запрещают 1) продавать без доклада «иногородцам», а также 2) передавать монастырям вотчины и купли на

[1] ПКРК. Вып. 1. С. 346.
[2] ПКРК. Вып. 1. С. 121.
[3] ПКРК. Вып. 1. С. 94–95.
[4] *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. С. 47.
[5] И.В. Биркин получил там жеребей д. Хлевны, но оно выходило за пределы его оклада. В 1597 г. «лишние» 100 ч. были отданы другим помещикам (АСЗ. Т. 2. С. 373 [№ 439]). Оставшийся жеребей был ничтожным по размеру и был впоследствии выгодно обменян И.В. Биркиным (ПКРК. Вып. 3. С. 840).

территории Рязани (наряду с целым рядом других городов)[1]. Как убедительно доказал В.Б. Кобрин, эти установления не столько ограничивали права местных землевладельцев, сколько были их давней привилегией[2]. В разных версиях приговоров присутствуют указания на «уложения» Василия III и (или) Ивана III. По предположению исследователя, источником этих норм могла являться жалованная (уставная) грамота, которая была выдана после присоединения Рязани[3] (**2.4.1**).

В свете этих ограничений можно рассматривать информацию жалованной грамоты В.Ф. Лелечину на вотчину с. Дубовичи и д. Маньясово Старорязанского ст. Рязанского уезда (1539 г.). В ней сообщается, что данные владения «отписал … на великого князя, диак … Федор Мишурин в Резанском уезде, а сказал … великому князю, Василей Лелечин *то село и деревню купил на Резани*». М.М. Кром трактует этот случай как свидетельство самоуправства дьяка и ужесточения правительственного контроля над земельными сделками[4]. Подчеркнём, что подобная купля без доклада (если бы она имела место в действительности) нарушала «уложение». В 1539 г. вотчину вернули В.Ф. Лелечину: было доказано, что она перешла к нему как приданое жены

---

[1] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. Ч. 1. С. 31–33, 55–56.

[2] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 48–89; *Он же.* Законы 1551, 1562 и 1572 гг. о княжеском и вотчинном землевладении // Тезисы докладов и сообщений XIII сессии 197 Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1971. С. 65–66; *Он же.* Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV – XVI вв. (законы 1551, 1562, 1572 гг.) // История СССР. 1984. № 1. С. 172–185. Схожая точка зрения высказана ещё С.В. Рождественским, который предположил, что «эти ограничения … вытекали из договорных отношений между Москвой и некоторыми областями». Указы представляли собой «не … бессмысленную преданность старине, а целесообразную консервативную меру» (*Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI веке. С. 121–122).

[3] *Кобрин В.Б.* Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV – XVI вв… С. 178. О действии этих норм в других регионах см.: *Баранов К.В.* Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам; *Грязнов А.Л.* Землевладение Белозерских князей и законодательство о землевладении в XVI в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной научной конференции. М., 2019. С. 63–65.

[4] *Кром М.М.* Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 497–498, 529–530.

(дочери рязанского землевладельца Х. Зиновьева, умершего в крымском плену)[1]. Дальнейшая судьба этой рязанской вотчины не менее примечательна. Спустя полтора десятилетия её приобрёл у Лелечиных (с соблюдением процедуры боярского доклада) И.В. (Большой) Шереметев. Примечательно, что послухами в сделке выступали коломенские служилые люди, и среди них – сыновья дьяка Ф.М. Мишурина[2].

Землевладение старомосковской и княжеской знати на территории Рязанского края не составляет специального предмета нашего исследования, однако важность этой проблемы для дальнейшей истории Рязанского края делает необходимым краткое её рассмотрение. Вероятно, именно Шереметевы стали первыми представителями столичной аристократии, которые начали скупать владения в уезде. Отметим, что в одной из сделок послухами выступали И.С. и П.С. Ляпуновы[3]. Наиболее крупный вотчинный комплекс, приобретённый Иваном (Большим) Шереметевым, располагался в Окологородном стане – с. Песочня с деревнями. Сложная история этой вотчины изучена А.П. Барсуковым и С.И. Сметаниной. Переходя между членами рода, она дважды конфисковывалась: сначала при Иване IV (вновь пожалована Ф.В. Шереметеву в 1578 г.), затем при Борисе Годунове (ранее писцового описания второй половины 1590-х гг.; отдана кн. В.К. Черкасскому). Земля окончательно вернулось к Шереметевым только на завершающем этапе Смуты[4]. Вотчинами и поместьями в Рязани в последние десятилетия XVI в. владели также И.В. (Меньшой), П.Н. и Ф.И. Шереметевы[5].

---

[1] АСЗ. Т. 3. С. 408–409 (№ 490). Лелечины принадлежали к приказному кругу (*Савосичев А.Ю.* К вопросу о наследовании социального статуса в среде дьяков первой трети XVI века // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3/1. С. 33).

[2] АСЗ. Т. 3. С. 409–411 (№ 491–493).

[3] АСЗ. Т. 3. С. 410–411 (№ 493).

[4] *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1881. Кн. 1. С. 452–454; СПб., 1882. Кн. 2. С. 225–228; ПКРК. Вып. 1. С. 35; Вып. 2. С. 641; АСЗ. Т. 2. С. 239, 240 (№ 267); 377–378 (№ 443); Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе (1610–1611 гг.). С. 82. См. также: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 191–192; *Он же.* Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. С. 964; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 83–87, 106.

[5] ПКРК. Вып. 1. С. 94, 119; РППК. С. 131, 140-141, 153, 155, 166, 180–181, 184, 195, 211, 232; ПРП РК. С. 45-46 (№ 34); АСЗ. Т. 2. С. 291 (№ 330). См.: *Сметанина С.И.* Землевладение

Пример Шереметевых показывает, что рязанские земли вызывали интерес у московской знати даже несмотря на постоянную угрозу татарских набегов. Тем более существенно, что «освоение» Рязанского края столичными аристократами началось лишь спустя многие десятилетия после присоединения княжества. Такое положение, как можно предполагать, было следствием действительного исполнения законодательных ограничений на приобретение местных вотчин. Представители думной элиты располагали обширными землями в соседних Коломенском и Каширском уездах[1], и продвижение дальше на юг не составило бы для них затруднений в отсутствие специальных правительственных мер.

Масштабная «колонизация» Рязанского края столичной знатью пришлась, по-видимому, на последнюю треть XVI в.: после опричной «реформы» былые ограничения утратили значение. Вероятно, некоторые представители московской элиты были сразу наделены землёй из конфискованного фонда[2]. Другие получали пожалования из дворцовых владений и выморочных поместий[3]. Некоторые столичные чины начали целенаправленную скупку вотчин у рязанских дворян и детей боярских. Так, А.П. Клешнин в конце 1580-х гг. приобрёл земли В. Вердеревского, Ю. Дмитриева[4], С. Пороватого[5]. Писцовые материалы показывают, что Рязанском уезде появились также владения С.В., П.В. и И.В. Годуновых (в том числе приданые и купленные вотчины)[6], А.Н. и

Рязанского края и опричная земельная политика. С. 83–87. Хронология скупки рязанских владений И.В. (Меньшим) Шереметевым частично восстанавливается по записи в вотчинных книгах: ЗВК. С. 225–226.

[1] *Бенционов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 180–181, 185–186, 191–192; *Он же.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей. С. 207–210.

[2] См., например, случай И.П. Захарьина (*Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 151–152).

[3] См., напр.: *Антонов А.В.* К биографии А.П. Клешнина. С. 377; АСЗ. Т. 3. С. 296 (№ 363); *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 105–110.

[4] В писцовом описании 1620-х гг. в качестве прежнего владельца вотчины с. Козицыно в Пониском ст., купленной А.П. Клешниным у Ю.В. Дмитриева, указан также И.В. Дмитриев (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 176об.).

[5] *Антонов А.В.* К биографии А.П. Клешнина. С. 377. Владения по писцовым книгам: ПКРК. Вып. 1. С. 86, 211, 242. Также см., напр., упоминание о купле Шереметьевых: АСЗ. Т. 2. С. 291 (№ 330).

[6] ПКРК. Вып. 1. С. 40, 70, 80, 152–153, 196, 246, 339, 368. *Антонов А.В.* Две кормленные грамоты Денисьевых. С. 247. Г.В. Годунов «купил … вотчинку … у резанцев у Сидоровых

В.Н. Романовых (г. Скопин)[1], кн. Т.Р. Трубецкого[2], кн. П.И. и Ф.И. Хворостининых[3], кн. В.К. и Б.К. Черкасских[4] и других выходцев из старомосковской и княжеской знати. В ряде случаев это были крупные земельные комплексы, многократно превосходившие по своим размерам вотчинные и поместные владения даже самых состоятельных рязанских родов.

Царские приближённые рассматривали рязанские земли как один из многих источников дохода наряду с десятками других владений, разбросанных по разным регионам Московского государства[5]. Проживая в столице, представители знати оказывались в Рязанском крае лишь в силу служебной необходимости[6]. Однако для рязанского сообщества соседство поместий и вотчин царских приближённых могло иметь куда большее значение. Прежде всего, необходимо принять во внимание новизну этого явления и его долгосрочные эффекты. На протяжении длительного периода Рязанский уезд был защищён от проникновения сторонних лиц, и оборот земли ограничивался рамками локального сообщества. Опричные мероприятия коренным образом изменили структуру местного землевладения; большинство переселенцев, однако, вошли в состав рязанского служилого «города». В отличие от них, представители придворной элиты стояли вне местного служилого объединения – а значит, были противопоставлены ему по формальному признаку. При этом они располагали чрезвычайно широкими экономическими и политическими возможностями. У них имелось достаточное количество свободных средств, чтобы скупать вотчины местных землевладельцев. На службу к московским думцам переходили обедневшие дети боярские

дикое поля пусто да сстроил, да продал племяннику своему родному» (*Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России. С. 36 [№ 2]).

[1] ПКРК. Вып. 1. С. 152.

[2] ПКРК. Вып. 1. С. 153; *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. С. 1.

[3] РППК. С. 170.

[4] ПКРК. Вып. 1. С. 35.

[5] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 149–203.

[6] Например, кн. П.И. Хворостинин и И.В. Годунов в последний четверти XVI в. назначались рязанскими наместниками. См. о наместниках в этот период: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 243–244.

рязанского «города»[1]. Московские чины выступали прямыми соперниками местных служилых людей в конкуренции за ограниченный фонд земель: они получали пожалования (в том числе – в вотчину), которые при иных обстоятельствах могли бы наполнить оклады рязанцев[2]. Столичные бояре, в частности, начали осваивать Старорязанский стан, в котором сохранялись богатые дворцовые владения, местному «городу» не передававшиеся[3].

Крупные владения московской верхушки не только увеличивали общую социальную напряжённость, но и являлись потенциальными очагами локальных конфликтов. Для XVI – начала XVII в. не сохранилось сведений, которые позволили бы судить о взаимоотношениях администрации и населения этих «латифундий» с местным сообществом. Однако из материалов последующей эпохи хорошо известно, что такое соседство порождало серьёзные противоречия и даже приводило к открытым столкновениям. По меткому выражению А.А. Новосельского, «проникновение в среду мелкопоместных детей боярских чуждого им человека действовало так же разрушительно, как действует сильный яд на клетки организма. Появление … крестьян с приказчиком во главе сразу нарушало привычное равновесие сил, расстраивало весь хозяйственный уклад»[4]. Пользуясь высоким статусом и безнаказанностью своих хозяев, по отношению к окружающим землевладельцам приказчики действовали весьма агрессивно[5]. В то время как жалобы провинциальных дворян и детей боярских оставались не услышанными, царские приближённые имели возможность апеллировать к монарху в случае даже небольших затруднений[6]. Таким образом, «сильные люди»

---

[1] «Данилка де нашие службы не служит – служит у Семена Годунова» (АСЗ. Т. 2. С. 265 [№ 294]).

[2] См., напр., с. Песочня: АСЗ. Т. 2. С. 377–378 (№ 443).

[3] ПКРК. Вып. 1. С. 245–246.

[4] *Новосельский А.А.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. М., 1938. Т. 4. С. 54–55.

[5] *Сташевский Е.Д.* К истории колонизации юга. Великий боярин И.Н. Романов и его вотчины в Елецком уезде. М., 1913.

[6] А.В. Антонов обратил внимание на челобитную А.П. Клешнина в 1594 г. о поимке холопа, сбежавшего из его рязанской вотчины Печерники в Воронеж. Помета на ней гласит, что ответная грамота дана «мимо Бориса Хрущова [местного головы – *И.К.*], *а велел сам царь*» (*Антонов А.В*. К биографии А. П. Клешнина. С. 380).

могли рассматриваться как лица, чьи владения напрямую угрожали интересам местных служилый людей. Проникновение знати в Рязанский уезд представляло собой потенциально дестабилизирующий фактор.

2.3.6. Социальные связи

Одним из важных достижений «ревизионистского» переосмысления обществ раннего Нового времени является признание центральной роли «неформальных» («личных») отношений – родства и свойства, дружбы и покровительства. На материале Московской Руси эти сюжеты изучаются главным образом в связи с противостоянием придворных группировок. Менее убедительны попытки исследователей расширить поле анализа и выйти за рамки узкой группы царских приближённых: вплоть до позднего XVII в. значительные ограничения накладывает состояние источниковой базы[1]. «Государев двор», несомненно, представлял собой сложную и разветвлённую «социальную сеть», однако это определение по-прежнему не наполнено конкретным содержанием. Констатировав наличие связи между лицами, исследователь лишь в редких случаях может судить о происхождении и действительном характере

[1] *Кивельсон В.* Родственные связи и покровительство в провинциальной политике XVII века // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. М., 1994. Ч. 2. С. 242–252; *Кошелева О.Е.* Родственные связи в высших кругах знати XVII столетия и землевладение; *Новохатко О.В.* Управленцы среднего звена в XVII веке: неформальные контакты служилых по отечеству и приказных // Отечественная история. 2005. № 3. С. 158–169; *Павлов А.П.* Патронатно-клиентельные отношения при московском дворе в годы царствования Михаила Федоровича // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4 (24). С. 83−97; Патронат и клиентела в истории России (материалы «круглого стола») // Новая политическая история. СПб, 2004. С. 255–287; *Седов П.В.* Боярские «хлебояжцы» и свойственники // Времена и судьбы. СПб., 2006. С. 133–142; *Флоря Б.Н.* Частные письма русских дипломатов XVI в. // Исторический архив, № 3. 1993. С. 162–164; *Crummey R.O.* Court Groupings and Politics in Russia, 1645-1649 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 24. P. 203–221; *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. P. 154–180; *Kollman N.S.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547; *Krom M.* Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia // Russian History. 2008. Vol. 35. № 3–4. P. 309–320; *Idem.* Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2009. Bd. 57. H. 3. S. 321–345; *Nolte H.H.* Patronage und Klientel im frühneuzeitlichen Rußland: ein Orientierungsversuch // Patronage und Klientel. Köln 1989. S. 68–82; *Ransel D.L.* Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit. München 1988. S. 211–231.

взаимоотношений[1]. Неясной остаётся и общая картина: имели ли такие связи политическое значение за пределами царского дворца, каков был их структурный эффект в условиях формирования государства нового типа? Настоящее исследование, безусловно, не может претендовать на окончательное решение этих вопросов. Задача дальнейшего анализа – продемонстрировать, что изучение социальных связей позволяет пролить дополнительный свет на проблему интеграции локальных сообществ.

В январе 1562 г. И.Я. Измайлов был обвинён в содействии якобы готовившемуся побегу кн. И.Д. Бельского, который «хотел бежати в Литву и опасную грамоту у короля взял; а с … Иваном хотели бежать дети боярские … Богдан Посников сын Губин, *Иван Яковлев сын Измайлов* да голова стрелецкий Митка Елсуфьев». За это И.Я. Измайлова казнили торговой казнью и отправили «в заточение» в Галич[2]. Вне зависимости от того, имел ли место заговор на самом деле, ясно, что между кн. И.Д. Бельским и И.Я. Измайловым существовали отношения особого характера. Возможно, они сложились в период пребывания кн. И.Д. Бельского на южных службах[3]. Стоит упомянуть, что кн. И.Д. Бельский являлся внуком рязанской княжны; его дядя в конце 1530-х гг. просил помощи у

[1] См. попытку применения методов social network analysis к российскому материалу: *Успенский В.* Государев двор во второй половине XVI в. как социальная сеть: предложение метода // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы. СПб., 2013. С. 27–34; *Он же.* Кристаллизация иерархий раннего Нового времени: структура Государева двора в третьей четверти XVI в. как социальная сеть // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 121–122.

[2] ПСРЛ. Т. 13. С. 339–340. Об этом деле см.: *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 112, 388; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 148–149; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 143–144.

[3] О биографии князя см.: *Преснякова Л.П.* Служилая биография князя И. Д. Бельского по данным разрядных книг, летописей и записок Генриха Штадена // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 6. С. 39–50. Едва ли справедливо предположение К.Ю. Ерусалимского о принадлежности к рязанскому роду О. Бахтияр-Измайлова, высказанное в связи с этим делом. Сомнителен и тезис о том, что что уже к началу 1560-х гг. Измайловы добились «немалых успехов на военном поприще» (*Ерусалимский К.Ю.* Московско-литовская война 1562-1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // Российская история. 2017. № 1. С. 6).

султана в «возвращении» Рязани[1]. И.Я. Измайлов больше не упоминается разрядами; известно лишь, что в 1568 г. он погиб от рук опричников. Что касается кн. И.Д. Бельского, уже в марте 1562 г. он был отпущен по поручным записям, каждая из которых предполагала сумму 10 тыс. р. Среди поручителей фигурируют сразу несколько представителей рязанских фамилий, причём Ш.В. Кобяков и Ф.М.(?) Булгаков-Денисьев (записаны совместно) – в обеих записях. Как раз в это время Кобяков вошёл в состав ближайшего окружения царя и получил чин думного дворянина.

Поручные записи – источник, который остаётся недостаточно исследованным. Не вполне ясно, в частности, по какому принципу происходил отбор поручителей[2]. С точки зрения С.Б. Веселовского, «обыкновенно выручаемый должен был сам набрать поручителей и договориться с ними, но не исключена возможность, что царь Иван приказывал … негласно тому или иному доверенному лицу предложить своё поручительство»[3]. По мнению Б.Н. Флори, сам факт появления таких записей знаменует глухое недовольство широких кругов служилых людей набиравшими обороты репрессиями. Поручителями выступали по собственной воле лица, «связанные с опальными или их главными поручителями разнообразными связями»[4]. По справедливому замечанию Х. Дьюи, каким бы ни было происхождение поручителей, их общей характеристикой являлась потенциальная платёжеспособность[5].

Почти три десятка представителей рязанских фамилий фигурируют в качестве «вторых» поручителей в серии записей первой половины – середины 1560-х гг., причём некоторые из них – неоднократно (таблица 2.22). Неудивительно, что большинство рязанцев происходят из наиболее видных местных родов (Булгаковы-Денисьевы, Вердеревские, Глебов, Каракадымов-

[1] *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М., 2004. С. 141; *Кром М.М.* Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 98–115.
[2] *Антонов А.В.* Поручные записи 1527-1571 годов. С. 8.
[3] *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 124.
[4] *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 143–146.
[5] *Dewey H.W.* Political poruka in Muscovite Rus' // Russian Review. 1987. Vol. 46. № 1. P. 126.

Таптыков, Кобяковы, Измайловы, Петровы, Ржевский, Селиванов, Чевкины). В записи 1565 г. по И.П. Яковлеве (в отличие от остальных документов, в ней указана городовая принадлежность поручителей) можно найти более широкий круг лиц, служивших по Рязани. Некоторые из них присутствуют в нижней части ДТ (Власьев, Колемины, Солнцов), отдельные лица не числятся там (кн. Волконский, Немкинов). Они поручались в незначительном объёме средств (в пределах 50 р.), в то время как представители местной верхушки, как правило, записывались с суммами свыше 100 р. Наиболее крупное единовременное поручительство рязанца за весь этот период – у И.М.(?) Булгакова-Денисьева (400 р.), самое большое совокупное – у Б. Каркадымова-Таптыкова (250, 200, 150 и 100 р. – всего 700 р.). Как заметил ещё С.Б. Веселовский, своеобразным «рекордсменом» по количеству поручительств выступил К.Г. Вердеревский, поручавшийся целых пять раз[1].

Таблица 2.22 – Рязанцы в поручных записях 1560-х гг.

Год	Опальный	Поручители (суммы)
1562	Кн. И.Д. Бельский	Ш.В. Кобяков Ф.(?) Булгаков-Денисьев
1562	Кн. И.Д. Бельский	Ш.В. Кобяков (100) Ф.(?) Булгаков-Денисьев (100) М.Н. Глебов (100) Б.А. Каракадымов-Таптыков (100) С.С. Сунбулов (100) К.Г. Вердеревский (100) С.И. Селиванов[2] (100)
1563	Кн. А.И. Воротынский	Б.А. Каракадымов-Таптыков (250) Ф.М. Сунбулов (150) М.Т. Петров (100) И.Т. Петров (100) Л.Т. Петров (100) В.Я. Измайлов (150) А.Я. Измайлов (150)
1564	И.В. (Большой) Шереметев	Б.А. Каракадымов-Таптыков (200) М.Т. Петров (100) Н.Г. Ржевский (100)
1564/65	Л.А., М. и И.Л. Салтыковы	К.Г. Вердеревский (50)
1564/65	Кн. В.С. и Б.В. Серебряные	И.(?) Булгаков-Денисьев (400) К.Г. Вердеревский (200)
1565[3]	И.П. Яковлев	М.Н. Глебов (120) Ф.М. Сунбулов (50) кн. С.М. Волконский (50) С.Ю. Чевкин (50) П.Г. Кобяков (60) К.Г. Вердеревский (50) Т.В. Кобяков (100) П.Г. Вердеревский (50)

[1] *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 124.
[2] В росписи, содержащей денежные суммы, ошибочно обозначен как «Иван Степанов».
[3] Для этой записи приведены все лица, обозначенные как «рязанцы».

		М.Ю. Чевкин (50) Н.Г. Ржевский (25) В. Я. Измайлов (100) А.Я. Измайлов (100) В.П. Измайлов (50)	И.И. Власьев (25) Д.И. Колемин (25) М.Д. Солнцов (50) П.Г. Колемин (50) И.К. Немкинов (25)
1566	Кн. М.И. Воротынский	Ф. (?) Булгаков-Денисьев (150) Б.А. Каркадымов (150) К.Г. Вердеревский (150) П.Г. Биркин (100) В.Г. Биркин (100) М.Т. Петров (50)	

Рязанские служилые люди выступали не только в роли поручителей, но и как свидетели. Особый интерес представляет запись по кн. М.Л. Глинскому, составленная спустя всего несколько лет после присоединения Рязани – в 1527 г. Одним из послухов в ней является М.Н. Измайлов[1]. Вместе с ним в том же качестве упомянуты Т.К. Хлуденев и Р.И. Семенов, известные в придворных чинах[2]. В 1564 г. послухом в поручительстве по И.В. (Большом) Шереметеве являлся, наряду с другими служилыми людьми из южных уездов, М.Н. Глебов.

Изучение поручных записей позволяет констатировать, что к 1560-м гг. рязанцы были включены в сложную систему связей, которыми «сплетались представители служилого класса, в особенности в ограниченной сфере государева двора»[3]. Источники не дают конкретного материала относительно характера и происхождения таких отношений. Возможно, контакты устанавливались в ходе совместных служб: большинство опальных в середине XVI в. хотя бы раз появлялись на южном пограничье в качестве воевод или наместников. Обратим особое внимание на И.В. (Большого) Шереметева, который, как упомянуто ранее, являлся рязанским землевладельцем. О связях Шереметевых с местными служилыми людьми свидетельствует данная грамота 1557/58 г., по которой Никита и Иван (Меньшой) передавали в Троице-Сергиев монастырь вотчину в Переславском уезде. Несмотря на то, что сделка касалась отдалённого от Рязани региона, послухом в ней выступил В.И. (Меньшой) Коробьин[4]. Можно

[1] *Антонов А.В.* Поручные записи 1527-1571 годов. С. 10.
[2] *Корзинин А.Л.* О составе Боярской думы и дворцовой администрации в период боярского правления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, Регионоведение. Международные отношения. 2019. Vol. 24. № 5. С. 78.
[3] *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 125.
[4] *Шумаков С.А.* Обзор грамот коллегии экономии. М., 1917. Т. 4. С. 273.

предполагать, что в отличие от «московских» чинов, которые появлялись в Рязанском уезде в последней четверти XVI в., Шереметевы на протяжении некоторого времени были вовлечены в уездные отношения[1].

Уникальную возможность для исследования системы неформальных отношений, в которую были вовлечены рязанские служилые люди, даёт так называемое ***«дело о вымученной купчей»*** весны-лета 1584 г. Драматические обстоятельства, изложенные в материалах этого судебного процесса, неоднократно привлекали внимание историков; его событийная сторона и общеполитический контекст могут считаться в целом установленными[2]. Фабула дела – многоходовая комбинация, осуществлённая в 1582–83 гг. влиятельным московским дьяком А.В. Шерефединовым с целью приобретения владений рязанских детей боярских Шиловских. Результатом предпринятых дьяком усилий стало изготовление подложной купчей на вотчину, сопровождавшееся множеством нарушений. В аргументации Т.Д. Шиловского большое значение придавалось теме «злоупотребления служебным положением»:

[1] Ср. с динамикой вовлеченности Шереметевых в коломенское сообщество: *Бенцианов М.М.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей. С. 208–209.

[2] АСЗ. Т. 4. С. 365–383 (№ 497). Обстоятельства дела излагаются в работах: *Мазуров А.Б.* Взлёты и падения государственного деятеля последней трети XVI – начала XVII века: государев дьяк Андрей Шерефединов // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 134–135; *Dewey H.W.* Historical Drama in Muscovite Justice: The Case of the Extorted Deed // Canadian Slavonic Papers. 1957. Vol. 2. P. 38–46. Локальные аспекты: *Кирпичников И.А.* Персональные связи в Московском государстве XVI века: случай дела о вымученной купчей // Материалы III Всероссийской научной конференции Некрасовские чтения. Вологда, 2017. С. 128–132; *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 173–174; *Он же.* Рязанские погосты: неизвестный архипелаг // Древности Поочья. Рязань, 2016. С. 177–178; *Kleimola A.M.* Holding On in the «Stamped-Over District»… P. 138–140. В связи с судебной процедурой и документацией: *Аракчеев В.А.* Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014. С. 379–380; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 22–23; *Kleimola A.M.* Justice in Medieval Russia: Muscovite Judgment Charters (Pravye Gramoty) of the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Philadelphia, 1975. P. 30, 42–44, 50. Общеполитический контекст: *Зимин А.А*. В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 104–153; *Козляков В.Н.* Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 72–76; *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. С. 81–89; *Мазуров А.Б.* Государев дьяк Андрей Шерефединов и его род // Российская история. 2011. № 2. С. 77–92; *Мельников Ю.Н.* Ликвидация двора (опричнины) // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 198; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 149, 165, 172.

А.В. Шерефединов облёк фактическое похищение истца в форму легальных приказных процедур[1].

Не менее важным фактором успеха «сильного» (как он назван в одной из челобитных)[2] дьяка являлось наличие обширной сети местных связей, через которую можно было организовать махинации. Сам А.В. Шерефединов не посещал Рязанский край (на суде он настаивал, что будучи «жильцом здешним», московским, является владельцем вотчины лишь номинально)[3], а родственниками располагал в основном в Коломне. Ключевая роль в комбинациях принадлежала другому человеку – зятю дьяка Р.П. Биркину[4]. Он выступил фиктивным покупателем вотчины, но главное – мобилизовал обширную группу рязанских сторонников для обеспечения незаконной сделки. В «ссылочной памяти» истец приводит список лиц «Родионова Петров Биркина *на Резани роду и племяни его заговору*»[5] (рисунок 2.4). Некоторые из них известны по материалам дела как активные участники подлога. М.Т. Петров продал Биркину свою часть с. Шилова[6], И.Ф. Язвецов был послухом в незаконной купчей[7], а А.П. Ляпунов не только подписал её за Т.Д. Шиловского (впоследствии он оправдывал этот шаг давней семейной «дружбой»), но был также послан отписывать вотчину на А.В. Шерефединова[8]. Помимо перечисленных Т.Д. Шиловским служилых людей, были задействованы и менее заметные фигуры, зависимые от Р.П. Биркина. Так, у него скрывался от правосудия писец купчей – некто Гриша Шилов, подозреваемый в «воровстве»[9].

---

[1] Этот аспект судебного разбирательства заслуживает специального внимания в свете представлений о частном и публичном в Московской Руси. Истец Т.Д. Шиловский настойчиво различал частные инициативы А.В. Шерефединова, в которых он движим личным интересом, от «государева» дела, а действия людей дьяка – от полномочий «государевых» посланцев.

[2] Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. С. 60 (№ 24).

[3] АСЗ. Т. 4. С. 368 (л. 1116, 1116об.).

[4] Обсуждение свойства́ см.: *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV – XVI веков: происхождение и социальные связи: дис. ... докт. ист. наук. Орел, 2015. С. 480–481.

[5] АСЗ. Т. 4. С. 368 (л. 1118).

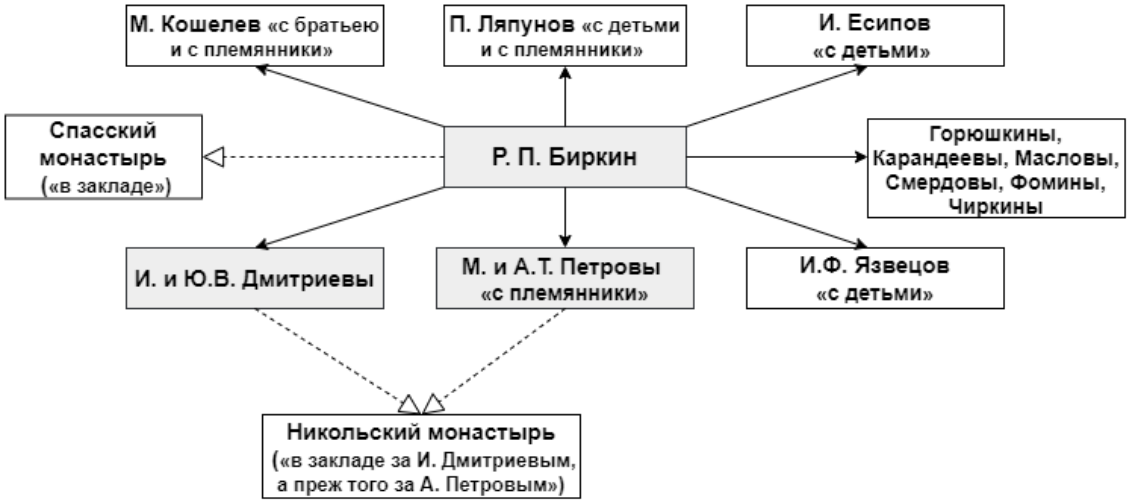
[6] За несколько лет до этого приобретена А.И. Петровым (АСЗ. Т. 4. С. 368 [л. 1119, 1120об., 1125]).

[7] АСЗ. Т. 4. С. 368 (л. 1119, 1120об.).

[8] АСЗ. Т. 4. С. 366 (л. 1111, 1119, 1120об., 1121об.),

[9] АСЗ. Т. 4. С. 368 (л. 1120).

Рисунок 2.4 – Связи Р.П. Биркина в «деле о вымученной купчей»

Группа служилых людей, входивших в «род, племя и заговор» Р.П. Биркина, примечательна в двух отношениях. Во-первых, все они являлись рязанскими землевладельцами и по своему социальному статусу тяготели к верхушке «города»[1]. Во-вторых, ясно прослеживается «дворовый» контекст этого круга лиц. Как и царский фаворит Р.П. Биркин, Дмитриевы и Петровы относились к числу рязанцев, возвысившихся в рамках особого «Двора». В окружении Ивана IV, таким образом, сформировался своего рода «рязанский клан»[2]. Коломчане Шерефединовы, контакты рязанцев с которыми установились через брак Р.П. Биркина, также были давно связаны с Рязанским уездом[3]. Эта сеть отношений оставалась провинциальной как по своему происхождению, так и по целям, для которых она была мобилизована. Из позднейшей челобитной известно, что аналогичный захват земель одновременно осуществил Ю.В. Дмитриев, посягнувший на вотчину В.Н. Вердеревского[4]. Обретя сильную позицию в

[1] Круг лиц, на которых мог опереться Шиловский, был более узким и менее представительным – его родню составляли в основном мелкие землевладельцы (АСЗ. Т. 4. С. 373 [Л. 1122]).

[2] *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 159.

[3] *Мазуров А.Б.* Государев дьяк Андрей Шерефединов и его род; *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV – XVI веков: происхождение и социальные связи. С. 480–481

[4] Из показаний Ю.В. Вердеревского в 1625 г.: «…как Юрья Дмитреев был с блаженныи памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси *во времени*, и он тою вотчиною у отца моево завладел, и блаженныи памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси бил челом отец мой на нево, Юрья, о той вотчинке и искал на нем, Юрье, и по государеву указу та вотчинка отцу моему опять отдана и правая грамота отцу моему

столице, рязанские временщики направили свои усилия на решение проблем весьма локального характера.

Мы не будем останавливаться на обстоятельствах тяжбы, поскольку они подробно освещены в историографии. Обратим внимание, что на начальном этапе в судебном процессе принимал участие ещё один рязанец – Н.Г. Ржевский. Вместе с кн. Б.П. Засекиным они составляли коллегию Владимирского судного приказа, в котором рассматривалось данное дело. Примечательно, что двумя годами ранее эти служилые люди получили совместное назначение в Рязань. Кн. Б.П. Засекин служил по «московскому» списку, но располагал земельными владениями в уезде[1]. В конце апреля Н.Г. Ржевский перестал участвовать в заседаниях, а во главе судебной коллегии стал боярин кн. В.И. Шуйский[2]. Его включение в процесс и последовавшее поражение А.В. Шерефединова и Р.П. Биркина исследователи связывают с изменившейся придворной конъюнктурой[3].

В то время как в судном приказе разбиралось «дело о вымученной купчей», рязанцы приняли активное участие в московских волнениях. Ход событий, развернувшихся в столице 2 апреля 1584 г., обстоятельно реконструирован В.И. Корецким[4]. По сообщению «Нового летописца», московская «чернь» восстала против Б.Я. Бельского, «и приставша к черни *рязанцы Ляпуновы и Кикины*

на ту вотчинку была дана» (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 24. Обратил внимание А.О. Никитин: *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 176).

[1] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 234; АСЗ. Т. 4. С. 72 (№ 96); ПКРК. Вып. 1. С. 227.

[2] Обычно они указываются в качестве членов единой судебной комиссии (*Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI-XVII вв. С. 181), но это не вполне верно. В последний раз имя Н.Г. Ржевского упоминается 30 апреля и затем исчезает из материалов дела; согласно следующему документу, во главе процесса стал боярин кн. В.И. Шуйский (АСЗ. Т. 4. С. 374 [л. 1122об., 1123]). В мае использовалась формулировка «с товарищи», первое упоминание нового состава судей в полном виде – 9 июня (АСЗ. Т. 4. С. 379 [л. 1128]). Н.Г. Ржевский не фигурирует и в сходной тяжбе Воскресенского Терехова монастыря против А.В. Шерефединова. Это дело разбиралось в июне-июле 1584 г., и его вели только кн. В.И. Шуйский и кн. Б.И. Засекин (Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. С. 58–62 [№ 24]).

[3] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 32; *Dewey H.W.* Historical Drama in Muscovite Justice: The Case of the Extorted Deed. P. 40, 43–44; *Kleimola A.M.* Holding On in the «Stamped-Over District»… P. 140.

[4] *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. С. 73–106.

и иных городов дети боярские»[1]. Важное дополнение вносит Латухинская степенная книга: «*Начальницы* же, глаголют, тому *по заводу Шуйских бояр* были *рязанцы Ляпуновы и Кикины* и иных городов дети боярские»[2]. Следовательно, «рязанцы» (среди которых упомянуты опричные переселенцы Кикины) не обнаружили солидарности с худородными представителями расколотого «Двора» и выступили не в поддержку Б.Я. Бельского, Годуновых и Щелкаловых, а на стороне кн. Шуйских и других княжат. В.И. Корецкий объяснил этот парадокс распространением слухов о том, что Б.Я. Бельский замыслил цареубийство[3]. Успокоенные боярами, бунтовщики разошлись. Впоследствии, как сообщает «Новый летописец», многие из них (в том числе – Ляпуновы и Кикины) были «пойманы» и разосланы «по городам и темницам» пришедшим к власти Борисом Годуновым[4]. В этих известиях рязанские дворяне выступают «начальниками» рядовых служилых людей, вовлечённых в водоворот столичных интриг наряду с «чернью».

Рассмотренные события, таким образом, дают редкую возможность увидеть, как личные связи служилых людей Московского государства конвертировались в реальные практики сотрудничества. В волнениях 1584 г. были задействованы надрегиональные механизмы солидарности провинциальных детей боярских, которых возглавили представители рязанских фамилий; при «вымучивании» вотчины обширная сеть социальных контактов была мобилизована в поддержку одного из участников этой системы связей.

В последние десятилетия XVI в. рязанские дворяне не только оказались вовлечены в столичную политическую борьбу, но и смогли установить долгосрочные отношения с ***придворной элитой***. Старшая дочь М.М. Булгакова-Денисьева (Мария, ум. 1631) вышла замуж за мещовского выборного дворянина

---

[1] НЛ. С. 35.
[2] Цит. по.: *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. С. 83.
[3] О расстановке сил см.: *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. С. 87–88; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 30.
[4] НЛ. С. 35–36.

В.С. Волынского (фигурирует в источниках в 1586–1611 гг.), а младшая (Анна) стала женой П.В. Годунова (упоминается на службах с начала 1580-х гг., ум. 1599)[1]. Обустройством судьбы девушек занимались, вероятно, дядья и мать Ирина (Арина)[2]. Мы уже обращали внимание, что она в отсутствие мужа участвовала на царской свадьбе 1575 г. в узком кругу «боярынь» (**2.1.4**). Особую роль Ирины в семье показывает тот факт, что она была погребена в Троице-Сергиевом монастыре, вклад по ней через год сделал зять П.В. Годунов[3] (**2.3.7**). Рассмотренные браки были заключены до её смерти в сентябре 1590 г., но точнее определить их время не удаётся.

Анна Яковлевна Измайлова, представительница старшей ветви рода, стала женой Михаила Васильевича Годунова (ум. 1588/89)[4]. Таким образом, состоялась брачная комбинация, в результате которой Булгаковы-Денисьевы и Измайловы породнились с Асановыми-Годуновыми (младшей ветвью рода)[5]. Во второй половине 1570-х – начале 1580-х гг. представители старшей линии Годуновых делали стремительную придворную карьеру[6], и эти браки должны были существенно укрепить позиции обоих рязанских родов. Замужество сестёр вовлекло рязанцев в дела далеко за рамками своего уезда. Сохранилась данная грамота 1588/89 г. Анны Яковлевны Годуновой (урожд. Измайловой), на вотчину

---

[1] *Антонов А.В.* Две кормленные грамоты Денисьевых. С. 247; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1. С. 155; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 88–89; ПКРК. Вып. 1. С. 194, 224; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 99–100.

[2] *Антонов А.В.* Две кормленные грамоты Денисьевых. С. 247; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108; АСЗ. Т. 3. С. 114–115 (№ 98), 465 (№ 542).

[3] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108.

[4] На этот брак обратил внимание А.П. Павлов (*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 134 [прим. 69]; правильная ссылка на грамоту РГАДА. Ф. 281. Оп. 5. № 1339). См. также: *Лихачев Н.П.* Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. С. 33; *Шумаков С.А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». Т. 1. С. 18 (№ 80).

[5] В родословии Годуновых Михаил Васильевич отсутствует, но, вероятно, являлся младшим братом Петра Васильевича, третьим сыном Василия Осиповича Асанова-Годунова (*Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1. С. 148, 155). Едва ли речь идёт о Михаиле Васильевиче (Толстом), который упоминается в последний раз в 1566 г.

[6] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. С. 14–18.

в Бежецком уезде. На обороте за сестру и племянника подписался А.(Я.) Измайлов, послухом был В.П. Измайлов[1].

Можно предполагать, однако, что на всём протяжении XVI в. «дальние» браки за пределами своего сообщества были редким явлением даже для первостепенных рязанских семейств[2]. Приоритетом оставалась ***локальная матримониальная политика***, направленная на укрепление позиций внутри уезда. Как показала В. Кивельсон, «стратегические браки» играли важную роль в приумножении материального и символического капитала провинциальных служилых родов Московского государства[3].

Рисунок 2.5 – Брачные связи Каракадымовых-Таптыковых

Выдающийся пример такой брачной конфигурации связан с фигурой Б. Каракадымова-Таптыкова – крупного рязанского вотчинника, участника казанских походов и земского собора 1566 г. (рисунок 2.5). Его женой была Елена Ромоданова из старого рязанского рода, члены которого включены в ДТ[4]. Дочери

[1] РГАДА. Ф. 281. Оп. 5. № 1339 (ввиду недоступности фонда использована копия: АСПбИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. № 1842. Л. 2939–2940).

[2] Приведём ещё несколько известных случаев «дальних» браков. И.Я. Измайлов был женат на дочери старицкого вотчинника С.А. Васильева (*Маштафаров А.В.* Старицкие монастыри в документах XVI века. С. 131–134), Г.В. Измайлов (в первом браке) – на Анастасии (ум. 1617/18), дочери коломенского сына боярского И. Федцова (ЗВК. С. 571, 784). Возможно, И.Г. Коробьин был женат на Мавре Максимовне Ивашкиной, дочери тульского землевладельца М.Д. Ивашкина, дальнего однородца Сунбуловых (наблюдение анонимного редактора «Википедии» на основе столбцов Поместного приказа, требующее проверки). Вывод о редкости таких браков основывается, кроме исключительно малого количества упоминаний, на малочисленности 1) рязанских вотчин, которые могли быть получены представителями других «городов» в качестве приданого; 2) нерязанских вотчин, которые могли быть получены представителями рязанской элиты в качестве приданого.

[3] *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. P. 81–84.

[4] ТКДТ. С. 167.

были выданы за М.(?) Денисьева (Мария), Г.П. Ляпунова (Алена), А.Н. Ржевского (?)[1]. Душеприказчиком Елены Таптыковой стал зять (женатый на её дочери или, вероятнее, на сестре) В.Н. Вердеревский[2]. Темеш Каракадымов-Таптыков, брат Булгака, выдал дочь Ульяну за Г.В. Коробьина[3]. Часть приданной вотчинной земли Г.В. Коробьин тогда же (в 1564/65 г.) заложил своему шурину (сыну Темеша Петру) как бы вернув её в род[4].

Итак, посредством браков дочерей одного поколения Каракадымовы-Таптыковы установили связи сразу с четырьмя ключевыми фамилиями рязанской элиты. Благодаря этой комбинации соседями и свояками оказались будущие активные участники Смутного времени[5]. Включение в брачную сеть Ржевских показывает, что эта пришлая семья интегрировалась в местное сообщество. Другой переселенец, О.С. Лашинский, выдал дочерей за подьячего П.Г. Тимофеева, не принадлежавшего к числу жителей Рязанского уезда, и сына боярского М.И. Иевлева[6]. Второй брак был, по-видимому, соседским, причём примечательно, что после смерти О.С. Лашинского тесть «унаследовал» часть его поместных жеребьев[7].

Пример землевладения старшей ветви Сунбуловых демонстрирует, как матримониальные связи рязанской элиты могли приводить к перераспределению вотчинного фонда в рамках этой социальной группы. С.Ф. Сунбулов, по-видимому, пережил сыновей и остался без прямого мужского потомства. Он завещал свои вотчины в Окологородном стане внуку И.Т. Кобякову (жеребей в д. Дураповой; д. Наспище и четверть д. Калитины) и правнуку Я.Р. Вердеревскому

[1] ПКРК. Вып. 1. С. 179, 239–240; Вып. 3. С. 1224.
[2] ПРП РК. С. 116 (№ 82).
[3] ПРП РК. С. 113 (№ 79), 116 (№ 82).
[4] ПРП РК. С. 113 (№ 79 *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. С. 182 (№ 1421); *Шумаков С.* Материалы для истории Рязанского края. С. 75–76. Впоследствии эта закладная вотчина перешла к Булгаку Каркадымову и была передана в монастырь с сохранением своего статуса (ПРП РК. С. 115–116 (№ 82); *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 176–177). Оставшиеся владения Коробьиных из объёма приданого: ПКРК. Вып. 1. С. 239–240.
[5] Другие примеры примечательных соседств: *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 176.
[6] ПРП РК. С. 75 (№ 45), 79 (№ 49).
[7] РППК. С. 27, 66, 101–102.

(жеребей в д. Дураповой). Отметим, что этот случай особенно ярко показывает тесные родственные переплетения внутри рязанской верхушки. В д. Дурапово (Косткина тож) ещё один жеребей в конце XVI в. принадлежал внучатому племяннику С.Ф. Сунбулова, Г.Ф. Сунбулову. Затем деревню последовательно выкупили Измайловы: в 1599/1600 г. у Кобяковых и Сунбуловых, в 1609/10 г. – у Вердеревских. У Измайловых были родственные связи как с Кобяковыми, так и с Вердеревскими[1]. Примечательно, что свидетелем в сделке с Г.Ф. Сунбуловым выступал П.П. Ляпунов[2].

Исследование послушества, поручительства и долговых отношений позволяет пролить свет на важную проблему горизонтальных связей внутри служилых сообществ[3]. К сожалению, рязанский материал XVI в. недостаточен для систематического изучения этого вопроса: в отсутствие рязанских десятен возможны лишь частные наблюдения. Упоминание окладчиков двух рязанских станов в ряжской десятне 1597 г. подтверждает вывод М.М. Бенцианова о том, что окладчики были «слабо связаны с прослойкой выборных дворян»[4]. Единственным выборным среди рязанских окладчиков был П.П. Ляпунов (Окологородный стан), остальные, вероятно, несли службу в чине дворовых[5].

Редкий источник, показывающий горизонтальные связи внутри рязанского «города» – деловая запись 1571/72 г.[6]. По ней рязанец В.С. (Меньшой) Селиванов, второй по старшинству сын С.И. Селиванова, давал обязательства относительно разделённой «по третям» собственности умершего отца. Документ примечателен,

---

[1] А.В. Измайлов женился на представительнице рода Вердеревских (следует из перехода земли в качестве в приданого: ПКРК. Вып. 1. С. 37; Вып. 2. С. 645; Вып. 3. С. 1175). «Дядей» А.Я. Измайлова являлся Иван Кобяков (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 47). Впоследствии дети Л.И. Кобякова называли дочь И.В. (Большого) Измайлова своей «бабкой» (ЗВК. С. 318).

[1] ПРП РК. С. 75 (№ 45), 79 (№ 49).

[2] АСЗ. Т. 3. С. 342 (№ 418), Т. 4. С. 331 (№ 449); Вновь открытые акты. С. 254–256 (№ 19–21); ПКРК. Вып. 1. С. 37, 39.

[3] *Бенцианов М.М.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей.

[4] Там же. С. 221.

[5] Окологородный стан: П.Ф. Маслов, Н.А. Секирин, С.В. Волков, В.И. Головнин; Старорязанский стан: С.Т. Короваев, И.И. Колемин, В.В. Кутлуев (*Сторожев В.Н.* Десятни XVI в. С. 368, 393).

[6] АСЗ. Т. 2. С. 332–333 (№ 387).

во-первых, перечислением движимого имущества: людей (среди них – «Караул новокрещен нагайского полону»), лошадей (В.С. Селиванов получил пять), икон, книг, домашней рухляди. Перечень позволяет оценить благосостояние служилого человека, близкого к верхушке «города» (числился, вероятно, по дворовому списку). Во-вторых, запись важна перечнем послухов: под ней подписались Б.К. Садыков, И.В. Рахманинов, В.Я. Измайлов, М.И. Матюков, кн. В.Г. Щетинин, кн. Ф.И. Волконский, Г.Г. Крюков, Н.Д. Кондырев. Все эти лица – рязанские землевладельцы разных станов[1]. Обратим внимание на присутствие в перечне как представителей старых рязанских родов (в том числе В.Я. Измайлова – выходца из первостепенной местной фамилии), так и служилых людей, которые совсем недавно оказались в уезде (кн. Ф.И. Волконский, кн. В.Г. Щетинин и Б.К. Садыков). Это одно из наиболее ранних по времени упоминаний опричных переселенцев на территории Рязанщины. Б.К. Садыков, выведенный из Зубцова, упоминается 27 августа 1571 г. в качестве рязанского губного старосты. Такую же должность он ранее в 1556 г. в родном Зубцовском уезде. Мы имеем дело с весьма примечательной «профессионализацией» губного занятия: в 1620-е гг. старостой стал его сын[2]. Данный случай показывает, что пришлые помещики быстро включались в систему внутриуездных отношений.

Переселённые в Рязанский уезд дворяне сохраняли вовлечённость в широкий круг прежних контактов и одновременно встраивались в систему локальных связей. Такая промежуточная позиция хорошо иллюстрируется примером кн. Волконских. Сестра кн. М.П. Волконского Антонида Петровна была замужем за кн. Ф.И. Хворостининым. В завещании от 1603 г. боярин приказывал «душу свою строить» «своему шурину» кн. М.П. Волконскому, а

[1] Добавим, что Селивановы были связаны различными отношениями и с другими родами рязанской верхушки. Они породнились, в частности, с Сунбуловыми (АСЗ. Т. 3. С. 341–342 [№ 417]). Рассмотренная запись содержит упоминание о долге С.И. Селиванова перед И.(Г.?) Кобяковым (АСЗ. Т. 3. С. 310 (№ 383). Одна из представительниц рода была, кроме того, выдана за «каширянина» И.С. Колтовского (АСЗ. Т. 3. С. 310 [№ 383]).

[2] ТКДТ. С. 182; АСЗ. Т. 4. С. 300–305 (№ 407–411); ПКРК. Вып. 2. С. 348–349. Судьба Садыковых обсуждается А.В. Азовцевым и С.Н. Богатыревым: *Азовцев А.В.* Грамоты из архива Рязанского дворянского депутатского; *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy. P. 82–83.

также кн. Г.К. Волконскому[1]. Рязанский выборный дворянин, таким образом, не только был в свойстве с одним из крупных столичных думцев, но и выступал его душеприказчиком вместе со своим дальним однородцем. Связи в придворной среде были скреплены браком в следующем поколении: кн. Л.М. Волконский женился на дочери известного московского дьяка А. Иванова (Варваре)[2]. Дьяк А. Иванов был неизменным товарищем кн. Г.К. Волконского в посольствах.

В то же время, кн. Волконские были включены в систему рязанских внутриуездных отношений. В духовной грамоте вдовы кн. М.П. Волконского Марии Ивановны (написана в 1612 г., княгиня скончалась в начале 1613 г.) в качестве должников фигурируют как боярин М.Г. Салтыков, так и представители местной верхушки – А.В. и И.В. Измайловы. «У изусной памяти» вдовой княгини «сидели» (выступали свидетелями) рязанские церковные иерархи: «Федоровский поп» (духовный отец), игумен Духова монастыря, келарь Солотчинского монастыря, старец и священник Богословского монастыря – а также рязанский помещик кн. А.Д. Волконский. Похоронить себя кн. М.И. Волконская завещала в местном Духовом монастыре[3]. Сыновья кн. Ф.И. Волконского породнились с представителями первостепенных рязанских родов: Василий женился на дочери И.В. Дмитриева (Марии)[4], Иван – Ф.Ю. Булгакова-Денисьева (Акулине)[5].

Один из важных сюжетов дискуссии о «неформальных» отношениях в Московской Руси – социальные и политические функции таких связей[6]. Классическое исследование Ш. Кеттеринг, выполненное на французском материале, предполагает, что системы покровительства в раннее Новое время способствовали укреплению власти центрального правительства над

---

[1] Духовное завещание князя Ф.И. Хворостинина // Русский архив. 1896. № 4. С. 571.

[2] Род князей Волконских. С. 29–31, 104 (ошибочно указана «Измайлова»). Отношения были настолько тесными, что кн. М. Волконская хранила свои «сундуки с платьем» у своего «свата» дьяка А. Иванова.

[3] *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 29–31.

[4] АСЗ. Т. 3. С. 487–488 (№ 587); *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. 2. С. 366.

[5] ПКРК. Вып. 2. С. 658; ЗВК. С. 895.

[6] *Krom M.* Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext. S. 334.

провинциальными элитами[1]. Такая модель, как представляется, не вполне применима к Московскому государству, где в условиях господства служилой системы сложилось иное соотношение столицы и регионов. Локальные сообщества не имели тех устойчивых корпоративных институтов, в «неформальной» манипуляции которыми была бы заинтересована центральная администрация (**4.1**). В то же время, рязанский случай показывает важность совокупного интегративного эффекта персональных связей, который заключался в преодолении обособленности давно сложившегося объединения служилых людей. Приведённые данные показывают медленность этого процесса: постепенно выходя на общерусскую арену, представители рязанской элиты на всём протяжении досмутного периода продолжали связывать главные интересы с родным регионом.

2.3.7. Поминальные практики

В заключение рассмотрим рязанское сообщество сквозь призму поминальных (мемориальных) практик[2]. В современной историографии обоснован подход, согласно которому традиция вкладов и поминовений являлась важным механизмом социальной интеграции[3]. Такой ракурс представляется

---

[1] *Kettering S.* Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-Century France. Aldershot, 2002.

[2] Предмет настоящего раздела – частные поминальные практики. Государственное поминовение (опальных, погибших в военных действиях) не рассматривается.

[3] Наиболее важные тексты, предлагающие такой подход к проблеме: *Миллер Д.* Погребения рядом с Сергием: Погребальные обычаи в Троице-Сергевом монастыре, 1392–1605 гг. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2002. С. 74–89; *Он же.* Троице-Сергиева Лавра как объединяющий центр Русской земли // Там же. М., 2000. С. 7–23; *Седов П.В.* «Он мне свой...» (Свойство при московском дворе XVII в.) // Нестор. СПб., 2005. № 7. С. 190–199;.*Штайндорф Л.* Кто ближние мои?: Индивид и культура поминовения в России раннего нового времени // Человек и его близкие на западе и востоке Европы. М., 2000. С. 208–239; *Miller D.* Donors to the Trinity-Sergius Monastery as a Community of Venrators: Origins, 1360s – 1462 // Московская Русь, 1359–1584: культура и историческое самосознание. М., 1997. P. 450–475; *Spock J.* Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460-1645 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55. H. 4. P. 534–565; *Steindorff L.* Desirable ubiquity? Family Strategies of Donation and Commemoration in Muscovy // Cahiers du monde russe. 2016. Vol. 57. № 2–3. P. 641–665; *Idem.* Donations and Commemorations in the Muscovite Realm: A Medieval or Early Modern Phenomenon? // Religion und Integration im Moskauer Russland : Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen, 14.-17. Jahrhundert.Wiesbaden, 2010. S. 477–498; *Idem.* Memorial Practice as a Means of Integrating the Muscovite State // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55. H. 4. P. 517–533.

плодотворным как для рассмотрения местной системы связей, так и при обсуждении вопроса о том, в какой мере локальная элита была включена в общерусское пространство[1].

К первому десятилетию XVII в. восходит самый древний из сохранившихся ***рязанских*** помянников – синодик кремлёвского Спасского Преображенского монастыря[2]. В нём широко представлены фамилии рязанской элиты (Вердеревские, Каркадымовы-Таптыковы, Коробьины, Петровы-Соловые, Сунбуловы, Измайловы)[3]. Характерной особенностью данного памятника является отсутствие записей о представителях придворной аристократии, которые можно было бы отнести к досмутной эпохе[4]. Хорошо известно, что синодики ряда других провинциальных монастырей «содержат многочисленные поминания родов московской знати»[5]. Отличия рязанского синодика, как представляется, отражают структуру местного сообщества: московские думцы не делали пожертвований в одну из центральных обителей региона, потому что не были вовлечены в уездную жизнь. Синодик показывает также, что в локальные

[1] Такой ракурс при исследовании локальных сообществ или родов Московской Руси используется по-прежнему нечасто, см. единичные примеры: *Матисон А.В.* Писцовые книги как источник изучения состава вкладчиков городских храмов второй половины XVII в. (на примере города Твери) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. Вып. 1. С. 117–135; *Савич А.А.* Вклады и вкладчики в севернорусских монастырях XVI-XVII вв. Пермь, 1929; *Чебыкина Г.Н.* Вклады Строгановых в храмы Великого Устюга в 16–17 веках // Двинская земля: материалы шестых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Котлас, 2010. Вып. 6. С. 236–241; *Шамина И.Н.* Вкладная книга Вологодского Арсеньево-Комельского монастыря // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2004. С. 336–357.

[2] РИАМЗ. № 8609. Начат между 1604 и 1607 г. (описание и обоснование датировки: *Морозов Б.Н., Турилов А.А.* Роспись главам синодика Спасо-Преображенского монастыря в городе Рязани. С. 93–95). О рязанских синодиках см.: *Вдовина Л.Н., Кузьмин А.Г., Севастьянова А.А.* Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея. С. 181; *Губин Д.В.* Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII-XVII вв. С. 130–136. О землевладении и истории монастыря см.: *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Рязанской епархии. Т. 1. С. 45–50; *Зверинский В.В.* О православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 342–343; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 269–270.

[3] РИАМЗ. № 8609. Л. 59–60, 61–61об., 62–62об., 65, 66, 70.

[4] За исключением, возможно, Шереметевых и И.В. Юрьева (РИАМЗ. № 8609. Л. 63, 66).

[5] *Морозов Б.Н., Турилов А.А.* Роспись главам синодика Спасо-Преображенского монастыря в городе Рязани. С. 93.

поминальные практики встраивались переселенцы: присутствуют ранние записи о родах Кикиных и Ржевских[1].

В отличие от монастырей Северо-Восточной Руси, основу земельного богатства рязанских обителей исторически составляли пожалования рязанских великих князей, а не частные вклады[2]. Корни такого положения можно искать в сильном институте княжеской власти в независимой Рязани, контролировавшем мобилизацию собственности (**1.1**). После присоединения княжества к Москве положение местных церковных учреждений только ослабевало. Поток княжеских пожалований окончательно иссяк, а в годы опричнины владычные и монастырские вотчины и вовсе подверглись масштабной конфискации. В этот период некоторые рязанские монастыри числились «в закладе» за представителями местной служилой элиты (И.П. Биркин, И.В. Дмитриев, М.Т. Петров)[3]. В других районах Московского государства, как хорошо известно, имела место обратная картина: дети боярские закладывались за богатых монастырских владельцев. Сведения о земельных вкладах в рязанские монастыри совершенно отсутствуют за всю первую половину XVI в., а в дальнейшем они исключительно редки. Возможно, этот факт связан и с законодательными ограничениями на приобретение земель монастырями в уезде, хотя не вполне

[1] РИАМЗ. № 8609. Л. 62, 68об. Лаконичная запись Кикиных («Семиона, Ивана оу [убиенного – *И.К.*]») появилась, вероятно, между 1609 и 1612 г., когда уже погиб Иван (Большой), но не был убит Иван Семёнович (**3.3.5**).

[2] Анализ монастырского землевладения в Рязанском уезде см.: *Головина Н.В.* Монастырское землевладение Рязанско-Муромской епископии в период самостоятельности Рязанского княжества по актовым материалам XIV – первой четверти XVI века // Российский научный журнал. 2011. № 5 (24). С. 14-20; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 235–286. К числу редких исключений относятся: упоминания в грамоте 1371 г. о давних вкладах «мужей» в Ольгов монастырь, а также вкладах в Солотчинский монастырь вдовы Прокофия Давыдовича Настасьи (1482/83 г.) и «пестуна» великого князя Ивана Федоровича Глеба Батурича с ошибочной датой (АСЭИ. С. 351 [№ 322], 359–360 [№ 331, 332], 368 [341а]). Название одного из владений Ольгова монастыря («Сумбуловская слободка») может указывать на вклад рязанского боярского рода, но его время неизвестно; среди владений Воскресенского Терехова монастыря было сельцо «Селивановское» (*Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 267, 282).

[3] Такие отношения известны по «делу о вымученной купчей» (**2.3.6**). Речь одного из истцов показывает, что «заклад» устанавливал специфические отношения лояльности монастыря по отношения к служилому человеку (АСЗ. Т. 4. С. 370 [№ 497]).

ясно, распространялись ли они на собственно рязанские монастыри или относились только к нерязанским[1].

В то же время, ясно, что рязанские служилые люди активно делали имущественные пожертвования в местные обители, хотя прямых свидетельств об этом дошло немного. Вкладная книга сохранилась только в Солотчинском монастыре, где среди прочих упоминаются вклады «окольничего» М.Т. Петрова (30 р.) и О.С. Лашинского (рожь и овес)[2]. В деловой записи 1571/72 г., речь о которой шла ранее (**2.3.6**), приводится список книг, переданных Селивановыми Успенскому собору Переяславля-Рязанского по духовной отца: «Ивангелие тетрать, да апостол тетрать, да два ахтая по четыре гласа, да два пролога, да трафолои, да минея общая, да две треоди посная да цветная, а росписаны на четверо, да минея месяц август, да псатыра»[3]. Внимание церковному строению и книжности уделяли и другие выходцы из рязанских родов[4]. Например, П.П. Ляпунов возвёл на недавно полученной поместной земле «церковь Егорья Страстотерпца древена клетцки … а в церкве образы, и книги, и свечи, и колокола и все церковное – строенье помещиково Прокофья Ляпунова»[5]. Как предположил А.О. Никитин, св. Георгий являлся покровителем рода[6].

Итак, в Рязанской земле XVI в. не существовало устойчивой традиции частных земельных пожертвований в монастыри. Такая картина составляет значительный контраст с общерусской динамикой земельных вкладов во второй половине XVI в., которую С.Б. Веселовский выявил на материале нескольких

---

[1] См. также **2.3.5**. Информация о вкладах в рязанские монастыри проанализирована С.И. Сметаниной: *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 175–178, 235–286. Об ограничениях на приобретение земель в Рязанском уезде, установленном для нерязанских монастырей, см. жалованную грамоту 1556 г. Кирилло-Белозерскому монастырю: ААЭ. Т. 1. С. 268–269 (№ 246). Об общих ограничениях, касавшихся монастырского землевладения, см.: *Шапошник В.В.* Приговоры о церковно-монастырском землевладении в период правления Ивана Грозного // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 8–31.

[2] РИАМЗ. № 8835/1. Л. 62об., 64. Отметим, кроме того, пожертвование боярина Н.Р. Юрьева (50 р.) (л. 63).

[3] АСЗ. Т. 2. С. 333 (№ 387).

[4] *Губин Д.В.* Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII–XVII вв. С. 133.

[5] ПКРК. Вып. 1. С. 286.

[6] ПКРК. Вып. 1. С. 286, 337. *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения. С. 191–192.

замосковных уездов[1]. Единичные пожертвования рязанских вотчин, которые фиксируются с 1560-х гг., делались в основном представителями локальной элиты. Рассмотрим эти вклады подробнее.

Выходцы из первостепенных рязанских родов свои вотчины как наиболее престижным местным центрам (М.Н. Глебов в 1575/76 г. – Никольскому Зарайскому собору)[2], так и менее известным монастырям локального значения (К.Г. и Г.Г. Вердеревские в 1576/77 г. – Покровскому Нищевскому монастырю)[3]. Состоятельные лица стремились попасть в поминальные списки сразу нескольких рязанских обителей[4]. Так, по духовной думного дворянина Ш.В. Кобякова (ум. 1565/66), не оставившего мужского потомства, одна его вотчина была дана Ольгову, другая – Духову монастырю[5]. Обе вотчины были предварительно куплены Ш.В. Кобяковым, вероятно, специально для того, чтобы сделать вклады. Земельная собственность, полученная им по наследству, осталась в роду.

Большой интерес представляет случай уже упомянутого нами Б. Каркадымова-Таптыкова (ум. 1575/76, остались жена и дочери), также завещавшего свои вотчины нескольким обителям. Первую из них он передал Богоявленскому Борковскому монастырю – в «денной и вечной» синодики следовало записать сразу 28 родственников[6]. Это пожертвование было особенно значимым, поскольку его объектом было старое родовое владение Таптыковых[7].

---

[1] *Веселовский С.Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. М., 1941. Вып. 10. С. 95–116; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 178.

[2] *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 289 (№ 229); *Федотов-Чеховский А.А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Киев, 1863. Т. 2. С. 485, 491–492 (№ 152).

[3] *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 287 (№ 217).

[4] Ср. примеры таких стратегий из других регионов: *Седов П.В.* «Он мне свой...». Свойство при московском дворе XVII в.); *Steindorff L.* Memorial Practice as a Means of Integrating the Muscovite State. P. 520, 527.

[5] *Антонов А.В.* Вновь открытые рязанские акты XVI – начала XVII века. С. 242–244 (№ 5–7), 253–254 (№ 18). См. также: *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 275, 286; *Он же.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 259, 266–267; *Шумаков С.* Материалы для истории Рязанского края. С. 76.

[6] ПРП РК. С. 53–54 (№ 41).

[7] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 176, 256.

Другая вотчина, располагавшаяся в том же Перевитском стане близ Зарайска, отошла к Никольскому Зарайскому собору[1]. Наконец, ещё один вотчинный комплекс – приданое Коробьиных, которым Б. Каркадымов распоряжался на правах заклада – был завещан Троице-Сергиеву монастырю[2]. Последняя из перечисленных вотчин числится во вкладной книге, но, судя по данным писцового описания 1590-х гг., либо была быстро выкуплена, либо вовсе не перешла к монастырю. Такой вклад явно нарушал законодательные ограничения[3].

Распределение редких земельных вкладов по разным монастырям внутри края, вероятно, отражает тенденции, свойственные и имущественным пожертвованиям. Данный подход служил воспроизводству и укреплению общерязанской идентичности – так же, как этому способствовало наличие земельных владений, разбросанных по разным станам. Одним из ключевых центров притяжения в регионе, несомненно, являлся Никольский Зарайский собор[4]. В силу своего географического положения и популярности у столичной знати он мог играть роль связующего звена между сообществами вкладчиков, различными по своему происхождению. Однако помимо местных монастырей, как показывает пример Б. Каркадымова-Таптыкова, интересы некоторых рязанцев простирались и далеко за пределы родного края. В мировоззрении правящей элиты ***Московского государства*** «сделать вклад в элитный монастырь и

---

[1] *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 289 (№ 230). *Федотов-Чеховский А.А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Т. 2. С. 492 (№ 152); *Шумаков С.* Материалы для истории Рязанского края. С. 74.

[2] ПРП РК. С. 115–116 (№ 82); Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 146.

[3] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 176–177, 263. Кроме обозначенных материалов, сохранилась также данная грамота Г.Г. и И.Г. Кишкилдеевых Богословскому монастырю (*Селиванов А.В.* Древние акты рязанского края // ТРУАК. Рязань, 1888. Т. 2. Вып. 6. С. 106 [№ 3]).

[4] Об истории культа см.: *Поппэ А.Н.* К начальной истории культа св. Николы Зарайского // Essays in Honor of A.A. Zimin. Columbus, 1985. P. 294–297. Синодик Никольского Зарайского собора сохранился только от конца XVII в. В нём присутствует как значительное число рязанских родов, так и многие фамилии столичной знати (ОР РГБ. Ф. 310. № 153). По заключению С.И. Сметаниной, «собор Николы Зарайского, по-видимому, единственная духовная корпорация, получившая во второй половине XVI в. заметные вклады земельными владениями и не понесшая ущерба в землевладении в тот же самый период» (*Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 264).

обеспечить себе там поминание являлось религиозным и престижным актом»[1]. Разделяли ли эти ценности представители рязанской верхушки и насколько были успешны в таких устремлениях?

Троице-Сергиев монастырь в рассматриваемый период приобрел значение ключевого духовного центра Московской Руси – «наиболее престижного из мест, где аристократы могли похоронить своих родственников»[2]. Поминальная документация монастыря содержит записи о вкладчиках рязанского происхождения уже начиная с 1530-х гг. Примечательно, что самый ранний из таких вкладов (1536 г.) принадлежит Ф.М. и И.М. Язвецовым, которые дали 30 р. по своём отце Михаиле, некогда дьяке Великого княжества Рязанского. Спустя два десятилетия вклад 50 р. сделала жена И.М. Язвецова Татьяна[3]. Эти свидетельства тем более важны, что карьера Язвецовых в досмутный период была не слишком выдающейся[4]. Через некоторое время после присоединения княжества (1538 г.) денежный вклад в Троицу сделала жена В.(Ф.) Вердеревского Фетинья. В конце столетия Вердеревские снова передавали деньги монастырю[5]. На протяжении XVI в. вкладчиками (по себе или по родственникам) са́мой престижной русской обители становились также П.Г. Биркин (1577)[6], Ф.М. и Ю.М. Булгаковы-Денисьевы (между 1573 и 1578; 1578)[7], А.Я. Измайлов (1595)[8] и вдова Б. Каркадымова-Таптыкова (1575/76). Во всех случаях вклады являлись

---

[1] *Штайндорф Л.* Сравнение источников об организации поминания усопших в Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях в XVI в. // Археографический ежегодник за 1996 г. М., 1998. С. 73.

[2] *Miller D.B.* Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. Northern Illinois University Press, 2010. P. 209.

[3] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 75; *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. С. 106.

[4] Представители рода вошли в ДТ, но до Смуты служили, вероятно, по дворовому списку (**3.3.5**).

[5] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 79; *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. С. 108–109.

[6] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 129; *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. С. 163.

[7] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108 *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. С. 200.

[8] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 47; *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. С. 338.

достаточными для организации кормов – наиболее почётной формы поминовения, доступной далеко не всем служилым землевладельцам[1].

Единственным рязанским кланом, представители которого в XVI в. достоверно основали собственную родовую усыпальницу в Троице-Сергиевом монастыре, были худородные Биркины. В 1577 г. П.Г. Биркин сделал вклад 50 р., который, по-видимому, сопровождался просьбой о погребении. Спустя три года он скончался и был захоронен в церкви Сошествия Св. Духа. В последующие десятилетия там же были погребены ещё двое Биркиных, которые никак не проявили себя на «разрядной» службе – Хрисанф (Юрий) Васильевич (ум. 1586) и Феофилакт (ум. 1596). В 1596 г. в монастырь был сделан вклад по В.Г. Биркину[2]. Несомненно, появление усыпальницы в Троице – следствие стремительного «дворового» возвышения рода во второй половине 1570-х гг. (**2.1.4**). В Троице-Сергиевом монастыре находилась также могила Ирины (Арины) Булгаковой-Денисьевой (ум. 1590), тёщи В.С. Волынского и П.В. Годунова. Место её погребения было весьма престижным – у Никоновского храма[3]. Вероятно, данное захоронение организовали Волынские: на этом месте постепенно сформировалось их родовое кладбище[4].

---

[1] *Штайндорф Л.* Кто ближние мои?: Индивид и культура поминовения в России раннего нового времени. С. 210–215.

[2] Список надгробий Троицкого Сергиева монастыря, составленный в половине XVII века. С. 97; Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. С. 19; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 129; *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. С. 163.

[3] Вкладная вотчина впоследствии выкуплена кн. И.А. Хилковым, для которого дочь Ирины Булгаковой являлась «тещей»: ЗВК. С. 371–372, 454. О различном статусе погребальных мест см.: *Миллер Д.* Погребения рядом с Сергием: Погребальные обычаи в Троице-Сергевом монастыре, 1392–1605 гг. С. 84–85.

[4] В XVI в. Волынских хоронили к западу от западного крыльца Духовской церкви (*Ткаченко В.А.* Некрополь Троице-Сергиевой лавры конца XIV–XVII в.: дис... канд. ист. наук. М., 2006. С. 88–89, 99, 110–111, 118). Обратим внимание, однако, что ещё в 1573 г. у Никоновского храма – в том же месте, где была захоронена Ирина (Арина) Булгакова-Денисьева – появилась могила монаха Иоасафа из рода Волынских (по данным списка второй половины XVII в.: Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. С. 13). В XVII в. захоронения представителей этого рода у «церкви чюдотворца Никона против полуденных дверей у мосту» стали систематическими. Там была погребена, в частности, дочь Ирины (Арины) Мария, жена В.С. Волынского (Список надгробий Троицкого Сергиева монастыря, составленный в половине XVII века. С. 82; *Смирнов С.К.* Древние

Наиболее крупный вклад в Троице-Сергиев монастырь сделал Ф.М. (Меньшой) Булгаков-Денисьев: между 1573 и 1578 гг. он передал обители не только недавно купленную вотчину в Боровском уезде (она была приобретена за 150 р.), но и «лошадей, платья, и служивые рухляди, денег» на целое состояние – 520 рублей[1]. Вероятно, вотчина за пределами Рязани была приобретена специально для передачи в монастырь в обход законодательных ограничений. «Род Булгаковых резанцов» был записан в кормовую книгу: поминать полагалось Матвея Булгака и его жену инокиню Евфросинию, самогó вкладчика и его жену Марию, а также дочерей Марию и Акилину. Кроме того, Фёдор (Меньшой) выделил часть средств на организацию своего будущего погребения в обители. Остаётся неизвестным, произошло ли в итоге такое захоронение. В 1578 г. в кормовую книгу были внесены также Юрий Матвеевич (вклад 50 р.) и его сын Иван[2]. Скорее всего, в тот же период Булгаковы-Денисьевы сделали вклады и в Кирилло-Белозёрский монастырь[3].

Информация о вкладах рязанцев в другие обители встречается реже[4]. В поминальной документации Кирилло-Белозёрского монастыря упоминаются

надгробные надписи, открытые в Троицкой лавре // Труды первого археологического съезда в Москве в 1869 году. М., 1871. С. 424).

[1] О средних размерах вкладов см.: *Kaiser D.H.* Testamentary Charity in Early Modern Russia: Trends and Motivations // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. №. 1. P. 1–28.

[2] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108; *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. С. 200, 324; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 167. В отличие от книг из архива Троице-Сергиева монастыря, в списке вкладной грамоты Мария названа женой Матвея Булгакова, а супруга вкладчика не упомянута – вероятно, это ошибка переписчика (Архив СПб ИИРАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. № 1707. Л. 2605–2606). В грамоте можно найти полный список передаваемого имущества. О размере денежных вкладов в Троице-Сергиев монастырь см.: *Halperin C.J.* Lay Cash Donations to the Trinity-Sergius Monastery during the Reign of Ivan IV // The Slavonic and East European Review. 2017. Vol. 95. №. 2. P. 271–292.

[3] Ф.М. (Меньшой) Булгаков-Денисьев дал Кирилло-Белозерскому монастырю санник, служилой рухляди и деньгами на 100 р. Ю.М. Булгаков-Денисьев – 50 руб. по сыне Иване (ОР РНБ Кир.-Бел. собр. № 87/1325. Л. 182об.). Информация приведена по БД «Правящая элита Русского государства».

[4] Помимо указанных ранее и далее, в поиске «рязанских» вкладов просмотрены публикации: Вкладная и кормовая книга Московского Симонова // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184; *Кавелин Л.А.* Вкладная книга московского Новоспасского монастыря. СПб., 1883; Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI-XVII веках. СПб., 2012; *Сахаров И.П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения

Кобяковы, однако нет уверенности, что это представители рязанского рода[1]. Я.Н. Измайлов передал свою вотчину Стефано-Махрищскому монастырю (вероятно, в 1550-е гг.), за этот вклад его «написали в сеноник вечный и во вседневный ноября в 27 день; панихиду и обедню игумен служити собором, на братию корм»[2]. «Государев дворянин рязанец» Ю.В. Дмитриев дал вклад 50 р. в Соловецкий монастырь[3]. К записям XVI в., вероятно, восходят заголовки «род Юрия Васильевича Дмитриева» и «род Андрея Яковлевича Измайлова» в синодике Чудова монастыря Московского кремля[4].

Итак, рязанский служилый «город» может рассматриваться как сообщество вкладчиков местных монастырей. Важной особенностью этого сообщества являлась неразвитость практики земельных вкладов. Редкие земельные

русской и славянской филологии Императорского археологического общества. 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 46–139*; Титов А.А.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. // Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5. С. 1–115; Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря // Источники по социально-экономической истории России XVI-XVIII вв. М., 1985. С. 152–210; *Титов А.А.* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII ст. Ярославль, 1881; Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert. Köln-Weimar-Wien, 1998. S. 367–374; *Spock J.* The Solovki Monastery 1460-1645: Piety and Patronage in the Early Modern Russian North. Dissertation. Yale University, 1999. Vol. 1. P. 259–266.

[1] 1) Весьма примечательна запись о вкладе И.И. Хабарова (ум. 1583), в которой между его братом и женой указан Михаил Кобяков (*Алексеев А.И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 33); ср. запись без упоминания о нём: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 89). Единственным известным рязанцем с таким именем был Михаил Дмитриевич Кобяков – боярин Великого княжества Рязанского, последний раз упомянутый в 1521 г. Если бы связь данной фигуры с Хабаровыми была установлена, это было бы любопытной деталью в истории присоединения Рязанского княжества; 2) Между 1551/52 и 1564/65 два вклада по 10 р. сделал Фёдор Кобяков (*Алексеев А.И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.). С. 58). Живший в это время выходец из рязанской элиты с таким именем писался обычно как Тирон; 3) В 1594/95 г. Иван Григорьевич Кобяков дал по князе В.Д. Палецком 50 руб. (ОР РНБ Кир.-Бел. собр. № 78/1317. Л. 146; информация приведена по БД «Правящая элита Русского государства»). Рязанец с таким именем известен в середине XVI века, но не фигурирует в писцовых материалах 1590-х гг. Во всех трёх случаях необходимы дополнительные данные, чтобы не спутать рязанских Кобяковых с однофамильцами из других уездов.

[2] *(Кавелин) Леонид.* Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. С. 8.

[3] Информация приведена по работе: *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. С. 172.

[4] *Алексеев А.И.* Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3-4 (55-56). Л. 113, 142.

пожертвования, которые фиксируются в последние десятилетия XVI в., делались только локальной верхушкой и производились, как правило, из состава купленных вотчин. В ряде случаев можно предполагать, что эти владения приобретались целенаправленно для последующей передачи в выбранные обители. Родовые земли переходили в монастыри лишь в исключительных ситуациях, когда пресекалась мужская линия рода[1].

Именно представители рязанской элиты, в отличие от других местных землевладельцев, делали вклады в наиболее престижные монастыри Московского государства. Неудивительно, что особенную активность на этом поприще проявляли Булгаковы-Денисьевы, давно установившие устойчивые связи с московской службой, и Биркины, возвысившиеся в период особого «Двора». Успешные карьерные траектории способствовали расширению горизонта и приобщению выдвинувшихся рязанцев к ценностям столичной верхушки.

***

Рязанская земля принадлежала к числу «старовотчинных» областей, в которых XVI век унаследовал от предшествовавшей эпохи структуру землевладения[2]. Московское правительство не только не произвело «вывода» местных служилых людей, но предоставило гарантии сохранения вотчин в их кругу. На всём протяжении рассмотренного периода рязанские боярские роды составляли прослойку наиболее обеспеченных собственников, земельное богатство которых особенно выделялось на фоне преобладания в уезде «однодворцев». Ни наследственное дробление владений – «ахиллесова пята» русской элиты[3], ни масштабные опричные конфискации не приводили пока к

---

[1] *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 188.

[2] См. важное замечание С.З. Чернова по поводу данного разделения: *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. С. 323.

[3] Выражение из работы: *Alef G.* The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power. P. 34. Тезис о неизбежном обеднении крупных землевладельцев в результате наследственного дробления вотчин остаётся историографическим консенсусом (*Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 165–202; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 132, 210–211; *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. С. 322). Только исследование М.А. Зинько, посвящённое

необратимому измельчанию вотчинных комплексов местной верхушки. По состоянию на конец XVI в. поместья занимали подчиненное место в земельном фонде ключевых рязанских фамилий, причём некоторые из местных выборных дворян по-прежнему имели возможность нести службу только с вотчин.

Представители новых родов, зачислявшиеся в состав рязанского «выбора», находились в куда менее благоприятном положении. Если пришлые землевладельцы середины XVI в. смогли приобрести вотчины в регионе, то опричные переселенцы, попавшие в «выбор» после испомещения в Рязанском уезде, не имели такой возможности и довольствовались поместьями, зачастую – совсем небольшими. Из выдвиженцев времен особого «Двора» наибольших успехов к концу столетия добились Биркины, но и у них объем землевладения оставался несопоставимым с богатством старых «вотчинных» фамилий. Материальная обеспеченность, таким образом, не являлась условием для попадания в «выбор»[1]: после событий царствования Ивана IV это естественное соответствие родовитости и материальной обеспеченности в Рязани нарушилось. В то же время, крупные поместные оклады и высокий статус давали выборным дворянам больше шансов на получение земельных пожалований в дальнейшем.

Распространённое утверждение, согласно которому рязанские дворяне и дети боярские составляли замкнутое сообщество и «жили своими провинциальными интересами»[2], нуждается в некоторых коррективах. С одной стороны, не вызывает сомнений, что на протяжении всего досмутного периода главные устремления (прежде всего, землевладельческие и матримониальные) рязанцев были, как и прежде, сосредоточены в рамках территории своего края. Рассмотренное «дело о вымученной купчей» даёт яркое подтверждение этого тезиса. Даже выдвинувшись в ряды столичной «дворовой» элиты, рязанские

владениям кн. Микулинских, показало, что при удачном стечении обстоятельств, в отсутствие конфискаций или принудительного обмена, частные вотчины не были обречены на измельчание (*Зинько М.А.* Вотчина князя Василия Андреевича Микулинского (1530-е – начало 1540-х гг.): к изучению развития вотчинного землевладения в XVI в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 3. С. 3–11).

[1] Ср.: *Новосельский А.А.* Правящие группы в «служилом городе» XVII в. С. 321.

[2] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. С. 396

служилые люди объединились в земляческую «клановую» группировку и ориентировались на решение проблем весьма локального свойства.

Такой взгляд, однако, не учитывает в полной мере сущностные изменения, происходившие после присоединения княжества. Рязанские дворяне были включены в общегосударственную служилую систему, логика которой с неизбежностью предполагала интенсивные контакты между представителями разных сообществ. Поручные записи показывают, что уже в середине XVI в. выходцы из ключевых рязанских кланов встроились в систему связей, пронизывавших правящую элиту Московского государства. Придворные карьеры представителей рязанской верхушки в эпоху особого «Двора» и служба в «московских» чинах при Фёдоре Ивановиче и Борисе Годунове, несомненно, способствовали дальнейшему расширению таких отношений.

На протяжении XVI в. у рязанских дворян формировались интересы, выходившие далеко за рамки привычной для них социальной среды. Вклады в престижные нерязанские обители свидетельствуют о том, что представители локальной элиты включались в общее культурное и символическое пространство Московского государства. Оставаясь провинциальной, рязанская верхушка постепенно приобретала общерусский кругозор и общегосударственную идентичность – происходила её постепенная интеграция в состав правящего слоя Московского государства.

2.4. Интеграция рязанской элиты: сравнительные контексты

2.4.1. Характер присоединения и судьба традиционных институтов

На основании сумбурного рассказа С. Герберштейна присоединение Рязани долгое время рассматривалось в качестве типичного случая «вывода» местных землевладельцев[1]. Так же, как уникальное летописное упоминание о «сведе́нии» тверских бояр[2], известие имперского дипломата должно быть подвергнуто сомнению на сегодняшнем уровне знаний. Члены рязанского двора сохранили свои вотчины и не были изъяты из местного сообщества. Ряд выходцев из рязанских родов, ранее «отъехавших» к Василию III, тоже остались в своём крае. Репрессиям не подверглись даже лица, которые подозревались в пособничестве великому князю Ивану Ивановичу. Следовательно, судьба местной верхушки должна рассматриваться в контексте *не*насильственных стратегий интеграции.

Я.С. Лурье считал, что «договорное сознание» было совершенно чуждо потомкам Калиты[3]. Тем не менее, источники свидетельствуют о том, что московские правители неоднократно шли на предоставление гарантий населению присоединяемых земель. Как предположил В.Б. Кобрин – эта гипотеза ввиду недостатка данных остаётся дискуссионной – включение «любой крупной территории сопровождалось (или даже оформлялось) выдачей документов о соблюдении “старины”»[4]. Контрагентами княжеской власти и адресатами таких

---

[1] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 115; *Платонов С.Ф.* Иван Грозный (1530-1584). Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 79 (С.Ф. Платонов); *Хорошкевич А.Л.* Право «вывода» и власть «государя; *Rhode G.* Zwangsumsiedlungen in Osteuropa vor der Oktoberrevolution // Geschichtliche Landeskunde und Universalgeschichte. Hamburg, 1951. S. 170.

[2] *Флоря Б.Н.* О путях политической централизации Русского государства // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 282. Как полагает М.М. Бенцианов, нет оснований и говорить о «выводе» совершенно «всих смолнян» (хотя «вывод», несомненно, имел место в этом городе) (*Бенцианов М.М.* Смоленский «город»: проблемы формирования и службы в XVI в. С. 110).

[3] *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения: книгописец Ефросин, дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 26–28, 36–37, 51–52, 96. Здесь: с. 82; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 523.

[4] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 76. Ср.: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. С. 118. О понятии «старины» см.: *Он же.* «Старина» как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV – начала XVII вв.) // Mediaevalia ucrainica. 1994. Т. 3. С. 68–83.

«пожалований» выступали, прежде всего, местные элиты, действовавшие в качестве правящих групп своих «земель». Так, после взятия Вязьмы Иван III «вяземских князей и панов приведоша на Москву. И князь великий *их пожаловал их же вотчиною*, Вязмою, и повеле им собе служити»[1]. Подобные установления, как известно из новгородского и смоленского случаев, могли касаться широкого круга вопросов: сохранения вотчин в кругу местных землевладельцев, незыблемости судебных обычаев и освобождения от дальних служб. Хотя привилегии в дальнейшем могли оказаться лишь тактической уступкой, за ними стоит политическая и правовая культура, основанная не только на радикальной ломке и подавлении прежних порядков, но также на консенсусе и сохранении традиционных структур новоприсоединяемых земель[2].

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 158. Ср. переговоры с «лучшими людьми вятчанами» (Там же. С. 154) и другие аналогичные ситуации (*Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. С. 229).

[2] ПСРЛ. Т. 6. С. 271–273; Т. 25. С. 318; СГГиД. Ч. 1. 411–413. См. обсуждение этого круга вопросов в работах: *Баранов К.В.* Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам; *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л., 1961. С. 304; *Бенционов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 52–55; *Он же.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 61; *Он же.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. С. 11–12; *Он же.* Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 255–259; *Он же.* Смоленский «город»: проблемы формирования и службы в XVI в. С. 114–115; *Он же.* Судебник 1497 года и складывание территории Русского государства // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 6–20; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 162, 406; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. С. 304–305; *Казакова Н.А.* О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV – первой половине XVI в. // Россия на путях централизации. М., 1983. С. 156–159; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 48–89; *Кобрин В.Б.* Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV – XVI вв. (законы 1551, 1562, 1572 гг.); *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. С. 290–291; *Она же.* Преступление и наказание в России раннего нового времени. С. 45–52; *Кром М.М.* Рождение государства. С. 80–89; *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск (XVI-XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 38; *Покровский Н.Н.* От редактора // Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 5–7; *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 2. С. 46–52; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. С. 46–52, 279–281, 348–350; *Romaniello M.P.* The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671. Madison, 2012. P. 24. Важными проблемами являются источники норм, особенности и эволюция русских «уставных» грамот: *Алексеев Ю.Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства. С. 404–406, 423–425; *Петров К.В.* Уставные грамоты (акты) наместничьего

Неоднократно подчёркивалось, что ко времени правления Василия III «вотчина» московских великих князей была далека от соответствия традиционному образу «централизованного государства». Как и в предшествующий период, она представляла собой мозаику территорий с различной внутренней организацией и степенью автономии. Ликвидация особого статуса областей нередко растягивалась на десятилетия, а значение отдельных элементов прежнего социально-политического устройства могло сохраняться и более длительные периоды. На протяжении конца XV – начала XVI в. региональные автономии «имели тенденцию к сокращению, а затем – и к полному исчезновению»[1]. Переходный процесс обстоятельно изучен Б.Н. Флорей на примере Твери, где за четверть века был пройден путь от практически полного сохранения институтов времён независимости княжества к упразднению даже территориального единства «земли»[2].

В отличие от тверского случая, присоединение Рязани сопровождалось (насколько об этом позволяют судить сохранившиеся материалы) одномоментной ликвидацией главных элементов прежней политической организации. Московские правители не попытались реализовать проект нового «Великого княжества Рязанского», которое сохранилось лишь в качестве элемента объектного титула. В источниках, известных от периода после 1521 г., отсутствуют следы ключевых местных институтов – двора, думы и канцелярии. Главные управленческие функции перешли к дворцовому ведомству, располагавшемуся в Москве. Если ранее «рязанские бояре», по некоторым сведениям, получали судебные привилегии (**1.1**), то в документации XVI в. отсутствуют следы подобных установлений. Нет оснований и считать, что новая власть целенаправленно предоставила рязанцам особые условия служб.

управления XIV – начала XVII в.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 169–175 (здесь с. 173–174).

[1] *Кром М.М.* Рождение государства. С. 85.

[2] *Флоря Б.Н.* О путях политической централизации Русского государства. См. также: *Алексеев Ю.Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства. С. 326–327.

Демонтировав традиционные политические институты, московское правительство в то же время сохранило административную целостность рязанской территории и обеспечило преемственность землевладения. Единственное указание на возможные специальные привилегии, полученные рязанским сообществом – упоминание о законодательных ограничениях, затруднявших приобретение вотчин иногородцами и обеспечивавших их сохранение в кругу местных землевладельцев. Документы, полученные от рязанских великих князей, признавались законным основанием прав на собственность. Серия писцовых описаний легитимировала сложившуюся структуру земельных отношений[1]. Все эти меры способствовали консервации старого вотчинного землевладения.

Существенно, что единственным установителем и гарантом такого положения являлось само московское правительство. Практика «выводов» показывает, что служилые «города» в Московском государстве не имели никаких легальных возможностей влиять на процесс перераспределения земель в своих уездах[2] (**2.4.2**). Следовательно, сохранение целостности локального сообщества отвечало интересам столичной администрации. Сопоставление с другими пограничными территориями позволяет показать, насколько важным был status quo в рязанском случае. Если бы традиционные структуры были разрушены конфискациями и «выводом», потребовались бы колоссальные усилия для поддержания обороноспособности края. Эксперимент по практически полному (и при этом достаточно быстрому) «пересозданию» новгородской служилой корпорации на базе поместного землевладения принёс противоречивые результаты и остался во многих отношениях уникальным[3].

[1] О политическом значении писцовых мероприятий см.: *Алексеев Ю.Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства. С. 326.
[2] *Бенционов М.М.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей. С. 204.
[3] *Он же*. Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в.

В Смоленске, присоединённом незадолго до Рязани, часть землевладельцев «отъехала» в Литву, а некоторые впоследствии подверглись «выводу»[1]. Для восполнения потерь была введена практика регулярных «годовых» служб, которые стали обременительной обязанностью для служилых людей из множества других регионов. «Годовщики» не только составляли ядро командного состава, но и преобладали среди рядовых детей боярских. Московское правительство сталкивалось со значительными сложностями при организации их материального обеспечения. Систематические испомещения на территории само́й Смоленской земли начались с существенным запозданием и долгое время не могли обеспечить местные кадровые нужды. Как заключил М.М. Бенцианов, ко второму десятилетию XVI в. ресурсы для масштабных колонизационных проектов, подобных новгородскому, были исчерпаны[2].

Мягкая интеграция была, как представляется, единственным возможным решением в рязанском случае. Трудно представить, что в условиях недостатка необходимых кадровых ресурсов и постоянных татарских набегов здесь удалось бы в короткие сроки реализовать «вывод» и с чистого листа создать самовоспроизводящуюся поместную корпорацию. Как следствие, гарантия прежних прав собственности стала не просто тактическим приёмом, но определила долгосрочную политику новых властей в регионе. Московское правительство решилось на трансформацию структуры рязанского землевладения лишь спустя полвека после присоединения княжества, но и тогда предпочло обойтись без выселений, которые могли бы поставить под угрозу безопасность южного пограничья.

---

[1] *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. С. 250–258; *Он же.* Местное самосознание и централизованное государство: Смоленск в XVI веке // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. S. 128–136.

[2] *Бенцианов М.М.* Смоленский «город»: проблемы формирования и службы в XVI в.; *Он же.* К вопросу о формировании смоленской служилой корпорации // Русское средневековье. М., 2012. С. 433–444; *Он же.* Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. С. 248; *Он же.* «Поверстати по достоиньству безгрешно…»: система окладов в Русском государстве XV–XVI вв.

Для мягкой интеграции Рязани имелся ряд важных предпосылок, рассмотренных в первой главе настоящей работы. Прежде всего – давняя и безальтернативная зависимость от северного соседа, скреплённая династическими связями. К началу XVI в. княжество практически утратило внешнеполитическую субъектность и находилось под контролем Москвы. На южной «украине» не было иного центра политического притяжения и культурного влияния, близость которого могла бы провоцировать постоянное беспокойство московских правителей по поводу лояльности местного сообщества[1]. Крымское ханство едва ли могло иметь здесь значение, аналогичное роли Великого княжества Литовского для территорий западного пограничья.

В Рязани отсутствовал и собственный «регионалистский» проект – устойчивая идентичность, связанная с местной династией, которая могла бы стать основой для противодействия надвигавшемуся поглощению, а в дальнейшем – для «сепаратистских» устремлений[2]. После присоединения «трети» многие представители рязанской верхушки по собственной воле сделали выбор в пользу более привлекательной службы Василию III и оставили двор Ивана Ивановича задолго до его «поимания». Московское правительство уже тогда не стремилось переводить местных служилых людей в другие регионы, что свидетельствует об уверенности в их лояльности. На территории перевитской «трети» была

[1] Как справедливо отмечает М.М. Кром, «московские власти прибегали к нему [выводу – *И.К.*] там, где встречали сопротивление, не находили опоры в местном населении или опасались заговоров» (*Кром М.М.* Рождение государства. С. 82).

[2] Распространенное мнение, что местные сообщества в принципе легко отказывались от своих династий (данная точка зрения восходит к историографии XIX в., см., напр.: «Нет ни одного примера, чтобы община заступилась за своего князя» [*Аксаков К.С.* Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М., 2010. С. 209–226]), представляется необоснованной. Так, перипетии истории Суздальско-Нижегородского княжества конца XIV – середины XV вв. едва ли объяснимы без допущения, что у местной ветви Рюриковичей была устойчивая поддержки со стороны населения (*Горский А.А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV вв. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 140–170; *Кучкин Б.А., Флоря Б.Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 191–217). О тверской идентичности, аналогов которой (возможно, отчасти из-за состояния источниковой базы) не находим в Рязани, см.: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.); *Конявская Е.Л.* Тверь в XV веке: грезы о прошлом и будущем // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского [не]единства. М., 2017. С. 57–70.

фактически успешно опробована политика интеграции, использованная впоследствии для всего Великого княжества Рязанского (**1.5**). Благодаря совокупности этих факторов развитие рязанского сообщества после 1521 г. было историей постепенной трансформации, а не решительного разрыва с предшествующей эпохой.

2.4.2. Трансформация локальной элиты

Преемственность родового состава местных землевладельцев со времени независимости княжества и до опричнины – фундаментальное отличие Рязанской земли от других «украинных» территорий. История служилого населения последних десятилетий XV – первой половины XVI в. была во многом историей миграции, происходившей между центром и пограничными регионами Московского государства. С распространением поместной системы на окраинах формировались совершенно новые сообщества, которые возникали путём смешения служилых людей и стирания прежних идентичностей[1]. На фоне этих масштабных трансформаций Рязанский край оставался территорией стабильности: здесь первые десятилетия испомещений не были связаны с радикальной ломкой сложившихся социальных отношений или «размыванием» служилого объединения. Пришлые помещики, которые традиционно считаются главной опорой центральной власти в новоприсоединённых регионах[2], поначалу

[1] *Бенцианов М.М.* «Как бы службу нам устроити»: военно-организационные преобразования середины XVI в. С. 88–89; *Он же.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей. С. 206–208; *Он же.* Смоленский «город»: проблемы формирования и службы в XVI в.; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 123–135; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. С. 251–257; *Чеченков П.В.* Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV – середине XVI в.; *Он же.* Формирование землевладения и фамильный состав Нижегородской служилой корпорации первой половины – середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 60–75; *Чеченков П.В., Черненко Д.А*. Новгородские сведенцы и их потомки в нижегородской служилой корпорации // Новгородика – 2010. Великий Новгород, 2011. Ч. 2. С. 221–230.

[2] *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. С. 255–257; *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике. С. 45; *Он же.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты. С. 9–10.

были, по-видимому, немногочисленны: ограниченный поместный фонд распределялся в основном внутри местного «города».

Рязанское сообщество, сохранявшее к середине XVI в. главные черты традиционной социальной и землевладельческой организации, стояло по своему устройству ближе к «вотчинным» центральным уездам Московского государства, чем к «украинным» «городам»[1]. В некоторых отношениях рязанская структура была даже более консервативной, поскольку и во многих регионах Северо-Востока служилое население уже успело подвергнуться значительной перетасовке[2]. В частности, в Рязани не сформировались «поместные субкорпорации», которые появились в целом ряде «вотчинных» уездов[3]. В составе рязанского «города» продолжала существовать относительно большáя группа служилых людей, основу благосостояния которых составляло вотчинное землевладение.

Как показал М.М. Бенцианов, в первой половине XVI в. оформился своеобразный стандарт организации служилых объединений – «князья, бояре и дети боярские». Московское правительство целенаправленно конструировало местные сообщества в соответствии с этой трёхчастной структурой, и недостающие элементы нередко приходилось переносить из других уездов. Во многих «городовых» рубриках ДТ первые места отведены представителям княжеской и старомосковской знати, которые – номинально или в действительности – должны были составлять локальную элиту[4]. На этом фоне

[1] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 77; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». С. 19; *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. С. 323.

[2] См., напр., об изменении землевладельческой структуры и родового состава служилого населения Ростовского уезда на волне массовых переселений конца XV в.: *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае. С. 163–165.

[3] *Бенцианов М.М.* «Поверстати по достоиньству безгрешно…»: система окладов в Русском государстве XV–XVI вв. С. 20; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 97–101; *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике. С. 46; *Богатырев С.* Регионализм в Московской Руси. Р. 41.

[4] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в. С. 77–78; *Он же.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 185; *Он же.*

рязанская иерархия середины XVI в., зафиксированная в ДТ, выделялась значительным своеобразием. В силу исторических обстоятельств, рассмотренных ранее (**1**), в Рязани отсутствовала прослойка титулованных фамилий. Законодательные ограничения привели к тому, что столичная верхушка длительное время не получала доступа к уездному земельному фонду, так что здесь отсутствовала и старомосковская знать. Как следствие, в рязанском случае правительство опиралось на традиционную местную иерархию, сложившуюся во времена самостоятельности княжества.

После присоединения Рязанской земли местные «бояре и дети боярские»[1] составили одно из множества служилых сообществ Московского государства. Политическая централизация сопровождалась социальной стандартизацией: сами региональные обозначения («рязанец») стали частью единообразной служилой классификации, указывая, прежде всего, на «городовую» приписку[2]. Внутренняя структура провинциальных сообществ была преобразована в элемент общегосударственной чиновной системы, эволюционировавшей на всём протяжении XVI в. и регулировавшейся правительством. В этой новой иерархии позиция рязанских боярских кланов в качестве верхнего слоя уездного служилого объединения была признана и санкционирована московской властью. Их первенство определялось теперь не наследственным боярским рангом при местном дворе, но принадлежностью к общегосударственной элите. Выходцы из наиболее видных фамилий бывшего княжества получили доступ к престижным должностям и заняли первые места в рязанской рубрике ДТ, а впоследствии стали ядром выборного дворянства. Таким образом, положение бывших боярских родов

Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей. С. 208–209; *Он же.* Смоленский «город»: проблемы формирования и службы в XVI в. С. 122–123.

[1] СРИО. Т. 95. С. 94.

[2] *Martin J.* Mobility, Forced Resettlement and Regional Identity in Muscovy // Московская Русь, 1359–1584 : культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 432, 438. Столкновение идентичностей можно проиллюстрировать примером кн. А.И. Дашкова, который в разрядной записи 1586 г. назван «рязанцем» (РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 74), а в рязанском синодике именуется «смоленским» (*Плешакова В.В., Порубай П.Н.* Синодик Спасо-Преображенского монастыря г. Рязани // Вышенский паломник. 1997. № 1. С. 85).

в локальной служилой иерархии соответствовало их родовому первенству и абсолютному экономическому доминированию в Рязанской земле.

Введение чиновных классификаций, регулируемых центральной властью, в то же время приводило к постепенной трансформации традиционной системы отношений. Уже к середине XVI в. рязанская элита утратила прежний замкнутый характер. С одной стороны, некоторые представители ключевых местных кланов сменили уездную приписку и были включены в состав верхнего слоя других «городов». Такой отток, достоверно установить обстоятельства которого не удаётся, был, впрочем, менее значительным, чем, например, в соседнем Коломенском уезде[1]. С другой стороны, высокую позицию в рязанском перечне ДТ занял «литвин» О.С. Лашинский, а в число «лучших слуг» по Рязани вошёл Н.Г. Ржевский, недавно появившийся в уезде. Такие новые помещики, не связанные ранее с местным сообществом, могли занять в нём видное положение «лишь при поддержке государственной власти»[2]. Следовательно, как и в других регионах, в Рязани московское правительство уже в доопричный период вмешивалось в сложившуюся социальную структуру. Поместная система и конструкция чиновной иерархии позволяли безболезненно интегрировать чужаков даже в ряды «городов», которые имели устойчивый консервативный состав. Однако до тех пор, пока устройство рязанского землевладения оставалось традиционным, возможности для таких манипуляций были ограничены.

После работ А.П. Павлова историография на новом уровне знаний вернулась к идее о том, что одним из главных результатов опричнины являлось разрушение родового землевладения княжеской знати. Иван IV фактически применил к взятым в опричнину «внутренним» регионам Московского государства ту практику «вывода» традиционных элит, которая использовалась

[1] *Бенционов М.М.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей. С. 211.
[2] *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты. С. 10.

его предшественниками на новоприсоединённых территориях[1]. На этом фоне рязанская «реформа» – уникальный случай систематических антивотчинных мероприятий, проведённых в земском (и к тому же – пограничном) уезде[2]. В Рязани опричные конфискации не преследовали специальной цели ослабить позиции локальной верхушки. Никто из рязанцев, насколько известно, не подвергся выселению, а единичные опалы носили индивидуальный (или семейный) характер. «Реформа» была вызвана острой необходимостью получить поместья для размещения переселенцев[3]: московская администрация просто распорядилась вотчинами местных землевладельцев (в том числе и архиерейского дома) так, как если бы это была часть дворцового или государственного фонда. Всякие гарантии относительно рязанской земельной собственности, которые ранее могли быть даны московскими князьями, потеряли свое значение.

Опричная «реформа» в Рязани в значительной степени «нормализовала» на общерусском фоне как структуру уездного частного землевладения (хотя удельный вес вотчин был по-прежнему относительно велик)[4], так и состав местного сообщества. Рязанский уезд фактически пережил масштабную поместную колонизацию, которая во многих других регионах Московского государства давно произошла. Рязанские «новые помещики» документации 1570-х гг. (**2.3.3**) – отчасти аналог «поместных субкорпораций», появившихся внутри старых «вотчинных» объединений в ДТ. Однако опричные переселенцы в итоге не составили обособленной группы, а были механически включены в «городовую» чиновную иерархию. Рязанское сообщество расширилось и приобрело совершенно новый облик: в частности, в него влилась заметная прослойка титулованных служилых людей.

---

[1] *Павлов А.П.* Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.). С. 98; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 196–201, 209–213, 393–397; *Rhode G.* Zwangsumsiedlungen in Osteuropa vor der Oktoberrevolution. S. 175–177.

[2] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 159; *Павлов А.П.* Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.). С. 98.

[3] *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 211.

[4] *Шватченко О.А.* Вотчинное землевладение в России в конце XVI века. М., 2008.

Сохранив прежнее ядро из представителей местных боярских фамилий, локальная элита за вторую половину царствования Ивана IV радикально преобразилась вместе со всем рязанским сообществом. Принадлежность к выборному чину больше не была связана с землевладельческим благосостоянием служилого человека, и равным образом не всегда определялась родовым статусом. В состав верхушки рязанского «города» вошли княжата, многие из которых после опричных переселений располагали лишь небольшими поместьями. Выборными дворянами в послеопричный период стали также выходцы из худородных местных семейств, которые в середине XVI в. занимали низкие позиции в ДТ. В рамках общегосударственной чиновной иерархии эти лица находились в одном ряду с первостепенными рязанскими фамилиями и могли претендовать на престижные службы и высокие оклады. Структура рязанского сообщества, таким образом, подверглась глубокой трансформации на основе «служилого» принципа.

2.4.3. Локальная элита в структуре «государева двора»

История рязанской элиты неотделима от общих процессов эволюции правящего слоя Московского государства в XVI в. Ко времени присоединения Рязани «государев двор» московских правителей, зарождавшийся как «ближайшее окружение князя и боевой отряд, всегда бывший под рукой»[1], значительно увеличился в размерах и приобрёл общерусский характер, «объединяя в себе служилую знать из прежде самостоятельных княжеств и земель»[2]. Ряд реформ, предпринятых на протяжении XVI в., был вызван нараставшим противоречием между исходным назначением двора как столичного военно-административного института и его «территориализацией»[3]. Как показал

[1] *Котляр Н.Ф.* «Государев двор» на Руси XII–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2010. Т. 31. С. 30.
[2] *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 121.
[3] *Бенцианов М.М.* «Как бы службу нам устроити»: военно-организационные преобразования середины XVI в.; *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 78; *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 378; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 86–87.

А.П. Павлов, к концу XVI в. московская аристократия превратилась в замкнутую привилегированную прослойку, обособившуюся от провинциального дворянства[1].

Представители ключевых рязанских семейств были включены в состав общерусской правящей элиты, и этот факт во многом определил дальнейшую траекторию эволюции местной верхушки. Именно принадлежность к «государеву двору» давала право на занятие военных и административных должностей на всей территории «Московской земли» (к которой относилась и Рязань)[2]. Исследование служб показало, что «дальние» посылки уже в первые десятилетия после присоединения княжества были вполне обычными для рязанской элиты. Характер этих назначений определялся логикой московской служилой системы, которая основывалась на двух взаимодополняющих принципах: избегании земляческих связей при назначениях военных и региональных администраторов, а также частой должностной ротации[3]. На дальних службах потомки рязанских бояр оказывались обычными представителями центральной власти, не связанными со своим сообществом. В качестве тысячников, а затем – выборных дворян, рязанцы призывались для выполнения различных обязанностей при московском дворе. Благодаря своему положению в служилой иерархии они принимали участие в столичных земских соборах 1566 и 1598 гг. Неудивительно, что именно выходцы из элиты активнее других рязанцев обрастали связями и интересами за пределами привычной социальной среды.

Предположить, какой могла бы быть альтернативная линия развития, можно на новгородском примере. «Новгородская земля» на протяжении конца XV – первой половины XVI в. оставалась обособленной частью государства, противопоставленной в источниках «Московской земле». После «вывода» местного боярства новые «новгородские помещики», как они именуются в

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 251.

[2] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 213; *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты. С. 11.

[3] *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты. С. 9; *Он же.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 28–29; *Он же.* Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.) // Государство и общество в России XV – начала XX века. СПб., 2007. С. 189–194.

разрядах, несли службу в территориальных границах своей «земли» и практически не получали назначений за её пределами. По заключению М.М. Бенцианова, ко времени опричнины новгородское сообщество утратило каналы связи с центром, что привело к его обособлению и замыканию. Ни тысячная реформа, ни кратковременное появление «выбора» не изменили описанного положения дел: к началу XVII в. новгородцы были по-прежнему отстранены от дворовой службы и не имели регулярных возможностей для карьерного продвижения[1].

Таким образом, московская служилая система являлась важнейшим мотором интеграции локальных элит в общерусское пространство – для её характеристики уместна хорошо известная метафора плавильного котла[2]. В долгосрочной перспективе следствием успешных столичных карьер становился отрыв местной знати от своих сообществ[3]. В рязанском случае воздействие служилой системы способствовало формированию общегосударственного кругозора, однако не приводило к вымыванию первостепенных семейств из «города». Главной причиной такого положения дел являлся относительно невысокий статус рязанцев в иерархии правящей элиты.

В «государевом дворе» второй – третьей четверти XVI в. потомки рязанских бояр имели весьма ограниченные возможности вертикальной мобильности. За полвека с момента присоединения княжества ни один из первостепенных местных кланов не начал успешной столичной карьеры. Данная ситуация была обусловлена, прежде всего, естественным замыканием московской верхушки. Как

---

[1] *Бенцианов М.М.* Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в.; *Он же*. Новгородские бояре – новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности // Studia Historica Europae Orientalis. 2015. № 8. С. 133–146; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 93–94, 126–131; *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической. С. 8–9.

[2] В несколько ином ключе эта метафора используется М.М. Бенциановым (*Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в.).

[3] В.Б. Кобрин обсуждает эту проблему в связи с княжатами: *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 66–68. Некоторые коррективы внесены С.В. Стрельниковым: *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае. С. 112–118.

заметил А.В. Кузьмин, уже в конце XIV – XV в. шансы нетитулованных боярских родов из новоприсоединяемых княжеств войти в окружение Калитовичей были невелики[1]. А.А. Зимин убедительно показал, что за этот период состав столичной знати окончательно сформировался, и новые семьи чрезвычайно редко получали возможность попасть в высший правящий круг[2]. Региональные элиты оказывались на более низкой ступени по сравнению с княжеской и старомосковской аристократией. «Государев родословец», где провинциальные фамилии (за единственным исключением, о котором будет сказано ниже) отсутствуют, отразил эту иерархию и способствовал её закреплению[3].

Случай тверской нетитулованной знати даёт важный материал для сравнительного анализа карьерных траекторий рязанской верхушки. В контексте нашего исследования именно Тверь среди других русских земель обнаруживает наибольшее сходство с Рязанью по ряду характеристик: статус «великого княжения»; сформировавшийся круг боярских фамилий с длительной традицией местной службы; позднее поглощение Москвой; отсутствие «вывода» и сохранение родовых вотчин служилыми землевладельцами[4]. Уже отмечалось, что

---

[1] См. обсуждение судеб суздальско-нижегородской нетитулованной знати: *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 49.

[2] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. (здесь: с. 251, 270). См. также об этом круге родов: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 465–529; *Ивина Л.И.* Иерархическая структура правящей элиты в княжествах Северо-Восточной Руси и Русском государстве (конец XIV–первая половина XVI века). С. 99–201; *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550–1565 гг. С. 87–125; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 15–16; *Kollman N.S.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547.

[3] Ср. иную точку зрения на отсутствие в «Государевом родословце» провинциальных родов: *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. С. 43–44, 54–56, 251–252; *Он же.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 49.

[4] А.В. Кузьмин полагает, что рязанская и тверская знать «естественным образом стояла на одну-две ступени выше, чем, к примеру, бояре, дети боярские и вольные слуги Ростова, Суздаля, Углича, Мологи, Любутска, Белева или Вязьмы», поскольку местные правители имели великокняжеский титул и «ещё недавно были полноправными независимыми суверенами в своих землях» (*Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. С. 43–44, 54–56; Т. 2. С. 290–291; *Он же.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 49). Отметим, что в отличие от тверских бояр рязанские роды в основном не могли похвастать домонгольскими корнями (**1.2**).

в Твери некоторое время после присоединения продолжали существовать обособленный двор и отдельная дума. Полноценное вовлечение потомков тверских бояр в общегосударственную служилую систему началось только с са́мого конца XV – начала XVI в.[1]. Как и рязанцы, они заняли в общерусской иерархии средние позиции и не могли конкурировать с московской аристократией. Однако шансы тверичей на успешную общерусскую карьеру оказались более высокими. Выходцы из целого ряда первостепенных местных родов систематически назначались на престижные наместнические и воеводские должности в разных регионах Московского государства. Борисовы-Бороздины, установившие матримониальные связи с виднейшими княжескими и старомосковскими фамилиями, были единственными представителями региональной знати, включёнными в «государев родословец»[2]. В.А. Коробов стал «ближним человеком» Василия III, а Долматовы-Карповы и Нагие[3] сумели проникнуть в придворные чины и московскую Думу. Некоторые представители этих фамилий приобрели поместья и вотчины в других регионах и постепенно утратили связь с Тверской землёй.

---

[1] *Флоря Б.Н.* О путях политической централизации Русского государства. Многие из тверских княжат, траектории которых в данном случае не являются предметом нашего интереса, в дальнейшем сделали успешную карьеру, некоторые – попадали в Думу (*Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 125–131; *Зинько М.А.* Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв… С. 70–157; *Корзинин А.Л.* Государев двор Ивана III // Палеоросия. 2017. №7. С. 144; *Попов С.Н.* Тверская знать на московской государевой службе в конце XV – первой половине XVI в. С. 40–81).

Судьбы тверской нетитулованной знати во второй половине XVI в. по-прежнему остаются неисследованными. Предшествующий период лучше представлен в историографии, на которую мы опираемся в дальнейшем анализе: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 366; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 131–134; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. С. 251–330; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели; *Попов С.Н.* Тверская знать на московской государевой службе в конце XV – первой половине XVI в. С. 82–181; *Штыков Н.В.* Аппарат управления тверских князей в XV в // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 3/2. С. 315–321.

[2] *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. С. 252.

[3] *Назаров В.Д.* Нагие // БРЭ. М., 2012. Т. 21. С. 661–663. См. опровержение принятой точки зрения о возвышении Нагих исключительно благодаря браку Ивана IV: *Попов С.Н.* Тверская знать на московской государевой службе в конце XV – первой половине XVI в. С. 157.

Как видно из представленных данных, выходцы из рязанских родов оказались менее успешны на московской службе, чем потомки тверских бояр. «Окно возможностей»[1] при столичном дворе, которым смогли воспользоваться некоторые тверские кланы, ко второй четверти XVI в. закрылось. Для рязанских фамилий оказались недостижимыми не только придворные чины, но и наиболее престижные – прежде всего, воеводские и наместнические – должности. С развитием системы местнических отношений такая ситуация приобретала самовоспроизводящийся характер, поскольку накапливались прецеденты, позволявшие «утягивать» рязанцев. Думное дворянство Ш.В. Кобякова и кратковременное возвышение представителей местных родов в конце правления Ивана IV остались лишь эпизодами, которые показали тесную связь рязанской элиты с «государевым двором», но в очередной раз подчеркнули её «неродословность».

Представители рязанских боярских родов оказались в промежуточном положении. Войдя в состав «государева двора» и получив доступ к общегосударственным службам, они в то же время не имели регулярных возможностей для выдвижения в столичные чины и оставались членами местного сообщества. Масштабное «перемешивание» локальных элит Московского государства, которое было следствием различных процессов («вывод», массовые испомещения, приобретение вотчин в разных уездах, «общерусские» карьеры)[2], практически не затронуло рязанское боярство. В отличие от традиционных правящих групп целого ряда других русских земель, утративших прежнюю региональную укорененность и растворившихся в общегосударственном правящем слое, потомки рязанских бояр на всём протяжении XVI – начала XVII в. сохраняли прочные связи с родовым землевладением и своим уездным сообществом.

Такая промежуточная позиция рязанской верхушки была формально закреплена в рамках чиновной иерархии «государева двора» второй половины

[1] *Kleimola A.M.* Holding On in the «Stamped-Over District»… P. 289.
[2] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 68, 131, 140.

XVI в. Представители первостепенных местных родов и некоторые опричные переселенцы систематически зачислялись в группу выборных дворян. В «московский» список смогли по результатам долгой службы продвинуться только Булгаковы-Денисьевы и Измайловы, но и в этих семействах следующие поколения вновь начинали карьеру в рязанском «выборе». Потомки рязанских бояр, таким образом, оказались в одном чине с не слишком родовитыми служилыми людьми: среди выборных дворян практически не было представителей видных княжеских или старомосковских фамилий[1].

В историографии «выбор из городов» традиционно рассматривается как «представительство» провинциальных служилых объединений в составе «государева двора», «спайка» и «связующее звено» «между массой городовых детей боярских и родовитой верхушкой московского дворянства»[2]. Безусловно, эти метафоры удачно схватывают промежуточную позицию носителей выборного чина, которые одновременно принадлежали к уездному сообществу и являлись членами общегосударственной элиты. Однако было бы преувеличением рассматривать «выбор» как универсальный карьерный лифт для провинциальных детей боярских или считать выборных дворян группой, последовательно представлявшей интересы своего служилого «города» в Москве. «Выбор» вовсе не был открыт для массы городового дворянства: чин являлся достоянием избранных семейств и комплектовался в основном по наследственному принципу[3]. Столь же сомнителен взгляд на «выбор» как на институализированное

---

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 123. Родовой состав выборного дворянства по разным городам Московского государства нуждается в дальнейшем изучении, которое позволит получить общую картину их социального состава. См. обращения к этой теме: *Козляков В.Н.* Служилый «город» Ярославского уезда в конце XVI – первой половине XVII века // Архив русской истории. 1995. Вып. 6. С. 81–102; *Лисейцев Д.В.* Костромские выборные дворяне рубежа XVI–XVII веков; *Чеченков П.В.* Формирование нижегородской служилой элиты в XV – начала XVII века.

[2] *Бенцианов М.М.* Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. С. 272; *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. С. 80; *Ключевский В.О.* Состав представительства на земских соборах древней Руси. С. 325–326; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 32–33.

[3] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 125.

«представительство» интересов служилого «города» в столице. Наличие чиновной группы выборных дворян едва ли являлось для уездного сообщества ценностью, за которую оно было бы готовым целенаправленно бороться[1], поскольку не давало никаких очевидных преимуществ большинству служилых людей, сотням рядовых детей боярских. С появлением нескольких десятков выборных дворян служилые «города» не обретали значимых рычагов для воздействия на государственные дела; равным образом это не могло решить проблемы закрытости социальных лифтов и отсутствия пожалований.

В Московском государстве второй половины XVI – начала XVII в. выборные дворяне составляли уникальную группу, в силу чиновного статуса причастную сразу двум социальным мирам – провинциальному и столичному. С одной стороны, «выбор» формировался из представителей «лучших» местных родов, которые пользовались авторитетом в уездном сообществе. Как показывает рязанский случай, выборные дворяне могли руководить детьми боярскими своего «города» и занимать административные должности в своём регионе. Будучи местными землевладельцами, они были включены в разветвленную систему родственных и матримониальных, соседских и дружеских связей в уезде, активно участвовали уездных делах. С другой стороны, выборные дворяне регулярно призывались в Москву. На привлечение локальной верхушки к выполнению придворных обязанностей как важное явление обратил внимание уже С. Герберштейн[2], а спустя полвека в сходных выражениях Ж. Маржерет[3]. Исследователи нередко воспринимают московскую службу уездных дворян как данность и не уделяют достаточного внимания долгосрочным эффектам, которые порождала эта практика. Между тем, она имела большое значение для интеграции провинциальных элит.

---

[1] Ср.: *Флоря Б.Н.* Русское общество в эпоху Смуты // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 52–53.

[2] «…государь имеет обыкновение ежегодно вызывать некоторых [детей боярских – *И.К.*] по очереди из их областей, чтобы они исполняли при нем в Москве всевозможные обязанности» (*Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 241).

[3] *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. С. 145, 148.

Чтобы раскрыть это положение, воспользуемся двумя концептуальными метафорами, которые представляются перспективными для осмысления процессов интеграции в Московской Руси – «двор монарха как место встречи» (Д. Дёндам)[1] и «бюрократическое паломничество» (Б. Андерсон)[2]. Первая идея акцентирует роль столичного двора как пространства взаимодействия людей, которые не встретились бы в отсутствие этого института. Благодаря регулярной придворной службе представители провинциальных сообществ Московского государства получали широкие возможности для знакомства и установления более тесных связей с выходцами из других регионов, перенимали их ценности и представления, приобретали новый опыт – и с ним возвращались в родные уезды. В метафоре «бюрократического паломничества» подчёркивается значение служебных путешествий («паломничеств») для процесса непрерывного конструирования «воображаемого сообщества». Члены «государева двора», и в особенности – выборные дворяне составляли одну из наиболее мобильных социальных групп Московской Руси. Значительную часть жизни они проводили в движении по бесчисленным маршрутам от Великого Новгорода до Тобольска, центральным пунктом которых была столица. В этих служебных перемещениях правительственных агентов, в роли которых выступали провинциальные дворяне, формировалось и наполнялось смыслом само представление о едином политическом пространстве, складывавшемся вокруг Москвы.

2.4.4. Местное управление

Грамота середины XV в. показывает примечательную административную конфигурацию, сложившуюся в период пребывания малолетнего рязанского князя Василия Ивановича в Москве. Суд «по слову» Василия II вершили наместники,

[1] *Duindam J.* The Court as a Meeting Point: Cohesion, Competition, Control // Prince, Pen, and Sword. Eurasian Perspectives. Brill, 2018. P. 32–128.

[2] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 76–80. Глава классической работы Б. Андерсона посвящена «абсолютистским монархиям» XIX в. с бюрократическими функционерами, которых автор противопоставляет «партикуляристскому феодальному дворянству» (с. 79). Однако, как представляется, эта концепция может оказаться полезной и для осмысления опыта раннего Нового времени – особенно в политических сообществах, где, как в Московской Руси, государственная служба получила сильное развитие.

которые являлись выходцами из местного боярства[1] (**1.1**). Такое вре́менное подчинение Рязанской земли другому суверену, при котором власть оставалась в руках местной элиты, контрастирует с ситуацией начала XVI в. Теперь ликвидация независимости политических образований сопровождалась назначением наместников из состава «государева двора» московского правителя[2]. Сначала они появились в Перевитске, причём «унаследовали» права «третного» князя (**1.5**), а после бегства Ивана Ивановича – в «двутретной» области. Высшей инстанцией для населения уезда стал дворецкий, который выполнял свои обязанности исключительно из столицы[3].

В системе управления Московского государства естественным образом воспроизводилось неравенство, заложенное в иерархической структуре «государева двора». Наместники ключевых центров (к числу которых относился Переяславль-Рязанский) назначались в основном из состава княжеской и старомосковской знати[4]. Воеводы, постепенно сменившие наместников на пограничных территориях, также рекрутировались из столичных чинов[5]. Главные административные позиции в регионах оказывались в руках придворной элиты, доступ в круг которой провинциальные служилые люди не получали.

В конце XV – начале XVI в. сложился и другой ключевой принцип организации высшей уездной власти – «отсутствие связи между местожительством человека и переданной ему в управление территорией»[6]. Такой

---

[1] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского. С. 68–69 (№ 5).

[2] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 138; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. С. 250; *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. С. 43–44; *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае. С. 158.

[3] *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XVI и XVII вв.

[4] *Назаров В.Д.* Кормление. С. 321.

[5] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 244–245.

[6] *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. С. 191–192; *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего нового времени. С. 142–143; *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты. С. 9. См. также: *Он же.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 28–29; *Он же.* Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.). С. 94–95;

подход русских государей к назначению главных региональных администраторов описан в сочинениях иностранцев. Наблюдательный Д. Флетчер отмечал, что «князья» и «дьяки» в «областях» Московского государства занимают свои должности только на короткие сроки и «не могут похвалиться ни доверием, ни любовью народа, которым управляют, *не принадлежа к нему* ни по рождению, ни по воспитанию, не имея притом собственного наследственного имения … в его округе»[1]. Спустя полвека А. Олеарий в сходных выражениях обозначил ключевую стратегию русских царей в управлении регионами: служилый человек не остаётся в одном городе больше чем на два-три года, и «делается это для того, чтобы, с одной стороны, местность не испытывала слишком долго тягости несправедливого управления, а с другой стороны, чтобы наместник не сдружился слишком сильно с подданными, не вошел в их доверие и не увлек … к отпадению»[2]. Наместники и воеводы, таким образом, являлись проводниками интересов центральной власти и не имели возможностей (по крайней мере, теоретически) для установления долгосрочных связей с уездными сообществами.

Прежде чем рассмотреть следующий уровень провинциальной администрации, обратимся к историографическому контексту. В дискуссиях о локальном управлении XVI в. главное внимание уделяется т.н. «земской» и «губной» реформам. Согласно традиционной точке зрения, данные мероприятия являлись шагами на пути к созданию «земского самоуправления» и «сословно-представительной монархии»[3]. Исследования последних десятилетий, в целом

Kivelson V.A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. P. 140–141.

[1] *Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб., 1906. С. 26, 37–38, 40–41, 72–73.

[2] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 226.

[3] *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства в первой половине XVI века. М.; Л., 1967; *Он же.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; *Он же.* Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. М., 1986. Т. 114. С. 148–179; *Павлов А.П.* Эволюция государства и общества в России во второй половине XVI в. (К вопросу о сословно-представительной монархии) // Russische und Ukrainische vom. 16.–18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2001. P. 29–39; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный; *Он же.* Русское общество в эпоху Смуты; *Черепнин Л.В., Пашуто В.Т.* Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте. С. 45.

признавая значительность произошедших во второй четверти – середине XVI в. изменений, показывают необходимость корректировки устоявшихся представлений[1]. Во-первых, нет оснований преувеличивать принципиальную новизну появившихся институтов. Накопленный материал убеждает в том, что в различных регионах Московского государства существовали длительные традиции «мирских» органов власти и лидерства «лучших» людей[2]. Во-вторых, заимствованное из немецкой традиции строгое противопоставление «государственного управления» (*Staatsverwaltung*) и «самоуправления» (*Selbstverwaltung*) удобно в качестве аналитического инструмента, но не принадлежит изучаемой эпохе. Административная система Московского государства была основана на сложном переплетении «приказного» и «земского» начал. Так, губные старосты, несмотря на выборность и местное происхождение, воспринимались скорее как «чиновники», нежели в качестве «представителей» интересов своих сообществ[3]. По заключению В.А. Аракчеева, земская реформа

[1] Мы останавливаемся здесь только на моментах, важных в свете нашего исследования. О других аспектах см. обзоры: *Аракчеев В.А.* Земская реформа XVI века: общероссийские тенденции и региональные особенности // Отечественная история. 2006. № 4. С. 3–11; Диалог о книге: В.А. Аракчеев. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. // Российская история. 2016. № 2. С. 3–22; *Кром М.М.* Творческое наследие Н. Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI в. // Государство и общество в России XV – начала XX века. СПб., 2007. С. 45–57; *Он же.* Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований России XVI века // Исторические записки. 2007. № 10. С. 373–392.

[2] На этот аспект обращал внимание ещё С.Б. Веселовский: «Так называемая реформа земского самоуправления не казалась бы ни столь резкой, ни столь значительной, т.е. получила бы более правильную оценку, если бы надлежащим образом была установлена ее связь с предшествующими явлениями» (*Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. С. 40). См.: *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 8–16; *Алексеев Ю.Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства; *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в.; *Бовыкин В.В.* Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: очерки по истории местного самоуправления в XVI веке. *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. С. 110–118; *Чеченков П.В.* Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. С. 116–117.

[3] На обширном материале этот тезис обоснован в работе: *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. См. также: *Бутрин Е.С.* Губная и воеводская администрация в Шуе XVII в.: эволюция судебных и административных полномочий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 24–31; *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in

преследовала фискальные цели, и её главным результатом стало «проникновение государственного аппарата в толщу земских миров, чьи усилия по самоорганизации были бюрократизированы и поставлены под контроль и учет»[1]. Наконец, схема, согласно которой наместническая администрация целенаправленно и последовательно заменялась новыми учреждениями, не выдерживает проверки на региональном материале. Исследователи констатируют, что на всем протяжении середины – второй половины XVI в. имели место широкое разнообразие и параллелизм структур локального управления[2].

Такой подход к эволюции локальной администрации представляется более гибким и позволяет контекстуализировать процессы, происходившие на южном пограничье. Эта территория до сих пор рассматривались только в работах В.Н. Глазьева, посвящённых составу и структуре органов власти в новых городах «на Поле»[3]. С одной стороны, важной чертой этого региона было непоколебимое господство наместников и воевод, сосредоточивших в своих руках главные военные и административные функции. Постоянное присутствие во второй половине XVI в. присланных агентов центральной власти и обширность их

---

the Seventeenth Century. P. 143–151. Примечательный случай конца 1620-х гг., показывающий представления дворян и детей боярских о местной администрации: *Лаптева Т.А.* «Воеводам в Кашине не быть». Документы РГАДА о реорганизации местного управления в России // Исторический архив. 2011. № 5. С. 172–181. Некоторые коррективы в традиционные представления по поводу «выборности» (существование московского фильтра) и местного происхождения (наличие пришельцев из других регионов среди губных старост): *Синелобов А.П.* Персональный состав городовых приказчиков и губных старост Московского государства XVI-XVII вв. С. 20–24.

[1] *Аракчеев В.А.* Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. С. 412. См. также: *Дворниченко А.Ю.* Центр и регионы в России при «Старом режиме»: диалектика развития взаимоотношений. С. 13–14.

[2] *Аракчеев В.А.* Опричнина и «земщина»: к изучению административной практики Русского государства 1560-1580-х годов // Российская история. 2010. № 1. С. 21–26; *Кром М.М.* Творческое наследие Н.Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI в. С. 57; *Пашкова Т.И.* Параллелизм в деятельности органов местного управления на Руси в первой половине XVI в. (Суд по земельным делам) // Феодальная Россия: новые исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 41–46; *Davies B.* The Town Governors in the Reign of Ivan IV; *Dewey H.W.* The Decline of the Muscovite Namestnik.

[3] *Глазьев В.Н.* Структура власти в городах – крепостях «на Поле» в конце XVI века; *Он же.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. С. 55–63.

полномочий отличали «украинные» регионы от внутренних областей[1]. Весьма ограниченное распространение на пограничье получили выборные институты: не появилось земских старост, губные старосты и городовые приказчики избирались только в «старых» уездах Поочья[2].

С другой стороны, фундаментальная характеристика административной системы Московского государства – широкое привлечение к управлению членов местных сообществ, обязанности и полномочия которых регламентированы центром – справедлива, с некоторыми особенностями, и для «украинных» уездов. Обращение к рязанскому случаю показывает, что с момента присоединения княжества к Москве в качестве администраторов и начальников отрядов детей боярских наряду с присланными из столицы наместниками и воеводами выступали представители локальной элиты. Ни одна из местных должностей не являлась исключительным достоянием выходцев из местного сообщества, но в замещении целого ряда позиций определённо прослеживается эта тенденция. На протяжении XVI в. в уезде неоднократно фигурировали судьи, происходившие из старых рязанских родов. Важную роль играли осадные, стрелецкие и казачьи головы, состав которых также формировался из местных служилых людей. По мере институционализации местного управления ключевыми фигурами местного масштаба становились головы («товарищи» воевод) – выборные дворяне, назначения которых производились из Разрядного приказа и носили «именной» характер. Часто оставаясь в собственном уезде, они при этом подвергались систематической ротации, которая постепенно охватывала все пространство «украины». Благодаря такому режиму службы южные выборные дворяне не только сохраняли связи с детьми боярскими, стрельцами и казаками своего «города», оказывавшимися под их началом, но и устанавливали контакты с другими южными сообществами.

---

[1] Об эволюции местного управления к «воеводской» форме в конце XVI в.: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 239–247.

[2] *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. С. 55-63 *Синелобов А.П.* Персональный состав городовых приказчиков и губных старост Московского государства XVI-XVII вв.; *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy.

Сочетание наместнической (воеводской) администрации с широким участием местных служилых людей в управлении характерно и для других пограничных территорий, где постепенно формировались новые поместные сообщества. В организации управления Новгородской землей в первой половине XVI в. обнаруживается значительное сходство с Рязанским краем: при наместниках здесь постоянно находились представители локальной верхушки. Однако, как уже отмечалось, новгородское сообщество приобрело тенденцию к замыканию: местные дети боярские несли службу почти исключительно на одной территории, и наиболее видные из них получали местные административные должности[1]. Более открытыми были служилые «города» восточного порубежья, близкие в этом отношении к южным сообществам. Так, Муромский и Нижегородский уезды обнаруживают черты единого макрорегиона с взаимопроникновением служилого населения и единым пространством должностных назначений[2]. Среднее и низшее звено администрации и здесь формировались за счёт локальной верхушки. Как заключил П.В. Чеченков, в Нижегородском крае «власть на уровне уезда еще до реформ середины XVI в. в основном контролировалась местным … сообществом»[3]. По наблюдениям исследователя, дети боярские нижегородского и муромского «городов» выступали даже в качестве волостелей. Губные старосты и городовые приказчики также действовали здесь в условиях сильной наместнической (воеводской) власти. Благодаря богатым посадам на востоке, в отличие от южной «украины», сформировались и земские органы управления[4]. Однако практика «именных»

---

[1] *Бенцианов М.М.* Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. С. 258, 261, 262.

[2] *Чеченков П.В.* Восточное порубежье Русского государства в московско-казанском противостоянии (власть и социальные структуры) // Сословия, институты и государственная власть в России. М., 2010. С. 595.

[3] Там же. С. 599.

[4] *Чеченков П.В.* Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. С. 78, 116–117; *Он же.* Нижегородская администрация конца XIV – 70-х гг. XVI в. (хронологические перечни) // Открытый текст, 2005. (Электронный ресурс). URL: http://opentextnn.ru/history/istorija-rossii/istorija-gosudarstvennogo-upravlenija-do-1917-g/nizhegorodskaja-gubernija-nizhegorodskij-kraj/administrativno-territorialnoeustrojstvo/chechenkov-p-v-nizhegorodskaja-administracija-konca-xiv-70-h-gg-xvi-v-2/ (дата обращения:

служб местных голов, насколько позволяют судить разряды, здесь распространения не получила.

Московское правительство чрезвычайно ценило локальное знание, носителями которого являлись выходцы из пограничных сообществ. Рязанские служилые люди использовались в дипломатических поездках к татарам и «черкасам», как новгородские – для миссий в Западную Европу[1]. Организация обороны южного порубежья относилась к числу приоритетных государственных задач, поэтому опыт местных дворян и детей боярских имел особое значение. Традиционные практики не уничтожались, но поддерживались и подвергались рациональным преобразованиям при участии локальных сообществ. Так, сопровождение посольских экспедиций рязанскими отрядами во второй половине XVI в. прямо восходит к временам независимости княжества и не претерпевало с той поры существенных изменений. Яркий пример опоры реформаторов на локальное знание – серия консультаций с южными служилыми людьми по вопросу о станичной и сторожевой службах, устроенных кн. М.И. Воротынским. В Москву были вызваны даже старые и увечные дети боярские, которые имели необходимый опыт. Результатом этих совещаний стал боярский приговор 16 февраля 1571 г., положивший начало реорганизации пограничной охраны – она доказала впоследствии свою эффективность[2]. Рязанские служилые люди, принимавшие активное участие в консультациях, стали ключевыми агентами центральной власти при дальнейшем освоении территорий «Поля» и взаимодействии с местным населением.

Как и другие европейские монархи, московские государи выстраивали централизованную административную систему с опорой на локальные сообщества. Формирование столичного аппарата и институциализация местного управления – одновременные и взаимосвязанные процессы. Используя

01.04.2021); *Он же.* Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV – середине XVI в. С. 141–142.

[1] *Бенцианов М.М.* Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. С. 262.

[2] *Марголин С.Л.* Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. С. 5.

представителей провинциальных элит в качестве правительственных агентов, центральная власть увеличивала своё влияние в регионах[1]. Как справедливо отмечает В. Кивельсон, в изучаемых реалиях оказывается сложным определённо провести границу между «государством» и «обществом»[2]. Бюрократизация, развитие местного аппарата и преобразования административной структуры имели целый ряд значимых косвенных последствий, отмеченных С.Н. Богатырёвым. Среди них – интенсификация взаимодействий между столицей и провинцией, городскими центрами и их округой, консолидация сообществ и формирование новых идентичностей[3]. Характерные для всех государств раннего Нового времени, эти процессы имели в Московской Руси значимые особенности.

2.4.5. Модели интеграции

В качестве альтернативы «московскому» пути государственного строительства в историографии традиционно рассматривается опыт соседнего Великого княжества Литовского[4]. Прибегнем к этому ставшему классическим противопоставлению, чтобы подчеркнуть контрасты и подвести промежуточные итоги. Великое княжество Литовское состоялось как «федерация» автономных территорий. При этом значительное (и раннее) сходство с восточным соседом обнаруживается в организации высшего института региональной власти. В различных землях Великого княжества Литовского уже при Витовте появились

[1] *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy. P. 75.
[2] *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. P. 7–8, 129–130, 150.
[3] *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy.
[4] *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996; *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого Княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993; *Думин С.В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 76–126; *Кром М.М.* Россия и Великое княжество Литовское: Два пути в истории // Английская набережная, 4. СПб., 2000. С. 73–100; *Малиновский И.А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России; *Флоря Б.Н.* Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.). С. 94; *Хорошкевич А.Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 70–149; *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

наместники, назначаемые из Вильно[1]. Исследование их служебных назначений показывает, что принятой практикой становилась частая смена администраторов: как и московские «коллеги», литовские наместники являлись «странствующими»[2].

Несмотря на введение системы великокняжеских наместничеств, провинциальные элиты сохраняли прежние позиции и получали *исключительные* права на занятие традиционных должностей в своих землях («городки и волости киевские кияном держати, *а иному никому*») – а значит, имели чрезвычайно широкие возможности для участия в локальном управлении. С дальнейшей институционализацией местного и центрального аппаратов регионализм оставался основополагающей чертой социально-политической организации Великого княжества Литовского[3]: в частности, большое значение постепенно приобрели местные земельные собрания – сеймики[4]. Преодоление изоляции и «перемешивание» локальных элит было менее интенсивным и происходило в

[1] *Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 105–110. Стремление поставить во главе провинции лояльного представителя центральной власти, не связанного с местным сообществом, и возникавшие вследствие этого конфликты характерны для многих монархий Средневековья и раннего Нового времени. Хрестоматийным является французский пример (см., напр.: Властные институты и должности в Европе в Средние века и Раннее Новое время. М. 2010. С. 119–120; *Strayer J.R.* On the Medieval Origins of the Modern State. Princenton, 1970. P. 51). «Закон избегания» (*Бурдье П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). С. 517), по-видимому, является одной из базовых интуиций управления, направленных против формирования нежелательных коалиций и коррупции.

[2] *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. С. 135–137, 167.

[3] *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. Исторические очерки. М., 1892. С. 267, 837–852, 864–869; *Он же.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 160; *Петкевич К.* Великое княжество Литовское // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 304–334; *Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. С. 80, 83, 100, 105–111; *Он же.* Литовская Русь в XV веке: единая или разделенная? (На материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского [не]единства. М., 2017. С. 91–93; *Ясинский М.Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889.

[4] *Амброзяк Т.* Вопрос о роли и значении Великого княжества Литовского в функционировании сейма Речи Посполитой в выступлениях литовских сеймиков в конце XVI – первой половине XVII в // Вестник ВятГУ. 2016. №7. С. 14–22; *Frost R.* The Oxford History of Poland-Lithuania Volume I: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385—1569. Oxford, 2015. P. 286–327.

силу ряда факторов, не обусловленных прямым государственным вмешательством: переселений с утраченных в войнах территорий, приобретения собственности в других регионах, роста значения «господарской» службы и успешных придворных карьер, а также распространения общей культуры. Однако подлинной основой сословной консолидации, позволившей долгое время успешно противостоять внешним вызовам, стала единая «конституционная» идентичность[1]. Как заключил М.М. Кром, «привилегии шляхты …, а также значительный объём прав, предоставленных горожанам … были той “скобкой”, которая стягивала во многом непохожие друг на друга земли Великого княжества»[2].

В Московском государстве сформировалась иная модель отношений между столицей и регионами, «при которой баланс решительно смещался в пользу центра»[3]. Традиционные структуры и даже территориальная целостность новоприсоединённых земель сохранялись лишь до тех пор, пока это было необходимо столичной администрации. Управление уездами, особенно пограничными, перешло в руки наместников и воевод, не связанных с сообществами, а прежнее административное устройство упразднялись или последовательно трансформировалась под воздействием правительственных мер. Власть московских правителей на местном уровне широко опиралась на население, однако выборные должностные лица не формировали структур автономного «самоуправления» – «как и все вокруг, они служили центральной

[1] *Koyama S.* The Polish-Lithuanian Commonwealth as a Political Space: Its Unity and Complexity // Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present. P. 137–153; *Krom M.* Die Konstituierung der Szlachta als Stand und das Problem staatlicher Einheit im Grossfürstentum Litauen (15./16. Jahrhundert) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. Bd. 42. H. 4. S. 481–492.

[2] *Кром М.М.* Россия и Великое княжество Литовское: Два пути в истории. С. 94. См. подробную аргументацию: *Он же.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.; *Krom M.* Die Konstituierung der Szlachta als Stand und das Problem staatlicher Einheit im Grossfürstentum Litauen (15./16. Jahrhundert).

[3] *Флоря Б.Н.* Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.). С. 95; *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. P. 130–131.

власти»[1]. Язык договоров и привилегий постепенно уступил место односторонней регламентации «в рамках единого Российского государства, все жители которого, независимо от своего социального статуса – прежде всего, суть подданные государя всея Руси»[2]. Московское правительство обладало чрезвычайно широкими возможностями для вмешательства в жизнь провинциальных сообществ. Не имевшие защиты от решений центра[3], они на протяжении XVI в. подвергались грандиозному переформатированию. Становым хребтом социально-политической организации Московской Руси стали не регионализм и сословные привилегии, а общегосударственная служилая система. Именно она являлась главным двигателем интеграции региональных элит[4] и формирования в рамках единого политического пространства локальных объединений и идентичностей, (пере)определённых центральной властью.

Отвечая на собственный «гипотетический» вопрос (поставленный, впрочем, ещё Д. Флетчером)[5] – «Почему элита московитов не восставала?»[6] – Р. Хелли указал на отсутствие у неё региональной базы для консолидированного сопротивления[7]. Исследованный нами случай показывает ограниченность данного аргумента. При сохранении землевладения и устойчивой системы местных связей крупное и боеспособное рязанское сообщество, имевшее длительную историю самостоятельного развития, не обнаруживало – насколько мы можем установить

---

[1] *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. P. 150.

[2] *Алексеев Ю.Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства. С. 423–425 (здесь с. 425).

[3] Тезис о «беззащитности» территориальных объединений перед лицом центральной власти: *Бенционов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. С. 135.

[4] Мы полагаем глубоко справедливым утверждение В.Б. Кобрина, который отметил, что «консолидация господствующего класса» в общерусский правящий слой произошла бы, при господстве служилой системы, и без опричных потрясений (*Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 141).

[5] *Флетчер Дж.* О государстве русском. С. 40–41.

[6] *Hellie R.* Why did the Muscovite Elite Not Rebel? // Russian History. 1995. Vol. 25. № 1–2. P. 155–162.

[7] *Idem.* Thoughts on the Absence of Elite Resistance in Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. № 1. P. 12. Этот аргумент весьма распространён, но редко подвергается критическому анализу. Ср.: *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 206–207.

по источникам XVI в. – «корпоративных» тенденций, которые могли бы противопоставить его центральной власти. Потомки рязанских бояр оставались лидерами местной служилой иерархии (организация которой определялась правительством), региональными администраторами среднего звена (назначаемыми из центра), а также наиболее родовитыми и богатыми членами «города». Рязанская верхушка пользовалась в своем «городе» авторитетом, однако она не располагала ни институционализированными возможностями для объединения и коллективных действий, ни особыми привилегиями и правами, которые были бы получены ей в качестве правящего слоя «земли» как автономного образования. Система местных отношений (в том числе и сам состав локальной элиты) неуклонно трансформировалась под воздействием политики центрального правительства, и у местного сообщества не было никаких механизмов для влияния на эти процессы.

Итак, история Рязанской земли, в которой не произошло «вывода», позволяет особенно наглядно продемонстрировать различие траекторий Великого княжества Литовского и Русского царства. В первом случае элиты ранее независимых сообществ сохраняли политическую субъектность, во втором, даже оставаясь в своем регионе – преобразовывались различными способами в составные элементы общегосударственной служилой системы. «Выводы», которые нередко считаются главной чертой русского «деспотического самодержавия», являлись лишь одним из проявлений сложного комплекса институциональных различий. Их истоки следует искать не только в управленческой практике конца XV – начала XVI в., но также в структурах и традициях, которые были унаследованы различными регионами от предшествующего периода[1]. Так, при обращении к эпохе Великого княжества

[1] См. некоторые гипотезы: *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 206–209; *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в Средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64; *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего нового времени. С. 46; *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты. С. 12; *Хорошкевич А.Л.* Право «вывода» и власть «государя»; *Она же.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. С. 119–120; *Черепнин Л.В., Пашуто В.Т.* Образование русского

Рязанского можно заметить, что уже там баланс сил склонился на сторону княжеской власти, элита в отсутствие крупных податных и судебных привилегий имела военно-служилый характер, а города не являлись политическими субъектами.

Приведённое сравнение акцентирует различие моделей интеграции и не предполагает возвращения к крайностям этатистских трактовок, постулирующих исчезновение регионального измерения с появлением «централизованного государства». Московское правительство в собственных интересах контролировало, регулировало и трансформировало локальные сообщества, но при этом всецело опиралось на данный способ организации населения[1]. Рязанский случай показывает один из вариантов эволюции региональных объединений, происходившей в результате сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. На всём протяжении XVI в. местный «город» сохранял значительное своеобразие в ряду других служилых сообществ; многие процессы в силу комплекса причин протекали здесь в смягченной форме, с меньшей интенсивностью или запозданием. Когда в начале следующего столетия Русское царство подверглось испытанию Смутой, рязанские дворяне и дети боярские проявили себя в качестве одного из наиболее активных и самостоятельных служилых объединений. Кризис наглядно продемонстрировал, что провинциальные сообщества не превратились лишь в пассивные «вспомогательные органы самодержавного государства»[2] – оказалось, что от их позиции прямо зависят власть и благополучие московских правителей.

централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте. С. 52–53; *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 216–239; *Filyushkin A.* Why Did Russia Not Become a Composite State? // Russian History. 2021. Vol. 47. № 3. P. 201–223; *Stökl G.* Gab es im Moskauer Staat Stände? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1963. Bd. 11. H. 3. S. 340–341.

[1] *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy.

[2] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 220.

Глава 3. Рязанские служилые люди в первой трети XVII в.: Смутное время и его последствия

Смутное время представляет собой особый этап в истории рязанского сообщества. В эту эпоху местный «город» впервые появляется на страницах источников как самостоятельная сила и не раз фигурирует в качестве активного участника ключевых событий, определявших ход кризиса. Каждый исследователь, стремящийся предложить общую концепцию Смуты, сталкивается с необходимостью осмыслить действия рязанского служилого объединения. В связи с этим мы начинаем главу с историографического экскурса, призванного показать ключевые объяснительные ходы предшественников (**3.1**). В следующем параграфе реконструируется история рязанского «города» в период Смуты (в хронологических рамках 1605–13 гг.), поскольку такая задача до сих пор не была решена специалистами (**3.2**). Эта часть работы основана главным образом на материале нарративных и делопроизводственных памятников, в которых «рязанцы» составляют недифференцированную массу служилых людей во главе с воеводой.

В третьем параграфе, напротив, подробно и с привлечением максимально широкого круга источников анализируются судьбы отдельных представителей и семейств рязанской элиты (**3.3**). Проясняя контуры индивидуальных биографий, мы стремимся вместе с тем продемонстрировать главные тенденции эволюции данной социальной группы. Если третий параграф основан, прежде всего, на данных «боярских списков», то четвёртый опирается на писцовые книги и акты. Эта часть главы посвящена землевладению и социальным связям фамилий рязанской верхушки (**3.4**). Особенности сохранности материалов определяют необходимость расширить хронологические рамки исследования до первой трети XVII в. Будучи вызванным состоянием источниковой базы, такой подход позволяет сделать более уверенные выводы об устойчивости выявленных тенденций. В заключительной части главы полученные результаты проблематизируются и рассматриваются в сравнительных контекстах (**3.5**).

3.1. Рязанский служилый «город» в концепциях Смутного времени

Целостная концепция Смутного времени была впервые предложена В.О. Ключевским, до которого «ход событий Смуты представлялся … какой-то действительно смутной фантасмагорией, каким-то калейдоскопом, в котором в причудливом беспорядке сцеплялись случайные факты»[1]. С тех пор исследования Смуты сформировали самостоятельную область историографии Московской Руси, где за прошедшее столетие сменились несколько влиятельных объяснительных моделей. Целью данного раздела не является исчерпывающий обзор обширной литературы, посвящённой событиям начала XVII в. Наша задача – показать ключевые исследовательские решения, посредством которых различные авторы вписывали рязанский служилый «город» во всеохватывающие социальные концепции Смутного времени[2].

Монография С.Ф. Платонова, вышедшая первым изданием в 1899 г., открыла новую эпоху в изучении Смуты. Общий взгляд классика на события начала XVII в. – рассмотрение этой эпохи как сложного социального и политического кризиса – хорошо известен, поэтому нет необходимости останавливаться здесь на базовых положениях его концепции[3]. В отличие от предшественников, С.Ф. Платонов использовал не только широкий круг нарративных памятников, но также обратился к делопроизводственным

---

[1] *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярия. М., 1987. С. 31.

[2] Последние по времени общие историографические обзоры по теме Смуты см.: *Селин А.А.* Смутное время в историографии последних лет // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 223–228; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 11–38; *Он же.* Смутное время в России начала XVII столетия: новые направления и результаты исследований // Ruszisztikai könyvek 16. Budapest, 2005. P. 83–91; *Perrie M.* Recent Western Historiography of the Time of Troubles in Russia // Вестник Санкт–Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 244–261.

[3] См., напр.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф. Платонов: Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1995. *Чистякова Е.В.* Сергей Федорович Платонов и его труд «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» // Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1995; *Martin R.E.* “The Encounter between Personal Commitment and Scholarly Curiosity”: A Reappreciation of Sergei Fedorovich Platonov’s Ocherki po istorii Smuty // Kritika. Vol. 15. № 4. P. 837–853.

источникам. Роль рязанского сообщества в событиях Смуты впервые подверглась систематическому рассмотрению – впрочем, без углубления в локальные сюжеты. Построения исследователя оказали колоссальное влияние на всю последующую историографию, и многие из высказанных им аргументов и сегодня определяют взгляды историков на место рязанцев в истории социального кризиса.

Рязанский край, с точки зрения С.Ф. Платонова, сохранял к началу XVII в. некоторые черты обособленности и представлял собой «военный округ». Рязанские города принадлежали к «старой» части «украины», и их социальная структура отличалось от исторического Центра не столь разительно, как в новопостроенных крепостях на «Поле»[1]. В составе местного служилого сообщества находились как мелкопоместные дети боярские, так и «хорошо поставленная» в служебном и землевладельческом отношениях дворянская верхушка. Для первых причиной недовольства являлось общее экономическое неблагополучие и соседство «сильных людей»; вторая тяготела к московскому дворянству и «честолюбиво» добивалась столичной карьеры, но была слишком худородной с точки зрения боярства. Рязанский «город» представлен у С.Ф. Платонова прежде всего дворянами и детьми боярскими «больши́х статей», которые «настолько понимали преимущества столичной службы с хорошо устроенной вотчиной, что стремились сами стать на вершине действующего порядка и воспользоваться его выгодами»[2].

Такой взгляд на рязанское сообщество объясняет в концепции С.Ф. Платонова как выступление против Василия Шуйского, так и обратный переход в ряды царских сторонников. Если восстание было вызвано антипатией к боярам, не допускавшим возвышения «новых людей», то возвращение в правительственный лагерь обуславливалось противоестественностью союза с

[1] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 8, 54, 62, 68.

[2] Там же. С. 216. Ср.: «восстание под знаменами Димитрия против Шуйского, т. е. против правления бояр, охранявших старину, не допускавших в свои ряды людей новых ... было привлекательно для людей, подобных Ляпунову, Сунбулову и Пашкову ... чувствовавших в себе стремление быть впереди, но по происхождению не имевших на это права» (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 2001. Т. 8. С. 627).

«социальными врагами», которых «консервативно настроенные» рязанцы успели за это время «рассмотреть»[1]. Целью восстания И.И. Болотникова, с точки зрения исследователя, была «демократическая ломка» государственного строя, в то время как рязанские дворяне мечтали о «думном чине и землевладельческом тархане» в рамках существовавшего порядка, но без боярских «олигархов». «Промежуточное» социальное положение рязанцев (между служилой мелкотой южной «украины» и столичной аристократией) в конечном счёте заставило их сделать выбор в пользу Василия Шуйского.

В период обороны Москвы против Лжедмитрия II именно рязанское сообщество стало важной опорой центрального правительства. Прочность этого союза С.Ф. Платонов объясняет тем, что семьи местных служилых людей были эвакуированы в столицу в момент рейда А.Ю. Лисовского (основание для этой точки зрения содержится в одной из царских грамот)[2]. В московской осаде сидели и некоторые рязанские дворяне и дети боярские, которые в 1610 г. на волне всеобщего недовольства политикой Василия Шуйского приняли активное участие в его свержении[3]. Наконец, с «изменой» в 1611 г. московских бояр именно уездной верхушке предстояло «возглавить общественный порядок» и встать на защиту государственной самостоятельности. П.П. Ляпунов находился для этого в наиболее выгодной позиции, соединяя власть воеводы и «возможность житейского влияния на среду, ему давно близкую и хорошо известную». Очередной союз с «социальными врагами» – тушинскими боярами и казачеством – закончился новым конфликтом, в ходе которого П.П. Ляпунов был убит[4]. По хорошо известному заключению С.Ф. Платонова, основной итог Смуты –

[1] Ср. в советском переиздании: «совместные действия этих двух общественных групп являлись простым недоразумением» (цит по.: *Горбачев П.О.* С.Ф. Платонов и Ю.В. Готье о смутном времени: штрихи к послереволюционному периоду творчества выдающихся историков // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2009. № 2. С. 26–30).
[2] АСЗ. Т. 4. С. 203 (№ 274).
[3] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 210–216, 238, 284–287.
[4] Там же. С. 316, 322.

«торжество середины московского общества над его верхом и низом»[1]; рязанские дворяне относились именно к победившему «среднему» слою.

В рамках рассматриваемой концепции не получает убедительного объяснения «мятеж» рязанской элиты под Кромами. Здесь С.Ф. Платонов вынужден отступить от привычной аргументации «социального» свойства. Контраст легко увидеть при сравнении с описанием возмущения «северских» городов, истоки недовольства которых мероприятиями Бориса Годунова описаны весьма доказательно[2]. Если следовать логике исследования, политика годуновского царствования благоприятствовала как раз той «средней» категории землевладельцев, к которой принадлежали рязанские служилые люди. В чём состояли тогда причины их перехода на сторону Лжедмитрия I? С.Ф. Платонов не отвечает на этот вопрос с полной ясностью, склоняясь к идее о «полусознательном» вовлечении уставших рязанцев в «мятеж» столичных воевод. Вслед за рядом источников исследователь отводит особую роль в этих событиях Ляпуновым, через которых кн. Голицыны, М.Г. Салтыков и П.Ф. Басманов могли агитировать рязанцев[3]. В «Очерках по истории Смуты» Ляпуновы рассматриваются в качестве репрезентативного олицетворения всего рязанского «города», а остальные представители рязанской верхушки появляются разве что эпизодически. Такая тенденция, как будет видно, свойственна всем последующим работам.

Для советской историографии на протяжении длительного периода был характерен отказ от самого́ понятия «Смутного времени»: события начала XVII в. рассматривались в качестве «иностранной интервенции» и «крестьянской войны»[4]. Данная концептуальная рамка определила взгляд И.И. Смирнова на движение И.И. Болотникова; монография 1949 г. остаётся наиболее

[1] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 366.
[2] Там же. С. 164–167.
[3] Там же. С. 144, 180–182.
[4] О концепции «крестьянской войны» см.: *Perrie M.* The Concept of a ‘Peasant War’ in Soviet and Western Historiography of the ‘Troubles’ in Early 17th–Century and Early 20th–Century Russia // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 36–43.

фундаментальным исследованием этой темы[1]. События 1606–07 гг. охарактеризованы автором как «стихийное восстание крестьян против феодального гнёта» «под лозунгом царя Дмитрия»[2]. Такая расстановка акцентов привела к тому, что анализу положения других социальных групп практически не уделено внимания – хотя для исследователя совершенно ясно, например, что на Москву в полном составе шёл рязанский служилый «город»[3]. И.И. Смирнов следует построениям С.Ф. Платонова при объяснении причин как возмущения рязанцев (невозможность продвинуться в ряды московской знати и ненависть к «сильным людям»), так и их перехода на сторону царских войск (классовое размежевание). Однако автор настаивает, что «крепостники» Г.Ф. Сунбулов и П.П. Ляпунов играли в восстании заведомо меньшую роль, чем худородный И. Пашков, а затем дворяне просто показали свою «истинную социальную природу[4]. Характерно, что в выводах к работе факт участия в движении служилых «городов» проигнорирован. Явно недостаточное осмысление этих сюжетов компенсируется замечательной основательностью реконструкции обстоятельств восстания, в том числе – деятельности рязанских служилых людей.

В дискуссии о «крестьянской войне», развернувшейся на страницах «Вопросов истории» в конце 1950-х – начале 1960-х гг., неоднократно возникала тема так называемых «дворянских попутчиков»[5]. Участники полемики видели

---

[1] *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. М., 1951; *Он же.* Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953. См. об авторе: *Вовина-Лебедева В.Г.* Иван Иванович Смирнов – исследователь Смуты // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 281–289.

[2] *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 501.

[3] Там же. С. 260.

[4] Там же. С. 95, 164–170, 295–299, 355–365.

[5] Материалы дискуссии: *Зимин А.А.* Некоторые вопросы истории Крестьянской воины в России в начале XVII века // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 97–113; О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII века // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 204–208; *Корецкий В.И.* О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII в. (Обзор дискуссии) // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 102–120; *Он же.* Из истории Крестьянской воины в России начала XVII века // Вопросы истории. 1959. № 3. С. 9–13; *Овчинников Р.В.* Некоторые вопросы Крестьянской войны начала XVII века в России // Вопросы истории. 1959. № 7. С. 69–83; *Скляр И.М.* О начальном этапе Первой крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 90–101; *Смирнов И.И.* О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 116–131.

проблему в присутствии провинциальных дворян и детей боярских среди болотниковцев, однако ярлык «крестьянской войны» делал этот вопрос второстепенным: «дворяне никогда не были *настоящими* союзниками народных масс». Такие «вре́менные попутчики», как говорилось в итогах дискуссии, лишь использовали «*антифеодальное* движение» «для достижения своих узкоклассовых целей»[1]. По мнению О.Р. Овчинникова, обращавшего особое внимание на «социальную неоднородность» лагеря повстанцев, цель служилых по отечеству» заключалась в том, чтобы «вырвать у Шуйского некоторые уступки для дворян южнорусских городов»[2].

Указание на необходимость специального обращения к теме «дворянских попутчиков» прозвучало в ходе одного из обсуждений только от И.С. Шепелева, ученика И.И. Смирнова[3]. Работы этого исследователя, несколько забытые в последующий период, заслуживают специального упоминания в свете нашего сюжета. Концептуально И.С. Шепелев, особенно подробно занимавшийся периодом 1608–11 гг., оставался в русле предшествующей историографии. В частности, лояльность рязанского дворянства в его исследованиях напрямую увязана с «крестьянским движением» в крае, длительное время вынуждавшим местный «город» сохранять лояльность Василию Шуйскому[4]. Выступив против царя, рязанский воевода выражал политические интересы широких кругов служилых «по отечеству», состоявшие в стремлении изгнать интервентов, «освободиться от боярско-олигархического правительства и … укрепить

---

[1] *Корецкий В.И.* О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII в. (Обзор дискуссии). С. 104, 106, 114, 118.

[2] *Овчинников Р.В.* Некоторые вопросы Крестьянской войны начала XVII века в России. С. 69, 71, 81.

[3] О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII века, «Вопросы истории». 1958. № 12. С. 207. Об этом исследователе см.: *Kleiman A., Tyumentsev I.* Forgotten Works by I.S. Shepelev on the History of Early Modern Russia's Time of Troubles // Canadian–American Slavic Studies. Vol. 48. № 1–2. P. 28–35. Главная публикация научного наследия: *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Волгоград, 2012. Т. 1–2.

[4] *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. С. 23–24; *Он же.* К вопросу о внутрифеодальной борьбе в Русском государстве в годы польско–литовской интервенции в начале XVII в. // Известия Воронежского педагогического института. Воронеж, 1960. Т. 31. С. 126–155.

дворянско-крепостническую власть»[1]. В то же время, И.С. Шепелев уделил значительное внимание фигуре П.П. Ляпунова, который уже в начале Смуты «пользовался больши́м авторитетом среди дворян и детей боярских Рязанского края». Кроме того, исследователь сделал целый ряд важных конкретных наблюдений относительно хода борьбы с повстанцами в уезде. Отмечено, в частности, что местные служилые люди длительный период находились на осадном положении в Переяславле-Рязанском, после чего охраняли московско-рязанскую дорогу. Впервые был обстоятельно проанализирован вопрос о режиме управления, сложившемся в Рязани в период воеводства П.П. Ляпунова[2].

В результате систематического исследования фондов Поместного и Разрядного приказов, предпринимавшегося на протяжении 1950–80-х гг., в научный оборот был введён значительный массив новых делопроизводственных материалов. Выявленные источники пролили новый свет на активное участие дворян и детей боярских в болотниковском движении[3]. В монографии В.И. Корецкого (1975), продолжившей в главных чертах линию изучения «крестьянской войны», была сделана попытка подчеркнуть принципиальное различие (и разные пути движения к Москве) «дворянской» (И. Пашков и рязанцы) и «демократической» (И.И. Болотников) частей армии повстанцев. «Дворянские попутчики» в этом исследовании становятся самостоятельной силой, возглавившей крестьян и холопов в своей части войска (и, кроме того, в некоторых регионах), имевшей свою программу (целью был «верхушечный политический переворот») и не пожелавшей в итоге подчиниться радикализму

[1] *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 2. С. 438–439.
[2] Там же. Т. 1. С. 49–57, 74–75, 123–129; Т. 2. С. 80–81, 103, 136, 162, 186–187, 269–270, 438–439.
[3] Обзор этих публикаций см.: *Овчинников Р.В.* Об издании источников по истории Крестьянской войны в России начала XVII века. (Историко–библиографический обзор публикаций) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 153–173. Общие издания выявленных материалов: Восстание И. Болотникова. Документы и материалы, М., 1959; НД.

И.И. Болотникова[1]. Такая схема, вобрав новые данные, фактически доводила до логического предела положения С.Ф. Платонова.

Работы Р.Г. Скрынникова, выходившие во второй половине 1980-х гг., вернули в историографию концепцию «Смутного времени» как целостной исторической эпохи[2]. В монографии, посвящённой болотниковскому движению, взгляды предшественников были подвергнуты убедительной критике. Представление об «антифеодальных» устремлениях повстанцев, утверждал исследователь, является плодом правительственной пропаганды, а утверждения о различии «программ» двух частей войска не находит опоры в источниках – раскол может быть объяснён не столько социальной рознью, сколько личной борьбой за власть между И. Пашковым и И.И. Болотниковым. Движение объединило в своих рядах разные социальные слои (в т. ч. широко вовлекло дворян), а общей идеологической платформой являлась, как и в период похода Лжедмитрия I, поддержка «законной» династии[3].

Одной из главных причин Смуты стал, по мнению Р.Г. Скрынникова, кризис поместной системы и дворянского ополчения. Наиболее резко он проявлялся в южных уездах, в том числе и в Рязанском крае, где наблюдалось обилие измельчавших помещиков. Выступление рязанцев под Кромами было связано также с «брожением» в среде местной верхушки, признаки которого заметны ещё в 1580-х гг. Исследователь подчеркнул, что рязанская элита, в отличие от «северских» детей боярских, была исторически связана с «государевым двором», поэтому её выступление против центральной власти вместе со «всем городом» имело критические последствия[4]. Применительно к

---

[1] *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 258–312.

[2] См.: *Dunning C.S.L.* R. G. Skrynnikov, the Time of Troubles, and the «First Peasant War» in Russia // The Russian Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 71–81.

[3] *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 126–128, 131–135, 250–251.

[4] *Он же.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 256–257, 262; *Он же.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990. С. 5–6, 8, 101–140, 228–229; *Он же.* Россия в начале XVII в. «Смута». С. 19–20, 49–50, 196, 200–201.

событиям 1606–07 гг. отстаивается не вполне доказанная точка зрения, согласно которой в составе отряда И. Пашкова на Москву находились лишь несколько десятков рязанских дворян[1]. В работах Р.Г. Скрынникова рязанский «город» по-прежнему представляет собой недифференцированную массу служилых людей, главным олицетворением которых являются Ляпуновы. Внимание уделено также второму «наиболее влиятельному» местному роду – Измайловым, которые, с точки зрения автора, могли дважды способствовать «перетягиванию» рязанских сил в другой лагерь[2]. Рассмотрение в одном ряду Ляпуновых и Измайловых демонстрирует, сколь незначительно продвинулись историки в исследовании рязанского сообщества за почти столетие, прошедшее со времени «Очерков» С.Ф. Платонова.

Исследования Р.Г. Скрынникова стали отправной точкой для выработки нового консенсуса относительно событий начала XVII в. Аргументы «ревизионистов», направленные против концепции «крестьянской войны», последовательно суммированы в работе Ч. Даннинга[3]. Классовый подход оказывается не слишком полезным для осмысления социальных антагонизмов раннего Нового времени, которые были «результатом сложных противоречий между различными уровнями социальной иерархии и конкурирующими статусными группами внутри элиты»[4]. Смутное время рассматривается в современной историографии как «гражданская война» – территориальный и социальный раскол общества на два (или более) военно-политических лагеря, находящихся в состоянии открытой борьбы за власть[5]. Исследователи сходятся во мнении, что социальную базу повстанцев составляли, главным образом,

---

[1] *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 126–128.
[2] Там же. С. 122.
[3] *Dunning C.S.L.* Russia’s First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. Pennsylvania, 2001. Краткая версия с изложением основных аргументов: *Idem.* A Short History of Russia's First Civil War. Pennsylvania, 2004; *Даннинг Ч.* Была ли в России в начале XVII в. Крестьянская война // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 21–34.
[4] *Dunning C.S.L.* Russia’s First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. P. 3.
[5] *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 213. Ср.: *Черепнин Л.В., Пашуто В.Т.* Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте. С. 44–45.

мелкопоместные дворяне и дети боярские, служилые люди «по прибору», беглые холопы и казачество[1]. В исследовании И.О. Тюменцева, посвящённом движению Лжедмитрия II, показано, что в Тушино «перелетали» даже представители видных аристократических семейств: социальный раскол «пролегал не в горизонтальной, классовой плоскости, а в вертикальной, внутри служилого сословия»[2].

Особое значение придаётся региональному измерению кризиса: в современной историографии Смута предстаёт как восстание южных окраин против привилегированного центра[3]. В исследованиях А.П. Павлова и Б.Н. Флори акцентирован разрыв между столичной знатью и провинциальными дворянскими объединениями. К началу XVII в. верхушка «государева двора» («московские» чины) превратилась в замкнутую группировку, комплектовавшуюся по наследственному принципу и монополизировавшую в своих руках управление страной. Государственная власть своей политикой «ослабила традиционные механизмы влияния социальных верхов общества на стоящие ниже на лестнице социальной иерархии слои населения»[4]. Недовольные своим положением провинциальные дворяне и дети боярские, консолидировавшиеся в уездные корпорации, стали базой самозванческого движения[5]. Наиболее полное на сегодняшний день описание действий служилых «городов» в годы Смуты выполнено В.Н. Козляковым[6].

Б.Н. Флоря уделил специальное внимание конфликту между рязанским сообществом и правительством Василия Шуйского весной 1610 г. По мнению исследователя, попытки центральной власти вернуться к традиции назначения

---

[1] См., напр.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 54.

[2] *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 372, 575.

[3] Удачная формулировка из: *Флоря Б.Н.* Бунт окраин против центра // Родина. 2005. № 11. С. 48–52. См. аналогичный ракурс: *Нольте Х.–Х.* Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 21–34.

[4] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 49.

[5] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). (здесь с. 79, 252); *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество (здесь с. 28–35); *Он же.* Русское общество в эпоху Смуты.

[6] *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI-XVII веков. С. 51–89.

воевод из столичной аристократии вошли в противоречие со стремлением локальной верхушки к самостоятельному управлению местными делами[1]. Кроме того, важные наблюдения сделаны по вопросу об отношении П.П. Ляпунова к польской кандидатуре: рязанский воевода был готов признать государем Владислава, но отказал в лояльности Сигизмунду III, когда стало ясно, что королевич не едет в Московское государство[2]. В специальной статье представлен анализ Приговора Первого ополчения как документа, отражающего интересы дворянства[3].

Исследователями намечен важный региональный контекст действий рязанского «города» на начальном этапе Смуты – совокупность служилых объединений южной «украины». Специальное исследование этой «макрообщности», обнаруживающей несомненные черты единства при значительном внутреннем многообразии, проведено М.Ю. Зенченко[4]. При этом попытки автора объяснить восстания местных дворян и детей боярских против центральной власти не слишком убедительны. Ключевым фактором, определившим переход на сторону Лжедмитрия I, названа расправа с населением Комарицкой волости, причиной восстания против Василия Шуйского – «политические амбиции» провинциальных дворян[5]. По мнению А.В. Лаврентьева, также сосредоточившего внимание на южном регионе, «украинные» служилые «города» поддерживали крымские планы Лжедмитрия I, поскольку успешная кампания обезопасила бы пограничье и дала пространство для поместной колонизации. Свержение Самозванца и отмена похода стали поводом к выступлению дворян и детей боярских против новой московской администрации[6].

---

[1] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 178; *Он же.* Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.).

[2] *Он же.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 331–333; *Он же.* Прокопий Ляпунов и Сигизмунд III // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 42–51.

[3] *Он же.* О приговоре Первого ополчения // Исторические записки. Т. 8 (126). 2005. С. 85–114.

[4] *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: опыт государственного строительства).

[5] Там же. С. 115–118, 145–146.

[6] *Лаврентьев А.В.* Царевич, царь, цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604-1606 гг. М., 2011. С. 134–137.

Обстоятельства так называемого «елецкого восстания», в котором наряду с другими «украинными» сообществами принял участие рязанский служилый «город», исследованы И.О. Тюменцевым[1]. Тезис о единой позиции дворянства южной «украины» на протяжении Смутного времени убедительно развит А.П. Павловым: после отхода от повстанческого движения в конце 1606 г. многие местные дворяне выступали «в качестве одной из ведущих политических сил в борьбе за восстановление традиционного общественно-политического строя и сохранение территориальной целостности страны»[2].

Парадоксально, что, несмотря на значительное внимание историков Смуты к рязанскому «городу», целостная история этого сообщества в кризисную эпоху остаётся ненаписанной. В работах последних десятилетий сделан, однако, целый ряд важных наблюдений, на которые мы в дальнейшем опираемся и по поводу которых полемизируем. В текстах П.О. Горбачева и В.Н. Козлякова обстоятельно рассмотрены жизненный путь П.П. Ляпунова и его политическая позиция[3], А.О. Никитин впервые систематически обратился к фигурам других рязанцев и показал конфликтность внутри рязанской верхушки в эпоху Смуты[4]. Значительный интерес представляет полемика В.Д. Назарова и В.Н. Козлякова относительно фигуры рязанского воеводы. С точки зрения В.Д. Назарова, П.П. Ляпунов – «локальный военный предводитель», глава служилой корпорации, превратившийся в общенационального дворянского лидера»[5]. Для В.Н. Козлякова «представления о лидерстве Ляпунова в национальном масштабе не

---

[1] *Рощупкин А.Ю.* «…пришли под град Елец и стояли под градом, но не смогли сделать граду…» (Летние события 1606 г. под Ельцом: факты, события, интерпретация) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 1 (28). С. 165–173; *Тюменцев И.О.* Елецкое восстание 1606 года в истории Смуты // Ouaestio Rossica. 2014. № 2. С. 147–150.

[2] *Павлов А.П.* К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. М., 2012. С. 118–135.

[3] *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в.*; Козляков В.Н.* Герои Смуты; Он же. Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова; *Он же.* О начальной истории первого ополчения: П. П. Ляпунов, И. Н. Сунбулов и бои под Пронском; *Он же.* Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках.

[4] *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы.

[5] *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты.

соответствуют действительности». Исследователь усомнился и в том, что рязанский воевода действовал в интересах местного «города»: «мотивы собственной карьеры Прокофия Ляпунова видятся более значимыми, и «получив чин думного дворянина … Ляпунов вёл себя … как член Думы, назначенный на воеводство в Переяславль-Рязанский»[1]. Наконец, благодаря работе А.Л. Станиславского, посвящённой роли казачества в истории Смутного времени, прояснены обстоятельства движения И.М. Заруцкого на территории Рязанского уезда[2]. Исследователь показал, что в регионе произошёл раскол, который аналогичен событиям царствования Василия Шуйского. Опорой столичного правительства оставался Переяславль-Рязанский «с сильным дворянским гарнизоном», в то время как остальные города, основу населения которых составляли приборные люди, противостояли уездному центру. А.Л. Станиславский подчеркнул последовательно «антидворянские» настроения рязанской периферии, однако отметил, что в войске И.М. Заруцкого находились и мелкопоместные дети боярские[3].

Таким образом, ключевые представления о роли рязанского сообщества в событиях Смутного времени восходят к концепции С.Ф. Платонова. В «Очерках по истории Смуты» сформулирован ставший традиционным тезис о «промежуточном» социальном положении местных служилых людей. От других «украинных» «городов» рязанцев отличали принадлежность к давно заселённой территории с вотчинным землевладением, бóльшая материальная обеспеченность, включённость верхушки (в который были представлены старинные фамилии) в «государев двор»; от дворянства центральных уездов – сохранение местной «обособленности», наличие значительной прослойки служилой мелкоты, военизированный быт, связь с казачеством и отсутствие широкого доступа к

[1] *Козляков В.Н.* Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова. С. 137.
[2] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории.
[3] Там же. С. 54, 58–65.

«московским» чинам[1]. Противоречия между рязанским «городом» и столичной элитой – наиболее распространённое объяснение выступлений местных служилых людей против центральной власти. Для С.Ф. Платонова этот постоянный антагонизм объяснял участие рязанцев в болотниковском восстании. А.Л. Станиславский расширил использование данного аргумента: причиной присоединения местных служилых людей к движению Лжедмитрия I также стала, по мнению исследователя, политика «освоения» южнорусских земель столичным дворянством[2]. Б.Н. Флоря подчеркнул общий конфликт между провинциальными «городами» и столичной аристократией, одним из проявлений которого являлся кризис традиционной практики воеводских назначений.

[1] См., напр., последовательное воспроизведение этих тезисов в работе: *Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958. С. 23, 45–46.

[2] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 64; *Он же.* Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г. // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985. С. 72.

3.2. Рязанский служилый «город» в событиях Смутного времени

3.2.1. От Кром к Туле (1605–1607 гг.)

Рязанцы появляются на страницах нарративных источников в связи с так называемым «мятежом под Кромами»[1]. Известия об этом событии трудно согласовываются друг с другом и по-разному интерпретируются историками. В рамках традиции, восходящей к «Новому летописцу» и воспринятой С.Ф. Платоновым, переход части армии на сторону Лжедмитрия I рассматривался прежде всего как результат манипуляций воевод-заговорщиков, «в совете» с которыми оказались несколько «городов» (в том числе и Рязань)[2]. Новый взгляд на выступление под Кромами предложен М.Ю. Зенченко. По мнению исследователя, это был «мятеж провинциального дворянства», возглавленный «профессиональными столичными интриганами» уже после того, как часть войска открыто проявила нелояльность (отказалась присягать новому царю). При таком подходе 7 мая 1605 г. является не датой начала «мятежа», а моментом столкновения между двумя уже оформившимися частями армии[3].

Какой бы взгляд на обстоятельства выступления под Кромами ни был принят, не вызывает сомнений, что рязанские служилые люди сыграли чрезвычайно активную роль в переходе на сторону Самозванца. В «Карамзинском хронографе», «Бельском» и «Пискаревском» летописцах именно рязанцы являются главными действующими лицами: они тайно «целовали крест» Лжедмитрию I, заставили остальных также принести присягу, «били» и «вязали»

---

[1] Рязанские служилые люди пришли под стены крепости в составе войска Ф.И. Шереметева, о чем свидетельствует челобитная В.П. Ляпунова (НД. С. 302 [№ 158]).

[2] НЛ. С. 64; РЗ. С. 200; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 179–180; *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. С. 244–262.

[3] *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: опыт государственного строительства). С. 112–115. В своих построениях исследователь опирался прежде всего на «Иное сказание» (Иное сказание. Стб. 39–41). Подобная логика событий представлена также в повествовании И. Массы (*Масса И.* Краткое известие о Московии. М., 1937. С. 100) и в одной из разрядных записей (РЗ. С. 5). См. сбалансированный взгляд: *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI-XVII веков. С. 52–54.

несогласных[1]. Источники позволяют, кроме того, очертить круг «городов», которые действовали под Кромами совместно с Рязанью. В «Ином сказании» указывается, что рязанцы перешли «со всеми городы и сёлы своими … *по Оке реке*». «Карамзинский хронограф» указывает на «*заречные* города», а «Новый летописец» раскрывает их список: Рязань, Тула, Каширa, Алексин. В итоге на стороне Лжедмитрия I, как следует из разрядной записи, оказались дворяне и дети боярские всех южных «украинных» центров[2].

Важный источник, который мог бы дать ценные сведения об участниках событий из интересующего нас региона – роспись войска, посланного против Самозванца (1604)[3] – содержит утрату в перечне рязанского «выбора». Сохранилась только нижняя часть раздела, в которой числятся четыре дворянина с небольшими окладами (**3.3.1**). Некоторые наблюдения могут быть сделаны исходя из предположительного расположения данной рубрики в росписи. Наиболее вероятно, что он находился под заголовком «быть с боярином кн. В.В. Голицыным», т. е. рязанские выборные состояли в передовом полку, долгое время возглавляемом будущим заговорщиком[4]. Именно в составе передового

---

[1] Бельский летописец. С. 241–242 (л. 314об.: статья «о ворах рязанских» с неверной датировкой); Карамзинский хронограф. С. 328; Пискаревский летописец. С. 207. Ср.: «воскликнуша в полцех воинские людие Рязанцы и по них всякие люди…» (РИБ. Т. 13. Стб. 728).

[2] Иное сказание. Стб. 41; Карамзинский хронограф. С. 328; НЛ. С. 64; РЗ. С. 4–5, 30, 72, 200 (упомянуты также новгородские, псковские и луцкие служилые люди). Ж. Маржерет говорит о последовавшем роспуске на несколько недель тех дворян, «у кого были земли по эту сторону от Москвы», т.е. главных участников выступления (*Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. С. 166; см. комментарий: *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. С. 265).

[3] Роспись 1604. Контекст составления росписи: *Назаров В.Д.* К истории начального периода первой крестьянской войны в России // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С. 184–200.

[4] Роспись 1604. С. 366. Утрата одной или нескольких склеек документа (как до, так и после листа с рязанским разделом) не позволяет утверждать это с полной уверенностью: в принципе могли быть потеряны и другие заголовки. Однако рязанские выборные могли оказаться только в большом полку, полку правой руки или передовом полку (см. разряд похода: РЗ. С. 1–2), по которым список выборных утрачен. При этом большинство рязанских детей боярских находились в передовом полку вместе с алексинцами и ростовцами (см. в росписи: с. 395–396; приложение 6), «выбор» от которых приведен на л. 2–4 росписи и определенно относился к кн. В.В. Голицыну. Как показано ранее, выборные дворяне часто назначались к воеводе, под руководством которого служили дети боярские из того же города (**2.2.5**). Следовательно, вероятнее всего утрачены лишь одна или две склейки с верхней частью списка владимирских

полка находилась бóльшая часть (1000 чел., считая «владычных»[1]) рязанских детей боярских; незадолго до выступления полк перешёл под руководство И.И. Годунова. Ещё 399 рязанцев находились при втором воеводе М.Г. Салтыкове[2]. Неудивительно, что восставшие были особенно успешны как

выборных дворян, и рязанский «выбор» также находился в передовом полку. Всего выборных в нем, как следует из соответствующей записи, было 48 (или 60, это число в росписи зачеркнуто) человек.

[1] Рязанские владычные дети боярские были поверстаны М.Г. Салтыковым; распоряжение об этом отдавалось 19 мая 1604 г. (десятня: РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 206. Частичная публикация с неточностями: *Григоров А.И.* Десятня Рязанского Архиерея детей боярских верстания новичнаго окладу 7112 году // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 24. Рязань, 2010. С. 86–107; вводная часть: АМГ. С. 65–66 [№ 41]). Е.Ю. Люткина предположила (вероятно, по аналогии с елецкой десятней, см.: *Ляпин Д.А.* Дети боярские Елецкого уезда в конце XVI – XVII вв. С. 30, 71), что верстание производилось в Ливнах, поскольку уже 20 мая боярин М.Г. Салтыков был отправлен туда в составе большого войска (РК 1638. С. 163; *Люткина Е.Ю.* Десятня детей боярских рязанского архиепископа 1604 г. // Реализм исторического мышления. М., 1991. С. 157–158). В самой десятне, однако, прямо указано, что «бояре *на Казенном дворе* тех детей боярских в статьях смотрели». По мнению В.Д. Назарова, десятня свидетельствует о том, что весной была произведена мобилизация значительной части дворян и детей боярских и организованы московские смотры (*Назаров В.Д.* К истории начального периода первой крестьянской войны в России. С.190).

История владычных детей боярских изложена в одной из позднейших челобитных рязанского архиепископа, которая незаслуженно обойдена вниманием исследователей: «…во 111 [1602/03 – *И.К.*] году … взято из дому и Пречистыя Богородицы и Борисоглебскаго … в службу детей боярских девяноста четыре … и поверстаны в службу по Рязани … а взяты … те дети боярские … чтобы впредь з домовые вотчины даточных людей имать не велено» (Челобитная архиепископа Рязанского Моисея царю Михаилу Федоровичу о сторожевой службе домовых епископских детей боярских рязанцев 1638 г. // ТРУАК. Рязань, 1899. Вып. 3. С. 406–407). Этот источник подтверждает заключение Е.Ю. Люткиной: вмешательство государства «в сферу земельных отношений кафедры и данной группы служилых людей по отечеству» – новое явление начала XVII в. Terminus post quem проведенной «реформы» может устанавливать грамота 11 мая 1603 г., по которой рязанский владыка жалует из своих вотчин в поместье «своего сына боярского» (*Азовцев А.В.* Грамоты из архива Рязанского дворянского депутатского собрания. С. 351 [№ 3]). В сохранившейся десятне числятся 92 человека полковой службы и 9 – осадной. Примечательно, что осенью 1605 г. специальным указом Лжедмитрия I взятые на службу архиепископские дети боярские были возвращены вместе с бывшими за ними в поместьях владычными землями. По-видимому, распоряжение не было исполнено, потому что в 1609 и 1638 гг. архиепископы обращались с повторными челобитьями (*Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 262: материалы столбца Поместного приказа, пока не введенного в научный оборот). По поводу истории архиепископского двора см. также: ТКДТ. С. 246; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 89; *Савосичев А.Ю., Кузьмина О.Ю.* Рязанский архиепископский двор середины XVI века // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 123–129; *Никитин А.О.* Список владычных детей боярских 100 (1591/92) г.: опыт реконструкции // Третьи Яхонтовские чтения. Рязань, 2005. С. 81–90.

[2] Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. С. 396, 400. Не вполне ясно, как получил данные для своей таблицы М.Ю. Зенченко (*Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: опыт государственного строительства). С. 98).

раз в передовом полку, где им удалось захватить обоих воевод[1]. Отметим также общую численность рязанских отрядов: можно с уверенностью утверждать, что в составе правительственного войска оказалось абсолютное большинство местных дворян и детей боярских[2]. Как справедливо заключил В.Д. Назаров, на юго-западный театр были стянуты «не только главные походные силы, но и значительная доля крепостных гарнизонов, многие из которых по существу были обескровлены»[3].

Нарративные источники выделяют из анонимной массы солидарно действовавших рязанцев только П.П. Ляпунова «с братьею и со советники» (или: «с товарищи»)[4]. В историографии нередко воспроизводится сомнительная теория заговора, восходящая к С.М. Соловьёву: классик писал о некоем «известии», что «бояре отправили к королю тайно Ляпунова, племянника знаменитого впоследствии Прокофья, который обнадежил крепко поляков и от имени бояр просил короля, чтобы тот помог самозванцу». Исходный источник этих сведений так и не найден, и их достоверность была поставлена под вопрос уже С.Ф. Платоновым[5]. Представление о единстве рода Ляпуновых по отношению к Самозванцу будет существенно поколеблено, если принять во внимание свидетельство родословной росписи. Григорий Ляпунов, старший брат Прокопия,

---

[1] *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. С. 257.

[2] В дальних походах XVI в. рязанский «город» выставлял обычно не более 500 дворян и детей боярских (**2.2.6**). По росписи 1604 г. было выставлено 1399 рязанцев и 364 ряшанина. Мобилизационный потенциал края в начальный период Смуты оценивался правительством в примерно 1,8 тыс. чел. (считая ряшан и с добавлением татар) (НД. С. 161–163 [№ 43] – источник обсуждается нами далее в этом разделе). В 1631 г. рязанский «город» насчитывал уже 1910 чел. (без учета Ряжска) (*Беляев И.Д.* Сметный список 139 году // Временник МОИДР. 1849. Кн. 4. С. 19).

[3] *Назаров В.Д.* К истории начального периода первой крестьянской войны в России. С.196–197.

[4] Бельский летописец. С. 241–242; Карамзинский хронограф. С. 328; Пискаревский летописец. С. 207 (Л. 627об.); Иное сказание. Стб. 41. Примечательно, что «Новый летописец», использовавший любую возможность для «компрометации» Ляпуновых (напомним, что первое известие о них в этом источнике относится еще к «возмущению» 1584 г.), при этом никак не упомянул об их роли под Кромами (НЛ. С. 64).

[5] Речь идет о 1603 г. См.: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 181; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 2001. С. 550–551.

был «замучен на Москве от Ростриги»[1]. Именно он являлся главой клана Ляпуновых на начало XVII в. и по БС 1602/03 имел наибольший оклад в рязанском «выборе». Учитывая факт лояльности Самозванцу Прокопия, следует думать, что жизненные пути братьев в какой-то момент разошлись.

Сведения о деятельности рязанских служилых людей в период правления Лжедмитрия I отрывочны. В «Бельском летописце» приведён текст послания 20 июня 1605 г., которым новый царь приглашал рязанского архиепископа Игнатия на патриаршество и благодарил его за приведение городов к присяге: «И твоими молитвами и благословеньем *Рязань* и Кошира, и все иные городы нашему величеству добили челом»[2]. Важнейшим событием для рязанского «города» стало верстание летом 1605 г. (**3.3.1**). Стрельцы из Переяславля-Рязанского и Ряжска под начальством С.Г. Спешнева были отправлены в Астрахань в составе отряда Ф.И. Шереметева. Впоследствии стрелецкий голова погиб при обороне Балчика (**3.3.1**), а стрельцы несколько лет оставались в поволжских городах[3]. Документы о приёме крымского посольства содержат богатую информацию о приставстве В.Г. Коробьина[4]. Единичные разряды проливают свет на обычное участие местных служилых людей в управлении уездными центрами[5]. Кроме того, сохранилась грамота 18 октября 1605 г., адресованная «на Резань» П.Г. Вердеревскому (должностной статус не указан – можно предполагать, что он

[1] *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 233; *Козляков В.Н.* Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках. С. 370. См. также о «казнях» Лжедмитрия I: НЛ. С. 67.

[2] Бельский летописец. С. 243 (л. 316). См. о нем: *Ульяновский В.И.* «Прямой» или «кривой» герой Смуты? Рязанско-Муромский архиепископ и Патриарх Московский грек Игнатий // Рязанская старина. Рязань, 2013. Вып. 4–6. С. 16–59.

[3] Еще в 1609 г. они находились в Нижнем Новгороде, прибыв туда из Казани, о чем свидетельствует грамота местному воеводе (Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 100–101). Впоследствии рязанские стрельцы были «разверстаны надвое»: в отличие от остальных, участники похода Ф.И. Шереметева получали прибавку к жалованью (*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 61).

[4] Акты времени Лжедмитрия I. С. 195–250. См. о посольстве: *Рабинович Я.Н.* Братья Коробьины на службе России (1603–1639). С. 13.

[5] В разрядах 7114 г.: Г.В. Вердеревский (Михайлов), Г.Ф. Сунбулов (Переяславль-Рязанский), И.(П.?) Биркин (Пронск), И. Язвецов (Ряжск), кн. Ю.Г. Мещерский (Михайлов, первый воевода) (РЗ. С. 7, 28, 78–79, 136, 183). Обсуждение вопроса о смене администрации после прихода Лжедмитрия I к власти см.: *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993. С. 135–136.

являлся головой, возглавлявшим «малые» рязанские силы после отпуска воеводы)[1]. В указе сообщалось о назначении рязанским осадным головой М.И. Ляпунова на место Ф.Ф. Коробьина[2]. Судя по известию, приводимому чуть ниже, весной 1606 г. основная масса рязанских дворян и детей боярских находилась в Москве – вероятно, в связи с подготовкой к Азовскому походу[3].

Какой была реакция рязанцев на свержение Лжедмитрия I? Обнаруженный И.П. Кулаковой список «Сказания о Гришке Отрепьеве» содержит уникальное свидетельство участия рязанских служилых людей в выступлении против Василия Шуйского сразу после его появления на престоле: «А черниговцы и путимцы и кромичи и комарицы *и вси рязанские городы* за царя Василья креста не целовали *и с Москвы всем войским пошли на Рязань*: у нас де царевич Дмитрей Иванович жив»[4]. И.О. Тюменцев показал, что данное известие следует рассматривать в контексте Елецкого восстания – возмущения «ветеранов Лжедмитрия I» из «польских» и «украинных» городов. Оно началось в июне-июле 1606 г. и предшествовало выступлению на Северщине[5].

---

[1] В родословной росписи назван осадным воеводой (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 160. Л. 3).

[2] АСЗ. Т. 4. С. 67 (№ 88). Трудно согласиться с интерпретацией таких весьма локальных назначений как шагов, мотивированных политическими соображениями (ср.: *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. С. 135–136).

[3] Тезис о концентрации под Москвой поместного войска весной 1606 г. в связи с военными планами Лжедмитрия I обоснован А.В. Лаврентьевым: *Лаврентьев А.В.* Царевич, царь, цесарь… С. 116–150. Об этой концепции см. также: *Ульяновский В.И.* «Турецкий гамбит» Лжедмитрия 1: проект «священной войны» // Проблемы славяноведения. Брянск, 2017. С. 31–62; *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 192–193.

[4] Цит. по: *Кулакова И.П.* Московское восстание 1606 г. и воцарение Василия Шуйского. С. 49. Разрядная запись в сходных выражениях сообщает о возмущении в «польских, украинных и северских городах» сразу после появления Василия Шуйского на престоле (т.е. в мае-июне 1606 г.) (РЗ. С. 8). И.П. Кулакова предположила, что «время ухода из Москвы частей южных городов можно датировать 19–31 мая» (*Кулакова И.П.* Московское восстание 1606 г. и воцарение Василия Шуйского. С. 50). М.Ю. Зенченко, никак не обосновывая свою точку зрения, утверждал, что приведенное известие «Сказания о Гришке Отрепьеве» просто объединило разновременные события, и рассказ об «измене» рязанских городов описывает события сентября 1606 г. (*Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: опыт государственного строительства). С. 140). Однако, как будет показано далее, обстоятельства осеннего перехода рязанцев на сторону восставших были совершенно иными.

[5] *Тюменцев И.О.* Елецкое восстание 1606 года в истории Смуты. Убийство в Зарайске царского гонца Д. Лосенкова (НД. С. 327 [№ 186]), на которое указывает И.О. Тюменцев в связи с восстанием, произошло при спорных обстоятельствах и не может быть уверенно отнесено к лету 1606 г. Скептический взгляд на известие «Сказания о Гришке Отрепьеве» см.: *Назаров В.Д.* К начальной истории восстания под предводительством И.И. Болотникова. С. 157.

Если рязанцы, покинув столицу, приняли участие в елецком восстании, как объяснить тот факт, что они фигурируют в составе *царского* войска при *осаде* мятежного Ельца в *августе*? Об этом сообщает разрядная запись: «сходные воеводы из Переславля-Рязанского боярин кн. В.К. Черкасский да Г.Ф. Сунбулов» состояли в большом полку[1]. Возможно, данное противоречие снимает сообщение Ж. Маржерета, согласно которому после избрания Василия Шуйского «взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах,… но перед моим [Маржерета – *И.К.*] отъездом в июле *прислали в Москву просить о прощении*»[2]. Итак, можно предположить, что отказ в лояльности новому царю мог быть в рязанском случае (в отличие от северских городов) кратковременным, после чего принесение присяги всё-таки состоялось, и местные служилые люди отправились под Елец в ряды войска кн. И.М. Воротынского. По справедливому замечанию В.Д. Назарова, рязанский «город» мог покинуть свой уезд лишь при условии, что там не было вооруженного противостояния[3].

---

[1] РЗ. С. 141. И.И. Смирновым убедительно показано, что подготовка к этому походу началась месяцем ранее (*Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 144), а воеводы кн. В.К. Черкасский и Г.Ф. Сунбулов появились в Рязани, возможно, еще при Самозванце, в марте 1606 г. (РЗ. С. 79, 139). Заметим попутно, что вопрос о том, привело ли воцарение Василия Шуйского к полной смене воеводского корпуса, остается непроясненным. В источниках имеются две противоречащие друг другу формулировки о политике нового царя в этом отношении: в английском донесении содержится информация о новых назначениях, сделанных Василием Шуйским (Английское донесение о восстании Болотникова // Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607. С. 552); с другой стороны, одна из разрядных записей прямо указывает, что таких перемен не производилось (РЗ. С. 42). Рязанский случай свидетельствует в пользу второй версии.

[2] *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. С. 175. Примечательно, что количество «главных городов» у Маржерета близко к списку «Сказания о Гришке Отрепьеве» (*Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 84). Ср. у И. Массы: Путивль, Елец, Тула (sic!), Кромы, Рыльск (*Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 153, 168).

[3] В.Д. Назаров обратил внимание также на примечательные приписки к тексту ряжской десятни. Четыре местных самопальника 28 августа 1606 г. получили прибавки к поместным и денежным окладам, а также были повышены до полковых детей боярских за службу, которая в одной приписке названа «ряской» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 98. Л. 6, 6об., 9, 11об., 12). По мнению В.Д. Назарова, это были сеунщики, которые получили награды за победу над силами И. Пашкова под Ряжском в августе 1606 г. После этого повстанцы с трудом «установили контроль над ситуацией в крае», и убийства воевод свидетельствуют об упорной вооруженной борьбе за каждый укрепленный центр (*Назаров В.Д.* К начальной истории восстания под предводительством И.И. Болотникова). Такая версия сомнительна: сведения о том, что рязанские города оказывали сопротивление силам И. Пашкова, отсутствуют. Не вполне ясно,

Переход рязанцев на сторону восставших произошёл уже после поражения царской армии под Ельцом, которое может быть датировано концом августа[1]. Возможно, это случилось под Тулой, где войско окончательно распалось: «кн. И.М. Воротынский пришёл на Тулу … а дворяня все *поехали без отпуску по домом*, а воевод покинули, и на Туле заворовали, стали крест целовать вору. И боярин кн. И.М. Воротынский с товарыщи пошли с Тулы к Москве, а *городы Заредцкие* все заворовалися»[2]. Теперь рязанцы, как и под Кромами, действовали совместно с остальными «украинными» городами: «все *северские* и *полевые* и *зарецкие* городы от царя Василья Ивановича отложились»[3].

В обширном списке «побитых» повстанцами воевод[4] можно найти целый ряд лиц, чья судьба представляет интерес в свете рассматриваемой темы. Прежде всего, в руки восставших попал боярин кн. В.К. Черкасский, который возглавлял рязанскую часть войска. Позднейший источник позволяет выяснить, что сначала он оказался в Михайлове, откуда впоследствии был отведён в Путивль и уже там

кто должен был поддерживать воевод в действиях против повстанцев, если и рязанцы, и ряшане впоследствии принимали участие в походе на Москву. Возможно, «ряжская служба» на стороне правительственных сил относилась ко времени предшествующего рязанского выступления, описанного в «Сказании о Гришке Отрепьеве».

[1] См. также известие о рязанском сыне боярском, который «поимался за отца своего конь у Истомы у Пашкова, а тот де конь отца его взяли воры на Ельце на *розгроме*» (НД. С. 101 [№ 21, л. 39об]). Об этих событиях: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 155; *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 90, 108. Обзор известий источников и мнений историков о развитии Елецкого восстания см. в статье: *Рощупкин А.Ю.* «…пришли под град Елец и стояли под градом, но не смогли сделать граду…»…

[2] РЗ. С. 156. Ход событий реконструирован И.И. Смирновым и В.И. Корецким (*Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 150–156; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. С. 263–266), с которыми полемизирует в отдельных моментах В.Д. Назаров (*Назаров В.Д.* К начальной истории восстания под предводительством И.И. Болотникова. С. 155).

[3] Бельский летописец. С. 244 (л. 318об.). Ср.: «град же Рязань с пригороды и Тула и Кашира и иные городы Украинные царю Василью измениша и послаху в Путимль с повинными» (НЛ. С. 72); «…городы Украинные и береговые отложилис и в людех стала смута» (РЗ. С. 9); «Северская земля и Рязанское княжество не признали Шуйского государем» (*Мархоцкий Н.* История московской войны. С. 28); «…все грады Северские, и Шатцкие места и Резанские» (Иное сказание. Стб. 99); «…людие же в той в Северной стране и в украиных городех и на Резани осуетишася помыслы и забыта судеб божиих...» (Казанское сказание. Л. 263об.–264). См. также список восставших городов у И. Массы (*Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 168).

[4] Далее опираемся на данные трех источников: Карамзинский хронограф. С. 331; НЛ. С. 74; РЗ. С. 10.

убит сторонниками Лжепетра[1]. На расправу в Путивль «в 115 году в осени» (т.е. не ранее 1 сентября 1606 г.) прислали также московского дворянина кн. Г.С. Коркодинова из Переяславля-Рязанского. В 1604 г. он уже служил в Рязани в качестве воеводы, после чего отправился в Смоленск[2]. Среди «побитых по городам» указан и стольник кн. В.П. Тростенский – воевода Михайлова[3]. Эти лица – типичные «московские» назначенцы, не связанные с местным сообществом, которое легко избавилось от них с началом восстания против центральной власти. Однако линия раскола прошла не только между рязанцами и столичными воеводами, но и внутри локальной элиты. В Путивле убили также Н.В. Измайлова, привезенного из Зарайска, а его братья – стольники Т.В. и И.В. Измайловы – на некоторое время оказались в плену (**3.3.2**)[4]. Очевидно, не все представители рязанской верхушки воспринимались местным сообществом как «свои» и были готовы присоединиться к повстанцам.

В списке служилых людей, погибших от рук восставших, числится также выборный дворянин П.Г. Вердеревский[5] – один из наиболее состоятельных рязанских вотчинников (**2.3.2**). Осенью 1605 г. он, как уже упоминалось, находился в Переяславле-Рязанском в качестве начальника «малых» сил, причём занимал должность местного головы и годом ранее – совместно с кн. Г.С. Коркодиновым[6]. Родословная роспись Вердеревских сообщает, что после пребывания в Переяславле-Рязанском он «*был на Ельце воеводою*, и ево на Ельце …ляли [утрата текста – *И.К.*] изменники, там и положен»[7]. Указание на воеводский статус может быть преувеличением, характерным для родословцев, однако нет оснований не доверять информации о месте гибели, сохранённой как

[1] *Александров В.А.* Памфлет на род Сухотиных (XVII в.). С. 119.
[2] РК 1605. С. 65, 82.
[3] РЗ. С. 7, 79, 83, 139.
[4] Связь с отправкой Н.В. Измайлова (вероятно, также был стольником) в Путивль предположительна. В отличие от него, И.В. и Т.В. Измайловы сумели освободиться из плена (**3.3.2**).
[5] Карамзинский хронограф. С. 331.
[6] РК 1605. С. 65.
[7] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 160. Л. 3. Данное известие не было учтено нами ранее (*Кирпичников И.А.* Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605–1606 гг.) // Рязанская старина. 2009–2018. Рязань, 2019. Вып. 7–16. С. 24–44).

семейное предание. Возможно, П.Г. Вердеревский находился во главе одного из отрядов, собранных в Ельце для южного похода, и был убит летом 1606 г. в самом начале движения против Василия Шуйского. Такая версия объясняет формулировку «*на* Ельце», но предполагает, что упоминание рязанца в одном ряду с начальниками, «побитыми» в августе-сентябре в ходе очередного выступления, возникло по ошибке летописца. Другая, не менее вероятная гипотеза – гибель П.Г. Вердеревского *под* Ельцом во время осады города (или при отступлении от города) в рядах рати кн. В.К. Черкасского и Г.Ф. Сунбулова.

Рязанские силы в составе повстанческого войска («старейшиной» которого был выбран И. Пашков) возглавили местные выборные дворяне – Г.Ф. Сунбулов и П.П. Ляпунов[1]. Согласно «Карамзинскому хронографу», именно П.П. Ляпунов из Переяславля-Рязанского прислал в Путивль пленённого кн. Г.С. Коркодинова. Основываясь на известиях о расправах с воеводами, И.И. Смирнов полагал, что существовало два самостоятельных района выступлений рязанцев против Василия Шуйского – в армии (во главе с Г.Ф. Сунбуловым) и в городах Рязанского края (во главе с П.П. Ляпуновым). По мнению исследователя, события в них развивались параллельно, и если «сунбуловцы» сразу влились в войско И. Пашкова, то «ляпуновцы» присоединились к нему лишь впоследствии, под Коломной[2]. После появления монографии И.И. Смирнова вопрос о путях повстанцев к столице в августе-октябре 1606 г. превратился в одну из самых обсуждаемых проблем: при должном умении ответ позволял «правильно»

[1] О «начальниках» войска повстанцев см.: Карамзинский хронограф. С. 332; НД. С. 116 (№ 27). Об избрании И.Пашкова «старейшиной» см.: НЛ. С. 72. Первенство И. Пашкова по отношению к П.П. Ляпунову в походе указано в позднейшей челобитной, которая не упоминает Г.Ф. Сунбулова (НД. С. 327 [№ 186]). Распространенное в литературе именование Г.Ф. Сунбулова «предводителем тульской дворянской корпорации» (*Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: опыт государственного строительства). С. 145; *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 200; *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. С. 131) ошибочно и возникло, вероятно, как искаженная интерпретация концепции И.И. Смирнова о двух центрах («тульском» и «рязанском») восстания (см. о ней далее).

[2] *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 171, 174–178, 192.

определить «классовую природу» движения[1]. В свете нашей темы принципиальную важность имеет лишь один аспект этой длительной дискуссии: благодаря находкам В.И. Корецкого ясно, что силы И. Пашкова побывали на территории Рязанского края. Это делает гипотезу И.И. Смирнова о позднем соединении двух частей рязанских сил уязвимой: скорее всего, «сунбуловцы» вернулись в свой уезд и уже потом выдвинулись к Коломне[2]. Констатируем, что для уверенного утверждения о «двух центрах» рязанского восстания на сегодняшнем уровне знаний недостаточно данных: выступление против воевод могло произойти уже после того, как рать самовольно вернулась в Рязанский край. Важным аргументом в пользу этой версии служит тот факт, что начальник рязанской части войска кн. В.К. Черкасский успел оказаться Михайлове перед тем, как его вывезли в Путивль.

Рязанцы упоминаются разрядами в битве под с. Троицким Коломенского уезда в конце октября 1606 г. После этой победы силы И. Пашкова начали осаду

---

[1] См.: *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: опыт государственного строительства). С. 140–150; *Зимин А.А.* Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. С. 258–311; *Он же.* Новые документы по истории восстания И.И. Болотникова. С. 68–70; *Назаров В.Д.* К начальной истории восстания под предводительством И.И. Болотникова; *Овчинников Р.В.* Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII века в России; *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 96–160; *Смирнов И.И.* К истории восстания под руководством Болотникова. С. 110–116; *Он же.* О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века.

[2] См. известие о поместье в Пехлецком стане Ряжского уезда, которое запустело «от тех мест, *как с Ельца шол Пашков*» (*Корецкий В.И.* Новые документы по истории восстания И.И. Болотникова. С. 82, 80) и упоминание о приходе повстанцев в Рязанскую землю в грамоте Гермогена (ААЭ. Т. 2. СПб. С. 131 [№ 58]). С точки зрения В.И. Корецкого, И. Пашков шел от Ельца через Ряжск и Рязань – и именно на Рязанщине произошло объединение сил и «избрание» И. Пашкова (*Князьков С.Е.* Материалы к биографии Истомы Пашкова и истории его рода // Археографический ежегодник за 1985. М., 1986. С. 71; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. С. 264–265; *Назаров В.Д.* Пашков // БРЭ. М., 2014. Т. 25. С. 491–492). Р.Г. Скрынников видит в найденном известии лишь упоминание об одном из отрядов войска И. Пашкова: главные силы, по его мнению, шли прямо к столице, потерпели поражение под Серпуховым и только после этого перешли на Коломенскую дорогу. Там, как считает исследователь, и объединились силы И. Пашкова и рязанцев (*Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 101–109). Данная точка зрения встречает справедливые возражения (*Назаров В.Д.* К начальной истории восстания под предводительством И.И. Болотникова).

Москвы и вскоре соединились в её окрестностях с войском И.И. Болотникова[1]. Рязанские «дворяне и дети боярские» устойчиво фигурируют в качестве одной из главных частей армии повстанцев, причём «Новый летописец» указывает на их присутствие под Москвой «всем градом»[2].

В грамоте Гермогена сохранилась точная дата следующего ключевого шага рязанцев, который коренным образом изменил расстановку сил под Москвой: «*ноября в 15 день* … из Коломенского приехали к государю … с винами своими, рязанцы Григорей Сумбулов да Прокопей Ляпунов, а с ними *многие* дворяне и дети боярские»[3]. Независимый источник – расходная книга Рязрядного приказа – содержит указание на то, что за два дня до этого именно к *рязанцам* отправлялся посыльный «с грамотами»[4]. Картина перехода рязанских служилых людей на сторону Василия Шуйского запечатлена в письме А. Стадницкого из столицы: «…противная сторона впустила в город *пятьсот рязанцев*, желая испробовать своего счастья … Те, идя *отдельным полком* … знаками объявили о своей покорности великому князю»[5]. В последнее время предприняты попытки пересмотреть историю перехода рязанцев с опорой на разрядную запись и челобитную 1631 г. Согласно первой, сначала «переехали *Коробьины и иные Резанцы*», и только затем, когда И.И. Болотников «побежал в Калугу», состоялся переход «Истомы Пашкова *с Резанцы*»[6]. Челобитная же представляет произошедшее как переход небольшой группы рязанских служилых людей

---

[1] РЗ. С. 10, 89, 146. См. о хронологии: *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 115–116.

[2] НЛ. С. 72; ААЭ. Т. 2. С. 133; НД. С. 116 [№ 27], 126 [33]; Карамзинский хронограф. С. 332. «А как шел под Москву И. Пашков да П. Ляпунов с Резанью, с дворяне и с детьми боярскими…» (НД. С. 327 [№ 186]). См. также упоминания о «рязанцах» в разрядах: РЗ. С. 9–10, 89, 146, 156, 179, 219.

[3] ААЭ. Т. 2. С. 133 (грамота написана до 30 ноября).

[4] НД. С. 95 (№ 21). Вслед за П.О. Горбачевым стоит подчеркнуть, что факт обращения именно к рязанцам, а не к какой-либо другой части войска, весьма знаменателен (*Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в. С. 53).

[5] Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2006. С. 210. По русскому календарю это произошло, согласно письму, 16 ноября (см.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 267). С грамотой Гермогена совпадают также сведения о перешедших на сторону Василия Шуйского стрельцах.

[6] РЗ. С. 10.

(40 чел.) во главе с И. Пашковым и П.П. Ляпуновым[1]. Ситуацию далее запутывают иностранные источники, которые указывают, что И. Пашков оставил лагерь восставших также с *пятьюстами* сторонниками[2]. Неудивительно, что эти противоречивые свидетельства породили в литературе различные мнения: переходили ли рязанцы единовременно (вместе) или поэтапно (группами)? если второе, в какой момент перешла рязанская «верхушка» и как соотносился этот переход с «изменой» И. Пашкова? Была высказана точка зрения, согласно которой рязанцы «переезжали» в два этапа, причём сначала (15 ноября) небольшая группа, а затем (2 декабря, совместно с И. Пашковым) – основная часть[3].

Представляется, что для такого пересмотра логики событий недостаточно оснований. Упомянутые письмо А. Стадницкого и грамота Гермогена, а также царский указ от 25 ноября[4] написаны *до* «измены» повстанцам И. Пашкова и при этом недвусмысленно сообщают о *массовом* переходе рязанских служилых людей на сторону Василия Шуйского[5]. Едва ли можно уверенно полагаться на созданную спустя четверть века челобитную (из которой к тому же никак не следует, что автор, забывший про Г.Ф. Сунбулова, являлся очевидцем описываемых событий). Что касается разрядной записи, то формулировку «Истома Пашков с резанцы» можно считать или воспроизведённым «по инерции» устойчивым шаблоном, или свидетельством того, что некие «рязанцы»

---

[1] НД. С. 327 (№ 186).

[2] Английское донесение о восстании Болотникова. С. 554; *Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.)…. Стб. 121.

[3] *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в. С. 57; *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 177–178. См. также обсуждение этой темы: *Dunning C.S.L.* Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty. P. 308–309.

[4] «А резанцы дворяне и дети боярския Григорий Сунбулов, Прокофей Ляпунов с товарыщи, приехав к нам, добили челом и вину свою к нам принесли» (НД. С. 116 [№ 27]).

[5] Такую же логику можно найти и в летописных известиях: Карамзинский хронограф. С. 332; НЛ. С. 72. Обычно переход И. Пашкова датируется 2 декабря (см., напр.: *Князьков С.Е.* Материалы к биографии Истомы Пашкова и истории его рода. С. 72; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. С. 299). См. критическое мнение И.И. Смирнова: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 309–313 (он относит это событие к 26–27 ноября).

действительно оставались в окружении И. Пашкова[1]. Недавно в научный оборот введена послушная грамота Г.Ф. Сунбулову, которая позволяет пролить дополнительный свет на рассматриваемый вопрос. В ней указано, что Г.И. Кобяков «на *резанцов* доводил Истомки Пашкову и отаману, что оне хотят ехать к нам к Москве»[2]. Это известие подтверждает во-первых, что «рязанцы» (со своим главным воеводой Г.Ф. Сунбуловым) планировали перейти к Василию Шуйскому *независимо* от И. Пашкова, который тогда был ещё лоялен восставшим. Во-вторых, грамота о передаче вотчины другому владельцу, датированная *8 декабря*, подразумевает, что сам «изменник» Г.И. Кобяков так пока и не вернулся на сторону Василия Шуйского.

Не вдаваясь далее в обсуждение этой проблемы (как ясно из сказанного, мы склоняемся к версии о массовом переходе рязанцев 15 ноября), констатируем несомненный факт: к началу декабря большинство рязанских служилых людей оказалось на стороне Василия Шуйского. Судя по челобитной В.П. Ляпунова, они принимали участие в знаменитом бое под Коломенским 2 декабря 1606 г.[3]. Характерно, что в царских грамотах начала декабря рязанцы упоминаются в длинном ряду южных «дворян и детей боярских», которые «добили челом»: «*резанцы*, коширяне, туляне, коломничи, алексинцы, калужане, козличи, мещане, лихвинцы, белевцы, болховичи, боровичи … к нам все приехали»[4]. Этот перечень вновь напоминает об «украинном» контексте действий рязанского служилого «города».

---

[1] Ср.: «…Пашков, оскорбленный таким поступком, завел переговоры с царем Василием, получил от него знатные подарки и, явившись в Москве с боярами Касимовскими и Рязанскими, среди белого дня, объявил всенародно, что в Путивле никто не видал Димитрия…» (*Бер М.* Летопись Московская // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Т. 2. С. 82).

[2] АСЗ. Т. 3. С. 342 (№ 418).

[3] НД. С. 302 (№ 158).

[4] НД. С. 122 (№ 30). Чуть более поздний (9 декабря) вариант: «дворяне и дети боярские, рязанцы и коширяне, туляне и коломничи, олексинцы, колужане, козличи, мещане, лихвинцы, белевцы, медынцы, Ярославца Малого, боровичи, ружане, и иные многие украинные городы нам добили челом, и к нам все приехали, а в городах у себя многих людей воров побили, и живых к нам привели, и городы очистили» (ААЭ. Т. 2. С. 138 [№ 60]).

По мнению Р.Г. Скрынникова, «из местных [рязанских – *И.К.*] родовитых дворян *лишь единицы* участвовали вместе с Болотниковым в осаде Москвы»[1]. С этим заключением трудно согласиться. Как известно, переход рязанцев на сторону Василия Шуйского вызвал триумф в московском лагере; перешедшие были полностью амнистированы и постарались «забыть» об этом прошлом[2]. В таких условиях сохранившиеся материалы доносят лишь случайные упоминания о пребывании конкретных лиц в повстанческих рядах. Между тем, как показано выше, из источников следует, что в походе на Москву участвовал рязанский служилый «город» в полном составе («многие дворяне и дети боярские») во главе с местными выборными дворянами. Имеются прямые указания на участие в восстании Г.Ф. Сунбулова, П.П. Ляпунова, «Коробьиных» (подразумеваются, по-видимому, Семён и Василий Гавриловичи) и Г.И. Кобякова[3]. Конечно, не все представители местной элиты примкнули к повстанцам. От их рук погибли П.Г. Вердеревский и Н.В. Измайлов, ещё двое Измайловых оказались в плену. Известно, кроме того, что московский дворянин И.Н. Ржевский и думный дворянин А.В. Измайлов принимали участие в операциях против восставших[4]. В

[1] *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 126–128. По мнению исследователя, 500 перешедших «рязанцев» – это 40 городовых детей боярских (среди них – несколько «родовитых дворян»; число взято из челобитной А. Борзецова) и две сотни стрельцов, а также казаки и холопы.

[2] См. о прощении «вин»: ААЭ. Т. 2. С. 133; НД. С. 117 (№ 27). Характерный пример риторики участника повстанческого движения представляет собой челобитная В.П. Ляпунова 1626 г. по земельному спору, в которой отсутствует какая-либо биографическая информация между упоминанием о ранении под Кромами и об участии в победе над Болотниковым под Коломенским (НД. С. 302 [№ 158]). Наиболее вероятно, что все это время челобитчик пребывал с отцом в лагере восставших.

[3] В сохранившихся БС отсутствует.

[4] А.В. Измайлов в качестве третьего воеводы войска кн. М.В. Скопина-Шуйского принял участие в бою на р. Пахре еще до прихода повстанцев к Москве (РЗ. С. 9, 43; см. об этом столкновении: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 174–179). И.Н. Ржевский был в октябре – начале ноября 1606 г. вместе со стольником кн. Д.И. Мезецким назначен в поход «против смолян» к Можайску – т.е. для оказания помощи смоленскому отряду, шедшему к осажденной болотниковцами Москве. Однако И.Н. Ржевский так и не принял участия в походе: он затеял местническую тяжбу и был отозван в столицу, причем его оппоненту было специально «писано, что он взят не для мест, что били челом на Ивана ратные люди» (РЗ. С. 10, 43, 142, 206, 213, 216. См.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 276–278).

Записи расходной книги денежного стола Разрядного приказа содержат данные о «полоняниках» (или «выходцах», но так или иначе присутствовавших ранее в лагере восставших) – крестьянах и «людях» рязанских служилых. Один из них, «Григорьев человек

случае Измайловых доводы ex silentio могут иметь силу: следует предполагать, что участие в выступлении представителей столь видного рязанского рода отразилось бы в источниках. Однако речь идёт именно об *исключениях* из общей линии действий рязанского служилого «города», который осенью 1606 г. отказал столице в лояльности.

Важные сведения о происходившем в этот период на подконтрольной восставшим территории края содержит т. н. «Памфлет на род Сухотиных»: «Из Путивля он [Фёдор Сухотин – *И.К.*], приехав *на Резани*, Гаврила Коробьина и з женою повесил, а [в] Пронске Степанову жену Ляпунова, привезав к ней двое детей, посадил в воду, и многих людей казнил розною казнью»[1]. Принципиальным вопросом является датировка событий, описанных в этом сообщении. Обнаруживший памятник В.А. Александров отнёс их к августу-сентябрю, при этом подчёркивая «точно выдержанную» в «памфлете» хронологию[2]. Однако приведённое известие чётко отделено от сообщения о казни кн. В.К. Черкасского; сведениям об убийствах в Рязани предшествуют слова о появлении «вора Петрушки» в Путивле и присяге ему. На наш взгляд, это устанавливает вполне определённый terminus post quem: начало ноября 1606 г.[3]. Следующее предложение «памфлета» рассказывает уже о событиях января

Измайлова Фрол Константинов» посылался к рязанцам «з грамотами» (НД. С. 95); «под Коломенским» был пленен «Глебов человек Вердеревского Ивашка»; дважды упомянуты крестьяне А.В. Измайлова (НД. С. 96, 99). Вновь отметим, что прямые указания на деятельность конкретных рязанских служилых людей в рассматриваемый период в источниках, за редчайшим исключением, не обнаруживаются. Интерпретировать же известие об использовании «человека Измайлова» как свидетельство того, что «Измайловы перетянули рязанцев в царский стан» (*Павлов А.П.* К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты. С.132; *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 122), на наш взгляд, слишком смело.

[1] НД. С. 351 (№ 209). В росписи служб Коробьиных указано, что Г.В. Коробьин «был в Переславле Резанском и в Зарайску воеводою» (РРР. С. 157). Такие службы не отмечены в разрядах и могут относиться к начальному этапу Смуты.

[2] *Александров В.А.* Памфлет на род Сухотиных. С. 115, 119. К августу «с уверенностью» относит описанные события и П. О. Горбачев (*Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в. С. 50).

[3] О времени прибытия Лжепетра в Путивль см.: *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 339; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 147.

1607 г.[1]. Сам список убитых заставляет с сомнением отнестись к идее о том, что расправа могла свершиться раньше перехода рязанцев на сторону Василия Шуйского: убийство родственников Ляпуновых и Коробьиных, которые являлись видными сторонниками восставших в походе на Москву, было бы странным шагом. Куда более логичным видится предположение, что эти события произошли сразу после того, как рязанцы оставили лагерь восставших. При такой интерпретации текста они выглядят вполне объяснимой местью родственникам «изменников».

Самое раннее известие источников об обстановке на Рязанщине после поражения болотниковцев под Москвой – грамота от 9 декабря 1606 г., которая сообщает о посылке воеводам Г.Ф. Сунбулову и П.П. Ляпунову артиллерийского «наряда» из десяти подвод (под руководством рязанца И.[Т.] Бурцова): «А московские подводы отпустили б, *шли бы есте* с нашим нарядом *на Резань* [нашим] делом и земским промышляли, смотря по тамошнему делу, как вас Бог вразумит»[2]. Очевидно, на момент написания грамоты воеводы находились ещё на пути в Рязань. Второе заключение, которое можно сделать из этого документа – рязанские силы после победы под Коломенским были направлены в свой край во главе с теми же начальниками из местной элиты, которые ранее возглавляли их в повстанческом походе на Москву. Как следует из упоминания в расходной книге Разрядного приказа, вместе с рязанцами отправлялись также московские стрельцы[3]. Было ли оказано сопротивление в Переяславле-Рязанском, остаётся неясным, однако грамота 11 декабря о передаче поместья В.П. Ляпунову адресована уже «на Рязань». В качестве представителя власти в Рязани это распоряжение должен был выполнить П.(Д.) Сунбулов. Примечательно, что местным администратором оказался родственник главного воеводы, который ранее служил «с городом»[4].

---

[1] НД. С. 415 (прим. к № 209).
[2] НД. 124 (№ 32).
[3] НД. С. 99 (№ 21).
[4] При издании документа в описании поставлено отчество «Федорович» (НД. С. 127 [№ 34]) – но «Петр Федорович» в родословной росписи Сунбуловых отсутствует. В писцовых материалах

В челобитной 1626 г. В.П. Ляпунов упомянул о награждении за то, что с сеунчем «пригонял от отца своево с Резани, как *взяли Зарайский город*, и *Резань добила челом царю Василью*»[1]. Из этого можно заключить, что Зарайск был взят в очень короткий срок, а Рязань сопротивления вовсе не оказала. Однако если ранее остальные рязанские «пригороды» – Ряжск, Михайлов и Пронск – действовали совместно с уездным центром, то теперь ситуация коренным образом поменялась. Грамота 15 декабря, отправленная в Ряжск с призывом «принести вины» не возымела действия: местные повстанцы отказались присягнуть Василию Шуйскому и продолжали сопротивление[2]. Как сообщает «Новый летописец», царские воеводы попытались взять Михайлов, но потерпели неудачу и были вынуждены отступить в Переяславль-Рязанский. Судя по тексту известия, к Михайлову подошла помощь из других «украинных городов»[3]. Таким образом, вопреки триумфальным посланиям Василия Шуйского, в которых сообщалось об «очищении» городов[4], обстановка была значительно более сложной. Как будет ясно из дальнейшего, «замирение» крепостей, в которых оставались назначенные Лжепетром воеводы, заняло весьма продолжительное время, а установление полного контроля над регионом и вовсе оказалось недостижимым.

9 января 1607 г. «на Рязань» «к воеводе П. Ляпунову» и остальным служилым людям из Разрядного приказа был послан жилец И. Тютчев с

1590-х гг. фигурирует Петр *Дмитриевич* Сунбулов (владения в Окологородном стане «по духовной грамоте 117-го года» отошли к его племяннице Марии Федоровне Сунбуловой: ПКРК. Вып. 2. С. 681; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 93). Вероятно, служил по дворовому списку. В 1600–03 гг. упоминается в качестве осадного головы в Пронске, после чего «отпущон, а велено быть з городом на службе» (РК 1598–1604. С. 84, 115). Скорее всего, он являлся двоюродным или троюродным дядей Г.Ф. Сунбулова; родословная роспись не позволяет установить точное генеалогическое положение (единственный известный представитель рода с таким именем был на два поколения старше Г.Ф. Сунбулова, а его отец жил во времена независимости княжества).

[1] НД. С. 302 (№ 158).

[2] НД. С. 97 (№ 21). Ср.: НД. С. 167–168 (№ 48).

[3] НЛ. С. 73. Формулировки этой статьи «летописца» несколько путаны: «Об отходе от Михайлова города воеводам. Приидоша ж к Михайлову городу с Украинных городов на помочь. Михайловцы ж, вышед из града, и от града отбиша. Они же отойдоша в Переславль Рязанский». Помощь пришла скорее к восставшим, чем к осаждающим – местоимением «они», очевидно, обозначены воеводы (*Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. С. 275–276; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 340).

[4] НД. 122 (№ 30) (5 декабря).

наградными золотыми и стрелецким жалованьем[1]. Спустя месяц (8 февраля 1607 г.) на должности рязанского воеводы упоминается уже боярин кн. Ф.Т. Долгоруков[2]. В позднейшем местническом деле указано, что при нём продолжал находиться П.П. Ляпунов[3]. Согласно «Новому летописцу», уже упомянутое поражение под Михайловым потерпел воевода кн. И.А. Хованский, специально посланный туда «на воров» по снятии осады со столицы[4]. После отхода в Переяславль-Рязанский «царь … повеле Ивану Хованскому быти к Москве, а в Переславль послал на его место князя Бориса Михайловича Лыкова да Прокофия Ляпунова»[5]. Разряды о присутствии в крае кн. И.А. Хованского не упоминают, но если изложенный хронологический ряд верен, неудачный поход на Михайлов мог произойти между серединой февраля и концом апреля 1607 г.[6].

Рязанские служилые люди были привлечены к операциям на удалённом театре военных действий только весной 1607 г. Царская грамота от 3 мая, адресованная воеводе боярину кн. Б.М. Лыкову, позволяет рассмотреть сложности, которые возникли в связи с мобилизацией местных сил[7]. Судя по тексту, это послание «на Рязань» являлось как минимум третьим по счёту. Дело в том, что рязанцы систематически не подчинялись приказанию выйти со своими

---

[1] НД. С. 99 (№ 21).

[2] В расходной книге Денежного стола Разрядного приказа: «Февраля в 8 день … Послан на Резань к боярину и воеводе ко князю Ф.Т. Долгорукову с грамотами» (НД. С. 101).

[3] «Во 115 году был в Переславле Рязанском боярин кн. Ф.Т. Долгорукий да … П.П. Ляпунов» (ДР. Т. 1. Стб. 985). Ю.М. Эскин полагает год неверным (*Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков. С. 93), однако наличие независимого свидетельства позволяет с доверием отнестись к местническому упоминанию.

[4] Об отправке воевод см.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 340.

[5] НЛ. С. 73. Упоминание о «посылке» П.П. Ляпунова можно считать формальностью, поскольку он, вероятно, и так находился в крае.

[6] Т.е. в период между упоминаниями кн. Ф.Т. Долгорукого и кн. Б.М. Лыкова (впервые упоминается в начале мая, см. далее) на позиции рязанских воевод. Известие о поражении под Михайловым приведено в НЛ после рассказа об очередной неудаче правительственных войск под Калугой (январь-февраль) и перед упоминанием отступления от Венева, а также победы под Выркой (вторая половина февраля 1607 г.) (НЛ. С. 73; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 335–338, 374).

У целого ряда рязанцев фигурируют придачи за «михайловскую службу»: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 13. Л. 85 (И.Н. Сунбулов); НД. С. 303 (№ 158) (В.П. Ляпунов); НД. С. 287 (№ 141) (стрелецкий сотник Д. Константинов). В последнем случае известно, что придача была получена до составления «поместного столпа» 115 [1606/07] г. Такое уточнение позволяет отождествить «михайловскую службу» с неудачным походом воеводы кн. И.А. Хованского.

[7] НД. С. 161–163 (№ 43). Общий военный контекст см.: Там же. С. 384.

воеводами к Кашире (на соединение с войсками кн. А.В. Голицына), откуда им предстояло направиться к Алексину и далее Калуге. Сначала кн. Б.М. Лыкову было предписано идти в Каширу «со всеми людьми и с татары»[1], оставив только небольшие гарнизоны в Переяславле-Рязанском и Зарайске[2]. Данное распоряжение вызвало сопротивление: «Дворяне и дети боярские рязанцы и ряшеня всех станов вас [воевод – *И.К.*] из Переславля *не пустили, и сами с вами в поход не пошли ни один человек*». Согласно следующему указу, необходимо было отправить уже только половину наличных сил – 800 «лучших» рязанцев и 300 татар с воеводами Ф.Ю. Булгаковым и П.П. Ляпуновым. Сам кн. Б.М. Лыков должен был остаться в крае во главе тысячи рязанцев, ряшан, владычных детей боярских и татар «для обереганья от воров резанских мест». Данный указ также не был исполнен.

Третья грамота (она и сохранилась в архиве Разрядного приказа) предлагала собрать и немедленно отправить в поход уже 500 «лучших и средних» рязанцев (т.е. ещё раз уменьшить их количество) и 500 татар. Остальные служилые люди могли остаться с кн. Б.М. Лыковым, и он должен был впоследствии прислать их роспись в Москву. По своему тону послание напоминает скорее просьбу и содержит обещание, что «в Олексине и в Колуге [рязанцам предстоит – *И.К.*] побыть немногое время, как с воры дело минетца, и *мы их тотчас велим опять на Рязань отпустить*». Стольник И.В. Измайлов, прибывший с грамотой, должен был принимать участие в увещеваниях и отборе местных дворян и детей боярских. Особый интерес представляет предположение, что некоторые из рязанцев «*не похотят* быть с Фёдором [Булгаковым – *И.К.*] да Прокофьем [Ляпуновым – *И.К.*]». Таким служилым людям следовало лишь дойти до Каширы в составе собранного отряда, а затем половина дворян и детей боярских должна была перейти в распоряжение кн. А.В. Голицына.

[1] Речь шла об отрядах бордаковских, касимовских и арзамасских татар с головами, которые находились на территории уезда.

[2] Грамота дает дополнительное подтвеждение факта, что правительственные силы не контролировали в этот период другие центры края.

Рассмотренный документ показывает, что рязанский «город» представлял собой весьма самостоятельную и даже своенравную силу. Правительство Василия Шуйского не располагало инструментами, при помощи которых можно было рязанцев к выполнению прямых распоряжений центра. Неудивительно, что боярин кн. Б.М. Лыков оказался бессилен, столкнувшись с отказом дворян и детей боярских отправиться в поход. Едва ли случайно, что для доставки указа и уговоров был выбран именно И.В. Измайлов, известный рязанцам. Стремление служилых людей не покидать свой край вполне объяснимо: значительная часть территории уезда находилась в руках повстанцев, которые после ухода основных сил могли захватить Переяславль-Рязанский и Зарайск. Грамота содержит, кроме того, отголоски внутренних конфликтов в локальном сообществе: весьма примечательно возможное нежелание части рязанцев оказаться под руководством отдельных воевод из состава местной элиты. Наконец, переписка позволяет предполагать, что списочный состав рязанского «города» перестал соответствовать реальному мобилизационному потенциалу края. К сожалению, источники не позволяют оценить реальное количество служилых людей, на которое в новых условиях могли рассчитывать местные воеводы.

Предписания третьей грамоты были, наконец, исполнены, и рязанские служилые люди во главе с Ф.Ю. Булгаковым и П.П. Ляпуновым присоединились к войску кн. А.В. Голицына. В одной из разрядных записей указано, что это произошло вскоре после Николы Вешнего (9 мая)[1]. По данным «Карамзинского хронографа», спустя некоторое время в Каширу «на помочь с ратными людьми» прибыл также воевода кн. Б.М. Лыков[2]. Неизвестно, каким образом боярину удалось уговорить оставшихся дворян и детей боярских покинуть свой край. Фактически оказался реализован максимальный план мобилизации рязанских

[1] РЗ. С. 157.

[2] Карамзинский хронограф. С. 335. Другие источники не разделяют два этапа прибытия рязанского войска. В «Казанском сказании» кн. Б.М. Лыков послан царем вместе с кн. А.В. Голицыным, а П.П. Ляпунов идет «на помощь» из Рязани с рязанским войском (Казанское сказание. С. 120). Согласно же НЛ, от Рязани было указано идти «боярину кн. Б.Лыкову со всеми ратными людьми» (НЛ. 75).

служилых людей, сформулированный в самом первом из царских указов. Практически все боеспособные рязанцы ушли в поход[1].

Обратим внимание, что рязанский отряд, направленный в Каширу, в качестве воеводы возглавил местный выборный дворянин Ф.Ю. Булгаков, недавно прибывший из Сибири[2]. Во всех источниках он упоминается перед П.П. Ляпуновым, которого значительно превосходил по родовому статусу. По некоторым данным, Ф.Ю. Булгаков даже затеял рискованный местнический спор с боярином кн. Б.М. Лыковым[3]. В нескольких разрядах – вероятно, ошибочно – на второй позиции среди рязанских начальников указывается также Г.Ф. Сунбулов, получивший чин московского дворянина (**3.3.2**)[4]. Итоговая организация войска А.В. Голицына передается различно: кн. Б.М. Лыков был то ли вторым воеводой, к которому «сходились» рязанцы, то ли одним из «сходных» воевод[5].

Рязанцы сыграли решающую роль в битве на р. Восме 5–7 июня, закончившейся сокрушительным поражением войск И.И. Болотникова. По сообщению «Карамзинского хронографа», силы Ф.Ю. Булгакова и П.П. Ляпунова переломили ход сражения своей атакой[6]. К рати был прислан уже упоминавшийся

---

[1] На уход всех боеспособных рязанских дворян и детей боярских указывает не только факт прибытия к войску воеводы кн. Б.М. Лыкова, но и то, что в Рязани не оказалось сил для борьбы с повстанцами (НД. С. 177; см. об этом далее).

[2] РК 1605. Т. 4. Ч. 2. С. 54; БС 1602/03. С. 267; БС 1606/07. С. 144.

[3] РЗ. С. 91, 157. Ю.М. Эскин обращает внимание на то, что данный случай был примером типичного для XVII в. «конфликта верхов корпорации со вторым воеводой». Хронология деятельности Ф.Ю. Булгакова в исследовании несколько искажена (*Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков. С. 104–105).

[4] РЗ. С. 91, 157, 185. Данное упоминание сомнительно. Во-первых, Г.Ф. Сунбулов не упоминается в царской грамоте, рассмотренной ранее. Во-вторых, московский дворянин оказался в нетипичной для этого чина позиции второго воеводы, к тому же будучи подчинен выборному дворянину Ф.Ю. Булгакову. В-третьих, Г.Ф. Сунбулов не упоминается ни среди награжденных за бой на р. Восме (РЗ. С. 45), ни в «сказке» Д. Нечаева (НД. 314).

[5] 1) «На Кашире были бояре и воеводы: кн. А. Голицын да кн. Б. Лыков; да с Рязани воеводы: Ф. Булгаков, да Г. Сунбулов, да П. Ляпунов. А велено им быть в сходе с боярином с кн. А. Голицыным да с кн. Б. Лыковым; и Ф. Булгаков в съезд не ездил для боярина кн. Б.М. Лыкова» (РЗ. С. 91, 157, 185); 2) «в большом полку воеводы кн. А. Голицын да Г. Пушкин, да сходные воеводы кн. Б.Лыков да Ф. Булгаков-Денисьев да с резанцы воевода П. Ляпунов» (РЗ. С. 45, 214). В одном из разрядов Ф.Ю. Булгаков указан в ертоуле с кн. В.Ф. Литвиновым-Мосальским, что маловероятно (*Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков. С. 92). Ср. также: Бельский летописец. С. 246.

[6] См. анализ боя: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 437 (датировка), 440–442. Известия источников: «И воровские казаки из боярака из ружья стреляли по резанцом и людей

стольник И.В. Измайлов, который привёз награды для всех участников битвы[1]. Далее рязанские служилые люди в составе войска А.В. Голицына отправились под Тулу и в 30 верстах от города присоединились к трёхполковой рати кн. М.В. Скопина-Шуйского[2]. После победы над болотниковцами в битве на р. Воронья (12 июня), с сеунчем о которой был отправлен И.Н. Сунбулов, этот передовой отряд правительственных войск подошёл к Туле[3].

Рязанские дворяне и дети боярские, несомненно, принимали активное участие в четырёхмесячной осаде, но данных об этом не сохранилось[4]. И.И. Смирнов обратил внимание на челобитную, в которой упомянуто об успешном «печаловании» П.П. Ляпунова перед царём за арзамасского помещика против дьяка А. Иванова[5]. Дело происходило под Тулой, однако этим свидетельством имеющаяся информация о пребывании рязанцев в царском лагере ограничивается. Благодаря случайным упоминаниям известно, что рязанская рать посылалась (вероятно, на завершающем этапе осады) к Гремячему и Епифани. В

ранили и самих и лошедей побивали и прося у Бога милости резанцы покиня тех воров назад скочили всем полком к речке к Восме и сотнями, которые с воры билися, напустили единомышленно за речку за Восму на воров, и воры не устояли побежали» (Карамзинский хронограф. С. 335). «В то же время идущи с Резани и царю Василью на помочь Прокопей Лепунов с резанскими бои, еще же ему не дошедшу царева полку, царь же повелевает ему с вельможами итти во стретение вором. И тако снидошася с ними на брань царевы вельможи близ Коширы на Осме реке, и бысть сеча велика, и божиею милостию победиша врагов много, побита конников 16000, пеших же 3000 и 600» (Казанское сказание. С. 121).

О том, как «побили бояря на коширском бою на Восме князь Ондрей Васильевич Голицын с товарищи князя Ондрея Телятивского» упоминал в позднейшей челобитной В.П. Ляпунов (НД. С. 302 [№ 158]). «На восемском бою» погибли рязанцы П.А. и Г.А. Таптыковы (РРР. С. 198). Свидетельство о сражении можно найти также в сказке рязанца Н.П. Беклемишева, который потерял на Восме коня (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 890. Л. 352).

[1] РЗ. С. 91, 157. Упоминание в некоторых разрядах «стольника М. С. Измайлова» (РЗ. С. 45, 206) – вероятно, ошибка (3.3.2).

[2] Карамзинский хронограф. С. 336; РЗ. С. 11, 118, 157–158, 173. О разряде см.: *Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков. С. 91.

[3] О придаче к окладу за сеунч И.Н. Сунбулову: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 13. Л. 85. Об участии в бое на Вороньей и «тульской службе» сообщал В.П. Ляпунов, который, вероятно, состоял при отце (НД. С. 302 [№ 158]).

[4] О тульской службе ряшан сообщается в челобитной 1648 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 30. Л. 261.

[5] «И как … царь Василей был под Тулою, и по печалованью … Прокофья Ляпунова то поместье … [утрата текста – *И.К.*] Андрея велено у него [дьяка А. Иванова – *И.К.*] взять и отдать назад Плакиде Панову…» (Арзамасские поместные акты. С. 440; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 405–406). Дьяк А. Иванов был связан с рязанскими кн. Волконскими (*Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 30).

обоих случаях её возглавляли Ф.Ю. Булгаков и П.П. Ляпунов[1]. Отметим, кроме того, что фрагменте поминальной «памяти», присланной в Успенский собор для занесения в синодик, совместно записаны имена рязанских выборных дворян Г.(В.) Вердеревского и И.(Т.) Бурцова, погибших в боях этого периода[2]. После взятия Тулы 10 октября 1607 г. Василий Шуйский «резанцов велел всех отпустить по домом и пришел к Москве с радостию великою, что врагов изменников своих победил»[3].

3.2.2. Центр против пригородов: противостояние в Рязанском уезде (1607–1609)[4]

Что происходило на территории Рязанского края в период между маем и октябрем 1607 г., когда большинство местных дворян и детей боярских участвовали в боевых операциях за пределами уезда? Напомним, что ранее, зимой 1606–07 гг., рязанские служилые люди смогли установить контроль над Переяславлем-Рязанским и Зарайском, но были отбиты от Михайлова. В руках повстанцев оставались также два других ключевых региональных центра –

---

[1] Гремячий: РЗ. С. 12, См.: *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России. С. 35; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 454–455. Епифань: «…Да он же [Д. Нечаев – *И.К.*] посылан был ис Переславля с Самсоном Чевкиным под Михайлов, и под Михайловым ранен рогатиною в спину. Да как царь Василей стоял под Тулою, и он посылан был с Ф. Булгаковым да с П. Ляпуновым под Епифань, и под Епифанью ранен из лука в левое плечо…» (НД. С. 314; порядок изложения событий во всей челобитной таков, что самые ранние указаны в конце, самые поздние – в начале). Возможно и то, что посылка к Епифани состоялась в первые месяцы осады, т. к. автор данной сказки успел и побывать под Епифанью, и принять участие в осенних событиях в Рязанском крае. Он мог также вернуться домой прежде основной рати из-за ранения или вместе с отрядом З.П. Ляпунова (см. об этом далее).

[2] *Станиславский А.Л.* Брянский край и восстание Болотникова. С. 24. По предположению А.Л. Станиславского, «в верхней часта листа, до заголовка, перечислены дворяне, погибшие, по–видимому, во время восстаний Болотникова в боях за Угрой, в нижней – дворяне, убитые под Брянском». И.(Т.) Бурцев, указанный в верхней части, согласно памяти 1616 г. также погиб под Брянском (РИБ. Т. 15. С. 19–20). Кроме того, под Тулой погибли М.И. и М.В. Селивановы (РРР. С. 151; *Селиванов А. В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых, ведущих свое начало от Кичибея. Ч. 1. С. 2–3). Там же рязанца В.Ф. Маслова «на выласке убили изменники» (АСЗ. Т. 3. С. 245 [№ 275]).

[3] Карамзинский хронограф. С. 338. О роспуске войск см.: *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 2. С. 100–101.

[4] При подготовке данного подпараграфа диссертации использована публикация автора: *Кирпичников И.А.* «Воевода и властель Резанские страны»: Рязань под управлением Прокопия Ляпунова.

Пронск и Ряжск. Для рязанских дворян и детей боярских, сохранявших лояльность правительству, это означало прежде всего невозможность получения дохода, захват и «разорение без остатка» поместий и вотчин, разбросанных по разным станам уезда[1].

Единственный источник, который проливает свет на события, происходившие в уезде летом 1607 г. – царская грамота 29 июня, уведомлявшая членов Боярской думы о последних по времени успехах[2]. Василий Шуйский объявлял, в частности, что присягу принесло население Ряжска во главе с воеводой кн. И.Л. Мосальским: «…и дворяня, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и пушкари, и всякие посадские люди нам добили челом, и челобитные повинныя … прислали». Этот длинный чиновный перечень показывает, между прочим, что повстанческое движение нашло широкую поддержку у самых разных социальных слоёв. Назначенные в Ряжск воевода Н.(А.) Плещеев и голова Ф.(В.) Чубаров сумели овладеть также Песочней и Сапожком[3]. Михайлов не покорился, хотя местные «воровские» начальники, поставленные Лжепетром – кн. Ф. Засекин и каширский выборный дворянин Л. Фустов – уже перешли на сторону правительства вместе со стрелецкими сотниками[4].

В июньской грамоте на позиции рязанского воеводы упоминается выборный дворянин Ю.(И.) Кобяков – значит, после ухода главных сил город возглавил выходец из локальной элиты. Указ 15 октября 1607 г. – следующий по времени источник, содержащий сведения о ситуации в крае – адресован уже

---

[1] Упоминания о разорении частновладельческих земель повстанцами в этот период см.: *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 2. С. 29; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 498–500.

[2] НД. С. 168.

[3] В апреле – начале мая 1607 г. эти воеводы упоминаются еще в Шацке (Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 256, 258, 265 [№ 102]). С боями за Ряжск этого периода, вероятно, связана гибель И.В. Селиванова (АСЗ. Т. 3. С. 310 [№ 383]). В одной из сказок мещерского дворянина упоминаются «ряская» и «песоченская» службы (НД. С. 211 [№ 93]).

[4] Об этих «воровских» воеводах см.: НД. С. 376–377 (док. 21, прим. 27), 385 (док. 48, прим. 4). Обратим внимание на судьбу «колодника» кн. И. Солнцева-Засекина, который 1 мая 1607 г. был прислан «с Резани в измене» и спустя ровно месяц был отправлен с недельщиком обратно «для вершенья» (т.е. для казни) (Там же. С. 106).

присланному из столицы Ю.Г. Пильемову[1]. Царская грамота написана в ответ на просьбу о помощи, в которой воевода ярко охарактеризовал положение дел в уезде: «В Рязанских местах *во многих местех* … воры, пронские и михайловские мужики, воюют от Переславля в двадцати верстах, а… за теми воры *посылать некого*». Как справедливо заметил И.И. Смирнов, это донесение показывает, насколько картина «всеобщего обращения», нарисованная в июньской грамоте, была далека от реальности[2]. «Замирения» края не произошло, и он по-прежнему оставался ареной локальных столкновений; Пронск и Михайлов, очевидно, так и не перешли пока под правительственный контроль. Как и предполагали рязанские дворяне и дети боярские, когда отказывались покидать регион (**3.2.2**), прямая угроза существовала и для главного центра – Переяславля-Рязанского. В отсутствие достаточного количества военных сил рязанский воевода был бессилен изменить ситуацию. Согласно царскому указу, на помощь ряжский воевода З.П. Ляпунов должен был отправить голову С. Чевкина с сотней. Ю.Г. Пильемову предписывалось «собрав … в прибавку всяких людей», послать сотню «тех мест от воров оберегати и за воры ходити, и над ними нашим делом промышляти». Посылка сотни на Михайлов действительно состоялась, о чём свидетельствует случайное упоминание в сказке конца 1620-х гг.[3]. Овладеть городом, вероятно, так и не удалось[4].

Как можно предполагать, рязанские служилые люди вернулись во второй половине октября – начале ноября 1607 г., застав уезд в по-прежнему состоянии анархии. Ю.Г. Пильемов больше не упоминается в крае, зато известно, что 20 ноября 1607 г. к воеводе, уже думному дворянину (**3.3.2**), П.П. Ляпунову «на

[1] Юрий Григорьевич Пильемов-Сабуров – московский дворянин. В 1605 г. первый воевода «для осады» в Ряжске (РЗ. С. 4), затем перешел на сторону Лжедмитрия I и присутствовал на его свадьбе (С. 80). В 1590-е гг. располагал поместьем в Каменском стане Рязанского уеда. Впоследствии получил эту землю в вотчину за «царя Василия осадное сидение»; в 1618 г. она в качестве приданого перешла к кн. А.А. Голицыну (ПКРК. Вып. 1. С. 80, 368; Вып. 3. С. 1222).

[2] *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 344.

[3] НД. С. 314. В этой «посылке» Д. Нечаев, автор сказки, получил очередное ранение. Повторно отметим, что этот сын боярский успел и побывать под Тулой, и принять участие в операциях сотни С. Чевкина. Возможно, он был отправлен из тульского лагеря вместе с З.П. Ляпуновым.

[4] Указная грамота 9 мая 1608 г. позволяет предполагать, что когда Лисовский появился в крае, правительственные силы не контролировали Михайлов (АСЗ. Т. 4. С. 203 [№ 274]).

Рязань» от царя был прислан сын Владимир с похвалой за службу, богатыми пожалованиями[1] и разрешением «побыть» у отца неделю[2]. Спустя несколько дней (24 ноября) из стана Василия Шуйского была отправлена ещё одна грамота, которая содержит пространную похвалу рязанскому воеводе: «Работы твоей и добродеяния к нам числа нет, а по своему разуму ведаешь и сам, что правда и что неправда … И ты б и впредь по своему разуму, как начал, так бы и совершал, как тебя Бог вразумит… А мы не токмо рады тебя жаловать – и любить всем сердцем». Поводом для написания указа в столь лестных выражениях стала переписка П.П. Ляпунова с касимовским царевичем, о которой он отчитался постфактум. Грамота заканчивалась обещанием прислать «зелье и свинцу»[3]. Таким образом, сразу после возвращения П.П. Ляпунов снова на некоторое время снова стал единоличным рязанским воеводой. Примечательно, что в феврале 1608 г. он «сказывал» окольничество А.В. Измайлову – очевидно, приехав для этого в столицу[4].

Следующие известие о событиях в крае относится к весне 1608 г. По данным «Карамзинского хронографа», в этот период рязанскими воеводами были кн. И.А. Хованский (появился здесь повторно «с Десны») и П.П. Ляпунов, при которых состояли «рязанцы всех станов»[5]. С кн. И.А. Хованским находился также отряд из «лучших» дворян и детей боярских из Арзамаса[6]. Воеводы организовали поход на Пронск, но овладеть городом не удалось: «…острог взяли, и в остроге

[1] «Камка золотная, сорок соболей, кубок золочан, чатыре чарки серебряные, ковш серебряный. А деньги – пятьдесят рублев – велели взять из наших доходов на Рязани. А аргамак в наряде: как … увидишь наши царские очи, тогда тебя пожалуем».

[2] АСЗ. Т. 4. С. 202 (№ 272). Заключение, что В.П. Ляпунов «в период всего движения И. Болотникова [находился] при Василии Шуйском» необоснованно: скорее он выступал связным между царем и рязанскими силами. В.П. Ляпунов принимал участие в бою на р. Восме (т.е. был в рязанском отряде, а не при царе, который подошел с ратью к Туле позднее) и Вороньей (НД. С. 302).

[3] АСЗ. Т. 4. С. 202–203 (№ 273). Грамоту традиционно относили к ноябрю 1608 г. (в поздней копии указан «117-й» год), исправлено А.В. Антоновым по списку конца XVII в.

[4] РЗ. С. 97, 187.

[5] Карамзинский хронограф. С. 340; АСЗ. Т. 4. С. 203 (№ 274). Показательно, что первым назван кн. И.А. Хованский, хотя он, в отличие от П.П. Ляпунова, думного чина не имел (*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 179).

[6] «Карамзинский хронограф» сообщает о 250 дворянах и детях боярских. По данным НЛ, арзамасцев было больше: только в последующем бою их погибло 300 человек (НЛ. С. 80).

дворы выжгли, и к городу Пронску приступали и немного городу не взяли, из города ранили из пищали воеводу Прокофья Лепунова по ноге, и от города воеводы и ратные люди отошли прочь». Судя по отправке сеунча в Москву, результаты похода были сочтены успешными[1]. Раненого П.П. Ляпунова по возвращении в Переяславль-Рязанский заменил его брат Захарий, ранее бывший воеводой в Ряжске.

Поход на Пронск вписывался в общую линию попыток установить контроль над территорией уезда, которые рязанские воеводы последовательно предпринимали с момента перехода на сторону Василия Шуйского. Однако весной 1608 г. расстановка сил в регионе неожиданно изменилась: на территории Рязанского уезда появилось войско А.Ю. Лисовского. Главной целью экспедиции «лисовчиков», как предполагают исследователи, была не столько помощь местным повстанцам, сколько мобилизация дополнительных сил и дальнейшее продвижение к столице[2]. Несмотря на это, ситуация для рязанских воевод явно стала критической. Царская грамота 9 мая 1608 г. уведомляла кн. И.А. Хованского и П.П. Ляпунова, что Лисовский обосновался в Михайлове и «хочет идти к Переславлю на осаду». Эти сведения сообщили «выходцы и полоняники, которые … *взяты в полон в Ряском*, как приходили воры в Ряской и Остроухов»[3]. Как ясно из позднейшей челобитной ряшан, правительственные силы утратили контроль и

[1] В ходе местнического дела 1676 г. Л.В. Ляпунов заявлял, что у него сохранилась грамота о том, как в «116-м году» к Василию Шуйскому «с Резани от воевод от князя Ивана Андреевича Хованского да от деда моего от думного дворянина от Прокопия Петровича Лепунова *Осип* Измайлов ездил со списками» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 532. Столпик 5. Л. 109; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 67; *Он же.* Описание подлинных местнических дел. С. 161–163). Известен торопецкий помещик с таким именем (*Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа. С. 328), но скорее всего «Осип» – искаженное имя одного из рязанских Измайловых (возможно стольника Ивана, который неоднократно посылался к рязанским воеводам ранее) (**3.2.1**).

[2] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 234; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 246; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. С. 23; Т. 2. С. 80–81. Впрочем, Й. Будило указывает, что Лжедмитрий II отправлял А.Ю. Лисовского «от Орла в Михайлов» (*Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.)…. Стб. 137). О феномене «лисовчиков» см.: *Davies B.L.* The Lisovchiki in Muscovy, 1607–1616 // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 71–77.

[3] АСЗ. Т. 4. С. 203 (№ 274).

над Ряжском. Местные служилые люди сначала сели в «осаду», а затем «Лисовской Ряской город взял и отцов и братьев наших побил, а матерей и жон и детей наших в полон поимал. А отцы, государь, наши и мы, холопи твои, каторыя из Ряского из асады ушли многия ранены к Москве, при царе Василье Ивановиче всеа Русии на Москве в осаде сидели»[1].

Вопреки прогнозам, Лисовский пошёл не на Переяславль-Рязанский, а на Зарайск и овладел городом. Сомнительно, что «лисовчики» смогли приступом взять каменную крепость – скорее всего, жители сами открыли ворота[2]. В поход на Зарайск выступила рать рязанцев и арзамасцев, которую возглавили кн. И.А. Хованский[3] и З.П. Ляпунов. Последовало катастрофическое поражение правительственных сил: «Лисовской со всеми людми из города вышел на бой и с резанцы и с арзамасцы был у нево бой и резанцов и арзамасцев побил и многих живых поимал»[4]. «Новый летописец» сообщает, что «единых [одних только – *И.К.*] арзамасцов убиша на том бою триста человек», и возлагает главную вину за случившееся на З.П. Ляпунова, который действовал «с пьяна»[5]. После этого оставшиеся арзамасцы были отпущены в Москву[6].

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 30. Л. 262.

[2] *Зорин А.В.* Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. 2012. № 3. С. 22.

[3] НЛ умалчивает об участии кн. И. Хованского в походе (НЛ. С. 80), но он упоминается в сказке Д. Нечаева (НД. С. 314). Это тем более логично потому, что основные потери понесли находившиеся с кн. И. Хованским арзамасцы.

[4] Карамзинский хронограф. С. 340.

[5] НЛ. С. 80. См. известия о гибели под Зарайском арзамасцев (Арзамасские поместные акты. С. 337, 374, 396, 555) и рязанцев (АСЗ. Т. 2. С. 221 [№242], 227 [№ 251]; *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века. С. 75, 77).

[6] Карамзинский хронограф. С. 340.

Реконструкция хронологии похода «лисовчиков» является проблематичной из-за недостаточности источниковых сведений. Мы предложили лишь один из возможных вариантов, при котором царская грамота 9 мая предшествует «зарайскому побоищу». Главное основание для такой логики – предполагаемый маршрут отряда А.Ю. Лисовского, который должен был двигаться с юго-запада (из Орла) через Михайлов и далее в Зарайск и Коломну (см. схему: *Зорин А.В.* Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени. С. 21). Судя по содержанию рассмотренной грамоты, ее основная цель – сообщить о появлении Лисовского в Михайлове и спланировать подготовку к осаде Переяславля-Рязанского. Если бы столкновение уже произошло, эта информация утратила бы актуальность. «Зарайское побоище», если относить его ко времени после написания грамоты, являлось попыткой «упреждающего удара» по только что занятому Лисовским Зарайску (ср. схожую интерпретацию у С.Ф. Платонова: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 234). В

Известий о том, что происходило в крае в период после «зарайского побоища» и до ухода Лисовского, не сохранилось. Поражение рязанских сил означало, что завоёванные ранее позиции полностью утрачены, и регион (во всяком случае, западная часть Рязанщины) фактически перешёл под контроль повстанческих отрядов. «Лисовчики» так и не попытались овладеть уездным центром и, накопив силы, в июне захватили Коломну. Рязань на некоторое время оказалась отрезанной от столицы. 27 июня 1608 г. «черкасы, литовские люди и воры украинных городов многие» потерпели сокрушительное поражение от царских воевод на переправе через р. Москву[1]. Сам А.Ю. Лисовский сумел избежать плена с «невеликими людми» и, как считается, через Рязанский край «совершил глубокий рейд вдоль степной границы России и вышел в окрестности Нижнего Новгорода и Владимира»[2].

В условиях осады столицы тушинцами (июнь 1608 – март 1610 г.) Рязанский край приобрёл особое стратегическое значение для правительства,

---

литературе представлен и альтернативный вариант хронологии, при котором Зарайская битва предшествует царскому посланию и относится к апрелю (*Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 62). Не выдерживает критики реконструкция, предложенная П.О. Горбачевым, который причудливо смешал известия НЛ о совершенно разных периодах Смуты (*Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в. С. 69–70).

Память о «зарайском побоище», то и дело актуализирующаяся вокруг возведенного А.Ю. Лисовским «для своей славы» кургана – увлекательный сюжет для исследования в жанре memory studies. Заслуживает внимательного изучения история появления «точной» даты сражения (30 марта 1608 г.), которая зафиксирована на мемориалах и широко представлена в публичном поле, но не обнаруживается в источниках. Кроме того, нуждается в прояснении вопрос о том, существовала ли связь между «зарайским побоищем» и строительством Благовещенской церкви («по челобитью чернослободцках тяглых людей Сенки Казанца с товарищи … во 122 году»). Мы рассчитываем в свое время представить исследование этих проблем.

[1] НЛ. С. 81; РЗ. С. 15. Из плена был отбит, среди прочих лиц, протопоп Зарайского Никольского собора.

[2] *Зорин А.В.* Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени. С. 21, 25; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 247–248, 257. Предположения о маршруте А.Ю. Лисовского основаны на туманном рассказе А. Палицына: «И немедлено посылают к велику врагу христианску Александру, пану Лисовскому, пленующу тогда землю Рязанскую, и Володимерскую, и Нижегородскую, и иныя места, по Росии живущая, дабы со всеми воиньствы к совету их и к поможению вскоре пришел» (Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 168). Не исключено, впрочем, что «пленение» Рязанской земли в этом фрагменте – не возвращение сил А.Ю. Лисовского от Коломны, а изначальное вторжение с юго-запада.

поскольку оставался одной из немногих частей государства, сохранявших лояльность Москве. По свидетельству «Нового летописца», регионы стремительно уходили из-под контроля Василия Шуйского: «Грады все Московского государства от Москвы отступиша. Немногие же грады стоя в твердости: Казань и Великий Новгород и Смоленск и Нижний, *Переславль Резанский*, Коломна, царство Сибирское, только городов стояху в твердости»[1]. Как в этот период складывалась ситуация в Рязанском крае, а также отношения между центральной властью и локальным сообществом?

Прежде всего, единоличным рязанским воеводой снова стал думный дворянин П.П. Ляпунов, оправившийся от полученного весной ранения. Столичные администраторы лишь один раз упоминаются между серединой 1608 и концом 1609 г.: «на Резань» были присланы кн. Д.И. Долгорукий и Ф.И. Леонтьев «для збору, а писано к ним от государя: збирать детей боярских велено Ф.Ю. Булгакову и привесть к ним; а как Федор зберет людей и им отдаст, и князю Данилу и Федору с теми людми притит к Москве»[2]. В одном из вариантов разрядов добавлено, что рязанец Ф.Ю. Булгаков прибыл «с Москвы», и после выполнения задачи ему предписывалось вернуться в столицу[3]. Данное сообщение относится, вероятно, к осени 1608 г.[4]. В позднейшей сказке рязанский сын боярский сообщал, что «при царе Василье был он на Резани с воеводою со князем Данилом Долгоруким, и ходили *ис Переславля под Михайлов*, и под Михайловым ранен из пищали»[5]. Пришлые воеводы, таким образом, не только занимались «сбором» войска, но и приняли активное участие в боевых действиях на территории края.

---

[1] НЛ. С. 84. См.: *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 282–316.
[2] РЗ. С. 15, 207. См.: *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 63.
[3] РЗ. С. 49, 186.
[4] *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 292.
[5] НД. С. 314. Неясно, на каком основании составители сборника датировали это известие декабрем 1607 г. В данной сказке события воспроизводятся в обратном порядке: сначала поход с кн. Д. Долгоруким (осень 1608), далее бой с Лисовским (весна 1608 г.), затем посылка с С. Чевкиным под Михайлов (осень 1607 г.) и, наконец, участие в тульском походе (лето-осень 1607 г.).

Следующее сохранившееся известие о положении дел в рязанских «пригородах» относится только к 28 ноября 1609 г. В царской грамоте, направленной в Сибирь с известием о недавних «победах», сообщалось: «На Резани Прокофей Ляпунов с товарищи Зарайский город и при нем и Михаилов и иные городы от воров очистили»[1]. Как ясно из этого упоминания, Зарайск и Михайлов после ухода Лисовского ещё около полутора лет оставались в руках повстанческих сил[2]. «Под Михайловым» 14 марта 1609 г. погиб рязанский выборный дворянин кн. И.И. Щетинин[3]. Ряжск на протяжении длительного периода не фигурирует в источниках и, вероятно, также сначала контролировался восставшими, а затем был взят П.П. Ляпуновым. Известно, что в начале 1610 г. сторонники Лжедмитрия II находились в Песочне[4]. К числу «иных городов», покорившихся правительственным отрядам, не относился также Пронск – как будет показано далее, он оставался враждебным уездному центру вплоть до сентября 1610 г.

О характере борьбы рязанского воеводы с повстанцами рассказывал в конце 1620-х гг. «Лжебасманов». Его показания – наглядная иллюстрация нравов и реалий эпохи Смуты: «И как де Прокофей Ляпунов взял Печерники, и меня де велел взять к себе, и бил де меня чеканом по голове да велел кинуть к медведю. И мне де медведь ногу левою выел. И у медведя отнел де меня скоморох и пустил на волю. И я де прибрел на Михайлов. … И вотчима де ево Евсейка Татарку, как при царе Васильи имал Печерники Прокофей Ляпунов, взяли в языцех и отвели в

[1] Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 74–75.

[2] После взятия Зарайска Василий Шуйский сделал вклад в виде золотой привесной цаты к иконе святителя Николая с надписью: «Лета 7118 января в 27 день Государь и Великий князь Василий Иоаннович всеа России приложил к чудотворному образу Великаго Чудотворца Николы Заразского, как Бог *освободил город от воровских людей* его чудотворецкою молитвою *и добили челом государю*» (*Антонова В.И.* Московская икона начала XIV века из Киева и «Повесть о Николе Зарайском» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1957. Т. 13. С. 308).

[3] К.Ф. Калайдович обнаружил на погосте Ольгова монастыря надгробие с надписью: «Марта в 14-й день убиен Князь Иван Иванович Ярославский» (*Калайдович К.Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. С. 34). В позднейшей сказке его сын упомянул о гибели отца «под Михайловым» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 120).

[4] НД. С. 339 (№ 200).

Переславль Резанской»[1]. Можно предполагать, что штурм Печерников пришёлся примерно на одно время с «очищением» Михайлова. Вероятно, тогда же рязанские силы взяли Гремячий. Писцовая книга 1626 г. содержит упоминание об утрате местных документов «в разоренье … как … Прокофей Ляпунов город Гремячев зжег»[2]. Отметим, что отряды из рязанских «пригородов» использовались администрацией Лжедмитрия II и далеко за пределами уезда. Недавно найдена челобитная 1609 г., в которой ряшане, проняне и михайловцы среди прочих детей боярских и казаков «украинских розных городов», стоявших у Троице-Сергиева монастыря, обращались к Самозванцу[3].

Первостепенной задачей рязанского воеводы на всём протяжении противостояния Василия Шуйского с тушинцами являлось снабжение столицы. Царская грамота 6 октября 1608 г. содержит детальные распоряжения по поводу организации срочной («до заморозов») отправки хлебных запасов, собранных с рязанских дворцовых сел, через Коломну в Москву[4]. Очевидно, рязанский воевода успешно справился с поставленной задачей, поскольку 15 ноября

[1] *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Лжебасманов. С. 138–139. Печерники – острог недалеко от Михайлова, ранее принадлежавший А.П. Клешнину и после его смерти отписанный во Дворец (*Азовцев А.В.* Рязанская земля. Предисловие. С. 19–20; *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 114).

[2] Писцовые книги Тульского края. Часть 2 // Труды Тульской ученой архивной комиссии. Тула, 1915. Кн. 2. С. 194. Кроме того, в сказке Н.П. Беклемишева упоминается отправка рязанской сотни к Шацку: «Да как Шацкой был при царе Василье *в смуте* [написано над строкой – *И.К.*], ис Резани посылал под Шацкой Прокофей Ляпунов голов с сотнями, и иво, Назарья, под Шацким ранили из лука в ногу» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 890. Л. 353). В сказке не соблюдена хронологическая последовательность событий, а других источниках такой поход не упоминается. Он мог также состояться в период между летом 1608 и концом 1609 г. (о Шацке см.: НД. С. 211 [№ 93]; *Шокарев С.Ю.* Шацк в годы Смуты // Центр и периферия. Саранск, 2011. № 1. С. 15).

[3] Stokholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Ryska briev. E 8610. PEA 331 (1–2). № 98б. Об обнаружении документа: *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А.* Документы русского архива Я. Сапеги: находки 2013–2018 годов. С. 47–48. Челобиная ряжского головы «детей боярских, стрельцов и казаков» и упоминание ряжского казака в Суздальском уезде в конце 1608 г.: *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А., Рыбалко Н.В.* Письма наемников, отписки и сыскные дела воевод, челобитные жителей Суздаля из русского архива Яна Сапеги // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2. С. 107–108 (№ 6), 112 (№ 17).

[4] АСЗ. Т. 4. С. 205 (№ 276). Отметим, что сама возможность сбора «хлебных запасов» означает, что под контролем П.П. Ляпунова оставались значительные территории с дворцовыми землями (прежде всего, как можно предполагать – в Старорязанском стане).

получил очередное богатое пожалование из дворцовых земель[1]. Когда сообщение со столицей оказывалось прерванным тушинцами, П.П. Ляпунов выдвигался к Коломне: такие походы упоминаются в марте[2], а также в конце мая – июне 1609 г.[3]. В августе и сентябре того же года производились карательные операции против «воров», препятствовавших транспортировке хлебных запасов на пути между Рязанью и Коломной[4].

П.П. Ляпунов неоднократно выступал в качестве посредника между московским правительством и Строгановыми, владения которых находились в уезде. Весной 1608 г. впервые упоминаются средства, полученные через рязанского воеводу[5]. 1 сентября 1609 г. он сообщил Василию Шуйскому о получении ещё 500 руб., отправленных в Большой дворец[6]. 1 декабря 1609 г. «воевода и думный дворянин П.П. Ляпунов извещал А.С. и П.С. Строгановых, что он «по государеве грамоте» взял у их приказчика «в заем триста рублев, и те деньги посланы … к Москве»[7].

Рассмотрим режим управления, который существовал в Рязанском уезде в период воеводства П.П. Ляпунова[8]. Когда к кн. М.В. Скопину-Шуйскому осенью 1609 г. прибыли посланцы рязанского воеводы (**3.2.3**), они «начаша плакати и бити челом и поведаша Прокофьево житие все и к себе его Прокофьево насилие»[9]. Это известие «Нового летописца» можно раскрыть благодаря сохранившейся челобитной посадских людей Чёрной слободы Переяславля-Рязанского, которой

---

[1] АСЗ. Т. 2. С. 231 (№ 255).
[2] *Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.)…. Стб. 151.
[3] АИ. Т. 2. С. 267; Дневник Яна Петра Сапеги. С. 133 (запись от 27.06.1609). Потерпев неудачу, рязанские части вернулись «на Рязань» (НЛ. С. 91). О катастрофической ситуации с хлебным снабжением, которая сложилась в столице в этот период тесной блокады: АИ. Т. 2. С. 250 (№ 213).
[4] АСЗ. Т. 4. С. 206 (№ 277).
[5] *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 125.
[6] *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в. С. 75.
[7] АСПбИИ РАН. Ф. 125. № 22. См.: *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 130.
[8] Наиболее подробное обращение к данной теме в предшествующей историографии – у И.С. Шепелева: *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. С. 52–54; Т. 2. С. 136, 187–188, 269–270.
[9] НЛ. С. 93. Ср.: *Козляков В.Н.* Герои Смуты. С. 23.

дали ход только после гибели Ляпунова в лагере подмосковного ополчения[1]. Отсчитывая историю своих злоключений с 1606/07 г., челобитчики описывали картину систематической и бесконтрольной эксплуатации городского населения воеводой и его соратниками. Речь шла не только о наборах даточных людей и лошадей для обороны края, но также «делании запасов» и другой работе лично на П.П. Ляпунова: «И на городе, и на остроге, и на Прокофьеве дворе кораулы кораулим зиму и лету беспрестанна в день и ночь. И дрова на Прокофьев двор секали, и кашу на Прокофьев двор варивали … и дворы на Прокофья ставили». Всё это время в Переяславле-Рязанском происходило активное строительство, которое осуществлялось силами посадских людей. Кроме того, пашня, которая ранее принадлежала тяглецам Чёрной слободы, была роздана стрельцам.

Важным источником финансовых ресурсов воеводы являлись таможенные и кабацкие доходы. В частности, в одном из позднейших документов сохранилось упоминание о постройке при П.П. Ляпунове новой съезжей избы из этих средств[2]. М.Б. Булгаков обнаружил рязанскую таможенную книгу 1614/15 г., которая позволяет охарактеризовать местное устройство таможенного и кабацкого дел. В Переяславле-Рязанском эти службы не были разделены. Выборные «верные» целовальники из посадского населения действовали под началом «приказных людей», назначенных воеводой из числа дворян и детей боярских[3]. Традиция

[1] НД. С. 198–201 (№ 79).
[2] АМГ. Т. 1. С. 318.
[3] В челобитной 1614 г. рязанский «приказной человек» Т.А. Павлов сообщал, что ему велено «быть у городового дела … у намесничих доходов и ведать всякие … государевы дела». В ответной грамоте уточнялось, что «приказной человек» должен собирать «четвертные и кабацкие и таможенные деньги и намесничьи доходы» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 37730). Нельзя согласиться с отождествлением рязанских «приказных людей» с губными старостами, которое предлагает В.А. Аракчеев (*Аракчеев В.А.* Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. С. 274).
Обратим внимание также на содержащееся в челобитной известие, что двор, специально построенный для «приказных людей» «посадом и уездом», был «разорен» в период воеводства П.П. Ляпунова, в связи с чем в 1614 г. потребовалось строить новый. В челобитной чернослободцев 1611 г. указывается при этом, что «приказные люди» сидят в «таможенной избе» (возможно, впрочем, что это клише) (НД. С. 198–201 [№ 79]). Указания на необходимость постройки съезжей (АМГ. Т. 1. С. 318) и таможенной изб свидетельствуют, возможно, о разрушениях, причиненных внутригородским постройкам Переяславля-Рязанского в ходе Смуты.

воеводского управления была настолько сильной, что даже в 1615 г. воевода кн. Ф.П. Барятинский на протяжении месяца сам заведовал таможенными и кабацкими делами[1]. В годы Смуты сбором доходов в таможенной избе занимались назначенные «по Прокофьеву указу» «резанцы приказные люди» И.И. Гагин (сын боярский) и Н.С. Обрывков. Как сообщали челобитчики, они «самовольным указом» установили свою норму пошлин, «вдвоя и втроя» превышавшую обычные сборы, а также «для своей корысти» отписывали струги у купцов. Чернослободцы жаловались, что «за теми … великими пошлинами и за струговую отпискою з городов … многие люди к нам с хлебом и ни с чем не едут»[2].

От самовольных распоряжений рязанского воеводы пострадали не только собственность и доходы посадских людей, но и церковные земли. В.Н. Козляков обратил внимание на спорное дело 1623 г., в ходе которого рассматривалась произведённая Ляпуновым раздача «слободки» Спасского монастыря «в новом остроге за Глебовским мостом» дворянам и детям боярским: «В прошлом 117-м [1608/09 – *И.К.*] году при царе Василье Прокофей Ляпунов старово острогу убавливал и старые дворы за острогом ломал, и … под осадные дворы в новом остроге Спасково монастыря огородные места давал»[3]. Свою «пашню» под

---

[1] *Булгаков М.Б.* Таможенная книга г. Переяславля-Рязанского 1614/1615 г. как исторический источник // Отечественные архивы. 2005. № 5. С. 35–42; *Раздорский А.И.* Исследование и публикация таможенных и кабацких книг в 2002–2009 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Курск, 2009. С. 13.

[2] НД. С. 199 (№ 79).

[3] АСПбИИ РАН. Ф. 110. № 66/1. Л. 3, 4; *Козляков В.Н.* Первое ополчение в истории Смутного времени // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. С. 5. Розданная земля составляла пространство 139 х 70 сажен, т.е. порядка 45 тыс. м.^{2}. Историю этой слободки можно проследить с 1539 г., когда монастырской земле размещались «дворы детеи боарьских и черных людеи на посаде за Глебовъскими вороты», оброк с которых по указу великого князя уплачивался в пользу монастыря (*Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. С. 224–225). В сотной грамоте 1597 г. зафиксирован новый статус слободки: «Спасъска же слободка в Переславле на посаде в остроге за Глебовскими вороты, была на оброке за детьми боярскими, а ныне места дворовые. А платили с тое слободки деньги плавные, и та *слободка по государеву указу сламана*, и оброк с тое слободки с них сложен» (ПКРК. Вып. 2. С. 472). Ляпуновское строительство на этой земле породило очередной виток разбирательств, который начался в 1621 г. по челобитью рязанских служилых людей – по-видимому, они хотели узаконить новые владения. В 1623 г. архимандрит Ефрем просил о возвращении небольшой части слободки, которая ранее непосредственно использовалась

городом в этот период мог утратить и Борисоглебский собор[1]. Два соляных амбара Строгановых были по распоряжению воеводы разобраны «на городовые башни». Когда в 1614 г. прежние хозяева обратились к Михаилу Фёдоровичу с челобитной, выяснилось, что местные жители успели застроить не только места амбаров, но и прилегающую площадь[2].

На кого опирался П.П. Ляпунов в своей деятельности? Сохранившиеся источники позволяют сделать некоторые наблюдения по данному вопросу. Прежде всего, из челобитной посадского населения следует, что рязанские дворяне и дети боярские заняли привилегированное положение: их крестьяне перестали участвовать в городском строительстве и не платили обычных податей. Поскольку поместья и вотчины служилых людей, разбросанные по уезду, оказались в руках повстанцев, к моменту написания жалобы они уже пять лет жили «с женами и с детьми и с людьми» на дворах горожан и причиняли им «насильство» и «обиды».

Осадные дворы в Новом остроге получили 50 рязанских дворян и детей боярских. В судебном деле фигурируют имена некоторых из них: М.Т. Петров, Л.В. Сумников-Измайлов, И.(И.) Гагин (глава таможенный избы в Переяславле-Рязанском), А.(И.) Ржевский[3]. Сотнями, которые действовали в крае для борьбы с повстанцами, также командовали выходцы из известных служилых родов:

Спасским монастырем: «огороды и коровей двор да двор же … что живали монастырские служка». На этом месте «насильством» поставил хоромы сын боярский А. Тетерин, затем продавший их кн. И.А. Хворостинину, а на момент подачи челобитья территория запустела. Монастырь претендовал также на пустые места, оставшиеся от владений Н. Ромоданова («сын боярский пронского города … и двор у него в Пронску есть») и Д. Носова («служит у архиепископа во дворе, а двор у него в Переславле в городе свой есть ж»). Воеводам грамотой 25 июня 1623 г. предписывалось произвести расследование и, если информация Ефрема подтвердится, удовлетворить его челобитную. Сохранилась данная выпись рязанского воеводы кн. М.В. Щетинина от 25 января 1626 г. на эти дворовые места, свидетельствующая о решении дела в пользу архимандрита (РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 33/9853; запись в писцовой книге: Рязань. Материалы для истории города XVI-XVIII ст. М., 1884. С. 100).

[1] Сохранилась отказная выпись 7 декабря 1613 г., по которой рязанскому архиепископу передавались бывшие земли (300 ч.) сотника Александра Антонова и его стрельцов в Окологородном стане (РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 16/9836). Происхождение этих земель неясно (ср.: ПКРК. Вып. 1. С. 41).

[2] АСПбИИ РАН. Ф. 125. Оп. 1. № 27.

[3] АСПбИИ РАН. Ф. 110. Оп. 1. № 66/1. Л. 1, 3.

П.А. Таптыков[1], А.В. Сумников-Измайлов[2], Г.В. Житов[3], С.(?)[4] и П.С. Чевкины[5]. Отец первого из них, А.И. Таптыков, являлся в тот период губным старостой[6]. Данных о деятельности этих лиц немного, однако необходимо подчеркнуть, что все они были представителями видных рязанских фамилий, которые до Смуты служили по дворовому списку и в редких случаях – попадали в «выбор» (**2.2**). Таким образом, главной опорой П.П. Ляпунова являлась средняя прослойка местного служилого «города».

Характерной чертой управления Рязанью в рассматриваемый период была «семейственность». Уже упоминалось, что после ранения Прокопия его на некоторое время заменил родной брат Захарий (ранее – воевода Ряжска). В «посылки» от П.П. Ляпунова направлялись его сын Владимир[7] и племянник Фёдор[8]. Впоследствии, когда Прокопий покинул Рязанщину и отправился под Москву во главе сил ополчения, «заведовать» краем на позиции воеводы остался его двоюродный брат Меньшой Иевлевич, который прежде мог претендовать только на позицию осадного головы[9]. Наконец, ещё один двоюродный брат, Семён Иевлевич, был стрелецким головой в Переяславле-Рязанском[10]. Установив монопольное господство в уезде, Ляпуновы активно использовали такое положение для сведéния старых счётов и обогащения. В дальнейшем мы рассмотрим серию конфликтов с другими семьями рязанской элиты. Оппоненты, некоторые из которых вынуждены были спешно покинуть Рязань, впоследствии обвиняли воеводу в убийствах и самовольных конфискациях (**3.4.1**).

---

[1] ДР. Т. 1. Стб. 985–986.
[2] АСЗ. Т. 4. С. 206 (№ 277).
[3] АСЗ. Т. 4. С. 206 (№ 277), 207 (№ 278).
[4] НД. С. 177 (№ 58).
[5] ДР. Т. 1. Стб. 985–986.
[6] ДР. Т. 1. Стб. 985–986.
[7] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114, 116.
[8] НЛ. С. 97; СГГиД. С. 510 (№ 238).
[9] Воевода: Акты времени Междуцарствия. С. 38–44. Осадный голова: АСЗ. Т. 2. С. 229–230 (№ 253); Т. 4. С. 67 (№ 88). Возможно, он замещал П.П. Ляпунова на период его отсутствия в Переяславле-Рязанском и ранее. Так, рязанская служилая кабала 17 декабря 1610 г. заключена «перед» М.И. Ляпуновым (без указания должностного статуса) и подьячим О. Ушаковым (АСЗ. Т. 2. С. 292–293 [№ 357]).
[10] Памятники русского права. М., 1959. Вып. 5. С. 333 (далее: ПРП).

Лейтмотив царских посланий рязанскому воеводе – предоставление карт-бланша, резко контрастирующее с обычным стилем наказов (уже в грамоте 24 ноября 1607 г.: «А ты б всякие дела делал, смотря по тамошней мере – то есмя положили на тебе»)[1]. Вместо стандартных угроз опалы в грамотах присутствуют лишь смягченные распоряжения; нет случаев, когда действия П.П. Ляпунова оценивались бы негативно. Например, в конце 1608 г. он самочинно объявил «изменником» и конфисковал поместье А.Н. Ржевского, находившегося с кн. М.В. Скопиным-Шуйским в Новгороде. Присланный из Москвы указ предписывал отменить все ограничительные распоряжения, но не осуждал действия рязанского воеводы («ты то учинил гораздо»), которые были оправданы неведением («а про Андрея ты не ведал, как он взят неволею [т.е. не изменил, а пленён – *И.К.*]»)[2]. Впрочем, в данном случае П.П. Ляпунов оказался более информирован, чем центральное правительство: А.Н. Ржевский действительно «изменил» Василию Шуйскому (**3.3.3**).

За комплиментарными эпитетами царских грамот и щедрыми пожалованиями стояли зависимость от рязанского воеводы и бессилие правительства, ярко охарактеризованные польским гетманом С. Жолкевским: П.П. Ляпунов «повиновался, когда хотел, за что в области, в которой был воеводою (многолюдной и весьма плодородной) *имел у народа великую доверенность*, и Шуйский, находясь от самозванца в затруднительном положении, ничего ему не мог сделать»[3]. Он рассматривался современниками и летописцами как вполне самостоятельный правитель – человек, «который владел всей Рязанью»[4], «воевода и властель Рязанские страны»[5].

Ситуация изменилась на исходе 1609 г.: сохранившаяся царская грамота от 30 декабря адресована «боярину нашему… *кн. Ф.Т. Долгорукову* да думному

[1] АСЗ. Т. 4. С. 202–203 (№ 273).
[2] АСЗ. Т. 2. С. 318–319 (№ 370).
[3] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114.
[4] «…z Prokopem Lepunowym, ktory wladal wszystka Razania» (*Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.)… Стб. 151).
[5] РИБ. Т. 13. Стб. 691, 694.

дворянину П.П. Ляпунову да дьяку нашему С. Пустошкину»[1]. В документе упомянуто предыдущее послание, которое было отправлено воеводам с предписанием «выбрать» и отправить в Москву 500-600 дворян и детей боярских. Вместо этого из Рязани «прислали з головами со князем Федором Бабичевым да з Григорьем Житовым … всего полтораста человек, и те обычные». Теперь следовало «без всякого мотчанья» собрать ещё 300 «оправных» служилых людей и направить в столицу.

Царское послание показывает, во-первых, что на рязанское воеводство был назначен московский боярин. Произошло возвращение к практике, которой правительство придерживалось до «осадного сидения». Во-вторых, изменилась интонация грамот: декабрьский указ был далёк от прежнего комплиментарного тона и походил скорее на выговор. Как справедливо отметил Б.Н. Флоря, эти явления связаны с тем, что опасность для правительства Василия Шуйского миновала[2]. Начало распада Тушинского лагеря и бегство Лжедмитрия II внушали надежды на скорый успех: как сообщалось в той же грамоте, «вор в табарех пропал безвесно, и руские люди хотят нам добити челом и над литовскими людми хотят промышляти с нами вместе»[3]. Теперь московская администрация могла чувствовать себя гораздо увереннее и отдавать регионам приказы, которые предполагали беспрекословное подчинение. Как и весной 1607 г., рязанские служилые люди не слишком стремились принимать участие в дальнем военном походе, но вынуждены были уступить под давлением Москвы.

Весной 1610 г. во Владимирском судном приказе разбиралось примечательное дело о незаконной приписке к рязанскому роду Хириных (**3.4.1**).

---

[1] АСЗ. Т. 4. С. 206–207 (№ 278). См. в разрядах: РЗ. С. 18, 54, 97 (П.П. Ляпунов пропущен), 104, 125, 165, 214 (явная ошибка), 216 (называет также З.П. Ляпунова). Последнее по времени упоминание П.П. Ляпунова в качестве единоличного воеводы – 1 декабря 1609 г. (АСПбИИ РАН. Ф. 125. Оп. 1. № 22). Вероятно, кн. Ф.Т. Долгоруков (для него это было уже второе появление на рязанском воеводстве) был назначен около середины декабря.

[2] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 179.

[3] АСЗ. Т. 4. С. 206–207 (№ 278). См. об этих событиях: *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 512–519.

С ним связан последний по времени документ, содержащий упоминание кн. Ф.Т. Долгорукова на позиции рязанского воеводы – он относится к маю 1610 г.[1].

3.2.3. «Сведéние» Шуйского и начало междуцарствия (1610)

Одно из важных событий Смуты, в котором рязанские служилые люди сыграли ключевую роль – свержение Василия Шуйского. Историю «заговора» наиболее обстоятельно излагает «Новый летописец», согласно которому в конце 1609 г. к кн. М.В. Скопину-Шуйскому в Александровскую слободу прибыла «станица» от П.П. Ляпунова[2]. Рязанский воевода, сталкивающий дядю и племянника – главный отрицательный герой этого известного сюжета[3]. После смерти знаменитого полководца (23 апреля) П.П. Ляпунов во второй раз выступил в качестве «змея-искусителя», разослав письма «с умыслом» против царя – в Зарайск к кн. Д.М. Пожарскому и в Калугу к Лжедмитрию II. Зарайский воевода, согласно рассказу «Нового летописца», «не приста к совету его», отослал приехавшего к нему племянника П.П. Ляпунова Фёдора и запросил помощь из столицы. Это нарушило планы П.П. Ляпунова, который не стал более «ссылаться» с Самозванцем, зато обрёл значимого московского союзника – боярина кн. В.В. Голицына. Кроме того, Ляпунову удалось перехватить правительственный отряд, направлявшийся в Шацк[4].

Следующее известие «Нового летописца» описывает события, случившиеся после Клушинской битвы (24 июня 1610 г.). Рязанцы во главе с П.П. Ляпуновым отказались выполнить прямой царский указ и прибыть в Москву для обороны города. «Летописец» вновь сообщает, что Ляпунов начал «умышлять» с В.В. Голицыным о том, как «ссадить» Василия Шуйского[5]. Наконец, знаменитая статья о «сведéнии с царства» (17 июля 1610 г.) представляет П.П. Ляпунова в качестве ключевого организатора заговора: он отправил своего «советника»

[1] *Антонов А.В.* Из частной жизни служилых людей рубежа XVI – XVII веков. С. 165–167 (№ 3).
[2] НЛ. С. 93–94. Датировка: *Козляков В.Н.* Герои Смуты. С. 23.
[3] *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. С. 273–275.
[4] НЛ. С. 97.
[5] НЛ. С. 98.

А. Пашкова в Москву к кн. В.В. Голицыну и своему брату Захарию, и последний вместе с Ф. Хомутовым инициировал возмущение против царя[1].

Сохранившиеся источники позволяют проверить и отчасти уточнить исключительные по своей значимости сведения, сообщаемые «Новым летописцем». Прежде всего, когда именно произошло «отложение» Рязани? «Дневник похода Сигизмунда III» сообщает под 31 мая (по «русскому» стилю) одновременно и о смерти кн. М.В. Скопина-Шуйского, и о том, что «Рязанское государство (panstwo)» взбунтовалось против царя[2]. Известно, кроме того, что кн. Ф.Т. Долгоруков покинул Рязанский край значительно раньше, чем Василий Шуйский был свергнут, поскольку в период после Клушинской битвы упоминается в качестве воеводы в Коломне[3]. Его уход из Рязани Б.Н. Флоря обоснованно связывает с тем, что произошёл «разрыв между Москвой и рязанской дворянской корпорацией»[4].

Внести дополнительные уточнения в датировку позволяет сообщение «Нового летописца» о том, что П.П. Ляпунов перехватил правительственный отряд (головой был рязанец И.И. Можаров), направленный на помощь Шацку[5]. О поражении шацкого воеводы от войск Самозванца в Москве узнали 6 мая[6], и помощь была направлена, вероятно, сразу после получения данного известия. В то же время, в Москве в этот период всё ещё рассчитывали, что отряд И.И. Можарова сможет беспрепятственно пройти через Рязанский уезд. Таким образом, можно предполагать, что рязанский воевода открыто отказал Василию Шуйскому в лояльности около середины мая.

---

[1] НЛ. С. 99–100.
[2] Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года. Стб. 598. В другой копии дневника известие приводится под более ранней датой, 5 июня (н.ст.): *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А., Мирский С.В.* Неизвестный фрагмент дневника похода короля Сигизмунда III в Россию 1609–1611 годов. С. 99.
[3] НЛ. С. 99.
[4] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 179. Напомним, что последнее упоминание о нем как рязанском воеводе – майская грамота без точной даты.
[5] НЛ. С. 97.
[6] АСЗ. Т. 2. С. 430 (№ 504).

Не получив поддержки, шацкий воевода (кн. В.Ф. Мосальский, головой у которого был рязанец С. Чевкин) был окончательно разбит силами Лжедмитрия II и «прибежал в Касимов»[1]. Обширная территория на юго-восточном направлении от Рязанского края оказалась под контролем повстанцев. На северо-западе единственным крупным центром, сохранявшим лояльность Москве, оставался Зарайск. Даже Коломна кратковременно присягнула Лжедмитрию II, но затем была возвращена под власть Василия Шуйского зарайским воеводой кн. Д.М. Пожарским[2]. Рязанский воевода, впрочем, оставался в стороне от нового похода Самозванца на столицу. Задержав отряд И.И. Можарова, он скорее действовал в своих интересах, чем в интересах Лжедмитрия II[3]. «Переманив», по словам К. Буссова, «несколько городов»[4], П.П. Ляпунов являлся вполне самостоятельным правителем «всей Рязанской области»[5], с которым теперь предстояло считаться любому претенденту на московский престол.

Важной проблемой является пребывание рязанских служилых людей в столице в момент свержения Василий Шуйского. Вернемся в связи с данным вопросом несколько назад – к периоду существования Тушинского лагеря. С.Ф. Платонов обратил внимание на указание рязанским воеводам, которое содержится в царской грамоте 9 мая 1608 г., написанной в связи с появлением Лисовского (**3.2.2**): «А дворяном бы еси и детем боярским резанцом … сказали, чтоб оне для воровского приходу *жон своих и детей прислали к нам к Москве с людми своими* … чтоб в воровской приход женам их и детям в осадное время … какого утесненья не учинилось»[6]. В «Карамзинском хронографе», кроме того, сразу после рассказа о Лисовском сообщается о возвращении осенью 1608 г. «по домам» «детей боярских всех городов», за исключением «заречных». Последние «жили на Москве с женами и детьми, и … все с Москвы не поехали и сидели в

[1] Карамзинский хронограф. С. 345; НД. С. 339 (№ 200). См.: *Шокарев С.Ю.* Шацк в годы Смуты. С. 15–16.
[2] НЛ. С. 99. См. об этом: *Эскин Ю.М.* Пожарский и Ляпунов // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 12.
[3] *Козляков В.Н.* Герои Смуты. С. 27.
[4] *Буссов К.* Московская хроника. С. 112–113.
[5] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114.
[6] АСЗ. Т. 4. С. 203 (№ 274).

осаде»[1]. В историографии закрепилось мнение о том, что родственники рязанских служилых людей оказались «заложниками» Василия Шуйского[2]. Однако исследователи не располагают прямыми свидетельствами, которые позволяли бы утверждать, что рязанские семьи массово перебрались в столицу и тем более – находились там на протяжении всей тушинской осады. В отличие от других городов заокской «украины», Рязань оставалась лояльной Василию Шуйскому. Следовательно, местные жители, если и оказались в Москве, могли вернуться осенью 1608 г. В этот период устойчивое сообщение со столицей сохранялось, о чём свидетельствуют царские указы по поводу доставки «хлебных запасов». Таким образом, версия о «заложничестве» представляется сомнительной.

В то же время, можно с уверенностью утверждать, что рязанские дворяне и дети боярские приняли активное участие в обороне столицы от тушинцев. Напомним, что осенью 1608 г. в Переяславле-Рязанском находились «сборщики», которые должны были привести часть местных служилых людей в Москву (**3.2.2**). Видимо, именно в связи с этим «сбором» Василий Шуйский сообщал в грамотах, что ожидает прибытия большого рязанского войска[3]. По подсчётам А.П. Павлова, вотчины «за царя Васильево московское осадное сидение» получили более двухсот рязанских землевладельцев – это одна из наиболее многочисленных городовых групп пожалованных (14% от их общего числа)[4]. Невозможно установить, пребывал ли каждый из пожалованных в столице на всём протяжении её обороны – особенно учитывая, что «осадное сидение» стало в дальнейшем

[1] «И во 117 году в осень с Москвы дворяне и дети боярские всех городов поехали по домам и осталося замосковных городов не многие, из города человека по два и три, а заречных украинных городов дворяне и дети боярские, которые в воровстве не были а служили Царю Василию и жили на Москве с женами и с детьми, и те все с Москвы не поехали и сидели в осаде и царю Василью служили с Поляки и с Литвою и с Рускими воры билися не щадя живота своего, нужу и голод в осаде терпели» (Карамзинский хронограф. С. 342).

[2] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 238. См., напр.: *Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. С. 66; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 307.

[3] Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 74–75 (№ 63).

[4] *Павлов А.П.* К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты. С. 120–121.

трактоваться расширительно[1]. Несомненно, однако, что при Василии Шуйском находился значительный по размерам контингент рязанских дворян и детей боярских. Сохранились единичные рассказы об их участии в боевых действиях под Москвой. Например, П.И. Язвецов сообщал в позднейшей челобитной, что он «служил при царе Василье *с городом с Рязани и во всю московскую осаду при царе Василье сидел*, и как был бой с литовскими людьми на Троицын день, и его Прокофья ранили»[2]. А.В. Хирин «был в московском осадном сидении»[3]; А.Г. Крюков «в московскую осаду сидел в Москве»[4]. Ф.Ф. (Меньшой) Коробьин и И.Ф. (Большой) Кикин были убиты «на Москве в осаде»[5]. В.П. Ляпунов получил прибавку к окладу «за московское осадное сиденье, и за службу и за головную рану … как стояли против Тушенского вора во сто осмом на десят году»[6].

Как уже упоминалось, после распада Тушинского лагеря в декабре 1609 г. из Переяславля-Рязанского в Москву прислали полторы сотни «обычных» дворян и детей боярских; царский указ предписывал отправить ещё 300 лучших служилых людей[7]. Вероятно, это распоряжение было выполнено: судебная память 6 апреля 1610 г. адресована «резанцам дворяном и детем боярским и окладчиком, *которые на Москве*». Впрочем, столичного «обыска» в итоге оказалось недостаточно, и дополнительное расследование было поручено провести в Рязанском крае[8]. Наконец, после Клушинского поражения Василий Шуйский

---

[1] *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М., 2007. С. 215; *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990. С. 70–71; Приговор Первого земского ополчения // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 299 (ст. 8).

[2] *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 207–208.

[3] *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века. С. 77.

[4] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 83.

[5] РРР. С. 157; Родословная роспись рода Кикиных. С. 4.

[6] НД. С. 302 (№ 158).

[7] Примечательно, что начальники рязанского отряда, отправленного в столицу в конце 1609 г. (кн. Ф. Бабичев и Г.В. Житов), получили затем пожалования из дворцовых сел (АИ. Т. 2. С. 347 [№ 286]).

[8] *Антонов А.В.* Из частной жизни служилых людей рубежа XVI – XVII веков. С. 165–167 (№ 2, 3).

попытался затребовать служилых людей в Москву, но рязанцы отказали «по умышлению Прокофья Ляпунова»[1].

Разосланные после свержения Василия Шуйского грамоты упоминают о «всяких людях» из «украинных городов», которые выступили инициаторами низложения царя 17 июля 1610 г.[2]. Несомненно, важную роль в этом событии сыграли рязанские дворяне и дети боярские, находившиеся в столице. Сразу несколько источников отмечают З.П. Ляпунова как одного из главных организаторов «сведéния» Василия Шуйского с престола и его последующего пострижения[3]. Брат рязанского воеводы давно находился в Москве: в челобитной он указывал, что «жил на Москве полтретья [2, 5 – *И.К.*] годы, в осаде был»[4]. Парадоксально, но в *июле* 1610 г., т.е. незадолго до низложения Василия Шуйского, Захарий получил земельное пожалование из рязанских дворцовых сёл[5]. Следовательно, выступление Прокопия против царя не отразилось на положении его брата. По данным К. Буссова, на Лобном месте выступал ещё один рязанец – недавний «перелёт», каким-то образом покинувший ярославскую тюрьму И.Н. Ржевский, речь о судьбе которого пойдет далее[6] **(3.3.3)**.

Источники не дают ясности по вопросу о мотивах, которыми руководствовался рязанский воевода (и поддержавший его «город») при выступлении против царя. Едва ли для объяснения достаточно лаконичного замечания С. Жолкевского о том, что Ляпунов с сáмого начала «ненавидел»

---

[1] НЛ. С. 98.

[2] ААЭ. Т. 2. С. 277 (№ 162); СГГиД. Т. 2. С. 388–389 (№ 179). Ср.: Карамзинский хронограф. С. 346.

[3] Бельский летописец. С. 256; *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 135; Карамзинский хронограф. С. 347; НЛ. С. 100; РЗ. С. 56. Наиболее яркое и насыщенное деталями описание – у С. Жолкевского (Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 68–69).

[4] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286). Безусловно, напрашивается предположение, что именно З.П. Ляпунов был начальником рязанского отряда, находившегося в столице и «выступал от имени находившихся в Москве … рязанских дворян» (*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 186), но прямых данных об этом нет.

[5] АИ. Т. 2. С. 348 (№ 286).

[6] *Буссов К.* Московская хроника. С. 134; *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. С. 175.

Василия Шуйского[1]. Обратим внимание на важный контекст рязанского «отложения» – начало массовой раздачи грамот о переводе поместных земель в вотчины за «московское осадное сидение». Данное мероприятие затрагивало широкие круги провинциального дворянства и в долгосрочной перспективе должно было коренным образом поменять картину землевладения в регионах. Первые известные пожалования относятся к маю 1610 г.[2]. Как предположил В.Н. Козляков, изначально «осадное сидение» трактовалось буквально (в соответствии с формуляром грамот: «…*будучи на Москве в осаде*, против тех злодеев наших стоял крепко и мужественно»): награждались лишь служилые люди, которые непосредственно находились в столице в период «утеснения» от тушинцев[3]. В таком случае рязанский воевода и его сторонники не могли рассчитывать на получение пожалований – в отличие от товарищей по «городу» и «московских» чинов, которые провели осадное время в столице. Кроме того, это означало, что из обращения выводилась часть поместного фонда (и без того весьма ограниченного), которая при ином развитии событий потенциально могла наполнить чрезвычайно возросшие оклады (**3.3.1**) наиболее влиятельных местных дворян. Наконец, Ляпуновы за период своего монопольного господства в Переяславле-Рязанском привыкли распоряжаться уездной землёй по собственному усмотрению (**3.4.1**).

Таким образом, после победы над тушинцами центр не только назначил в уезд воеводу из московских бояр[4], но и запустил процесс переустройства земельных отношений, который мог не соответствовать интересам локальной верхушки. Показательно, что уже после того, как П.П. Ляпунов отказал Василию

[1] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114.

[2] *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 2. С. 113. В одной из челобитных сообщалось, что указ был издан «после воравского отходу», т.е. деблокирования столицы (АСЗ. Т. 3. С. 483 [№ 553]). См. также примечательное известие о пожаловании Г.В. Измайлова «преж всех челобитчиков» (АСЗ. Т. 3. С. 493 [№ 563]).

[3] *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. С. 215. Ср. со случаем С.Г. Коробьина, который находился в осаде не более двух месяцев, а затем находился в Великом Новгороде – но все равно получил пожалование с данной формулировкой (**3.3.3**).

[4] См. акцент на этом аспекте: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 178–179.

Шуйскому в лояльности, правительство продолжало выдавать грамоты на перевод рязанских поместий в вотчину[1]. Попытавшись вернуть утраченные позиции, Москва столкнулась с сопротивлением уездного сообщества.

Сведения о политической ориентации рязанского воеводы в сложной игре интересов, которая разворачивалась весной-летом 1610 г., разноречивы. Согласно донесению С. Жолкевского от 23 июля 1610 г., после свержения Василия Шуйского в Москве образовались три группировки (fachi), у каждой из которых был свой кандидат. Патриарх во главе первой выступал за кн. В.В. Голицына, кн. Ф.И. Мстиславский поддерживал королевича Владислава, а З.П. Ляпунов был сторонником Лжедмитрия II. По данным гетмана, Самозванец «что-то готовил» с Ляпуновыми и пообещал Прокопию Рязань в «*вечный надел*» (obieczuie wiecnymi czaszy w dział Rezan). После появления польско-литовских сил поблизости от столицы преимущество получила группировка кн. Ф.И. Мстиславского, а Захария «чуть не убили»[2].

Напомним, что о попытке П.П. Ляпунова вступить в переписку с Лжедмитрием II сообщает также «Новый летописец», но главный акцент там сделан на союзничестве с кн. В.В. Голицыным[3]. Независимый источник – «ответ» польских послов 1615 г. – также указывает, что З.П. Ляпунов был сторонником этого боярина[4]. В историографии неоднократно обращалось внимание на особую связь между Ляпуновыми и кн. В.В. Голицыным, которая прослеживается и в дальнейшем. Она восходила, возможно, ещё к начальному периоду Смуты. Такая

[1] АСЗ. Т. 2. С. 153–154 (№ 158), С. 200 (№ 216); Т. 3. С. 122 (№ 143), С. 492 (№ 562); *Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа. С. 193, 369.

[2] Письмо гетмана Жолкевского королю Сигизмунду III, при Вязьме, 23 июля / 2 августа 1610 г. // Цветаев Д.В. К истории Смутного времени. Собрание документов. Вып. 1. С. 9. См.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 185, 202.

[3] НЛ. С. 197. Аналогичная оценка роли кн. В.В. Голицына в свержении Василия Шуйского у С. Жолкевского: Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 70.

[4] «Дворяне з Резани, Захарей Лепунов с товарыщи учали в люди вмешати и сами о том в голос говорити, штоб князя Василия Голицына на господарстве поставити … [кн. В.В. Голицын – *И.К.*] с дороги сослался с вором Калужским и промышлял, чтобы ему…учинити на Москве господарем вора Калужского, а учиня, убити, … а убивши, самому государем учинитися» (АЗР. Т. 4. С. 475). Следовательно, Ляпуновы могли принимать участие в «переговорной игре», за которой стоял кн. В.В. Голицын, не исключавший для себя занятия престола (*Козляков В.Н.* Герои Смуты. С. 34).

персональная лояльность (С. Жолкевский привычно рассматривает её в категориях «клиентелы»)[1] ускользает от исследователя в силу состояния источников, но принципиально важна для понимания логики событий[2].

Итак, на протяжении весны-лета 1610 г. рязанский воевода не только вновь обрёл монопольную позицию в своём крае, но и принял весьма активное участие в политической борьбе вокруг русского трона. В отличие от ряда других центров, Рязань не присягнула Лжедмитрию II: П.П. Ляпунов оставался для него скорее равноправным контрагентом, с которым необходимо было договариваться на взаимовыгодных условиях. Судя по отдельным свидетельствам, отношение рязанского воеводы к Самозванцу оставалось весьма прохладным[3]. Соглашение так и не состоялось, поскольку в августе выбор был сделан в пользу королевича. Как показал Б.Н. Флоря, в выработке решения об избрании Владислава участвовал весьма широкий круг служилых людей. Исследователь справедливо предположил, что рязанцы играли значимую роль в переговорах[4]. З.П. Ляпунов вошёл в состав «великого посольства» и должен был стать проводником интересов своего могущественного брата в королевском лагере[5].

С. Жолкевский сообщал, что рязанский воевода благосклонно воспринял соглашение по поводу избрания Владислава, «тотчас присягнув сам на имя

---

[1] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 70.

[2] *Козляков В.Н.* Герои Смуты. С. 30–34; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 287. Напомним, что рязанские полки находились под начальством кн. В.В. Голицына в 1605 г. и, возможно, он проводил верстание перед походом. Как указывает НЛ, рязанцы находились «в совете» с воеводами-заговорщиками, в числе которых был и кн. В.В. Голицын (НЛ. С. 64). (**3.2.1**).

[3] *Буссов К.* Московская хроника. С. 112–113; Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114. Лжедмитрий II еще в сентябре 1609 г. обещал польско-литовским наемникам отдать Рязанскую землю для прокормления (*Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 506).

[4] См.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 200–230; *Он же.* Прокопий Ляпунов и Сигизмунд III. С. 42.

[5] АЗР. Т. 4. С. 318–319 (№ 182). См. упоминание о Захарии в числе ключевых фигур: *Елассонский А.* Мемуары из русской истории. С. 188. Хотя рязанцы не были включены в состав посольского сопровождения, с ним находились какие-то «люди», впоследствии уехавшие в Рязань (СГГиД. Т.2. С. 490 [№ 223]). Вторым рязанским «представителем» стал И.В. Лодыгин – выходец из новгородского служилого рода, который, по-видимому, не имел к Рязани никакого отношения и был включен в рязанскую рубрику лишь формально.

королевича, привел к присяге всю область Рязанскую»[1]. Польская сторона проявляла повышенное внимание к Ляпуновым: молодой Владимир Прокопьевич, побывавший у гетмана, был «угощён и одарен»[2]. Захария под Смоленском принимали с особыми почестями[3], он получил от короля целую серию земельных пожалований[4]. С. Жолкевский специально заботился о том, чтобы рязанская территория не пострадала от войск Сапеги[5]. П.П. Ляпунов, со своей стороны, обеспечивал поставку продовольствия в Москву[6]. Осень 1610 г. была периодом внешнего согласия в отношениях между рязанским воеводой и главным представителем польско-литовской власти – гетманом С. Жолкевским[7]. Под Смоленском, впрочем, на положение дел смотрели иначе: уже в конце ноября Сигизмунд III гарантировал, что передаст в распоряжение сапежинцев Рязанскую и Северскую земли, если жалованье им не будет выплачено в течение полугода по занятии польским королем русского престола[8]. Очевидно, что такие договоренности могли перечеркнуть все шаги навстречу рязанскому воеводе, сделанные С. Жолкевским.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой, П.П. Ляпунов сумел ликвидировать очаг сопротивления в Пронске. Напомним, что предыдущее известие о неудачной попытке овладеть этим центром относится к весне 1608 г. – тогда рязанский воевода получил ранение (**3.2.2**). 18 сентября 1610 г. город был

---

[1] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114. О присяге см. также: СГГиД. Т. 2. С. 489 (№ 223).

[2] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114.

[3] Специальное письмо С. Жолкевского к Л. Сапеге (23 сентября 1610 г.) содержит просьбу обеспечить ласковое обращение короля с З.П. Ляпуновым, т. к. «брат его Прокопий Ляпунов большая особа» (Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 103–104).

[4] АЗР. Т. 4. С. 360, 384, 400 (№ 183). О более раннем прибытии под Смоленск см.: *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 38.

[5] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 90–91. См.: *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 557.

[6] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114.

[7] *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 36–38; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 264–265.

[8] Данный договор возвращался к условиям февральского соглашения – с тем отличием, что теперь речь шла о предоставлении территории (которую по условиям контракта нельзя было «пустошить»), а не только доходов (*Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.)…. Стб. 173, 214, 220; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 522–523, 559).

взят в результате трёхдневной серии штурмов, причём потребовалось «перепортить водопроводы»[1]. Правительственные войска добились важного успеха также на юго-востоке региона: воевода М.А. Вельяминов 23 сентября захватил Шацк[2].

В «Новом летописце» статьи, посвящённые следующему этапу противостояния в Рязанском уезде («О войне черкас и о взятии града Пронска», «О взятии Зараского острога»), приведены *после* рассказа о формировании Первого ополчения. По сведениям данного источника, «литовские люди на Москве» организовали поход «черкас» и «русских воров» Исака Сунбулова на П.П. Ляпунова. Рязанский воевода оказался осажден в Пронске (который незадолго до этого «взя взятьем»), и на помощь к нему пришёл кн. Д.М. Пожарский из Зарайска «с коломничи и с резанцы». «Черкасы», не вступая с ним в бой, отошли в Михайлов, и П.П. Ляпунов смог возвратиться в Переяславль-Рязанский. Кн. Д.М. Пожарский отправился обратно в Зарайск, который вскоре атаковали «черкасы», но были отбиты[3].

Традиционно эти известия рассматриваются в контексте карательных операций, предпринятых польской администрацией в конце 1610 – начале 1611 г. против сил формировавшегося Ополчения[4]. Однако есть основания для пересмотра такой логики[5]. Рассказ «Нового летописца» о штурме Зарайска

---

[1] «26 [16] сентября Прокопий Ляпунов, подошел изгоном под Пронск, побил и забрал в плен множество пронских воров, овладел всеми слободами кругом крепости, поставил туры под крепостью, отнял везде воду, перепортил водопроводы и три дня штурмовал крепость со всех сторон, так что осажденные не могли выдержать и 28 [18] сентября били челом королевичу и с повинными головами вышли из крепости целовать крест» (Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года. Стб. 695–696).

[2] НД. С. 339 (№ 200).

[3] НЛ. С. 107. Один из эпизодов пронской осады упоминается в сказке Н.П. Беклемишева, у которого в ходе вылазки был ранен конь (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 890. Л. 352).

[4] *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 52; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 335; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. С. 58–59. Ю.М. Эскин относит события к 1610 г., но также связывает их с формированием Ополчения: *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. С. 47.

[5] Аналогичный подход предложил в недавней работе В.Н. Козляков: *Козляков В.Н.* О начальной истории первого ополчения: П. П. Ляпунов, И. Н. Сунбулов и бои под Пронском.

обнаруживает близкое сходство с вкладной записью на «Уставе», переданном в зарайскую церковь Николая Чудотворца кн. Д.М. Пожарским[1]:

«Новый летописец»	**Вкладная запись на «Уставе»** *(в передаче автора XIX в.)*
О войне черкас и о взятии града Пронска. <…> О взятии Зараского острога. Придоша ж черкасы *с Михайлова нощию и взяша у Николы Зарасково острог*; помощию ж и чюдесы великого чюдотворца Николы воевода князь Дмитрей Михайлович Пожарской выиде из города не с великими людими и Черкас из острога выбиша вон и их побиша. Исай же Сунбулов, видя крепкостоятельство Московский людей, побежа к Москве, а Черкасы поидоша на Украину.	И в те же лета 7119 году *декабря в 1 день* присылал враг богоотметник Исак Сунбулов с товарищи многих людей *с Михайлова города* черкас и козаков и татар под Зараской город пленити православных христиан. И те воры пришед к острогу Зараскова города, *и острог обманом взяли* … воевода кн. Пожарской с невеликими людьми против их из города вылез и помощию Великого Чудотворца Николы воров побили и языки поимали и из острогу выбирли вон; и град и острог Никола Чудотворец невидимо сохранил.

Во вкладной записи содержится указание на точную дату зарайских событий: 1 декабря 1610 г. Можно предполагать, что весь рассказ «Нового летописца» в действительности описывает происшествия этого периода. В таком случае, во-первых, обретает смысл фраза о том, что за некоторое (относительно небольшое) время перед появлением «черкасов» П.П. Ляпунову удалось взять Пронск штурмом (как упоминалось, это произошло 18 сентября). В позднейшей челобитной рязанские служилые люди упоминали, что «черкасы стояли в Рязанском уезде *месяц*»[2]. Во-вторых, Исак Сунбулов в источниках называется «русским вором» или «шацким вором»[3] – следовательно, в этот период он являлся сторонником Лжедмитрия II, а не королевича. Возможно, Ис.Н. Сунбулов направился в рязанский поход после того, как потерпел поражение под Шацком[4]. Впоследствии он присоединился к Первому ополчению, и только в начале 1611 г.

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1829. Т. 12. С. 170–171 (прим. 532).
[2] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 32 (№ 25). Пребывание в Рязанском уезде «черкесов» отнесено в челобитной (15 сентября 1611 г.) ко времени «после татарской войны» 118 (1609/10) и 119 (1610/11) года. Далее отдельно описывается уже следующее («нынешнее») нападение: татары «все лето» 1611 г. находились в уезде. Следовательно, «черкесы» появились после татарского набега лета 1610 г.
[3] НД. С. 339 (№ 200).
[4] *Козляков В.Н.* О начальной истории первого ополчения: П. П. Ляпунов, И. Н. Сунбулов и бои под Пронском.

перешёл на сторону Сигизмунда III (**3.2.4**). Польские источники умалчивают о каких-либо операциях против Первого ополчения, в которых он мог принимать участие. Таким образом, составители «Нового летописца» ошибочно связали подробный рассказ о рязанских боях (полученный, вероятно, от самого кн. Д.М. Пожарского) с начальной историей Первого ополчения. В действительности эти события происходили в октябре – начале декабря 1610 г. и представляли собой очередной виток регионального противостояния с повстанцами.

Рассмотренные известия показывают, насколько непрочными, несмотря на все предпринятые ранее усилия, оставались позиции рязанского воеводы в уезде. Одержав победу в Пронске, П.П. Ляпунов сразу же потерял Михайлов: покоренный во второй половине 1609 г., этот город вновь легко перешёл на сторону повстанцев. Как и ранее Лисовский, Ис.Н. Сунбулов сделал этот центр своим опорным пунктом для дальнейших действий в регионе. Неизвестно, как развивались бы дальнейшие события, если бы не своевременная помощь кн. Д.М. Пожарского, которому потребовалось собрать силы рязанского и коломенского служилого «городов» для удара по «черкасам». В этот период, вероятно, произошло примирение воевод, которых ранее разделил вопрос о сохранении лояльности Василию Шуйскому.

3.2.4. Поход на Москву: Первое ополчение (1611)

История Первого ополчения подробно освещена в литературе, поэтому мы рассмотрим здесь только наиболее значимые проблемы, связанные с действиями рязанского воеводы и местного служилого «города». Как неоднократно отмечено исследователями, отправным моментом движения в Рязани являлось обращение П.П. Ляпунова к Боярской думе. Данное послание утрачено и лишь в общих словах передано С. Жолкевским[1], установить его точную дату не удаётся. Известно, однако, что уже в конце декабря или начале января[2] Сигизмунд III

[1] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114–115.

[2] Грамота не датирована. Б.Н. Флоря полагает, что грамота написана в ответ на королевский «лист», доставленный в Москву 23 декабря (*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 363 [прим. 62]).

получил сообщение из Москвы, согласно которому рязанский воевода «со всею Рязанью отложился, и вашего государского повеленья сам ни в чем не слушает и слушати не велит, и в городы, которые были вам великому государю послушны, воевод и голов с ратными людьми от себя посылает … а ваши государские денежные доходы и хлеб всякой збирает к себе»[1]. 4 января 1611 г. (это первое точно датированное известие о рязанском выступлении) А. Госевский передавал С. Жолкевскому слухи, согласно которым «Ляпунов, собрав больши́е силы, двинулся из Рязани к Москве, дабы уничтожить нас, договорившись со здешними»[2]. Итак, Рязань в очередной раз отказала Москве в лояльности.

В историографии неоднократно обсуждался вопрос о лицах, которые могли повлиять на решение рязанского воеводы. Дискуссионной остаётся, в частности, роль патриарха Гермогена как инициатора движения[3]. Возможно, в Рязань попала одна из грамот, которые, по воспоминаниям А. Госевского, рассылал Филарет[4]. Польские власти обвиняли в «подстрекании» П.П. Ляпунова, кроме того, и кн. В.В. Голицына, также находившегося в смоленском лагере, но он отвергал эти обвинения[5]. З.П. Ляпунов, который оставался в составе посольства, оказался в

---

[1] СГГиД. С. 489 (№ 223).

[2] *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 207 (№ 8) (копия письма А. Госевского С. Жолкевскому от 14 января 1611 г.). Ср.: «...к началу сего [1611 – *И.К.*] году Ляпунов ... явно начал бунтовать» (*Пясецкий П.* Смутное время и Московско-польская война. От появления первого самозванца из Польши в 1604 году до Деулинского перемирия 1618 года. Из славянского перевода Хроники перемышльского бискуна Павла Пясецкого. СПб., 1887. С. 37).

[3] *Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. С. 25–28; *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 46–49, 54; *Рыбалко Н.В., Дмитриева Е.Г., Малеева Е.С.* Роль грамот патриарха Гермогена в организации земского ополчения 1611 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. №1. С. 41–52; *Сухотин Л.М.* К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 318–346; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 331–332; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. С. 49–101.

Для польской стороны связь между Ляпуновым и патриархом была несомненным фактом. Как отмечает Н.В. Эйльбарт, в Государственном архиве Швеции хранится перевод одного из воззваний П.П. Ляпунова, озаглавленный как «Универсал Ляпунова, вышедший из головы патриарха» (*Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 98).

[4] АЗР. Т. 4. С. 483 (№ 209). См.: *Флоря Б.Н.* Прокопий Ляпунов и Сигизмунд III. С. 45.

[5] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 115. В письме А. Госевского сказано, что кн. В.В. Голицына необходимо арестовать, пока он не убежал к П.П. Ляпунову, ибо

двусмысленном положении: несмотря на выступление брата против поляков, он продолжал «ссылаться» с ним, отпустил своих «людей» в Рязань и этим навлёк на себя донос московских бояр[1]. Известно, что ещё в конце декабря он обвинял послов, что они «все делают собою без совета дворян, коим ничего не объявляют»[2]. Дальнейшая его судьба туманна – согласно позднему источнику, он был повешен по распоряжению короля[3]. Известно, что московским информатором рязанского воеводы после отъезда Захария под Смоленск был стольник В.И. Бутурлин[4].

В первом послании, адресованном Боярской думе, П.П. Ляпунов пока лишь требовал определённого ответа на свои вопросы: будет ли выполнен августовский договор и приедет ли в Россию королевич?[5] Однако уже в конце декабря – начале января в Нижний Новгород была послана грамота, риторика которой была

последний «чинит много зла его [кн. В.В. Голицына – *И.К.*] именем» (*Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 207 [№ 8]: копия письма А. Госевского Сигизмунду III от 21 января 1611 г.).

[1] СГГиД. Т. 2. С. 490 (№ 223). Такое положение вещей напоминает ситуацию весны 1610 г., когда З.П. Ляпунов оставался в Москве несмотря на то, что брат выступил против Василия Шуйского.

[2] *Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1972. Т. 2. С. 174–175.

[3] «По легендарному и недостоверному известию позднего компилятивного сочинения сложного состава, Ляпунов был повешен по приказу короля за изменнические действия в отношении «великого государя Василия Шуйского», в т. ч. за сведение его с престола (что было правдой), а также за привоз бывшего царя в лагерь под Смоленском и неподобающее поведение по отношению к нему на приеме у короля (оба обвинения не соответствовали действительности)» (*Назаров В.Д.* Ляпунов // БРЭ. М., 2011. Т. 18. С. 290–292). В синодике рязанского Успенского собора Захарий записан «убиенным», т.е. погибшим насильственной смертью (РИАМЗ. № 8931. Л. 28об.).

[4] АЗР. Т. 4. С. 480 (№ 209). По мнению А. Госевского, уже в конце сентября – начале октября 1610 г. («на той неделе, зараз, когды наш гетман Жолкевский вшол по совету и хотению вашому в Москву») П.П. Ляпунов и В.И. Бутурлин составили заговор против польской власти. В дальнейшем стольник регулярно информировал рязанского воеводу о московских событиях и содействовал Первому ополчению – до тех пор пока были схвачен за подготовку восстания. В дальнейшем В.И. Бутурлин принял участие в Первом ополчении и выполнял особое поручение П.П. Ляпунова в Новгороде (*Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 273–275; *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник, Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С, 116–127).

О рязанском землевладении В.И. Бутурлина (характерная деталь, которая упоминается в посольском «ответе») см.: *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. С. 4. Весьма примечательно, что в связях с В.И, Бутурлиным и заговоре в пользу Василия Шуйского ранее обвинялись Измайловы (*Тюменцев И.О.* Список сторонников царя Василия Шуйского. С. 318).

[5] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 114.

выдержана в куда более суровых выражениях и направлена против столичных думцев. В послании, написанном от лица воеводы и разных «чинов» «Рязанской области», звучала идея похода «всею землею до царствующего града Москвы»[1]. Вокруг Рязани стремительно сложилась коалиция южных центров: в грамоте, полученной в Нижнем Новгороде конце января[2], П.П. Ляпунов сообщал, что «с Калуженскими, с Тульскими, и *с Михайловскими*, и всех Северских и Украинных городов со всякими людьми давно крест целовали, что нам за Московское государство с ними и со всею землею стояти заодин, и с Литовскими людьми битись до смерти»[3]. Города, которые ранее занимали сторону Лжедмитрия II, присоединились к союзу: по выражению из письма кн. Трубецких к Я.-П. Сапеге, «городы все, *которые были в Калуге*, ныне с Москвою и со всею землею Российского государства содиначилися»[4].

Упоминание Михайлова в одном ряду с двумя важнейшими опорными пунктами бывших сторонников Лжедмитрия II – Калугой (кн. Д.Т. Трубецкой) и

---

[1] Там же. С. 115; *Эйльбарт Н.В*. Смутное время в польских документах… С. 208 (№ 9) (письма А. Госевского Сигизмунду III от 21 января 1611 г.: упоминание грамоты); *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства // Вестник Европы, Том 2. 1867. С. 15–16 (перевод на русский с польского перевода); *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 333–334 (анализ). По воспоминаниям С. Жолкевского, уже первое послание к боярам было «длинно и начинено изречениями из священного писания»; такой же характер имели дальнейшие воззвания. Вопрос об эволюции стиля грамот Первого ополчения (и, в частности, роли профессиональных книжников в их составлении) заслуживает специального изучения (*Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в. С. 118; *Дробленкова Н.Ф.* Прокофий Петрович Ляпунов // Словарь книжников и книжности. С. 312–316).

[2] СГГиД. Т. 2. С. 499 (№ 229). Реконструкцию хронологии переписки см.: *Рыбалко Н.В.* Реконструкция делопроизводства органов нижегородского самоуправления на этапе подъема земского движения в конце 1610 г. – начале 1611 г. (по материалам Соликамского архива) // Вестник ННГУ. 2015. № 5–6. С. 121–122.

[3] СГГиД. Т. 2. С. 498 (№ 228). Ср. формулировку «Ляпунов с *заречными* городы» (СГГиД. С. 518 [№ 241]). См. также информацию польской стороны о событиях на юге: СГГиД. Т. 2. С. 504–505 (№ 235). О складывании коалиции «украинных» городов в первой половине января: *Тюменцев И.О.* Сапежинцы и зарождение Первого земского ополчения в Смутное время в России по материалам русского архива Яна Сапеги // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648). М., 2018. С. 95–105.

[4] *Тюменцев И.О., Тупиков Н.А.* Сапежинцы и власти первого земского ополчения (по материалам русского архива Я. Сапеги 1610–1611 годов). С. 154 (№ 12). Ср. также аналогичные формулировки: СГГиД. Т. 2. С. 537. Б.Н. Флоря обратил внимание на известие о том, что еще до обращения к боярам Ляпунов посещал Калугу (*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 332, 335–336; *Он же.* Прокопий Ляпунов и Сигизмунд III. С. 47).

Тулой (И.М. Заруцкий) – не является случайным. Недавно В.Н. Козляков обратил внимание на свидетельства неопубликованного продолжения «Дневника Сигизмунда III»: поляки рассматривали в качестве ключевого приверженца П.П. Ляпунова ещё одного бывшего тушинца, Исака Сунбулова[1]. Можно предполагать, что после неудачного штурма рязанских пригородов (**3.2.3**) он оставался в Михайлове и примирился с П.П. Ляпуновым в начале формирования ополчения (так же, как это сделал шацкий воевода М.А. Вельяминов)[2]. Однако, по сведениям польского источника (под датой 18 (28) января 1611 г.), после уговоров боярина М.Г. Салтыкова и своего родного брата[3] Ис.Н. Сунбулов «отступил» от Ляпунова и принес присягу королю, рассказав о планах рязанского воеводы[4]. 11 (21) февраля о той же новости сообщил Я. Задзик: от П.П. Ляпунова с И.М. Заруцким «отступил *некий Сунбулов с несколькими тысячами человек* и присягнул на имя его милости королевича»[5]. Таким образом, внутри сил ополчения произошёл раскол, и один из главных воевод перешёл на сторону Сигизмунда III.

Привлечение Ис.Н. Сунбулова так и осталось главным успехом столичного правительства в противодействии силам ополчения. По сведениям мемуариста, в момент начала движения А. Госевский безрезультатно просил у короля прислать войскá из-под Смоленска для упреждающего удара по Ляпунову, «пока тот не очень силен»[6]. Возможности самогó московского наместника были весьма

---

[1] Svenska Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska Manuskript. E 8597. № 335A. Л. 360. См.: *Козляков В.Н.* О начальной истории первого ополчения: П. П. Ляпунов, И. Н. Сунбулов и бои под Пронском.

[2] НД. С. 339. По сведениям Я. Задзика, силы Ляпунова и Заруцкого должны были соединиться в Михайлове (*Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 268 [№ 14]: из письма 30 января 1611 г.).

[3] О судьбе Сунбуловых в этот период см. **3.3.3**.

[4] Svenska Riksarkivet, Skoklostersamlingen, Polska Manuskript. Sygn. E 8597. № 335A. Л. 360.

[5] *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 272 (№ 16) (из письма 21 февраля 1611 г.).

[6] «Пан Госевский сообщил [о выступлении Ляпунова – *И.К.*] королю, советуя выслать из Смоленска людей, чтобы разбить Ляпунова, пока он не очень силен: ведь поначалу у Ляпунова не было при себе и двухсот человек. Но под Смоленском этим советом пренебрегли, а нам выходить из столицы к Переславлю показалось неразумным, потому что москвитяне ворота нам больше не откроют; а отправим часть (людей) – от наших сил ничего не останется»

ограниченными, поскольку он опасался волнений в столице: когда рязанский воевода отказался присылать хлеб, и без того неустойчивое положение только ухудшилось. В январе А. Госевский и бояре столь же безуспешно обращались с призывами идти на Рязань к И.М. Заруцкому, Я.-П. Сапеге, М. Струсю. В результате состоялся только набег казаков полковника Наливайко, результаты которого неизвестны[1]. Время было упущено: уезды Московского государства один за другим переходили на сторону восставшей «земли». К февралю выступления охватили понизовые[2] и замосковные города, а затем распространились на поморские центры и Новгород[3].

Рязань оказалась «в перекрестье»[4] набиравшего силу земского движения, став одним из главным координирующих центров этой «сети»[5]. В отсутствие единого централизованного руководства, которое обладало бы принуждающей силой, ключевой категорией являлся «совет» – переговоры между равными по статусу субъектами, согласовывавшими совместные действия. Так, уже в грамоте 24 января 1611 г. кн. Трубецкие сообщали Я. Сапеге, что дадут ответ, когда к ним

(*Мархоцкий Н.* История московской войны. С. 85). Оценка первоначальной численности отряда П.П. Ляпунова представляется явно заниженной.

[1] Бельский летописец. С. 257–258 (л. 337–337об.); Дневник Яна Петра Сапеги. С. 269, 271, 273; Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года. Стб. 227; *Тюменцева Н.Е., Тюменцев И.О.* Переписка сапежинцев с руководством первого земского ополчения и П. Ляпунов в документах архива Я. Сапеги // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 23–24 (№ 1); *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 207 (№ 8) (Копия письма А. Госевского С. Жолкевскому от 14 января 1611 г.); С. 208 (№ 9) (копия письма А. Госевского Сигизмунду III от 21 января 1611 г); С. 267 (№ 13) (из письма от 30 января 1611 г.); Svenska Riksarkivet, Skoklostersamlingen, Polska Manuskript. Sygn. E 8597. № 335A. Л. 360. В грамоте из Ярославля в Вологду сообщалось (среди прочих не очень достоверных новостей – чего стоит известие о пленении гетмана С. Жолкевского!), что «Прокопий Ляпунов Литовских людей побил, а достальные побежали к Москве» См. также: *Тюменцев И.О., Тупиков Н.А.* Сапежинцы и власти первого земского ополчения (по материалам русского архива Я. Сапеги 1610–1611 годов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. № 12. С. 143–159; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 334–336.

[2] НД. С. 339; СГГиД. Т. 2. С. 498 (№ 228); *Тюменцев И.О., Тупиков Н.А.* Сапежинцы и власти первого земского ополчения (по материалам русского архива Я. Сапеги 1610–1611 годов). С. 154 (№ 12).

[3] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 337–340, 344–346.

[4] *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 327.

[5] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 341, 346.

«*на совет* от Прокофья и от *всей земли* будут»[1]. В Нижний Новгород – второй наиболее значимый центр движения – «для договора» были направлены рязанцы стряпчий И.И. Биркин и дьяк С. Пустошкин[2]. В грамоте, отправленной во Владимир в начале февраля, сообщалось о «приговоре всей земле» по поводу маршрута движения на столицу (который, впрочем, не был в полной мере выполнен городами к северу от Оки)[3].

Несмотря на неоднократно появлявшиеся слухи о том, что П.П. Ляпунов начал поход на Москву, на протяжении всего февраля он оставался на юге и дожидался подкреплений[4]. За это время рязанский воевода установил контроль над двумя центрами, в которых должны были собираться войска. В Коломну был направлен отряд под начальством В.П. Ляпунова, а к началу февраля там оказался воевода И.В. Плещеев «со многими рязанскими и коломенскими людьми и с вольными казаки». 1 февраля в Серпухов из Переяславля-Рязанского выдвинулся И.И. Можаров (именно он весной 1610 г. был направлен Василием Шуйским на помощь Шацку и перехвачен П.П. Ляпуновым) с пятьюстами «переславскими и вологодскими стрельцами и вольными казаками»[5].

---

[1] *Тюменцев И.О., Тупиков Н.А.* Сапежинцы и власти первого земского ополчения (по материалам русского архива Я. Сапеги 1610–1611 годов). С. 154–155 (№ 12). В.Н. Козляков обратил внимание, что нижегородский воевода кн. А.А. Репнин был известен рязанскому сообществу (*Козляков В.Н.* Первое ополчение в истории Смутного времени. С. 5).

[2] СГГиД. С. 498 (№ 228), 500 (№ 229).

[3] СГГиД. С. 509 (№ 238). Б.Н. Флоря полагает, что эта формулировка свидетельствует о появлении «общего органа для руководства движением» на юге (*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 340–341).

[4] Дневник Яна Петра Сапеги. С. 271 (28 января); *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 207 (№ 8) (копия письма А. Госевского С. Жолкевскому от 14 января 1611 г.). У Ю. Видекинда встречаем уникальное известие о том, что в этот период некие «ляпуновцы» перехватили вывезенные «корону и регалии Московского государства» (*Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 156). Кн. И.С. Куракин, направленный Боярской думе для действий против Владимира, потерпел неудачу, но не смог вернуться из-за появления явно недостоверной информации о том, что в Вохне якобы находились «от Прокофья Ляпунова многие люди» (СГГиД. Т. 2. С. 514 [№ 239]). Куда более близкими к действительности были сведения Я. Задзика, который писал 2 марта, что П.П. Ляпунов «до сих пор в Рязани, однако несмотря на то, что сидит на месте, взбунтовал много городов, кои от нас отложились» (*Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 278 [№ 20] [из письма от 12 марта 1611 г.]).

[5] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 116; СГГиД. С. 498 (№ 228), 509 (№ 238).

Рязанский воевода выступил на Москву из Коломны «со снарядом и с обозом дощаным» 3 марта 1611 г.[1]. Видимо, в этот период к нему приезжало столичное посольство, пытавшееся предотвратить поход[2]. «С Рязани с воеводою Прокофьем Петровичем Ляпуновым», согласно росписи, двинулись «Резанские *городы* и Севера»[3]. Можно с уверенностью предполагать, что под столицу отправилось большинство рязанских дворян и детей боярских[4]. Согласно «Дневнику похода Сигизмунда III», П.П. Ляпунов находился уже «в нескольких милях» от Москвы в момент пожара 19 марта, но непосредственно подошёл к городу 25 марта вместе с остальными силами[5]. «Рязанский полк» во главе с П.П. Ляпуновым разместился «у Яузских ворот»[6]. Группа «рязанских людей», бывших сторонников Лжедмитрия II, находилась также в отряде И.М. Заруцкого[7].

В наши задачи не входят ни рассмотрение военной стороны деятельности Первого ополчения, ни анализ административных и внешнеполитических

---

[1] ААЭ. Т. 2. С. 323 (№ 188).
[2] АЗР. Т. 4. С. 484 (№ 209).
[3] ААЭ. Т. 2. С. 323 (№ 188).
[4] Одно из подтверждений этому – беззащитность региона в момент татарского набега летом 1611 г. (см. далее).
[5] РИБ. Т. 1. Стб. 230–232. По поводу роли в московском восстании Ляпунова и слухов о приближении сил ополчения к Москве см.: АЗР. Т. 4. С. 483; Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне; *Елассонский А.* Мемуары из русской истории. С. 189–191; *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 162–163; НЛ. С. 108. Версии «Дневника похода Сигизмунда III» о моменте подхода к Москве соответствует ряд других известий: Дневник Маскевича // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Т. 1. С. 66; Карамзинский хронограф. С. 350; *Мархоцкий Н.* История московской войны. М., 2000. С. 91; *Пясецкий П.* Смутное время и Московско-польская война... С. 39–40. Возможно, перед подходом к Москве был организован сбор сил в Николо-Угрешском монастыре (НЛ. С. 109; АСЗ. Т. 3. С. 174 [№ 211]; НД. С. 339), промежуточной точкой движения являлся также Симонов монастырь (*Давиденко Д.Г.* Московский Симонов монастырь в годы Смуты // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 154–155). А. Елассонский относит приход Ляпунова к 27 марта (*Елассонский А.* Мемуары из русской истории. С. 189–191). «Официальная» дата начала осады, указываемая в грамотах ополчения – 1 апреля (*Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. С. 30; *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 336). Последнее по времени обращение к этим сюжетам см.: *Козляков В.Н.* Военные действия польско-литовского гарнизона в Москве против Первого земского ополчения в начале 1611 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 1. С. 23–32.
[6] НЛ. С. 109; Карамзинский хронограф. С. 350.
[7] Бельский летописец. С. 258 (л. 338).

мероприятий его начальников[1]. По справедливому замечанию В.А. Аракчеева, Ополчение представляло собой «плохо сплоченный конгломерат вооруженных формирований, верных своим вождям», а легитимность «бояр» оставалась недостаточной[2]. Тем более значимой была роль П.П. Ляпунова, личный авторитет и энтузиазм которого во многом обеспечивали устойчивость этого рыхлого объединения. С.Б. Веселовский обратил внимание на эмоциональное дополнение рязанского воеводы к адресованным в уезды грамотам: «И будет ваши посыльщики вперед деньги учнут привозити мимо Большого Разряда или Владимирския четверти, *и я Прокофий ото всего дела и от земского промысла отступлюся*»[3]. Как отметил В.Д. Назаров, П.П. Ляпунову «принадлежат авторские права … на формулу “совет всей земли”»[4]. Ввозные грамоты с этой формулой, выданные от его имени землевладельцам разных уездов Московского государства, известны начиная с 4 марта 1611 г.[5]. Вся документация Ополчения на

[1] По этим вопросам, не в полной мере исследованным, см. работы: *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в. С. 129–179; *Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг.; *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616). Юрьев, 1913. С. 7–20, 39; *Козляков В.Н.* Первое ополчение в истории Смутного времени; *Он же.* Смута в России. XVII век. С. 62–76; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.; *Назаров В.Д.* Первое ополчение 1611 // БРЭ. 2014. Т. 25. С. 605–608; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 36–40; *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // Архив русской истории. Вып. 3. М., 1993. С. 235–237; *Флоря Б.Н.* О приговоре Первого ополчения; *Шепелев И.С.* Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в первом земском ополчении // Сборник научных трудов Пятигорского государственного педагогического института. 1948. Вып. 2. С. 101–136; *Он же.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. С. 49–217; *Он же.* Организация Первого земского ополчения в 1611 году // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института. Ставрополь, 1949. № 5–6. С. 171–189.

[2] *Аракчеев В.А.* Земская инициатива и фискальное принуждение в России в 1606-1616 годах // Российская история. 2012. № 5. С. 29.

[3] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 3 (№ 1), 8 (№ 6). Эти дополнения были сделаны (к черновикам грамот) самим П.П. Ляпуновым. Рязанский воевода сетовал, что деньги из городов присылают «к бояром по полком, и те деньги емлют бояре без мирского ведома и дают их неведомо на какие расходы».

[4] *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 222.

[5] Первой известной грамотой с упоминанием «совета» является распоряжение о конфискации веневского поместья бывшего «тушинца» Ф. Сухотина, упоминавшегося нами в связи с расправами на территории Рязанского края (**3.2.1**) (АСЗ. Т. 4. С. 115 [№ 149]). Как и в другой грамоте начала марта, дьяческая припись отсутствует (АСЗ. Т. 3. С. 55 [№ 70]). Сохранилось

протяжении длительного периода шла исключительно от имени рязанского воеводы, и только в последней декаде мая в сохранившихся источниках впервые появляется «триумвират» с кн. Д.М. Трубецким и И.М. Заруцким[1]. Личная печать П.П. Ляпунова использовалась в роли единственного инструмента заверки грамот Ополчения вплоть до его гибели[2]. Рязанский воевода стал фактическим руководителем общерусского правительства, альтернативного Боярской думе, и ярко проявил себя в роли законодателя и администратора.

Как показал Б.Н. Флоря, в документации Ополчения «вся земля» отождествляется со служилыми людьми, и Приговор отразил интересы в первую очередь дворян и детей боярских и их представления о должном общественном устройстве[3]. Другим социальным группам уделено значительно меньше внимания. В частности, в подчинённом положении должно было оказаться посадское население – это напоминает о стиле управления, который был свойственен П.П. Ляпунову в бытность рязанским воеводой[4]. Специального упоминания заслуживает также позиция «бояр» по поводу обустройства

упоминание о мартовской помете П.П. Ляпунова с распоряжением дать муромское поместье «до московского строенья» (АСЗ. Т. 4. С. 418 [№ 518]). Один из служилых людей рассказывал впоследствии об еще одном челобитье на пути к Москве: «И … били челом на Угреше Прокофью Ляпунову, как он шел на Москву, и Прокофей де Ляпунов велел им… дати грамоту» (АСЗ. Т. 3. С. 174 [№ 211]).

[1] СГГиД. Т. 2. С. 535 (№ 251); ААЭ. Т. 2. С. 315–316 (№ 185). Первое упоминание «триумвирата» в источниках – 22 мая 1611 г.: АСЗ. Т. 2. С. 136–137 (№ 139). В Приговоре 30 июня 1611 г. сообщалось о выборе воевод «всею землею … по сему всее земли приговору». В документе упоминается также предыдущий приговор, принятый в конце мая – возможно, он был принят одновременно с оформлением «триумвирата» (Приговор Первого земского ополчения. С. 297, 301 [преамбула; ст. 13, 19]). Об избрании триумвирата в результате «розни великой»: НЛ. С. 109, 112 (ср. примечательный пересказ: АСЗ. Т. 3. С. 39 [№ 47]). В польских текстах неоднократно подчеркивалось, что рязанскому воеводе принадлежала главная роль: «Войском неприятельским начальствовали многие полковники, как-то: Заруцкий, Трубецкой, Просовецкий; но главным был Ляпунов, коему все долженствовали повиноваться» (Дневник Маскевича. С. 77; см. также: СГГиД. Т. 2. С. 540 [№ 255], 594 [№ 281]; РИБ. Т. 1. Стб. 241–242). В отличие от других воевод, П.П. Ляпунов продолжал вести самостоятельную переписку – например, с Я. Сапегой (*Тюменцев И.О., Тюменцева Н.Е.* Переписка сапежинцев с руководством первого земского ополчения и П. Ляпунов в документах архива Я. Сапеги. С. 158 [№ 17]) и Я. Делагарди (*Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616) [приложение 2]).

[2] *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 222.

[3] *Флоря Б.Н.* О приговоре Первого ополчения.

[4] Там же. С. 97.

земельных дел. Право на перевод поместий в вотчину получили не только московские «осадные сидельцы» и лица, которые сидели «по городам за Московское государство», но и бывшие тушинцы[1]. Власти Ополчения попытались таким образом устранить неравенство внутри служилых по «отечеству», которое стало следствием указа Василия Шуйского (**3.2.3**).

В историографии всесторонне изучен вопрос о гибели П.П. Ляпунова 22 июля 1611 г. Исследователи солидарны в том, что главной причиной такой развязки стали социальные противоречия внутри Ополчения[2]. Поводом для расправы стало подложное письмо, которое было изготовлено по задумке А. Госевского и попало к казакам. Убийство рязанского воеводы в изложении «Нового летописца» – безусловно осуждаемое деяние: это редкий случай, когда составитель изобразил П.П. Ляпунова как положительного героя, хотя и не преминул упомянуть о его гордыне[3]. Отметим, что после предыдущего конфликта с казаками П.П. Ляпунов намеревался «бежать к Резани», но его уговорили вернуться. На казачьем круге вместе с Ляпуновым погиб и его «великий недруг» И.Н. Ржевский («видя его правду, за нево ста и умре с ним вместе»). Согласно

---

[1] Приговор Первого земского ополчения. С. 299 (ст. 8, 9). Указ Василия Шуйского о пожаловании вотчин (назван «прежним приговором патриарха Ермогена») трактован расширительно: «за московское осадное сиденье и за ту службу, *которые были в походе с … кн. М.В. Шуйским и которые сидели по городам за московское государство*». Такая формулировка расходится с преамбулой жалованных грамот, где акцент делается на пребывании в осаде в столице (ср., напр.: АСЗ. Т. 3. С. 133–134 [№ 174]). О земельной политике Ополчения см.: *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 68–70; *Флоря Б.Н.* О приговоре Первого ополчения. С. 94–95, 102–104.

[2] *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в. С. 164–170; *Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг.; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 38–39; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. С. 179–217; *Флоря Б.Н.* О приговоре Первого ополчения. С. 101; *Dunning C.S.L.* Russia’s First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty. P. 427–430.

[3] НЛ. С. 112–113. См.: *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. С. 278–279. Ср. идеализирующий подход в «Повести Катырева-Ростовского» («Повесть» Катырева-Ростовского во второй редакции // РИБ. Т. 13. Стб. 611, 697–698).

«Рукописи Филарета», рязанцы были совместно погребены в церкви Благовещения на Воронцовом поле[1].

Убийство казаками П.П. Ляпунова привело к кризису, однако не повлекло за собой распад Первого ополчения[2]. Рязанские дворяне и дети боярские, возможно, на некоторое время покинули подмосковный лагерь[3]. Известно, что в октябре 1611 г. какой-то рязанский отряд вновь пришёл к столице под начальством дворянина московского В.И. Вишнякова: «Да как приходил из [се]ла Краснова Хоткеев [Ходкевич – *И.К.*], а резанцы в те поры пришли с Резани с воеводою с Володимером Вешняковым»[4]. «Бояре Московского государства» кн. Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий продолжали руководить войском и выполнять

---

[1] Как выяснил В.М. Ундольский, в 1612/13 г. Ляпунов и Ржевский были перезахоронены в Троице-Сергиевом монастыре (*Ундольский В.М.* Новые разыскания о месте погребения Прокопия Ляпунова // ЧОИДР. М., 1846. Кн. 2. С. 24–32). «Рукопись Филарета» позволяет отвергнуть информацию грамоты Боярской думы, согласно которой тело Ляпунова «держали собакам на снеденье на плозади три дни» (СГГиД. Т. 2. С. 584 [№ 276–277]). Известия о гибели рязанцев в русских источниках: НЛ. С. 112–113; Карамзинский хронограф. С. 352; Рукопись Филарета. С. 52–53; *Савельев Н.* О месте погребения Ляпунова. С. 7–8 (цитируется наиболее полный список «Рукописи Филарета»). В челобитных И.И. Ржевский писал: «…убили под Москвою с Прокофьем Ляпуновым казаки, а после ево осталась жена, а ему Ивану мать вдова Мария да сын он Иван да дочь девка» (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 183). Версия, согласно которой П.П. Ляпунов убит казаками «по Иванову заводу Шереметева» (комментарий: *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. Кн. 2. С. 266–270): Памятники истории Нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. СПб., 1912. С. 124 (№ 71); Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1864. Т. 2. Стб. 603 (№ 191). Иностранные источники*: Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 196; *Геркман Э.* Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском. С. 256–257; Дневник Маскевича. С. 77–78; Дневник Мартына Стадницкого // Русский архив. 1906. № 6. С. 207–208; *Пясецкий П.* Смутное время и Московско-польская война…. С. 43–44.

[2] НЛ. С. 114; Карамзинский хронограф. С. 352; *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 196. Критику известий о «распаде» ополчения см.: *Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. С. 35–36; *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 352–356.

[3] Рязанцы могли покинуть подмосковный лагерь не только из-за конфликта с казаками, но и по причине татарского набега на уезд (*Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С.74). Прямые данные о перемещениях рязанских сил в этот период пока не обнаружены.

[4] Упоминание в сказке рязанца Н.П. Беклемишева 1613/1614 г., на которое обратил внимание А.Л. Станиславский (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 890. Л. 352–353; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 49). Н.П. Беклемишев летом 1611 г. находился не под Москвой, а в Рязанском уезде, и получил ранение во время татарского набега. Во время боя с Ходкевичем он также был серьезно ранен, что свидетельствует об участии рязанского отряда в сражении.

правительственные функции: «Владели ратными людьми всеми и казаками и в городы писали от себя»[1]. В своей политике «дуумвират» следовал линии, намеченной в предшествующий период. Однако смена подмосковной власти имела значительные последствия для ситуации в Рязанском уезде, поскольку переворачивала сложившееся соотношение сил. Челобитчики получили возможность пожаловаться на притеснения «ляпуновского» правления. Уже 3 августа 1611 г. кн. Щетининым было возвращено поместье, которым ранее завладели родственники рязанского воеводы[2]. «Бояре» дали ход челобитной посадских людей Переяславля-Рязанского с жалобами на злоупотребления Ляпунова и его сторонников[3] (**3.2.2**). 18 августа в Рязань была направлена грамота с распоряжением прекратить притеснения чернослободцев[4]. Центральная власть (в лице земского правительства) получила возможность выполнять функции независимого верховного арбитра в местных делах.

Одновременно была произведена смена уездной администрации. Воеводой Переяславля-Рязанского вместо М.И. Ляпунова был назначен (не позднее 9 августа 1611 г.) московский дворянин кн. С.П. Засекин[5]. В дальнейшем на рязанском воеводстве оказывались кн. И.А. Дашков (сентябрь 1611 г.)[6], И.М. Бутурлин (с С.М. Ушаковым; ноябрь 1611 г.)[7], окольничий С.В. Головин (с

[1] Карамзинский хронограф. С. 352. Имя П.П. Ляпунова вычеркивалось из подготовленных документов (*Дробленкова Н.Ф.* Ляпунов Прокопий Петрович. С. 56): Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С.1 (№ 1), 4 (№ 3), 7–9 (№ 6); Акты времени Междуцарствия. С. 38–44.

[2] АСЗ. Т. 2. С. 411 (№ 479).

[3] Напомним, НЛ сообщает о жалобе рязанских посланников кн. М.В. Скопину-Шуйскому, но она не имела последствий (НЛ. С. 93). Ср. с известной практикой расследования деятельности воеводы и принятия жалоб после его смены (*Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 122).

[4] НД. С. 198–201 (№ 79). См. также челобитную Г. Измайлова: Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 56 (№ 44)

[5] Акты времени Междуцарствия. С. 42; Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 30 (№ 23); НД. С. 198–201 (№ 79).

[6] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 51 (№ 24). Рязанский землевладелец, отец был местным выборным.

[7] *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883. С. 292–294 (№ 2); АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479); Корецкий В.И. Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 95.

С.М. Ушаковым; январь, февраль 1612 г.)[1], кн. И.П. Засекин (февраль, май 1612 г.)[2], кн. И.А. Хворостинин (с С.М. Ушаковым, июнь 1612 г.)[3], М.М. Бутурлин (неизвестно)[4], М.А. Вельяминов (октябрь 1612 г.)[5]. Как видно из этого перечня, земские «бояре» вернулись к досмутной практике назначения воевод, большинство из которых теперь не были связаны с местным сообществом[6].

В конце 1611 г. «бояре» распорядились о смене должностных лиц таможенной избы Переяславля-Рязанского, участвовавших ранее в ляпуновских махинациях[7]. Новые назначения были произведены также в рязанские «пригороды». 2 августа 1611 г. пронский воевода Л.(В.) Сумников-Измайлов, сторонник Ляпунова, был вызван «на земскую службу к Москве», сдав дела Р.П. Федорову[8]. Последнего сменил московский дворянин рязанского

---

[1] АСЗ. Т. 2. С. 411 (№ 479); *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 94; РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. № 2. Л. 22; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 49.

[2] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 78–79 (№ 63–64); АСЗ. Т. 2. С. 413 (№ 480); *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 241, 258. У А.Л. Станиславского спутан с кн. С.П. Засекиным (*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 49).

[3] АСЗ. Т. 2. С. 233 (№ 259); НД. С. 340 (№ 200).

[4] НЛ. С. 128; *Опарина Т.А.* Судьба рядового участника свадебных торжеств Марины Мнишек и Лжедмитрия I (челобитья Станислава Сандецкого царю Михаилу Романову). С. 226; РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. № 2. Л. 2.

[5] АСЗ. Т. 2. С. 414 (№ 481).

[6] О тенденции к «централизации» власти, проявившейся в этот период, см.: *Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. С. 57–58.

[7] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 54 (№ 42). Т.А. Павлов (заголовок в публикации дан неверно: не являлся воеводой, но выполнял обязанности таможенного и кабацкого головы) должен был сменить И.И. Гагина, подьячий В. Приклонский – Н.С. Обрывкова (ср.: НД. С. 199 [№ 79]; *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 94). Судя по приходно-расходной книге, И.И. Гагин продолжал занимать прежний пост и сдал дела Т.А. Павлову только 23 марта 1613 г. (Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 76 [№ 63]; РИБ. Т. 28. СПб., 1912. С. 84–86; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 244, 245). Н.С. Обрывков упоминается вместе с И.И. Гагиным в январе и феврале 1612 г. (АСЗ. Т. 2. С. 29–30 [№ 11], С. 232–233 [№ 258]).

[8] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 30 (№ 23). Сохранившийся воеводский наказ примечателен детальными инструкциями по поводу организации обороны от татар и обхождения с «ворами»: АСЗ. Т. 4. С. 241–242 (№ 325).

происхождения Г.Н. Ржевский (январь 1612 г.)[1]. В Зарайске воеводами были С.Я. Беклемишев (с Ф.И. Фоминым, сентябрь 1611 г.)[2], рязанец В.П. Чевкин, присланный из полка кн. Д.Т. Трубецкого[3] (ноябрь 1611 г.), а также, возможно, окольничий С.В. Головин (ранее апреля 1612 г.)[4]. Уже упомянутый Р.П. Федоров был в сентябре 1612 г. назначен в Ряжск на место кн. И. Волконского[5]. Начала действовать система ротации должностных лиц, нарушенная в предшествующий период.

В конце августа 1611 г. начался сбор шуб для ратных людей, для чего в Рязанский уезд был направлен Г. Пороватов. 15 сентября дворяне и дети боярские всем «городом» написали челобитную с просьбой освободить их от «шубного сбора» из-за полного разорения («а которые… от татар утекли, и те бродят по лесом, помирают голодную смертью… а мы… с женушкоми и с детишками и с людишками от татар живем по городом в осаде… у нас в уезде овцы не добудут, татаровы…выганили с собою»)[6]. Челобитная не была удовлетворена, но приехавший сборщик не смог выполнить поставленную задачу. В ноябрьской грамоте рязанским воеводам было указано бить его кнутом и «доправить» сбор нещадно. Сдержанный выговор («и вы, господине, делаете не гораздо, что о земском и о ратном деле и о служивых людех не радеете, и наших грамот не слушаете») получили и сами воеводы, которые затягивали с присылкой «денежных доходов и кабацких денег»[7].

---

[1] АСЗ. Т. 4. С. 242–243 (№ 326). Данное назначение весьма примечательно: в Пронск отправился дворянин рязанского происхождения, до этого долгое время находившийся на «московских» службах без связи с рязанским сообществом.

[2] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 30 (№ 23).

[3] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 56 (№ 44), 63 (№ 50). В списке «полка» кн. Д.Т. Трубецкого 2 ноября 1611 г. под заголовком «Рязань» представлены В.П. Чевкин («был без съезду») и Б.Г. Коробьин («приехал с бояры, в отпуске») (АМГ. Т. 1. С. 80 [№ 45]).

[4] Возможно, оставался воеводой Переяславля-Рязанского, поскольку упомянут с тем же коллективом администраторов (*Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 95). 7 апреля 1612 г. оказался в лагере Второго ополчения (*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 49).

[5] Также сохранился наказ: АСЗ. Т. 4. С. 243 (№ 327).

[6] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 24 (№ 18), 30 (№ 23), 31–32 (№ 24, 25).

[7] *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. С. 292–294 (№ 2). Ср. с грамотой аналогичного содержания, направленной тульскому воеводе В.М. Бутурлину и комментарий

Прерывая здесь хронологическую нить изложения, коротко обратимся к теме татарских набегов на Рязанский уезд. Погрузившееся в состояние внутренней войны Московское государство в годы Смуты «поменялось ролями» со степными соседями[1]. Правительство пыталось использовать кочевников (вне зависимости от того, появлялись они по приглашению или без) для операций против повстанцев, но не имело возможности контролировать их действия. В 1608 г. крымчаки «*приходили на помочь* на литовских людей и на русских воров и в ту пору воевали на Резани»[2]. По запросу П.П. Ляпунова в середине августа были присланы толмачи, переговоры должен был вести рязанский выборный дворянин И.И. Язвецов[3]. Как сообщалось в челобитной рязанского «города», «крымские и нагайские люди» появлялись в Рязанском уезде каждое следующее лето[4]. Летом 1609 г. крымские татары развернули настоящую войну на юге и сумели перейти Оку[5]. Из челобитной Любавских известно, что в августе крымчаки и ногаи действовали на территории Рязанского края[6]. Ногайские татары летом 1610 г. совершили крупный набег на южное пограничье. Во главе отрядов, пришедших

С.Б. Веселовского (Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 59 [№ 48]; *Веселовский С.Б.* Предисловие // Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 7–8 [1–я паг.]). Исследователь считал, что Рязань была освобождена от уплаты сбора, поскольку на одной из грамот стоит помета «имать не велено» (Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 41 [№ 33]). Возможно, она появилась уже после того, как сбор окончательно провалился.

[1] *Ходарковский М.* Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М., 2019. С. 188. О взаимоотношениях с татарами в этот период см.: *Захарьина Н.С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского: 1607–1610 гг. // Социально-экономическая и политическая история юго-восточной Европы. Кишинев, 1980. С. 132–140; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 55–80.

[2] Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 278.

[3] АСЗ. Т. 4. С. 203–204 (№ 275). См.: *Захарьина Н.С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского: 1607–1610 гг. С. 134.

[4] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 32 (№ 25). О гибели и пленении рязанских служилых людей в боях с татарами сохранился ряд известий: *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века. С. 76; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 86; *Антонов А.В.* Из частной жизни служилых людей рубежа XVI – XVII веков. С. 168 (№ 4).

[5] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 69–70.

[6] АСЗ. Т. 2. С. 227 (№ 251). В грамоте указание на время: «в Оспожины говейна» (т.е. на Успение).

«на Переславские и на Резанские места» находился родной брат Иштерека Бекмаметь мурза. Рязанский воевода пытался направить их на «воровские места», но безуспешно: татары «ходили …. не ведая, которые места воровские и которые места государевы»[1].

В историографии неоднократно высказывалось мнение о том, что выступление рязанцев против Василия Шуйского произошло именно из-за того, что царь не мог обеспечить безопасность края от набегов и призывал татар[2]. Такая версия представляется не слишком убедительной – во всяком случае, отсутствуют прямые данные в её пользу. Летом 1611 г. сам П.П. Ляпунов – уже в качестве главы Первого ополчения – попытался привлечь ногаев для помощи против польско-литовских сил. 16 июля татары под начальством Сарыке-ага появились под Переяславлем-Рязанским. На базаре под городом случился конфликт, ногаи «убили дворянина добра»[3] и начали опустошать край. Как сообщал рязанский воевода М.И. Ляпунов, «татарове под Переславлем … воюют и … села и деревни выжгли и уездных людей … в полон поимали, а к посаду на день приходят по дважды и по трожды»[4]. «Бояре» в грамоте упрекали Сарыке-ага за вероломство: в расчёте на шерть все рязанские «воинские люди» ушли «под Москву на польских и на литовских людей». Татарам было отправлено требование покинуть уезд,

---

[1] Акты времени Междуцарствия. С. 18–19. По поводу целей переговоров П.П. Ляпунова с татарами в черновом статейном списке есть неопределенность: после «чтоб они государевых мест не воевали» зачеркнута фраза «а воевали воровские места» и добавлена «а шли на государеву службу к Москве». Такие сомнения составителя, вероятно, отражали сложность политической ситуации весны 1610 г., когда рязанский воевода отказал Василию Шуйскому в лояльности. О судьбе ногайских послов, которые с 1609 по 1613 г. оставались в Московском государстве, см.: *Кусаинова Е.В., Кусаинов А.А.* Ногайское посольство в Россию 1610–1613 гг. // Ногайцы: XXI век. Черкесск, 2016. С. 113–117.

Тогда же правительство Василия Шуйского попыталось привлечь помощь крымских татар против Лжедмитрия II, но они столкнулись с сопротивлением и вскоре ушли (*Захарьина Н.С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского: 1607–1610 гг. С. 138; НЛ. С. 98; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 183; *Цветаев Д.В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. Вып. 1. С. 5).

[2] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 72; *Захарьина Н.С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского: 1607–1610 гг. С. 138; *Dunning C.S.L.* Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. P. 402.

[3] Акты времени Междуцарствия. С. 28–29.

[4] Там же. С. 41.

«выбрав ратных лутчих людей дву тысяч» для помощи ополчению под Москвой[1]. Однако С.М. Ушаков, посланный для переговоров, так и не застал ногаев: в конце июля они, основательно разграбив уезд, отправились обратно[2]. Неудивительно, что после этого набега рязанцы не смогли выплатить «шубный сбор».

3.2.5. Вельяминов против Заруцкого: замирение края (1612–1613)

Вопрос о политической ориентации Рязани в период между концом 1611 и осенью 1612 г. является дискуссионным. С одной стороны, как отметил А.Л. Станиславский, власти Первого ополчения продолжали назначать воевод и выдавать поместные и вотчинные грамоты в уезд вплоть до момента объединения с силами кн. Д.М. Пожарского (известны документы от января, апреля, июля, сентября 1612 г.)[3]. Особый интерес представляет грамота «царицы» Марины Мнишек, отправленная рязанским воеводам из Коломны в мае 1612 г.[4].

С другой стороны, сохранились вполне однозначные свидетельства того, что Рязань установила связь с Вторым ополчением. П.Г. Любомиров обратил внимание на упоминание в нижегородской отписке курмышскому воеводе (26 декабря 1611 г.): «Все городы согласились с Нижнем, понизовые и поморские и поволжские *и Рязань*, и *всякие доходы посылают в Нижней Новгород*»[5]. В «Новом летописце» также сообщается, что рязанцы одними из первых (наряду с «коломничами» и «украинных городов многими людьми») присоединились к

---

[1] Там же. С. 39.

[2] Акты времени Междуцарствия. С. 43. См.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 73–74.

[3] АСЗ. Т. 2. С. 411–412 (№ 479) (4 января 1612), 232–233 (№ 258) (22 января 1612); Т. 3. С. 388–389 (№ 469) (9 ноября 1611), 174–175 (№ 211) (22 ноября 1611), 57–58 (№ 74) (15 декабря 1611), 317–318 (№ 393) (4 января 1612), 154–155 (№ 184) (ок. 12 января 1612); АСЗ. Т. 4. С. 242–243 (№ 326) (29 января 1612), 102 (№ 138) (27 января 1612), 192–193 (№ 258) (2 апреля 1612), 141 (№ 185) (26 июля 1612), 243 (№ 327) (20 сентября 1612, только кн. Д.Т. Трубецкой). См.: *Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. С. 64, 71; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 49–51.

[4] АСЗ. Т. 2. С. 413–414 (№ 480).

[5] Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1862. Вып. 1. С. 13 (№ 6) (3-я паг.). См.: *Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. С. 96; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 42, 82, 100–101, 107.

движению[1]. В апреле 1612 г. из Ярославля в Новгород была послана делегация, в которой были представители «от Резанские области и от Коломны и ото *всех резанских городов*» – дети боярские рязанец Н.В. Маслов и коломенец С.Д. Назаров[2]. Известно, кроме того, что двое рязанских воевод после пребывания на этом посту оказались в лагере Второго ополчения[3]. По некоторым сведениям, Рязань уклонилась от присяги «Псковскому вору», которая была принесена подмосковным войском в марте 1612 г.[4].

Важную информацию о ситуации в Рязанском уезде содержит челобитная М.М. и А.М. Вельяминовых, которые детально описали службу своего отца М.А. Вельяминова[5]. Когда И.М. Заруцкий задумал бежать из подмосковного лагеря, он предполагал обосноваться в Переяславле-Рязанском. Местных воевод казачий атаман «велел взять и … привесть к себе, а на их место велел быть своим советником» Г.В. Житову и И.И. Можарову. Как только об этом стало известно рязанскому воеводе кн. И.А. Хворостинину и архиепископу Феодориту, они немедленно послали за помощью «к боярам» в Ярославль и шацкому воеводе М.А. Вельяминову. По указанию земского правительства М.А. Вельяминов отправил отряд из четырехсот человек во главе с мещерцем И.Т. Лачиновым. Он опередил людей И.М. Заруцкого и не позволивший захватить город[6].

Обратим внимание на несколько аспектов в связи с этим известием. Во-первых, рязанский воевода оказался противником И.М. Заруцкого и обратился к

---

[1] НЛ. С. 117.

[2] Памятники истории Нижегородского движения… С. 250 (№ 143).

[3] Подмосковное правительство 9 мая 1612 г. передало другим лицам рязанскую вотчину кн. И.А. Дашкова, который ранее упомянут на позиции рязанского воеводы; 7 апреля в Ярославле оказался окольничий С.В. Головин (*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 49).

[4] См. апрельское послание архимандрита Дионисия предводителям Второго ополчения: «Замосковные городы, Калуга, Серпухов, Тула, *Резань* и все городы, по воровскому заводу креста не целовали, а радеют и ждут потому ж вашего совета» (ААЭ. Т. 2. С. 353). Сцена раскола в лагере под Москвой запечатлена в челобитной Вельяминовых, отец которых бежал из-под Москвы «в Ярославль к боярам» после начала присяги, и по его примеру «многие города…. к воровству не пристали» (НД. С. 340 [№ 200]).

[5] См. комментарий к источнику: *Станиславский А.Л.* Челобитная Вельяминовых – источник по истории России начала XVII в. С. 34–36.

[6] НД. С. 340 (№ 200). Наиболее вероятная датировка этих событий – июль 1612 г.

властям Второго ополчения[1]. Известно, что в июне кн. И.А. Хворостинин выдал грамоту, которая фактически отменила решение «царицы» Марины Мнишек по одному из спорных земельных дел, вынесенное месяцем ранее[2]. Во-вторых, в Рязанском уезде отсутствовали силы, которые были способны оказать сопротивление даже небольшому передовому отряду. Уже в первые месяцы 1612 г. рязанской воевода С.В. Головин сообщал, объясняя отсутствие кабацких доходов, что «ратных людей в Переславле нет, пити некому»[3]. Где в этот период могли находиться рязанские дворяне и дети боярские? Если бы рязанцы продолжали стоять в подмосковном лагере, то оказали бы, вероятно, помощь в действиях против И.М. Заруцкого. Логично предположить, что местный «город» – или, по крайней мере, значительная его часть – присоединился ко Второму ополчению (как о том сообщает «Новый летописец»). В-третьих, некоторые рязанские дворяне были приближёнными казачьего атамана. И.М. Заруцкий неслучайно выбрал И.И. Можарова и Г.В. Житова – рязанских служилых людей, которые ранее являлись сторонниками П.П. Ляпунова (**3.2.2**) и были известны в локальном сообществе.

Таким образом, в Рязанском уезде сложилась парадоксальная ситуация множественной лояльности. На уезд теоретически распространялась юрисдикция нескольких центров власти, которые в той или иной степени могли рассчитывать на выполнение своих распоряжений[4]. При этом рязанское сообщество утратило

---

[1] А.Л. Станиславский с осторожностью пишет, что кн. И.А. Хворостинин «был сторонником Первого ополчения, но не Заруцкого» (*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 50). Существенно, однако, что рязанский воевода обратился в Ярославль и прибег к помощи М.А. Вельяминова, который давно перешел на сторону Второго ополчения.

[2] АСЗ. Т. 2. С. 233–234 (№ 259).

[3] *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 94.

[4] А.Л. Станиславский предложил сравнение с Курмышем, где «в конце 1611 г. одновременно выполнялись распоряжения Первого и Второго ополчений» (*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 251). Пример земельного спора кн. Щетининых и Ляпуновых показывает, как служилые люди пользовались таким положением, обращаясь к разным центрам власти за нужным решением. Характерно, что участники спора находились в разных лагерях: кн. М.В. Щетинин был «на земской службе в Ерос[лав]ле, Ф. Ляпунов – в подмосковных полках (**3.4.1**; приложение 8).

субъектность в отсутствие служилого «города». Соотношение сил в регионе определяли теперь не рязанские дворяне и дети боярские, а внешние игроки.

После первой неудачи И.М. Заруцкий не оставил намерения закрепиться в Переяславле-Рязанском. 28 июля 1612 г. большое казачье войско покинуло подмосковный лагерь и, разграбив Коломну, направилось на юго-восток. Рязанцы и теперь обратились за помощью к М.А. Вельяминову (к нему был прислан В.П. Ляпунов). На этот раз шацкий воевода сам отправился в поход. Вновь опередив И.М. Заруцкого, М.А. Вельяминов не дал казакам занять уездный центр, преследовал их и нанёс поражение под Киструсом. Свидетельство об этом бое сохранилось в родословной росписи Таптыковых в связи с фигурой сотенного головы Д.П. Таптыкова: «И как ходили из Переславля Ряезанского в поход всею Резанью на низ Окою рекою в судах и берегом угнать вора Ивашка Заруцкова с Маринкою и с воровскими козаки, и ево, Ивашка, дошли ниже Старой Резани на Оке реке под селом Киструсом, и был бой, и на том бою ево, Денисья Таптыкова, убили»[1]. И.М. Заруцкий закрепился в Сапожке, откуда посылал свои отряды на Шацк и Ряжск, но в обоих случаях потерпел неудачу. Под Шацком казаки были отбиты силами вернувшегося М.А. Вельяминова, а в Ряжске «воровских людей побили наголову» рязанский голова П. Чевкин «с товарищи»[2]. А.Л. Станиславский отнёс эти события к сентябрю 1612 г.[3]. Борьба снова велась *за* Рязанский край, и местное сообщество не могло обеспечить самостоятельную оборону региона. Не позднее 20 октября 1612 г. М.А. Вельяминов был назначен рязанским воеводой – сохранилась грамота, адресованная к нему «боярами»

Не вполне ясно, где находился в этот период рязанец Н.П. Беклемишев, составивший подробную сказку с информацией о своих боевых заслугах. Прибыв к Москве с воеводой В.И. Вишняковым в октябре 1611 г., он получил ранение в первом же бою и мог как вернуться в Рязань, так и остаться в подмосковном лагере. В любом случае, он вряд ли присоединился к силам кн. Д.М. Пожарского раньше, чем они подошли к Москве. В августе 1612 г. Н.П. Беклемишев вновь находился под столицей и принимал участие в битве против Ходкевича в составе сотни известного Г. Горихвастова (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 890. Л. 353).

[1] РРР. С. 197.

[2] НД. С. 340–341 (№ 200).

[3] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 53.

объединённого Ополчения[1]. К этому моменту М.А. Вельяминов уже стал ключевым военачальником на южном пограничье, главной задачей которого являлось противодействие повстанцам.

Вскоре соотношение сил в регионе резко изменилось: «Михайлов город и Пронск, и Ряской, и Донков, и Епифань своровали и *призвали Заруцкого на Михайлов*, и Заруцкой послал воровских своих людей на Резань, и в Серебряном острошке Н. Пильемова да кн. Г. Волконского осадили»[2]. Первое упоминание о появлении И.М. Заруцкого в Михайлове относится к 11 декабря 1612 г.[3]. Как справедливо отметил А.Л. Станиславский, на Рязанщине в очередной раз произошёл раскол: центр, сохранявший лояльность правительству, противостоял восставшим пригородам[4]. Только Зарайск и острог в Серебряных прудах не примкнули на этот раз к повстанцам[5]. И.М. Заруцкий обосновался в Михайлове, как ранее А. Лисовский и Ис.Н. Сунбулов.

Попытки И.М. Заруцкого захватить Переяславль-Рязанский в конце 1612 г. вновь потерпели неудачу. Вероятно, именно к этому времени относится известие «Нового летописца» о том, что казаки были «наголову побиты» вышедшим из

---

[1] АСЗ. Т. 2. С. 414 (№ 481). О выдаче М.А. Вельминову собранных в Переяславле-Рязанском денег в этот период (в дальнейшем упоминается также снабжение его «полков» продовольствием): РИБ. Т. 28. С. 85–86.

[2] НД. С. 341 (№ 200).

[3] Упоминается в переписке темниковского воеводы И.М. Бутурлина (*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 58). «Новый летописец» рассказывает историю похода И.М. Заруцкого очень кратко, уместив полгода в несколько фраз: «…и Коломну град выграбиша. Поидоша в Резанские места и там многу пакость делаша. И пришед, ста на Михайлове городе» (НЛ. С. 123). «Пискаревский летописец» почти так же лаконичен: «И, взяв жонку да и мало́го, с Коломны пошол к Шатскому, и тут его не пустили, и он в город в Сапожек, а ис Сапожка на Михайлов, а с Михайлова на Воронеж да на Ливну. И в те городы его не пустили же. А под Ливною у него побили, и он пошел на поле» (Пискаревский летописец. С. 218, 219). См. также челобитную Н. Крюковой, в которой она сообщает о гибели сыновей: одного «в Печерниках как шел Заруцкий на Михайлов, а другого – под Михайловым» (*Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 83).

[4] Ср. в грамоте 31 декабря 1612 г.: «Вор Ивашко Заруцкой с Маринкою и с сыном ее, прибрав к себе воров, холопей боярских и пашенных мужиков, которые не хотят покою християньсково и тишины, в *Резанских пригородках стоит*, и государства Московского землю пустошит» (*Зимин А.А.* Акты земского собора 1612–1613 гг. // Записки отдела рукописей. М., 1957. Вып. 19. С. 188).

[5] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 58–59.

города воеводой М.М. Бутурлиным[1]. Можно предполагать, что в момент перехода рязанских центров на сторону И.М. Заруцкого М.А. Вельяминов находился в Шацке. Там он дождался внушительного подкрепления «казанских людей» – к войску присоединились 4600 свияжских татар[2]. С этими силами М.А. Вельяминов освободил острог на Серебряных прудах, после чего нанёс И.М. Заруцкому два серьёзных поражения. В бою неподалеку от Переяславля-Рязанского (под Мервиным острогом) «в языках взяли семьсот двадцеть семь человек, и наряд и коши поимали»[3].

Следующие известия о событиях в Рязанском уезде приходятся на весну 1613 г. 1 марта М.А. Вельяминов привёл к присяге Михаилу Фёдоровичу население Переяславля-Рязанского и свияжских татар[4]. Сыновья воеводы с гордостью отмечали, что он «преже всех городов» прислал известие об этом в Москву с одним из своих родственников и делегацией татар. После присяги М.А. Вельяминов «писал во все изменные городы: на Михайлов, в Пронск, в Ряской, на Сапожок, в Данков, чтоб … вины свои принесли и крест целовали»[5].

---

[1] НЛ. С. 128. А.Л. Станиславский относит появление М.М. Бутурлина ко времени боя под Мервиным острогом (*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 64). Упоминание об этом рязанском воеводе встречается челобитных, обнаруженных Т.А. Опариной, однако маршрут И.М. Заруцкого в них описан слишком обобщенно, чтобы уточнить датировку: «А как Зарутцкои ис-под Москвы побежал на Низ, взяв на Коломне Маринку, а он Станислав был с Маринкою. *И под Переславлем–Резанским столник и воивода Михайло Бутурлин с таварыщи Заруцкого и Маринку побили* и ево, Станислава, в те поры отгромили»; «И шол Заруцкои на Низ мимо Переславль-Резанского. И в те поры иво погромили твои воеводы Михайло Матвеевич Бутурлин под городом под Переславль-Резянским» (*Опарина Т.А.* Судьба рядового участника свадебных торжеств Марины Мнишек и Лжедмитрия I. С. 226). Примечательно, что иноземец-челобитчик «от тех мест жил у Михаила Бутурлина» на протяжении семи лет. В челобитной ногайских послов М.М. Бутурлин упоминается совместно с М.А. Вельяминовым: «Да как приходили твои государевы изменники Ивашка Заруцкого воры под город под Переяславль, и мы были с воеводою с Михаилом Матвеевичем Буторлиным да с Мироном Ондреевичем Вельяминовым, и с теми воры билися до смерти» (РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. № 2. Л. 12).

[2] НД. С. 341 (№ 200). См. о контексте отношений с «Казанским государством»: *Корецкий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612–1613 гг. // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 248; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 65.

[3] НД. С. 341 (№ 200).

[4] ДР. Т.1. Стб. 1045–1048 (№ 1, 2).

[5] НД. С. 341 (№ 200).

Призывы не возымели действия, и воевода начал приводить уезд к повиновению центральной власти при помощи военной силы. Информацию челобитной Вельяминовых дополняют данные, содержащиеся в серии сохранившихся апрельских отписок местных воевод и царских грамот[1]. Эти материалы позволяют реконструировать подробности замирения края.

К весне 1613 г. в рязанских городах уже длительное время находились повстанческие гарнизоны, которые разоряли население (как сообщали жители Михайлова, «Ивашка Зарутцкой своими советники город Михайлов выпустошил, и нас вконец погубил»)[2], поэтому часть местных жителей склонялась к присяге новоизбранному царю. В этих условиях рязанский воевода действовал значительно активнее, чем ему предписывали царские грамоты. Из Москвы уже в марте обещали прислать большое войско, до прибытия которого следовало «жити с великим береженьем», но отправка подкреплений явно затягивалось[3]. Даже воеводы соседних городов, вопреки правительственным распоряжениям, не прислали дворян и детей боярских к М.А. Вельяминову, который постоянно жаловался на нехватку людей[4]. Несмотря на это, рязанский воевода проявил

[1] ДР. Т. 1. Стб. 1093–1128 (№ 18–38); РИС. Т. 5. 1842. С. 115–117. Последняя грамота, несомненно, являлась одним из источников служебной биографии М.А. Вельяминова, представленной в челобитной его сыновей.

[2] ДР. Т. 1. Стб. 1095–1096 (№ 19); *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 12–14.

[3] РИС. Т. 5. 1842. С. 116–117.

[4] В царской грамоте 23 марта пересказывается послание М.А. Вельяминова: «*над городы промышляти тебе некем*, люди с тобою немногие, а из которых городов людем велено быти с тобою, и те к тебе не бывали». Как следует из грамоты, ранее уже был разослан указ о направлении в Рязань дворян и детей боярских соседних городов, но не был выполнен (РИС. Т. 5. 1842. С. 115). Заметим, что жалобы М.А. Вельяминова на крайнюю нехватку сил обретают смысл лишь в случае, если главная часть войска из 4600 свияжских татар, приносивших присягу 1 марта, покинула край (*Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 70). Между тем, можно с уверенностью утверждать, что по крайней мере некоторые отряды татар продолжали нести службу в Рязанском уезде. «Понизовые люди» в Переяславле-Рязанском упоминаются в грамоте 23 марта (РИС. Т. 5. 1842. С. 115). В первой половине марта голова И. Чуркин прислал в Москву свияжан, который сообщали, что «служили … в Переславле в Резанском и во всякие посылки под Зарутцкова ходили» (сохранившаяся челобитная подана 3 мая, к тому моменту челобитчики находились в Москве уже «осмую неделю»; указано, кроме того, время, когда свияжские татары покинули свой край – 20 недель назад, т.е. в середине декабря 1612 г.). Еще двое свияжских татар сообщали в июньской челобитной: «Были мы … в Переславле Резанском с … воеводою с Мироном Ондреевичем Вельяминовым и ходили за Ивашком Заруцким и *многие смутные*

инициативу и, не ограничиваясь разведкой, самостоятельно начал операции против повстанцев. М.А. Вельяминов умело координировал действия голов, которые направлялись на рязанские «пригороды», и в случае необходимости поддерживал их основной ратью. Около середины марта на Пронск был послан голова кн. Г. Волконский, на Михайлов – А. Маслов, на Ряжск (а затем – Епифань и Данков) – П. Зайцев (все – рязанские дети боярские).

Пронск не открыл ворот правительственным силам, и рязанская сотня «пожгла посады» вокруг крепости. Глава местных повстанцев М. Полоченинов обратился за помощью к И.М. Заруцкому и в Ряжск, но вскоре был арестован в результате переворота. Прончане «добили челом» и обратились к М.А. Вельяминову с просьбой занять город прежде, чем это сделают новые казачьи отряды. Рязанский воевода опередил ряжских «воровских людей», появился под городом и привёл местных жителей к присяге. В Пронске был оставлен кн. В. Волконский. Уже 20 марта в Москву прибыли посланцы М.М. Вельяминов и И.(И.) Язвецов с известием о победе. Не обошлось без казуса, ярко показывающего положение дел в столице в этот период: «против Спасского монастыря» их полностью ограбили, не только отняв оружие, но сняв даже сапоги и «кресты»[1].

Повстанцы **Михайлова** тоже поначалу «не послушали» голову А. Маслова и отказались принять правительственные силы. Однако 1 апреля жители города послали в Переяславль-Рязанский и Зарайск делегации во главе с детьми боярскими, которые сообщили, что «воры, которые были на Михайлове от Заруцкого» схвачены и брошены в тюрьму. Один из повстанцев, сын боярский Ф. Чевкин, «убил казака Петрушку Кирилова заводца». Зарайский воевода кн. А.Ф. Гагарин отправил в город отряд во главе с кн. Г.(П.?) Гагариным, а М.А. Вельяминов лично прибыл 3 апреля и привёл жителей к присяге. Оба

города привели к тебе государю, и крест тебе государю целовали» (*Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 88, 111, 121). Можно предполагать, следовательно, что при рязанском воеводе в марте-апреле продолжал находиться татарский отряд, но его численность неизвестна.

[1] РИС. Т. 5. 1842. С. 115; НД. С. 341 (№ 200); *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 5.

воеводы (не особенно согласовывая, как кажется, свои действия) стремились продемонстрировать успехи и отправили прибывшие из Михайлова делегации в столицу. В Михайлове были размещены сотни из Переяславля-Рязанского, а затем там обосновался сам М.А. Вельяминов[1].

Рязанский воевода отчитывался также о том, что 3 апреля привёл к присяге жителей **Печерников**. Сотни были направлены в этот укреплённый пункт сразу после взятия Пронска, но, по-видимому, сначала потерпели поражение. Сохранилась челобитная вдовы рязанца А. Реткина, в которой она сообщала, что он попал в плен к повстанцам, когда «воевода Мирон Вельяминов … ис Пронска … посылал резанцов голов с сотнями под Печерники и головам с воры бой был», и «Ивашко Заруцкий мужа моего изрубил в пирожные мяса»[2]. Наконец, отправленный на **Ряжск** («на Ряские слободы») П. Зайцев разбил «воровских людей» у Городецкой слободы, после чего успешно привел «слободских людей» к кресту. Сеунч по поводу присяги Ряжска был направлен в Москву 7 апреля с рязанцем П. Кобяковым, который получил богатые пожалования[3]. 10 апреля 1613 г. И.М. Заруцкий покинул **Епифань**, и М.А. Вельяминов сообщил в Москву, что вышел из Михайлова на юг для дальнейшего преследования[4]. 17 апреля рязанский воевода отправил отписку из Епифани, которую незадолго до этого заняла сотня П. Зайцева[5].

Итак, весной 1613 г. М.А. Вельяминов сумел привести к повиновению все рязанские «пригороды» в чрезвычайно короткие сроки. Во многом это было обусловлено тем, что ни одну из значимых крепостей не пришлось брать штурмом: население, испытавшее на себе тяготы казачьего правления, охотнее переходило на сторону правительственных сил. М.А. Вельяминов с «невеликими

[1] ДР. Т. 1. Стб. 1093–1098 (№ 18, 19, 20), 1101–1103 (№ 22), 1117 (№ 33); НД. С. 341 (№ 200). Пребывание М.А. Вельяминова в Переяславле-Рязанском: ДР. Т. 1. 1115–1116 (№ 31), 1125 (№ 37); *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 65.
[2] ДР. Т. 1. Стб. 1103–1104 (№ 23); *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 58–59.
[3] ДР. Т. 1. С. 1103–1104 (№ 23), НД. С. 341 (№ 200).
[4] ДР. Т. 1. С. 1115–1116 (№ 31), 1125 (№ 37).
[5] ДР. Т. 1. 1125 (№ 37); НД. С. 341 (№ 200).

людьми»[1] продолжал преследовать казаков, в то время как войско боярина кн. И.Н. Одоевского покинуло Москву только 19 апреля. Дальнейшие боевые действия разворачивались вне Рязанского края и остаются за рамками нашей работы[2].

Вплоть до мая 1613 г. к рязанскому воеводе так и не присоединились отряды из южных городов. В частности, несмотря на неоднократные правительственные распоряжения, после ухода М.А. Вельяминова в крае остались «резанцы, которые живут у Николы Заразского» во главе с кн. А.Ф. Гагариным[3]. В уезды были посланы сборщики – сбором «резанцов дворян и детей боярских» занимался Н.С. Мотовилов[4]. По информации разрядов, от него к М.А. Вельяминову были направлены сотни во главе с рязанцами кн. А.И. Гагариным, И.С. Чеботаевым, Л.В. Сумниковым-Измайловым и «Потуловым»[5]. Сотня И.С. Чеботаева упоминается среди сил М.А. Вельяминова под Лебедянью в июне 1613 г.[6]. Четыреста рязанских дворян и детей боярских, сто ряшан, двадцать бордаковских татар и стрельцы из Переяславля-Рязанского принимали участие в операциях против И.М. Заруцкого весной 1614 г.[7].

Царская грамота от 12 мая 1613 г. адресована рязанскому воеводе Ф.И. Измайлову[8]. Летом 1613 г. его сменили кн. Ф.И. Лыков и И.А. Давыдов (скончался на службе, вместо него назначен И. Г. Одадуров)[9]. Южные регионы в этот период были наводнены татарскими отрядами, которые появлялись под

---

[1] ДР. Т. 1. Стб. 1127 (№ 38); НД. С. 341 (№ 200).

[2] См. о дальнейшей борьбе с Заруцким: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 70–79; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. С. 240–257.

[3] ДР. Т. 1. Стб. 92, 1110 [№ 27], 1118 [№ 33], 1128 [№ 38], 1149 (№ 49); РИС. Т. 5. 1842. С. 115; РК 1638. С. 244.

[4] РК 1638. С. 248.

[5] ДР. Т. 1. Стб. 94; РЗ. С. 262. В челобитной Вельяминовых сообщается, что рязанский воевода «сам ездил в сбор» (НД. С. 342 [№ 200]).

[6] НД. С. 342 (№ 200).

[7] РК 1638. С. 267

[8] РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. № 2. Л. 6, 10, 16.

[9] РЗ. С. 111, 152, 262; СГГиД. Т. 3. С. 91 (№ 19); *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 274; РГАДА. Ф. 281. № 16/9836; Ф. 396. Оп. 1. № 37730. Л. 2.

Пронском, Михайловым и Переяславлем-Рязанским[1]. Весной 1614 г. впервые после начала Смуты был сформирован «украинный» разряд, по которому в Рязанском уезде находился прибылый полк из 1112 местных служилых людей[2]. Началась нормализация оборонительной системы южного пограничья – процесс, который растянулся на длительный период.

***

Рязанское сообщество в годы Смуты являлось самостоятельной и организованной силой, неоднократно отказывавшей в повиновении правительству и избавлявшейся от назначенных центром воевод. В 1605 г. местные дворяне и дети боярские восстали против Годуновых; в 1606 (вероятно, дважды) и начале 1610 г. выступали против Василия Шуйского; в конце 1610 – начале 1611 гг. организовали поход против московских бояр и польских властей. Лояльность рязанского «города» между этими моментами обеспечивалась не средствами традиционного бюрократического контроля и принуждения, но путём поощрений и уговоров со стороны столичной администрации. Самостоятельная позиция рязанского сообщества ясно прослеживается в весенней переписке 1607 г., когда служилые люди несколько раз отказывались подчиняться царскому указу и выступать в дальний поход. В период московского «осадного сидения» П.П. Ляпунов установил в Переяславле-Рязанском режим личной власти, пользуясь полной автономией в местных делах. После свержения Василия Шуйского рязанский воевода стал ключевым региональным лидером, с которым необходимо было считаться любому претенденту на русский престол. Только со смертью П.П. Ляпунова подмосковное правительство сумело восстановить традиционную систему ротации рязанских воевод, подотчётных центру.

Такая политическая субъектность обеспечивалась, прежде всего, наличием в уезде значительных военных ресурсов. На всём протяжении Смуты в составе рязанского «города» сохранялось консолидированное ядро служилых людей, которые успешно решали боевые задачи. В отсутствие этих главных сил в 1607 г.

[1] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 75–76.
[2] РК 1638. С. 278.

под угрозой со стороны повстанцев оказался даже уездный центр. После возвращения из тульского похода в распоряжении местных воевод постоянно находился большой отряд дворян и детей боярских «всех станов», размещённый (по крайней мере, частично) в Переяславле-Рязанском. Кроме того, в период правления Василия Шуйского рязанские сотни несколько раз направлялись в столицу. Сохранившиеся источники не позволяют в полной мере оценить размеры и регулярность такой помощи, но можно предполагать, что она не превышала 10–20% общей списочной численности «города». В следующий раз основное рязанское войско покинуло уезд в рядах Первого ополчения, а впоследствии, вероятно, присоединилось ко Второму. Вплоть до начала 1613 г. регион являлся ареной военного противостояния внешних сил, в котором местные дворяне и дети боярские играли второстепенную роль.

На протяжении кризисной эпохи рязанский «город» последовательно объединялся вокруг представителей местной служилой элиты. Инициаторами кромского восстания, по некоторым сведениям, являлись Ляпуновы. Выступление против Василия Шуйского возглавили выборные дворяне Г.Ф. Сунбулов, член старинного боярского рода, и П.П. Ляпунов, происходивший из худородных выдвиженцев времен правления Ивана IV. В правительственном лагере одним из начальников рязанской рати некоторое время являлся Ф.Ю. Булгаков, выходец из первостепенной местной фамилии. Сведений о деятельности выборных дворян за начальный период Смуты сохранилось немного, однако можно предполагать, что большинство из них несли службу вместе со своим «городом». В дальнейшем ситуация изменилась. Во-первых, получение представителями рязанской элиты «московских» чинов приводило к постепенному разрыву верхушки с местным сообществом. Во-вторых, в Переяславле-Рязанском установилось монопольное господство воеводы П.П. Ляпунова – «недруга» целого ряда местных семейств. Эти проблемы находятся в центре нашего внимания в следующих параграфах.

Важнейшая черта Смутного времени в Рязанском крае – долговременный и неоднократно воспроизводившийся раскол, разделявший уездный центр и пригороды. Если на начальном этапе кризиса «все рязанские городы» совместно

выступали против московских властей, то в конце 1606 г. на сторону Василия Шуйского перешла только часть местного сообщества. Рязанские дворяне и дети боярские вернулись в уездный центр уже в качестве правительственного войска, в то время как укреплённые пригороды остались в руках повстанцев. На протяжении последующих лет в регионе с переменным успехом продолжалась малая война: «Во все смутные годы резанской воевода Прокофей Ляпунов с товарищи ходил под городы под Михайлов и под Пронеск, и под Ряской, и к Николе Зараскому и х Коломне»[1]. Несмотря на полученные подкрепления, рязанские воеводы не могли добиться решающего успеха, а дважды – с появлением «лисовчиков» (1608) и «черкас» (1610) – чаша весов даже качнулась на сторону повстанцев. Принося очередную присягу центральной власти, рязанские укреплённые центры легко «изменяли» вновь. Заключительным актом этого противостояния стала борьба И.М. Заруцкого, на сторону которого перешли пригороды, и М.А. Вельяминова, опиравшегося на Переяславль-Рязанский и Зарайск.

[1] НД. С. 198 (№ 79).

3.3. Социальный статус представителей рязанской элиты: взлеты и падения эпохи Смуты

3.3.1. Рязанский «выбор» и верстание Лжедмитрия I

Исследователи располагают двумя «боярскими списками», которые позволяют проанализировать процессы трансформации «государева двора» на начальном этапе Смутного времени – в период, наименее обеспеченный источниковыми данными. Первый из них, БС 1602/03, был составлен, по наблюдениям А.Л. Станиславского, в конце 1602 г. и зафиксировал полный персональный состав выборных дворян[1]. Как уже отмечалось, перечень «московских» чинов в нём практически полностью утрачен (**2.1.6**). Второй, БС 1606/07, представляет собой «предварительную черновую заготовку, текст которой четырьмя разрозненными частями хранится в двух архивах»[2]. Документ появился, по-видимому, осенью 1606 и продолжал использоваться вплоть до весны 1607 г.[3]. Сохранились как список «московских» чинов (кроме жильцов), так

[1] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 57–59, 97.

[2] НД. С. 11.

[3] При определении времени составления БС 1606/07 мы следуем версии А.Л. Станиславского (*Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 59–63). Другой вариант датировки предложен А.П. Павловым, который отнес появление списка к первой половине декабря 1606 г. на основании упоминания дворян южных «городов», в этот период перешедших на царскую сторону из лагеря повстанцев (*Павлов А.П.* К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты. С. 121). Однако анализ помет показывает, что некоторые из них могут относиться уже к концу лета или осени 1606 г. Например, напротив имени нижегородского выборного Б.И. Доможирова поставлена помета «в Орзомасе в судьях». В качестве арзамасского администратора он упоминается летом 1606 г. (последняя по времени известная подпись поставлена им 3 августа). В ноябре Б.И. Доможиров фигурирует в качестве предводителя местных повстанцев (Арзамасские поместные акты. С. 292 [№ 210]; *Мусихин А.Л.* Борис Иванович Доможиров: штрихи биографии // Актуальные вопросы историко–культурного и природного наследия Тарского Прииртышья. Тара, 2010. Т. 2. С.121; НД. С. 114–116, 143; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 359, 404–405). Первая помета напротив имени Г.П. Шаховского «в Путивль» также отражает его назначение летом 1606 г. (НД. С. 139; *Тюменцев И.О.* Елецкое восстание 1606 года в истории Смуты). Следовательно, начало использования черновика БС 1606/07 может относиться к более раннему времени. При работе с документом следует учитывать, что пометы лишь фрагментарно отражают судьбы служилых людей (особенно – выборных дворян).

и полный состав «выбора» по 36 городам, подведомственных Московскому разряду[1].

Сравнительное исследование двух «боярских списков» позволяет выявить значительные изменения, которые произошли между 1602 и 1606 гг.[2]. Во-первых, множество выборных дворян были пожалованы в «московские» чины (**3.3.2**). Во-вторых, наблюдается значительная убыль в рядах «выбора», которая может быть объяснена боевыми потерями начального этапа Смуты. В-третьих, произошло массовое зачисление новых лиц в чин выборных дворян. При этом, несмотря на значительное обновление персонального состава, в семейно-родовом плане изменения были невелики: в «выбор» включались, главным образом, те лица, родственники которых уже попадали в «государев двор». Наконец, абсолютному большинству выборных, оставшихся в прежнем чине в 1606 г., были повышены оклады. Изучение динамики окладов показывает, что их изменение подчинялось единой логике: чем ниже был исходный оклад, тем больше (в среднем) была прибавка к нему. Как преломились эти общие тенденции в рязанском случае (таблица 3.1)?

Таблица 3.1 – Рязанские выборные дворяне в БС 1602/03 и 1606/07

БС 1602/03 (всего)	36
БС 1606/07 (всего)	24
Остались в «выборе» в обоих БС	20
• Из них повышены оклады в 1606/07 • Из них не повышены оклады в 1606/07	19 1
Из «выбора» 1602/03 – в «московские» чины 1606/07	10
Выбыли (есть в 1602/03, нет в 1606/07)	6
Новые выборные в 1606/07	4

Прежде всего, ***персональный состав*** рязанской верхушки остался в 1606/07 г. преемственным с «досмутным» периодом. Из 36 выборных дворян БС 1602/03 только шестеро отсутствуют в БС 1606/07 (считая тех, кто попал в «московские» чины: **3.3.2**). Как показано ранее, Г.П. Ляпунов погиб от рук

[1] *Лисейцев Д.В.* Новгородский разряд в начале XVII столетия // Новгородский исторический сборник. Вып. 12 (22). С. 152, 160–163.

[2] Более подробно результаты исследования представлены в статье: *Кирпичников И.А.* Выборные дворяне в начальный период Смуты (опыт сравнительного анализа боярских списков 1602–03 и 1606–07 гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. С. 589–593.

Самозванца, П.Г. Вердеревский был «побит» в ходе возмущения против Василия Шуйского, а Г.В. Коробьина убили повстанцы в 1606 г. Д. Петров-Соловой скончался в период использования БС 1602/03; Ю.М. Чевкин находился на службе уже около полувека. Наконец, кн. М.П. Волконский накануне вторжения Лжедмитрия был назначен головой в Ливны, и в дальнейшем упоминаний о нём нет[1]. Как было указано в челобитной сыновей, его «при царе Василье не стало»[2].

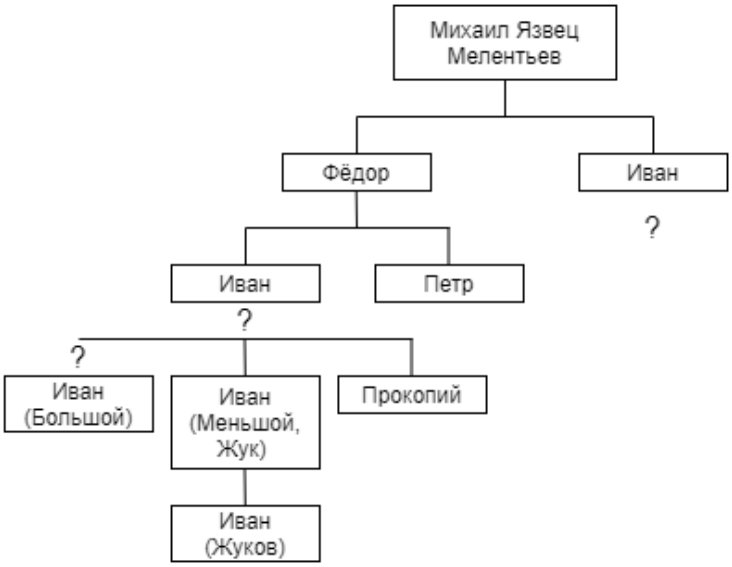
Рязанский «выбор» пополнился новыми служилыми людьми. Обратное сравнение показывает, что из 24 выборных в БС 1606/07 четверо отсутствуют в предшествующем списке. Первый из них – Михей (Истома, Михайло) Никитич Сунбулов (550 ч.), потомок рязанских бояр. Напомним, что род серьёзно пострадал от репрессий Ивана IV (**2.1.4**, **2.1.6**). Как только Г.Ф. Сунбулов оказался в «московском» списке (**3.3.2**), в «выборе» его заместил представитель следующей по старшинству ветви. Нет данных о чиновном статусе Ивана Сунбулова, который в родословцах показан старшим из Никитичей. Можно предполагать, что он был пожалован в «выбор» между 1606/07 и 1609 г.[3]. Младший из братьев, Исак, в начале Смуты оставался в дворовых детях боярских[4].

Среди рязанских выборных дворян появились сразу три выходца из фамилий, которые ранее не фигурировали в данной чиновной группе: И.И. Язвецов (500 ч.), И.Т. Бурцов (600 ч.), С.Г. Спешнев (600 ч.). Все они являлись рязанскими землевладельцами, однако к древнему местному роду достоверно принадлежал только Иван Иванович (Меньшой) Язвецов. Траектория этого клана представляет значительный интерес, поэтому остановимся подробнее на его истории (рисунок 3.1).

---

[1] РК 1638. С. 169. См.: *Скрынников Р.Г.* Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997. С. 346.
[2] *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 97.
[3] Вместе с Михеем владел подмосковным поместьем (АСЗ. Т. 2. С. 148–149 (№ 152).
[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 13. Л. 84.

Рисунок 3.1 – Родословное древо Язвецовых (фрагмент, реконструкция) [1]

Родоначальником **Язвецовых** являлся рязанский великокняжеский дьяк Михайло (Язвец) Мелентьев, известный по актам начала XVI в.[2]. Последний раз он упоминается на службе в 1524 г., когда совместно с Я.Н. Измайловым судил местных землевладельцев[3]. Перед смертью он принял постриг под именем Митрофана, и 1536 г. сыновья Фёдор и Иван дали по отцу вклад в Троице-Сергиев монастырь (возможно, для захоронения)[4]. Иван Фёдорович Язвецов, представитель следующего поколения, записан в ДТ ближе к концу рязанской рубрики. В середине века он был стрелецким сотником[5], в 1577 и 1580 гг. упоминается в качестве станичного головы на «Поле»[6], в 1588 и 1590–92 гг. был вторым головой на Дону и в Ряжске вместе с В.Г. Биркиным[7]. В «деле о вымученной купчей» И.Ф. Язвецов «з детми» фигурировали в качестве «роду и

[1] Реконструкция основана на материале актовых и делопроизводственных источников и носит предположительный характер. Родословная роспись Язвецовых не выявлена. Новые данные могут изменить представление о генеалогии рода, отраженное на схеме. Знаки вопроса обозначают связи, которые не имеют прямых и однозначных подтверждений в источниках.

[2] АСЭИ. Т. 3. С. 383 (№ 361), 384 (№ 362), 389 (№ 368), 395 (№ 378), 400 (№ 387). В необычной грамоте, извлеченной из копийной книги, упоминается некая «боярыня Язвицева» – впрочем, с явно неверной датой этого известия (*Морозов Б.Н.* Грамоты XIV-XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома. С. 303 [№ 3]).

[3] ПРП РК. С. 88–95 (№ 61).

[4] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 75 *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. С. 106.

[5] ТКДТ. С. 168, 218.

[6] АМГ. Т. 1. С. 31 (№ 18), 52 (№ 28).

[7] РК 1598. С. 398, 430, 470.

племяни заговору» Р.П. Биркина[1]. Иван (Меньшой) по прозвищу Жук – один из его сыновей, известных по писцовым книгам. Вероятно, все они служили по дворовому списку Каменского стана[2]. Известно, что ещё до Смуты И.И. Язвецов получал четвертное жалованье[3]. При Лжедмитрии I И.И. Язвецов был назначен головой в Ряжск[4]. Поскольку эту должность обычно занимали выборные дворяне, можно предполагать, что уже тогда он имел новый чин. В августе 1608 г. И.(И.) Язвецов был послан из Москвы в Рязань для переговоров с крымскими татарами[5].

Итак, за возвышением И.И. Язвецова стояла история длительной службы предков на южном пограничье. Случай этого клана иллюстрирует хорошо известную тенденцию слияния дьяческих семейств со служилыми землевладельцами[6]. В XVI в. Язвецовы заняли прочные позиции средней прослойке рязанского «города». При этом, в отличие от многих других фамилий, они весьма рано установили связь с Троице-Сергиевым монастырем (**2.3.7**). Кроме того, Язвецовы располагали старинным вотчинным землевладением, которое подверглось частичной конфискации в период опричнины[7].

Двое других новых выборных не имели ни родственников в рязанской рубрике ДТ, ни вотчинного землевладения в крае. Иван Тихонович **Бурцев** был представителем разветвлённой фамилии помещиков, происхождение которой неизвестно. 9 декабря 1606 г. он был назначен начальником обоза с «пушечными

---

[1] АСЗ. Т. 4. С. 365–383 (№ 497).

[2] По писцовым книгам известны Иван Иванович (Большой), Иван (Меньшой) и Прокофий Ивановы дети Язвецова; также Федор и Юрий Ивановичи Язвецовы. И.И. Язвецов (Большой или Меньшой, «сын боярский резанец Каменскою стану») и П.И. Язвецов среди поручителей по ряшанам: *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 306, 366, 393.

[3] *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 36.

[4] РЗ. С. 40, 78, 183, 204.

[5] Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 278. АСЗ. Т. 4. С. 203–204 (№ 275).

[6] *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. 1971. Т. 87. С. 284–285; *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи. С. 133–146.

[7] ПКРК. Вып. 1. С. 85, 86, 154, 195, 225. См.: *Конов В.Д., Никитин А.О.* Белокаменные надгробия XVI–XVII вв. с некрополя Ильинского погоста. С. 280; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 225.

запасами», направленного из Москвы в подмогу к рязанским воеводам[1]. Можно предполагать, что он также уже имел к этому моменту чин выборного дворянина, поскольку получил такое важное назначение. В дальнейшем И.Т. Бурцев участвовал в боевых действиях против повстанцев и погиб в сражениях с болотниковцами[2].

Наконец, Семён Григорьевич[3] **Спешнев** являлся стрелецким головой Переяславля-Рязанского[4]. Сохранилась несудимая грамота 1585 г. на его поместье в Каменском стане[5]. На рубеже веков он в течение нескольких лет возглавлял рязанских стрельцов в Царёве-Борисове[6], в росписи 1604 г. фигурирует в том же качестве[7]. Дальнейшая судьба С.Г. Спешнева известна из сказки его сына (1631 г.): «Семен Спешнев служил с Резани по выбору, и *был в Переславле-Резанском у стрельцов голова*, и убит … на Балчике от изменников как приступали из Аст[рах]ани и с Волги к боярину к Федору Ивановичю Шереметеву»[8]. Вероятно, С.Г. Спешнев отправился в Поволжье во главе стрельцов ещё весной 1606 г. (вместе с основным московским войском) и не принимал участия в последующих событиях в Рязанском крае[9]. Однородцы

---

[1] НД. 124 (№ 32). См**. 3.2.1**.

[2] *Станиславский А.Л.* Брянский край и восстание Болотникова. С. 24; РИБ. Т. 15. С. 19–20.

[3] Мы исходим из того, что в БС 1606/07 допущена ошибка в отчестве: Семен Иванович по другим источникам не известен. Семен Григорьевич Спешнев – первый член рода, о котором имеются упоминания. Представленная в родословной росписи попытка удревнить род на два поколения («Семен Спешнев. У Семена сын Григорей. У Григорья сын Семен») искусственна (РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. № 881. Л. 74). В синодиках рязанских Успенского собора и Спасо-Преображенского монастыря отсчет начинается с Григория Спешнева, единственный Семен указан как «убиенный», т.е. речь идет о Семене Григорьевиче (РИАМЗ. № 8931. Л. 71).

[4] В списке стрелецких голов: ТКДТ. С. 218; Местнический справочник XVII в. С. 47.

[5] АСЗ. Т. 1. С. 244–245 (№ 269); ПКРК. Вып. 1. С. 50–51, 288.

[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 35. Ч. 1. Л. 36, 48; Оп. 12. № 1. Л. 97.

[7] Роспись 1604. С. 384.

[8] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 543–546 (дело по челобитью Г.С. Спешнева 1631 г., фрагмент сказки опубликован: НД. С. 322 [№ 181]). См. также: НД. С. 144 (помета в БС 1606/07: «голова у стрельцов, а бывал в Астрахани»); РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. № 881. Л. 74 (родословная роспись: «Да он же, Семен, посылан в 99-м [sic – *И.К.*] году под Астарахань з боярином с Федором Ивановичем Шереметьевым у стрельцов головою, и на той службе убит»).

[9] В августе силы Шереметева переместились из Астрахани на Балчик и вскоре оказались блокированы там на целый год (*Антонов А.В.* К начальной истории нижегородского ополчения // РД. Выпуск 6. М., 2000. С. 200–201; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 222–227).

С.Г. Спешнева служили по Серпейску и Калуге, но до Смуты в «выбор» не попадали[1].

Таким образом, за первые годы Смуты в рязанском «выборе» появилось сразу четверо новых лиц. Можно предполагать, что все они были пожалованы ещё при Лжедмитрии I. Такое пополнение, хотя и не слишком значительное, было необычным для рязанской верхушки. Двое из новых выборных (И.Т. Бурцов и С.Г. Спешнев) происходили из родов, вовсе не включённых в ДТ, а отец И.И. Язвецова занимал в рязанском перечне ДТ весьма низкую позицию. Своим возвышением они были обязаны не происхождению, но исключительно служебным заслугам. Примечательно, что С.Г. Спешнев и И.Т. Бурцов получили высокие оклады 600 ч. и встали в один ряд с ключевыми представителями «выбора», в то время как М.Н. Сунбулов и И.И. Язвецов заняли позиции в конце перечня БС 1606/07 – с 550 и 500 ч. соответственно. Процесс «размывания» рязанской элиты, начавшийся во второй половине XVI в., получил в первые годы Смуты продолжение.

Рассмотрим ***динамику окладов*** рязанского «выбора». 19 из 20 дворян, которые фигурируют в обоих списках, получили прибавки (единственное исключение – Ю.И. Кобяков). Рязанский случай наглядно демонстрирует, какую трансформацию верхушки провинциального дворянства повлекло за собой систематическое повышение окладов. В БС 1602/03 минимальный оклад в рамках местного «выбора» составлял 250 ч., а в БС 1606/07 – 500 ч., причём большинство составляли теперь лица с 550 ч. (таблица 3.2).

Таблица 3.2 – Оклады рязанских выборных в 1602/03 и 1606/07 гг.

	1602/03	**1606/07**
700	(1)	1
600	2	9
550	6	13
500	5	1
450	2	-
400	11	-
350	3	-
300	3	-
250	3	-
всего	**36**	24

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 543–546.

Неравные прибавки подтянули нижнюю часть «выбора» к единому высокому окладу 550 ч. Наибольший рост (на 150–300 ч.) характерен для дворян, которые в 1602/03 г. находились в нижней части списка с окладами 250–400 ч. Лица, которые в 1602/03 г. имели оклады более 500 ч. (включительно) и остались в «выборе» в 1606/07 г., получили прибавки в размере 50–100 ч. Исключением являлся П.П. Ляпунов, получивший 150 ч. к 550 ч. и возглавивший рязанский «выбор» с окладом 700 ч. (таблица 3.3).

Такое повышение, с одной стороны, имело «уравнительную» логику: чем ниже была позиция в перечне 1602/03 – тем больше придача к окладу. С другой стороны, сохранялись общие очертания прежней иерархии: в верхней части списка (теперь с окладами 600 ч.) оказались те же лица, что и в 1602/03 (кн. В.Г. Щетинин, кн. С.С. Гагарин, Ю.И. Кобяков, Ф.Ю. Булгаков, З.П. Ляпунов). Другие дворяне – И.Т. Бурцов, А.С. Петров и С.Г. Спешнев – хотя и получили аналогичный оклад, но оказались в нижней части данной рубрики.

Таблица 3.3 – Рост окладов рязанских выборных дворян(в четвертях) между 1602/03 и 1606/07 гг.

0	**+ 50**	**+ 100**
Ю.И. Кобяков (600)	кн. В.Г. Щетинин (550; 600) кн. С.С. Гагарин (550; 600) П.С. Петров (550; 600) И.В. Биркин (500; 550)	Ф.Ю. Булгаков (500; 600) З.П. Ляпунов (500; 600) И.В. Сергеев-Левашов (450; 550)
+ 150	**+200**	**+250 / 300**
П.П. Ляпунов (550; 700) кн. Д.Ю. Мещерский (400; 550) Г.П. Кобяков (400; 550) кн. А.Ф. Гагарин (400; 550) В.К. Вердеревский (400; 550)	А.С. Петров (400; 600) Ф.И. Измайлов (350; 550) Ю.В. Вердеревский (350; 550) В.А. Петров (350; 550)	С.Г. Коробьин (300; 550) Г.В. Вердеревский (300; 550) В.Г. Коробьин (250; 550)

Мы полагаем, что описанная трансформация «выбора» произошла в ходе общероссийского верстания Лжедмитрия I, и в БС 1606/07 отразились результаты именно этого мероприятия[1]. Сравнение БС 1602/03 и «росписи войска» 1604 г.

[1] О выборных дворянах: *Кирпичников И.А.* Выборные дворяне в начальный период Смуты (опыт сравнительного анализа боярских списков 1602–03 и 1606–07 гг.). С. 592. Развернутую аргументацию для рязанского случая см.: *Он же.* Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605–1606 гг.). С. 35–36. Общую информацию о верстании, в том числе о датировке см.: *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории

показывает, что на завершающем этапе царствования Бориса Годунова не происходило ни систематического увеличения окладов, ни включения в «выбор» сколь-нибудь значительного числа новых лиц[1]. В начале правления Василия Шуйского прибавки к окладам производились с запозданием и, как заключил П.В. Седов, поначалу коснулись лишь отдельных дворян[2].

дворянства в Смуту. С. 228–229; *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. С. 137–138.

Источниковые свидетельства о рязанском верстании разноречивы: 1) Сохранилось упоминание о «резанской десятне верстанья и денежной роздачи боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарыщи *114* [1605/1606] году» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 13. Л. 84 [выпись об окладе И.Н. Сунбулова, на которую недавно обратил внимание В.Н. Козляков: *Козляков В.Н.* О начальной истории первого ополчения: П. П. Ляпунов, И. Н. Сунбулов и бои под Пронском]); 2) В челобитной 1626 г. В.П. Ляпунов сообщал о том же верстании, но под другим годом: «А *как … пришол Ростригa к Москве* и в те поры верстал Рязань боярин князь Василей Васильевич Голицын да окольничей князь Олександра Жирово в *сто третьем на десят* [1604/1605] году» (НД. С. 302 [№ 158]).

До обнаружения первого известия считалось, что В.П. Ляпунов непроизвольно совместил два различных события: верстание перед походом против Лжедмитрия I (которое в «113 году» действительно мог проводить кн. В.В. Голицын, будущий воевода передового полка, состоявшего из рязанцев) и верстание других воевод (в одном из разрядов напротив Рязани вписаны «боярин кн. Н.Р. Трубецкой и кн. Ю.П. Ушатой» [РЗ. С. 6]) после воцарения Лжедмитрия I (*Кирпичников И.А.* Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605–1606 гг.). С. 43; *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI-XVII веков. С. 109–110). Теперь можно предполагать, что кн. В.В. Голицын проводил верстание в Рязанском уезде не в конце правления Бориса Годунова, а при Лжедмитрии I, и десятня была составлена не ранее 1 сентября 1605 г. (т.е. начала 7114 г.).

[1] В рязанском случае сравнение сохранившегося фрагмента «выбора» из росписи войска (Роспись 1604. С. 366) и нижней части соответствующей рубрики БС 1602/03 (БС 1602/03. С. 267–268) показывает, что 1) новых лиц не добавилось; 2) все четверо служилых людей (Ф.И. Измайлов, Г.Ф. Сунбулов, В.А. Петров, Ф.В. Яковлев-Измайлов), фигурирующие в обоих документах, сохранили свои прежние низкие оклады.

Обратим внимание, что в рязанском фрагменте росписи войска отсутствуют сразу четверо дворян из нижней части соответствующей рубрики БС 1602/03 (С.Г. и В.Г. Коробьины, Ю.В. и Г.В. Вердеревские). Такое расхождение может быть объяснено неполнотой перечня росписи войска, который в принципе не мог вместить полный состав рязанского «выбора». Напомним, что, по нашему предположению, рязанцы находились в передовом полку (**2.2.5, 3.2.1)**. В нем числилось в общей сложности 48 или 60 выборных дворян (последнее число в росписи зачеркнуто) (Роспись 1604. С. 395). В сохранившейся части раздела – 27 выборных от других городов, причем перечень по Владимиру дошел не целиком: утрачена верхняя часть «выбора», где могло находиться еще около десятка человек (ср.: БС 1588/89. С. 219; 1602/03. С. 260; НД. С. 140). В рязанском «выборе» БС 1602/03 – 36 человек, и простой подсчет показывает, что все они не могли попасть в рассматриваемый раздел «росписи» 1604 г. Возможно, часть рязанских дворян состояла, например, в полку правой руки, данных о выборных в котором не сохранилось.

[2] НД. С. 327 (№ 186); *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту. С. 230. Грамоты о земельных пожалованиях В.П. Ляпунову (отсутствует в сохранившейся версии БС 1606/07) демонстрируют, что полученный при Лжедмитрии I оклад

Из сохранившейся преамбулы к десятне Водской пятины известно, что верхней планкой увеличения окладов считались 600 ч.[1]. Данное наблюдение позволяет объяснить, почему не был повышен оклад Ю.И. Кобякова, уже в начале XVII в. достигшего этой максимальной отметки[2]. Кроме того, оно акцентирует выдающуюся роль П.П. Ляпунова, который за особые заслуги (вероятно, под Кромами) был пожалован, вопреки нормам верстания, окладом 700 ч.[3]. Обратим внимание также на пример Ф.Ю. Булгакова, который показывает, что получение прибавки (в данном случае 100 ч. к 500 ч.) могло быть не связано с участием в событиях этого периода Смуты. Несколько лет подряд он находился на сибирской службе, откуда вернулся лишь к весне 1607 г.[4]. Оклад, следовательно, был в этом случае повышен «автоматически» и заочно.

Исследователи вполне солидарны в том, что верстание 1605/06 г. было «одним из важнейших событий»[5] царствования Лжедмитрия I, однако расходятся в его оценках. В.Н. Козляковым было высказано мнение, что главной целью

оставался у него и в марте 1607 г. – несмотря на ряд прибавок от Шуйского за более ранние службы (НД. С. 127 [№ 34], 156 [№ 40], 302 [№ 158]). Следовательно, если бы В.П. Ляпунов оказался в БС 1606/07, новые прибавки к его окладу не успели бы отразиться в данном документе. П.П. Ляпунов в БС 1606/07 записан с 700 ч., а уже в марте 1607 г. его оклад вырос до 800 ч. – и здесь прибавка была сделана после составления БС (НД. С. 156 [№ 40]).

[1] Десятня Водской пятины 1605 г. // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. 4. С. 435. См.: *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту. С. 231.

[2] Кроме того, накануне вторжение Лжедмитрия Ю.И. Кобяков находился в Сибири (РК 1638. С. 176).

[3] Помимо П.П. Ляпунова, оклад свыше 600 ч. в БС 1606/07 имели лишь несколько выборных дворян (кн. Г.И. Барятинский, Я.С. Змеев, В.И. Лодыженский, Д.К. Протасьев, Ф.И. Челюскин, М.Г. Соловцов). Можно предполагать, что каждое из этих особых пожалований было произведены за особые заслуги перед властями (так, Я.С. Змеев и Ф.И. Челюскин, вероятно, отличились во время похода Лжедмитрия I на Москву). Данный тезис противоречит мнению В.Д. Назарова, который полагал, что прибавка к окладу П.П. Ляпунова – «небольшая», и на этом основании подверг сомнению его роль под Кромами (*Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 219). Мы солидарны с критическими замечаниями В.Н. Козлякова по этому поводу: *Козляков В.Н.* Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова. С. 136.

[4] О пребывании в Сибири см.: БС 1602/03. С. 268; БС 1606/07. С. 144; РК 1605. Т. 3. Ч. 3. С. 54; РК 1638. С. 176.

[5] *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту. С. 228.

верстания являлась унификация, но не сплошное повышение окладов[1]. Анализ изменения окладов выборных дворян не позволяет согласиться с этой точкой зрения: в рамках «выбора» имело место именно «поголовное» и (отчасти) «уравнительное» увеличение окладов. В Рязани все выборные дворяне оказались в пределах трёх первых статей (600, 550, 500 ч.), что значительно контрастировало с «досмутной» лестницей равномерно распределённых окладов. Другая крайняя позиция была высказана В.М. Воробьевым: основываясь на материалах новгородских десятен, он пришёл к выводу, что «целью верстания было не просто разовое увеличение поместных окладов, а коренная ломка основополагающего принципа службы “по отечеству”»[2]. Консервативность «выбора» не позволяет распространить на него и такое радикальное заключение. Как видно на рязанском примере, обновление персонального состава выборных дворян было не столь значительным, а прежняя верхушка сохранила первые позиции.

3.3.2. Путь в «московские» чины: пожалования Лжедмитрия I и Василия Шуйского

Изменения в положении рязанской элиты, произошедшие за начальный период Смуты, не ограничивались систематическим повышением окладов. В «московской» части ***БС 1606/07*** можно найти сразу 16 представителей местной верхушки. Само это число подчёркивает выдающуюся роль рязанцев в событиях первых лет кризиса. Состав столичных чинов пополнился целыми семейными гнездами рязанских фамилий. К сожалению, как будет ясно из дальнейшего изложения, в большинстве случаев не представляется возможным разделить пожалования Лжедмитрия I и начала правления Василия Шуйского. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в БС 1606/07 отсутствует перечень жильцов.

---

[1] *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI-XVII веков. С. 112.

[2] *Воробьев В.М.* Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» и поместной системы // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2003. С. 98–122. С этими выводами отчасти соглашается А.М. Молочников (*Молочников А.М.* Смоленский служилый город Смутного времени. Часть I. Поместное верстание 7114 (1605/06) года // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. 4. С. 292–321).

Для рязанских родов пожалование такого количества лиц в «московские» чины было беспрецедентным событием, сопоставимым разве что с кратковременным возвышением эпохи особого «Двора». Напомним, что в конце годуновского царствования в столичных чинах состояли лишь пятеро Измайловых, а остальные рязанцы несли службу в «выборе» (**2.1.6**). Теперь среди московских дворян (8 чел.), стольников (5), стряпчих (2) и думных дворян (1) оказались восемь Измайловых, трое Ржевских, двое Биркиных, Г.Ф. Сунбулов, И.И. Дмитриев и кн. И.А. Дашков. Рассмотрим траектории новопожалованных подробнее (таблица 3.4)[1].

Таблица 3.4 – Рязанцы в «московской» части БС 1606/07 г. (пожалования Лжедмитрия I и начала правления Василия Шуйского)

Чин в БС 1606/07	*Пожалованный*	*Предшествующие чины и год упоминания*
Думный дворянин	А.В. Измайлов	выбор, 400 (1588/89–1602/03)
Дворяне	И.Андр. Измайлов	жилец (1588/89) выбор, 400 (1598/99,1602/03)
	И.П. Биркин	жилец (Двор) (1581) выбор, 400 (1588/89–1602/03)
	Г.Ф. Сунбулов	выбор, 350 (1602/03–1604)
	Г.В. Измайлов	жилец (1588/89, 1598/99) выбор, 400 (1602/03)
	Ф.В. Измайлов	жилец (1588/89, 1598/99) выбор (1598/99, 1604)
	А.Н. Ржевский	выбор, 450 (1585–1589/90) выбор, 500 (1602/03)
	И.Н. Ржевский	выбор, 400 (1585–1589/90) выбор, 500 (1602/03)
	Г.Н. Ржевский	жилец (1588/89) выбор, 400 (1598/99, 1602/03)
Стольники	И.В. Измайлов	жилец, 400 (1604)
	Т.В. Измайлов	жилец (1598, 1604)
	И.И. Дмитриев	выбор, 1602 (400 или «794»)
	В.Андр. Измайлов	жилец (1588/89, 1598)
	кн. И.А. Дашков	–
Стряпчие с платьем	В.Арт. Измайлов	–
	И.И. Биркин	–

Наиболее стремительным было чиновное возвышение Артемия Васильевича **Измайлова**, карьера которого незаурядна во многих отношениях. Накануне

[1] При дальнейшем анализе в случаях сохранения лояльности Василию Шуйскому биографии доводятся вплоть до конца его правления, у остальных семейств, члены которых становились «перелетами» – до момента перехода на сторону Лжедмитрия II (дальнейшие траектории см. в **3.3.3**)

вторжения Лжедмитрия I он был назначен из Переяславля-Рязанского в Белгород – «в головы» к воеводе кн. Б.М. Лыкову[1]. После перехода Белгорода на сторону Лжедмитрия I местные начальники были «отведены в Путивль»[2] и таким образом оказались в стане Самозванца ещё до восстания под Кромами. Эти дворяне не подвергались репрессиям – напротив, Лжедмитрий I постарался сделать из них свою опору[3]. В сохранившихся разрядных записях о движении из Путивля в Кромы и далее в Тулу А.В. Измайлов фигурирует в качестве «ближнего человека» Самозванца с высоким чином думного дворянина[4]. В дальнейшем он был пожалован новыми землями и вошёл в царский совет; принимал участие в приёмах послов и сидел «за кушаньем» на свадьбе Лжедмитрия I[5].

По свидетельству Ж. Маржерета, после воцарения Василия Шуйского были высланы «все, к кому сколь-нибудь был благосклонен покойный [Лжедмитрий I – *И.К.*]»[6]. В.И. Ульяновский показал, что такие ссылки действительно имели место[1].

---

[1] РК 1638. С. 169; РЗ. С. 131. Примечательное пересечение фигур: также ставший приближенным Самозванца, кн. Б.М. Лыков будет «приводить к кресту» рязанцев сразу после выступления под Кромами, а впоследствии станет рязанским воеводой (НД. С.161 [№ 43]; РЗ. С. 72).

[2] «А полские городы … смутилис, крест ему [Лжедмитрию I – *И.К.*] целовали и воевод к нему в Путимль отвели: из Белагорода князя Бориса Михайловича Лыкова да голов» (РЗ. С. 5). Рассказ о судьбе кн. Б.М. Лыкова сохранился также в сказке его «человека» 1627 г. В ней сообщается, что Борис Годунов – полагая, что он «приехал к вору своею волею» – конфисковал его вотчины и поместья (АСЗ. Т. 4. С. 453 [№ 539]; комментарий: *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. С. 31). Вероятно, были конфискованы и владения А.В. Измайлова.

[3] *Лаврентьев А.В.* Царевич, царь, цесарь… С. 64; *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. С. 116–118.

[4] «А как Рострига ис Путивля пришол в Кромы, а бояр с ним пришло: …. думной дворяне Ортемий Измайлов… А ис под Кром пошол на Тулу… ближние люди при нем были: боярин кн. В. Рубец Масалской да Ортемий Измайлов; и у естьы сидел он же» (РЗ. С. 5). Назван также дворецким (С. 73, 203), но если и занимал эту должность, в дальнейшем был сменен (*Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI-XVII вв. С. 41). А.В. Лаврентьев полагает, что думное дворянство было «сказано» А.В. Измайлову лишь в 1606 г. – при этом исследователь ссылается на документ июня 1605 г. (по которому рязанец уже находится в Думе) и игнорирует разрядные записи (*Лаврентьев А.В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени С. 64; СГГиД. Т. 2. С. 210 [№ 92]). В отсутствие источниковых данных невозможно проверить высказанную Р.Г. Скрынниковым гипотезу о том, что А.В. Измайлов мог каким-либо образом способствовать организации рязанского выступления под Кромами (*Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. С. 250).

[5] *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России. С. 36; СГГиД. Т. 2. С. 210 (№ 93); РЗ. С. 77, 81, 134, 137, 203; ДРВ. Ч. 13. С. 119.

[6] *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. С. 172.

Однако А.В. Измайлов – один из первых «ближних людей» Самозванца – не только не подвергался репрессиям, но и укрепил своё положение. Можно предполагать, что он принял участие в перевороте или, во всяком случае, оказал ценные услуги новому царю[2]. В БС 1606/07 имя А.В. Измайлова указано третьим в перечне думных дворян. В период противостояния с И.И. Болотниковым А.В. Измайлов являлся одним из воевод правительственных сил и, в частности, посылался с отрядами под Козельск и Елец[3]. В конце 1607 – начале 1608 г. рязанец участвовал в приёме польских послов[4]. На царской свадьбе 17 января 1608 г. он был назначен «государево здоровье оберегать»[5]. 2 февраля 1608 г. П.П. Ляпунов, прибывший из Рязани, «сказывал» А.В. Измайлову окольничество[6]. Спустя некоторое время он выиграл местническое дело у кн. Д.И. Мезецкого[7]. Известно, кроме того, что А.В. Измайлов получил от Василия Шуйского «на Москве, в новом Каменном городе князя Ивановское место Глинского и палату» – весьма богатое пожалование, учитывая статус предыдущего владельца[8]. В столичные чины попали и сыновья Артемия. В.Арт. Измайлов – вероятно, совсем

---

[1] *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 339; *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. С. 87.

[2] *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 175. Отметим, что в конце правления Самозванца (или в начале правления Василия Шуйского) А.В. Измайлова назначили воеводой в Михайлов, но он «не был» (РЗ. С. 79, 83, 139) и благодаря этому избежал судьбы брата – убитого повстанцами Н.В. Измайлова.

[3] РЗ. С. 9, 43 (критика разрядной записи см.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 177), 86, 87, 89, 102, 118–119, 124, 143–145, 158, 163, 184, 216, 246; НЛ. С. 74; БС 1606/07. С. 133; НД. С. 102 (№ 21), 308 (№ 164). См.: *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая. С. 341–342; *Станиславский А.Л.* Брянский край и восстание Болотникова. С. 21–23.

[4] Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. С. 252; СРИО. Т. 137. С. 426, 478, 479.

[5] РЗ. С. 269. Согласно этой версии разрядов, назначен вместе с думным дворянином И.Н. Чепчуговым, с которым местничался (*Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков. С. 134–135). В другом разряде царской свадьбы А.В. Измайлов числится среди «окольничих перед государем ходили» (ДРВ. Ч. 13. М., 1790. С. 127). Поскольку во второй половине января при переговорах с польскими послами А.В. Измайлов все еще именуется думным дворянином, данный разряд следует считать неверным (СРИО. Т. 137. С. 478–479).

[6] РЗ. С. 97, 187. Приглашение рязанского воеводы для пожалования окольничества А.В. Измайлову – безусловно, жест, наполненный символическим смыслом.

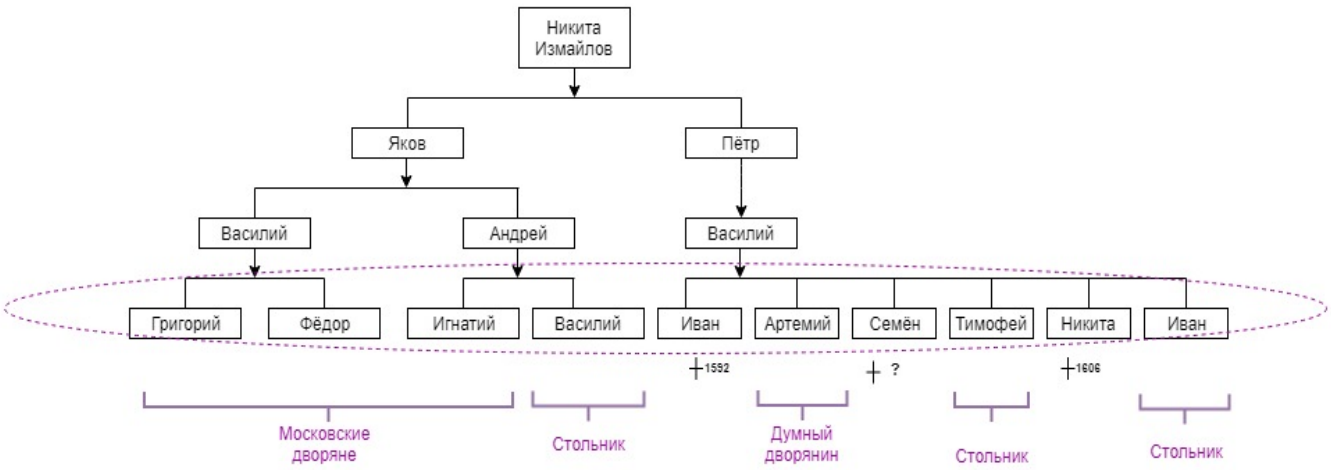
[7] РЗ. С. 147, 214, 255.

[8] АЗР. Т. 4. С. 408 (№ 183).

молодой человек, числится стряпчим уже в БС 1606/07, а на царской свадьбе он «нес обручальные свечи»[1]. А.Арт. Измайлов также получил чин стряпчего, но несколько позже – впервые он упоминается 24 мая 1608 г., когда вместе с братом был рындой на приёме послов[2]. В БС 1610/11 оба фигурируют уже в качестве стольников.

При сопоставлении данных БС 1606/07 с древом Измайловых можно выяснить, что логика возвышения членов фамилии (кроме А.В. Измайлова) определялась внутриродовой иерархией (рисунок 3.2)[3]. Трое генеалогически старших (Г.В. и Ф.В., И.Андр. Яковлевы-Измайловы) получили чины дворян московских из «выбора», трое младших (В.Андр. Яковлев-Измайлов, Т.В. и И.В. Петровы-Измайловы) – стольничество из жильцов; представители следующего поколения Петровых-Измайловых становились стряпчими.

Рисунок 3.2 – Родословное древо Измайловых (фрагмент) и чины по БС 1606/07

В разрядах времени правления Самозванца кроме Артемия упоминается только его младший брат – И.В. Измайлов, который числился рындой при походе от Тулы к Москве[4]. Следовательно, уже в этот период он был произведён из жильцов в стряпчие или, вероятнее, в стольники: функции рынд обычно

[1] ДРВ. Ч. 13. С. 125.
[2] РЗ. С. 121, 176, 251 (последний разряд искажен).
[3] Напомним, что старший из потомков Василия Яковлевича, И.В. «Большой» Измайлов, погиб в 1592 г. С.В. Измайлов не упоминается в БС 1602/03 и в разрядах периода Смуты – кроме одного дефектного (РЗ. С. 251). В 1604 г. людей для войска выставляли их вдовы (Роспись 1604. С. 413).
[4] РЗ. С. 203 (верно «Васильевич», а не «Михайлович»).

выполняли носители этого чина. В остальных случаях затруднительно разделить пожалования Лжедмитрия I и Василия Шуйского. Можно предполагать, что стольничество при Самозванце получили также Н.В. и Т.В. Измайловы (первый из стряпчих, второй – из жильцов).

Служебный путь Петровых-Измайловых, получивших чины стольников и стряпчих, состоял главным образом из придворных назначений и царских «посылок» со специальными поручениями. Только в редких случаях представители рода ненадолго оказывались на территории своего края. Так, в начале правления Василия Шуйского Н.В. Измайлов находился в Зарайске, был схвачен там повстанцами и впоследствии убит в Путивле вместе с другими воеводами[1]. Тогда же в плену у восставших на некоторое время оказались Т.В. и И.В. Измайловы[2]. Уже в самом конце 1606 г. И.В. Измайлов был в столице и выполнял специальные царские поручения[3]. В мае 1607 г. он был послан из Москвы в Рязань с грамотами, чтобы убедить местных дворян и детей боярских присоединиться к правительственным силам[4] (**3.1.1**). Кратковременное посещение Рязанщины было для него одной из множества регулярных царских «посылок». В июне он отправлялся к патриарху Гермогену с известиями о ходе боевых действий, а также «с золотыми» к воеводам, одержавшим победу на Восме[5]. В тульском походе 1607 г. Т.В. и И.В. Измайловы состояли рындами при государе[6].

---

[1] Карамзинский хронограф. С. 331; НЛ. С. 74.
[2] БС 1606/07. С. 134–135.
[3] Упоминается в записях А. Стадницкого как посланный в Смоленск «принимать гонца»: СРИО. Т. 137. С. 378.
[4] НД. С. 161–163 (№ 43).
[5] НД. С. 167 (№ 47); РЗ. С. 45, 91, 157, 206. Битва на Восме произошла 5–7 июня, а послание Гермогену с известием о нем датировано 9 июня. В двух разрядах в качестве посыльного на Восму назван стольник Матвей Семенович Измайлов. Представитель рода с таким именем (сын С.В. Измайлова, умершего до Смуты) действительно существовал, но никаких других данных о его стольничестве нет. Известие тем менее вероятно, что он (как и сыновья Артемия) должен был получить сначала чин стряпчего.
[6] Разряды указывают различные версии иерархии братьев в Тульском походе: Т.В. Измайлов у рогатины, И.В. Измайлов у доспеха (РЗ. С. 12, 45) или И.В. Измайлов с пищалями, Т.В. Измайлов у рогатины (С. 87, 118, 144). А.В. Лаврентьев склоняется ко второму варианту, руководствуясь собственным представлением о старшинстве братьев (*Лаврентьев А.В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова». С. 64). Исследователь предполагает, что родословец Измайловых содержит неверные сведения, и Иван являлся не последним, а третьим по старшинству сыном. К.Б. Бороздин, на которого ссылается А.В. Лаврентьев, придерживался,

И.В. Измайлов зимой 1609/10 г. посылался «с Москвы в Можаеск … по присылке можаич»[1].

О придворном влиянии Измайловых во второй половине царствования свидетельствует примечательный список ближайших сторонников Василия Шуйского, составленный недоброжелателем через некоторое время после переворота[2]. В перечне «ушников, которые Московское государство в разорение и смуту приводили» поимённо названы сразу четыре представителя рода. Окольничий А.В. Измайлов, согласно документу, «был у воровских дел у Шуйского» (т. е., возможно, возглавлял Разбойный приказ). Обратим внимание также на расспросные речи мая 1609 г., в которых он назван одним из трёх «болших бояр на Москве» наряду с кн. Д.И. и И.И. Шуйскими[3]. Следующий «ушник», Т.В. Измайлов, указан в списке как «отливошный чашник» (в таком качестве он упоминается на приёме Делагарди 18 марта 1610 г.)[4]. В одном из разрядов он фигурирует среди спальников, что подтверждается родословной росписью: «Тимофей у царя и великого князя Василия Ивановича … был в комнате»[5]. Имя третьего представителя рода, стольника В.Андр. Измайлова, сопровождается в списке комментарием: «А братья ево и племянники *ближние стряпчие*». В.Андр. Измайлов был единственным представителем старшей ветви, получившим придворный чин стольника. Очевидно, под «племянниками» имелись в виду представители младшего поколения Петровых-Измайловых.

Наконец, большой интерес представляет характеристика И.В. Измайлова, у которого указан чин спальника: «Был у Шуйского у чародеев и у кореньщиков. *Ближе ево и не было*». О том, что Василий Шуйский тайно устроил во дворце

однако, противоположной точки зрения (*Бороздин К.Б.* Опыт исторического родословия Измайловых. СПб., 1841. С. 5; см. также: *Арендт В.В*. Палаш боярина Измайлова // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1928. Т. 4. С. 21–27). Мы полагаем, что традиционный вариант старшинства братьев достоверен. В «росписи» 1604 г. Н.В. Измайлов упомянут перед братом и, кроме того, был раньше него пожалован из жильцов в стряпчие (Роспись 1604. С. 373).

[1] В другом разряде назван можайским воеводой: РЗ. С. 17, 215

[2] *Тюменцев И.О.* Список сторонников царя Василия Шуйского. С. 317–320.

[3] АИ. Т. 2. С. 250 (№ 212).

[4] РЗ. С. 224.

[5] РЗ. С. 223; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 355.

специальное помещение для колдунов «ради непрестаемаго с ними нощию и днии обаяний, чародеяний творения», упоминал И. Тимофеев[1]. И.В. Измайлов, как ясно из списка «ушников», ведал этой интимной сферой интересов монарха.

Итак, многие члены рода Измайловых вошли в узкий круг наиболее приближённых к царю лиц. Впоследствии оппоненты называли их «шептунами»[2] и «веременниками»[3] Василия Шуйского. Обратим внимание, что два представителя старшего поколения упоминаются в группе спальников. Данный чин представлял собой постепенно выделявшуюся из стольничества и пока не вполне сформировавшуюся «комнатную» функцию. Неформальное влияние «комнатных стольников» (спальников) на государственные дела – практика, известная на всём протяжении XVII в.[4]. Кроме того, дети Васильевичей входили в привилегированную категорию «ближних» стряпчих.

Представители старшей ветви рода, получившие чины дворян московских – Г.В. и Ф.В., И.Андр. Измайловы – в своих службах также не были связаны с Рязанью: они руководили воинскими подразделениями на театре военных действий и отправлялись в специальные посылки. Известно, что «государев дворянин» И.Андр. Измайлов в ноябре 1606 г. ездил в Ростов за А. Стадницким[5]. Г.В. Измайлов возглавлял сотню вязмичей под Тулой и сотню старорусцев во время борьбы с тушинскими «таборами»[6]. К 1609/10 г. его оклад составлял 700 ч., к которым тогда были приданы ещё 200 ч. (в начале Смуты он располагал только 400 ч.). Впоследствии думный дьяк Н. Новокщенов вспоминал, что Г.В. Измайлову по именному указу Василия Шуйского «преж всех челобитчиков», и «не в образец» другим за осадное сидение была дана вотчина из

[1] Временник Ивана Тимофеева. М., 1987. С. 101–102.
[2] АСПбИИ РАН. № 124. Оп. 1. № 520. Л. 1.
[3] АИ. Т. 2. С. 361 (№ 306).
[4] *Павлов А.П.* Комнатные стольники царя Михаила Романова // Времена и судьбы. СПб., 2006. С. 73–96; *Он же.* Стольники как чин государева двора в царствование Михаила Федоровича Романова // Cahiers du monde russe. 2010. Vol. 51. № 2–3. P. 211–240; *Седов П.В.* Правящая элита Русского государства 1660–1680-х гг. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 412.
[5] Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. С. 166; СРИО. Т. 147. С. 374.
[6] АСЗ. Т. 3. С. 491–493 (№ 562).

подмосковного поместья[1]. Очевидно, как и другие члены рода, этот дворянин московский пользовался особым расположением монарха.

Неудивительно, что Измайловы до последнего момента оставались преданными сторонниками Василия Шуйского. В середине июля 1610 г. царь отправил к пришедшим под Серпухов крымским татарам стрельцов и артиллерию во главе с кн. И.М. Воротынским, кн. Б.М. Лыковым и А.В. Измайловым «чтоб они [татары – *И.К.*] царю Василью помочь учинили, шертовав, шли на вора»[2]. От результатов этой операции зависела дальнейшая судьба правления Василия Шуйского, и поэтому для её осуществления были выбраны наиболее доверенные лица. Поначалу соединённое войско имело успех, но затем татары ушли, и бояре «едва наряд увезоша от воровских людей»[3]. Вернувшийся в Москву А.В. Измайлов распространил, однако, весть о том, что над силами Лжедмитрия II одержана победа. По сведениям поляков, это ненадолго остановило заговорщиков, которые были уже готовы совершить переворот[4]. Составитель списка «ушников» полагал, что Измайловы участвовали в заговоре И.Г. Одадурова, целью которого было возвращение Василия Шуйского на престол[5].

Таким образом, для Измайловых первые годы Смуты стали временем беспрецедентного возвышения и влияния. В эпоху Бориса Годунова лишь отдельные представители рода могли претендовать на чин дворян московских в результате успешной многолетней службы. Н.В. Измайлов был тогда пожалован в стряпчие – но стольничество оставалось недостижимым, поскольку являлось исключительным достоянием старой знати (**2.1.6**). Теперь Измайловы в одночасье

---

[1] АСЗ. Т. 3. С. 493 (№ 563).

[2] *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 222–223; *Цветаев Д.В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. Вып. 1. С. 5 (№ 3).

[3] НЛ. С. 98; РЗ. С. 19, 55, 98–99, 188.

[4] *Цветаев Д.В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. Вып. 1. С. 5 (№ 3); *Эйльбарт Н. В.* Смутное время в польских документах… С. 341–342 (№ 5). См.: *Захарьина Н.С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского: 1607–1610 гг. С. 137–138; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 547; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 182–183.

[5] *Тюменцев И.О.* Список сторонников царя Василия Шуйского. С. 318. См. о заговоре: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 191–192.

получили «московские» чины, а наиболее успешный из них стал окольничим. Безусловно, значительную роль в этом карьерном взлёте сыграл слепой случай (в 1605 г. А.В. Измайлов оказался в нужное время в нужном месте) и личные качества членов рода, которые умело пользовались сменой правителей. Однако необходимо принять во внимание и предшествующую траекторию клана – давнюю традицию столичной службы, которая во многом подготовила такое возвышение[1].

Сразу трое **Ржевских** – Андрей, Иван и Григорий Никитичи – вошли в число дворян московских БС 1606/07. Единственный известный рассказ о судьбе этой семьи при Лжедмитрии I оставляет больше вопросов, чем даёт ответов. В челобитной 1610 г. И.Н. Ржевский сообщал: «По наносу, государи, князя Василия Шуйского шептунов *Ортема Измайлова с товарищи* для моих Ивановых животов и дво[ра] моего купленного, Рострига *меня, Ивана, з женою и з детьми сослал с Москвы в понизовные городы*»[2]. Очевидная несообразность формулировок – «шептун» Василия Шуйского выступает в качестве доносчика первому Самозванцу – объясняется, вероятно, сложившейся устойчивой привычкой называть Измайловых именно таким образом. Хорошо известно, что «на Низ» при Лжедмитрии I были сосланы родственники и приближённые Годуновых: по оценкам иностранных авторов, всего изгнанию подверглись порядка семидесяти «благородных семейств, бывших в родстве с Борисом, или державших его сторону»[3]. Однако о связи Ржевских с Годуновыми нет никаких данных, и невозможно утверждать, стояли ли за репрессиями глубокие «политические» причины или лишь происки А.В. Измайлова.

Известие о ссылке позволяет утверждать, что «московские» чины Ржевские получили уже после свержения Лжедмитрия I. Первые упоминания об их службах

---

[1] *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 172.

[2] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520. Последнее известное назначение И.Н. Ржевского накануне вторжения Лжедмитрия I – головой в Царев-Борисов (РК 1638. С. 169). О мятеже в этом городе см.: *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. С. 104, 105.

[3] Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. С. 336. О других аналогичных известиях см.: *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. С. 55, 58–59.

в период Смуты относятся ко второй половине 1606 г. В октябре – начале ноября И.Н. Ржевский был назначен в поход для оказания помощи смоленскому отряду, шедшему к осаждённой болотниковцами Москве. Однако Ржевский затеял местническую тяжбу и был отозван в Москву, причём его оппоненту было «писано, что он взят не для мест, что били челом на Ивана ратные люди»[1]. В конце 1606 г. (датировка предположительна) А.Н. и И.Н. Ржевские вместе с другими дворянами «разбирали и переписывали» «Заборских казаков», которые ранее поддерживали И.И. Болотникова[2]. Как показывают эти источниковые свидетельства, Ржевские находились в Москве и не примкнули к повстанческому движению вместе с рязанским «городом».

Как и другие «московские» чины, братья должны были принимать участие в походе на Тулу. Известно, что именно оттуда А.Н. Ржевский был в конце октября – начале ноября 1607 г. отправлен в Брянск вместе с боярином кн. М.Ф. Кашиным. Вскоре правительственный гарнизон оказался заперт превосходящими силами Лжедмитрия II и более месяца стойко выдерживал тяжёлую осаду. После деблокирования крепости царь послал к воеводам гонца с «золотыми» и «велел быть к Москве» всем участникам обороны. В столице они получили знаки особой милости – были «у руки» и «у стола» государя[3]. Награждение воевод вызвало местнический конфликт, который мы рассмотрим далее (**3.3.3**). О том, что братья вошли в придворный круг Василия Шуйского, свидетельствует появление И.Н. и Г.Н. Ржевских «в поезду» на царской свадьбе в январе 1608 г.[4].

---

[1] РЗ. С. 10, 43, 142, 206, 213, 216. См.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 276–278.

[2] РЗ. С. 117. Хронология в этом варианте разрядов явно нарушена. См.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 318–323; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 24–25.

[3] РЗ. С. 12, 46–47, 90, 92, 119, 148, 159, 220, 249; НД. С. 311; НЛ. С. 76–79, Карамзинский хронограф. С. 339; *Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.)…. Стб. 125–129. См.: *Станиславский А.Л.* Брянский край и восстание Болотникова. С. 22–23; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 176–185.

[4] ДРВ. Ч. 13. С. 124.

Полученные от Василия Шуйского пожалования существенно изменили карьерную траекторию Ржевских. За несколько десятилетий службы их отец так и не достиг чина дворянина московского, а сами братья уже около двадцати лет находились в «выборе». Впрочем, как и в случае Измайловых, для возвышения имелись некоторые предпосылки. В отличие от других рязанцев, Ржевские неоднократно упоминались на службе в столице, причём Г.Н. Ржевский кратковременно зачислялся «в житье». Вероятно, ещё до Смуты семья приобрела московские дворы[1].

Чин дворянина московского получил Григорий Фёдорович **Сунбулов** – молодой человек (известен на службе с 1601 г.) который накануне Смуты находился в нижней части «выбора» с окладом 350 ч. Поскольку точное время составления черновика БС 1606/07 неизвестно, момент пожалования новым чином остаётся неясным[2]. Видимо, ещё при Лжедмитрии I Г.Ф. Сунбулов был назначен в Переяславль-Рязанский вместе с кн. В.К. Черкасским – на такой позиции обычно оказывались местные выборные дворяне. С воцарением Василия Шуйского воеводы отправились под Елец, а затем Г.Ф. Сунбулов возглавил рязанский отряд в составе повстанческого войска. После перехода на сторону правительства Г.Ф. Сунбулов продолжал оставаться руководителем своего «города» и вернулся в уезд. В некоторых разрядах он указан одним из воевод рязанских сил при походе в Каширу в мае-июне 1607 г.[3], но эти сведения сомнительны (**3.2.1**).

В период тульского похода Г.Ф. Сунбулов был назначен воеводой в Мещовск вместе с головой Е.Д. Бартеневым. В середине сентября 1607 г. они сообщили в царский лагерь, что посланному ими небольшому отряду удалось овладеть Брянском. В ответном указе предписывалось немедленно направиться туда со всеми наличными силами и прочно занять крепость. Распоряжение

[1] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520; АЗР. Т. 3. С. 350 (№ 183); АСЗ. Т. 2. С. 318–319 (№ 370).
[2] Напомним, что БС 1606/07, в котором Г.Ф. Сунбулов числился в чине московского дворянина, мог быть составлен в период, когда рязанцы еще не вернулись на сторону Василия Шуйского. Следовательно, возможно, что он стал дворянином московским до рязанского выступления – но в таком случае неясно, почему его уровень назначений оставался столь невысоким.
[3] РЗ. С. 91, 157, 185.

запоздало: из-за приближения войск Лжедмитрия II Брянск пришлось сжечь. Г.Ф. Сунбулов оказался в крепости спустя месяц, когда Самозванец отступил. Вскоре мещовские силы были сменены более крупным отрядом кн. М.Ф. Кашина и А.Н. Ржевского[1]. Таким образом, Г.Ф. Сунбулов в 1607 г. утратил служебную связь с рязанским «городом» и действовал в качестве самостоятельного воеводы, что типично для дворян московских.

В столичных чинах оказались Иван Петрович **Биркин** (дворянин московский) с сыном Иваном (стряпчий). Напомним, что представители этого рода занимали низкие позиции в рязанском перечне ДТ и оказались в «выборе» благодаря успешной карьере в особом «Дворе» (**2.1.4**). И.П. Биркин, некогда «дворовый» жилец, накануне вторжения Лжедмитрия I был назначен головой в гарнизон Новгорода-Северского[2]. 31 января 1605 г. он упоминается в списке награждённых за оборону города против Самозванца[3]. После воцарения Самозванца он фигурирует в качестве пронского головы (аналогичный пост И.П. Биркин занимал и в 1604 г.)[4]. Весной – летом 1606 г. он возглавлял писцовую комиссию в Галичском уезде[5]. Поскольку писцами часто назначали московских дворян, можно предполагать, что И.П. Биркин получил чин при Лжедмитрии I. Очевидно, И.И. Биркин был пожалован в стряпчие благодаря возвышению отца. Помета в БС показывает, что он участвовал в осаде Калуги[6]. И.В. Биркин,

---

[1] НД. С. 172–173 (№ 54); НЛ. С. 76–77. См.: *Станиславский А.Л.* Брянский край и восстание Болотникова. С. 22–23; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 176–177. Г.Ф. Сунбулов руководил борьбой с повстанцами под Козельском, и в этих боях был ранен мещовский голова Е.Д. Бартенев (НД. С. 228 [№ 112]).

[2] В разрядах назван головой даточных людей (РЗ. С. 2). Р.Г. Скрынников предположил, что данная запись искажена, и на самом деле И.П. Биркин возглавлял пронский отряд (*Скрынников Р.Г.* Царь Борис и Дмитрий Самозванец. С. 307–308).

[3] АМГ. Т. 1. С. 66 (№ 42). См.: *Тюменцев И.О.* К вопросу о «Скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2 (12). С. 39.

[4] РК 1638. С. 167; РЗ. С. 40, 75, 183, 204. Отчество отсутствует, возможен также И.В. Биркин.

[5] *Авдеев А.Г.* Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV–XVII веков // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 345 (№ 6), С. 346 (№ 7); Акты писцового дела. М., 1913. Т. 1. С. 29, 45–46; *Кистерев С.Н.* Документы о посадских людях Галича XVI - начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 242–244 (№ 6, 7); НД. С. 92 (№ 20).

[6] БС 1606/07. С. 136.

представитель младшей ветви рода, остался в «выборе» с небольшой прибавкой к окладу.

О службах других членов рязанской верхушки, пожалованных «московскими» чинами в начальный период Смуты, почти не сохранилось данных. Иван Иванович **Дмитриев** был пожалован стольничеством (как некогда отец в особом «Дворе») наряду с представителями младшего поколения Измайловых. Как свидетельствует помета в БС 1606/07, в боях против повстанцев он получил ранение[1]. Стольником стал также кн. Иван Андреевич **Дашков** – рязанский землевладелец, сын выборного кн. А.И. Дашкова. Из родословной росписи известно, что его младший брат Пётр погиб под Калугой[2]. Как Дмитриев, так и кн. Дашковы – молодые люди, отцы которых скончались в конце XVI в.

Логика производства рязанцев в «московские» чины отражала, прежде всего, статусные градации внутри рязанской верхушки. Пожалования охватили привилегированный круг потомков местных бояр (Дмитриев, Измайловы, Сунбулов), наиболее родовитых переселенцев (Ржевские, кн. Дашков), а также выдвиженцев эпохи особого «Двора» (Биркины). Для тех родов, которые до Смуты не были связаны со столичной службой, путь в «московские» чины оказался пока закрыт (Вердеревские, кн. Гагарины, Кобяковы, Петровы, кн. Щетинины). В отличие от Г.Ф. Сунбулова, худородный П.П. Ляпунов (также возглавлявший рязанский «город») получил пока только прибавку к окладу, но не новый чин. Отметим, что пожалования в столичные чины не были заочными, механическими повышениями наиболее видных представителей верхушки. В «выборе» остался уже упоминавшийся Ф.Ю. Булгаков, который провёл весь этот период на воеводстве в Сибири. Он вполне мог рассчитывать на повышение как однородец Измайловых и Дмитриевых, предки которого также оказывались в «московском» списке – однако не принимал участия в событиях начала Смуты и не получил чина.

[1] БС 1606/07. С. 135.
[2] *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 109.

Дальнейшее пополнение «московских» чинов при Василии Шуйском может реконструироваться в ряде случаев лишь предположительно. Главные источники для такой реконструкции – во-первых, упоминания о служебных назначениях, во-вторых – данные ***БС 1610/11***. Необходимо иметь в виду, что в последнем отразились также отдельные пожалования, которые производились после свержения Василия Шуйского с престола, и отделить их возможно далеко не всегда[1]. Принимая во внимание эти ограничения, сделаем некоторые наблюдения (таблица 3.5).

Таблица 3.5 – Пожалования 1606/07 – 1610/11 гг.

Чин	*Пожалованный*	*Предшествующий чин и время пожалования*
Окольничий	А.В. Измайлов	из думных дворян, 2 февраля 1608
Думный дворянин	П.П. Ляпунов	из «выбора» (800), до 20 ноября 1607
Дворяне	С.Г. Коробьин	из «выбора» (550), 1606/07 – август 1608
	В.Г. Коробьин	из «выбора» (550), 1606/07 – 1610/11
	кн. А.Ф. Гагарин	из «выбора» (550), 1606/07 – 1610/11
	Ф.И. Измайлов	из «выбора» (550) , 1606/07 – 1610/11
	М.Н. Сунбулов	из «выбора» (550) , 1606/07 – 1610/11
	Ф.Ю. Булгаков (?)	*из «выбора» (600), до весны 1609 (предп.)*
Стольники	С.А. Петров	из «выбора» (550), 1606/07 – 1609
	В.А. Петров	из «выбора» (550), 1606/07 – 1609
	В. Арт. Измайлов	из стряпчих, 1606/07 – 1610/11
	А. Арт. Измайлов	– , 1606/07 – 1610/11
Стряпчие	В.Г. Ляпунов	– , 1606/07 – 1610/11
	кн. Л.М. Волконский	– , 1606/07 – 1610/11
	Г.Т. Измайлов	– , 1606/07 – 1610/11
	П.Х. Измайлов	из жильцов, 1606/07 – до 26 марта 1610
	И.Х. Измайлов	– , 1606/07 – 1610/11
Жильцы	И.Г. Коробьин	– , до января 1608 г. или сентября 1610
	кн. М.В. Щетинин	– , до 1608/09 г.

Наиболее значительным из царских пожалований было производство Прокопия Петровича **Ляпунова** в думные дворяне. Жизненный путь воеводы, неотделимый от истории рязанского «города», рассмотрен нами ранее (**3.2**), поэтому коснемся лишь «чиновного» аспекта. Как уже отмечалось, в БС 1606/07 П.П. Ляпунов записан в «выборе» с выдающимся окладом 700 ч., который

[1] *Тюменцев И.О.* Московские дворяне в годы Смуты начала XVII столетия // Государев двор в истории России. XV–XVII вв. Владимир, 2006. С. 192.

существенно превышал принятую норму верстания. Весной 1607 г. он получил прибавку к окладу в размере 100 ч.[1], а максимальный оклад при Василии Шуйском достиг грандиозных 1000 ч. и 150 р.[2]. Самым ранним упоминанием думного дворянства является грамота 20 ноября 1607 г.[3]. Вероятно, новый чин был пожалован уже после возвращения рязанских сил из-под Тулы[4]. В начале февраля 1608 г. П.П. Ляпунов побывал в Москве, где «сказывал» окольничество А.В. Измайлову, но вскоре вновь вернулся в Переяславль-Рязанский.

В период воеводства Прокопия большинство членов рода оставались в составе «города» и участвовали в местных делах. Заметим, что не вполне ясен чиновный статус Владимира Ляпунова, старшего сына рязанского воеводы. Впервые он был повёрстан ещё в 1596/97 г. (вероятно, в дворовый список). После перехода рязанцев на сторону Василия Шуйского он выступал в качестве связного между отцом и правительством, затем принимал участие в походе рязанской рати под Тулу[5]. В грамоте ноября 1607 г. ему разрешалось «побыть неделю» у отца, что свидетельствует о «московском» характере службы в этот период. Поскольку в БС 1606/07 В.П. Ляпунов не фигурирует, можно предполагать, что он либо оставался в дворовом списке, либо числился среди жильцов. Известно, что в не сохранившемся «боярском списке» 1608/09 г. он состоял уже в «выборе»[6]. В чине выборного дворянина оставался и брат Прокопия – З.П. Ляпунов[7].

В отличие от родственников, старший из племянников рязанского воеводы (сын Г.П. Ляпунова, погибшего от рук Самозванца) Василий получил к 1610/11 г.

---

[1] НД. С. 156 [№ 40]).
[2] Сказка у выписи Л.П. Ляпунова (1629 г.): РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 342.
[3] АСЗ. Т. 4. С. 202 (№ 272).
[4] *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 220.
[5] НД. С. 302 (№ 158).
[6] «В боярской книге какова сыскана после московского разоренья 117 году Володимер Прокофьев сын Ляпунов написан в Переславле Резанском по выбору поместной оклад написан 700 чети» (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 626).
[7] Об этом свидетельствует включение в «городовой» список посольства 1610 г.: АЗР. Т. 4. С. 318 (№ 182).

чин стряпчего[1]. Данное пожалование показывает, что Ляпуновы также постепенно начинали продвижение в «московские» чины всем семейным гнездом. Однако в боевых действиях клан понёс катастрофические потери. В 1676 г. один из Ляпуновых вспоминал, что за годы Смуты «убито родителей моих, роду моево … девять человек», и это высказывание вовсе не было преувеличением[2].

По сведениям родословных росписей **Петровых-Соловых**, Степан и Василий Алексеевичи «были в *стольниках*, а побиты под Москвою на Ходынке на бое в приход польских и литовских людей при царе Василье Ивановиче … а были оба у стольничьих сотин[3] на том бое»[4]. В.А. Петров в БС 1606/07 числился в «выборе» с окладом 550 ч. Степан, возможно, зачислялся в жильцы, но в сохранившихся источниках не фигурирует. Terminus ante quem пожалования в стольники является сражение на Ходынке 5 июня 1609 г., в котором братья погибли. Как ясно из упоминания, они состояли в стольничьей сотне (согласно одному из родословцев, в качестве голов) – элитном воинском подразделении, которое выполняло наиболее сложные задачи[5].

---

[1] БС 1610/11. С. 83. К этому времени его старшие братья уже погибли в боях на территории Рязанского уезда (*Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 233).

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 532. Л. 52. В источнике говорится об «убитых под Москвою», но имеются в виду, вероятно, совокупные потери рода в годы Смуты. Подсчет был произведен, очевидно, по родословцу. В «поколении Смуты» погибли все представители старшей ветви (Петровичей): Григорий был убит при Лжедмитрии I в 1605/06 г., Прокопий – под Москвой 22 июля 1611 г., Захарий – в «великом посольстве» в 1610/11 г., Степан – под Москвой (причем его жена и дети погибли в Рязани от рук повстанцев в конце 1606 г.). Два представителя младшей ветви (Иевлевичей) – Степан и Василий – погибли под Москвой. Из поколения сыновей Степан и Яков Григорьевичи были убиты соответственно под Михайловым и Зарайском; Борис Семенович (не указан как погибший в родословцах, ср. АСЗ. Т. 3. С. 233 [№ 259]) и Василий Борисович погибли под Москвой (*Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 233, 235). Всего, таким образом, 11 человек. Кроме того, в годы Смуты скончались Меньшой Иевлевич – между 1 сентября 1611 г. и 22 января 1612 г. (АСЗ. Т. 2. С. 233 [№ 258]), а также Семен Иевлевич – возможно, в 1608/09 г., точно не позднее первых месяцев 1611 г. (ПРП. Вып. 5. С. 333; АСЗ. Т. 2. С. 412 [№ 479]).

[3] Так в ркп.

[4] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 531об. «Были в стольниках, побиты под Москвою на Ходынке в приход полских и литовских людей, а были оба у столничьих сотин головы» (*Левонтьев Д.Н.* Материалы для родословия дворян Левонтьевых и Петрово-Соловых. С. 23). В другой версии росписи погибшим на Ходынке отмечен только Василий (РРР. С. 162).

[5] *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 348.

Другие данные о чиновном статусе и службе Петровых-Соловых в годы Смутного времени отсутствуют. По-видимому, род понёс значительные потери: скончались, не оставив потомства, выборные дворяне П. и А. Петровы-Соловые. Напомним, что Петровы-Соловые кратковременно возвысились в период особого «Двора» благодаря царской женитьбе на дочери М.Т. Петрова. Его брат А.Т. Петров (отец стольников эпохи Смуты) получил тогда чин дворянина московского, но затем вернулся в «выбор» (**2.1.4**). Как и Биркины, Петровы-Соловые относились к числу относительно худородных служилых людей, имевших при этом связь со столичной службой.

Во второй половине царствования Василия Шуйского чинами московских дворян были пожалованы Семён и Василий Гавриловичи **Коробьины**[1]. При Самозванце В.Г. Коробьин состоял приставом при крымском посольстве[2]. Напомним, что братья принимали участие в повстанческом движении и под Москвой перешли на сторону Василия Шуйского. Их родители были убиты в Рязани сторонниками Лжепетра (**3.2.1**). В БС 1606/07 С.Г. и В.Г. Коробьины совместно упомянуты с окладами 550 ч. В.Г. Коробьин более не упоминается в источниках времени правления Василия Шуйского, зато сохранилась информация о службе его старшего брата.

С.Г. Коробьин получил чин московского дворянина не позднее августа 1608 г., когда был вместе с кн. М.В. Скопиным-Шуйским отправлен в Великий Новгород для переговоров со шведами[3]. В дальнейшем он принял деятельное участие в операциях правительственных сил на Северо-Западе. В начале августа 1609 г. С.Г. Коробьин во главе передового отряда был послан к Переславлю-

[1] Упоминаются в чине в БС 1610/11. С. 98.
[2] Акты времени Лжедмитрия I. С. 195–250.
[3] Карамзинский хронограф. С. 342. Датировка: *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 261–263. Участие в приобретении имущества новгородского воеводы М.И. Татищева, убитого 14 октября 1608 г.: Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 8. 1850. Смесь. С. 4–5, 13–14.

Залесскому, но столкнулся с сапежинцами и отступил к Калязину[1]. Октябрём 1609 г. датирована именная царская грамота, в которой содержится похвала «за службу и раденье», а также обещание наградить С.Г. Коробьина по прибытии в Москву[2].12 февраля 1610 г., когда силы кн. М.В. Скопина-Шуйского активно продвигались к столице, он был послан в Переяславль-Залесский[3].

14 июня 1610 г. С.Г. Коробьин получил пожалование поместья в вотчину со стандартной формулировкой о пребывании «на Москве в осаде»[4]. Данный случай примечателен тем, что собственно в «осадном сидении» он находился не более двух месяцев (в июне – августе 1608 г.), после чего покинул столицу и вернулся туда уже после деблокирования столицы войсками кн. М.В. Шуйского. Пожалование, таким образом, сохраняло обычный формуляр, но в действительности было отличием за службу на Северо-Западе. К этому времени поместный оклад Коробьина составлял 750 ч., увеличившись с момента самозванческого верстания на 200 ч.

Иван Гаврилович Коробьин, младший из четырёх братьев, присутствовал на царской свадьбе 1608 г. «у коровая большова»[5]. Вероятно, уже тогда он имел чин жильца, с которым впервые упоминается в сентябре 1610 г.[6]. 27 сентября 1609 г. И.Г. Коробьин был назначен письменным головой к окольничему кн. В.Ф. Мосальскому для встречи запасов из Коломны, но «не пошел, и бил челом государю о местех, а с ним не был»[7]. Нет данных о чиновном статусе и службах третьего члена рода, Бориса Гавриловича. В 1611 г. он упомянут в «выборе» с окладом 750 ч.[8].

---

[1] НЛ. С. 91; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 501, 504.
[2] АСЗ. Т. 4. С. 173–174 (№ 232).
[3] По росписи служб Коробьиных: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 134. Л. 19–20.
[4] АСЗ. Т. 2. С. 200 (№ 216).
[5] ДРВ. Т. 13. С. 125.
[6] АЗР. Т. 4. С. 318 (№ 182).
[7] РЗ. С. 105, 189. Комментарий: *Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков. С. 119.
[8] АМГ. Т. 1. С. 80 (№ 45).

В досмутный период Коробьины были далеки от попадания в «московские» чины и получали типичные для рязанцев южные назначения второго плана (**2.1.6**). При Василии Шуйском сыновья Г.В. Коробьина, которые были молодыми людьми[1], оказались в совершенно новой ситуации и начали успешную столичную карьеру. При этом вне «государева двора» оставались пока представители старшей ветви рода, которые не попадали в «выбор» – потомки В.И. (Большого) Коробьина.

Вероятно, от Василия Шуйского чин дворянина московского получил кн. Афанасий Фёдорович **Гагарин**[2], который накануне Смуты вернулся из «житья» в «выбор». В 1609–10 гг. он был вторым воеводой правительственных сил на Кашире: сначала при окольничем кн. Г.П. Ромодановском, а затем при кн. В.И. Туренине[3]. После Клушинской битвы местные жители принесли присягу Лжедмитрию II, причём сопротивлявшийся кн. Г.П. Ромодановский едва не был убит[4]. В следующий раз каширские воеводы упоминаются 25 декабря 1610 г., когда отправили сына боярского для приведения жителей Тулы к кресту королевичу Владиславу[5].

В 1610/11 г. стряпчим (с пометой «на Рязани») указан Лев Михайлович **Волконский**[6]. В БС 1606/07 выходцев из рязанской ветви этой фамилии не оказалось. Старшие члены рода скончались, а представители младшего поколения пока не были зачислены в «выбор». В «московские» чины вплоть до конца Смуты не попадали и служилые люди из другой ветви рода, сыновья кн. Ф.И. (Митенина) Волконского, двое из которых были поверстаны в дворовый список в 1596 г.[7].

Кроме того, в жилецком списке «117-го году» числился кн. Михаил Васильевич **Щетинин**. К этому времени его отец, кн. В.Г. Щетинин, два

[1] В ПКРК 1590-х гг. числится только Г.В. Коробьин – сыновья еще не были записаны на службу.
[2] Впервые упомянут в чине в БС 1610/11. С. 93.
[3] РЗ. С. 18, 54, 104, 126, 165. В БС 1610/11 помета «на Кашире».
[4] НЛ. С. 99. Кн. А.Ф. Гагарин не упоминается.
[5] РЗ. С. 221.
[6] БС 1610/11. С. 83.
[7] Десятни новиков, поверстанных в 1596. С. 201.

десятилетия прослуживший в рязанском «выборе», по-видимому, скончался[1]. В период правления Василия Шуйского погибли братья Михаила: родной Иван Васильевич и двоюродный Иван Иванович (выборный дворянин)[2].

Нет определённых сведений об изменении чиновного статуса Фёдора Юрьевича **Булгакова**, который провёл первые годы Смуты на сибирской службе. По возвращении весной 1607 г. он возглавил рязанскую рать, отправленную под Тулу. Ф.Ю. Булгаков оставался воеводой своего «города» на всём протяжении осады (**3.2.1**). Однако дальнейшие упоминания показывают, что он оказался на столичной службе. Осенью 1608 г. он был прислан в Рязань для сбора детей боярских, после чего должен был вернуться в Москву[3]. Весной 1609 г. Ф.Ю. Булгаков находился «на Ваганкове от государева полку в заставе». На этом посту его сменил дворянин московский кн. Ф.С. Коркодинов[4]. Характер назначений позволяет предполагать, что рязанец также получил «московский» чин. Больше он не упоминается в источниках.

Наконец, в «московских» чинах БС 1610/11 оказались однородцы рязанцев, возвысившихся ранее – представители боковых ветвей. Михей Никитич Сунбулов впервые упомянут в БС 1606/07 в чине выборного дворянина, и быстро сумел выдвинуться в дворяне московские[5]. Столичные чины, кроме того, получила целая группа Измайловых. Фёдор Иванович в конце 1580-х гг. числился «в житье», после чего вернулся в «выбор» с небольшим окладом. Теперь он получил чин дворянина московского. Григорий Тимофеевич, Прокофий и Иван[6] Хрисанфовичи – вероятно, его племянники – стали стряпчими[7].

---

[1] АСЗ. Т. 2. С. 232 (№ 257).

[2] *Калайдович К.Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. С. 34; РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 120; АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479).

[3] РЗ. С. 49, 186.

[4] РЗ. С. 15.

[5] Возможно, пожалование в «московский» чин произошло до 1608/09 г., когда в «выбор» попали его братья Исак и Иван (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 13. Л. 84–84об.; АСЗ. Т. 2. С. 148–149 [№ 152]).

[6] В БС 1610/11 не числится, упоминание о чине в выписке о поместной даче (АСЗ. Т. 4. С. 412 [№ 514]).

[7] БС 1610/11. С. 83, 93.

Итак, после 1606/07 г. происходило дальнейшее расширение представительства рязанских фамилий в «московских» чинах (таблица 3.6). Пожалования охватывали новые кланы – и в меньшей степени служили увеличению присутствия в столице семейств, попавших туда ранее. Были возвышены служилые люди, которых – в силу молодого возраста или недостаточной родовитости – обошли пожалования начала Смуты. Как и в предшествующий период, рязанцы попадали в столицу семейными гнездами (Коробьины, Ляпуновы, Петровы).

Таблица 3.6 – Пожалования рязанских родов в «московские» чины при Лжедмитрии I и Василии Шуйском: общая динамика

В «московских» чинах накануне Смуты	**Новые в «московских» чинах БС 1606/07**	**Новые в «московских» чинах в 1606/07 – 1610/11**	**Только в «выборе» (предположительно)**
кн. Мещерский Измайловы	Биркины кн. Дашков Дмитриев Ржевские Сунбуловы	Булгаков (?) кн. Гагарин кн. Волконский* Коробьины Ляпуновы Петровы-Соловые кн. Щетинин	Бурцевы Вердеревские Кобяковы Сергеев-Левашов Спешнев Чевкины* Язвецов

** Отмечены кланы, представители которых отсутствуют в БС 1606/07*

Подведём итоги. При Лжедмитрии I и Василии Шуйском произошло беспрецедентное возвышение рязанских родов. За этот период «московские» и думные чины получили более трех десятков служилых людей из двенадцати фамилий. Происхождение не являлось определяющим критерием пожалования: в столицу попали как потомки рязанских бояр и княжат-переселенцев, так и бывшие выдвиженцы Ивана IV. Главным условием возвышения являлась принадлежность к «государеву двору» – традиция службы в «выборе». Практически все кланы выборных дворян досмутного периода выдвинули своих членов в «московские» списки. Исключения редки: из старых рязанских фамилий (числившихся в ДТ и «выборе») ни одного представителя в столице не имели только Вердеревские, Кобяковы и Чевкины, среди переселенцев – Сергеевы-Левашовы.

Какие последствия имело производство в «московские» чины для рязанских семейств? Проанализированные служебные биографии показывают, что

пожалования приводили к утрате связи между возвысившимися дворянами и локальным сообществом. Оказавшись в столице, рязанцы становились обычными членами столичного правящего слоя: занимали придворные должности, выполняли царские поручения, назначались воеводами в других уездах или руководили отрядами детей боярских из различных регионов. Кризисные события Смуты усугубили разрыв между местным сообществом и верхушкой «государева двора». Рязанский служилый «город» дважды (в 1606 и начале 1610 г.) выступал против центра, в то время как «московские» чины оставались в правительственном лагере (или переходили в тушинский, о чём речь пойдёт далее, но в любом случае не присоединялись к движению своего «города»). Даже когда Рязань сохраняла лояльность Василию Шуйскому, возвысившиеся рязанцы были отрезаны от участия в местных делах. Дворянин московский Г.В. Измайлов, впоследствии писал в челобитной, что не отправлял в Зарайск грамоту на владение двором, потому что сначала там «прямили царю Дмитрию, а в иное время владел Прокофей Ляпунов; а Прокофей… *был мне недруг*»[1]. Как ясно из этого примера, даже один из фаворитов Василия Шуйского лишился возможности распоряжаться собственностью в Рязанском уезде.

Таким образом, в результате царских пожалований из состава «города» оказались фактически исключены представители большинства первостепенных рязанских родов. Показательно, что представители наиболее видного местного клана – Измайловы, начавшие московскую карьеру, уже в начале Смуты рассматривались местным сообществом как чужаки. В ходе возмущения рязанцев против Василия Шуйского был убит, наряду с другими столичными воеводами, стряпчий Н.В. Измайлов, а двое других членов рода оказались в плену у восставших (**3.2.1**). Потенциальные предводители «города» один за другим переходили на столичную службу. Характерные примеры таких траекторий – судьбы Г.Ф. Сунбулова и Ф.Ю. Булгакова, которые сначала возглавляли

[1] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 56. Сложно найти более наглядное свидетельство того, что «больши́х дворян» Измайловых вовсе не следует a priori, только из-за рязанского происхождения, считать «давними приятелями» Ляпуновых, как это делал Р.Г. Скрынников (*Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 122).

рязанское сообщество, но затем начали «московские» карьеры. Попадание в придворную среду, однако, далеко не всегда сопровождалось успешной интеграцией в состав верхушки «государева двора».

3.3.3. Москва и Тушино, Калуга и Смоленск: рязанские дворяне между лагерями (1608–1612)

С историей Тушинского лагеря Лжедмитрия II связана судьба целого ряда рязанских семейств. Местных «перелётов» можно с некоторой долей условности разделить на две категории. К первой из них относятся служилые люди, которые даже после пожалований Лжедмитрия I и Василия Шуйского не поднимались выше «выбора», отъезд в Тушино оправдывали повседневными трудностями, через непродолжительное время возвращались обратно и получали прощение. Упоминания о таких лицах носят случайный и отрывочный характер. Важный источник в этой связи представляет собой челобитная З.П. Ляпунова[1]: в ней фигурируют Г.(П.)[2] и А.(Ю.)[3] Кобяковы, К.(Ю.) и И.(В.?) Биркины[4]. Все они до середины июля[5] 1610 г. вернулись обратно в московский лагерь, доставив этим немало хлопот уже получившему поместья «перелётов» челобитчику. Из судебных материалов 1620-х гг. известно, что Г.П. Кобяков бежал в столицу от «недружбы» П.П. Ляпунова, захватив с собой жену и детей, а также некоторую «рухлядь». Рассказ его сына содержит весьма колоритную мотивацию отъезда к

[1] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286). В челобитной фигурирует также И.Н. Ржевский, речь о котором пойдет далее.

[2] Не путать с Григорием Ивановичем Кобяковым. Идентификация произведена по землевладению и родственным связям (Дмитрий Григорьевич – сын, Иев Тимофеевич – внучатый племянник).

[3] Вероятно, речь идет о сыне Юрия Игнатьевича (в родословцах показан бездетным, но роспись Кобяковых неполна). Упоминается в писцовых книгах 1620-х гг.: к тому моменту уже скончался, не оставив наследников («а преж того было за Юрьем Игнатьевым сыном Кобякова, а после Юрья за сыном ево за Офонасьем Кобяковым да за Юрьевою женою за вдовою за Марьею»: ПКРК. Вып. 3. С. 1075). Не походит Афанасий Григорьевич Кобяков, сын Григория Ивановича и брат Леонтия (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 14), который также не упоминается в родословцах, но в 1610 г., если и появился на свет, был еще слишком молод.

[4] Вероятно, речь идет о Кирьяке Юрьевиче (Хрисанфовиче) и его дяде Иване Васильевиче, совместно владевших поместьями. Кирьяк Юрьевич погиб в Первом ополчении (АСЗ. Т. 3. С. 34 [№ 39]).

[5] Terminus ante quem исходя из времени написания документа. З.П. Ляпунов успел получить компенсирующее пожалование до того, как свергли Василия Шуйского, и челобитная об этом датирована июлем.

Лжедмитрию II: «*как на Москве хлеб почёл быть дорог*, и отец мой … сбрёл в Тушино *кормитца*». После распада Тушинского лагеря Кобяков «принес свою вину» Василию Шуйскому и «скитался на Москве» вплоть до 1612 г. Семейный архив погиб в огне московского пожара[1].

Сохранились также упоминания об отъезде к Лжедмитрию II кн. С.Н. Гагарина («от бедности»)[2] и жильца кн. М.В. Щетинина («блюдяся убивства от Прокофья Ляпунова»)[3]. Первый был в Тушино «только десять день», о перипетиях судьбы кн. М.В. Щетинина нет данных – он появляется в источниках только в 1612 г., когда обратился с челобитьем к властям Второго ополчения[4]. К Самозванцу отъехал В.К. Вердеревский, впоследствии безуспешно добивавшийся возвращения своих поместий[5].

Значительный интерес представляет вторая категория рязанских «перелётов» (о судьбе этих служилых людей сохранилось и значительно больше источниковых данных) (таблица 3.7). К ней относятся выходцы из местных родов, которые ранее были пожалованы в «московские» чины. Парадоксально, но такие служилые люди, возвышенные из «выбора», оказались не главной опорой Василия Шуйского, а его наиболее последовательными противниками. Сунбуловы и Ржевские, как будет показано далее, приняли участие в попытках свержения царя. Даже когда самозванческое движение погрузилось в кризис, эти «перелёты» стремились скорее наладить контакты с польской администрацией, чем вернуться в столицу.

[1] АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 2005/41883. Б/п. Чин в этот момент неясен.
[3] АСЗ. Т. 2. С. 232 (№ 257), 412 (№ 479).
[4] АСЗ. Т. 2. С. 414–415 (№ 481).
[5] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 91/40955. Л. 96.

Таблица 3.7 – Траектории рязанских «перелётов» (обладатели «московских» чинов и их близкие родственники)

Сунбулов Григорий Фёдорович	Шуйский: дворянин московский	*вплоть до 25.02.1609*
	Лжедмитрий II (Тушино, Калуга): окольничий	*25.02.1609 – 26.08.1610*
	Владислав (Москва): дворянин московский	*26.08.1610 – ?*
Сунбулов Михей (Истома) Никитич	Шуйский: дворянин московский	*вплоть до 25.02.1609 (?)*
	Лжедмитрий II (Тушино)	*25.02.1609 – ранее 01.1611*
	Владислав (Москва): дворянин московский	*ранее 01.1611 – ?*
Сунбулов Исак (Исай) Никитич	Шуйский: выборный дворянин (?)	*вплоть до 25.02.1609 (?)*
	Лжедмитрий II (Тушино, Калуга)	*25.02.1609 – ранее 01.1611*
	Первое ополчение	*ранее 01.1611 – ранее 17.01.1611*
	Владислав (Москва)	*ранее 17.01.1611 – ?*
Сунбулов Иван Никитич	Шуйский: выборный дворянин (?)	*вплоть до 25.02.1609 (?)*
	Лжедмитрий II (Тушино)	*25.02.1609 – ?*
	?	*?*
Дмитриев Иван Иванович	Шуйский: стольник	*?*
	Лжедмитрий II (Тушино)	*?*
	Владислав (Смоленск, Москва)	*? – март (?) 1611 (погиб)*
Ржевский Андрей Никитич	Шуйский: дворянин московский	*вплоть до 12.1608*
	Лжедмитрий II (Тушино): боярин	*12.1608 – ? (погиб)*
Ржевский Иван Никитич	Шуйский: дворянин московский	*вплоть до 12.1608*
	Лжедмитрий II (Тушино): окольничий	*12.1608 – 02(?).1610*
	Шуйский	*02(?).1610 – 17.07.1610*
	Владислав (Смоленск, Москва): окольничий	*17.07.1610 – ?*
	Первое ополчение	*после 02.1611– 22.07.1611 (погиб)*
Ржевский Григорий Никитич	Шуйский: дворянин московский	*вплоть до 17.07.1610*
	Владислав (Смоленск, Москва): думный дворянин	*17.07.1610 – ?*
	Первое ополчение	*ранее 01.1612*
кн. Щетинин Михаил Васильевич	Шуйский: жилец	*до 1608/09*
	Лжедмитрий II (Тушино)	*?*
	?	*?*
	Второе ополчение	*08.1612*

Чем ***объяснить*** данный парадокс? И.О. Тюменцев на основании обширного просопографического материала предположил, что «отъезды» в Тушино являлись, среди прочего, реакцией «перелётов» на репрессии и нарушение традиционной социальной иерархии. Представители «старых» родов были недовольны массовыми пожалованиями провинциальных служилых людей по принципу личной преданности, а не происхождения. Такой логический ход позволяет осмыслить поведение «знатных отпрысков оппозиционных кланов», но в случае рязанских служилых людей его объяснительная сила невелика. Рязанцы, отнесённые И.О. Тюменцевым к когорте «старых» дворян московских[1], в действительности являлись такими же провинциальными выдвиженцами начального этапа Смуты. Данные и о каких-либо репрессиях по отношению к

[1] *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 355–356.

ним, которые могли бы подвигнуть на «измену», также отсутствуют. Напротив, известно, что Ржевские и Сунбуловы вплоть до отъездов назначались на важные «именные» службы.

Не располагая источниками личного происхождения, исследователь вынужден судить о мотивациях участников Смуты исходя из косвенных данных. На основании имеющихся сведений можно предполагать, что главной причиной отъездов рязанских дворян являлось не соперничество с другими новопожалованными, но невозможность полностью адаптироваться к столичной придворной среде. Новые носители «московских» чинов, не попавшие в узкий круг царских фаворитов, при назначениях неизбежно сталкивались с невозможностью удовлетворить возросшие карьерные запросы в условиях консервативных местнических норм.

Вернёмся здесь к истории участия А.Н. Ржевского в обороне Брянска (осень – зима 1608 г.), после которой «осадные сидельцы» были приглашены в столицу и награждены. Главные пожалования получили воеводы: «Царь … жаловал за Брянскую осаду боярину кн. Михаилу Федоровичю Кашину шубу да кубок, а Ондрею Ржевскому шубу да кубок же». В составе разрядных записей сохранилось содержание челобитий А.Н. Ржевского: сетуя на то, что ему «шубу дали хуже кн. М. Кашина», он сообщал, что «ево-де, государь, *во Брянске лише имя было*, а *служба де была и промысел мой* ... вели, государь, про то сыскат всей ратью». Царь отказал в пересмотре пожалования: «Потому князю Михаилу дана шуба и кубок лутче твоего, *что он боярин да перед тобой в отечестве честнее*»[1]. В ответном челобитье А.Н. Ржевский писал, что «хотя, государь, он честью и отечеством меня больши*, только моей службы к тебе ... и в осаде промыслу было болши ево*; а ево … в осаде ни со шта не было»[2].

В ярких формулировках этих челобитий можно увидеть классический образ воина, который после тяжёлой осады оказался чужим в столичной придворной среде с её консервативными представлениями об иерархии. А.Н. Ржевский

[1] Или: «чеснее ч.», «чесной ч.» («человек»).
[2] РЗ. С. 46–47.

изложил целую философию соотношения «отечества» и «службы», в логике которой личным заслугам придавалось первостепенное значение перед «породой» – подход, неприемлемый для московских бояр[1]. Показательны здесь как амбиции рязанца, который апеллировал к авторитету «всей рати», так и резкий приговор Василия Шуйского.

Заметим, что даже Измайловы, ближайшие фавориты царя, не были защищены от местнических претензий. Характерный пример – один из последних «случаев» времени правления Василия Шуйского. Дворянин московский кн. Г.К. Волконский, посланный к татарским силам в июле 1610 г., заявил, что ему «невместно» объявлять о скором прибытии окольничего А.В. Измайлова. Василий Шуйский пожаловал челобитчика и «велел ему объявлять одних бояр»[2]. В конце 1610 – начале 1611 г. был составлен местнический памфлет Алферьевых против «новых людей», в котором указывалось, что «ноне тот Ортемей Измайлов на Москве околничей, а дал ему тое честь Шуйской, а *ис предков Измайловы на Москве в околничих не бывали*»[3].

Итак, пожалованные в «московские» чины рязанцы утратили связь со своим сообществом – но при этом, как можно предполагать, далеко не все из них смогли освоиться на столичной службе. Получив новые чины, они одновременно ощутили пределы карьерного роста в системе, где «отечество» было первично по отношению к «службе». Как в Тушино, так и под Смоленском перед «новыми

---

[1] На местнический спор обратил внимание И.И. Смирнов. Исследователь предположил, что в свете этого дела можно лучше понять, почему «рязанские помещики» годом ранее выступили против Шуйского (*Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 164, 404–405). С этим замечанием трудно согласиться: Ржевские, начавшие московскую карьеру, не являлись репрезентативными представителями рязанского дворянства и постепенно утрачивали связь с «городом». О проблемах соотношения «отечества» и «службы», в том числе в связи с этим случаем, см.: *Андреев И.Л.* «Служебный диалог»: идеологические аспекты взаимоотношений власти и дворянства в XVII веке // Paleobureaucratica. М., 2012. С. 29–55. Ю.М. Эскин полагает, что «в отповеди Ржевскому на первое место был поставлен служебный ранг его соперника …, а уже потом – “честность” его рода» (*Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков. С. 105).

[2] РЗ. С. 19, 55, 98–99, 188. Кн. Г.К. Волконский в начале Смуты был пожалован из «выбора» в дворяне московские, но считал окольничего рязанского происхождения как минимум равной по статусу фигурой.

[3] *Анхимюк Ю.В., Павлов А.П.* Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр». С. 243–244.

людьми» открывались чрезвычайно широкие возможности дальнейшего возвышения и обогащения, а давление аристократии там было значительно меньшим. Неудивительно, что в круговороте Смуты многие из новопожалованных рязанцев стали «перелётами». Рассмотрим теперь более подробно их ***биографии***.

25 февраля 1609 г. Г.Ф. **Сунбулов** принял участие в попытке свержения Василия Шуйского. Во главе заговорщиков, связанных с Тушинским лагерем, стояли также дворянин московский Т.В. Грязной и выборный по Верее кн. Р.И. Гагарин. Бояре отказались поддержать бунт и «побежали из города по своим дворам». Выступление потерпело неудачу, его участники (по оценке «Нового летописца», их было «человек триста») бежали из Москвы в Тушино[1]. Там Г.Ф. Сунбулов был приближен к Лжедмитрию II и попал в «воровскую» думу. Как предположил И.О. Тюменцев, он был возведён в окольничество[2]. Когда Тушинский лагерь распался, Г.Ф. Сунбулов сохранил верность Самозванцу и отправился с ним в Калугу. Известно, что 29 июля 1610 г. он посылался к сапежинцам с обвинениями в том, что они хотят выдать Самозванца польским властям[3]. Однако уже 26 августа 1610 г. Г.Ф. Сунбулов вместе с другими думцами Самозванца присягнул королевичу Владиславу[4].

По сообщению С. Жолкевского, приближённые Лжедмитрия II «просили о том, чтобы их оставили при боярском … звании, которое они имели при самозванце, ибо предвидели, что столичные бояре сделали бы им трудности в этом отношении»[5]. Гетман обещал содействие, однако не преуспел: бояре соглашались «принять их как заблудших братьев, но не хотели допустить их до

[1] НЛ. С. 87. См. также: Иное сказание. Стб. 119–121; ААЭ. Т. 2. С. 289–290 (№ 169); *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 281–282; *Тюменцев И.О.* Русский архив Яна Сапеги 1608-1611 годов. С. 113–114; *Он же.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 450.

[2] Прямых упоминаний о чиновном статусе нет, устанавливается по порядку упоминания в перечне калужского «совета» Лжедмитрия II (*Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 536, 537, 550, 551, 590–591). У Я. Сапеги назван «боярином».

[3] Дневник Яна Петра Сапеги. С. 213.

[4] ААЭ. Т. 2. С. 281 (№ 165); СГГиД. Т. 2. С. 443 (№ 204).

[5] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 84.

боярского достоинства, к местам сенаторским, данным им самозванцем»[1]. Как и другие калужские приближённые Лжедмитрия II, в БС 1610/11 Г.Ф. Сунбулов оказался в прежнем чине дворянина московского. Согласно помете, он находился в столице («есть, в объезде»)[2]. В марте 1611 г. Г.Ф. Сунбулов обращался к польским властям с прошением о пожаловании ему поместья в Бежецком верхе, сообщая, что находится «на Москве в осаде», а его «работишка … извесна старосте Александру Иванавичу Корвину-Госевскому и боярам и всему рыцерству». В июне прошение было удовлетворено[3].

После неудавшегося заговора против Василия Шуйского столицу покинули также Михей, Иван и Исак Никитичи Сунбуловы, которые в царских грамотах 9 марта и 19 августа 1609 г. названы «изменниками»[4]. Исак Сунбулов стал одним из видных воевод Лжедмитрия II. Во второй половине 1610 г. он возглавлял «русских воров» под Шацком, после чего с «черкасами», казаками и татарами вторгся в Рязанский уезд, но потерпел поражение (**3.2.3**). Возможно, его попытка вести борьбу именно на территории родного края неслучайна, но других известий об этих событиях не сохранилось. Ис.Н. Сунбулов не перешёл сразу на сторону Владислава, примкнув к ляпуновскому движению – в польском источнике он назван одним из «инструментов грандиозных замыслов» рязанского воеводы. Однако боярин М.Г. Салтыков и «родной брат» уже в первой половине января уговорили Ис.Н. Сунбулова оставить лагерь Ополчения и принести присягу королевичу. Вместе с ним на сторону польских властей перешли несколько тысяч человек. Оказавшись в столице, он рассказал о планах П.П. Ляпунова[5] (**3.2.4**). Данный пример ярко показывает использование механизмов семейной солидарности, которая взяла верх над политическим альянсом.

---

[1] Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 84–85.
[2] БС 1610/11. С. 89.
[3] Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 42–43.
[4] АСЗ. Т. 2. С. 148–149 (№ 152); Т. 3. С. 296–297 (№ 363). Время и обстоятельства отъезда предположительны.
[5] Svenska Riksarkivet, Skoklostersamlingen, Polska Manuskript. Sygn. E 8597. № 335A. Л. 360; *Козляков В.Н.* О начальной истории первого ополчения: П. П. Ляпунов, И. Н. Сунбулов и бои под Пронском; *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 272 (№ 16) (Из письма 21 февраля 1611 г.).

Под «родным братом» Исака подразумевался, очевидно, Михей Сунбулов. Вероятно, он присягнул Владиславу вместе с Г.Ф. Сунбуловым (в БС 1610/11 отмечен в Москве «в объезде»)[1]. В сентябре и октябре 1611 г. трое братьев получили от польской администрации и Боярской думы пожалования по своим челобитным. К этому времени оклад Михея составлял уже грандиозные 1500 ч. и 260 р., при этом он оставался в чине дворянина московского[2]. Иван и Исак Сунбуловы в «московскую» часть БС 1610/11 не попали и числились в «выборе»[3].

О судьбе стольника Ивана Ивановича **Дмитриева** известно из судебного дела 1630 г., в ходе которого стороны активно спорили по поводу деталей его биографии[4] (приложение 8). По сведениям кн. Гагариных, «Иван отъехол от царя Василья в Тушина, а ис Тушино … ездил он, Иван, с Михаилом Салтыковым да с Феткою Ондроновым под Смоленск х королю, а ис под Смоленска он, Иван Дмитреев, с Желковским да с Михаилом Салтаковым да с Феткою Ондроновым пришол под Москву». Нет оснований не доверять общей линии данного рассказа, хотя некоторые детали в нём могут быть искажены: так, мы не находим И.И. Дмитриева в списках тушинского посольства, направленного под Смоленск в январе 1610 г.[5]. На стороне польского гарнизона он участвовал в событиях «московского разорения». Совсем скоро – вероятно, в последней декаде марта 1611 г. – И.И. Дмитриев погиб под Симоновым монастырём, где укрывались участники восстания. Вместе с кн. Г. Хворостининым и «литовскими людьми» И.И. Дмитриев пытался «сговорить» защитников обители перейти на сторону

[1] БС 1610/11. С. 94.

[2] Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 74–75, 81–82; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 117; СГГиД. С. 481 (№ 218). Вместе с Михеем находился его сын Микифор.

[3] Согласно позднейшим выпискам, в рязанской верстальной десятне 1605/06 г. Исак Сунбулов находился во второй статье (550 ч.) дворовых детей боярских с четвертным жалованьем. С тем же окладом он был включен в «боярскую книгу» 1608/09 г. – вероятно, в качестве выборного дворянина (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 13. Л. 84–84об.). Иван Сунбулов «по даче 117-го году» получил поместье в подмосковный оклад – следовательно, также находился в «выборе» (АСЗ. Т. 2. С. 148–149 [№ 152]).

[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 2005/41183. Б/п. Опубликованы выдержки из сказок: АСЗ. Т. 3. С. 487–488 (№ 557).

[5] *Цветаев Д.В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. 1610–1910 гг. Варшава, 1902. Т. 2. Кн. 2. С. 6 (1-я паг.).

московского гарнизона, но был убит при попытке штурма. Возможно, к тому времени к Симонову монастырю уже подошли силы Ополчения[1]. Отметим, что в БС 1610/11 Дмитриев уже не попал.

Особого внимания заслуживает примечательный случай **Ржевских**, который обеспечен наиболее подробными источниковыми данными. В составе «смоленского архива» сохранилась целая серия челобитных, поданных представителями рода польским властям. Безусловно, эти рассказы необходимо воспринимать cum grano salis, имея в виду, что они составлены с целью доказать непреходящую лояльность Ржевских королевичу и добиться необходимых пожалований. Только в отдельных случаях информация челобитных может быть проверена с опорой на независимые источники.

Мы оставили Ржевских на царской свадьбе начала 1608 г., в которой приняли младшие братья Иван и Григорий (**3.3.2**). Как и С.Г. Коробьин, А.Н. и И.Н. Ржевские осенью отправились на Северо-Запад в составе отряда кн. М.В. Скопина-Шуйского, причём Иван встречал шведскую делегацию в Ладоге[2]. В самом конце 1608 г. братья оказались в Тушинском лагере. Контекст отъезда – нестабильная политическая обстановка в новгородских «пригородах» – реконструируется слишком фрагментарно, чтобы предполагать конкретные обстоятельства. Впрочем, московское правительство также было не вполне информировано о произошедшем: ещё 2 января 1609 г. в администрации Василия Шуйского были уверены, что Ржевские попали в плен[3]. Между тем, несколькими

[1] События, происходившие в этот период вокруг Симонова монастыря, проанализированы в работе: *Давиденко Д.Г.* Московский Симонов монастырь в годы Смуты. С. 154–155.

[2] РЗ. С. 96, 150; АСЗ. Т. 2. С. 319 (№ 370). Андрей и Иван фигурируют в описи проданного с торгов имущества новгородского воеводы М. И. Татищева, убитого 14 октября 1608 г. (об этом событии см.: *Татищев Ю.В.* Михаил Игнатьевич Татищев // Летопись историко-родословного общества. 1905. Вып. 1. С. 5–46). Андрей приобрел «тонкий армячок» и два «чамра лисьи», а Ивану были «по приказу» кн. М.В. Шуйского отправлены «кафтан холодной, камка адамашка червчата, нашивка золотная головки обнизаны жемчюжком мелким, цена 7 рублев» и «шапка с околом, полушарлат, петли низаны жемчюгом большим, по одной петли на прорехе, по 30 жемчюгов в петле, цена 10 рублев» – «в Ладогу для встречи немецких людей» (Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116. С. 1–3, 6).

[3] Об А.Н. Ржевском: АСЗ. Т. 2. С. 319 (№ 370). И.С. Шепелев обнаружил в новгородской кабальной книге решения кн. М.В. Скопина-Шуйского об отпуске на волю холопов дворян,

днями ранее, 29 декабря 1608 г. Ржевские по своему челобитью получили от Лжедмитрия II богатое вотчинное пожалование. Сохранилась отписка воеводы Юрьева-Польского, который сообщал, что не может организовать передачу села новым владельцам, поскольку оно захвачено наёмниками[1].

Приняв решение об отъезде к Лжедмитрию II, братья пошли на серьёзный риск. В Москве и Рязани оставались их семьи, которые вскоре оказались под арестом, а имущество должно было подвергнуться конфискации. 31 марта 1609 г. в Разрядном приказе была составлена память, согласно которой Андрей и Иван «изменили, отъехали к вору, поместья их велено в роздачю роздать». Вскоре владения обрели новых хозяев[2]. Однако тушинские пожалования, как могло показаться поначалу, давали возможность забыть о любых издержках. Ржевские получили не только дворцовые земли, но и немыслимые прежде думные чины: Андрей стал боярином, Иван – окольничим[3]. Оклад каждого из братьев («окроме вотчин») составил 2 тыс. ч., а также 500 и 400 р. соответственно[4].

которые «государю изменили». Согласно документу, А.Н. Ржевский «отъехал из Великого Новгорода»; делопроизводство касалось еще нескольких служилых людей, в числе которых – М.Г. Салтыков и кн. В.М. Рубец-Мосальский. К сожалению, к настоящему моменту эта единица хранения в фонде Новгородской приказной палаты утрачена, и невозможно установить дату этих распоряжений (*Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 2. С. 117. Ссылка на «выбывшее» архивное дело: РГАДА. Ф. 1144. № 19).

[1] *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А., Тюменцева Н.Е.* Отписки и челобитные русского архива Яна Сапеги о ситуации в Юрьевском уезде в конце 1608 – первой половине 1609 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 11. С. 139 (№ 7); *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 402.

[2] АСЗ. Т. 2. С. 231–232 (№ 256); АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520; АИ. Т.2. С. 369–370 (№ 311); АЗР. Т. 4. С. 350 (№ 265) (о «разграблении животов» Ржевских).

[3] В «тушинской» отписке Ржевские названы «боярами» (в двух случаях из трех это слово употреблено в единственном числе перед упоминанием обоих служилых людей). И.О. Тюменцев на этом основании заключил, что братья получили высший думный чин (*Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 584; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 279). Однако если боярство Андрея подтверждается позднейшими челобитными, то Иван заявлял только о своем тушинском окольничестве (АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 519. Л. 1; АИ. Т. 2. С. 370 [№ 311]). Очевидно, он не являлся боярином, а указания «тушинской» отписки обусловлены особенностями формуляра. Ср. схожий случай, когда указывался только чин старшего брата: Памятники обороны Смоленска. С. 250 (№ 266).

[4] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 519. Л. 1.

Известно, что Андрей Ржевский так и не вернулся из Тушинского лагеря: его сыну долгое время напоминали о погибшем «в воровстве» отце[1]. В челобитной Ржевских о смерти Андрея коротко сообщалось, что его «убили по Шуйского велению»[2]. Возможно, он был взят в плен правительственными силами и казнён, однако подробности этих событий неизвестны.

Иван, согласно его собственному рассказу, подписал «челобитную» отвезённую посольством М.Г. Салтыкова из Тушино под Смоленск в январе 1610 г.[3]. Через некоторое время (вероятно, в феврале) он был послан гетманом Р. Ружинским «из табор к Москве» для агитации в пользу польского претендента[4]. За это И.Н. Ржевский был схвачен и сослан в тюрьму в Ярославль, где пребывал в пятипудовых оковах[5]. Соответствует ли действительности рассказ о заточении – неизвестно, однако ясно, что к концу правления Василия Шуйского рязанец был прощён. В челобитной Ляпуновых И.Н. Ржевский упоминается среди служилых людей, которые «принесли вины» и получили свои поместья обратно[6]. Согласно сообщению К. Буссова, Иван Ржевский принял участие в организации «бунта» против Василия Шуйского вместе с З.П. Ляпуновым и М. Молчановым. Все трое, по данным немецкого наёмника, «уже давно были заодно с Жолкевским»[7].

Не менее примечательна судьба младшего из братьев – Григория Ржевского, который на протяжении всего этого периода оставался на стороне Василия Шуйского. В позднейшей челобитной он стремился представить себя агентом польской власти в московском лагере. Григорий писал, что состоял в переписке с

---

[1] В челобитных Ляпуновых: АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286) (отсутствует в списке вернувшихся рязанцев), 368 (№ 311); РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 169. Предположение о том, что он уехал с Самозванцем в Калугу (*Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 536) не основано на конкретных данных.

[2] АИ. С. 369 (№ 311-vi); АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 519, 520.

[3] В списке членов посольства не упоминается: *Цветаев Д.В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. С. 6 (1-я паг.).

[4] Поскольку он отправился туда «из табор», т.е. из Тушино, это произошло до разорения лагеря в начале марта. Гетман Ружинский скончался 4 апреля 1610 г. Возможно, еще более точно указать поможет в дальнейшем имя провожатого – Николая Рудинского.

[5] АИ. Т. 2. С. 370 (№ 311-vi).

[6] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286).

[7] *Буссов К.* Московская хроника. С. 174. Ни М. Молчанов, ни И. Ржевский в других источниках не упоминаются (НЛ. С. 99–100; РЗ. С. 56).

Иваном и гетманом Ружинским («в таборы … писал, что [Владислава] на государство хотят») и агитировал за королевича («и во многие люди ваше государьское величество вмещал»)[1]. Узнав об этом, Василий Шуйский якобы отправил Григория с сыном в тюрьму; там же оказались родственники Андрея – жена Авдотья и сын Иван. Согласно челобитной, они находились в тюрьме полтора года[2]. Срок заключения вызывает особенные сомнения, потому что тогда следовало бы датировать арест началом 1609 г. Думается, что здесь преувеличены как время пребывания в тюрьме, так и энтузиазм челобитчика относительно польского кандидата: до реального появления Владислава на политическом горизонте в тот момент было ещё далеко[3].

Кроме того, ещё 9 марта 1609 г. – спустя примерно два с половиной месяца после «измены» братьев и менее чем за полтора года до свержения царя – Григорий получил от Василия Шуйского поместное пожалование в Рязанском уезде. Весьма примечательно, что он завладел землями рязанских «перелётов» М.Н. и И.Н. Сунбуловых[4]. Всего через несколько недель таким же образом были конфискованы владения его братьев. Следовательно, в этот период Г.Н. Ржевский сохранял по крайней мере видимость лояльности Василию Шуйскому и не подвергался репрессиям. Отметим ещё одну деталь: ввозная грамота 1609 г. позволяет установить оклад дворянина московского Григория Ржевского – 550 ч. Это означает, что с 1602/03 г. он увеличился лишь на 150 ч., что составляет разительный контраст с теми придачами, которые получили старшие братья от Самозванца.

Итак, в конце 1608 г. Андрей и Иван Ржевские покинули новгородский лагерь кн. М.В. Скопина-Шуйского и перешли на сторону Лжедмитрия II, получив от него думные чины и богатые пожалования. Григорий в этот период

---

[1] В середине февраля Р. Ружинский сообщал Сигизмунду III, что в Москве «много людей, расположенных к королю». При этом он ссылался на два источника – «выбежавших» из Москвы бояр, а также «разведчиков» (spiegowie) (*Niemcewicz J.* Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, w–go Księcia Litewskiego [etc.]. Warszawa, 1819. T. 2. S. 209–210). См.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 151.

[2] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520; АИ. С. 370 (№ 311-vi).

[3] См. об этом: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 109.

[4] АСЗ. Т. 3. С. 296 (№ 363).

оставался в Москве. Такая семейная стратегия хорошо известна благодаря яркому описанию А. Палицына: «И разделишася на двое вси человецы, вси, иже мысляще лукавне о себе: аще будет взята мати градов Москва, то тамо отцы наши и братия и род, и друзии, – тии нас соблюдут; аще ли мы соодолем, то такожде им заступницы будем»[1]. С началом кризиса Тушинского лагеря Ржевские примкнули к группировке, выступавшей за избрание Владислава. Андрей погиб в «таборах», а Иван вернулся в Москву и вместе с Григорием выполнял специальные задания гетмана Ружинского. За это все члены семьи подверглись аресту (вероятно, весной 1610 г.). Хотя Ржевские явно преувеличили свою давнюю приверженность кандидатуре королевича, не вызывает сомнений сам факт того, что они принадлежали к «польской» партии и оказывали услуги королевской администрации. Лучшее тому доказательство – обилие пожалований, которые Ржевские получили от Сигизмунда III.

После заключения августовского договора лагерь под Смоленском стал центром притяжения служилых людей, которые приезжали и обращались с челобитьями о пожаловании земель и чинов. В стремлении добиться королевских милостей Ржевские проявили особенную активность. На сегодняшний день выявлено двенадцать челобитных представителей рода (из них 11 адресовано Владиславу и Сигизмунду и одна написана на имя Л. Сапеги)[2]. Недатированным прошениям соответствуют записи о королевских пожалованиях Литовской метрике, относящиеся к сентябрю 1610 г.

Важный аспект – коллективный характер поданных Ржевскими челобитных. Под Смоленск с рекомендациями от гетмана С. Жолкевского («о нашей работе писал до короля»)[3] прибыли как минимум двенадцать представителей разросшегося рода, служивших по «московскому» списку и различным городам (Белая, Дорогобуж, Кострома, Руза, Рязань, Смоленск). В королевском лагере они

[1] Сказание Авраамия Палицына. С. 267–270.

[2] Описание см. в работах А.А. Селина, который недавно ввел в научный оборот несколько новых документов: *Селин А.А.* Смоленский архив» и королевские пожалования под Смоленском 1610–1611 гг.

[3] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 519. Л. 1; АИ. С. 370 (№ 311-vi).

активно выступали с совместными челобитьями по целому ряду конкретных вопросов, и при создании этих вре́менных «коалиций» чиновный статус и «городовая» принадлежность не играли роли. Например, прошение о пожаловании дворов совместно подавали И.Н. Ржевский и вдова А.Н. Ржевского, а также служившие по Дорогобужу Я.Г. и И.П. Ржевские[1]. Такая широкая родовая солидарность тем более примечательна, что за предшествующий период нет свидетельств сохранения связи между различными ветвями фамилии. Рязанские Ржевские (Иван и Григорий Никитичи с детьми Иваном и Никитой, а также вдова Андрея Никитича Авдотья с сыном Иваном), которые имели наиболее высокий служебный статус среди других представителей рода, выступали в качестве челобитчиков в семи случаях из двенадцати.

Будучи давними «верноподданными» (так они представлялись вместо «холопов») короля и королевича, Ржевские эксплицитно противопоставляли себя московской придворной элите – «шептунам» и «веременникам» Василия Шуйского. Представители рода претендовали на поместья и вотчины целого ряда сторонников свергнутого монарха – полагая, очевидно, что они должны быть репрессированы и исключены из политической жизни новыми властями. В этой связи заметим, что челобитные как стилистически, так и содержательно корреспондируют с уже упоминавшимся списком «ушников» Василия Шуйского[2]. Автором этого перечня мог быть Ф. Андронов, который в конце августа в письме Л. Сапеге высказывал идею «чистки» столичной администрации от «похлебцев» прежнего правителя[3]. Ф. Андронов, очевидно, высказывал общую идею тушинских сторонников польской власти: теперь они должны были занять ключевые посты в управлении страной и стать главными проводниками королевских планов.

---

[1] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.

[2] Ржевские претендовали на владения А.В. Измайлова, В.Б. Сукина, А.Ф. Голенищева, которые указаны в списке «ушников» (*Тюменцев И.О.* Список сторонников царя Василия Шуйского). Не сохранилась утраченная часть перечня, где могли находиться указанные Ржевскими подьячие.

[3] АИ. Т. 2. С. 355 (№ 299). О датировке письма: *Сухотин Л.М.* Предисловие // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 12 (1–я паг.). Комментарий и предположение об авторстве текста: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 274.

Как показал Б.Н. Флоря, польская администрация сделала целый ряд шагов навстречу тушинской элите[1]. Ржевские сумели приобрести целый ряд вотчин, поместий и дворов (эта сторона пожалований проанализирована в приложении 8), но, главное, добились признания нового чиновного статуса. Рассмотрим данный аспект подробнее. Легитимность полученного Иваном окольничества находилась под вопросом, поэтому в первых челобитных его чин не фигурирует[2]. Этой теме посвящены обращение к Л. Сапеге с просьбой о ходатайстве перед королем, а также челобитье, адресованное Сигизмунду и Владиславу[3]. Описав свои злоключения при Василии Шуйском («терпенье, разоренье, тюремное сиденье»), а также верную службу польской стороне, Ржевские просили пожаловать: Ивана – боярством, Григория – окольничеством, а сыновей (которые, вероятно, лишь недавно попали на службу) – стольничеством. Формальное «пожалуйте нас честью, как нашу братью … чтоб нам в позоре не быть» конкретизируется в заключительных частях указаниями на то, что польская сторона жалует даже тех, кто приведён не своей воле («в вязнех» и «в языцех»).

Примечателен следующий аргумент в пользу такого пожалования: Ржевские указывали, что их «родители преж сего бывали у великих государей *в боярах и в окольничих и в думных*». Данная фраза привлекла внимание С.Ф. Платонова, который назвал её «ложью» и «наивной наглостью» – сознательным стремлением ввести польскую сторону в заблуждение[4]. Действительно, даже предположив, что слово «родители» употреблено здесь в самом общем значении[5] и расширив референтную группу Ржевских до всех представителей рода, мы не найдём в ней московских бояр или окольничих. Только Елизарий Ржевский, которого братья

[1] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 274–289.
[2] АИ. С. 370 (№ 311-vi). Ср.: АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 463; АЗР. Т. 4. С. 349 (№ 259).
[3] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 519, 520; АИ. С. 370 (№ 311–vi).
[4] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 306.
[5] Словарь русского языка XI–XVII. М., 1996. Вып. 23. С. 184–185.

называли своим «дядей», в последние десятилетия XVI в. был думным дворянином[1].

Обращаясь к польской власти с прошением о пожаловании боярства, Иван Ржевский апеллировал к тушинскому чину брата. После гибели Андрея следовало «пожаловать мне Ивану брата моего Андрея чести и жалованье, а моя чести и жалованье брату моему Григорию»[2]. В данном фрагменте с замечательной ясностью выражена идея замещения чиновного статуса по старшинству[3]. Исходя из такой семейно-родовой логики на думный чин мог претендовать и дворянин московский Григорий Ржевский.

Польская администрация признавала тушинские чины своих наиболее видных сторонников[4], но претензия Ивана Ржевского на боярство была сочтена непомерной и отвергнута. 15 сентября 1610 г. братья получили лист с королевским пожалованием: «ознаймуючи о урядах их, … король … дал Ивану *окольничество*, а Григорию *дворянство думное*, а сыном их двум *стольничество*»[5]. Ржевские не остановились на достигнутом и в следующих челобитных просили установить им такие же оклады, как у их «братьи». Грамоту об этом необходимо было отправить «к Москве к государевым бояром» и А. Госевскому[6].

---

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 64. См. попытку заполучить «огород» Е.Л. Ржевского на основании родства с ним: АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.

[2] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 519. Л. 2.

[3] *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689; *Kollman N.S.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547.

[4] *Сухотин Л.М.* Предисловие. С. 20 (1-я паг., прим.); *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 276.

[5] АЗР. Т. 4. С. 350 (№ 259). Как показано ранее, И.Н. Ржевский не получал боярства в Тушино, поэтому утверждение, что он получил «меньший чин» (*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 279) несправедливо.

[6] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 463; Памятники обороны Смоленска. С. 247 (№ 266). Поскольку чины братьев указаны, челобитные были написаны после пожалования 15 сентября. Как ясно из этого примера, установление окладов после признания чинов также не было само собой разумеющимся и требовало специального решения польских властей.

Перемены в чиновном статусе Ржевских отразились в БС 1610/11, составленном «до московского разорения при Литве»[1]. Первоначально Иван и Григорий числились в рубрике дворян московских с пометой «есть»[2]. Данная запись отражает положение братьев между свержением Василия Шуйского и получением в Москве «листа» о королевском пожаловании. Далее Ржевские были вычеркнуты и занесены в новые чиновные разделы: Иван записан последним в рубрику окольничих, Григорий – предпоследним к «дворянам в думе»[3]. В этой части список отразил королевские пожалования. Впоследствии напротив имён Ржевских были поставлены пометы «пущон при Литве», пояснявшие основания для причисления к чину. Заметим, что сыновья Ивана и Григория, которые были пожалованы столничеством, не попали в список.

Участие Ржевских в заседаниях московской боярской думы после возвращения в столицу подтверждается двумя грамотами февраля 1611 г. В обоих

---

[1] БС 1610/11 представляет собой сложный памятник, время и обстоятельства создания, а также период использования которого являются предметом дискуссии в историографии. Мы придерживаемся общей линии интерпретации данных БС 1610/11, предложенной А.А. Булычевым. На основании грамот о королевских пожалованиях исследователь датировал складывание основного текста документа концом 1610 – началом 1611 г., фазу активной работы над ним – периодом до марта 1611 г. включительно (в списке не учтены апрельские пожалования Сигизмунда III). После начала осады Москвы этот документ перестал отражать реальное положение дел. К нему кратковременно возвращались уже после появления на престоле Михаила Романова (*Булычев А.А.* О боярском списке 7119 (1610/11) г.).
Изложенная схема была поставлена под сомнение Д.В. Лисейцевым, который, во-первых, отодвинул составление основного текста к февралю-марту 1611 г., во-вторых – предположил, что он окончательно сложился уже в канцелярии Первого ополчения. Помимо нескольких биографических несообразностей, главным аргументом в пользу такого хода является отсутствие в пометах выраженной «московской» (т.е. «боярской», «польской») позиции (*Лисейцев Д.В.* К вопросу о времени и обстоятельствах составления боярского списка 1611 г.). Полагаем, что концепция остается недостаточно обоснованной и в текущем виде не позволяет непротиворечиво объяснить содержание основного текста и помет двух вариантов БС 1610/11.

[2] БС 1610/11. С. 90. По мнению Д.В. Лисейцева, такие пометы «относятся к марту 1611 г. и в значительной степени помогают в реконструкции списков участников I Ополчения» (*Лисейцев Д.В.* К вопросу о времени и обстоятельствах составления боярского списка 1611 г. С. 54). Данный вывод опровергают случаи И.Н. и Г.Н. Ржевских (вычеркнуты в рубрике московских дворян после польского пожалования, но помета ранее была поставлена), а также Г.Ф. и М.Н. Сунбуловых (пометы «есть» и «есть, в объезде» поставлены, но на сторону Первого ополчения они вовсе не переходили). А.А. Булычев полагал, что пометы «есть» свидетельствуют о присутствии на столичном смотре «московских» чинов (*Булычев А.А.* О боярском списке 7119 (1610/11) г. С. 70). Данных о таком мероприятии не сохранилось и можно предполагать, что так фиксировался сам факт присутствия в Москве.

[3] БС 1610/11. С. 90.

случаях Григорий расписался «в брата своего место»[1]. Сцену возведения в окольничество Ивана Ржевского, вернувшегося из-под Смоленска, ярко описал Н. Мархоцкий. Польский мемуарист стал очевидцем того, как И.Н. Ржевский «был встречен с обидой и негодованием» и вызвал резкую речь кн. А.В. Голицына: он был слишком худороден для столь высокого чина. История приводится Мархоцким в качестве иллюстрации того, как «люди, которые были в Москве *звания низкого и подлого*, приезжая под Смоленск, получали высокие должности», что «задевало» старых бояр[2]. Напряжение, существовавшее между столичной элитой и тушинскими выдвиженцами, ярко выразил старший кн. В.В. Голицын (старший брат героя рассказа Мархоцкого) на переговорах под Смоленском: «И не купленное было у нас боярство, и не за Москвою в бояре ставлены, и вору добра не искивали, и крест не целовали, и у вора не бывали, и ничего от него не хотели»[3].

Итак, худородные Ржевские, несмотря на особое покровительство короля, не были приняты боярской аристократией. В московской думе их сопровождало глухое недовольство представителей старого боярства. У членов рода имелись и

---

[1] АИ. Т. 2. С. 379 (№ 321), 382 (№ 322).

[2] «Задевало их [“москвитян”] и то, что от имени короля раздавались всякие грамоты, так что люди, которые были в Москве звания низкого и подлого, приезжая под Смоленск, получали высокие должности. Это очень сердило москвитян, особенно тех бояр, что были на нашей стороне. Я как раз был свидетелем этого. Ржевскому дали под Смоленском окольничество ... Он явился с этими листами к боярам. Как раз был совет, и на нем, как всегда, присутствовал пан Гонсевский, случилось и мне там находиться. Ржевский был встречен с обидой и негодованием, но лишь Андрей Голицын, человек твердый духом и видной наружности, решил обратиться к Гонсевскому с такими словами: «Господа поляки, кривду великую мы от вас терпим. Признали мы королевича государем, а вы его нам не даете и пишете к нам грамоты не его именем, а именем короля, раздавая дани и чины, что и теперь видеть можете. Люди низкого звания с нами, большими, поднимаются, будто ровня. Или впредь так не делайте, или нас от крестного целования освободите, и мы сами о себе помыслим». На этом пан Гонсевский с ними расстался, а Голицын с той поры был у нас в подозрении. Потом по приказу бояр его отдали за приставы, не разрешив выходить из дома» (*Мархоцкий Н.* История московской войны. С. 87–88; другая версия причин ареста: Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 409). Комментарий см.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 281. Сцена могла произойти, если следовать хронологии повествования Н. Мархоцкого, в начале 1611 г.

[3] Известно в пересказе, близком к тексту статейного списка: *Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 2. С. 167. См.: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 257, 281; *Корецкий В.И.* Новые материалы о дьяке Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 156.

другие причины для неудовлетворенности сложившимся положением. Тушинцы рассчитывали, что станут главной опорой королевской власти, а бывшие сторонники Василия Шуйского будут репрессированы. Эти ожидания не оправдались: польская администрация сделала ставку на привлечение как можно более широких кругов столичной элиты. Благоволения короля добивались даже самые одиозные, с точки зрения тушинцев, «ушники» прежнего правителя[1]. В ряде случаев это напрямую затрагивало интересы Ржевских. Пожалования от польской стороны получали Измайловы, их давние противники, а также Коробьины, о которых Ржевские писали: «Семен с братьею были у князя Василья Шуйсково шептуны, *а при вашей им государской милости быти нельзя*»[2]. В челобитных Ржевские высказывали притязания на их владения. Кроме того, к Сигизмунду были приближены В.Б. Сукин[3] и кн. И.М. Барятинский[4], на дворы и земли которых также претендовали Иван и Григорий Ржевские. С течением времени разочарование Ржевских могло только усиливаться: страна постепенно уходила из-под контроля московского правительства, и королевские земельные пожалования окончательно утратили реальное значение[5].

Следующие по времени известия застают Ржевских уже в Первом ополчении: Иван вместе со своим «великим недругом» П.П. Ляпуновым погиб на казачьем круге 22 июля 1611 г., а Григорий в январе 1612 г. был назначен пронским воеводой (**3.2.4**). Как и во многих других случаях, остаётся неизвестным, когда и при каких обстоятельствах братья в очередной раз решились на смену лагеря. Ясно, однако, что такой шаг стоил Ржевским всех предшествующих приобретений[6]. В Ополчении жаловали «по достоянию, а не

[1] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 284–285.
[2] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.
[3] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 284–285.
[4] *Сухотин Л.М.* Предисловие. С. 15 (1–я паг.), 17–25 (2–я паг.).
[5] Там же. С. 28 (1–я паг.).
[6] Примечательно, что в дальнейшем представители рода хранили память об окольничестве Ивана и думном дворянстве Григория – эти сведения включены в родословную роспись без указаний, что чины получены от польского короля и впоследствии отменены (*Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 218).

через меру»[1]. Согласно Приговору, оклады и земельные дачи следовало после сыска «убавливать» «по мере» каждого (ст. 2)[2]. Как показал П.В. Седов, на практике это могло означать сокращение даже тех окладов, которые были получены от Василия Шуйского[3].

Рассмотрим теперь траектории рязанцев из «московских» чинов, которые оставались сторонниками Василия Шуйского вплоть до конца его правления. Как уже отмечено, такие служилые люди также могли рассчитывать на пожалования от польской стороны. Из **Измайловых** к польским властям первой обратилась вдова Никиты Васильевича (убит в 1606 г.) с сыновьями, и уже в конце сентября 1610 г. получила документы на владения мужа[4]. Спустя месяц под Смоленск вместе с С. Жолкевским прибыла группа столичных служилых людей для ходатайств перед королём о вотчинах и поместьях[5]. В качестве неформального главы этой делегации упомянут стольник И.В. Измайлов (в прошлом – ближайший советник Василия Шуйского). 5 ноября, через несколько дней после приезда, он получил королевский «лист» на поместные земли и был пожалован королём в оружничие («быти в оружной казне нашой на Москве»)[6]. Как показал А.В. Лаврентьев, этот чин обычно жаловался «не самым родовитым фаворитам государя», и назначение И.В. Измайлова «не противоречило этой традиции»[7].

---

[1] НЛ. С. 112.

[2] Приговор Первого земского ополчения. С. 297.

[3] *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту. С. 236.

[4] АЗР. Т. 4. С. 361.

[5] На этих людей, согласно пересказу утраченного статейного списка, С. Жолкевский пытался ссылаться при участии в переговорах (*Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 2. С. 108, 112). Гетман прибыл под Смоленск 30 октября (*Мирский С.В., Тупикова Н.А., Тюменцев И.О.* Польский коронный гетман Станислав Жолкевский и Ян Сапега осенью 1610 года (по материалам личной переписки) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. № 10. С. 108–119). Мы не согласны с А.В. Лаврентьевым, который относит приезд И.В. Измайлова к августу, и следуем логике Б.Н. Флори (*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 284).

[6] АЗР. Т. 4. С. 374, 375, 403 (№ 259).

[7] *Лаврентьев А.В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени. С. 68–71. См. также: *Левыкин А.К.* Оружничие в XVI столетии // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 1992. Вып. 1. С. 10–16.

Оружничество, с одной стороны, было весьма престижным (и позволяло в перспективе рассчитывать на чин окольничего), с другой – в ситуации, когда царь отсутствовал в столице, реальное значение такой позиции было невелико. Вероятно, благодаря своему назначению И.В. Измайлов сумел получить уникальный итальянский меч («полашь»), хранящийся теперь в коллекции холодного оружия ГИМ[1].

Одновременно с И.В. Измайловым «листы» на поместья получили его братья – окольничий Артемий и стольник Тимофей. Можно предполагать, что это были подтвердительные документы на владения, пожалованные Василием Шуйским (приложение 8). Землю, которая оставалась сверх их окладов (они составляли соответственно 1000 и 900 ч.), служилые люди «могли держать до воли и ласки короля его милости». Мещовское поместье Артемия находилось в руках «воровских людей», и в качестве компенсации ему были переданы пошехонские дворцовые сёла[2].

А.В. Измайлов был назначен на престижную должность первого воеводы Владимира[3]. Вместе с ним находился сын, стольник Андрей[4]. Уже в январе 1611 г. город отказал в лояльности польским властям и присоединился к ляпуновскому движению[5]. В дальнейшем Владимир стал одним из ключевых центров сосредоточения сил Ополчения, а местная рать во главе с воеводами – важным отрядом в составе Первого ополчения под Москвой[6]. Динамика королевских пожалований показывает, как реагировала на эти перемены польская администрация. Уже 11 января 1611 г. вместо И.В. Измайлова оружничество получил Л.А. Плещеев, а рязанца послали «на службу в Сибирь». Вскоре из

---

[1] *Арендт В.В.* Палаш боярина Измайлова; *Лаврентьев А.В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени.
[2] АЗР. Т. 4. С. 376, 379, 382.
[3] РЗ. С. 106; БС 1610/11. С. 76. Город ранее присягал Лжедмитрию II (*Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 552; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 255), но к октябрю 1611 г. принес присягу королевичу (Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года. С. 685).
[4] БС 1610/11. С. 82.
[5] СГГиД. Т. 2. С. 498 (№ 228).
[6] ААЭ. Т. 2. С. 323; Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 73 (№ 59); НЛ. С. 105, 109; РЗ. С. 58, 59, 107, 235; СГГиД. С. 509 (№ 238), 523 (№ 244).

земель А.В., Т.В. и И.В. Измайловых были испомещены С.С. и А.С. Собакины; в мае московские палаты А.В. Измайлова были отданы И.Н. Салтыкову[1].

Королевская опала, впрочем, не имела значения для Измайловых: можно предполагать, что уже в начале 1611 г. все представители рода покинули Москву и присоединились к Первому ополчению. А.В. и Т.В. Измайловы находились под столицей и подписали Приговор 30 июня[2]. Окольничий А.В. Измайлов с сыновьями Василием и Андреем, а также И.В. Измайлов и В.Андр. Измайлов получили от подмосковных «бояр» поместные пожалования из дворцовых сел[3]. Г.В. Измайлов был отослан в Нижний Новгород, откуда вернулся в июле и с тех пор был «без съезду» в лагере Ополчения[4]. В списке полка кн. Д.Т. Трубецкого 2 ноября 1611 г. он указан в рубрике стряпчих, хотя в предшествующий период имел чин дворянина московского. Кроме него, в перечне числятся стольники В.Андр. и Т.В. Измайловы[5].

Примечательно, что на заключительном этапе Смутного времени представители рода более двух лет удерживали за собой владимирское воеводство. После ухода А.В. Измайлова под Москву его заместил (очевидно, проигнорировав сибирское назначение) стольник И.В. Измайлов. В этой должности он впервые упоминается в июле и августе 1611 г., последний раз – весной 1613 г. Известны, по меньшей мере, два перерыва за 1612 г.: в начале года, когда на владимирское воеводство кратковременно вернулся А.В. Измайлов, а также в октябре, когда И.В. Измайлов появился под Москвой и поставил подпись

[1] СГГиД. Т. 2. С. 481, 482 (№ 218); Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 116, 117; Опись архива Посольского приказа 1673 года. С. 254, 428; АЗР. Т. 4. С. 408. См.: *Лаврентьев А.В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени. С. 66; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 283.

[2] Приговор Первого земского ополчения. С. 302.

[3] *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. С. 3, 10, 13.

[4] См. также челобитную 8 ноября 1611 г.: Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 56 (№ 44).

[5] АМГ. Т. 1. С. 78 (№ 45). В польском источнике упоминается некто «Szmialow», отказавшийся присягать «Псковскому вору» – возможно, речь идет об одном из Измайловых (РИБ. Т. 1. Стб. 287; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 97).

под известной грамотой о примирении ополчений[1]. Окончательно И.В. Измайлов покинул Владимир весной 1613 г. – во главе сил окрестных городов он отправился на соединение с ратью, действовавшей против И.М. Заруцкого[2]. Следующим воеводой Владимира стал стольник Т.В. Измайлов[3]. Окольничий А.В. Измайлов в конце 1612 г. был назначен на калужское воеводство[4]. В апреле 1613 г. ходили слухи о его связях с «литовскими людьми», но дальнейшего развития эта история, по-видимому, не получила[5]. Вместе с Артемием в Калуге находились сыновья Василий и Иван, которые возглавляли сотни в борьбе с «черкасами»[6].

Коробьины, которые также считались «шептунами» Василия Шуйского[7], активно обращались к королю с челобитьями по поводу поместий и вотчин. Главным представителем семейства в этом деле выступал, по-видимому, дворянин московский В.Г. Коробьин[8]. В декабре и середине февраля 1611 г. все четверо членов рода получили земельные пожалования. Однако уже 16 февраля 1611 г. («при государе … Владиславе Жигимонтовиче») старший из братьев дворянин московский С.Г. Коробьин был назначен воеводой в Тюмень к

---

[1] ААЭ. Т. 2. С. 275 (№ 215); Акты подмосковного ополчения и Земского собора. (1611–1613 гг.). С. 6 (№ 4), 30 (№ 23), 41 (№ 33), 200 (№ 122); РЗ. С. 24, 65–66, 208, 209; НЛ. С. 118; ДР. Т.1. Стб. 1128, 1145; Царская грамота в Шую 9 марта 1613 г. // Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 240.

[2] Книга сеунчей 1613–1619 гг.; Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень – зима 1615 г.). М., 1995. С. 20.

[3] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. (1611–1613 гг.). С. 118 (№ 97), 131–132 (№ 109); *Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа. С. 156; *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 71; РЗ. С. 106; РК 1638. С. 210, 244, 250.

[4] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 96 (№ 80), 119 (№ 98), 131–132 (№ 109) (последняя грамота переадресована во Владимир); *Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа. С. 19, 22, 30, 32, 33, 62, 71, 72, 100, 111; *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 70, 100, 107; РЗ. С. 25, 108, 264; РК 1638. С. 251.

[5] ДР. Т. 1. Стб. 1126, 1128, 1144, 1153–1156. См.: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 179.

[6] РЗ. С. 24, 264.

[7] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.

[8] АЗР. Т. 4. С. 395–396; Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 81–82. В БС 1610/11 зачеркнутая помета «на Резани» (БС 1610/11. С. 93).

стольнику кн. И.П. Буйносову-Ростовскому[1]. Такое назначение, как и в случае И.В. Измайлова, явно представляло собой знак немилости.

Неудивительно, что С.Г. Коробьин проигнорировал сибирскую посылку и перешёл на сторону Первого ополчения. Весной 1611 г. он стал вторым воеводой Вологды при боярине кн. И.И. Одоевском[2]. Местное сообщество во главе с воеводами активно поддерживало земские движения[3]. Младшие братья – В.Г. и Б.Г. Коробьины – упоминаются в ноябрьском списке подмосковного полка кн. Д.Т. Трубецкого. Первый из них находился в составе ополчения «без съезду», второй «приехал с бояры, в отпуске»[4]. От воевод Ополчения Коробьины получили целую серию рязанских поместий и вотчин, прежние владельцы которых не примкнули к движению[5]. Примечательно, что летом 1613 г. именно он сменил Т.В. Измайлова на владимирском воеводстве[6].

Особняком стоит судьба жильца И.Г. Коробьина, который вошёл в состав смоленского «великого посольства». В апреле 1611 г. его вместе другими членами русской делегации вывезли в Польшу[7]. Братья предпринимали попытки частным образом вызволить из его заключения и обменять на захваченного в плен пана Харлинского, но попытки такого обмена сорвались и в 1612, и в 1613 гг.[8]. И.Г. Коробьин вернулся в Московское государство вместе с остальными членами посольства.

---

[1] РРР. С. 154, 157; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 134. Л. 20.
[2] РЗ. С. 107, 257. Не позднее 6 мая 1611 г. (Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. С. 229 [№ 215]).
[3] Об этом периоде биографии см.: *Рабинович Я.Н.* Братья Коробьины на службе России. С. 20–23.
[4] АМГ. Т. 1. С. 79, 80 (№ 45). В.Г. Коробьин, как и Г.В. Измайлов указан в чине стряпчего. Дальнейшее исследование списка может показать, было ли это следствием ошибочного указания чина или результатом политики ополчения по понижению чиновного статуса.
[5] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 65, 153, 196.
[6] РЗ. С. 26; РК 1638. С. 291; ДР. Т. 1. Стб. 144; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 134. Л. 20.
[7] АЗР. Т. 4. С. 318 (№ 182); РЗ. С. 59; СРИО. Т. 142. С. 371.
[8] СРИО. Т. 142. С. 418, 420. См.: *Рабинович Я. Н.* Братья Коробьины на службе России. С. 26–27.

Стряпчий И.И. **Биркин**, родственник тушинских «перелётов», в январе 1611 г. оказался в составе окружения П.П. Ляпунова[1]. Вместе с рязанским дьяком С. Пустошкиным он возглавил делегацию, отправленную в Нижний Новгород «о всяком договоре и о добром совете»[2]. Данный случай весьма примечателен: московский стряпчий не только оказался в Рязани, но выполнял распоряжения местного воеводы. Возможно, Биркиных и Ляпуновых связывали родственные отношения[3]. С нижегородской ратью И.И. Биркин пришёл под Москву, а оттуда был «прислан в Орзомас … от бояр на воеводство» – на этой должности он упоминается в июле-сентябре[4]. После этого И.И. Биркин вновь оказался одним из воевод Нижнего Новгорода (в таком качестве он фигурирует в источниках в ноябре)[5]. По предположению П.Г. Любомирова, И.И. Биркин мог являться одним из претендентов на роль «главного вождя» формировавшегося движения, однако в силу не вполне ясных причин нижегородцы предпочли кн. Д.М. Пожарского[6]. И.И. Биркин вошёл в состав руководства Ополчения и писался вторым воеводой[7].

Во второй половине декабря И.И. Биркин был отправлен в Казань с нижегородской делегацией «для ратных людей» и по пути действовал в качестве

---

[1] Дворянин московский И.П. Биркин после 1606/07 г. в источниках не упоминается. При реконструкции биографии И.И. Биркина опираемся на наблюдения предшественников: *Козляков В.Н.* Герои Смуты. С. 186, 190, 263, 265, 297; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 60 ,72, 78–80, 137; *Корецкий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612–1613 гг. С. 244–245; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 343, 348–349, 406.

[2] СГГиД. Т. 2. С. 498 (№ 228). Заметим, что И.И. Биркин не фигурирует в БС 1610/11.

[3] См. примечание в **3.4.4**.

[4] Арзамасские поместные акты. С. 377 (№ 287), 380–381 (№ 290), 386 (№ 295), 396 (№ 301), 441 (№ 337), 516 (№ 392).

[5] Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. М., 1910. С. 151; Акты, относящиеся до юридического быта. Стб. 559–560 (№ 175).

[6] *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 60. В «Ельнинском хронографе», известном со слов П.И. Мельникова, было упоминание о конфликте И.П. Биркина с К. Мининым (*Мельников П.И.* Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. № 7. Отд. 2. С. 32). Критический взгляд на эти известия: День народного единства: Биография праздника. М., 2004. С. 290–291; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 323, 332.

[7] Памятники истории Нижегородского движения… С. 132. См.: *Морохин А.В., Бушуева С.В.* Ополчение 1611–1612 гг. Как феномен общественного договора // Вестник ННГУ. 2012. № 6-3. С. 80.

самостоятельного администратора[1]. Согласно «Новому летописцу», уже в Казани он затеял «недобрый совет» с дьяком Н. Шульгиным, о чём стало известно и в Нижнем Новгороде[2]. П.Г. Любомиров справедливо усомнился в достоверности этих сведений: скорее всего, составитель «летописца» неосновательно спроецировал своё знание о позднейших событиях на более ранний период. Имеющиеся свидетельства показывают, что в этот период Н. Шульгин поддерживал нижегородское движение. Несмотря на возникшую задержку, И.И. Биркин привёл казанский отряд в Ярославль (Ополчение пришло туда во второй половине марта)[3]. Здесь он «многую смуту содеяша: хотяху быть в начальники, и все ратные люди опричь смольнян его откинуша»[4]. Как предположил В.Н. Козляков, особые отношения со смольнянами установились у И.И. Биркина в период арзамасского воеводства[5]. Вооружённого столкновения с трудом удалось избежать («едва меж себя бою не сотвориша»), но казанские силы покинули лагерь Ополчения. Можно предполагать, что вместе с ними ушёл и И.И. Биркин[6].

По поводу других «московских» чинов рязанского происхождения сохранились лишь отрывочные свидетельства. Стряпчий кн. Л.М. **Волконский**, согласно помете в БС 1610/11, находился «на Рязани», в списке полка кн.

---

[1] Памятники истории Нижегородского движения… С. 132, 134–135.
[2] НЛ. С. 117.
[3] *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 79, 90. Под грамотой, направленной из Ярославля 7 апреля, подпись И.И. Биркина отсутствует (Памятники истории Нижегородского движения… С. 167–168). Нерешенной проблемой остается датировка двух наиболее ранних «программных» грамот Ополчения, где И.И. Биркин фигурирует среди воевод (ААЭ. Т. 2. С. 338–341 [№ 201]; Грамота из Нижнего на Вычегду 7120 г. // *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 233–237). П.Г. Любомиров считал, что они появились уже в декабре 1611 г., то есть до отъезда И.И. Биркина в Казань (*Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 73). В.Н. Козляков, солидаризовавшись с С.Ф. Платоновым, по целому ряду признаков отнес их к более позднему времени, но «не позднее начала февраля 1612 г.» (*Козляков В.Н.* Герои Смуты. С. 190; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 350, 408). В таком случае упоминание И.И. Биркина, находившегося в Казани, могло быть только формальностью.
[4] НЛ. С. 119–120.
[5] *Козляков В.Н.* Герои Смуты. С. 186
[6] *Ермолаев И.П.* Казань в общественно-политической борьбе за изгнание поляков из Москвы в 1612 году // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 46–54.

Д.Т. Трубецкого указан «без съезду»[1]. В январе 1613 г. он упоминается на посту воеводы Болхова[2]. Стольник кн. И.А. **Дашков** (в БС 1610/11 помета «отослан») получил от подмосковных «бояр» пожалование из дворцовых сел Рязанского уезда[3]. В начале сентября 1611 г. он был воеводой Ополчения в Переяславле-Рязанском[4]. Дворянин московский кн. А.Ф. **Гагарин** при польских властях некоторое время продолжал находиться в Кашире[5]. Следующее упоминание о нём относится к началу 1613 г. – он был воеводой в Зарайске и в дальнейшем принимал участие в походе на И.М. Заруцкого[6].

На завершающем этапе Смуты рязанцы, получившие «московские» чины, неоднократно оказывались в эпицентре ключевых политических событий. В этот период судьба служилого человека значительно больше, чем когда-либо ранее, определялась его собственными решениями и инициативой. Как показывает целый ряд рассмотренных примеров, на первый план в действиях рязанских дворян выходила семейно-родовая солидарность. Такое положение вещей определялось, помимо прочего, спецификой ситуации, в которой оказались новопожалованные рязанцы. С одной стороны, они были оторваны от своего «городового» сообщества. В период безраздельного господства П.П. Ляпунова – «недруга» многих «московских» чинов – лишь немногие из них могли вернуться в свой уезд. В случае же отъезда в Тушино они фактически отказывались от своих поместий и вотчин: бескомпромиссное отношение рязанского воеводы к «изменникам» было хорошо известно.

С другой стороны, рязанские «новые люди» не имели прочных связей в столице и столкнулись с неприятием старой придворной среды. В стремлении к чинам и земельным пожалованиям они легко отъезжали к Лжедмитрию II, и даже

[1] БС 1610/11. С. 83; АМГ. Т. 1. С. 79 (№ 45).
[2] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 70–73 (№ 56–58), 91–93 (№ 75).
[3] *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. С. 10.
[4] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 31–32 (№ 24).
[5] БС 1610/11. С. 93.
[6] ДР. Т. 1. Стб. 92, 1093 (№ 18), 1096 (№ 20); Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 111 (№ 92), 132 (№ 110); РК 1638. С. 244, 251; *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 95.

с началом распада самозванческого движения никто из «перелётов» не вернулся к Василию Шуйскому. Ржевские, Сунбуловы и И.И. Дмитриев примкнули к «польской» партии – группе тушинцев, которые рассчитывали сохранить и даже повысить свой статус путём сотрудничества с королевской администрацией. В перспективе эти «новые люди», некогда получившие чины «за Москвою», должны были потеснить старых бояр и стать новой знатью государства во главе с Владиславом или самим Сигизмундом III. И.И. Дмитриев погиб в боях, Сунбуловы до конца оставались на польской стороне, а Ржевские перешли в Ополчение. Впрочем, целый ряд новопожалованных рязанцев сохраняли лояльность Василию Шуйскому. Наиболее значительных успехов добились Измайловы и Коробьины. После короткого периода сотрудничества с польской администрацией они также оказались в рядах земского движения.

3.3.4. Рязанцы в «московских» чинах после Смуты

К концу Смутного времени в «московских» чинах оказались выходцы большинства рязанских фамилий, в предшествующий период представленных в «выборе». В данном разделе исследуются дальнейшие траектории этих кланов. Прежде всего, удалось ли им сохранить приобретённые позиции? Большое значение для ответа на данный вопрос имеют судьбы представителей следующего поколения – сыновей участников Смуты. Второй центральный сюжет этой части работы – характер назначений рязанцев в период 1613–27 гг.

Первые систематические перечни «московских» чинов, сохранившиеся от времени после освобождения Москвы – «земляной список» 1613 г., «боярская книга» 1615 г. и «Осадный список» 1618 г. Наиболее полно персональный состав «государева двора» отражают документы середины – второй половины 1620-х гг. – прежде всего, «боярские списки» (в работе использованы «наличный» 1624 г. и «подлинный» 1626 г.) и «боярская книга» 1627 г. Именно 1627 г. – первый год «послепожарной» эпохи – выбран в качестве верхней хронологической границы дальнейшего изложения. До этого момента доводится и рассмотрение «разрядных» назначений рязанцев.

За первую четверть XVII в. пресеклись два первостепенных рязанских рода. Под Симоновым монастырём погиб стольник Иван Иванович **Дмитриев**; сыновей у него не было. Иван Фёдорович **Булгаков** после Смуты получил чин дворянина московского, в 1618 г. принимал участие в «осадном сидении»[1]. В 1622 г. он скончался, не оставив мужского потомства[2].

Особняком стоит карьера Артемия Васильевича **Измайлова**, биография которого реконструирована А.П. Павловым[3]. На протяжении рассматриваемого периода он состоял во главе приказов Большого прихода и Сыскных дел, являлся активным участником переговоров с польско-литовской стороной и дипломатических приёмов. Московская служба и посольские назначения лишь дважды прерывалась воеводскими назначениями (в 1614 г. руководил подавлением казачьих выступлений на юге, в 1620–22 гг. был воеводой в Астрахани). А.В. Измайлов постоянно присутствовал на царских и патриарших «столах»[4], в «королевичев приход» сидел в московской осаде. На важную роль А.В. Измайлова в период до возвращения Филарета указывает его участие в делегации, направленной для заключения Деулинского перемирия[5].

---

[1] ОС. С. 39. О денежном окладе см.: *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 48.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 402. Л. 980; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108.

[3] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 178–180, 339–340; *Морозов Б.Н.* Измайлов // БРЭ. Т. 11. М., 2008. С. 7.

[4] О значении «столов», которые неоднократно фигурируют в дальнейшем в нашем тексте, см.: *Горбатов Е.Н.* Традиционные патриаршие столы с участием государя в XVII веке // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2008. № 26. С. 17–23; *Петров К.В.* Царские «столы» в 1622–1629 г. // Петров К.В. Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях. С. 394–315. Мы следуем за К.В. Петровым, показавшим, что порядок упоминания на «столах» важен только для бояр и окольничих, а для прочих участников церемонии это была «своего рода служба “в ряду”», не имевшая местнического характера (Там же. С. 406, 410).

[5] ДР. Т. 1. Стб. 159, 166. 167, 170,187, 197–198, 208, 218, 227, 253, 271, 281–283, 300, 314, 315, 357. 367, 374–387, 391, 431, 438, 439, 459, 484, 572, 579, 583, 660, 663, 675, 677, 681, 683, 689, 696, 702, 724, 726, 728, 730, 748, 751, 758, 766, 797, 799, 829, 833, 834, 875, 882, 905. 922, 926, 930, 932, 933, 939, 957, 960, 964, 965, 975, 977, 987, 1009, 1013, 1025, 1028, 1030; КР. Стб. 28, 29, 89, 90, 91, 94, 413, 493, 494, 552, 553, 565, 599, 601, 602, 604, 605,720, 763, 871, 1156; ОС. С. 30. Подпись под «Утвержденной грамотой»: *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 78. Пожалование за Деулинское перемирие: *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. С. 91.

Обратим внимание на специальную посылку А.В. Измайлова в Можайск в октябре 1617 г. – уговаривать ратных людей не поддаваться на «литовские прелести»[1]. В расспросных речах одного из детей боярских, бежавших в Вязьму, содержится уточнение: «Ортемей де говаривал *резанцов,* чтоб сидели в Можайску, и они де … отказали и пошли к Москве, и не ходя, остановились на Вяземе, и всего де их 300 человек»[2]. Весьма примечательно, что окольничий рязанского происхождения был послан для уговоров былых товарищей по «городу».

В 1618 г. А.В. Измайлов бил челом на боярина кн. Д.И. Мезецкого, с которым был назначен на очередной съезд с литовскими послами. В своих претензиях окольничий ссылался на старые разряды, в которых «дед князь Данилов менши был Назарья Глебова, а того не указал в котором году». Такое выступление было сочтено «бесчестьем» кн. Д.И. Мезецкого, и А.В. Измайлов был наказан тюрьмой[3]. Вскоре он вновь попал в кратковременное заключение, потому что пытался местничаться с кн. Г.П. Ромодановским, «браняся перед бояры, попрекал … Ромодановских розряды»[4]. Только в некоторых столкновениях А.В. Измайлову удавалось отстоять свой статус[5].

Сыновья А.В. Измайлова после Смуты служили в чинах стольников[6]. Андрей Артемьевич в 1615 г. ездил под Смоленск с наградами и жалованьем, в 1617 и 1624 гг. вместе с братом Василием упоминается среди рынд, в 1619 г. «пить наливал» на торжественном «столе» в честь поставления Филарета. В 1624–26 гг. он находился в Ливнах на должности первого воеводы[7]. Василий Артемьевич в 1618 г. посылался под Смоленск с «жалованным государевым словом», в 1623 г. был отправлен воеводой к Мценску «промышлять над ногайскими людьми», по возвращении участвовал в царских «столах» 1623–25 гг.

[1] ДР. Т. 1. Стб. 300.
[2] АИ. Т. 2. С. 358 (№ 303). При издании документ неверно датирован 1610 г.
[3] ДР. Т. 1. Стб. 314–315.
[4] ДР. Т. 1. Стб. 383–384.
[5] *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 149, 150.
[6] В источниках после 1613 г. не упоминается Иван Артемьевич, не оставивший мужского потомства.
[7] ДР. Т. 1. Стб. 207, 261, 407, 628, 635, 736, 719, 834, 845; БС 1626–1633. С. 23.

В 1625 г. В.А. Измайлов – воевода сторожевого полка на Крапивне, в конце 1626 г. послан на Великие Луки «для городовой меры и сметы»[1]. Семён Артемьевич упоминается только на царских «столах» середины 1620-х гг.[2].

Младшие братья Артемия – Тимофей и Иван Васильевичи – некоторое время служили в стольниках[3], а в 1620-е гг. получили чины дворян московских. Их оклады к 1615 г. составили соответственно 1100 и 1200 ч., что превышало разрешённые для столичных чинов 1000 ч.[4]. Т.В. Измайлов после калужского воеводства участвовал в неудачном походе на Новгород (1614). В 1615 г. он был вторым воеводой в Ярославле и действовал против Лисовского, в 1616–17 гг. – первым воеводой в Ливнах, в 1620/21–22/23 гг. – писцом в Арзамасе[5]. В 1625–26 гг. он упоминается в качестве участника царских «столов»[6]. Сыновья Т.В. Измайлова последовательно зачислялись в придворные чины: Матвей с 1615 г. упоминается в стольниках[7]; Иван был пожалован в стольники из стряпчих в середине 1620-х гг.[8]; Лев 24 августа 1626 г. стал стольником Филарета[9].

И.В. Измайлов[10] после Смуты оказался связан с приказным управлением и строительным делом. В 1613 г. он действовал против И.М. Заруцкого в качестве одного из воевод правительственных сил[11], в 1614 – начале 1615 г. – во главе отряда служилых иноземцев преследовал казаков в Вологодском, Костромском и

---

[1] ДР. Т. 1. Стб. 261, 557, 572, 635, 685, 694, 710, 877; КР. Стб. 720, 761, 785, 886, 887, 889, 890, 891, 892, 893, 915, 917, 919, 942, 980, 1102; Книга «царских столов». С. 177. Подпись под «Утвержденной грамотой»: *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 79.

[2] ДР. Т. 1. Стб. 572, 685, 694, 776; Книга «царских столов». С. 177.

[3] БК 1615. С. 140.

[4] *Зерцалов А.Н.* О сыскных поместных и денежных четвертных и городовых окладах с 1614 по 1619 гг. и о большом сыске окладов 1622 г. // ЧОИДР. М., 1900. Кн. 2. С. 2.

[5] Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи. Н. Новгород, 2018. Ч. 1. С. 431; *Веселовский С.Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2. С. 572–573.

[6] ДР. Т. 1. Стб. 45, 108, 199–201, 212–214, 244, 259, 267, 269, 294; КР. Стб. 100–108, 112,114, 122, 193, 262, 273, 274, 403; Книга «царских столов». С. 204, 206, 209, 213; Книга сеунчей. С. 49, 58.

[7] БК 1615. С. 141.

[8] БС 1624. С. 83; БС 1626–1633. С. 27.

[9] БС 1626–1633. С. 34.

[10] *Лаврентьев А.В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени. С. 66–67.

[11] Книга сеунчей. С. 20.

Юрьевском уездах[1]. Примечательно, с сеунчем об одной из побед в ходе этой кампании от него ездил «рязанец» Т. Кондырев[2]. За службу И.В. Измайлов был награждён «у стола»[3]. В 1615 г., по некоторым сведениям, он возглавлял делегацию к татарам, вторгшимся в южные уезды[4]. Упоминается в качестве главы Приказа каменных дел (3 августа 1617) и Пушкарского приказа (1617/18)[5]. В 1616 – феврале 1617 гг., а также в августе 1618 – 1619 гг. он находился на воеводстве в Арзамасе, где «город поставил и всякие крепости поделал»[6]. В 1620–21 гг. И.В. Измайлов – второй воевода Пскова, а в 1624–26 гг. руководил возведением можайского кремля[7]. Известно, что он активно вмешивался в фортификационные работы и даже настоял на внесении изменений в первоначальный проект[8]. По возвращении в столицу И.В. Измайлов участвовал в царских и патриарших «столах». В 1629 г. И.В. Измайлов скончался[9]. Характер должностей показывает, что после успешного арзамасского опыта он считался специалистом по организации крепостного строительства.

Сын убитого в Смутное время Н.В. Измайлова Пётр Никитич в 1624 г. упоминается в чине стряпчего. На царской свадьбе 1626 г. он «с[т]лал путь камками червчетыми» до саней. В БС 1626 числится уже стольником[10].

---

[1] Книга сеунчей. С. 31, 36. См. об этом: *Скобелкин О.В.* Служилые «Немцы» в записях разрядных книг эпохи смуты // Вестник ННГУ. 2017. № 2. С. 73–75.
[2] Книга сеунчей. С. 34.
[3] Книга сеунчей. С. 38.
[4] *Коваленко Г.М.* Сообщение М. Клементьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // Новгородский исторический сборник. СПб.; Новгород. 1993. Вып. 4 (14). С. 131.
[5] *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 87, 136.
[6] Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи. Ч. 1. С. 431; ОС. С. 108; Дело о пожаловании князю Д.П. Пожарскому из поместья в вотчину по уложению // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. С. 17.
[7] БС 1624. С. 89; *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 257.
[8] *Сергеева-Козина Т.Н.* Можайский кремль 1624–1626 гг. (опыт реконструкции) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 31. С. 347–375.
[9] ДР. Т. 1. Стб. 162, 239, 291, 345, 433, 455, 485, 628, 660, 661, 759, 776, 802, 832, 863, 883, 909, 915, 931, 935; КР. Стб. 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23,182, 395, 529, 649. 716, 762, 784, 1038; БС 1626–1633. С. 38. Книга «царских столов». С. 212, 216, 220.
[10] ДР. Т. 1. Стб. 637, 692, 775.

Из старшей ветви рода (Яковлевых-Измайловых) после Смуты в чине дворянина московского продолжал службу Григорий Васильевич[1]. В 1616–17 гг. он находился на воеводстве в Ржеве, в 1618 г. участвовал в обороне Москвы[2], в 1619 г. был назначен в Ливны, в 1621 г. – в Уфу. В 1625–26 гг. вместе с другими членами рода Г.В. Измайлов упоминается на придворной службе[3]. Его племянник Михаил Фёдорович был зачислен в стряпчие[4]. Около 1625/26 г. обоих служилых людей по неясным причинам постигла царская опала с конфискацией[5].

Наконец, значительно расширили представительство в столичных чинах выходцы из ещё одной ветви рода, которая в этот период начинает именоваться **Лариными-Измайловыми**. Дворянином московским оставался Фёдор Иванович, участник «осадного сидения» 1618 г. Весной 1613 г. кратковременно находился на позиции рязанского воеводы[6], в 1620–21 гг. он руководил дозором Вологды, единожды упомянут в разрядах в 1624 г.[7]. Его сыновья стали сначала жильцами (в чине упомянуты Павел, Иван и Сергей)[8], затем – патриаршими стольниками (Иван и Сергей). Кроме того, дворянами московскими являлись Прокопий (в 1615 г. в стольниках)[9] и Орефий (в 1618 г. в жильцах)[10] Хрисанфовичи[11], а также Григорий Тимофеевич (в 1615 г. в стряпчих)[12]. В 1618 г. Прокопий был послан с

[1] БК 1615. С. 144.
[2] ОС. С. 40.
[3] ДР. Т. 1. Стб. 237, 277, 289, 339, 362. 423, 687, 748, 803, 855, 856, 857, 864, 867; КР. Стб. 178, 216, 339, 391, 517, 518, 574, 659, 764, 872; БС 1626–1633. С. 40; Книга «царских столов». С. 213.
[4] *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 80; БК 1615. С. 142.
[5] АСЗ. Т. 3. С. 492 (№ 562); *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 392–393.
[6] РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. № 2. Л. 6–6об.
[7] *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 2. С. 583; ДР. Т. 1. Стб. 644; ОС. С. 40.
[8] *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 61, 86; *Он же.* Жилецкие сказки 1632 г. С. 92; РИБ. Т. 15. С. 165.
[9] БК 1615. С. 141.
[10] ОС. С. 49.
[11] БС 1624. С. 77; БС 1626–1633. С. 24.
[12] БК 1615. С. 142.

наградами в Белую[1], Орефий находился в московской осаде в «королевичев приход»[2].

Итак, в столичных чинах прочно закрепились представители всех ветвей рода. В то же время, пик влияния Измайловых на государственные дела остался в прошлом: никто из них не вошёл в ближний круг Михаила Фёдоровича или Филарета[3].

Семён и Василий Гавриловичи **Коробьины** на всём протяжении рассматриваемого периода оставались дворянами московскими; тот же чин по возвращении из плена получил Иван Гаврилович. Сын Василия Прокопий был зачислен в стряпчие, 12 июня 1626 г. – в стольники[4]. В «московские» чины стали жаловаться также представители старшей ветви рода – сыновья Фёдора Васильевича Коробьина, к которым мы обратимся в следующем разделе (**3.3.5**). Биографии Гавриловичей, ярко проявивших себя на службе, обстоятельно исследованы Я.Н. Рабиновичем[5].

Семён Гаврилович 15 марта 1613 г. посылался «в Белев, в Болхов, во Мценск для объявления блаженные памяти … Михаила Федоровича … как обран на царство»[6]. 2 июля 1613 г. он был назначен владимирским воеводой, в этой должности оставался на протяжении 1614 г.[7]. В начале следующего года он участвовал в размене пленных со шведами[8], затем вошёл в состав делегации кн. И.М. Воротынского, направленной под Смоленск для переговоров. В 1616 г. С.Г. Коробьин несколько месяцев находился на должности воеводы Дорогобужа и был отозван в столицу. В «королевичев приход» он был начальником отряда,

---

[1] ДР. Т. 1. Стб. 314. В ходе этой посылки местничался с кн. Ю.А. Звенигородским (*Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 147, 149).
[2] ОС. С. 49.
[3] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 178–180, 339–340. См., напр.: *Бушкович П.* Шведские источники о России 1624–1626 гг. // Архив русской истории. 2007. Вып. 8. С. 379.
[4] БС 1626–1633. С. 28, 34.
[5] *Рабинович Я.Н.* Братья Коробьины на службе России.
[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 134. Л. 19.
[7] РЗ. С. 26; РК 1638. С. 291; ДР. Т. 1. Стб. 144.
[8] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1615 г. № 3. См.: *Селин А.А.* Новгородское общество начала XVII века. Смутное время на Северо-Западе Московского государства. С. 46–47, 256, 316–318.

отвечавшего за участок «от Серпуховских ворот острог налево до Москвы реки»[1], в течение 1619 г. – воеводой Белева. В 1621 г. он кратковременно состоял вторым судьёй Московского судного приказа[2], в 1623–24 гг. – находился на воеводстве в Уфе. В 1625–27 гг. неоднократно приглашался к царским и патриаршим «столам»[3]. На придворных церемониях этого времени упоминаются все братья, в том числе и впервые появившийся в разрядах после плена Иван Гаврилович[4].

С совместного назначения под Смоленск начался длительный местнический конфликт между С.Г. Коробьиным и А.В. Измайловым. В 1615 г. состоялась очная ставка и были взяты случаи, но вскоре А.В. Измайлов отправился на службу в Астрахань. С.Г. Коробьин возобновил спор только в 1625 г. Судья В.П. Морозов был отведён А.В. Измайловым как «свой и друг» Коробьиных, и дело было передано кн. Д.М. Пожарскому. Последнее упоминание о разбирательстве относится к 1628 г., его исход неизвестен[5]. С.Г. Коробьин предоставил четыре разрядные выписки, две из которых относились ко времени независимости княжества; А.В. Измайлов – тринадцать выписок второй половины XVI – начала XVII в. Особый интерес представляет использованный А.В. Измайловым список рязанских губных старост 1557–1559 гг., в котором самое последнее место занимал С.И. Селиванов – предок («прадед») С.Г. Коробьина[6]. Впоследствии этот документ активно использовался и другими местниками, чтобы «утянуть» Коробьиных. В активе рода практически не было «честных» служб – отец Коробьиных рассматривался как «человек неродословной, бывал в засечных головах и в станишных»[7]. В попытках найти

[1] ОС. С. 40; СГГиД. Т. 3. С. 176 (№ 40).
[2] Ср.: АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).
[3] ДР. Т. 1. 144, 167, 187, 235, 504, 505, 339, 362, 422, 687, 760, 833, 834,905,909, 931, 935, 941, 1000; КР. Стб. 89, 175, 518, 574, 656, 926, 1034; Книга «царских столов». С. 202; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 134. Л. 19.
[4] ДР. Т. 1. Стб. 694, 832, 856, 875, 904, 906; Книга «царских столов». С 212, 218. Короткая справка о И.Г. Коробьине: *Кобеко Д.Ф.* Вторая поправка родословия Шереметевых. СПб., 1904. С. 3–6.
[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 12. Л. 1–15; Ф. 141. Оп. 1. 1627. № 73. Л. 14–28; ДР. Т. 1. С. 187, 730. Описание: *Эскин Ю.М.* Описание подлинных местнических дел. С. 42–44.
[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 12. Л. 14.
[7] ДР. Т. 1. Стб. 987.

необходимые прецеденты престижных «посылок» Коробьины припомнили отправку В.И. (Меньшого) Коробьина «в черкасы» за Марией Темрюковной, но посольские документы об этом сгорели[1].

Василий Гаврилович[2] в начале 1614 г. находился в Нижнем Новгороде, где заведовал обеспечением посольства в Персию[3]. После этого В.Г. Коробьин был назначен на первым воеводой Путивля, откуда организовывал операции против литовского пограничья вплоть до отзыва в Москву в 1616 г.[4]. Вероятно, только после этого он поставил подпись под «Утвержденной грамотой»[5]. В августе-сентябре 1618 г. Коробьин отправился из столицы на зарайское воеводство и оборонял регион от сил Сагайдачного. С сеунчом от него отправлялись родственники – А. и Д. Коробьины[6]. За эту службу он получил государево жалованье у «стола»; кроме того, был пожалован вотчиной за «осадное сидение в королевичев приход»[7]. Прибавок к поместному окладу не делалось, поскольку у В.Г. Коробьина он достиг установленного предела – 1000 ч.[8]. В 1621–24 гг. он возглавлял посольство к шаху Аббасу, главным достижением которого была доставка в Москву Ризы Господней[9]. Как и братья, в середине 1620-х гг. В.Г. Коробьин присутствовал на «столах» Михаила и Филарета[10]. Успехи на

[1] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627. № 73. Л. 14–28.
[2] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 372–373.
[3] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. С. 151–252.
[4] Книга сеунчей. С. 33, 43; РК 1638. С. 294.
[5] *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 82. См.: *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 267.
[6] ОС. С. 43; Книга сеунчей. С. 89; РИБ. Т. 15. С. 184.
[7] АМГ. Т. 1. С. 486 (№ 512); ОС. С. 43.
[8] *Зерцалов А.Н.* О сыскных поместных и денежных четвертных и городовых окладах… С. 6.
[9] БС 1624. С. 90; *Белокуров С. А.* Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Федоровичу в 1625 г.; *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987. С. 26–29, 44, 204, 260, 262, 263, 265, 269, 270; *Он же.* Посольство В.Г. Коробьина и А. Кувшинова в Иран в 1621–1624 гг. // Иран. Экономика. История. Историография. Литература. М., 1976. С. 124–155; *Гухман С.Н.* «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 255–270.
[10] ДР. Т. 1. Стб. 149, 192, 661, 687, 904, 915;КР. Стб. 78, 191, 192, 653; 11,8,9, 10. II, 12, 13, 14, 16,20, 44, 45, 46. 104, 106, 621, 622, 624, 626; Книга «царских столов». С. 199, 204, 205, 207, 212, 213; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 134. Л. 18.

дипломатическом поприще и близость к патриарху привели В.Г. Коробьина к окольничеству на завершающем этапе жизненного пути (1632 г.).

В начальный период царствования Михаила Фёдоровича пресеклась линия потомков Петра **Биркина**: участник Смуты стряпчий Иван Иванович, упомянутый в этом чине и в 1615 г., не оставил сыновей[1]. В 1615–17 гг. он служил воеводой в Мангазее[2], в последний раз упоминается в 1619/20 г.[3].

Представитель младшей линии Иван Васильевич Биркин[4] после Смуты некоторое время оставался в «выборе»[5]. В 1613 г. он упоминается среди голов, посланных от рязанского воеводы М.А. Вельяминова[6]. В 1614 г. И.В. Биркин был ряжским воеводой и составил «сыскной список» местных детей боярских[7]. В новом чине дворянина московского он принимал участие в «осадном сидении» 1618 г.[8]. В 1619 г. Л.И. Долматов-Карпов и И.В. Биркин были отправлены на размен пленных в Вязьму. После встречи Филарета Л.И. Долматов-Карпов вернулся в Москву с вестью о его освобождении, а И.В. Биркина царский отец «оставил у себя». По-видимому, с этого момента рязанец стал одним из приближённых Филарета. По возвращении в Москву он находился у «стола», организованного по случаю поставления патриарха, в 1622 г. упоминается в качестве патриаршего кравчего, судьи Дворцового приказа[9], в 1626–28 гг. – патриаршего дворецкого[10]. В середине 1620-х гг. И.В. Биркин неоднократно

---

[1] БК 1615. С. 141. В писцовых книгах 1620-х гг. фигурирует только его мать Марфа.
[2] ДР. Т. 1. Стб. 196, 248, 297; КР. Стб. 81, 197, 407.
[3] Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 147.
[4] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 394–395.
[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 10.
[6] РЗ. С. 244.
[7] *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 97; Описи архива Разрядного приказа XVII в. С. 49; РИБ. Т. 15. С. 16 (с неверной датой).
[8] *Зерцалов А.Н.* О сыскных поместных и денежных четвертных и городовых окладах… С. 53; ОС. С. 40. По некоторым данным, в 1614/15–16 гг. местничался с А.В. Измайловым (*Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 141).
[9] *Федотов-Чеховский А.А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Т. 1. С. 263, 287 (№ 94).
[10] ААЭ. Т. 3. С. 259; ДР. Т. 2. Стб. 15; КР. Стб. 1263, 1369; *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI – XVII веков. М., 2006. С. 111; БС 1626–1633. С. 39.

присутствовал на царских и патриарших «столах»[1]. Его сын Самойло[2] в 1624 г. упоминается в стольническом чине[3] и впоследствии на короткое время также становился патриаршим кравчим[4]. Внучатый племянник Василий Васильевич был зачислен в стольники Филарета[5]. Таким образом, представители младшей линии Биркиных, ранее претендовавшие лишь на службу в «выборе», не только попали в «московские» чины, но и заняли прочные позиции при дворе патриарха.

Рисунок 3.3 – Родословное древо Ржевских (фрагмент)[6]

Из старшего поколения **Ржевских** (рисунок 3.3) Смуту пережил только Григорий Никитич. Вплоть до своей смерти 13 августа 1628 г. он оставался в чине дворянина московского[7]. Представители следующего поколения начинали службу в жилецком чине или «выборе»[8]. К середине 1620-х гг. они продвинулись в новые

[1] ДР. Т. 1. Стб. 391, 393, 407, 687, 802, 854, 856, 860, 870, 877, 880, 883 , 909 , 914, 923, 928, 934, 940, 957, 971; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 157; Книга «царских столов». С. 213, 218, 220.

[2] О нем см.: *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования. Алексея Михайловича (1645 г.). С. 42–43.

[3] БС 1624. С. 82.

[4] ДР. Т. 2. Стб. 15.

[5] См. челобитную на имя не только царя, но и патриарха: *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 310.

[6] По данным родословной росписи: РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. № 323. Ч. 1. Л. 509–510об.; *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 218–219. Исправлено старшинство сыновей Никиты Григорьевича (в росписи Григорий – второй): на такой порядок указывают последовательность чинов, окладов, а также совместные упоминания.

[7] БС 1626–1633. С. 204; *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 332.

[8] РИБ. Т. 15. С. 112, 125; *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 10, 32; БС 1626. С. 75. И.А. Ржевский в 1613 г. был недорослем (РГАДА. Ф. 1209. Стобцы по Рязани. № 175/41408. Л. 181, 182), после чего сразу попал в жилецкий список (Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 503). И.И. Ржевский в 1622 и 1626 гг. упоминается в «выборе» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 16).

чины: Иван Андреевич (в 1624/25 г.), Иван Иванович (29 апреля 1626 г.)[1] и Никита Григорьевич[2] стали дворянами московскими, Григорий Григорьевич – стольником Филарета и затем – царским стольником. Таким образом, сыновья постепенно заместили отцов в чинах дворян московских, полученных ими от Василия Шуйского. Королевские пожалования не отразились на чиновной траектории представителей рода.

В рассматриваемый период представители рода упоминаются в разрядах лишь эпизодически. Григорий Никитич в 1617 г. занимал должности воеводы в Васильгороде, в 1620 г. был столичным объездным головой. В 1625 г. назначен пелымским воеводой, но попал в немилость, «сидел за приставом на Москве и был сослан»[3]. Уже в 1626 г. опала была снята, и Г.Н. Ржевский принимал участие в придворных церемониях[4]. В 1625 г. на одном из «столов» упоминается также Иван Андреевич[5]. Как Григорий Никитич, так и Иван Андреевич участвовали в «осадном сидении» в «королевичев приход»[6].

Значительно расширили представительство в столичных чинах **Сунбуловы**. Напомним, что в БС 1610/11 в перечне дворян московских присутствовали Григорий Фёдорович и Михей Никитич. После Смуты старшая ветвь рода окончательно пресеклась: в 1616 г. Григорий Фёдорович скончался, не оставив мужского потомства[7]. После воцарения Михаила в дворянах московских впервые упоминаются братья Михея (дворянин московский в 1610/11) – Иван (в 1615 г.) и Исак (в 1618 г.) Никитичи, а в 1624 г. – сын Михея Никифор[8]. Последний ещё в 1618 г. служил в дворовых детях боярских[9] и, очевидно, заместил в чине умершего отца. Сын младшего из братьев, Осип Исакович, 30 мая 1626 г. стал

[1] БС 1626–1633. С. 58.
[2] Глухое упоминание местничества с его участием: *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 157.
[3] ДР. Т. 1. Стб. 296, 660; КР. Стб. 406, 723, 1151.
[4] БС 1626–1633. С. 41.
[5] ДР. Т. 1. Стб. 692.
[6] ОС. С. 39, 50.
[7] *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 274; ПКРК. Вып. 2. С. 736.
[8] БС 1624. С. 87.
[9] ОС. С. 56.

стольником Филарета[1]. В состав патриарших стольников был включён также Иван Павлович, в 1627 г. ставший стряпчим. Таким образом, в «московских» чинах оказались представители двух ветвей рода, которые до Смуты не попадали даже в «выбор». Несмотря на «тушинское» и «польское» прошлое клана, Сунбуловы закрепились в столичной элите.

Наиболее часто на «разрядных» службах фигурирует Исак Никитич. Уже весной 1613 г. он во главе двухтысячного (по оценке шведских источников) отряда был отправлен к Тихвину для деблокирования города, но потерпел поражение от «немцев и черкасов» и отступил[2]. В 1614–15 гг. Ис.Н. Сунбулов – голова детей боярских из Дорогобужа и Вязьмы под Смоленском, за эту службу получил прибавку к окладу (100 ч. к 750 ч.)[3]. В 1617 г. он арестовывал вяземских воевод, оставивших город, а в «королевичев приход» сидел в московской осаде[4]. В 1623–25 гг. Ис.Н. Сунбулов служил первым воеводой в Таре, по возвращении ему было дано государево жалованье у «стола»[5]. В 1626 г. – объезжий голова в Москве, после чего «по челобитью» отпущен в деревню[6]. Из других представителей рода в разрядах упоминается только Никифор, в 1625 г. присутствовавший на одном из царских «столов»[7].

Ляпуновы после Смуты также попадали в «московские» чины. Владимир Прокопьевич в «боярской книге» 1608/09 г. и «рязанском списке» 1613/14 г. числился в «выборе»[8], а в 1615 г. впервые упоминается в чине дворянина московского. Его младший брат Лев был пожалован в патриаршие стольники, но затем вернулся в состав рязанского выборного дворянства. Сын Григория

---

[1] БС 1626–1633. С. 33.

[2] АМГ. Т. 1. С. 89 (№ 55); *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 310, 314; РЗ. С. 129. См.: *Рабинович Я.Н.* Новгородские страницы биографии астраханского архиепископа Онуфрия // Новгородский исторический сборник. 2015. № 15 (25). С. 199; *Замятин Г.А.* «К Российскому царствию пристоят»: Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613-1614 гг. Великий Новгород, 2012. С. 90–91.

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 13. Л. 85.

[4] ОС. С. 35.

[5] БС 1624. С. 90; Дополнения к Дворцовым Розрядам. М., 1882. Ч. 1. Отд. 2. С. 434–435; БС 1626–1633. С. 41.

[6] ДР. Т. 1. Стб. 91, 141, 301, 534, 826; КР. Стб. 928, 1036, 1149,1261.

[7] ДР. Т. 1. Стб. 693.

[8] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Ч. 3. Л. 626. Оба памятника утрачены.

Ляпунова (старшего брата Прокопия) Василий получил более престижный чин стряпчего[1]. Наконец, Фёдор Григорьевич и Иван Захарьевич[2] упоминаются в «выборе» с окладами 500 ч. Известно, что Фёдор первоначально служил по дворовому списку. В отличие от других возвысившихся кланов, Ляпуновы ещё во второй половине 1620-х гг. сохраняли связь с рязанской «городовой» иерархией.

Владимир Прокопьевич летом 1612 г. находился в Переяславле-Рязанском и приезжал к М.А. Вельяминову, тогда шацкому воеводе, за помощью[3]. После воцарения Михаила Фёдоровича он был назначен воеводой в Михайлов, где пробыл до 1616 г. 30 мая 1614 г. В.П. Ляпунов разбил татар на пронской дороге и прислал об этом сеунщика Ф.И. Чевкина[4]. Спустя несколько лет он получил прибавку к поместному окладу и денежному жалованью за эту службу[5]. В 1620 г. вновь был назначен в Михайлов (на этот раз – вторым воеводой при кн. Ю.И. Шеховском), в 1623 г. служил на Валуйке, в 1625 г. – на Крапивне[6], затем при московском дворе[7]. Здесь вместе с двоюродным братом Ульяном он принял участие в серии местнических столкновений (**2.3.5**). Заметим, что его воеводские назначения связаны в основном с южной «украиной». Владимир Прокопьевич и стряпчий Василий Григорьевич участвовали в обороне Москвы в «королевичев приход»[8].

Из некогда обширного рода **Петровых-Соловых** после Смуты упоминается только Михаил Тимофеевич, сын Тимофея Ивановича. Напомним, что при Василии Шуйском его двоюродные братья погибли в чинах стольников. Михаил

---

[1] БК 1615. С. 142.
[2] Семен Захарьевич упоминается в последний раз в 1619/20 г., чиновный статус неизвестен (Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 149).
[3] НД. С. 340–341 (№ 200).
[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 532. Л. 52.
[5] РИБ. Т. 28. Стб. 692.
[6] РК 1638. С. 292; ДР. Т. 1. Стб. 132, 146, 191, 241, 446, 667–670, 756, 986, 997; КР. Стб. 77. 185, 926, 958, 1031, 1051, 1058, 1062, 1083, 1084, 1085, 1170. В 1617/18 г. местничал с кн. П.В. Мосальским (*Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 147).
[7] БС 1626–1633. С. 44.
[8] ОС. С. 34, 38.

Тимофеевич за службу отца получил пожалование земли в вотчину[1]. В 1616 г. он числился по дворовому списку Поницкого стана, а в списках 1620-х гг. упоминается уже в чине дворянина московского[2]. Старший сын Григорий Михайлович был зачислен в стольники Филарета с окладом 450 ч. Таким бразом, этот род также сохранил представительство в «московских» чинах.

В отличие от других старых боярских фамилий, **Вердеревские** на протяжении Смуты не попадали в столичные чины. За годы кризиса старшая ветвь рода понесла потери: от рук повстанцев погибли П.Г. и Г.В. Вердеревские. Юрий Васильевич, пожалованный за «осадное сидение» Василия Шуйского[3], в 1616 г. упоминается в «выборе» с окладом 800 ч.[4] В этот период он назначался в Пронск (1614)[5], состоял вторым воеводой в Туле[6] и Дедилове (1617–19)[7]. Здесь на него били челом тульские дворяне и дети боярские, заявлявшие о «невместности» подчинения, но проигравшие дело[8]. Известны ещё несколько местнических случаев с участием Ю.В. Вердеревского[9]. Вскоре он был пожалован в дворяне московские. Старший из его племянников – Иван Петрович – уже в 1618 г. имел тот же чин. И.П. Вердеревский участвовал в обороне Москвы в «королевичев приход»[10], в 1625–27 гг. был воеводой в Пелыме (вместо Г.Н. Ржевского)[11]. Младшие племянники – Михаил Петрович и Игнатий Глебович[12] в БС 1626 –

---

[1] ОС. С. 465.
[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 15; № 82. Л. 25; БС 1624. С. 87.
[3] ОС. С. 403.
[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 14.
[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 160. Л. 16; *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 97.
[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 160. Л. 17, 18.
[7] ДР. Т. 1. Стб. 146, 266, 269, 286, 287, 291,301, 313, 345, 350, 351, 388, 420, 895; КР. С. 270, 274–286, 396, 418, 421, 481, 485, 489. 490, 531, 552, 559, 651.
[8] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 160. Л. 18. Описание см.: *Эскин Ю.М.* Описание подлинных местнических дел. С. 46.
[9] *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 146–147.
[10] ОС. С. 39.
[11] ДР. Т. 1. Стб. 660, 744; КР. С. 1151, 1257, 1305; БС 1626–1633. С. 48; *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 302; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 160. Л. 15.
[12] См. его челобитную: *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 328–329.

стольники Филарета, на следующий год стали стряпчими. Все представители старшей ветви, таким образом, оказались на столичной службе.

Рисунок 3.4 – Родословное древо кн. Гагариных (фрагмент)[1]

Рассмотрим послесмутные траектории рязанских княжат. Наиболее примечательным фактом здесь является серьёзное расширение представительства в «московских» чинах кн. **Гагариных** (рисунок 3.4). Ранее в «государев двор» попадали члены только одной ветви рода – потомки кн. Семёна Ивановича. Кн. Афанасий Фёдорович, до Смуты служивший в жильцах и «выборе», в 1615 г. упоминается в чине дворянина московского с окладом 1000 ч.[2] После зарайской службы (1613) он отправился вторым воеводой в Ливны (1614) и затем часто получал воеводские назначения. В 1615–16 гг. кн. А.Ф. Гагарин был одним из воевод Пскова и принимал участие в обороне города от шведских войск[3]. В 1617–18 гг. он служил вторым воеводой в Калуге при кн. Д.М. Пожарском, 1622 г. – объезжим головой в Москве, 1623–25 гг. – первым воеводой в Томске[4]. В Сибири кн. А.Ф. Гагарин стал известен злоупотреблениями, в связи с чем навлёк на себя

[1] По данным родословной росписи: *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 71–72.
[2] БК 1615. С. 143–144.
[3] Бельский летописец. С. 263. См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 186–213.
[4] ДР. Т. 1. Стб. 142, 183, 184, 186, 190, 208–211, 217–219, 236, 301, 312, 313, 327, 346, 421, 510, 534; КР. Стб. 65, 76, 85, 86, 87, 88, 176, 417, 420, 421, 422, 427, 428, 429, 434, 435, 535, 551, 552, 556, 655, 875, 928, 1036, 1150.

расследование по челобитью посадской общины. По пути из Томска он скончался, и компенсация была взыскана с его вдовы Мавры[1].

На псковской службе в 1615 г. кн. Афанасий Гагарин местничал с первым воеводой Ф.Л. Бутурлиным, заявив, что «бьет челом на Федора для того, что иные Бутурлины худы», и якобы «при царе Василье Богдан Бутурлин приезжал от *Ортемья Измайлова* с сеунчом». Такое выступление закончилось для кн. А.Ф. Гагарина тюрьмой: согласно приговору бояр, «Федоров отец … был при царе Иване честной человек … а князь Офонасьев отец Гагарина *служил с городом*, да и ныне род их Гагарины многие служат с городом … и тем князь Офонасей Гагарин [Бутурлиных – *И.К.*] обесчестил»[2].

В апреле 1613 г. в чине жильца упоминается племянник кн. Афанасия – кн. Михаил Семёнович (Турок), не явившийся на службу для сопровождения Михаила Фёдоровича и подвергшийся конфискации[3]. В 1615 г. он имел уже чин стряпчего, в 1618 г. участвовал в приёме персидских послов. По БС 1624 кн. М.С. Гагарин – дворянин московский, в 1624–27 гг. состоял на придворной службе[4], также назначался воеводой в Рыльск и Сургут[5]. Двоюродный брат кн. Афанасия, кн. Иван Семёнович (Ветчинка), в 1627 г. был переведён из стольников Филарета в государевы стольники.

В «московские» чины были зачислены представители ветвей рода, которые ранее не появлялись в БС. Дворянами московскими после Смуты стали кн. Семён и Никита Гагарины – сыновья кн. Никиты Фёдоровича. Служебный путь братьев подробно рассмотрен в монографии Я.Н. Рабиновича[6]. Вероятно, они получили «московские» чины (или, по крайней мере, вошли в «выбор») уже в годы Смуты. Первые упоминания об их дворянстве московском относятся к 1615 г. Известно,

---

[1] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 68–69.
[2] КР. Стб. 85–88; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 142.
[3] ДР. Т. 1. Стб. 1147–1148 (№ 48).
[4] БС 1626–1633. С. 54.
[5] КР. Стб. 549, 1030, 1125, 1231; ДР. Т. 1. Стб. 626, 735, 744, 803, 814; Книга «царских столов». С. 207.
[6] *Рабинович Я.Н.* Братья Семен и Никита Гагарины: Страницы биографии (1610–1640). Саратов, 2015.

что кн. Семён Никитич в 1610–12 гг. был вторым воеводой в Торопце, перешёл на сторону Ополчения[1]. В дальнейшем он принимал участие в боевых действиях на юго-западном театре: в 1613–14 гг. в качестве второго воеводы Белёва[2], в 1614–15 гг. – Невеля[3]. После этой службы он был награждён у царского «стола» за «невельское осадное сиденье»[4]. В 1616 г. кн. С.Н. Гагарин отправился в Казань, где пробыл на должности второго воеводы до 1618 г. В 1619 г. он был назначен на воеводство в Вязьму[5] – город, возвращённый по условиям Деулинского перемирия (отметим, что до захвата Вязьмы польскими силами одним из воевод был кн. Н.Н. Гагарин). В 1621–22 гг. кн. С.Н. Гагарин упоминается на придворных службах, участвовал в приёмах послов.

В марте 1623 г. кн. С.Н. Гагарин был назначен в Дедилов, но бил челом на первого воеводу кн. В.П. Щербатого. В местническом споре кн. С.Н. Гагарин потерпел поражение: «Бил он челом на князь Василья Щербатого не делом … никто в Гагариных в воеводах не бывали, везде в *старостах в губных и в городовых прикащиках*». При попытке оспорить это решение царь отказал «с великой кручиною»[6]. После возвращения с южной «украины» в 1625–26 гг. кн. С.Н. Гагарин вновь участвовал в торжественных «столах» царя и патриарха, а также свадьбе Михаила Фёдоровича с Е.Л. Стрешневой. В 1627 г. был назначен воеводой в Верхотурье[7].

Кн. Никита Никитич (получивший вотчину за «осадное сидение» Василия Шуйского)[8] столь же регулярно назначался на ответственные воеводства. В 1614–15 гг., будучи воеводой в Старице, он организовывал там писцовый дозор[9]. В

---

[1] Бельский летописец. С. 259; РЗ. С. 106.
[2] ДР. Т. 1. Стб. 1051–1052 (№ 5), 1111–1112 (№ 28); РИБ. Т. 15. С. 101; РК 1638. С. 293.
[3] Книга сеунчей. С. 27–28, 32.
[4] Книга сеунчей. С. 37.
[5] АМГ. Т. 1. С. 155–157 (№ 129); Опись архива Посольского приказа 1626 года. С. 348.
[6] ДР. Т. 1. Стб. 501–502.
[7] АИ. Т. 3. С. 235–237 (№ 145). См.: ДР. Т. 1. Стб. 101, 148, 148, 151, 191, 194, 246, 295, 456, 488, 489, 495–497, 501, 502, 504, 519, 661, 664, 666, 673, 689, 696, 600, 777, 790, 802, 828–830, 856, 877, 879, 930; КР. Стб. 76, 79, 196, 406, 717, 718, 835, 848, 849, 854, 856, 857, 858, 861, 879; Книга «царских столов». С. 204, 206, 209, 213, 218.
[8] ОС. С. 409.
[9] Писцовые и переписные книги Старицы XVII века. М., 2015. С. 23, 48, 56.

1615 г. кн. Н.Н. Гагарин принимал участие в операциях против Лисовского, впоследствии награждён за «орловскую службу»[1]. С 1616 г. находился в Вязьме, откуда летом 1617 г. отправился «за Угру» для переписи и набора на службу казаков[2]. Вернувшись в Вязьму на должность осадного воеводы, он последним покинул город, когда главные начальники местного войска бежали от наступавшего противника[3]. В 1618 г. кн. Н.Н. Гагарин упоминается среди московских «осадных сидельцев»[4] и, кроме того, на «калужской» службе. На протяжении 1619–21 гг. он находился на воеводстве в Ржеве[5], в 1623 г. упоминается на придворных службах. С мая 1623 г. кн. Н.Н. Гагарин пребывал на царицынском воеводстве, в 1625 г. – вновь вернулся ко двору, был приставом у персидских послов и участвовал в «столах» царя и патриарха[6]. В 1626 г. он отправился на псковское воеводство[7], где находился на протяжении двух лет.

Представители разных ветвей рода сохраняли связи друг с другом. Об этом свидетельствует, например, рукоприкладство кн. А.Ф. Гагарина вместо неграмотного кн. Н.Н. Гагарина[8]. В 1623 г. в ходе свадьбы свадьбе царевича М. Кайбуловича с М.Г. Ляпуновой кн. Р.И. и Н.Н. Гагарины совместно били челом на И.Д. Плещеева, но были посажены на предписанные места «сильно»[9]. В 1627 г. вместе выступали кн. Д.Г., Р.И. и С.Н. Гагарины, отстаивая статус С.Н. Гагарина, находившегося в Сибири[10].

Кроме того, возвышены были двое сыновей кн. Петра Андреевича Гагарина: Григорий в середине 1620-х гг. упоминается в чине дворянина московского, Пётр был сначала жильцом, а в ноябре 1624 г. был пожалован в патриаршие

---

[1] РИБ. Т. 28. Стб. 693.
[2] РИБ. Т. 28. Стб. 617, 693.
[3] НЛ. С. 141.
[4] ОС. С. 36.
[5] РИБ. Т. 28. Стб. 693.
[6] БС 1626–1633. С. 44; Книга «царских столов». С. 201.
[7] Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. 6. Кн. 2. С. 15–21 (№ 3).
[8] РИБ. Т. 28. Стб. 693.
[9] ДР. Т. 1. Стб. 161, 189, 235, 273, 279, 287, 280, 417, 456, 509, 538, 539, 554, 567, 687, 759, 738, 844, 937; КР. Стб. 76, 174, 345, 346, 347, 348, 350, 351, 352. 353, 354, 386, 643, 717, 762, 926, 1033.
[10] ДР. Т. 1. Стб. 929–930.

стольники[1]. Кн. Григорий Петрович имел вотчину «за осадное сидение» Василия Шуйского. В 1613 г. он был послан с сотней от зарайского воеводы кн. А.Ф. Гагарина для занятия Михайлова[2]. Кн. Пётр Петрович в 1614 г. назначался в Данков[3].

Рисунок 3.5 – Родословное древо кн. Волконских, потомки кн. Михаила Петровича (фрагмент)[4]

Кн. Лев Михайлович **Волконский**[5] после Смуты служил в стряпчих[6], а затем перешёл в дворяне московские; в том же чине оказался также его младший брат Иван[7] (1626) (рисунок 3.5). Ещё при Василии Шуйском они получили грамоты за «осадное сидение», а при Михаиле – за «королевичев приход»[8]. В 1613 г. братья были посланы на службу с кн. Д.М. Черкасским[9]. В 1615–19 гг. кн. Л.М. Волконский состоял рындой на посольских приёмах, в 1625–27 гг. был первым воеводой в Берёзове[10]. Кн. И.М. Волконский упоминается на придворной службе в середине 1620-х гг.[11].

---

[1] *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 49.
[2] ДР. Т. 1. Стб. 1094 (№ 18).
[3] ДР. Т. 1. Стб. 145.
[4] По данным родословной росписи: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 779–780. Кн. В.М. Волконский в сохранившихся источниках не фигурирует и, вероятно, скончался в молодом возрасте.
[5] Не путать с полным тезкой, в 1626 г. переведенным из жильцов в стряпчие (БС 1626–1633. С. 121). См. также: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 94–104.
[6] БК 1615. С. 141.
[7] *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 105–110.
[8] *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 94–95, 97, 98–101 В реконструированной исследователями части «Осадного списка» кн. Лев показан стряпчим (ОС. С. 33), хотя по разрядам уже был стольником.
[9] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 174.
[10] КР. Стб. 1150, 1257, 1365; ДР. Т. 1. Стб. 172, 217, 219, 222, 224, 225, 281, 386, 659, 744; БС 1626–1633. С. 43; *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 352; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. С. 143.
[11] ДР. Т. 1. Стб. 692, БС 1626–1633. С. 43.

В «московские» чины попали также сыновья рязанского выборного дворянина кн. Ф.И. Митенина-Волконского (рисунок 3.6)[1]. В конце 1590-х гг. кн. Иван и Василий были зачислены в дворовые дети боярские, а кн. Фёдор и Семён оставались в недорослях. После Смуты кн. Иван (Чермной) и Фёдор (Шериха) упоминаются в дворянах московских (1626), Семён – сначала в стряпчих (1615)[2], затем в стольниках (1618). Кроме того, кн. Иван Фёдорович (Чермной) в 1616 г. служил по дворовому списку, далее был зачислен в жильцы, а 26 августа 1626 г. перешёл в стольники Филарета[3].

Рисунок 3.6 – Родословное древо кн. Волконских, потомки кн. Фёдора Ивановича (фрагмент)[4]

Все сыновья кн. Ф.И. Волконского были при Михаиле Фёдоровиче пожалованы за «осадное сидение» Василия Шуйского, а Семён – также за «королевичев приход»[5]. Кн. Иван Фёдорович (Чермной)[6] «при боярах» получил придачу к денежному окладу за «подмосковные службы»[7]. В середине 1620-х гг. он назначался воеводой Переяславля-Рязанского[8]. Кн. Василий Фёдорович[9], не попавший в сохранившиеся списки «московских» чинов, в 1613 г. действовал в качестве головы при рязанском воеводе М.А. Вельяминове, в 1615 г. – при кн.

[1] См. также: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 365–367.
[2] *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 80.
[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 14; БС 1626–1633. С. 34. См. свидетельство по поводу его оклада рязанца Н.М. Войникова в 1614 г.: РИБ. Т. 15. С. 99.
[4] По данным родословной росписи: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 779. Изменение порядка старшинства (в росписи – Иван, Семен, Василий, Федор) обосновано в тексте.
[5] ОС. С. 32, 406–407; *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 75–76, 80–84.
[6] Не путать с полным тезкой, сыном Федора Ивановича (Мерина). Учтены только службы «Чермного» (в отличие от работы: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 75–80).
[7] *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 313.
[8] КР. Стб. 1050, 1052, 1092, 1094, 1180, 1222, 1272; ДР. Т. 1. Стб. 733, 845; БС 1626–1633. С. 42.
[9] *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 85.

Ф. Куракине, вскоре «умер на службе»[1]. Кн. Семён Фёдорович[2] в 1615 г. был отправлен к воеводам под Смоленск «о здоровье спрашивать», но по местническим соображениям добился того, что второго воеводу (того же М.А. Вельяминова) не включили в наказ. В 1618 г. он бил челом и по поводу аналогичной посылки к кн. Д.М. Пожарскому. В «королевичев приход» С.Ф. Волконский сидел в столичной осаде[3]. В 1626–27 гг., уже в чине дворянина московского, Семён упоминается на должности рыльского воеводы[4]. Кн. Фёдор Фёдорович (Шериха)[5] в 1625 г. был первым воеводой Михайлова, в 1626 г. находился на придворной службе[6]. Точно установить его назначения из-за наличия тёзок не удаётся[7].

Рисунок 3.7 – Родословное древо кн. Дашковых (фрагмент)[8]

Кн. Иван Андреевич **Дашков** (рисунок 3.7), в годы Смуты пожалованный в стольники, оставался в этом чине вплоть до 1627 г.[9]. Его оклад после Смуты достиг установленного предела в 1000 ч.[10]. Кн. И.А. Дашков чрезвычайно активно

[1] РИС. Т. 5. С. 115; КР. Стб. 116; *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 779. К моменту писцового описания 1620-х гг. скончался.
[2] *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 80–84.
[3] ОС. С. 32.
[4] КР. Стб. 1232, 1342; ДР. Т. 1. Стб. 185, 330, 638, 685, 694, 784; ОС. С.32; БС 1626–1633. С. 24.
[5] Не путать с полным тезкой, сыном Федора Ивановича (Мерина).
[6] БС 1626–1633. С. 47; Книга «украинных воевод». С. 273.
[7] Ср.: КР. Стб. 927, 1035,1053, 1054, 1055, 1056, 1057, 1058, 1063, 1064, 1082, 1092, 1094, 1095, 1097, 1114, 1146, 1168, 1376, 1377, 1378, 1379, 1380; ДР. Стб. 861, 928, 934, 1014, 1019,
[8] По данным родословной росписи: *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 109–110.
[9] БК 1615. С. 140.
[10] *Зерцалов А.Н.* О сыскных поместных и денежных четвертных и городовых окладах… С. 6.

назначался на воеводские службы: в 1613–15 гг. – в Каргополь[1], 1616–17 гг. – в Брянск, 1617–18 гг. – в Галич, 1620 – в Торопец, 1624–26 гг. – в Самару[2], 1626 г. – в Царёвосанчурск, по возвращении оттуда приглашался к царским «столам»[3]. В 1627 г. он стал дворянином московским, а старший сын Иван заместил отца в стольническом чине.

Один из переселённых в Рязань кн. **Мещерских** – Юрий Григорьевич – был пожалован в «московский» список ещё до Смуты. В БС 1606/07 и 1610/11 он указан с пометой «болен»[4] и, по-видимому, вскоре скончался. Кн. Иван Юрьевич (Боровитинов) – вероятно, его старший сын – числился в «выборе» по Коломне[5], а к 1610/11 также получил московское дворянство. Пожалования за «осадное сидение» Василия Шуйского были получены им как в Рязанском, так и в Коломенском уезде[6]. В служебном отношении с Рязанью был связан младший сын, кн. Дмитрий Юрьевич, в молодости поверстанный в жильцы и затем переведённый в «выбор». После Смуты он попал в дворяне московские (впервые известен в чине по БС 1624)[7]. В 1619 г. упоминается на должности воеводы Епифани[8]. Его сыновья Пётр и Михаил в 1624/25 г. числились в жилецком списке[9].

[1] ДАИ. Т. 2. С. 23.
[2] БС 1624. С. 80.
[3] КР. Стб. 157, 160, 162, 190, 401, 645, 716, 762, 784; ДР. Т. 1. Стб. 215, 243, 293, 417, 456, 845, 861, 870, 913, 928, 934; БС 1626–1633. С. 23; Книга «царских столов». С. 217.
[4] НД, С. 138; БС 1610/11. С. 88.
[5] НД. С. 144.
[6] ОС. С. 450.
[7] БС 1624. С. 86.
[8] ДР. Т. 1. Стб. 420.
[9] *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 121.

Рисунок 3.8 – Родословное древо кн. Щетининых (Ярославских) (фрагмент)[1]

Кн. Михаил Васильевич **Щетинин** (рисунок 3.8), как упоминалось, к 1608/09 г. попал в жилецкий список, а впоследствии отъехал в Тушинский лагерь. В апреле 1613 г. он находился в составе сопровождения Михаила Фёдоровича и был отправлен в Москву, упомянут в прежнем чине жильца[2]. В 1615 г. кн. М.В. Щетинин – стряпчий с окладом 700 ч., в том же чине принял участие в «осадном сидении» в «королевичев приход»[3], а в 1624 г. впервые упомянут как дворянин московский. В 1621–22 гг. кн. М.В. Щетинин назначался воеводой в Муром, в 1624 г. – в Михайлов (затем отозван в Москву)[4]; в 1626 г. – в Переяславль-Рязанский, чередуясь с кн. И.Ф. Волконским (Чермным)[5].

Родной брат кн. М.В. Щетинина Иван, по сведениям других членов семейства, при Василии Шуйском погиб от рук П.П. Ляпунова. Его сын Михаил был зачислен в стольники Филарета, а 15 августа 1626 г. – в царские стольники[6]. Как можно видеть, кн. Щетинины также закрепились в «московских» чинах.

[1] Схема основана на родословной росписи (*Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 125), сказке кн. П.И. Щетинина (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 118–120) и материалах земельной тяжбы с Ляпуновыми (приложение 8). Добавлены кн. Иван Васильевич и кн. Михаил Иванович, отсутствующие в родословце. Учитывая порядок чиновной службы, можно предполагать, что кн. Василий Григорьевич был старшим из братьев в своем поколении.

[2] ДР. Т. 1. Стб. 1173.

[3] ОС. С. 34.

[4] БС 1624. С. 92.

[5] БС 1626–1633. С. 49; ДР. Т. 1. Стб. 584, 651, 733, 845; КР. Стб. 758, 868, 984, 985, 990, 1007, 1022, 1023, 1024, 1044. 1115, 1179, 1209, 1222; БС 1626–1633. С. 49; Книга «украинных воевод» 7132–7160. С. 273.

[6] БС 1626–1633. С. 28, 29.

Представители младшей ветви семьи, в свою очередь, стали систематически включаться в рязанский «выбор» (**3.3.5**).

Таким образом, возвышение периода Смуты не стало для рязанских кланов лишь кратковременным успехом: они прочно вошли в круг столичной элиты. Ключевой тенденцией рассмотренного периода являлось дальнейшее расширение представительства рязанцев в «московских» чинах. Если в столичной части БС 1606/07 можно найти шестнадцать служилых людей рязанского происхождения, то в БК 1627 – более пятидесяти. Один из важных способов продвижения хорошо известен, хотя и остаётся недостаточно изученным: так называемые челобитные «по родству». Служилый человек подавал прошение о пожаловании в чин, апеллируя к более высокому статусу представителей референтной группы – своей «братьи» («чтоб я, холоп твой, перед своею дядьею и братьею в позоре не был»)[1]. Приказные делали выписки о служебном положении челобитчика, его родственников (или иных служилых людей, которые могли являться «образцом»), устанавливали степень родства – и после этого, как правило, удовлетворяли челобитье[2].

Широкое распространение практики челобитных «по родству» после Смуты[3] представляется неслучайным. Пожалования кризисного периода нарушили замкнутость «государева двора» и открыли дорогу в столицу представителям большого количества провинциальных родов. Попадание служилого человека в «московский» чин означало, что на возвышение может претендовать и его «братья» – иначе оказывались нарушенными отношения

[1] Ср. аналогичные формулы в челобитных Ржевских польским властям: **3.3.3**. О понятии «братии» как элементе самоидентификации служилого человека см.: *Накишова М.Т.* Социальная самоидентификация служилых людей в России во второй половине XVII в.: практики и стратегии социального взаимодействия // Вестник ННГУ. 2017. № 5. С. 42–43.

[2] *Белоусов М.Р.* Челобитные представителей московских чинов Государева двора 40-х годов XVII столетия как источник по истории взаимодействия верховной власти и служилых людей // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 55–65; *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. С. 428–438; *Шабаев Л.Е.* Челобитные «по родству» как исторический источник первой половины XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции. М., 2019. С. 229–231.

[3] *Шабаев Л.Е.* Челобитные «по родству» как исторический источник первой половины XVII в. С. 229.

«чести». Неудивительно, что в стремлении повысить свой статус служилые люди мобилизовывали воспоминания о весьма дальних родственных связях. В условиях господства прецедентной системы и «генеалогического сознания» дальнейший приток провинциальных служилых людей в «московские» чины являлся неизбежным процессом. Рязанский случай наглядно показывает его результаты: количество представителей местных родов в столичных чинах в 1627 г. более чем удвоилось по сравнению с 1610/11 г.

В чиновных траекториях рязанцев ясно прослеживается семейно-родовая логика. Вершиной карьеры большинства представителей поколения Смуты являлось московское дворянство. В этом чине их могли «замещать» (по достижении зрелого возраста) сыновья и другие младшие родственники, порядок пожалования которых, в свою очередь, также определялся генеалогической логикой («меньшую братью выше большие братии не поверстать»)[1]. В то время как старшие представители рязанских семейств служили в дворянах московских, младшие могли достигать стольничества[2]. Получению этого чина также предшествовала служба в более низких чинах.

Ко второй половине 1620-х гг. абсолютное большинство рязанских фамилий, траектории которых были рассмотрены в данном разделе, утратили связь с «выбором». Исключение составляют только Ляпуновы, Ржевские и Коробьины (одна из ветвей): выходцы из этих семейств эпизодически начинали службу в «городовой» иерархии. Представители остальных кланов сразу зачислялись в столичные чины. Важным этапом на пути в придворную элиту стали жилецкий список и, в особенности, двор патриарха Филарета. Исследователями показано, что патриаршие стольники по своему генеалогическому составу стояли скорее ближе скорее к жильцам, чем к другим «московским» чинам. Туда нередко верстались молодые люди, которые «до

[1] *Лукичев М.П., Рогожин Н.М.* Боярская книга 1627 г. и ее место в делопроизводстве Разрядного приказа // Боярская книга 1627 г. С. 13.

[2] С.И. и В.В. Биркины, кн. И.С. Гагарин, кн. И.И. Дашков, В.Арт., А.Арт. и С.Арт., П.Н., И.Т. и М.Т. Измайловы, П.В. Коробьин, Г.Г. Ржевский, кн. М.И. Щетинин.

стольничества ни в каком чину не были»[1]. Из рязанских родов в этом чине оказывались младшие представители наиболее многочисленных семейств или выходцы из ветвей, которые позже других выдвинулись в столицу. Только один патриарший стольник из рассмотренных родов впоследствии вернулся в «выбор» (Л.П. Ляпунов). Для остальных патриарший двор становился ступенью к традиционным чинам «государева двора»: за изученный период в трёх случаях известны пожалования в стряпчие (И.П. и И.Г. Вердеревские, И.П. Сунбулов), в чётырёх – в стольники (В.В. Биркин, кн. И.С. Гагарин, Г.Г. Ржевский, кн. М.И. Щетинин). Как известно, после смерти Филарета подавляющее большинство оставшихся патриарших стольников продвинулись в «московские» чины[2].

Благодаря такому иерархическому распределению чинов внутри каждого клана рязанцы оказались широко представлены как на общегосударственных, так и на придворных службах. Однако за изученный период ни один из рязанских родов не достиг положения, сопоставимого с позицией Измайловых при Василии Шуйском. Рязанцы вошли в «среднюю» прослойку правящей элиты, члены которой несли интенсивные службы различного характера, но не попадали в ближний круг государя и не продвигались выше дворян московских. В перспективе такое продвижение было возможным только благодаря установлению социальных связей в дворцовой среде и выдающимся служебным успехам (примером может служить дипломатическая карьера В.Г. Коробьина).

Закрепление в столице означало для рязанских родов изменение режима и характера службы. В правление Михаила Фёдоровича дворяне московские по-прежнему составляли главный кадровый ресурс для общегосударственных военно-административных постов, а стольники, стряпчие и жильцы выполняли в основном придворные обязанности[3]. Значительная часть «московских» чинов по

[1] *Люткина Е.Ю.* Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова: 1619–1633 // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв. М., 1988. С. 97–114; *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 327.

[2] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 328.

[3] Там же. С. 337.

несколько лет пребывала на воеводствах и в различных «посылках»[1]. Остальные расписывались на две половины («жилую» и «отпускную»), которые попеременно несли службу при государе: в периоды с 1 сентября по 1 января и с 1 января по 1 мая. С 1 мая по 1 сентября, как предполагают исследователи, эти служилые люди должны были находиться в Москве в полном составе[2]. Такой порядок службы предполагал, что бóльшую часть времени рязанцы должны были проводить вдали от своего региона (**3.4.3**). Уровень их должностей повысился (так, все дворяне московские могли претендовать на должность первого воеводы), но прежние южные назначения отошли на второй план. Если на протяжении всего досмутного периода представители рязанской элиты систематически назначались в города своего уезда, то теперь такие случаи являлись исключительно редкими.

3.3.5. Рязанский «выбор» в 1607–1627 гг.

Наиболее ранний источник после БС 1606/07, отражающий полный состав рязанского выборного дворянства – БК 1627. Динамика «выбора» в период между составлением этих двух документов может быть прослежена лишь фрагментарно[3]. Отдельные имена зафиксированы в Утверждённой грамоте 1613 г., БС 1626, а также четырёх списках 1610-х – начала 1620-х гг. Нами используется, кроме того, десятня новиков 1627/28 г., где среди окладчиков присутствуют выборные

[1] См., напр., раздел «да по службам» в списке 1624 г.: БС 1624. С. 89–94.

[2] *Горбатов Е.Н.* «Подлинные» боярские списки 1626–1633 г. С. 5. Ср.: *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 30.

[3] Если для некоторых «городов» дошли копии «сыскных» списков первых лет царствования Михаила Федоровича, то в рязанском случае эти памятники утрачены. В делопроизводстве четвертей упоминаются: «резанский список, каков … прислан с денежными оклады 121 году по сыску дворян и детей боярских»; «резанский сыскной список, каков прислан из Зараского города … во 122 году за приписью дияка Василья Бормосова»; «список прислан с Резани за приписью дьяка Олексея Бохина 122 году» (РИБ. Т. 15. С. 20, 54, 81). О «сысках» в первые годы царствования Михаила Федоровича: *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. С. 112–115; *Он же.* Десятни, «сыскные» и «подлинные» списки городовых служилых корпораций Верхнего Поволжья первой половины XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 65–69, 77. Публикации десятен и списков из «Книги сыскной»: *Гневашев Д.Е.* «Сыскные» списки вологодских дворян и детей боярских: 1606–1613 гг. // Исторический архив. 2007. № 5. С. 184–196; *Павлов А.П.* Сыскной список тверских дворян и детей боярских 1613 года // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 203–222.

дворяне[1]. В частично сохранившейся рязанской разборной десятне 1621/22 г. перечень данной чиновной группы утрачен[2]. Информацию для реконструкции чиновных траекторий некоторых служилых людей дают также сказки, сохранившиеся в архиве Разрядного приказа.

Какие изменения претерпели ***численность и структура рязанского «выбора»*** к 1627 г.? Во-первых, количество выборных дворян составило 37 человек, т.е. по сравнению с БС 1606/07 увеличилось на треть и вернулось на досмутный уровень (ср.: БС 1588/89 – 37, БС 1602/03 – 36 чел.). Во-вторых, оклады снова обрели вид «лестницы», однако их верхний показатель существенно повысился. До 1606/07 г. оклад в 600 ч. достигался лишь в результате длительной службы, а пожалование 700 ч. допускалось лишь в исключительных случаях. В 1627 г. половина выборных дворян имела оклады в диапазоне 700–900 ч., причём сразу четверо – наибольший оклад 900 ч. (таблица 3.8).

[1] *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова; БС 1626; *Зерцалов А.Н.* О верстании новиков всех городов 7136 года; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18: 1) № 82. Л. 10–13, 25, 37; 2) № 48. Л. 14–16; 3) № 82. Л. 16–20, 35; 4) Оп. 18. № 82. Л. 24, 26; 5) № 133. Л. 12–15.

[2] В десятне 1621/22 г. представлены перечни окладчиков и детей боярских Пехлецкого, Перевитского, Кобыльского и Заосеринского станов, список бардаковских татар, а также окончание списка по Каменскому стану (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6). Н.П. Долинин опубликовал примечательный список рязанских казаков, испомещенных поместьями «в вотчину» с выдачей четвертного жалованья. После него следовует перечень детей боярских, которые были верстаны на Москве в 1619–21 гг., а в ходе последовавшего затем «разбора» их оклады подверглись сокращению. Сохранилось только четыре имени таких новиков, окончание документа утрачено. Перед списком детей боярских указано, что «таков чернее[...] список взят у боярина князя Юрия Яншеева Сулешева *после Московского пожару*» (*Долинин Н.П.* Разрядный список 1618–1619 гг. поместных казаков Рязани // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 397–407). Можно предполагать, следовательно, что сохранившаяся в архиве Разрядного приказа рязанская разборная десятня 1621/22 г. была восстановлена по черновику, хранившемуся у проводившего разбор кн. Ю.Я. Сулешева (об этой практике см.: *Козляков В.Н.* Десятни, «сыскные» и «подлинные» списки городовых служилых корпораций Верхнего Поволжья первой половины XVII века. С. 69).

Таблица 3.8 – Рязанский «выбор» в БС 1606/07 и БК 1627

	1606/07	1626
900	-	4
850	-	4
800	-	3
750	-	1
700	1	6
650	-	3
600	9	3
550	13	5[1]
500	1	2
450	-	-
400	-	1
350	-	3
300	-	2
250	-	-
всего	**24**	**37**

Челобитная В.П. Ляпунова, который в 1608/09 г. числился в «выборе», даёт важные сведения о динамике окладов в период Смуты[2]. Впервые он был вёрстан в 1596/97 г. окладом 300 ч., затем 250 ч. (наибольшее единовременное повышение оклада) прибавили при Лжедмитрии I в 1605 г. Далее 100 ч. были даны Василии Шуйским за «царя Борисову службу» – осаду Кром в составе войска Ф.И. Шереметева и ранение. Такое пожалование весьма примечательно: хотя Ляпуновы были инициаторами перехода царских сил на сторону Самозванца, они получили пожалование за лояльность Годуновым. Ещё 100 ч. было прибавлено за бои под Москвой с И.И. Болотниковым и сеунч по случаю взятия Рязани войсками отца, вернувшимися из-под столицы. К этому моменту оклад В.П. Ляпунова достиг уже 750 ч. Впоследствии он получил ещё 150 ч. за сражения на подходе к Туле (Восма, Воронья), осаду города «и за московское осадное сидение за службу и за головную рану». Таким образом, к концу правления Василия Шуйского оклад В.П. Ляпунова составил грандиозные 900 ч.[3].

[1] В том числе Л.П. Ляпунов «с 554-х чети с осминою».
[2] НД. С. 302–303 (№ 158).
[3] Известны и оклады других представителей рода в 1610 г.: у З.П. Ляпунова – 900 ч., у его сына – 700 ч. (АИ. Т. 2. С. 347 [№ 286]).

Ляпуновы пользовались особым царским благоволением, и данный случай показывает наиболее широкий набор прибавок, которые мог получить рязанский выборный дворянин за годы Смуты. В дальнейшем рязанцев жаловали (помимо наград по специальным поводам и за службу родственников) за участие в Ополчении[1]; «рязанскую» службу «122 года»[2]; «смоленскую» и «михайловскую» службы «122 и 123 годов»[3]; «рязанскую»[4] и «воронежскую»[5] службу «124 года»; «дорогобужскую» службу «125 года»[6]; «рязанскую»[7], «михайловскую»[8], «можайскую»[9] и «переславскую»[10] службы «126 года»; «зарайскую»[11], «михайловскую»[12], «коломенскую»[13] и «рязанскую»[14] службы «127 года». Такие прибавки, однако, были ограниченными по размерам и не охватывали весь «город».

Трансформация структуры окладов «выбора» – неизбежный результат политики Лжедмитрия I и Василия Шуйского, которые производили массовые пожалования городовых дворян и детей боярских. Напомним, что при самозваческом верстании была установлена верхняя планка повышения – 600 ч. Однако при Василии Шуйском и без того ограниченный земельный фонд частично перешёл под контроль повстанцев, и оклады, не привязанные к реальному поместному землевладению, стали единственным способом поощрения «городов». Практика прибавок не просто не была прекращена, но расширилась и

[1] РИБ. Т. 15. С. 154; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 322.
[2] РИБ. Т. 28. Стб. 739.
[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 13. Л. 84–85; РИБ. Т. 15. С. 20; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 118; НД. С. 302–303 (№ 158).
[4] *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 152; РИБ. Т. 28. Стб. 734.
[5] РИБ. Т. 15. С. 106; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 65, 125, 165.
[6] РИБ. Т. 28. Стб. 703, 733.
[7] РИБ. Т. 15. С. 156; РИБ. Т. 28. Стб. 728.
[8] РИБ. Т. 15. С. 31, 184; Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 150, 159.
[9] РИБ. Т. 15. С. 50; Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 146, 154, 162.
[10] РИБ. Т. 28. Стб. 733.
[11] РИБ. Т. 28. Стб. 708; Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 162.
[12] РИБ. Т. 15. С. 184.
[13] РИБ. Т. 15. С. 193.
[14] РИБ. Т. 15. С. 62, 90, 184; РИБ. Т. 28. Стб. 717; Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 150.

превратилась в главный инструмент «в борьбе за привлечение служилых людей на свою сторону»[1]. Оклады приобрели характер символических величин, которые большинство пожалованных никогда не смогли бы наполнить реальными земельными дачами. Правительство Михаила Фёдоровича, признав оклады «царя Василия», смогло поставить предел росту окладов только на уровне 1000 ч. Возвращение к досмутным нормам было невозможным: как и в случае с чинами, служилые люди ориентировались на свою «братью» и стремились к новым прибавкам[2].

Собранные данные о рязанских выборных дворянах в 1606/07–27 гг. показывают беспрецедентное по масштабам обновление родового ***состава*** этой чиновной группы. Из **27** фамилий, представители которых появлялись в рязанском «выборе» в этот период, только **12** можно найти в «боярских списках» 1577–1606/07 гг. (причём в двух случаях новые выборные происходили только из младших ветвей, которые ранее не фигурировали в этом чине)[3]. Остальные **15** родов впервые оказались в высшей страте рязанского «города». Такое обновление являлось закономерным следствием того, что семейства прежних рязанских выборных закрепились в столице[4]. В выборном чине их постепенно заместили новые кланы.

Рассмотрим более подробно состав рязанского «выбора» за 1606/07–1627 гг. Представленные в нём служилые фамилии могут быть с некоторой долей условности разделены на несколько групп:

1) Близкие родственники выборных дворян 1577–1606/07 гг. (Биркины, Вердеревские, Кикины, Кобяковы, Коробьины[5], Ляпуновы[1], Ржевские, Чевкины[2], Язвецовы);

---

[1] *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту. С. 231–233.

[2] В этом отношении примечательно свидетельство сокращения по разбору 1621/22 г. окладов рязанских новиков, верстанных в предшествовавшие годы (*Долинин Н.П.* Разрядный список 1618–1619 гг. поместных казаков Рязани. С. 406–407).

[3] Кн. Волконские, Таптыков.

[4] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 344–345.

[5] Б.Г. Коробьин.

2) Дальние родственники выборных дворян 1577–1606/07 гг., представители других ветвей (кн. Волконские[3], Коробьины[4], Ляпуновы[5], Сумниковы-Измайловы, Таптыковы, Чевкины[6], кн. Щетинины[7]);
3) Выходцы из рязанских родов, представленных в ДТ, но не в «выборе» 1577–1606/07 гг. (Войниковы, Казначеевы);
4) Старые рязанские вотчинные фамилии, не числившиеся ни в ДТ, ни в «выборе» 1577–1606/07 гг. (Хирины, Масловы);
5) Лица нерязанского происхождения – помещики и переселенцы (прежде всего, опричные), не попадавшие в «выбор» 1577–1606/07 гг. (Беклемишевы, Гагины, Есиповы, Житовы, Колтовские, Лихаревы, Можаровы[8], Рахманиновы, Секирины, Трескины[9]).

Таким образом, в 1606/07–1627 гг. «выбор» пополнялся рязанскими землевладельцами различного происхождения. Значительная часть фамилий новых выборных, как можно предполагать, в предшествующий период составляла верхушку дворовых детей боярских. Эти семейства получили широкие возможности карьерного возвышения начиная со второй половины правления Василия Шуйского, когда рязанский «выбор» окончательно утратил былой замкнутый и консервативный характер. Обращает на себя внимание включение в данную чиновную группу сразу десяти кланов нетитулованных переселенцев, в то время как из старых местных вотчинных родов в «выбор» попали лишь единицы. Рязанские фамилии из ДТ, следовательно, считались менее родовитыми, чем пришлые помещики.

Используя предложенную классификацию, мы последовательно обратимся теперь к семейно-родовому (и персональному) составу каждой из перечисленных

[1] В.П. и Л.П. Ляпуновы, Ф.Г. и И.З. Ляпуновы.
[2] В.П. и П.С. Чевкины.
[3] Кн. Г.А. Волконский.
[4] Ф.Ф. Коробьин.
[5] У.С. Ляпунов.
[6] П.С. и И.С. Чевкины.
[7] Кн. И.И. и В.И. Щетинины.
[8] Отнесен к категории лиц нерязанского происхождения предположительно.
[9] Отнесен к категории лиц нерязанского происхождения предположительно.

групп. Предметом нашего внимания являются происхождение выборных дворян, их чиновные траектории, служебные назначения (прежде всего – «разрядные»), местнический статус, а также пожалования за «осадное сидение» в период 1606/07–1627 гг. В обобщённом виде эти сведения представлены в приложении 7.

К ***первой*** категории относятся близкие родственники выборных дворян 1577–1606/07 гг. Для многих из них пребывание в «выборе» было промежуточной ступенью перед переходом на службу по «московскому» списку. Так, И.В. Биркин, Ю.В. Вердеревский и И.И. Ржевский в конце 1610-х – начале 1620-х гг. вслед за однородцами попали в столицу, и их дети начинали службу уже в «московских» чинах. Траектории таких лиц рассмотрены в предыдущем разделе. Некоторые кланы сохраняли прочную связь со службой по Рязани, но одновременно переходили в Москву. Так, в «выборе» 1627 г. можно найти Льва Прокофьевича (вернулся в этот чин после службы в стольниках Филарета), Фёдора Григорьевича (пожалован из дворовых детей боярских) и Ивана Захарьевича Ляпуновых.

Пример постепенного перехода в «московские» чины при сохранении связи с «выбором» – случай **Язвецовых**. Иван Иванович (Большой) по прозвищу Жук, пожалованный в «выбор» в начале Смуты, оставался в прежнем чине с максимальным окладом 900 ч.[1]. Известно, что в марте 1613 г. он был отправлен (вместе с сыном рязанского воеводы М.А. Вельяминова) в столицу с новостью о переходе Пронска на сторону правительственных сил[2]. После взятия Воронежа И.И. (Жук) Язвецов был назначен туда вторым воеводой[3]. В 1614 г. его направили в Елец, но он отказался подчиниться кн. Ф.И. Волконскому и был отозван в Москву. В 1623 г. И.И. (Жук) Язвецов упоминается в Ливнах[4]. Его младший брат Прокофий при Василии Шуйском служил «с городом», участвовал в «осадном

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 10.
[2] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 5.
[3] РЗ. С. 108. Об этом назначении: *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы – землевладельцы Воронежского уезда 1615 г. // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Воронеж, 2015. С. 11.
[4] КР. Стб. 925, 1129, 1030.

сидении» и в 1615 г. был зачислен в жильцы с окладом 450 ч.[1]. В октябре 1621 г. из рязанских детей боярских (с окладом 300 ч.) в патриаршие стольники был пожалован Иван Иванович (Жуков)[2]. Согласно царскому указу 1627 г. он должен был вернуться к службе «с городом», но по особому распоряжению патриарха («а иным то не в образец») сохранил свой статус[3]. В дальнейшем И.И. (Жуков) Язвецов стал патриаршим чашником[4]. Таким образом, Язвецовы в первой четверти XVII в. не только впервые попали в «выбор», но и начали служить в «московских» чинах.

Наконец, некоторые семейства из первой категории не продвигались в «московские» чины. Так, выходцы из младших ветвей **Вердеревских** продолжали числиться только в «городовой» иерархии. Михаил Васильевич[5] (сын выборного дворянина, внук Кудаша Вердеревского) в 1627 г. упоминается в «выборе» с окладом 350 ч.[6]. Как показано ранее, до Смуты в рязанском «выборе» служил кн. В.Г. **Щетинин**, а его потомки закрепились в «московских» чинах. В период между 1606/07 и 1609 г. в «выбор» впервые был пожалован также его племянник – кн. Иван Иванович, погибший вскоре в боях под Михайловым[7]. В 1622 г. его старший сын кн. Василий также упоминается в «выборе»[8], а младший кн. Пётр служил по дворовому списку с окладом 350 ч.[9].

Значительно расширили своё представительство в высшем городовом чине **Чевкины** (рисунок 3.9), не попадавшие в «московские» списки. В БК 1627 оказались не только дети прежних выборных – Василий Петрович (850 ч.)[10] и

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 900. Столпик 2. Л. 30; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 207–208.
[2] Ранее – в городовых детях боярских Окологородного стана (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 36).
[3] БК 1627. С. 42.
[4] ДР. Т. 2. Стб. 16.
[5] Не упоминается в родословцах; родство устанавливается по логике наследования землевладения.
[6] В 1623 г. – новик (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 24).
[7] Его отец в БС не фигурирует.
[8] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 16, 24.
[9] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 120.
[10] См. также: *Зерцалов А.Н.* О верстании новиков всех городов 7136 года. С. 19.

Петр Степанович (700 ч.), но и двое сыновей Самсона Чевкина[1]. Напомним, что в конце XVI – начале XVII в. выходцы из этой фамилии, хотя и включались в «выбор», не назначались на престижные «разрядные» должности. Теперь ситуация изменилась.

Рисунок 3.9 – Родословное древо Чевкиных (фрагмент, предположительная реконструкция)[2]

Выборный дворянин В.П. Чевкин упоминается в этом чине в составе полка кн. Д.Т. Трубецкого 2 ноября 1611 г. – согласно помете, он был «без съезду в Пу[шкар?]ском приказе»[3]. Уже 8 ноября, впрочем, он находился на должности зарайского воеводы[4]. В.П. Чевкин подписал Утверждённую грамоту «в товарыщев своих выборных дворян места»[5]. В 1615 г. рязанец был послан в Смоленск для участия в военной кампании[6]. Дальнейшая история его службы ярко показывает систему ротации воевод на южном пограничье, сложившуюся после Смутного времени. В 1619–20, 1624 и 1626–27 гг. В.П. Чевкин – второй воевода Переяславля-Рязанского, в 1620–21 гг. – воевода Пронска, в 1622 г. – воевода Михайлова[7]. Службы в «рязанском разряде» сопровождались

[1] Его место на генеалогическом древе рода неясно. По нашей классификации Самсон Чевкин и его сыновья относится ко второй категории (дальние родственники выборных досмутной эпохи), но рассматриваются здесь в целях удобства изложения.

[2] Реконструкция предположительна, основана на данных делопроизводственных источников. Новые данные могут изменить представление о генеалогии рода, отраженное в схеме.

[3] АМГ. Т. 1. С. 80 (№ 45).

[4] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 56 (№ 44), 63 (№ 50).

[5] *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 89.

[6] ДР. Т. 1. Стб. 548.

[7] КР. Стб. 621, 622, 623, 652, 680, 681, 697, 704, 710, 711, 712, 734, 835, 852, 862, 869, 880, 984, 985,, 990, 1017, 1018, 1019, 1020, 1021, 1022, 1046, 1049, 1050, 1172, 1179, 1206, 1207, 1209,

постоянными местническими столкновениями. В 1619 г. Василий и Петр Чевкины били челом на С.И. Ислентьева[1], а в 1622 г. с Василием неуспешно местничал Д.П. Беклемишев[2]. В 1624 г. В.П. Чевкин «не ездил в съезжую избу» к воеводе Ф.М. Бутурлину[3], в 1626 г. – местничал с Г.В. Житовым[4], в 1627 г. – с каширянином Ф.Е. Лихаревым. В ходе последнего из этих столкновений В.П. Чевкин заявлял о своих однородцах, что «*по отечеству люди они родословные*, по государеву указу родители их бывали в розряде бояром и воеводам *в товарищах, и одни бывали*»[5].

Не менее активен на «разрядной» службе был П.С. Чевкин – единственный представитель рода, получивший землю в вотчину «за осадное сидение»[6]. В период воеводства П.П. Ляпунова он руководил сотней детей боярских и действовал против повстанцев[7], в 1613 г. был послан М.А. Вельяминовым под Ряжск, где нанёс поражение отрядам И.М. Заруцкого[8]. В 1616 г. числился дворовым сыном боярского Окологородного стана, не позднее 1622 г. был пожалован в «выбор»[9]. Дальнейшие «разрядные» назначения П.С. Чевкин также получал в рязанских городах: в 1619 г. – второй воевода в Михайлове, в 1620 г. – первый в Пронске, в 1622–23 и 1624 гг. – второй в Переяславле-Рязанском (в 1623 г. «взят к Москве»)[10].

В 1622 г. на П.С. Чевкина неудачно били челом Д.И. Рахманинов и И.И. Можаров, посланные от него сотенными головами[11]. Данный случай примечателен использованной П.С. Чевкиным местнической аргументацией. В

1269, 1271, 1274, 1275, 1278; БС 1626–1633. С. 74; АСПбИИ РАН. Ф. 110. № 66/1. Л. 1; Книга «украинных воевод». С. 273, 274.

[1] ДР. Т. 1. Стб. 407–408.
[2] ДР. Т. 1. Стб. 502–503.
[3] ДР. Т. 1. Стб. 596–598.
[4] ДР. Т. 1. Стб. 792–795, 806–807.
[5] ДР. Т. 1. Стб. 894.
[6] ОС. С. 497; ЗВК. С. 784.
[7] ДР. Т. 1. Стб. 985–986.
[8] НД. С. 340 (№ 200).
[9] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 14; № 82. Л. 16.
[10] КР. Стб. 621, 622, 638, 653, 680, 681, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 704, 705, 707, 733, 860, 880, 885, 912, 913, 914.
[11] ДР. Т. 1. Стб. 504–505.

челобитной против Д.И. Рахманинова он доказывал своё старшинство, во-первых, через возвысившихся Коробьиных: в 1598 г. дядя П.С. Чевкина был засечным головой старше Г.В. Коробьина; в 1616 г. под Смоленском старший брат Д.И. Рахманинова был головой сотни, отправленной от воеводы и дворянина московского С.Г. Коробьина. Во-вторых, отец И.И. Можарова был дворцовым приказчиком, а сам он в 1598 г. писался ниже дяди П.С. Чевкина на должности стрелецкого сотника. Таким образом, П.С. Чевкин апеллировал к досмутным назначениям, которые имели локальный характер и касались должностей, ничтожных по своему местническому статусу.

Можно предполагать, что рязанским выборным являлся также Самсон Чевкин. В октябре 1607 г. он был послан ряжским воеводой З.П. Ляпуновым в Переяславль-Рязанский, после чего действовал против повстанцев под Михайловым[1], в 1610 г. упоминается в качестве второго воеводы правительственных сил в Шацке[2]. В «выбор» 1627 г. попали его сыновья – Иван (600 ч.)[3] и Юрий (350 ч.) Самсоновичи. На «разрядных» службах в рассматриваемый период они не упоминаются.

Рисунок 3.10 – Родословное древо Кикиных (фрагмент)[4]

В «выборе» 1627 г. числятся Иван (850 ч.) и Пётр (800 ч.) Фёдоровичи **Кикины** (рисунок 3.10)[1]. Напомним, что Кикины являлись переселенцами из

[1] НД. С. 177 (№ 58), 314 (№ 172).
[2] РЗ. С. 215, 256; АСЗ. Т. 2. С. 430 (№ 504).
[3] Сохранился документ об осмотре в Разрядном приказе после ранения в ходе татарского набега летом 1617 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 7. Л. 48). Вероятно, за эту службу получил прибавку к денежному окладу (РИБ. Т. 28. Стб. 734). Впервые упоминается в «выборе» в 1622 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 16).
[4] Основано на родословной росписи: Родословная роспись рода Кикиных. С. 4–5 (№ 2).

Вязьмы[2]. Согласно родословной росписи, Иван Андреевич зачислялся в рязанский «выбор», но его сыновья в этот чин не попадали (**2.1.6**). Старший из братьев поколения Смуты Иван (Большой) Фёдорович погиб во время обороны Москвы от Лжедмитрия II, а Иван Семёнович был «убит на Коломне, с Пятницкой башни, в приступ, как была на Коломне воровка Маринка»[3]. Иван (Меньшой) и Пётр получили за «осадное сидение» вотчинные пожалования от властей Ополчения (соответственно 24 ноября 1611 и 26 июля 1612 г.)[4]. 16 ноября 1612 г. И.Ф. Кикин возглавлял отряд, сопровождавший «казну» и Троице-Сергиева монастыря[5]. П.Ф. Кикин был в 1613/14 г. взят в плен татарами недалеко от Зарайска и «продан на каторгу», откуда «спустя многое время» (не позднее 1623 г.) его выкупили в Азове[6]. И.Ф. Кикин в 1621/22 г. числился в дворовом списке по Перевитскому стану с окладом 750 ч.[7]. Вероятно, уже в следующем году он был пожалован в «выбор» и в 1622–24 гг. состоял вторым воеводой в Михайлове и Касимове[8].

В июне 1614 г. И.Ф. Кикин был послан под Смоленск с отрядом, но весьма самонадеянно затеял местнический спор против Ф.Ф. Михалкова[9]. Согласно боярскому решению, «Ивану Кикину менши Федора Михалкова быти пригоже, потому что Михалковы и … бывали ближние люди, да и в городех бывали в воеводах; *а Кикины люди обычные, служат с городом*». За «ослушанье» и

---

[1] БС 1626–1633. С. 169; БК 1627. С. 134.

[2] В годы Смуты упоминаются также в Смоленске; называть их «рязанским родом» некорректно (ср.: *Молочников А.М.* Как русские дворяне признали «государем» польского королевича Владислава (Новые данные из польского архива о событиях Смутного времени) // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. 11. С. 25–26).

[3] Родословная роспись рода Кикиных. С. 4 (№ 2). Его отец Семен Кикин в 1607/08 г. был станичным ездоком (ДР. Т. 1. Стб. 194).

[4] АСЗ. Т. 4. С. 140–141 (№ 184, 185).

[5] АСЗ. Т. 4. С. 141–142 (№ 186).

[6] Родословная роспись рода Кикиных. С. 5 (№ 2). Сохранилась грамота каширскому воеводе по поводу организации «окупа»: Там же. С. 37 (№ 11). Первое упоминание в списках: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 24.

[7] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6. Л. 189.

[8] *Беляков А.В.* О находке клада в г. Касимове в 1623 г. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2003. Т. 3. С. 59–63; КР. Стб. 835, 849, 862, 869, 880, 886, 891–893, 909, 913, 920, 981, 982, 1028; ДР. Т. 1. Стб. 894; Родословная роспись рода Кикиных. С. 4 (№ 2), 22 (№ 5).

[9] ДР. Т. 1. Стб. 134–136; РК 1638. С. 312–313; *Шереметев С.Д.* Из архива Михалковых // Старина и новизна. Кн. 17. 1914. С. 2–3; *Морозов Б.Н.* История рода Михалковых. XV–XVII века. М., 2020. С. 147.

«бесчестье» Михалковых рязанца посадили в тюрьму. И.Ф. Кикин написал письмо постельничему К.И. Михалкову, объясняя, что «бил он челом для тово, что он *человек бедной*, поднятца было ему в тое посылку нечем; и он чаял, что ево от тое посылки отставит». История разрешилась тем, что И.Ф. Кикин был выдан Ф.Ф. Михалкову «головой». Неудачной была и попытка местничества с Д.П. Беклемишевым в 1622 г.[1].

Кобяковы, в отличие от других старых рязанских «боярских» кланов, не выдвинулись в «московские» чины. В первой четверти XVII в. новые представители рода начинали службу в дворовых детях боярских[2]. В «выбор» 1627 г. входил только Лукьян Иванович (650 ч.), сын И.Ф. Кобякова[3]. Известно, что в августе 1611 г. он был посыльным от рязанских воевод к руководителям ополчения[4]. После Смуты Л.И. Кобяков числился по дворовому списку с окладом 500 ч. и попал в «выбор» к началу 1620-х гг.[5]. В 1624 г. он руководил Пронском «для осадного времени», после чего служил «с городом»[6]. В жилецком списке 1624/25 г. упоминается его племянник Афанасий Григорьевич[7].

Перейдём ко ***второй*** категории служилых людей – дальним родственникам выборных дворян досмутного периода. В «государев двор» впервые вошли представители старшей ветви **Коробьиных**, внуки Василия Ивановича (Большого), который по каким-то причинам не был включён в ДТ. Фёдор Фёдорович (Большой) Коробьин в 1604–05 гг. назначался осадным головой Переяславля-Рязанского, а также засечным головой[8]. После Смуты он служил в дворовых детях боярских, был окладчиком Перевитского стана[9]. Между 1621 и 1626 гг. попал в «выбор», а в 1627 г. – в дворяне московские. Яков Фёдорович,

---

[1] ДР. Т. 1. Стб. 502.
[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 16; № 82. Л. 24, 26, 37.
[3] Умер на службе в Цареве-Борисове в 1600 г. На тот момент старший сын Григорий уже был зачислен на службу (очевидно, по дворовому списку, поскольку в «выборе» не упоминается), а Лукьяну было 9 лет (АСЗ. Т. 2. С. 185–186 [№ 201]).
[4] Акты времени Междуцарствия. С. 44.
[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 24, 37.
[6] КР. Стб. 1025, 1026, 1028, 1051, 1099, 1101,1113, 1223.
[7] *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 109.
[8] РК 1638. С. 130, 165; АСЗ. Т. 4. С. 67 (№ 88); Роспись 1604. С. 413.
[9] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6. Л. 171; № 48. Л. 15.

пожалованный за «осадные сидения» Василия Шуйского и «королевичев приход», в 1618 г. упоминается среди стряпчих, а затем стал дворянином московским[1]. Дмитрий Фёдорович в 1615–24/25 гг. фигурирует в чине жильца[2], в 1618 г. он был прислан с сеунчом от старшего брата из Зарайска[3]. Василий, согласно родословцу, был «взят в полон в Рим» (так в источнике), а Фёдор (Меньшой) Фёдорович погиб в Москве «в осадное время»[4]. «Разрядные» службы братьев за исследуемый период неизвестны.

В «выборе» впервые оказался и представитель второй ветви **Ляпуновых** – Иевлевичей (**2.1.6**). Семён Иевлевич Ляпунов в 1603 г. упоминается в Печерниках, а в 1608/09 г. – на должности стрелецкого головы Переяславля-Рязанского[5]. Младший из пяти его сыновей Ульян был зачислен на службу после Смуты[6] – в дворовый список по Окологородному стану с окладом 600 ч., и не позднее 1622 г. оказался в «выборе»[7]. К 1627 г. его оклад составлял 700 ч.[8]. Вотчинное пожалование он получил в 1617/18 г. с уникальной формулировкой «за московское и за *переяславское* осадное сиденье»[9].

В 1625 г. У.С. Ляпунов получил первое «разрядное» назначение[10] – на должность второго воеводы Михайлова. Вместе с братом Владимиром (второй воевода в Крапивне) он бил челом на кн. И.Ф. и Ф.Ф. Волконских и

---

[1] ОС. С. 37.
[2] *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 14; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 207.
[3] Книга сеунчей. С. 89.
[4] РРР. С. 157.
[5] ПРП. Вып. 5. С. 333.
[6] «Ульян верстан при тебе государе во 122 году, а до тех мест не служивал» (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 595).
[7] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 10, 16.
[8] БК 1627. С. 134.
[9] ПКРК. Вып. 3 С. 1223.
[10] О своей служебной биографии в предшествующий период он рассказывал в одной из челобитных: «Был на государевых службах под Смоленским полтора года, да на Резани, и от татар был ранен и лежал от ран многое время. И как де он от раны обмогся, и он де был на службе в Можайску против королевича, и в подъезде де он под Вязьмою ранен, и от тое де раны лежал болен многое ж время» (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 179, фрагмент цитируется: *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 180).

И.Ю. Ловчикова, также назначенных в «рязанский разряд»[1]. Решение боярской коллегии в обоих случаях было неблагоприятным для челобитчиков: «его Ульянов отец Семен *ни в какой чести и в воеводах нигде не бывал*, служил с Резани и в Резанской десятне 89-го году отец его … написан в поместном окладе в 250 четях; а он Ульян служит с Резани ж, и *то ему … и находка, что … ныне ему велено быти в воеводах*»[2].

Рисунок 3.11 – Родословное древо Таптыковых (фрагмент)[3]

Представители старшей, пресекшейся ветви **Таптыковых** – Каркадымовы – занимали высокую позицию в иерархии рязанской рубрики ДТ. Весьма вероятно, что выборным дворянином был Булгак Каркадымов, не оставивший мужского потомства (**2.1.6**, **2.3.6**). После Смуты в «выбор» попали представители младшей ветви (не представлена в ДТ) – потомки Ивана (Травки) (рисунок 3.11). В поручной записи 1565 г. его сыновья Афанасий и Иван записаны «каширянами»[4] – вероятно, как и другие однородцы, они сменили «городовую» приписку (**2.1.2**). Однако уже в 1575 г. Афанасий упомянут среди станичных голов, служивших по Рязани[5]. В конце XVI – начале XVII в. он являлся рязанским губным старостой (последнее упоминание об этом относится к периоду воеводства П.П. Ляпунова)[6]. По данным родословной росписи, все трое сыновей Афанасия служили в

[1] КР. Стб. 1052–1055; ДР. Т. 1. Стб. 668, 670, 678, 679, 747–748; Книга «украинных воевод» 7132–7160. С. 273 (верно «Ульян»).
[2] КР. Стб. 1054.
[3] По данным родословной росписи: РРР. С. 198.
[4] *Антонов А.В.* Поручные записи 1527–1571 годов. С. 49.
[5] АМГ. Т. 1. С. 31 (№ 19).
[6] ДР. Т. 1. Стб. 985; *Синелобов А.П.* Персональный состав городовых приказчиков и губных старост Московского государства XVI–XVII вв. С. 113.

рязанском «выборе», однако прямые данные есть только о Дмитрии, который в БК 1627 имел оклад 550 ч.[1]. Известно, что Петр (Большой) посылался П.П. Ляпуновым с сотней для действий против повстанцев[2]. Упоминания о «разрядных» службах братьев отсутствуют. Добавим, что Петр и Гаврило Ивановичи погибли в бою на Восме[3].

В БК 1627 с наибольшим рязанским окладом 900 ч. входил кн. Григорий Андреевич **Волконский**[4]. Ранее представители этой части фамилии не попадали в «выбор» по Рязани, хотя их дальние родственники служили сумели продвинуться в «московские» чины. Кн. Г.А. Волконский получил вотчинное пожалование за «осадное сидение» Василия Шуйского[5]. В 1613 г. он посылался головой от М.А. Вельяминова, был осаждён повстанцами в Серебряном остроге; в 1615 г. оставался воеводой малых сил в Веневе, в 1622 г. – в Пронске[6]. В 1616 г. служил по дворовому списку Пониского стана[7]. При верстании новиков 1627/28 г. он упоминается как окладчик рязанского «выбора»[8].

Один из **Сумниковых-Измайловых** в иерархии ДТ занимал позицию сразу после своих старших однородцев Измайловых, но за вторую половину XVI в. фамилия захудала[9]. В БК 1627 с окладом 650 ч. находился Лаврентий Васильевич

---

[1] РРР. С. 198.
[2] ДР. Т. 1. Стб. 985.
[3] РРР. С. 198.
[4] Происхождение не вполне ясно. По родословной росписи считается сыном кн. А.Д. Волконского (*Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 731, 780), но согласно писцовым книгам вместе с братьями «унаследовал» поместное с. Истопники за отцом кн. А.*И.* Волконским. В 1613 г. он являлся свидетелем («сидельцем») в деле по завещанию кн. М.И. Волконской, вдовы кн. М.П. Волконского. Из «изустной памяти» ясно, что был неграмотным (*Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 31). См. также об этой ветви рода: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 368–369.
[5] ОС. С. 406.
[6] НД. С. 341 (№ 200); КР. С. 77, 835, 881; РИС. Т. 5. С. 115; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 6. Л. 182–183. О биографии см. также: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 110–111.
[7] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 15.
[8] *Зерцалов А.Н.* О верстании новиков всех городов 7136 года. С. 19.
[9] В местническом деле упоминается родство: «Тимофей Измайлов Ортемью Измайлову *дед*» (РИС. Т. 2. С. 164). Следовательно, упомянутый в ДТ Тимофей был представителем одного поколения с сыновьями Никиты Ивановича Измайлова. Тимофей известен в качестве годовщика в Пронске, головы в Михайлове и осадного головы в Ряжске (РК 1605. Т. 2. С. 23, 98, 315). Вероятно, он не оставил потомства, и род продолжился в ветви Ивана Сумникова-

Сумников-Измайлов. Он был зачислен в новиком в дворовые дети боярские в 1596 г.[1]. В период Смуты Лаврентий, как и его старший брат Арсений, являлся сторонником П.П. Ляпунова и принимал участие в боях против повстанцев[2]. Вероятно, именно рязанский воевода распорядился о назначении Лаврентия воеводой Пронска. Примечательно, что в этот период он должен был по-прежнему служить по дворовому списку[3]: такое назначения для носителя столь низкого чина весьма нетипично. Через несколько дней после смерти П.П. Ляпунова «бояре» отозвали Л.В. Сумникова-Измайлова с этой должности «на земскую службу к Москве»[4]. В 1613 г. он возглавил одну из рязанских сотен, направленных на помощь к М.А. Вельяминову[5]; в 1615 г. во время набега Лисовского был объезжим головой Переяславля-Рязанского[6]. В 1619 г. Лаврентий находился в Сапожке с отрядом из двухсот местных казаков. Значимых «разрядных» назначений он не получал[7]. По жилецкому списку служил племянник Лаврентия – Григорий Иванович Сумников-Измайлов[8].

В ***третьей*** группа рязанских выборных дворян представлены две местные фамилии, которые фигурируют в ДТ. В рязанском «выборе» 1627 г. числился Никита Макарьевич Воинов (**Войников**) – представитель старинной вотчинной фамилии, внук Петра Даниловича Войникова, записанного с братьями в нижней части рязанской рубрики ДТ[9]. Его отец Макарий Петрович Войников был убит

Измайлова, в ДТ отставленного от службы. Его сыном мог быть Василий Иванович, отец Арсения и Лаврентия (АСЗ. Т. 2. С. 160–161 [№ 167]).

[1] АСЗ. Т. 2. С. 160–161 (№ 167); *Лихачев Н.П.* Десятни новиков, поверстанных в 1596 году. С. 201.

[2] В период воеводства П.П. Ляпунова Лаврентий получил от него двор на монастырской земле (АСПбИИ РАН. Ф. 110. № 66/1. Л. 1, 3), а Арсений командовал сотнями, которые посылались от рязанского воеводы (АСЗ. Т. 4. С. 206 [№ 277]).

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 10, 16. Пожалован в «выбор» не по позднее 1622 г., но не ранее 1613 г.

[4] АСЗ. Т. 4. С. 241–242 (№ 325).

[5] ДР. Т. 1. Стб. 94; РЗ. С. 262.

[6] ДР. Т. 1. Стб. 204.

[7] ДР. Т. 1. Стб. 650.

[8] *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 111; *Он же.* Жилецкие сказки 1632 г. С. 79.

[9] Родословная роспись отсутствует. См. реконструкцию генеалогического древа на основании писцовых материалов: *Савелов Л.М.* Родословные записи Леонида Михайловича Савелова: опыт родословного словаря русского древнего дворянства. Т. 2. С. 96–97. Вотчинное землевладение: ПКРК. Вып. 1. С. 37, 239.

повстанцами при Василии Шуйском, за что Никите был назначен четвертной оклад 10 р. На протяжении 1610-х гг. он служил по дворовому списку Окологородного стана, пожалован в «выбор» не позднее 1622 г.[1]. В 1614 г. Н.М. Войников получил прибавку к денежному окладу за недавнюю воронежскую службу, в 1621 г. – за можайскую службу 1618 г.[2]. На «разрядных» должностях неизвестен.

Рисунок 3.12 – Родословное древо Казначеевых (фрагмент)[3]

Казначеевы (рисунок 3.12) возводили своё происхождение к «ближнему человеку» великих князей Олега и Федора, но эти сведения не имеют документального подтверждения[4]. К концу XVI в. за представителями рода не числилось рязанских поместий. В 1567 г. И.И. Казначеев был рязанским городовым приказчиком, что указывает на его относительно низкий статус[5]. Его сын Михаил служил, вероятно, по дворовому списку, назначался головой в сопровождение хлебных запасов из Царёва-Борисова (1602) и осадным головой Михайлова (1603–04)[6]. Его двоюродный брат Степан погиб в крымском плену[7].

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 10, 16.
[2] РИБ. Т. 15. С. 99.
[3] По данным родословной росписи: РРР. С. 177–178.
[4] РРР. С. 177–178. В БК 1556/57 г. упоминается И.Ф. Дуванов-Казначеев, крымский полоняник, который также включен в среднюю часть рязанской рубрики ДТ *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года. С. 117; ТКДТ. С. 167), насколько можно судить, принадлежал не к рассматриваемой нами фамилии, а к Дувановым. Отметим также, что Казначеевы известны в Соловском уезде (АСЗ. Т. 3. С. 385 [№ 466]) и Орле (*Лихачев Н.П.* Десятни новиков, поверстанных в 1596 году. С. 170).
[5] АСЗ. Т. 2. С. 388 (№ 458).
[6] РК 1638. С. 124, 149, 172, 173.
[7] РРР. С. 177.

В «выбор» 1627 г. с окладом 700 ч. был включён Иван Степанович Казначеев[1]. При Михаиле Фёдоровиче он был пожалован землями в вотчину за «осадное сидение» Василия Шуйского[2]. В 1616 и 1622 гг. И.С. Казначеев служил по дворовому списку Окологородного стана с окладом 600 ч., который оставался у него с 1609 г. В семейном архиве сохранились грамоты о его посылках с рязанскими сотнями в начале 1620-х гг.[3], но «разрядных» назначений И.С. Казначеев не получал.

К ***четвёртой*** группе новых выборных относятся два старых вотчинных рода Рязанского края. **Хирины** (рисунок 3.13) известны в Рязани ещё во времена самостоятельности княжества[4]. В уезде они располагали старинными наследственными владениями[5], но не попадали ни в ДТ, ни в «боярские списки». А.В. Азовцевым была обнаружена примечательная родословная роспись начала XIX в., в которой содержатся глухие свидетельства о связи одного из представителей рода с двором кн. В.А. Старицкого[6]. Некоторые Хирины служили по Ряжску[7]. История рязанского семейства в начале XVII в. хорошо известна благодаря делу о попытке незаконнорожденных детей приписаться к фамилии и захватить вотчину[8]. За годы Смуты род понёс значительные потери: Иев, Крисанф и Астафий Васильевичи погибли под Зарайском, Яков Васильевич был убит крымскими татарами. В разрядах службы представителей рода не фигурируют.

---

[1] Выявлен целый комплекс его ввозных грамот периода Смуты: АСЗ. Т. 3. С. 127–128 (№ 149–151).
[2] ОС. С. 429.
[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 14; № 82. Л. 10, 16.
[4] АСЭИ. Т. 3. С. 395 (№ 378). Хирины числятся в ДТ по Вязьме (возможно, там были испомещены представители старшей ветви рода) и, кроме того, известны в Клину и Ряжске. Связи ветвей не прослеживается.
[5] ПКРК. Вып. 1. С. 38.
[6] С обстоятельным комментарием: *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века.
[7] РИБ. Т. 15. С. 16; *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 260, 300, 332, 365, 367, 369, 409.
[8] *Антонов А.В.* Из частной жизни служилых людей рубежа XVI – XVII веков. С. 168 (№ 4); *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века. С. 76.

Рисунок 3.13 – Родословное древо Хириных (фрагмент)[1]

Андрей Васильевич Хирин при Василии Шуйском получил вотчинное пожалование за «осадное сидение», но грамота затерялась «на разгроме» от Лжедмитрия II у Коломенского (видимо, в августе 1610 г.). Подтверждающий документ был получен 7 марта 1612 г. от воевод Первого ополчения[2]. В 1613 г. А.В. Хирин обращался с челобитьем о том, что «выбро[н] с Резани для твоего царского збиранья, живучи на Москве, проелся»[3]. Подпись рязанца (вероятно, уже имевшего к тому моменту чин выборного дворянина), стоит под Утверждённой грамотой[4]. Родословная роспись сохранила свидетельство о его посылке в 1619/20 г. под Новгород[5]. Как можно предполагать, вскоре после этого он скончался.

В 1627 г. в рязанском «выборе» числились двоюродные братья Андрея: Дмитрий (800 ч.) и Ковыла (Сидор) (700 ч.) Ивановичи Хирины[6]. Известно, что Ковыла в годы Смуты оказался в «турской земле в полану» и провёл там много лет[7]. В 1618 г. он упоминается в дворовом рязанском перечне «осадного списка»[8].

---

[1] По материалам родословной росписи: *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века. С. 75.
[2] *Азовцев А.В.* Грамоты 1571–1612 годов из архива рязанского Депутатского собрания. С. 357–358 (№ 10).
[3] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 78.
[4] *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 90–91.
[5] *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века. С.77–78.
[6] БС 1626–1633. С. 74; БК 1627. С. 134; *Зерцалов А.Н.* О верстании новиков всех городов 7136 года. С. 19.
[7] *Антонов А.В.* Из частной жизни служилых людей рубежа XVI – XVII веков. С. 168 (№ 4).
[8] ОС. С. 56.

Дмитрий в 1616 г. служил по дворовому списку Окологородного стана с окладом 700 ч.[1] и был пожалован в «выбор» не позднее 1622 г.[2]. Некоторые сведения о его службе можно получить из родословной росписи. В 1615/16 г. он «был послан на заставу, чтоб без указу к Москве никого не пропущать», а затем сопровождал посольство кн. И.М. Воротынского и А.В. Измайлова в Польшу. В 1616 г. получил жалованную вотчинную грамоту за «осадное сидение»[3]. На значимых «разрядных» службах Хирины не фигурируют.

Ещё один род старых рязанских вотчинников, представители которого не попадали в ДТ и досмутный «выбор» – **Масловы**[4]. Легенда возводит их происхождение к выезжему литовцу Александру. Представители фамилии сохранили целый комплекс жалованных грамот рязанских великих князей на свои родовые владения[5]. В последней четверти XVI – начале XVII в. члены рода служили по дворовому и городовому спискам и упоминаются в качестве станичных и осадных голов; один из Масловых был окладчиком Окологородного стана[6]. В 1627 г. в «выборе» оказались Алексей Фёдорович (700 ч., оклад не менялся с 1610 г.[7]) и Иван Иванович (600 ч.) Масловы, выходцы из разных ветвей. Оба при Михаиле Фёдоровиче получили вотчинные пожалования за «осадное сидение» Василия Шуйского[8]. В 1621/22 г. они служили по дворовому списку

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 14.
[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 10, 16.
[3] *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века. С. 76, 81.
[4] *Арсеньев Ю.В.* Новые данные о роде Масловых (публикация родословной росписи и актового материала с комментариями); *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. С. 76–78 (реконструкция родового землевладения и информация об истории рода); РРР. С. 182–184. См. также: *Арсеньев В.С.* Родословие орловских дворян Масловых. М., 1907.
[5] *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. С. 88–89 (№ 14–16); ПКРК. Вып. 1. С. 182, 225–227.
[6] РК 1638. С. 149, 172; Роспись 1604. С. 413; АМГ. Т. 1. С. 31 (№ 18); *Лихачев Н.П.* Десятни новиков, поверстанных в 1596 году. С. 202; *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 368. «Масловы» фигурируют в качестве «заговорщиков» в «деле о вымученной купчей»: АСЗ. Т. 4. С. 370 (№ 497). Андрей Маслов в 1606 г. упоминается в качестве мерщика в Рязани (АСЗ. Т. 2. С. 374 [№ 440]); брат А.Ф. Маслова Василий погиб в ходе осады Тулы (АСЗ. Т. 3. С. 245 [№ 275]), а Никита входил в рязанскую делегацию ко Второму ополчению (Памятники истории Нижегородского движения… С. 250 [№ 143]).
[7] АСЗ. Т. 3. С. 245 [№ 275]. Упоминание в 1614 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 6. Л. 182–183.
[8] ОС. С. 448; *Арсеньев Ю.В.* Новые данные о роде Масловых. С. 50. См. также: *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 52.

Кобыльского стана и были окладчиками[1]. В той же должности они упоминаются и в 1627/28 гг.[2] – данный случай показывает, что выборные дворяне могли по инерции сохранять связь со становой организацией.

Как и Хирины, представители рода, попавшие в «выбор», не получали важных «разрядных» назначений, но иногда становились самостоятельными администраторами. И.И. Маслов в 1614 г. был стрелецким головой в Переяславле-Рязанском[3], в 1619–27 гг. – воеводой попеременно в Печерниках и Лебедяни[4]. А.Ф. Маслов в феврале 1613 г. присутствовал в Москве в качестве рязанского «выборного человека», но под Утверждённой грамотой подписи не оставил[5]. Согласно родословцу, в 1613/14 г. он назначался в Сапожок и Песочню[6]. В 1623 г. получил прибавку к денежному окладу за «резанскую службу 127 году»[7]. Возможно, выборным дворянином был также Афанасий Андреевич Маслов, который в 1613 г. участвовал в операциях против повстанцев Михайлова и в 1614/15 г. получил вотчину за «осадное сидение»[8]. В 1617 г. он упоминался в качестве головы «пашенных стрельцов»[9] и вскоре, вероятно, скончался. Жильцом в 1624/25 г. являлся Григорий Иванович Маслов[10].

Пятая, весьма обширная группа состоит из фамилий переселенцев, в разное время попавших на территорию Рязанского края. **Житовы** происходили из рода тверских бояр, который в досмутный период захудал: выходцы из этой фамилии не попадали в «боярские списки». Вероятно, Житовы появились в Рязанском уезде в годы период опричных переселений[11]. В 1622–26 гг. Григорий

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6. Л. 171, 353, 361.
[2] *Зерцалов А.Н.* О верстании новиков всех городов 7136 года. С. 19.
[3] РК 1638. С. 278.
[4] ДР. Т. 1. Стб. 732, 737; КР. Стб. 651, 920, 1027, 1030, 1111, 1237, 1333, 1346; *Арсеньев Ю.В.* Новые данные о роде Масловых. С. 50.
[5] *Зимин А.А.* Акты земского собора 1612–1613 гг. С. 191.
[6] *Арсеньев Ю.В.* Новые данные о роде Масловых. С. 49.
[7] РИБ. Т. 15. С. 62.
[8] НД. С. 341 (№ 200); ОС. С. 448.
[9] КР. Стб. 397.
[10] *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 118; *Он же.* Жилецкие сказки 1632 г. С. 117.
[11] Представители рода испомещены в 1568 г. из вотчин Вердеревских и кн. Дашковых (АСЗ. Т. 1. С. 140 [№ 169]; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная

Васильевич числился в рязанском «выборе» с наиболее высоким окладом 900 ч., а в 1627 г. был пожалован в дворяне московские[1]. Его сын Пётр тогда же был зачислен в стольники Филарета[2].

Г.В. Житов являлся активным участником событий Смутного времени. В сентябре 1609 г. он был головой сотни, направленной «для обереженья судового проходу», в декабре – вместе с кн. Ф. Бабичевым был послан в Москву П.П. Ляпуновым начальником небольшого рязанского отряда[3]. Оба головы получили от Василия Шуйского пожалования из рязанских дворцовых сёл[4]. В 1612 г. Г.В. Житов упоминается в качестве «советника» И.М. Заруцкого, вместе с И.И. Можаровым посланного для захвата Переяславля-Рязанского[5]. Ранее середины 1613 г. он перешёл на сторону правительственных сил[6]. В 1614, 1617–19 (затем вызван в Москву) и 1623–24 гг. (затем велено быть на службе «с городом») Г.В. Житов был воеводой в Пронске (в 1615/16 г. – дозорщиком Каменского стана; в 1618/19 г. верстал местных новиков)[7], в 1626 г. – в Михайлове[8]. В 1615 г. Г.В. Житов в составе рязанского отряда участвовал в боевых действиях под Смоленском и присылался от воевод с сеунчем[9]. В 1619/20 г. он являлся дозорщиком Владимира и Юрьева-Польского[10].

В 1623 г. Г.В. Житов бил челом на стольника И.В. Головина, назначенного воеводой Переяславля-Рязанского. В своих местнических претензиях он апеллировал к старым «разрядным» службам своих «родителей» Житовых и Борисовых, но получил отказ: «Григорей с резанцы с многими бывал с *молодыми*

политика. С. 128). См. также генеалогические данные: *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 146–149.

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 16; БС 1626–1633. С. 74, 143; БК 1627. С. 108.

[2] БС 1626–1633. С. 114.

[3] АСЗ. Т. 4. С. 206 (№ 277), 207 (№ 278).

[4] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286).

[5] НД. С. 340 (№ 200).

[6] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 184.

[7] КР. Стб. 272, 275, 397, 482, 533, 653, 886, 892–893, 913, 920, 981, 983, 1028; АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553); РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6. Л. 4.

[8] КР. Стб. 1172–1173, 1180, 1198, 1208–1212, 1266; БС 1626–1633. С. 74; Книга «украинных воевод» 7132–7160. С. 274.

[9] ДР. Т. 1. Стб. 186, 207, 548.

[10] *Устинова И.А.* Книги патриарших приказов 1625–1649 гг.: Палеографическое описание // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 16, 19.

людми … ныне он Григорей *потерял во многих статьях* и бьет челом … не делом»[1].

Опричными переселенцами были также представители разросшегося рода **Беклемишевых**[2]. В досмутный период лишь немногие выходцы из этой фамилии могли претендовать на попадание в «выбор». После 1613 г. Беклемишевы стали активно выдвигаться в состав «государева двора». Землевладением в Рязанском уезде располагала целая группа жильцов из этой фамилии, происхождение которых нуждается в специальным изучении[3]. В рязанском «выборе» 1627 г. числились Федосей (550 ч.) и Афанасий (400 ч.) Константиновичи, «разрядные» службы которых неизвестны. Ф.К. Беклемишев после Смуты служил дворовым сыном боярским Каменского стана и был пожалован в новый чин не позднее 1622 г.[4]. А.К. Беклемишев числился по Окологородному стану и стал выборным дворянином между 1623 и 1627 гг.[5].

Кроме того, с Рязанью была связана служба потомков Петра Васильевича Беклемишева. Дмитрий Петрович уже в 1616 г. упоминался в рязанском «выборе» с окладом 900 ч.[6], а к 1626 г. был зачислен в дворяне московские[7]. В декабре 1612 г. он получил от воевод Ополчения грамоту на перевод земли в вотчину[8]. В 1622 г. Д.П. Беклемишев был вторым воеводой в Переяславле-Рязанском. Здесь он принимал участие сразу в двух местнических делах: на него неуспешно бил челом И.Ф. Кикин, а сам Д.П. Беклемишев потерпел поражение в споре с В.П. Чевкиным («вы люди перед Чевкиными *молодые*»)[9]. В 1624 г. рязанец был

---

[1] ДР. Т. 1. Стб. 547–548.

[2] *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Т. 4. С. 279–285; *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 126; *Шабаев Л.Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство // Российская генеалогия. М., 2019. Вып. 5. С. 243–247.

[3] *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 48, 71, 83; *Он же.* «Земляной» жилецкий список 1628/29 г. С. 133, 142, 149.

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 14; Оп. 18. № 82. Л. 12, 16, 24.

[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 24.

[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 14. См. также: *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 196.

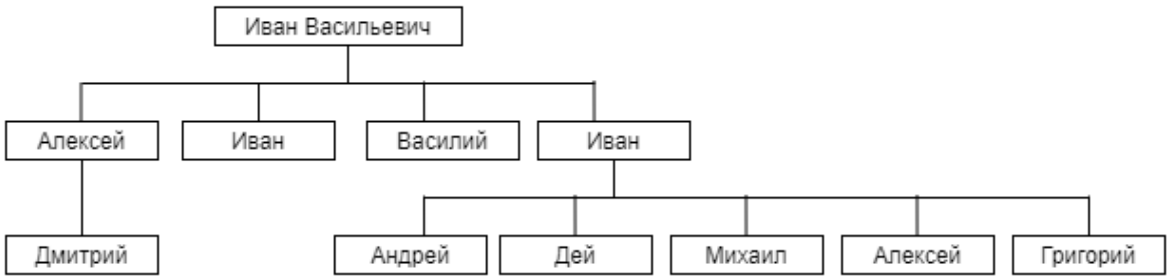
[7] БС 1626–1633. С. 57; БК 1627. С. 104.

[8] АСЗ. Т 3. С. 25 (№ 29).

[9] ДР. Т. 1. Стб. 502–503.

назначен вторым воеводой Михайлова, бил челом на дворянина московского кн. М.В. Щетинина – вновь неудачно[1]. Братья Петра – Назарий[2] и Иван[3] – служили по жилецкому списку.

Рисунок 3.14 – Родословное древо Рахманиновых (реконструкция, фрагмент)[4]

Мы уже обращались к истории появления в Рязанском уезде **Рахманиновых** (рисунок 3.14), землевладение которых впервые появилось здесь уже во второй четверти XVI в., но окончательно семья переместилась из Ржевы в годы опричнины (**2.3.3**). Однородцы Рахманиновых служили в «выборе» по Медыни и Дорогобужу[5]. Сразу трое представителей рязанской ветви – Андрей, Дей[6] и Михаил Ивановичи – получили земли в вотчину за «осадное сидение» Василия Шуйского[7]. Все они продолжали служить по дворовому списку и после Смуты[8]. Возможно, первым в «выбор» попал Андрей Иванович – согласно родословной росписи, он «служил по Резани и написан в списку *первым человеком*»[9]. К моменту составления БК 1627 он, вероятно, скончался. Достоверно

[1] ДР. Т. 1. Стб. 584, 651; КР. Стб. 835, 851, 852–853, 869, 984–985, 990, 1007, 1021–1024, 1046, 1049–1050; Книга «украинных воевод». С. 273.
[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 6. Л. 182–183; № 890. Л. 352–353; № 900. Столпик 1. Л. 5; *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 11; *Он же*. Жилецкие сказки 1632 г. С. 96.
[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 900. Столпик 2. Л. 74; *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 71; *Он же.* «Земляной» жилецкий список 1628/29 г. С. 138.
[4] На основе данных родословной росписи с устранением очевидных несообразностей: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 645–646, 648–649об.
[5] БС. С. 210, 247, 260, 286, 341, 353, 368, 375.
[6] 17 декабря 1610 г. упоминается в качестве заимодавца в Рязанском уезде (АСЗ. Т. 3. С. 292 [№ 357]).
[7] ОС. С. 474.
[8] *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 193, 196; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 14; № 82. Л. 10, 16, 24.
[9] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 649.

выборное дворянство получил Дей Иванович (с окладом 750 ч.) – между 1622, когда он был ещё дворовым по Окологородному стану[1], и 1627 гг. На «разрядных» службах представители рода не фигурировали и могли претендовать лишь на позиции сотенных голов (Андрей – в 1614 г. под Смоленском и в 1617 г. под Вязьмой[2]; Дей – в 1622 г. под Переяславлем-Рязанским, проиграл тогда местническое дело П.С. Чевкину)[3].

Секирины происходили из новгородского боярства[4]. Некоторые представители рода после «вывода» остались в Новгородской земле, другие в ДТ числились по Суздалю. Кроме того, во второй половине XVI в. Секирины служили в «выборе» по Мещовску[5]. Рязанская часть фамилии представлена в конце столетия помещиками, один из которых являлся окладчиком Окологородного стана[6].

После Смуты возвысились сыновья Ивана Секирина. В чине дворянина московского в 1616 г. впервые упомянут Осип Иванович, до Смуты бывший данковским (и, возможно, пронским) стрелецким головой[7]. Возможно, он прошёл через рязанский «выбор», но данных об этом не сохранилось. В 1627 г. среди выборных дворян с окладом 700 ч. числился его младший брат (в конце XVI в.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 16.

[2] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 649об.–650об.

[3] ДР. Т. 1. Стб. 504–505. О посылке А.И. Рахманинова в Вязьму сохранился наказ: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 649об.–650об.

[4] *Бассалыго Л.А.* Несколько сюжетов из книги В.Л. Янина «Новгородские акты XII–XV вв.» // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 36–37.

[5] ТКДТ. С. 219; БС. С. 197, 285, 378.

[6] Неустрой Андреевич: *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 368.

[7] БК 1615. С. 146, Роспись 1604. С. 417; ТКДТ. С. 218; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 35. Л. 5. В начале правления Василия Шуйского О.И. Секирин приобрел подмосковную вотчину (*Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. С. 363), впоследствии был пожалован за «осадное сидение» (ОС. С. 478). В августе 1611 г. в числе других «дворян» участвовал в шубном сборе (Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 23–24 [№ 17–18]). В 1614/15 г. О.И. Секирин дозирал Старооскольский уезд, а в 1616 г. – Белгородский (*Тимохина Е.А.* Дозорные книги городов первой трети XVII в. как источник по истории средневекового города Европейской России: дис. … канд. ист. наук. М., 2005. С. 209, 387, 427). После этого он нес службу в Симоновом монастыре и был воеводой Дедилова; в 1619–20 гг. назначался в Кокшанск. В 1624 г. О.И. Секирин упоминается на московской придворной службе (ДР. Т. 1. Стб. 232, 241, 291, 345, 617, 646; КР. Стб. 201, 722; БС 1626–1633. С. 42; БС 1624. С. 77). К 1627 г. его оклад составил 800 ч. и 70 р. из чети (БК 1627. С. 78).

был недорослем, в 1621/22 г. служил по дворовому списку)[1] Василий Иванович, на «разрядных» службах не упоминаемый. В ходе разбора 1621/22 и верстания новиков 1627/28 г. он являлся окладчиком Кобыльского стана[2].

К потомкам новгородских бояр принадлежали также **Есиповы**[3]**.** Выходцы из этого чрезвычайно разросшегося рода числятся в ДТ по разным городам (Кашира, Клин, Коломна, Ростов, Руза), отдельные лица попадали в дальнейшем в «выбор» (по Владимиру, Зубцову, Туле)[4]. К концу XVI в. у представителей рязанской части фамилии появились вотчины; местные Есиповы служили осадными головами, стрелецкими и казачьими сотниками[5].

В 1609 г. Борис и Иван Ивановичи Есиповы получили поместья в «подмосковные оклады» 50 ч. – следовательно, уже к этому времени они являлись выборными дворянами[6]. И.И. Есипов подписался под Утверждённой грамотой от Рязани «во всех выборных дворян место»[7]. В дальнейшем он был зачислен в дворяне московские (в чине впервые упомянут в 1618 г.; с 1614/15 по 1627 г. оклад составлял 850 ч.)[8]. Кроме того, в «выборе» 1627 г. оказались Пётр (900 ч.) и Сила (800 ч.) Ивановичи – впервые они упомянуты в этом чине в 1622 г.[9]. П.И. Есипов в 1624–26 гг. назначался в Зарайск и Алексин[10]. С.И. Есипов ранее

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6. Л. 355.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6. Л. 172; *Зерцалов А.Н.* О верстании новиков всех городов 7136 года. С. 19; РИБ. Т. 15. С. 62.

[3] Родословная роспись отсутствует. См.: *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 158, 314; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. 4. С. 409–410.

[4] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 245, 254, 261, 278, 289, 352, 357, 369.

[5] АСЗ. Т. 4. С. 67 (№ 87), 370 (№ 497) (упоминание в «деле о вымученной купчей» в «заговоре» Р.П. Биркина); *Татищев Ю.В.* Местнический справочник XVII в. С. 50; РК 1638. С. 84, 115; ПКРК. Т. 1. С. 361; ТКДТ. С. 218.

[6] АСЗ. Т. 2. С. 148–149 (№ 152).

[7] *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 85.

[8] БК 1627. С. 84; БС 1626–1633. С. 45. В 1624–25 гг. И.И. Есипов служил вторым воеводой в Путивле, после чего был вызван в Москву и находился на придворной службе (КР. Стб. 1030, 1126, 1233; ДР. Т. 1. Стб. 790; БС 1624. С. 92; БС 1626–1633. С. 45). В 1627 г. отпущен по челобитной в Зарайск (*Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 272).

[9] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 16.

[10] КР. Стб. 1028, 1115, 1116, 1223, 1335; БС 1626–1633. С. 75.

служил по дворовому списку Каменского стана[1], был пожалован за «осадное сидение» Василия Шуйского, в 1616 г. являлся осадным головой в Печерниках[2].

В рязанском «выборе» (с окладом 600 ч.) некоторое время находился также Осип Дмитриевич, в 1627 г. зачисленный в дворяне московские[3]. Известно, что он был пожалован за «осадное сидение» Василия Шуйского[4]. Андрей Дмитриевич числился в сыскном списке 1613/14 г., присланном из Зарайска[5] (вероятно, в «выборе»). В 1615–18 гг. он назначался осадным головой и воеводой в Пронск и Венев, в 1621–23 гг. – в Епифань[6]. Фёдор Дмитриевич в 1622–23 гг. руководил Гремячим[7]. Василий Дмитриевич упоминается в жильцах в 1618 г.[8], Иван Дмитриевич – в 1615 г.[9]. К 1628 г. все они были пожалованы в дворяне московские[10].

Таким образом, Есиповы заняли прочные позиции в рязанском «выборе» и систематически переходили в чин дворян московских, хотя и неизвестны на значимых «разрядных» службах. Кроме перечисленных лиц, в «выборе» по Рязани 1627 г. наименьший оклад (300 ч.) имели Тимофей и Андрей Борисовичи, отец которых Борис Иванович получил вотчину «за осадное сидение» Василия Шуйского и в 1618–20 гг. назначался в Епифань и Зарайск[11].

Примечательна фигура Ивана Ивановича **Гагина**, который числился в рязанском «выборе» 1627 г. с высоким окладом 850 ч. (впервые упомянут в чине в 1622 г.)[12]. Возможно, он также имел новгородское происхождение, но эта связь

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 12.
[2] КР. Стб. 186; ОС. С. 420.
[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 16; БС 1626–1633. С. 74.
[4] ОС. С. 420.
[5] Числился в рязанском сыскном списке 1613/14 г. (РИБ. Т. 15. С. 3).
[6] КР. Стб. 77, 120, 186, 398, 534, 651, 759, 869, 882, 921, 957, 1027.
[7] КР. Стб. 869, 912.
[8] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 900. Столпик 2. Л. 35; Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 158.
[9] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 900. Столпик 1. Л. 111; Столпик 2. Л. 35; *Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. Л. 33.
[10] БС 1624. С. 77, 78; БК 1627. С. 103, 111; *Горбатов Е.Н.* «Земляной» жилецкий список 1628/29 г. С. 118.
[11] БК 1627. С. 125; ОС. С. 421; КР. Стб. 532, 652, 719, 769. А.Б. Ржевский пожалован в «выбор» не позднее 1622 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 16).
[12] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 16.

оказалась забытой: по родословной росписи конца XVII в. Иван Иванович – родоначальник рязанской фамилии. В 1602 г. он вместе с другими рязанцами руководил «судовой ратью», направленной в Царёв-Борисов – видимо, будучи дворовым сыном боярским[1]. В платёжных книгах описания 1594–97 гг. такой землевладелец не фигурирует, однако уже в 1598/99 г. он получил писцовую выпись на бывшие родовые владения Лариных-Измайловых[2]. 30 ноября 1611 г. решением подмосковных «бояр» часть поместья была переведена в вотчину «за службу и за московское осадное сидение» с оклада 700 ч., но пожалование не было признано при Михаила Фёдоровиче[3].

На протяжении нескольких лет И.И. Гагин «по Прокофьеву [Ляпунова – *И.К.*] указу» возглавлял рязанскую таможенную избу[4]. В числе других сторонников воеводы он получил осадный двор в Переяславле-Рязанском[5]. Согласно челобитной рязанских чернопосадцев, вместе со своим заместителем Н.С. Обрывковым (из ряжских детей боярских)[6] И.И. Гагин систематически злоупотреблял своим служебным положением, опираясь на поддержку П.П. Ляпунова. Власти Ополчения пытались сменить его в конце 1611 г., но в действительности он удержался на должности до марта 1613 г.[7]. В 1614–15 гг. И.И. Гагин являлся воеводой Епифани, в 1615 г. – объезжим головой у

[1] РК 1638. С. 125.

[2] *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. С. 86–87.

[3] *Азовцев А.В.* Грамоты 1571–1612 годов из архива рязанского Депутатского собрания. С. 350–351 [№ 2]; Книги приправочные. С. 37; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 402. Л. 678–682 об., 909–910об.

[4] В южнорусских городах несение такой службы детьми боярскими вполне обычно (*Жиброва Т.В.* Таможенное и питейное управление на местах в XVII – начале XVIII века (на примере материалов юга России) // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. № 4 (8). 2015. С. 16; *Жиброва Т.В.* К вопросу об источниках комплектования таможенного и кабацкого административного аппарата Воронежского уезда в XVII веке // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 136–140; *Раздорский А.И.* Курские таможенные и кабацкие головы и откупщики XVII века // Курский край в истории Отечества. Курск, 2012. С. 166–172).

[5] АСПбИИ РАН. Ф. 110. № 66/1. Л. 1, 3.

[6] *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 305.

[7] Акты подмосковного ополчения и Земского собора. С. 76 (№ 63); НД. С. 199 (№ 79); *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 94; РИБ. Т. 28. С. 84–86; АСЗ. Т. 2. С. 29–30 [№ 11], С. 232–233 (№ 258).

Переяславля-Рязанского; в 1616 г. управлял Дедиловым, в 1624–25 гг. был осадным воеводой Михайлова, после чего отправлен служить «с городом»[1].

Колтовские в конце XVII в. заявляли о своей давней службе рязанским великим князьям, однако эта легенда сомнительна. Возможно, более достоверны сведения о связи рода с двором Василия Шемячича[2]. В середине XVI в. представители фамилии числилась большей частью по Коломне, некоторые переместились в Каширу, а вскоре, вероятно, стали обзаводиться и рязанскими поместьями. В послесмутном «выборе» оказались сыновья В.Д. Колтовского (его отец в ДТ записан по Коломне), в конце XVI в. служившего губным старостой и осадным головой Переяславля-Рязанского[3]. Кузьма Васильевич, пожалованный за «осадное сидение»[4], в первые годы правления Михаила Фёдоровича служил по дворовому списку Окологородного стана[5]. В 1622 г. он был выборным, в 1626 г. «написан с Москвы»[6]. Младший брат Назарий[7] был зачислен новиком в дворовые дети боярские и к 1627 г. переместился в «выбор» с окладом 350 ч.[8] «Разрядные» назначения братьев за исследуемый период неизвестны.

---

[1] КР. С. 77, 184, 1024, 1028, 1050, 1054, 1055, 1114; ДР. Т. 1. Стб. 204. Наказы отложились в семейном архиве: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 133. Л. 3–5 (Епифань), 8–9 (Дедилов), 12–15 (список назначенных на михайловскую службу).

[2] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 413. Л. 508; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 18. Л. 1; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. 4. С. 131–132; *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 184–191; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 80. Об истории рода см.: *Автократов С.Н.* «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. С. 264–266; *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. С. 184–185, 193; *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. С. 134; *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 51; *Рыков Ю.Д.* Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г… С. 610–611.

[3] АСЗ. Т. 4. С. 689; РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 235, Ч. 3. С. 71.

[4] ОС. С. 435.

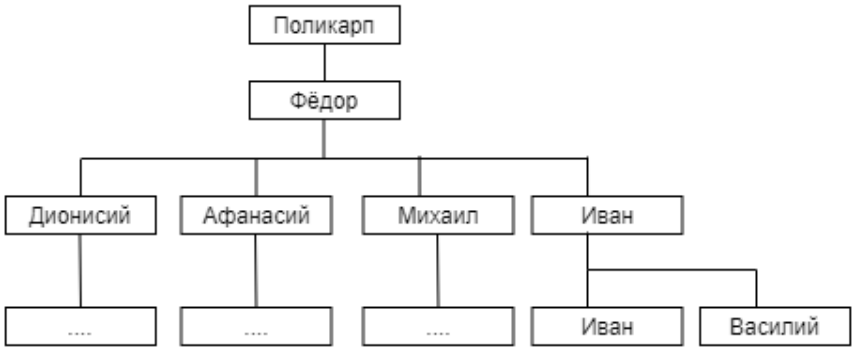
[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 10, 16.

[6] БС 1626–1633. С. 58, 74.

[7] Разница в возрасте составляла 7 лет: Кузьма в ходе описания 1594–97 гг. был 11 лет от роду, Назарий – 4 (ПКРК. Вып. 1. С. 266–267).

[8] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 24.

Рисунок 3.15 – Родословное древо Можаровых (реконструкция, фрагмент)[1]

Неясно происхождение **Можаровых**, которые не включались ни в ДТ, ни в досмутный «выбор». За исключением вотчины в Старорязанском стане, представители рода не располагали в уезде наследственной землёй[2]. За одним из их поместных владений в Каменском стане к концу XVI в. закрепилось название «Можарово»[3]. Рязанский клан восходит к Фёдору Можарову, жившему в середине – третьей четверти XVI в. Один из его сыновей (вероятно, старший) Иван Фёдорович в 1592 г. был приказчиком рязанских дворцовых сёл и посылался на Елец[4]. В «выбор» 1627 г. попали его дети – Иван (900 ч.) и Василий (600 ч.) Ивановичи[5].

О служебном пути Ивана Ивановича Можарова, получившего вотчину за «осадное сидение» Василия Шуйского[6], сохранился целый ряд известий. Во второй половине 1590-х гг. он был стрелецким сотником Михайлова[7] – вероятно, на этой должности его и застала Смута. Весной 1610 г. И.И. Можаров возглавлял

---

[1] Родословная роспись отсутствует. Реконструкция приведена по данным: *Можаров Н.Д.* О роде Можаровых: Материал к его истории. М , 1997. Ч. 1. С. 8–9. Прослежены ветви Михаила (ч. 1 книги) и ветви Дионисия (ч. 2), ветвь Ивана не рассмотрена. Как и другие рязанские кланы, Можаровы впоследствии возводили происхождение к «выезжему в давних летах» Поликарпу Можарову – об этом свидетельствует доверенность 1786 г. Документальная память рода начиналась с его праправнука В.И. Можарова (РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. № 5236. Л. 148).

[2] ПКРК. Вып. 1. С. 247.

[3] ПКРК. Вып. 1. С. 296.

[4] *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. С. 363–364; ДР. Т. 1. Стб. 505. Другой сын, Денис, принял активное участие в махинациях по «вымучиванию» купчей в 1584 г. (АСЗ. Т. 4. С. 371–372, 380–381 [№ 497]).

[5] В.И. Можаров в 1610-е гг. служил по дворовому списку Окологородного стана (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 10).

[6] ОС. С. 452.

[7] ДР. Т. 1. Стб. 505; ПКРК. Вып. 1. С. 379; Местнический справочник XVII в. С. 28..

отряд, направленный на помощь правительственным силам в Шацке, но был перехвачен силами П.П. Ляпунова, после чего остался при рязанском воеводе[1]. В начале февраля 1611 г. И.И. Можаров с рязанскими и вологодскими стрельцами занял Серпухов, обеспечив контроль над городом накануне выдвижения основных ратей Ополчения[2]. Далее мы застаём его в роли одного из ближайших сторонников И.М. Заруцкого, которому вместе с Г.В. Житовым был поручено захватить Переяславль-Рязанский[3]. Ранее апреля 1613 г. он перешёл на сторону правительственных сил, поскольку упоминается в качестве «сборщика» татар в Темникове и Кадоме. Оттуда их следовало привести к кн. И.Н. Одоевскому для действий против повстанцев[4]. В 1621 г. И.И. Можаров был воеводой на Черни, в 1623 г. – в Веневе, после чего служил «с городом»[5]. Как уже упоминалось, в 1622 г. он был сотенным головой и за попытку местничаться с вторым воеводой Переяславля-Рязанского П.С. Чевкиным был бит батогами и посажен в тюрьму[6].

Не удаётся с уверенностью установить время появления в Рязанском уезде **Лихаревых**. К моменту писцового описания конца XVI в. они располагали небольшими вотчинами в Перевитском стане[7]. В ходе спорного дела эпохи Смуты представители рода утверждали, что одна из этих вотчин «старинноя *деда их и отца их* искони вечная»[8]. Возможно, Лихаревы оказались в Рязанском уезде во время поместной колонизации второй четверти XVI в. Родоначальник упоминается на службе Василию I, его потомки были связаны с Белоозером[9]. В ДТ представители рода числились по Кашире (впоследствии систематически включались в местный «выбор»), Коломне и Костроме. В рязанский «выбор»

---

[1] НЛ. С. 97.
[2] СГГиД. С. 509 (№ 238).
[3] НД. С. 340 (№ 200).
[4] РК 1638. С. 244–245; ДР. Т. 1. Стб. 1111–1112.
[5] КР. Стб. 760, 870, 923
[6] ДР. Т. 1. Стб. 504–505.
[7] ПКРК. Вып. 1. С. 181.
[8] АСЗ. Т. 3. С. 174–175 (№ 211).
[9] *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. С. 235–237. Родословная роспись сохранилась в поздней копии, согласно которой родоначальник «выехал» к Василию I (АСПбИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. № 104. Л. 40–42).

1627 г. попал с окладом 850 ч. Фёдор Злобинович Лихарев. Известно, что в 1607/08 г. он состоял в «ездоках» станичной службы[1], получил вотчинное пожалование за «осадное сидение» Василия Шуйского[2]. В 1621/22 г. Ф.З. Лихарев являлся окладчиком Перевитского стана; тогда он служил ещё по дворовому списку с окладом 800 ч.[3]. В 1627/28 г. он был уже окладчиком рязанского «выбора»[4]. «Разрядные» службы этого дворянина неизвестны. В одном из местнических дел Лихаревы охарактеризованы как «люди неродословные, на Резани и на Кошире дети боярские молодые»[5].

В рязанском «выборе» 1627 г. с окладом 550 ч. оказался Ратай Иванович **Трескин**, происхождение которого пока также не установлено. Ещё в 1617 г. он служил по Ярославлю[6]. Его однородцы являлись мелкими рязанскими помещиками, были связаны также с Коломной и располагали подмосковной вотчиной. Один из Трескиных после Смуты стал дьяком[7].

Подведём итоги. За период 1606–27 гг. рязанский «выбор» полностью преобразился. Значительно повысилась верхняя граница окладов, а их структура вновь приобрела вид иерархически организованной «лестницы». Родовой состав рязанского выборного дворянства обновился более чем наполовину за счёт фамилий различного происхождения. Главным источником пополнения стала верхушка дворовых детей боярских. Многие из новых выборных получали вотчины за «осадное сидение» Василия Шуйского, что может указывать на один из критериев определения служебной выслуги. Некоторые упоминаются как сторонники П.П. Ляпунова, начальники местных отрядов в период обороны уезда от тушинцев. Большу́ю роль в «выборе» стали играть нетитулованные переселенцы, и лишь во вторую очередь в него зачислялись выходцы из старинных рязанских семейств.

---

[1] ДР. Т. 1. Стб. 894.
[2] ОС. С. 443.
[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6. Л. 171, 190; Ф. 210. Оп. 18. № 48. Л. 14.
[4] О верстании новиков. С. 18.
[5] ДР. Т. 1. Стб. 894.
[6] РИБ. Т. 15. С. 6.
[7] *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века. С. 13, 16; АСЗ. Т. 1. С. 266–270 (№ 279–281). О членах рода см. челобитную рязанца С.Н. Трескина 1630 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 600–601.

Смена состава «выбора» являлась следствием закрепления прежней верхушки «города» в «московских» чинах. Процесс «вытягивания» лучших представителей уездного дворянства в столицу продолжался на всём протяжении правления Михаила Фёдоровича. Непреодолимый барьер, прежде отделявший провинциальных дворян от столичной части «государева двора», исчез. Как показывает рязанский случай, некоторые из новых выборных, ещё недавно служивших по дворовому списку, в течение нескольких лет также могли продвинуться в Москву[1].

Результатом оттока «лучших» дворян стало формирование новой верхушки служилого «города». К этим служилыми людям перешли многие из тех функций, которые в досмутный период выполняли члены прежнего «выбора». Однако обновление родового состава «выбора» привело и к значительным изменениям. Наблюдается общее падение социального статуса данной чиновной группы. Практика призыва выборных дворян на службу в столицу прекратилась, и ко второй четверти XVII в. они утратили связь с «государевым двором», оставшись высшим чином уездной иерархии[2]. После Смуты значительная часть рязанских выборных несла службу исключительно «с городом». Дворяне, которые всё-таки получали «разрядные» назначения, являлись либо вторыми воеводами, либо осадными и «меньшими»[3] воеводами – самостоятельными начальниками малых сил. При этом после Смуты сам воеводский статус, как представляется, претерпел инфляцию и распространился на круг назначений, которые ранее считались обязанностями «голов».

География «разрядных» служб рязанских выборных после Смуты сузилась и ограничивалась, главным образом, пределами своего уезда. Как и ранее, члены «выбора» занимали должности второго плана в родном крае, но лишь изредка – в

[1] Кроме того, вне сферы нашего рассмотрения осталась группа рязанских землевладельцев, которые не входили в «государев двор» в досмутный период, не упомянуты в известных списках «выбора» 1613–27 гг., но при этом оказались в «московских» чинах (прежде всего, в жилецком списке). Эта категория лиц заслуживает дальнейшего изучения.

[2] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 345–346.

[3] См., напр.: АМГ. Т. 1. С. 194 (№ 177).

других районах южной «украины». Практически не появлялись они на «разрядных» службах в отдалённых регионах Московского государства. Такое положение дел контрастировало с ситуацией предшествующей эпохи, когда местные дворяне были включены в гораздо более обширную (территориально) систему ротации командного состава.

В то же время, «рязанский разряд» стал пространством активных местнических столкновений, в ходе которых новые выборные не только били челом друг на друга, но и пытались бросить вызов представителям старых фамилий. В первом случае аргументация «спускалась» на уровень весьма локальных прецедентов досмутной эпохи – совместных служб должностях засечных голов, губных старост и стрелецких сотников[1]. Во втором случае новопожалованные рязанцы неизменно терпели неудачу, поскольку рассматривались в качестве «обычных», «неродословных» людей, для которых воеводские назначения сами по себе являлись «находкой».

***

Сравнение положения рязанской элиты в последние годы царствования Бориса Годунова и вторую половину 1620-х гг. показывает, насколько грандиозная трансформация произошла за этот период. Незадолго до Смуты лишь немногие местные фамилии могли претендовать на зачисление в «московские» списки, в то время как для основной массы первостепенных рязанских кланов пределом возвышения оставался «выбор». За последующие два десятилетия абсолютное большинство рязанских выборных дворян перешли на столичную службу. Рязанские семьи прочно закрепились в «московских» чинах: представители нового поколения начинали карьеру при дворе, а не в «городовой» иерархии. Как следствие, произошло значительное обновление родового состава рязанского «выбора»: прежняя локальная верхушка оказалась в Москве, и в высшую чиновную группу «города» выдвинулись представители других родов. Совершенно иную картину по сравнению с досмутным периодом представляла собой иерархия окладов рязанского «выбора», верхняя планка которых достигла

[1] *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 132.

900 ч. Обобщим полученные сведения об основных моментах этой трансформации.

Поворотный момент в судьбе рязанских родов пришёлся на царствования Лжедмитрия I и Василия Шуйского. Самозванческое верстание и последующие прибавки к окладам за службы привели к тому, что дворяне «в течение двух лет проделали путь, на который в иные времена им не хватило бы всей жизни»[1]. Кроме того, как показывает БС 1606/07, за начальный период Смуты в столичные чины были пожалованы более полутора десятков рязанцев. На протяжении дальнейшего правления Василия Шуйского процесс возвышения местных родов продолжался. Особенно стремительно развивалась карьера Измайловых, которые обрели значительное влияние на государственные дела. Именно в этот период был сделан решающий шаг к новому статусу рода, который у Г.К. Котошихина зафиксирован как сложившаяся традиция: некогда провинциальное рязанское семейство отнесено им к числу фамилий, которые бывают «в окольничих и в боярах»[2].

Примечательно, что многие из новопожалованных рязанцев вскоре отказали Василию Шуйскому в лояльности и стали «перелётами». Данный парадокс может объясняться тем, что они столкнулись с неприятием со стороны старой элиты и невозможностью удовлетворить возросшие карьерные амбиции. В московской служилой системе чин являлся «только показателем, а не производителем знатности»[3]. С точки зрения столичных аристократов провинциальные дворяне были лишь худородными парвеню. Неудивительно, что некоторые рязанцы (прежде всего, Ржевские) связали свои надежды на дальнейший карьерный успех с тушинскими, а затем польскими властями. Период такого сближения был кратковременным: за редкими исключениями, рязанские дворяне оказались в итоге на стороне Ополчений.

---

[1] *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту. С. 232.
[2] *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 29.
[3] *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. С. 288.

Какие бы траектории ни принимали «прямые и кривые» рязанцев на завершающем этапе Смутного времени, после воцарения Михаила Фёдоровича местные фамилии расширяли представительство в «московских» чинах. При этом ко второй половине 1620-х гг. лишь небольшая часть оказавшихся в столице рязанских семей сохраняла связь с «выбором». Последствия перехода в Москву для провинциальных родов были неоднозначными. Ценой повышения статуса и уровня назначений, а также приближения ко двору стала необходимость долговременной службы в отрыве от локального сообщества. Данная тенденция особенно ярко проявилась в годы Смуты, когда нопожалованные рязанцы оказывались практически отрезаны от своих поместий и вотчин. В следующей главе мы специально рассмотрим проблему идентичности рязанских кланов в новых условиях (**3.4.3**).

В то время как семьи прежней верхушки «города» переходили на столичную службу, их место в «выборе» занимали другие кланы. БС 1606/07 показывает самое начало данного процесса: к этому моменту в рязанской рубрике появились всего три новые фамилии. Напротив, в «Утверждённой грамоте» 1613 г. рязанский «выбор» представлен уже служилыми людьми, которые до Смуты не имели родственников в этой чиновной группе[1]. В течение первого послесмутного десятилетия родовой состав рязанского дворянства обновился более чем наполовину. Источником пополнения стали местные землевладельцы, которые ранее не поднимались выше дворовых детей боярских. Значительную часть новых выборных составляли выходцы из семейств опричных переселенцев. После Смуты статус «выбора» заметно понизился: большинство дворян служили в основном «с городом», а «разрядные» назначения были ограничены территорией Рязанского уезда.

[1] Мы полагаем, что в списке «Утвержденной грамоты» рязанцы «выборные» как по функции (представители), так и по чину: *Белокуров С.А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 85, 90–91. О терминологии источника см.: *Лисейцев Д.В.* Легитимность верховной власти в России в эпоху Смуты: к вопросу о статусе «выборных людей» // Российская история. 2014. № 4. С. 146–154.

3.4. Землевладение и социальные связи

3.4.1. Смута как локальный конфликт

Служилые сообщества Московского государства являлись ареной интенсивной «локальной политики» – постоянного соперничества вокруг землевладения, родства, престижа и службы. Даже в периоды политической стабильности претензии столичного правительства на всеобъемлющий контроль на местном уровне оставались неосуществимыми, поэтому дворяне и дети боярские располагали значительными возможностями для продвижения своих интересов[1]. В годы Смутного времени центральная власть ослабла, а давно тлевшие конфликты (прежде всего, земельные) вышли на поверхность. Этому аспекту Смуты – всплеску локальных противоречий на фоне общегосударственного кризиса – в историографии уделено недостаточное внимание. Отметим здесь работу А.В. Эмаусского, который обратился к данной теме в связи с историей арзамасского служилого «города»[2]. А.А. Селин сделал ряд важных наблюдений на новгородском материале[3]. Применительно к рязанскому случаю эта проблема поставлена А.О. Никитиным, подчеркнувшим необходимость исследования «скрытой войны всех против всех» в уезде[4]. Изучение «локальной политики» эпохи Смуты позволяет не только углубить представление о структуре местного сообщества, но и увидеть, как преломлялось в регионах гражданская война, охватившая всё Московское государство.

Для большинства дворян и детей боярских рост окладов, отправным моментом которого стало верстание Лжедмитрия I (**3.3.1**), не сопровождался реальными дачами. В силу ограниченности земельного фонда наполнение всех

---

[1] Такую концептуальную рамку см. в работе: *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. P. 197–209.

[2] *Эммаусский А.В.* Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI–XVII вв. // Труды Кировского научно-исследовательского института краеведения. Киров, 1934. Т. 7. Вып. 3. С. 3–36.

[3] *Селин А.А.* Новгородское общество начала XVII века. Смутное время на Северо-Западе Московского государства.

[4] В работах сделан ряд ценных наблюдений, которые используются нами в дальнейшем: *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы; *Он же.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения. С. 189–190.

окладов было невероятным даже потенциально. Однако возможности для приобретения новых владений значительно расширились, и успех больше, чем когда-либо, зависел от инициативы каждого служилого человека. Лояльность вознаграждалась пожалованиями – не только поместными, но и вотчинными. Частые изменения политической конъюнктуры сопровождались опалами, и землю можно было «приискивать» из конфискованных владений. Ослабление правительственного контроля открывало широкий простор для различных махинаций. Яркий пример – дело рязанцев Хириных, описанное А.В. Антоновым: в период правления Василия Шуйского незаконнорожденные дети приписались к роду, захватили вотчину и успешно оформили владельческие права во время послесмутных «дозоров». Законные наследники смогли вернуть владение только в 1628 г. по результатам очередного судебного разбирательства[1]. Исследователям известны и множество других способов, которыми пользовались служилые люди в борьбе за землю: помимо прямого физического захвата (овладение землей «насильно»), соперники пытались «помертвить» (сообщить о смерти) живого соседа, «утаивали» его малолетних детей, били челом о «лишних» четвертях[2]. В годы Смуты к перечисленным приемам прибавилось обвинение в «измене» – один из центральных сюжетов дальнейшего анализа.

При рассмотрении конфликтов в Рязанском уезде необходимо принять во внимание особенности локальной ситуации. Важными предпосылками для соперничества являлась чрезвычайная дробность и чересполосность местного землевладения. Характерная формула взаимоотношений соседей, как заметил А.О. Никитин, представлена в одной из челобитных: «У нас *вотчинишка смежна*

[1] *Антонов А.В.* Из частной жизни служилых людей рубежа XVI – XVII веков.

[2] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 154–156; *Новосельский А.А.* Распад землевладения служилого «города» по десятням XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 247; *Он же.* Служилое общество и землевладение на Белоозере после смуты // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 151–156; *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. С. 115–116; *Эммаусский А.В.* Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI–XVII вв. С. 13–14.

… и у нас … *недружбы многия про землю*»[1]. Особую остроту некоторым столкновениям могло придать наследие опричнины. В отличие от землевладельцев уездов, вошедших в состав «удела» Ивана IV, рязанские жертвы конфискаций не были переселены и оставались соседями новых помещиков (**2.3.1**). В ходе описания второй половины 1590-х гг. писцы систематически фиксировали данные о прежних вотчинниках.

Следует учитывать, кроме того, что на протяжении большей части Смутного времени служилый «город» контролировал только Переяславль-Рязанский и окрестности, в то время как «пригороды» – а значит, многочисленные вотчины и поместья дворян и детей боярских – находились под властью повстанцев (**3.2**). Сведений о том, что происходило с землевладением на территориях, охваченным движением, немного. Известно, например, что пронские ямщики, когда «Пронеск был в воровстве», самочинно завладели поместьем Ю.В. Вердеревского[2]. Как показал В.И. Корецкий, уже «царевич» Пётр (а вероятно, и И.И. Болотников на раннем этапе восстания) систематически раздавал земли в южных регионах своим сторонникам. В рязанских «пригородах» также должна возникнуть группа «воровских помещиков» (происходивших, как можно предполагать, в основном из мелкопоместных детей боярских и казаков) которые получали пожалования из чужих земель – не только от И.И. Болотникова и «царевича» Петра, но в дальнейшем также от Лжедмитрия II и И.М. Заруцкого («царицы» Марины Мнишек). Этот аспект, за неимением данных, ускользает от исследователя: прежние хозяева, если оставались в живых, после Смуты успешно возвращали себе утраченные владения[3].

---

[1] *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 176. Челобитная Колеминых с жалобой на воеводу кн. А.И. Засекина: АМГ. Т. 1. С. 269 (№ 255). Ср. с яркой формулировкой белозерских челобитных, на которую обратил внимание А.А. Новосельский: «а *сумежные, государь, недруги* на мое [поместейцо] замахняся стоят» (цит. по: *Новосельский А.А.* Служилое общество и землевладение на Белоозере после смуты. С. 154).

[2] АСЗ. Т. 2. С. 434 (№ 509); ПКРК. Вып. 3. С. 931.

[3] *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. С. 272–274; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 65.

Первые случаи передела собственности в Рязанском уезде относятся к начальному периоду Смуты. События этого времени демонстрируют, что местные служилые люди стремились при первой возможности завладеть землями ***столичной знати*** (**2.2.5**). В 1605 г. к М.Н. и Ис.Н. Сунбуловым перешло поместье в Пониском стане, которое годом ранее было пожаловано И.И. Годунову – захваченному под Кромами начальнику передового полка[1]. В августе 1606 г. в Михайлове был выдан повстанцам воевода кн. В.К. Черкасский **(3.2.1**). После этого самый крупный вотчинный комплекс Окологородного стана – с. Песочня Большая – перешёл на поместном праве к В.Г., Б.Г. и И.Г. Коробьиным[2]. Поместье в Каменском стане И.П. Вельяминова, родственника Годуновых, при Лжедмитрии I передавалось алексинскому дворянину З.С. Бибикову[3]; уже 11 декабря 1606 г. это владение было вновь конфисковано и перешло к В.П. Ляпунову[4].

В тесной связи с владениями столичной знати находился и другой важный источник наполнения окладов рязанцев на начальном этапе Смуты – ***дворцовый фонд***. Особый интерес вызывали богатые различными угодьями территории, расположенные по течению Оки в Старорязанском стане[5]. На протяжении предшествующей эпохи местный служилый «город» не имел к ним доступа: на такие земли могли претендовать только высокопоставленные «московские» чины. В частности, с. Усторонь было пожаловано А.П. Клешнину, а после его смерти отошло во Дворец[6]. В период правления Василия Шуйского положение изменилось. Наиболее яркий пример стремительного обогащения за счёт государственного фонда – разрастание землевладения Ляпуновых.

---

[1] АСЗ. Т. 3. С. 296 (№ 363).
[2] ПКРК. Т. 1. С. 35; АЗР. Т. 4. С. 395. Судьба этого владения кратко изложена нами в **2.3.5**.
[3] *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России. С. 36. Выпись из отдельных книг: АСЗ. Т. 3. С. 229–230 (№ 253).
[4] АСЗ. Т. 3. С. 228–229 (№ 252).
[5] *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения. С. 190.
[6] *Антонов А.В.* К биографии А.П. Клешнина. С. 379–380; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 408. Л. 885, 894 об.

Реконструировать этот процесс позволяет сохранившийся в фамильном архиве комплекс грамот[1].

Поместье З.П. Бибикова стало первым приобретением молодого В.П. Ляпунова – это владение сохранялось за ним и впоследствии[2]. В источниках глухо упоминается также поместье «в Скопине з деревнями»[3], которое он «сдал» к весне 1607 г., – тогда из его оклада 550 ч. были наполнены только 150 ч. У П.П. Ляпунова к тому же времени оклад составлял 800 ч., из которых 550 ч. были наполнены дачами[4]. В марте 1607 г. (незадолго до того, как рязанские полки были привлечены к операции против Тулы) Ляпуновы получили в поместье весьма значительное по размеру (612 ч.) дворцовое с. Исады Старорязанского стана[5]. Село располагалось на правобережье Оки неподалёку от бывших владений А.П. Клешнина. Чтобы соблюсти формальности и не выйти за пределы норм, новое поместье было распределено между двумя окладами: оно добавило 250 ч. к наличным владениям Прокопия (оклад был теперь наполнен полностью) и 362 ч. (оставшуюся землю) к дачам Владимира.

В следующей ввозной грамоте (15 ноября 1608 г.)[6] – на соседнюю с Исадами д. Руднево (Аргамаково), на этот раз единолично П.П. Ляпунову – оклад рязанского воеводы в нарушение стандартного формуляра даже не упоминался[7]. Новое владение составляло 204 ч., при этом уже имелось 1170 ч. поместной земли. Это означает, что за полтора года с момента прошлого пожалования

---

[1] Анализ землевладения Ляпуновых см. в работе: *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения.

[2] «За В.П. Ляпуновым – что было преж того за З. Бибиковым … жеребей с. Бежтвина… И всего … середние земли 187 чети, а доброю землею с наддачею 150 чети» (ПКРК. Вып. 3. С. 918).

[3] Городок Скопин был владением Романовых, его статус в начале Смуты неясен.

[4] НД. С. 156 (№ 40). На момент писцового описания единственным владением П.П. Ляпунова являлось с. Добрый сот в Каменском стане, в котором за ним числилось 374 ч. (ПКРК. Вып. 1. С. 19, 285–287). В 1599/1600 г. к нему было пожаловано также с. Клишинское в Ростиславском стане (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 611), в котором состояло 137 ч. Следовательно, за начальный период Смуты П.П. Ляпунов получил не более 39 ч. новой земли.

[5] НД. С. 156; РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 608–610.

[6] АСЗ. Т. 2. С. 231 (№ 255).

[7] Согласно сказке Л.П. Ляпунова (1629 г.), он составлял 1000 ч. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 342).

П.П. Ляпунов получил дополнительные 370 ч. поместных дач[1]. Кроме того, он располагал подмосковным окладом 150 ч. Поначалу в столичном уезде за ним числилось поместье 109 ч., но 25 февраля 1609 г. он получил дополнительное пожалование – 96 ч. Как и с. Исады, это поместье было частично записано за В.П. Ляпуновым, чтобы уложиться в формальные ограничения[2].

Итак, за первые годы Смуты рязанские служилые люди приобрели целый ряд владений, которые ранее принадлежали представителям столичной знати, а также получили доступ к богатым дворцовым угодьям Старорязанского стана. Наиболее значительными были выгоды Ляпуновых: щедрые земельные пожалования, наряду с другими шагами центрального правительства навстречу семье рязанского воеводы, должны были обеспечивать его лояльность в условиях борьбы с повстанцами. Вскоре Москва оказалась в осаде, и правительство утратило возможности прямого влияния на положение дел в Рязанском уезде (**3.2.2**).

Другим важным источником приобретений рязанских дворян стали земли ***сослуживцев, которые «изменяли» правительству***. Первые случаи такого перехода собственности внутри «города» фиксируются уже в начальный период Смуты. Если верны сведения позднейшей челобитной, после воцарения Лжедмитрия I опале с конфискацией подвергся И.Н. Ржевский, а его владения были переданы А.В. Измайлову. Известно, что этот приближённый Самозванца получил также поместье Н.Д. Вельяминова – как и И.Н. Ржевский, последний был сослан «на Низ»[3]. Вероятно, по воцарении Василия Шуйского все владения

[1] Происхождение и номенклатура этих владений пока не установлены. Обратим внимание, что в с. Добрый сот Ляпуновы к моменту «валового» описания поглотили жеребьи большинства соседей и владели теперь 515 ч. (ПКРК. Вып. 3. С. 918–919). Если учесть это приращение, неизвестным остается происхождение еще 229 ч. новой поместной земли. Обратим внимание также, что в 1610/11 г. Ляпуновы (вероятно, Прокопий) совершили куплю небольшого вотчинного участка у Павловых (ПКРК. Вып. 2. С. 671). П.П. Ляпунов также купил вотчину в Старорязанском стане у М.В. Ясакова – время приобретения неизвестно, при жизни воеводы она была продана Шиловским (ЗВК. С. 1118).

[2] АСЗ. Т. 3. С. 184–185 (№ 225).

[3] *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России. С. 36.

И.Н. Ржевского были возвращены (кроме одного городского двора)[1]. 8 декабря 1606 г. воевода Г.Ф. Сунбулов, пришедший из-под Москвы во главе рати, получил владения Г.И. Кобякова, который «изменил и на резанцов доводил Истомки Пашкову и отаману, что оне хотят ехать к нам к Москве»[2]. Данный рассказ содержался в челобитной самого Г.Ф. Сунбулова, который поспешил воспользоваться тем, что соперник задержался у повстанцев. Вероятно, тогда же С.Г. Коробьин завладел частью поместья Г.П. Кобякова[3].

В период существования Тушинского лагеря представители видных рязанских родов «перелетали» к Лжедмитрию II, чем незамедлительно пользовались их конкуренты. Сохранившаяся документация позволяет восстановить формальную процедуру конфискации владений. Для этого требовалась разрядная память, подтверждавшая факт «измены» («имярек изменил, отъехал к вору, поместья … велено в роздачю роздать»)[4], после чего земли передавались челобитчикам. Однако в рязанском случае значительную роль играла позиция местного воеводы. Достаточно было одного только слуха об «измене», чтобы П.П. Ляпунов отписал владения, даже не получив на это санкции от правительства. О таком самоуправстве свидетельствует конфискация земель А.Н. Ржевского, которую из Москвы (полагая, что он попал в плен, а не «перелетел») предписали отменить[5].

Возвысившись над сослуживцами по «городу» и получив полную власть в Переяславле-Рязанском, Ляпуновы стали расправляться со своими старыми оппонентами. В 1606/07 г. воевода «пограбил» и «хотел убить до смерти» Г.П. Кобякова, который сначала бежал в Москву с семьёй, а впоследствии оказался в Тушино. После возвращения в лагерь Василия Шуйского он «на Резань съехоть не смел, блюдяся убийство от Прокофья Лепунова, скитался на Москве»[6]. Кн. И.В. Щетинин был «по недружбе» убит П.П. Ляпуновым, после чего его брат

[1] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.
[2] АСЗ. Т. 3. С. 342 (№ 418). На этом *вотчинном* пожаловании мы остановимся далее.
[3] АСЗ. Т. 2. С. 200 (№ 216).
[4] АСЗ. Т. 2. С. 231–232 (№ 256, 257), 283 (№ 320).
[5] АСЗ. Т. 2. С. 318–319 (№ 370).
[6] АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479).

отъехал к Лжедмитрию II[1]. Кн. М.В. Щетинин подчёркивал роль воеводы в конфискации их земли: «Поместье … отдал племяннику своему … и животишками … завладел»[2]. «Измены» оказывались тесно переплетенными с давними соседскими «недружбами»: лишившись возможности вернуться в уезд из-за конфликта с Ляпуновыми, служилые люди пытались начать новую карьеру в Тушино. При этом, хотя эти конфликты происходили между семействами рязанской верхушки, в них нет оснований видеть противостояние за контроль над местным сообществом.

На очередном этапе передела земельного фонда Ляпуновы успешно конвертировали власть в новые приобретения за счёт «изменников». Поместья А.Н. и И.Н. Ржевских были буквально поделены между двумя семействами: одна часть отошла к З.П. Ляпунову (212 ч.), другая – к Ф.С. и Б.С. Ляпуновым (387 ч.)[3]. С.З. Ляпунов стал хозяином владений Г.(П.) и А.(Ю.) Кобяковых и К.(Ю.) Биркина (в общей сложности 480 ч.)[4]. Б.С. Ляпунов приобрёл жеребей кн. М.В. Щетинина (150 ч.)[5]. На этот раз рязанский воевода и его сын не получали новых поместий, поскольку давно превысили формально допустимый объём земельных дач. Зато все остальные представители клана сумели максимально наполнить свои оклады, распределяя новые пожалования между родственниками. На пике этих приобретений совокупное землевладение Ляпуновых превышало 4 тыс. ч. поместной земли, значительная часть которой располагалась в центральном Окологородном стане[6]. Клан Ляпуновых, представители которого к

[1] АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479).
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 115.
[3] АСЗ. Т. 2. С. 231–232 (№ 256–257); АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286).
[4] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286).
[5] АСЗ. Т. 2. С. 232 (№ 257). Числа после одабривания.
[6] П.П. Ляпунов располагал 1374 ч. поместной земли при окладе 1000 ч. (АСЗ. Т. 2. С. 231 [№ 255]; РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 342). В.П. Ляпунов – 512 ч. из 550 ч. (данные на 1607 г. до дальнейших прибавок и возможных придач: НД. С. 156 [№ 40]). Поместный оклад З.П. Ляпунова (900 ч.) после получения земли И.Н. Ржевского (212 ч.) оказался наполнен целиком – следовательно, до этого за ним уже были 688 ч. (АИ. Т. 2. С. 347 [№ 286]). До Смуты у З.П. Ляпунова числилось всего 100 ч. поместной земли (ПКРК. Вып. 1. С. 406), и происхождение остальных 588 ч. пока не выяснено. С.З. Ляпунов располагал окладом 700 ч., из которых «изменничьих» поместий было как минимум 488 ч. Неясно, была ли наполнена оставшаяся часть оклада (АИ. Т. 2. С. 347 [№ 286]). Ф.С. Ляпунов 23 июля 1609 г. имел 235 ч.

началу Смуты являлись небогатыми помещиками, за несколько лет вошёл в число крупнейших землевладельцев Рязанского уезда.

Другие выходцы из рязанского «города» также участвовали в разделе владений «изменников», но данных об этом немного. Дворянин московский Г.Н. Ржевский получил рязанское поместье М.Н. и Ис.Н. Сунбуловых[1], выборные дворяне И.И. и Б.И. Есиповы – подмосковное поместье Ив. и М.Н. Сунбуловых[2] (9 марта и 19 августа 1609 г.); дворянин московский Ф.И. Измайлов – поместье В.К. Вердеревского (вероятно, от Василия Шуйского)[3]; дворянин московский В.Г. Коробьин – поместье многочисленного семейства Обловых[4] («при боярех»); кн. С.Н. и Н.Н. Гагарины – переведённую в поместья вотчину И.И. Дмитриева[5]. В последнем случае нет ясности, была ли вотчина передана Василием Шуйским или конфискована «боярами» уже после гибели хозяина на стороне польского гарнизона. В целом вопрос о том, жаловались ли челобитчикам вотчины «изменников» при жизни их владельцев, не получает на рязанском материале однозначного разрешения: есть только косвенные указания на такие переходы земли[6].

С началом кризиса Тушинского лагеря «перелёты» стали «приносить вины» Василию Шуйскому, за что получали свои владения обратно. В первой половине июля 1610 г. З.П. и С.З. Ляпуновы подали челобитную, в которой сетовали, что

земли, к которым могли добавиться 165 ч. И.Н. Ржевского – всего 400 из 600 ч. Другие сведения о его владениях в период Смуты отсутствуют: вероятно, в дальнейшем он получал поместья погибших родственников. Б.С. Ляпунов 13 августа 1609 г. располагал 222 ч. (полученных, по-видимому, из поместья А.Н. Ржевского в отсутствие других владений), к которым были добавлены 150 ч. поместья кн. М.В. Щетинина – всего 372 ч. из 500 ч. оклада (АСЗ. Т. 2. С. 231–232 [№ 256]). На момент смерти в 1611 г. за ним числились 470 ч. не считая жеребья кн. М.В. Щетинина, т.е. всего 620 ч. или на 129 ч. больше оклада (АСЗ. Т. 2. С. 412 [№ 479]).

[1] АСЗ. Т. 3. С. 296 (№ 363).

[2] АСЗ. Т. 2. С. 148–149 (№ 152).

[3] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 96.

[4] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 65, 153, 196.

[5] АСЗ. Т. 3. С. 77–78 (№ 87).

[6] В челобитной З.П. и С.З. Ляпуновых говорится о переданных им «*вотчине* и поместьях» Г.(П.) и А.(Ю.) Кобяковых (АИ. Т. 2. С. 347 [№ 286]). У Обловых в одном месте упоминается «вотчина», но, возможно, ошибочно – в остальных случаях говорится только о поместье (*Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа. С. 82; *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 65, 153, 196).

царь вернул земли прежним хозяевам – Г.(П.) и А.(Ю.) Кобяковым, И.Н. Ржевскому и К.(Ю.) Биркину, и «в то место нас, холопей своих, нигде не пожаловал». Челобитчики указывали, что «нигде не изменяли», а З.П. Ляпунов «жил на Москве полтретья годы, и в осаде был … с Литвою и с изменники на многих боех бивался». Ранее они уже обращались по поводу ряда дворцовых волостей, но те были отданы другим служилым людям[1]. Накануне переворота (который произошёл, как упоминалось, при активном участии З.П. Ляпунова) Василий Шуйский пожаловал Ляпуновых одним из трёх объектов, по поводу которых они обращались – с. Козарь Старорязанского стана. По выписи в нём числилось 510 ч. худой земли (212 ч. пожаловано Захарию и 298 ч. – Семёну), 2000 копен (вероятно, столь богатые сенокосы были предметом особого интереса)[2] и 10 десятин леса[3]. Стремление расширить владения по течению Оки не оставляло Ляпуновых и в дальнейшем: спустя полгода Захарий бил челом королю о тех же землях в Старорязанском стане (с. Дегтяное и д. Казакова – неподалёку от с. Исады, принадлежавшего брату)[4].

Между свержением Василия Шуйского и воцарением Михаила Фёдоровича грамоты на земли в Рязанском уезде можно было получить в нескольких политических центрах[5]. Отметим, что именно Смутное время как нельзя лучше показывает фундаментальный консенсус по поводу сложившихся правовых процедур. С точки зрения жителей Московского государства, только санкция верховной власти могла гарантировать права на поместья и вотчины, главными оппозициями оставались захват «насильством» и владение «по грамоте»[6]. Однако в кризисных обстоятельствах Смуты правительства соперничали друг с другом, и

---

[1] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286).
[2] *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 177.
[3] АИ. Т. 2. С. 347–348 (№ 286).
[4] АЗР. Т. 4. С. 400.
[5] О «полицентричности» процесса раздачи поместий в годы Смуты см.: *Селин А.А.* «Смоленский архив» и королевские пожалования под Смоленском 1610-1611 гг. С. 10.
[6] Ср. интерпретацию стремления «московитов» обращаться за урегулированием в судебные органы как свидетельства фундаментального согласия по поводу легитимности политической системы: *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. С. 50–52, 108–109, 526; *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. P. 188.

ни одно из них не располагало рычагами для реального воздействия на местные дела. Судебные и административные постановления утратили безусловный и неоспоримый характер, а служилые люди стали активно манипулировать решениями власти в своих интересах.

Такие манипуляции особенно заметны в челобитных по поводу пожалований, с которыми рязанские дворяне обращались к королю под Смоленском (приложение 8). Особую активность проявили Ржевские, заявившие претензии на целый ряд вотчин и поместий в разных регионах. Стремясь получить как можно большее количество земель, представители этого клана апеллировали к «старинным» семейным и родовым правам, а также надуманно обвиняли конкурентов в «ушничестве» и «измене». Другой выходец из рязанской верхушки, З.П. Ляпунов, утверждал в челобитной, что Василий Шуйский указал *целиком* переводить поместья в вотчины «за осадное сидение». Прошение было механически одобрено, и в нарушение всех норм (указ позволял взять в вотчину только по 20 ч. с каждых 100 ч. оклада) рязанец получил порядка 800 ч. вотчинной земли – с. Козарь и бывшие владения погибшего в Тушино А.Н. Ржевского. Королевские пожалования могли привести к полной дестабилизации системы земельных отношений, однако с изменением политической обстановки они так и остались на бумаге.

Пожалования Сигизмунда III демонстрируют глубокое неравенство служилых людей в возможностях приобретения новых земель. За исключением З.П. Ляпунова, из рязанских родов под Смоленском появлялись только обладатели «московских» чинов. Дворяне и дети боярские местного «города» не получили от польской стороны никаких пожалований, в то время как столичные «сильные люди», имевшие доступ к центру распределения поместий и вотчин, безнаказанно «приискивали» себе владения за чужой счёт. Такой взгляд позволяет лучше объяснить возраставшее недовольство рязанских дворян действиями польской администрации под Смоленском.

Условия, в которых происходило соперничество за землю на завершающем этапе Смуты, ярко показывает история противостояния кн. Щетининых и

Ляпуновых (конфликты за землю, о которых речь пойдет далее, более подробно анализируются в приложении 8). В отличие от ряда других рязанских «перелётов», кн. М.В. Щетинин не вернулся на сторону Василия Шуйского, и его поместье в Окологородном стане оставалось в руках Б.С. Ляпунова. Когда новый хозяин погиб под Москвой, земля перешла в «прожиток» к его матери, Пелагее Ляпуновой с несовершеннолетними детьми (братьями Б.С. Ляпунова). Вскоре со сцены сошёл также всевластный П.П. Ляпунов, и тогда племянник «перелёта», кн. В.И. Щетинин начал активную борьбу за «старинное» семейное поместье.

Стороны обращались к разным центрам и уровням власти – рязанским воеводам, подмосковным «боярам» и «царице» Марине Мнишек – и всякий раз добивались выгодных для себя решений. За период между августом 1611 и июнем 1612 г. владение успело как минимум шесть раз (по крайней мере, на бумаге) сменить хозяев. Менялся также статус земли: часть была переведена в вотчину кн. В.И. Щетинина «за осадное сидение» в начале 1612 г., после чего вновь отдана Ляпуновым как поместье. Челобитные удовлетворялись, поскольку не было возможности ни организовать полноценный «сыск», ни даже обеспечить состязательность судопроизводства. Инстанции, выносившие приговоры, были осведомлены о предшествующих решениях весьма избирательно, только со слов очередного челобитчика. Промежуточный итог этому делу подвели воеводы Второго ополчения, в котором летом-осенью 1612 г. оказался бывший «перелёт» кн. М.В. Щетинин. В грамоте «бояр» история борьбы за поместье, однако, предстала в совершенно искажённом свете[1].

Челобитные по поводу «изменничьих» поместий показывают, что рязанские дворяне внимательно следили за судьбами соседей и сослуживцев. Очевидно, такая информация была наиболее доступной, поскольку циркулировала внутри сообщества. Даже в случаях, когда челобитные относились к землям в других регионах, в них фигурировали, прежде всего, владения товарищей по «городу». Так, Есиповы подали челобитье о подмосковном поместье Сунбуловых[2], Истома

[1] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 109–110.
[2] АСЗ. Т. 2. С. 148–149 (№ 152).

Сунбулов – о суздальских владениях Коробьиных и многострадальном с. Козарь[1]. В последнем случае челобитчик знал о том, что богатое дворцовое село перешло к Ляпуновым, но ошибочно назвал владельцем не З.П., а В.П. Ляпунова. Однако главным предметом интереса оставались, несомненно, соседские владения («што к моей земле подошло», по выражению из челобитной И.Н. Ржевского)[2]. Уместна аналогия с «делом о вымученной купчей» (**2.3.6**)[3]: рязанцы использовали карьерные успехи для того, чтобы поправить своё материальное положение за счёт сослуживцев по «городу».

В кризисных обстоятельствах Смутного времени естественным было бы ожидать от рязанских дворян попыток вернуть родовые земли, утраченные в опричнину. В историографии неоднократно подчёркивалось, что служилые люди Московского государства на протяжении многих поколений сохраняли память о своих правах на старинные вотчины[4]. А.П. Павлов обратил внимание на целый ряд случаев конца XVI – первых десятилетий XVII вв., когда такие земли возвращались представителям аристократии[5]. Влияние событий Смуты на эти процессы изучено далеко не в полной мере. Как можно предполагать, в этот период широко происходили самовольные захваты родовых владений с последующими попытками записать их за собой. На протяжении XVII в. наказы предписывали писцам «смотреть того накрепко, которыя вотчины у вотчинников иманы в опричнину и раздаваны были в поместья … и те земли отписывать на государя»[6].

---

[1] Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 81–82.

[2] Памятники обороны Смоленска. С. 250 (№ 272); ПКРК. Вып. 1. С. 213–214.

[3] См. также: *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 176–177; *Он же.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения. С. 189–190.

[4] *Брандебург Н.Е.* Род князей Мосальских. М., 1892. С. 239–240; *Седов П.В.* Челобитная князей Одоевских о своих родовых землях накануне отмены местничества // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 338–344.

[5] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 151–217; *Он же.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 685–686.

[6] Акты писцового дела. Т. 1. С. 254–255; *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912. С. 86–87, 160–161. Происхождение этой нормы также остается неизученным. См. некоторые наблюдения: *Веселовский С.Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. С. 109–110;

Как уже отмечалось, в Рязанском уезде воспоминания об опричных конфискациях сохраняли особенную актуальность. Тем не менее, масштабного передела собственности в годы Смуты не произошло, и фиксируются лишь единичные случаи притязаний выходцев из рязанской верхушки на утраченные земли. Под Смоленском родовые владения пыталась восстановить Мария Волынская, представительница рода Булгаковых-Денисьевых, но королевский «лист» так и не был реализован[1]. Гораздо успешнее оказались Коробьины, которые «при боярах» получили конфискованную родовую вотчину – с. Рыбино (Рыбное) Окологородного стана. Потерявшие эту землю помещики Обловы и Гвоздевы в апреле 1613 г. добились грамоты на утраченные владения, но уже к июлю решение вновь было принято в пользу Коробьиных. Обловы и Гвоздевы обращались теперь с челобитьем «о хлебе» – за разрешением собрать засеянный урожай[2]. В ходе валового писцового описания вотчина была записана за С.Г. и И.Г. Коробьиными (по грамоте 1613 г.)[3].

Служилые люди стремились получить не только вотчины, конфискованные в опричнину, но и земли, утраченные в силу иных обстоятельств. Г.Ф. Сунбулов попытался вернуть «в род» вотчину в Окологородном стане (д. Наспище, четверть д. Калитины), которая несколькими десятилетиями ранее по завещанию С.Ф. Сунбулова отошла к И.Т. Кобякову, а после него – Г.И. Кобякову (**2.3.6**). Воспользовавшись «изменой» владельца, рязанский воевода 8 декабря 1606 г. получил от Василия Шуйского вотчинную грамоту на эту землю[4]. Такое уникальное пожалование должно было вознаградить Г.Ф. Сунбулова за переход

Новосельский А.А. Отголоски опричнины в документах XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 136–139; *Павлов А.П.* Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.). С. 99–100.

[1] АЗР. Т. 4. С. 379. См.: *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 99–100.

[2] Регулирование раздела урожая при переходе собственности от одного владельца к другому (вернувшемуся «изменнику») можно прояснить по сохранившейся указной грамоте 10 июля 1610 г. по поводу поместья в Романовском уезде: АСЗ. Т. 2. С. 90–91 (№ 85).

[3] *Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа. С. 82; *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 65, 153, 196; ПКРК. Вып. 1. С. 11–12; Вып. 2. С. 647–650.

[4] АСЗ. Т. 3. С. 342 (№ 418).

на царскую сторону под Москвой. В дальнейшем вотчина была возвращена Кобяковым – неясно, произошло ли это до или после смерти Г.Ф. Сунбулова (ум. 1616), не оставившего мужского потомства[1].

Интерес рязанцев к «старинным» владениям не ограничивался вотчинной землёй. Примечательно, что Н.Г. Ржевский получил именно то поместье в Пониском стане (д. Зайцево Остапово), которое ранее принадлежало его отцу. В 1603/04 г. оно было передано И.В. Годунову, а в 1605 г. – М. и Ис.Н. Сунбуловым. В 1609 г. братья «перелетели» в Тушино, и поместье было пожаловано Н.Г. Ржевскому[2]. Известия о возвращении Сунбуловых на сторону Василия Шуйского отсутствуют, однако после Смуты владение вновь было записано за Сунбуловыми[3].

Проблемы законодательного урегулирования земельных отношений ***после Смуты*** рассматривались в историографии. Как показали исследователи, правительство Михаила Фёдоровича систематически утверждало грамоты Василия Шуйского и, за редкими исключениями, не признавало тушинские и королевские пожалования; «боярские» дачи подвергались ревизии и частично отменялись[4]. Наиболее сложный вопрос представляли собой конфликты, возникшие в результате конфискации земель у «изменников», главным образом – тушинцев. Привести такие ситуации к единому законодательному знаменателю едва ли было возможно, учитывая их чрезвычайное разнообразие, а также массовую утрату жалованных грамот. Кроме того, никакое решение, которое бы однозначно дискриминировало одну из групп («изменников» или новых владельцев) не приблизило бы к достижению главной цели: «ссоры и челобитья

[1] К моменту писцового описания вотчина перешла от Л.Г. и А.Г. Кобяковых к жильцу И.Н. Кубасову: ПКРК. Вып. 2. С. 668.
[2] АСЗ. Т. 3. С. 296 (№ 363).
[3] Взято в вотчину за «осадное сидение» по грамоте 1621/22 г.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 280об.
[4] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. С. 154–156; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 684–705; ПРП. Вып. 5. С. 488–489; *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. С. 114–120.

унять»[1]. В результате царские указы регулировали лишь отдельные типы ситуаций и ограничивали возможности для будущих разбирательств, устанавливая сроки давности[2]. Даже самые строгие установления допускали исключения; правительство шло навстречу тем служилым людям, которые заявляли за собой ранее «утаенные» владения[3]. Можно отчасти согласиться с Е.Д. Сташевским в том, что законодательство Михаила Фёдоровича демонстрировало некоторую тенденцию к «амнистии» бывших тушинцев[4] как «старинных» владельцев земель. Судебная практика по делам такого рода остаётся не изученной.

Каким было положение дел в Рязанском уезде? Прежде всего, общее количество послесмутных земельных конфликтов, сведения о которых обнаруживаются в делопроизводстве, невелико. Отчасти такое положение дел может объясняться массовой утратой соответствующей документации (прежде всего, столбцов по Рязани) в результате пожара 1626 г. Однако указания на столкновения челобитчиков и «сыски», которые были бы связаны с борьбой за рязанские владения, редки и в сохранившихся книгах Печатного приказа[5]. В то время как служилые люди из других регионов часто обращались по поводу захвата поместий и вотчин другими лицами, рязанцы регулярно просто получали подтвердительные грамоты. Представляется, что абсолютное большинство местных дворян и детей боярских сумели в первые годы правления Михаила Фёдоровича беспрепятственно вернуть свои досмутные земли. Такое предположение подтверждается при обращении к писцовым книгам «валового» письма (**3.4.2**). Ядро рязанского «города» сохраняло единство на протяжении

[1] Цитата из: ПРП. Вып. 5. С.436–438 (№ 3).
[2] *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. С. 87; *Сторожев В.Н.* Указная книга Поместного приказа. М., 1889. С. 40–41, 50; ПРП. Вып. 5. С. 436–438 (№ 3), 447–448 (№ 5).
[3] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. С. 155.
[4] *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. С. 120.
[5] Например, вдова П. Облезова сообщала, что поместьем ее мужа «владеет насильством» Н. Вердеревский – ей была дана сыскная грамота. См.: *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 65, 109, 111, 153, 196.

кризиса: «изменяли», по-видимому, немногие обеспеченные служилые землевладельцы, поэтому у дворян и детей боярских не было оснований широко «приискивать» земли за счёт друг друга. Кроме того, контроль над значительной частью уезда был окончательно восстановлен только после изгнания сил И.М. Заруцкого. Главной задачей служилых людей было вернуться в собственные владения и попытаться восстановить разрушенное хозяйство, а не захватывать земли соседей.

Служилые люди, «изменявшие» правительствам Смуты, также имели все возможности восстановить утраченные владения. Так, Г.В. Житов (видный «советник» И.М. Заруцкого, только недавно вернувшийся на сторону правительственных сил) уже в середине 1613 г. получил грамоту на отцовское поместье и был к тому же освобожден от уплаты пошлин[1]. Когда в 1632 г. У.С. Ляпунов, один из героев дальнейшего повествования, стремился найти выгодные для себя прецеденты, он сумел припомнить лишь три случая, когда рязанские поместья «изменников» закрепились за новыми хозяевами[2]. Каждая такая ситуация была связана с особым стечением обстоятельств и вызывала «беспрестанные» челобитья. Материалы некоторых «выписанных» дел погибли в огне московского пожара 1626 г., после чего произошёл новый всплеск судебных разбирательств – катализатором послужило начало писцового описания Рязанского уезда.

Рассмотрим такие конфликты, отразившиеся в делопроизводстве послесмутных десятилетий. Тушинец И.И. Дмитриев погиб на стороне польского гарнизона под Москвой. Новые владельцы, кн. Гагарины, сумели обойти других челобитчиков и получили ввозные грамоты – сначала от «бояр», а затем и от Михаила Фёдоровича. Вплоть до 1630 г. борьбу за «прародительскую вотчину» вела кн. Мария Волконская, сестра «перелёта». После серии судебных разбирательств она получила отказ, поскольку И.И. Дмитриев погиб «в измене»[3].

[1] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 184.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 96.
[3] Дело в составе столбца: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 2005/41883. Б/п.

Другой пример – противостояние бывшего тушинца Г.П. Кобякова с С.Г. Коробьиным. «Перелёт» вернулся на сторону Василия Шуйского, однако к этому времени новый владелец успел перевести поместье в вотчину «за осадное сидение». В 1614/15 г. Г.П. Кобяков сумел вернуть поместье, но в 1627 г. С.Г. Коробьин предъявил вотчинную грамоту Василия Шуйского и выиграл очередное дело[1]. Пока не найдено судебных материалов, которые пролили бы свет на подробности аналогичного конфликта – между «перелётом» В.К. Вердеревским и Ф.И. Измайловым. В этом случае поместье также осталось за новым владельцем и было частично переведено им в вотчину за «королевичев приход», несмотря на постоянные челобитья прежнего хозяина[2].

Во всех приведённых случаях «челобитчики» (новые владельцы) сумели удержать за собой чужие земли на завершающем этапе Смутного времени. На дальнейших судебных процессах тушинцы (или их родственники) выступали как истцы, а «челобитчики» в качестве ответчиков успешно отстаивали права на полученные поместья. Однако и в ситуации, когда конфискованная земля была в годы Смуты возвращена прежним хозяевам, «челобитчики» имели некоторые шансы на успех. Два таких дела инициировал У.С. Ляпунов, продемонстрировавший поразительную настойчивость в стремлении к своей цели. В 1629/30 г. он подал очередной иск против бывшего «перелёта» кн. М.В. Щетинина. На руках у сторон имелся обширный набор грамот от разных правительств Смутного времени, однако ответчик не смог предоставить главного подтверждения своих прав – грамоты Михаила Фёдоровича. Судебный спор прервала Смоленская война; по возвращении из плена летом 1634 г. У.С. Ляпунов выиграл дело и получил «жеребей» соперника.

Буквально в тот же день У.С. Ляпунов обратился в Поместный приказ с новым челобитьем – по поводу поместий Ржевских. Дело в том, что один из представителей этого рода – «перелёт» А.Н. Ржевский – не вернулся на сторону

[1] Дело в составе столбца: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 1902/41854. Б/п. См. также: ПКРК. Вып. 3. С. 1062–1063, 1220.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 96. С. Голенчино, 340 ч. (ПКРК. Вып. 1. С. 29, 393–394; Вып. 2. С. 495).

Василия Шуйского и погиб в Тушино. В 1636 г. был принят царский указ, запрещавший рассматривать такие «старые» дела[1], и У.С. Ляпунов получил отказ. Несмотря на это, челобитчик ещё несколько раз возобновлял земельный спор. Последняя такая попытка завершилась боярским приговором 7 апреля 1649 г., согласно которому поместья оставалось за прежними владельцами: «Таких старых дел по государеву указу и выписывать не велено, не то что их переделывать»[2]. С момента «отъезда» А.Н. Ржевского прошло уже четыре десятилетия. По удачному замечанию А.О. Никитина, этот приговор «подвёл символическую черту под страстями, претензиями и злопамятностью Смуты»[3].

Рассмотренные судебные дела являлись, прежде всего, «поединком документов»[4]: первостепенное доказательное значение имели грамоты, представленные сторонами или найденные в приказных архивах. Однако в челобитных служилых людей заметную роль играла также ***тема «измены»*** соперников. Исследователи неоднократно обращали внимание на размытость данной категории в политической культуре Московской Руси. К началу XVII в. это понятие оставалось неопределённым, вокруг него не сложилось фиксированной системы юридических норм и санкций[5]. В эпоху Смуты действия, которые расценивались соперничавшими правительствами как «измена» и наказывались конфискацией собственности, стали частью повседневных практик жителей Московского государства. Неудивительно, что столь же обыденный

[1] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 176.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 198об., 215.
[3] *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 180.
[4] *Collins D.E.* Speech Reporting and the Suppression of Orality in Seventeenth-Century Russian Trial Dossiers // Journal of Historical Pragmatics. 2006. Vol. 7. P. 265–295.
[5] *Ерусалимский К.Ю.* Государственная измена и дискурсы лояльности в России второй половины XVI – начала XVII в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2012. № 10. С. 78–80; *Он же.* Рождение государственной измены: Россия и Польско-Литовское государство конца XV – XVI в. // Предательство: опыт исторического анализа. М., 2012. С. 154–187; *Backus O. P.* Treason as a Concept and Defections from Moscow to Lithuania in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1970. Bd. 15. P. 119–144.

характер приобрели обвинения оппонентов в «измене», использование которых позволяло, прежде всего, завладеть чужой землёй[1].

Для законодательства Михаила Фёдоровича факт «измены» имел значение, если служилый человек не вернулся добровольно на сторону правительственных сил. В таком случае он лишался прав на возвращение своих владений[2]. Поэтому в отдельных земельных спорах особое внимание уделялось вопросу о том, погиб ли тот или иной «перелёт» «в измене» (случаи И.И. Дмитриева и А.Н. Ржевского). Однако в большинстве послесмутных разбирательств указание на «измену» оппонента не играло практической роли и имело скорее характер морального осуждения. Например, в 1630 г. кн. Волконские неожиданно припомнили кн. С.Н. Гагарину его тушинское прошлое, хотя это совершенно не относилось к сути дела и едва ли могло повлиять на решение судей. Такое обвинение немедленно заставляло соперника защищаться и подыскивать оправдания своему поступку: «измена» являлась пятном на репутации[3]. С.Н. Гагарин, в свою очередь, для большей убедительности вписал И.И. Дмитриева в один ряд с наиболее

---

[1] *Селин А.А.* Об «изменах» в Новгороде 1611-1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1 (11). С. 5–13. В другой работе того же автора приведена яркая бытовая зарисовка конфликта среди представителей новгородской верхушки, где прозвучали как обвинение в «измене» («от таких де перелетов царьства погибают и наша кровь льетца, перелетывали де в таборы да в Литву»), так и отголоски земельного конфликта («хочешь де ты взять наше родственное поместье, да ты ж де меня подшпыниваешь»): *Селин А.А.* Новгородское общество эпохи Смуты: некоторые мысли о том, как писать социальную историю московского государства // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. СПб., 2017. С. 35–42.

[2] ПРП. Вып. 5. С. 436–438 (№ 3).

[3] Болезненное для оппонента обвинение в «измене» звучало не только в судах, но и в других конфликтах вполне обыденного свойства. Яркий пример, относящийся к Рязанскому уезду – бытовая перепалка 1630 г., в которой пронский воевода «лаел матерны и всякою неподобною лаею и называл … изменником» М.Ф. Дурного, присланного для реконструкции местной крепости. Такое оскорбление заставило «горододельца» в специальной челобитной просить о защите от бесчестья, вспомнив при этом как о своей биографии, так и о службах родственников в годы Смутного времени: «А я холоп твой, перед Богом и перед тобою, государем, измены никакой не ведою, и отец мой и дяди мои и братья и племянники тебе, государю, не изменивали, и как, государь, была межусобную брань в Московском Государстве и в тое, государь, пору никто из нас и наших родителей в измене не бывали, а ведомо … про то твоим … бояром и окольничим, и служили тебе, государю, и помирали за дом Пресвятой Богородицы и за православную христианскую истинную веру, и нынече тебе, государю, служим, и измены за собою никакой не ведаем» (*Васильев И.И.* Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным в 1630 г. С. 164–165).

[3] ПРП. Вып. 5. С. 436–438 (№ 3).

одиозными «изменниками» Смуты (М.Г. Салтыковым, Ф. Андроновым и др.), сообщив, что тот «бесповоротно» «отступил православные крестьянские веры» и «православных крестьян сек». Вновь обратим внимание, что служилым людям требовалась хорошая информированность о деталях биографии оппонентов. С.Н. Гагарин, в частности, сумел весьма убедительно реконструировать подробности гибели И.И. Дмитриева под Симоновым монастырём.

Главная стратегия оправдания «измены» в судебной документации – указания на её вынужденный характер. Отъезд в Тушино объяснялся, прежде всего, бедностью – особенно колоритно здесь объяснение Кобяковых: «*Как на Москве хлеб почёл быть дорог*, и отец мой … сбрёл в Тушино *кормитца*». С.Н. Гагарин утверждал, что оказался у Лжедмитрия II «от бедности» и только на десять дней. Необходимо было, кроме того, представить пребывание в самозванческом лагере как несознательное, «неидеологическое» действие. Примечательна в этом отношении линия, которую избрали кн. Волконские. И.И. Дмитриев, если и находился на стороне польских сил, то «поневоле», а убит был «в *безгосударное время*» «по приказу *недруга нашего* Прокофья Ляпунова». При таких формулировках гибель И.И. Дмитриева в сражении с силами Ополчения оказывалась результатом обычной местной «недружбы»[1]. Апелляция к локальным конфликтам нейтрализовывала «политический» характер «измены» государю. Наконец, вернувшиеся «перелёты» настаивали на том, что в дальнейшем «прямо» служили Василию Шуйскому, «боярам» и Михаилу Фёдоровичу – «законным» правительствам.

Именно верная служба являлась главной оппозицией «измены» в послесмутной судебной риторике. Решения в пользу «изменников» расценивались как изначально несправедливые. У.С. Ляпунов сетовал, что судьи «прямую службу и смерть братьев моих и мое службишко и кровь *ни во что не ставят*, а измену отца ево Иванова [А.Н. Ржевского – *И.К.*] *правят*»[2]. Спорные владения

[1] Ср. аналогичный ход в челобитной рязанской помещика А. Борзецова – но уже для того, чтобы преуменьшить заслуги погибшего соперника: НД. С. 326–327 (№ 186).
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 169–170.

челобитчик именовал «кровными» поместьями, поскольку с них служили его погибшие родственники. В деле против кн. М.В. Щетинина он прибег к яркой риторической формуле, чтобы продемонстрировать несопоставимость служебных заслуг: «А он, князь Михайло, *и меду за твое государево здравье столько не выпил*, сколько мы, холопи твои, за тебя праведнова государя крови вылили»[1].

Роль Ляпуновых в «локальной политике» 1610–20-х гг. заслуживает специального рассмотрения. Уже отмечено, что на завершающем этапе Смуты род понёс значительные потери (**3.3.3**). Оставшиеся члены фамилии не смогли удержать за собой бóльшую часть земельных приобретений. Пелагея Ляпунова с несовершеннолетними детьми, несмотря на помощь со стороны Ф.С. Ляпунова, потеряла переданные в «прожиток» «изменничьи» земли кн. М.В. Щетинина и А.Н. Ржевского. После того, как З.П. Ляпунов погиб в посольстве, с. Козарь было целиком отдано «за московское очищение» кн. Д.М. Пожарскому, а затем отошло во Дворец[2].

Чтобы сохранить главные приобретения П.П. и В.П. Ляпуновых – с. Исады и д. Аргамаково в Старорязанском стане (в общей сложности 816 ч.) – потребовалось перераспределить землю между окладами членов рода. Помимо В.П. Ляпунова, владельцами (по крайней мере, формально) стали вдова воеводы, а также С.З. и Ф.С. Ляпуновы[3]. В дальнейшем В.П. Ляпунов частично перевёл землю в вотчину – сначала 180 ч. за «осадное сидение» Василия Шуйского (1613)[4], затем – 190 ч. за «королевичев приход» (1619)[5]. Такой перевод позволял, среди прочего, «освободить» оклад от поместных дач, которые могли выходить за пределы формальных норм.

У Ляпуновых, однако, появился опасный сосед: уже в 1615 г. царский приближённый постельничий К.И. Михалков подал челобитную и был пожалован

[1] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 96.
[2] Дело о пожаловании князю Д. П. Пожарскому из поместья в вотчину по уложенью. С. 2.
[3] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 618–619.
[4] Список с грамоты: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 608–610.
[5] Список с грамоты: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 613–617.

«лишними» четвертями из их земель[1]. Затем он присоединил к своим владениям также д. Аргамаково; в 1622/23 г. это владение было возвращено по ответному челобитью В.П. Ляпунова[2]. В середине 1620-х гг. между соседями вспыхнул новый конфликт[3]: Ляпуновы обвиняли К.И. Михалкова в «утайке» поместий в других регионах и пытались заполучить «вымеренные» у них земли[4]; постельничий сообщал, что В.П. Ляпунов не только «утаил» землю, но взял вотчину «с ложного оклада» – и просил для себя «излишек»[5]. Дело закончилось компромиссным приговором царя и патриарха в 1627 г., по которому количество земли у каждой из сторон не изменилось[6]. В дальнейшем владения в Старорязанском стане стали основой родовой собственности Ляпуновых[7].

---

[1] *Шереметев С.Д.* Из архива Михалковых. С. 21. См.: *Морозов Б.Н.* Род Михалковых. С. 193–194.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 646.; ПКРК. Вып. 2. С. 906, 1252; *Васильев И.И.* Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным в 1630 г. С. 134.

[3] Материалы судебного дела сохранились в составе столбца: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 594–717.

[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 618–620. По поводу отдачи «утаенных» земель челобитчикам существовали указы: ПРП. Вып. 5. С. 441 (№ 6).

[5] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 594–595, 637. К нему присоединились и другие челобитчики (л. 628). В памяти об окладе В.П. Ляпунова сообщалось, что в «боярской книге, какова сыскана после московского разоренья 117 году» он составлял 700 ч.; в сыскном списке 1613/14 за приписью дьяка А. Бохина – 900 ч. (л. 626). Челобитная В.П. Ляпунова из дела, посвященная прибавкам к окладу, опубликована: НД. С. 302–303 (№ 158).

[6] В.П. Ляпунов получил право на владение 70 ч. соседней п. Назимовой, которую, как посчитали судьи, он захватил сверх оклада, а К.И. Михалков получил 70 ч. из д. Аргамаковой (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 654–657; *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 36–37).

[7] Подробная писцовая выпись (сделанная в 1681/82 г.) опубликована: Выпись с писцовых книг села Исад с деревнями // ТРУАК. Рязань, 1912. Т. 25. Вып. 2. С. 10–33. В ней указано, в частности, что новые жалованные грамоты В.П. Ляпунов получил в 1631/32 г.

В 1920-е гг. А.Ф. Федоров обнаружил и описал в с. Исады, среди прочих памятников, надгробные плиты П.С. Ляпунова (ум. 17 мая 1587), постригшегося в соседним Облачинском монастыре под именем инока Пафнутия, а также жены П.П. Ляпунова инокини Анны (ум. май 1603) (*Федоров А.Ф.* Материалы к истории с. Исад, Спасского уезда, Рязанской губернии. Бывшей вотчины бояр Ляпуновых. С. 10). На основании этих находок высказывалось мнение, что Ляпуновы имели владения в Старорязанском стане задолго до Смуты (см. напр.: URL: https://isadi.ru/history/history_isad/ [дата обращения: 01.04.2021]). Такая версия представляется крайне сомнительной, другие аргументы в ее пользу на сегодняшний день отсутствуют. В конце XVI в. дворцовые владения в Старорязанском стане, как уже отмечались, передавались только столичной знати. Нет полной уверенности и в том, что надгробия, которые видел А.Ф. Федоров, не являлись «новоделом» XVII в. Традиции переноса и возобновления могильных плит, как и создания кенотафов (случай Вердеревских: *Хоруженко О.И.* Плита Схоросмира: поминальный

После гибели Прокопия клан Ляпуновых утратил властную монополию в Рязанском уезде, однако при этом сохранил свой особый статус. Летом 1612 г. именно выборный дворянин В.П. Ляпунов ездил из Рязани за помощью к воеводе М.А. Вельяминову[1]. Согласно глухому упоминанию, в 1613/14 г. Ф.З. Ляпунов самовольно взял из рязанской съезжей избы некоторые документы[2]. После Смуты ни одно обращение Ляпуновых по поводу очередного пожалования не обходилось без упоминания об особых заслугах рода перед правительством («убито родителей моих … девять человек»; «а в воровстве братья мои нигде не побиты»)[3]. В одном из таких челобитий В.П. Ляпунов просил перевести его для христосования с государем из «передней» в «комнату», потому что «Прокофей был по вашей государской милости в Думе, а служба, государь, отца моего ко всему Московскому государству известна тебе, милосердному государю»[4]. У.С. Ляпунов при Василии Шуйском ещё не достиг даже совершеннолетнего возраста, но в 1617/18 г. получил вотчинную землю с уникальной формулировкой «за *братьев ево* за московское и *за переславское осадное сиденье*»[5]. Кроме того, Ляпуновы сумели организовать браки сестёр с виднейшими представителями столичной элиты (**3.4.3**). В 1612/13 г. В.П. Ляпунов сделал вклад 100 р. в Троице-Сергиев монастырь, за который отца перезахоронили в этой престижной обители[6].

Весьма показательно местническое дело, в 1625 г. инициированное В.П. и У.С. Ляпуновыми против кн. Ф.Ф. и И.Ф. Волконских. Ляпуновы апеллировали, среди прочего, к известному «генеалогическому пасквилю» – истории, согласно которой кн. Волконские пошли «от девки, а князи по речке по Волконке»[7].

обычай в конструировании родовой памяти) в Московской Руси остаются малоизученными (благодарим за консультацию А.О. Никитина).

[1] НД. С. 340–341 (№ 200).

[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 112.

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 532. Л. 52; РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 169.

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 10. Столпик 5. Л. 255.

[5] ПКРК. Вып. 3. С. 1223; РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 595.

[6] *Никитин А.О.* О месте погребения Прокофия Ляпунова // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 323.

[7] Об истории этой легенды: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 76–79; *Хоруженко О.И.* Родословие как конструкция родовой памяти текстология родословных росписей князей

Получив отказ в своих претензиях, У.С. Ляпунов всё равно отказался принять назначение вторым воеводой Михайлова и подчиниться кн. Ф.Ф. Волконскому. После распоряжения из Разрядного приказа строптивый дворянин был посажен в михайловскую городню. Вскоре воевода сообщил, что У.С. Ляпунов «из тое городни, проломав мост, ходит на башню, и живет все в башне *своим покоем*, а не в тюрьме» и хочет «отсидеться» от службы. Сын боярский, посланный для осмотра городни, обнаружил там потайную лестницу, при помощи которой заключённый свободно покидал место заточения. Только после новых угроз из Москвы У.С. Ляпунов подчинился и «взял списки» – хотя, по-видимому, противостояние продолжалось и в дальнейшем[1].

Накануне этого местнического спора кн. И.Ф. Волконский просил отставить его от рязанской воеводской службы с кн. П.А. Репниным, потому что боярин «Ляпуновым свой … станет за Ляпуновых ему мстить какую недружбу, *а семья Ляпуновых на Резани великая*». В Москве аргумент сочли вполне убедительным, и челобитье было удовлетворено[2]. Если принять во внимание такую репутацию У.С. Ляпунова, меньше удивления вызывает настойчивость, с которой он десятилетиями боролся за «изменничьи» поместья против многочисленных «недругов» рода. Представители нового поколения Ляпуновых, таким образом, не стали обычными, рядовыми представителями рязанского дворянства: они сохранили особый статус в локальной иерархии благодаря как авторитету Прокопия, так и неординарной личности Ульяна.

Микроисторикам хорошо известен парадоксальный эффект, возникающий при изменении масштаба исследования: на локальном уровне гражданские войны предстают не столько идеологическими противостояниями, сколько множеством

Волконских XVI–XVII вв. С. 207–208; *Шеков А.В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории XIII – середины XVI вв.). Тула, 1993. С. 56–60; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 86.

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 20. Л. 252–257, 293–298, 308–311; КР. Стб. 1052–1055; ДР. Т. 1. Стб. 668, 670, 678, 679, 747–748. См.: *Эскин Ю.М.* Описание подлинных местнических дел. С. 53–54.

[2] ДР. Т. 1. Стб. 668; КР. Стб. 1052.

разнообразных конфликтов интересов[1]. Смутное время, как показывает изучение рязанского случая, не является исключением. На фоне общегосударственного кризиса внутри местного сообщества происходило интенсивное перераспределение власти и собственности. Элита рязанского служилого «города» не раскололась на «партии» с разной политической ориентацией, но распалась на клановые группы давних «недругов», которые, как и прежде, соперничали за ограниченный земельный фонд. Одному из местных семейств – Ляпуновым – удалось на продолжительный период монополизировать власть в Переяславле-Рязанском, вытеснить соперников из уезда и извлечь максимальные выгоды из своего положения. Наследием Смутного времени стала серия судебных дел, в которых стандартным ходом являлось обвинение оппонента в «измене». За этими риторическими формулами всякий раз нетрудно обнаружить локальный конфликт, ключевой ставкой в котором являлась земля.

3.4.2. Землевладение Рязанского уезда после Смуты: общие тенденции

События Смутного времени нанесли колоссальный удар по экономике Рязанского края. Непрерывные боевые действия и татарские набеги дезорганизовали уездную жизнь. О масштабах хозяйственного расстройства свидетельствуют, среди прочего, многочисленные челобитные местных землевладельцев по поводу освобождения от уплаты пошлин «для бедности и разоренья», опубликованные Л.М. Сухотиным[2]. В дальнейшем служилые люди неоднократно обращались к властям за дозволением уплачивать подати «по новому дозору с живущего». Так, у Г.В. Измайлова в «живущем» оставалось всего 2 ч. вотчинной земли[3]. Серьёзно пострадали города: Зарайск был «разорен

[1] *Берк П.* Что такое культуральная история? М., 2015. С. 77.
[2] *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 52, 58–59, 65, 69, 76, 78, 79, 83, 92, 93–94, 102, 103, 109, 134, 140, 151, 169, 174, 184, 196, 201. Другие упоминания «разорения» в регионе см., напр.: *Корецкий В.И.* Новые документы по истории восстания И.И. Болотникова. С. 79; *Он же.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 94–97.
[3] Акты писцового дела. Т. 1. С. 96 (№ 72), 101–104 (№ 76–80).

трождды и людей посадских многих побили и посад выжгли»[1]. В.И. Корецкий обратил внимание, что во всех рязанских центрах посадские люди, стремясь избегнуть тягла, массово перешли в различные категории государевых служилых людей «по прибору»[2]. Например, михайловский воевода сообщал, что «никаких сошных тяглых людей нет – все служивые люди, а которые были черные люди до разорения 200 человек, и те в межьусобье разошлися по слободам и в стрельцы и в казаки, а иные побиты. А чернослободцев … нет ни одного человека»[3]. Экономический ущерб, понесённый рязанскими городами, позволяют оценить документы Владимирской четверти, проанализированные Д.В. Лисейцевым[4].

В середине 1610-х гг. в Рязанском уезде были проведены писцовые дозоры[5]. В двух станах (Окологородном и Старорязанском) работа была прервана начавшейся «татарской войной». Дозорщики жаловались в Москву, что «у многих дворян и у детей боярских на их поместья и вотчины *грамот и выписей нет, и что сколько за кем … сами за собою не ведают*; и подвод взяти не с кого»[6]. В последующие годы проводились также «особные» дозоры на отдельных территориях. «Первое валовое письмо» охватило уезд в 1627 г., прервалось на период Смоленской войны и окончательно завершилось только к 1640/41 г.[7]. Систематическое изучение рязанских писцовых книг по-прежнему является

---

[1] *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 95.

[2] *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. С. 278–279. См. также: Рязанские достопамятности, собранные Иеоронимом. С. 48.

[3] *Александров В.А.* Стрелецкое население южных городов России в XVIIв. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 239; *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. С. 96; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 59–61. Документ, ярко характеризующий состояние Черной слободы Переяславля-Рязанского, опубликован В.А. Аракчеевым: *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. С. 455–456.

[4] *Лисейцев Д.В.* Экономическое состояние Московского государства в первые годы царствования Михаила Федоровича (по материалам приказа Владимирской четверти) // Российская история. 2017. № 4. С. 17–35.

[5] Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. С. 23.

[6] Акты писцового дела. Т. 1. С. 29–30.

[7] *Азовцев А.В.* Рязанская земля. Предисловие. С. 23–24; *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 2. С. 617.

актуальной задачей. Некоторые наблюдения относительно восстановления уездного хозяйства сделаны А.Л. Шапиро: сопоставление дозора и книги «валового письма» по Моржевскому стану показало быстрый рост числа крестьянских дворов и площади обрабатываемых земель. Исследователь проанализировал также логику перехода к нормам «живущей» (дворовой) четверти. Рязань попала в первую, наиболее тяжёлую налоговую статью[1]. Специального внимания заслуживает принципиальная проблема обложения однодворческих хозяйств, поставленная И.Н. Миклашевским[2] и недавно рассмотренная Е.В. Камараули на воронежском материале[3]. Отметим, что на Земском соборе 1642 г. рязанцы вместе с представителями других южных городов обращались с просьбой «имати деньги и всякие запасы ратным людям … *сколько за кем крестьянских дворов, а не по писцовым книгам*»[4].

Новым явлением в истории Рязанского уезда являлась массовая раздача ***дворцового фонда***[5]. В годы Смуты доступ к государевым землям Старорязанском стане получили заслуженные представители местного «города». Наиболее щедрых поместных дач, как уже отмечалось, добились представители рода Ляпуновых, но пожалования охватили и более широкий круг лиц. В конце правления Василия Шуйского соседние с с. Козарь «волости» перешли к кн. Ф.С. Бабичеву и Г.В. Житову – головам рязанских сотен, которые в первые месяцы 1610 г. находились в Москве[6]. В раздачу пошла бывшая вотчина А.П. Клешнина, с. Усторонь (рядом с с. Исады), в котором появились поместья Д.П. Беклемишева и кн. И.А. Волконского. Д. Стерлегова и Назимова,

[1] *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть. С. 99–100, 104–107, 110–111, 113

[2] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. С. 44–47.

[3] *Камараули Е.В.* О применении норм «живущей четверти» в период писцового описания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2 (72). С. 28–40.

[4] Акты, относящиеся к истории земских соборов. С. 54.

[5] Об общих тенденциях см.: *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. С. 206–211, 254; *Павлов А.П.* Раздачи черных и дворцовых волостей и изменения географии землевладения боярской знати в годы царствования Михаила Романова // Палеоросия. 2017. № 7. С. 249–259.

[6] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286); АСЗ. Т. 4. С. 207 (№ 278); РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 408. Л. 205–209. Впоследствии породнились: ЗВК. С. 289.

расположенные неподалёку, при Василии Шуйском были переданы Н.П. Беклемишеву и С.А. Хирину. Эти новые владельцы из числа рязанских дворян впоследствии переводили полученные земли в вотчины за «осадное сидение»[1].

После Смуты пожалования из дворцовых земель Рязанского уезда расширились и приняли систематический характер. В качестве важного момента следует выделить раздачи 1619/20 г., когда в Старорязанском стане действовали одновременно несколько отдельщиков[2]. О масштабах этих мероприятий позволяет судить сравнение численности помещиков: конце XVI в. их здесь было всего четыре десятка, а во второй четверти XVII в. – почти пятьсот[3]. Дворцовые земли в других станах, значительно менее обширные, также активно переходили в частные руки. Однако по сравнению с эпохой Смуты изменился состав служилых людей, которые могли претендовать на такие владения. Теперь из дворцовых земель испомещались не столько местные дети боярские и казаки[4], сколько представители сообществ, в силу внешнеполитической конъюнктуры выброшенные за пределы своих уездов: воротынцы, дорогобужане, козличи, медынцы, мещовцы, ржевичи, серпяне, смоляне и др. Эти служилые люди получали поместья «с городом вместе» и занимали как целые волости Старорязанского стана, так и отдельные участки в Перевитском, Пониском и Каменском станах[5]. Если опричные переселенцы вливались в состав рязанского сообщества, то послесмутные помещики сохраняли обособленные служилые

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 408. Л. 840, 891; РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 695; *Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа. С. 116, 121, 164. В челобитной Ляпуновых с. Усторонь упоминается как отданное М. Мезинову (АИ. Т. 2. С. 347 [№ 286]). На поместье неверстанного Н.П. Беклемишева в 1614 г. претендовали кн. Г.А. Волконский и А.Ф. Маслов: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 6. Л. 182–183.

[2] *Новосельский А.А.* Распад землевладения служилого «города» по десятням XVII в. С. 245.

[3] ПКРК. Вып. 1. С. 242–245; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 408. Л. 1–21.

[4] *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. С. 358–359.

[5] *Новосельский А.А.* Распад землевладения служилого «города» по десятням XVII в. С. 243–245. В десятне 1621/22 г. разбору подверглись, среди прочих служилых людей, «резанские помещики смоляне» и вязьмичи (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 6. Л. 558 и след.). Датировку испомещения «мещан и козличей» «126-м» (1617/18) годом см., напр., в челобитной В.П. Ляпунова: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 35/40934. Л. 646.

организации и были связаны с представителями местного «города» только соседством.

Благодаря пожалованиям из дворцовых земель значительно увеличилось землевладение ***«московских» чинов*** в уезде. В начале Смуты его удельный вес, как можно предполагать, существенно снизился: поместья и вотчины противников Лжедмитрия I были отписаны в Казну и частично розданы местным служилым людям[1]. Впоследствии рязанские владения получали знатные сторонники Василия Шуйского[2] и польского королевича[3], а особенно широко к таким пожалованиям прибегали правительства Ополчений. Обширными владениями в уезде на заключительном этапе кризиса располагали кн. Д.Т. Трубецкой, кн. Д.М. Пожарский и И.М. Заруцкий, а также рязанские воеводы М.М. Бутурлин и М.А. Вельяминов[4]. По итогам Смуты лишь небольшая часть пожалованных «при боярах» рязанских земель закрепилась за новыми хозяевами, остальные были взяты во Дворец или возвращены Годуновым[5].

Процессы дальнейшего распространения землевладения столичной знати на южные территории обстоятельно рассмотрены А.П. Павловым[6]. Рязанский уезд не вошёл в число «заповедных» регионов, которые, как установил

---

[1] Ср. с тезисом о «бесследном» исчезновении досмутных владений столичной знати в уезде: *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. С. 355.

[2] *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. С. 4.

[3] АЗР. Т. 4. С. 325, 391, 409; АИ. Т. 2. С. 367 (№ 311).

[4] *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. С. 1, 8, 18; Дело о пожаловании князю Д. П. Пожарскому из поместья в вотчину по уложенью. С. 2; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 405. Л. 30об.; № 408. Л. 263об., 264, 843об. См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 55, 64; *Он же.* Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г. С. 72.

[5] *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России. С. 36; *Павлов А.П.* Судьба землевладения рода Годуновых после Смуты // Палеоросия. 2016. № 5. С. 434–436.

[6] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2; *Он же.* Раздачи черных и дворцовых волостей и изменения географии землевладения боярской знати в годы царствования Михаила Романова; *Он же.* Рост землевладения боярской элиты за счет пожалований из черных и дворцовых земель в первой половине XVII в. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3 (15). С. 32–45; *Он же.* Судьба землевладения рода Годуновых после Смуты.

А.Л. Станиславский, были определены указом 1619 г.[1]. Уже в первые десятилетия царствования Михаила Фёдоровича здесь возникли комплексы земель (зачастую весьма обширные) московской элиты – бояр кн. Д.М. Черкасского, кн. Ю.Я. Сулешева, В.П. Морозова, П.П. Головина, окольничих кн. А.М. Львова, Ф.Л. Бутурлина и других[2]. Старинные вотчины в уезде смогли восстановить Шереметевы[3]. В дальнейшем «московские» чины увеличивали свои рязанские владения путём браков и скупки земель у местных землевладельцев. Кроме того, они переводили новопожалованные поместья в вотчины за «осадное сидение в королевичев приход» и особые службы. При этом рязанские дворяне, выдвинувшиеся в столицу, не получали (за редкими исключениями) в Рязанском уезде поместных или вотчинных пожалований из дворцового фонда.

Землевладение «московских» чинов, как уже отмечалось, увеличивало социальную напряжённость в уезде (**2.3.5**). Показателен случай, когда зарайские пушкари, направленные в 1616 г. для борьбы с корчемством, побоялись заходить в «шалаш» одного из дворников кн. И.Б. Черкасского[4]. Статусное неравенство различных владений и дворовых людей, населявших хозяйства разных чинов, стало частью повседневной жизни уезда. Не менее важно, что рязанцы не могли на равных конкурировать с «сильными людьми» за ограниченный земельный фонд. Характерно, например, что при раздаче выморочной вотчины Годуновых в 1628–30 гг. поместья получили не рязанские служилые люди, а выходцы из столичных родов – Ф.В. Волынский, Ф.С. Стрешнев, Н.Д. и М.А. Вельяминовы[5]. Вотчины Г.В. и М.Ф. Измайловых, конфискованные «за опалу», раздавались

[1] *Станиславский А.Л.* Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г. О дальнейших изменениях см.: *Новосельский А.А.* Распространение крепостного землевладения в южных уездах Московского государства // Исторические записки. М., 1938. Т. 4. С. 21–40.

[2] *Павлов А.П.* Раздачи черных и дворцовых волостей и изменения географии землевладения боярской знати в годы царствования Михаила Романова. С. 252–253.

[3] *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. Кн. 1. С. 452–454; Кн. 2. С. 225–228; *Павлов А.П.* Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. С. 964.

[4] Доклад Д.В. Лисейцева «Борьба с корчемством в Московском государстве в первой половине XVII в.» на X международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (тезисы: *Лисейцев Д.В.* Борьба с корчемством в Московском государстве в первой половине XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции. М., 2019. С. 117–118).

[5] *Павлов А.П.* Судьба землевладения рода Годуновых после Смуты. С. 435.

стольникам кн. А.И. Львову, кн. Ф.А. Засекину, С.П. Колычеву и М.П. Левонтьеву и др.[1]. Кроме того, влиятельные придворные могли прямо посягать на земли местных дворян. Характерны настойчивые попытки К.И. Михалкова воспользоваться «утаенными» «излишками» Ляпуновых (**3.4.1**).

В делопроизводстве первых послесмутных десятилетий отразился и целый ряд других конфликтов, в которых рязанцам противостояли столичные «сильные люди». Характерный пример такого соперничества рассмотрен В.И. Корецким в связи с судьбой дьяка И. Тимофеева. В 1629 г. рязанские земли Б.А. Михалкова были конфискованы за «воровство» (махинации с грамотами), после чего в Поместный приказ обратились сразу несколько челобитчиков. Среди них был и патриарший стольник рязанского происхождения Г.М. Петров, который заявлял, что в руках Б.А. Михалкова находились «старинные» владения его семьи. Хотя дело было «выписано» на государя, земли Б.А. Михалкова «мимо других челобитчиков» перешли к дьякам И. Тимофееву и его приемному сыну И.К. Грязеву. После смерти И. Тимофеева одно из рязанских поместий «именным приказом» царя и патриарха «*иным не в образец*» было пожаловано в 1631 г. его вдове – вновь в обход других дворян[2]. И.К. Грязев активно расширял владения в уезде и инициировал судебные разбирательства против местных служилых людей[3].

Значительные перемены в структуре рязанского землевладения были связаны с массовым ***переводом поместий в вотчины***. Более двухсот местных дворян и детей боярских были пожалованы таким образом за «осадное сидение» Василия Шуйского – их состав реконструирован Ю.В. Анхимюком и А.П. Павловым[4]. По подсчётам О.А. Шватченко, в шести станах в вотчину было

---

[1] ПКРК. Вып. 2. С. 665–666, 692, 710; Вып. 3. С. 796, 856–857, 1098; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 171.

[2] *Корецкий В.И.* Новые материалы о дьяке Тимофееве, историке и публицисте XVII в. С. 159–161, 165–166.

[3] ПКРК. Вып. 2. С. 591–592, 658–659. См. также передачу М.К. Грязеву «вылганной» вотчины рязанского землевладельца кн. П. Дулова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 212. № 13369. Л. 293–295)

[4] ОС; *Павлов А.П.* К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты. С. 121. Установить количественное соотношение пожалований Василия Шуйского, «бояр» и Михаила Федоровича не представляется возможным. Сохранившиеся грамоты показывают, что

переведено около 9% совокупного объёма поместной земли[1]. Исследователь отметил, что «помещики выводили из поместья в вотчину свои лучшие земли, которые представляли большу́ю ценность»[2]. Количественно среди пожалованных преобладали мелкие и средние землевладельцы, однако в наибольшем выигрыше оказались представители рязанской элиты – служилые люди с высокими окладами (переводить можно было 20% с оклада 1610 г.) и хорошо обеспеченные поместной землёй. Следующая серия пожалований (за «королевичев приход») практически не затронула рядовой состав служилого «города». Зато новые и весьма значительные (благодаря возросшим окладам) приобретения сделали рязанцы, оказавшиеся в столичных чинах. Кроме того, ряд выслуженных вотчин за «королевичев приход» в уезде приобрели представители столичной знати[3].

Итак, пожалования за «осадные сидения» дополнительно увеличили социальный разрыв в среде рязанских землевладельцев. Представители местной верхушки получали относительно крупные комплексы наследственных земель и высвобождали свои поместные оклады для новых дач; малообеспеченные дети боярские могли обзавестись лишь небольшими вотчинными владениями[4]. При

при Михаиле Федоровиче вотчинные пожалования далеко не всегда автоматически закреплялись за новыми владельцами. Так, П.Ф. Кикин 24 ноября 1611 г. получил вотчинную грамоту на землю из рязанского и каширского поместий – всего 100 ч. с 600 ч. оклада (в документе отмечено, что «не дошло» 20 ч. положенной вотчинной земли) (Родословная роспись рода Кикиных. С. 20). В дальнейшем он оказался в плену и, по-видимому, не смог добиться подтверждения пожалования от Михаила Федоровича. В писцовой книге Рязанского уезда выслуженной вотчины за ним не числится. И.И. Гагин 30 ноября 1611 г. получил пожалование на 140 ч. с оклада 700 ч., но оно не было признано при Михаиле Федоровиче, земля сохранила поместной статус (*Азовцев А.В.* Грамоты 1571–1612 годов из архива рязанского Депутатского собрания. С. 350–351 [№ 2]; Книги приправочные. С. 37. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 402. Л. 678–682 об., 909–910об.). А.В. Хирин 7 марта 1612 г. был пожалован грамотой на 80 ч. с 550 ч. вместо утерянного документа от Василия Шуйского, землю сохранил (*Азовцев А.В.* Грамоты 1571–1612 годов из архива рязанского Депутатского собрания. С. 357–358 [№ 10]; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 234). И.Ф. Кикин 26 июля 1612 г. получил 150 ч. с 750 ч. 20 апреля 1614 г. оформлено аналогичное пожалование, но из другого поместья (Родословная роспись рода Кикиных. С. 21–22; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 405. Л. 831).

[1] *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. С. 355–356.

[2] *Шватченко О.А.* Земельные пожалования в России в эпоху смуты // Смутное время в современной отечественной историографии. Нижний Новгород, 2008. С. 78–79.

[3] ОС; *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. С. 357.

[4] *Он же.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. С. 76.

этом выслуженные вотчины получили только 10–15% представителей служилого «города», отобранные по относительно случайному (в контексте уездной иерархии) критерию московской службы в период «осадного сидения». Основой существования абсолютного большинства рязанцев оставались мелкие поместья, и долгосрочный эффект произошедших изменений имел для таких землевладельцев скорее негативный характер. Вследствие массового перевода земель в вотчину служилый «город», рассматриваемый в целом, утратил значительную часть поместного фонда, который ранее естественным образом перераспределялся внутри сообщества. Как констатировал О.А. Шватченко, на протяжении первых десятилетий XVII в. в Рязанском уезде повсеместно происходило «увеличение числа поместий, но при незначительном приросте фонда поместного землевладения или даже при его сокращении». Мероприятия правительства по выделению дворцовых земель рязанским новикам были явно недостаточными для поддержки местного «города»[1].

Для благосостояния различных групп рязанской элиты значение пожалований за «осадные сидения» было неодинаковым[2]. Старинные вотчинные фамилии (Вердеревские, Измайловы, Коробьины, Сунбуловы, Чевкины) нарастили уже имевшиеся наследственные владения. Выдвиженцы второй половины XVI в. (Биркины, Ляпуновы, Петровы) в разы увеличили наличный вотчинный фонд. Например, И.В. Биркин получил за два «осадных сидения» 320 ч. – больше, чем состояло за ним в вотчинах до Смуты. Наиболее значительную роль пожалования играли для переселенцев из других уездов (кн. Волконские, кн. Гагарины, Кикины, Ржевские, кн. Щетинины). Представители этих семейств получили возможность (зачастую – впервые со времён переселения) обрести вотчинное землевладение. Так, кн. Волконские приобрели в

[1] *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. С. 358–360. Заслуживает специального исследования также вопрос о запустении земель и раздаче пустошей новым владельцам. По наблюдениям Ю.В. Готье, после Смуты в Замосковном крае порожжие земли вводились в оборот чрезвычайно медленно, хотя могли бы стать главным источником «для постепенного устройства служилого землевладения» (*Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. С. 153, 255).

[2] Ссылки на писцовые материалы можно найти в работе: ОС.

общей сложности около 800 ч. вотчинной земли в Рязанском уезде[1]. Другой группой, в землевладении которой выслуженные вотчины теперь имели большой вес, являлись новые выборные дворяне. Многие из них (Есиповы, Казначеевы, Колтовские, Лихаревы, Масловы, Можаровы, Рахманиновы, Секирины, Хирины) получили пожалования за «осадное сидение» с высоких окладов.

Сопоставив данные «валового письма» с материалами описания конца XVI в., А.О. Шватченко обратил внимание на сокращение ***вотчинного землевладения старых рязанских родов***. Исследователь связал эти изменения с переделом собственности в Смутное время[2]. Систематическое сравнение писцовых книг позволяет отвергнуть эту гипотезу: борьба за землю, происходившая в кризисную эпоху, практически не отразилась на вотчинном землевладении рязанской элиты. Только в одном случае удаётся уверенно зафиксировать необратимый переход вотчины при живущих прежних владельцах, произошедший по результатам Смуты (с. Рыбное отошло от Обловых и Гвоздевых к доопричным хозяевам – Коробьиным: **3.4.1**). Перемены, происходившие при абсолютном преобладании регулярного наследования, были обусловлены естественными процессами мобилизации земли: пресечением отдельных ветвей или целых родов, а также покупкой, продажей, закладом или передачей в приданое.

Наиболее значительные изменения произошли в связи с пресечением мужских линий родов Дмитриевых[3] и Булгаковых-Денисьевых[4], а также старшей

---

[1] Опубликована часть вотчинных грамот: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 75–76, 80–81.

[2] *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. С. 355.

[3] Судьба вотчинных владений Дмитриевых после гибели И.И. Дмитриева (1611) подробно обсуждается в приложении 8. Наследницами стали вдова Алена (ум. 1621/22), вышедшая повторно замуж за Ф.И. Погожего, а также сестра Мария, вдова кн. В.Ф. Волконского. Вместе с сыном Федором ей удалось получить все земли брата, кроме вотчины, спор за которую она проиграла кн. Гагариным.

[4] Старинная родовая вотчина, принадлежавшая сыну Ф.Ю. Булгакова Ивану (ум. 1622), была в августе 1623 г. отписана на государя и оказалась к моменту «валового» письма в пустошах (Книги приправочные. С. 60; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 402. Л. 980; Оп. 212. № 13369. Л. 278–280). Вотчинные владения унаследовала также дочь Ефросинья, передавшая их затем в Троице-Сергиев монастырь. В 1622 и 1624 гг. вотчина была выкуплена кн. И.Ф. Волконским, женатым

ветви Сунбуловых[1]. Вотчинные земли отходили к другим родам через женщин, оставшихся в каждой из этих фамилий. Особенно преуспели в приобретении чужих вотчин представители одной из ветвей кн. Волконских, которые ранее заключили браки с представительницами как Дмитриевых, так и Булгаковых-Денисьевых[2]. Кн. И.Ф. Волконский, кроме того, в 1622–24 гг. за больши́е суммы выкупил вотчину Булгаковых-Денисьевых из Троице-Сергиева монастыря[3]. После пресечения наиболее видных родов осталось только двое дворян, которые несли службу исключительно со старинных и купленных рязанских вотчин (без поместного обеспечания) – И.П. и М.П. Вердеревские[4].

Другим важным фактором динамики вотчинного землевладения были заклады и купли[5]. Обратим внимание на затруднительное материальное

на Акулине, другой дочери Ф.Ю. Булгакова, за 649 р. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108). К моменту писцового описания вотчина в Окологородном стане была продана И.К. Грязеву, в Ростиславском – оставалась за кн. И.Ф. Волконским (ПКРК. Вып. 2. С. 658). Подмосковная вотчина Д.Ф. Булгакова-Денисьева отошла к его вдове Марии (Марфе) и в 1629 г. (вероятно, накануне смерти; в 1634 г. ее уже не было в живых) была отдана в качестве вклада в Троице-Сергиев монастырь (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108).

[1] После смерти Г.Ф. Сунбулова (1616, ранее 21 августа) наследницами стали дочери – Алена (к тому времени уже вдова), Алена и Мария. Согласно дозорным книгам, они владели вотчиной в Моржевском стане, перешедшей некогда в род в качестве приданого; в «валовом» письме она не числится (АСЗ. Т. 3. С. 341–342 [№ 417]; Книги приправочные. С. 62). В дальнейшем сестры (предположительно) вышли замуж за Л.С. Плещеева и П.С. Пушкина, к которым перешла вотчина в Окологородном стане; другая часть была передана по завещанию Г.Ф. Сунбулова Успенскому собору (указаны приказчики – Петр Чевкин и Дмитрий …, последняя фамилия утрачена) (ПКРК. Вып. 1. С. 36; Вып. 2. С. 662–664, 736–737). Полученная в начале Смуты вотчина Кобяковых вернулась к прежним владельцам (момент возвращения неясен) (АСЗ. Т. 3. С. 342; ПКРК. Вып. 1. С. 39; ПКРК. Вып. 2. С. 668). Поместье в Каменском стане перешло к кн. С.Ф. Волконскому (ПКРК. Вып. 1. С. 63, 321; Вып. 3. С. 1230–1231; *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 81). Сестра Г.Ф. Сунбулова Мария, вдова рязанца А. Потулова, получила «по духовной 117-го году» вотчину дяди П. Сунбулова – очевидно, также не оставившего сыновей (ПКРК. Вып. 2. С. 681).

[2] Аналогичный случай перехода массива родовой собственности от старых рязанских фамилий к княжатам – более поздний брак кн. Г.А. Гагарина с дочерью В.Ю. Вердеревского (ЗВК. С. 724–25).

[3] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108.

[4] *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 66–67.

[5] О расширении владений Ржевских за счет закладных вотчин см. **2.3.3**. Кн. В.И. Щетинин купил в 1625/26 г. вотчину Чевкиных (ПКРК. Вып. 3. С. 1177–1178). В 1610/11 г. Ляпуновы (вероятно, Прокопий) совершили куплю небольшого вотчинного участка у Павловых (по соседству находилась пустошь, купленная Г.П. Ляпуновым в конце XVI в.) (ПКРК. Вып. 2. С. 671). С.Г. Коробьин купил часть родовой вотчины у представителя другой ветви, П.М. Коробьина (ПКРК. Вып. 2. С. 648).

положение Л.И. и А.Г. Кобяковых, которые продали и заложили четыре свои вотчины, а также пошли на невыгодный обмен с С.Г. Коробьиным[1]. Собственность передавалась также в качестве приданого, причём от представителей рязанской элиты всё чаще переходила к «московским» чинам[2]. Фиксируются несколько случаев передачи вотчин в монастыри или, наоборот, их выкупа[3]. Наконец, опале с конфискацией в середине 1620-х гг. подверглись Г.В. и М.Ф. Измайловы, однако к моменту «валового» письма вотчины были им возвращены[4].

Сплошное сопоставление состояния ***поместного фонда*** рязанской элиты в 1590-е и 1620–30-е гг. показывает аналогичную картину. Нарушения преемственности не произошло: рязанцы «поколения Смуты» удержали за собой прежние поместья, а по завершении службы успешно передавали их своим детям или ближайшим родственникам. Такое положение дел не вызывает удивления, если принять во внимание рассмотренные ранее земельные конфликты. Предметами спора в значительной части из них были именно поместные земли, и только при исключительном стечении обстоятельств они могли закрепиться за

---

[1] Заклады А.В. Измайлову, дьяку М.Л. Талызину и Ольгову монастырю, продажа А.Я. Ощерину (ПКРК, Вып. 2. С. 668; вып. 3. С. 1083–1084, 1182, 1302; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 14; ЗВК. С. 318).

[2] Например, выслуженная вотчина В.Андр. Измайлова (ум. 1615) была передана в качестве приданого стольнику С.И. Великогагину, взявшего замуж его дочь Авдотью. Вместе с вотчиной перешло и поместье (ПКРК. Вып. 3. С. 944, 1244). Вторая дочь Дарья была замужем за кн. Г.В. Мезецким (бездетна), и после смерти обоих супругов ее жеребей был также передан кн. С.И. Великогагину (ПКРК. Вып. 3. С. 1245; ЗВК. С. 167). Вотчины И.В. Измайлова получил его зять стольник кн. М.М. Темкин-Ростовский (ПКРК. Вып. 2. С. 646; Вып. 3. С. 883; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 167; ЗВК. С. 120). Вотчина Кобяковых временно переходила к жильцу И.Н. Кубасову, который женился на Ульяне Ивановне Кобяковой (РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 78/9898). Обзор информации о браках представителей рязанской элиты (перешедших в «московские» чины) за пределами своего сообщества приведен в **3.4.3**.

[3] Вклады кн. Щетининых и Кобяковых в Ольгов монастырь: ПКРК. Вып. 3. С. 1302; РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 78/9898. В 1617/18 г. Г.В. Измайлов передал приданную вотчину своей жены в Коломенском уезде рязанскому Духову монастырю в качестве вклада (ЗВК. С. 571, 764). В 1627/28 г. Татьяна, вдова И.В. Измайлова, передала тому же монастырю купленную вотчину в Окологородном стане (*Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 286; по данным других источников, умер в 1629 г.). Вотчины В. Андр. Измайлова (ум. 1615) были выкуплены из Духова монастыря Г.В. и М.Ф. Измайловыми (ПКРК. Вып. 2. С. 665–666; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 405. Л. 690).

[4] АСЗ. Т. 3. С. 492 (№ 562); *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 392–393.

новыми хозяевами; каждый такой случай связан с длительными судебными разбирательствами.

Таким образом, за первую треть XVII в. структура уездного землевладения претерпела значительную трансформацию, главными элементами которой являлись раздача дворцовых земель, а также возрастание удельного веса выслуженных вотчин за счёт поместий. Изменился и состав землевладельцев – особенно заметно расширение присутствия в уезде столичной знати, оттеснившей местный «город» от наиболее выгодных пожалований. Представители рязанской верхушки получили значительные выгоды от перевода земель в вотчину и, за единичными исключениями, сохранили комплексы «старинных» владений. В то же время, они практически не приобрели новых рязанских поместий, которые позволили бы наполнить чрезвычайно возросшие оклады. Для рязанцев, пожалованных в «московский» список, главным источником новых приобретений стали земли в других регионах.

3.4.3. Рязанские дворяне после Смуты: столичная элита?

Рязанские фамилии, в досмутную эпоху составлявшие верхушку служилого «города», за период 1606–27 гг. закрепились в столичных чинах. Карьерное возвышение привело к важным изменениям в жизненном укладе этих семейств. В кризисных условиях Смуты рязанцы, пожалованные в «московский» список, оказались надолго оторваны от своих владений и привычной социальной среды (**3.3**). Традиционный ***режим службы*** членов «государева двора», восстановленный после Смуты, также предполагал их продолжительное пребывание вдали от своих поместий и вотчин. Как отмечал наблюдательный С. Немоевский, представители правящей элиты Московского государства «привыкли проживать в столице – более при царе быть, чем в деревнях или в селах». В «Записках» польского шляхтича подчёркивается, что никто из столичных дворян не мог без царского разрешения отлучиться в свои владения.

При получении такого дозволения записывалось необходимое время возвращения, и в случае опоздания следовало суровое наказание[1].

Сохранившиеся сведения о службе «московских» чинов в значительной степени подтверждают свидетельства С. Немоевского. Столичные дворяне регулярно отправлялись в дальние посылки, а в их отсутствие проводили при государе весь летний период, после чего расписывалась на «жилую» и «отпускную» половины[2]. Комплекс отпускных челобитных 1626–29 гг., опубликованных Е.Н. Горбатовым, показывает, что некоторые дворяне на протяжении многих лет не имели возможности воспользоваться положенным четырёхмесячным отпуском. Одни «без съезду» пребывали в Москве, другие длительное время состояли на общегосударственных службах в других регионах[3]. Так, И.В. Измайлов «был … три годы в Можайску … у городовова каменного дела, а у родителей на гробех и в деревнишках в те три годы … не бывал»[4]. Кн. Л.М. Волконский просил о перерыве, вернувшись трёх лет пребывания в Сибири, кн. М.С. Гагарин – после двухлетней службы рыльским воеводой и придворной службы «без съезду»[5]. Кроме того, в период нахождения в «жилой» половине могли произойти важные для конкретного лица события, которые требовали личного присутствия – но свободно покинуть Москву он не мог. В таких случаях дворяне московские, стольники, стряпчие и жильцы подавали специальные прошения о краткосрочном (до одного месяца) отпуске[6]. Г.К. Котошихин, описывая процедуру его оформления, отмечал, что никто «не смеет» уезжать из

[1] Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. С. 61, 189. Комментарий к этим свидетельствам см.: *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 394; *Он же.* С. Немоевский о русском государстве и обществе XVI – начала XVII в. // Russia mediaevalis. München, 1973–1997. S. 108–109. На постоянное проживание думных и московских чинов в столице указывал также Ж. Маржерет: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. С. 144–145.

[2] *Горбатов Е.Н.* «Подлинные» боярские списки 1626–1633 г. С. 5.

[3] *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов; *Он же.* Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования. Алексея Михайловича (1645 г.) // Российская генеалогия. См. также: *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 325, 329, 330.

[4] *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 257.

[5] Там же. С. 306.

[6] См. пример челобитной об обмене служилых людей из «московской» и «жилой» половин: Там же. С. 299.

Москвы без специального разрешения «ни на один день», а отпущенный дворянин может быть в любой момент вызван обратно в столицу[1]. В ходе собора 1642 г. представители «московских чинов» сетовали, что «после службы городовые люди живут по вотчинам своим и поместьям, а московские люди, по его государеву указу, *на Москве живут без съезду*»[2].

Такой порядок службы гораздо значительнее, чем ранее, ограничивал участие представителей рязанских родов в делах своего уезда. Служилые люди, пожалованные в «московские» чины, становились, по известному выражению А.В. Романовича-Славатинского, «временными гостями» в своих поместьях и вотчинах[3]. От этого страдало, прежде всего, хозяйство. Далеко не все дворяне располагали приказчиками, которые контролировали бы крестьян и могли представлять интересы хозяина («человека у меня *токовского* нет, а земля у меня спорная»)[4]. Так, стряпчий И.Г. Вердеревский сообщал, что три семьи крепостных сбежали, пока он находился при государе, причём увели с собой «последние клячи пахотные». Рязанец получил известия о местонахождении своих беглых крестьян и просил отпустить его для поисков[5]. В.В. Биркин обратился с челобитьем о пребывании в деревне «на время для моей бедности»[6]. Особенно интенсивные обращения к государю вызвало валовое писцовое описание, актуализировавшее все старые земельные споры: служилые люди стремились

[1] «Такъже как пойдет царь куды в поход, на неделю и болши, или будучи и на Москве, а бояром и думным и ближним людем и полковником и дьяком для гулянья, или для какова дела, понадобится ехать в деревни свои, дни на два, или на неделю и на месяц: и они бьют челом царю о том, и царь их отпущает с сроком, а без отпуску из бояр, и из думных и из ближних людей, и ис полковников, и из дьяков, с Москвы сьехать не смеет никто, ни на один день; да как они бывают отпущены на срок, и преж сроку для какого дела царю будут надобны, и по них посылают грамоты с людми их, которые останутца на Москве, или нарочно [с] стряпчими и з жилцами и с подьячими, велят быть тотчас. Да не токмо для гулянья своего отпрошиваютца, но когда прилучитца им которого дни друг у друга быти в гостях, на свадбе, или на крестинах, или на имянинах, и они отпрашиваются по такому ж обычаю» (*Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 35–36).

[2] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. С. 52.

[3] *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 402.

[4] *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 347

[5] Там же. С. 328–329.

[6] Там же. С. 291.

получить отпуск «в деревенишка для писца». И.П. Вердеревский просил о месячном отпуске перед отправкой на сибирскую службу, поскольку в его вотчине «завлодел землею к своей земле Юрья Чевкин»[1]. А. Безобразов сообщал, что у него «ссора великая» с рязанцем Д.(П.) Беклемишевым, и в отсутствие человека, «кому у писцов на спорной земле быть», он должен лично находится на месте[2].

Длительное пребывание в Москве делало необходимым приобретение ***столичного жилья***. Можно предполагать, что дворами в Москве постепенно обзавелись практически все возвысившиеся рязанские фамилии. До времени царствования Михаила Фёдоровича указания на такую собственность в источниках редки; благодаря случайным упоминаниям столичные дворы известны только у Измайловых и Ржевских[3]. Сохранилась любопытная деталь, свидетельствующая об организации московской жизни: в 1609 г. в столице проживала жена А.Н. Ржевского, и крестьяне привозили ей «запасы» из рязанских поместий и вотчин[4]. В переписи 1620 г., материалы которой дошли не полностью, упоминаются владения кн. Л.М. и И.М. Волконских, кн. А.Ф. Гагарина[5], Г.В. и Ф.И. Измайловых, Андр.В. Измайлова, Т.В. и И.В. Измайловых, В.Г. Коробьина, В.Г. и В.П. Ляпуновых[6], Г.Г., Г.Н. и И.Н. Ржевских, И.Н. Сунбулова. Столичные дворы имелись у выборных дворян И.Ф. и П.Ф. Кикиных и Г.В. Житова[7].

Правительство Михаила Фёдоровича придавало большое значение наделению членов «государева двора» подмосковными поместьями, и такими владениями были пожалованы многие из возвысившихся рязанцев. Наличие земли в центральном уезде создавало благоприятные условия для несения длительной придворной службы, однако в силу объективной ограниченности

---

[1] *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 302.
[2] Там же. С. 304.
[3] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520; АЗР. Т. 4. С. 350, 361.
[4] АСЗ. Т. 2. С. 318–319 (№ 370).
[5] ЗВК. С. 658.
[6] В документах о свадебной церемонии 1623 г. упоминается их дом в Белом городе (*Беляков А.В.* Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV – XVII в. С. 657).
[7] Переписи московских дворов XVII столетия. М., 1896. С. 5, 16, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 30.

земельного фонда получить такие поместья имели возможность не все. По наблюдению А.П. Павлова, «чем выше был ранг и значение чина, тем лучше его представители были обеспечены поместными землями» в Московском уезде[1]. Примечательно стремление представителей рязанских фамилий обзавестись подмосковными вотчинами[2]. Упоминаются такие владения кн. И.А. Дашкова[3], кн. Н.Н. Гагарина[4], П.Х. и М.Ф. Измайловых[5], С.Г. и В.Г. Коробьиных[6], В.П. Ляпунова[7]. Длительное судебное дело возникло вокруг вотчины Г.В. Измайлова. В 1610 г. Василий Шуйский именным указом «у обедни у своего царского места» распорядился пожаловать ему «за службу преж всех челобитчиков … ис подмосковного ево поместья в вотчину … не в образец». Уникальность этого пожалования навлекла на Г.В. Измайлова челобитье дьяка Т. Бормосова о якобы «выланной» вотчине. В 1633 г. по этому делу был даже допрошен слепой старец Дионисий – ушедший в монастырь думный дьяк Н. Новокщенов[8].

За первые десятилетия XVII в. произошло значительное увеличение объёма землевладения рязанской элиты за пределами уезда. В досмутный период, напомним, местные служилые люди редко обзаводились поместьями и вотчинами вдали от своего края (**2.3**). Когда рязанцы оказались в «московских» чинах, положение изменилось. Для вознаграждения своих сторонников, оклады которых стремительно возрастали, правительства Смуты широко использовали дворцовый

---

[1] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 353–355.

[2] О регулировании этого землевладения: *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. С. 257; *Сторожев В.Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 91–97 (№ 74, 77).

[3] ЗВК. С. 1199.

[4] *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 80–81.

[5] Там же. С. 110–111.

[6] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 415–416; *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 130–131; *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. С. 137.

[7] ЗВК. С. 171–172; *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 36.

[8] АСЗ. Т. 3. С. 491–493 (№ 562, 563).

фонд и конфискованные земли в различных регионах Московского государства. Полную картину землевладения рязанской элиты возможно восстановить после обработки всего массива книг «валового» писцового описания. Здесь мы наметим общие контуры процесса формирования такой собственности, основываясь на данных других делопроизводственных источников. Особенно важны сказки «московских» чинов 1631/32 г., содержащие срез землевладения части столичной элиты (таблица 3.9)[1]. Подчеркнём, однако, что для интересующей нас группы представленная в этом источнике выборка не является в полной мере репрезентативной.

Таблица 3.9 – Землевладение московских дворян рязанского происхождения по данным сказок 1631/32 г.

	Поместной земли, ч. (в уездах, ед.)	Поместной земли в Рязани	Вотчинной земли, ч. (в уездах, ед.)[2]	Вотчинной земли в Рязани	Всего земли, ч.
Биркин И.В.	874 (4)	41%	561 (2)	88%	1435
Вердеревский И.П.	–	–	1102 (1)	100%	1102
Вердеревский Ю.В.	? (2)	?	? (2)	?	1411
кн. Волконский И.Ф.	305 (1)	100%	170 (1)	100%	475
Волконский Ф.Ф.	60 (1)	0%	350 (3)	31%	410
кн. Гагарин Н.Н.	700 (5)	50%	314 (3)	31%	1014
кн. Гагарин Г.П.	90 (1)	100%	187 (1)	100%	277
кн. Гагарин М.С.	603 (3)	(8%)[3]	100 (1)	100%	703
Измайлов П.Х.	750 (2)	87%	742 (4)	23%	1492
Измайлов Ф.И.	416 (2)	75%	403 (1)	100%	819
Колтовский К.В.	295 (1)	100%	120 (1)	100%	415
Коробьин И.Г.	826 (7)	10%	575 (3)	47%	1401
Коробьин С.Г.	846 (?)	(65%)[4]	1714 (?)	(39%)[5]	2560
Коробьин Ф.Ф.	? (1)	?	? (1)	?	250
Ляпунов В.П.	783 (1)	100%	500 (2)	74%	1283
кн. Мещерский Д.Ю.	480 (1)	?	180 (1)	?	660
Можаров И.И.	236 (2)	85%	163 (1)	100%	399
Петров М.Т.	344 (1)	100%	186 (1)	100%	530
Ржевский И.А.	489 (1)	100%	300 (1)	100%	789
Ржевский И.И.	485 (1)	100%	185 (1)	0%	670
Ржевский Н.Г.	120 (1)	0%	226 (1)	100%	346

Наиболее интенсивное расширение нерязанского землевладения характерно для **Измайловых**. В отдельных случаях удаётся приблизительно установить

[1] *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века.
[2] Ряжский и Рязанский уезды учитываются как один.
[3] Подсчитано по данным писцовых книг.
[4] Подсчитано по данным писцовых книг.
[5] Подсчитано по данным писцовых книг.

время приобретения конкретных земель. Так, А.В. Измайлов получил от Лжедмитрия I поместье в Мещовске[1], Н.В. Измайлов (ум. 1606) – ярославское поместье[2]. Т.В. Измайлов благодаря пожалованиям Василия Шуйского к 1610 г. располагал поместьями в Бежецком, Зубцовском, Можайском и Ярославском уездах[3]. «При боярех под Москвой в полкех» А.В. Измайлов с детьми получили муромскую вотчину (1670 ч.), которая впоследствии отошла в Казну[4]. За посольскую службу при заключении Деулинского перемирия А.В. Измайлов был пожалован также вотчиной в Галичском уезде[5]. Как показал А.П. Павлов, после Смуты многочисленные поместья и вотчины членов рода были разбросаны по полутора десяткам уездов Московского государства[6]. У семейства окольничего А.В. Измайлова совокупный объём земель в других регионах существенно превысил рязанские владения.

Коробьины (Гавриловичи) по воле случая получили весьма значительный комплекс земель за пределами Рязанского уезда. В начале Смуты к В.Г., Б.Г. и И.Г. Коробьиным на поместном праве перешла вотчина, некогда принадлежавшая Шереметевым – с. Песочня Большая Окологородного стана (900 ч.). Часть земли была переведена братьями в вотчину за «осадное сидение» Василия Шуйского. Однако в 1610 г. Ф.И. Шереметев получил от королевской администрации «лист» на это владение. «Против рязанской вотчины и поместья села Песошны» Коробьиным были переданы аналогичные по размерам земли в Суздальском и Костромском уездах[7]. Примечательно, что данный обмен был признан и

---

[1] *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России. С. 36; АЗР. Т. 4. С. 376, 382.
[2] АЗР. Т. 4. С. 361.
[3] АЗР. Т. 4. С. 378.
[4] *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. С. 3; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 388.
[5] *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. С. 137.
[6] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 388–394.
[7] АЗР. Т. 4. С. 385, 395; Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 81–82; ОС. С. 437. Историю с. Горицы, которое было обменяно Шереметевыми у Коробьиных на старинную рязанскую вотчину, а спустя многие десятилетия вернулось к прежним владельцам в качестве приданого см.: *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851. С. 181–185; *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1882. Кн. 2. С. 227–228; СПб., 1904. Кн. 8. С. 336–338.

правительством Михаила Фёдоровича[1]. После Смуты члены рода продолжали наращивать владения за пределами своего уезда: В.Г. Коробьин в 1625/26 г. купил две вотчины в Ростовском уезде[2], И.Г. Коробьин после возвращения из плена получил козельское поместье[3]. По сказкам 1631/32 г. поместья за ним числились в семи, вотчины – в трёх уездах. С.Г. Коробьин тогда же сказал за собой землевладение в пяти уездах[4]. Как и у Измайловых, по своему удельному весу рязанские земли Гавриловичей постепенно начинали уступать владениям, расположенным в других регионах.

И.В. **Биркин** купил небольшую вотчину в Коломенском уезде, а также получил обширные поместья в Галичском и Пошехонском уездах[5]. Значительные поместья в Пошехонье и Муроме были даны кн. М.С. **Гагарину**; часть пошехонского поместья он перевёл в вотчину за «королевичев приход». Кн. Н.Н. Гагарин располагал поместьями в пяти, вотчинами – в трёх уездах[6]. Кн. Л.М. и И.М. **Волконские** перевели в вотчину суздальское поместье[7], кн. Ф.Ф. Волконский – кадомское. За последним упоминается также дмитровская купля[8]. П.Х. **Ларин-Измайлов** за две московские осады получил 440 ч. из владимирского поместья[9]; в соседнем Юрьевском уезде за ним числилась

---

[1] *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. С. 2; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 241, 244.

[2] Обзор землевладения см.: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 415–416.

[3] *Кашкин Н.Н.* Столбцы Щербачевых // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1907. Вып. 1. С. 22 (2-я паг.).

[4] *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 130–131; ЗВК. С. 182–183, 1165–1166; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 306–307. В конце Смуты временно получал костромское поместье (АСЗ. Т. 3. С. 270 [№ 329]), ранее 1617 г. владел поместьями в Шацке (Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. С. 115, 121).

[5] Обзор землевладения см.: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 419.

[6] ЗВК. С. 342; *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 80–81.

[7] *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 94–95, 101–102.

[8] *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 70–71; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 366–367.

[9] Упоминается за ним с братом в 1610 г.: АСЗ. Т. 4. С. 412 (№ 514).

приданая вотчина[1]. Вотчина И.И. **Ржевского** в Угличе была дана в приданое сестре Мавре, после её смерти в 1623 г. вернулась к прежнему владельцу[2]. За ним числилось также поместье в Ржевском уезде[3]. Кн. М.В. **Щетинин** получил в вотчину часть костромского поместья[4].

Итак, представители рязанской элиты, перешедшие в «московские» чины, гораздо активнее, чем в досмутный период, приобретали земли в разных частях Московского государства. О расширении кругозора рязанцев свидетельствуют, среди прочего, челобитные польскому королю: некоторые местные дворяне просили о землях в отдалённых регионах (приложение 8). После Смуты свободный земельный фонд в Рязанском уезде подвергся значительному сокращению. Выходцы из местных родов (вне зависимости от чиновного статуса) не получили ни значимых поместных дач, ни, тем более, вотчинных пожалований из дворцовых владений своего края. Наполнять возросшие оклады теперь было возможно главным образом за счёт нерязанских поместий. Характерно, что в ряде случаев именно эти земли переводились в вотчины «за осадные сидения». Оказавшись на столичной службе, рязанские дворяне изменили отношение к наследственной собственности за пределами уезда. В конце XVI в. они стремились избавляться от нерязанских вотчин, а приобретали их только для совершения монастырских вкладов; после Смуты – целенаправленно покупали такие владения.

В целом рязанские выдвиженцы были весьма неравномерно обеспечены землёй. Данные сказок позволяют составить некоторое представление о чрезвычайной неоднородности этой социальной группы в землевладельческом отношении (таблица 3.9). В 1630/31 г. многие рязанцы, пожалованные в

[1] *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 110–111; ЗВК. С. 179–180.
[2] ЗВК. С. 45; *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 186–187; Угличские писцовые книги XVII в. // Временник Демидовского юридического лицея. 1887. Кн. 45. С. 339–340.
[3] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 194.
[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 153–155.

«московские» чины, вовсе не сказали за собой поместий или вотчин вне уезда[1]; некоторые уступали по количеству имевшихся четвертей даже городовыми дворянам. Благосостояние определялось двумя ключевыми факторами: унаследованным фондом и столичным успехом. Возможности получения новых земель в других регионах зависели от того, насколько видное положение служилый человек занимал при дворе. Так, Измайловы и Коробьины смогли значительно увеличить свои и без того обширные хозяйства благодаря вхождению в высший круг московской элиты. Кн. Н.Н. Гагарин по итогам Смуты также стал обеспеченным землевладельцем, сделав столичную карьеру, в то время как раньше имел лишь одно рязанское поместье. Вердеревские, как и прежде, являлись крупными вотчинниками, но продвигались в «московские» чины медленнее других рязанцев и новых приобретений не сделали. Кн. Г.П. Гагарин, К.В. Колтовский и И.И. Можаров, только недавно перешедшие в столицу из «выбора», располагали только весьма скромными владениями.

Земли в других регионах являлись не просто дополнительным источником дохода – наличие таких поместий и вотчин размывало фокус повседневных интересов рязанских дворян. Новые владения требовали большего внимания, чем старинные земли. Характерно, что Измайловы просили об отпусках именно для поездок в ярославское (П.Н. Измайлов)[2] и арзамасское (И.В. Измайлов)[3] поместья, а не в Рязанский уезд. М.Т. Измайлов отъезжал «в ярославское деревенишка для освещенья храма»[4]. В 1623 г. Коробьины возвели в суздальском селе деревянную церковь Рождества Богородицы, заменившую старый ветхий храм[5].

---

[1] К числу таких дворян относились, как ясно из таблицы, Ю.В. и И.П. Вердеревские, кн. И.Ф. Волконский, кн. Г.П. Гагарин, Ф.И. Измайлов, К.В. Колтовский, В.П. Ляпунов, кн. Д.Ю. Мещерский, И.И. Можаров (к 1630/31 г. перешел из «выбора» в дворяне московские), М.Т. Петров, И.А. Ржевский, Н.Г. Ржевский (*Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 36–37, 69–71, 80–81, 112–113, 124–125, 146–147, 152–153, 170–171, 186–187). Подмосковные вотчины и поместья в данном случае не учитывались.

[2] *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С 321.

[3] Там же. С. 319.

[4] Там же. С. 309.

[5] Об этом повествует примечательный летописец первой половины XVIII в.: *Бутрин Е.С.* Горицкий летописец из собрания Государственного архива Ивановской области (первая

И.Г. Коробьин в мае 1627 г. посещал козельское поместье «для раздела», но впоследствии крестьяне оказали сопротивление и «выбили» людей нового владельца[1].

После Смуты значительные изменения претерпела ***матримониальная политика*** родов рязанской элиты. Закрепившись в «московских» чинах, рязанцы стали устанавливать связи с другими фамилиями правящего слоя, в то время как внутриуездные союзы отошли на второй план. Родство, свойство, дружба и покровительство составляли ткань придворного сообщества, и от них зависело благосостояние и успешность служилого человека на московской службе. Провинциальные дворяне начали встраиваться в эту систему отношений[2]. Рассмотрим эту проблему подробнее.

Измайловы[3], хотя и не вошли при Михаиле Фёдоровиче в круг царских фаворитов, занимали уверенные позиции в столичной элите. Г.В. Измайлов в 1626 г. вместе с кн. Д.М. Пожарским, кн. И.Н. Хованским и кн. Ф.А. Телятевским выступал послухом на рядной записи А.И. Годуновой (урожд. Стрешневой, вдовы Н.В. Годунова)[4]. Данный документ показывает, что Измайловы и во втором поколении сохраняли связь с Годуновыми, установившуюся в конце XVI в. (**2.3.6**).

В. Андр. Измайлов скончался в 1615 г.[5], и замужество его дочери организовывали Г.В. и А.В. Измайловы. Такое участие в судьбе дальней родственницы (для первого – двоюродной, для второго – троюродной

половина XVIII в.) // Отечественные архивы. 2013. № 3. С. 27–32. О восстановлении впоследствии С.С. Коробьиным церкви в селе Твердилкове Переславского уезда, полученном от кн. М.В. Щетинина: *Добронравов В.Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1893. Вып. 2. С. 176.

[1] *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 273, 295.

[2] Историография вопроса приведена в разделе **2.3.6**. Систематическое исследование связей внутри столичной элиты проделано А.П. Павловым: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1–2.

[3] О связях некоторых представителей этого рода см. также: *Павлов А.П.* Стольники как чин государева двора в царствование Михаила Федоровича Романова.

[4] *Мятлев Н.В.* Родословные заметки // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1911. Вып. 1–2. С. 27. См.: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 500.

[5] Датируется по ввозным грамотам (ЗВК. С. 112–113).

племянницы) весьма примечательно. Авдотья Васильевна была выдана за стольника кн. С.И. Великогагина. Сохранился отрывок памяти Г.В. Измайлова о затратах на свадьбу, которые составили 70 р. «Смотреть» невесту приезжали жена окольничего кн. И.В. Великогагина, а также супруга кн. А.В. Сицкого[1]. Вторая дочь В.Андр. Измайлова Дарья была выдана замуж за кн. Г.В. Мезецкого[2].

Окольничего А.В. Измайлова называли «свояком» думного дьяка И.Т. Грамотина[3]. Одна из его дочерей (Аграфена) вышла замуж за В.И. Бутурлина – этот брак, очевидно, состоялся ещё в годы Смуты. Летом 1610 г. А.В. Измайлов и В.И. Бутурлин вместе упоминались среди сторонников Василия Шуйского, якобы собиравшихся вернуть его на престол[4]. Вторая дочь окольничего стала женой стольника кн. Г.В. Тюфякина[5]. Мария Ивановна, дочь И.В. Измайлова, в первом браке была замужем за комнатным стольником Ф.А. Сицким, во втором – за кн. М.М. Темкиным-Ростовским[6].

Случай **Ляпуновых**[7] показывает выдающийся пример продуманной матримониальной стратегии. Арина (Ирина) Прокопьевна была выдана за кн.

---

[1] АСЗ. Т. 3. С. 468 (№ 544) (отчество в заголовке публикации указано неверно); ЗВК. С. 112–113 (№ 27); ИРГО. Вып. 2. 1903. С. 56.

[2] ЗВК. С. 167.

[3] В ходе местнического спора с С.Г. Коробьиным (1627 г.): РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 73. Л. 16.

[4] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 180; Т. 2. С. 296; *Тюменцев И.О.* Список сторонников царя Василия Шуйского. С. 318.

[5] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 180; Т. 2. С. 159.

[6] *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 2. С. 217; ПКРК. Вып. 3. С. 88; ПКРК. Вып. 2. С. 646; Вып. 3. С. 883; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 167; ЗВК С. 120, 713. Дочь Марфа – жена каширского выборного дворянина Лачина Писарева (ум. между 1617 и 1634 г.) (ЗВК. С. 318). Этот документ о разделе вотчины показывает широту родственных связей Измайловых.

[7] Коснемся здесь вопроса о браках П.П. Ляпунова (последнее по времени обращение к этой проблеме ср.: *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в. С. 28). Исследователями обнаружены надгробия с надписями «Фетинья Прокофьева жена Ляпунова» (ум. 1588) (фото: *Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф.* Русская мемориальная скульптура. С. 36), а также «Прокопьева жена Петровича Ляпунова Никифорова доч Денисова Ушакова Инокиня Анна» (ум. 1603) (список: *Федоров А.Ф.* Материалы к истории с. Исад, Спасского уезда, Рязанской губернии. Бывшей вотчины бояр Ляпуновых. С. 10). В писцовых книгах конца 1620-х гг. упоминается и третья жена – Мария (см. также: *Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа. С. 281), от брака с которой родился сын Лев. Возможно, это была представительница рода Колеминых, которые сообщали в 1629 г.: «Да нам же Ляпуновы свои: за Прокофьем Ляпуновым *наша сестра*» (АМГ. Т. 1. С. 269). За Л.П. Ляпуновым действительно обнаруживается «старая» вотчина Колеминых (ПКРК. Вып. 1. С. 240; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 195об.). Обратим внимание однако, что за Марией

Ф.В. Волынского, впоследствии ставшего окольничим. Организацией замужества сестры занимался В.П. Ляпунов[1]. Феодора Захарьевна стала женой стольника кн. П.А. Репнина, представителя известного боярского рода[2]. Мария Григорьевна вторым браком была замужем за дворянином московским Т.В. Грязным (ум. 1612)[3] , вместе с Г.Ф. Сунбуловым выступавшим против Василия Шуйского (**3.3.3**). В 1623 г. Мария вновь вышла замуж, на этот раз – за астраханского царевича Михаила Кайбулина (Кутлуг-Гирея)[4]. По заключению А.В. Белякова, такая комбинация была исключительным явлением для браков царевичей. Обычно выбирались невесты, происходившие из вымирающих ветвей родов первостепенной столичной знати. Рязанское семейство явно не соответствовало этим критериям[5]. Свадьба с Чингизидом имела характер государственной церемонии (по подсчётам А.В. Белякова, обошедшейся казне минимум в 2300 р.) и была чрезвычайно престижной. «В отцово место» на стороне М.Г. Ляпуновой сидел окольничий Ф.Л. Бутурлин. Вероятно, с Ляпуновыми были связаны и Шереметевы, присутствовавшие на свадьбе: рязанский землевладелец Ф.И. Шереметев – «в отцово место» у царевича, В.П. Шереметев – тысяцким[6]. Успешные придворные браки представительниц старшей ветви Ляпуновых

числилась «старая ее *приданная вотчина,* что было преж того в вотчине ж за *Кирьяком Юрьевым сыном Биркина*» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 402. Л. 910–910об.; ср.: ПКРК. Вып. 1. С. 227). Не была ли она матерью К.Ю. Биркина, вдовой Ю.В. Биркина, которую тоже звали Марией (упоминание в совладении: ПКРК. Вып. 1. С. 346)? Можно рассчитывать, что будущие находки позволят окончательно разрешить вопрос о третьем браке П.П. Ляпунова.

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 408. 820об. См.: *Власьев Г.А.* Род дворян Волынских // Известия русского генеалогического общества. 1911. Вып. 4. С. 154–156; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 538–542.

[2] *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 421. См.: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 530, 537.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 169–172.

[4] Сохранилась обширная финансовая документация и роспись свадьбы: ДРВ. Т. 13. С. 127–137; ДР. Т. 1. Стб. 537–543. См.: *Беляков А.В.* Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV – XVII в. С. 112–113, 202–203, 653–657.

[5] *Беляков А.В.* Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV – XVII в. С. 203–204.

[6] О связи Шереметевых и Волынских: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 540.

показывают высокий символический статус этой «великой» рязанской семьи после Смуты.

Оказавшись в «московских» чинах, **Коробьины** также стали последовательно ориентироваться на заключение брачных союзов в кругу столичной элиты[1]. Единственный сын С.Г. Коробьина – Семён женился на дочери дворянина московского И.Г. Пушкина (Ирине)[2]. Дочери были выданы за известного деятеля эпохи Смуты стольника М.И. Колодкина-Плещеева (Евфимия)[3], дворянина московского Г.И. Кокорева (Мария)[4], стольника кн. П.Д. Пожарского (Марфа)[5] и стольника (в будущем – боярина) И.В. Морозова (Стефанида)[6]. Особенно значимы последние два брака, вводившие Коробьиных в придворную верхушку. В 1625 г. А.В. Измайлов просил отвести судью боярина В.П. Морозова, потому что он «Коробиным *свой и друг*»[7]. С.Г. Коробьин, кроме того, упоминается как «дядя» жильца Ф.Ф. Унковского, поехавшего вместе с ним на уфимское воеводство[8].

---

[1] Данный вопрос специально рассматривается в предисловии к публикации духовной грамоты Фетиньи Елизарьевны Коробьиной (1658 г.) (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 1077/41425. Л. 106–109), подготовленной автором совместно с К.С. Худиным для очередного сборника «Рязанская старина».

[2] ЗВК. С. 985–987. О придворной карьере Пушкиных и их связи с Морозовыми см.: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 559–562.

[3] Затем вышла замуж за дворянина московского рязанского происхождения кн. М.В. Щетинина (ЗВК. С. 182–183).

[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 1077/41425. Л. 79, 89.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 1077/41425. Л. 106–110; *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования Алексея Михайловича (1645 г.). С. 44, 88. П.В. Коробьин упоминается среди «безкабальных» заимодавцев кн. Д.М. Пожарского, что показывает связь между семействами (Духовная князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. С. 367).

[6] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 1077/41425. Л. 106–110; *Лихачев Н.П.* Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. С. 23–24; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1. С. 399. В предшествующей литературе ошибочно считался отцом Б.И. Морозова (ср.: *Лихачев Н.П.* Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. С. 23–24), в действительности – четвероюродный брат. См.: *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 312, 372, 515–516; *Худин К.С.* Новые сведения относительно генеалогии Коробьиных и Пожарских в XVII веке. Духовная Фетиньи Елизарьевны Коробьиной // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. М., 2015. С. 453–455.

[7] ДР. Т. 1. Стб. 730.

[8] В жилецком списке: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 17. Столпик 6. Л. 167. Представление о С.Г. Коробьине как «дяде» Н.А. Милославского и связанные с этим гипотезы (*Павлов А.П.*

После совместного пребывания в польском плену в круг доверенных лиц Филарета входил В.Г. Коробьин. Вероятно, во многом благодаря такому покровительству он сумел получить чин окольничего[1]. В первые послесмутные десятилетия братья основали родовую усыпальницу в Троице-Сергиевом монастыре. В 1616 г. они сделали первый вклад – по отце Гавриле и матери Ульяне, а затем передали обители вотчину умершего Б.Г. Коробьина. В дальнейшем все Гавриловичи и их ближайшие родственники были погребены в этой престижной обители, причём Иван предварительно принял в ней постриг под именем Иона [2]. Данный факт ярко свидетельствует о том, что Коробьины стали ассоциировать себя со столичной элитой, перенимали её ценности и привычки. Обратим внимание также, что С.Г. и В.Г. Коробьиных в столичных церквях отпевал лично патриарх Иоасаф[3].

В близкий круг Филарета вошли **Биркины**: представители рода занимали важные должности в структуре патриаршего двора и выполняли личные поручения своего покровителя[4]. Дочь И.В. Биркина (Акилина) была выдана замуж за стольника кн. В.Б. Приимкова-Ростовского. Рязанец помог своякам выкупить долю родовой вотчины[5]. К числу приближённых Филарета относился также И.И. (Жуков) **Язвецов**, сестры которого стали женами спальника Д.М. Колычева

Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 516; *Pavlov A.P.* Les Strešnev et les Miloslavskij dans la première moitié du XVIIe siècle // Cahiers du monde russe. Vol. 57. № 2–3. 2016. P. 275–309) основаны на досадном недоразумении: в действительности Н.А. Милославский записан строчкой выше.

[1] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 395, 508–509.

[2] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 138–139; Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. С. 82; Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 86; *Ткаченко В.А.* Некрополь Троице-Сергиевой лавры конца XIV-XVII в. С. 99, 144.

[3] *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. 1884. Ч. 1. Стб. 458, 492.

[4] В 1628 г. И.В. Биркин дал в Антониев-Сийский монастырь вклад по душам С. Васильева и его сына Ивана – очевидно, по воле Филарета (*Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 263)

[5] ЗВК. С. 674–675; *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования. Алексея Михайловича (1645 г.). С. 43; *Павлов А.П.* Из истории родового княжеского землевладения в XVII в. (судьба родовых вотчин князей Ростовских) // Петербургский исторический журнал. 2015. №2 (6). С. 8. В.В. Биркин в 1627 г. женился на дочери каширского выборного дворянина В.С. Борыкова (ЗВК. С. 1086).

(Дарья) и одного из представителей рода Колтовских (Орина)[1]. Последний брак особенно примечателен: в 1627 г. именно И.И. Язвецов и М.И. Колтовский «иным не в образец» были оставлены в патриарших стольниках вопреки общему указу[2].

Сестра патриаршего стольника М.П. **Вердеревского** вышла замуж за А.(О.) Плещеева. Между свояками установились тесные отношения. А.(О.) Плещеев «зговорил женить» шурина, а в 1626 г. просил отпустить его в Рязань похоронить тёщу. Спустя три года М.П. Вердеревский ездил проводить зятя[3]. Плещеевы входили в придворный клан, формировавшийся вокруг матери царя старицы Марфы Ивановны[4].

Некоторые сведения имеются и о связях других семейств рязанской элиты. Женой кн. Н.Н. **Гагарина** была дочь кн. Ф.(?) Шаховского (через этот брак он был свояком кн. И.М. Катырева-Ростовского)[5]. «Племянником» кн. Марии **Волконской** (урожд. Дмитриевой) являлся кн. М.С. Шаховской[6]. По сведениям, которые нуждаются в проверке, дочери Г.Ф. **Сунбулова** вышли замуж за Л.С. Плещеева (Мария), П.Т. Пушкина (Алёна) и Ф.И. Погожего (Алёна)[7]. Мы уже обращали внимание на ссылку **Ржевских** «на Низ» в начале Смутного времени, которая могла объясняться компрометировавшими их связями в окружении Годунова. В одной из челобитных сказано, однако, что И.И. и И.А. Ржевские находились «*дружбе и свойстве*» с известным кн. И.А. Хворостининым, кравчим Самозванца[8]. Если такие отношения действительно существовали, то установились ранее 1612 г. Дочь И.Н. Ржевского

---

[1] *Боде-Колычев М.Л.* Боярский род Колычевых. М., 1886. С. 195, 197; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 427–428.
[2] БК 1627. С. 42.
[3] *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 221, 224, 349.
[4] *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 212–219.
[5] В первом браке женат на дочери кн. Г. Шаховского. Сведения об этом имеются в челобитной кн. Марии Волконской: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 2005/41883. Б/п.
[6] ЗВК. С. 274.
[7] ПКРК. Вып. 2. С. 662–664; *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. С. 182–183. Прямые упоминания об этих браках нами пока не найдены (данные Д.А. Кондратьева). См. также: *Азовцев А.В.* Макеево // Пушкины. Генеалогическая энциклопедия. М., 2020. С. 208; *Никитин А.О.* Сунбуловы – рязанские предки А.С. Пушкина. С. 21.
[8] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 179. См.: *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 175, 180.

Мавра вышла замуж за дворянина московского И.Г. Валуева[1]; Л.И. **Кобякова** – дворянина московского Р.И. Неплюева[2]. Душеприказчиками Д.Ф. **Булгакова** являлись не рязанские служилые люди, а столичные чины: Ю.В. Колединский и В.А. Толстой[3].

Таким образом, после Смуты рязанские дворяне ориентировались, прежде всего, на браки в кругу придворной элиты. Московской прослойке «государева двора» предстояло заново консолидироваться после притока большого количества новопожалованных лиц различного происхождения. Помимо брачных союзов, этому способствовали совместные службы и длительное пребывание в столице. Важной объединяющей практикой являлись свидетельства, когда в ходе различных «сысков» дворяне подтверждали информацию о службе или окладах друг друга[4]. Так, Г.В. Измайлов при судебном разбирательстве 1635 г. широко ссылался на своих начальников и сослуживцев эпохи Смуты[5].

Мы рассмотрели целый ряд факторов, которые могли способствовать постепенному размыванию специфической локальной идентичности рязанских дворян: необходимость длительного пребывания на службе; кратковременность и нерегулярность предоставляемых отпусков; приобретение земельной собственности в других уездах и столице; изменение вектора матримониальной политики и установление устойчивых отношений в столичном придворном круге в ущерб традиционным внутриуездным связям. В судьбе семейств, которые достигли наибольших успехов на придворной службе – Измайловых и Коробьиных – сочетались все эти элементы. За одно-два поколения жизненные стратегии провинциальных служилых людей менялись, и они начинали связывать свои главные интересы с московской элитой, а не уездным сообществом.

---

[1] Угличские писцовые книги XVII в. // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 45. 1887. С. 339–340; ЗВК. С. 45.
[2] ЗВК. С. 318.
[3] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108.
[4] См. участие рязанцев: *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 193, 196, 207–208, 215, 223, 274.
[5] АСЗ. Т. 3. С. 491–492 (№ 562).

Однако нет оснований чрезмерно преувеличивать последствия этого процесса в первой трети XVII в. Полного «растворения» возвысившихся дворян в столичной элите за этот короткий период не произошло. Несмотря на произошедшие изменения, Рязанский уезд оставался главной точкой притяжения для служилых людей из местных фамилий. В родной край постоянно стремились как представители старых родов локальной верхушки, так и былые переселенцы, за минувшие несколько десятилетий прочно обосновавшиеся в регионе. Необходимо было не только следить за хозяйством и защищать свои интересы в соседских спорах «на земле», но также навещать пожилых родственников, праздновать семейные торжества и «у родителей на гробех побывать»[1]. Связь с регионом поддерживалась и актуализировалась в поездках к духовным отцам и на богомолья. Особенно частыми были просьбы отпустить «помолитца Николе чюдотворцу Зарайскому»[2]. Из челобитных можно узнать, что популярной обителью становился также Николо-Радовицкий монастырь, основанный в последней четверти XVI в. Так, в июне 1627 г. В.П. Ляпунов просил о том, чтобы его отпустили туда помолиться вместе с женой о её здоровье[3]. Рязанские служилые люди, как и прежде, совершали вклады в местные монастыри, принимали в них постриги и завещали похоронить себя в родовых усыпальницах[4].

Дворяне были связаны с регионом множеством незримых нитей. Боярские фамилии хранили память о своём происхождении и продолжали владеть старинными родовыми вотчинами «данья … при великих князьях рязанских»,

---

[1] *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 257, 298.

[2] Там же. С. 222, 252, 272, 298, 331.

[3] Там же. С. 228, 279. Сохранилась вкладная книга, самая ранняя запись в которой относится к 1679 г. Источник свидетельствует о традиционном внимании к монастырю как рязанских родов, так и фамилий столичной знати (*Владимир, архим.* Описание Николо-Радовицкого монастыря. Зарайск, 1882; *Добролюбов И.* Вкладная книга Николо-Радовицкого монастыря // ТРУАК. Рязань, 1895. Т. 10. Вып. 1. С. 65–88).

[4] Об устойчивых связях с местными обителями см., напр.: *Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 332; *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. С. 29–31. По поводу вкладов см., напр., поминовения Коробьиных в синодиках Спасского Преображенского монастыря, где числятся целый ряд представителей рода, перешедших в «московские» чины, а также и их жены (при этом все были похоронены в Троице-Сергиевом монастыре) (РИАМЗ. № 8609. Л. 70; *Плешакова В.В., Порубай П.Н.* Синодик Спасо-Преображенского монастыря г. Рязани // Вышенский паломник. 1998. № 1. С. 86).

имевшими, помимо экономического, большое символическое значение. В составе местного «города» служили многочисленные однородцы и свойственники служилых людей, выдвинувшихся в «московские» чины[1]. Представители переселённых семейств получили целый ряд вотчин за «осадные сидения» из рязанских поместий, тем самым укрепив связи с уездом. Таким образом, к концу первой трети XVII в. рязанские семейства закрепились в столичной элите, но сохраняли при этом устойчивую местную идентичность.

***

Смутное время стало периодом обострения конфронтаций между кланами рязанской элиты. Локальные конфликты, переплетённые с «изменами» служилых людей различным правительствам, приводили к перераспределению собственности. Главные выгоды от этого передела получило семейство Ляпуновых, монополизировавшее власть в уезде. Наследием кризисной эпохи являлась серия судебных дел, которые растянулись на многие десятилетия. Однако лишь в исключительных случаях земельные пертурбации оставили отпечаток на картине уездного землевладения. Большинство рязанских дворян, переживших Смуту, успешно передали свои поместья и вотчины потомкам.

Ландшафт рязанского землевладения трансформировался не в результате полулегального передела собственности, но под воздействием политики центрального правительства. Во-первых, местные служилые люди значительно увеличили количество вотчинных владений в результате пожалований за «осадные сидения». В выигрыше оказались в основном представители местной элиты, имевшие высокие оклады. Во-вторых, некоторые рязанские дворяне сумели использовать открывшиеся возможности для получения конфискованных владений знати, а также дворцовых земель. После Смуты поток пожалований из

[1] Рассмотренные материалы первой трети XVII в. не дают возможности прояснить важный вопрос о сохранении в столичной элите земляческих связей. Обратим внимание на более поздний список душеприказчиков П.В. Коробьина (ум. 1642), сына В.Г. Коробьина. Помимо двоюродного брата, ими были дворяне московские С.И. Биркин и Л.Т. Измайлов, а также выборный дворянин по Рязани И.М. Селиванов (дальний родственник Коробьиных). Как и Коробьины, Биркин и Измайлов – представители рязанских семейств, которые к этому времени закрепились в московской элите. Перед нами – примечательное свидетельство существования «рязанского клана» при московском дворе.

государственного фонда разрастался, но местный служилый «город» практически утратил к нему доступ. С этого времени Рязанский уезд превратился в одно из ключевых направлений колонизации со стороны столичной элиты.

Переход рязанских фамилий в «московские» чины привел к целому ряду важных перемен в их жизненных стратегиях и ориентирах. Главным приоритетом становилась придворная и общегосударственная служба, на фоне которой уездные дела отошли на второй план. Характерным показателем является изменение брачной политики: рязанские семейства встроились в столичную матримониальную сеть. Значительно расширилось поместное и вотчинное землевладение рязанских родов в других регионах. Применительно к первой трети XVII в., однако, нет оснований для утверждения о полном отрыве местных фамилий от своих «городовых» корней. Дальнейшие исследования должны показать, возобладала ли наметившаяся «центростремительная» тенденция в следующих поколениях рязанских родов.

3.5. Рязанские служилые люди и Смута: сравнительные контексты

3.5.1. Идентичность, солидарность, конфликт

Изучение судеб провинциальных служилых объединений в период Смутного времени имеет большое значение для темы «города» в целом. Данный период представляет особый интерес в силу сложившейся беспрецедентной ситуации. Контроль центральной власти над регионами ослаб настолько, что уездные сообщества на обширных пространствах Российского царства столкнулись с необходимостью самостоятельного принятия решений и обустройства местных дел. Исследователь получает естественный эксперимент, показывающий логику самоорганизации «городов» при резком сокращении правительственного участия. Кризисные события начала XVII в. позволяют выявить важные особенности устройства провинциальных сообществ Московского государства, которые не были бы заметны при иных обстоятельствах, и дают широкие возможности для сопоставительного анализа. В данной части работы мы стремимся проанализировать результаты, полученные на рязанском материале, в сравнительном контексте.

Обратимся, прежде всего, к вопросу об идентичности провинциальных дворян. Вопреки распространённому мнению, в источниках эпохи Смуты не обнаруживается отсылок к былой независимости «Рязанской области», которая бы «ещё помнила о своей самобытности и соперничестве с Москвою»[1]. Ключевые носители этой традиции – потомки местных бояр – последовательно переходили в ряды столичной элиты. Не появилось даже устойчивых формул для выражения фактической самостоятельности рязанского сообщества. Контраст особенно заметен при сравнении с Казанским и Новгородским «государствами», представления о которых актуализировались в эпоху Смуты. Такие политические единицы эксплицитно противопоставлялись Московскому государству,

[1] *Иловайский Д.И.* История России в 5 томах. М., 1894. Т. 4. С. 83.

выступали в качестве объектов лояльности для местного населения и даже могли (как показывает случай Новгорода) самостоятельно избрать себе правителя[1].

Рязанское сообщество, неоднократно отказывавшее центру в повиновении, не описывалось систематически как независимый политический субъект с собственными интересами, отличными от устремлений «всей земли». Партикулярная идентичность отходила на второй план по сравнению с идеей общего («нашего») «Московского государства», на «очищение» которого рязанский «город» в итоге отправился во главе с П.П. Ляпуновым[2]. Такой «служилый патриотизм» местных дворянских объединений ярко выразила «Повесть о победах Московского государства», возникшая в среде смоленских

[1] Казанское «государство»: *Корецкий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612–1613 гг. С. 252–259; *Лукичев М.П., Станиславский А.Л.* Печать Казанского царства начала XVII века // История и палеография. М., 1993. С. 237–245. Новгородское «государство»: *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол; *Казакова Н.А.* О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV – первой половине XVI в.; *Коваленко Г.М.* «В соединенье с Московским государством». Столбовский мир и возвращение Великого Новгорода в состав Российского государства. 1613–1617 гг. Великий Новгород, 2017; *Он же.* Новгород в 1611–1617 гг. как региональный политический центр // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. СПб., 2017. С. 35–42; *Толстиков А.В.* Представления о государе и государстве в России второй половины XVI – первой половины XVII века // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. С. 304. Общие работы, в которых затрагиваются эти представления: *Хорошкевич А.Л.* Россия или Московия? // Родина. 2005. № 11. С. 53–57; *Шмидт С.О.* «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий // Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 255–301. Мы полагаем, что регионы Российского царства в представлениях современников обладали различной символической значимостью и, как следствие, различным потенциалом политической субъектности: *Кирпичников И.А.* Россия XVI–XVII вв. как конгломерат «государств»: к постановке проблемы // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Москва, 2018. С. 29–37.

[2] Сомнительными являются слухи о том, что рязанский воевода претендовал на престол или именовал себя «царем». Такие известия можно найти в польских текстах (*Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах… С. 268 [из письма от 30 января 1611 г.]; АЗР. Т. 4. С. 480). К. Буссов, пользовавшийся в этой части своего произведения не слишком точными сведениями, говорит о том, что отказавший Москве в лояльности П. Ляпунов «называл себя белым царем (Belo Zayr)» (*Буссов К.* Московская хроника. С. 112–113; по поводу комплекса представлений о «белом царе» см.: *Трепавлов В.В.* Белый царь. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007 [про П.П. Ляпунова см. на с. 45]). Благодаря работам Г.А. Замятина известны усилия воевод Первого ополчения по поиску монарха (*Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616)).

детей боярских[1]. Регионализм Смуты был, по справедливому замечанию Г. Штёкля, «регионализмом чрезвычайного положения»[2], за которым не обнаруживается ни сформировавшейся традиции, ни, в абсолютном большинстве случаев, «сепаратистских» намерений. События кризиса продемонстрировали, прежде всего, фундаментальную устойчивость «московского» политического пространства, в котором центростремительные тенденции преобладали над центробежными.

Основополагающий консенсус относительно политической идентичности не означал, однако, ни единства интересов различных провинциальных сообществ, ни тем более их лояльности в условиях развития самозванческого движения. На протяжении Смуты рязанский служилый «город» неоднократно демонстрировал самостоятельную позицию, но источники лишь в редких случаях проливают свет на мотивации решений дворян и детей боярских. В этом отношении особенно примечательна ситуация весны 1607 г., когда служилые люди не подчинились прямому приказу, «не пустили» воевод из Переяславля-Рязанского и «сами … в поход не пошли» – опасаясь, очевидно, что повстанцы за время их отсутствия совершенно разорят уезд. О схожих настроениях смолян сообщал в одной из отписок октября 1608 г. воевода М.Б. Шеин. В аналогичной ситуации местный «город» отказался идти «для избавления» столицы от тушинцев, потому что «*не очистя Смоленского уезда от воров и дорогобужан*, к Москве итти не мочно».

[1] См. в связи с обсуждением смоленского случая: *Кром М.М.* Местное самосознание и централизованное государство: Смоленск в XVI веке. С. 135; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 102–103. О формировании дискурсов общегосударственного патриотизма см.: *Кром М.М.* Рождение государства. С. 230–232; *Он же.* Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI – XX века. СПб., 2006. С. 54–69; *Jaworska-Oknińska M.* Для очищенья оть Литовскихь людей. Konstruowanie zbiorowej tożsamości mieszkańców Państwa Moskiewskiego w okresie I i II opołczenia (1611-1612) // Referat wygłoszony na XXV konferencji Komisji Lituanistycznej «Pogranicza Wielkiego Księstwa Litewskiego», 27.09.2016. (Электронный ресурс). URL: https://uw.academia.edu/MartaJaworska (дата обращения: 01.04.2021).

[2] *Stökl G.* Gab es im Moskauer Staat Stände? S. 340–341.

Такие же отказы последовали в январе и феврале 1609 г.[1]. Приоритетными для служилых людей оставались локальные интересы: безопасность собственных семей и земельных владений.

Однако уже на начальном этапе Смуты рязанский «город» был вовлечён в события, значение которых выходило далеко за рамки местных дел. В этом контексте заслуживает особого внимания последовательное сотрудничество рязанцев с дворянами и детьми боярскими других южных «украинных» сообществ. Служилые «города» всего этого региона совместно выступали против столичного правительства весной 1605 и летом-осенью 1606 г., после чего их верхушка «принесла вины» Василию Шуйскому и сражалась на стороне центрального правительства[2]. Представляется, что важной предпосылкой для такого альянса являлся схожий социальный состав местных сообществ: мелкие помещики составляли абсолютное большинство как в Рязанском и Тульском уездах, так и на «Поле». Кроме того, необходимо учитывать, что на протяжении всего XVI в. южная «украина» формировалась в качестве единого пространства. В частности, как показано ранее, в рамках этой «макрообщности» (по выражению М.Ю. Зенченко) происходила постоянная служебная ротация дворян и детей боярских (**2.2.4**)[3]. Служилые люди из разных сообществ, совместно организовывавшие восстания против присланных из Москвы воевод, хорошо знали друг друга.

---

[1] Памятники обороны Смоленска. С. 3; АИ. Т. 2. С. 177 (№ 152). См.: *Молочников А.М.* Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 121–122, 129–131; *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. С. 70–71.

[2] «Рязанские, северские и украинные городы» неоднократно фигурируют в источниках как единство: ААЭ. Т. 2. С. 154; Казанское сказание. Л. 263об; Иное сказание. Стб. 99; *Кулакова И.П.* Московское восстание… С. 49; НД. С. 123, 126; СГГиД. Т. 2. С. 498, 512, 518, 577. См. об этом: *Павлов А.П.* К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты.

[3] *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.: опыт государственного строительства). С. 97.

Проблема причинности остаётся одной из наиболее сложных для исследователей Смутного времени[1]. Историки неоднократно заходили в своих построениях слишком далеко, априорно приписывая сконструированным социальным общностям (например, «провинциальному дворянству») характеристики коллективных субъектов с законченными и последовательными «идеологическими» (социально-политическими) программами. Однако такие интерпретации зачастую оказываются анахроничными и значительно упрощают реальное разнообразие мотиваций действующих агентов[2]. Только в отдельных памятниках, относящихся к завершающему периоду Смуты, можно увидеть тенденцию к выражению общих интересов больши́х социальных групп[3]. По справедливому замечанию А.И. Яковлева (высказанному в связи с послесмутной эпохой), «мы не встретим в среде городового служилого люда сколь-нибудь равномерно разлитого и отчетливо оформленного настроения, чего-либо похожего на “оппозицию” в нашем смысле слова. Ропот и неудовольствие, дававшие себя почувствовать в Москве совершенно недвусмысленно, не могли кристаллизовываться в сколько-нибудь отчетливую программу требований и ограничивались отдельными вспышками»[4].

В отсутствие прямых источниковых данных (особенно это касается раннего периода кризиса) можно лишь выдвигать гипотезы относительно факторов и настроений, которые в той или иной степени определяли действия

---

[1] Об общем «кризисе каузальности», характерном для практики современного историка см.: *Кром М.М.* Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты» – III. М., 2015. С. 41–53.

[2] Критику такого подхода, при котором историки порой утрачивают возможность «задавать источникам вопросы, на которые последние могли бы ответить», см.: *Rowland D.* The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles // Russian History. Vol. 6. № 2. 1979. P. 259–283 (здесь p. 278 ff.). Важное раннее исследование в русле этой традиции: *Яковлев А.И.* «Безумное молчание» // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 651–678.

[3] Ср. замечания о позднем складывании «социально-политической программы» дворянства (*Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 217) и «незавершенности процесса формирования единого дворянского сословия» (*Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 33).

[4] *Яковлев А.И.* Приказ сбора ратных людей. М., 1917. С. 80.

провинциальных дворян и детей боярских[1]. Необходимо при этом учитывать социальную гетерогенность служилых объединений, в которых масса мелких помещиков выступала совместно с достаточно состоятельными лицами, числившихся по дворовому списку и по «выбору»[2]. Не слишком убедительными в связи с этим представляются предположения, согласно которым «город» как целое мог целенаправленно добиваться, например, вхождения отдельных своих членов в состав «государева двора»[3]. Мы уже обращали внимание, что само по себе наличие «выбора» никак не сказывалось на благополучии рядовой массы детей боярских (**2.4.3**).

Целый ряд ситуаций, рассмотренных в настоящем исследовании, подкрепляют наблюдения наших предшественников относительно напряжения, которое существовало между провинциальными сообществами и верхушкой «государева двора». Выступления против правительства в первые годы Смуты сопровождались свержением назначенных из столицы воевод, причём некоторые из них были выданы в повстанческие центры на расправу. В отдельных случаях удаётся зафиксировать, что вотчины и поместья, принадлежавшие представителям знати, переходили к дворянам из местных родов. Кроме того, рязанские служилые люди получили доступ к фонду дворцовых земель, которые ранее могли быть пожалованы только выходцам из московской аристократии. На позиции местного воеводы оказался представитель локальной элиты, с которым не смогли соперничать московские назначенцы.

Свидетельствуя о недовольстве «сильными людьми», которое разделяли широкие круги провинциальных дворян, эти события показывают также кардинальное изменение баланса сил между столицей и регионами. Центральная власть утратила незыблемую легитимность и инструменты административного принуждения, а локальные сообщества обрели собственную субъектность,

[1] В данной работе мы не рассматриваем феномен самозванчества и проблему признания служилыми людьми «царя Дмитрия» и лояльности ему. Несомненно, среди других объяснений событий Смутного времени этому комплексу представлений должна отводиться особая роль (см., напр.: *Ингерфлом К.* Аз есмь царь. История самозванства в России. М., 2021).
[2] *Яковлев А.И.* Приказ сбора ратных людей. С. 79–80.
[3] Ср.: *Флоря Б.Н.* Русское общество в эпоху Смуты. С. 52–53.

независимую от указаний Москвы. Правительства Смутного времени были вынуждены целенаправленно искать поддержки уездных объединений и договариваться с ними. Так, отношения рязанского «города» и администрации Василия Шуйского полезно рассматривать не как естественное подчинение монарху, но как союз, основанный на взаимной заинтересованности. Рязанцы поддерживали царя даже в самые неблагоприятные для него моменты «осадного сидения» – но отказали в лояльности, как только общий противник перестал быть опасен, а центральная власть попыталась вмешаться в локальные дела. Местный «город» во главе с П.П. Ляпуновым не балансировал между лагерями, как это происходило со многими уездными сообществами, но руководствовался собственными интересами. Именно рязанский воевода стал ключевым организатором движения, направленного против польских интервентов и столичных бояр, которые «Бога отступили и … на своя овца обратились»[1].

Для одних «городов» Смутное время стало периодом раскола, для других – консолидации. В период движения Лжедмитрия II некоторые служилые «города» разделились на противостоящие группировки, которые могли доходить и до вооруженных столкновений[2]. Яркий пример внутреннего кризиса – Тверь, где даже в сыскном списке 1613 г. отдельно фигурировали окладчики, «которые были во Твери при Тушинском» и «которые были на Москве в осаде»[3]. Исследованный нами случай демонстрирует, напротив, сплочение основной части «города» вокруг воеводы. Утверждение, что в годы Смуты «никакого рязанского дворянства не существовало»[4], представляется преувеличением. Без широкой солидарности служилого сообщества не стали бы возможными ни успешное многолетнее противостояние повстанцам, ни походы на Москву (к обоснованию данного тезиса мы обратимся несколько ниже). «Отъезды» рядовых дворян и детей боярских в Тушинский лагерь были, насколько позволяют судить

[1] СГГиД. С. 498 (№ 228).
[2] *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. 68, 70–71, 74–75.
[3] *Павлов А.П.* Сыскной список тверских дворян и детей боярских 1613 года. С. 210.
[4] *Козляков В.Н.* Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова. С. 137.

источники, сравнительно редки: за «измену» любому рязанцу предстояло заплатить конфискацией землевладения и невозможностью вернуться на территорию своего края, подконтрольную лояльным правительству силам.

Главная линия раскола, устойчиво воспроизводившегося в Рязанском крае с конца 1606 по начало 1613 г., проходила не внутри «города», а между уездным центром и «пригородами». А.Л. Станиславский предложил наиболее убедительную трактовку этого конфликта: «дворянскому гарнизону» Переяславля-Рязанского противостояли приборные люди (на положение которых перешли также многие посадские жители) рязанской периферии. Как обратил внимание ещё М.Л. Сухотин, к повстанцам примыкали также некоторые мелкопоместные рязанские дети боярские, зачастую связанные с казачеством (из них черпались кадры местной администрации). Возможно, были среди активных сторонников самозванцев и крестьяне[1]. Интенсивная «малая война» в регионе, продолжавшаяся на всём протяжении Смутного времени, свидетельствует о серьёзном столкновении интересов основной массы служилого «города» и других социальных групп.

Противостояние в Рязанском уезде может быть рассмотрено в контексте целого ряда схожих ситуаций, имевших место в эпоху Смуты. Конфликт центра и пригородов характерен, в частности, для Северо-Запада Российского царства. Летом 1608 г. Псков был осаждён «пригородцкими» служилыми людьми и в итоге принёс присягу Лжедмитрию II. На сторону Самозванца одна за другой перешли и малые крепости Новгородской земли, в то время как Новгород сохранял лояльность Василию Шуйскому[2]. Не менее важны перипетии Смуты в южных

[1] НД. С. 167–168 (№ 48), 177 (№ 58); ДР. Т. 1. Стб. 1101–1104 (№ 22), 1115–1116 (№ 31); *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 61–62, 134–135. См.: *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. С. 272–282; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 59–64; *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 10–11.

[2] *Аракчеев В.А.* «Смутное время» и Псковская земля (1608–1612 гг.) // Псков. 2003. № 18. С. 49–60; *Рабинович Я.Н.* Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков, 2014; *Он же.* Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013; *Селин А.А.* Новгородское общество начала XVII века. Смутное время на Северо-Западе Московского государства; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение

регионах. Многие дворяне и дети боярские «северских» и «украинных» крепостей, как и рязанцы, в конце 1606 г. отошли от повстанческого движения. На фоне успехов Лжедмитрия II часть из них была вынуждена «покиня свои домы» переместиться в Москву «з женами и з детьми». Служилые люди находились в столице на всём протяжении «осадного сидения», и правительству приходилось с трудом собирать средства для выплаты им жалования[1].

В отличие от «украинных» дворян и детей боярских, рязанский служилый «город» сумел удержать главный форпост в своем крае – Переяславль-Рязанский. Противостояние внутри региона отразило фундаментальный общественный конфликт эпохи Смуты. В советской историографии он прочитывался как «антикрепостническая» борьба против «эксплуататоров», однако социальный калейдоскоп кризиса на поверку оказался куда более сложным. Современные исследователи солидарны в том, что основную базу повстанческих движений составляла служилая мелкота – «мужики», повседневное враждебно-пренебрежительное отношение к которым дворян и детей боярских неоднократно звучит в памятниках эпохи. Модель отношений, установившаяся в годы Смуты в Переяславле-Рязанском, наглядно показывает устройство, предпочтительное для представителей служилого «города». В эксплицитном виде идеи социального господства дворян и детей боярских сформулированы в приговоре Первого ополчения: представителям других групп в документе практически не уделено внимания[2].

Лжедмитрия II. С. 264–273; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 2. С. 198–215.

[1] АСПбИИ РАН. Ф. 45. № 10; НЛ. С. 197; ААЭ. Т. 2. № 87; Карамзинский хронограф. С. 342. См. также: *Павлов А.П.* К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. С. 402–403; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 2. С. 170.

[2] *Флоря Б.Н.* О приговоре Первого ополчения.

3.5.2. Смутное время как опыт самоорганизации служилого «города» [1]

Первую возможность для сравнительного рассмотрения самоорганизации «городов» дают материалы, относящиеся к событиям второй половины 1606 г. После свержения Лжедмитрия I целый ряд служилых сообществ выступили против центрального правительства, оказавшегося на грани военной катастрофы. Архивные находки В.И. Корецкого и Б.Н. Морозова проливают свет на события, происходившие в уездах к востоку от столицы, охваченных движением – Нижегородском, Арзамасском и Муромском. Кроме того, важные наблюдения были сделаны А.М. Молочниковым применительно к смоленскому «городу».

Во всех перечисленных случаях – как в лагере восставших, так и у смолян, сохранявших лояльность Василию Шуйскому – лидерами дворян и детей боярских становились представители местных служилых элит. Движение «арзамасских и нижегородских помещиков» (по выражению царских посланий) в Поволжье возглавляли выборные дворяне с высокими окладами – богатейший землевладелец Нижнего Новгорода Б.И. Доможиров и его родственники, а также кн. И.Д. Болховский[2]. В Муроме предводителями повстанцев являлись «первые

---

[1] Тезисы о событиях начального периода Смуты, излагаемые далее, более подробно раскрыты в статье автора диссертации: *Кирпичников И.А.* Был за воеводы место: центральная власть и элиты служилых городов в начале правления Василия Шуйского // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2019. С. 94–104.

[2] *Корецкий В.И.* К истории восстания И. И. Болотникова; *Морозов Б.Н.* Важный документ по истории восстания Болотникова. Документы переизданы в сборнике: НД. С. 113–117 (№ 22–27), 128–129 (№ 35); Карамзинский хронограф. С. 334. См. о нижегородском случае: *Мусихин А.Л.* Борис Иванович Доможиров: штрихи биографии. С. 120; *Он же.* Доможировы – участники событий Смутного времени в Нижегородском крае // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2011. С. 113–125; *Чеченков П.В.* Формирование нижегородской служилой элиты в XV – начале XVII. С. 407–421.

В работе М. И. Балыкиной (*Балыкина М.И.* Нижегородские дворяне и дети боярские XVI–XVII вв.: процессы эволюции провинциальной служилой корпорации : дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2016. С. 69–71) сделана попытка охарактеризовать социальный состав нижегородских «изменников и воров», однако она не выглядит убедительной. В грамотах упоминаются только 1) предводители и 2) посыльные, с которыми направлялись известия. К первой категории относились наиболее родовитые, а ко второй – наименее значительные лица. Как представляется, это недостаточное основание для утверждения об «отсутствии представителей среднего слоя служилого города» в рядах восставших. Не подтвержден в достаточной мере и тезис о том, что случаи «изменничества» нижегородцев «не носили массового характера». Следует учитывать, что значительная часть «города» – и в том числе и ряд выборных – находилась в этот период на астраханской и других дальних службах и просто не могли участвовать в местных делах. Об этом свидетельствуют пометы в БС 1606/07,

люди в городе» – местный выборный дворянин с наиболее высоким окладом Г.Ф. Елизаров и дворовый сын боярский С.А. Чаадаев (окладчик и губной староста)[1]. Точно так же смоляне, утратив связь с государственным центром, «выбрали» на специальном «совете» (эти лаконичные упоминания источников проливают некоторый свет на процедуру появления таких лидеров) «старейшину» Г.М. Полтева, наиболее родовитого из местных землевладельцев[2]. Изучение действий смоленского «города» позволило А.М. Молочникову сделать вывод о том, что дворяне и дети боярские руководствовались традиционными представлениями об иерархии внутри своего сообщества, в основе которых лежали «отечество» и родовая выслуга[3].

В рязанском случае можно наблюдать аналогичную картину: выступив «всем городом» против Василия Шуйского, местные служилые люди воспроизвели привычное социальное устройство. Хотя начальниками повстанческого войска стали худородные И.И. Болотников и И. Пашков, действовавшие от имени «царя Дмитрия»[4], непосредственное руководство рязанским отрядом осуществляли местные выборные дворяне. Более знатный Г.Ф. Сунбулов занимал первое место по отношению к П.П. Ляпунову как в качестве воеводы правительственных сил, так и в лагере повстанцев. При этом само появление не слишком родовитого П.П. Ляпунова во главе «города» свидетельствует о трансформации, которую претерпело рязанское сообщество за вторую половину XVI – начало XVII в. Статус, признаваемый внутри служилого объединения, теперь определялся не столько происхождением, сколько чином.

указания десятни (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 9) и прямые упоминания нижегородцев на астраханской службе (*Антонов А.В.* К начальной истории нижегородского ополчения; РЗ. С. 184).

[1] НД. С. 128–129 (№ 35); *Морозов Б.Н.* Важный документ по истории восстания Болотникова. С. 166. См.: *Ершов В.Е.* История «служилого города» Мурома в XVI – начале XVII веков // Уваровские чтения–IX. Муром, 2014. С. 254–260.

[2] НЛ. С. 72; Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 6.

[3] *Молочников А.М.* Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612). С. 66, 74, 77–78, 103–104, 112, 214.

[4] Предположения о причинах выбора предводителем И. Пашкова см.: *Князьков С.Е.* Материалы к биографии Истомы Пашкова и истории его рода. С. 71; *Назаров В.Д.* К начальной истории восстания под предводительством И.И. Болотникова. С. 156–157.

Как следствие, предводителем рязанского сообщества стал харизматичный выходец из клана, занимавшего низкие позиции в ДТ и довольно поздно выдвинувшегося в «выбор».

Итак, в целом ряде служилых «городов» в отсутствие правительственного контроля «за воеводы место»[1] оказывались представители местных элит – лица, служившие по «выбору» или по дворовому списку и на протяжении нескольких поколений связанные с регионом. Естественной стратегией ослабленной центральной власти при взаимодействии с локальными сообществами был «консенсусный» путь: признание сложившихся иерархий, поощрение лояльных выходцев из местных элит и мягкость к вернувшимся «изменникам». Ещё П.Г. Любомиров обратил внимание на «беззлобность» правительства Василия Шуйского по отношению к предводителям нижегородских повстанцев[2]. Муромские дворяне были посланы в Москву с приставами, однако арест никак не сказался на успешности их дальнейшей службы[3]. Рязанцам были также полностью «отданы их вины», причём Г.Ф. Сунбулов и П.П. Ляпунов не просто сохранили свои прежние позиции, но и получили щедрые вознаграждения. Важно в полной мере оценить тот факт, что на усмирение Рязанского края после деблокирования столицы отправились не московские воеводы, а местные дворяне и дети боярские во главе с выходцами из собственной верхушки. Наблюдение за назначениями этого периода позволяет предполагать, что такой была общая линия администрации Василия Шуйского: представители провинциальных элит целенаправленно привлекались для действий в своих регионах[4].

Центральное правительство, таким образом, могло утверждать представителей локальной элиты в качестве воевод своих уездов и предоставлять

---

[1] Так «Карамзинский хронограф» говорит о И.Б. Доможирове: Карамзинский хронограф. С. 334.
[2] *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 33–34.
[3] БС 1610/11. С. 91, 96–97.
[4] Примеры таких назначений: С. Колтовский, М. Щепотев, кн. Г. Барятинский в Кашире (РЗ. С. 206; НД. С. 299–300); Е. Безобразов в Брянске (НД. С. 168, 172; НЛ. С. 76); Е. Бартенев с сыном и несколькими местными выборными дворянами в Серпейске (РЗ. С. 143; НД. С. 228; см. комм.: *Станиславский А.Л.* Брянский край и восстание Болотникова. С. 20–21); Я. Змеев «под Калугой» (НД. С. 148); О. Сафонов в Карачеве (НД. С. 152); Г. Языков и его сторонники в Муроме (НД. С. 112–113, 128).

им свободу действий в обмен на лояльность. Возвращение к прежней политике назначений (пришлым столичным администраторам и их регулярной ротации) оказывалось затруднительным. Как показано Б.Н. Флорей, на следующем этапе Смуты Лжедмитрий II нередко шел навстречу уездным сообществам, в то время как Василий Шуйский стремился наверстать утраченные в регионах позиции[1]. Историю рязанского воеводства в 1608–10 гг. составляют не слишком успешные попытки правительства вернуться к досмутной практике управления в условиях фактического полновластного господства П.П. Ляпунова. Самостоятельная позиция рязанского воеводы, в итоге отказавшего центру в лояльности, стала хрестоматийным примером, на который ссылались и спустя десятилетия: «И от Москвы де Рязань ближе Мангазеи, а как де был вор в Тушине, *и царя де Василья Прокопий Ляпунов не слушал*»[2].

Усилиями нескольких поколений исследователей установлено, что на разных этапах Смутного времени в уездах Московского государства стихийно возникали земские межсословные объединения, которые брали инициативу на местах в свои руки и самостоятельно принимали важнейшие решения. «Городовые советы» известны в повстанческих городах уже в начальный период кризиса: в Путивле (1605 г.), Арзамасе и Нижнем Новгороде (1606 г.). В одной из арзамасских грамот сообщалось, например, что воевода Б.И. Доможиров «и дворяне, и дети боярские и всякие служилые люди, и земские посацкие и волосные люди» приняли совместный «приговор» об отправке к нижегородцам военной помощи[3]. Аналогичные объединения действовали и в западных уездах: в 1607 г. самостоятельные переговоры с польскими властями вели рославльские дворяне и посадские люди, в 1609 г. – зубцовские и ржевские дворяне, причём в последнем случае речь шла о таком значимом вопросе, как условия признания

[1] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 90–91, 178–179, 373.
[2] Цит. по: *Бахрушин С.В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 91 (из дела по челобитью Андрея Палицына на Григория Кокорева, воеводу мангазейского, о неправедных его поступках и корыстолюбии).
[3] НД. С. 115 (№ 26).

власти польского короля. «Мирское» самоуправление получило широкое распространение также в Поморье и Замосковном крае, где происходила активная борьба с тушинцами. Сформировавшиеся здесь земские институты стали основой организации ополчений в 1611–12 гг.[1]. В этих условиях традиционная вертикаль уездной власти могла отходить на второй план: так, кн. Д.М. Пожарский высказывал опасения по поводу обычного «непослушания» нижегородцев местным воеводам[2]. По замечанию В.Д. Назарова, воеводы «чаще всего являлись декоративными фигурами, решали и действовали “городовые советы”»[3]. Главной чертой таких мирских объединений было равноправное сотрудничество и представительство различных социальных групп.

Рязанские грамоты начала 1611 г. писались от имени аналогичного объединения «чинов»: «Прокопий Ляпунов, и дворяне, и дети боярские и всякие

[1] Приведем основные работы, в которых рассмотрен этот круг вопросов: *Аракчеев В.А.* Земские миры и земское движение в России в годы Смутного времени (1606–1614 годы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 78. С. 27–34; *Он же.* Земская инициатива и фискальное принуждение в России в 1606-1616 годах. С. 23–25; *Воробьев А.В.* Южнорусские города на исходе Смутного времени (1611–1613 гг.) // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 48. № 1–2. P. 92–93; *Козляков В.Н.* Политическое наследие Смутного времени: земские советы и ополчения // Смутное время начала XVII в. Проблематика, методы, концептуальные подходы. Ярославль, 2009. С. 22–35; *Он же.* Смута в России. XVII век. С. 67–71; *Корецкий В.И.* К истории восстания И.И. Болотникова. С. 125–130; *Леонтьев Я.В.* Забытое ополчение // Родина. 2005. № 11. С. 85–90; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.; *Молочников А.М.* Военная и политическая организация смоленской городской общины в 1609–1611 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Ч. 1. С. 182–203; *Назаров В.Д.* Смута начала XVII в. и исторические судьбы России // История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2000. С. 469; *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая. С. 350–352; *Рубинштейн Н.Л.* Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды государственного исторического музея. М., 1948. Вып. 20. С. 47–84; *Селин А.А.* О «народных движениях» в Новгородской земле // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. Материалы Всероссийской научной конференции. Н. Новгород, 2012. С. 23–29; *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. С. 109–110; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 439–473; *Флоря Б.Н.* К истории Смуты на Западе России // Отечественная история. 2002. № 3. С. 130–131; *Он же.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 89–96, 130–133, 346–348; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. 1. С. 81–83.

[2] НЛ. С. 116.

[3] *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. С. 42–43, 63; *Назаров В.Д.* Россия на распутье // Родина. 2005. № 11. С. 9.

служилые люди, *и торговые и черные* Рязанския области челом бьют»[1]. Однако нет оснований считать, что эта стандартная преамбула отражала действительное распределение сил в уезде. В период Смуты в Рязани сформировалась модель управления, принципиально отличная от горизонтальных «мирских» структур. Главной опорой П.П. Ляпунова, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти, являлись местные дворяне и дети боярские, которые (в условиях постоянных боевых действий на территории уезда) составляли гарнизон Переяславля-Рязанского. Характерными чертами ляпуновского управления являлись военизированный быт, незаконные поборы и конфискации, а также систематическая эксплуатация посадского населения. В структурном отношении такая политическая конфигурация была во многом обусловлена особенностями социально-экономического развития региона. Если, например, в Нижнем Новгороде богатый посад мог успешно отстаивать собственные интересы перед мелкопоместным городом[2], в Рязани ситуация была иной. Господство служилого населения и слабость посада исключали равноправное участие других социальных групп в управлении.

В отличие от целого ряда регионов, где власть перешла к коллегиальным «земским» органам, в Рязанском уезде она была сконцентрирована в руках воеводы, его родственников и лояльных служилых людей. Как представляется, на южном пограничье не существовало институциональных предпосылок для другой формы самоорганизации: в предшествующий период главными фигурами местного управления являлись именно воеводы, а «земские» практики не получили распространения. «Локальные военные предводители» (по выражению В.Д. Назарова)[3] тоже представляли собой характерное явление эпохи Смутного времени. Такие региональные лидеры, как это произошло в случае П.П. Ляпунова,

[1] СГГиД. Т. 2. С. 497 (№ 228). Аналогично в переводе другой грамоты: *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства. III. Московское разоренье. Глава вторая // Вестник Европы. 1867. Т. 2. С. 15–16.

[2] См. также другие примеры самостоятельных действий посадских людей, противостоявших дворянам: *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI-XVII веков. С. 66–69.

[3] *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 221.

могли получать значительную автономию и устанавливать полный контроль над местными ресурсами. Характерен упрек, который в начале правления Михаила Фёдоровича столичные дьяки адресовали ржевским воеводам: «И вперед хотите делать так же, как вы наперед того *при боярех наших делали*, посадом и уездом всякими доходы и кабаком *владели сами*»[1]. Яркий пример регионального военного предводителя, сопоставимого по масштабу с рязанским воеводой – М.А. Вельяминов, известный своими активными действиями в Шацке, а затем и на всей южной «украине». Примечательно, что, как и П.П. Ляпунов, после ухода из Шацка он сохранил контроль над городом, оставив вместо себя брата – Р.А. Вельяминова[2].

Важнейшей особенностью властной конфигурации, сложившейся в Рязанском крае, являлся факт долговременного и безраздельного господства *местного* семейства[3]. Столичный назначенец, который спустя год (или два-три года) отправлялся в другой регион, должен был каждый раз заново выстраивать отношения с уездным сообществом. Какими бы ни были злоупотребления таких администраторов, ставшие притчей во языцех[4], горизонт их планирования (в том числе – извлечения выгод из своего положения) был ограничен фиксированным сроком отправления должности. Напротив, в рязанском случае высшую формальную власть получил, возвысившись над товарищами по «городу», один из его членов. Именно поэтому трудно, на наш взгляд, признать удачными формулировки В.Н. Козлякова, который полагает, что П.П. Ляпунов «вёл себя …

[1] *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 91–92 (№ 1). О борьбе правительства Михаила Федоровича с этой практикой см.: Памятники ополчения и земского собора. С. 5–7 (1–я паг.); *Козляков В.Н.* Получали ли жалование городовые воеводы? С. 104–105, 111.

[2] *Глазьев В.Н.* М.А. Вельяминов – российский воевода первой половины XVII в. // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей. Воронеж, 2013. С. 47–52; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 53; *Шокарев С.Ю.* Шацк в годы Смуты.

[3] О практике привлечения к управлению родственников воеводы см. работу: *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII в.).

[4] О роли воеводы как временного кормленщика см.: *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. Более взвешенный взгляд на проблему: *Козляков В.Н.* Получали ли жалование городовые воеводы?

как член Думы, назначенный на воеводство в Переяславль-Рязанский»[1] или как «*обычный наместник* московских царей»[2]. Подобные аналогии могут ввести в заблуждение. В действительности нетипичными являлись как сочетание рязанского воеводства и думного дворянства (традиционно данный чин предполагал придворную карьеру, и П.П. Ляпунов действительно посещал столицу)[3], так и длительное нахождение местного служилого человека на позиции единоличного воеводы. Долгосрочные интересы П.П. Ляпунова (прежде всего, землевладельческие) были связаны с Рязанским краем, а не с московской элитой. В местном «городе» под его началом оказались родственники и свойственники, семейные друзья и родовые «недруги», и это придавало уездной жизни не вполне обычную динамику.

А.О. Никитин интерпретировал конфликты между представителями рязанской верхушки, сопровождавшиеся перераспределением земли в пользу отдельных кланов (главным образом – Ляпуновых), как свидетельство «фактического распада» местного служилого объединения[4]. Мы полагаем, что эти события больше говорят о консенсусе, существовавшем внутри рязанского «города», чем о его «распаде». Конфискации, насколько позволяют судить сохранившиеся данные, коснулись только «перелётов» и ляпуновских «недругов» – узкого круга семейств, часть из которых к тому времени перешла на московскую службу. Большинство рязанских дворян и детей боярских, очевидно, поддерживали действия воеводы, направленные против этих «изменников» – или, по крайней мере, не препятствовали переделу собственности, который он инициировал.

Примеры из других регионов, также относящиеся к эпохе Смутного времени, позволяют представить развитие событий в случае, если бы такие

---

[1] *Козляков В.Н.* Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова. С. 137.

[2] *Он же.* Герои Смуты. С. 19. Исследователь обращает внимание и на аспект, которому мы придаем здесь гораздо большее значение: «Необычным было *лишь* то, что он сам принадлежал к рязанскому дворянству и был связан с городом невидимыми нитями…».

[3] *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты. С. 220.

[4] *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы. С. 180.

решения не вызывали сочувствия у рядовых служилых людей. В январе 1612 г. мценские дворяне и дети боярские «всем городом» пришли к воеводе и не позволили выполнить указание боярского правительства, согласно которому следовало отобрать владение у вдовы местного служилого человека[1]. Ещё более яркая ситуация произошла в начале следующего года в Арзамасе в связи с конфликтом по поводу поместья одного из «перелётов». После очередной грамоты «бояр», предписывавшей передать землю новому владельцу, служилые люди «всем городом» пришли к воеводе и подали челобитную. Они ссылались на приговор «всей земли», согласно которому предписывалось «поместей их и вотчин без сыску и без вины не отымати ни у ково и в раздачи не раздавати» и жаловались, что «ныне деи у них, арзамасцов, у многих дворян и детей боярских старинные их поместья и вотчины отдают без сыску и без вины … приходят грамоты, и в них пишет прямо: старинные их поместья отдавать новым челобитчикам, *и в том де меж их чинится в старых их поместьях брань и смута великая*»[2]. В обоих случаях воеводы вновь обратились к «боярам», которые пошли навстречу требованиям служилых людей и отдали распоряжения о сохранении земли за прежними владельцами.

Итак, «город» в эпоху Смуты имел широкие возможности для того, чтобы активно противодействовать притеснению своих членов. В приведенных случаях служилые люди оказывали давление на воевод и добивались пересмотра указов, которые считали несправедливыми. Хотя некоторые решения П.П. Ляпунова очевидным образом диктовались его собственными интересами и были направлены на личное (семейное) обогащение путем дискриминации отдельных дворян, подобные протесты со стороны местного служилого сообщества неизвестны. Служилый «город», занявший привилегированное положение за счёт эксплуатации посадских жителей, явно прощал некоторые злоупотребления и

[1] *Антонов А.В.* Из поместной практики Смутного времени // РД. М., 2001. Вып. 7. С. 399.

[2] Арзамасские поместные акты. С. 472 (№ 365). См.: Арзамасский уезд в XVII веке: Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи. Т. 2. С. 23; *Эммаусский А.В.* Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI–XVII вв. С. 20.

своему лидеру[1]. П.П. Ляпунов не был для рязанцев простым «наместником» или обычным «думным дворянином», присланным из столицы. Цена таких формальных позиций была в годы Смуты невелика – тем более, что местный «город» на начальном этапе кризиса сверг нескольких московских воевод. Стабильность ляпуновской власти основывалась на балансе интересов воеводы и служилого сообщества, признававшего его своим лидером.

Необходимо в полной мере оценить тот факт, что рязанскому воеводе удавалось на протяжении нескольких лет успешно не только организовывать оборону уезда крупными силами, но и предпринимать относительно дальние военные походы, которые выходили за рамки непосредственных интересов «города» (например, на Коломну). Мы уже обращались к ситуациям конца 1608 – 1609 гг., когда смоляне отказывались покинуть свой уезд. Тогда служилые люди вовсе разъехались по своим владениям и выступили только весной; местные воеводы были бессильны повлиять на такой ход событий[2]. В отличие от них, П.П. Ляпунов держал ситуацию под контролем и даже в самые тяжелые периоды мог рассчитывать на выполнение своих распоряжений. Какими бы ни были организационный талант и энтузиазм рязанского воеводы, поход на Москву в начале 1611 г. состоялся только благодаря тому, что П.П. Ляпунов имел возможность опереться на сплоченный отряд рязанских дворян и детей боярских, готовых последовать призыву и покинуть свой край несмотря на неспокойную обстановку на юге. Такая власть воеводы в условиях Смуты могла основываться исключительно на твёрдом и широком признании его авторитета со стороны служилых людей. За появлением П.П. Ляпунова в качестве фигуры общерусского масштаба, несомненно, стоит солидарная поддержка рязанского «города».

---

[1] Полагаем, что именно в таком русле можно разрешить кажущееся противоречие между преследованием П.П. Ляпуновым «собственных и родовых интересов» и, несмотря на это, его несомненной ролью как лидера *своего* «города». В.Н. Козляков делает, как кажется, необоснованно резкий логический переход от темы злоупотреблений и самоуправств к уже упомянутому представлению о П.П. Ляпунове в качестве «наместника», который вел себя «как московский дворянин, *а не как представитель своего "города"*» (*Козляков В.Н.* Великая Смута – бунт «обычных» людей? // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 95).

[2] *Молочников А.М.* Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612). С. 130.

3.5.3. Местная элита и «государев двор»

Переход рязанских фамилий на столичную службу необходимо рассматривать в контексте общей трансформации «государева двора», главные тенденции которой выяснены в работах А.П. Павлова. На протяжении первой трети XVII в. происходил интенсивный рост численности «московских» чинов за счёт провинциального дворянства. Естественным следствием этого процесса была утрата верхушкой «государева двора» былого «аристократического» характера: удельный вес знати (княжеских и старомосковских родов) среди столичных чинов значительно снизился[1]. Источники не содержат прямых свидетельств относительно причин, которые стояли за этими изменениями. В частности, остаётся открытым вопрос о том, являлись ли они результатом продуманной правительственной стратегии или следствием мер, предпринимавшихся ad hoc. Рассмотрим трансформацию правящей элиты с двух позиций: как из перспективы центральной власти, так и с точки зрения служилых людей.

Наиболее убедительная гипотеза, объясняющая активное пополнение столичной части «государева двора» – стремление правительства «упрочить свою главную политическую опору»[2]. На протяжении Смутного времени именно «московские» чины составляли ключевой военный и административный ресурс центральной власти. Пожалования провинциальных дворян позволяли царской администрации не только расширить эту группу, но и вознаградить своих наиболее преданных сторонников. А.П. Павлов обратил внимание, что после 1613 г. «московские» чины пополнялись главным образом за счёт верхушки «городов», не проявивших «шатости» в годы кризиса. Неслучайно среди

[1] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Взгляд на эти процессы из перспективы региональных сообществ по-прежнему является редким: *Козляков В.Н.* Московское и уездное дворянство поколения Смуты // Российская история. 2012. № 5. С. 70–71 (Владимир); *Он же.* Правящие группы Замосковного края (по материалам разбора 1630/31 гг.) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 18. С. 108–115; *Он же.* Служилый «город» Ярославского уезда в конце XVI – первой половине XVII века. С. 96–97; *Лисейцев Д.В.* Костромские выборные дворяне рубежа XVI–XVII веков; *Он же.* Костромские «выборные дети боярские» в 1612–1618 гг.: провинциальное дворянство на исходе Смуты.

[2] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 356.

возвысившихся преобладали выходцы из юго-западных и западных уездов – «осадные сидельцы» и участники Ополчений[1]. Особенно активно в «московский» список жаловались смоляне, которые ранее вовсе не имели представительства в «государевом дворе», но сыграли важную роль в событиях Смуты[2]. При этом важным коррелятом карьерного продвижения оказывается также связь со столичной службой. Так, нижегородские дворяне, несмотря на активные действия на стороне правительства в регионе Понизовья, почти не выдвигались в «московские» чины[3].

Обновление столичной элиты, как показал И.О. Тюменцев, началось уже в первые годы Смуты[4]. Рязанцы занимали особое место в этой наиболее ранней волне массовых пожалований в «московские» чины. По нашим подсчётам, среди дворян московских 1606/07 г., перешедших из «выбора» за начальный период Смуты, они составляли наиболее многочисленную и разнообразную в семейно-родовом отношении «городовую» группу[5]. Иными словами, выходцы из рязанских родов раньше других представителей провинциальных элит получили широкий доступ в ряды столичной верхушки. Источники, за редкими исключениями, не позволяют разделить здесь пожалования Лжедмитрия I и Василия Шуйского. Несомненны, однако, общие предпосылки этого возвышения – длительная традиция службы в «государевом дворе» и активное участие в событиях начального этапа Смуты. Выдвижение рязанцев носило скорее

---

[1] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 331–332, 356–357. Точность данных подсчетов несколько снижает то обстоятельство, что главным источником для них служил БС 1626, а не БК 1627, содержащая более полный список «московских» чинов.

[2] *Молочников А.М.* Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612). С. 206–212; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 102–103.

[3] *Павлов А.П.* Выборное нижегородское дворянство в первой половине XVII в. С. 422–424; *Чеченков П.В., Черненко Д.А.* Нижегородская служилая корпорация до и после Смуты: первые итоги изучения // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 315.

[4] *Тюменцев И.О.* Московские дворяне в годы Смуты начала XVII столетия. С. 188–193; *Он же.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 343, 349, 351, 356.

[5] Результат подсчета количества выборных дворян БС 1602/03, которые попали в чин дворян московских БС 1606/07. Вслед за Рязанью (8 человек из 4 родов) идут Владимир (5 из 4), Бежецк (5 из 1), Тула (4 из 1), Коломна (4 из 4) и Вязьма (3 из 3). В остальных 13 городах в дворяне московские были пожалованы по 1–2 человека.

«служебный», чем «местнический» характер: пожалования охватывали весь круг семейств, имевших доступ к выборному дворянству. К началу XVII в. этот чин, как показало наше исследование, включал в себя группы служилых людей различного происхождения и экономического благосостояния.

Исследователи указывают на замораживание социальных лифтов (в частности, замыкание верхушки «государева двора») в правление Бориса Годунова как одну из ключевых причин последовавшего кризиса[1]. Пожалования периода Смуты открыли путь в «московские» чины для «лучших» уездных родов. Целый ряд мер, предпринятых при Михаиле Фёдоровиче, производят впечатление сознательных шагов, направленных на дальнейшее вовлечение широкого круга провинциальных дворян в орбиту столичной службы. К числу таких решений относится создание чина патриарших стольников, большинство носителей которого составляли молодые представители видных «городовых» фамилий[2]. Первые послесмутные десятилетия были периодом интенсивной перестройки «государева двора», когда граница между верхушкой уездной иерархии и столичной элитой перестала быть непреодолимой. Дворовый сын боярский мог в течение нескольких лет попасть в «выбор», а оттуда – в столицу. Такая скорость была немыслимой для досмутной эпохи. Стремительное увеличение количества рязанцев в «московских» чинах наглядно демонстрирует эту тенденцию.

Помимо расширения военно-политической опоры центральной власти и ослабления социальных барьеров, можно *было бы* предположить и другую цель, которую преследовали правительства первых десятилетий XVII в., производя массовые чиновные пожалования. Не стремились ли они привлечь таким образом провинциальные элиты на свою сторону с тем, чтобы через них влиять на местные дела? Рязанский случай даёт важный материал для проверки этой гипотезы. В отличие от других регионов, здесь сохранялась традиционная

[1] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв.

[2] *Люткина Е.Ю.* Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова. С. 100–101; *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 327–328.

верхушка, не подвергшаяся переселению в опричные годы. Ядро локальной элиты составлял устойчивый набор семейств, которые вели своё происхождение от бояр эпохи самостоятельности княжества, возглавляли «городовую» иерархию на протяжении нескольких поколений и были наиболее состоятельными рязанскими землевладельцами. Представители этих фамилий, очевидно, пользовались авторитетом в местной служилой среде; некоторые успели проявить себя в качестве лидеров «города» в начале Смуты (Ф.Ю. Булгаков, Г.Ф. Сунбулов, Коробьины). Однако главным эффектом царских пожалований являлось не упрочнение позиций данной группы в уезде, но, напротив, её отрыв от локального сообщества. Именно выборные дворяне, регулярно призывавшиеся в досмутный период на столичную службу, могли бы составить главную опору центральной власти в регионах. Переводя их в Москву, правительство утрачивало важный рычаг влияния на местные сообщества, действия которых становились ещё менее контролируемыми и менее предсказуемыми[1].

Движущей силой этой трансформации были не только правительственные решения, но потребности и устремления самих провинциальных дворян. Множество сюжетов нашего исследования убеждают в том, что получение «московского» чина относилось к числу главных чаяний каждого из них. Столичная служба и связанные с ней возможности оказывались несопоставимо более привлекательными, чем сохранение традиционной позиции в уездной иерархии. Только в этом случае получают объяснение челобитные о пожаловании «московских» чинов и та поразительная легкость, с которой рязанские дворяне покидали ряды своего «города». Местная элита на поверку оказалась механически составленной совокупностью семейств, которые при первой возможности предпочли переместиться в столицу. Единственное и потому особенно примечательное исключение из этой тенденции – П.П. Ляпунов, который остался в своем крае и стал предводителем рязанского служилого сообщества. Важный

[1] «Выход из состава “служилых городов” этих “лучших” дворян на деле приводил не к усилению провинциального дворянства в целом а к ослаблению дворянских корпораций, лишая их влиятельной и авторитетной верхушки» (*Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 344).

для сопоставления случай – судьба «старейшины» смоленского «города» Г.М. Полтева. За заслуги в действиях против болотниковцев он стал думным дворянином (в отличие от рязанца, был пожалован ещё до тульского похода) и больше не появлялся на каких-либо должностях в родном уезде, утратив с ним связь[1].

Какие преимущества давал столичный чин служилому человеку? Прежде всего, социальный престиж, который становился достоянием всего рода. Близость к монарху, возможность «видеть государевы очи» являлась высшей ценностью[2], а ссылки на службу родственников по «московскому» списку составляли непременный атрибут дворянских челобитных о пожалованиях. Столичные дворяне получали доступ к широкому кругу значимых в местническом отношении «разрядных» назначений, которые также повышали статус фамилии. «Московский» чин предполагал высокий поместный и денежный оклад, символическая роль которых, как подчёркивает О.Е. Кошелева, была не менее важной, чем реальные пожалования и выплаты (регулярность последних является предметом дискуссии)[3]. Значение оклада выходило за рамки простой материальной выгоды: его размером определялся, например, объем компенсаций за «бесчестье»[4]. При этом несомненно, что представители столичной элиты имели и гораздо больше шансов получить новые земли. Двор являлся ключевой точкой

[1] *Молочников А.М.* Смоленский род Полтевых и служба по отечеству в XVI – начале XVII в // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 203–206; *Он же.* Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612). С. 178.

[2] *Павлов А.П.* Видеть государевы очи: пожалования членов царского двора на праздник Пасхи в царствование Михаила Романова // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 4. С. 1203–1216. Этот аспект отношений монарха и знати в династических государствах, хорошо изученный на западноевропейском материале (см., напр.: *Smith J.M.* «Our Sovereign's Gaze»: Kings, Nobles, and State Formation in Seventeenth-Century France // French Historical Studies. 1993. Vol. 18. № 2. P. 396–415), заслуживает дальнейшей разработки применительно к Московскому государству.

[3] «Боярин не получал зарплату за работу в Думе, он вместе с чином получал оклад как царскую милость, «дар», имевший более символическое, чем реальное денежное воплощение. Именно его размер и запись о нем в боярской книге имели первостепенное значение» (*Кошелева О.Е.* Бояре и их деньги в XVII в. // Paleobureaucratica. М., 2012. С. 187–208). См. также: *Козляков В.Н.* Получали ли жалование городовые воеводы?

[4] *Флоря Б.Н.* Оценки возмещения за оскорбление дворянской «чести» и «чести» представителей других сословий в памятниках русского законодательства XVI-XVII в.; *Он же.* Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси.

распределения материальных благ: «Хозяевами положения были столичные чины, умевшие вовремя подстеречь и подхватить в Поместном приказе лучшие куски, на которые с беспомощной завистью должна была взирать уездная мелкота»[1]. О преимуществах, которые имели «московские» чины в приобретении земель, наглядно свидетельствуют, среди прочего, пожалования польских властей. При Михаиле Фёдоровиче же, как показало проведённое исследование, только рязанцы, добившиеся столичного успеха, могли рассчитывать на наполнение возросших окладов – главным образом, благодаря земельным дачам в разных регионах страны.

В течение первых десятилетий XVII в. рязанское сообщество впервые подверглось трансформации, которая во множестве других областей Московского государства произошла значительно раньше. Традиционная местная верхушка, на протяжении целого столетия сохранявшая устойчивую связь с регионом своего происхождения, практически полностью переместилась в Москву. Главным центром притяжения для большинства представителей рязанской элиты ко времени Смуты оказался не родной уезд, а царский двор. Данное наблюдение приводит нас на поле давних историографических дебатов о том, насколько «укорененным» (привязанным к регионам происхождения) был служилый класс Московского государства. Дискуссия по этой проблеме далека от завершения; за масштабными обобщениями исследователей по-прежнему теряются перипетии судеб конкретных служилых фамилий[2]. Рязанский случай показывает важность этих деталей: только обстоятельный анализ позволяет проследить трансформацию жизненных стратегий отдельных дворянских родов. В течение нескольких десятилетий – всего за одно-два поколения – несколько ключевых семейств рязанской элиты полностью переориентировались на придворную среду, хотя и сохранили в уезде как родственные связи, так и землевладение. Столь же активно

[1] *Яковлев А.И.* Приказ сбора ратных людей. С. 69.

[2] См. последнее по времени обращение к этой проблеме (с историографическим экскурсом): *Черников С.В.* К вопросу о «неукорененнности» московского служилого класса. Изменения в фамильном составе дворянства в уездах Европейской России в XVII – начале XVIII вв. // Cahiers du monde russe. 2020. Vol. 61. № 1–2. P. 7–62.

стремились попасть в столицу однородцы «московских» чинов, апеллировавшие к пожалованиям своей «братьи». На московской службе главной ячейкой солидарности для рязанских выдвиженцев являлся род, в то время как уездная идентичность не имела большого значения. Более того, в годы Смуты выходцы из рязанских фамилий посягали на земли своих былых товарищей по «городу», а после кризиса – активно местничались друг с другом, не обнаруживая земляческой солидарности.

Закрепившаяся в литературе идея С.Ф. Платонова, согласно которой дворянство одержало по итогам Смуты победу, давно подвергнута справедливой критике[1]. К числу «победителей» можно было бы отнести возвысившихся служилых людей, речь о которых шла до сих пор[2]. Согласно распространенному представлению (его придерживались, например, В.О. Ключевский и П.Н. Милюков), к ним после кризиса перешла политическая власть. Однако этот тезис может быть принят лишь со значительными оговорками и ограничениями, меняющими его первоначальный смысл. Исследования А.П. Павлова убедительно продемонстрировали, что не происходило ни «вытеснения» старого боярства, ни его «растворения» в «дворянской» массе. Провинциальные выдвиженцы встраивались в существовавшую иерархию, во главе которой, как и прежде, находилась традиционная знать[3].

Кроме того, у количественного роста «московских» чинов была и оборотная сторона: совокупный объём служб, земель и средств для жалованья, которые должны были обеспечивать их существование, являлся ограниченным[4]. Неудивительно, например, что многим беспоместным и малопоместным жильцам

---

[1] См. наиболее обстоятельный разбор этого аргумента: *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. С. 11–14, 51–93.

[2] См. такой взгляд: *Козляков В.Н.* Московское и уездное дворянство поколения Смуты // Российская история. 2012. № 5. С. 69.

[3] *Козляков В.Н.* Московское и уездное дворянство поколения Смуты. С. 72; *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 360–361.

[4] См., напр., данные о количестве воеводских должностей, за весь XVII в. увеличившемся не столь значительно: со 185 до 302 (*Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. С. 31).

в отсутствие покровителей не удавалось удержаться при дворе, и они просили о записи «с городом»[1]. Сформировалась прослойка столичных дворян, которые по своему благосостоянию уступали даже некоторым провинциальным служилым людям, но должны были при этом выдерживать гораздо более интенсивный режим служб и вносить значительные выплаты в казну. Голоса этой группы звучат в одной из сказок собора 1642 г.: «После службы городовые люди живут по вотчинам своим и поместьям, а *московские люди* … на Москве живут без съезду, колодников держат, и в посылки безкорыстныя их посылают, и земляной город и всякие городовыя дела делают, и … с дворов деньги платят, а городовые люди всего того не знают». «Бедные» «московские люди», которые не могут ни выставить даточных людей, ни выплатить вместо них деньги наравне с городовыми дворянами, противопоставлялись в сказке «пожалованным людям», сидевшим «у корыстовых дел по воеводством и по приказам», «за которыми поместий и вотчин много»[2].

Ещё менее на роль «победителей» могут претендовать уездные дворяне и дети боярские. Правительства Смутного времени прилагали целенаправленные усилия, чтобы приобрести популярность среди широких кругов провинциальных служилых людей. Так, в источниках подчёркивается, что Лжедмитрий I «*хотя всю землю прелстити и любим быти*, велел все городы верстати поместными оклады и денежными оклады»[3], «хотяше воинскому чину поместья и вотчины изобиловати и златом и сребром *удоволити*»[4]. Реальные результаты, которые имели правительственные мероприятия для каждого из «городов» Московского государства, только предстоит систематически изучить на конкретном локальном

[1] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 342–343.

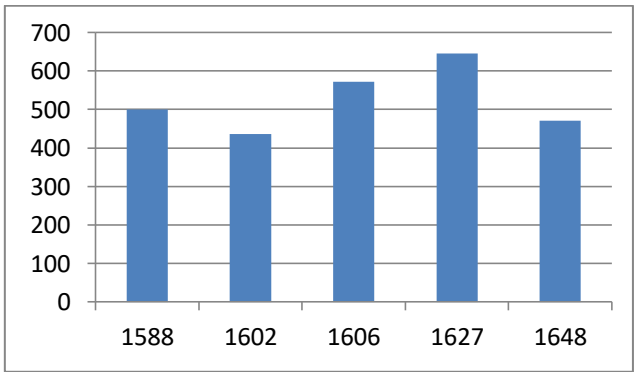
[2] Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1920. С. 52. Использование термина «пожалованный» в подобных контекстах заслуживает специального изучения, ср.: «А служу тебе, государю, всякие твои царские службы, зимние и летние и выборные и рядовые, с *пожалованными* и с поместными в ряд» (*Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. С. 44).

[3] Карамзинский хронограф. С. 329.

[4] РИБ. Т. 13. Стб. 158. О политике Лжедмитрия I, направленной на удовлетворение нужд провинциальных дворян: *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. С. 135–169.

материале. Можно с уверенностью утверждать, однако, что они не соответствовали действительным потребностям дворян и детей боярских.

Рисунок 3.16 – Динамика окладов рязанского «выбора» (средние величины)

Одним из ключевых последствий Смутного времени для уездных служилых людей являлся грандиозный рост окладов, не подкреплённых реальными земельными дачами. Уже на завершающем этапе кризиса неоднократно звучали идеи «оклады денежные и поместные учинить *по достоинству*»[1], но повернуть процесс вспять оказалось невозможным[2]. Характерно, что к 1627 г. средний оклад рязанского «выбора» достиг максимальной величины за всю историю данной чиновной группы (рисунок 3.16). При этом реальное земельное обеспечение служилых людей выросло весьма незначительно. Если в годы Смуты отдельные представители рязанских родов могли добиваться пожалований из дворцовых земель своего уезда, то при Михаиле Фёдоровиче местный «город» был практически исключён из таких раздач. Теперь рязанские земли предназначались для других групп служилых людей: во-первых, многочисленных дворян и детей боярских, эвакуированных с утраченных территорий, во-вторых – представителей высшей прослойки «государева двора». Появление в крае обширных владений

[1] СРИО. Т. 142. С. 66, 71.

[2] *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту; *Он же.* Поместные и денежные оклады в жилецком списке Первого ополчения // Реализм исторического мышления. М., 1991. С. 225–226. См. конкретные подсчеты на нижегородском материале: *Чеченков П.В.* Землевладение нижегородской служилой корпорации после Смуты: размер и соответствие окладу // Петербургские исследования. СПб., 2012. Вып. 3. С. 191–200; *Он же.* Между вторым самозванцем и новой династией: параметры землевладения нижегородского служилого «Города» в 1607–1613 гг // Вестник ННГУ. 2017. №1. С. 68–75.

думных чинов, как и накануне Смуты, угрожало стабильному течению уездной жизни.

Другим важнейшим мероприятием, изменившим картину уездного землевладения, был массовый перевод поместий в вотчину. На фоне других регионов Московского государства количество выслуженных вотчин в Рязанском уезде было особенно велико[1]. Однако последствия этой реформы для местного служилого сообщества не столь однозначны. Если представители верхней прослойки «города» и «московские» чины, имевшие высокие оклады, оказались в несомненном выигрыше, то остальные служилые люди либо получили по сотне четвертей, либо (если не принимали участия в «осадных сидениях») вовсе остались ни с чем. В результате вотчинных пожалований произошло дальнейшее сокращение поместного фонда, потенциально доступного всем местным дворянам и детям боярским. Таким образом, начатая при Василии Шуйском реформа в долгосрочной перспективе вела не к разрешению землевладельческого кризиса, постепенно охватывавшего широкие массы провинциальных дворян, а только к усугублению неравенства внутри местных сообществ.

Значительные изменения произошли в положении верхней прослойки служилого «города» – выборного дворянства. После перехода в Москву представителей досмутного «выбора» семейно-родовой состав этой чиновной группы значительно обновился. Служилые люди, которые прежде состояли в дворовом списке, заняли место старой верхушки и стали новой локальной элитой[2]. Характерно, что участниками собора 1642 г. от Рязани были сплошь представители фамилий, которые закрепились в «выборе» в первые десятилетия

[1] *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. С. 73–74.

[2] Как и в Нижнем Новгороде (*Чеченков П.В.* Пополнение нижегородской служилой элиты после Смуты // Документ, источник, текст: горизонты современных исследований. Н. Новгород, 2015. С. 91–98; *Он же.* Служилый Нижний в 1622 году (нижегородская десятня 1622 г.: персональный состав и основные параметры уездной служилой корпорации) // Открытый текст, 2014. URL: http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIIIXIX/?id=5379 [дата обращения: 01.04.2021]), обновление рязанского «выбора» происходило главным образом за счет выходцев из семейств переселенцев, которые появились в уезде относительно недавно. Старинные рязанские фамилии по-прежнему оставались в городовом и дворовом списках, поскольку, очевидно, считались худородными.

XVII в.[1]. Однако одновременно происходило стремительное падение социального статуса выборных дворян. «Выбор» перестал быть частью многократно увеличившегося «государева двора», а «московские» чины вновь постепенно обособились от провинциальных сообществ[2]. Выборные дворяне утратили доступ к столичной службе и чаще назначались теперь «с городом вместе», чем на «разрядные» должности; география их персональных посылок заметно сузилась.

Таблица 3.10 – Динамика численности рязанского «выбора» и «города»

	«Выбор»	**«Город» (всего)**
1588/89	37	–
1602/03	36	–
1606/07	24	–
1627 / 1631[3]	37	1910
1651[4]	106	2118

Одним из последствий исключения «выбора» из состава «государева двора» стал стремительный рост численности данной чиновной группы (таблица 3.10). На протяжении полувека (с 1570-х по 1620-е гг.) количество рязанских выборных дворян, как показывают сохранившиеся списки, устойчиво держалось на одном уровне – порядка 37 человек[5]. Такая примечательная стабильность позволяет с осторожностью предполагать, что могли существовать даже специальные нормы, устанавливавшие допустимое число носителей данного чина в «городе». Всего за полтора-два десятилетия после того, как выборные дворяне перестали учитываться в «боярских списках», их количество увеличилось практически в три раза. Эти изменения, как ясно из представленных данных, не были пропорциональны росту численности самого́ служилого «города». В такой

[1] Акты, относящиеся к истории земских соборов. С. 41. Ср. собор 1651 г.: *Новосельский А.А.* Правящие группы в «служилом городе» XVII в. С. 334.

[2] *Новосельский А.А.* Правящие группы в «служилом городе» XVII в. С. 316; *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 352.

[3] Данные БК 1627 и «сметы» 1631 г. (*Беляев И.Д.* Сметный список 139 году. С. 19).

[4] Данные «сметы» 1651 г. (Смета военных сил 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне: XVII − первая половина XVIII в. М., 1989. С. 12). Недавнее обращение к этим данным: *Петрухинцев Н.Н.* Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII в.

[5] БС 1606/07 дает здесь аномалию, поскольку попадает на период, когда в «московские» чины перешла значительная группа рязанцев, а новые пожалования в «выбор» еще не последовали.

динамике можно увидеть свидетельство инфляции выборного чина. Как показывают подсчёты Н.В. Смирнова, основанные на данных десятни 1648 г., в рязанский «выбор» этого периода входили наиболее обеспеченные члены «города»[1]. В XVII в. условия записи в «выбор» представляли собой «комбинацию родовитости, выслуги и экономической состоятельности»[2].

Итак, «выбор» утратил характер привилегированной социальной группы, находившейся одновременно в составе «государева двора» и локального сообщества. Приток новых лиц происходил, как и прежде, за счёт дворовых, однако во второй трети XVII в. немногие из выборных дворян могли рассчитывать на дальнейшее продвижение в столицу. Углубление разрыва с верхушкой правящей элиты сопровождалось укреплением связи «выбора» и уездной иерархии: происходила консолидация служилых «городов»[3]. Между провинциальными служилыми сообществами и московской элитой назревал новый конфликт[4]. На уже упомянутом соборе 1642 г. рязанские делегаты вместе с другими южнорусскими дворянами и детьми боярскими жаловались на то, что «разорены … пуще турских и крымских бусурманов московскую волокитою и от неправедных судов»[5]. Служилые люди предлагали «имать деньги и всякие запасы, за кем больше пятидесят крестьянинов», а остальным для будущего похода давать жалованье[6]. В коллективных челобитных, хорошо известных в историографии, провинциальные дворяне требовали отмены урочных лет, сыска беглых людей во владениях знати, а также судебной реформы, когда судьи избирались бы на местах[7]. Ключевым лейтмотивом всех этих обращений являлся антагонизм между

---

[1] *Смирнов Н.В.* Служилые города Русского государства в середине XVII века. Рязанский уезд.
[2] *Новосельский А.А.* Правящие группы в «служилом городе» XVII в. С. 318.
[3] *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. С. 347; *Новосельский А.А.* Правящие группы в «служилом городе» XVII в. С. 316.
[4] Яркий анализ противоречий между столичным и городовым дворянством см.: *Яковлев А.И.* Приказ сбора ратных людей. С. 66–90.
[5] Акты, относящиеся к истории земских соборов. С. 54.
[6] Там же.
[7] *Смирнов П.П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. М., 1915. Последние по времени обращения к данному сюжету: *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI-XVII веков. С. 180–195; *Лаптева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. С. 422–479.

«городовыми» сообществами и всевластными «сильными людьми» – «московскими» чинами[1]. Можно предполагать, что новые выборные дворяне были главными организаторами таких выступлений. Пройдя очередной виток своей эволюции, служилый класс Московского государства вновь оказался на пороге кризиса. Участие рязанских дворян и детей боярских в «бунташных» событиях второй трети XVII в. – тема для отдельного исследования.

[1] *Андреев И.Л.* «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20–40-е годы XVII века // История СССР. 1990. № 5. С. 77–88.

Заключение

Боярскую элиту Великого княжества Рязанского составляли несколько родов, представители которых имели наследственное право на получение придворных чинов. Эта социальная группа сформировалась на протяжении второй половины XIV – первых десятилетий XV в., а в начале XVI в. оказалась в состоянии кризиса. Как показало исследование, к такому развитию событий привела не внутренняя борьба придворных группировок, как считалось ранее, но массовые отъезды выходцев из первостепенных рязанских родов на московскую службу. К моменту окончательной ликвидации самостоятельности княжества местная династия лишилась поддержки большинства представителей элиты. Рязанский двор окончательно прекратил своё существование в ходе татарского набега, когда последние сторонники великого князя Ивана Ивановича принесли присягу московскому правителю.

История локальных элит в XVI в. нередко описывается как процесс делокализации – утраты прежних региональных связей под воздействием целенаправленной политики центральной власти. Такая модель, однако, не вполне применима к рязанскому случаю. Московское правительство последовательно реализовывало стратегию мягкой (без «вывода» местных землевладельцев) интеграции этой пограничной территории. Представители рязанской элиты сохранили старинные вотчины, приобретённые во времена самостоятельности княжества. Главная роль в управлении краем перешла к столичной знати, однако выходцы из местных родов систематически получали назначения в города своего уезда и другие центры южной «украины». В рязанском сообществе продолжала воспроизводиться иерархия, первые позиции в которой занимали представители боярских фамилий.

На протяжении почти полувека этот традиционный порядок сохранял устойчивость. Постепенные изменения происходили под воздействием новых правил игры, заданных московской служилой системой. В частности, члены рязанской элиты активно привлекались к дальним общегосударственным службам, где действовали в качестве агентов центральной власти. Как следствие,

они приобретали связи и интересы, выходившие за рамки привычного социального круга. Наиболее значительным внешним шоком стали опричные мероприятия конца 1560-х гг., которые существенно трансформировали, однако не разрушили сложившийся в крае порядок. Старинные боярские фамилии утратили значительную часть родового вотчинного землевладения, но при этом остались на прежних позициях в уезде. Группа выборных дворян пополнилась помещиками из переселённых княжеских родов, которые вошли в состав местного «города». Рязанская элита, сохранив прежнее ядро, теперь включала семейства из других регионов.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод об относительно низком статусе рязанской элиты в иерархии «государева двора» XVI – начала XVII в. Получив доступ к общегосударственным службам, она в то же время оставалась провинциальной по своему характеру. Для абсолютного большинства рязанцев пределом возвышения являлся чин выборного дворянина, а назначения происходили, в основном, на второстепенные должности. Показательны в этом отношении карьеры служилых людей, которые в нарушение местнических обычаев были пожалованы в «московские» чины особого «Двора». После смерти Ивана IV большинство таких выдвиженцев вернулись в «выбор». Связь со столичной службой установили только отдельные представители первостепенных местных родов, но ни одна из рязанских фамилий к началу XVII в. не смогла прочно закрепиться в круге придворной знати.

В работе впервые произведена всесторонняя реконструкция участия рязанского «города» в событиях Смутного времени. Местное служилое сообщество проявило себя в качестве самостоятельной силы и неоднократно отказывало в повиновении столичной администрации. При этом рязанские служилые люди последовательно объединялись вокруг представителей местной элиты: выборные дворяне возглавляли «город» как при антиправительственных выступлениях, так и в действиях на стороне Москвы. В период правления Василия Шуйского в Рязани сформировалась особая модель управления, при которой вся полнота власти была сосредоточена в руках воеводы и думного

дворянина П.П. Ляпунова, опиравшегося на гарнизон лояльных дворян и детей боярских. Характерной чертой Смуты в Рязанском уезде был раскол между центром и пригородами, который свидетельствует о столкновении интересов «города» и других социальных групп.

Смутное время является важнейшим рубежом в истории рязанской элиты. В результате серии пожалований большинство местных выборных дворян перешли в «московские» чины. Представители новых поколений этих семейств начинали теперь службу в столице, а не в составе своего «города». Место традиционной рязанской верхушки в «выборе» заняли выходцы из родов, которые раньше не попадали в данную чиновную группу. Важными процессами этого периода были также систематическое повышение окладов служилых людей (не подкрепленных, впрочем, сопоставимым увеличением поместного обеспечения) и пожалования за «осадные сидения», благодаря которым некоторые рязанцы получили новые вотчинные земли. Таким образом, на протяжении первых десятилетий XVII в. рязанская служилая элита подверглась наиболее значительной трансформации в своей истории. Долгосрочные последствия этих изменений нуждаются в дальнейшем специальном исследовании.

В завершение остановимся на одной из актуальных проблем изучения региональных сообществ раннего Нового времени. В историографии последних десятилетий неоднократно высказывались предложения рассматривать Московское государство в качестве композитарной монархии[1]. Специалистов по

[1] О концепции композитной монархии (composite monarchy, conglomerate state, dynastic agglomerate, mosaic state) см.: *Backerra C.* Personal union, composite monarchy and ‘multiple rule’ // The Routledge History of Monarchy. Routlege, 2019. P. 89–111; *Elliott J.H.* A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Vol. 137. № 1. P. 48–71; *Frost R.* The Oxford History of Poland-Lithuania. Oxford, 2015. Vol. 1. P. 36–46; *Gustafsson H.* The conglomerate state: a perspective on state formation in early modern Europe // Scandinavian Journal of History. Vol. 23. 1998. P. 189–213; *Koenigsberger H.G.* Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe: Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5. № 1. P. 191–217; Monarchy Transformed: Princes and their Elites in Early Modern Western Europe. Cambridge, 2017.
В историографии Московского государства: *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего нового времени. С.14–25; *Romaniello M.P.* The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671. Madison, 2012; *Lipich T.I., Lipich V.V., Penskoy V.V., Penskaya T.M.* The Reign of Ivan the Terrible: From «Patrimonial State» to «Composite Monarchy» // The Social Sciences. 2016. Vol. 11. № 10. P. 2421–2424; *Nolte H.-H.* Autonomien im vorpetrinischen Russland //

России (как и, например, исследователей Османской империи)[1], в данной модели привлекает возможность описать географическую, культурную, религиозную гетерогенность изучаемых политических образований, а также их фактическую «недоуправляемость» на локальном уровне. Представляется, однако, что использование термина в качестве «зонтичного» снижает его эвристический потенциал. Некритичное включение Московского государства в единый типологический ряд европейских монархий затемняет важные различия, которые нуждаются в дальнейшем исследовании и прояснении. Конститутивным признаком композитных государств являлась политическая и правовая субъектность композитов, подчинявшихся одному монарху: «Каждая территория – *или, вернее, социальная элита каждой территории* – имела свои особые отношения с правителем, свои привилегии, свой свод законов, свою административную систему, комплектовавшуюся из той же локальной элиты, и часто свою сословную ассамблею»[2]. За этой идеально-типической дефиницией, конечно, стоит разнообразие реальных политических практик. Однако при всех оговорках не вызывает сомнений, что ранненововременная Европа состояла из композитных государств, в той или иной степени соответствовавших приведённому определению.

В Московском государстве XVI–XVII вв. не был представлен ключевой элемент композитарной модели – политическая субъектность локальных элит, которые выступали бы самостоятельными контрагентами центральной власти. Исследование рязанского случая показывает, что даже в отсутствие «вывода» столичная администрация имела практически неограниченные возможности для того, чтобы определять все аспекты жизни провинциального сообщества. Местная верхушка не получила специальных привилегий в качестве правящего слоя своей «земли», но была преобразована в одну из групп общегосударственной служилой

Der zusammengesetzte Staat. Berlin, 2006. S. 109-139. Недавний скептический взгляд: *Filyushkin A.* Why Did Russia Not Become a Composite State?

[1] *Goffman D., Stroop C.* Empire as Composite: The Ottoman Polity and the Typology of Dominion // Imperialisms: Historical and literary investigations, 1500–1900. 2004. P. 129–147.

[2] *Gustafsson H.* The conglomerate state: a perspective on state formation in early modern Europe. P. 194.

элиты. Смутное время продемонстрировало, что главной точкой притяжения для первостепенных рязанских родов оказался не родной уезд, а столичный двор. Московская служилая система, таким образом, успешно обеспечила интеграцию региональной элиты.

Список источников и литературы

Архивные источники[1]

<u>Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН</u> (АСПбИИ РАН)

Ф. 45. Коллекция В.В. Григорьева.

- **Оп. 1.**
  - № 10 (грамота в Сольвычегодск о присылке в Москву денег для выдачи жалованья, 1608 г.).

Ф. 110. Поуездная коллекция.

- № 66/1 (грамота рязанским воеводам по делу о застройке огородной земли Спасского монастыря, 1623 г.).

Ф. 124. Коллекция С.В. Соловьева.

- **Оп. 1.**
  - № 428 (челобитная Ржевских, 1610 г.).
  - № 429 (—).
  - № 430 (—).
  - № 460 (—).
  - № 463 (—).
  - № 467 (—).
  - № 517 (—).
  - № 519 (—).
  - № 520 (—).

Ф. 125. Строгановы.

- **Оп. 1.**
  - № 22 (отпись воеводы П.П. Ляпунова о займе у приказчика Строгановых, 1609 г.).
  - № 27 (грамота о сносе амбаров в Переяславле-Рязанском на местах Строгановых, 1614 г.).

[1] Заголовки дел являются условными и носят исключительно справочный характер.

Ф. 131. Ю.В. Татищев.

- **Оп. 1.**
  - № 104. Л. 40–42 (Лихаревы).

<u>Отдел рукописей Российской государственной библиотеки</u> (ОР РГБ)

Ф. 310. Собрание В.М. Ундольского.

- **Оп. 1.**
  - № 153 (синодик Зарайского Никольского собора). URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-153/ (дата обращения: 01.04.2021).

<u>Российский государственный архив древних актов (РГАДА)</u>

Ф. 89. Сношения России с Турцией.

- **Оп. 1.** Книги, дела.
  - № 1 (1512–1564 гг.).
  - № 2 (1569–1590 гг.).
  - № 3 (1592–1594 гг.).

Ф. 123. Сношения России с Крымом.

- **Оп. 1.** Книги и дела.
  - № 10 (1562–1564 гг.).

Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами.

- **Оп. 1.** Посольские книги и дела.
  - № 2 (Дело о содержании в Рязани присланных в 1609 г. ногайских послов, 1613 г.).

Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей.

- **Оп. 1.** Отд. IV. Рубр. II.
  - № 11. Л. 1–28 (чиновный список свадьбы царя Ивана IV Васильевича с Анной Васильчиковой, 1575 г.).

Ф. 141. Приказные дела старых лет.

- **Оп. 1.**
  - 1627. № 73. Л. 14–28 (дело о справке в Посольском приказе по челобитным С.Г. Коробьина).

Ф. 181. Рукописный отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел.

- **Оп. 1.** Русские рукописи.
  - № 173/278 (родословная книга князя А.И. Лобанова-Ростовского 1664 г.).

Ф. 188. Рукописное собрание.

- **Оп. 1.**
  - № 34. Л. 764–775 (именной список станичников украинных городов 1597/98 г.).
  - № 468. Л. 1–233 (разрядно-родословный сборник Шетневых).

Ф. 210. Разрядный приказ.

- **Оп. 4.** Десятни.
  - № 9 (десятня нижегородская денежной раздачи 1607 г.).
  - № 98 (десятня верстальная и денежной раздачи ряшанам 1606 г.).
  - № 206 (десятня верстальная и денежной раздачи рязанского архиепископа детям боярским 1604 г.).
- **Оп. 9.** Столбцы Московского стола.
  - № 13. Л. 84–87 (дело об окладе И.Н. Сунбулова).
  - № 17. Столпик 6 (жилецкий список 1623/24 г.).
  - № 20. Л. 252–257, 293–298, 308–311 (местническое дело: В.П. и У.С. Ляпуновы – кн. Ф.Ф. Волконский, И.Ю. Ловчиков, 1625 г.).
  - № 35. Л. 1–35 (документы об основании Царева-Борисова и Валуек).
  - № 532. Л. 47–53 (местническое дело: Л.В. Ляпунов – кн. Г.А. Козловский, 1673 г.).
  - № 890. Л. 352–354 (дело о верстании окладом жильца Н. Беклемишева 1613/14 г.).
  - № 897. Столпик 1 (жилецкий список 1624/25 г.).
  - № 900. Столпик 1 (жилецкий список 1615 г.), 2 (жилецкий список 1618 г.), 3 (жилецкий список 1617 г.).
- **Оп. 10.** Столбцы Владимирского стола.
  - № 1. Л. 43–106 (документы об основании Царева-Борисова и Валуек).
  - № 6 (Разборный списки рязанских служилых людей 1621/22 г.).
  - № 30. Л. 261–271 (дело по челобитной ряшан 1648 г.).
  - № 46. Л. 118–120 (дело о записи кн. П. Щетинина по выбору), 343–346 (дело о пожаловании Л. Ляпунова), 503–504 (дело о четвертном

жаловании И. Ржевского), 544–547 (дело о записи Г. Спешнева по выбору).

- **Оп. 12.** Столбцы Белгородского стола.
  - № 12. Л. 1–12 (местническое дело: С.Г. Коробьин – А.В. Измайлов).

- **Оп. 18.** Родословные росписи.
  - № 17. (Белелюбские).
  - № 30. (Кикины).
  - № 48. Л. 1–16 (Владычкины).
  - № 81. Л. 1–5 (Бузовлевы)
  - № 82. (Казначеевы).
  - № 133. Л. 1–42 (Гагины).
  - № 134. (Коробьины).
  - № 151. (Кобяковы).
  - № 155. (Коробьины).
  - № 160. Л. 1–18 (Вердеревские).
  - № 164. Л. 7–35об. (Вердеревские), 41–43 (Белелюбские), 126–130 (Бузовлевы), 210–220 (Беклемишевы), 272–289об. (Владычкины), 310об.–321 (Вердеревские).
  - № 165. Л. 219–254об. (Гагины), 441об.–464 (Казначеевы), 618–637 (Кобяковы).

Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии.

- **Оп. 1.**
  - № 16/9836 (отказная выпись рязанскому архиепископу Феодориту на бывшие земли сотника и стрельцов в Окологородном стане, 1613 г.).
  - № 33/9853 (данная выпись архимандриту Спасо-Преображенского монастыря на дворовое место в Переяславле-Рязанском, 1626 г.).

Ф. 286. Герольдмейстерская контора.

- **Оп. 1.** Книги решенных дел.
  - № 241. Л. 127об., 128 (Житовы), 371–409 (Сунбуловы, Ивашкины), 530–532 (Петровы-Соловые), 1111–1183 (Шиловские).
  - № 241а. Л. 154–154об. (Михайловы), 174–175 (Апраксины-Вердеревские).

Ф. 388. Канцелярия Разрядно-Сенатского архива.

- **Оп. 1.** Книга справок.
  - № 881. Л. 74–77 (Спешневы).

Ф. 394. Канцелярия Московских герольдмейстерских дел.

- Оп. 1. Книги решенных дел.
  - № 85. Л. 7–12 (Карандеевы), 643–674об. (Рахманиновы), 680–682об. (Ржевские).
  - № 267. Л. 245–246 (Кошелевы), 344–347 (Крюковы).
  - № 268. Л. 258–264 (Леонтьевы).
  - № 323. Ч. 1. № 509–510об. (Ржевские).

Ф. 396. Архив Московской Оружейной палаты.

- **Оп. 1.** Столбцы Разряда.
  - Ч. 24. № 37730 (отписка из Переяславля-Рязанского о строительстве земского двора, 1614 г.)

Ф. 1209. Поместный приказ.

- **Оп. 1**.
  - № 405 (писцовая книга Перевитского стана письма 1627–30 гг.).
  - № 408 (писцовая и межевая книга Старорязанского стана письма 1627–30 гг.).
  - № 1070 (писцовая и межевая книга Пониского стана письма 1627–30 гг.).
  - № 1071 (писцовая книга Ростиславского стана письма 1627–29 гг.).
  - № 13328 (дозорная книга Ряжского уезда дозора 1614/15 г.).
  - № 13329 (писцовая и межевая книга Ряжского уезда письма 1628/29 г.)

- **Оп. 1269–1278.** Столбцы по Рязани.
  - № 35/40934. (Ч. 3). Л. 594–717 (дело В.П. и У.С. Ляпуновых против К.И. Михалкова).
  - № 91/40955. (Ч. 2). Л. 75–77, 82–116 (дело У.С. Ляпунова против кн. М.В. Щетинина).
  - № 175/41408. Л. 169–218 (дело У.С. Ляпунова против И.А. Ржевского).
  - № 1077/41425. Л. 106–112 (список с духовной Ф.Е. Коробьиной).
  - № 1902/41854. Б/п (дело Д.Г. и И.Т. Кобяковых против С.Г. Коробьина).
  - № 2005/41883. Б/п (дело кн. Волконских против кн. Гагариных).

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1343. Департамент герольдии.

- **Оп. 30.**
  - № 163. Л. 4–7об. (Таптыковы).

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (РИАМЗ)

- № 8609 (синодик Спасо-Преображенского монастыря Переяславля-Рязанского).
- № 8613 (—).
- № 8835/1 (вкладная книга Солотчинского монастыря).
- № 8835/2 (синодик Солотчинского монастыря).
- № 8931 (синодик Успенского собора Переяславля-Рязанского).

Stokholm. Riksarkivet.

Skoklostersamlingen.

- **Ryska briev.**
  - E 8610. PEA 331 (1–2). № 98б (челобитная детей боярских и казаков украинных городов Лжедмитрию II).
- **Polska Manuskript.**
  - E 8597. № 335A (дневник похода Сигизмунда III).

Опубликованные источники

1. *Авдеев А.Г.* Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV–XVII веков // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 314–347.
2. *Азовцев А.В.* Грамоты 1571–1612 годов из архива рязанского Депутатского собрания // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 348–358.
3. *Азовцев А.В.* Родословная роспись Хириных начала XIX века // Рязанская вивлиофика: Исторический альманах. Рязань, 2001. Вып. 3. С. 72–81.
4. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915.
5. Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.). М., 1918.
6. Акты времени Междуцарствия (1610 г., 17 июля – 1613 г.). М., 1915.
7. Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г., 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1918.
8. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1841. Т. 2.
9. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. СПб., 1890–1901. Т. 1–3.
10. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857–1884. Т. 1–3.
11. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4: 1588–1632.
12. Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1920.
13. Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1913. Т. 1: Акты 1587–1627.
14. Акты подмосковного ополчения и Земского собора (1611–1613 гг.). М., 1911.
15. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997–2008. Т. 1–4.
16. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией.. СПб., 1836. Т. 2: 1598–1613.
17. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3.
18. *Александров В.А.* Памфлет на род Сухотиных (XVII в.) // История СССР. 1971. № 5. С. 119–121.
19. *Алексеев А.И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 17–117.

20. *Алексеев А.И.* Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4 (55–56). С. 5–239.
21. *Алексеев Ю.Г.* К вопросу о судебном иммунитете в княжеских грамотах XII-XIV вв. // Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8. С. 10–28.
22. *Анпилогов Г.Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI в. М., 1982.
23. *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 8–79.
24. *Антонов А.В.* Вновь открытые рязанские акты XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 235–257.
25. *Антонов А.В.* Вотчинные архивы Московских монастырей и соборов XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1997. С. 73–225.
26. *Антонов А.В.* Две кормленные грамоты Денисьевых // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 246–250.
27. *Антонов А.В.* Из истории нагодчины в Рязанской земле // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 152–158.
28. *Антонов А.В.* Из поместной практики Смутного времени // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 396–402.
29. *Антонов А.В.* Из частной жизни служилых людей рубежа XVI – XVII веков // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 160–174.
30. *Антонов А.В.* К биографии А. П. Клешнина // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 367–380.
31. *Антонов А.В.* К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 196–240.
32. *Антонов А.В.* Новый источник по истории нагодчины // Русский дипломатарий, М., 2000. Вып. 6. С. 5–8.
33. *Антонов А.В.* Приговорная грамота 1566 г. // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 171–182.
34. *Антонов А.В.* Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
35. *Антонов А.В.* Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. 2004. Вып. 10. С. 8–79.
36. *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 3–44.
37. *Анхимюк Ю.В.* Разрядная книга 1598–1602 гг. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 361–413.
38. *Анхимюк Ю.В.* Список членов двора царя Федора Ивановича, оставшихся в Москве на время поездки его в Троице-Сергиев монастырь в августе 1585 г. //

Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990. С. 55–67.
39. *Анхимюк Ю.В.* Росписи Казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ, Q.IV.53 // Государство и общество в России XV — начала XX в.СПб., 2008. С. 180–188.
40. *Анхимюк Ю.В.* Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 года // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 286–292.
41. *Анхимюк Ю.В., Павлов А.П.* Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр» // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 212–244.
42. Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи. Н. Новгород, 2018. Ч. 1.
43. *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1886. Т. 1.
44. *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 119–154.
45. *Барсуков А.П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. М., 1895.
46. *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. // Советские архивы. 1991. № 5. С. 92–94.
47. *Белокуров С.А.* Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Федоровичу в 1625 г. // Сборник московского главного архива министерства иностранных дел. М., 1893. Вып. 5. С. 1–48.
48. *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время: 7113–7121 гг. М., 1907.
49. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1: 1578-1613 гг.
50. *Белокуров С.А.* Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906.
51. Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 238–271.
52. *Беляев И.Д.* Сметный список 139 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1849. Кн. 4. С. 18–51.
53. Боярская книга 1627 г. М., 1986.
54. Боярские списки 1577–1607 годов. Походные, церемониальные и другие служебные списки дворовых. Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 году // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 191–426.

55. Боярский список 1610–1611 г. // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1909. № 3. Отд. 3. С. 73–103.
56. Боярский список 1611 года. СПб., 1895.
57. *Буганов В.И.* Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 264–272.
58. *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 году // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–183.
59. *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 9–159.
60. *Бушкович П.* Шведские источники о России 1624 – 1626 гг. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 359–381.
61. *Васильев И.И.* Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным в 1630 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 год. Рязань, 1888. № 7. С. 133–140; № 8. С. 151–167.
62. *Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994.
63. *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000.
64. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
65. Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря // Источники по социально-экономической истории России XVI-XVIII вв. М., 1985. С. 152–210.
66. Выпись с писцовых книг села Исад с деревнями // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1912. Т. 25. Вып. 2. С. 10–33.
67. *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000.
68. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.
69. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы, М., 1959.
70. Временник Ивана Тимофеева. М., 1987.
71. *Геркман Э.* Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 211–233.
72. *Гневашев Д.Е.* «Сыскные» списки вологодских дворян и детей боярских: 1606–1613 гг. // Исторический архив. 2007. № 5. С. 184–196.
73. *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 74–89.
74. *Горбатов Е.Н.* «Земляной» жилецкий список 1628/29 г. // Российская генеалогия. М., 2019. Вып. 6. С. 105–161.

75.*Горбатов Е.Н.* «Наличный» боярский список 1624 года // Российская генеалогия. М., 2018. Вып. 3. С. 71–103.
76.*Горбатов Е.Н.* «Подлинные» боярские списки 1626-1633 годов. Сборник документов. М., 2015.
77.*Горбатов Е.Н.* Документы разбора стольников патриарха Филарета (1633–1634 гг.) // Российская генеалогия. М., 2017. Вып. 2. С. 21–68.
78.*Горбатов Е.Н.* Жилецкие сказки 1632 года // Российская генеалогия. М., 2020. Вып. 7. С. 53–189.
79.*Горбатов Е.Н.* Жилецкий список 7133 г. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2016. Вып. 19. С. 300−363.
80.*Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. // Очерки феодальной России. М., 2013. Вып. 17. С.213–396.
81.*Горбатов Е.Н.* Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования. Алексея Михайловича (1645 г.) // Российская генеалогия. М., 2018. Вып. 4. С. 19–96.
82.*Горбатов Е.Н.* Подлинный боярский список 1626 г. // Единорогъ. М., 2014. Вып. 3. С. 350–447.
83.*Горсей Дж.* Записки о России: XVI – начало XVII в. М., 1990.
84.Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. Т. 1.
85.*Григоров А.И.* Десятня Рязанского Архиерея детей боярских верстания новичнаго окладу 7112 году // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2010. Т. 24. С. 86–107.
86.Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1.
87.Дело о пожаловании князю Д.П. Пожарскому из поместья в вотчину по уложенью // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1849. Кн. 4. С. 2–21.
88.Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). М., 2012.
89.Дневник Мартына Стадницкого // Русский архив. 1906. № 6. С. 177–222.
90.*Добролюбов И.* Вкладная книга Николо-Радовицкого монастыря // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1895. Т. 10. Вып. 1. С. 65–88.
91.Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод). 1571–1580 гг. М.; Варшава, 1998.
92.*Долинин Н.П.* Разрядный список 1618–1619 гг. поместных казаков Рязани // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 397–407.
93.Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. 2. 1598–1615; СПб., 1848. Т. 3. 1613–1645.

94. Дополнения к Дворцовым Разрядам. М., 1882. Ч. 1.
95. Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 6; М., 1790. Ч. 13.
96. Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А. Н. Пискаревым. СПб., 1854.
97. *Дунаев Б.И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. Приложение. С. 34–93.
98. Духовное завещание князя Ф.И. Хворостинина // Русский архив. 1896. № 4. С. 571–575.
99. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
100. *Елассонский А.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 163–205.
101. Жалованная грамота Олега рязанского. Древнейший документ Московского архива Министерства юстиции. М., 1913.
102. *Жуков А.Е.* Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1. С. 405–428.
103. *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. 1884. Ч. 1.
104. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. Ч. 1.
105. Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871.
106. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010.
107. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2006.
108. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе (1610–1611 гг.). М., 1912.
109. *Зерцалов А.Н.* Кормленая книга Костромской чети 1613–1627. СПб., 1894.
110. *Зерцалов А.Н.* О верстании новиков всех городов 7136 года // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1895. Кн. 4. С. 1–73.
111. *Зерцалов А.Н.* О сыскных поместных и денежных четвертных и городовых окладах с 1614 по 1619 гг. и о большом сыске окладов 1622 г. // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1900. Кн. 2. С. 1–130.
112. *Зимин А.А.* Акты земского собора 1612–1613 гг. // Записки отдела рукописей. М., 1957. Вып. 19. С. 188–192.

113. *Зимин А.А.* Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей Государственный библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1956. Вып. 18. С. 210–219.
114. *Зимин А.А., Королева Р.Г.* Новые материалы по истории восстания И.И. Болотникова // Исторический архив. 1953. Т. 8. С. 24–61.
115. Из хронографа, принадлежавшего историографу Карамзину // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 321–379.
116. *Кавелин Л.А.* Вкладная книга московского Новоспасского монастыря. СПб., 1883.
117. *(Кавелин) Леонид*. Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университе. 1878. Кн. 3. С. 1–37.
118. Каширская десятня 1556 г. // «Heraldica»: Исторический сборник. СПб., 1900. Т. 1. Отд. 4. С. 28–44.
119. *Кашкин Н.Н.* Столбцы Щербачевых // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1907. Вып. 1.
120. *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация). М., 2008.
121. *Кистерев С.Н.* Документы о посадских людях Галича XVI - начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 233–245.
122. Книга Полоцкого похода 1563 г.: исследование и текст. СПб., 2004.
123. Книга сеунчей 1613–1619 гг.; Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень – зима 1615 г.). М., 1995.
124. Книги приправочные // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1852. Кн. 13. Отд. 2. С. 1–114.
125. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшим соизволением II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1853. Т. 1.
126. *Коваленко Г.М.* Сообщение М. Клементьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // Новгородский исторический сборник. СПб.; Новгород. 1993. Вып. 4 (14). С. 128–131.
127. *Корецкий В.И.* Новые документы по истории восстания И. И. Болотникова // Советские архивы, № 6. 1968. С. 66–83.
128. *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.

129. *Корецкий В.И.* Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. (историография и источники) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2009. С. 85–97.
130. *Корецкий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612–1613 гг. // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. М., 1989. С. 240–267.
131. *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России // Советские архивы. № 1. 1982. С. 34–40.
132. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI-XVII веках. СПб., 2012.
133. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 9–147.
134. *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского // Советские архивы. 1987. № 1. С. 66–69.
135. *Кузьмин А.Г.* Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Советские архивы, № 1. 1967. С. 112.
136. *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1903. Вып. 11. Отд. 1. С. 136-180; Отд. 3. С. 3–231.
137. *Лихачев Н.П.* Десятни новиков, поверстанных в 1596 году // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 113–209.
138. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях. М., 2007.
139. *Мархоцкий Н.* История московской войны. М., 2000.
140. *Масса И.* Краткое известие о Московии. М., 1937.
141. *Маштафаров А.В.* Старицкие монастыри в документах XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 129–151.
142. *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1.
143. *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Лжебасманов // Вопросы истории, № 10. 1974. С. 135–141.
144. *Морозов Б.Н.* Грамоты XIV-XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 298–309.

145. *Мятлев Н.В.* Десятня Водской пятины 1605 года // Известия русского генеалогического общества. 1911. Вып. 4. С. 435–509.
146. *Мятлев Н.В.* Родословные заметки // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1911. Вып. 1-2.
147. *Назаров В.Д.* Свадебные дела XVI века // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110–123.
148. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003.
149. Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. М., 1910.
150. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
151. *Опарина Т.А.* Судьба рядового участника свадебных торжеств Марины Мнишек и Лжедмитрия I (челобитья Станислава Сандецкого царю Михаилу Романову) // Средние века. 2011. № 72 (3–4). С. 223–231.
152. Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001.
153. Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1–2.
154. Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. Ч. 1–2.
155. Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвинённого в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 8. 1850. Смесь. С. 1–40.
156. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. М., 1951.
157. Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009.
158. *Павлов А.П.* Сыскной список тверских дворян и детей боярских 1613 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 203–222.
159. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2.
160. Памятники истории Нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. СПб., 1912.
161. Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.). М., 1912.
162. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978.
163. Памятники русского права. М., 1959. Вып. 5.
164. Переписи московских дворов XVII столетия. М., 1896.
165. *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 151–464.

166. *Пискарев А.И.* Собрание надписей с памятников Рязанской старины // Записки Русского археологического общества. 1856. Т. 8. С. 271–384.
167. Писцовые и переписные книги Старицы XVII века. М., 2015.
168. Писцовые книги Московского государства XVI в. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 1–2.
169. Писцовые книги Рязанского края. XVI в. Рязань, 1898–1904. Т. 1. Вып. 1–3.
170. Писцовые книги Тульского края. Часть 2 // Труды Тульской ученой архивной комиссии. Тула, 1915. Кн. 2. С. 289–309.
171. *Плешакова В.В., Порубай П.Н.* Синодик Спасо-Преображенского монастыря г. Рязани // Вышенский паломник. 1997. № 4. С. 80–85; 1998. № 1. С. 84–89.
172. Подвиг Нижегородского ополчения. Нижний Новгород, 2011. Т. 1.
173. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984.
174. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. М., 2006.
175. Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. С. 427–721.
176. Приговор Первого земского ополчения // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 297–307.
177. Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983.
178. Продолжение Древней Российской вивлиофики. СПб., 1801. Ч. 11.
179. ПСРЛ. СПб, 1853. Т. 6. Вып. 1; М., 2001. Т. 8; М., 1965. Т. 12, 13, 14; М., 2007. Т. 18; М., 2004. Т. 26; М., 1994. Т. 39; М., 1978. Т. 34.
180. *Пясецкий П.* Смутное время и Московско-польская война. От появления первого самозванца из Польши в 1604 году до Деулинского перемирия 1618 года. Из славянского перевода Хроники перемышльского бискуна Павла Пясецкого. СПб., 1887.
181. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
182. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977–2003. Т. 1–4.
183. Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975–1976. Т. 1–2.
184. Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.
185. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.
186. Разряды похода великого князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей // Сборник Московского Архива Министерства Юстиции. М. 1914. Т. 6. С. 1–13.
187. Расходная книга Устюжской четверти 1619/20 г. // Петров К.В. Описи архива Разрядного приказа XVII в. (сборник документов). М., 2001. С. 142–166.

188. Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в.
189. Родословная роспись рода Кикиных. Грамоты и наказы воеводе И.Ф. и стольнику Б.П. Кикиным. М., 1845.
190. Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 366–431.
191. Российская крепость на южных рубежах: документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 годах. Елец, 2001.
192. Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов. М., 1997.
193. Рукопись Филарета, Патриарха Московского и Всея России. М., 1837.
194. Русская историческая библиотека. Т. 9. СПб., 1884; Т. 13. СПб., 1891; Т. 28. СПб., 1912.
195. Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. М., 1838. Т. 2.
196. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в. М., 1997.
197. Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом. Рязань, 1889.
198. Рязань. Материалы для истории города XVI-XVIII ст. М., 1884.
199. *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV-XVII столетий. М., 1905. Т. 1.
200. *Сахаров И.П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения русской и славянской филологии Императорского археологического общества. 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 46–139.
201. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
202. Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. 6: Псков и его пригороды.
203. Сборник Русского исторического общества. М., 1887. Т. 59; М., 1892. Т. 71; М., 1912. Т. 137; М., 1913. Т. 142.
204. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.
205. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Т. 1–2.
206. Смета военных сил 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне: XVII − первая половина XVIII в. М., 1989. С. 8–33.
207. *Сметанина С.И.* Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 14–16.

208. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2.
209. Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века // Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 55–63.
210. Список надгробий Троицкого Сергиева монастыря, составленный в половине XVII века // Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. М., 1841. Ч. 2. Приложения. С. 96–120.
211. *Станиславский А.Л.* Брянский край и восстание Болотникова // Феодальный город. Брянск. 1989. Вып. 1. С. 18–23.
212. *Станиславский А.Л.* Новые документы о восстании Болотникова // Вопросы истории. № 7. 1981.С. 76–83.
213. *Станиславский А.Л.* Челобитная Вельяминовых – источник по истории России начала XVII в. // Советские архивы. 1983. № 2. С. 34–40.
214. *Сторожев В.Н.* Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. М. 1891. Кн. 8.
215. *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Фёдоровича. (Столбцы Печатного приказа). М., 1915.
216. *Сторожев В.Н.* Указная книга Поместного приказа. М., 1889.
217. *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени (1604–1617). М., 1912.
218. *Татищев Ю.В.* Местнический справочник XVII века. Вильно, 1910.
219. *Титов А.А.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. // Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5. С. 1–115.
220. *Титов А.А.* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII ст. Ярославль, 1881
221. *Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторические архивы. 1951. № 6. С. 81–130.
222. Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.
223. *Тюменцев И.О.* Список сторонников царя Василия Шуйского. (Новая находка в Шведском государственном архиве) // Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994. С. 317–320.
224. *Тюменцев И.О.* Сапежинцы и зарождение Первого земского ополчения в Смутное время в России по материалам русского архива Яна Сапеги // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648). М., 2018. С. 95–105.

225. *Тюменцев И.О., Туликова Н.А., Мирский С.В.* Неизвестный фрагмент дневника похода короля Сигизмунда III в Россию 1609-1611 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 4. С. 91–108.
226. *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А.* Сапежинцы и власти первого земского ополчения (по материалам русского архива Я. Сапеги 1610–1611 годов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. № 12. С. 143–159.
227. *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А., Рыбалко Н.В.* Письма наемников, отписки и сыскные дела воевод, челобитные жителей Суздаля из русского архива Яна Сапеги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2. С. 102–127.
228. *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А., Тюменцева Н.Е.* Отписки и челобитные русского архива Яна Сапеги о ситуации в Юрьевском уезде в конце 1608 – первой половине 1609 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 11. С. 132–145.
229. *Тюменцева Н.Е., Тюменцев И.О.* Переписка сапежинцев с руководством первого земского ополчения и П. Ляпунов в документах архива Я. Сапеги // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С.19–27.
230. Угличские писцовые книги XVII в. // Временник Демидовского юридического лицея. 1887. Кн. 45. С. 321–344.
231. Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
232. *Федотов-Чеховский А.А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Киев, 1863. Т. 2.
233. *Филиппова И.С.* Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв. М., 1982. С. 238–286.
234. *Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб., 1906.
235. *Цветаев Д.В.* К истории Смутного времени. Собрание документов. М., 1916. Вып. 1.
236. *Цветаев Д.В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. 1610–1910 гг. Варшава, 1902. Т. 2. Кн. 2.
237. Челобитная архиепископа Рязанского Моисея царю Михаилу Федоровичу о сторожевой службе домовых епископских детей боярских рязанцев 1638 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за за 1898 год. 1899. Вып. 3. С. 406–407.

238. Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковых (7083/1575 г.) // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 3. С. 8–10.
239. *Шабаев Л.Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дворянские фамилии Рязани // Российская генеалогия. М., 2018. Вып. 3. С. 119–207.
240. *Шабаев Л.Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство // Российская генеалогия. М., 2019. Вып. 5. С. 138–320.
241. Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. Ульяновск, 2014.
242. *Шереметев С.Д.* Из архива Михалковых // Старина и новизна. 1914. Кн. 17. С. 1–23.
243. *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013.
244. *Юшков А.* Акты XIII–XVII вв., предоставленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. Ч. 1 (1257–1613 гг.).
245. Lietuvos Metrika (1533–1535). 8-oji Teismų bylų knyga. Vilnius, 1999.

Литература

1. *Абрамович Г.В.* Дворянское войско в царствование Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 186–192.
2. *Абрамович Г.В.* Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: дис. … докт. ист. наук. Л., 1975.
3. *Авдеев А.Г.* Заготовка эпитафии иноку Протасию Языкову из Иосифо-Волоколамского монастыря: методы датировки старорусских надписей с неполными датами // Поволжский вестник науки. 2020. № 1 (15). С. 13–18.
4. *Авдеев А.Г.* Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси: дис. ... докт. ист. наук. М., 2018.
5. *Азаков С.* О боярстве Ляпуновых // Рязанские ведомости. 1998. 30 октября. № 210–211. С. 4.
6. *Азнабаев Б.А.* Корпоративные связи в служилом городе Уфе второй половины XVII – начала XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 381–397.
7. *Азнабаев Б.А.* Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. (землевладение, состав, служба): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1992.

8. *Азовцев А.В.* Источники по истории России XIV-XVII вв. в составе дел фонда Рязанского дворянского собрания ГАРО // Первые Яхонтовские чтения. Рязань, 2001. С. 180–182.
9. *Азовцев А.В.* Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (По материалам писцовых книг) // Рязанская старина. 2002. Рязань, 2003. Вып. 1. С. 14–48.
10. *Азовцев А.В.* Подлинные документы XVI-XVII веков в составе дел фонда Дворянского депутатского собрания ГАРО // Рязанская старина. 2006–2008. Рязань, 2013. Вып. 4–6. С. 331–357.
11. *Азовцев А.В.* Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 315–330.
12. *Аксаков К.С.* Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева // Аксаков К.С. Избранные труды. М., 2010. С. 209–226.
13. *Александров В.А.* Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. М, 1967. С. 235–250.
14. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
15. *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966.
16. *Алексеев Ю.Г.* Государство и право в эпоху формирования Российского государства (XIV–XV вв.). СПб., 2019.
17. *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
18. *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.
19. *Амброзяк Т.* Вопрос о роли и значении Великого княжества Литовского в функционировании сейма Речи Посполитой в выступлениях литовских сеймиков в конце XVI – первой половине XVII в // Вестник ВятГУ. 2016. № 7. С. 14–22.
20. *Амерханова Э.И.* «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1998.
21. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
22. *Андреев И.Л.* «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20–40-е годы XVII века // История СССР. 1990. № 5. С. 77–88.
23. *Андреев И.Л.* «Служебный диалог»: идеологические аспекты взаимоотношений власти и дворянства в XVII веке // Paleobureaucratica. М., 2012. С. 29–55.

24. *Анискина Ю.А.* Состав родов Мещерской дворянской корпорации в первой половине XVII века // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 202–205.
25. *Антонов А.В.* Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 91–155.
26. *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996.
27. *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. М., 2002.
28. *Антонова В.И.* Московская икона начала XIV века из Киева и «Повесть о Николе Зарайском» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1957. Т. 13. С. 375–392.
29. *Анхимюк Ю.В.* В.И. Буганов и источниковедческие проблемы исследования разрядных книг // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 37–48.
30. *Анхимюк Ю.В.* Документы об основании Царева-Борисова и Валуек в РГАДА и ОПИ ГИМ (обзор) // Белгородская черта. Белгород, 2018. Вып. 3. С. 3–8.
31. *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005.
32. *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 155–170.
33. *Аракчеев В.А.* «Смутное время» и Псковская земля (1608–1612 гг.) // Псков. 2003. № 18. С. 49–60.
34. *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014.
35. *Аракчеев В.А.* Земская инициатива и фискальное принуждение в России в 1606-1616 годах // Российская история. 2012. № 5. С. 22–34.
36. *Аракчеев В.А.* Земская реформа XVI века: общероссийские тенденции и региональные особенности // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 106–117.
37. *Аракчеев В.А.* Наместники в России XVI века // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 3–19.
38. *Аракчеев В.А.* Опричнина и «земщина»: к изучению административной практики Русского государства 1560-1580-х годов // Российская история. 2010. № 1. С. 21–26.
39. *Арендт В.В.* Палаш боярина Измайлова // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1928. Т. 4. С. 21–27.

40. *Арсеньев Ю.В.* Новые данные о роде Масловых. М., 1912.
41. *Арсеньев В.С.* Родословие орловских дворян Масловых. М., 1907.
42. *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
43. *Базанов М.А.* От «москвоцентризма» к «полицентризму»: эволюция взглядов А.А. Зимина // Вестник ЧелГУ. 2009. № 4 (142). С. 140–147.
44. *Балуев П.С.* Исторические и статистические описания станиц и городов посещаемых г. военным министром при объезде его превосходительством Области Войска Донского в 1900 году. Новочеркасск, 1900.
45. *Балыкина М.И.* Нижегородские дворяне и дети боярские XVI-XVII вв.: процессы эволюции провинциальной служилой корпорации: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2016.
46. *Баранов К.В.* Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. 9. С. 31–44.
47. *Баранов К.В.* Проблемы изучения Дворовой тетради // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Владимир, 2006. С. 164–167.
48. *Барсуков А.* Городовые воеводы. СПб., 1902.
49. *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1881–1904. Кн. 1–8.
50. *Бассалыго Л.А.* Несколько сюжетов из книги В. Л. Янина «Новгородские акты XII–XV вв.» // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 32–44.
51. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1.
52. *Бахрушин С.В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 87–117.
53. *Бахтин А.Г.* Третья черемисская война. 1581–1585 гг. // Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. С. 539–554.
54. *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
55. *Белоусов М.Р.* Челобитные представителей московских чинов Государева двора 40-х годов XVII столетия как источник по истории взаимодействия верховной власти и служилых людей // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 55–65.
56. *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украйне Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
57. *Беляев И.С.* По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании «деревнишек» // Старина и новизна. 1914. Т. 17. С. 45–56.

58. *Беляков А.В.* Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV–XVII в.: дис. … канд. ист. наук. М., 2017.
59. *Беляков А.В.* Историческая география Мещеры в XVI—XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85.
60. *Беляков А.В.* История семьи на фоне эпохи: рецензия на книгу Я.Н. Рабиновича «Братья Коробьины на службе России (1603-1639)» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. № 3. С. 123–125.
61. *Беляков А.В.* Мещерские казаки (татары) XV–XVII вв. Встраивание в структуру служилых людей Московского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 67–72.
62. *Беляков А.В.* О находке клада в г. Касимове в 1623 г. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2003. Т. 3. С. 59–63.
63. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011.
64. *Бенцианов М.М.* «Как бы службу нам устроити»: военно-организационные преобразования середины XVI в. // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 80–93.
65. *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019.
66. *Бенцианов М.М.* «Литвины» и «паны». Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях // Studia Historica Europae Orientalis. 2019. № 12. С. 86–126.
67. *Бенцианов М.М.* «Лишние люди»: ротация состава Государева двора в Русском государстве в конце XV – середине XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 35–48.
68. *Бенцианов М.М.* «Поверстати по достоинству безгрешно...»: система окладов в Русском государстве XV–XVI вв. // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 17–36.
69. *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
70. *Бенцианов М.М.* Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 241–277.
71. *Бенцианов М.М.* Каширская десятня 1556 г.: к вопросу о становлении «служилого города» в Русском государстве // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1. С. 201–214.

72. *Бенцианов М.М.* Каширская десятня 1556 г. и проблема формирования «служилого города» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2013. Вып. 10. С. 97–120.
73. *Бенцианов М.М.* К вопросу о формировании смоленской служилой корпорации // Русское средневековье. М., 2012. С. 433–444.
74. *Бенцианов М.М.* Коломенский «город» в XVI в.: возможности изучения внутрикорпоративных связей // Вспомогательные исторические дисциплины. 2019. Т. 38. С. 202–237.
75. *Бенцианов М.М.* Новгородские бояре – новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности // Studia Historica Europae Orientalis. 2015. № 8. С. 133–146.
76. *Бенцианов М.М.* Родовая общность в среде московского боярства в конце XV – первой половине XVI в. // Грани русского Средневековья. М., 2016. С. 31–44.
77. *Бенцианов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М., 2021.
78. *Бенцианов М.М.* Смоленский «город»: проблемы формирования и службы в XVI в. // История военного дела: исследования и источники. 2015. S-4. С. 96–130.
79. *Бенцианов М.М.* Судебник 1497 года и складывание территории Русского государства // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 6–20.
80. *Бенцианов М.М.* Ямские дьяки и кормления. К постановке вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2017. Вып. 7. С. 151–166.
81. *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л., 1961.
82. *Бёрк П.* Что такое культуральная история? М., 2015.
83. *Бовыкин В.В.* Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: очерки по истории местного самоуправления в XVI веке. СПб., 2014.
84. *Богатырев С.* Регионализм в Московской Руси // Studia slavica finlandensia. Helsinki, 2003. Т. 20. P. 35–47.
85. *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярия. М., 1987.
86. *Богоявленский С.К.* К вопросу о столах Разрядного приказа // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 6. С. 401–413.
87. *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков М., 2006.
88. *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946.
89. *Боде-Колычев М.Л.* Боярский род Колычевых. М., 1886.
90. *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851.
91. *Бороздин К.Б.* Опыт исторического родословия Измайловых. СПб., 1841.

92. *Боярченков В.В.* «История Рязанского княжества» Д.И. Иловайского в оценке А.А. Григорьева // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2001. Т. 2. С. 165–170.
93. *Боярченков В.В.* Историки-федералисты. Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб., 2005.
94. *Боярченков В.В.* Проблема местной истории в научном наследии Д.И. Иловайского // Третьи Яхонтовские чтения. Рязань, 2005. С. 117–123.
95. *Брачев В.С.* Русский историк С. Ф. Платонов: Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1995.
96. *Буганов В.И.* «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 252–258.
97. *Буганов В.И.* «Книги разрядные» («подлинники») 1613–1636 гг. // Исторические записки. 1976. Т. 97. С. 290–303.
98. *Буганов В.И.* Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце XV – первой половине XVII в. // Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980. С. 206–218.
99. *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962.
100. *Булгаков М.Б.* Таможенная книга г. Переяславля-Рязанского 1614/1615 г. как исторический источник // Отечественные архивы. 2005. № 5. С. 35–42
101. *Булычев А.А.* О боярском списке 7119 (1610/11) г. // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 69–74.
102. *Бурдье П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016.
103. *Бутрин Е.С.* Горицкий летописец из собрания Государственного архива Ивановской области (первая половина XVIII в.) // Отечественные архивы. 2013. № 3. С. 27–32.
104. *Бутрин Е.С.* Губная и воеводская администрация в Шуе XVII в.: эволюция судебных и административных полномочий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 24–31.
105. *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987.
106. *Бушев П.П.* Посольство В. Г. Коробьина и А. Кувшинова в Иран в 1621–1624 гг. // Иран. Экономика. История. Историография. Литература. М., 1976. С. 124–155.
107. *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

108. *Бычкова М.Е.* Русско-литовская знать XV-XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2018.
109. *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996.
110. *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986.
111. *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974.
112. *Валк С.Н.* Грамоты полные // Сборник статей, посвященный С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 113–132.
113. *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.
114. *Вдовина Л.Н., Кузьмин А.Г., Севастьянова А.А.* Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 177–183.
115. Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.
116. *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998.
117. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
118. *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.
119. *Веселовский С.Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. М., 1941. Вып. 10. С. 95–116.
120. *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
121. *Веселовский С.Б.* Очерки по истории опричнины. М., 1963.
122. *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908.
123. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. 1–2.
124. *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.
125. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М,, 2007.
126. Властные институты и должности в Европе в Средние века и Раннее Новое время. М. 2010.

127. *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. СПб., 1906. Т. 1.
128. *Владимир, архим.* Описание Николо-Радовицкого монастыря. Зарайск, 1882.
129. *Власьев Г.А.* Род дворян Волынских // Известия русского генеалогического общества. 1911. Вып. 4. С. 127–201.
130. *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 117–130.
131. *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. СПб, 2004.
132. *Вовина-Лебедева В.Г.* Иван Иванович Смирнов – исследователь Смуты // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 281–289.
133. *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел сия епархии от учреждения её и до нынешних времён с присовокуплением исторического обозрения о бывших в ней и ныне существующих монастырях. М., 1820.
134. *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900.
135. *Володихин Д.М.* Воеводы Ивана Грозного. М., 2009.
136. *Воробьев А.В.* Южнорусские города на исходе Смутного времени (1611–1613 гг.) // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 48. № 1–2. P. 84–97.
137. *Воробьев В.М.* Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» и поместной системы // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. 18–20 ноября 2003 года. Великий Новгород, 2003. С. 98–122.
138. *Воробьев В.М.* Рукопись разрядной книги Полоцкого похода 1563 г. и ее публикации // Исследования по Русской истории и культуре. М., 2006. С. 373–386.
139. *Гамаюнов А.И.* К вопросу о достоверности первого упоминания Венева // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 325–333.
140. *Глаголева О.Е.* Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века: подходы и методы изучения // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 9–48.
141. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
142. *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы и их окружение в XVI-XVII веках. Воронеж, 2006.

143. *Глазьев В.Н.* М.А. Вельяминов – российский воевода первой половины XVII в. // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей. Воронеж, 2013. С. 47–52.
144. *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы – землевладельцы Воронежского уезда 1615 г. // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Воронеж, 2015. С. 10–13.
145. *Глазьев В.Н.* Комплексы документов по управлению городами Центрального Черноземья в конце XVI в.: источниковедческий анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 84–87.
146. *Глазьев В.Н.* Приказное делопроизводство XVI–XVII вв.: современные подходы к изучению // Воронежский вестник архивиста. 2004. Вып. 1. С. 19–23.
147. *Глазьев В.Н.* Структура власти в городах – крепостях «на Поле» в конце XVI века // Исторические записки. Воронеж. 1997. Вып. 2. С. 5–13.
148. *Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 2.
149. *Голицын Н.Н.* Указатель имен личных, упоминаемых в дворцовых разрядах. СПб., 1912.
150. *Головачева У.Е.* Судьи по земельным делам в Русском государстве XV – середины XVI в.: персональный состав, должностное и социальное положение: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.
151. *Головина Н.В.* Источники по истории Рязанско-Муромской епископии XIV–XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2012.
152. *Головина Н.В.* Монастырское землевладение Рязанско-Муромской епископии в период самостоятельности Рязанского княжества по актовым материалам XIV – первой четверти XVI века // Российский научный журнал. 2011. № 5 (24). С. 14–20.
153. *Губин Д.В.* Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII–XVII вв.: дис. … канд. ист. наук. М., 2004.
154. *Горбатов Е.Н.* «Подлинные» боярские списки второй четверти XVII в. как источник для биографических сведений о московских чинах // Российская генеалогия. М., 2016. Вып 1. С. 81–108.
155. *Горбатов Е.Н.* Традиционные патриаршие столы с участием государя в XVII веке // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2008. № 26. С. 17–23.
156. *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 1999.

157. *Горбачев П.О.* С. Ф. Платонов и Ю. В. Готье о смутном времени: штрихи к послереволюционному периоду творчества выдающихся историков // Вестник Вестник Нижневартовского государственного университета. 2009. № 2. С. 26–30.
158. *Горбунов Б.В.* Еще раз к вопросу о том, когда основан Ряжск, и об уровне грамотности одного «краеведа» // Рязанские ведомости. 1999. 14 октября. С. 3.
159. *Горбунов Б.В.* К вопросу о времени основания города Ряжска // Труды Рязанского исторического общества. Рязань, 1998. Вып. 2. С. 160–161.
160. *Горбунов Б.В., Беркасова Л.В., Артамонова С.Ю.* Административно-территориальные границы рязанских станов на рубеже XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3. С. 243–248.
161. *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996.
162. *Горский А.А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV вв. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 140–170.
163. *Готье Ю.В.* Заметки по истории защиты южных границ Московского государства // Исторические известия. 1913. № 2. С. 47–57.
164. *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.
165. *Грязнов А.Л.* Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда, 2019.
166. *Грязнов А.Л.* Землевладение Белозерских князей и законодательство о землевладении в XVI в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной научной конференции. М., 2019. С. 63–65.
167. *Гусарова Т.П.* Проблемы интеграции в композитных монархиях раннего Нового времени (на примере монархии австрийских Габсбургов) // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 146–173.
168. *Гухман С.Н.* «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 255–270.
169. *Давиденко Д.Г.* Московский Симонов монастырь в годы Смуты // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 153–160.
170. *Даннинг Ч.* Была ли в России в начале XVII в. Крестьянская война // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 21–34.
171. *Дворниченко А.Ю.* О жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 296–306.

172. *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого Княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.
173. *Дворниченко А.Ю.* Центр и регионы в России при «Старом режиме»: диалектика развития взаимоотношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 8–61.
174. *Дедук А.В.* Грамоты «Великого» князя рязанского Олега Ингваревича Ивану Шае // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 9 (152). С. 55–62.
175. *Дедук А.В.* К вопросу о политической принадлежности и статусе Мещеры в XIV – первой половине XV вв. // Studia historica europae orientalis. Минск, 2014. Вып. 6. С. 163–178.
176. *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в.: методика локализации : дис. … канд. ист. наук. М., 2018. Т. 1–2.
177. *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 206–242.
178. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
179. *Денисова И.В.* Рязанский текст в древнерусском летописании XIII-XVI веков: дис. … канд. филол. наук. М., 2018.
180. День народного единства: Биография праздника. М., 2004.
181. Диалог о книге: В.А. Аракчеев. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. // Российская история. 2016. № 2. С. 3–22.
182. *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Рязанской епархии. 1884–1891. Т. 1–4.
183. *Добронравов В.Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1893. Вып. 2.
184. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1854–1857. Ч. 1–4.
185. *Долинин Н.П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958.
186. *Дробленкова Н.Ф.* Ляпунов Прокопий Петрович // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1992. Т. 45. С. 53–57.
187. *Думин С.В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 76–126.
188. *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. СПб., 2000.

189. *Ермолаев И.П.* Казань в общественно-политической борьбе за изгнание поляков из Москвы в 1612 году // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. №3-1. С. 46–54.
190. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.
191. *Ерусалимский К.Ю.* Государственная измена и дискурсы лояльности в России второй половины XVI – начала XVII в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2012. № 10. С. 78–80.
192. *Ерусалимский К.Ю.* Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // Российская история. 2017. № 1. С. 3–31.
193. *Ерусалимский К.Ю.* Публицист и централизованное государство: И. С. Пересветов в творчестве А.А. Зимина // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 100–128.
194. *Ерусалимский К.Ю.* Рождение государственной измены: Россия и Польско-Литовское государство конца XV – XVI в. // Предательство: опыт исторического анализа. М., 2012. С. 154–187.
195. *Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф.* Русская мемориальная скульптура. М., 1978.
196. *Ершов В.Е.* История «служилого города» Мурома в XVI – начале XVII веков // Уваровские чтения–IX. Муром, 2014. С. 254–260.
197. *Жиброва Т.В.* К вопросу об источниках комплектования таможенного и кабацкого административного аппарата Воронежского уезда в XVII веке // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2019. №2. С. 136–140.
198. *Жиброва Т.В.* Таможенное и питейное управление на местах в XVII – начале XVIII века (на примере материалов юга России) // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. № 4 (8). 2015. С. 10–16.
199. *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883.
200. *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.
201. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
202. *Загоровский В.П.* Формирование и заселение Данковского уезда в XVII веке // Труды Воронежского государственного университета. Воронеж, 1975. Вып. 5. С. 52–66.

203. *Зайцев А.К.* О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 2. С. 30–44.
204. *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М., 2004.
205. *Замятин Г.А.* «К Российскому царствию пристоят»: Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613–1614 гг. Великий Новгород, 2012.
206. *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 186–213.
207. *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616). Юрьев, 1913.
208. *Захаров А.В.* «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 10–44.
209. *Захаров А.Л.* Служилые люди и дворянство на территории Орловской губернии в конце XVI – XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009.
210. *Захарьина Н.С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского: 1607–1610 гг. // Социально-экономическая и политическая история юго-восточной Европы. Кишинев, 1980. С. 132–140.
211. *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890–1897. Т. 1–3.
212. *Зенченко М.Ю.* Опись «подлинной архивы» Поместного приказа: миф или реальность // Отечественные архивы. 2015. № 1. С. 3–9.
213. *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. М., 2008.
214. *Зимин А.А.* В.И. Ленин о «Московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 270–294.
215. *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
216. *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. 1971. Т. 87. С. 219–286.
217. *Зимин А.А.* Земский собор 1566 г. // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 196–236.

218. *Зимин А.А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 109–118.
219. *Зимин А.А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 271–301.
220. *Зимин А.А.* Некоторые вопросы истории Крестьянской воины в России в начале XVII века // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 97–113.
221. *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
222. *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 180–205.
223. *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960.
224. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972
225. *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI в. // История СССР. 1973. № 3. С. 124–142.
226. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
227. *Зимин А.А.* Холопы на Руси, М., 1973.
228. *Зинько М.А.* Вотчина князя Василия Андреевича Микулинского (1530-е – начало 1540-х гг.): к изучению развития вотчинного землевладения в XVI в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 3. С. 3–11.
229. *Зинько М.А.* Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв.: на примере рода князей Микулинских: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.
230. *Зорин А.В.* Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. 2012. № 3. С. 1–203.
231. *Иванов П.И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства Юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853.
232. *Иванова Е.В.* Делопроизводство Печатного приказа в первой половине XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2012. С. 68–77.
233. *Иванова Е.В.* Книги Печатного приказа 1613–1649 гг. как исторический источник: дис. … канд. ист. наук. М., 2004.
234. *Изюмов А.Ф.* Жилецкое землевладение в 1632 году. М., 1913.

235. *Иловайский Д.И.* История России в 5 томах. М., 1894. Т. 4.
236. *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 2008.
237. *Ингерфлом К.* Аз есмь царь. История самозванства в России. М., 2021.
238. *Ісаєв Т.О.* Цареборисів: від заснування до утворення Ізюмського слобідського полку // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2010. № 906. Вип. 13. С. 91–102.
239. *Кадик В.А.* Эволюция структуры ростовского служилого «города» // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 101–102.
240. *Казакова Н.А.* О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV – первой половине XVI в. // Россия на путях централизации. М., 1983. С. 156–159.
241. *Калайдович К.Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823.
242. *Калашникова А.А.* Институт доклада в судебном процессе княжеств Северо-Восточной Руси и Московском государстве в XV – первой половине XVI вв. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции. М., 2019. С. 93–95.
243. *Камараули Е.В.* О применении норм «живущей четверти» в период писцового описания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2 (72). С. 28–40.
244. *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009.
245. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1829. Т. 12.
246. *Каштанов С.М.* Жалованные акты на Руси XII–XIV вв. // Средневековая Русь. 1999. № 2. С. 21–45.
247. *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996.
248. *Каштанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014.
249. *Квашнин-Самарин Н.Д.* Исследование об истории княжества Ржевского и Фоминского. СПб., 1887.
250. *Кедрова Т.Н.* Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в мордовском крае во второй половине XVI – XVII вв.: дис… канд. ист. наук. Саранск, 2001.
251. *Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.

252. *Кивельсон В.* Родственные связи и покровительство в провинциальной политике XVII века // Сословия и государственная власть в России. XV–середина XIX вв. М., 1994. Ч. 2. С. 242–252.
253. *Кирпичников И.А.* «А Прокофей, государи, был мне недруг»: локальные конфликты в Рязанском уезде в период смуты // Европа в Средние века и Новое время: власть, общество, культура. Ижевск, 2019. С. 234–241.
254. *Кирпичников И.А.* «Был за воеводы место»: центральная власть и элиты служилых городов в начале правления Василия Шуйского // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2019. С. 94–104.
255. *Кирпичников И.А.* «Воевода и властель Резанские страны»: Рязань под управлением Прокопия Ляпунова // Человеческий капитал. 2020. № 1. С. 11–16.
256. *Кирпичников И.А.* Боярство Великого княжества Рязанского в начале XVI века // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. 2020. № 4. С. 47–50.
257. *Кирпичников И.А.* Выборные дворяне в начальный период Смуты (опыт сравнительного анализа боярских списков 1602–03 и 1606–07 гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М, 2019. Вып. 6. С. 589–593.
258. *Кирпичников И.А.* Дьяческий аппарат Великого княжества Рязанского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 184. С. 114–120.
259. *Кирпичников И.А.* К истории понятия «временщик» // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. Tartu Ülikool, 2020. Т. 31. С. 31–41.
260. *Кирпичников И.А.* Персональные связи в Московском государстве XVI века: случай «дела о вымученной купчей» // Материалы III Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения». Вологда, 2017. С. 128–132.
261. *Кирпичников И.А.* Россия XVI–XVII вв. как конгломерат «государств»: к постановке проблемы // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2018. С. 29–37.
262. *Кирпичников И.А.* Рязанский служилый «город» в историографических концепциях Смутного времени // Клио. 2021. № 3. С. 39–45.
263. *Кирпичников И.А.* Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605–1606 гг.) // Рязанская старина. 2009–2018. Рязань, 2019. Вып. 7–10. С. 22–42.

264. *Кирпичников И.А.* Элита рязанского служилого «города» в начальный период Смуты: путь в «московские» чины // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции. М., 2019. С. 95–96.
265. *Киселев М.А.* Развитие самосознания «дворянского сословия» в первой трети XVIII в. и междуцарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильные и шляхетство»? // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 284–319.
266. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
267. *Клочков М.В.* Дворянское представительство на земском соборе 1566 г. // Вестник права. 1904. Ноябрь. С. 213–241.
268. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.
269. *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. М., 1902.
270. *Ключевский В.О.* Состав представительства на земских соборах древней Руси // Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. М., 1990. Т. 8. С. 277–374.
271. *Князьков С.Е.* К определению границ понятия «судебно-следственное дело» (по материалам приказного делопроизводства) // Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 67–71.
272. *Князьков С.Е.* Материалы к биографии Истомы Пашкова и истории его рода // Археографический ежегодник за 1985. М., 1986. С. 68–74.
273. *Князьков С.Е.* Приемы использования и изучения судебно–следственных материалов XVI–XVII вв. в отечественной историографии // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 99–113.
274. *Князьков С.Е.* Судебно-следственные дела конца XVI – начала XVII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
275. *Кобеко Д.Ф.* Вторая поправка родословия Шереметевых. СПб., 1904.
276. *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М., 1985.
277. *Кобрин В.Б.* Законы 1551, 1562 и 1572 гг. о княжеском и вотчинном землевладении // Тезисы докладов и сообщений XIII сессии 197 Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1971. С. 65–66.
278. *Кобрин В.Б.* Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV – XVI вв. (законы 1551, 1562, 1572 гг.) // История СССР. 1984. № 1. С. 172–185.

279. *Кобрин В.Б.* Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 256–269.
280. *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008.
281. *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в Средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.
282. *Коваленко Г.М.* «В соединенье с Московским государством». Столбовский мир и возвращение Великого Новгорода в состав Российского государства. 1613–1617 гг. Великий Новгород, 2017.
283. *Коваленко Г.М.* Новгород в 1611–1617 гг. как региональный политический центр // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. СПб., 2017. С. 35–42.
284. *Козляков В.Н.* Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011.
285. *Козляков В.Н.* Военные действия польско-литовского гарнизона в Москве против Первого земского ополчения в начале 1611 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 1. С. 23–32.
286. *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М., 2007.
287. *Козляков В.Н.* Великая Смута – бунт «обычных» людей? // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 91–97.
288. *Козляков В.Н.* Герои Смуты. М., 2012.
289. *Козляков В.Н.* Десятни, «сыскные» и «подлинные» списки городовых служилых корпораций Верхнего Поволжья первой половины XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 65–86.
290. *Козляков В.Н.* Источники о новичном верстании в первой половине XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991. С. 89–104.
291. *Козляков В.Н.* Московское и уездное дворянство поколения Смуты // Российская история. 2012. № 5. С. 64–81.
292. *Козляков В.Н.* О начальной истории первого ополчения: П.П. Ляпунов, И.Н. Сунбулов и бои под Пронском // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 7–16.
293. *Козляков В.Н.* Первое ополчение в истории Смутного времени // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 3–11.

294. *Козляков В.Н.* Политическое наследие Смутного времени: земские советы и ополчения // Смутное время начала XVII в. Проблематика, методы, концептуальные подходы. Ярославль, 2009. С. 22–35.
295. *Козляков В.Н.* Получали ли жалование городовые воеводы? //Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 96–113.
296. *Козляков В.Н.* Правящие группы Замосковного края (по материалам разбора 1630/31 гг.) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 18. С. 108–115.
297. *Козляков В.Н.* Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 368–378.
298. *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI-XVII веков. М., 2018.
299. *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
300. *Козляков В.Н.* Служилый «город» Ярославского уезда в конце XVI – первой половине XVII века // Архив русской истории. 1995. Вып. 6. С. 81–102.
301. *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007.
302. *Козляков В.Н.* Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова // Российская история. 2013. № 6. С. 129–140.
303. *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего нового времени. М., 2016.
304. *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
305. *Колычева Е.И.* Полные и докладные грамоты XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 41–81.
306. *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). М., 1971.
307. *Комочев Н.А.* Царские жалованные грамоты (1613–1696) светским лицам: источниковедческое исследование: автореферат дис. … канд. ист. наук. М., 2016.
308. *Кондратьев А.* О так называемой рукописи патриарха Филарета // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1878. Сентябрь. Отд. 2. С. 22–83.
309. *Конов В.Д., Никитин А.О.* Белокаменные надгробия XVI-XVII вв. с некрополя Ильинского погоста. Исторический контекст, атрибуция и трёхмерное моделирование // Древности Поочья. Рязань, 2016. С. 275–303.

310. *Конявская Е.Л.* Тверь в XV веке: грезы о прошлом и будущем // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского [не]единства. М., 2017. С. 57–70.
311. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.-Л., 1951.
312. *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.
313. *Корецкий В.И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» // Исторический архив. 1959. № 2. С. 148–155.
314. *Корецкий В.И.* Из истории Крестьянской воины в России начала XVII века // Вопросы истории. 1959. № 3. С. 9–13.
315. *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986.
316. *Корецкий В.И.* Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. М., 1983. С. 155–161.
317. *Корецкий В.И.* Новая летопись о «смутном времени» // Знание – сила. 1972. № 1. С. 46–48.
318. *Корецкий В.И.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова // Вопросы истории. 1971. № 5. С. 130–152.
319. *Корецкий В.И.* Новые материалы о дьяке Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 145–168.
320. *Корецкий В.И.* О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII в. (обзор дискуссии) // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 102–120.
321. *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.
322. *Корзинин А.Л.* Государев двор в доопричный период: 1550-1565 гг. : дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2016.
323. *Корзинин А.Л.* Государев двор в истории России последней четверти XV–XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 158–178.
324. *Корзинин А.Л.* Государев двор в период боярского правления: практическая реализация поместного верстания 1530–1540-х гг. // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 11–25.
325. *Корзинин А.Л.* Государев двор Ивана III // Палеоросия. 2017. № 7. С. 134–150.
326. *Корзинин А.Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). СПб., 2016.

327. *Корзинин А.Л.* Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.: дискуссионные вопросы изучения // Университетский историк. 2010. Вып. 7. С. 82–89.
328. *Корзинин А.Л.* Дворовые дети боярские в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в.: сравнительный анализ // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2. С. 63–75.
329. *Корзинин А.Л.* Динамика изменения состава Особого двора в 1573–1584 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 57.
330. *Корзинин А.Л.* Дискуссионные вопросы изучения государева двора в Русском государстве середины XVI в. // Смутное время в России. Конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 127–133.
331. *Корзинин А.Л.* Земский собор 1566 г. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 3. С. 11–23.
332. *Корзинин А.Л.* Изучение Государева двора Русского государства XVI столетия в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Вып. 4. С. 14–25.
333. *Корзинин А.Л.* К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Ч. 1 // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 1. С. 12–29.
334. *Корзинин А.Л.* К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Ч. 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 2. С. 98–118.
335. *Корзинин А.Л.* К изучению Особого двора Ивана Грозного в 1573–1575 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 1–12.
336. *Корзинин А.Л.* О персональном составе Опричного двора Ивана Грозного // Исторический формат. 2016. № 4. С. 9–34.
337. *Корзинин А.Л.* О составе Боярской думы и дворцовой администрации в период боярского правления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, Регионоведение. Международные отношения. 2019. Vol. 24. № 5. С. 67–85.
338. *Корзинин А.Л.* Порядок иерархии полковых воевод в последней четверти XV – конце XVI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. № 4. С. 11–23.
339. *Корзинин А.Л.* Проблема устройства Государева двора середины XVI в. в новейшей историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 4. С. 3–7.
340. *Корзинин А.Л.* Проблемные аспекты в изучении источников по составу Государева двора середины XVI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 1. С. 13–15.

341. *Корзинин А.Л.* Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Часть 1-я // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2012. № 1. С. 3–23.
342. *Корзинин А.Л.* Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Часть 2-я // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2012. № 2. 14–35.
343. *Корзинин А.Л.* Состав думных и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. 2. Дворцовые чины // Палеоросия. 2018. №1 (9). С. 277–297.
344. *Корзинин А.Л.* Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI века как источники по изучению Государева двора в России середины XVI в. // Canadian-American Slavic Studies. 2013. Vol. 47. № 4. P. 408–419.
345. *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства. III. Московское разоренье. Глава вторая // Вестник Европы. 1867. Т. 2.
346. *Котляр Н.Ф.* «Государев двор» на Руси XII–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2010. Т. 31. С. 19–37.
347. *Кошелева О.Е.* «Отходя от света сего...». Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 339–386.
348. *Кошелева О.Е.* Бояре и их деньги в XVII в. // Paleobureaucratica. M., 2012. С. 187–208.
349. *Кошелева О.Е.* Родственные связи в высших кругах знати XVII столетия и землевладение // Cahiers du monde russe. 2016. Vol. 57. № 2–3. P. 545–570.
350. *Кривошеев М.В.* Муромская и Рязанская земля в XI – начале XIII вв. М., 2000.
351. *Кром М. «*Старина» как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV – начала XVII вв.) // Mediaevalia ucrainica. 1994. Т. 3. С. 68–83.
352. *Кром М.М.* Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 90–106.
353. *Кром М.М.* Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015.
354. *Кром М.М.* Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.
355. *Кром М.М.* Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.
356. *Кром М.М.* Институт регентства на западе и востоке Европы // Образы прошлого. СПб., 2011. С. 411–426.

357. *Кром М.М.* Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты»–III. М., 2015. С. 41–53.
358. *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995.
359. *Кром М.М.* Местное самосознание и централизованное государство: Смоленск в XVI веке // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. S. 128–136.
360. *Кром М.М.* Рождение государства. М., 2018.
361. *Кром М.М.* Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI – XX века. СПб., 2006. С. 54–69.
362. *Кром М.М.* Россия и Великое княжество Литовское: Два пути в истории // Английская набережная, 4. СПб., 2000. С. 73–100
363. *Кром М.М.* Творческое наследие Н. Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI в. // Государство и общество в России XV – начала XX века. СПб., 2007. С. 45–57.
364. *Кром М.М.* Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований России XVI века // Исторические записки. 2007. № 10. С. 373–392.
365. *Кротов М.Г.* Провинциальное дворянство и «государев двор» в середине XVI века // Феодализм в России. М., 1985. С. 97–98.
366. *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2015. Т. 1–2.
367. *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3. С. 48–59.
368. *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
369. *Кулакова И.П.* Московское восстание 1606 г. и воцарение Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1986. С. 35–50.
370. *Курбатов О.А.* «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558-1583 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2013. № S–I. С. 236–295.
371. *Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014.
372. *Курбатов О.А.* Отклик на статью А. Н. Лобина «к вопросу о численности вооруженных сил российского государства в XVI в.» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 104–118.

373. *Курбатов О.А.* Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. 2009. Вып. 1. С. 196–227.
374. *Кусаинова Е.В., Кусаинов А.А.* Ногайское посольство в Россию 1610–1613 гг. // Ногайцы: XXI век. Черкесск, 2016. С. 113–117.
375. *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003.
376. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
377. *Кучкин Б.А., Флоря Б.Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 191–217.
378. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVIII века). М., 1963.
379. *Лаврентьев А.В.* «Задонщина», Рязань и московская великокняжеская семья // Slověne. 2015. Т. 4. № 2. С. 180–213.
380. *Лаврентьев А.В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 60–77.
381. *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., Тула. 2005.
382. *Лаврентьев А.В.* Московско-рязанские отношения после Куликовской битвы: 1380–1402 гг. // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2008. Вып. 3. С. 202–226.
383. *Лаврентьев А.В.* Московско-рязанское соперничество за Коломны в 1385 г. // Коломна и Коломенская земля: История и культура. Коломна, 2009. С. 44–57.
384. *Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2018.
385. *Лаврентьев А.В.* Царевич, царь, цесарь: Лжедмитрий И, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. М., 2011.
386. *Лазарев Я.* Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. // Cahiers du Monde russe. 2014. Vol. 55. № 3–4. С. 215–234.
387. *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007.
388. *Лаптева Т.А.* «Воеводам в Кашине не быть». Документы РГАДА о реорганизации местного управления в России // Исторический архив. 2011. № 5. С. 172–181.
389. *Лаптева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.

390. *Левыкин А.К.* Оружничие в XVI столетии // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 1992. Вып. 1. С. 10–16.
391. *Левонтьев Д.Н.* Материалы для родословия дворян Левонтьевых и Петрово-Соловых. Казань, 1881.
392. *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в русском государстве. М., 1961.
393. *Леонтьев Я.В.* Забытое ополчение // Родина. 2005. № 11. С. 85–90.
394. *Липаков Е.В.* Дворянство Казанского края в конце XVI – первой половине XVII века: дис. … канд. ист. наук. Казань, 1989.
395. *Лисейцев Д.В.* Верхушка провинциального костромского дворянства накануне Смутного времени // Научная школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды». URL: http://www.mkonf.iriran.ru/archive.php?id=47 (дата обращения: 01.04.2021).
396. *Лисейцев Д.В.* Делопроизводство Посольского приказа в начале XVII в. // Открытый текст. URL: http://www.opentextnn.ru/history/deloproizvodstvo/?id=1088 (дата обращения: 01.04.2021).
397. *Лисейцев Д.В.* К вопросу о времени и обстоятельствах составления боярского списка 1611 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2012. С. 50–59.
398. *Лисейцев Д.В.* Костромские «выборные дети боярские» в 1612–1618 гг.: провинциальное дворянство на исходе Смуты // Canadian–American Slavic studies. Vol. 47. № 3. 2013. P. 333–346.
399. *Лисейцев Д.В.* Костромские выборные дворяне рубежа XVI–XVII веков // Российская история. 2013. № 6. С. 111–128.
400. *Лисейцев Д.В.* Легитимность верховной власти в России в эпоху Смуты: к вопросу о статусе «выборных людей» // Российская история. 2014. № 4. С. 146–154.
401. *Лисейцев Д.В.* Новгородский разряд в начале XVII столетия // Новгородский исторический сборник. № 12 (22). СПб., 2011. С. 151–170.
402. *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.
403. *Лисейцев Д.В.* Экономическое состояние Московского государства в первые годы царствования Михаила Фёдоровича (по материалам приказа Владимирской четверти) // Российская история. 2017. № 4. С. 17–35.
404. *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.; Спб., 2015.

405. *Лихачев Н.П.* Государев родословец и Бархатная книга. СПб, 1900.
406. *Лихачев Н.П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия. СПб., 1896.
407. *Лихачев Н.П.* Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 70–113.
408. *Лихачёв Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.
409. *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1–2.
410. *Лобин А.Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 45–78.
411. *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. М., 2004.
412. *Лукичев М.П.* О «земляном» боярском списке 1613 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 103–111.
413. *Лукичев М.П.* Окладные и «земляные» жилецкие списки первой четверти XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 53–64.
414. *Лукичев М.П., Станиславский А.Л.* Печать Казанского царства начала XVII века // История и палеография. М., 1993. С. 237–245.
415. *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900.
416. *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. Исторические очерки. М., 1892.
417. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации. М., 1996.
418. *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.
419. *Люткина Е.Ю.* Десятня детей боярских рязанского архиепископа 1604 г. // Реализм исторического мышления. М., 1991. С. 157–158.
420. *Люткина Е.Ю.* Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова: 1619–1633 // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв. М., 1988. С. 97–114.
421. *Ляпин Д.А.* Дети боярские Елецкого уезда в конце XVI – XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.
422. *Ляпин Д.А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. М., 2018.

423. *Мазуров А.Б.* Взлёты и падения государственного деятеля последней трети XVI – начала XVII века: государев дьяк Андрей Шерефединов // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 128–142.
424. *Мазуров А.Б.* Государев дьяк Андрей Шерефединов и его род // Российская история. 2011. № 2. С. 77–92.
425. *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.
426. *Малинов А.В., Пешперова И.Ю.* Областничество в исторической ретроспективе // Новое литературное обозрение. 2015. № 133. С. 101–111.
427. *Малиновский И.А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России. Томск, 1903. Ч. 1.
428. *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940.
429. *Марголин С.Л.* Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Военно-исторический сборник. М., 1948. С. 3–28.
430. *Маркевич А.Л.* История местничества в московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888.
431. *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к централизованному государству. Л., 1955.
432. *Матисон А.В.* Писцовые книги как источник изучения состава вкладчиков городских храмов второй половины XVII в. (на примере города Твери) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. Вып. 1. С. 117–135.
433. *Мельников П.И.* Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. № 7. Отд. 2. С. 1–32.
434. *Мельников Ю.Н.* Ликвидация двора (опричнины) // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 196–201.
435. *Мигунов Ю.В.* История происхождения и формирования уездных служилых организаций в XV – первой половине XVII вв. (на примере служилой организации Арзамасского уезда): дис… канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2001.
436. *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1.
437. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937–1941. Т. 1–2.
438. *Миллер Д.* Погребения рядом с Сергием: Погребальные обычаи в Троице-Сергевом монастыре, 1392–1605 гг. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2002. С. 74–89.

439. *Миллер Д.* Троице-Сергиева Лавра как объединяющий центр Русской земли // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000. С. 7–23.
440. *Милов Л.В.* Делопроизводственные материалы XVI-XVII вв. // Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 106–120.
441. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII ст.: Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986.
442. *Мирский С.В., Тупикова Н.А., Тюменцев И.О.* Польский коронный гетман Станислав Жолкевский и Ян Сапега осенью 1610 года (по материалам личной переписки) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. № 10. С. 108–119.
443. *Михайлова И.Б.* Конюший на Руси в X–XVI вв. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 142–164.
444. *Михайлова И.Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003.
445. *Можаров Н.Д.* О роде Можаровых: Материал к его истории. М , 1997. Ч. 1.
446. *Молочников А.М.* Военная и политическая организация смоленской городской общины в 1609–1611 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Ч. 1. С. 182–203.
447. *Молочников А.М.* Как русские дворяне признали «государем» польского королевича Владислава (Новые данные из польского архива о событиях Смутного времени) // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. 11. С. 1–50.
448. *Молочников А.М.* Смоленский род Полтевых и служба по отечеству в XVI – начале XVII в // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 203–206.
449. *Молочников А.М.* Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.
450. *Молочников А.М.* Смоленский служилый город Смутного времени. Часть I. Поместное верстание 7114 (1605/06) года // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. 4. С. 292–321.
451. *Мордовина С.П.* Земский собор 1598 года. Источники. Характер представительства: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.
452. *Мордовина С.П.* К истории утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М. 1970. С. 127–141.

453. *Мордовина С.П.* Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 55–63.
454. *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Боярские списки конца XVI – начала XVII века как исторический источник // Советские архивы. № 2. 1973. С. 90–95.
455. *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 153–193.
456. *Морозов Б.Н.* История рода Михалковых. XV–XVII века. М., 2020.
457. *Морозов Б.Н.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 70–98.
458. *Морозов Б.Н.* Частные архивы XVII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
459. *Морозов Б.Н., Турилов А.А.* Роспись главам Синодика Спасо-Преображенского монастыря в г. Рязани // Историческая генеалогия. Екатеринбург. 1993. № 1. С. 93–95.
460. *Морозова Л.Е.* В.И. Буганов – исследователь и публикатор разрядных книг XV–XVII вв. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 25–36.
461. *Морохин А.В., Бушуева С.В.* Ополчение 1611–1612 гг. Как феномен общественного договора // Вестник ННГУ. 2012. № 6/3. С. 77–81.
462. Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2.
463. *Мусихин А.Л.* Борис Иванович Доможиров: штрихи биографии // Актуальные вопросы историко–культурного и природного наследия Тарского Прииртышья. Тара, 2010. Т. 2. С. 118–123.
464. *Мусихин А.Л.* Доможировы – участники событий Смутного времени в Нижегородском крае // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2011. С. 113–125.
465. *Мятлев Н.В.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912.
466. *Нагорнов В.П., Гераськин Ю.В.* Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хоросмира) в рязанском Солотчинском монастыре // Российская археология. 2008. № 2. С. 84–89;
467. *Нагорнов В.П., Гераськин Ю.В.* Салахмир или Хоросмир? (К истории формирования рязанского боярства) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2007. Т. 14. С. 55–64.

468. *Назаров В.Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII-XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–124.
469. *Назаров В.Д.* «Дворянин» в актах и грамотах Северо-Восточной Руси и Новгорода XIV–XV вв. // Russian history. 2007. Vol. 34. № 1. P. 131–147.
470. *Назаров В.Д.* Дворовладение княжеских слуг в городах СевероВосточной Руси XIV–XV веков // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и Раннее новое время (XI–XVIII вв.). М., 2001. С. 33–47.
471. *Назаров В.Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. М., 2002. С. 35–82.
472. *Назаров В.Д.* К истории Земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 296–303.
473. *Назаров В.Д.* К истории начального периода первой крестьянской войны в России // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С.184–200.
474. *Назаров В.Д.* К истории светского землевладения в России XV – начала XVI в.: коллективный снимок 1504 г. с пояснениями и дополнениями // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. С. 20–26.
475. *Назаров В.Д.* К источниковедению Дворовой тетради // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 166–175.
476. *Назаров В.Д.* Между Москвой и Вильно: «дворяне» на листах посольских документов (конец XV – первая треть XVI в) // Государство и общество в России XV – начала XVI в. СПб., 2007. С. 82–93.
477. *Назаров В.Д.* О статусе «слуг» в средневековой Руси // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 49–53.
478. *Назаров В.Д.* О структуре Государева двора в середине XVI в. (жильцы в 1550-е гг.) // Зубовские чтения. М., 2008. С. 12–25.
479. *Назаров В.Д.* Россия на распутье // Родина. 2005. № 11. С. 6–10.
480. *Назаров В.Д.* Смута начала XVII в. и исторические судьбы России // История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2000. С. 457–495.
481. *Назаров В.Д.* Стольники средневековой Руси (XIII–XV вв.) // Хорошие дни… памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 358–367.
482. *Назаров В.Д.* Россия на распутье // Родина. 2005. № 11. С. 6–10.
483. *Назаров В.Д.* Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. М., 2010. С. 382–427.

484. *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты // Смутное время в России. Конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 212–224.
485. *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 326–352.
486. *Накишова М.Т.* Социальная самоидентификация служилых людей в России во второй половине XVII в.: практики и стратегии социального взаимодействия // Вестник ННГУ. 2017. № 5. С. 40–45.
487. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951.
488. *Некрасов О.Б.* Зимнее наступление русских войск 1556 г. и осада Выборга // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. Вып. 1. С. 119–126.
489. *Некрасов П.П.* Очерки по истории Рязанского края в XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. № 50 (4). С. 272–313.
490. *Низов В.В.* Царево-Санчурск в конце XVI – начале XVII века // Герценка. Киров, 2000. № 1. С. 90–98.
491. *Никитин А.Л.* Что написал «Софроний Рязанец»? // Основания русской истории. Мифологемы и факты. М., 2001. С. 531–541.
492. *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения (О землевладении Ляпуновых в канун Смутного времени) // Шестые Яхонтовские чтения. Рязань, 2012. С. 187–205.
493. *Никитин А.О.* Когда основан Ряжск? Дискуссионная заметка об основании Ряжска // Рязанские ведомости. 1999. 26 августа. С. 3.
494. *Никитин А.О.* Несвоевременные мысли // Рязанская старина. 2002. № 1. С. 6–12.
495. *Никитин А.О.* О месте погребения Прокофия Ляпунова // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 322–324.
496. *Никитин А.О.* О честности в полемике // Рязанские ведомости. 1999. 22 декабря. С.16, 21.
497. *Никитин А.О.* Рязанские погосты: неизвестный архипелаг // Древности Поочья. Рязань, 2016. С. 143–223.
498. *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 163–182.
499. *Никитин А.О.* Список владычных детей боярских 100 (1591/92) г.: опыт реконструкции // Третьи Яхонтовские чтения. Рязань, 2005. С. 81–90.

500. *Никитин А.О.* Сунбуловы – рязанские предки А. С. Пушкина // Есенинский вестник. 2001. Вып. 5. С. 20–23.
501. *Никитин А.О.* Таврелиада // Рязанская старина. 2009–2018. Рязань, 2019. Вып. 7–10. С. 399-464.
502. *Никитин А.О.* Эпиграфические памятники XVII века в Старожиловском районе Рязанской области // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 82–89.
503. *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI–начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009.
504. *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1–2.
505. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948.
506. *Новосельский А.А.* Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 178–196.
507. *Новосельский А.А.* Отголоски опричнины в документах XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 136–139.
508. *Новосельский А.А.* Правящие группы в «служилом городе» XVII в. // Институт истории РАНИОН. Учёные записки. 1928. М., 1929. Т. 5. С. 315–335.
509. *Новосельский А.А.* Распад землевладения служилого «города» по десятням XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 231–253.
510. *Новосельский А.А.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. М., 1938. Т. 4. С. 21–40.
511. *Новосельский А.А.* Служилое общество и землевладение на Белоозере после смуты // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 139–162.
512. *Нольте Х.-Х.* Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 21–34.
513. *Носов Н.Е.* Боярская книга 1556 г. (Из истории происхождения четвертчиков) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960. С. 191–227.
514. *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.-Л., 1957.

515. *Носов Н.Е.* Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. М., 1986. Т. 114. С. 148−179.
516. *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.
517. *Овчинников Р.В.* Некоторые вопросы Крестьянской войны начала XVII века в России // Вопросы истории. 1959. № 7. С. 69–83.
518. *Овчинников Р.В.* Об издании источников по истории Крестьянской войны в России начала XVII века. (Историко-библиографический обзор публикаций) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 153–173.
519. О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII века // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 204–208.
520. *Опарина Т.А.* Алхимик, янычар и «Родич византийских царей»: носители фамилии «Палеолог» в России конца XVI – первой половине XVII в // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1 (19). С. 131–158.
521. Описание Грамот Коллегии экономии. М., 2018. Т. 2.
522. *Павлов А.П.* Видеть государевы очи: пожалования членов царского двора на праздник Пасхи в царствование Михаила Романова // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 4. С. 1203–1216.
523. *Павлов А.П.* Выборное нижегородское дворянство в первой половине XVII в. // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2010. С. 417–428.
524. *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб, 1992.
525. *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Спб., 2018. Т. 1–2.
526. *Павлов А.П.* Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5. С. 89–103.
527. *Павлов А.П.* Из истории родового княжеского землевладения в XVII в. (судьба родовых вотчин князей Ростовских) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (6). С. 6–15.
528. *Павлов А.П.* К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. М., 2012. С. 118–135.
529. *Павлов А.П.* К изучению Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 21–35.

530. *Павлов А.П.* К истории утвержденной грамоты 1613 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. № 3. С. 11–20.
531. *Павлов А.П.* Комнатные стольники царя Михаила Романова // Времена и судьбы. СПб., 2006. С. 73–96.
532. *Павлов А.П.* Московские дворяне и их роль в системе государственной власти России в первой половине XVII века // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9. С. 217–229.
533. *Павлов А.П.* Правящая элита Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. СПб., 2006. С. 202–405.
534. *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 187–227.
535. *Павлов А.П.* Проблема «боярство и дворянство» XVI–XVII вв. и генеалогия // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 12–14.
536. *Павлов А.П.* Раздачи черных и дворцовых волостей и изменения географии землевладения боярской знати в годы царствования Михаила Романова // Палеоросия. 2017. № 7. С. 249–259.
537. *Павлов А.П.* Рост землевладения боярской элиты за счет пожалований из черных и дворцовых земель в первой половине XVII в. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3 (15). С. 32–45.
538. *Павлов А.П.* Стольники как чин государева двора в царствование Михаила Федоровича Романова // Cahiers du monde russe. 2010. Vol. 51. № 2–3. P. 211–240.
539. *Павлов А.П.* Судьба землевладения рода Годуновых после Смуты // Палеоросия. 2016. № 5. С. 433–447.
540. *Павлов А.П.* Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. С. 955–971.
541. *Павлов А.П.* Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (Материалы жилецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 308–406.
542. *Павлов А.П.* Эволюция государства и общества в России во второй половине XVI в. (К вопросу о сословно-представительной монархии) // Russische und Ukrainische vom. 16.–18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2001. P. 29–39.
543. *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004.

544. *Папков А.И.* Складывание церковной структуры в южных уездах Российского царства в конце XVI – начале XVII века // Сословия, институты и государственная власть в России. М., 2010. С. 772–780.
545. Патронат и клиентела в истории России (материалы «круглого стола») // Новая политическая история. СПб, 2004. С. 255–287.
546. *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. М., 2000.
547. *Пашкова Т.И.* Параллелизм в деятельности органов местного управления на Руси в первой половине XVI в. (Суд по земельным делам) // Феодальная Россия: новые исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 41–46.
548. *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017.
549. *Пенской В.В.* Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина, 1558–1561 гг. М., 2017.
550. *Перлов И.П.* Зарайские укрепления XVI–XVII вв. Зарайск, 1927.
551. *Петкевич К.* Великое княжество Литовское // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 304–334.
552. *Петров К.В.* Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях. М., 2018.
553. *Петров К.В.* К изучению текста разрядных записей за Смутное время // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 127–147.
554. *Петров К.В.* Процедура судебного «доклада» в русском праве XV – первой половины XVI вв.: К истории формирования судебных органов в России // Государство и общество в России XV – начала XX в. СПб., 2008. С. 106–115.
555. *Петров К.В.* Разрядные книги древней традиции: К изданию исследования Ю. В. Анхимюка // Очерки феодальной России. М., 2007. Вып. 11. С. 462–483.
556. *Петров К.В.* Разрядные книги XVII в. Источниковедческое исследование: дис. … канд. ист. наук. СПб., 1996.
557. *Петров К.В.* Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV – начала XVII в.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 169–175.
558. *Петров К.В.* Частная рукописная традиция разрядных книг «Подлинников» в XVII в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1996. С. 84–87.
559. *Петров С.А.* Рязанская земля во второй половине XIII – начале XV в.: отношения с Ордой и Москвой: дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2011.

560. *Петрухинцев Н.Н.* Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 256–283.
561. *Петрухинцев Н.Н.* Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // Cahiers du monde russe. 2015. Vol. 56. № 1. P. 137–174.
562. Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. М., 2018.
563. *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913.
564. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995.
565. *Платонов С.Ф.* Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. Ч. 1. С. 18–28.
566. *Подчасов Н.А.* Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства (вторая половина XVI – начало XVII века): дис. ... канд. ист. наук. М., 2018.
567. *Подчасов Н.А.* Система обороны южных границ России второй половины XVI в. в зеркале разрядных источников // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6 (51). С. 191–201.
568. *Полехов С.В.* Литовская Русь в XV веке: единая или разделенная? (На материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского [не]единства. М., 2017. С. 70–93.
569. *Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.
570. *Пономарева И.Г.* Инвеститура в Древней Руси // Историк и источник. СПб., 2018. С. 17–36.
571. *Пономарева И.Г.* Конюшие XV в. // Грани русского Средневековья. М., 2016. С. 281–285.
572. *Пономарева И.Г.* О происхождении московских «укрепленных» грамот // Археографический ежегодник за 2012 год. М., 2016. С. 65–75.
573. *Попов С.Н.* Тверская знать на московской государевой службе в конце XV – первой половине XVI в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
574. *Поппэ А.Н.* К начальной истории культа св. Николы Зарайского // Essays in Honor of A.A. Zimin. Columbus, 1985. P. 294–297.

575. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006.
576. *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. М., 1993.
577. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918.
578. *Преснякова Л.П.* Служилая биография князя И. Д. Бельского по данным разрядных книг, летописей и записок Генриха Штадена // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 6. С. 39–50.
579. *Пронштейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке. Очерк социально-экономической и политической истории русского города. Харьков, 1957.
580. *Рабинович Я.Н.* Братья Коробьины на службе России (1603–1639). Саратов, 2014.
581. *Рабинович Я.Н.* Василий Гаврилович Коробьин: воевода и дипломат первой трети XVII в. // История и историческая память. 2011. № 3. С. 154–178.
582. *Рабинович Я.Н.* Личности Смутного времени: Семен Гаврилович Коробьин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. № 2. С. 11–18.
583. *Рабинович Я.Н.* Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013.
584. *Рабинович Я.Н.* Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков, 2014.
585. *Рабинович Я.Н.* Новгородские страницы биографии астраханского архиепископа Онуфрия // Новгородский исторический сборник. 2015. № 15 (25). С. 182–201.
586. *Рабинович Я.Н.* Рязанские помещики Коробьины в Смутное время // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 150–156.
587. *Раздорский А.И.* Исследование и публикация таможенных и кабацких книг в 2002–2009 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Курск, 2009. С. 1–13.
588. *Ракитин А.С.* Казаки Данкова на государевой службе во второй половине XVI–XVII вв. Воронеж, 2018.
589. *Решетова А.А., Денисова И.В.* Рязанский летописный текст // Рязанский край в контексте русской литературы: очерки регионального литературоведения. Рязань, 2017. С. 6–25.
590. *Решетова А.А., Тополова О.С.* О рязанских реалиях в «Хожении Игнатия Смольнянина» // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2012. № 35. С. 77–95

591. *Ржига В.Ф.* О Софонии рязанце // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 401–405.
592. *Рогожин Н.М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html (дата обращения: 01.04.2021).
593. *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI веке. СПб., 1897.
594. *Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.
595. *Романов Б.А.* Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Вып. 3. С. 205–224.
596. *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.
597. *Рощупкин А.Ю.* «…пришли под град Елец и стояли под градом, но не смогли сделать граду…» (Летние события 1606 г. под Ельцом: факты, события, интерпретация) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 1 (28). С. 165–173.
598. *Рубинштейн Н.Л.* Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды государственного исторического музея. М., 1948. Вып. 20. С. 47–84.
599. *Русаков П.Е.* Локализация границ населенных пунктов Моржевского стана в Рязанской земле // Археология Подмосковья. М., 2010. Вып. 6. С. 371–392.
600. *Рыбалко Н.В.* Метод просопографии в изучении средневековой России // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49. № 2–3. P. 264–278.
601. *Рыбалко Н.В., Дмитриева Е.Г., Малеева Е.С.* Роль грамот патриарха Гермогена в организации земского ополчения 1611 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. № 1. С. 41–52.
602. *Рыков Ю.Д.* Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г. по данным Синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Памяти Лукичева. М., 2006. С. 587–682.
603. *Рыков Д.Ю.* Малоизвестный список синодика новгородского Николо-Вяжищского монастыря конца XVII века с позднейшими дополнениями // Вышел Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2019. Вып. 18 (28). С. 60–123.

604. *Рыкова О.В.* Н.П. Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 1. С. 87–92.
605. *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI веке. Харьков, 1917.
606. *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем Института Л. М. Савеловым. М., 1908–1909. Т. 1–2.
607. *Савельев Н.* О месте погребения Ляпунова // Сын Отечества. Журнал истории, политики, словесности, наук и художеств. М., 1842. Ч. 1. Отд. 1. С. 3–8.
608. *Савич А.А.* Вклады и вкладчики в севернорусских монастырях XVI-XVII вв. Пермь, 1929.
609. *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV – XVI веков: происхождение и социальные связи: дис. ... докт. ист. наук. Орел, 2015.
610. *Савосичев А.Ю.* К вопросу о наследовании социального статуса в среде дьяков первой трети XVI века // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3/1. С. 30–45.
611. *Савосичев А.Ю., Кузьмина О.Ю.* Рязанский архиепископский двор середины XVI века // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 123–129.
612. *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М., 1950.
613. *Севастьянова А.А.* Редкие рукописные книги XVII–XIX веков в Государственном архиве Рязанской области // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2018. № 3 (60). С. 7–12.
614. *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912.
615. *Седельников А.Д.* Где была написана «Задонщина»? // Slavia. Praha, 1930. Roč. 9. Seš. 3. S. 524–526.
616. *Седов П.В.* «Он мне свой...» (Свойство при московском дворе XVII в.) // Нестор. СПб., 2005. № 7. С. 190–199.
617. *Седов П.В.* Боярские «хлебояжцы» и свойственники // Времена и судьбы. СПб., 2006. С. 133–142.
618. *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
619. *Седов П.В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник, Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116–127.
620. *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады в жилецком списке Первого ополчения // Реализм исторического мышления. М., 1991. С. 225–226.

621. *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 227–241.
622. *Седов П.В.* Правящая элита Русского государства 1660–1680-х гг. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в. СПб., 2006. С. 406–409.
623. *Седов П.В.* Реконструкция жилецкого списка первого подмосковного ополчения // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. СПб., Киев, 1993. С. 57–77.
624. *Седов П.В.* Челобитная князей Одоевских о своих родовых землях накануне отмены местничества // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 338–344.
625. *Селиванов А.В.* Древние акты рязанского края // Труды рязанской ученой архивной комиссии за 1887 г. Рязань, 1888. Т. 2. Ч. 6. С. 105–113.
626. *Селиванов А.В.* Краткое описание рукописей, принадлежащих Рязанской ученой архивной комиссии // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1893. Т. 7. С. 48–67.
627. *Селиванов А.В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых, ведущих свое начало от Кичибея. Рязань. 1912–1916. Ч. 1–3.
628. *Селин А.А.* «Смоленский архив» и королевские пожалования под Смоленском 1610–1611 гг. // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2018. Т. 15. № 1. С. 7–22.
629. *Селин А.А.* Королевские пожалования под Смоленском: случай Ржевских // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 122–123.
630. *Селин А.А.* Новгородское общество начала XVII века. Смутное время на Северо-Западе Московского государства. Saarbrucken, 2011.
631. *Селин А.А.* Новгородское общество эпохи Смуты: некоторые мысли о том, как писать социальную историю московского государства // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. СПб., 2017. С. 35–42.
632. *Селин А.А.* О «народных движениях» в Новгородской земле // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. Материалы Всероссийской научной конференции. Н. Новгород, 2012. С. 23–29.
633. *Селин А.А.* Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1 (11). С. 5–13.
634. *Селин А.А.* Обзор просопографических исследований 2000–2013 гг. // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы: материалы Международного научного семинара. СПб., 2013. С. 4–12.

635. *Селин А.А.* Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. 2005. Vol. 13. № 1. P. 149–157.
636. *Селин А.А.* Смутное время в историографии последних лет // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 223–228.
637. *Сёмина М.В.* Грамота великого князя Олега Рязанского XIV века // Труды Отдела древнерусской литературы. 2014. Т. 62. С. 260–268.
638. *Сергеев А.В.* Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI – начале XVII в.: князья Ростовские и Ярославские: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014.
639. *Сергеева-Козина Т.Н.* Можайский кремль 1624–1626 гг. (опыт реконструкции) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 31. С. 347–375.
640. Сибирь в составе Российской империи. М. , 2007.
641. *Симачкова Н.Н.* Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002.
642. *Синелобов А.П.* Персональный состав городовых приказчиков и губных старост Московского государства XVI–XVII вв. М., 2016.
643. *Скляр И.М.* О начальном этапе Первой крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 90–101.
644. *Скобелкин О.В.* Служилые «Немцы» в записях разрядных книг эпохи смуты // Вестник ННГУ. 2017. № 2. С. 72–77.
645. *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966.
646. *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.
647. *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1980.
648. *Скрынников Р.Г.* Россия после опричнины. Л., 1975.
649. *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990.
650. *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988.
651. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.
652. *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992.
653. *Скрынников Р.Г.* Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997.
654. *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 247–290.
655. *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика: дис. … канд. ист. наук. М., 1982.

656. *Сметанина С.И.* К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины // История СССР. 1978. № 3. С. 155–164.
657. *Сметанина С.И.* Писцовые книги Рязанского уезда // Советские архивы. 1979. № 5. С. 53–58.
658. *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 49–80.
659. *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. М., 1951.
660. *Смирнов И.И.* Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953.
661. *Смирнов И.И.* О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII века // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 204–208.
662. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1–2.
663. *Смирнов Н.В.* Награды Смутного времени: пожалования дворян и детей боярских за службу «в четь» // Грани русского Средневековья. М., 2016. С. 239–251.
664. *Смирнов Н.В.* Служилые города Русского государства в середине XVII века. Рязанский уезд // Novogardia. 2020. № 3 (7). С. 133–151.
665. *Смирнов Н.В.* Тверские «служилые города» в XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
666. *Смирнов С.К.* Древние надгробные надписи, открытые в Троицкой лавре // Труды первого археологического съезда в Москве в 1869 году. М., 1871. С. 417–424.
667. *Смирнов П.П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. М., 1915.
668. *Смищенко Р.С.* Историческая концепция А. П. Щапова: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000.
669. Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции. М., 2012.
670. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. М., 2001. Т. 8.
671. *Солодкин Я.Г.* «Годовая служба» в России XVI – начала XVII в.: происхождение и основные разновидности // Военно-юридический журнал. М., 2011. № 5. С. 24–26.
672. *Солодкин Я.Г.* Воеводы и головы Березова с первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность. Тюмень, 2001. Вып. 4. С. 10–16.
673. *Солодкин Я.Г.* Из ранней истории Царева-Борисова // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья. Воронеж, 2000. С. 81–93

674. *Солодкин Я.Г.* Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018.
675. *Солодкин Я.Г.* К ранней истории Оскола и Царева-Борисова // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 2. С. 97–102.
676. *Солодкин Я.Г.* О происхождении Бельского летописца // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 19. С. 117–125.
677. *Солодкин Я.Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI – первой трети XVII веков. Нижневартовск, 2008.
678. *Солодкин Я.Г.* Первые воеводы и головы Воронежа // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 5–13.
679. *Солодкин Я.Г.* Первые воеводы и письменные головы Тюмени (к истории складывания административной системы «Русской Сибири») // Водные ресурсы и ландшафтно-усадебная урбанизация территорий России в XXI веке. Тюмень, 2015. Т. 2. С. 118–127.
680. *Солодкин Я.Г.* Первые государевы воеводы в Сибири // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 48–51.
681. *Солодкин Я.Г.* Письменные головы в административной структуре России второй половины XVI – начала XVII в. // История государства и права. 2010. № 21. С. 37–39.
682. *Солодкин Я.Г.* Письменные головы в Сибири конца XVI – начала XVII вв.(к истории формирования воеводской системы управления) // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 131–135.
683. *Спасский И.Г.* Золотые – воинские награды в допетровской Руси // Труды Государственного Эрмитажа. 1961. Т. 4. С. 92–134.
684. Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1862. Т. 35: Рязанская губерния.
685. *Станиславский А.Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 123–152.
686. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.
687. *Станиславский А.Л.* Опыт изучения боярских списков конца XVI – начала XVII в. // История СССР. 1971. № 4. С. 97–110.
688. *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.

689. *Станиславский А.Л.* Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г. // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985. С. 72–77.
690. *Сташевский Е.Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911.
691. *Сташевский Е.Д.* К истории дворянских челобитных. М., 1915.
692. *Сташевский Е.Д.* К истории колонизации юга. Великий боярин И.Н. Романов и его вотчины в Елецком уезде. М., 1913.
693. *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913.
694. *Стефанович П.С.* Отношения правителя и знати в Северо-Восточной Руси в XIV – начале XVI в.: крестоцелование как клятва верности? // Cahiers du Mond Russe. 2005. Vol. 46. № 1–2. С. 277–284.
695. *Сторожев В.Н.* Состав рязанского дворянства по десятням XVII века. Рязань, 1891.
696. *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае. М.; СПб., 2009.
697. *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001.
698. *Сухотин Л.М.* К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 318–346.
699. *Татищев Ю.В.* Михаил Игнатьевич Татищев // Летопись историко-родословного общества. 1905. Вып. 1. С. 5–46.
700. *Тимохина Е.А.* Дозорные книги городов первой трети XVII в. как источник по истории средневекового города Европейской России: дис. … канд. ист. наук. М., 2005.
701. *Тимошина Л.А.* О месте столбцов XVII в. в современной археографии // Вестник «Альянс-Архео». 2015. № 9. С. 16–72.
702. *Тимошина Л.А.* Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // Очерки феодальной России. М., 2012. Вып. 15. С. 238–299.
703. *Тимошина Л.А.* Частные архивы XVII в.: еще раз о составе документов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 5 (59). (Электронный ресурс). URL: https://history.jes.su/s207987840001866-1-1 (дата обращения: 01.04.2021).
704. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков М., 1973.
705. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.

706. *Ткаченко В.А.* Некрополь Троице-Сергиевой лавры конца XIV–XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
707. *Толстиков А.В.* Представления о государе и государстве в России второй половины XVI – первой половины XVII века // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. С. 294–310.
708. *Трепавлов В.В.* Белый царь. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
709. *Тюменцев И.О.* Елецкое восстание 1606 года в истории Смуты // Ouaestio Rossica. 2014. № 2. С. 147–150.
710. *Тюменцев И.О.* К вопросу о «Скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2 (12). С. 31–54.
711. *Тюменцев И.О.* Московские дворяне в годы Смуты начала XVII столетия // Государев двор в истории России. XV–XVII вв. Владимир, 2006. С. 188–202.
712. *Тюменцев И.О.* Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии. Волгоград, 2012.
713. *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008.
714. *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия: новые направления и результаты исследований // Ruszisztikai könyvek 16. Budapest, 2005. P. 83–91.
715. *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А., Тюменцева Н.Е.* Документы русского архива Яна Сапеги: находки 2013-2018 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 2. С. 44–54.
716. Указатель собственных имен и предметов к I и II тому книг разрядных, по официальным оных спискам. Спб., 1856.
717. *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993.
718. *Ульяновский В.И.* «Прямой» или «кривой» герой Смуты? Рязанско–Муромский архиепископ и Патриарх Московский грек Игнатий // Рязанская старина. Вып. 4–6. Рязань, 2013. С. 16–59.
719. *Ульяновский В.И.* «Турецкий гамбит» Лжедмитрия 1: проект «священной войны» // Проблемы славяноведения. Брянск, 2017. С. 31–62.
720. *Ундольский В.М.* Новые разыскания о месте погребения Прокопия Ляпунова // ЧОИДР. М., 1846. Кн. 2. С. 24–32.
721. *Усачев А.С.* Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 66–81.

722. *Успенский В.* Государев двор во второй половине XVI в. как социальная сеть: предложение метода // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы. СПб., 2013. С. 27–34.
723. *Успенский В.* Кристаллизация иерархий раннего Нового времени: структура Государева двора в третьей четверти XVI в. как социальная сеть // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 121–122.
724. *Устинова И.А.* Книги патриарших приказов 1625–1649 гг.: Палеографическое описание // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 5–64.
725. *Федоров А.Ф.* Материалы к истории с. Исад, Спасского уезда, Рязанской губернии. Бывшей вотчины бояр Ляпуновых // Труды Спасского отделения Общества исследователей Рязанского края. Спасск, 1927. Вып. 1. С. 4–11.
726. *Филюшкин А.И.* Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // «В кратких словесах многой разум замыкающе…». СПб., 2008. С. 316–337.
727. *Флоря Б.Н.* Бунт окраин против центра // Родина. 2005. № 11. С. 48–52.
728. *Флоря Б.Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 182–189.
729. *Флоря Б.Н.* Власть, землевладельцы и «служилое» население в Рязанской земле конца XIV – начала XVI в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости. М., 2014. С. 229–234.
730. *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 5–12.
731. *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999.
732. *Флоря Б.Н.* К истории Смуты на Западе России // Отечественная история. 2002. № 3. С. 130–131.
733. *Флоря Б.Н.* Кормленые грамоты XV-XVI вв. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 109–126.
734. *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 43–57.
735. *Флоря Б.Н.* Оценки возмещения за оскорбление дворянской «чести» и «чести» представителей других сословий в памятниках русского законодательства XVI-XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4. С. 5–16.

736. *Флоря Б.Н.* О приговоре Первого ополчения // Исторические записки. Т. 8 (126). 2005. С. 85–114.
737. *Флоря Б.Н.* Русское общество в эпоху Смуты // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 49–68.
738. *Флоря Б.Н.* С. Немоевский о русском государстве и обществе XVI – начала XVII в. // Russia mediaevalis. Munchen, 1973–1997. S. 105–114.
739. *Флоря Б.Н.* Частные письма русских дипломатов XVI в. // Исторический архив, № 3. 1993. С. 162–164.
740. *Флоря Б.Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. 281–290.
741. *Флоря Б.Н.* Особенности отношений великокняжеской власти с церковными и светскими землевладельцами на территории Рязанской земли (конец XIV – начало XVI века) // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. 2019. Вып. 6. С. 5–13.
742. *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
743. *Флоря Б.Н.* Прокопий Ляпунов и Сигизмунд III // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 42–51.
744. *Флоря Б.Н.* Центр и провинция в системе управления России (XVI–XVII вв.) // Государство и общество в России XV – начала XX века. СПб., 2007. С. 189–194.
745. *Флоря Б.Н.* Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси // История СССР. 1983. № 1. С. 71–73.
746. *Фомин Н.К.* Заселение Епифанского уезда в XVI—XVII вв. // Куликово поле: Материалы и исследования. М., 1990. С. 126–137.
747. *Фомин Н.К.* К вопросу заселения Тульского края в XVI веке // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Тула. 1997. С. 40–43.
748. *Фоминов А.В.* Нерешённые вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валуек и гибель Царёва-Борисова // Очерки феодальной России. М., 2013. Вып. 16. С. 202–230.
749. *Фролов А.А.* Историография исследовательских подходов в источниковедении средневековых государственных поземельных описаний стран Европы. Часть 1. Писцовые книги Московского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 8

(31). (Электронный ресурс). URL: https://history.jes.su/s207987840000934-6-1/ (дата обращения: 01.04.2021).
750. *Хазанова С.И.* Пискаревский летописец. М., 2016.
751. *Хитров Д.А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия: История. С. 79–101.
752. *Хитров Д.А., Черненко Д.А.* Земельные кадастры XVII-XVIII вв. как источник для изучения процесса дробления дворянского землевладения // Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков. М., 2008. С. 336–345.
753. *Ходарковский М.* Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М., 2019.
754. *Хорошкевич А.Л.* Государство всея Руси // Родина. 1994. № 5. С. 21–26.
755. *Хорошкевич А.Л.* Право «вывода» и власть «государя» // Россия на путях централизации. М., 1992. С. 36–41.
756. *Хорошкевич А.Л.* Россия или Московия? // Родина. 2005. № 11. С. 53–57.
757. *Хорошкевич А.Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
758. *Хоруженко О.И.* Вопросы текстологии Румянцевской редакции родословных книг // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 185–203.
759. *Хоруженко О.И.* Плита Схоросмира: поминальный обычай в конструировании родовой памяти // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 219–240.
760. *Хоруженко О.И.* Родословие как конструкция родовой памяти: текстология родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв. // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 203–234.
761. *Хоруженко О.И.* Родословные росписи в изучении родовой памяти // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 102–119.
762. *Худин К.С.* Новые сведения относительно генеалогии Коробьиных и Пожарских в XVII веке. Духовная Фетиньи Елизарьевны Коробьиной // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. М., 2015. С. 453–455.
763. *Цепков А.И.* Рязанские землевладельцы XIV–XVI веков. Рязань, 1995.
764. *Цепков А.И.* Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Рязань, 2005. Т. 1–4.
765. *Чебыкина Г.Н.* Вклады Строгановых в храмы Великого Устюга в 16–17 веках // Двинская земля: материалы шестых межрегиональных общественно-

научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Котлас, 2010. Вып. 6. С. 236– 241.

766. *Чепухин А.Г.* Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилецких людей XVII века) // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. 5. С. 156–416.

767. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

768. *Черепнин Л.В.* «Смута» и историография XVII века // Исторические записки. М., 1945. № 14. С. 81–128.

769. *Черепнин Л.В., Пашуто В.Т.* Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 41–53.

770. *Черкасова М.С.* Северная Русь. История сурового края XIII–XVII. М., 2017.

771. *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Делопроизводственные документы о вотчинниках нижегородского служилого «города» начала XVII в. // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Нижний Новгород, 2010. С. 388–389.

772. *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Информационный потенциал дозорных книг конца XVI – начала XVII в. для изучения Нижегородского дворянства // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. № 1. С. 72–78.

773. *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Новгородские сведенцы и их потомки в нижегородской служилой корпорации // Новгородика – 2010. Великий Новгород, 2011. Ч. 2. С. 221–230

774. *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Нижегородская служилая корпорация до и после Смуты: первые итоги изучения // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 313–317.

775. *Черников С.В.* К вопросу о «неукорененнности» московского служилого класса. Изменения в фамильном составе дворянства в уездах Европейской России в XVII – начале XVIII вв. // Cahiers du monde russe. 2020. Vol. 61. № 1–2. P. 7–62.

776. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948–1951. Ч. 1–2.

777. *Чернов А.В.* К истории Поместного приказа (внутреннее устройство приказа в XVII в.) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М, 1957. Т. 9. С. 194–251.

778. *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
779. *Чернопятов В.И.* Род Крюковых. М., 1915.
780. *Чеченков П.В.* Бесславное настоящее Нижегородского исторического краеведения // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2014. № 4. С. 78–84.
781. *Чеченков П.В.* Восточное порубежье Русского государства в московско-казанском противостоянии (власть и социальные структуры) // Сословия, институты и государственная власть в России. М., 2010. С. 592–602.
782. *Чеченков П.В.* Землевладение нижегородской служилой корпорации после Смуты: размер и соответствие окладу // Петербургские исследования. СПб., 2012. Вып. 3. С. 191–200.
783. *Чеченков П.В.* Между вторым самозванцем и новой династией: параметры землевладения нижегородского служилого «Города» в 1607–1613 гг // Вестник ННГУ. 2017. №1. С. 68–75.
784. *Чеченков П.В.* Межпоколенная коммуникация: родовая память нижегородского дворянства XVII века // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Нижний Новгород, 2011. С. 374–377.
785. *Чеченков П.В.* Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.
786. *Чеченков П.В.* Нижегородский служилый «город» в 20-х годах XVII в.: обеспеченность землей и рабочими руками // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3. С. 356–362.
787. *Чеченков П.В.* Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV – середине XVI в. // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46. № 1-2. P. 133–145.
788. *Чеченков П.В.* Пополнение нижегородской служилой элиты после Смуты // Документ, источник, текст: горизонты современных исследований. Н. Новгород, 2015. С. 91–98.
789. *Чеченков П.В.* Пути московской политики в Нижегородском княжестве (первая половина XV в.) // Государство и общество в России XV – начала XX века. СПб., 2007. С. 94–105.
790. *Чеченков П.В.* Служилый Нижний в 1622 году (нижегородская десятня 1622 г.: персональный состав и основные параметры уездной служилой корпорации) // Открытый текст, 2014. URL: http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIIIXIX/?id=5379 (дата обращения: 01.04.2021).

791. *Чеченков П.В.* Состав региональной элиты конца XVI – первой половины XVII в. Случай Нижнего Новгорода // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV – XVII в. Калуга, 2019. С. 438–445.
792. *Чеченков П.В.* Формирование нижегородской служилой элиты в XV - начала XVII века // Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. Москва, 2012. С. 407–421.
793. *Чеченков П.В.* Формирование землевладения и фамильный состав Нижегородской служилой корпорации первой половины – середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 60–75.
794. *Шабаев Л.Е.* Челобитные «по родству» как исторический источник первой половины XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции. М., 2019. С. 229–231.
795. *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
796. *Шамина И.Н.* Вкладная книга Вологодского Арсеньево-Комельского монастыря // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2004. С. 336–357.
797. *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л., 1987. С. 94–116.
798. *Шапошник В.В.* Приговоры о церковно-монастырском землевладении в период правления Ивана Грозного // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 8–31.
799. *Шватченко О.А.* Вотчинное землевладение в России в конце XVI века. М., 2008.
800. *Шватченко О.А.* Земельные пожалования в России в эпоху смуты // Смутное время в современной отечественной историографии. Нижний Новгород, 2008. С. 76–83.
801. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990.
802. *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 348–365.
803. *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Волгоград, 2012. Т. 1–2.
804. *Шепелев И.С.* Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в первом земском ополчении // Сборник научных трудов

Пятигорского государственного педагогического института. 1948. Вып. 2. С. 101–136.

805. *Шепелев И.С.* К вопросу о внутрифеодальной борьбе в Русском государстве в годы польско-литовской интервенции в начале XVII в. // Известия Воронежского педагогического института. Т. 31. Из истории Воронежского края. Воронеж, 1960. С. 126–155.

806. *Шепелев И.С.* Организация Первого земского ополчения в 1611 году // Учёные записки Пятигорского государственного педагогического института. Ставрополь, 1949. № 5–6. С. 171–189.

807. *Шереметев С.Д.* Труды по истории Смутного времени. М., 2015.

808. *Шеков А.В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории XIII – середины XVI вв.). Тула, 1993.

809. *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.

810. *Шиманский М.* Рязанский уезд в конце XVI и в начале XVII веков по писцовым книгам. Рязань, 1911.

811. *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. М., 1985.

812. *Шмидт С.О.* «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий // Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 255–301.

813. *Шокарев С.Ю.* Шацк в годы Смуты // Центр и периферия. Саранск, 2011. № 1. С. 12–19.

814. *Штайндорф Л.* Кто ближние мои?: Индивид и культура поминовения в России раннего нового времени // Человек и его близкие на западе и востоке Европы. М., 2000. С. 208–239

815. *Штайндорф Л.* Сравнение источников об организации поминания усопших в Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях в XVI в. // Археографический ежегодник за 1996 г. М., 1998. С. 65–78.

816. *Штыков Н.В.* Аппарат управления тверских князей в XV в // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 3/2. С. 315–321.

817. *Шульгин В.С.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в XV – первой половине XVI в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 4. С. 3–15.

818. *Шумаков С.А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1899–1917. Т. 1–4.

819. *Шумаков С.А.* Столбцы Поместного приказа // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 4. С. 330–376.
820. *Шумаков С.А.* Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910.
821. *Шумаков С.* Материалы для истории Рязанского края // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1897 год. Рязань, 1897. Т. 12. Вып. 1. С. 74–105.
822. *Шумаков С.А.* Сотницы (1537–1597 гг.). Грамоты и записи (1561–1696 гг.). М., 1902.
823. *Щапов А.П.* Великорусские области в Смутное время // Собрание сочинений: в 3 т. Спб., 1906. Т. 1. С. 648–709.
824. *Эйльбарт Н.В.* Польские пометки на московских документах периода Смуты: историко-лингвистический анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 2. С. 55–61.
825. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2: Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские.
826. *Эммаусский А.В.* Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI–XVII вв // Труды Кировского научно-исследовательского института краеведения. Киров, 1934. Т. 7. Вып. 3. С. 3–36.
827. *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2018.
828. *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.
829. *Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков. М., 2020.
830. *Эскин Ю.М.* Описание подлинных местнических дел. М., 2017.
831. *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009.
832. *Эскин Ю.М.* Пожарский и Ляпунов // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 11–19.
833. *Эскин Ю.М.* Смута и местничество // Архив русской истории. Вып. 3. М., 1993. С. 266–268.
834. *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.
835. *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
836. *Яковлев А.И.* «Безумное молчание» // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 651–678.
837. *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916.

838. *Яковлев А.И.* Приказ сбора ратных людей. М., 1917.
839. *Яковлева О.А.* К истории возвышения Бориса Годунова // Ученые записки НИИ при Совмине Чувашской АССР. Чебоксары, 1970. Вып. 52. С. 275–279.
840. *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
841. *Ясинский М.Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889.
842. *Alef G.* The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power // Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth- Century Muscovy. London, 1983. P. 15–58.
843. *Backerra C.* Personal union, composite monarchy and 'multiple rule' // The Routledge History of Monarchy. Routlege, 2019. P. 89–111.
844. *Backus O.P.* Treason as a Concept and Defections from Moscow to Lithuania in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1970. Bd. 15. P. 119–144.
845. *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1340s-1570s. Tuusula, 2000.
846. *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy // Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present. Helsinki, 2004. P. 59–127.
847. *Bogatyrev S.* Gosudarev Dvor // Encyclopedia of Russian History. 2003. Vol. 2. P. 591–592.
848. *Brown P.* How Muscovy Governed: Seventeenth-Century Russian Central Administration // Russian History. 2009. Vol. 36. № 4. P. 459–529.
849. *Brown P.* Muscovite Government Bureaus // Russian History. 1983. Vol. 10. № 3. P. 269–330.
850. *Brown P.* With All Deliberate Speed: The Officialdom and Departments of the Seventeenth-Century Muscovite Military Chancellery (Razriad) // Russian history. 2001. Vol. 28. № 1. P. 137–152.
851. *Collins D.E.* Speech Reporting and the Suppression of Orality in Seventeenth–Century Russian Trial Dossiers // Journal of Historical Pragmatics. 2006. Vol. 7. P. 265–295.
852. *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983.
853. *Crummey R.O.* Court Groupings and Politics in Russia, 1645-1649 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 24. P. 203–221.
854. *Crummey R.O.* The Latest from Muscovy // The Russian Review. 2001. № 60. P. 475–477.

855. Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert. Köln-Weimar-Wien, 1998. S. 367–374.
856. *Davies B.L.* State Power and Community in Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635–1649. New York, 2004.
857. *Davies B.L.* The Lisovchiki in Muscovy, 1607–1616 // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 71–77.
858. *Davies B.L.* The Town Governors in the Reign of Ivan IV // Russian History. 1987. № 1. P. 77–143.
859. *Dewey H.W.* Historical Drama in Muscovite Justice: The Case of the Extorted Deed // Canadian Slavonic Papers. 1957. Vol. 2. P. 38–46.
860. *Dewey H.W.* Political poruka in Muscovite Rus' // Russian Review. 1987. Vol. 46. № 1. P. 117–133.
861. *Dewey H.W.* The Decline of the Muscovite Namestnik // Oxford Slavonic Papers. 1965. № 12. P. 21–39.
862. *Dumolyn J.* Nobles, Patricians and Officers. The Making of a Regional Political Elite in Late Medieval Flanders // Journal of Social History. 2006. № 40. P. 431–452.
863. *Dunning C.S.L., Smith N.S.* Moving beyond Absolutism: Was Early Modern Russia a «Fiscal-Military» State? // Russian History. 2006. Vol. 33. № 1. P. 19–43.
864. *Dunning C.S.L.* R. G. Skrynnikov, the Time of Troubles, and the «First Peasant War» in Russia // The Russian Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 71–81
865. *Dunning C.S.L.* Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty. Pennsylvania, 2001.
866. *Dunning C.S.L.* A Short History of Russia's First Civil War. Pennsylvania, 2004.
867. *Elliott J.H.* A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Vol. 137. № 1. P. 48–71.
868. *Filyushkin A.* Why Did Russia Not Become a Composite State? // Russian History. 2021. Vol. 47. № 3. P. 201–223.
869. *Floria B.N.* Sklad spoleczny soborow ziemskich w panstwe Moskiewskim w XVI wieku // Czasopismo prawrno-historyczne. 1974. T. 26. Z. 1. S. 35–58.
870. Fragen der politischen Integration im mittelalterlichen Europa. Ostfildern, 2005.
871. *Frost R.* The Oxford History of Poland-Lithuania Volume I: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569. Oxford, 2015.
872. *Gerhard D.* Regionalismus und ständisches Wesen als ein Grundthema europäischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. S. 307–337.
873. *Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley, 1979.

874. *Goffman D., Stroop C.* Empire as Composite: The Ottoman Polity and the Typology of Dominion // Imperialisms: Historical and literary investigations, 1500–1900. 2004. P. 129–147.
875. *Gustafsson H.* Conglomerates or Unitary States? Integration Processes in early modern Denmark-Norway and Sweden // Föderationsmodelle Und Unionsstrukturen: über Staatenverbindungen in der Frühen Neuzeit vom 15. Zum 18. Jahrhundert. Wien, 1994. S. 45–62.
876. *Halbach U.* Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Rus. Stuttgart, 1985.
877. *Halperin C.J.* Lay Cash Donations to the Trinity-Sergius Monastery during the Reign of Ivan IV // The Slavonic and East European Review. 2017. Vol. 95. № 2. P. 271–292.
878. *Halperin C.* The Early Modern Muscovite state reconsidered // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2018. № 2. С. 181–196.
879. *Hanson G.A.* Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker. PhD dissertation. University of Wisconsin, 1971.
880. *Hellie R.* Thoughts on the Absence of Elite Resistance in Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. № 1. P. 5–20.
881. *Hellie R.* Why did the Muscovite Elite Not Rebel? // Russian History. 1995. Vol. 25. № 1–2. P. 155–162.
882. *Jaworska-Oknińska M.* Для очищенья оть Литовскихь людей. Konstruowanie zbiorowej tożsamości mieszkańców Państwa Moskiewskiego w okresie I i II opołczenia (1611-1612) // Referat wygłoszony na XXV konferencji Komisji Lituanistycznej "Pogranicza Wielkiego Księstwa Litewskiego" w Instytucie Historii PAN, 27.09.2016. (Электронный ресурс). URL: https://uw.academia.edu/MartaJaworska (дата обращения: 01.04.2021).
883. *Kaiser D.H.* Testamentary Charity in Early Modern Russia: Trends and Motivations // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. №. 1. P. 1–28.
884. *Kampfer Fr.* Die Leibwache (rynda) Ivan IV. gemass den Angaben des Ranglistenbuch // Geschichte Russlands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Stuttgart, 1986. S. 142–151.
885. *Keep J.* The Muscovite Elite and the Approach to Pluralism // Slavonic and East. European Review. 1970. № 48. P. 201–231.
886. *Kettering S.* Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-Century France. Aldershot, 2002.

887. *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford University Press, 1996.
888. *Kivelson V.* Merciful Father, Impersonal State: Russian Autocracy in Comparative Perspective // Modern Asian Studies. 1997. Vol. № 31. № 3. P. 635–663.
889. *Kivelson V.* On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. № 3. P. 488–499.
890. *Kleiman A., Tyumentsev I.* Forgotten Works by I.S. Shepelev on the History of Early Modern Russia's Time of Troubles // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 48. № 1–2. P. 28–35.
891. *Kleimola A.M.* From Here in Obscurity: The Riazan' Provincial Elite and the Moscovite State in the 16th–17th Centuries // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. М., 1994. Ч. 2. С. 287–301.
892. *Kleimola A.M.* Genealogy and Identity among the Riazan' Elite // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание / Под ред.: А. М. Клеймола, Г. Д. Ленхофф. М., 1997. С. 284–300.
893. *Kleimola A.M.* Holding On in the «Stamped-Over District» – the Survival of a Political Elite: Riazan' Landholders in the Sixteenth Century // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1. P. 129–142.
894. *Kleimola A.M.* Justice in Medieval Russia: Muscovite Judgment Charters (Pravye Gramoty) of the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Philadelphia, 1975.
895. *Koenigsberger H.G.* Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe: Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5. № 1. P. 191–217
896. *Kocka J.* Asymmetrical Historical Comparison: the Case of the German Sonderweg // History and Theory. 1999. Vol. 38. № 1. P. 40–51;
897. *Kocka J.* Comparison and Beyond // History and Theory. 2003. Vol. 42. № 1. P. 39–44.
898. *Kollman N.S.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345-1547. Stanford University press, 1987.
899. *Kollmann N.S.* The boyar clan and court politics : The founding of the Muscovite political system // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. Vol. 23. № 1. P. 5–31.
900. *Koyama S.* The Polish-Lithuanian Commonwealth as a Political Space: Its Unity and Complexity // Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present. P. 137–153.

901. *Krom M.* Die Konstituierung der Szlachta als Stand und das Problem staatlicher Einheit im Grossfürstentum Litauen (15./16. Jahrhundert) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. Bd. 42. H. 4. S. 481–492.
902. *Krom M.* Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2009. Bd. 57. H. 3. S. 321–345.
903. *Krom M.* Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia // Russian History. 2008. Vol. 35. № 3–4. P. 309–320.
904. *Krökel U.* "Zwischen Hammer und Amboß": Das Fürstentum Rjazan', Moskau und die Tataren (1237–1402) // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Stuttgart, 1998. S. 269–291.
905. *Lipich T.I., Lipich V.V., Penskoy V.V., Penskaya T.M.* The Reign of Ivan the Terrible: From «Patrimonial State» to «Composite Monarchy» // The Social Sciences. 2016. Vol. 11. № 10. P. 2421–2424.
906. *Löfstrand E., Ambrosiani P.F.* The Stockholm Smolensk Archives: history, contents and cataloguing // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3 (15). С. 162–172
907. *Martin R.E.* A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. Northern Illinois University Press, 2012.
908. *Martin R.E.* "The Encounter between Personal Commitment and Scholarly Curiosity": A Reappreciation of Sergei Fedorovich Platonov's Ocherki po istorii Smuty // Kritika. Vol. 15. № 4. P. 837–853.
909. *Martin J.* Mobility, Forced Resettlement and Regional Identity in Muscovy // Московская Русь, 1359–1584 : культура и историческое самосознание. М., 1997. P. 431–450.
910. *Miller D.* Donors to the Trinity-Sergius Monastery as a Community of Venrators: Origins, 1360s – 1462 // Московская Русь, 1359–1584 : культура и историческое самосознание. М., 1997. P. 450–475.
911. *Miller D.B.* Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. Northern Illinois University Press, 2010.
912. Monarchy Transformed: Princes and their Elites in Early Modern Western Europe. Cambridge, 2017.
913. *Mohrenschildt D.* Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // The Russian Review. Vol. 37. № 4. P. 387–404.
914. *Niemcewicz J.* Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, w–go Księcia Litewskiego [etc.]. Warszawa, 1819. T. 2.

915. *Nolte H.-H.* Autonomien im vorpetrinischen Russland // Der zusammengesetzte Staat. Berlin, 2006. S. 109–139.
916. *Nolte H.H.* Patronage und Klientel im frühneuzeitlichen Rußland: ein Orientierungsversuch // Patronage und Klientel. Köln 1989. S. 68–82.
917. *Pavlov A.P.* Les Strešnev et les Miloslavskij dans la première moitié du XVIIe siècle // Cahiers du monde russe. Vol. 57. № 2–3. 2016. P. 275–309.
918. *Perrie M.* Recent Western Historiography of the Time of Troubles in Russia // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 244–261.
919. *Perrie M.* The Concept of a 'Peasant War' in Soviet and Western Historiography of the 'Troubles' in Early 17th–Century and Early 20th–Century Russia // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 36–43.
920. *Pfeffer D.* Group Integration and Multiculturalism: Theory, Policy and Practice. 2015.
921. *Poe M.* "A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Cornell University Press, 2000
922. *Poe M.* Elite Service Registry in Muscovy, 1500-1700 // Russian History. 1994. Vol. 21. №. 3. P. 251–288.
923. *Poe M.* Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus, 1995.
924. *Poe M.* Muscovite Personnel Records, 1475-1550: New Light on the Early Evolution of Russian Bureaucracy // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Vol. 45. № 3. P. 361–378.
925. *Poe M.* The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vammala, 2004. Vol. 1, 2.
926. Prince, Pen, and Sword. Eurasian Perspectives. Brill, 2018.
927. Prosopography approaches and applications: a handbook. Oxford, 2007.
928. *Ransel D.L.* Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit.München 1988. S. 211–231.
929. *Romaniello M.P.* The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671. Madison, 2012.
930. *Rowland D.* The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles // Russian History. Vol. 6. № 2. 1979. P. 259–283.
931. Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. Wisconsin, 1972.
932. *Rüss H.* Так называемый вольный отъезд // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34. № 1–2. P. 59–71.

933. *Rhode G.* Zwangsumsiedlungen in Osteuropa vor der Oktoberrevolution // Geschichtliche Landeskunde und Universalgeschichte. Hamburg, 1951. S. 163–182.
934. *Selin A.A.* Nowogrodzianie pod Smoleńskiem zimą 1610-1611 roku // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2012. Vol. 8. P. 7–22.
935. *Smith J.M.* «Our Sovereign's Gaze»: Kings, Nobles, and State Formation in Seventeenth-Century France // French Historical Studies. 1993. Vol. 18. № 2. P. 396–415.
936. *Smith-Peter S.* How to Write a Region: Local and Regional Historiography // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. № 5. P. 527–542.
937. *Spock J.* Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55. H. 4. P. 534–565.
938. *Spock J.* The Solovki Monastery 1460–1645: Piety and Patronage in the Early Modern Russian North. PhD dissertation. Yale University, 1999.
939. *Steindorff L.* Desirable ubiquity? Family Strategies of Donation and Commemoration in Muscovy // Cahiers du monde russe. 2016. Vol. 57. № 2–3. P. 641–665.
940. *Steindorff L.* Donations and Commemorations in the Muscovite Realm: A Medieval or Early Modern Phenomenon? // Religion und Integration im Moskauer Russland: Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen, 14.–17. Jahrhundert.Wiesbaden, 2010. S. 477–498.
941. *Steindorff L.* Memorial Practice as a Means of Integrating the Muscovite State // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55. H. 4. P. 517–533.
942. *Stone L.* Prosopography // Daedalus. 1971. Vol. 100. № 1. P. 46–79.
943. *Stökl G.* Die Wurzeln des modernen Staates in Osteuropa // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1953. Bd. 1. H. 3. S. 255–269.
944. *Stökl G.* Gab es im Moskauer Staat Stände? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1963. Bd. 11. H. 3. S. 321–343.
945. *Strayer J.R.* On the Medieval Origins of the Modern State. Princenton, 1970.
946. *Torke H.-J.* Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613–1689. Leiden, 1974.
947. *Wachendorf J.* Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A. P. Ščapov. Cologne, 1964.

Список сокращений

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией.
АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией.
АМГ	Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук.
АСЗ	Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века.
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3.
Бельский летописец	Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 238–271.
БК 1615	Книга, а в ней писаны бояре, и окольничие и думные люди с денежными оклады, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и диаки, и жильцы и из городов дворяне… 124 году // АМГ. М., 1890. Т. 1. С. 138–147.
БК 1627	Боярская книга 1627 г. М., 1986.
БРЭ	Большая Российская энциклопедия.
БС 1577	Боярский список 1577 года // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 199–203.
БС 1585	*Анхимюк Ю.В.* Список членов двора царя Федора Ивановича, оставшихся в Москве на время поездки его в Троице-Сергиев монастырь в августе 1585 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.,1990. С. 55–67.
БС 1588/89	Боярский список 1588–1589 годов // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 203–248.
БС 1589/90	Список дворян, намеченных к участию в шведском походе 1589–1590 годов // Там же. С. 250–258.
БС 1590/91	Боярский список 1590–1591 годов // Там же. С. 248–250.
БС 1598/99	Боярский список 1598–1599 годов // Там же. С. 250–258.
БС 1602/03	Боярский список 1602–1603 годов // Там же. С. 267–269.
БС 1606/07	Боярский список 1606–07 гг. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003. С. 132–155.
БС 1610/11	Боярский список 1610–1611 г. // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1909. № 3. Отд. 3. С. 73–103.
БС 1624	*Горбатов Е.Н.* «Наличный» боярский список 1624 года // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2018. Вып. 3. С. 71–103.
БС 1626–1633	*Горбатов Е.Н.* «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов. М., 2015.
ДАИ	Дополнения к Актам историческим.
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
ДР	Дворцовые разряды.
ДРВ	Древняя российская вивлиофика.
ЗВК	Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2017.

КР	Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии.
НД	Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003.
НЛ	Новый летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 22–154.
Пискаревский летописец	Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 31–220.
ПКМГ	Писцовые книги Московского государства XVI в.
ПКРК	Писцовые книги Рязанского края. XVI в.
ПРП	Памятники русского права. М., 1959. Вып. 5.
ПРП РК	Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край. М., 1978.
ПРСЛ	Полное собрание русских летописей.
РД	Русский дипломатарий.
РЗ	*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время: 7113–7121 гг. М., 1907.
РИБ	Русская историческая библиотека.
РИС	Русский исторический сборник.
РИИР	Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2.
РК 1550–1636	Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975–1976. Т. 1–2.
РК 1598	Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
РК 1605	Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977–2003. Т. 1–4.
РК 1638	Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.
Роспись 1604	Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 366–431.
РППК	*Анпилогов Г.Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI в. М., 1982.
РРР	*Шабаев Л.Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дворянские фамилии Рязани // Российская генеалогия. М., 2018. Вып. 3. С. 119–207.
ОС	Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009.
СРИО	Сборник Русского исторического общества.
ТКДТ	Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.
ТРУАК	Труды Рязанской ученой архивной комиссии.
ЧОИДР	Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских.

Приложение 1. Генеалогические схемы

Вердеревские

Родословные росписи были поданы Иваном и Владимиром Вердеревскими (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 160 Л. 1–6; № 161. Л. 1–2)[1]. Содержат общие данные до поколения сыновей Григория Васильевича, после чего разделяются на самостоятельные ветви потомков Василия и Григория (Нечая) Григорьевичей. Начальная часть истории рода, вероятно, представлена со значительными неточностями (**1.2**). Кроме того, применительно к более позднему времени в отдельных случаях можно предполагать искажение порядка старшинства в каждой из ветвей[2]. Несколько представителей фамилии, упомянутых в других источниках, не фигурируют в родословцах[3]. Важной особенностью росписей Вердеревских является частое обращение к документам из фамильного архива, а также архива Солотчинского монастыря. Кроме того, составителями чрезвычайно широко использовались разрядные материалы о службах членов рода.

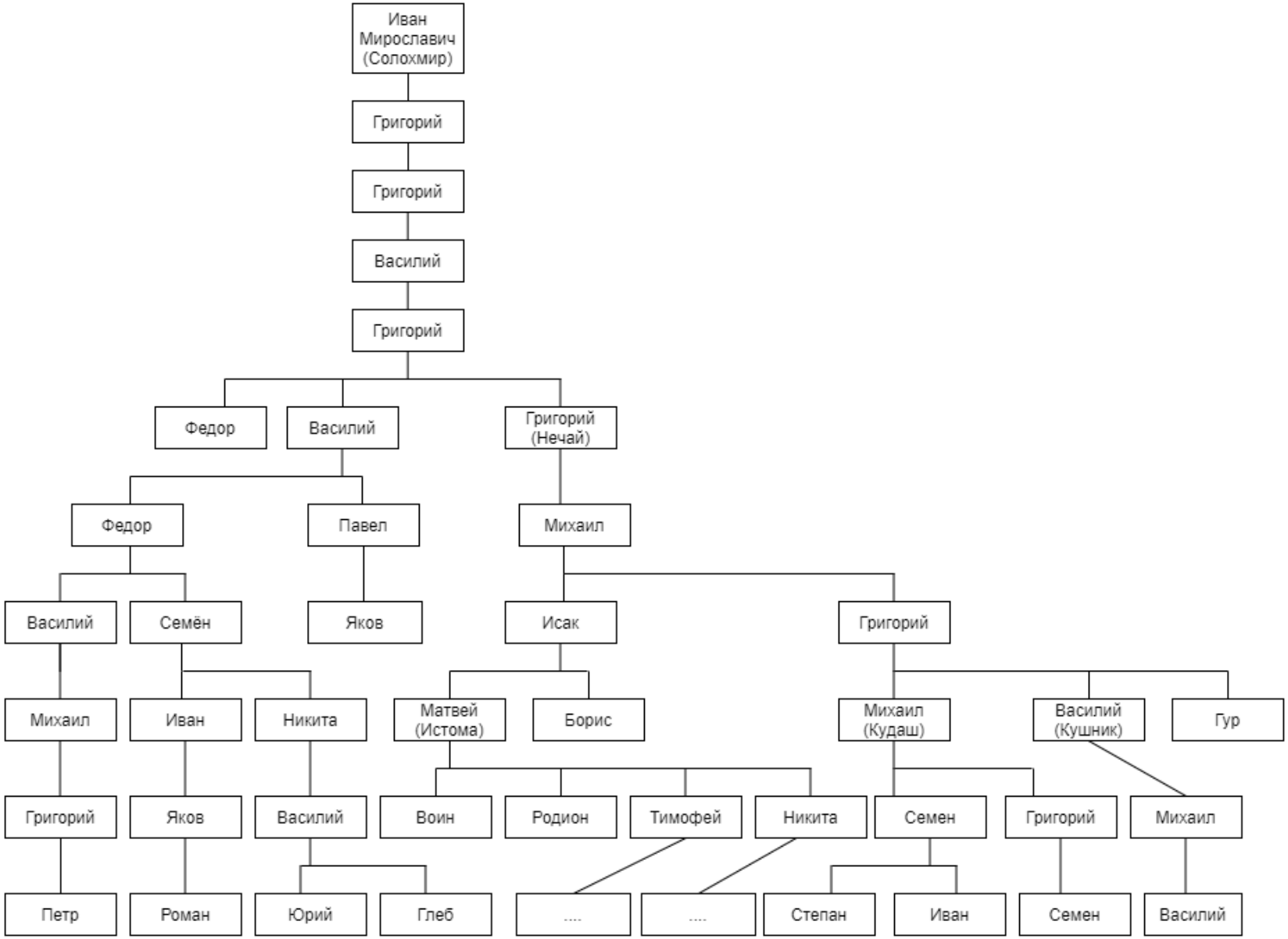
---

[1] РРР. С. 127–133.

[2] Возможно, что Семён Фёдорович был старше, чем Василий Фёдорович: такой порядок братьев соблюдается в грамоте 1522 г. (АСЗ. Т. 4. С. 63–64 [№ 81]); в ДТ Никита Семенович показан старше Михаила Васильевича (ТКДТ. С. 166); в дальнейшем Роман Яковлевич начал службу в «выборе» раньше и имел более значительный оклад, чем Петр Григорьевич.

Аналогично линия Григория Михайловича могла быть старше линии Исака Михайловича: представители первой попали в ДТ (и впоследствии – в «выбор»), второй – нет. В пользу этой версии свидетельствуют и возрастные различия представителей этих линий (внуки Матвея Исаковича не включены нами в роспись, т.к. их служба приходится на вторую-третью четверти XVII в.). Характерно, что обе линии, которые по росписям оказались записаны младшими в своих ветвях, к моменту подачи родословцев пересеклись – вероятно, этим воспользовались однородцы. Можно предполагать и другие неточности в порядке старшинства: так, Глеб Васильевич в начале службы имел меньший оклад, чем брат Юрий, что вероятнее в случае, если он являлся старшим братом.

[3] Первой Григорьевич упоминается вместе с братом Кушником (*Антонов А.В.* Поручные записи 1527–1571 годов. С. 50). Выборный дворянин Василий Кудашев сын Вердеревский известен по многим источникам (БС 1602/03. С. 268), у него был сын Михаил. У Романа Яковлевича, показанного в родословцах бездетным, по писцовым книгам имелся сын Яков.

Иван Мирославич (Солохмир)
Григорий
Григорий
Василий
Григорий
Федор
Василий
Григорий (Нечай)
Федор
Павел
Михаил
Василий
Семён
Яков
Исак
Григорий
Михаил
Иван
Никита
Матвей (Истома)
Борис
Михаил (Кудаш)
Василий (Кушник)
Гур
Григорий
Яков
Василий
Воин
Родион
Тимофей
Никита
Семен
Григорий
Михаил
Петр
Роман
Юрий
Глеб
....
....
Степан
Иван
Семен
Василий

Денисьевы (Булгаковы-Денисьевы) и Дмитриевы

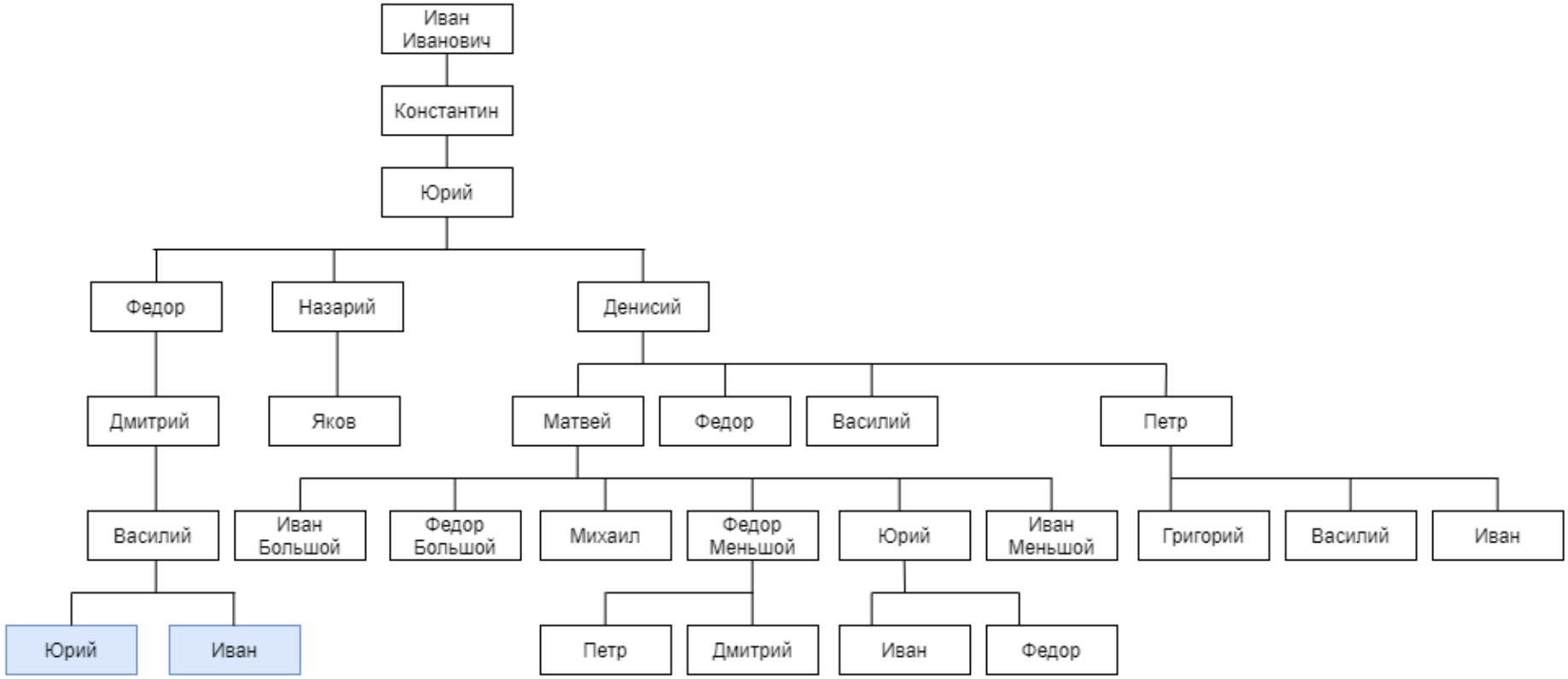
Родословная роспись Денисьевых, поданная в Палату родословных дел, не выявлена[1], а мужские линии Дмитриевых и Булгаковых-Денисьевых пресеклись в первые десятилетия XVII в. Генеалогия реконструируется на основе различных редакций родословных книг, данные которых ограничены концом XVI в.[2]. По ДТ известен член рода, не упомянутый в родословцах[3]. Представленная схема основана на наиболее полной версии статьи Денисьевых, сохранившейся в составе Архивского III списка редакции 43 главы с приписными[4]. Никаких дополнительных данных о судьбах членов рода этот источник не содержит.

[1] *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. С. 146.

[2] *Он же.* Памятники истории русского служилого сословия. С. 132–133; *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 56, 57. С. 354–355; РИИР. С. 181; РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 333; РРР. С. 166–168.

[3] Василий Васильевич Дмитриев-Фёдоров – вероятно, умер в молодом возрасте (ТКДТ. С. 166).

[4] *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 57. Информация о сыновьях Василия Дмитриевича добавлена по Румянцевской редакции (РИИР. С. 181). Расхождение с менее полными версиями присутствует лишь в одном случае: в единственном родословце среди потомков Денисия Петр показан старше Василия (*Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 56).

Иван Иванович
Константин
Юрий
Федор
Назарий
Денисий
Дмитрий
Яков
Матвей
Федор
Василий
Петр
Василий
Иван Большой
Федор Большой
Михаил
Федор Меньшой
Юрий
Иван Меньшой
Григорий
Василий
Иван
Юрий
Иван
Петр
Дмитрий
Иван
Федор

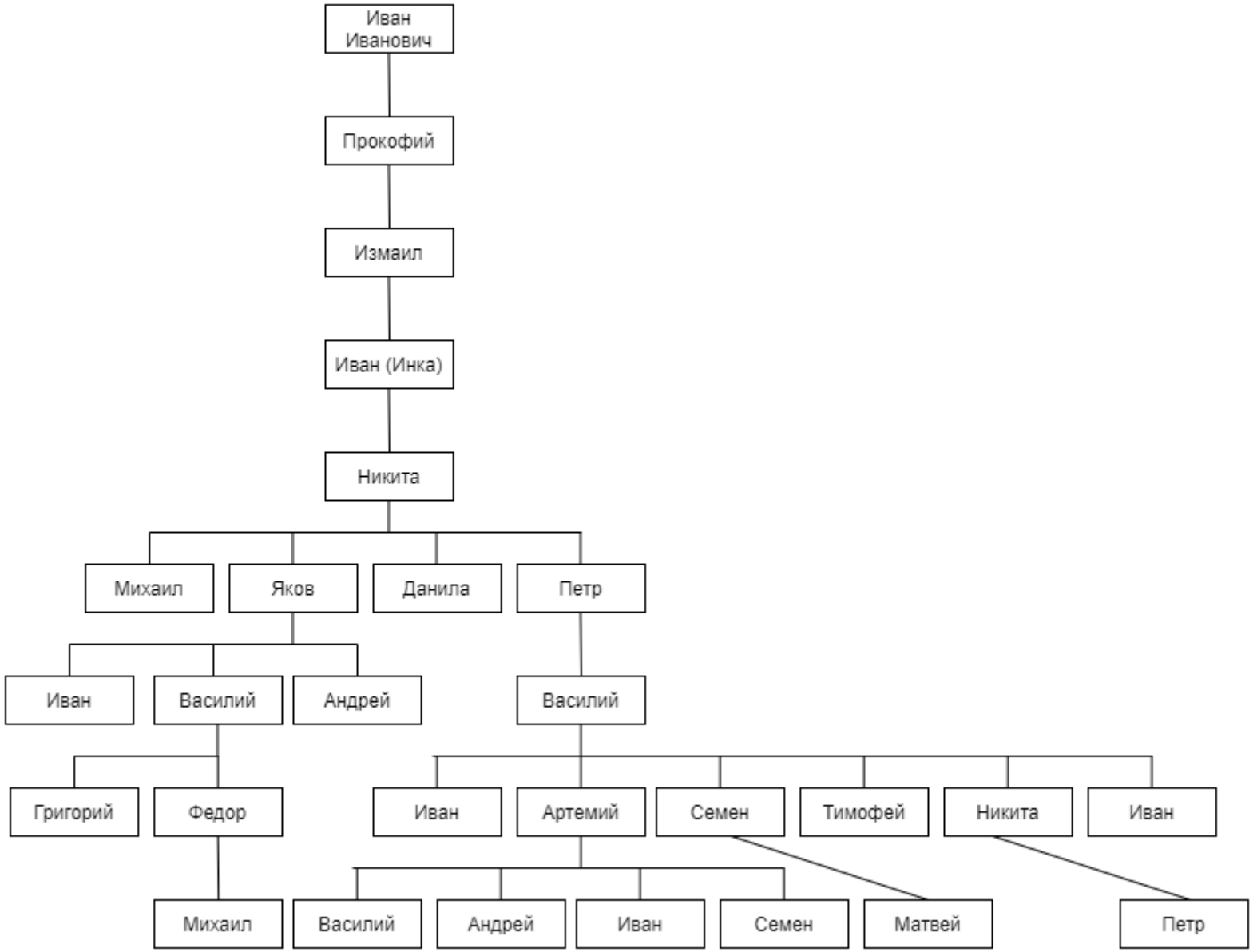
Измайловы

Родословные росписи (сохранились в копиях) поданы Матвеем и Михаилом Измайловыми (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 430. Л. 470–470об., 471–471об.)[1]. Первая охватывает потомство Якова Никитича (Яковлевы-Измайловы), вторая – Петра Никитича (Петровы-Измайловы). Старшинство ветвей при подаче родословных оказалось спорным[2]. Несколько представителей фамилии, упомянутых в других источниках, не фигурируют в родословцах[3]. Ссылки на актовый материал и «разрядные» службы отсутствуют, лишь в единичных случаях есть указания на высокий статус («в комнате», в «окольничих»).

[1] РРР. С. 166–168.

[2] На схеме воспроизведен порядок старшинства по родословцу Яковлевых-Измайловых. Старшинство Яковлевичей перед Петровичами подтверждается указанием в местническом деле 1600 г., где указано, что «Петр Измайлов *четвертой меньшой брат* Михайлу Измайлову … а Василей Яковлев Измайлов больши Василья Петрова Измайлова… а Ондрей Измайлов … болши отца Ортемьева Василья Измайлова двемя месты…а Василей Яковлев Измайлов…больше Василья [Петровича – *И.К.*] Измайлова тремя месты» (РИС. Т. 2. С. 164, 168, 169). Кроме того, о таком порядке старшинства свидетельствует логика чинопроизводства в период возвышения Измайловых при Василии Шуйском (**4.3**).

[3] Отсутствуют Шабан Измайлович (АСЭИ. С. 378 [№ 353]) и Василий Андреевич (ЗВК. С. 112–113) Измайловы. Полностью исключены из родословной росписи ветви Сумниковых-Измайловых и Лариных-Измайловых; за отсутствием источников их генеалогия реконструируется неуверенно.

Иван Иванович
Прокофий
Измаил
Иван (Инка)
Никита
Михаил
Яков
Данила
Петр
Иван
Василий
Андрей
Василий
Григорий
Федор
Иван
Артемий
Семен
Тимофей
Никита
Иван
Михаил
Василий
Андрей
Иван
Семен
Матвей
Петр

Коробьины

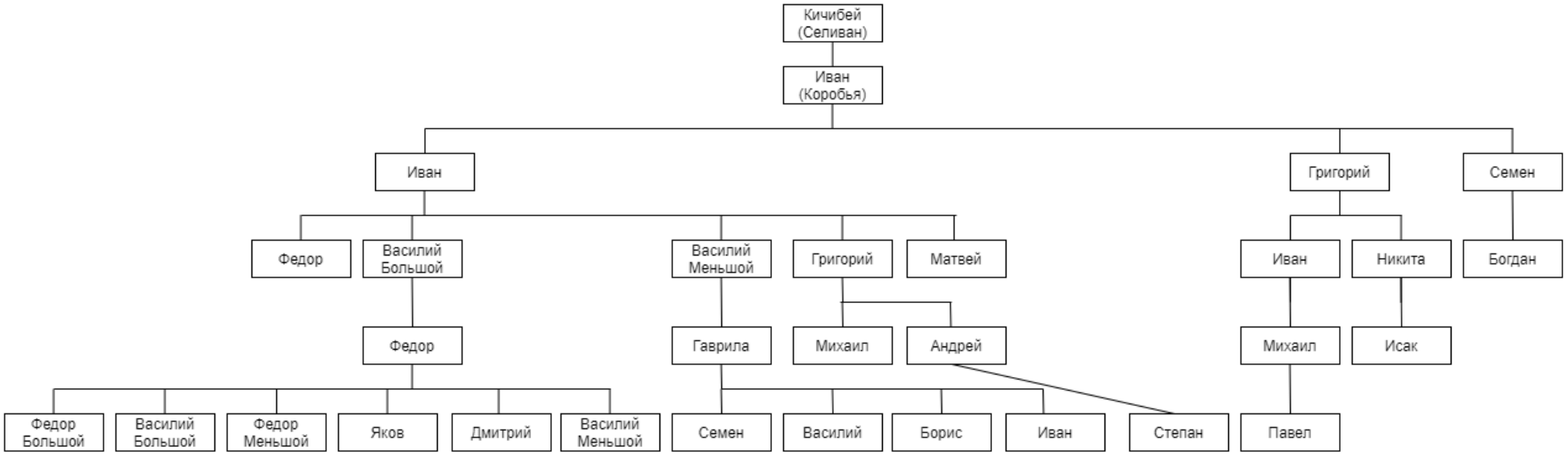
Родословные росписи поданы Петром и Михаилом Коробьиными (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 134 Л. 1–5; № 155; вторая положена в основу схемы)[1], каждая из них охватывает фамилию целиком. Относительно ранней истории рода имеются расхождения как между родословцами Коробьиных и их однородцев Селивановых[2], так и между росписями Коробьиных[3]. Характерная черта этих источников – полнота в перечислении представителей рода. Важной особенностью памятников является также активное использование разрядной документации. В Палату родословных дел была подана «роспись служб», содержащая сведения о назначениях представителей фамилии, среди которых встречаются и совершенно уникальные известия[4].

[1] РРР. С. 151–158.

[2] Согласно росписям Коробьиных, детьми выезжего татарина Кичибея (Василия) были Иван (Коробья) и Селиван. По другим сведениям, Кичибей в крещении получил имя Селивана, и его детьми были Василий (от которого пошли Селивановы) и Иван (по прозвищу Коробья, от него пошли Коробьины). Вторая версия подтверждается актовым материалом, и ей при составлении схемы отдано предпочтение. По справедливому предположению А.В. Селиванова, Коробьины, добившись успехов на московской службе, могли исказить историю рода в местнических целях (*Селиванов А.В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых, ведущих свое начало от Кичибея. Ч. 1. С. 15–19; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 64–67). Иван (Коробья), вероятно, был старше Василия, поскольку упоминается в актах значительно более раннего времени. Кроме того, в ДТ Коробьины записаны перед Селивановыми (ТКДТ. С. 166).

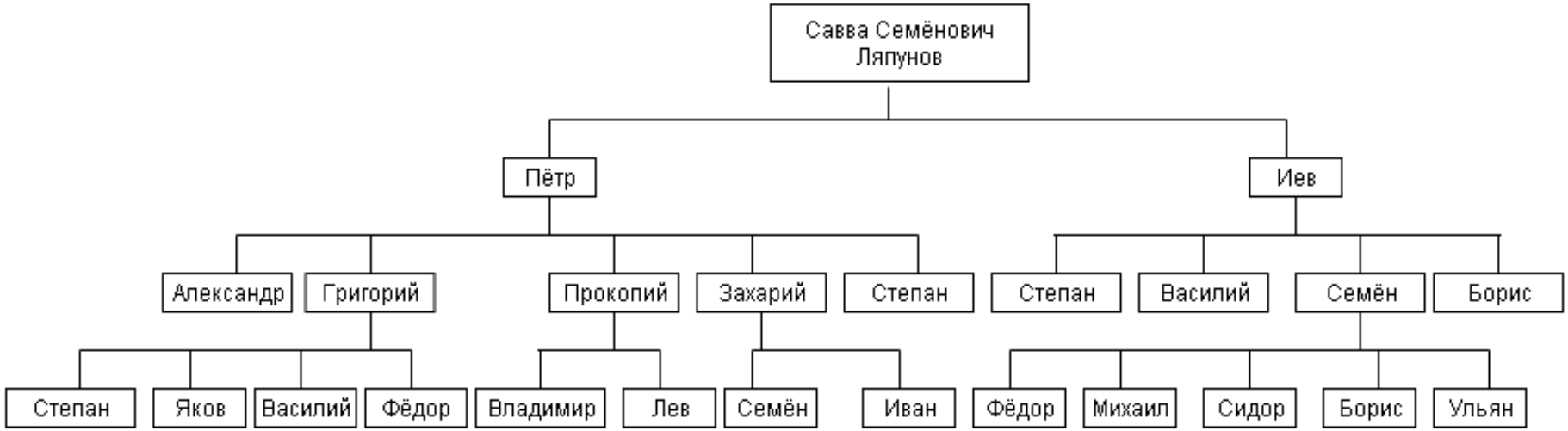
[3] Различно представлено старшинство потомков Ивана Селивановича: по росписи Петра Коробьина Григорий являлся старшим из братьев. Такой порядок присутствует и в некоторых родословных книгах (*Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. С. 55, 57), однако не подтверждается ДТ (ТКДТ. С. 166).

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 134. Л. 18–22.

Кичибей (Селиван)
Иван (Коробья)
Иван
Григорий
Семен
Федор
Василий Большой
Василий Меньшой
Григорий
Матвей
Иван
Никита
Богдан
Федор
Гаврила
Михаил
Андрей
Михаил
Исак
Федор Большой
Василий Большой
Федор Меньшой
Яков
Дмитрий
Василий Меньшой
Семен
Василий
Борис
Иван
Степан
Павел

Ляпуновы

Подлинник родословной росписи не обнаружен, содержание передано в издании Н.И. Новикова[1]. Ранняя история рода передана в родословце недостоверно[2] и на предлагаемой схеме не отражена. Роспись потомства Саввы Семёновича отличается полнотой: упущен только один представитель фамилии, упомянутый в других источниках[3]. Вероятно, вопреки родословцу, старшим братом в действительности являлся Иев, а не Пётр Савич[4]. Характерной особенностью памятника являются систематические указания на места гибели членов рода в годы Смуты («под Москою», «под Зарайском», «под Михайловым»), в остальном службы практически не отражены.

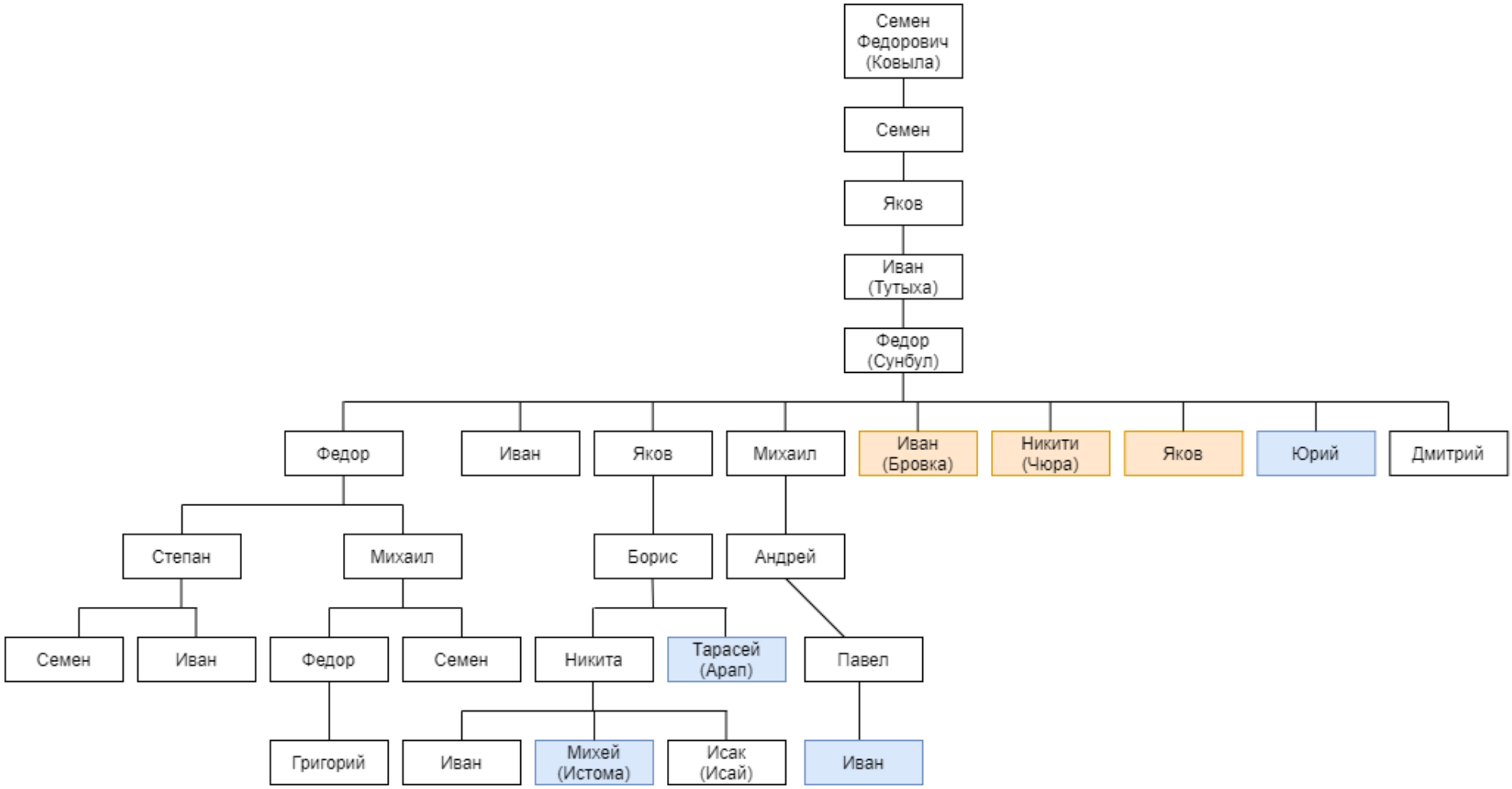
[1] *Новиков Н.И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 231–235.
[2] *Козляков В.Н.* Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках.
[3] Меньшой Иевлевич (ум. 1611) фигурирует в целом ряде документов – судя по имени, самый младший из братьев.
[4] АСЗ. Т. 3. С. 410 (№ 493); ДР. Т. 2. С. 196–197; ТКДТ. С. 168.

Сунбуловы

Родословные росписи (сохранились в копиях) поданы Максимом Исаевичем и Дмитрием Сунбуловыми (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 371–373; Л. 386–388об.)[1]. Оригинальные данные имеются также в разрядно-родословном сборнике Шетневых в статье «Род Сидоровых», сведения которой доходят до начала XVII в. (Ф. 188. Оп. 1. № 468. Л. 207об.–209об.). Каждый из родословцев охватывает фамилию целиком: старшая ветвь (потомков Фёдора Фёдоровича) полностью пресеклась. Лица, выделенные на схеме синим, присутствуют только в росписях конца XVII в.; оранжевым – только в сборнике Шетневых; не выделенные – совпадают. Родословцы Сунбуловых отличаются полнотой, за весь период по другим источникам известен только один не упомянутый в них член фамилии[2]. Ссылки на актовый материал и разрядные службы практически отсутствуют.

[1] РРР. С. 145–148. Публикация рязанского списка: *Никитин А.О.* Сунбуловы – рязанские предки А.С. Пушкина. При подаче росписей в конце XVII в. между представителями рода возник спор относительно старшинства Никиты и Тарасия (Арапа) Борисовичей (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 388об.–389об.).

[2] Пётр Дмитриевич Сунбулов, служивший на рубеже XVI-XVII в. (ПКРК. Вып. 2. С. 681; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 93; РК 1598–1604. С. 84, 115).

Семен Федорович (Ковыла)
Семен
Яков
Иван (Тутыха)
Федор (Сунбул)
Федор
Иван
Яков
Михаил
Иван (Бровка)
Никити (Чюра)
Яков
Юрий
Дмитрий
Степан
Михаил
Борис
Андрей
Семен
Иван
Федор
Семен
Никита
Тарасей (Арап)
Павел
Григорий
Иван
Михей (Истома)
Исак (Исай)
Иван

Приложение 2. Рязанские придворные чины в 1483–1521 гг.: персональный состав

Двор вел. кн. Ивана Васильевича (1483–1500)	**Двор вел. кн. Анны (удел)** (? – 1500)	**Двор Фёдора Васильевича (удел)** (1483–1500)
Бояре Фёдор Григорьевич Вердеревский[1] Иван Яковлевич Орёл (Барл)[2] Иван Иванович Измайлов[3] Денисий Юрьевич[4] Яков Назарьевич[5] *(казначей ранее 1497 г.)*	**Конюший** Федор Васильевич Вердеревский[6] **Казначеи** Вельямин Васильевич[7] Семен Глебович[8]	**Бояре** Матвей (Булгак) Денисьевич[9] *(боярин и дворецкий)* *Чевка Васильев*[10]
Двор вел. кн. Анны (1500–1501)	**Двор вел. кн. Аграфены** (1501–1514/15)	**Двор вел. кн. Ивана Ивановича** (1514/15–1521)
Бояре Фёдор Васильевич Вердеревский[11] Яков Назарьевич[12] Фёдор Иванович Сунбул[13] **Конюший** Никита Иванович Измайлов[14]	**Бояре** Фёдор Иванович Сунбул[15] Яков Назарьевич[16] Василий Селиванович[17] Павел Васильевич Вердеревский[18] Михаил Дмитриевич Кобяков[19] *Матвей (Булгак) Денисьевич*[20]	**Бояре** Фёдор Иванович Сунбул[21] Иван Дмитриевич Кобяков[22] Михаил Дмитриевич Кобяков[23] Фёдор Денисьевич[24] *Григорий Васильевич Селиванов*[25]

[1] АСЭИ. С. 380–381 (№ 357, 358), С. 387 (№ 366); *Морозов Б.Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома. С. 301 (№ 2).
[2] АСЭИ. С. 382 (№ 359); *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI века. С. 89 (№ 16).
[3] АСЭИ. С. 374–375 (№ 348, 349, 350), 380–381 (№ 357), С. 387 (№ 366); АСЗ. Т. 1. С. 145 (№ 375).
[4] АСЭИ. С. 387 (№ 366).
[5] АСЭИ. С. 382 (№ 360); АСЗ. Т. 1. С. 145 (№ 375) (боярин); *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей. С. 31 (казначей).
[6] АСЭИ. С. 382 (№ 359).
[7] АСЭИ. С. 360 (№ 333).
[8] АСЭИ. С. 382 (№ 359).
[9] АСЭИ. С. 353 (№ 323а); *Морозов Б.Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома. С. 304 (№ 4). В первом акте указан также ключник Григорий Иванович Зыков, статус чина неясен.
[10] Боярство предположительно (РК 1605. Т. 1. С. 79).
[11] АСЭИ. С. 383 (№ 361).
[12] АСЭИ. С. 383 (№ 361).
[13] АСЭИ. С. 388 (№ 367).
[14] АСЭИ. С. 388 (№ 367).
[15] АСЭИ. С. 370 (№ 345), 371–372 (№ 346), 389–391 (№ 368, 369, 370, 371); СРИО. Т. 95. С. 93.
[16] АСЭИ. С. 371–372 (№ 346), 384 (№ 362), 390 (№ 369); СРИО. Т. 95. С. 18.
[17] АСЭИ. С. 371–372 (№ 346).
[18] АСЭИ. С. 384 (№ 362).
[19] АСЭИ. С. 395 (№ 379).
[20] Боярство предположительно (СРИО. Т. 95. С. 18, 93; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. С. 81).
[21] АСЭИ. С. 391–395 (№ 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378), 398–399 (№ 385),401 (№ 389).
[22] АСЭИ. С. 393–394 (№ 375, 377), 395–396 (№ 380), 397–398 (№ 382, 383, 384).
[23] АСЭИ. С. 393–394 (№ 375, 377), 396 (№ 381), 398–400 (№ 385, 386, 387).
[24] АСЭИ. С. 393 (№ 376).
[25] Боярство предположительно (РРР. С. 151).

Приложение 3. Роды рязанской элиты в середине XVI – начале XVII в.

Род в ДТ по Рязани	«Бояре» до 1521 (Рязань)	БС 1547	ТК 1550	БК 1556	Кормления до 1556	ЗС 1566	Разрядные службы 1521–1570	«Двор» 1574–1584 (*– моск. чин)	БС 1577–1604 (*– моск. чин)	Разрядные службы 1570–1604	Четь до 1604	БС 1606–1611 (*– моск. чин)
1. Дмитриевы	+	–	–	–	–	–	+	+*	+	+	–	+*
2. Денисьевы (Булгаковы)	+	+	+	–	+	+	+	+*	+*	+	–	+*
3. Денисьевы	+	–	–	–	–	–	+	–	–	+	–	–
4. Измайловы	+	–	+	–	–	–	+	+*	+*	+	+	+*
5. Сумниковы (Измайловы)	+	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
6. Чевкины	?	–	–	+	+	–	+	–	+	–	+	–
7. Сунбуловы	+	–	–	+	–	–	+	+	+	+	–	+*
8. ~~Ивашкины (Чулковы)~~	x	–	x	x	x	x	x	x	x	x	–	x
9. Лашинские	x	–	–	–	–	–	+	–	+	+	–	x
10. Кобяковы	+	–	–	+	+	+	+	–	+	+	–	+
11. Глебовы	?	–	–	+	+	+	+	–	+	+	–	x
12. Вердеревские	+	+	–	+	+	–	+	?	+	+	+	+
13. Коробьины	+	–	–	–	+	–	+	–	+	+	–	+*
14. Таптыковы	?	–	–	–	+	+	+	–	–	–	–	–
15. Селивановы	+	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
16. Зеленины	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
17. Пороватые (Кончеевы)	+	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
18. Карандеевы	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
19. Дувановы (Казначеевы?)	+	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
20. Ряские	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
21. Лысцовы	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
22. Петровы (Соловые)	+	–	–	–	–	–	+	+*	+	+	+	+*
23. Колемины	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
35. Биркины	–	–	–	–	–	–	–	+*	+	+	–	+*
36. Ляпуновы	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+	–	+*
37. Батурины	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
42. Язвецовы	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+

Род переселенцев	«Бояре» до 1521 (Рязань)	БС 1547	ТК 1550	БК 1556	Кормления до 1556	ЗС 1566	Разрядные службы 1521–1570	«Двор» 1574–1584 (*– моск. чин)	БС 1577-1604 (*– моск. чин)	Разрядные службы 1570-1604	Четь до 1604	БС 1606-1611 (*– моск. чин)
Ржевские	ж	–	+	–	–	–	–	–	+*	+	+	+*
Сергеев-Левашов	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+	–	+
Кн. Волконские	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	+	+	–	+*
Кн. Гагарины	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	+*	+	+	+
Кн. Гундоров	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	+*	ж	–	ж
Кн. Дашковы	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	+	+	–	+*
Кн. Лобановы-Ростовские	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	+*	ж	–	ж
Кн. Мещерские	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	+*	+	+	+*
Кн. Приимков-Ростовский	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	+	ж	–	ж
Кн. Щетинины	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	+	+	–	+*
Бурцовы *(нет в ДТ)*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+
Спешневы *(нет в ДТ)*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+

Приложение 4. Рязанский «выбор» по боярским спискам конца 1580-х – начала 1590-х гг.: иерархия

2.1.6

БС 1588/89 (полный)	**БС 1589/90 (шведский поход)**	**БС начала 1590-х (крымский поход?)**
[700] О.С. Лашинский		
[600] Н.Г. Ржевский И.Т. Кобяков Ю.И. Кобяков		
[550] В.Я. Измайлов Г.Г. Вердеревский ~~А.И. Гундоров~~ Ю.Г. Мещерский Г.М. Вердеревский В.Н. Вердеревский Ю.М. Чевкин Кн. Ф.С. Гагарин Кн. С.С. Гагарин Кн. М.П. Волконский В.Г. Биркин А.Т. Петров И.В. Измайлов Кн. Ф.И. Волконский ~~Р.П. Биркин~~ Ю.В. Дмитриев Кн. В.Г. Щетинин Кн. С.Ф. Гагарин	[550] В.Я. Измайлов <…>[1] Ю.В. Дмитриев Кн. С.Ф. Гагарин Кн. В.Г. Щетинин	[550] В.Я. Измайлов В.Н. Вердеревский И.В. Измайлов Кн. Ф.И. Волконский Кн. В.Г. Щетинин Кн. С.Ф. Гагарин
[450] Р.Я. Вердеревский М. Петров-Соловой А.Н. Ржевский С.М. Чевкин П.М. Чевкин	[450] А.Н. Ржевский С.М. Чевкин П.М. Чевкин	
[400] А.В. Измайлов С.В. Измайлов И.В. Дмитриев А. Петров-Соловой П. Петров-Соловой И.Н. Ржевский И.П. Биркин Д.Ф. Булгаков Ф.Ю. Булгаков	[400] А.В. Измайлов С.В. Измайлов И.В. Дмитриев И.Н. Ржевский И.П. Биркин Д.Ф. Булгаков Ф.Ю. Булгаков	[400] А.В. Измайлов С.В. Измайлов И.В. Дмитриев Ф.Ю. Булгаков
[250] Д. Петров-Соловой		

[1] Утрата начального фрагмента.

Приложение 5. Рязанцы в составе «государева полка» (1572–1583)

2.2.6

	1572–1573 (Ливония)[1]	1574 (Серпухов)[2]	1576 (Калуга)[3]
Особые службы	Ф.М. (Меньшой?) Булгаков *(«сторожей дозирать»)*	И.Т. Петров[4] *(«сторожей дозирать»)*	И.В. Дмитриев *(«в стану спать и у ночных сторожей»; рында с копьем[5])* И. Ю. Булгаков *(рында с другим саадаком)* Д.Ф. Булгаков *(рында с рогатиной)* П.Г. Биркин *(у знамени)* Ф.М. (Меньшой?) Булгаков *(с государем в полку воевода)* Ю.М. Булгаков *(с государем в полку воевода)*
«Сторожи ставить» (статья)	В.Г. Колемин П.Г. Кобяков	И.В. Дмитриев (1) П.Г. Биркин (1) Ф.М. Сунбулов (2) С.М. Сунбулов (2) В.П. Измайлов (3) Р.Я. Вердеревский (3) И.Ю. Булгаков (4) Р.П. Биркин (4)	П.Ф. Булгаков (1)[6] Р.П. Биркин (3)[7]
	1577 (Новгород, Ливония)[8]		1579 (Ливония)[9]
Особые службы	Д.М. Петров *(рында с третьим саадаком)* Ф.М. (Меньшой?) Булгаков *(голова у знамени)* А.Т. Петров *(в ночных сторожах)* Ю.М. Булгаков[10] *(«сторожей дозирать»)*	А.Т. Петров *(дворянин; в есаулах)* П.Ф. Булгаков *(дворянин; в есаулах)* В.П. Измайлов *(дворянин; в есаулах)* Ю.М. Булгаков *(дворянин; в есаулах)* А.И. Петров *(стряпчий; в ночных сторожах)* И.В. Измайлов *(стряпчий; в ночных сторожах)* И.В. Дмитриев *(стольник; в ночных сторожах)*	Д.М. Петров *(рында с сулицей у царевича)* Ю.М. Булгаков *(в ночных сторожах)*
«Сторожи ставить» (статья)	П.Ф. Булгаков (1 или 2) Р.П. Биркин (1 или 2) Г.Г. Вердеревский (3) Н.Г. Ржевский (4 или 5) В.П. Измайлов (5 или 6) Р.Я. Вердеревский (5 или 6)[11]		Р.П. Биркин (1) П.Ф. Булгаков (2) В.П. Измайлов (4) Р.Я. Вердеревский (4) В.Я. Измайлов (5) И.А. Кобяков (5)
	1579[12]	1579[13]	1581[14]
Особые службы		Д.М. Петров *(«рында с сулицею» у царевича)*	
«Сторожи ставить» (статья)	Р.П. Биркин (1) П.Ф. Булгаков (2)	Р.П. Биркин (1) П.Ф. Булгаков (2) В.П. Измайлов (4) Р.Я. Вердеревский (4) В.П. Измайлов (5) И.А. Кобяков (5) П.Г. Биркин (5)	Р.П. Биркин (1) П.Ф. Булгаков (1)
	1583[15]		
«Сторожи ставить» (статья)	Р.П. Биркин (1)		

Приложение 6. Выборные дворяне и дети боярские по росписи войска 1604 г.

2.2.6, 3.2.1

Выборные	«Города»	Выборные	«Города»
1-й воевода передового полка		1-й воевода сторожевого полка	
<…>[16] **Алексин** **Ростов** Владимир Переславль	 **Алексин** **Ростов** Муром Рязань	**Перемышль** **Зубцов** **Кашин** **Боровск** **Углич**	**Перемышль** **Зубцов** **Кашин** **Боровск** **Углич** Можайск Владимир Переславль Плова и Солова
2-й воевода передового полка		2-й воевода сторожевого полка	
Ярославль Медынь	**Ярославль** Рязань Юрьев	**Бежецкий верх** **Одоев** Серпейск	**Бежецкий верх** **Одоев** Серпухов Белев Чернь Новосиль
1-й воевода полка левой руки		1-й воевода полка правой руки	
Коломна	**Коломна** Тула Ярославец	?	Суздаль, Романов Воротынск, Козельск, Лихвин Таруса, Старица Нижний Новгород Орел, Епифань, Венев
2-й воевода полка левой руки		2-й воевода полка правой руки	
Коломна Ярославец Романов Пошехонье	 Калуга Боровск Плова	?	Мещера, Арзамас, Курмыш, Ряжск, Гороховец, бордаковские татары

[1] РК 1605. Т. 2. С. 323.
[2] РК 1605. Т. 2. С. 363; РК 1636. С. 225.
[3] РК 1605. Т. 2. С. 402–404; РК 198. С. 259–261 (под 7082 г.); РК 1636. С. 242–244.
[4] В разрядах «Соловой Тимофеев». Согласно родословцам, это назначение относится к Ивану: РРР. С. 162.
[5] По РК 1605.
[6] По РК 1598 и РК 1636.
[7] В РК 1598 «Родион Петров сын Петров».
[8] РК 1605. Т. 2. С. 442-458; РК 1598. С. 273–277; РК 1636. С. 254–258.
[9] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 54–56; РК 1598. С. 292–293.
[10] В РК 1598 «Михайлов сын», маловероятно.
[11] В РК 1636 «Иван», маловероятно.
[12] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 83–84; РК 1598. С. 295–296.
[13] РК 1605. Т. 3. Ч.1. С. 90–94.
[14] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 180–182.
[15] РК 1605. Т. 3. Ч. 2. С. 21–23.
[16] Утрата.

Приложение 7. Рязанская элита в 1577–1627 гг.

1577–1607: выборное и московское дворянство[1]

1. **Биркин** Василий Григорьевич	1588/89: выбор, 550
2. Биркин Иван Васильевич	1602/03: выбор, 500
3. Биркин Иван Петрович	1588/89, 1589/90, 1602/03: выбор, 400
4. Биркин Родион Петрович	1585: выбор; 1588/89: выбор, 550
5. **Булгаков** Дмитрий Федорович	1588/89, 1589/90: выбор, 400
6. Булгаков Федор Матвеевич	1585: дворянин московский
7. Булгаков Федор Юрьевич	1588/89: выбор, 400; 1602/03: 500
8. Булгаков Юрий Матвеевич	1585: дворянин московский
9. кн. Велицкий Иван Дмитриевич[2]	1590/91: выбор, 600
10. **Вердеревский** Василий Кудашев	1602/03: выбор, 400
11. Вердеревский Василий Никитич	1588/89: выбор, 550
12. Вердеревский Глеб Васильевич	1602/03: выбор, 300
13. Вердеревский Григорий Михайлович	1585: выбор; 1588/89: выбор, 550
14. Вердеревский Гур Григорьевич	1585: выбор; 1588/89, 1590/91: выбор, 550
15. Вердеревский Петр Григорьевич	1602/03: выбор, 400
16. Вердеревский Роман Яковлевич	1588/89: выбор, 450
17. Вердеревский Юрий Васильевич	1602/03: выбор, 350
18. кн. Волконский Михаил Петрович	1588/89, 1602/03: выбор, 550
19. кн. Волконский Федор Иванович	1588/89: выбор, 550
20. кн. **Гагарин** Афанасий Федорович	вт. пол. 1590-х – ок. 1604: жилец; 1602/03: выбор, 400
21. кн. Гагарин Федор Семенович	1588/89: выбор, 550
22. кн. Гагарин Семен Семенович	1588/89: выбор, 550
23. кн. Гагарин Семен Федорович	1588/89, 1588/89: выбор, 550
24. **Глебов** Михаил Назарьевич	1577: выбор
25. кн. **Гундоров** Андрей Иванович	1588/89: выбор, 550; дворянин московский (…)
26. кн. Дашков Андрей Иванович	1585: выбор
27. **Дмитриев** Иван Васильевич	1588/89: выбор, 400
28. Дмитрий Иван Иванович	1602/03: выбор, 400 / «с 794-х чети»
29. Дмитриев Юрий Васильевич	1588/89, 1589/90: выбор, 550
30. **Измайлов** Андрей Яковлевич	1577: выбор; 1588/89, 1598/99: дворянин московский
31. Измайлов Артемий Васильевич	1588/89, 1588/89, 1598/99, 1602/03: выбор, 400
32. Измайлов Василий Андреевич	1588/89: жилец
33. Измайлов Василий Петрович	1588/89, 1589/90: дворянин московский
34. Измайлов Василий Яковлевич	1577: выбор; 1588/89, 1590/91: выбор, 550
35. Измайлов Григорий Васильевич	1588/89: жилец; 1598/99: выбор; 1602/03: выбор, 400
36. Измайлов Иван Васильевич	1588/89: выбор, 550; 1604: жилец
37. Измайлов Иван Федорович	1588/89: жилец
38. Измайлов Игнатий Андреевич	1588/89, 1598/99: жилец; 1602/03: выбор, 400
39. Измайлов Никита Васильевич	1604: жилец; 1604: стряпчий

[1] Не учитываются чины рязанцев в составе особого «Двора» (см. таблицу 2.5 в **2.1.4**).
[2] Вероятно, записан в рязанский раздел ошибочно.

40. Измайлов Прокофий Булгакович	1602/03, 1604: жилец
41. Измайлов Семен Васильевич	1588/89, 1589/90: выбор, 400
42. Измайлов Тимофей Васильевич	1604: жилец
43. Измайлов Федор Иванович	1588/89: жилец; 1602/03, 1604: выбор, 350
44. Измайлов Федор Васильевич	1588/89: жилец; 1602/03, 1604: выбор, 250 / служит от отца
45. **Кикин** Иван Андреевич	1590-е: выбор (?)
46. **Кобяков** Григорий Петрович	1602/03: выбор, 400
47. Кобяков Иван Тиронович	1590/91: выбор, 600
48. Кобяков Игнатий Александрович	1577: выбор
49. Кобяков Юрий Игнатьевич	1588/89, 1590/91, 1602/03: выбор, 600
50. **Коробьин** Гавриил Васильевич	1602/03: выбор, 450
51. Коробьин Василий Гаврилович	1602/03: выбор, 250
52. Коробьин Семен Гаврилович	1602/03: выбор, 300
53. **Лашинский** Онофрей Степанович	1588/89, 1590/91: выбор, 700
54. **Левашов-Сергеев** Иван Васильевич	1602/03: выбор, 450
55. кн. **Лобанов** Василий Михайлов.	1577: выбор; 1588/89: князья Ростовские (…)
56. кн. Лобанов Федор Михайлович	1577: выбор; 1588/89: князья Ростовские (…)
57. **Ляпунов** Григорий Петрович	1602/03: выбор, 600
58. Ляпунов Захарий Петрович	1602/03: выбор, 500
59. Ляпунов Прокопий Петрович	1602/03: выбор, 550
60. кн. **Мещерский** Дмитрий Юрьевич	1588/89: жилец; 1602/03: выбор, 400
61. кн. Мещерский Юрий Григорьевич	1588/89: выбор, 550; 1592: дворянин московский
62. **Петров** Алексей Тимофеевич	1588/89: выбор, 550
63. Петров Андрей Соловой	1588/89, 1602/03: выбор, 400
64. Петров Василий Алексеевич	1602/03, 1604: выбор, 300
65. Петров Даниил Соловой	1588/89, 1602/03: выбор, 250
66. Петров Михаил Солового	1588/89: выбор, 450
67. Петров Павел Соловой	1588/89, 1598/99: выбор, 400; 1602/03: выбор, 550
68. кн. **Приимков** Владимир Роман.	1577: выбор; 1588/89: князья Ростовские (…)
69. **Ржевский** Андрей Никитич	1585: выбор; 1588/89, 1588/89: выбор, 450; 1602/03: 500
70. Ржевский Григорий Никитич	1588/89: жилец; 1598/99: выбор; 1602/03: выбор, 400
71. Ржевский Иван Никитич	1585: выбор; 1588/89, 1589/90: выбор, 450; 1602/03: 500
72. Ржевский Никита Григорьевич	1577: выбор; 1588/89, 1590/91: выбор, 600
73. **Сунбулов** Григорий Федорович	1602/03, 1604: выбор, 350
74. **Чевкин** Петр Михайлович	1588/89, 1588/89: выбор, 450
75. Чевкин Степан Михайлович	1588/89, 1588/89: выбор, 450
76. Чевкин Юрий Михайлович	1588/89, 1602/03: выбор, 550
77. кн. **Щетинин** Василий Григор.	1588/89, 1588/89, 1602/03: выбор, 550

1606–1627: выборное дворянство

	ОС[1]	Четь[2]	РК	Чиновный статус и оклад[3]
1. **Беклемишев** Дмитрий Петрович		47		1612: 700; 1616, А[4]: выбор, 900; 1627: дворянин московский
2. Беклемишев Федосей Конст.				А: дворовый (Каменский ст.), 500; 1622, 1623: выбор; 1626–1627: выбор, 550
3. Беклемишев Афанасий Конст.				1623: дворовый (Ок. ст.); 1627: выбор, 400
4. **Биркин** Иван Васильевич				1606/07: выбор, 550; А: выбор, 900; 1618, 1626–1627: дворянин московский
5. Булгаков Федор Юрьевич				1606/07: выбор, 600; 1608: дворянин московский (?)
6. **Бурцев** Иван Тихонович				1606/07: выбор, 600
7. **Вердеревский** Василий Кудашев				1606/07: выбор, 550
8. Вердеревский Глеб Васильевич				1606/07: выбор, 550
9. Вердеревский Михаил Васильевич				1623: дворовый новик; 1627: выбор, 350
10. Вердеревский Юрий Васильевич				1606/07: выбор, 550; 1616: выбор, 800; 1624, 1626–1627: дворянин московский
11. **Войников** Никита Макарьевич		13		А: дворовый (Ок. ст.), 600; 1622: дворовый (Ок. ст.); 1627: выбор, 650
12. кн. **Гагарин** Афанасий Фёдорович				1606/07: выбор, 550; 1610/11–1624: дворянин московский; 1615: 1000
13. кн. Гагарин Семен Семенович				1606/07: выбор, 600
14. **Гагин** Иван Иванович		36		1611: 700; 1622: выбор; 1627: выбор, 850
15. кн. **Волконский** Григорий Андр.				1616: дворовый (Пон. ст.), 850; 1626–1627: выбор, 900
16. **Есипов** Борис Иванович				1609: выбор
17. Есипов Иван Иванович				1609: выбор; 1613: выбор; 1614/15, 1623/24: 850; 1618, 1626: дворянин московский
18. Есипов Пётр Иванович				1622: выбор; 1626–1627: выбор, 900
19. Есипов Сила Иванович				А: дворовый (Кам. ст.), 800; 1622: выбор; 1626–1627: выбор, 800
20. Есипов Осип Дмитриевич				1622: выбор; 1626: выбор, 600; 1627: дворянин московский

[1] Звездочкой обозначено владение отцовской вотчиной или пожалование за заслуги отца.

[2] По первой букве: Владимирская, Галицкая, Костромская, Устюжская. Денежные оклады указаны только для периода службы по «выбору».

[3] При указании хронологического промежутка приводится наибольший оклад за этот период.

[4] Как «А» обозначен список рязанских дворян и детей боярских, который датирован нами периодом между 1613 и 1616 гг. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 82. Л. 10–13, 25, 37).

21. Есипов Тимофей Борисович	*			1627: выбор, 300
22. Есипов Андрей Борисович	*			1622: выбор; 1627: выбор, 300
23. **Житов** Григорий Васильевич		25		1622: выбор; 1626: выбор, 900; 1627: дворянин московский
24. **Измайлов** Фёдор Иванович				1606/07: выбор, 550; 1610/11, 1618: дворянин московский
25. **Казначеев** Иван Степанович				1605: 200; 1609: 600; 1616, А, 1622: дворовый (Ок. ст.), 600; 1627: выбор, 700
26. **Кикин** Иван Фёдорович				1612: 750; 1621: дворовый (Пер. ст.), 850; 1627: выбор, 850
27. Кикин Пётр Фёдорович				1611: 600; 1623: выбор; 1627: выбор, 800
28. **Колтовский** Кузьма Васильевич				А: дворовый (Ок. ст.), 600; 1622: выбор; 1626: дворянин московский
29. Колтовский Назарий Васильевич				1623: дворовый новик (Ок. ст.); 1627: выбор, 350
30. **Кобяков** Григорий Петрович				1606/07: выбор, 550
31. Кобяков Лукьян Иванович				А: дворовый (Ок. ст.), 500; 1623: выбор; 1626: выбор, 650
32. Кобяков Юрий Игнатьевич				1606/07: выбор, 600
33. **Коробьин** Борис Гаврилович				1611: выбор, 750
34. Коробьин Василий Гаврилович				1606/07: выбор, 550; 1611[1], 1615, 1618, 1626–1627: дворянин московский, 1000
35. Коробьин Семен Гаврилович				1606/07: выбор, 550; 1608–1627: дворянин московский, 1000
36. Коробьин Фёдор Фёдорович		33		1616, 1621: дворовый (Пер. ст.), 750; 1626: выбор, 750; 1627: дворянин московский
37. **Лихарев** Фёдор Злобинович		33		1616: дворовый (Пер. ст.), 750; 1621: дворовый (Пер. ст.), 800; 1627: выбор, 850
38. **Ляпунов** Владимир Прокопьевич		5		1608/09: выбор, 700; 1611/12, 1613/14: 900; 1619: 950; 1615, 1618, 1624, 1626–1627: дворянин московский, 950
39. Ляпунов Захарий Петрович				1606/07: выбор, 600
40. Ляпунов Иван Захарьевич		15		1626–1627: выбор, 500
41. Ляпунов Лев Прокопьевич				1626: стольник Филарета; 1627: выбор, 554 (не верстан)
42. Ляпунов Ульян Семёнович	*	22		А: дворовый (Ок. ст.), 600; 1622: выбор; 1626–1627: выбор, 700
43. Ляпунов Фёдор Григорьевич		20		1618: дворовый; 1626–1627: выбор, 500
44. **Маслов** Алексей Фёдорович				1610: 700; 1621: дворовый (Коб. ст.), 700; 1627: выбор, 700

[1] В списке полка кн. Д.Т. Трубецкого по неясным причинам показан стряпчим (АМГ. Т. 1. С. 79 [№ 45]).

45. Маслов Иван Иванович		16		1621: дворовый (Коб. ст.), 700; 1627: выбор, 600
46. кн. **Мещерский** Дмитрий Юрьевич (Боровитинов)				1606/07: выбор, 550; 1624–1627: дворянин московский
47. **Можаров** Иван Иванович				1626–1627: выбор, 900
48. Можаров Василий Иванович		20		А: дворовый (Ок. ст.), 600; 1626–1627: выбор, 600
49. **Петров** Андрей Солово				1660/07: выбор, 600
50. **Петров** Василий Алексеевич				1606/07: выбор, 550; 1609: стольник (?)
51. Петров Павел Солово				1606/07: выбор, 600
52. **Рахманинов** Дей Иванович		20		1622: дворовый (Ок. ст.); 1626–1627: выбор, 750
53. **Ржевский** Иван Иванович				1622, 1626: выбор, 500; 1626–1627: дворянин московский
54. **Секерин** Василий Иванович		29		1621: дворовый (Коб. ст., 650); 1627: выбор, 700
55. Сергеев-Левашев Иван Васильевич				1606/07: выбор, 550
56. **Спешнев** Семен Григорьевич[1]				1606/07: выбор, 600
57. **Сумников-Измайлов** Лаврентий Васильевич				1596: дворовый новик, 300; А: дворовый (Ок. ст.), 600; 1622: выбор; 1626–1627: выбор, 650
58. **Сунбулов** Иван Никитич				1608/09: выбор; 1615: дворянин московский
59. Сунбулов Исак Никитич				1604/05, 1607/1608: 550; 1608/09: выбор; 1613/14: 750; 1615: 850; 1618–1627: дворянин московский
60. Сунбулов Михей Никитич				1606/07: выбор, 550; 1611: дворянин московский
61. **Таптыков** Дмитрий Афанас.				1627: выбор, 550
62. **Трескин** Ратай Иванович				1627: выбор, 550
63. **Хирин** Андрей Васильевич				1612: 550; 1613: выбор
64. Хирин Дмитрий Иванович				1616: дворовый (Ок. ст.), 700; 1622: выбор; 1627: выбор, 800
65. Хирин Ковыла Иванович				1618: дворовый; 1626–1627: выбор, 700
66. **Чевкин** Василий Петрович				1611: выбор, 600; 1613: выбор; 1626–1627: выбор, 850
67. Чевкин Иван Самсонович		33		1622: дворовый (Ок. ст.); 1626–1627: выбор, 600
68. Чевкин Пётр Степанович				1616: дворовый (Ок. ст., 700); 1622: выбор; 1626–1627: выбор, 700
69. Чевкин Юрий Самсонович				1626–1627: выбор, 350

[1] В БС 1606/07: «Иванович».

70. кн. **Щетинин** Василий Григорьевич				1606/07: выбор, 600
71. кн. Щетинин Василий Иванович				1611: 350; 1611: 400; 1622–1623: выбор; 1626–1627: выбор, 550
72. кн. Щетинин Иван Иванович				1609: выбор
73. **Язвецов** Иван Иванович (Меньшой)				1606/07: выбор, 500; А: выбор, 800; 1626–1627: выбор, 900

1606–1627: московское дворянство[1]

	ОС	Четь	Чиновный статус и оклад
1. **Биркин** Василий Васильевич			1626: стольник Филарета; 1627: стольник, 400
2. Биркин Иван Васильевич		30	1606/07: выбор, 550; А: выбор, 900; 1618, 1626–1627: дворянин московский
3. Биркин Иван Иванович		У45	1606/07, 1611, 1615: стряпчий, 500
4. Биркин Иван Петрович			1606/07: дворянин московский
5. Биркин Самойло Иванович			1624–1627: стольник
6. **Булгаков** Иван Фёдорович		В23	1618: дворянин московский
7. **Булгаков** Фёдор Юрьевич			1606/07: выбор, 600; 1608: дворянин московский (?)
8. **Вердеревский** Иван Петрович		У25	1618–1627: дворянин московский
9. Вердеревский Игнатий Глебович		15	1625/26: 400; 1626: стольник Филарета; 1627: стряпчий
10. Вердеревский Михаил Петрович			1626: стольник Филарета; 1627: стряпчий
11. Вердеревский Юрий Васильевич			1606/07: выбор, 550; 1616: выбор, 800; 1624, 1626–1627: дворянин московский
12. кн. Волконский Иван Михайлович			1611: 500; 1626–1627: дворянин московский
13. кн. **Волконский** Иван Фёдорович (Чермной)		Г50	1596: дворовый новик, 300; 1616: дворовый (Ок. ст., 800); 1626: стольник Филарета
14. кн. **Волконский** Лев Михайлович			1610-1618: стряпчий; 1612: 700; 1626–1627: дворянин московский
15. кн. Волконский Семён Фёдорович		54	1615, 1618: стряпчий, 700; 1618–1627: стольник, 800
16. Кн. Волконский Фёдор Иванович (Чермной)			жилец; 1626–1627: стольник Филарета, 400
17. кн. Волконский Фёдор Фёдорович			1616: 550; 1626–1627: дворянин московский

[1] В таблице учтены только представители родов, которые *входили в «выбор» между 1577 и 1606 гг.* Чиновный статус для периода ранее 1606 г. указан только у лиц, которые отсутствуют в предыдущей таблице. Не учитываются служилые люди, которые известны только в жилецком чине, а также тушинские пожалования.

(Шериха)			
18. кн. **Гагарин** Афанасий Фёдорович		90	1606/07: выбор, 550; 1610/11–1624: дворянин московский; 1615: 1000
19. кн. Гагарин Андрей Петрович	*	16	1624: жилец, 400; 1625–1627: стольник Филарета, 450
20. кн. Гагарин Григорий Петрович			1624–1627: дворянин московский
21. кн. Гагарин Иван Семёнович			1626: стольник Филарета; 1627: стольник
22. кн. Гагарин Михаил Семёнович		50	1613: жилец; 1615, 1618: стряпчий; 1624, 1626–1627: дворянин московский, 800
23. кн. Гагарин Никита Никитич		У80	1615–1627: дворянин московский
24. кн. Гагарин Семён Никитич		У110	1615–1627: дворянин московский
25. кн. **Дашков** Иван Андреевич		90	1606/07–1626: стольник; 1615: 800; 1627: дворянин московский, 1000
26. кн. Дашков Иван Иванович			1627: стольник
27. **Дмитриев** Иван Иванович			1606/07: стольник
28. **Измайлов** Андрей Артемьевич		У72	1610/11–1627: стольник, 800
29. Измайлов Артемий Васильевич		У370	1606/07: думный дворянин; 1610: 1000; 1608–1627: окольничий
30. Измайлов Василий Андреевич			1606/07, 1613: стольник
31. Измайлов Василий Артемьевич		У100	1606/07: стряпчий; 1610/11–1627: стольник, 1000
32. Измайлов Григорий Васильевич		В100	1606/07–1627: дворянин московский; 1613/14, 1615: 900; 1627: 1000.
33. Измайлов Григорий Тимофеевич		К30	1610/11–1615: стряпчий, 500; 1626–1627: дворянин московский
34. Измайлов Иван Андреевич			1606/07: дворянин московский
35. Измайлов Иван Васильевич		У230	1606/07: стольник; 1609/10: 700; 1610: 900; 1615, 1618/19: стольник, 1200; 1626–1627: дворянин московский, 1000
36. Измайлов Иван Тимофеевич		25	1624: стряпчий; 1626–1627: стольник, 500
37. Измайлов Иван Фёдорович		17	1624/25: жилец, 350; 1626–1627: стольник Филарета, 450
38. Измайлов Лев Тимофеевич		20	1626–1627: стольник Филарета, 450
39. Измайлов Матвей Тимофеевич		30	1615: стольник, не верстан; 1618–1627: стольник, 500
40. Измайлов Михаил Фёдорович	*		1613–1627: стряпчий
41. Булгаков-Измайлов Иван Хрисанфович			1610/11: стряпчий

42. Булгаков-Измайлов Орефий Хрисанфович		К25	1618: жилец; 1620: 500; 1624–1627: дворянин московский, 500
43. Булгаков-Измайлов Прокопий Хрисанфович		52	1602/03: жилец; 1610: стряпчий; 1613: стольник; 1615: стольник, 650
44. Измайлов Тимофей Васильевич		У300	1606/07, 1611: стольник, 900; 1613, 1615: стольник, 1100; 1626–1627: дворянин московский, 1000
45. Измайлов Фёдор Васильевич			1606/07: дворянин московский
46. Измайлов Фёдор Иванович			1606/07: выбор, 550; 1610/11, 1618: дворянин московский
47. Измайлов Павел Фёдорович			1624/25: жилец, 350
48. Измайлов Петр Никитич		В20	1624: стряпчий; 1626–1627: стольник, 450
49. Измайлов Семён Артемьевич		У25	1624–1627: стольник, 500
50. Измайлов Сергей Фёдорович		15	1624/25: жилец, 300; 1626–1627: стольник Филарета, 450
51. **Коробьин** Семён Гаврилович		У230	1606/07: выбор, 550; 1608–1627: дворянин московский, 1000
52. Коробьин Василий Гаврилович		У135	1606/07: выбор, 550; 1611[1], 1615, 1618, 1626–1627: дворянин московский, 1000
53. Коробьин Иван Гаврилович		У50	1610: жилец; 1626–1627: дворянин московский
54. Коробьин Прокофий Васильевич			1624–1626: стряпчий; 1626–1627: стольник
55. Коробьин Фёдор Фёдорович		У33	1616, 1621: дворовый (Пер. ст.), 750; 1626: выбор, 750; 1627: дворянин московский
56. Коробьин Яков Фёдорович		У20	1618: стряпчий; 1626–1627: дворянин московский
57. Коробьин Дмитрий Фёдорович		У15	1615–1624/25: жилец, 500
58. **Ляпунов** Василий Григорьевич			1611–1627: стряпчий
59. Ляпунов Владимир Прокопьевич		У65	1607: 550; 1608/09: выбор, 700; 1611/12, 1613/14: 900; 1619–1627: 950; 1615–1627: дворянин московский
60. Ляпунов Лев Прокопьевич			1626: стольник Филарета; 1627: выбор, 554 (не верстан)
61. Ляпунов Прокопий Петрович		150	1606/07: выбор, 700; 1607: думный дворянин, 1000
62. кн. **Мещерский** Дмитрий Юрьевич (Боровитинов)			1606/07: выбор, 550; 1624–1627: дворянин московский
63. кн. Мещерский Пётр Дмитриевич			1624/25: жилец, не верстан
64. кн. Мещерский Михаил Дмитриев.			1624/25: жилец, не верстан

[1] В списке полка кн. Д.Т. Трубецкого по неясным причинам показан стряпчим (АМГ. Т. 1. С. 79 [№ 45]).

65. **Петров** Василий Алексеевич			1606/07: выбор, 550; 1609: стольник (?)
66. Петров Степан Алексеевич			1609: стольник (?)
67. Петров Михаил Тимофеевич	*		А: дворовый (Пон. ст.), 600; 1616: дворовый (Пон. ст.), 700; 1623; 1624–1627: дворянин московский
68. Петров Григорий Михайлович		16	1626–1627: стольник Филарета, 450
69. **Ржевский** Андрей Никитич			1606/07: дворянин московский
70. Ржевский Григорий Григорьевич		К11	1619/20–1624/25: жилец, 400; 1626: стольник Филарета; 1627: стольник
71. Ржевский Григорий Никитич			1606/07–1627: дворянин московский
72. Ржевский Иван Андреевич		У20	1613: недоросль; 1618–1624/25: жилец, 550; 1626–1627: дворянин московский, 550
73. Ржевский Иван Иванович			1626: выбор, 500; 1626–1627: дворянин московский
74. Ржевский Иван Никитич			1606/07: дворянин московский
75. Ржевский Никита Григорьевич		К12	1619/20–1624/25: жилец, 500; 1627: дворянин московский
76. **Сунбулов** Григорий Федорович			1606/07: дворянин московский
77. Сунбулов Иван Никитич			1608/09: выбор; 1615: дворянин московский
78. Сунбулов Иван Павлович		20	1624/25: 450; 1626: стольник Филарета; 1627: стряпчий
79. Сунбулов Исак Никитич			1604/05, 1607/1608: 550; 1608/09: выбор; 1613/14: 750; 1615: 850; 1618–1627: дворянин московский
80. Сунбулов Михей Никитич			1606/07: выбор, 550; 1611: дворянин московский
81. Сунбулов Никифор Истоминович			1618: дворовый; 1624–1627: дворянин московский
82. Сунбулов Осип Исакович		16	1625/26: 450; 1627: стольник Филарета
83. кн. **Щетинин** Михаил Васильевич		35	1608/09, 1613: жилец; 1612: 700; 1615, 1618: стряпчий, 700; 1619: 750; 1624, 1626–1627: дворянин московский
84. кн. Щетинин Михаил Иванович		13	1626: стольник Филарета; 1627: стольник
85. **Язвецов** Прокофий Иванович		10	1610: «по Рязани», 450; 1615–1617: жилец
86. Язвецов Иван Иванович (Жуков)			1621: «по Рязани», 300; 1621, 1626–1627: стольник Филарета

Приложение 8. Смутное время и земельные конфликты в Рязанском уезде

Королевские пожалования под Смоленском

Королевский лагерь под Смоленском на протяжении длительного времени – по крайней мере, с августа 1610 по март 1611 г. – являлся «наиболее авторитетным центром принятия решений в Московском государстве»[1]. Множество служилых людей отправились в ставку Сигизмунда III для решения насущных вопросов, центральное место среди которых занимало обустройство земельных дел[2]. В данном разделе мы рассмотрим пожалования рязанских землевладельцев, сделанные польской администрацией и столичной Боярской думой.

Наиболее значительные пожалования от польских властей получило семейство **Ржевских**. Под Смоленском представителям этой рязанской фамилии было необходимо, прежде всего, восстановить права на утраченные ранее земли. В челобитных Иван Никитич с сыном Иваном, а также вдова Андрея Никитича Авдотья с сыном Иваном сообщали, что при Василии Шуйском их владения подверглись конфискации: «А что было у нас именья, и скарбы наши, то у нас Шуйской Князь Василей поимал»[3]. Вместе с грамотой о чинах 15 сентября 1610 г. представителям рода был дан «лист» «о взысканье животов их, через ушников Шуйского розграбленных». В записи номенклатура владений не уточнялась, «лист» являлся «вобчим» и мог относиться к большому набору различных владений[4]. Речь шла, как можно предполагать, главным образом о рязанских поместьях, отобранных за тушинский отъезд[5]. И.Н. Ржевский успел получить их обратно после «принесения вин» московскому правительству, но затем снова

---

[1] *Селин А.А.* Смоленский архив» и королевские пожалования под Смоленском 1610–1611 гг. С. 9–10.

[2] Характеристику круга источников и исследования темы см.: *Беляев И.С.* По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании «деревнишек» // Старина и новизна. 1914. Т. 17. С. 45–56; *Селин А.А.* Смоленский архив» и королевские пожалования под Смоленском 1610–1611 гг.; *Сухотин Л.М.* Предисловие // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 3–34 (1-я паг.); *Löfstrand E., Ambrosiani P.F.* The Stockholm Smolensk Archives: history, contents and cataloguing // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3 (15). С. 162–172; *Selin A.A.* Nowogrodzianie pod Smoleńskiem zimą 1610-1611 roku // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2012. Vol. 8. P. 7–22.

[3] АИ. Т. 2. С. 369–370 (№ 311).

[4] АЗР. Т. 4. С. 350. Ср.: Памятники обороны Смоленска. С. 250 (№ 272).

[5] О подтверждении за Ржевскими каких-либо тушинских пожалований нет данных. Ср.: *Сухотин Л.М.* Предисловие. С. 20–21 (1-я паг.).

подвергся опале[1]. А.Н. Ржевский погиб «в измене», и при Василии Шуйском его земли родственникам возвращены не были.

В челобитных специально обсуждалась судьба городских владений, ранее принадлежавших представителям рода. Вдова А.Н. Ржевского просила пожаловать её «загородцким огородом» мужа, который Василий Шуйский отдал своему «шептуну» В.Б. Сукину[2]. Впрочем, этот думный дворянин оказался в фаворе и у польской администрации[3], поэтому реальное изъятие владения маловероятно. Другой «огород» А.Н. Ржевского «на Москве» вместе с подмосковным поместьем был пожалован И.Н. Ржевскому королевским «листом» от 15 сентября 1610 г.[4].

«Купленный» городской двор И.Н. Ржевского (из контекста неясно, находился ли он в Москве или Переяславле-Рязанском) в правление Лжедмитрия I был конфискован наряду с другими владениями и отошёл к А.В. Измайлову. После него хозяином двора стал П.Н. Шереметев (ум. 1609), а на момент подачи челобитья им являлся И.В. Головин[5]. Прошение о возвращении двора И.Н. Ржевскому едва ли было удовлетворено, поскольку И.В. Головин также прибыл в королевский лагерь со специальной рекомендацией кн. Ф.И. Мстиславского (от 11 сентября 1610 г.)[6].

Претензии Ржевских на некоторые владения обосновывались весьма дальним родством. Особый интерес представляет пожалование 11 сентября Г.Н. Ржевскому, а также вдове и сыну А.Н. Ржевского «старой отчизны» (вотчины): с. Порохова с деревнями и пустошами (Волоколамский уезд)[7], с. Колышкино с деревнями и пустошами (Рузский уезд)[8]. В первой половине XVI в.

---

[1] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286).
[2] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.
[3] *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 284–285.
[4] АЗР. Т. 4. С. 350. Об этом «огороде» речь шла в утраченном начале челобитной: Памятники обороны Смоленска. С. 250 (№ 272).
[5] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.
[6] АИ. Т. 2. С. 352 (№ 291).
[7] Владение князей Фоминских в XV – начале XVI в.: *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. С. 56, 104–107, 110.
[8] АЗР. Т. 4. С. 349. В писцовой книге конца 1560-х гг. в деревня с названием Колышкино состояла в небольших вотчинах за другими владельцами: Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов. М. , 1997. С. 168 (л. 285об), 172 (л. 294об.).

это были владения князей Фоминских, от которых вели свой род Ржевские. Кроме этих «родовых» вотчин, в том же «листе» упоминались «поместья», которые Ржевские «первей держали и на то листы прежних господаров у себя мают»[1].

Весьма примечательны также притязания И.Н. Ржевского на московский «огород» дальнего родственника (в челобитной назван «дядей») думного дворянина Е.Л. Ржевского (ум. 1599, не оставил мужского потомства). Как выясняется из челобитной, «огород» после него был отдан И.В. Измайлову[2]. Неизвестно, добились ли Ржевские грамоты на это владение. Уже в начале ноября 1610 г. И.В. Измайлов также приехал под Смоленск и получил богатые пожалования.

Ржевские заявили претензии и на целый ряд чужих владений, которые ранее никогда не принадлежали членам рода. В Кобыльском стане с небольшим поместьем И.Н. Ржевского соседствовали («што к моей земле подошло») поместья рязанца Д.В. Вострой Сабли и «товарыщей»: «А тот Данило убит, а товарыщи ево в ызмене у вора». Факт наличия у погибшего соседа детей челобитчик скрыл. Там же располагалось поместье «попова сына», который был «в ызмене ж у вора»[3]. Прошение было удовлетворено 18 сентября 1610 г.[4].

И.Н. Ржевский с сыном просили, кроме того, о пожаловании им двора Коробьиных в Переяславле-Рязанском («за городом» в Кальной слободе): «Семен с братьею были у князя Василья Шуйсково шептуны, а при вашей им государской милости быти нельзя»[5]. Грамоты по этому челобитью не последовало, Коробьины спустя некоторое время также появились под Смоленском и получили серию королевских «листов»[6]. Зато Г.Н. Ржевскому 15 сентября 1610 г. были

[1] АЗР. Т. 4. С. 350.
[2] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520. Обратим внимание, что «девка Дарья Васильева дочь Измайлова» в 1624 г. владела вотчиной «что было за Елизарем Леонтевичем Ржевским» (*Шереметев С.Д.* Труды по истории Смутного времени. М., 2015. С. 39). Нет полной уверенности, впрочем, что это была представительница рязанского рода.
[3] Памятники обороны Смоленска. С. 250 (№ 272); ПКРК. Вып. 1. С. 213–214.
[4] АЗР. Т. 4. С. 356. По наблюдению А.М. Молочникова, прошедния по поводу чужих земель под Смоленском разбирались несколько дольше, чем относительно «старинных» поместий и вотчин (*Молочников А.М.* Как русские дворяне признали «государем» польского королевича. С. 10).
[5] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.
[6] АЗР. Т. 4. С. 395–396.

пожалованы рязанские владения А. Голенищева[1]. Этого дьяка челобитчик называл погибшим «в воровских таборех», но на самом деле А. Голенищев находился в Новгороде и был убит в ходе шведского штурма 17 июля 1611 г.[2].

Интересы Ржевских простирались и на чужие владения в других регионах. Вдова А.Н. Ржевского Авдотья с сыном просила о московском дворе еще одного «шептуна» Василия Шуйского, подьячего И. Борисова[3]. И.Н. Ржевскому были пожалованы поместья в Угличском[4] и Романовском уездах, прежние хозяева которых не указаны, а также поместье в Арзамасском уезде[5]. Последнее владение до Смуты состояло в дворцовых сёлах, а при Василии Шуйском передавалось кн. Н. Болховскому и И.Б. Нармацкому[6]. Г.Н. Ржевский получил грамоту на поместье арзамасца Я. Миленина[7]. Совместно Иван и Григорий просили арзамасскую вотчину кн. И.М. Барятинского, а также поместья и вотчины ещё трёх местных дворян («а те все в измене с Колужским вором»)[8]. 18 сентября 1610 г. Ржевские получили королевские «листы» на все перечисленные владения[9]. Биография кн. И.М. Барятинского обстоятельно рассмотрена Л.М. Сухотиным: в начале 1611 г. он добился весьма значительных пожалований от польских властей[10].

За короткий период между 11 и 18 сентября 1610 г. рязанское семейство Ржевских получило в общей сложности шесть королевских «листов» на более чем десяток объектов, расположенных в разных регионах Московского государства. Заметна информированность членов рода о состоянии арзамасского

---

[1] АЗР. Т. 4. С. 350. С. Ногино, д. Матвеевская и п. Ивановская, с. Конищево, д. Недостоево, Коростово и Синичино. С. Ногино до Смуты было разделено между Денисьевыми, Лариными-Измайловыми и И.В. Сергеевым-Левашовым.

[2] *Селин А.А.* Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149–157. Ср. октябрьскую челобитную по поводу владений дьяка: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 94.

[3] АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.

[4] С. Тишаево, возможно, принадлежало Д.С. Погожему (см.: Грамота из Поместного приказа подмосковного ополчения угличскому воеводе А.Ф. Палицыну и дьяку К. Мошкову о разделе с. Тишаева Кацкого стана между шемаханским царевичем Шихим-Ахметом и Федором Дурневым с товарищами. (Электронный ресурс) URL: projects.rusarchives.ru/smuta/05-2-02-gramota-pomestnogo-prikaza-uglichskomu-voevode-palicynu-selo-tishaevo.shtml [дата обращения: 01.04.2021]). В Угличском уезде у Ржевских после Смуты упоминается вотчина, которая, возможно, была приобретена ещё И.Н. Ржевским (Угличские писцовые книги XVII в. С. 339–340).

[5] АЗР. Т. 4. С. 350.

[6] С. Собакино: Арзамасские поместные акты. С. 30, 31, 52, 160, 176-179, 200, 201, 254, 416, 456, 457, 463, 464, 501.

[7] АЗР. Т. 4. С. 350. Судьба поместья: Арзамасские поместные акты. С. 230, 415.

[8] Памятники обороны Смоленска. С. 250 (№ 272); АЗР. Т. 4. С. 356.

[9] АЗР. Т. 4. С. 356.

[10] *Сухотин Л.М.* Предисловие. С. 24–26 (1-я паг.).

землевладения, к которому, помимо рязанских поместий и вотчин, они проявляли особый интерес. В стремлении добиться максимального количества пожалований представители рода апеллировали к «старинным» семейным и родовым правам, а также использовали обвинения прежних хозяев в «ушничестве» и «измене». Целый ряд конкурентов, которые фигурируют в челобитных Ржевских, спустя короткое время прибыли под Смоленск и были также пожалованы польской властью. Сами Ржевские вскоре вернулись в Москву, а затем оказались на стороне Ополчения, так и не получив возможности реализовать королевские «листы».

Грамоты Сигизмунда III получали также **Измайловы**. Наиболее ранняя из записей относится к 28 сентября 1610 г. – это было подтверждение прав вдовы и детей Н.В. Измайлова на рязанскую вотчину, ярославское поместье и купленный московский двор[1]. 6 ноября были пожалованы А.В. Измайлов (поместье в Мещовском уезде)[2], И.В. Измайлов (поместья в Ярославском, Старицком и Алексинском[3] уездах)[4]. Четверти, оставшиеся «за окладом», позволялось «держать до воли и ласки короля его милости». Вероятно, всё это были подтвердительные грамоты на владения, полученные в предшествующий период (поэтому в записях о пожалованиях не указаны прежние хозяева). Т.В. Измайлов в тот же день получил «лист» на поместья в Ярославском, Можайском, Бежецком и Зубцовском уездах «што дал ему князь Василий Шуйский»[5].

А.В. Измайлов вскоре обратился с новой челобитной: поместье в Мещовском уезде контролировалось повстанцами, и владелец не имел возможности взимать с него доход. От польских властей была получена компенсация из дворцовых земель: «покуль очищены будут от воровских людей его поместья», А.В. Измайлову 11 ноября передавались два погоста в Пошехонском уезде[6]. Это владение являлось единственным *новым* (пусть и

[1] АЗР. Т. 4. С. 361.
[2] С. Немерки – осталось за ним после Смуты (*Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 389). «Мещовское поместье» появилось у А.В. Измайлова ещё при Лжедмитрии I (*Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы первой крестьянской войны в России. С. 36).
[3] С. Холм являлось «старинным» поместьем И.В. Измайлова (АСЗ. Т. 2. С. 68 [№ 52]).
[4] АЗР. Т. 4. С. 376.
[5] АЗР. Т. 4. С. 378. В публикации указан явно неверный оклад 200 ч.
[6] АЗР. Т. 4. С. 382.

временным) приобретением членов рода в королевском лагере, которое уверенно фиксируется по источникам. Очевидно, главной задачей Измайловых было закрепление за собой многочисленных земель, полученных за период придворного успеха клана в правления Лжедмитрия I и Василия Шуйского. В борьбу за владения «изменников», подобно Ржевским, они не вступали.

7 ноября 1610 г. польские власти передали В.С. Волынскому «жены его отчизну» в Рязанском уезде – с. Дашково Окологородного стана, с. Протасово Ростиславского стана, с. Карпино и д. Меркулова Моржевского стана, д. Рог Большой и Рог Малый Пехлецкого стана[1]. Как обратила внимание С.И. Сметанина, первоначально эти земли являлись родовой вотчиной Ф.М. (Большого?) Булгакова-Денисьева, затем перешли в качестве приданого дочери **Марии** с мужем – В.С. Волынским, а в годы опричнины подверглись конфискации. Часть конфискованных владений ко второй половине 1590-х гг. стала вотчинами П.В. Годунова[2]. Спустя четыре десятилетия после опричных конфискаций В.С. Волынский с женой попытались вернуть утраченные владения. Однако реального возврата не произошло, польское пожалование не было реализовано: по писцовому описанию 1620-х гг. эти земли принадлежали иным служилым людям.

Другой сюжет, также восходящий к конфискациям прошлого столетия, связан с вотчиной Шереметевых. 25 ноября 1610 г. Ф.И. Шереметев получил от королевской администрации «лист» на восстановление рязанских «прародительских вотчин», утраченных ещё в конце XVI в. (**2.3.5**)[3]. Такое решение затрагивало интересы **Коробьиных**, которым принадлежало одно из этих владений – с. Песочня Большая (900 ч.). При Василии Шуйском В.Г. и И.Г. Коробьины успели перевести часть поместья в вотчину за «осадное сидение»[4]. Сопоставимых территорий в Рязанском уезде, которые могли бы компенсировать утрату, очевидно, не нашлось. «Против рязанской вотчины и

[1] АЗР. Т. 4. С. 379.
[2] См.: *Сметанина С.И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. С. 99–100.
[3] АЗР. Т. 4. С. 385.
[4] ОС. С. 437.

поместья села Песошны» братья получили 27 ноября 1610 г. обширный комплекс земель в Суздальском (дворцовое село, ранее – вотчина кн. А. Шуйского, 806 ч.)[1] и Костромском (выморочные поместья Д. и З. Колычевых, их женам оставлены прожитки) уездах[2]. Весьма примечательно, что результаты этого обмена (который для Коробьиных, вероятно, имел принудительный характер), состоявшегося по решению польских властей, были признаны правительством Михаила Фёдоровича[3].

Коробьины оказались, кроме того, жертвами манипуляций со стороны влиятельного кн. В.М. Мосальского. После падения Тушинского лагеря он приехал под Смоленск и уже 20 марта 1610 г. получил множество пожалований от польских властей. Среди них оказалось и поместье С.Г. и В.Г. Коробьиных – с. Коровино, Волосовка, Голдино и Павелкова, п. Сидоровская (Моржевского стана), а также сл. Козловка (в Михайлове). Неизвестно, в какой момент эти владения попали в руки Коробьиных. До Смуты они принадлежали другим хозяевам, и, вероятно, стали выморочными[4]. В челобитной рязанцы сообщали, что кн. В.М. Мосальский «упросил … под ними» это «*старое*» (sic!)[5] поместье[6]. 10 декабря 1610 г. Коробьины получили «лист», восстанавливавший их права на данное владение[7].

В числе поместий, полученных кн. В.М. **Мосальским** от польских властей, были и другие рязанские земли: острог Печерники (дворцовое владение, бывшая вотчина А.П. Клешнина)[8], с. Панинское с деревнями (бывшая вотчина

[1] См.: *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. Кн. 8. С. 337. Сохранился список памяти 19 февраля 1611 г. о пожаловании В.Г., Б.Г. и И.Г. Коробьиных этими землями (Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 81–82).
[2] АЗР. Т. 4. С. 395.
[3] *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851. С. 181–185; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 241, 244.
[4] С. Голдино и п. Сидоровская в писцовых материалах 1590-х гг. частично за «черкасским атаманом» Л. Михайловым, он же указан в качестве предыдущего владельца перед С.Г. и В.Г. Коробьиными при валовом описании (ПКРК. Вып. 1. С. 206, 266; Вып. 2. С. 840, 841, 1156; РППК. С. 200, 202, 217); с. Коровино, д. Павелково и д. Волосовка в 1590-х гг. числились за М.И. Петровым (РППК. С. 173–174; ПКРК. Вып. 2. С. 821).
[5] См. такую же характеристику в документе 1627 г.: АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).
[6] Ср. аналогичный случай и контекст: *Брандебург Н.Е.* Род князей Мосальских. М., 1892. С. 239–240 (примечание); *Сухотин Л.М.* Предисловие. С. 19–20 (1-я паг.).
[7] АЗР. Т. 4. С. 399.
[8] *Антонов А.В.* К биографии А. П. Клешнина. С. 379.

А.Ю. Дмитриевой, вероятно, умершей без потомства)[1], с. Ижевеск и Киструс (дворцовые владения, бывшие вотчины Годуновых)[2]. Обратим внимание на два последних объекта, которые вызывали особый интерес у столичных аристократов. После смерти кн. В.М. Мосальского (ранее 9 марта 1611 г.)[3] королевский «лист» на эти земли получил кн. Б.М. Лыков. Однако вслед за ним к московской Думе из-под Смоленска явился стольник В.И. Салтыков, сын боярина И.Н. Салтыкова. У него на руках находился аналогичный «лист» (от 27 апреля 1611 г.) польских властей на те же земли. Салтыковы били челом, «не ведая», что поместье уже отдано, и тоже получили одобрение. В новой челобитной кн. Б.М. Лыков просил подтвердить пожалование[4]. Из этой неразберихи ясно, что польская администрация даже не справлялась при пожалованиях с записями о выданных ранее «листах». Данный сюжет, кроме того, наглядно демонстрирует активное участие столичных аристократов в соперничестве за «свободные» владения в Рязанском уезде. Характерно, что в сферу их внимания попадали земли, которые ранее уже принадлежали «московским» чинам.

В составе посольской делегации под Смоленск отправился Захарий Петрович **Ляпунов**. Сохранилась челобитная, в которой он сообщал, что по указу Василия Шуйского следовало «давати … за службу и за осадное сиденье, *поместьи в вотчины*, а мне бывшей царь Василей поместья в вотчину не дал». В связи с этим З.П. Ляпунов просил о пожаловании ему в вотчину новоприобретённых владений: бывших поместий А.Н. Ржевского и бывшего дворцового с. Козарь[5]. Челобитчик прямо вводил польскую администрацию в заблуждение, поскольку ссылался на несуществующий указ. За «осадное сидение» в действительности можно было получить только по 20 ч. с каждых 100 ч. оклада[6]. Несмотря на это, 24 октября 1610 г. З.П. Ляпунову (и его сыну) был дан королевский «лист» на «отчизну»[7] – это означало, что рязанец перевёл в

[1] ПКРК. Вып. 1. С. 88; Вып. 3. С. 1199.
[2] АЗР. Т. 4. С. 325, 391.
[3] АЗР. Т. 4. С. 403.
[4] АИ. Т. 2. С. 367 (№ 311). «Лист» Салтыковых сохранился: АЗР. Т. 4. С. 409.
[5] АИ. Т. 2. С. 368 (№ 311).
[6] *Сторожев В.Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 25–26.
[7] АЗР. Т. 4. С. 360.

вотчину порядка 800 ч. поместной земли, часть которой была получена из чужих владений! Такое пожалование, во-первых, свидетельствует о стремлении завоевать симпатии брата могущественного рязанского воеводы; во-вторых, в очередной раз показывает, насколько механически, не вникая в реальное обустройство земельных отношений, польская администрация удовлетворяла прошения челобитчиков. Как справедливо говорилось в одной из грамот Сигизмунда III, «мы вашему московскому обычаю не сведомы»[1]. Поместья А.Н. Ржевского, на которые З.П. Ляпунов приобрёл вотчинную грамоту, и вовсе были возвращены вдове прежнего хозяина ещё в сентябре распоряжением тех же польских властей.

15 ноября 1610 г. З.П. Ляпунов получил «лист» на подмосковное поместье кн. Д.И. Шуйского[2]. Последнее из адресованных рязанцу пожалований датировано 3 декабря: грамота была выдана на с. Дегтяное и д. Казакову «из волости, што осталось за роздачею у иных резанцов», всего 500 ч. поместной земли[3]. З.П. и С.З. Ляпуновы давно охотились за этими дворцовыми угодьями Старорязанского стана: впервые они подавали челобитья ещё при Василии Шуйском. Тогда земли были отданы другим служилым людям, а Ляпуновым досталось только с. Козарь, которое исчерпало их оклады[4]. Теперь, когда формальные ограничения потеряли значение, Ляпуновы воспользовались моментом для расширения своих владений по течению Оки.

К весне 1611 г. на стороне польской администрации и московской Боярской думы оставались лишь отдельные представители рязанской элиты. Известны несколько пожалований **Сунбуловым**, бывшим сторонникам Лжедмитрия II. Григорий Фёдорович Сунбулов писал в челобитной, что находится «на Москве в осаде, и работишка моя извесна старасте Александру Иванавичу Корвину Госевскому и боярам и всему рыцерству». Он просил о пожаловании ему владений И.(И.) Шуйского в Бежецком уезде, которые теперь принадлежали

[1] АЗР. Т. 4. С. 372.
[2] АЗР. Т. 4. С. 384.
[3] АЗР. Т. 4. С. 400.
[4] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286).

«изменнику» Ю.Я. Сулешеву. 26 мая на челобитной появилась помета А. Госевского, через четыре дня была дана грамота[1]. 19 июня Г.Ф. Сунбулов получил «поместье и вотчину» Ф.(И.?) Погожего (ни в челобитной, ни в грамоте регион и названия объектов не уточнялись), челобитная по поводу которой подавалась ещё в марте[2].

Исай Никитич Сунбулов 5 сентября 1611 г. обратился с прошением о пожаловании подмосковного поместья М. Нагого, которое ранее принадлежало Б.Ф. Годунову. Челобитная подавалась совместно с М. Кантакузиным-Палеологом[3], 22 сентября ими была получена соответствующая грамота[4].

Особый интерес представляют притязания Михея Никитича Сунбулова[5]. В челобитной указано, во-первых, «изменничье поместье» в Суздальском уезде, которое получили Коробьины вместо вотчины Шереметевых. В деле приведены сказка у выписи М.Н. Сунбулова об окладе (он составлял 1500 ч., из которых были наполнены только 290 ч.) и «измене» прежних владельцев (к «изменникам» М.Н. Сунбулов причислил и И.Г. Коробьина, входившего в состав посольства к королю!), а также память Поместного приказа о пожаловании земли Коробьиным (найденная, как отмечено, в «ящике» подьячего В. Гаврилова). 7 октября 1611 г. М.Н. Сунбулов получил грамоту на эти земли.

Второй предмет внимания М.Н. Сунбулова составляло уже неоднократно упомянутое дворцовое с. Козарь: «В Резанском уезде на Мещерской стороне *Прокофьева сына Лепунова* сельцо Козарь з деревнями, што дал ему князь Василей Шуйской из дворцовых сел». Как видно из этой формулировки, М.Н. Сунбулов имел представление о том, что оно передано Ляпуновым, но перепутал адресата пожалования, назвав В.П. Ляпунова. Кроме того, М.Н. Сунбулов не знал, что действительный хозяин земли, З.П. Ляпунов, находившийся в составе посольства, успел получить «лист» на обращение этой

[1] Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 42–43.
[2] Там же. С. 43.
[3] Данных о его судьбе сохранилось немного: *Опарина Т.А.* Алхимик, янычар и «Родич византийских царей»: носители фамилии «Палеолог» в России конца XVI – первой половине XVII в // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1 (19). С. 133–134.
[4] Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 74.
[5] Там же. С. 81–82.

земли в вотчину. В результате информация о пожаловании не была найдена дьяками, и он так и не добился этого владения[1]. Пример М.Н. Сунбулова показывает, что рязанские дворяне, оказавшиеся в «московских» чинах, продолжали ориентироваться на бывших сослуживцев «по городу» и следили за их судьбами и земельными приобретениями.

Польские «листы» выдавались челобитчикам по упрощённый процедуре, без учёта действительного состояния земельных дел и проверки сведений; дачи по ним автоматически, почти без отказов, справлялись в Поместном приказе. Неудивительно, что многие служилые люди постарались извлечь выгоды из сложившегося положения, намеренно вводя в заблуждения новую администрацию[2]. Однако, как справедливо заметил Л.М. Сухотин, большинство пожалований короля и Боярской думы имели «лишь условное значение: эти пожалования *должны были бы* получить осуществление в случае торжества Сигизмундова»[3]. Единственный известный случай среди рязанских землевладельцев, когда земли закрепилось за новыми хозяевами – исключительный по своему характеру «обмен» земель между Ф.И. Шереметевым и Коробьиными. Все прочие пожалования, как представляется, остались формальными, и информация о них едва ли дошла до администрации на местах. В дальнейшем ни воеводы Ополчений, ни правительство Михаила Фёдоровича не признавали поместий и вотчин, полученных «под Смоленском у короля и у королевича» – они были приравнены к «воровским»[4].

Ляпуновы против князей Щетининых

Ярославские князья Щетинины (генеалогическая схема приведена на рисунке 3.8 в **3.3**) обосновались в Рязанском уезде в годы опричнины. Переселенцы получили земли, ранее принадлежавшие рязанской архиепископской кафедре и после конфискации пущенные в поместную раздачу:

[1] Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 81–82. Ранее М.Н. Сунбулов, по его собственным словам, уже обращался по поводу обоих владений и получил одобрение, но грамота дана не была.
[2] *Беляев И.С.* По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании «деревнишек». С. 51, 53–54; *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. С. 15–16.
[3] Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. С. 28 (1-я паг.). Курсив авторский.
[4] ПРП. Вып. 5. С. 437 (№ 3). См.: *Сухотин Л.М.* Предисловие. С. 29-30 (1-я паг.).

с. Остромир, д. Малое и д. Шевердино центрального Окологородного стана[1]. Впоследствии один из членов рода называл их «выслугой» кн. Григория Щетинина[2], о судьбе которого данных не сохранилось. В конце XVI в., согласно писцовым материалам, небольшое владение кн. Щетининых распределялось по 150 ч. (после одабривания) внутри семейного гнезда: между, с одной стороны, кн. Василием Григорьевичем и, с другой, его племянниками – кн. Иваном и Василием Ивановичами (совместно). Треть родового поместного совладения к моменту писцового описания сменила хозяина. После смерти кн. Никиты Щетинина[3] его жеребей отошёл к Семёну Иевлевичу Ляпунову. Все помещики находились в постоянном взаимодействии, поскольку общими были сено и лес[4]. Интерес Ляпуновых к этой территории легко объяснить, если принять во внимание насыщенность их владений в Окологородном стане и близость поместного родового «гнезда» (с. Микуличи)[5].

Летом 1609 г. (ранее 13 августа) жилец кн. Михаил Васильевич Щетинин отъехал в Тушино из Москвы. Члены рода объясняли его отъезд конфликтом с Ляпуновыми: «Во 117-м году … князя Ивана [Васильевича – *И.К.*] Щетинина убил Прокофей Ляпунов по недружбе. И князь Иванов брат родной … кн. Михайло Щетинин, блюдяся убивства от Прокофья Ляпунова, отъехал с Москвы в Тушино к царю Дмитрею»[6]. Можно с осторожностью предположить, что предпосылкой конфликта являлась смерть двух представителей рода. Не позднее 1608/09 г. скончался кн. В.Г. Щетинин, поместье которого было «помечено» его сыну кн. **М.В. Щетинину**, будущему «перелёту»[7]. Кроме того, 14 марта 1609 г. под Михайловым (вероятно, во время очередной попытки овладеть этим

[1] О прежнем владельце см.: ПКРК. Вып. 1. С. 399; АСЭИ. С. 311. Современное название Астромино, об истории и географии этих земель см.: *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Рязанской епархии. Т. 1. С. 77; Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1862. Т. 35: Рязанская губерния. С. 8.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 115.
[3] Положение на генеалогической схеме неизвестно.
[4] ПКРК. Вып. 1. С. 30, 392, 399–400 (часть описания в приправочной книге утрачена); АСЗ. Т. 2. С. 232 (№ 257) (писцовая выпись).
[5] *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения. С. 191.
[6] АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479).
[7] Упоминание об этом: АСЗ. Т. 2. С. 232 (№ 257).

повстанческим центром) погиб выборный дворянин кн. И.И. Щетинин[1]. Судьба его брата кн. Василия неизвестна (вероятно, он скончался ещё до Смуты).

Итак, семья кн. Щетининых понесла потери, и Ляпуновы, как можно предполагать, решили воспользоваться ситуацией для расширения своих владений за счет соседей. П.П. Ляпунов в этот момент являлся единоличным рязанским воеводой, действия которого практически не контролировались Москвой. В ходе конфликта кн. И.В. Щетинин был убит[2], а последний представитель старшего поколения рода, кн. М.В. Щетинин, испугался расправы и отъехал в Тушино. Так представлял дело сам пострадавший. В ходе дальнейших разбирательств его оппоненты резонно замечали, что П.П. Ляпунов находился «на Рязани» и влиять на судьбу кн. М.В. Щетинина в Москве не мог[3]. По аналогии с историей злоключений рязанцев Кобяковых[4] можно предполагать, что отъезд был вызван невозможностью прокормиться в осаждённой столице, где у кн. Щетининых не было собственного жилья. «Перелёт» впоследствии заявлял (такие объяснения, впрочем, следует воспринимать cum grano salis) что оказался в Тушино «поневоле»[5].

13 августа 1609 г. **Борис Семёнович Ляпунов** (сын С.И. Ляпунова, прежнего соседа кн. Щетининых) получил ввозную грамоту на поместье кн. М.В. Щетинина[6]. Для этого была составлена разрядная память на основе жилецкого списка. В документе указывалось, что «перелёт» «был в житье, и в нынешнем во 117-м году нам изменил, побежал с Москвы к вору, а то де его поместье не отдано никому». Впоследствии кн. М.В. Щетинин подчёркивал роль рязанского воеводы, который «поместье … отдал племяннику своему … и животишками … завладел»[7]. Из материалов дела неясно, где в этот момент находились другие члены рода, и пытались ли Ляпуновы присоединить к своим

[1] *Калайдович К.Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. С. 34; РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 46. Л. 120.
[2] На судебном процессе Ляпуновы не отрицали этого факта (см., напр., очную ставку: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 91–92).
[3] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 111.
[4] АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).
[5] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 115.
[6] Документ сохранился в списке: АСЗ. Т. 2. С. 232 (№ 257).
[7] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 115.

владениям также жеребей, оставшийся после кн. И.И. Щетинина. Все дальнейшие события разворачивались вокруг «трети» кн. М.В. Щетинина – жеребьев с. Остромир, дд. Малое и Шевердино, 186 ч. земли (150 ч. после одабривания).

В первой половине 1611 г. новый хозяин поместья, Б.С. Ляпунов, погиб под Москвой «от литовских людей»[1]. После этого владение было отдано его **матери Пелагее с детьми** (сын Ульян и дочь Аграфена; упоминается и вдова Б.С. Ляпунова, также Пелагея)[2]. Очевидно, это произошло с санкции властей Ополчения, которое возглавлял П.П. Ляпунов. Однако в конце июля 1611 г. борьбу включился племянник «перелёта», кн. В.И. Щетинин. Он написал челобитье, в котором обвинил наследников Б.С. Ляпунова в утайке комплекса владений, значительно превосходившего «прожиточные» нормы. По сведениям челобитчика, за Пелагеей с детьми даже без учета бывшего поместья кн. М.В. Щетинина находилось 470 ч. поместной земли[3]. Такой объём владений существенно превосходил допустимый «прожиток». У.С. Ляпунов, который мог бы принять участие в разделе земель, к этому моменту ещё не достиг совершеннолетия и не был верстан. 3 августа 1611 г. на Рязань была послана грамота, согласно которой следовало передать поместье кн. **В.И. Щетинину**[4]. Впоследствии Ляпуновы считали, что эта грамота была дана «без сыску»[5].

Подавая челобитную, кн. В.И. Щетинин воспользовался тем, что Ляпуновы утратили властные позиции, а их род понес катастрофические потери. 22 июля 1611 г. в подмосковных таборах был убит П.П. Ляпунов, к тому же в боях под Москвой погибли (помимо Б.С. Ляпунова) сразу трое представителей клана[6]. Обратим внимание, что кн. В.И. Щетинин апеллировал не к семейным правам на утраченное поместное владение, но к наличию у оппонентов «излишков». Такой

[1] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 111; АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479).
[2] Документа об этом переходе собственности не сохранилось. Упоминания: АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479). Сноха Пелагии Ляпуновой с тем же именем: АСЗ. Т. 2. С. 233 (№ 259).
[3] Краткое изложение челобитья: АСЗ. Т. 2. С. 233 (№ 259), 411–412 (№ 479) (датировано временем после смерти Ляпунова исходя из того, что решение по челобитью принято 3 августа).
[4] Документа об этом переходе собственности не сохранилось. Упоминание: АСЗ. Т. 2. С. 233 (№ 259), 411 (№ 479), 413 (№ 480).
[5] АСЗ. Т. 2. С. 233 (№ 259).
[6] Бархатная книга. С. 233, 235.

ход позволял избежать двусмысленного положения: судя по всему, прежний хозяин поместья, «перелёт» кн. М.В. Щетинин, в Первом ополчении не появлялся.

События, происходившие между 3 августа 1611 г. и 4 января 1612 г., реконструируются не вполне уверенно. Отказные книги, которые следовало направить начальникам Ополчения после передачи поместья кн. В.И. Щетинину, присланы не были[1]. Пелагея Ляпунова подала встречное челобитье подмосковным «боярам». Возможно, от её имени действовал брат погибшего мужа, Фёдор Семёнович Ляпунов. Упоминается его прошение, в котором он назвал спорные земли «старинным» владением своих однородцев[2]. В результате ближе к концу 1611 г. (вероятно, в ноябре) поместье было вновь передано **Пелагее Ляпуновой**[3].

Кн. В.И. Щетинин подал ответное челобитье «боярам», в котором отверг утверждения Ф.С. Ляпунова («то деи поместье его, княж Васильевых, родителей Щетинина выслуга, а не Ляпуновых») и снова указал на наличие у Пелагеи Ляпуновой значительных излишков[4]. Власти Ополчения произвели «сыск», и 35 человек подтвердили, что в её распоряжении «оприч княж Михайлова поместья Щетинина» действительно находятся 470 ч. земли[5]. 4 января 1612 г. рязанским воеводам была направлена грамота, которая возвращала спорное поместье кн. **В.И. Щетинину**. Согласно помете, 18 января она была «подана» воеводам[6]. Затем «бояре» пожаловали часть земли в **вотчину** за «осадное сидение» (при окладе 450 ч. кн. В.И. Щетинин имел право на 90 ч.; судя по указаниям источников, часть владения сохранила поместный статус)[7].

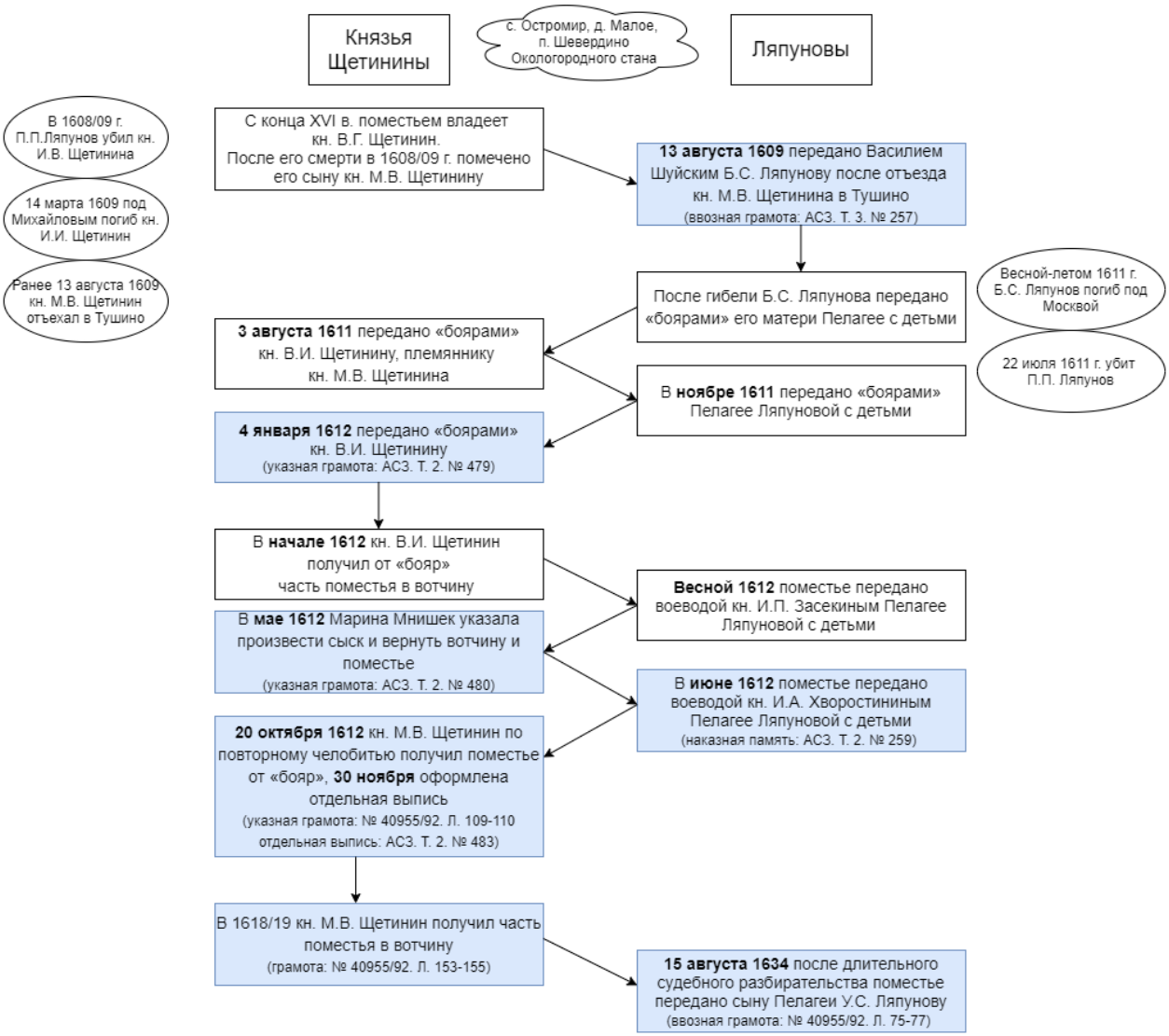
История проделала новый полный круг: весной (вероятно, в апреле) 1612 г. Ф.С. Ляпунов подал «боярам» челобитную о возврате поместья, и по ней был

---

[1] Упоминание об этом: АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479).
[2] Упоминание об этом: АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479).
[3] Упоминание об этом: АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479). Датируется по указанию адресата грамоты – воеводы И.М.Бутурлина, который по другим источникам известен в Переяславле-Рязанском в ноябре 1612 г. (*Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. С. 292–294 [№ 2]). В октябре и начале января упоминаются другие воеводы.
[4] Упоминание об этом: АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479).
[5] АСЗ. Т. 2. С. 412 (№ 479).
[6] Документ сохранился в подлиннике: АСЗ. Т. 2. С. 411–413 (№ 479).
[7] Упоминание о переводе земли в вотчину, в том числе о грамоте «ис полков от бояр на то их старинное поместье, что дано ему в вотчину»: АСЗ. Т. 2. С. 413 (№ 480) («старинное *помесье и вотчину*»), 416 (№ 483). Событие датировано «120-м годом», но в грамоте 4 января 1612 г. вотчинная земля не упоминается. О поместном излишке ср. также: ПКРК. Вып. 2. С. 503–504.

вновь назначен «сыск». Теперь его должен был произвести на месте рязанский воевода кн. И.П. Засекин[1]. Главный вопрос по-прежнему состоял в том, есть ли у соперницы кн. В.И. Щетинина поместный излишек. В «сыске» участвовал и кн. В.И. Щетинин, который «грамоты клал перед … воеводаю отказные и *вотчинные*». Кн. И.П. Засекин «тех грамот не послушал» и в очередной раз отказал землю **Пелагее Ляпуновой**, вернув жеребью поместный статус.

Рисунок П.8.1 – Борьба за поместье кн. Щетининых

Цветом обозначены переходы собственности, по поводу которых сохранились правоустанавливающие документы. Стрелки указывают на временну́ю последовательность событий, но не обязательно подразумевают их логическую соотнесённость.

[1] Упоминание о сыскной грамоте и челобитной: АСЗ. Т. 2. С. 413 (№ 480), 414 (№ 481). Кн. И.П. Засекин упоминается на рязанском воеводстве с февраля 1612 г. (Памятники ополчения и земского собора. С. 78–79 [№ 63–64]; *Сухотин Л.М.* Четвертчики Смутного времени. С. 241, 258).

С жалобой на действия рязанского воеводы кн. В.И. Щетинин отправился в Коломну к Марине Мнишек[1]. Указная грамота «царицы», датированная маем 1612 г.[2], предписывала воеводе кн. И.П. Засекину вернуть вотчину кн. **В.И. Щетинину**, если последний предъявит необходимые документы. Вероятно, это решение не было реализовано. Уже в июне 1612 г. новый рязанский воевода кн. И.А. Хворостинин принял очередную челобитную Пелагеи Ляпуновой, в которой она заявляла, что прежние меры были приняты «без сыску». «Выслушав челобитную и смотрив ее ввозных грамот», воевода распорядился об отказе поместья **Ляпуновым**[3]. На этом разбирательстве кн. В.И. Щетинин, очевидно, отсутствовал, и решение принималось только на основании сведений, предоставленных вдовой. Последние приговоры по этому делу не отразились в новой грамоте: указано лишь, что «в 119-м году» поместье было «без сыску» дано кн. В.И. Щетинину (отсылка к грамоте 3 августа 1611 г.). Пелагея Ляпунова, таким образом, не уведомила воевод ни о январском сыске, ни вообще хотя бы об одном из решений, вынесенных за прошедшие 10 месяцев разными уровнями власти.

Летом 1612 г. в ярославском лагере объявился первоначальный хозяин поместья – бывший «перелёт» кн**. М.В. Щетинин**. После прихода сил Второго ополчения под Москву (вероятно, в конце августа – сентябре 1612 г.) он подал челобитье «боярам» и получил отказную грамоту на свое владение. Впоследствии кн. М.В. Щетинин подчеркивал, что «по приговору бояр и всей земли тушинским поместья и вотчины поворочены всем. И мне … бояре то мое старинное поместейцо поворотить велели»[4]. В Рязань были посланы «люди» помещика, но (отметим как характерное для эпохи явление) их по дороге «воры побили, а та грамота пропала»[5].

Сохранился подлинник грамоты начальников Второго ополчения, которая была выдана по повторному челобитью. Документ датирован 20 октября 1612 г. и

[1] Изложение челобитной: АСЗ. Т. 2. С. 413–414 (№ 480).
[2] Документ сохранился в списке: АСЗ. Т. 2. С. 413–414 (№ 480).
[3] Наказная память сохранилась в списке: АСЗ. Т. 2. С. 233 (№ 259).
[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 115.
[5] Упоминание о челобитной и грамоты: АСЗ. Т. 2. С. 414 (№ 481).

адресован воеводе М.А. Вельяминову. В первой половине ноября грамота должна была достичь Рязани[1]. В челобитной кн. М.В. Щетинина, пересказанной в начальной части документа, история борьбы за поместье представала в весьма своеобразном свете: «И как де он был на земской службе в Ярославле, и о том де его поместье под Москвою в полкех *бил челом Ивану Заруцкому* Федор Ляпунов, и то де его поместья отдано Федору». В этом тексте нет информации ни о Пелагее Ляпуновой, ни о действиях племянника «перелёта» и переводе земли в вотчину. Возможно, кн. М.В. Щетинин просто не был проинформирован обо всех деталях, но сведения о судьбе поместья представали в документе в явно искаженном виде. Получалось, что Ф.С. Ляпунов, в действительности никогда не владевший поместьем, являлся его хозяином, и грамота предписывала «выслать» из поместья именно его. Отметим, кроме того, что несправедливая выдача грамоты Ф.С. Ляпунову приписывалась не всем «боярам», а только И.М. Заруцкому, который к тому моменту стал противником подмосковного правительства[2].

Грамота от 20 октября дошла до Рязани, и 30 ноября 1612 г. по ней была оформлена отдельная выпись на поместье кн. М.В. Щетинина[3]. В ней история владения предстаёт следующим образом: 1) с отъездом М.В. Щетинина в Тушино при Василии Шуйском поместье было отдано Б.С. Ляпунову; 2) после его смерти «по ложному челобитью» отошло к Пелагее с детьми; 3) в «119-м» году «по сыску» передано кн. В.И. Щетинину «в поместья и в вотчину» из-за «утайки» земли Пелагеей; 5) теперь «отказано» у кн. В.И. Щетинина и как «старое поместье» «по-прежнему … по боярской грамоте и по сей выписи» возвращено кн. М.В. Щетинину. В этой хронологии совершенно не представлены решения 1612 г.: в частности, проигнорирован июньский приговор кн. И.А. Хворостинина о передаче земли Ляпуновым. Ясно, кроме того, что кн. Щетинины не пытались использовать для обоснования своих прав грамоту Марины Мнишек.

[1] Опубликован список: АСЗ. Т. 2. С. 414–415 (№ 481). Подлинник с пометой на обороте: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 109–110.

[2] Возможно, впрочем, что Ф.С. Ляпунов получил пожалование в «полковом» приказе (об их существовании см.: Акты подмосковного ополчения. С. 7 [1-я паг.]).

[3] Сохранилась в списке: АСЗ. Т. 2. С. 416 (№ 483).

Решение, вынесенное воеводами Второго ополчения, оказалось лишь промежуточным итогом земельного спора. В семейных архивах Ляпуновых и кн. Щетининых после Смуты оказался значительный комплекс документов, которые могли использоваться для подтверждения прав каждой из сторон. В 1618/19 г. кн. М.В. Щетинин, уже стряпчий, получил поместье в вотчину за московское осадное сидение в «королевичев приход»[1]. Тем временем Ульян Семёнович Ляпунов начал борьбу за спорную землю и с 1615/16 г. «беспрестанно» подавал о ней челобитья, но в 1626 г. «выписанное» дело было уничтожено московским пожаром[2].

Очередной виток судебных разбирательств (дело сохранилось в составе столбцов по Рязани)[3] начался в 1629/30 г. по челобитной У.С. Ляпунова, сына и совладельца Пелагеи. Вероятно, как и в других случаях, катализатором стало валовое писцовое описание[4]. Оппоненты оказались на очной ставке только весной 1632 г.: по словам истца, кн. М.В. Щетинин «три года бегал» от суда, а потом поставил «в свое место» П.(И.) Мансурова[5]. Делом начинал заниматься глава Московского судного приказа боярин С.В. Головин (отметим, что в январе 1612 г. он находился на рязанском воеводстве, и именно ему была адресована одна из грамот «бояр» Ополчения об отказе поместья кн. В.И. Щетинину). Судебный процесс не успели завершить до Смоленской войны, когда рязанские служилые люди отправились на театр боевых действий. В ходе кампании У.С. Ляпунов получил ранение и был взят в плен[6]. По его возвращении летом 1634 г. процесс возобновился. С.В. Головин к тому времени скончался, дело было передано

[1] Упоминания об этом – в судебном деле, книгах Печатного приказа и писцовой книге: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 85; ОС. С. 34, 380; ПКРК. Вып. 2. С. 503–504. Судя по писцовой книге, небольшая часть жеребья осталась в поместном статусе (за У.С. Ляпуновым впоследствии числилось «поместье, что осталось у князь Михаила Щетинина»).

[2] Об этом известно из челобитной самого У.С. Ляпунова: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 111–112.

[3] В силу ветхости первой части столбца 142 года (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 91/40955) нам оказалась доступна только заключительная часть дела, которая позволяет составить представление и о предыдущем периоде разбирательства. Листы расположены в обратном порядке (№ 92/40955. Л. 75–77, 82–116).

[4] Владения У.С. Ляпунова: ПКРК. Вып. 2. С. 502–504.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 99.

[6] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 92; № 175/41408. Л. 179; АМГ. Т. 1. С. 483 (№ 510).

окольничему Л.И. Долматову-Карпову, но в итоге оказалось в Приказе сыскных дел у окольничего В.И. Стрешнева и дьяка М. Поздеева[1].

15 августа 1634 г. судьи вынесли приговор: поместье отдавалось **У.С. Ляпунову**, а вотчинную грамоту за «осадное сидение» кн. М.В. Щетинина было указано «отставить»[2]. Почему решение было именно таким; как вышло, что первоначальный владелец потерпел поражение в земельном споре?

Дело в том, кн. М.В. Щетинин не смог предоставить главного документа, который подтвердил бы его право на владение – грамоту Михаила Фёдоровича[3]. По словам ответчика, эту «грамоту 122 года» украли бежавшие от него в 1627/28 г. крестьяне[4]. Однако в записных книгах Печатного приказа за соответствующий год упоминаний о такой грамоте не обнаружилось. В Поместном приказе также не нашли информации о том, владеет ли кн. М.В. Щетинин землей «по даче и без дачи»[5]. У.С. Ляпунов обращал внимание судей на то, что вотчинная грамота за «осадное сидение» была дана его оппоненту «с дозорных книг, а в дозорных книгах то поместье написано … по сказке … а не по государевой грамоте»[6]. Следовательно, ещё в ходе «дозора» середины 1610-х гг. кн. М.В. Щетинин не предъявил документа, подтверждавшего его права на землю. В результате приказные судьи сочли, что кн. М.В. Щетинин Михаилу Федоровичу «виною своею *не бивал челом*, и то ему поместье при государе не поворочено, а взял то поместье за московское осадное сиденье за королевичев приход мимо его государева указу»[7].

Итак, главный документ, удостоверявший права кн. М.В. Щетинина, или был утрачен (по словам ответчика), или никогда не существовал. Однако оставалась ещё указная грамота воевод Второго ополчения от 20 октября 1612 г., в которой кн. М.В. Щетинин именовался владельцем поместья. Поначалу

[1] Челобитные о передаче дела: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л.100–101.
[2] Приговор: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 82–89.
[3] Ср. грамоты 1613/14 и 1627/28 гг. на соседние владения Ляпуновых (ПКРК. Вып. 2. С. 502).
[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 86, 91. Упоминание в писцовой книге о бегстве крестьян в «137-м» году: ПКРК. Вып. 2. С. 504.
[5] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 88, 116
[6] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 92.
[7] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 88–89.

ответчик назвал документ пропавшим, причём обвинил в его исчезновении оппонентов: «При князе Федоре Лыкове в съезжей избе … *Семен Лепунов покрал коробьи со всякими делами* и та … грамота в те поры пропала»[1]. Однако летом 1632 г. грамоту отыскали в съезжей избе и прислали в Москву. Как уже отмечалось, в ней владельческая история поместья представала в совершенно искаженном виде. Ф.С. Ляпунов, обозначенный как хозяин поместья (его предписывалось «выслать»), никогда им не владел, и получалось, что кн. М.В. Щетинин ввёл «бояр» в заблуждение. Найденный документ не позволял отвергнуть притязаний У.С. Ляпунов на поместье, поскольку он в ней даже не упоминался[2].

В других двух грамотах, которыми располагали к этому времени ответчики, в качестве владельца фигурировал только кн. В.И. Щетинин, при этом хронологически обе «перекрывались» документами Ляпуновых. Первая относилась к 4 января 1612 г. и не содержала окончательного решения по делу; вторая, майская, также требовала дополнительного «сыска» воевод и была к тому же выдана Мариной Мнишек. Неудивительно, что кн. Щетинины в один из моментов судебного разбирательства пытались изменить показания и представить владение как результат обмена земли с Ляпуновыми[3]. Не слишком убедительными были и уже отмеченные заявления кн. М.В. Щетинина о том, что он оказался в Тушино «поневоле»[4].

Такому набору аргументов Ляпуновы могли противопоставить логичный рассказ о владельческой истории земли, который вполне подкреплялся их архивом: ввозной грамотой Борису Семёновичу от 13 августа 1609 г. и наказной памятью рязанских воевод о передаче поместья Пелагее и Ульяну Ляпуновым, датированной июнем 1612 г. На очных ставках У.С. Ляпунов последовательно отвергал версию оппонента («и тово, государь, ничево не бывало»), а

[1] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 112.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 88, 96, 111. В приговоре: «А тово в той боярской грамоте не написано, что то поместье взяв у Ульяна Ляпунова отдать князю Михаилу Щетинину, и имяни Ульянова в той грамоте в ево князь Михайлове челобитье не написано». В очной ставке У.С. Ляпунова: «И тово поместья за братом за моим за Федором не бывало, а было за матерью моею да за мною да за сестрою да за снохою».
[3] Упоминание об этом: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 99.
[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 115.

предоставленные кн. Щетиниными грамоты во всех случаях называл «нарядными» (поддельными). В частности, юридическая сила отдельной выписи от 30 ноября 1612 г. отрицалась истцом на том основании, что выдавший её рязанец Ю.Я. Солнцов был зятем кн. В.И. Щетинина. По мнению У.С. Ляпунова, грамоты 20 октября 1612 г., которую истец упоминал как потерянную, вовсе не существовало: «А Юрью Сонцову по свойству вольно ему выписи без грамоты дать, а такой … грамоты Мирону Вельяминову не бывало»[1].

Несостоятельность обвинений в подделке стала очевидной после обнаружения грамоты в сыскной избе, но это не подорвало общей линии Ляпуновых. По итогам разбирательства получалось, что кн. М.В. Щетинин владеет землёй по «воровской» «Маринкиной даче»[2] (как последней по времени грамоте), которая к тому же была адресована другому члену рода. При этом не существовало указа Михаила Фёдоровича, который бы прямо предписывал возвращение бывшим тушинцам конфискованных у них поместий. Регулировались лишь сохранение за вернувшимися «перелётами» их «прямых» вотчин[3]. Подчеркнув, что «такова образца … не сыскано, чтоб такие кровные поместья за их воровство им поворачивали», У.С. Ляпунов приводил известные ему примеры из соседского окружения. «Перелёт» В.К. Вердеревский лишился поместья и, несмотря на его «беспрестанные» челобитья, оно оставалось у Ф.И. Измайлова; сыновья Г.П. Коробьина не смогли вернуть его жеребей; поместье Т.В. Грязного закрепилось за новым владельцем[4].

В своих челобитных У.С. Ляпунов последовательно противопоставлял верную службу своих однородцев – «тушинскому» прошлому оппонентов («не вели, государь, меня, холопа своего, в том деле обвинить, а ево, князь Михайла, *за ево воровство* оправить»). Спорное поместье истец называл своим «кровным», потому что оно было дано «за кровь» его погибших под Москвой родных

[1] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 91–92, 112–113. На то, что вместо Ю.Я. Солнцова подписался «поп Дмитрий», У.С. Ляпунов внимания не обратил.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 92.
[3] ПРП. Вып. 5. С. 436–438 (№ 3). По запросу судей соответствующий указ о поместьях не был найден: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 93–96.
[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 96.

братьев[1]. Часто используя этот эпитет, У.С. Ляпунов применил в одной из челобитных яркий риторический ход, нетипичный для подобной документации: «А он, князь Михайло, *и меду за твое государево здравье столько не выпил*, сколько мы, холопи твои, за тебя праведнова государя крови вылили»[2].

18 августа 1634 г. в Переяславль-Рязанский была отправлена ввозная грамота, по которой спорное владение передавалось У.С. Ляпунову[3]. История длительной борьбы в впоследствии упрощалась в известиях о поместной даче до формулировки «поместье … что ему дано было при царе Василье Ивановиче всея Руси, а после владел им князь Михаил Щетинин»[4]. В писцовой книге спорное владение «что было преж сего за князем Михаилом княж Васильевым сыном Щетининым» по ввозной грамоте за приписью дьяка Б. Степанова записано за У.С. Ляпуновым[5]. Так была поставлена точка в длившемся четверть века земельном споре, в результате которого кн. Щетинины лишились ещё одной трети своего старинного поместья.

Ляпуновы против Ржевских

В конце 1608 г. новгородский лагерь кн. М.В. Скопина-Шуйского покинули Андрей и Иван Никитичи Ржевские[6]. 29 декабря 1608 г. братья получили от Лжедмитрия II вотчинное пожалование[7]. В Рязанском уезде П.П. Ляпунов по своему усмотрению конфисковал («людем и крестьяном слушать и з запасом к Москве ездить не велел») поместье А.Н. Ржевского, в связи с чем Иван Андреевич Ржевский, остававшийся на стороне Василия Шуйского, подал челобитье с жалобой. 2 января 1609 г. к рязанскому воеводе была направлена указная грамота, которая предписывала вернуть поместье, потому что «Андрей Ржевский взят неволею да и ныне службы его к нам много»[8].

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 91–92.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 96.
[3] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 92/40955. Л. 75–77.
[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 170.
[5] ПКРК. Вып. 2. С. 503–504.
[6] РЗ. С. 96, 150; АСЗ. Т. 2. С. 319 (№ 370); Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвинённого в измене Михайлы Татищева в 116 году. С. 1–3, 6.
[7] *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А., Тюменцева Н.Е.* Отписки и челобитные русского архива Яна Сапеги о ситуации в Юрьевском уезде в конце 1608 – первой половине 1609 года. С. 139 (№ 7); *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. С. 402.
[8] АСЗ. Т. 2. С. 319 (№ 370).

31 марта 1609 г. в Разрядном приказе была составлена «память», согласно которой Андрей и Иван Ржевские «изменили, отъехали к вору, поместья их велено в роздачю роздать»[1]. 23 июля 1609 г. Ф.С. и Б.С. Ляпуновы получили ввозную грамоту[2] на жеребьи с. Потулова и Мацкое в Ростиславском стане (поместье И.Н. Ржевского целиком, 165 ч.)[3], а также жеребьи с. Ходынина и с. Ларина (Боградово) в Окологородном стане (часть поместья А.Н. Ржевского, 222 ч. из общих 489 ч.)[4]. К З.П. Ляпунову отошла оставшаяся часть поместья А.Н. Ржевского в Окологородном стане – жеребьи с. Дятково и Горяиново (вероятно, все 267 ч.; ввозная грамота не сохранилась)[5]. Известно также, что З.П. Ляпунов завладел 212 ч. из поместий И.Н. Ржевского[6]. Можно предполагать, что это были жеребьи д. Горетово в Каменском стане (185 ч.) и д. Олександровы Дубровы в Кобыльском стане (35 ч. по описанию)[7].

Таким образом, родственники рязанского воеводы буквально поделили между двумя семьями *все* поместные владения «перелетевших» братьев Ржевских. В результате в Окологородном стане появился значительный комплекс земель, принадлежавших совместно З.П., Ф.С. и Б.С. Ляпуновым. Неудивительно, что при встрече в подмосковном лагере летом 1611 г. И.Н. Ржевский назван «великим недругом» П.П. Ляпунова[8]. За переделом собственности можно предположить соседский конфликт: до Смуты Ржевские и Ляпуновы были

[1] АСЗ. Т. 2. С. 231–232 (№ 256).
[2] Сохранилась копия: АСЗ. Т. 2. С. 231–232 (№ 256).
[3] ПКРК. Вып. 1. С. 187; ср.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 395. Л. 229, 267об.
[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 181. 508 ч. по описанию 1590-х гг. (ПКРК. Вып. 1. С. 11). По-видимому, второе поместье целиком отошло к Б.С. Ляпунову: в грамоте 13 августа 1609 г. за ним указано именно 222 ч. дач из 500 ч. оклада. После дачи из владений кн. М.В. Щетинина общий объём поместной земли Б.С. Ляпунова составил 372 ч. Ф.С. Ляпунова в июле было наполнено 235 ч., поместье Ржевских должно было довести количество земли до 400 ч. из 600 ч. оклада (АСЗ. Т. 2. С. 231–232 [№ 256–257]).
[5] АИ. Т. 2. С. 368 (№ 311). Ср.: ПКРК. Вып. 2. С. 496–497.
[6] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286).
[7] ПКРК. Вып. 1. С. 43, 213, 263–264. В результате этих пожалований З.П. Ляпунов наполнил свой оклад 900 ч. целиком (АИ. Т. 2. С. 347 [№ 286]: после возвращения И.Н. Ржевскому поместий осталось 688 ч.). Следовательно, помимо 479 ч. полученных поместий и 100 ч., которыми он владел до Смуты, у него к 1610 г. были ещё 110 ч. Их происхождение пока не установлено.
[8] НЛ. С. 112–113; Карамзинский хронограф. С. 352; Рукопись Филарета. С. 52–53; *Савельев Н.* О месте погребения Ляпунова. С. 7–8.

совладельцами в Каменском стане[1]. Соперничество тем более примечательно, что А.Н. Ржевский и Г.П. Ляпунов являлись зятьями Булгака Каркадымова[2].

И.Н. Ржевский «принес вины» московскому правительству, и конфискованные поместья были ему возвращены (по крайней мере, формально)[3]. В конце правления Василия Шуйского он снова оказался в опале и в сентябре 1610 г. обратился к Сигизмунду III с просьбой восстановить права на утраченные земли[4]. Тогда же «лист» на старые владения получили вдова А.Н. Ржевского Авдотья и сын Иван[5] (что, впрочем, не помешало З.П. Ляпунову спустя месяц получить на них вотчинную грамоту от короля)[6]. Как можно предполагать, реально землями всё это время распоряжались Ляпуновы. Вскоре, однако, произошли значительные перемены. Перешедший на сторону Первого ополчения И.Н. Ржевский был убит казаками 22 июля 1611 г. вместе с П.П. Ляпуновым; З.П. Ляпунов погиб в посольстве; другой новый владелец, Б.С. Ляпунов, был убит под Москвой весной – летом 1611 г. По словам У.С. Ляпунова, часть земли Б.С. Ляпунова была передана Пелагее Ляпуновой с детьми, но подтверждений этому предоставить не смог[7].

В позднейших челобитных У.С. Ляпунов заявлял также, что кн. И.А. Хворостинин «по дружбе и по свойству» распорядился о передаче поместий И.И. и И.А. Ржевским[8]. Как уже упоминалось, кн. И.А. Хворостинин находился на рязанском воеводстве в июне 1612 г., и в споре между Ляпуновыми и кн. Щетининых принял решение в пользу Ляпуновых[9]. В представленной Ржевскими документации сохранились упоминания о том, что они получили грамоты на владения отцов от подмосковных «бояр»: И.И. Ржевский (с матерью и сестрой) –

[1] ПКРК. Вып. 1. С. 43, 263–264. См.: *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения. С. 180.
[2] ПКРК. Вып. 1. С. 179, 239–240; Вып. 3. С. 1224.
[3] АИ. Т. 2. С. 347 (№ 286).
[4] АИ. Т. 2. С. 370 (№ 311); АСЗ. Т. 4. С. 350 (№ 183).
[5] АЗР. Т. 4. С. 349–350; АСПбИИ РАН. Ф. 124. Оп. 1. № 520.
[6] АИ. Т. 2. С. 368 (№ 311); АЗР. Т. 4. С. 360.
[7] Эта подробность появилась в челобитных только в 1637 г.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 179. В документах 1612 г. за Пелагеей Ляпуновой поместий Ржевских не числится: это непременно подметил бы кн. В.И. Щетинин, обвинявший вдову в утайке излишков (АСЗ. Т. 2. С. 413 [№ 480]).
[8] Об этом сообщал У.С. Ляпунов: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 179.
[9] АСЗ. Т. 2. С. 233 (№ 259). Эта грамота использовалась У.С. Ляпуновым и в деле с Ржевскими (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 173–174).

в 1611 г., И.А. Ржевский (с матерью, «под Москвою в полкех») – в 1611/12 г.[1]. Возможно, кн. И.А. Хворостинин действительно выполнил распоряжение начальников Ополчения, о чём впоследствии вспомнил У.С. Ляпунов. В дальнейшем пожалования «бояр» были подтверждены грамотами Михаила Фёдоровича соответственно в апреле 1614 г. [2] и 24 июня 1613 г.[3]. Таким образом, Ржевские официально закрепили за собой возвращенные земли.

У.С. Ляпунов начал борьбу за утраченные поместья, с поразительной настойчивостью подавая о них челобитные (по его собственным словам, начиная с 1613/14 г.)[4]. Судебное дело сгорело в пожар 1626 г.[5], после чего У.С. Ляпунов долгое время не обращался в приказы, и писцовое описание зафиксировало поместья за прежними хозяевами[6]. Впоследствии истец оправдывал это промедление службами – но, заметим, они не помешали ему заниматься судом с кн. Щетиниными[7]. По возвращении со Смоленской войны У.С. Ляпунов одержал победу в этом споре, и практически в тот же день, 18 августа 1634 г., в очередной раз бил челом на Ржевских[8]. 12 декабря 1636 г. царь и бояре приговорили не возобновлять делá, которые были «вершены» до пожара и до смерти Филарета[9]. Эта законодательная норма стала главным основанием для всех дальнейших решений по делу: уже 20 января 1637 г. У.С. Ляпунов получил отказ[10]. 16 мая 1637 г. он вновь подал челобитье, и разбирательство было возобновлено. 6 ноября 1637 г. на докладе царь вновь вынес приговор в пользу Ржевских[11]. В 1639/40 г. И.И. Ржевский скончался, и поместье отошло к его двоюродным братьям; «прожиток» достался вдове Соломониде и впоследствии оказался у

[1] Упоминания в более поздних ввозных грамотах: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 182, 183.
[2] Сохранились списки грамоты: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 182–183, 189–190. См. также: ПКРК. Вып. 2. С. 496–497.
[3] Сохранились списки грамоты: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 181, 190, 206. В первых двух явно неверная датировка (24 ноября 1612 г.), исправлена в последней версии. Ср. также грамоту о возвращении И.Н. Ржевскому зарайского двора (*Веселовский С.Б.* Документы Печатного приказа. С. 55).
[4] Сохранилось дело 1648–49 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 169–218), в составе которого скопированы материалы дел 1634–1637 (л. 170–178) и 1637 (л. 178–187) гг.
[5] Упоминание об этом челобитье: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 179.
[6] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 175–176.
[7] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 172, 179–180.
[8] Упоминание об этом челобитье: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 171.
[9] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 176.
[10] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 177–178.
[11] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 186–187.

А. Жемаилова[1]. 30 января 1648 г. У.С. Ляпунов подал новое челобитье[2], дело вновь было выписано в Поместном приказе и доложено государю. 7 апреля 1649 г. боярский приговор поставил точку в этой истории, оставив поместье прежним владельцам: «Таких старых дел по государеву указу и выписывать не велено, не то что их переделывать»[3].

Итак, в этом земельном конфликте «шлейф» Смуты растянулся на четыре десятилетия. Поразителен не только энтузиазм У.С. Ляпунова, но и та легкость, с которой ему снова и снова удавалось возобновлять судебное разбирательство. Очная ставка ни разу не состоялась, поскольку позиция истца была очевидно более слабой. Единственным документом на поместье, который находился на руках у У.С. Ляпунова, являлась грамота 23 июля 1609 г., в то время как ответчики располагали ввозными грамотами Михаила Фёдоровича с упоминаниями предшествующих правоустанавливающих актов. Кроме того, И.А. Ржевский предоставил указную грамоту 2 января 1609 г., которая позволяла отвергнуть обвинения в «измене» отца.

Лейтмотивом челобитных У.С. Ляпунова было противопоставление верной службы его семейства – «измене» А.Н. Ржевского: «Прямую службу и смерть братьев моих и мое службишко и кровь ни во что не ставят, *а измену отца ево Иванова правят*». В этих обращениях вновь появляется эпитет, знакомый нам по делу кн. Щетининых: «кровное» поместье, с которого были убиты трое родных братьев истца, никогда не бывших в «воровстве». К этому добавилось утверждение, что истец «обездетен за вас, государей»[4]. Повторяло прежние идеи и утверждение, что некоторые челобитчики продолжают владеть поместьями «перелётов», конфискованными и розданными при Василии Шуйском[5].

[1] Затем перешёл её новому мужу иноземцу И.Е. Альбертусу-Долмацкому (ум. 1641/42), в 1644/45 г. – к сыну Соломониды от первого брака жильцу Ивану Богданову, в 1645/46 г. – вновь к Соломониде, в 1647/48 г. она обменялась с зятем А. Жемаиловым (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 193–195).
[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 169, 188–189 (дата на л. 169об., 210).
[3] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 198об., 215. См.: *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения. С. 180.
[4] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 169–170.
[5] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 172.

Однако если в споре с кн. Щетиниными эти аргументы подкреплялись внушительной документальной базой, в то время как у оппонентов она была слаба, в судебном поединке с Ржевскими ситуация была обратной. В приговорах по делу основаниями для отказа У.С. Ляпунову названы, во-первых, наличие у Ржевских грамот Михаила Фёдоровича и свидетельств в пользу того, что они «исстари» владели поместьями; во-вторых, невозможностью «выписывать» такие старые дела по указу 12 декабря 1636 г.[1].

Кобяковы против Коробьина

Рассказ о судьбе «перелёта» **Григория Петровича Кобякова** сохранился в челобитной его сына Дмитрия, поданной в 1627 г. при очередном витке земельного спора[2]. Как и у кн. Щетининых, начало этой истории связано с «недружбой» рязанского воеводы: «В прошлом … во 115-м году недруг Прокофей Лепунов у отца моего у Григорья животы все пограбил и ваши, государи, жаловонные старыя помесныя и вотчинныя грамоты, и заемные кабалы, и многия людцкие крепости поимал, и отца моего хотел убить до смерти. И отец мой … от таво Прокофья прибежал с матерью нашею да с нами к Москве – кормился именем божьим. А как пришол вор под Маскву и стоял в Тушине, и на Москве хлеб почел быть дорог, и отец мой … збрел в Тушина кормитца»[3]. Эти перипетии коснулись и других представителей рода: помимо Г.П. Кобякова с семьёй, в лагере Лжедмитрия II оказался также А.(Ю.) Кобяков[4].

Можно с осторожностью предположить родственную связь между Кобяковыми и кн. Щетиниными поколения Смуты. В 1615/16 г. вотчинные вклады в Ольгов монастырь одновременно сделали Г.И. Кобяков с детьми, Л.И. Кобяков, а также кн. В.И. Щетинин и вдова кн. И.И. Щетинина Марья[5]. Деревня Пудкова, переданная обители, двумя десятилетиями ранее целиком принадлежала Ю.И. Кобякову[6]. Вотчинное совладение могло возникнуть либо в

[1] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 175/41408. Л. 186–187, 214–218.
[2] АСЗ. Т. 3. С. 482–485 (№ 553).
[3] АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).
[4] АИ. С. 347 (№ 286).
[5] ПКРК. Вып. 3. С. 1302.
[6] ПКРК. Вып. 1. С. 87.

результате купли, либо при выделении приданого. Брак между представителями этих фамилий весьма вероятен: поместное «гнездо» кн. Щетининых (с. Остромир, речь о котором шла выше) непосредственно соседствовало с владением Кобяковых. Надгробная плита кн. И.И. Щетинина была найдена на погосте Ольгова монастыря, что свидетельствует об их устойчивой связи с обителью. Там же обнаружены родовые захоронения Кобяковых[1]. Одновременность вкладов показывает, что семьи действовали согласованно и совместно. Если высказанная гипотеза верна, перед нами вырисовываются контуры противостоящих друг другу «группировок» внутри рязанской элиты. Тогда неслучайной может быть и синхронность конфликта с Ляпуновыми, которая заставила представителей обоих семейств покинуть Рязанский край.

Бóльшая часть владений Кобяковых была передана племяннику рязанского воеводы С.З. Ляпунову. В общей сложности в его распоряжении оказалось 480 ч. земли. Из них, вероятно, не более трети принадлежало другим «изменникам» – Биркиным, а все остальное было получено из «*вотчины* и поместья» Кобяковых. После распада Тушинского лагеря «изменники», однако, вернулись к Василию Шуйскому, а их владения (по крайней мере, формально) были возвращены[2]. Можно предполагать, что в действительности Ляпуновы имели возможность распоряжаться землями дольше: Г.П. Кобяков «на Резань съехоть не смел, блюдяся убийство от Прокофья Лепунова, скитался на Москве». В дни «московского разорения» остатки имущества Кобяковых, в том числе и полученные ими грамоты, сгорели. Некоторое время Г.П. Кобяков провел «в Кремле» с польским гарнизоном, после чего «в 120-м году … ушол из осады и лежал болен»[3]. По итогам Смуты права Кобяковых на все утраченные земли были восстановлены – за одним важным исключением.

В разделе владений Г.П. Кобякова, кроме Ляпуновых, принял участие **Семён Гаврилович Коробьин**. Именно вокруг полученной им земли – жеребья в

[1] *Калайдович К.Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. С. 33–35.
[2] АИ. С. 347 (№ 286); АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).
[3] АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).

сц. Обакумово Каменского стана – разгорелся длительный конфликт. Дело в том, что 14 июня 1610 г. новый владелец перевёл поместье в вотчину за «осадное сидение», о чём сохранилась копия жалованной грамоты[1]. Главным аргументом его оппонентов в ходе дальнейших разбирательств было то, что к моменту вотчинного пожалования Г.П. Кобяков уже вернулся из «измены» (возвращение произошло «как вор побежал ис Тушина в Калугу»). Следовательно, спорные земли должны были вернуться к нему раньше, чем могли быть переведены в чужую вотчину: «А до воровскова отходу … по указу царя Василья вотчины за осадноя сиденья никому не давона». Кроме того, по сведениям Кобяковых, вотчины предписывалось давать «ис старых поместий …, а *из новых поместей вотчины имать не велена*»[2]. Следы этого законодательства можно найти в Приговоре Первого ополчения: «осадные сидельцы» могли переводить земли в вотчину «из которых нибудь земель *опричь* родовых вотчин и *старинных поместей*»[3]. В свою очередь, С.Г. Коробьин ссылался на формулировки якобы существовавшего «уложения» Василия Шуйского, которые показывают, что эта норма не выполнялась: «Которыя *изменничьи поместья даваны* московским осадным сиделцом за службы и за московское осадное сиденье в вотчины, и тех вотчин не поворачивать»[4].

Однако в сохранившихся документах история спорного владения предстает более сложным образом. По писцовым материалам второй половины 1590-х гг. сц. Обакумово полностью (все 250 ч.) находилась во владении Г.П. Кобякова как «старое» поместье[5]. В позднейшей челобитной его сын обходил молчанием вопрос о том, ка́к поместье перешло к С.Г. Коробьину («а того .. не ведаю, почему завладел… в те поры я … был мал»), считая, что это произошло в период

[1] АСЗ. Т. 2. С. 200 (№ 216).
[2] АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).
[3] Приговор Первого ополчения. С. 299.
[4] АСЗ. Т. 3. С. 485 (№ 553). Обратим внимание на указ Михаила Фёдоровича, согласно которому, как интерпретирует В.Н. Сторожев, «*изменничьи поместья, отданные при царе Василье в вотчину*, закреплялись за получившими их и утерявшими в Смутное время вотчинные грамоты, только по 1615 год. После этого в случае челобитья поместья возвращались старым помещикам “потому что застарелось”» (*Сторожев В.Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 50).
[5] ПКРК. Вып. 1. С. 63–64, 323.

тушинского «отъезда»[1]. Между тем, в жалованной грамоте 14 июня 1610 г. указывается, что жеребей *198 ч.* в сц. Обакумово получен С.Г. Коробьиным *«по даче 115-го году»*. Согласно документу, 150 ч. этой земли, уже находившейся в руках С.Г. Коробьина, обращались в вотчину «за осадное сидение», а «переход» 48 ч. оставался в поместье. Помимо этого, в сц. Обакумово находился «жеребей в поместье за Григорьем за Кобяковым» – очевидно, оставшиеся 62 ч. земли[2].

Итак, в действительности С.Г. Коробьин был испомещён из владений Г.П. Кобякова в начале правления Василия Шуйского (в 1606/07 г.), причём новому хозяину было пожаловано больше земли, чем оставлено прежнему. Не стояло ли это мероприятие в одном ряду с конфискацией владений Г.И. Кобякова (который «на *резанцов* доводил Истомки Пашкову и отаману, что оне хотят ехать … к Москве») в декабре 1606 г.?[3] Можно предполагать, что Кобяковы задержались на стороне повстанцев – «Коробьины» же, как указано в разрядах, перешли на сторону правительства в числе первых[4]. По грамоте 14 июня 1610 г. Г.П. Кобяков продолжал признаваться законным владельцем сц. Обакумово – но не всего, а только меньшей его части. Главные изменения в истории этого участка земли, следовательно, произошли не в «тушинский» период, а значительно раньше.

По сведениям С.Г. Коробьина, Г.П. Кобяков «многажды» бил челом о своем владении Василию Шуйскому и Михаилу Фёдоровичу, но получал отказы[5]. В 1614/15 г. он, наконец, добился успеха: дьяки Ф. Шушерин, Н. Новокщенов и Г. Мартемьянов «не сыскали» вотчинной дачи и грамоты нового хозяина, и сц. Обакумово было возвращено Г.П. Кобякову[6]. Впоследствии С.Г. Коробьин утверждал, что это решение было принято в нарушение «уложенья» и без ведома

[1] АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).
[2] АСЗ. Т. 2. С. 200 (№ 216). Ср. аналогичные наблюдения: *Беляков А.В.* История семьи на фоне эпохи... С. 124.
[3] АСЗ. Т. 3. С. 342 (№ 418).
[4] РЗ. С. 10. При такой интерпретации возникает вопрос о том, почему поместье Г.П. Кобякова не было полностью передано С.Г. Коробьину. Объяснением может служить тот факт, что его оклад к тому времени был уже наполнен. Характерно, что он не участвовал в разделе владений кн. В.К. Черкасского.
[5] АСЗ. Т. 3. С. 485 (№ 553).
[6] Упоминание о сохранившейся ввозной грамоте: АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553). Совпало по времени с принятием указа по поводу вотчин за «осадное сидение», вотчинные грамоты на которые затерялись (*Сторожев В.Н.* Указная книга Поместного приказа. С. 50).

государя, а сам он находился на службе и не мог принять участия в разбирательстве[1]. В дозорных книгах 1615/16 и 1619/20 гг. спорное владение было записано за Г.П. Кобяковым[2]. После его смерти в 1621/22 г. сын Дмитрий и внучатый племянник Иев получили грамоту на поместье[3]. Они подчёркивали в дальнейшем, что С.Г. Коробьин и тогда не подал челобитья, хотя «в отсылки нигде не был – был на Москве, сидел в Судном приказе»[4].

Земельный спор возобновился весной 1627 г. по челобитной С.Г. Коробьина – очевидна связь этого события с начавшимся в том же году писцовым описанием Каменского стана. К сожалению, сохранился (в составе позднего столбца) только небольшой фрагмент этого дела, разбиравшегося в Поместном приказе кн. А.В. Сицким и Я.М. Боборыкиным[5]. На очной ставке 23 февраля 1627 г. истец предъявил вотчинную грамоту Василия Шуйского 14 июня 1610 г., которая ранее, по-видимому, в деле не фигурировала[6]. С.Г. Коробьин также указывал на «измену» оппонентов и ссылался на «уложения», говорившие о невозвращении поместий «перелётов», переведённых челобитчиками в вотчины.

В свою очередь, Д.Г. и И.Т. Кобяковы явились на суд с набором грамот Михаила Фёдоровича и выписей из дозорных книг, акцентировали хронологические несоответствия в версии соперника и представляли «измену» Г.П. Кобякова как вынужденную. Кроме того, они сообщали, что С.Г. Коробьин пытался взять «за осадное сидение» Василия Шуйского «вдвое»: на момент судебного разбирательства у него уже была вотчина в Переславле-Залесском. Примечательно, что сам С.Г. Коробьин утверждал, что дьяки прислали грамоту «*на подворья* без его, Семенова, челобитья», т.е. буквально отказывался от этого пожалования, предпочитая рязанскую вотчину.

---

[1] АСЗ. Т. 3. С. 485 (№ 553).
[2] Упоминание об этом: АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553).
[3] Упоминание о сохранившейся ввозной грамоте: АСЗ. Т. 3. С. 484 (№ 553).
[4] АСЗ. Т. 3. С. 483 (№ 553). Характерно, что эту должность С.Г. Коробьин занимал совсем недолго, и для воспроизведения таких подробностей его биографии требовалось специальное внимание к его судьбе со стороны оппонентов.
[5] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 1902/41854. Б/п.
[6] АСЗ. Т. 3. С. 484 (№ 553).

Приговор по делу не сохранился, но источники позволяют выяснить, каким было решение судей. В книгах Печатного приказа за 1627/28 г. упоминается вотчинная грамота на имя С.Г. Коробьина[1]. Писцовое описание зафиксировало сц. Обакумово в разделенном состоянии: жеребей в 100 ч. оставался за Д.Г. и И.Т. Кобяковыми, 150 ч. перешли в вотчину «за царя Васильево московское осадное сиденье» к С.Г. Коробьину по грамоте «135 году» (за приписью дьяка Б. Степанова)[2].

Таким образом, С.Г. Коробьин сумел вновь получить спорную землю – несмотря на то, что прошло более десятилетия с момента последнего судебного решения, а на руках у его оппонентов имелось несколько грамот Михаила Фёдоровича. Можно предполагать, что решающим аргументом стала впервые предъявленная вотчинная грамота 14 июня 1610 г. Отметим, что, по сравнению с условиями пожалования Василия Шуйского, решение судей было несколько более выгодным для Кобяковых. Они сохранили за собой всю оставшуюся поместную землю, а не только небольшую её часть, как это было в годы Смуты.

Не исключено, что свою роль в благоприятном для С.Г. Коробьина исходе дела сыграл возросший политический вес его семейства. К этому времени Коробьины закрепились в столичной элите, установив необходимые связи при дворе и в приказах. Положение Кобяковых было куда менее выгодным: они служили «с городом», были относительно молоды (Д.Г. Кобяков верстан в 1621/22 г.) и к тому же, по-видимому, бедны. Обратим внимание также, что в 1628/29 г. С.Г. Коробьин договорился с А.Г. и Л.Г. Кобяковыми об обмене поместьями. Вместо жеребьёв в Пониском стане он получил землю неподалёку от сц. Обакумово[3]. Нетрудно понять, кто был инициатором (и выгодополучателем): С.Г. Коробьин целенаправленно стремился расширить свои владения в Каменском стане.

[1] ОС. С. 438.
[2] ПКРК. Вып. 3. С. 1062–1063, 1220.
[3] ПКРК. Вып. 1. С. 79, 365; Вып. 2. С. 858; Вып. 3. С. 1083–1084; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 14.

Князья Волконские против князей Гагариных

Среди рязанских «перелётов» значимой фигурой был стольник Иван Иванович **Дмитриев** – представитель видного местного семейства и крупный вотчинник. Свидетельства, к которым мы обратимся ниже, позволяют предполагать, что с началом кризиса Тушинского лагеря он присоединился к партии сторонников Сигизмунда III. Весной 1611 г. (вероятно, во второй половине марта) И.И. Дмитриев погиб, действуя на стороне польского гарнизона против восставших москвичей. После него не оставалось наследников мужского пола – только вдова Арина и сестра Мария, вдова рязанца кн. В.Ф. Волконского (брат кн. И.Ф., С.Ф. и Ф.Ф. Волконских, ум. ок. 1615).

Предметом интереса со стороны челобитчиков стала наиболее крупная вотчина И.И. Дмитриева, располагавшаяся в Моржевском стане – с. Мишинское и д. Аннинская (в общей сложности 308 ч.)[1]. Информация о владельческой истории этой земли в период Смуты разноречива. По версии кн. Гагариных, одной из сторон будущего спора, уже при Василии Шуйском вотчина была отдана в поместья кн. С.Н. Гагарину и двум рязанским детям боярским – братьям Власьевым. Документальные подтверждения этому отсутствуют: впоследствии кн. Гагарины заявляли, что грамота Василия Шуйского пропала у них в «московское разорение»[2]. Кн. Волконские утверждали, в свою очередь, что вотчина была частично роздана в поместья подмосковными «боярами» только после гибели И.И. Дмитриева. По их данным, в первой половине 1611 г. (при жизни П.П. Ляпунова) «бояре» распорядились о передаче двух жеребьёв кн. С.Н. и Н.Н. Гагариным в поместья, а один вотчинный жеребей выделили вдове Алёне Дмитриевой «на прожиток, покаместа она замуж не пойдёт»[3].

---

[1] ПКРК. Вып. 1. С. 211.

[2] Об этом С.Н. Гагарин сообщал на очной ставке. Упоминания об этом в грамотах 29 августа 1611 г. и 12 декабря 1613 г. отсутствуют.

[3] Об этом кн. Волконские сообщали в сказке 16 июля (АСЗ. Т. 3. С. 488 [№ 587]) и на очной ставке. Кн. С.Н. Гагарин указывал на очной ставке и в челобитной, написанной в сентябре 1630 г., что «прожиток» был поместным. Поскольку в дозорной книге (см. далее в тексте) это владение имеет статус вотчины, можно предполагать, что Алёна с са́мого начала получила его в таком статусе. Законодательное регулирование вопроса о вотчинном «прожитке» в более поздний период см.: ПРП. Вып. 5. С. 453–460 (№ 2).

Кроме того, на очной ставке кн. Ф.В. Волконский сообщал, что кн. С.Н. и Н.Н. Гагарины получили от властей ополчения вотчинную куплю И.И. Дмитриева (ранее принадлежала рязанцу С. Кобелеву), но при Михаиле Фёдоровиче она вместе с другими землями отца и брата перешла к кн. Марии Волконской.

В архиве кн. Гагариных сохранилась ввозная грамота начальников Первого ополчения 29 августа 1611 г.[1]. Согласно документу, ранее «бояре» передали бывшие вотчины И.И. Дмитриева и вдовы А.П. Клешнина Арины (к тому времени умершей) в поместья кн. С.Н., Н.Н. и Г.П. Гагариным. В августе новые владельцы обратились к главам Ополчения повторно, поскольку П. Опухтин, а также А. и И. Денисьевы били челом по поводу этой земли[2]. Грамота 29 августа 1611 г. подтверждала права кн. Гагариных на полученные поместья и отвергала претензии остальных конкурентов. Документ не уточнял ни размеров участка, ни совладельцев. 12 декабря 1613 г. кн. С.Н. и Н.Н. Гагарины получили от Михаила Фёдоровича ввозную грамоту на эти земли, в которой данные о размерах уже имеются[3].

Конфигурацию совладения после этих пожалований можно реконструировать не только по ввозной грамоте Михаила Фёдоровича, но и по сохранившейся дозорной книге Моржевского стана 1615/16 г. За кн. С.Н. и Н.Н. Гагариными числились две трети (200 ч.)[4] бывшей вотчины И.И. Дмитриева. Кн. С.Н. Гагарин владел землёй на поместном праве, кн. Н.Н. Гагарин полностью взял свою часть в вотчину за «осадное сидение» по грамоте 1613/14 г. Оставшаяся треть (100 ч.) принадлежала вдове прежнего владельца Арине Дмитриевой на вотчинном праве. Вотчиной Клешниных совместно владели кн. Н.Н. (в вотчине за «осадное сидение») и Г.П. (в поместье) Гагарины[5].

Вдова И.И. Дмитриева вышла замуж за Ф.(И.) Погожего и взяла свой жеребей в качестве приданого. В 1621/22 г. она скончалась, и с этого момента единственной представительницей рода Дмитриевых осталась сестра прежнего владельца, вдова кн. Мария Волконская[6]. При Михаиле Фёдоровиче кн. Мария Волконская получила грамоты на фамильные земли, оставшиеся после отца и

[1] Список с грамоты: АСЗ. Т. 3. С. 77–78 (№ 87).
[2] Возможно, Денисьевы при этом апеллировали к родству с Дмитриевыми. На очной ставке кн. С.Н. Гагарин называл среди челобитчиков также кн. В.Ф. Волконского (внука И.В. Дмитриева по матери, кн. М.И. Волконской) и сообщал, что им было отказано, потому что «изменничьи вотчины в род … давать не велено».
[3] Список с грамоты имеется в деле.
[4] По данным «дозора» – 176 ч. Не учтены «припущенные» пустоши (ср.: ПКРК. Вып. 3. С. 763, 765, 887).
[5] По данным грамоты 12 декабря 1613 г., а также материалов «дозора»: Книги приправочные. С. 21, 28–30.
[6] На очной ставке кн. С.Н. Гагарин упоминал, что её сын кн. Ф.В. Волконский подавал челобитья по поводу спорного с кн. Гагариными жеребья ещё при «боярах»

брата: старинную вотчину в Пониском стане и куплю в Окологородном стане[1]. Сохранились также свидетельства о тяжбе вокруг двух третей с. Кобелево Пониского стана, купленных И.В. Дмитриевым у С. Кобелева. Как выясняется, в первой половине 1611 г. эта вотчина также была отдана кн. С.Н. и Н.Н. Гагариным[2]. Вероятно, в начале правления Михаила Фёдоровича вотчину смогла вернуть вдова С. Кобелева, но в 1621/22 г. она проиграла дело кн. Марии Волконской. В отказной книге передача вотчины датирована 5 января 1624 г., после пожара она была повторно записана за кн. Марией Волконской с детьми[3].

После смерти Алёны Дмитриевой кн. Мария Волконская начала борьбу не только за оставшийся после матери жеребей, но и за всю «прародительскую вотчину» в Моржевском стане. В челобитных, поданных в 1623–24 гг., она утверждала, что кн. И.И. Дмитриев не был убит «в измене», и владение должно быть возвращено в род (в её лице). Дело разбиралось в Поместном приказе, причём интересы кн. Марии Волконской представлял её деверь кн. С.Ф. Волконский. Очевидно, за претензиями на вотчину Дмитриевых стояли интересы всего семейства кн. Волконских. Состоялись очная ставка и доклад царю, по результатам которого кн. Гагарины получили грамоту в подтверждение своих прав[4]. Более того, в тот же период жеребей Алёны Дмитриевой был сначала взят «на государя» у Ф.(И.) Погожего, а затем передан кн. Ивану Андреевичу Гагарину в поместье[5]. Писцовое описание конца 1620-х гг. зафиксировало, что бывшая вотчина Дмитриевых полностью перешла в руки кн. Гагариных[6].

Весной 1629 г. кн. Мария Волконская вновь подала челобитье по поводу с. Мишинского и д. Аннинской. Теперь от её имени действовал сын кн. Фёдор[7].

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1070. Л. 184об.; ПКРК. Вып. 2. С. 668–669.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 402. Л. 980; Оп. 212. № 13369. Л. 297–297а. Об этом на очной ставке упоминал кн. Ф.В. Волконский.
[3] ЗВК. С. 39–40; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 212. № 13369. Л. 297–297а.
[4] Список с грамоты имеется в деле 1630 г. Материалы этого разбирательства сгорели в 1626 г. и изложены в сентябрьской челобитной кн. С.Н. Гагарина. Кн. М. Волконская утверждала, что дело сгорело «не вершано».
[5] Владел по грамоте 1627/28 г. (ПКРК. Вып. 3. С. 763). Кн. М. Волконская заявляла, что Я. Боборыкин отдал жеребей «дружа … Гагариным, по свойству, без государева указу» (АСЗ. Т. 3. С. 488 [№ 587]).
[6] ПКРК. Вып. 3. С. 763, 765, 887.
[7] Дело сохранилось в составе первой части столбца 7174 г., собранного из разновременных фрагментов (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 2005/41883). Наиболее ранние сохранившиеся челобитные датируются апрелем 1629 г.

Истцы неоднократно пользовались правом «отвода» судей. Сначала дело было перенесено из Поместного во Владимирский судный приказ, потому что дьяк Н. Кокошкин оказался в свойстве с ответчиком кн. С.Н. Гагариным через кн. Р.Я. Гагарина[1]. 13 августа 1630 г. состоялась первая очная ставка, после чего кн. Волконские вновь решили перенести дело, указывая, что судья кн. И.М. Катыревым-Ростовский являлся свояком кн. Гагариных через кн. Ф. Шаховского[2]. Попытка переноса в Приказ сыскных дел к Л.И. Долматову-Карпову не увенчалась успехом, и в итоге оно перешло к кн. С.В. Прозоровскому. Истцы жаловались, что кн. И.М. Катырев-Ростовский никак «не отошлет» ему материалы, «дружа» кн. С.Н. Гагарину – документы были посланы только 24 сентября 1630 г.

Судебное разбирательство представляет значительный интерес, поскольку в центре обсуждения оказалась «измена» И.И. Дмитриева. Судьба «старинных» и родовых вотчин «изменников» регулировалась указом 10 июля 1623 г.[3]. Согласно этому документу, условием сохранения наследственных земель являлся факт добровольного возвращения («принесения вин») их владельцев «назад к царю Василью и к боярину ко князю Михаилу Васильевичю Скопину и … к бояром и к воеводам под Москву». Ссылка на принятую норму – «которые *побиты в измене*, и тех вотчины их давать в род не велено» – неоднократно звучала в ходе судебного процесса. Такие законодательные стандарты определили главный предмет спора сторон: погиб ли И.И. Дмитриев, находясь в состоянии «измены»?

По сведениям кн. С.Н. Гагарина, «Иван отъехол от царя Василья в Тушина, а ис Тушино он, Иван, к Москве *к царю Василью и к бояром не бывал, а был все в воровстве*. Ис Тушина ездил он, Иван, с Михаилом Салтыковым да с Феткою Ондроновым под Смоленск х королю, а ис под Смоленска он, Иван Дмитреев, с Желковским да с Михаилом Салтаковым да с Феткою Ондроновым пришол под

[1] О клановой солидарности кн. Гагариных свидетельствуют подписи: вместо неграмотного кн. С.Н. Гагарина подписывался кн. И.Р. Гагарин (АСЗ. Т. 3. С. 489 [№ 587]).

[2] Примечательно, что в судебных разбирательствах начала 1640-х гг. от имени кн. М. Волконской действовал «племянник» кн. М.С. Шаховской (ЗВК. С. 274). Наличие такой связи не помешало кн. Волконским указать на «свойство» с кн. Шаховскими оппонентов.

[3] ПРП. Вып. 5. С.436–438 (№ 3).

Москву. И Москву он, Иван, с Олександром Госевским да с Михаилом Салтыковым да с Феткою Ондроновым жгли»[1]. В этом рассказе И.И. Дмитриев поставлен в один ряд с фигурами, которые после Смуты стали хрестоматийными символами «измены» – вместе с ними рязанский «перелёт» «бесповоротно» «отступил православные крестьянские веры».

В стремлении доказать, что И.И. Дмитриев погиб «в измене», кн. С.Н. Гагарин на очной ставке продемонстрировал значительную осведомлённость относительно обстоятельств его гибели: «И как де литовские люди учали в разоренье Москву сечь, а Иван де тут же православных крестьян сек. И как де от литовской сечи в Симонов монастырь пришли боярские и дворянские и всяких людей жены, Иван де приезжал де под Симонов монастырь и последних людей досекал с иными многими дворяны. И ево де на том бою под Симоновым убили». В другой версии этой истории «в те поры в Симонове монастыре сидели государевы ратные люди», присланные «от бояр». И.И. Дмитриев приезжал «уговаривать» их, «чтоб они против литовского короля не стояли, а были б заодин с литовскими людьми», а затем участвовал в штурме. На очередном приступе «ево … в ызмене под Симоновым монастырем убили … а товарищей ево, которые с ним были вместе в ызмене, и их в полкех кознили»[2].

Немногочисленные свидетельства источников о событиях вокруг Симонова монастыря во второй половине марта – начале апреля 1611 г. проанализированы в работе Д.Г. Давиденко[3]. Польский гарнизон не успел занять обитель, и после московского восстания часть жителей укрылась за её стенами. Житие св. Феодора, архиепископа Ростовского, упоминает о том, что осадные сидельцы ожидали помощи, в то время как «ляцкие …. воинства прихождаху на взятие Симонова монастыря и многие приступы чиниша, но ничтоже успеша». Симонов монастырь стал одной из точек сосредоточения сил Ополчения, в том числе и его рязанской части во главе с П.П. Ляпуновым. Вероятно, в этот период (возможно, ещё до

[1] В сохранившемся списке январского посольства тушинцев под Смоленск И.И. Дмитриев отсутствует (*Цветаев Д.В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. С. 6 [1-я паг.]). По другой версии рассказа кн. С.Н. Гагарина, «как ... Тушинские таборы рушили, Иван поехал с Михайло Салтыковым к королю».
[2] АСЗ. Т. 3. С. 488 (№ 587).
[3] *Давиденко Д.Г.* Московский Симонов монастырь в годы Смуты. С. 154–155.

подхода основных сил Ополчения) и погиб И.И. Дмитриев, «товарищи» которого были казнены «в полкех».

Совершенно иначе судьба «перелёта» представлена в показаниях кн. Волконских. Они настаивали, что И.И. Дмитриев «*в ыной ни в какой измене не бывал* опричь тушинского отъезду», а убит был «в безгосударное время». Весьма примечательно, как его гибель представлена в челобитной кн. Марии Волконской: «И в московское розаренья в 119-м году брата моего Ивана убили *по приказу недруга нашего Прокофья Ляпунова*». При таких формулировках нейтрализовывался «политический» окрас события: противостояние Ополчения и польского гарнизона замещалось обычной «недружбой», межклановым конфликтом локального масштаба. Поскольку самоуправство рязанского воеводы было хорошо известно, княгиня стремилась представить жертвой его произвола и своего брата. На очной ставке кн. Ф.В. Волконский и вовсе утверждал, что И.И. Дмитриев приезжал к монастырю «с бояры», а убили его некие «русские воры» по приказу «недруга» П.П. Ляпунова. Важным примером для истцов выступали служилые люди, которые находились в Москве «поневоле»: у них «родовых вотчин не отымали».

В ответ на эти заявления кн. С.Н. Гагарин настаивал на «политическом» характере произошедшего: И.И. Дмитриев погиб не в «безгосударное время», но «*за Владислава*». Версия о том, что он был убит «по недружбе», была отвергнута: «Ведомо *всему Московскому государству, которые пришли под Москву украинные городы и всей Резани*, а не Прокофей ево Лепунов убил»[1]. Рязанского воеводы, по словам С.Н. Гагарина, в этот период не было под Симоновым монастырём. На очной ставке ответчик привёл информацию о погибшем «в той же измене» кн. Григории Хворостинине – этот пример был тем более важен, что его вотчина была безвозвратно роздана челобитчикам. Характерно, что кн. С.Н. Гагарин именовал служилых людей Ополчения, которые убили И.И. Дмитриева, «вашими государевыми ратными людьми» – в противоположность «изменникам».

[1] Так в ркп.

Весьма примечательно, что на заключительном этапе судебного разбирательства истцы попытались обратить оружие оппонентов против них самих. Кн. Мария Волконская назвала кн. С.Н. Гагарина «изменником» – так выяснилось, что и он отъезжал в Тушино. Этот аргумент вновь показывает, что служилые люди целенаправленно собирали информацию о судьбе соперников, и даже спустя два десятилетия такие сведения могли пригодиться: «измена» была несмываемым пятном на биографии. Подобное обвинение требовало немедленной защиты: в ответной челобитной кн. С.Н. Гагарин оправдывался, что отъезжал «от бедности … и *только был в Тушине десять день* и опять приехал к царю Василью вину свою принес, и много, государь, крови пролил за царя Василья и с бояры под Москвою служил и вам, государю, службишка моя известна». Характерный риторический приём – служилый человек «несознательно», в силу жизненных обстоятельств, ненадолго и незначительно сбился с пути, образумился и был прощён, после чего проливал кровь исключительно на стороне правительств, которые признавались легитимными.

15 октября 1630 г. состоялся доклад кн. С.В. Прозоровского и дьяка В. Яковлева. Государи Михаил Фёдорович и Филарет, «слушав дело», вынесли окончательное решение в пользу кн. Гагариных, «потому что вдове Марье княж Васильевы Волконского брат Иван Иванов сын Дмитреев *убит в измене* под Симоновым монастырем». Версия ответчиков, таким образом, была сочтена более убедительной. Кн. Гагарины сумели спустя два десятилетия окончательно закрепить за собой земли, которые до Смуты были старинной родовой вотчиной Дмитриевых.